

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХVІІІ.

3-11
1890.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкѣ, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
А. П. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ	1
Е. В. Пѣтуховъ. Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и ли- тературной дѣятельности А. Х. Востокова	56
И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Вла- димірское наслѣдіе (окончаніе)	119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Біографія Александра Ивановича Ко- шелева. <i>О. Ѡ. Кошелевой</i> . Т. I. М. 1889.	169
Н. П. Новосадскій. <i>В. В. Латышевъ</i> . Очеркъ греческихъ древно- стей. С.-Пб. 1889.	182
С. Л. Пташицкій. <i>Н. Карсъ</i> . Польскія реформы XVIII вѣка. С.-Пб. 1890.	199
П. О. Симсонъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. <i>П. Д. Чечулина</i> . С.-Пб. 1889.	204
К. П. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. Нагодина. <i>Шоколая Барсукова</i> . С.-Пб. 1890.	233
Н. А. Сырку. <i>Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Urednik K. Hidvegi</i> . Sarajevo. 1889 (окончаніе).	239
Н. А. В. Бѣлоруссія и Литва. <i>П. Н. Батюшкова</i> . С.-Пб.	
Книжныя новости.	
В. А. Латышевъ. Замятки о потребностяхъ средней школы.	1
— Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ).	8
Л. А. Георгіевскій. { Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. Бу- лаковского о предполагаемомъ русскомъ учеб- номъ изданіи классическихъ авторовъ	33

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Варшавскій университетъ въ 1888 году.	1
Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа	12
— И. В. Гавриловъ (некрологъ)	

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Д. Первовъ. } В. В. Розановъ. } Метафизика Аристотеля	113
---	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 2-го марта).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХVIII.

1890.

МАРТЪ.

WILEJKA
Państw. gim. Mosk.
w ŁOMŻY.
L. 11. XXVII

Lit. 7-e 9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

P Slav 318.10

~~P Slav 318.10~~

~~Slav 318.10~~

ЖАРЫНДЫ

HARVARD COLLEGE LIBRARY

GIFT OF

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

NOV 26 1927

ПЕРВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕРВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Владимирский пер., № 80.
1918.

ПЕРВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

№ 1. (14-го декабря 1889 года). По проекту положенія о Турьинскомъ горномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проекту положенія о Турьинскомъ горномъ училищѣ; Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи проекта положенія о Турьинскомъ горномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

І. Проектъ положенія о Турьинскомъ горномъ училищѣ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

ІІ. Ученикамъ означеннаго училища, окончившимъ въ ономъ курсъ въ 1888 году и затѣмъ прошедшимъ двухгодичный практическій курсъ на рудникахъ или заводахъ, предоставить, по отбыванію воинской повинности, права окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда.

ІІІ. Преподавателямъ училища зачислить въ дѣйствительную государственную службу время со дня поступленія ихъ на службу въ училище по день утвержденія настоящаго узаконенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
„Быть по сему“.

Въ Гатчинѣ. 14-го декабря 1889 года.

Положеніе о Турьинскомъ горномъ училищѣ.

1) Горное училище, учрежденное въ селѣ Турьинскіе рудники (Верхотурскаго уѣзда Пермской губерніи), имѣеть цѣлю образованіе свѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ мастеровъ и подмастерьевъ.

2) Турьинское училище принадлежитъ къ числу частныхъ техническихъ училищъ низшаго разряда (Вис. утв. 7-го марта 1888 г. осн. пол. о пром. учил., ст. 3) и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

3) Училище помѣщается въ зданіи, построенномъ для него Турьинскимъ сельскимъ обществомъ, и содержится на счетъ средствъ, отпускаемыхъ, въ размѣрѣ четырехъ тысячъ рублей ежегодно, владѣльческимъ управленіемъ Богословскаго горнаго округа.

4) Училище состоитъ изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ первые два—общеобразовательные, а два послѣдніе спеціальныя. Ученики, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ училищѣ, избирають спеціальность горную или заводскую, и затѣмъ обязаны пройти на рудникахъ или заводахъ дополнительный двухклассный практическій курсъ, заключающійся въ производствѣ всѣхъ отраслей работъ, относящихся до избранной каждымъ ученикомъ спеціальности.

5) Въ училищѣ преподаются: а) законъ Божій, б) русскій языкъ съ чистописаніемъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, в) арифметика, г) начала алгебры, д) геометрія, е) географія, ж) исторія, з) свѣдѣнія изъ естественной исторіи, и) физика, і) черченіе, и рисованіе, к) проекціонное черченіе, л) геодезія и маркшейдерское искусство, м) геогнозія и горное искусство, н) химія и металлургія, о) счетоводство и п) правила подачи первоначальной помощи при несчастныхъ случаяхъ. Общеобразовательные предметы преподаются въ объемѣ курса втораго класса двухкласснаго сельскаго училища. Сверхъ класснаго обученія, ученики занимаются: а) практическимъ изученіемъ мастерствъ: столярнаго, кузнечнаго, слесарнаго и литейнаго—въ механической мастерской Богословскаго завода; б) работами: горными—въ рудникахъ и заводскими—на заводѣ, и в) съемкою плановъ (поверхностною и подземною).

6) Въ училище принимаются дѣти обывателей Богословскаго горнаго округа и служащихъ въ немъ, въ возрастѣ не старѣе четыр-

надати дѣтъ, имѣющіе познанія въ объемѣ не ниже курса однокласснаго сельскаго училища.

7) Обучение въ училищѣ происходитъ бесплатно.

8) Директоромъ училища состоитъ управляющій Богословскимъ горнымъ округомъ или одинъ изъ горныхъ инженеровъ, находящихся на службѣ въ ономъ. Въ званіи директора можетъ быть утверждено только лицо, окончившее полный курсъ наукъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи. Директоръ избирается управленіемъ Богословскаго горнаго округа, по соглашенію съ попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія.

9) Директоръ числится на дѣйствительной государственной службѣ и пользуется шестымъ классомъ по должности, а равно правомъ ношенія соотвѣтствующаго сему классу мундира вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Директоръ не получаетъ содержанія изъ казны, равно какъ не пользуется правомъ на пенсію и единовременныя пособія изъ того же источника.

10) Содѣйствіе директору по наблюденію за порядкомъ и хозяйственною частью въ училищѣ и за поведеніемъ учениковъ въ вѣклассное время, а равно веденіе отчетности по училищу, возлагается на смотрителя онаго. Онъ избирается директоромъ училища изъ числа учителей сего послѣдняго и утверждается въ должности попечителемъ учебнаго округа. Смотритель пользуется правами дѣйствительной государственной службы наравнѣ съ учителями и инспекторами трехклассныхъ и четырехклассныхъ городскихъ училищъ, образованныхъ согласно Высочайше утвержденному 31-го мая 1872 г. положенію о сихъ учебныхъ заведеніяхъ.

11) Законоучитель избирается, изъ числа мѣстныхъ священниковъ, директоромъ училища, по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

12) Учители общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ избираются директоромъ: первые—изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя городского училища, образованнаго согласно положенію 31-го мая 1872 года, а вторые—изъ лицъ, окончившихъ полный курсъ наукъ въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа.

13) Учители (ст. 12) числятся на дѣйствительной государственной службѣ и пользуются всѣми преимуществами: преподающіе обще-

образовательные предметы—наравнѣ съ учителями городскихъ училищъ, образованныхъ согласно положенію 31-го мая 1872 года, и преподающіе предметы спеціальныя, если притомъ имѣютъ не менѣе восьми уроковъ въ недѣлю,—наравнѣ съ учителями реальныхъ училищъ.

14) Обсужденіе вопросовъ, относящихся до учебной и воспитательной частей въ училищѣ возлагается на совѣтъ онаго, состоящій, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ всѣхъ учителей училища.

15) Ученикамъ, успѣшно окончившимъ полный курсъ наукъ въ училищѣ и затѣмъ представившимъ удостовѣреніе управителей рудниковъ или заводовъ о томъ, что, произведя въ теченіе двухъ лѣтъ всѣ возлагавшіяся на нихъ работы, приобрѣли надлежащія знанія въ ихъ производствѣ, выдаются училищнымъ совѣтомъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ училищѣ.

16) Ученики, получившіе свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полного курса училища (ст. 15), пользуются, по отбыванію воинской повинности, правами окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ третьяго разряда.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

2. (16-го декабря 1889 года). Объ учрежденіи при Волоколамскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ трехъ стипендій.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день декабря 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Волоколамскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ, въ память событія 17-го октября 1888 года, трехъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы и Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью почетнымъ смотрителемъ сего училища, московскимъ 2-й гильдіи купцомъ Петромъ Филипповичемъ Антоновымъ.

3. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о срокахъ для взноса посо-

бій на содержаніе учебныхъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Денежныя суммы, причитающіяся казнѣ съ земства и городовъ въ пособие на содержаніе учебныхъ заведеній, вносятся земскими и городскими общественными учрежденіями въ подлежащія казначейства въ два срока, въ 1-му января и 1-му іюля, за полугодіе впередъ.

II. На суммы, не внесенныя въ казначейства къ установленнымъ срокамъ (ст. I), начисляется пеня въ пользу государственнаго казначейства, въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяцъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (29-го декабря 1889 года). О преобразованіи Якутской шестиклассной прогимназіи въ реальное училище.

Его Императорское Величество воспоислѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Якутской шестиклассной прогимназіи въ реальное училище, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта Александръ Абаза.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Якутской шестиклассной прогимназіи въ реальное училище, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ г. Якутскѣ шестиклассную прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1890 г., въ шестиклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ и приготовительнымъ классомъ.

2) Тѣхъ изъ служащихъ въ Якутской прогимназіи, которые, при

преобразованіи ея, не получать назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

3) На содержаніе Якутскаго реальнаго училища во второй половинѣ 1890 г. отпустить четыреста восемьдесятъ шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, въ добавокъ въ суммѣ, ассигнуемннхъ на содержаніе Якутской прогимназіи (23.135 р.).

4) Потребный на содержаніе Якутскаго реальнаго училища кредитъ, въ размѣрѣ двадцати четырехъ тысячъ ста восьми рублей въ годъ (въ томъ числѣ: 21.258 р. на штатное содержаніе училища, 2.500 р. на добавочное содержаніе служащихъ въ немъ, 250 р. на разѣяды директору и 100 р. на выдачу квартирныхъ денегъ помощнику классныхъ наставниковъ), вносить, съ 1891 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, исключивъ, съ того же срока, изъ названной смѣты кредитъ на содержаніе Якутской прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи при Пензенской 2-й гимназіи въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 г.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 16-й день декабря 1889 г., учреждается на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ Пензенской 2-й гимназіи, камергеромъ двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Александровичемъ Арановымъ, при названной гимназіи одна стипендія, съ наименованіемъ ея „стипендія въ память чудеснаго избавленія Государа Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всѣхъ Августѣйшихъ Дѣтей отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 года“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственномъ 5% билетѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Пензенской 2-й гимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., назначаются на стипендію одному изъ бѣдныхъ учениковъ гимназій, отличающемуся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Пензенской 2-й гимназій, съ утвержденія попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій, если причины малоуспѣшности не будутъ признаны уважительными.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Пензенской 2-й гимназій или учрежденія, въ замѣнъ оной какого-либо средняго учебнаго заведенія, а равно, въ случаѣ перемѣщенія учебнаго заведенія изъ занимаемаго нынѣ гимназійей дома, въ которомъ сооруженъ жертвователемъ св. храмъ во имя архистратига Михаила, вышеозначенный капиталъ согласно волѣ жертвователя, передается въ церковь при Харьковскомъ университетѣ, въ которую впервые вступили Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми послѣ событія 17-го октября 1888 г., при чемъ проценты съ этого капитала выдаются ежегодно 17-го октября одному изъ наиболѣе бѣдныхъ жителей г. Харькова по указанію попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

2. (26-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи Иркутскаго цеховаго Андрея Пономарева при Иркутской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталу, пожертвованному 1-й гильдіи купцомъ коммерціи совѣтникомъ Павломъ Андреевичемъ Пономаревымъ, согласно волѣ жертвователя, присвоится названіе капитала стипендіи Иркутскаго цеховаго Андрея Пономарева, въ память покойнаго Андрея Васильевича Пономарева, отца жертвователя.

§ 2. Капиталъ этотъ, въ размѣрѣ одиннадцати тысячъ руб., составляя собственность Иркутской мужской гимназій и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, причисляется къ специальнымъ средствамъ Иркутской гимназій, находится въ вѣдѣніи гимназій и употребляется на выдачу стипендій обучающимся въ русскихъ университетахъ молодымъ людямъ.

§ 3. На проценты съ капитала въ 10,000 руб., на удержаніемъ установленнаго 5%, сбора въ казну, учреждается одна стипендія въ 475 рублей, въ годъ; изъ остающихся же за сямъ одной тысячи рублей и сбереженій отъ процентовъ выдается пособіе вновь назначаемому стипендіату на обмундированіе и на путевые расходы до университетскаго города.

§ 4. Стипендія назначается педагогическимъ совѣтомъ Иркутской мужской гимназій, согласно волѣ жертвователя, одному изъ способныхъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ Иркутской мужской гимназій, при чемъ должно быть отдаваемо преимущество дѣтямъ цеховыхъ, мѣщанъ, крестьянъ и духовныхъ, предъ дворянскими и купеческими дѣтьми.

Примѣчаніе. Опредѣленіе педагогическаго совѣта о размѣрѣ упомянутаго въ 3 п. пособія на путевые издержки подлежитъ утвержденію Иркутскаго генералъ-губернатора.

§ 5. Лица, пользующіеся стипендіей, именуются стипендіатами иркутскаго цеховаго Андрея Пономарева.

§ 6. Стипендіальныя деньги высылаются гимназію въ подлежащій университетъ предъ началомъ каждаго полугодія и выдаются ежемѣсячно стипендіату начальствомъ университета на общемъ основаніи.

§ 7. Стипендіаты пользуются стипендіей до окончанія курса въ университетѣ по избранному ими факультету.

§ 8. Въ случаѣ же неудовлетворительныхъ успѣховъ или недобрыяго поведенія, стипендіаты лишаются стипендій и до окончанія курса по правиламъ, существующимъ на этотъ предметъ въ университетахъ, которые въ этомъ случаѣ увѣдомляютъ Иркутскую мужскую гимназію о потерѣ правъ стипендіатомъ на пользованіе стипендіей для предоставленія ея другому лицу. Если же неудовлетворительность успѣховъ произошла отъ болѣзни или другихъ причинъ, признанныхъ университетомъ уважительными, то за стипендіатомъ оставляется право пользованія стипендіей.

3. (31-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Императрицы Екатерины II при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія послѣдовавшаго въ 16-й день декабря 1889 г., учреждаются при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II двѣ стипендіи имени Императрицы Екатерины II, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго третьимъ ижскимъ обществомъ взаимнаго кредита.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одной облигаціи третьаго восточнаго займа въ тысячу рублей за № 199989, остается навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Рижскаго городского училища Императрицы Екатерины II.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, выдаются ежегодно избраннымъ стипендіатамъ 24-го ноября, въ день столѣтней годовщины учрежденія Императрицею Екатериною II первыхъ начальныхъ русскихъ училищъ въ эсто-латышскомъ краѣ.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ означеннаго училища изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ оного: безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, и по представленію учителя-инспектора; утверждаются директоромъ училищъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незаимѣненія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ, остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (18-го февраля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени печерскаго мѣщанина Якова Герасимова Кузнецова при Псковскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. учреждается при Псковскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени печерскаго мѣщанина Якова Герасимова Куз-

нецова, на счетъ процентовъ съ капитала въ сто пятьдесятъ руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго городского училища и составляетъ его неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., назначаются на нужды стипендіата по воспитанію и обученію его и съ этою цѣлью выдаются на руки родителямъ стипендіата или замѣняющимъ ихъ мѣсто пополугодно до окончанія стипендіатомъ курса наукъ въ училищѣ.

§ 4. Стипендіатъ избирается, согласно волѣ жертвователя, педагогическимъ совѣтомъ училища изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ изъ мѣщанъ православнаго исповѣданія.

§ 5. Если стипендіатъ окажется впоследствии по успѣхамъ или поведенію не заслуживающимъ пособія, то педагогическому совѣту училища предоставляется право избрать на его мѣсто болѣе достойнаго.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Курсъ русской грамматики для низшихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. Изданіе 4-е, вновь просмотрѣнное. Составилъ Всеволодъ Миропольскій. Воронежъ. 1888. Стр. 86. Цѣна 30 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Интересъ изученія древней литературы. Лекція преподавателя Е. А. Богословскаго въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученикамъ Кубанской войсковой гимназіи. Екатеринодаръ. 1889. Стр. 52. Цѣна 25 коп.“ — одобрить для учебныхъ (для старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Романы Вальтеръ-Скотта. Томъ XI. Аббатъ. Съ двумя картинами и 37-ю политипажамъ въ текстѣ. С.-Пб. 1890. Стр. 467+3. Цѣна 2 р. 50 коп. (Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова)“ — одобрить въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „В. В. Чуйко. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 гравюрами. С.-Пб. 1889. Стр. VII+662+VIII. (Изданіе А. С. Суворина)“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также для бібліотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „За Вѣру, Царя и Отечество. Сборникъ избранныхъ стихотвореній. Посвящается учащемуся юношеству, русской арміи и русскому народу. Составилъ И. Котовъ, воспитатель Московской военно-фельдшерской школы. М. 1890. Стр. VII+290. Цѣна 80 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Scriptores latini cura Volodimeri Crause in usum scholarum editi: Publi Virgiliti Maronis Aeneis in usum scholarum recognita. Pars posterior. Libri VII — XII. Petropoli. MDCXXXC. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ.

— Изданіе: „Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I. Вооруженіе и составъ греческаго войска. Объяснительный текстъ къ I-й и II-й таблицамъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Составилъ Степанъ Цыбульскій, преподаватель Варшавской IV мужской гимназій. Съ приложеніемъ литограф. таблицы и рисунка въ текстѣ. С.-Пб. и Москва. 1889. Въ текстѣ стр. 38. Цѣна 40 коп., а двухъ таблицъ по 1 р. 50 коп.“ — рекомендовать какъ учебное пособие по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжки: „Братскій учебникъ географіи Н. Раевского, директора Московскаго учительскаго института. I. Описаніе земнаго шара. Съ 58 рисунками и таблицей полушарій. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1889. Стр. 66. Цѣна 60 коп. — II. Западная Европа. Изданіе 3-е. Съ 9 раскрашенными картами и 9 чертежами. С.-Пб. 1889. Стр. 79. Цѣна 60 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Книгу: „Exercices pratiques de grammaire. Lexicologie et Syn-

tahe, par A. Horré et J. Dalloz. Deuxième édition revue et augmentée. S.-Petersbourg. Pag. XI+245. Prix 90 c." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ и старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книжку: „Hilfsbüchlein für den Unterricht im Deutschen in der ersten russischen Vorbereitungsclassen der Petri-Paulischule. Moskau. 1888. Стр. 42+15" — допустить къ употребленію въ приготовительныхъ классахъ Московскаго Петропавловскаго училища и тѣхъ училищъ, которыя имѣютъ подобное этому учебному заведенію устройство.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ. Часть III. Для среднихъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Л. Миллеръ. С.-Пб.: 1889. Пятое, исправленное издание (Fünfte verbesserte Stereotyp-Auflage). Стр. VI+212+102+158. Цѣна 1 р. 20 коп." — допустить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Составилъ Я. Штейнгауеръ, преподаватель нѣмецкаго языка въ Симбирской гимназій. Москва. 1889. Стр. 273+84" — допустить къ употребленію въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книгу: „Краткій учебникъ ботаники. И. П. Вородина, профессора лѣснаго института. Съ 257 полнотипажамъ въ текстѣ. Изданіе 2-е, просмотрѣнное и исправленное. С.-Пб. 1890. Стр. VII+321+IX. Цѣна 1 р. 50 коп." — одобрить какъ хорошее руководство для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Учебникъ ботаники. Руководство для реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ М. Варвава, преподаватель Московскаго учительскаго института. Часть I. Съ 157 рисунками въ текстѣ. Москва. 1885. Стр. 174. Цѣна 1 руб. — Часть II. Съ 176 полнотипажамъ. Москва. 1886. Стр. 201. Цѣна 1 руб." — одобрить какъ весьма полезный учебникъ для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Н. А. Варпаховскій. Опредѣлитель рыбъ бассейна рѣки Волги. (Описаніе рыбъ Нижегородской губерніи). Съ 71 рисун-

комъ. С.-Пб. 1889. Стр. II+113. Цѣна 1 р. 50 коп. — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія (для старшаго возраста) бібліотеки всѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ проходитъ естественная исторія.

— Книгу: „Русская народная музыка, великорусская и малорусская въ ея строеніи методическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Исслѣдованіе П. П. Сокольскаго. Харьковъ, 1888. Стр. 7+14+368+7. Цѣна 3 руб.“ — на основаніи отзыва С.-Петербургской консерваторіи, рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Новыя врачебныя средства для врачей и аптекарей. Изданіе 2-е, вновь обработанное, распространенное и добавочное средствами, вошедшими въ медицину въ 1888 и 1889 годахъ. Составилъ докторъ медицины М. Боголюбовъ. Москва. 1890. Стр. II+388. Цѣна 3 руб. 25 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ учебныхъ заведеній, при которыхъ вообще состоятъ врачи.

— Журналъ: „Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціею профессора Н. Я. Грота. Годъ первый. Москва“ — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Третій годъ. Изданіе второе. Составилъ Д. Поповъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 177+XIII стр. Цѣна 35 коп.“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: „Весѣды о звѣрахъ. Профессора А. Н. Векетова. Изд. 2-е, С.-Пб. комитета грамотности. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 78 стр. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Прохожій. Святочный рассказъ. Очиненіе Д. В. Григоровича. Изд. 4-е, С.-Пб. комитета грамотности. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 82 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

— Книгу: „Младенчество Мити! (Изъ журнала „Русскій Начальный Учитель“ за 1889 г.). С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 25 стр.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Иллюстрированный журналъ: „Кормчій“ за 1888 годъ (цѣна съ пересылкою 3 руб.)—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ для внѣкласснаго чтенія учащихся и взрослыхъ.

— Книгу: „Изъ тѣни къ свѣту. Исторія“ мальчика—молочана. Повѣсть для юношества. В. П. Желиховской. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 112 стр., съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 коп.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Розанчикъ. Волшебная сказка для дѣтей. В. П. Желиховской. С.-Пб. 1889. Въ 4-ку 36 стр., съ хромолитографированными картинками. Цѣна въ переплетѣ 3 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Среди цвѣтовъ. Разказы стараго садовника. По премированному Французской академіей сочиненію Эмиля Дебо: „Le jardin de m-lle Jeanne“ передѣлала Анна Хвольсонъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 217 стр., съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ 2 руб.“—допустить въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Задачи русской народной школы. Н. Горбова. М. 1887. Въ 8-ку 67 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ и въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Составленныя А. О. Соколовымъ книги: 1) „Методическая грамматика. Элементарное учебное руководство по русскому языку. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 40 коп.“ и 2) Сборникъ диктантовъ. Дополнительная книжка къ „Методической грамматикѣ“—С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 64 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены указанные ученимъ комитетомъ недостатки.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 29-го минувшаго января, послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ с. Подолухахъ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи, при 42 учащихся.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ ВЫЛИНАМЪ.

ХІІІ.

Къ былинѣ о Садко ¹⁾.

Составъ былинны на столько разнообразнѣй, что новыя параллели къ ея мотивамъ, своимъ и чужимъ, постоянно открываются въ разныхъ областяхъ folk-lore. Не всѣ онѣ одинаково доказательны; тѣмъ менѣе, чѣмъ шире распространеніе того или другаго мотива. „Жертва морю“, напримѣръ, принадлежитъ къ таковымъ и одна потребовала бы цѣлой библиографіи; изъ многого, сюда относящагося, укажу на обычай такого жертвоприношенія, существовавшій въ началѣ прошлаго вѣка на Каспійскомъ морѣ (Mélusine IV, стр. 358)—и на слѣдующій разказъ Пахомія Рузана: когда онъ ѣхалъ моремъ въ Смирну, τὸ Δελτὸν ἤδη παρακλέοντες ἀκρωτήριον Τροίας, ἀκούω τε καὶ ὄρω τοὺς ναύτας εὐτρεπίζοντας ἔδωκα τῷ ἐκείσε ποτε παροικίσαντι ἢ καὶ παροικοῦντι ὀρίμονι Παπᾶ τοουρκιστὶ ἢ καὶ ἀραβιστὶ ὀνομαζομένῳ. Ἡὐτρέπισαν δὲ ἐξ ὧν αὐτοὶ ἤρθηον ἐν πίνακι ψωμῶν θρούφαντες καὶ τυρὸν καὶ κρίμμοον ἐπιθέντες καὶ οἶον μανθάνομεν μυθευόμενον περὶ Ὀδοσσῆα πλεύσαντα εἰς τὸν Ἄδην, δ καὶ ἔριψαν κατὰ πελάγους, ἐθνικῶς ἐπιχαλασάμενοι Ἀλλὰ ταῦτα μὲν οὗτοι, ἴν' οὖρου καὶ αἰαίου ἀνέμου τόχῳσιν ²⁾.

Вѣрованіе въ морскія, водныя божества, которыхъ умножествляли жертвами, осталось и въ христіанскую пору,—только властными и помощными на водахъ оказались святые. На христіанскомъ востокѣ

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1888 г., декабрь.

²⁾ Δάμβρος, Ἀνεκδοτὸς λόγος Παχωμίου τοῦ Ρουσάνου περὶ δεισιδαιμονίων καὶ προλήψεων κατὰ τὸν 15' αἰῶνα (Δελτιὸν τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολογ. ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος, Τ. I, τεύχ. 1, стр. 108).

эта роль выпала, главнымъ образомъ, св. Николаю; на западѣ остались лишь слѣды такого его культа. Французскіе рыбаки пугаютъ своихъ ребятъ, когда они повдно вечеромъ гуляютъ по берегу, чудовищемъ, которое разорветъ ихъ своими когтями: имя ему Saint Nicolas ¹⁾. Съ другой стороны, позволено предположить, что отзвукъ имени и морскаго культа св. Николая сохранился въ имени героя сицилійской легенды, отразившейся въ балладѣ Шиллера: Der Taucher: Nicola Pesce.

Хожденіе въ подводное царство ²⁾ и женидба на водной дѣвѣ—мотивы былинны о Садеѣ—встрѣчаются въ слѣдующей, киргизской легендѣ о властелинѣ водъ, Уббе ³⁾.

Въ прѣжнее время въ одномъ городѣ жилъ человекъ, по имени Аманъ-куль. По просьбѣ жены онъ пошелъ однажды къ рѣкѣ съ ведромъ по воду; желая прохладиться, онъ опустился въ воду, гдѣ встрѣтился съ посломъ Уббе, утащившимъ его на дно. Приведа Аманъ-кула въ подводный городъ и оставивъ его впереди кибитки Уббе, посолъ отправился доложить ему, что онъ исполнилъ его приказаніе, привелъ Аманъ-кула. Уббе велитъ ввести его: кибитка царя была полна людьми, среди которыхъ сидѣлъ человекъ чернаго цвѣта, съ черною длинною бородой и нахмуренными бровями. Это былъ Уббе. Прослуживъ у него нѣсколько лѣтъ, Аманъ-куль былъ сдѣланъ визиремъ по слѣдующему случаю. Городъ Уббе опустошалъ одинъ змѣй, которому каждый день давали одного человека по жребію. Когда жребій палъ на сына Уббе, и тотъ сильно опечалился, Аманъ-куль вызвался пойти вмѣсто юноши: взялъ стальную саблю и сталъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ проходить змѣй. Онъ явился, распространяя вокругъ себя дождь и снѣгъ. Аманъ-куль сидѣлъ, держа саблю поперекъ; когда змѣй сталъ глотать его, сабля разрѣзала его на двѣ части. За это Аманъ-куль и вошелъ въ славу. У одного изъ визирей Уббе была дочь; она и Аманъ-куль влюбились другъ въ друга. Однажды, когда царь, призвавъ къ себѣ Аманъ-кула, обѣщалъ ему исполнить, что бы онъ ни пожелалъ, тотъ отвѣчалъ, что у него два желанія: одно—возратиться на родину, другое—взять за себя дочь

¹⁾ *Revue des traditions populaires*, I, стр. 7 (Sébillot).

²⁾ См. Clouston, *Popular tales and fictions*, I, стр. 192 слѣд. (Subaqueous fairy halls).

³⁾ *Мироніевъ*, Демонологическіе разказы киргизовъ, изъ *Записокъ Им. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи*, т. X, вым. 3, стр. 27 слѣд.

визира. Такъ какъ они не совмѣстимы, Аманъ-кулъ выбираетъ послѣднее, женится на своей возлюбленной и еще нѣсколько лѣтъ остается на службѣ у воднаго царя. Однажды онъ вспомнилъ о своемъ оставленномъ семействѣ, и у него явилось желаніе вернуться на родину, но такъ какъ онъ не предвидѣлъ возможности привести его въ исполненіе, сталъ печальнымъ. Жена его, съ которою онъ жилъ мирно, не показывала ему ключа отъ одного сундука; дивился этому Аманъ-кулъ, и когда однажды жена куда-то пошла, а ключъ забыла, онъ открылъ сундукъ и увидѣлъ въ немъ одну лишь зеленую палку. Не зная ея свойствъ, онъ положилъ ее снова въ сундукъ, а ключъ на прежнее мѣсто. Однажды, когда онъ снова раздумался о возвращеніи на родину и легъ спать, вспомнивъ предварительно всемогущаго Бога, ему явился человѣкъ чернаго цвѣта, съ бѣлою чалмой на головѣ и сказалъ: „Сынъ мой, не печалься! Если ты возьмешь эту зеленую палку изъ сундука и, произнеся „бисмилла“, ударишь ею по землѣ, то благополучно вернешься на родину“. Такъ и сдѣлалъ Аманъ-кулъ: какъ ударилъ палкой, вышелъ изъ-подъ воды въ томъ мѣстѣ, гдѣ опустился; на берегу лежала и одежда, которую онъ скинулъ, и ведро, полное воды. Когда онъ вернулся домой, жена его только приготовилась варить пищу и не повѣрила разказамъ мужа: такъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ. Послѣ того Аманъ-кулъ зажилъ счастливо: стоило ему ударить палкой по землѣ, произнося „бисмилла“, какъ все являлось по его желанію. Онъ разбогатѣлъ и сдѣлался царемъ въ своемъ городѣ.

Чудеса волшебной палки—это дары морскаго царя, какъ въ былинѣ о Садкѣ даръ чудеснаго улова; неизвѣстный старикъ отвѣчаетъ Николѣ Можайскому; что всѣ приключенія Аманъ-кула совершаются въ необычайно короткій промежутокъ времени, тогда какъ на яву они потребовали бы годы, относить насъ къ содержанію особой группы повѣстей о продѣлкахъ мага, литература которой указана была мною въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССXLVI, отд. 2, стр. 200—201.

Аянская легенда ¹⁾, приводимая далѣе, не можетъ быть признана, въ строгомъ смыслѣ, параллелью къ нашей былинѣ: отсутствуютъ характерныя черты, выдѣляющія сюжетъ послѣдней изъ числа многихъ сходныхъ. Одинъ Аянь, выѣхавшій въ море на ловлю лососей, под-

¹⁾ *Zeitschrift für Volkskunde*, I: *Branns*, Die Religion, Sagen und Märchen der Aino, стр. 254.

вергся бурѣ, носившей его туда и сюда, такъ что онъ пересталъ понимать, гдѣ находится. Онъ уже отчаялся въ спасеніи, какъ вдругъ показалась земля, буря унялась и теченіе принесло его къ берегу, къ устью рѣки. Онъ поднялся по ея теченію и добрался до многолюднаго города, гдѣ безъ большого труда ему удалось найти домъ старшины. Старшина, почтенный старикъ, принялъ его дружелюбно и на другой день предложилъ ему доставить его во-своихъ, вмѣстѣ съ горожанами, отправлявшимися въ Іезо. Ему надлежало лечь въ лодку, голову закрыть и не оглядываться,—не то его спутники разсердятся, и ему будетъ худо. Вскорѣ явились и лодки, числомъ сто, полныя мужчинъ и женщинъ. Аинъ лежалъ все время, какъ ему было приказано, другіе гребли и пѣли. Когда они приблизились къ землѣ, Аинъ, выглянувъ тайкомъ, увидѣлъ, что они вошли въ рѣку, и что его спутники, зачерпнувъ изъ нея воды, нашли ее вкусною. Половина лодокъ направилась вверхъ по рѣкѣ, другая, гдѣ былъ и Аинъ, снова вышла въ море и наконецъ пристала къ тому мѣсту, гдѣ онъ жилъ. Здѣсь его выбросили за бортъ и всѣ исчезли не вѣсть куда. Ночью ему предсталъ старикъ, котораго онъ видѣлъ, и сказалъ: „Я не человѣческое существо, а морской богъ, властитель лососей. Я спасъ тебя отъ гибели и приютилъ тебя не въ теченіе одной ночи, какъ тебѣ кажется, а цѣлаго года, а теперь мои подданные лососи, идущіе вверхъ по рѣкамъ, доставили тебя на родину. Если ты станешь приносить мнѣ жертвы, будетъ тебѣ хорошо; иначе мнѣ не уберечь тебя отъ нищеты“.

При критикѣ былины съ зажимомъ—или международнымъ содержаниемъ важнѣ всего опредѣлить черты, въ которыхъ сказалось мѣстное, народное приуроченіе. Былина говоритъ о Новгородѣ, Волховѣ; но имя Садки—въ одно и то же время и новгородское, и заочее, какъ я пытался указать въ предыдущемъ изслѣдованіи. Ту же двойственность можно предположить и въ названіи озера Ильмена, являющагося въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины вмѣсто моря.

Я имѣю въ виду Ильмень стиха о Голубиной книгѣ, о которомъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ говорится, что онъ въ Турецкой землѣ подъ градомъ Іерусалимомъ, и что изъ него вытекаетъ матушка Іордань-рѣка ¹⁾). Разпочтенія имени Ильмень въ стихѣ: Ирмень, Армень навели г. Мочульскаго на соображеніе, что въ началѣ раз-

¹⁾ См. *Мочульскій*, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, стр. 131—133.

умѣлось не русское озеро, а другое, черезъ которое протекалъ Иорданъ, и на которое могло быть перенесено названіе горы Ермона, гдѣ Иорданъ беретъ начало. Замѣчу съ своей стороны, что Иорданъ образуется изъ четырехъ источниковъ, сливающихся въ двѣ рѣки: Nahg Banas и Nahg Hasbeya, текущихъ порознь до озера Mepon, откуда изливается Иорданъ—какъ въ стихѣ онъ представляется вытекающимъ изъ Ирмена (Mepon?). Ильмена. Если перенести это представление на прототипъ былины о Садкѣ, то и ея „рыбцы золоты перья“, рыбы, обращающіяся въ казну, напомнятъ намъ вариантъ стиха по списку XVII вѣка, гдѣ „Ирмень“ находится уже подъ Новымъ городомъ, но въ немъ „сказываютъ, ручей серебряной“.

Эта гипотеза находитъ себѣ интересную параллель въ другой, высказанной Бугге ¹⁾ по поводу сѣвернаго Urdarbrunnr, источника Urd'ы, богини судьбы. Имя Urdr: судьба — древнее, общее германское (англос. wurd, старосакс. wurth, древне-верхненѣм. wurt), какъ древнимъ является представленіе о пребываніи вѣщихъ жень у источниковъ. Въ двоевѣрную пору съ этими образами язычества смѣшались, по созвучію, христіанскіе: источникъ Урды былъ сближенъ съ рѣкой Иорданомъ: Jordan, Jurdan (такъ въ сирійскомъ), при чемъ j въ началѣ слова долженъ быть отпасть по законамъ старосѣвернаго языка. Eilifr Guðrúnarson представляетъ себѣ Urdar brunr гдѣ-то на югѣ: „сказываютъ“, говоритъ онъ,— „что Христосъ возсѣдаетъ на югѣ на горнемъ престолѣ; такъ усмился властелинъ (небесныхъ) силъ, (овладѣвъ) областями Рима“. Скальдъ Sighvatr называетъ Христа царемъ Иордана, Jordanaр grastr; это идетъ къ представленію источника Urd'ы и при немъ Христа гдѣ-то на югѣ; замѣтимъ однако, что Sighvatr не знаетъ перегласовки Иордана въ Urd.

Одна гипотеза, идущая на встрѣчу другой, еще не производитъ вѣроятности. Въ такъ-называемой Весѣдѣ Іерусалимской, по списку проф. Вуслаева (Пам. старинн. русск. литературы, II, стр. 308), „озеро озерамъ мать Ильмень озеро, что подъ Кіевомъ градомъ, потому что взяло в себя триста рѣкъ“; о Иорданѣ говорится отдѣльно: „а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ, потому что она течетъ изъ рая Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Исусъ Христосъ“. Въ списокъ того же памятника, принадлежащемъ И. А. Шляпкину, озеро „Ильмень“ лежитъ подъ Новымъ городомъ, „а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ река, что она

¹⁾ Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter und Helden-sagen, übers. von O. Brenner, стр. 430 слѣд.

течетъ изъ раи Елеонскаго, а се в ней крестился Гдѣ Иисъ Христосъ^а. Елеонъ въ смыслѣ сада масличныхъ дровъ—эдема, раи встрѣтился мнѣ въ видѣніи Космы игумена (Прологъ 5-го октября): „и при кончинѣ злчнаго шнаго мѣста стоаше велій елеон, его же дубрава дровесъ множае звѣздъ небесныхъ.... И внигда помыслихъ воспросити, что есть дивный елеон.... рекоша ми: Что помышляеши, глагола, что се есть великій красный елеонъ и что суть вса яже на немъ? Се суть яже слышиши: многіа шбители оу тебе, Оісе, суть и по достоанію всѣмъ раздѣлаемы въ мѣру добродѣтелей^а“.

Елеонъ—садъ, эдемъ, такое же обобщеніе, какъ Леванидовъ крестъ и Сафать-рѣка русской народной поэзи. Едва ли ея источниками были дорожки, восходившіе къ озеру Мегон и источникамъ Іордана въ Ермонѣ: она могла знать Іорданъ райскою рѣкою, вытекавшюю изъ эдема-элеона; замѣна сада озеромъ принадлежать мѣстному приуроченію; на новгородскомъ сѣверѣ такимъ озеромъ очутился Ильмень (Элеонъ?), но съ оговоркой:

Не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ градомъ,
 Не тотъ Ильмень, который въ Царь-градѣ,
 А тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли,
 Надъ начальнымъ градомъ Іерусалимомъ.

Ильмень-Ирмень-Іорданъ духовнаго стила о Голубиной книгѣ отвлекъ меня отъ Ильмени былинны о Садкѣ. На сколько онъ здѣсь началенъ—остается вопросомъ открытымъ, но возможнымъ, когда дѣло идетъ о сюжетѣ международнаго характера.

XIV.

Финскіе варианты былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій романо-германскаго отдѣла Филологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, я указалъ на значеніе, какое могутъ имѣть для критики нашихъ былинъ ихъ инородческіе пересказы. Методической стороны этого вопроса я воспунъ въ трудѣ, который явится параллельно съ слѣдующими выпусками моихъ „Южно-русскихъ былинъ“: сборникъ, въ которомъ я постараюсь соединить факты и матеріалы, касающіеся исторіи нашего эпоса, его древнихъ отзвуковъ и свидѣтельствъ о немъ. Какъ извѣстно, данныхъ этого рода немного; инородческіе пересказы былевыхъ сюжетовъ, съ былевыми именами, могутъ явиться здѣсь подспорьемъ, и они найдутъ мѣсто въ особомъ отдѣлѣ сборника. Было бы желательно, чтобы такихъ пересказовъ записано было возможно больше,

и я былъ бы доволенъ, еслибы слѣдующая замѣтка нашла отзвукъ среди собирателей народно-поэтическаго преданія ¹⁾).

Въ упомянутомъ выше сообщеніи я пересказалъ одинъ финскій вариантъ былины-сказки объ Ильѣ Муромцѣ, любезно доставленный мнѣ доцентомъ Гельсингфорскаго университета, Ю. Крономъ. Сообщаю его здѣсь вмѣстѣ съ двумя другими пересказами, источникъ которыхъ тотъ же.

1. (Изъ Imriilahti, близъ Сердоболя, Выборгской губерніи). У старика и старухи родился сынъ. По тридцатому году онъ не можетъ ходить. Отецъ съ матерью идутъ въ лѣсъ, сынъ остается дома, а къ нему подходятъ старикъ нищій и просятъ милостыни. Парень отвѣчаетъ, что не можетъ ни подать, ни двери отворить. „Попробуйся“, говоритъ старикъ. Опытъ удается; нищій вошелъ, стѣлъ съ нищимъ фунтъ хлѣба, все, что было у родителей. Какъ поѣли, хлѣбъ умножился. Тогда нищій (то былъ Иисусъ Христосъ) попросилъ воды, Illa Muigovitsa принесъ ее въ stautsa'ъ (ковшѣ?); Господь отпилъ, подалъ Ильѣ. Ila Muigovitsa ощутилъ въ себѣ силу. Иисусъ Христосъ велитъ ему испить три раза и испитая свою силу: Ila Muigovitsa поднимаетъ одною рукою всю горниду выше колѣна. Иисусъ Христосъ приказываетъ ему пойти къ своей крестной и попросить лошади. Въ ожиданіи отца и матери Ila Muigovitsa раскололъ шесть финскихъ сажень дровъ; вернувшись, его родители не вѣрятъ, чтобы это онъ сдѣлалъ. Онъ идетъ поглядѣть на поле, гдѣ они посѣяли рѣпу, и дѣлаетъ изъ большихъ деревьевъ изгородь, что ни птица перелетѣтъ, ни червяку подлѣзть. На другое утро видитъ это отецъ, говоритъ женѣ: „Это не нашъ сынъ!“ А Ila Muigovitsa идетъ къ своей крестной и проситъ у нея лошади. Она совѣтуетъ ему купить у попа одного изъ трехъ жеребятъ, и притомъ того, что входитъ въ воду по колѣна, а голову погружаетъ по глаза. Ila Muigovitsa покупаетъ его за триста рублей. Крестная велитъ ему пойти въ чистое поле и достать богатырскую (rohatorskoj) сбрую, вѣсомъ въ триста пудъ; одна шляпа вѣситъ тридцать пудъ. Ila Muigovitsa возвращается домой; его отецъ и мать еще въ лѣсу; когда они вернулись, не признали сбрую въ сѣнахъ.

Ila Muigovitsa хочетъ поискать сильныхъ людей. Отецъ его

¹⁾ Библиографію Малорусскихъ легендъ объ Ильѣ Муромцѣ сообщаетъ г. Каллашъ въ *Этнографическомъ Обзорѣннн*, кн. III, стр. 206, прим. 1. См. такъ же, кн. II, стр. 206, указаніе на *Елисаветградскій Вѣстникъ* 1889 г., № 92: Ильѣ Муромецъ въ пересказѣ малорусскаго пѣвца.

знаетъ про одного, который сѣждаетъ за обѣдомъ по три кула хлѣба, по три коровы и выпиваетъ по три (ведра?, чана?) воды. Ила Муиговитса отправляется къ нему. Тотъ спрашиваетъ: „Кто ты?“ „Богатырь“ (rohatteri). „И я такой же“, отвѣчаетъ онъ на спросъ; „по многу ли ты ѣшь?“ Ила Муиговитса: „По польг-просвири“ (proskuna). „А я ѣмъ по три кула“ и т. д. „Была у насъ корова по сосѣдству“, отвѣчаетъ Ила,—„она съѣла цѣлую ригу сѣна, выпила прудъ и околѣла, а ея кишки три дня волочили по полю“. Богатырь разгнѣванъ, бросаетъ въ Илью ножомъ, но тотъ пролетѣлъ сквозь двери до стѣны, не задѣвъ Илью. У него была въ рукахъ только шляпа, вѣсомъ въ тридцать пудъ; онъ бросилъ ея и убилъ противника; три дня тридцать лошадей волочили его кишки по полю; а Илью всѣ благодарили.

Онъ ѣдетъ къ русскому богатырю (ruskoj rohatteri), который однимъ свистомъ убивалъ людей и животныхъ на тридцать верстъ кругомъ. При первомъ его свистѣ, не доѣзжая тридцати верстъ, конь Ильи палъ на колѣна. Тѣмъ не менѣе Ила Муиговитса ѣдетъ, чтобы попытать свои силы, до двери, слѣзъ съ коня, котораго поставилъ къ коню русскаго богатыря (ruskoj rohatteri) со словами: „Если ты устоишь противъ этого коня, и я устою противъ его хозяина“. Конь Ильи побѣждаетъ богатырскаго. Ила Муиговитса входитъ, нашелъ русскаго богатыря спящимъ и вынулъ было мечъ, чтобы убить его, но чтобы добыть большей славы, рѣшился обождать, пока тотъ проснется, и самъ ложится спать въ рукавъ его кафтана (sertuki). Русскій богатырь пробудился, видитъ чужую лошадь, хочетъ надѣть sertuki, но не можетъ; потянулъ еще разъ и разорвалъ рукавъ. Тутъ онъ замѣтилъ спящаго, взялся за мечъ, чтобы убить его, но раздумался, что вѣдь и тотъ былъ въ состояніи учинить ему то же; потому онъ ждетъ, пока Ила Муиговитса проснется, и кричитъ: „Ты кто? Давай биться“! (Dava! voipa!). Илья говоритъ: „Только бабы бьются, въ горницѣ; дай мнѣ поѣсть и попить, да и пойдемъ на ровный лугъ, въ чистое поле“. Тотъ соглашается и предлагаетъ жить вмѣстѣ: побѣдитель будетъ старшимъ братомъ. Они наскочили другъ на друга, богатырь ударилъ Илью, но ничего ему не сдѣлалъ, а Ила Муиговитса по второму удару сбилъ его съ коня и приставилъ саблю къ груди. Тотъ проситъ пощады и клянется до смерти служить ему, какъ меньшій братъ. Вмѣстѣ всѣ ѣдутъ въ деревню; всѣ падаютъ на колѣна. „Мы вѣдь не боги“, говоритъ Ила Муиговитса, а они отвѣчаютъ: „Когда прежде русскій богатырь гулялъ, весь народъ валился

отъ его свисту⁴. Русскій богатырь (guskoj rohatteri) проситъ Илью дозволить ему посвятить въ половину, четверть, восьмую долю рта; Илья, дозволяетъ послѣднее, но всѣ присутствовавшіе померли, кромѣ Илья, который ударомъ сабли своситъ голову русскому богатырю.

Снова онъ пошелъ искать сильнаго человѣка, находитъ сильнѣйшаго на свѣтѣ (silnoi rohatteri): онъ лежитъ на спинѣ коня, голова мотается изъ стороны въ сторону. Онъ проситъ Илью пойдти за нимъ; тотъ хочетъ испробовать его силу сзади: ударилъ его саблей, а богатырь почесалъ за ухомъ: „Комарики покусывають мои уши!“ Второй разъ ударилъ Илья; вотъ и овода явились, говоритъ тотъ. Посадилъ Илью въ одианъ карманъ, его коня въ другой, поѣхалъ домой, говоритъ своей хозяйкѣ: „Вотъ у насъ даровой слуга!“ Когда онъ уѣхалъ, жена хочетъ соблазнить Илью, но онъ богобоязненъ и устоялъ. Когда мужъ вернулся, жена сорвала съ себя чепецъ, глаза нацарапала до-крови, говоритъ, что Illa Muurovitsa хотѣлъ учинить надъ нею насиліе. Illa Muurovitsa бѣжитъ, silnoi rohatteri за нимъ съ мечемъ на-голо. Илья вѣбжалъ на высокую гору, кричитъ: „Господи“, не оставь меня! Господь напустилъ туманъ, велѣлъ вырости амѣвнику, въ которомъ и укрылся Illa Muurovitsa. Silnoi rohatteri клянеть Бога, грозится влѣзть на небо, чтобы свергнуть „prestola“. Богъ начинаетъ бояться его и посылаетъ ему на встрѣчу смерть. Смерть не хочетъ идти. Тогда Господь связалъ два мѣшка; въ одинъ положилъ небесную, въ другой земную тягу и бросилъ. Silnoi rohatteri пытается поднять ихъ, не слѣвая съ коня, кнутовищемъ, затѣмъ, слѣвши, рукою, но ему удается приподнять лишь одинъ, не оба. Онъ еще болѣе клянеть Бога и снова грозится влѣзть на небо. Господь посылаетъ смерть: silnoi rohatteri чувствуетъ ея вліаніе въ своихъ членахъ, проситъ отсрочки на шесть часовъ, два часа, двадцать пять минутъ, чтобы успѣть пойдти домой — но умираетъ мгновенно. Тутъ только и Богъ узналъ, что смерть все губитъ.

Отмѣтимъ въ этомъ пересказѣ форму прозвища: Muurovitsa, относящую насъ къ созвучнымъ: Муровецъ, Muravitz, Муравленинъ, Mogowlin¹⁾, которыя я считаю древнѣе вульгаты: Муро-

¹⁾ См. мою замѣтку: Исполнилъ Илья Муромецъ у Лунса де Кастильо, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. ССХVI, апрѣль, стр. 220; *Каллашъ*, 1. с., стр. 204—205. Въ одной рукописной побывальщинѣ конца XVIII вѣка (у Л. Н. Майкова) Илья также названъ: Муровецъ, а городъ, откуда онъ родомъ—Моровъ.

мецъ. Составъ разказа по отношенію къ вошедшимъ въ него былиннымъ матеріаламъ не трудно установить: дѣтство Ильи, выѣздъ и встрѣчи съ Идолицемъ, Соловьемъ („русскій богатырь“) и Святоторомъ („сильный богатырь“). Эпизодъ о женѣ послѣдняго въѣшнымъ образомъ соединенъ съ моментомъ похвалы: Святоторъ гонится за Ильей; не найдя его, кощунствуетъ и грозитъ влѣзть на небо. И эта связь эпизодовъ, и своеобразная разработка мотива похвалы (въ былинѣ Святоторъ поднялъ бы всю землю) едва ли могутъ быть древними; важнѣе въ концѣ финской побывальщины перенесеніе на Святотора извѣстной легенды объ Анникѣ и смерти. Я говорю о перенесеніи съ точки зрѣнія валичнаго былевого матеріала, гдѣ о смерти Святотора разказывается иначе. Можетъ быть, и о его кончинѣ пѣлось встарь, что поется объ Анникѣ, но когда въ стихѣ о послѣднемъ смерти похваляется:

Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
 Былъ на землѣ Святоторъ богатырь,
 И я ихъ ископалъ.
 Хочу и тебя, Анника, ископати (Дыр. IV, 121, 128),

это могло быть и поводомъ пристроить къ Святотору то, что первоначально говорилось о другомъ богатырѣ. Именно на сѣверѣ, гдѣ популярность Аники засвидѣтельствована мѣстными сказаніями, такой переходъ легко себѣ представить. Вологодская легенда, разказанная Погодинымъ и Бунаковымъ ¹⁾, извѣстна теперь и изъ дневника Челищева ²⁾: „Въ пяти верстахъ отъ города Вологды есть пустое, поросшее не очень большимъ, но густымъ лѣсомъ мѣсто, простирающееся впередъ на десять верстъ, которое тамошними жителями называется Анкиевъ лѣсъ. Обыватели сказываютъ, что въ томъ пустомъ мѣстѣ въ старинныя времена жилъ какой-то Аника-разбойникъ и грабилъ по оной дорогѣ прохожихъ и проѣзжихъ, и будто онъ столь былъ силенъ и хитръ, что не однажды крестьяне, собравшись многолюдствомъ, не могли его ни живаго взять, ни заколотъ и ни застрѣлить, а яко бы уже онъ умерщвленъ пришедшею къ нему въ видѣ старой женщины смертію; тѣло же его зарыто въ землю въ томъ лѣсу, не подалеку отъ большой дороги, и на могилу его по нынѣ всѣ прохожіе и проѣзжіе, а больше тамошніе обыватели

¹⁾ Пѣсни *Кирьевскаго* IV. Прилож., стр. СХІ—СХІІІ.

²⁾ Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ *П. Н. Челищева*, изд. подъ наблюденіемъ *Л. Н. Майкова* (С.-Пб. 1886), стр. 219.

бросаютъ что-нибудь изъ лѣсу. Обросшая же землей пещера, въ коей онъ жилъ, и поднесъ, сказываютъ, видна⁴.

Другое, болѣе сѣверное приуроченіе легенды объ Аникѣ представляетъ сказаніе, записанное въ русской Лапландіи ¹⁾. Занесено оно, очевидно, изъ Россіи, но въ приморской мѣстности оно преобразилось согласно съ условіями быта: данные стихи могли присоединиться къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ воспоминаніямъ о разбойникѣ, взимавшемъ береговую дань, пока кто-то сильный не побѣдилъ его въ единоборствѣ.

Къ востоку отъ Jacobsfluss, то-есть, р. Ворьемы, выдвинулся въ Ледовитое море (Eismeer) большой полуостровъ, называемый Рыбачьимъ. Къ востоку отъ него лежитъ островокъ Аникіевъ; о причинѣ этого названія у окружающихъ лопарей ходитъ разказъ, знакомый и русскому населенію Архангельской губерніи.

Много лѣтъ тому назадъ всѣ занимавшіеся ловомъ у Рыбачьяго острова обязаны были отдавать десятую часть своей добычи разбойнику Аникѣ, каждой весной пристававшему туда съ своими людьми. Гдѣ онъ жилъ зимою, о томъ никто не вѣдалъ; весной же его корабль стоялъ у берега, и самъ онъ рассказывалъ, чтобы встрѣтить рыбаковъ; даже тѣ изъ нихъ, мѣстопробываніе которыхъ было въ другихъ частяхъ Рыбачьяго полуострова, должны были приставать къ Аникіевой бухтѣ, чтобы заплатить свою дань. Кто не платилъ добровольно, у того Аника отнималъ силой, и счастливъ былъ, кто не платился при томъ живнью. Желавшимъ избавиться отъ дани Аника предлагалъ вступать съ нимъ единоборство, но такъ какъ онъ былъ больше и сильнѣе другихъ, никто не рѣшался принять его вызовъ.

Такъ было многіе годы. Однажды какой-то паренъ подошелъ къ лодкѣ, готовившейся выйти въ море изъ пристани близъ Аникіева острова. Въ спѣхъ рыбаки сначала не замѣтили пришельца, который, поздоровавшись съ хозяиномъ, сталъ просить взять его съ собою: онъ станетъ накалывать прикормъ на крюки, вытаскивать сѣть. Хотя на то и другое имѣлись свои люди, его взяли съ собою, заставивъ напередъ перекреститься и прочесть молитву. Въ тотъ день уловъ былъ необыкновенно удачный, и когда рыбаки пристали къ Аникіеву острову для обычной дани, незнакомецъ поразилъ всѣхъ своею ловкостью при потрошеніи рыбы и необыкновенною силой: снявъ свои кожаные рукавицы, онъ попросилъ одного изъ рыбаковъ выполоскать ихъ, по-

¹⁾ *Pocstion, Lappländische Märchen* (1886 г.), стр. 203—207.

тому что онѣ загрязнились при потрошеніи. Тотъ сдѣлалъ это, но парень нашелъ, что вода изъ нихъ недостаточно вылита, и когда самъ припаялся за дѣло, рукавицы распозлились въ его рукахъ, точно лохмотья. Товарищи дались диву: не простой это человекъ; а въ это время подошелъ великанъ Аника, кричить: „Эй вы, почему не несете мнѣ сегодня части съ улова? „Смѣшное ты говоришь“, отвѣтилъ парень;—„что тебѣ надобно? Не на такихъ набрелъ, убирайся по добру, по здорову!“ „Что! Ха! ха! ха! Вижу я, что ты меня еще не знаешь. Самъ ты лучше убирайся, не то повалю тебя такъ, что и не поднимешься!“ Парень захохоталъ, какъ будто угрозы Аники ему ни почемъ, и прямо пошелъ на него. „Ну, дружокъ, храбрости тебѣ не занимать стать; ты, чай, норовишь меня ударить?“ „Такъ и есть! тебя я не боюсь“. На островѣ выбрали мѣсто, гдѣ быть бою, обвели его каменнымъ валомъ, изъ котораго не должны были выступать противники. Бой согласились устроить такъ, что каждый изъ борцовъ трижды къ ряду станетъ на руки и ударить другаго въ грудь ногами. Первая очередь пала на Анику; парень сталъ въ средину круга, Аника сталъ на руки, пошелъ колесомъ и ударилъ парня прямо въ грудь; тотъ не шевельнулся. Во второй разъ Аника сталъ далѣе, шибче разбѣжался колесомъ; парень отшатнулся на шагъ, но устоялъ; на третій разъ—отступилъ на сажень. Теперь дѣло стало за Аникой: первый ударъ заставилъ его податься на сажень, второй на три, третій на семь саженей. Онъ вылетѣлъ изъ круга и палъ мертвымъ. Рыбаки закопали его въ срединѣ круга и положили на могилу огромный камень. Затѣмъ пошли къ берегу; здѣсь таинственный молодецъ обратился къ собравшимся рыбакамъ: „Поблагодарите Бога! Врага вашего нѣтъ болѣе и никто не осмѣлится мѣшать вамъ ловить. Господь съ вами! Прощайте“. Тутъ онъ исчезъ, и никто не знаетъ, откуда онъ пришелъ и куда удалился. По разказамъ лопарей, на Рыбацкомъ островѣ еще видны на ровномъ мѣстѣ слѣды каменнаго вала, гдѣ бился и похороненъ Аника.

2. Слѣдующій разказъ записанъ въ деревнѣ Тухкала (Tuhkala), Pisto-jarvi'ской волости, Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи. Разказчикъ слышалъ побывальщину въ Sunku, къ югу отъ Rovensa=Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ. Составъ и послѣдовательность нѣсколько иные, чѣмъ въ предыдущемъ вариантѣ: дѣтство Ильи; вѣвдъ; Соловей; Идолице, Святогоръ. Эпизодъ, слѣдующій за встрѣчей съ Соловьемъ, о боѣ Ильи съ какимъ-то великаномъ, съ которымъ онъ братается и вмѣстѣ рубить лѣсъ, послѣ чего, по молитвѣ крестьянъ, ихъ сила

уменьшается на половину, едва ли стоитъ на своемъ мѣстѣ: очевидно, это эпизодъ изъ дѣтства Ильи.—Человѣкъ, триста лѣтъ сидѣвшій въ ущельѣ, несомнѣнно Святгоръ, но подробности въ концѣ разказа относятся насъ къ былинѣ о смерти Василя Вуслаевича; появленіе калки не мотивировано, какъ неожиданна вся развязка, лишь отчасти предусмотрѣнная отождествленіемъ Ильи съ Ильей пророкомъ. Замѣтимъ, что и въ чувашской сказкѣ объ Ильѣ-сидѣи онъ названъ „богомъ“: онъ уѣхалъ на небо и теперь гоняетъ и бьетъ шайтана ¹⁾, какъ Илья громовникъ народныхъ повѣрій, между прочимъ румынскаго, своеобразно объясняющаго его вражду къ дьяволу: повѣривъ вражью навѣту, будто его отецъ живетъ съ его женой, Илья нечаянно убиваетъ отца и мать. Эта легенда объ Ильѣ-пророкѣ въ связи съ мотивомъ (мниаго) кровосмѣшенія интересна по отношенію къ малорусскому разказу объ Ильѣ-сидѣи, являющемся съ чертами разбойника-кровосмѣшителя и названномъ пророкомъ ²⁾.

Пророкъ Илья (Elyas) былъ девять лѣтъ сиднемъ (безъ ногъ), и молитвы о немъ благочестивыхъ родителей были напрасны. Однажды Ильѣ послышался голосъ изъ-за двери его горницы; его просятъ отворить, онъ не можетъ. „Попробуй!“ Онъ попытался и ощутилъ ноги и такую въ себѣ силу, что могъ бы обнять весь міръ. Онъ отворилъ дверь, но тамъ никого не было. Съ топоромъ въ рукѣ онъ идетъ въ лѣсъ, нарубилъ двѣнадцать дровецъ дровъ и понесъ ихъ въ охабкѣ домой. Отецъ изумленъ, не вѣритъ разказу Ильи: ты не мой сынъ, ты божескаго рода. Илья отправляется „во Кіевъ градъ“ (въ городъ Wokijeskoj), на дорогѣ сидитъ великанъ Рахматовичъ (Rahmaattovits), наводящій страхъ на проѣзжихъ, которые вмѣсто дневнаго прямого пути дѣлаютъ полугодовой объѣздъ. Илья въѣзжаетъ на своемъ жеребенкѣ во дворъ къ великану, отъ свиста котораго дремучій лѣсъ валится кругомъ на версту и разлетается какъ пухъ. Набросивъ петлю (setla) ему на шею, Илья везетъ его въ городъ, привязавъ подъ брюхо лошади. Вечеромъ онъ проѣзжаетъ мимо палаты зятя Рахматовича; дочь великана думаетъ, что это ея отецъ везетъ жаркое, но узнавъ дѣло, испускаетъ такой крикъ, что лопнули стекла въ окнахъ по всему городу. Собирается народъ; Илья привязываетъ коня къ столбу на площади, является царь и приказываетъ великану показать свою силу, тотъ отказывается; тогда

¹⁾ Сл. Разысканія, VIII, стр. 351—353.

²⁾ Сл. Даламъ, I, с., стр. 205.

царь просить Илью, чтобъ онъ приказалъ, и онъ велитъ великану показать четвертую часть своей силы. Тотъ свинецъ, и у ратныхъ людей (солдатъ) выпадаютъ волосы: съ тѣхъ норъ и водятся лисне. Илья убиваетъ великана, разоряетъ его домъ; всѣ его чествуютъ.

Ему было тринадцать лѣтъ, когда онъ встрѣтилъ таковаго же, какъ онъ — мальчика силача. Они мѣряются силой: Илья падаетъ на колѣни. Обмѣнявшись крестами, они идутъ страствовать; видятъ людей, корчевавшихъ лѣсъ; пока рабочіе сидятъ за дѣдой, оба мальчика приготовили больше луга, чѣмъ тѣ смогли бы за годъ: они съ корнями вырываютъ громадныя деревья и разбрасываютъ ихъ точно перья; такъ крѣпко врубаютъ топоры въ дерево, что другимъ ихъ не вытащить. Когда они удалились, рабочіе молятъ Бога отнять у силачей половину ихъ силы. Это совершается; послѣ того мальчики разстались.

Илья встрѣчаетъ нищаго (калика) изъ земли Идолища (Itolissa), у котораго промежъ глазъ укладывается аршинъ, промежъ плечъ три аршина; онъ глотаетъ гусей, не раскусывая, и однимъ махомъ выпиваетъ бочку пива. Помѣнявшись платьемъ съ каликой, Илья идетъ подъ окно къ Идолищу и проситъ, чтобъ ему дали поѣсть на три „выти“. Его голосъ такъ зыченъ, что дрожитъ окно, хотя говоритъ онъ не громко; Идолище хочетъ его видѣть, велитъ позвать къ себѣ. Илья идетъ лишь по второму, настойчивому приказу; ступени шатаются подъ нимъ, и слуга Идолища изумленъ, потому что подъ ногами его хозяина ступени не трогаются. На вопросъ Идолища Илья называетъ себя: Elyas Muromitsin maasta (изъ земли Ильи Муромца). „Видѣлъ ты его?“ „Видѣлъ“. „Какъ онъ ѣсть?“ „За разъ по немногу“. Идолище покачалъ головой, мечетъ жареныхъ лебедей, точно горохъ, себѣ въ ротъ: „Надо ѣсть, чтобы быть сильнымъ“. „Наша корова разъ такъ поѣла, что лопнула; быть можетъ, и съ тобою то же будетъ“. „Коли былъ бы здѣсь Илья, я бы растеръ его въ пыль моими руками“. „А когда бы Илья захотѣлъ, растеръ бы тебя въ размазю“. Идолище кинулъ въ Илью ножикъ, ножъ попалъ въ притолочину, которая вылетѣла на дворъ, точно мячъ. Идолище хочетъ схватить Илью, но тотъ вынулъ изъ подъ мышки свою шляпу, бросилъ ея: голова Идолища скатилась, шляпа пробилъ каменную стѣну.

Илья пришелъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой одинъ человѣкъ прожилъ триста лѣтъ. Явился и калика; снова они обмѣнялись платьемъ съ Ильей и освобождаютъ того человѣка. Вокругъ горы

встала изгородь по колѣна вышиной. „Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной впередъ, то будете жить также долго, какъ и я“, говоритъ человекъ, — „не то быть вамъ въ бѣдѣ“. Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крочьями и разбилъ голову о гору. Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взялъ на небо за то, что освободилъ человека.

3. (Изъ деревни Neatalahti, Wuoltojarvi'скаго погоста; записано въ Олонцѣ).

Бездѣтные мужъ и жена вырѣзали изъ ольхи дѣтскую фигуру и качаютъ ее въ люлькѣ. Разъ когда они пришли изъ лѣса, видятъ, что дитя живое, только безъ рукъ и ногъ и не говоритъ. Въ другой разъ, когда родители пошли на поле, выкорчеванное въ лѣсу, какой-то старикъ, поднявшись по лѣстницѣ, закричалъ: „Отвори мнѣ, Ша Мишгомси!“ У Ильи явилась рѣчь: „У меня ни рукъ, ни ногъ“, отвѣчаетъ онъ. „Попытайся!“ У Ильи явились руки и ноги. Онъ отворилъ старику, который, войдя, просить квасу. „Не знаю, гдѣ взять!“ „Посмотри въ кладовой“. Илья нашелъ бочку квасу, налилъ „stautsa'y"; старикъ подулъ на нее и велитъ Ильѣ испить. „Сколь великимъ кажусь я тебѣ?“ спрашиваетъ онъ у Ильи. „Какъ человекъ малаго роста?“ По второму разу: „Какъ комаръ“. Когда въ третій разъ старикъ подулъ съ другой стороны, Илья отвѣчаетъ: „Теперь ты кажешься мнѣ немногимъ выше“. „Теперь у тебя силы въ пору“, говоритъ старикъ—и велитъ Ильѣ пойти къ вдовѣ, купить у нея за тридцать рублей двухгодовалого жеребенка и кормить его, пока онъ не станетъ лошадейю.

Старикъ ушелъ, родители Ильи вернулись и обрадованы, когда онъ вышелъ имъ на встрѣчу. Узнавъ, что они еще не успѣли наладить изгороди, онъ проситъ на то ихъ благословенія и ставитъ изгородь изъ деревьевъ, корней и камней, а вмѣсто двери поставилъ скалу. Сдѣлавъ все это въ промежутокъ между одною закуской и другою, онъ идетъ домой, а родителямъ туда и не попасть, пока Илья не сдвинулъ скалы. Получивъ благословеніе на пашню, онъ увязилъ плугъ въ землю, пришелъ и говоритъ: „Не могу пахать“. Когда родители снарядились на косьбу, Илья дѣлаетъ себѣ косу въ девять аршинъ, и пока тѣ спятъ послѣ обѣда, выкосилъ весь лугъ—и тогда уже разбудилъ спавшихъ; то же повторяется и на другой день, когда пришлось грести сѣно (грабли у Ильи оказываются девяти-саженныя); на третій, когда сѣно надо было сушить, Илья

изготавливаетъ жерди длиною въ три сажени; въ три часа все сѣно было высушено.

Илья проситъ у отца-матери благословенія на отъѣздъ, и тѣ соглашаются, хотя имъ жаль такого работника. Купилъ у вдовы жеребенка за тридцать рублей съ полтиной и ведетъ его за собою. На встрѣчу старикъ: ударилъ палкой жеребенка по спинѣ, и явилось сѣдло. Онъ даетъ Ильѣ желѣзную палицу: „Легка ли она?“ „Легка“. Тогда онъ даетъ ему еще и цѣпъ (tschierpi).

Илья отпрашивается къ вдовѣ и просится на ночлегъ. Она рассказываетъ: „Мы въ городѣ обязаны кормить Mirodiedo (миродіа), давать ему по три куля (kuéa) хлѣба, по коровѣ и по три ведра (viedro) водки“. Илья идетъ къ Mirodiedo, богатырю (Bohatir). Тотъ ѣстъ. „Откуда ты?“ „Изъ Muugoskoj goudo“. „Знаешь Илью Муромца?“ „Знаю“. „По сколько онъ ѣстъ?“ „Когда очень голоденъ, то по просвиркѣ (proskupa), а то и по половинѣ“. „А я ѣмъ по три куля“ и т. д. „Выла у моего отца корова, она выпила цѣлый прудъ; съѣла три пуда травы, пришла голодная домой“. Богатырь разсердился, схватилъ со стола ножъ, бросаетъ въ Илью, но попалъ въ прилочину, которую спихиваетъ съ мѣста. Илья размахнулся желѣзной палицей: валится голова богатыря, вмѣстѣ съ стѣной, онъ самъ лопается на . . .

Илья идетъ къ вдовѣ: проспалъ до полуночи, слышитъ конское ржаніе, такъ что вся земля дрожитъ. Это повторилось трижды въ ночь; всѣ заснули, а Илья идетъ, видитъ въ землѣ рукоять; открывъ дверь, увидѣлъ коня. „Тридцать лѣтъ ждалъ я тебя, ты одинъ можешь совладѣть со мною“, провѣщилъ конь. Илья бьетъ его по хребту, конь палъ на колѣни: я тебѣ слуга. Илья вкладываетъ ему золотыя удила, вытаскиваетъ его изъ земли и заперъ дверь; прежнего коня онъ отдаетъ вдовѣ въ расплату за постой, сѣдъ на новаго, говоритъ: „Теперь я человѣкомъ сталъ, и у человѣка конь“. А конь скачетъ по верстѣ, по полуверстѣ однимъ махомъ.

Илья пріѣхалъ къ распутью; тамъ написано: „Прямо ѣхать триста верстъ, околицей три тысячи“. На прямомъ пути сидитъ птица, всѣхъ убивающая своимъ свистомъ; передъ нею идутъ три тысячи войска (voiskoi). Три раза махнулъ Илья своею палицей и убиваетъ всѣхъ. Видитъ на пѣхъ птицу Sviska; она засвистала, конь Ильи палъ на колѣни, а богатырь бьетъ его нагайкой (nahaika): „Чего испугался жужжанія комара?“ Лошадь вспрыгнула и не тронулась при второмъ свистѣ, при третьемъ она лишь задрожала. Илья закидываетъ арканъ на шею птицы и привязываетъ ее къ сѣдлу желѣзной цѣпью; затѣмъ

ѣдетъ къ хороманъ, гдѣ жили зятья (Sviska'и). Въѣхалъ на дворъ, зять выходитъ, спрашиваетъ Илью: видалъ ли онъ птицу; Илья показываетъ ее. Тогда вышла женщина и стала бороться съ богатыремъ; онъ убиваетъ ее и другую; у третьей одна нога, одна рука и одинъ глазъ. Долго борется съ нею Илья, усталъ. „Посмотри-ка, окаянная (окаі аної), твой домъ горитъ“, говоритъ онъ. Та обернулась, а Илья тѣмъ временемъ отрубилъ ей голову. Въ городъ, куда онъ прибылъ, его всѣ спрашиваютъ, господа хотятъ послушать свиста. Илья велитъ Sviska'ѣ посвистать въ пол-рта; онъ дѣлаетъ это во весь ротъ; народъ валится мертвымъ, а Илья ударилъ птицу о-земь и убилъ ее. Всѣ его славятъ.

Онъ ѣдетъ искать сильныхъ людей; слышитъ, что на горѣ живетъ Расланъ (Raslana). Добравшись къ нему съ трудомъ, находитъ его спящимъ и ударяетъ по уху тридцатипудовою желѣзною палицей. Расланъ не двинулся. По второму удару онъ открылъ глаза: Вадно, комаръ меня укусилъ. Тутъ онъ призналъ Илью: „Не ищи сильныхъ людей“, говоритъ онъ, — „есть такіе на землѣ; а ихъ не ищи; хоть могу снести эту гору, а земля меня не держитъ“.

Илья ѣдетъ далѣе, набрелъ на трехъ человекъ, дѣлавшихъ гробъ. Они не знаютъ, какой величины его сдѣлать; Илья ложится въ него для примѣра; крышка захлопнулась, и желѣзный обручъ явился вокругъ гроба. Илья велитъ разрубить его; тогда выросъ и второй обручъ, пока все не обросло обручами. „Здѣсь мнѣ остаться“, говоритъ Илья, — „хольте моего добраго коня“.

Послѣдовательность разказа такая: а) дѣтство Ильи, съ вторженіемъ сказочнаго мотива о мальчикѣ съ пальчикъ; б) Идолице: Миродъ—Mirodiedo; в) Соловей: Sviska (Свистка), изображенный птицей, какъ въ чувашской сказкѣ того же содержанія; д) Святогоръ: Raslana, то-есть, Расланъ, Еруслапъ. Былинный разказъ о смерти Святогора перенесенъ на Илью Муромца.

Пересказанныя нами финскія побывальщины представляютъ далеко не лишній матеріалъ для изученія русскаго эпоса. Являясь пересказомъ русскихъ версій пѣсни-сказки объ Ильѣ, онъ увеличиваетъ количественно число ихъ вариантовъ; являясь инародческимъ пересказомъ этихъ пѣсенъ, они знакомятъ насъ съ способами усвоенія однимъ народомъ продуктовъ фантазіи другаго. Разумѣется, лишь при цѣломъ рядѣ наблюденій такого рода возможны будутъ результаты, подлежащіе обобщенію въ смыслѣ метода и приложенію въ аналогическихъ случаяхъ, напримѣръ, при вопросѣ о томъ, какъ русскій

часть сохлѣш, отд. 2.

народъ усвоивалъ своему эпосу заимствѣ сюжеты. Пока этого не сдѣлано, не возможенъ и точный вычетъ того, что въ общенныхъ финскихъ побывальщинахъ принадлежитъ инородческому развитію, что можетъ восходить къ русскому преданію, не засвидѣтельствованному извѣстными намъ записями былии, но, можетъ быть, древнему. Арханizmъ: Мицговитса, несомнѣнно, принадлежитъ послѣднему, хотя мы не поторонимся заключить, что самая побывальщина, въ которой встрѣчается эта форма имени, древнѣе тѣхъ, гдѣ ей отвѣчаетъ Муромецъ. На смѣшеніе въ одномъ эпизодѣ Аники и Святогора уже было указано; замѣтимъ, что Святогоръ нигдѣ не названъ, а въ третьемъ вариантѣ его замѣнилъ Русланъ. Не ощущалось ли самѣ ими, какъ эпитетъ? Кіевъ данъ лишь въ одномъ пересказѣ; Владимиръ отсутствуетъ. Изъ одной находящейся у меня рукописной заимки покойнаго Карла Крона я узналъ, что существуетъ финская пѣсня о ссорѣ Ильи съ Владиміромъ; названъ ли при этомъ послѣдній—миѣ не извѣстно. Одинъ вариантъ этой пѣсни записанъ былъ въ Петербургской, другой въ Поманъ, въ Куопіосской губерніи; первый принадлежитъ, быть можетъ, поздней стадіи русскаго пѣсеннаго преданія, второй—важнѣе, потому что, по мнѣнію Крона, онъ могъ проникнуть въ указанную мѣстность Финляндіи не позже Столбовскаго мира, то-есть, 1617 года. Обнародованіе этой пѣсни было бы желательно, ибо, восходя къ русскому варианту XVI вѣка, она увеличила бы наши свѣдѣнія по исторіи русскаго эпоса, которую пока приходится возстановлять путемъ теоретическихъ наведеній.

XV.

Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго?

Исслѣдованіе В. Г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго ¹⁾, рѣшающее вопросъ во многихъ отношеніяхъ, оставило во мнѣ нѣсколько сомнѣній, обновило нѣсколько вопросовъ. Сомнѣнія касаются отношеній „первоначальнаго“ греческаго житія къ русской его передѣлкѣ: если послѣдней принадлежатъ заимствованія изъ житія Іоанна Златоуста, составленнаго Георгіемъ Александрійскимъ, что несомнѣнно, то и въ греческой легендѣ о св. Стефанѣ есть выраженіе, напоминающее этотъ источникъ, и это совпаденіе трудно

¹⁾ См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1889 г., май и іюнь.

объяснить случайностью ¹⁾, хотя, съ другой стороны, загадочнымъ можетъ представиться, что русскій сказатель обратился для своихъ стилистическихъ интерполяцій именно къ тексту, которымъ пользовался и греческій подлинникъ, безъ указанія своего источника.

Вопросы, которые обновилъ В. Г. Васильевскій (см. іюнск. кн., стр. 444 и слѣд.), не только опредѣлили мои розысканія въ области южно-русскихъ былинъ, но и самое понятіе южныхъ, не въ смыслѣ специально кievскомъ. Я не разъ возвращался къ готскимъ элементамъ на югѣ Руси и въ своихъ изслѣдованіяхъ, и въ лекціяхъ по германскому эпосу, въ составѣ котораго готскій циклъ представляется мнѣ болѣе сохранившимся, чѣмъ полагаютъ обыкновенно. Въ такъ-называемомъ ломбардскомъ циклѣ я вижу сѣверно-италианскую локализацию готскихъ, въ основѣ, сказаній; къ нимъ во всякомъ случаѣ относится сказаніе объ Ортнитѣ—Hertnitъ Тидрексага. Эпизодъ о Вравлинѣ въ житіи св. Стефана Сурожскаго даетъ мнѣ поводъ сообщить нѣсколько соображеній, пока гипотезъ, которыя, быть можетъ, мнѣ удастся подкрѣпить новыми данными или и видоизмѣнить въ слѣдующихъ выпускахъ моихъ Южно-русскихъ былинъ. „Мелкія замѣтки“ выйдутъ дѣлю не только сообщать матеріалы, но и вызывать разъясненія и мотивированныя противорѣчія со стороны интересующихся вопросами русскаго эпоса.

Тидрексага знаетъ четырехъ Гертнитовъ, изъ которыхъ три являются въ ея русской генеалогіи: Гертнита, царящаго въ Гольмгардѣ (Новгородѣ), у котораго три сына: Озантриксъ, Владимръ и Илья Греческій; Гертнита, сына Озантрикса, и Гертнита, сына Ильи. У Ильи Греческаго былъ, стало быть, племянникъ Гертнитъ; въ нѣмецкой поэмі объ Ортнитѣ Илья названъ русскимъ, у него племянникъ по матери Ортнитъ. Генеалогическія отношенія тѣ же, но мѣсто дѣйствія перенесено въ сѣверную Италію, очевидно, не редакторомъ поэмы, написанной, какъ полагаетъ Мюлленгофъ, зимою 1225—1226 года; редакторъ могъ воспользоваться готовою уже локализацией, внести въ разказъ современныя ему историческія отношенія и соотвѣтствующія географическія подробности.

Общія чертанія разказа такіа: Ортнитъ, племянникъ Ильи русскаго, царствуетъ въ Garte, то-есть, въ Гардѣ, въ Ломбардіи; слышитъ о красотѣ дочери Machorel'я (Machorel, Nachorel, Zacherel, Achahol, Nachael, Nachaol), властвующаго въ Судерсѣ (Suderz, Sauderz, Sy-

¹⁾ Л., с. іюнь, стр. 433.

ders, Sanders. и др.), въ Сиріи (Surte, Syvrete, Surgen), рожденнаго въ Montabûr (Montamur и др.). Не смотря на то, что сватовство грозитъ опасностью, ибо Machogel рубить головы всѣмъ претендентамъ на руку его дочери, Ортнитъ рѣшается на поѣздку, и Илья обѣщаетъ ему помощь: онъ-то и сообщилъ ему вѣсти о красавицѣ, объ ея родѣ и племени. Илья проситъ только отложить походъ до весны: ему надо съѣздить на Русь, гдѣ онъ не былъ около года, поглядѣть на жену и дѣтей и на дружину. Въ условленной время всѣ отправляются въ походъ: путь идетъ на Мессину, оттуда до Suders'a двѣнадцать дней. Предпріятіе удастся, благодаря пособничеству шаловливаго духа, Альбериха, который оказывается настоящимъ отцомъ Ортнита: невидимый онъ проникаетъ въ замокъ Махореля, заявляетъ, что приславъ сватомъ, и когда Махорель неистовствуетъ, желая схватить незримаго посланца, и требуетъ отъ него вѣрительной грамоты, Альберихъ даетъ ее ему — въ видѣ пощечины. Въ другой разъ онъ ночью пробирается на городскую стѣну, портитъ весь боевой сарядъ и бросаетъ въ ровъ.

Ортнитъ царствуетъ въ Гартѣ, но ему повинуются вся Италия отъ горъ и до моря. Такое представленіе переноситъ насъ, по мнѣнію Мюлленгофа, къ XIII вѣку и къ тѣмъ историческимъ моментамъ, которые опредѣляли передѣлку древняго сказанія въ поэму: таковы именно были политическіе замыслы Фридриха II, которые онъ пытался осуществить въ Италиі и отчасти осуществилъ до 1226 года. Согласно съ этимъ и Махорель очутился съ чертами ассасина Горнаго Старца, о которомъ, такъ много разказывали крестоносцы; Montabûr — это крѣпость, построенная въ 1212 г. Малекъ-эль-Аделемъ на горѣ Фаворѣ; попытка крестоносцевъ въ 1217 году овладѣть этою крѣпостью отвѣчаетъ эпизоду поэмы о событіяхъ подъ Монтабуромъ, историческая подкладка которыхъ представляется Мюлленгофу несомнѣнною. Но онъ идетъ и далѣе, предполагая, что бракосочетаніе Фридриха II съ Изабеллой (Юлантой), королевой Іерусалимскою, 9-го ноября 1225 г., и было поводомъ для автора обработать наново старій разказъ о брачной поѣздкѣ Ортнита. Главное основаніе этому предположенію дано въ отождествленіи Судерса съ Тиромъ. Ортнитъ отправляется съ своимъ флотомъ изъ Мессины и присталъ къ Судерсу; крестоносцы отплыли въ 1217 г. изъ Спалатро и прибыли въ Акру. Поэтъ не задумался представить Судерса главнымъ городомъ язычниковъ, хотя Тиръ, завоеванный съ 1124 года, покинутъ былъ христіанами лишь въ 1291 г. и за все это время оставался въ ихъ

рукахъ. Автору нуженъ былъ для его разказа приморскій городъ: онъ и выбралъ Тиръ, хотя Акра представляла болѣе удобное мѣсто для нападенія на Монтабургъ. Измѣненіе Тира, восточн. *Tsog, Szog, Szug*, старо-франц. *Sur*, нѣм. *Surs*, въ *Suders* объясняется желаніемъ автора подставить вмѣсто географически опредѣленной мѣстности другую, менѣе опредѣленную; напомнимъ, впрочемъ, что *Tugum id est Suders* встрѣчается, подъ 1193 годомъ въ Адмонтскихъ анналахъ. Тиръ подсказанъ былъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь Изабелла вѣнчана была на Іерусалимское царство послѣ того, какъ въ Акрѣ заключенъ былъ *per rogationem* ея бракъ съ Фридрихомъ II; отсюда же она отправилась осенью 1225 года въ Апулію, гдѣ бракосочетаніе состоялось въ Бриндиви.

Такимъ образомъ Мюлленгофъ думаетъ объяснить роль Тира-Судерса въ поэмѣ и получаетъ для нея хронологическій *terminus a quo*. Но вѣдь Судерсъ или другое созвучное имя могло находиться въ сказаніи еще до передѣлки его въ поэмѣ XIII вѣка. Это такъ же мыслимо, какъ и то, что *Garte-Гарда* послѣдней замѣнило собою древнее названіе Новгорода—и не подъ руками редактора поэмы, а въ болѣе древнемъ (какъ полагаютъ) видѣ саги, которымъ пользовался авторъ *Dietrichs Flucht*. Старосѣв. *Nõgardr*, средневѣк. лат. *Nogardia*, Немогардъ Константина Вагряпороднаго, старо-нижне-нѣм. *Nõgarden, Nougarden*, средне-верхне-нѣмецкій *Nõgarten* очутился Гардой; Ортнитъ поэмѣ сталъ царствовать тамъ; старый *Hertnit* Тидрексаги еще властвуетъ въ *Holmgard'ŕ*, то-есть, Новгородѣ, и можно представить себѣ, что то же разказывалось и о Гертнитѣ, племянникѣ Ильи, отвѣчающемъ Ортниту поэмы. Мюлленгофъ заключаетъ, что преданія, которыми руководился ея авторъ, проникли въ южную Германію изъ нижне-нѣмецкихъ сагъ, говорившихъ о походахъ властителя *Nogarden'a*. Поэма написана въ первой четверти XIII вѣка; нижне-нѣмецкія сказанія слѣдуетъ предположить значительно болѣе древними; онѣ легли въ основу и соответствующихъ эпизодовъ Тидрексаги, послѣдовательно называющей Илью не русскимъ, какъ въ поэмѣ, а греческимъ. Это относитъ насъ къ югу, къ предположенію, что и *Nõgarden*, если онъ находился на ряду съ этимъ воспоминаніемъ, могъ быть лишь прилаженъ къ созвучному сѣверному городу. Если и въ нижне-нѣмецкомъ оригиналѣ хожденіе по невѣсту направлялось на югъ, какъ въ поэмѣ, то упоминаніе сѣвернаго Новгорода и невѣроятно.

Очевидно, не изъ него, а отъ какого-нибудь южнаго Новгорода—

Νεάπολις (Васильевскій, I. с., июнь, стр. 450), въ направленіи отъ него пришла русская рать князя Бравлина, поплѣнившая все отъ Керчи до Корсуна и взявшая Сурожъ. Если и принять за вѣроятное, что имѣется въ виду какое-нибудь неизвестное намъ нашествіе первой половины IX вѣка (I. с., стр. 441, 442), и что русская рать была готская, то все же остается подъ сомнѣніемъ имя ея князя Бравлина. Г. Васильевскій предполагаетъ его готскимъ (I. с., стр. 451), напоминая вестготскаго епископа Брауліона; если разказъ о нашествіи находился уже въ греческомъ подлинникѣ (I. с., стр. 440), то это, или подобное имя стояло и тамъ, русскіе могли быть названы тавроскинами (I. с., стр. 449). Въ связи съ послѣднею гипотезою я поставлю другую, отмѣняющую—Брауліона: византийцы называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи, Мирмидонны¹⁾; едва ли одна южно-русская локализация Ахилловой легенды повела къ такому обозначенію—безъ встрѣчной поддержки въ мѣстныхъ (Μορμηχίων) и, можетъ быть, этническихъ названіяхъ. Одно изъ нихъ и могло быть осмыслено, какъ Μορμίδωνες; Μορμίδωνъ былъ бы спонимомъ народности; въ русской передачѣ, опредѣленной традиціонною этимологіею (Μορμηξ), Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ. Мравлинъ—это Моровлинъ, Муровець, древнее прозвище Ильи; позже Муромлянъ, Муромецъ, въ примѣненіи къ Мурому. Бравлинъ—Мравлинъ, русскій князь, ходилъ на Сурожъ, какъ въ поэмѣ объ Орнитѣ Ильи русскій на язычскій, можетъ быть, еврейско-хазарскій (сл. имя князя: Nachorel, Zacherel) Suders: Suders отъ Su(g)da (сл. Судаць), какъ средневерхненѣм. Askers изъ Акка. Разница въ томъ, что въ поэмѣ Ильи и его рать христіане, тогда какъ Бравлинъ язычникъ, что странно, если его русская рать—готская. Г. Васильевскій (I. с., стр. 450) выходитъ изъ затрудненія, предположивъ, что разумѣются не готы Климатовъ, давно принявшіе христіанство, а какія-нибудь другія поселенія германскаго племени на сѣверѣ отъ Корсуни или около Симферополя. Можетъ быть, слѣдуетъ удержать лишь самый фактъ нападѣнія, объяснивъ остальное цѣлью легенды: надо было прославить ибѣстнаго святаго, и враги по неволѣ явились язычниками.

Мирмидонъ-Мравлинъ напоминаетъ мнѣ этническое значеніе Мер-

¹⁾ Васильевскій, Хожденіе апостола Андрея, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1877, стр. 176 слѣд.; Πολίτης Ἑλληνικοὶ μεσαιωνικοὶ μῦθοι въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, Τομ. I, τεύχ. 1, стр. 96 слѣд. (по поводу *Sathab*, La tradition hellénique etc. Paris. 1893).

Мерминки новогреческихъ пѣсенъ, на что указалъ еще г. Васильевскій¹⁾. Въ шуточной критской пѣсни (изъ сборника Яннараки) ὁ μέρμηγυ-
 хας=Муравей является героемъ:

Встрѣтился со мною муравей (Мерминка),
 Сербина сынъ, сербянка сынъ,
 На холмъ моемъ, прекрасный!

Онъ одѣтъ по еврейски, вооруженъ по турецки, „а былъ при-
 томъ и муравей“. Онъ идетъ въ Сирію воевать; на улицъ съ нимъ
 встрѣтились сарацины и мавры и сорокъ лычаровъ. Пѣсня, очевидно,
 безъ конца. Въ трапезунтской пѣснѣ (у Иоаннида, *Ἱστορία*, стр. 285—
 286, № 18), переведенной для меня профессоромъ Дестунисомъ, Мёр-
 мика—богатырка:

„Мёрмика, Мёрмика, на тысячу разъ заколдованная (богатырка),
 одѣлась, перемѣнилась и выступила на гребни (горные хребты),
 взяла и саблю свою въ правую руку; пошла по горамъ, по горамъ да
 по утесамъ плоскогорья и обнажила саблю свою и поразила са-
 рацина. „Воже, хотя бы ты и гнѣвался, я кровь его выпью: въ
 Царьградѣ похвадуютъ христіанъ, а въ Мусирѣ ромеевъ: я его изрублю
 и къ Мехмету (на тотъ свѣтъ) отправлю. (Вѣдь) пять сыпоевъ моихъ
 убили и (только) малаго мнѣ оставили. Меня, мать свою, звали они,
 связанные и окованные! Девять годовъ ходилъ и малый мой по не
 обитаемымъ горамъ, и повстрѣчали его драконы и львы (еллины-вои-
 тели, объясняетъ Иоаннидъ). А левендовъ (турокъ) встрѣтили на
 плоскогорьяхъ Солнца (можетъ быть: Ильи). И когда пришли къ
 Фрахтенамъ, только трое ихъ осталось. Тамъ слышать какой-то го-
 лось, еллинскую рѣчь; тамъ слышать какой-то голось — ахти мнѣ,
 мама! Тамъ нашли моего сына, убитаго копьемъ турка. Много разъ
 умирала я въ объятіяхъ моего сына. О кабы убили, вмѣсто тебя,
 твою скорбную маму!“

Мёрминка, Мёрмика тамъ и здѣсь, очевидно, христіанинъ, про-
 тивопологаемый сарацинамъ и туркамъ. Этнографическая загадка, въ
 связи съ которою разрѣшится, быть можетъ, и мое толкованіе: Мрав-
 линъ—Мирмидонъ:

О древнихъ мирмидонахъ поминали у насъ²⁾ по поводу извѣ-
 стнаго эпизода о „мурашикахъ“ въ былинѣ о Вольгѣ-Волхѣ у Кириши.
 Я сравниваю ее съ поэмой объ Ортнитѣ, предполагая, что въ основѣ

¹⁾ К. с., стр. 179—180.

²⁾ Л. Н. Майковъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1868, май, стр. 630.

ихъ мотивы сходились ближе, и что въ некоторое разногласіе внесено лишь позднѣйшею передѣлкой. Ортнитъ сверхъестественнаго происхожденія; его отецъ демонъ Альберихъ; его чудесной помощи Ортнитъ обязанъ успѣхомъ своей брачной поѣздки, но можно предположить такую редакцію сказанія, въ которой чудесное происхожденіе отражалось въ таковыхъ же дарахъ самого героя. Сюжетъ саги о немъ: брачная поѣздка на востокъ; отецъ невѣсты ему враждебенъ, мать подается и уговариваетъ мужа согласиться: вѣдь Ортнитъ разгромилъ Судерсъ, возьметъ силой и невѣсту. Въ отвѣтъ на это разгнѣванный Махорель бьетъ жену по лицу и обезумѣлъ отъ гнѣва, когда въ бесѣду вмѣшался невидимый Альберихъ. Напомнимъ еще эпизодъ объ Альберихѣ, портящимъ бранный снарядъ непріателей; въ древней пѣснѣ эти предѣлки могли быть разказаны о самомъ Oртnit'ѣ, тайно (оборотнемъ?) проникнувшемъ въ осажденный городъ.

Рожденіе Вольги сопровождается чудесными знаменіями; этотъ мотивъ настойчиво повторяется въ былинахъ о немъ, а кромѣ того лишь въ пѣсняхъ о Добрынѣ. Варіантъ Кирши присоединяетъ древнюю, вѣроятно, подробность, что и самое рожденіе Вольги было чудное: его мать соскочила съ камня на лютаго змѣя и поносъ понесла. Такъ еще въ пѣсенномъ отрывкѣ про змѣя Горыныча ¹⁾—и, можетъ быть, въ пѣснѣ о Саурѣ Ванюдовичѣ (Кяр. I, 3, стр. 113—116), гдѣ теперь змѣя является лишь причиной искуга.

Чудесное рожденіе было первоначально причиной чудесныхъ даровъ Вольги, его оборотничества, способности быстро переноситься въ пространства, проникать въ непреступныя мѣста. Позже эта причинная связь была забыта и Вольга учится этимъ хитростямъ и мудростямъ; онѣ показательны для его былиннаго типа: Не ходи на Вольгу Сеславича, говорятъ Ильѣ калики,—

Онъ не силою возьметъ,

Такъ хитростью—мудростью. (Рыбн. I, стр. 35).

Поѣздка Вольги не брачная; только у Кирши онъ женится на дочери убитаго имъ царя Индѣйскаго; другіе варіанты дѣлаютъ цѣлью поѣздки Турецъ землю, либо Золоту орду. Я не рѣшусь сказать, что въ основѣ пѣсни лежало сватовство за невѣсту, но считаю это вѣроятнымъ. Роль царицы напоминаетъ отчасти соответствующую фигуру въ поэмѣ: Волхъ хочетъ послать кого-нибудь,

¹⁾ *Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесности*, т. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 279—280.

А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
 Провѣдалъ бы про царство Индѣйское (Кирша)
 Провѣдать про думу про царскую,
 Что царь думи думаетъ (Рыбн., I, № 1=Гильф., № 91).

Когда никто не выискивается, онъ идетъ съ дружиною самъ, узнаеть, обернувшись соколомъ, птишицей, про думы про царскія: царь похваляется, что пойдетъ на святую Русь, а царица говоритъ, что тамъ родился ему супротивникъ (Кирша), что успѣха не будетъ, и царь бьетъ ее за то по бѣлу лицу, бросаетъ о киричичень полъ (Рыбн. I, № 1, Гильф., № 91; Рыбн. I, № 2). Это сходно съ разказаннымъ выше эпизодомъ нѣмецкой поэмы.—Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ у Кирши и у Рыбн. I, № 1=Гильф. № 91 разказъ о томъ, какъ Волхъ обернулся горностаемъ,

Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
 По тѣмъ по высокимъ по теремамъ,
 У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ
 У каленныхъ стрѣлъ желѣзы новынималъ (Кирша).

Такая же продолжка Алебериха приведена выше. Примыкающій сюда эпизодъ о мурашикахъ извѣстенъ лишь по варианту Кирши: перепортивъ оружіе, Волхъ полетѣлъ яснымъ соколомъ въ чисто поле, будиль свою дружину и повелъ ее къ царству индѣйскому:

И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной,
 Крѣпка стѣна бѣлокаменная,
 Ворота у города желѣзные,
 Брюки, засовы всѣ мѣдныя,
 Стоять караулы денны, нощны,
 Стоять подворотня дорогъ рыбій зубъ,
 Мудрены вырѣзы вырѣзано,
 А и только въ вырѣзу мурашу пройти.

Закручинились молодцы, потерять имъ тутъ свои головы. А Волхъ и тутъ догадался: самъ обернулся мурашкой, дружину обернулъ мурашками; такъ перешли они за стѣну, а тамъ снова стали добрыми молодцами, приняли рубить стараго и малаго.

Царь названъ Салтыкъ Ставрудевичъ (Кирша), Турецъ-Салтанъ (Рыбн., I, № 1=Гильф., № 91), Салтанъ Бекетовичъ (Рыбн., I, № 2); царица Авзяковна, Елена Александровна (Кирша), Панталоновна (Рыбн., I, № 1=Гильф., № 91), Давидьевна (Рыбн., I, № 2); Вольга родился въ Кіевѣ, оттуда и направленъ походъ въ царство Индѣйское или Турецъ-землю. Я не анализирую этихъ подробностей: имена, очевидно, позднія, возвращающіяся въ воспоминаніяхъ татарскаго пері-

ода; Елена Александровна является по былинамъ въ Цареградѣ или Іерусалимѣ (Сказаніе о семи богатыряхъ; Кир. I, № 4), Азьяковна, молода Елена Александровна въ былинѣ о Саурѣ Леваидовичѣ (Кир. III, № 2), указывающей на южно-русскія отношенія. Древность имени Вольги въ пѣснѣ о его „хитростахъ—мудростахъ“ и пока оставлю открытымъ вопросомъ, какъ и кое-что другое, выраженное въ этой замѣткѣ. Вѣроятнымъ представляется мнѣ отождествленіе: Suders=Сурожъ. Илья греческій являлся до сихъ поръ въ неясной географической расплывчивости Тидрексаги, Илья русскій въ фантастическихъ отношеніяхъ къ Гардѣ и Тиру. Судерсъ=Сурожъ возвращаетъ насъ къ мѣстности, о которой русскія былины сохранили память въ своихъ богатыряхъ-сурожахъ (сл. мон Южно-русскія былины, гл. V); къ ихъ цѣлу могла примыкать какая-нибудь пѣсня-сага о хожденіи Ильи русскаго на Сурожъ. Если поэма на этотъ сюжетъ относится къ 1225—1226 годамъ, то соотвѣтствующая пѣсня была древнѣе; древнѣе пѣсенныхъ источниковъ Тидрексаги, знающихъ Илью уже въ (родственной) связи съ Владимиромъ, о чемъ въ поэмѣ нѣтъ рѣчи. Это умолчаніе не приводитъ ли насъ снова ко времени, изъ котораго донеслось до насъ чудо съ русскимъ княземъ сурожской легенды?

XV.

Былины о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ.

Сюжетъ пѣсенъ о „дѣвушкѣ-воинѣ“, распространенныхъ отъ Сербіи до Асорскихъ острововъ, сводится къ слѣдующимъ чертамъ: Старикъ вышелъ приказъ идти на войну; онъ слишкомъ дряхлъ, и сыновей у него нѣтъ; вмѣсто него идетъ его дочь, переодѣтая воиномъ. Она отличается, и ее замѣчаютъ; заинтересованный ея юноша подозрѣваетъ въ мнимомъ солдатѣ дѣвушку и подвергаетъ ее разнымъ испытаніямъ, съ цѣлью обнаружить ея полъ. Она ловко избѣгаетъ ихъ и, открывшись влюбленному юношѣ лишь когда опасность для нея миновала, возвращается домой, сохранивъ свою честь.

Цикломъ этихъ пѣсенъ занимался Nigra ¹⁾, высказавшій по ихъ

¹⁾ Canzoni popolari del Piemonte, racc. da Costantino Nigra, *Rivista contemporanea*, XI, 1858, fasc. III, стр. 90. Повторено въ *Canti popolari del Piemonte* publ. da C. Nigra (Torino. 1888), превосходномъ изданіи, вызвавшемъ

поводу предположеніе, что какъ онѣ, такъ и нѣкоторыя другія пѣсни романтическаго содержанія, сложились въ Провансѣ, откуда распространились въ послѣдствіи по романскимъ и славянскимъ землямъ, гдѣ къ пѣснѣ о дѣвушкѣ-воинѣ примкнула русская былина о Ставрѣ. Этому предположенію, которое я по прежнему считаю сомнительнымъ ¹⁾, хотя Nigra еще недавно повторилъ его снова ²⁾, г. Созоновичъ противопоставилъ новое, столь же мало обоснованное ³⁾. Причина неуспѣха коренится въ методическихъ приемахъ автора, о чемъ будетъ рѣчь далѣе; и въ недостаточномъ его знакомствѣ съ литературой предмета. Работы и сопоставленія R. Köhler'a и F. Wolf'a ⁴⁾, Prato ⁵⁾ и мои ⁶⁾ указали ему библиографію пѣсни и входящихъ въ нее мотивовъ въ значительной полнотѣ; автору принадлежитъ заслуга болѣе подробнаго изслѣдованія славянскихъ вариантовъ, уже обратившихъ вниманіе О. Миллера и Драгоманова. На сколько полонъ относящійся сюда отдѣлъ, судить въ настоящее время не могу; недостаетъ во всякомъ случаѣ указаній на варианты въ сборникѣ Ястребова ⁷⁾ и на болгарскую сказку у Шапкарева ⁸⁾. Страннѣе всего пробѣлы въ библиографіи италянкой пѣсни и сказки, не только потому, что автору, доказывающему ихъ зависимость отъ южно-славянскихъ оригиналовъ, подобало подробно разобратъ ихъ мнимыя отраженія, но и потому, что статья Прато, которою авторъ воспользовался съ лхвой, давала ему надлежащія указанія. Такъ указаны Прато и обоб-

сочувственный приѣмъ и разборъ *D'Ancona* (*Nuova Antologia* 1869, 16 Marzo) и *G. Paris* (*Journ. des Savants*, 1869, Septembre, Octobre, Novembre).

¹⁾ *Ateneo Italiano* 1866, 15 Aprile, стр. 226. Сомнѣніе это теперь подробно обосновано въ указанныхъ статьяхъ *D'Ancona* и *G. Paris*.

²⁾ *Romania* 1884, стр. 278—280. Мнѣніе Нигры разделяютъ *Braga* (*Cantos pop. do archip. açorianas*, прим. къ №№ 11 и 12) и *Stanislaw Prato* (*Romania*, XIII, стр. 161).

³⁾ *Созоновичъ*, Пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ и былина о Ставрѣ Годиновичѣ. Варшава. 1886 г. Первая часть слѣдующей замѣтки развиваетъ сказанное мною въ *Archiv. f. slav. Philologie*, X, стр. 224 слѣд.

⁴⁾ *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, III (1861). Статьи *Либрешта* (*Heidelberger Jahrbücher* 1877, стр. 874) авторъ не цитируетъ.

⁵⁾ *Romania*, XIII, стр. 160—163.

⁶⁾ *Стойжана-Стевена* и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, въ приложеніи къ XXXIX тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*, № 4.

⁷⁾ *Ястребовъ*, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. С.-Пб. 1886, стр. 314—315, 135—136, 222.

⁸⁾ *Шапкаревъ*, Вѣлгарски народни приекаски и вѣрванія (Пловдивъ, 1885), № 45.

денъ авторомъ слѣдующія варианты итальянской пѣсни о дѣвущкѣ-воинѣ: F. Sabatini, *Canti popolari romani* (Riv. di letteratura popolare I, стр. 29—30, № 13); Ferraro, *Canti di Pontelagoscuro* (Riv. di filologia romanza, v. II, fasc. 4, № 5); Gianandrea, *Canti popolari marchigiani*, стр. 280, № 14; Bernoni, *Canti pop. veneziani, puntata V: La guerriera*¹⁾. Присоединю съ своей стороны указаніе на пѣсню изъ Montalese (La Dragona; въ Archivio Pitrè II, стр. 510); на сказки: Pitrè, *Fiabe siciliane* № COLXXXVII; Pitrè, *Novelle popolari toscane* № XV; Comparetti, *Novelline pop. italiane* № XXI; Cunto d' 'e due mercanti (Giambattista Basile; an. I, № 1, стр. 2—3); De Nino, *Fiabe abruzzesi*, № LV. Для полноты обзора и на пользу будущаго исследователя нашего пѣсеннаго и сказочнаго цикла, отмѣчу еще (благодаря письменному сообщенію мнѣ Р. Кѣлера) нѣсколько сказокъ, въ которыхъ дѣвушка не идетъ на войну но, переодевая мужчиной, также подвергается испытаніямъ пола: S. Romero, *Contos pop. do Brazil* № 32; J. Vinson, *Le Folklore du Pays basque*, стр. 73; Kr. Jansen, *Folk-eventyr, uppskrivne i Sandehørad* (Kristiania. 1878), № 5.

Къ недочетамъ въ литературѣ спеціальнаго вопроса присоединю и другіе. Авторъ нерѣдко касается по поводу своей темы тѣхъ или другихъ историко-литературныхъ явленій или теченій, при чемъ его свѣдѣнія оказываются не всегда стоящими на желаемомъ уровнѣ. Укажу въ примѣръ на сказанное имъ о Reali di Francia (стр. 54, прим.), о вліяніи западныхъ литературъ на восточныя (стр. 63—64), объ этническихъ условіяхъ литературнаго развитія Сициліи (стр. 99 слѣд.) Авторъ серьезно полагаетъ, что стихотворныя формулы, встречающіяся въ итальянскихъ сказкахъ о дѣвущкѣ-воинѣ (см. напримѣръ: *I mi chiamavo Fiorerimare, — Vergine noi vinni e vergine mi ni vago*), — остатки древней пѣсни на тотъ же сюжетъ, превратившейся въ сказку (сл. стр. 102, 107, 110), что слѣдуетъ еще доказать, иначе пришлось бы признать значительную часть итальянскихъ сказокъ разложившимися пѣснями. На стр. 95 заглавіе пьемонтскаго варианта, *Lezione piemontese*, издавна Нигрой, неловко передано: будто пѣсня названа *Lezione piemontese*; на стр. 94, прим. 1 Нигрѣ вмѣ-

¹⁾ На другіе, пока не изданные, варианты сказки и пѣсни о дѣвущкѣ-воинѣ указываетъ Prato, l. c., стр. 163: Posseggo io pure nelle mie collezioni vari canti inediti umbri e livornesi intorno a tale argomento, così ancora una variante pitiglianese della canzone dal titolo: *La ragazza coraggiosa* e un conto pitiglianese affine al citato albanese (=Hahn, II, № 101).

нево мѣнѣе, котораго онъ не выражалъ и не могъ выразить: будто „итальянское литературное направленіе сказалося въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, въ ея рѣмѣ и въ ея рыцарскомъ колоритѣ“! Нигда говоритъ, разумѣется, о романскомъ, а не объ итальянскомъ вліяніи¹⁾.

Извѣстную начитанность обнаруживаетъ авторъ въ литературѣ, которую онъ называлъ бы „бытовою“. Онъ приводитъ цѣлыя страницы изъ книгъ Bernhard'a Schwarz'a: *Montenégro* и Lepogmant'a: *Turcs et Montenégrins* (стр. 16—19) и извлекаетъ изъ брошюры Stricker'a: *Die Amazonen in Sage und Geschichte* свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобъ убѣдить насъ въ воинственности древнихъ германскихъ и романскихъ женъ. Подобнаго рода свѣдѣнія, количество которыхъ легко было бы умножить²⁾ безъ особой пользы для дѣла, служатъ, тѣмъ не менѣе, методической цѣли автора; методъ, имъ излюбленный: бытовой или культурно-историческій. „Сопоставляя и анализируя собранные варианты“ (пѣсень), говоритъ онъ въ предисловіи (стр. VII),—„я не могъ игнорировать бытовыхъ явленій. Единственно они могутъ указать первичную почву, отъ которой пошло развитіе сюжета, и дать возможность связать словесныя произведенія съ жизнью“. „Изучая пѣсенный мотив“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 5),—„мы съ особою старательностью будемъ присматриваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтический образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, какія происходили въ композиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чуждой обстановки“. Общанія почтенныя, если они стоятъ на уровнѣ исполненія; методъ не новый, но имъ надо пользоваться умѣючи, памятуя, что онъ не исключительный, и что, когда бытового критерія не хватаетъ, необходимо браться за другой. Съ точки зрѣнія бытового критерія почему, наиримѣръ, не допустить слѣдующаго: воинственныя жены, которыхъ авторъ октроируетъ гер-

1) *Romania* 1876, стр. 450: „I Tedeschi presero da noi la rima e la tinta cavalleresca, che già appare nei loro Nibelunghi. Attinsero abbondantemente alle sorgenti dei cieli epici romani“ и т. д.

2) См., наиримѣръ, *Rochholz*, *Deutscher Glaube und Brauch* II: *Deutsche Frauen vor dem Feinde* стр. 288 слѣд.; *Paul und Braune's Beiträge* XII, 225; *Golther*, *Die Sage von Tristan und Isolde*, стр. 19. См. еще *Il Telegrafo* 1887, 18—19. Marzo: *Donne-soldati* (газета выходящая въ Ливорно) и отмѣченный *D'Ancona* *Miracle de Notre-Dame de la fille d'un roy qui ... laissa habit de femme et se mainteint com chevalier et fu sodoier de l'empereur de Constantinople et depuis fu sa femme* (*Miracles de N. D. par personnages etc. Paris, Didot*; VII, стр. 1—117).

манскимъ и романскимъ племенамъ, обусловлены въ проявленіи своего типа соотвѣтствующею жизненною обстановкой, и не нужно особенно далеко уходить въ глубь исторіи, чтобы представить себѣ тотъ моментъ, когда болѣе суровыя условія быта и общественныхъ отношеній могли вызвать, вмѣстѣ съ типомъ, и соотвѣтствующую идеализацію въ пѣснѣ: пѣсню о дѣвушкѣ, идущей на войну.

Но я предпочитаю стать на точку зрѣнія автора, оставая германцевъ и романцевъ для сербовъ, болгаръ и грековъ, еще переживающихъ тотъ историческій и бытовой моментъ, который другіе европейскіе народы давно оставили за собою. Долгая борьба за существованіе и народную независимость должна была создать и создала здѣсь женщинъ вонтальницъ — въ жизни и пѣсняхъ, поющихъ про дѣвушку-паланикара, гайдюка, сражающуюся съ турками. Эти пѣсни, несложныя по содержанію, сходны у грековъ и южныхъ славянъ; сходенъ перѣдко и запѣвъ:

Ποιὸς εἶδε φάρμακον ἐξ ἑσπέρας καὶ ἀλάφι ἐκ ἑσπέρας;

Ποιὸς εἶδε κορὴν ἀνύπαντρη μέλας ἐπὶ καλλιχάρια;

(Passow, № CCV).

Сл. греческую пѣсню въ переводѣ Томмазо (v. III, стр. 78):

Chi vide di notte sole, stelle di mezzodi?

Chi vide giovane bella insieme co clefti?

и болгарскую у Миладиновыхъ, № 212:

Дека съ чуло видело,

Можа войвода да бидитъ, и т. д.?

Подобныя пѣсни могли сложиться у грековъ, равно какъ у сербовъ или болгаръ, ибо всѣ эти народы представляли одинаковыя условія для ихъ зарожденія. На этомъ можно было бы успокоиться, еслибы взаимное сходство тѣхъ пѣсенъ не было таковое, какое можно объяснить лишь предположеніемъ заимствованія готовою пѣсней однимъ народомъ у другаго. Культурно-историческій критерій, проповѣдуемый авторомъ, здѣсь не помогаетъ; надо взять на помощь другой, который я назвалъ бы пѣсеннымъ; отвѣчающимъ природѣ изучаемаго научно матеріала. Пѣсня мѣрятся пражде всего пѣсней: критикой вариантовъ до мелочей, образныхъ выраженій и общикъ вмѣстѣ. Авторъ этого не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ не говоритъ о томъ, а рѣшаетъ по личному эстетическому критерію въ пользу первенства южно-славянскихъ пѣсенъ надъ греческими, ибо послѣднія „слишкомъ пропитаны духомъ болгарской (?) бытовой жизни и

мало смягчены лиризмомъ (?) греческой поэзіи* (стр. 25); потому что въ нихъ нѣтъ „свѣжести и безыскусственности“ (стр. 27, 33, 34). Едва ли кто удовлетворится этою эстетическою оцѣнкой и основанными на ней выводами, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ не поручится за полноту своихъ слѣдствій въ области греческихъ пѣсенъ на нашъ сюжетъ, и среди нихъ могутъ объявиться варианты, которые отмѣнять его оцѣнку. Но у него есть въ запасѣ другой доводъ въ пользу первичности славянскихъ пѣсенъ противъ греческихъ: греки-герои Сули—по происхожденію болгары (стр. 28 слѣд., стр. 34—5)! Но генеалогія пѣсни не есть генеалогія народности, и послѣднюю никто не станетъ доказывать ссылкой на Sanders'a (*Das Volksleben der Neugriechen*, X, стр. 319) и Talvy (*Volkslieder der Serben*, I, стр. 81, 100; II, стр. IX, XIV): что обычай суліотовъ стрѣлять во время свадьбы — исконно славянскій. Извѣстно, что онъ распространенъ гораздо далѣе; не ходя далеко за матеріалами сравненія, ограничусь ссылкой на Michele Placucci, *Usi e Pregiudizj dei contadini della Romagna*¹⁾: *Essendo costume de' contadini il celebrare le allegrie con spari di archibugi e pistole, in sì fausta occasione (свадебнаго обѣда) non mancano talora di continuare gli spari tutta la notte ad onore degli sposi.*

Въ пѣсняхъ, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, дѣвушка являлась переодѣтою мужчиной, воинемъ, но энической канвы почти нѣтъ. То и другое является соединеннымъ въ двухъ группахъ пѣсенъ, о которыхъ говоритъ далѣе г. Созоновичъ: 1) дѣвушка, переодѣтая молодцомъ, освобождаетъ изъ заключенія брата, либо жена мужа (стр. 38 и слѣд.); 2) дѣвушка идетъ на войну, замѣняя отца или брата (стр. 52 и слѣд.).

По поводу первой группы отмѣчу только, какую плохую службу сослужилъ автору излюбленный имъ бытовой критерій. Извѣстно, что въ Сербіи между братьями и сестрами состоитъ особый тѣсный союзъ любви и привязанности, на которомъ въ недавнее время старались основать доказательство большей древности сербскихъ пѣсенъ на тему о „Ленорѣ“ противъ сходныхъ греческихъ²⁾. Въ этой взаимной любви и преданности г. Созоновичъ усматриваетъ „свѣтлую и въ высшей степени симпатичную сторону народной психики“

¹⁾ *Curiosità popolari tradizionali*, pubblicate per cura di G. Pittè, v. I, p. 53.

²⁾ См. мою статью: Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, ноябрь.

(стр. 11), пытаюсь приѣхать этотъ бытовой фактъ къ критикѣ пѣсенъ, въ которыхъ дѣвушка освобождаетъ изъ темницы брата, жена—мужа. Сербамъ, говоритъ онъ (стр. 43),—принадлежитъ первый мотивъ, болгарамъ—второй. Обратимся къ пѣснямъ, изъ которыхъ сдѣланъ этотъ выводъ: двѣ изъ нихъ (Миладиновы, № 101 и Вукъ, III, № 28) не относятся къ нашему циклу, по признанію самого автора; остаются затѣмъ семь пѣсенъ, распредѣляющихся такимъ образомъ: въ двухъ болгарскихъ, одной сербской и одной хорватской, дѣйствующія лица — мужъ и жена; въ одной хорватской сестра и жена освобождаютъ брата и мужа; въ двухъ сербскихъ сестра—брата. Какъ видно, статистика пѣсенъ не подтверждаетъ вывода, котораго авторъ искалъ въ нихъ, увлеченный вѣрою въ свой бытовой критерій.

Перейдемъ къ пѣснямъ, типически названнымъ пѣснями о дѣвущкѣ-воинѣ, общее содержаніе которыхъ мы сообщили въ началѣ: дѣвушка идетъ на войну вмѣсто отца-старика, подвергается различнымъ испытаніямъ пола и, счастливо избѣгнувъ ихъ, возвращается къ отцу. Г. Сазоновичъ полагаетъ (стр. 73), что „для безыскусственной поэзіи“ мотивъ испытаній „слишкомъ сложенъ и притомъ не вытекаетъ необходимымъ образомъ изъ положенія вещей. Невольно чувствуется, что онъ какъ бы механически привязанъ къ цѣльной народной пѣснѣ, законченной въ самой себѣ и не предполагающей дальнѣйшаго развитія дѣйствія“. Такія „законченныя“ пѣсни на тему: дѣвушка идетъ на войну — и возвращается — дѣйствительно есть: авторъ отыскалъ ихъ въ трехъ македонскихъ вариантахъ сборника Верковича (№№ II, 123 и 250), которые, по его мнѣнію, представляютъ древнѣйшую форму пѣсни, еще не осложненной эпизодомъ „испытаній“ (стр. 58—60). При этомъ г. Сазоновичъ упустилъ изъ виду свою собственную характеристику болгарской пѣсни (стр. 88): „Болгарская пѣсня“, говоритъ онъ,—„развивая тотъ же самый сюжетъ, далеко отстоитъ отъ сербской по своему достоинству: она сухо и безжизненно передаетъ событіе, скучно растагивая подробности. Отсутствие художественныхъ уподобленій и сравненій, монотонность разказа и излишняя расплывчивость даютъ право назвать ее прозаическою передачей высокохудожественной, исполненной силы чувства и выраженія сербской пѣсни“. Эта характеристика болгарскихъ пѣсенъ даетъ поводъ предположить, что „законченность“ вариантовъ у Верковича можетъ быть объяснена не исконнымъ отсутствіемъ, а скорѣе выпаденіемъ эпизода испытаній, который извѣстенъ другимъ южно-славянскимъ (о другихъ славянскихъ я здѣсь

не говорю) пѣснямъ нашего цикла: тремъ сербскимъ, одной хорватской, четыремъ болгарскимъ и одной славянской.

Не ввязъ въ расчетъ эту возможность объясненія, г. Созоновичъ такъ продолжаетъ строить далѣе родословную нашей пѣсни: въ ея древнюю схему, сохраненную вариантами Верковича, внесенъ былъ подвѣтъ, можетъ быть—въ Дубровникѣ (стр. 74, 171—172), эпизодъ „испытаній“, сложившійся первоначально на романской почвѣ. Въ какомъ видѣ представляетъ себѣ авторъ первичную форму этого эпизода, въ формѣ пѣсни или новеллы—остается не разъясненнымъ. Такъ произошла сербская пѣсня о дѣвушкѣ-воинѣ и испытаніяхъ ея пола, наиболѣе развитой типъ которой представляется пересказомъ у Вука, III, № 40—Tommaso, Canti Greci, стр. 79. Изъ Сербіи эта пѣсня перешла въ Италію, на сѣверѣ которой сохранилась въ видѣ пѣсни (A. Wolf, Volkslieder aus Venetien, № 79; Nigra l. c.; Ferrago, Canti popolari Monferrini, I, № 54), тогда какъ въ центральной и южной Италиі и въ Сициліи она отложилась въ сказку (стр. 110).

На чемъ, однако, основываетъ авторъ свой выводъ о зависимости италянскихъ пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ отъ сербскихъ, а не на оборотъ? „Подобный выводъ“, говоритъ онъ (стр. 98),—„находитъ подтвержденіе въ общемъ характерѣ композиціи италянскихъ вариантовъ: всѣ они не цѣлкомъ передаютъ подробности нашего разказа, а оказываются какъ бы дифференціаціей стоящаго за ними оригинала. Только умшленно собрать всѣ частности италянскихъ вариантовъ, можно составить текстъ полной сербской пѣсни; но такой процессъ творчества не применимъ къ произведеніямъ народной поэзіи, такъ какъ трудно допустить, чтобы пѣвецъ случайно могъ услышать нѣсколько разныхъ вариантовъ и составить изъ нихъ преднамѣренно одно цѣлое“. Пѣвецъ дѣйствительно не сводитъ вариантовъ, хотя отсутствіе свода въ италянскихъ пѣсняхъ я объясняю не сохранностью традиціи, а скорѣе разложениемъ сѣверно-италианской балладной поэзіи подъ вліяніемъ лирическаго теченія съ юга, обнаруживающагося еще съ XV вѣка. Что до полноты Вукова пересказа, то прежде чѣмъ пользоваться ею, какъ критическимъ мѣриломъ, надо отвѣтить на вопросъ: не есть ли эта полнота результатъ, въ самомъ дѣлѣ, свода, сдѣланнаго не пѣвцомъ, а искуснымъ диаскевастомъ, какимъ былъ Вукъ? Когда Гриммы и Вукъ записывали народныя сказки и пѣсни, требованія, нынѣ поставленныя въ наукѣ folkloge'a, еще не существовали, и интересъ къ научной точности часто перевѣшивался интересомъ къ дѣстической цѣльности.

Страннѣе, если не сказать болѣе, слѣдующее доказательство зависимости итальянскихъ пѣсень отъ южно-славянскихъ. Въ тѣхъ и другихъ дѣвушка-воинъ избѣгаетъ испытанія, сохранивъ свою дѣвственность. Возвращаясь домой, она поетъ въ вариантѣ у Нинры:

La bella a mezza via
 la s'è messa a cantare:
 Verginella sono stata a la guerra,
 e verginella ne son tornata.

Та же или сходная формула встрѣчается въ цѣломъ рядѣ итальянскихъ сказокъ нашего цикла, въ собраніи Gonzenbach, №№ 17, 12, у Imbriani, № XXXVII (Donna è venuta e donna se ne va); Compraretti, № XXI:

I mi chiamavo Fiorecimare,
 Vergine nel vinni e vergine mi ni varo;

Nerucci, Sessanta novelle popolari montalesi, № XXVIII:

Fanta Ghirò
 Donna è venuta e donna se ne va,
 Ma' mperò cognosciuta il Re nun l'ha;

Nerucci, Storie e cantari, ninne-nanne e indovinelli del Montale, въ Arch. per lo studio d. trad. popolari, II, № IV, стр. 510—513:

femmina i' sò' viénuta,
 femmina i' me ne vo.

Въ одной не изданной сказкѣ изъ Амеліи (въ Умбріи) встрѣчается тотъ же примѣръ:

Donzella ero, donzella so',
 'L fiijo del re gabbato io l'ho;

такъ и въ вариантѣ изъ Pitigliano:

Ragazza ero, ragazza so'
 Il figlio del re gabbato io l'ho¹⁾.

Сходно въ двухъ португальскихъ пѣсняхъ у Braga (Cant. pop. do Archip. açorianano, №№ 11, 12) и въ одной хорватской (Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istrii i na kvarnerskih otocih. U Trstu., 1880, № II: Kakvo odnila, takvo i donila). Нѣтъ этой формулы, судя по извлеченіямъ г. Созиновича, въ другихъ южно-славянскихъ пересказахъ, нѣтъ и у Вука, что не мѣшаетъ автору выразиться по поводу при-

¹⁾ Сообщеніемъ свидѣнія о вариантахъ умбрійскомъ (La ragazza astuta) и пизанскомъ (La ragazza coraggiosa) и обязанъ любезности проф. Ст. Прато.

веденнаго прищѣва у Нигры, что онъ указываетъ „на заимствованіе оригинала изъ славянскихъ источниковъ, гдѣ послѣдняя черта — дѣвушка-воинъ хранитъ свою честь—получила широкое развитіе, вытекала изъ бытовыхъ отношеній, опредѣляемыхъ воинственнымъ строемъ жизни южнаго славянства“, тогда какъ „ничего подобнаго не встрѣтилось намъ въ произведеніяхъ западно-романскихъ“ (стр. 96—97)! Чего не встрѣтилось? Мотива дѣвственности и чествованія дѣломудрія? Съ точки зрѣнія бытоваго критерія, которому слѣдуетъ безоговорочно авторъ, надо полагать, что онъ отрицаетъ тамъ и въ жизни существованіе соответствующаго бытоваго факта, предоставляя его въ исключительную собственность славянамъ. Догадка эта подтверждается отчасти сказаннымъ далѣе (стр. 104) о грѣсахъ: тотъ же известный намъ прищѣвъ италіанской пѣсни: „Дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухажу“ заставляетъ автора „видѣть ея первоначальную родню въ суровыхъ условіяхъ боевой жизни народовъ Балканскаго полуострова, среди которыхъ безчестіе дѣвушки считается великимъ позоромъ. Подобная бытовая черта проникла вмѣстѣ съ новыми поселеніями и въ современную Грецію, въ глухихъ мѣстахъ которой еще до сихъ поръ оскорбленіе дѣвушки жестоко карается“. Итакъ, не только пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ, но и понятіе дѣвичьей чести принесено въ Грецію славянами. Счастливыя греческія дѣвы!

Въ уровень съ этими культурными открытіями идетъ фантастическій маршрутъ, установленный авторомъ для нашей пѣсни въ ея движеніи изъ Италіи до Асорскихъ острововъ. Пѣсня эта еще въ XVI вѣкѣ была известна въ Испаніи, откуда ей легко было переселиться въ Португалію. О португальскихъ вариантахъ, записанныхъ какъ на материкѣ, такъ и на Асорскихъ островахъ, говорится (стр. 115), что они „поразительно близко подходятъ къ пѣснямъ сербско-хорватскимъ, какъ бы минуя передѣлки италіанскія, съ которыми они имѣютъ общаго только указаніе на малыя руки и ноги дѣвушки-воини“. Такъ какъ, съ другой стороны, португальскія пѣсни произошли „отъ кастильскаго романа, занесеннаго въ Португалію въ XVI столѣтіи“ (стр. 116), то возможно одно заключеніе: что послѣдній „высезенъ откуда-то изъ славянскихъ земель“ (стр. 117). Только что высказано это предположеніе, какъ у автора готово и другое, которое онъ даже не старается помирить съ первымъ, не смотря на противорѣчія и не пугаясь ихъ. Авторъ увѣрялъ насъ, что португальскія пѣсни какъ бы „минуя“ италіанскія, повторають (стр. 117), что „ни пѣсни италіанскія, ни сказки сициліанскія въ своей сово-

купности не составляетъ всего содержанія вариантовъ португальскихъ⁴, а черезъ три страницы (стр. 120) говоритъ не обинуясь, что первоисточникъ португальскихъ вариантовъ восходитъ „въ своей литературно-искусственной формѣ къ извѣстнымъ намъ народно-сказочнымъ сициліанскимъ образцамъ“! Прочтя нѣсколько далѣе, мы легко поймемъ, почему понадобился автору этотъ не объяснимый *volte face*: ему надо было указать пѣснямъ путь изъ Италіи въ Португалію, и оказалось болѣе вѣроятнымъ такое направленіе перехода: отъ славянъ пѣсню заимствовали албанцы, которые и перенесли ее въ Сицилію¹⁾, откуда она перешла позднѣе на Асорскіе острова (стр. 121). Этими, по мнѣнію автора (стр. 122), подтверждается „и тотъ выводъ Враги, что традиція эта была извѣстна въ Испаніи и Португаліи лишь въ мѣстахъ прибрежныхъ, куда, конечно, ей легче всего было попасть съ острововъ“, и объясняется, „почему асорскіе варианты полнѣе образцовъ, записанныхъ на материкѣ“. Итакъ, изъ Сициліи на Асорскіе острова—точно авторъ не могъ найти лучшаго объясненія сохранности и полноты асорскихъ вариантовъ въ сравненіи съ португальскими, кромѣ того, которое если не опредѣлило, то поддержало его выводъ? Вѣдь и пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ лучше поются не на мѣстахъ, видѣвшихъ его дѣятельность, а въ области, куда онѣ завѣдомо занесены были позднѣе.

Еще одно замѣчаніе по этому вопросу. Португальскія пѣсни особенно сходны съ сербо-хорватскими, утверждаетъ авторъ; для того, чтобъ имѣть право предположить между ними посредниковъ албанцевъ, надо было указать у послѣднихъ хотя какую-нибудь пѣсню сходнаго содержанія, звено перехода. Такой пѣсни авторъ не приводитъ, и я не знаю, извѣстна ли таковая вообще. Извѣстна лишь одна албанская сказка нашего цикла (Nahп, II, № 101), ибо другія, въ сборникѣ Dozon'a (*Contes albanais*, № XIV), представляютъ, по содержанію, разновидность, на которую авторъ также обратилъ вниманіе (стр. 65 и слѣд.). Существуютъ, въ самомъ дѣлѣ разказы о женщинѣ, дѣвушкѣ, переодѣтой мужчиной, за котораго она и принята и принуждена вступить въ бракъ. Такъ какъ брачнаго акта она не совершаетъ, она возбуждаетъ подозрѣнія, иногда подвергается и испы-

¹⁾ Авторъ признаетъ связь съ Hartwig'омъ (въ предисловіи къ сициліанскимъ сказкамъ, *Gonzenbach*, стр. XI), что *Doppia Villa* сициліанскаго народнаго повѣрія не что иное, какъ сербская Вила, занесенная туда албанцами. Сл. стр. 99—100, прим. 3.

танію пола (купанье), отъ котораго спасается чудомъ—внезапно превращаясь изъ женщины въ мужчину. Къ библиографіи этого разказа, собранной мною ¹⁾, авторъ прибавилъ лишь немногое; я полагаю что онъ правъ, утверждая, что эта версія сюжета о „дѣвушкѣ-воинѣ“ не нашла особаго сочувствія въ народѣ, но къ греческой сказкѣ (Наһп, I, стр. 307), отмѣченной авторомъ (стр. 72), надо было во всякомъ случаѣ присоединить албанскую (Dozon, № XIV) и литовскую (Leskien und Brugmann, № 19), о которыхъ говорится позднѣе (стр. 138—139, 141—143), въ главѣ о „спорадическихъ отраженіяхъ разказа о дѣвушкѣ-воинѣ“ (стр. 126 и слѣд.), то-есть, отчасти такихъ, которыя не удалось привязать къ содержанію предыдущихъ отдѣловъ книги. Къ сказкамъ о дѣвушкѣ-воинѣ, осложненнымъ мотивомъ половой метаморфозы, принадлежитъ и чрезвычайно-интересная румынская, которою я могъ воспользоваться благодаря сообщенію г. Hasdeu. Она помѣщена въ сборникѣ Ispirescu, Basmele Românilor (Bucuresti, 1882, стр. 10 и слѣд.: Пѣна Симдіана). Разказывается объ одномъ императорѣ, покорившемъ окружныхъ царей и обязавшемъ каждого изъ нихъ дать ему одного изъ своихъ сыновей на десять лѣтъ въ услуженіе. У одного древняго, когда-то побѣдоноснаго царя—три дочери, которыя и предлагаютъ отцу пойдти на службу, переодѣтыя мужчинами. Отецъ соглашается нехотя. Когда снарядилась старшая и вышла изъ дому, онъ пугаетъ ее на пути, обратившись въ волка, и она возвращается. То же случилось и со второю. Третья выбираетъ себѣ изъ царскихъ коней стараго, чтó служилъ когда-то ея отцу, а теперь становится ея совѣтчикомъ. И на этотъ разъ отецъ нападаетъ на нее въ образѣ волка, льва и змѣи, но она ничего не страшится, и онъ напутствуетъ ее пожеланіями. Слѣдуетъ ея встрѣча съ двумя змѣями (змеѣ), которыя борются другъ съ другомъ въ теченіе девяти лѣтъ; по совѣту коня, дѣвушка помогаетъ одному изъ нихъ, который обѣщаетъ ей въ награду чудснаго коня (Galbenide sóre), младшаго брата ея собственнаго. Побѣдивъ противника, дѣвушка идетъ ночевать къ змѣѣ, мать котораго, подозрѣвая въ ней женщину, подвергаетъ ее испытаніямъ: 1) сыну и дѣвушкѣ она ставитъ въ изголовья по букету цвѣтовъ: у мужчины они завянутъ, у дѣвушки останутся свѣжими (среди ночи она мѣняетъ букеты); 2) змѣѣ

.. ¹⁾ Croissana-Crescens и т. д. См. далье румынскія сказки и G. Paris, Les romans en vers du cycle de la Table ronde, стр. 131; Clouston, Popular tales and fictions, , стр. 112 слѣд.

ведеть дѣвushку въ цвѣтникъ; она говоритъ ему: „Видно ты считаешь меня за женщину, что повелъ меня сюда, а не къ конямъ“; 3) наконецъ ее ведутъ въ оружейную, гдѣ она выбираеть не красивое оружіе, какъ того ожидали, а заржавленную, но добрую саблю. Получивъ коня, она ѣдетъ къ императору, который принялъ ее въ милость, что возбуждаетъ зависть другихъ царевичей, и они говорятъ, будто приѣзжій витязь знаетъ, гдѣ находится красавица Иляна (*Îleana Simdiana, cosită de aură, câmpulă înverdește, florile 'nflorcesce*). По желанію императора и при помощи своего коня, дѣвushка достаетъ Иляну, похищенную змѣемъ; но Иляна печальна, влюбилась въ освободившаго ее витязя и, прежде чѣмъ согласиться на бракъ съ императоромъ, требуетъ исполненія нѣкоторыхъ ея желаній. Исполнителемъ является дѣвushка-витязь; послѣднее желаніе: достать купель, находящуюся у Іордана, въ одной церкви, гдѣ ее неотлучно стерегутъ нѣсколько инокинь, не усypающихъ ни днемъ, ни ночью; лишь порой приходитъ поучать ихъ отшельникъ, и тогда одна монахиня остается на стражѣ купели. Дѣвushка, наученная копомъ, улучшаетъ мгновение, когда та монахиня отъ усталости заснула, и покидаетъ купель; а пустынный проклинаеть ее: „Если ты мужчина, обратись въ женщину, коли женщина, стань мужчиной“. Проклятіе исполняется, и дѣвushка, вернувшись домой юношей, женится на Илянѣ, ибо царь сварился въ котлѣ молока, въ которомъ искупался по желанію невѣсты.—Сходная сказка напечатана была, какъ сообщаетъ мнѣ г. Hasdeu, въ *Calendarul basmelor, Iasi, 1878*, стр. 47—65 (*Un ochiŭ ride și altul plânge*). Пѣсня о „*Mizilic Craiŭ și Mizilica*“ (напечатана въ *Taga nouă 1827 г.*, іюль, № 4) ¹⁾ отвѣчаетъ лишь отчасти разказу у Испиреску, но перемены пола нѣтъ, и испытанія его производятся императоромъ, къ которому идетъ на службу дѣвushка-воинъ. У *Mizilic Craiŭ* три дочери: *Darda* (или *Rada*), *Pinca* и *Mizilica*; то же требованіе императора и поочередный видъ дѣвushекъ, которыхъ отецъ пугаетъ, обратившись въ волка, медвѣдя и виѣя; *Mizilica* выѣзжаетъ на старомъ отцовскомъ конѣ. Императоръ испытываетъ ее: на торгу она выбираеть не золотныя веретена, какъ ожидали, а буздуганъ; подъ спящею женщиной углубленіе будетъ больше, чѣмъ подъ мужчиной: на этомъ хотять ее поймать, но дѣвushка кинжаломъ вырываетъ часть земли—и такимъ образомъ не открыта. Четвертое испытаніе: Милица бросаетъ на семь

¹⁾ Сообщена мнѣ г. Хиндеу.

шаговъ камень въ 150 оръ, который никто не могъ сдвинуть съ мѣста. Предложенія—искупаться вмѣстѣ—она избѣгаетъ, сообщивъ вѣсть, будто ея отецъ умеръ и ей надо вернуться. Когда она была на Дунаѣ, обнажила груди и съ лодки кричитъ: „Турки-аги, а кто вамъ начальствовалъ девать съ половиною лѣтъ?“

Если въ сказкѣ у Испиреску испытаніе пола выдѣлено въ отдѣльный эпизодъ, и испытующимъ является не царь, а змѣй, то это могло совершиться подъ вліяніемъ другаго разказа, въ родѣ слѣдующаго ¹⁾: у одной вдовы три дочери; за одною изъ нихъ ухаживаетъ змѣй, и мать останавливаетъ ее, когда она говоритъ ей о своемъ намѣреніи наняться къ матери змѣя пасти ея овецъ. Дѣвушка идетъ, переодѣтая парнемъ, нанялась, змѣй призналъ ее и, по указанію матери, испытываетъ: везетъ въ лѣсъ, показываетъ на здоровое, крѣпкое дерево и спрашиваетъ: на что оно годно? На телегу, отвѣчаетъ дѣвушка; а ожидался отвѣтъ: на веретена. Дважды ее принуждаютъ искупаться вмѣстѣ съ змѣемъ: въ первый разъ она напустила собаку на овецъ, тѣ разбѣжались, и она отвѣивается отъ купанья за дѣломъ; въ другой разъ она бросается въ воду одѣтая и, переплывъ на тотъ берегъ, удаляется. Далѣе разказъ развивается своеобразно: змѣю удается заполучить красавицу, но она бросила въ воду свое кольцо съ зарокѣмъ—не говоритъ съ мужемъ, пока кольцо не найдется. Свекровь подвергаетъ ее гоненіямъ, она счастливо избѣгаетъ ихъ, но вернувшись домой, застаетъ мужа съ другою женою. Онъ въ ту пору рѣзалъ овецъ; увидѣвъ свою первую жену онъ бросился къ ней: „Ласточка ты моя!“, обнялъ ее окровавленными руками (объясненіе коричневыхъ пятенъ у ласточки)—и оба обратились въ ласточку. Сказка кончается и здѣсь превращеніемъ, отвѣчающимъ перемѣнѣ пола ²⁾.

¹⁾ *Mariani, Ornitologia II, стр. 88 слѣд.*

²⁾ Въ параллель къ румынскимъ сказкамъ, особенно первой, приведемъ слѣдующую бурятскую: У одного человека три дочери; меньшую онъ постоянно одѣвалъ въ мужскую одежду. Когда однажды царь сталъ сывать народъ на войну, старшая хочетъ пойти, не смотря на отговоры отца. Одѣлась парнемъ и поѣхала; тогда отецъ ея, колдунъ, обратился въ чудовище и сталъ ей на дорогѣ; она струсила и вернулась. То же было и со второю; лишь третья, Олѣолекчицъ, не испугалась, а погналась за чудовищемъ. Она служитъ у царя, который, повѣривъ навѣстамъ на нее, ищетъ ее погубить, а вѣтѣмъ, желая привлечь ее на свою сторону, предлагаетъ ей руку своей дочери. Тутъ только Олѣолекчицъ сообразила, что она дѣвица. Сл. Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя Хангаловымъ, Захаровымъ и др. Иркутскъ. 1889, № 51, стр. 140 слѣд.

Обратимся еще разъ къ книгѣ г. Созоновича.

Ея послѣдняя глава посвящена (стр. 152 и слѣд.) разбору былинны о Ставрѣ Годиновичѣ, соприкасающейся съ сюжетами разобранныхъ выше пѣсенъ по двумъ направленіямъ: жена, переодѣтая мужчиной, освобождаетъ мужа, томившагося въ заключеніи; что отмѣчаетъ южнославянскимъ пѣснямъ объ „освобожденіи“ женою мужа; она же, явившись въ качествѣ жениха княжеской племянницы, напоминаетъ испытаніями, которымъ подвергается; знакомый намъ сюжетъ о дѣвухѣ-воинѣ. Точкой отправленія для развитія былинны о Ставрѣ г. Созоновичъ считаетъ, по примѣру другихъ, лѣтописное свидѣтельство о заточеніи сотскаго Ставра княземъ Владиміромъ Мономахомъ. Этотъ историческій фактъ далъ пищу мѣстному преданію: Ставра освободила его жена; „заключеніе провинившагося богатыря и освобожденіе его воинственною женщиной представляется мѣстнорусскимъ преданіемъ, заслуживающимъ названіе были“ (стр. 171) — внѣ великаго вліянія южно-славянскихъ пѣсенъ того же типа, то-есть, пѣсенъ объ освобожденіи, замѣчаетъ авторъ. Въ такомъ образѣ сложившуюся русскую схему разказа внесены былъ повдѣе „составителемъ“ былинны „сюжетъ, входившій въ составъ пѣсенъ о дѣвухѣ-воинѣ, куда онъ попалъ... изъ книжныхъ источниковъ, развивавшихъ замысловатую фабулу о женитьбѣ женщины на женщинѣ. Въ разказъ такого рода входили составными звеньями приемы испытанія пола“ (стр. 170). Сказанное о разказахъ совершенно вѣрно, но въ южно-славянскихъ пѣсняхъ о сватовствѣ женщины за женщину нѣтъ рѣчи; какимъ образомъ г. Созоновичъ могъ сказать (стр. 171), что „славянскою частью былинны по преимуществу слѣдуетъ считать вторую половину разказа: сватовство за дочь Владиміра, испытаніе пола и признаніе супруговъ“? Эпизоду объ „испытаніи пола“ онъ потому не могъ давать значенія въ смыслѣ генеалогической связи южно-славянскихъ пѣсенъ съ русскою, что въ первыя онъ введенъ въ схему „освобожденія“, не „сватовства“, и что русскому сказителю онъ могъ быть извѣстенъ и изъ русскихъ сказокъ, образцы которыхъ и указаны авторомъ (стр. 149—150). Предполагать здѣсь постороннее вліяніе тѣмъ менѣе возможно, что самъ авторъ открывалъ путь къ единственно возможному сближенію: освобожденія Ставра женою съ сюжетомъ сходныхъ южно-славянскихъ пѣсенъ.

Послѣ всего сказаннаго мы едва ли будемъ приготовлены въ торжественному заключенію автора, что „какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ русскія былинны про Ставра воспроизводятъ соб-

ственно южно-славянскія пѣсни, попавшія на Русь въ то время, когда имя новгородскаго Ставра еще не забылось въ устахъ народа". Я не знаю, какія границы полагаетъ г. Сосоновичъ народной памяти, и удѣлилъ ли онъ въ ихъ чертъ время для того, чтобы южно-славянская пѣсня успѣла не только сложиться, но и воспріять романскій эпизодъ испитаній и послѣтъ на Русь—къ свѣжей памяти Ставра. Полагаю во всякомъ случаѣ, что былина о немъ можетъ и послѣ труда г. Сосоновича извинить новый пересмотръ, образчикъ котораго далѣе и предлагается.

II.

Въ первой Новгородской лѣтописи говорится подъ 1118 годомъ: „приведе Володимеръ (Мономахъ) вся бояры Новгородскыя Киеву и заводи я къ честному кресту и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Поздрѣчу и на соцьскаго на Ставра и заточи я всѣ".

Былина удержала при своемъ Владимирѣ имя Ставра и его заключеніе, но подсказала свой мотивъ и вывела на сцену новое лицо, настоящую героиню былинны, Ставрову жену.

Кир. IV, стр. 59 и слѣд. (=Кирша Даниловъ). Бояринъ Ставръ Годиновичъ похвалился на пиру у Владимира, что его „широкой дворъ не хуже города Києва", за что великій князь велитъ посадить его въ погреба глубокіе, посылаетъ запечатать его дворъ, а молодую жену его, Василису Микулишну взять въ Кіевъ. Кіевскій посолъ встрѣтился на пути съ другимъ „грознымъ" посломъ, Васильемъ Ивановичемъ, ѣдущимъ будто бы изъ дальней орды, золотой земли, отъ короля Этмануѣла Этмануѣловича взять съ князя Владимира дани-невыплаты за двѣнадцать лѣтъ. Это—Ставрова жена услышала о невзгодѣ, постигшей ея мужа.

Скидала съ себя волосы женскіе,
Надѣвала кудри черныя,
А на ноги сапоги зеленъ сафьянъ,
И надѣвала платье богатое,
Богатое платье посольское.

Ея молодцы говорятъ, что Ставровой жены нѣтъ дома, что она уѣхала „въ дальню орду, золоту землю", и кіевскій посолъ возвращается съ дороги, чтобы предупредить Владимира о неожиданномъ посѣщеніи.

Когда гроченъ посольъ явился ко двору, одна княгиня Апраксія подозрѣваетъ въ ней женщину, о чемъ и говорить мужу:

Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка шиветь,
А по горенкѣ идетъ, частенько ступаетъ,
А на лавицу садится, колотка жметъ,
А ѣ ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,
Дюжинны изъ перстовъ не вышли всѣ¹⁾.

Владимиръ потчуетъ посла и подвергаетъ его испытаніямъ, предлагая бороться съ кievскими молодцами, помѣраться съ богатырями въ стрѣльбѣ изъ лука по кряковистому дубу. Посоль вездѣ оказывается побѣдителемъ; его лука не снести одному человѣку:

Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каменныхъ стрѣлъ
Тридцать человѣкъ.

До сихъ поръ дѣло шло объ испытаніи пола пріѣзжаго: бороться и стрѣлать изъ лука—дѣло не женское. Слѣдующая дальѣ игра въ шахматы покидаетъ эту точку зрѣнія, хотя слова Владимира и могли бы быть истолкованы въ смыслѣ испытанія:

„Развѣ самъ Василья посла провѣдаю“.
Осталъ съ нимъ въ шахматы играть.

Посоль обыгралъ князя и ставитъ вопросъ о дани:

„Отдай ты мнѣ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ,
За всякій годъ по три тысячи“.
Говоритъ Владимиръ князь:
„Изволь меня, посоль, взять головой съ женой“.

Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ обратнымъ приложеніемъ мотива, встрѣчающагося, напримѣръ, въ былинѣ о Потокѣ (Рыбн., I, № 38): Вухарь, царь заморскій, требуетъ съ Владимира дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ съ половиною. Потокъ идетъ къ Вухарю, говоритъ, будто привезъ дань, только телеги поломались, „остались мужики тамъ починивать“.

Говоритъ Вухарь, царь заморскій:
„Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Съ такихъ вельныхъ радостей
У васъ тѣмъ въ Россіи забавляются?“

Дюжинны—дюжины, слѣды колець на пальцахъ, по объясненію издателя.

„Играють въ шашечки кленовыя—На тыхъ дощечкахъ на дубовыхъ“, отвѣчаетъ Потокъ и въ слѣдующей затѣвѣ игрѣ отыгралъ у Вухара всю слѣдовавшую ему дань.

Можно бы предположить, что эпизодъ шахматовъ въ разбираемомъ намъ вариантѣ былины о Ставрѣ разработанъ былъ подѣ влияніемъ совершенно посторонняго мотива, въ родѣ приведеннаго изъ пѣсни о Потокѣ, и что въ оригиналѣ шахматная игра являлась поводомъ къ признанію мужа и жены, какъ у Гильф., № 140. Ставъ на эту точку зрѣнія, можно было бы, казалось, услѣдить и причины, вызвавшія измѣненіе древняго мотива: во всѣхъ пѣсняхъ нашего цикла Ставрова жена прѣзжаетъ къ Владимиру свататься за его племянницу, только у Кириши она является посломъ съ требованіемъ дани. Это измѣненіе и могло напомнить сказителю сходное положеніе пѣсни о Потыкѣ; въ ея смыслѣ онъ понялъ и эпизодъ объ игрѣ, съ тою разницею, что въ нашемъ случаѣ не посолъ, а князь пробуетъ отыграться.

Вліяніемъ той же пѣсни о Потыкѣ (въ Россіи у васъ чѣмъ забавляются?) или сходной съ нею можно бы объяснить и плохо мотивированный переходъ отъ повинной Владимира („Изволь меня, посолъ, взять головою съ женою“) къ неожиданному вопросу посла:

Чѣмъ ты, Владимиръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?

Владимиръ посылаетъ искать веселыхъ молодцевъ, но они не развлекали посла, который на пиру „не веселъ сидитъ“ и спрашиваетъ князя: нѣтъ ли у него кому въ гусли поиграть? Тотъ велитъ привести изъ темницы Ставра, который и играетъ:

Сыгришь сыгралъ Царя-града,
Танды навелъ Іерусалима,
Велчалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ ¹⁾.

Посолъ говоритъ Владимиру:

Не надо мнѣ твои дани выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ.

Владимиръ соглашается: выѣхавъ со Ставромъ изъ Кіева и разбивъ шатеръ на берегу Днѣпра, посолъ проситъ провожавшаго его

¹⁾ См. объ этомъ общемъ мѣстѣ нашего эпоса мои Ромысканія, VII и слѣд. и мою статью: Былина о Садкѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 г., деп., стр. 252—253 и прим. I. Изъ былины о Ставрѣ это общее мѣсто встрѣчается еще у Руби., II, № 19.

князя обождаютъ, пока онъ выспится, переодѣлся въ женское платье и говоритъ Ставрѣ:

Гой еси, Ставрѣ, веселѣи молодець!
 Какъ ты меня не опазнываешь?
 А доселѣва мы съ тобой въ свайку игравали:
 У тебя, де, была свайка серебряная,
 У меня кольцо позолоченое,
 И ты меня конгрывалъ.

Это постоянная почти формула, предваряющая призываніе, которуяныне варианты разукрасили, присоединивъ и другое иносказаніе.—Былина кончается ех abrupto: Ставрѣ призналъ жену, оба прощаются съ великимъ княземъ и съ княгиней и уѣзжаютъ къ себѣ.

Если я началъ разборъ былинны о Ставрѣ съ варианта Кирина, то потому главнымъ образомъ, что, какъ замѣчено выше, онъ стоитъ особнякомъ, не развивая иден, общей всѣмъ остальнымъ: что Ставрова жена, переодѣтая мужчиной, является ко двору Владимира подъ предлогомъ сватовства за его племянницу. Прежде, чѣмъ распредѣлить эти пѣсни на группы, скажу нѣсколько словъ объ именахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: вездѣ Ставрѣ Гоудиновичъ; только у Гильф., № 109: Стогодиновичъ, ib. № 21: Гординовичъ; замѣтимъ въ побывальщинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ, изданной мною ¹⁾, форму Ставерха: Михайло посаженъ „въ темницу заключенную, въ яму глубокую, сорока сажень, гдѣ сидѣлъ Ставерха сынъ Гоудиновичъ“—Я выразилъ (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССLXIV, отд. 2, стр. 5) мнѣніе, что Годинъ и Гоудиновичъ нашего эпоса сохранили этническое прозвище: готинъ. Ставрѣ, напоминаетъ сѣв. Sturr, либо Stur-la, Stúr-la.—Имя его жены Василиса, но чаще Василиста Микулишна; только у Гильф. № 21: Настасья Микулишна, какъ зовется иногда жена Даниила Ловчаннина и Добрыни; смѣшеніе тѣмъ болѣе понятное, что и Данилѣ даютъ въ жены Василису Никулишну, которая, узнавъ о злоумышленіи Владимира противъ ея мужа, посланнаго княземъ на смертный подвигъ,

Скидала съ сея платье свѣтлое,
 Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
 Съѣла на добра воля, поѣхала во чисто поле
 Искать мила дружка свою Данилушка.

(Кир., III, М. 2, стр. 35).

¹⁾ Южно-русскія былинны, выи. I, стр. 26.

Переодѣтая мужчиной, Ставрова жена зоветъ себя разнo: то она царевичъ „изъ земли Ляховецкіа“ (Рыбн., I, № 42), сынъ короля Ляховецкаго (Рыбн., II, № 20—Гильф., № 151: изъ Ляховицкой или Подитовской земли оказывается и самъ Ставръ; Гильф., № 7), что отвѣчаетъ въ извѣстной мѣрѣ опредѣленію варианта Кирши, гдѣ говорится о послѣ отъ короля Этмануйла Этмануйловича изъ Золотой орды: по былинамъ онъ тесть Владимира, но тестемъ его называется и король Ляховинскій въ Золотой ордѣ.—Другое опредѣленіе даетъ Гильф., № 21: жена Ставра говоритъ о себѣ, что она „отъ Чернигорода“, что можно бы сопоставить съ Рыбн., II, № 19, гдѣ Ставръ изъ Чернигова, и съ Гильф., № 140, гдѣ онъ названъ гостемъ Черниговскимъ, тогда какъ Василиста въ томъ же вариантѣ называетъ себя королевскимъ племянникомъ изъ „земли Тальянскѣй“. Последнее я во всякомъ случаѣ сопоставляю съ Рыбн., II, № 19, гдѣ Василиста является посломъ изъ „земли Веденецкіа, того острова Кодольскаго“, хотя не умѣю рѣшить, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ чѣмъ-нибудь своимъ, или съ воспоминаемъ былинны о Соловьѣ Вудимировичѣ, также пріѣзжающемъ „изъ того ли острова Кодольскаго, той-то земли Веденецкіа“¹⁾. Кодольскій островъ, можетъ быть, Которъ—Cattago?—Есть, наконецъ, еще двѣ былинны, Рыбн., I, № 41, и II, № 21, гдѣ Василиста называетъ себя посломъ „земли Гленскіа“. Въ равнообразіи подобныхъ опредѣленій по неволѣ термешся, ибо какъ Этмануйль Этмануйловичъ, такъ и Веденецкая земля могли зайти въ нашу былинну изъ другихъ, и мы не въ состояніи рѣшить, какое изъ многихъ приуроченій принадлежитъ собственно былинѣ о Ставрѣ. Въ № 16 Гильф., гдѣ Ставръ замѣненъ Ильей Муромцемъ, его жена названа Офимьей Александровной; она является посломъ „земли русьскіа“.

Въ отличіе отъ варианта Кирши, всѣ другіе ставятъ въ центрѣ Ставровой похвалы, полной обычныхъ эпическихъ формулъ, похвалу своею женою, и именно ея умомъ и изворотливостью, не красотой и честностью, какъ въ пѣсняхъ и побывальщинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ и Данилѣ Безчастномъ²⁾. У Рыбн., I, № 41, Ставръ хвастаетъ:

Молода Василиста Милулишна
 Всѣхъ-то князей—бояръ пріобманеть,
 Самого Владимира съ ума сведеть.

¹⁾ См. Южно-русскія былинны, вып. I, стр. 77.

²⁾ См. Южно-русскія былинны, вып. II, гл. XI.

Сл. Рыбн., I, № 42; II, № 19 (Вашъ городъ Кіевъ скупить и спродать,—Князей-бояръ всѣхъ обманеть,— Тебя, солнышко, обманеть и проведеть), 20 (= Гильф., № 151), 21; IV, № 6; Гильф., №№ 7, 21 (Вашъ Кіевъ градъ купитъ — продасть, Самого царя съ ума выведеть), 109, 140. Былина и развивается далѣе на тему: какъ женщина провела князя Владимира и его бояръ. Это стиль не сказки о Василисѣ Премудрой, а скорѣе новеллы о хитрыхъ женахъ. Такъ говорить и Василиса, узнавъ о заточеніи мужа:

что за боемъ мнѣ не взять Ставра,
могу ль я взять думушкой женою,
и удачей молодецкою? (Рыбн., I, № 42).

либо: „догадками женскими“ (Рыбн., II, № 19); сл. ib., № 20 (=Гильф., № 151), ib. IV, № 6, Гильф., № 7: то же.

Одѣвшись въ мужское платье, Василиса является къ двору Владимира свататься за его дочь (Рыбн., I, № 41, 42; II, № 20=Гильф., № 151; Гильф., № 7, 16, 109, 140) или племянницу (Рыбн., II, № 19, 21; IV, № 6, 21), которая подозрѣваетъ въ женихѣ женщину по частой походкѣ, слѣдахъ колець (жуковинъ) на пальцахъ, по голосу „съ провигомъ“ (Рыбн., II, № 19), крутой груди, и Владимиръ подвергаетъ его испытаніямъ съ цѣлю довѣдаться о его полѣ. Въ вариантѣ Кирши Данилова, стоящемъ, какъ мы видѣли, особо, испытаній два: стрѣльба въ запуски и борьба съ богатырями; другіе присоединяютъ къ нимъ еще два: баню и постель. Жениху предлагаютъ попариться въ общей банѣ съ княземъ, на что онъ и соглашается, но успѣваетъ вымыться такъ быстро, что уже одѣтъ, когда входитъ Владимиръ. Лишь у Гильф., № 140, прибавлена подробность:

Она была да лукавая:
На ту ю пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неизжанныхъ.
Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владимиръ стольне-кіевской,
Она той порою вымылась и упарилась.

Испытаніе постелью состоитъ въ томъ, что жениха приглашаютъ отдохнуть на пуховой перинѣ: если онъ мужчина, у него будетъ яма подѣ плечами, коли женщина, то ниже. Василиса выпутывается изъ этого положенія такимъ образомъ, что ложится на постель ногами къ изголовью.

Всѣ четыре испытанія являются чаще всего соединенными въ такомъ порядкѣ: баня, постель, стрѣльба, борьба въ Рыбн., II,

№ 20 (=Гильф., № 151), 21, Гильф., № 7, 21; вѣроятно, такъ было и у Рыбн., I, 41, сохранившемъ лишь первое и послѣднее испытаніе (баня—борьба) и у Гильф., № 109, гдѣ опущено одно, но порядокъ двухъ первыхъ измѣненъ (постель, баня, — борьба). Въ Рыбн., I, № 42 измѣненъ порядокъ двухъ послѣднихъ (баня, постель; борьба, стрѣльба), въ Рыбн., II, № 19, обѣ пары испытаній переставлены (борьба, стрѣльба, постель, баня), но такъ, что соотвѣтствіе паръ сохранилось (баня и постель; стрѣльба и борьба), какъ во всѣхъ вообще пересказахъ за исключеніемъ Рыбн., IV, № 6 (стрѣльба, баня, борьба) и Гильф., № 16 (стрѣльба, постель, съ Ильей вмѣсто Ставра).

У Гильфердинга № 140, о которомъ я буду говорить особо, въ разказѣ объ испытаніяхъ введена новая подробность: баня, постель, шахматы, борьба.

Изъ четырехъ испытаній, которымъ подвергается Василиса, собственно два, баня и постель, относятся къ тѣмъ, изъ которыхъ можно было вывернуться „догадками женскими“, тогда какъ стрѣльба и борьба, которыми ограничивается вариантъ Кириши, требовали богатырской силы, чтобы выйдти изъ нихъ побѣдительницей. Два сербскихъ варианта пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ представляютъ такое же смѣшеніе двухъ мотивовъ испытанія: въ вариантѣ у Вука, III, № 40, дѣвушкѣ предлагаютъ метать булаву и бросать камни (въ боснійской версиі у Вогишича: одни камни), затѣмъ зазываютъ въ садъ и приглашаютъ валиться по травѣ: подѣ дѣвушкой она будетъ смята; но дѣвушка догадлива и, ваяясь по травѣ, незамѣтно приподнимаетъ ее за собою. Въ боснійскомъ вариантѣ это испытаніе замѣнено другимъ: дѣвушку ведутъ на базаръ, полагая, что она обнаружитъ себя, выбравъ какой-нибудь женскій нарядъ; она выбираетъ саблю. И тамъ, и здѣсь послѣднимъ испытаніемъ является—купанье, отвѣчающее эпизоду „бани“ нашихъ былинъ. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ вариантовъ пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ не встрѣчается болѣе испытанія „силы“; только въ одной сводной сказкѣ у Comragetti (№ XVII), царевичъ, подозрѣвающій въ своемъ конюхѣ женщину, вступаетъ съ нимъ, по совѣту своей матери, въ бой, который дѣвушка должна прекратить по усталости; такъ она и узнана. Любимыми испытаніями являются: выборъ на рынкѣ и сцена въ саду, только вмѣсто ваянья по травѣ, напоминающаго намъ испытаніе „постель“, является другая уловка: если испытываемая—женщина, она соберетъ букетъ или сплететъ вѣнокъ, если мужчина, сорветъ одинъ

цвѣтокъ. Иногда является предложеніе: спать вмѣстѣ съ мужчинами, но, за тремя исключеніями, объясняемыми неполнотою пѣсни, искаженіями и снаемъ сказки, всадѣ послѣднимъ испытаніемъ является купанье, тогда какъ только у Рыби., II, 19, баня занимает такое же мѣсто въ ряду другихъ. Всюду дѣвушка удаляется, счастливо ихъ избѣгнувъ, и лишь находясь внѣ опасности, открываетъ свой полъ юношѣ, который подозрѣвалъ въ ней женщину. Въ былинахъ о Ставрѣ разбираемой нами группы, этотъ мотивъ подозрѣній и испытаній соединенъ съ другими: 1) жена Ставра, затѣявшая освободить мужа, сватается за княжну, которая чувствуетъ въ ней женщину и испытываетъ ее безуспѣшно; 2) признаніе совершается между мужемъ и женой.

Въ какомъ отношеніи поставлены въ былинѣ мотивы испытаній и признанія?

У Рыби., I, 42, послѣ стрѣльбы, изъ которой Василиса вышла побѣдительною, Владимиръ собирается „честнымъ пиромъ и за свадебку“. Некому на пиру въ гусли играть,

Игръ играть, напѣвокъ напѣвать

Про старна времена и про нинѣшня

И про всѣ времена доскляenni.

Василиса спрашиваетъ: а гдѣ Ставръ Годиновичъ? Онъ можетъ въ гусли играть. Владимиръ, чтобъ не разгнѣвать посла, велитъ привести узника; Василиса просится выйдти вмѣстѣ съ Ставромъ „до буйна вѣтра“ и увозитъ его во чисто поле, гдѣ въ шатрѣ происходитъ та же сцена признанія, что и у Кирши. Ставръ хочетъ ѣхать домой, но жена говоритъ:

Нѣтъ, Ставеръ сынъ Годиновичъ,

Поѣдемъ ка во Кіевъ градъ:

Ты какъ похвастался, такъ я и сдѣлала.

Такъ въ сущности развивается окончаніе былинны у Рыби., II, № 19, гдѣ, вернувшись къ Владимиру, Ставръ глумится надъ нимъ, что хотѣлъ выдать племянницу за его жену, а Владимиръ говоритъ ему, что онъ „правдой хвасталъ... Своей да молодой женой“, да болѣе пусть не хвастаетъ. Сл. Рыби., IV, № 6.—У Рыби., II, № 20 (=Гильф., № 151) женихъ не веселъ сидитъ на свадьбѣ; онъ проситъ привести гусельщиковъ, молодыхъ затюремщичковъ—но они играютъ не весело; тогда онъ поминаетъ о Ставрѣ и, когда его привели, тутъ же иносказательно („мы съ тобой свачкой поигрывали“ и т. д.) даетъ ему понять, кто она; когда онъ не догадывается, она

съ позволенія Владимира ѣдетъ съ Ставромъ до бѣла шатра „посмотрѣть дружиннушки харобрна“. Далѣе, какъ въ предыдущихъ вариантахъ; когда Ставръ послѣ признанія хочеть ѣхать въ землю Политовскую, Василиса говоритъ:

Не естъ хвала добру молодцу
Тебѣ воровски изъ Кіева уѣхать:
Поѣдемъ-ка свадьбы донгриваты!

Оставляя въ сторонѣ Гильф., № 7, сходный съ Рыбн., II, № 20, не досказанный вариантъ у Рыбн., II, № 21, и испорченный у Гильф., № 16 (съ Ильей вмѣсто Ставра), перейду къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ былинъ, связанныхъ одною особенностью: въ предыдущихъ вариантахъ моментъ испытаній являлся внѣ всякой связи съ моментомъ признанія; по окончаніи первыхъ вызывался Ставръ—гусельщикъ, и признаніе совершалось. Иначе у Рыбн., I, № 41; здѣсь испытанія такіа: баня (опущены, какъ мы выше замѣтили: постель, стрѣльба) и борьба. Вернувшись изъ бани, Василиса просить себѣ „борца-поединщика“. Пѣвецъ досказалъ здѣсь, своими словами, что запаматовалъ въ формѣ пѣсни: Василиса поборола всѣхъ бойцовъ, пришлось вывести изъ темницы Ставра, чтобы бороться съ посломъ.

Тотъ носозъ земли Гленскія
Поборохъ Ставра сына Годиновича.
Здннула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на рѣзвы ноги,
Врала его за ручушки за бѣзла,
За него за перстки за злаченые,
Цѣловала въ уста во сахарніа,
Называла его любимомъ семейшкой,
Семейшкой, законной сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:
„Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
Не учишь-ка впередъ женою хвастати:
Самъ ты погянешъ и меня сгубишь!“

Они садятся на коней и уѣзжаютъ къ себѣ.

То же у Гильф., № 21; испытанія: баня, постель, стрѣльба и борьба. И здѣсь сказитель кое-что досказалъ отъ себя: Василиса требуетъ поединщика. „Кого?“ спрашиваетъ Владимиръ. „Есть у тебя въ погребу Ставеръ Гординовичъ, дай мнѣ его въ поединчики“. Тутъ они въ чистомъ полѣ сѣхались и разѣхались; разъ сѣхались,—никой никого не ранили; она говоритъ:

Часть оолхуні, отд. 2.

Помнишь ли Ставрѣ, паматуешь ли Ставрѣ,
 Когда я колечко поставливала,
 Ты стрѣлкой въ колечко-то попадавала?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется. Вторая схватка и тотъ же вопросъ; когда съѣхались въ третій разъ, Василиса распахнула свои груди. Тутъ Ставрѣ ее призналъ, и оба идутъ къ Владимиру, который прощаетъ Ставрѣ его похвальбу:

Не пустимъ онъ ей похвасть.

Такъ разрѣшается и Гильф., № 109: то же требованіе поединщика и бой Василисы со Ставромъ, которая она зашибла такъ, что онъ на землю палъ, а въ сценѣ признанія вразумляетъ—никогда не ква-статься молодою женой.

Что разобранные три варианта былинны, своеобразно измѣнившіе ея конецъ, принадлежать позднѣйшей передѣлкѣ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Вызовъ поединщика, заимствованный изъ былинъ, гдѣ этотъ эпизодъ у мѣста, вовсе не идетъ къ мотиву испытанія. Въ оригиналѣ этой группы ъ вызовъ могло и не быть рѣчи, а признаніе привязывалось къ испытанію борьбой по назначенію Владимира. Но и эту связь мы потому не можемъ признать первичною, что подобная попытка мотивировать признаніе, въ связи съ испытаніемъ или какимъ-нибудь другимъ моментомъ былинны, могла явиться самостоятельно, по естественному побужденію крѣпче связать обѣ части лѣсни. Что это такъ, доказательство тому я вижу у Гильф., № 140: здѣсь изъ обычныхъ испытаній удержаны: баня, постель и—борьба, послѣдняя болѣе въ намекахъ; за эпизодомъ о постели введена—игра въ шахматы, такимъ образомъ: Владимиръ предлагаетъ Василисѣ поиграть „въ шашки въ шахматы заморскія“. Она соглашается, обыграла царя съ царицею и всѣхъ придворныхъ, говоритъ, что одинъ Ставрѣ Годиновичъ обыгрывалъ ее въ Черниговѣ. Владимиръ велитъ его привести; Василиса, играя съ нимъ, намекаетъ ему дважды, иносказаніемъ, кто она, но онъ не понимаетъ. Тогда она проситъ князя отпустить ее и Ставра въ поде „спробовать силы богатырской“ (=борьба, понятая какъ поединокъ; сл. Гильф., № 21); но это только уловка: поединка нѣтъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Уѣхали они въ Черниговъ градь.

Игра въ шахматы, къ которой привязалась попытка „признанія“, очевидно, не относится къ мотивамъ испытанія и могла явиться

изъ былины типа варианта Кирши, гдѣ она имѣетъ, какъ мы видѣли, совершенно иное значеніе; наша пѣсня могла имѣть въ виду подобный вариантъ и эксплуатировала эпизодъ о шахматахъ, чтобы связать съ нимъ мотивъ признанія. Символическое значеніе шахматной игры въ русской народной поэзіи ¹⁾ давало для того готовныя черты, но пѣсня ими не воспользовалась, а главное, опустила характеристику Ставра, какъ гусляра, свойственную большей части былинъ нашего цикла, какъ то сдѣлали и тѣ три пѣсни, которыя соединили моментъ признанія съ испытаніемъ въ борьбѣ. Гусларь забытъ тамъ и здѣсь, ибо Ставръ выведенъ изъ темницы, какъ борецъ или хоршій игрокъ въ шахматы; старая очертанія пѣсни искажились новыми приращеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ искажились и древній типъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Какъ далеко въ состояніи мы проникнуть за всѣми этими искаженіями и приращеніями къ тому пѣсенному оригиналу, отъ котораго отправилось все это развитіе? Мы возвращаемся къ вопросу, поставленному выше, объ отношеніи варианта Кирши, въ эпизодѣ о шахматахъ, къ только что разобранному пересказу Гильфердинга № 140. Мы допустили тогда предположеніе, что постановка этого эпизода въ послѣднемъ древнѣе, а первый могъ измѣнить его подъ вліяніемъ сходнаго общаго мѣста другихъ былинъ. Теперь, когда всѣ пѣсни о Ставрѣ прошли передъ нами, мы принуждены понять эти отношенія обратно, потому что 1) пѣсни, привязавшія признаніе къ одному изъ моментовъ испытанія (борьбѣ), оказались позднѣйшими, измѣнившими традиціонный типъ Ставра-гусляра; 2) эпизодъ о шахматахъ у Гильф., № 140, не только повиненъ въ томъ же, но и самъ не мотивированъ, не отвѣчая идеѣ испытанія и являясь лишь внѣшнимъ поводомъ признанія, тогда какъ у Кирши на немъ построена развязка: Владимиръ хочетъ отыграть дань, которую требуетъ съ него посолъ, но проигрывается, а Василиса предлагаетъ отказаться отъ дани, если онъ пожалуетъ ее „веселнымъ молодцомъ“, то-есть, Ставромъ.

Древнѣйшій видъ пѣсни, близкій къ варианту Кирши, представляется мнѣ слѣдующій:

1. Ставръ хвастаетъ, посаженъ въ тюрьму.
2. Василиса является посломъ (съ требованіемъ дани).

¹⁾ См. мон. Южнорусскія былины, вым. I, стр. 72—73, и вариантъ изъ *Московскаго вѣстника*, 1853, № 13, указанный *Халамскій*, Великорусскія былинныя киевскаго цикла, стр. 154—155.

3. Испытаніе пола: стрѣльба, борьба.

Игра въ шахматы (о дань)

4. Ставръ выпущенъ изъ темницы, играетъ на пиру. Василиса выпрашиваетъ его у Владимира.

Эта схема осложнилась въ слѣдствіи мотиваи сказки, которую мы по обычаю, хотя не совсѣмъ вѣрно, назовемъ сказкой о „дѣвущкѣ-воинѣ“. Ея отраженія извѣстны и на Русь, съ типическими испытаніями. Въ одной сказкѣ у Худякова (II, № 60) солдатъ, подозрѣвающий въ своемъ сослуживцѣ дѣвущку, ложится съ нею на свѣже скошенное сѣно: подъ мужчиной оно останется зеленымъ, подъ женщиной почернѣетъ. Сходный мотивъ встрѣчается въ греческой сказкѣ у Нанн (I, № 10); напомнимъ ваянье по травѣ въ сербской пѣснѣ у Вука—и испытаніе постелью въ былинахъ о Ставрѣ. Въ другой русской же сказкѣ (Афанасьевъ, Нар. русск. сказки, № 181) дѣвущка, переодѣтая юношей, должна идти съ царемъ въ баню, но успѣваетъ вымыться раньше его, и въ письмѣ къ нему смѣется: она его перехитрила, она—не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна.

Имя Василисы указываетъ, быть можетъ, что сказка знала однуименную героиню Ставровой былинны; но сюжетъ могъ существовать въ сказкахъ и безъ ея имени. Эта-то сказочная схема о дѣвущкѣ-воинѣ, съ ея испытаніями: баней и постелью, была приложена къ схемѣ древней пѣсни о Ставрѣ: изъ посла, пріѣхавшаго за данью, сталъ посолъ или царевичъ—женихъ; къ старымъ испытаніямъ присоединились новыя, сказочныя; получился новый распорядокъ содержанія, по слѣдующему типу, въ которомъ мы отмѣчаемъ разрядкой измѣненія, обусловленныя смѣшеніемъ:

1. Ставръ хвастается женой; посаженъ въ тюрьму.

2. Василиса является посломъ (царевичемъ), сватается за князю.

3. Испытаніе пола: баня
постель
стрѣльба

[игра въ шахматы] борьба

4. Ставръ выпущенъ изъ темницы, играетъ на пиру. Признаніе его съ женою. Василиса провела Владимира.

Этому типу отвѣчаетъ большинство былинъ, кромѣ трехъ, привзавшихъ признаніе къ испытанію борьбой, и одной, эксплуатировавшей въ томъ же смыслѣ забытый эпизодъ о шахматахъ. Пѣсня объ освобожденіи мужа женою стала вдвойнѣ пѣсней объ испыта-

ни, не только пола, но и „женскихъ догадокъ“, мудрости жены, ktorom Ставрѣ похвалится на пиру, какъ Данила Безсчастный въ побывальщинѣ ея красотой и честностью, тотъ и другой въ уронъ себѣ. Я удерживаю эту параллель особенно въ виду одной старо-нѣмецкой пѣсни, въ которой нѣтъ похвалы честностью жены, но мотивъ ея испытанія такой же, какъ въ побывальщинѣ о Данилѣ Безсчастномъ, тогда какъ главный сюжетъ пѣсни—освобожденіе заключеннаго мужа женой, при чемъ играютъ роль и гусли, съ тою разницею противъ былины о Ставрѣ, что играетъ на нихъ не мужъ, а освобождающая его жена.

Пѣсня эта ¹⁾, известная въ Германіи въ изданіи XVI вѣка, дала сюжетъ одному *Meistergesang*'у, содержаніе котораго слѣдующее:

Убѣжая къ Святимъ Мѣстамъ, не смотря на просьбы жены, графъ Александръ von Metz завѣщаетъ ей хранить свою честь, иначе, по возвращеніи домой, онъ выгонитъ ее изъ дому собаками. Услышавъ это, жена опечалилась и молится Богу, который посылаетъ ей ангела съ наказомъ: пусть сдѣлаетъ мужу рубаху, а онъ ее надѣнетъ; пока рубаха будетъ бѣлою, то будетъ знаменіемъ, что жена соблюла свою чистоту. Такъ она и дѣлаетъ; надѣвъ рубашку на мужа, она сообщаетъ ему о ея чудесныхъ свойствахъ. Они простиглись; провожая мужа глазами, жена видитъ, какъ просвѣчиваетъ рубашка изъ-подъ его одежды. Александръ переправился по ту сторону моря, гдѣ вѣять въ плѣнъ языческимъ царемъ Магометомъ, который предлагаетъ ему на выборъ: либо быть утоплену, либо ходить въ плугѣ. Тотъ выбираетъ послѣднее; вмѣстѣ съ нимъ подвергаются той же участи и десять другихъ христіанъ. Замѣтивъ на графѣ постоянно бѣлую рубаху и узнавъ о ея тайныхъ свойствахъ, царь посылаетъ въ Мецъ своего рыцаря, обѣщая ему награду, если онъ устроитъ такъ, что цвѣтъ рубахи измѣнится. Въ Мецѣ рыцарь сообщаетъ женѣ графа о судьбѣ ея мужа; она сначала не вѣритъ, пока тотъ не разказалъ ей о знаменіи рубахи, но отвергаетъ всѣ его предложенія. Когда онъ отправился въ обратный путь, она настигаетъ его: по совѣту ангела, она остригла свои волосы, надѣваетъ монашескія

¹⁾ Сл. *Umland*, Deutsche Volkslieder, I, 2, № 299: Der Graf von Rom и притчанія въ его же *Schriften*, IV, стр. 297 слѣд.; *Goedeke*, Deutsche Dichtung im Mittelalter, стр. 568—574; *Аванесъевъ*, Народныя русскія сказки, № 195 и прик.; *O. Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 638—639; *Haupt und Schmalzer*, Volkslieder der Wenden, I, № XXI.

расы и беретъ съ собою свои гусли или арфу, которою такъ увеселяетъ рыцаря на ночлегѣ, что онъ беретъ ее съ собою на свой счетъ. Прибывъ въ языческую землю, мнимый паломникъ, будто бы направившійся къ Святныѣ Мѣстамъ, проявляетъ свое искусство и передъ царемъ, который удерживаетъ его при себѣ и на прощанье предлагаетъ ему въ даръ коня и тысячу золотыхъ. Тотъ отказывается, ибо не имѣетъ право на такіе дары; пусть лучше царь отдастъ ему какого-нибудь плѣннаго христіанина. Царь соглашается; а рыцарь совѣтуетъ монаху выбрать графа: „много я стыда въ-за него нажилъ“. Монахъ и графъ ѣдутъ; не доѣзжая Меца, монахъ разстается съ товарищемъ, у котораго проситъ на прощанье клочекъ его рубашки. Вернувшись домой монахъ-графиня переодѣвается; ея свекровь упрекаетъ ее: годъ и два мѣсяца она была въ отсутствіи; она разкажетъ о томъ ея мужу, что и дѣлаетъ, когда вернулся Александръ. Тотъ убѣжденъ въ невинности жены, чему свидѣтельствомъ рубашка, но когда и друзья ее не защищаютъ, велитъ натравить на нее собакъ и выгнать изъ дому. Между тѣмъ она снова успѣла переодѣться монахомъ, стала передъ домомъ и принялась играть, какъ игрывала на обратномъ пути съ мужемъ, чтобы добыть что-нибудь на пропитаніе. Услышавъ игру монаха, графъ велитъ позвать его, садитъ съ собою за столъ, хочетъ наградить. „А гдѣ же твоя жена?“ спрашиваетъ монахъ. Графъ ее обвиняетъ, а монахъ между тѣмъ разоблачился и показываетъ графу клочекъ сорочки.—Авторъ пѣсни ссылается, какъ на свой источникъ, на какую-то книгу; будто бы въ Мецѣ еще сохранилась на могилѣ графа и его жены сорочка и монашеская раса, и память объ усопшихъ чествуется старыми и молодыми.

Въ нѣмецкой пѣснѣ собранія Уланда мотивъ сорочки исчезъ, но содержаніе, въ сущности, то же. Отмѣчу нѣкоторыя отличія. Осужденный ходитъ въ плугѣ, графъ молить короля, но его просьбы не помогаютъ: „Ты освободишься развѣ въ томъ случаѣ, если жена твоя очутится здѣсь“ (du möchtest nit ledig werden dann dein frau wär selber hie). Графъ боится объ этомъ подумать: вызвать ее сюда—подвергнуть ее оскорбленіямъ, не вызвать — ему самому потерять жизнь. Тѣмъ не менѣе онъ пишетъ женѣ и письмо посылаетъ черезъ торговщика. Получивъ его

8. Si verstand irs herren wesen,
ir herz ward ir gar kalt,

и отвѣчаетъ, что боится за себя и ѣхать не можетъ. Посланный отправляется назадъ, а графиня одѣлась монахомъ и хочетъ ѣхать вслѣдъ за нимъ.

11. Die fraw kant lesen und schrieben
und ander kurzweil viel,
darzu kant sie harpfen und geigen
und ander saitempiel;
das hieng si an ir seiten,
harpfen und lauten gut,
dem boten tet sie nach reiten
über mer da man faren tut.

Дальнѣйшее развитіе пѣсни такое же, какъ и въ *Meistergesang*'ѣ. Мнимый монахъ принятъ королемъ, восхищается всѣхъ своею игрою, сидеть за столомъ на почетномъ мѣстѣ и думаетъ про себя: теперь мое дѣло сладилось (16: *mein sacht wird werden gut*). Между тѣмъ графу доставили вѣсть, что его жена къ нему не прибудетъ, и онъ опечалился. На другой день жена его видитъ со стѣны, какъ онъ тащить плугъ въ полѣ, расплакалась и не знаетъ, какъ ему помочь. Когда она сбирается уходить, ей предлагаютъ золотой вѣнокъ, деньги; взять ихъ запрещаетъ ей ея орденъ, и она выпрашиваетъ себѣ того челоуѣка, что тащить плугъ въ полѣ. Графъ освобожденъ и узнаетъ, что обязанъ своею свободою „dem abenteurer“ (23). Въ концѣ пѣсни обвиняютъ жену не свекровь, а друзья графа; узнавъ, въ чемъ дѣло, они бросаются ей въ ноги, прося прощенья.

Я привелъ нѣмецкія пѣсни на тему освобожденія жены мужемъ, которыя привлекъ къ сравненію и О. Миллеръ, не потому, чтобы считалъ ихъ особенно близкими къ содержанію *Ставровой былины*, а чтобы показать, что сюжетъ этотъ былъ распространенъ и внѣ славянской повѣи, и что, изслѣдуя источники русской пѣсни, не слѣдуетъ исключительно вращаться въ границахъ, поставленныхъ гипотезой Нигры, только извращая предположенное имъ направленіе перехода:

Александръ Веселовскій.

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ ДАННЫХЪ ИЗЪ НАУЧНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Х. ВОСТОКОВА.

До сихъ поръ въ изученіи жизни и дѣятельности А. Х. Востокова († 8-го февраля 1864 г.) есть существенные пробѣлы. Мы имѣемъ довольно обстоятельное обзорѣніе научныхъ трудовъ его, сдѣланное покойнымъ И. И. Срезневскимъ (въ изданныхъ имъ по порученію 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ: Филологическихъ наблюденіяхъ А. Х. Востокова. С.-Пб. 1865, стр. I—LXXXIII, и въ книгѣ: Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1864 г., С.-Пб., 1865, стр. 86—198; см. также его записку „Труды и юбилей Востокова“ въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, кн. II, вып. I, 1856 г.); имѣемъ въ значительной мѣрѣ полное изданіе сохранившейся послѣ него переписки его съ разными лицами по научнымъ вопросамъ, сдѣланное также Срезневскимъ (Сборникъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. V, вып. 2, С.-Пб., 1873); но не имѣемъ ни удовлетворительной біографіи Востокова, ни оцѣнки или даже полнаго обзора его изданныхъ и не изданныхъ трудовъ—въ другихъ областяхъ, кромѣ науки. Хорошая, особенно для своего времени, статья Н. Карелкина „А. Х. Востоковъ, его ученая и литературная дѣятельность“, помѣщенная въ I № Отечеств. Записокъ за 1855 г. (т. ХCVIII, отд. II, 41—70) слишкомъ коротка и притомъ, какъ написанная еще при жизни Востокова, по необходимости является теперь неполною; однако она и теперь не утратила своего значенія: особенно важны приложенные къ ней: библиографическій списокъ сочиненій Востокова, заключающій въ себѣ перечень его стихотвореній, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно, списокъ, и въ настоящее время весьма удовлетворительный по полнотѣ, такъ какъ къ тому времени

эта сторона дѣятельности Востокова уже являлась законченною, и перечень трудовъ, касающихся науки и литературы; подъ трудами, касающимися литературы, разумѣются его замѣтки, рецензіи и переводы, относящіеся главнымъ образомъ до вопросовъ по теоріи словесности. Очеркъ Н. И. Греча „Памяти А. Х. Востокова“, помѣщенный сначала въ газетѣ Вѣсть 1864 г., № 15, и потомъ вышедшій отдѣльно (С.-Пб. 1864), еще болѣе кратокъ, обнимая собою всю жизнь и дѣятельность Востокова. Заслуживаетъ вниманія статья М. Д. Хмырова въ „Портретной галлерей русскихъ дѣятелей“, изд. А. Мюлленеромъ (т. II, С.-Пб., 1869 г., стр. 81—85), представляющая живой и хорошо составленный очеркъ жизни и литературной дѣятельности Востокова, но и тутъ, естественно, по краткости статьи, много пробѣловъ. Другія замѣтки, посвященныя Востокову и вызванныя преимущественно его смертью, еще болѣе кратки, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, пригодятся будущему біографу Востокова, какъ писанныя подъ живыми впечатлѣніями тяжелой утраты и притомъ лицами, близко знавшими покойнаго ¹⁾.

Знаменитая, полная богатыми результатами, продолжительная научная дѣятельность Востокова затмила не только передъ потомствомъ, но даже и передъ современниками позднѣйшаго періода его жизни другую сторону его дѣятельности, которой предавался онъ въ молодые свои годы—въ области изящной литературы какъ собственными опытами въ стихахъ, такъ и критическою оцѣнкой чужихъ произведеній этого рода. Свѣдѣнія объ этой послѣдней сторонѣ дѣятельности Востокова едва ли не ограничиваются рецензіей его на „Похвальное слово Императору Петру Великому, Отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи, сочиненное Гатчинскимъ первой гильдіи купцомъ Гр. Зубчаниновымъ 1811 года“, переводомъ Шиллерова „Разсужденія о высококомъ“ (то и другое напечатано въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г., ч. II, 180—193, 161—179, 266—284), разборами „Науки Стихотворства, Ив. Рязскаго, 1811 г.“ и

¹⁾ Назовемъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ: „Похороны Востокова“ въ *С.-Пб. Видомостяхъ* 1864 г., № 38 (акад. Я. К. Греча); „Похороны Востокова“ въ *Днѣ* 1864 г., № 8 (О. Ф. Миллера); „А. Х. Востоковъ“ въ *Вилensk. Вѣстникѣ* 1864 г., № 21 (Н. Малиновскаго); „Рѣчь въ Обществѣ Люб. Росс. Словесн. при Моск. Унив. о гр. Д. Н. Влудовѣ и А. Х. Востоковѣ“ въ *Московск. Видом.* 1864 г., № 70 (М. П. Погодина); въ *Русск. Архивѣ* 1866 г., № 4 (Г. Геннади); *Русскомъ Иностранцѣ* 1864 г., № 40; *Сверной Почтѣ* 1864 г., № 101; *Иллюстрированной Недѣлѣ* 1875 г., № 46 (съ портретомъ); *Омеладо Србско* 1864 г., св. 2 и др.

„Введенія въ науку стихотворства (Язвицкаго) 1811 г.“ (также напечатано въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г.; ч. I, 344—352; ч. II, 229—239, 293—306), нѣсколькими замѣтками при „Краткомъ руководствѣ къ руссiйской словесности, Ив. Борна. 1808 г.“ и известнымъ его сочиненіемъ „Опытъ о русскомъ стихосложеніи“ (сначала въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г., а потомъ отдѣльно, С.-Пб. 1817 г.), гдѣ онъ высказалъ свои замѣчанія по поводу тѣхъ или иныхъ вопросовъ въ области теоріи прозы и поэзіи.

На самомъ дѣлѣ эта сторона дѣятельности Востокова—критическая и историко-литературная—была гораздо обширнѣе. Мы имѣли благопріятный случай пользоваться бумагами Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художеств¹⁾, учрежденнаго въ Петербургѣ 15-го іюля 1801 г. Учредителями его были шесть студентовъ, выпущенныхъ изъ бывшей при Академіи Наукъ гимназіи: В. В. Попугаевъ, И. М. Борнъ, В. В. Дмитріевъ, А. Г. Волковъ, В. И. Красовскій, М. К. Михайловъ. Востоковъ вступилъ въ это Общество вскорѣ послѣ его основанія, 26-го октября 1801 г., какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ небольшой запискѣ объ этомъ Обществѣ, оставшейся въ его бумагахъ (см. Переписку А. Х. Востокова, стр. XXXIX, прим.). Въ первую годовщину Общества, 15-го іюля 1802 г., членъ Вас. Попугаевъ говорилъ въ своей рѣчи: „Судьбамъ угодно было удалить сотрудника нашего Борна (уѣхавшаго изъ Петербурга на непродолжительное время). Сіе насъ огорчило. Вскорѣ однако кругъ нашъ подкрѣпился достойнымъ сочленомъ Востоковымъ (sic), и мы ободрились. Симъ обязаны мы усердію г-па Шубникова“ (который представилъ Востокова въ члены Общества). Въ этомъ же засѣданіи самъ Востоковъ говорилъ рѣчь „О просвѣщеніи человѣческаго рода“. Онъ былъ долгое время секретаремъ этого Общества; подпись Востокова, какъ секретаря, имѣется въ выпискѣ изъ протокола Общества 21-го іюля 1801 г., когда оно существовало еще не официально, а лишь

¹⁾ Пользуемся случаемъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность Г. С. Дестуневу, обратившему наше вниманіе на эти бумаги, В. И. Ламанскому, благодаря любезному содѣйствію котораго мы могли воспользоваться ими изъ бібліотеки С.-Петербургскаго университета свободно, чѣмъ обыкновенно это возможно бываетъ съ рукописными матеріалами, и Л. Н. Майкову, который указалъ намъ на одну рукопись Импер. Публ. Библиотекы (О. XVIII, № 2), заключающую въ себѣ протоколъ засѣданій перваго года существованія Общества рѣчь Востокова и нѣкоторыя рецензіи, написанныя и представленныя имъ въ Общество за это же время.

„на дружеской связи“; но это было только исправленіе имъ должности секретаря; формально же онъ избранъ былъ секретаремъ, какъ самъ свидѣтельствуеть въ упомянутой выше запискѣ и какъ это видно изъ протоколовъ, 30-го марта 1802 г. Начиная съ 24-го ноября 1801 г. (то-есть, черезъ мѣсяць послѣ вступленія его въ Общество) и по 11-е юля 1802 г. мы имѣемъ (въ упомянутой рукописи Публичной Библиотеки) тщательно написанные собственною рукой Востокова протоколы засѣданій Общества. Официальное существованіе свое Общество начало съ 26-го ноября 1803 г., когда правительствомъ былъ утвержденъ уставъ его, по ходатайству попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцова. Въ собраніи Общества 5-го декабря 1803 г. членъ Попугаевъ предложилъ Обществу изъяснить „торжественный знакъ общественной благодарности“ членамъ Борну, Волкову, Красовскому, Востокову, Явыкову (вступившему въ Общество также въ 1801 г.),—надо думать, за ихъ усердную дѣятельность на пользу Общества. Кромѣ того, Востоковъ былъ членомъ „цензурнаго комитета“ Общества, который былъ обязанъ разсматривать и оцѣнивать представляемыя въ Общество литературныя произведенія, какъ для вступленія въ члены—что требовалось уставомъ,—такъ и для напечатанія въ его изданіяхъ. Нѣкоторое время онъ былъ даже казначеемъ Общества. Общество съ перерывами продолжало свою дѣятельность до конца 1824 года ¹⁾; она заключалась въ собраніяхъ, на которыхъ члены читали свои произведенія, оригинальныя и переводныя, въ стихахъ и въ прозѣ, и въ изданіяхъ болѣе или менѣе періодическаго характера. Такъ, въ 1802 и 1803 гг. Обществомъ былъ выпущенъ альманахъ „Свитокъ Музъ“ въ двухъ частяхъ (тутъ помѣщено 22 стихотворенія Востокова); въ 1804 г. вышла I-я часть Періодическаго изданія Общества (гдѣ помѣщено 8 стихотвореній Востокова); въ 1812 г. издаваемъ былъ Обществомъ С.-Петербургскій Вѣстникъ, не доведенный впрочемъ до конца года. Самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовалъ Востоковъ въ засѣданіяхъ Общества, посѣщая ихъ съ необыкновенной аккуратностью; тутъ онъ читалъ свои стихотворенія и рецензіи, составленныя имъ по обязанности члена „цензурнаго комитета“. Въ

¹⁾ Публикація списка действительныхъ и почетныхъ членовъ этого Общества въ академическихъ адресъ-календаряхъ прерывается на 1824 году; въ календарь 1825 г. перенечатанъ лишь списокъ предшествующаго года съ замѣчаніемъ: „на сей годъ списокъ не прилежанъ“, и затѣмъ уже печатаніе списка прекращено совершенно.

бумагахъ Общества сохранилось не мало листовъ разнаго формата, собственноручно написанныхъ Востоковымъ и представляющихъ его стихотворенія и рецензіи. Кромѣ того, тутъ ямѣется не мало слѣдовъ неоднократнаго участія Востокова въ пересмотрѣ устава Общества, въ дѣлѣ о сооруженіи членами могильнаго памятника И. П. Пнину, президенту Общества, умершему 17-го сентября 1805 г., и т. п.: Во всѣхъ этихъ случаяхъ отчеты и отзывы Востокова, представленные имъ въ Общество, замѣчательны точностью и аккуратностью своего выполненія; основная черта Востокова—серьезность въ отношеніи къ дѣлу, на себя принятому, какъ бы оно ни было, по видимому, мало-значительно—отпечатлѣлась и на этихъ слѣдахъ его широкой и неустанной дѣятельности ¹⁾.

До сихъ поръ въ нашей литературѣ о дѣятельности Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ имѣются весьма недостаточныя свѣдѣнія. Краткія и отрывочныя извѣстія о его засѣданіяхъ появлялись иногда въ нѣкоторыхъ современныхъ журналахъ. Въ Периодическомъ Изданіи Общества (ч. I, С.-Пб. 1804) имѣется краткая „исторія“ его за первые три года существованія. Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены о немъ и въ упомянутой статьѣ Греча, который былъ также однимъ изъ его членовъ. Вотъ какими словами характеризуетъ Гречъ дѣятельность Востокова въ этомъ Обществѣ: „Слишкомъ двадцать лѣтъ былъ онъ членомъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и, конечно, пропустилъ въ это время не болѣе двухъ или трехъ засѣданій, развѣ по сильной болѣзни. Всегда приходилъ онъ первымъ и уходилъ послѣднимъ. Принимая дѣятельное участіе во всѣхъ занятіяхъ и сужденіяхъ, давалъ на письмѣ свое мнѣніе, здравое, обдуманное, безпристрастное; устраняясь отъ всякихъ споровъ, пользовался общимъ уваженіемъ и довѣренностью“ (стр. 13). О занятіяхъ въ этомъ Обществѣ Востокова и о вліяніи его членовъ

¹⁾ Эти отчеты и отзывы Востокова (литературнаго содержанія) весьма похожи на тѣ, которые онъ дѣлалъ пойдѣ по порученію Россійской Академіи, когда вступилъ въ нее членомъ (26-го іюля 1820 года); нѣкоторые изъ такихъ академическихъ отчетовъ, частью составленныхъ лично Востоковымъ (напримѣръ, „О русскои грамматицѣ для русскихъ“ *В. Половцова*, о сочиненіи *Броневскаго*, „Довѣ и Кавказъ“), частью выѣстъ съ другими членами (по поводу „Чтеній о русскои языкѣ“ *Н. Греча*, „Исторіи русскои словесности“ *М. А. Максимовича*, приведены *М. И. Сухомлиновымъ* въ его „Исторіи Россійскои Академіи“, вып. VII (С.-Пб. 1885 г.), стр. 310—370.

на пробужденіе и укрѣпленіе въ будущемъ филологѣ-славистѣ охоты къ чисто-научнымъ работамъ мимоходомъ говорить и Срезневскій въ своихъ „Вводныхъ листахъ“ въ перепискѣ Востокова (см. стр. XXVII, XXXIX—XL). Въ Русской Старинѣ 1884 г., т. XLIII, стр. 105—113, въ статьѣ Н. С. Тихонравова „Д. В. Дашковъ и графъ Д. И. Хвостовъ въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ“ въ 1812 г. переданъ былъ одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни этого Общества, связанный отчасти и съ именемъ Востокова. Въ самое послѣднее время коснулся этого Общества Л. Н. Майковъ въ своемъ трудѣ „О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова“ (при I-мъ томѣ сочиненій Батюшкова въ 3-хъ томахъ. С.-Пб. 1887). Вотъ какимъ образомъ характеризуетъ онъ дѣятельность Общества: „Какъ ни ограничена, ни скромна была дѣятельность Общества, въ ней замѣчалось два оттѣнка или, лучше сказать, двѣ струи: одна—собственно литературная, другая—соціально-политическая. Собственно литературное направленіе Общества выражалось сочиненіемъ и разборомъ разныхъ литературныхъ произведеній, болѣею частью стихотворныхъ, въ господствовавшемъ тогда чувствительномъ вкусѣ; интереси же соціально-политическіе проявлялись въ томъ, что члены читали въ своихъ собраніяхъ переводы изъ Бекааріи, Фланжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственные статьи на такіа темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленіе, о феодалномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Главными ревнителями этого направленія въ Обществѣ были члены: И. М. Ворнъ, В. В. Попугаевъ и И. П. Пингъ.. Одною изъ характеристическихъ чертъ господствовавшаго въ Обществѣ настроенія было глубокое уваженіе членовъ къ извѣстному автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, А. Н. Радищеву..“ (стр. 39—40). Въ другомъ мѣстѣ г. Майковъ называетъ это Общество „единственнымъ въ Петербургѣ организованнымъ учрежденіемъ, гдѣ хотя и не очень смѣло, но признавались литературныя заслуги Карамзина и вообще обнаруживалось сочувствіе къ новымъ стремленіямъ въ словесности“ (стр. 149—150). Это послѣднее обстоятельство даетъ Вольному Обществу любителей словесности, наукъ и художествъ почетное и видное мѣсто въ исторіи нашей литературы первой четверти нынѣшняго столѣтія. Общество, какъ было упомянуто, прекратило въ 20-хъ годахъ свое формальное существованіе, но дѣятельность нѣкоторыхъ изъ его членовъ (А. Е. Измайлова, Н. И. Греча, Г. И. Спасскаго,

Ө. Н. Глинки, Н. Ө. Остолопова, П. П. Свиньина, Д. И. Языкова, И. И. Мартынова, В. И. Панаева и др.) въ указанномъ направленіи и духѣ, то-есть, главнымъ образомъ въ сочувствіи литературнымъ реформамъ Карамзина, продолжалась подъ другимъ названіемъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности, зародившемся въ десятихъ годахъ и издававшемъ съ 1818 г. въ Петербургѣ журналъ Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. А. Х. Востоковъ былъ избранъ 23-го августа 1820 г. въ почетные члены этого Общества (см. Соревнователь 1820 г., № 8, стр. 245).

Мы предлагаемъ здѣсь, въ точной передачѣ, тѣ бумаги этого Общества, которыя носятъ на себѣ слѣды личной литературной дѣятельности Востокова; онѣ писаны почти всѣ собственною его рукою, и только двѣ-три—рукою писца. Нами оставлены въ сторонѣ работы Востокова по измѣненію устава Общества ¹⁾, равно какъ и казначейскіе его отчеты ²⁾ и официальные бумаги, писанныя имъ по обязанности секретаря Общества и лишенныя литературнаго интереса ³⁾. Только двѣ-три бумаги Востокова первой и третьей категоріи помѣщены нами. Въ этой суммѣ напечатанныхъ здѣсь съ автографовъ бумагъ Востокова есть нѣсколько, касающихся и той области науки, которой отдалъ онъ вторую половину своей жизни, и по заслугамъ въ ко-

¹⁾ Въ бумагахъ имѣются собственноручныя замѣтки Востокова на проектъ перемѣнъ и прибавленій въ уставъ, представленный въ Общество членомъ А. Веннскимъ 10-го августа 1807 года. Затѣмъ, при возобновленіи занятій Общества, прерванныхъ на нѣсколько лѣтъ войной 1812 года, Востокову поручено было пересмотрѣть уставъ и представить въ Общество проектъ новой его редакціи; этотъ проектъ представленъ былъ Востоковымъ при запискѣ отъ 21-го декабря 1818 года.

²⁾ Въ дѣлахъ Общества есть, напримѣръ, денежный отчетъ за январскую треть 1812 г., писанный рукою Востокова и подписанный: „казначей общества Александръ Востоковъ“.

³⁾ Въ бумагахъ Общества имѣется писанный рукою Востокова краткій обзоръ дѣятельности Общества за вторую треть четвертаго года (1804—1805) его существованія; тутъ указано количество состоявшихся засѣданій, кто изъ членовъ въ сколькихъ засѣданіяхъ участвовалъ, какія были читаны сообщенія; упомянуты нѣкоторыя изъ постановленій Общества за этотъ періодъ. О протоколахъ за первый годъ существованія Общества, писанныхъ Востоковымъ, упомянуто выше. По обязанности же секретаря Востоковъ писалъ извѣщенія къ разнымъ лицамъ (напримѣръ, Бринкону, Ковальку, Теребеневу) объ избраніи ихъ въ Общество членами или корреспондентами, что и имѣется въ чернилахъ или копіяхъ при „дѣлахъ“ этихъ лицъ.

торой онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи славянской филологіи...

Не трудно видѣть, какое значеніе имѣютъ эти бумаги для характеристики, какъ общественныхъ и литературныхъ взглядовъ самаго Востокова, такъ и того кружка и времени, гдѣ и когда онъ дѣйствовалъ. Писанныя не для печати, со всею простотою и откровенностію непосредственнаго впечатлѣнія (разумѣемъ въ особенности оцѣнку разнообразныхъ сочиненій, поступавшихъ въ Общество), эти бумаги даютъ подлинную и весьма рельефную страницу изъ исторіи нашего литературнаго прошлаго. Востоковъ тутъ является съ иной стороны, чѣмъ его привыкла знать доселѣ исторія русской науки и литературы. Обнаруженныя имъ въ приводимыхъ бумагахъ знанія, такъ и искренняя прямота въ разнаго рода соображеніяхъ и приговорахъ надъ чужими произведеніями дадутъ, вѣроятно, нѣсколько интересныхъ и новыхъ данныхъ для его будущаго біографа.

Представляя помѣщаемыя здѣсь бумаги ¹⁾ Востокова въ ихъ неприкосновенномъ видѣ (съ соблюденіемъ правописанія), мы сочли нелишнимъ присоединить къ нимъ соотвѣтствующія поясненія (большою частію, на основаніи тѣхъ же бумагъ Общества) и разнаго рода библиографическія замѣчанія и справки.

І. Рецензія ²⁾.

І. Ода къ истиннѣ (sic). Сочиненіе Борна.

Піеса сія по содержанію своему справедливой похвалы заслуживаетъ. Она состоитъ изъ стиховъ разномѣрныхъ. Такой образъ стихотворства, конечно, можетъ нравиться знатокамъ, а особливо ежели разныя мѣры со вкусомъ перемѣшаны: тогда оный всѣхъ ближе подходитъ къ музыкальной симфоніи. Но сомнительно, чтобы русскіе уши, привыкшіе къ единомѣрной мелодіи ямбовъ и хореевъ, постигли сію тонкость гармоніи; она можетъ показаться имъ прозою.

¹⁾ Первые 23 №№ (I—XXIII) расположены нами въ хронологическомъ порядкѣ на основаніи или помѣтъ на самихъ бумагахъ, или свидѣній изъ протоколовъ; относительно же послѣднихъ 6 №№ (XXIV—XXIX) не имѣется подобныхъ данныхъ, и опредѣлить время ихъ возникновенія представляется затруднительнымъ.

²⁾ Эта рецензія на сочиненія Борна, Попугаева, Волкова, Остолопова и Олешева была читана Востоковымъ въ засѣданіи общества 24-го мая 1802 г.

Мы согласны, что такое опасеніе не должно удерживать поэта, который не столько для своихъ современниковъ, сколько для потомства пишетъ, и потому не настоямъ мы на семъ пунктѣ. Скажемъ только то, что неопредѣленная такая разномѣрность, позволительная въ Гимнахъ, Дневрамбахъ и снмъ подобныхъ стихотвореніяхъ, всего менѣе можетъ терпима быть въ стихахъ, дѣлимыхъ на строфы, какова есть сія ода къ истинѣ. Впрочемъ два размѣра въ піесѣ сей преобладаютъ: Дактиль и Амфибрахисъ.

Первый: — — — — —

Мѣлкія | души безъ | цѣли свер|гаетъ
Уеди|няясь, со|бой наслаждаться
Полная | бездна мі|ровъ неув|четныхъ
Въ тайныхъ жи|лицахъ тво|ращей при|роды и проч.

Второй: — — — — —

Богиня | моя | ты въ рощахъ | священныхъ |
Гдѣ вѣчно | борьба | мятельныхъ | желаній |
Весѣду|еть онъ | въ твореньяхъ | великихъ |
О бла|гѣ | его | усердно | печется |
Тебѣ еи|міамъ | сердечнѣя жертвы | :

Мы бы совѣтовали любезному сочлену въ сей піесѣ одного изъ сказанныхъ двухъ размѣровъ держаться. И тотъ и другой приятенъ. Послѣдній особливо имѣетъ много звучности и еще весьма новъ для русской литературы. Есть ли не ошибаюсь, только трое употребили его: Державинъ въ своей Ласточкѣ, Карамзинъ Къ Лилѣ и нашъ сочленъ Волковъ въ прекрасныхъ его стихахъ Зимой къ друзьямъ.

Такова же Рамлерова ода An den Apoll. и другая его ода An Christian Gottlieb Krause.

II. Къ уединенію. Борна.

Плавный слогъ, солидныя мысли—вотъ что рецензентъ находитъ въ сей піесѣ!

6-я строка: въ случаяхъ *) жизни сей напастныхъ *).

а) Произносится слѣчай, а не случай.

б) Прилагательное имя напастный есть новое, и можетъ страшнымъ показаться: впрочемъ нельзя похулить его слово.

III. Водопадъ времени. Полугаева.

Неса столѣтъя на волнахъ
Онъ вержетъ въ бездну миліоны а)
Сатурнъ повержетъ б) мірады
Людей вращать судьбой не будетъ в)
Низвернется въ разверту часть д)
Изсякнетъ в его потокъ и проч. е)

а) Миліоны чего? — Конечно, миліоны столѣтій, подразумѣваетъ поэтъ; но не всякой сразу пойметъ.

б) вержетъ время настоящее, вергнетъ время будущее; и такъ нельзя сказать: повержетъ, но повергнетъ.

в) Не лучше ли: судьбой людей вращать не будетъ — какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ лучше стараться хранить логическій порядокъ словъ, нежели дѣлать словоперемѣщенія (инверсіи) тамъ, гдѣ безъ нихъ обойтись можно.

д) Низвергнется. См. выше лит. б).

е) Читая сіе и слѣдующее потому, нельзя не спросить автора съ изумленіемъ: точно ли онъ такъ думаетъ, какъ здѣсь написалъ, точно ли думаетъ, что и времени потокъ изсякнетъ? и что, слѣдственно, вся природа перейдетъ въ ничто?.. По крайней мѣрѣ, такое мнѣніе весьма странно. И даже противно врожденной намъ любви къ бытію; всякому постижимо, что формы или виды измѣняются, но чтобы матерія (la matière universelle) пришла въ ничто, того постигнуть никому нельзя, напротивъ того, самые смѣлые матеріалисты признаютъ вѣчность сей матеріи, управляющейся, по мнѣнію ихъ, законами присносущаго движенія, а не духомъ какимъ-либо.

При окончаніи пьесы видно чувство сердечное!

VI. Къ Мельпоменѣ Волковнѣ изъ Горація (то-есть, переведенное) (размѣромъ подлинника).

Желательно, чтобы Россійская поэзія обогатилась пріятными размѣрами грековъ и римлянъ; языкъ нашъ духомъ своимъ ближе всѣхъ языковъ европейскихъ къ виргиліеву и гораціеву языку.

Сія Гораціева ода, асклепиадическимъ размѣромъ писанная, переведена весьма удачно. Рецензентъ не можетъ удержаться, чтобы не прочесть нѣкоторыя поразившія его мѣста, напримѣръ:

Ниже громко въ Триумфъ, лавромъ увѣнчанный
По блистательнымъ подвигамъ

Укротивши царей грозы кичливны
 Въ Канитолію шествуетъ;
 Но при шумѣ ключей алачнаго Тибура
 Въ сѣнолиственныхъ рощицахъ
 Восхищенный поетъ пѣсни Лесбійскія

О Богиня, вливающая
 Въ струны лиры златой пѣсни божественны
 и проч.

Я спрошу у всякаго любителя поэзіи, въ какихъ ямбахъ можно
 течь такъ естественно и плавно, такъ легко порхать и такъ игриво
 звѣнѣть (sic)? И нужны ли еще къ такимъ стихамъ рѣзмы?

Въ 5-мъ стихѣ ни побѣдителемъ	}	Два творительные падежа сошлись въ одной фразѣ: побѣдителемъ и ристалищемъ, что не производитъ хорошаго дѣйствія.
Гордо мчится ристалищемъ		

V. Къ Алетѣ. Понугаева.

2-й строфы 1-й стихъ.

Заря вечерня восходитъ.

Даже утренная заря восходить не можетъ, кольми паче вечерняя: Солнце, луна и звѣзды восходятъ и закатываются, а зарѣ свойственно только являться и угасать на небѣ.

И въ снѣ я твой мечтаю взоръ.

Не лучше ли: во снѣ я твой мечтаю взоръ.

Последняя строфа хороша.

VI. Утро. Понугаева.

Писано такими же пятистишіями, какъ предыдущая пѣснь. Сей образъ стихотворства имѣетъ нѣкоторый элегическій тонъ, который заимствуетъ онъ отъ плавнаго своего на концѣ паденія; но для сего надобно, чтобы во всѣхъ строфахъ пятой стихъ былъ женской, чего авторъ въ 3-й и въ 4-й строфѣ не соблюлъ.

3-й строфы стихъ 3-й.

Въ мнѣ сердце бьется жизнью новой.

Въ мнѣ неправильно и слуху противно.

Впрочемъ отдавая справедливость мыслямъ и расположенію пьесы, долженъ рецензентъ дать замѣтить автору вообще малое его раченіе, обрабатывать стихи.

VII. Къ моей хижинѣ. Остолопова.

Пьеса начинается:

Спокойно мирная святая
Уединенная простая
Смиренна хижинка моя.

Два первые эпитета теряютъ свою силу, будучи послѣдуемы такими тремя, которые слабѣе ихъ. По мнѣнію Рецензента, произвели бы они болѣе дѣйствія, есть ли бы находились во второй строжѣ; наприимѣръ:

Уединенная простая
Спокойно мирная святая
Смиренна хижинка моя и проч.

Впрочемъ спокойный и мирный одно и то же. Совѣтуемъ сочинителю которое-нибудь изъ двухъ оставить и вообще избѣгать неуѣреннаго употребленія прилагательныхъ именъ.

Всегда добромъ восхищенный

Неправильно: восхищенный время прошедшее; а нарѣчіе всегда требуетъ настоящаго времени.

Твоимъ убожествомъ прельщенный

Нѣсколько странно кажется: убожество можно сносить терпѣливо, а прельщаются (sic) имъ никто не можетъ, ниже самъ Діогенъ.

Хорошо
сказано

Пускай богатъ надъ сундуками
Сидитъ за десятю замками
И деньги . . . отъ себя хранитъ;
Богатъ спокоенъ ли бываетъ?
Когда онъ сладко засыпаетъ? и проч.

Шестая, седьмая, осьмая и девятая строфы вообще исполнены благородныхъ чувствъ, равно какъ и одиннадцатая, которую съ удовольствіемъ прочитываю. Поэтъ говоритъ про Астрею:

Она тѣхъ здавиѣ избѣгаетъ,
 Гдѣ роскошь, вышность обитаетъ,
 Она не можетъ вмѣстѣ быть
 Ни съ униженными льстедами,
 Ни съ горделивыми глупцами,
 Въ одной тебѣ лишь хочетъ жить и проч.

Свойственнѣе, кажется, назвать глупцовъ напыщенными, нежели горделивыми; послѣдній эпитетъ принимается иногда и въ хорошемъ смыслѣ.

Да останется любовный сочленъ увѣреннымъ, что рецензентъ тѣмъ строже разсматривалъ эту піесу, чѣмъ болѣе она ему понравилась.

VIII. Лотрекъ, изъ піесей Оссіана. Олешова.

Піеса вообще весьма прекрасна; богата картинами и нравится чистотою слога. Поэтъ умѣлъ избрать для предмета своего приличную версификацію: краткіе дактилохоренческіе стихи совершенно гармонируются съ четверостопными ямбами. Но употребленные въ двухъ мѣстахъ хорей, скачущимъ своимъ ходомъ, кажется, нѣсколько нарушаютъ общее согласіе.

И обрати свой взоръ на мраморъ
 Лотрекъ вздыхая говоритъ.

Урождается ли мраморъ въ отечествѣ Оссіана?.. А есть ли и урождается, вѣроятно ли, чтобы древніе, полудикіе шотландцы различали поименно разныя породы камней?

Смерть ужасною косою
 Прократила жизни нить
 Милой вѣжной Дезагревы
 Въ цвѣтѣ юныхъ ея лѣтъ.

Въ разсужденіи первыхъ двухъ стиховъ замѣтимъ, что это совсѣмъ не въ духѣ шотландскихъ бардовъ сказано; они не знали нашу смерть съ косою, не знали также нить греческихъ Паркъ; у нихъ по своему умирали.

Въ цвѣтѣ юныхъ ея лѣтъ.

Совѣтуемъ сочинителю переимѣнить такимъ образомъ: въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ ея.

Давно всякнулъ, прекратился
 Изъ глазъ лиющійся потокъ.

Есть ли онъ иссякнулъ и прекратился, то онъ не есть уже лию- щійся, но онъ есть уже тогда лившійся изъ глазъ потокъ.

Но, увя, онъ не увидитъ.
Его болѣе нигдѣ.

Его есть любь, а не хорей; слѣдственно не надобно ставить сіе слово въ началѣ хоренческаго стиха. Лучше бы такимъ образомъ написать:

Болѣе его нигдѣ.

Собѣтуемъ сократить немного всю сію хоренческую тираду отъ стиха: придетъ прежній сотоварищъ до стиха: отъ печаль- ныхъ мѣстъ пойдетъ.

Впрочемъ поэтъ выдержалъ совершенно тонъ своей пьесы. Послѣ тоннаго жалобнаго речитатива слѣдуетъ вдругъ порывисто фуго:

Скройся изчезни
Горестная мысль!
Пусть веселятся
Милыя друзья,
Лютой разлуки
Вѣчно не даять;
Пусть я страдаю
Только одинъ,
Пусть и окончу
Здѣсь мою жизнь.
Тогда отчаянной рукою
Дотрещь свой острый мечъ беретъ
И призывая тѣнь любовной
Разить во грудь, и мертвъ надеть.

Можно безъ дести сказать, что сочинитель симъ концомъ истинно угѣбчалъ всю пьесу.

Писалъ сію рецензію Александръ Востоковъ.

II. Рецензія на переводъ Борна изъ Штольберга ¹⁾.

Когда переводчикъ въ сихъ стихахъ не наблюдалъ никакой опре- дѣленной мѣры, тогда для него кажется легче было бы избѣгнуть частыхъ переходовъ изъ одной строки въ другую (enjambemens), ко- торые сами по себѣ не составляютъ красоты и которые только въ

¹⁾ Эта рецензія была читана Востоковымъ въ засѣданіи Общества 14-го іюля 1802 г.

правильныхъ стихахъ, въ уваженіе трудности таковыхъ стиховъ, иногда могутъ быть позволительны.

Есть ли любовный сочленъ не пожелаетъ переставлять словъ въ піесѣ своей, то совѣтовали бы мы ему отнять у оной форму строфъ и переписать ее прозою: всѣ слова останутся въ томъ же порядкѣ. Но если онъ желаетъ, чтобы она сохранила видъ стихотворенія, въ такомъ случаѣ ставимъ мы себѣ долгомъ одобрить его къ вѣщему обработанію сихъ стиховъ. Пусть мѣра останется неопредѣленна, но чтобы переходовъ было меньше!

Мы означимъ здѣсь примѣтившіе изъ нихъ

въ 3-й строфѣ

..... слезы
Благодарности

въ той же

..... Стрась ко су*) его
Удѣлъ

въ 5-й строфѣ

... Простите
мнѣ [хуленіе]
Сіе отче всѣхъ . . .

*) „Стрась ко су“
можноли назвать страстью
ко су? По мнѣнію рецен-
зента можно только то на-
звать страстію, что при-
водитъ душу въ движеніе
какое-нибудь.

Послѣ сего остается намъ еще замѣтить:

1. „Мужа отъ праха“ (строфа 5-я). Что-то неловко кажется; не лучше ли сказать: изчадіе праха или мужа брэннаго.

2. „Води меня кроткая мудрости мать“ (строфа 8-я). Въ этомъ случаѣ сходнѣе бы было употребить словенскій падежъ: матерь.

III. Рѣчь о просвѣщеніи человѣческаго рода.

На случай чрезвычайнаго собранія 15 іюля 1802 года.

Наконецъ собираетъ насъ, любовные сочлены, тотъ день, который за годъ передъ снѣмъ видѣлъ—такъ сказать—первое зерно общества нашего. Теперь древо поднимается и простираетъ вѣтви. Да благоволятъ судьба, чтобы въ будущій годъ поднялось оно сугубо и обогатилось не столько вѣтвями, сколько плодами. Если благонамѣреніе, усердіе къ добру и любовь къ истинѣ будутъ всегдашними намъ сопутниками, то сіе, конечно, совершится. Будемъ между тѣмъ по-

стойно держаться сихъ спутниковъ: нашпаче сегодня они намъ нужны, сегодня, когда собрались мы для обновленія и утверженія нашего союза, сего по истинѣ извѣстнаго союза. Ибо что можетъ быть извѣстнѣ дружини благомыслящихъ молодыхъ людей, подающихъ другъ другу руку помощи въ трудномъ поприщѣ наукъ, искусствъ и философій. Мысли сообщаются, частныя мнѣнія каждаго препираются, очищаются взаимнымъ трѣніемъ и могутъ породить новый свѣтъ. На сей то конецъ, любезные сочлены, осмѣлился я предложить вниманію вашему нѣкоторыя мысли о просвѣщеніи человѣческаго рода.

До какой степени просвѣщенія Индейцы, Халдеи, Египтяне и другіе древнѣйшіе народы достигали, того не знаемъ мы навѣрно. Естьли вѣрить историкамъ, находились многіе изъ нихъ уже и въ цвѣтущемъ состояніи. Но, разсмотрѣвъ и сличивъ тщательно всѣ сохранившіеся о нихъ примѣты, возможемъ ли имовѣрно ставить ихъ— не говорю выше—наровнѣ съ Греками Периклова времени?... Естьли послѣдніе не могли хвалиться такими астрономическими и математическими свѣденіями, какіе примѣчаемъ у восточныхъ тѣхъ народовъ процвѣтавшихъ лѣтъ за тысячу до нихъ, то они были въ замѣну нравственно образованнѣе, просвѣщеннѣе въ цѣломъ. Такъ какъ мы, Европейцы 19-го столѣтія, хотя и не столько усовершеншились въ вааніи и въ ннхъ, можетъ быть, художествахъ, сколько Греки, жившіе до насъ за двѣ тысячи лѣтъ, но превозходимъ ихъ безъ сомнѣнія въ общемъ просвѣщеніи. Греки учились у Египтянъ и у Финикіанъ, и превзошли ихъ; мы у Грековъ учились, и ихъ превзошли. Вотъ ходъ просвѣщенія!

Но не переходитъ оно только отъ народа къ народу, подобно морю непостоянными вѣтрами одержимому. Нѣтъ! приличнѣ назову просвѣщеніе такимъ потокомъ, который естьли иногда оставляетъ въ сухѣ прежнее дно свое, то сіе для того, чтобы въ другихъ долинахъ разлиться гораздо обширнѣе, и который между тѣмъ накапливаясь отчасу и возрастая долженъ будетъ отъ избытку своего и на прежнія мѣста опять пролить свою влагу, чтобы уже все кругомъ обнять и составить цѣлое море: такимъ образомъ благо распространяется по землѣ съ вѣками болѣе и болѣе, чтобы поглотить наконецъ все зло и здѣлать землю раемъ...

Успѣхи сего всемѣстнаго просвѣщенія должны конечно намъ казаться медленными. Краткая жизнь наша позволяетъ намъ видѣть нѣкоторыя токмо изъ частныхъ явленій; а для обзорѣнія цѣли

ихъ, непрерывной и полной, для сужденій о дѣйствіи дѣлаго; требовалось бы въ продолженіи многихъ тысячелѣтій надъ землею нашею имѣть наблюдательное око.

Но дабы дать вѣроятность предположенію, что родъ человѣчскій усовершеняется, довольно сличить минувшее съ настоящимъ. Мы не отступимъ отъ истины, если скажемъ, что просвѣщеніе [въ пространѣйшимъ смыслѣ сего слова] столько возрасло въ послѣдніе двѣ тысячи лѣтъ, сколько вся нынѣшняя Европа пространствомъ превосходитъ Грецію; сколько земной шаръ, нынѣ намъ извѣстный, пространствомъ превосходитъ тотъ міръ, который былъ извѣстенъ греческимъ географамъ. Впрочемъ, ежели бы захотѣли мы сравнивать Грецію—оный образецъ древняго просвѣщенія—съ Европою, образцомъ просвѣщенія настоящаго, то примѣтили бы между ними много общаго. Державы новѣйшей Европы въ нынѣшнемъ положеніи дѣла суть Греческія республики въ большемъ видѣ¹⁾. Правда, что по пространству ихъ и по различію діалектовъ имѣютъ державы сіи болѣе разнородныхъ интересовъ и не столь тѣснѣю связь, какъ Греки между собою; но интересы сіи съ году на годъ сближаются, общее мнѣніе начинаетъ обладать всею Европою, и всѣ сіи разныя государства могутъ теперь, болѣе или менѣе, почтаться быть частями единой націи — Европейской! Она, конечно, будетъ еще вести войны междуусобныя, но все рѣже и рѣже, а между тѣмъ однимъ дѣйствіемъ времени нечувствительно образуется та Европейская республика, о которой мечталъ Сент-Пьеръ.

Для благосостоянія всѣхъ и cadaго надобно сего желать. Однакоже и черезъ это еще не будетъ выполнено намѣреніе Вышняго Промысла, правящаго ходомъ просвѣщенія. Не хочетъ онъ, чтобы одинъ народъ или одна часть свѣта исключительно дарами его наслаждалась, между тѣмъ какъ большая половина людей страдаетъ еще подъ зломъ и въ невѣжествѣ пресмыкается. Нѣтъ, онъ требуетъ равновѣсія какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ мірѣ! ²⁾ И для того-

¹⁾ Параллель довольно вѣрна: Французы суть *Деміоны*, Британцы *Спартанцы* или *Сиранкузцы*. Папское владѣніе можно приравнять къ *священнымъ Дельфамъ*. Имперскій сеймъ подобенъ нѣсколькимъ *судилищамъ Амфиктіоновъ*, Русскіе *Македонцы* и проч. и проч.

Примчаніе Востокова.

²⁾ Слишкомъ утонченный народъ въ отношеніи народа слишкомъ грубаго, есть тоже, что полоса воздуха раствореннаго жаромъ солнца въ отношеніи другой полосы воздуха сгущеннаго холодомъ; послѣдній, не находя опоры упругости своей, съ сильнымъ напоромъ устремится на полосу утонченнаго воздуха и, подмигнувъ всю окольную атмосферу, произведетъ опасные вихри.

Примчаніе Востокова.

то не прежде земля осѣнится вѣчнымъ міромъ, не прежде добродѣтель и правосудіе съ вольностью и равенствомъ утвердятся на ней постоянное свое жилище, пока не получатъ всѣ народы до одинаго равную степень просвѣщенія. На сей конецъ Провидѣніе посылаетъ иногда тѣ революціи, которые колеблютъ, разстраиваютъ заданія обществъ и часто рушатъ великолѣпное, огромное— чтобы изъ камней онаго настроить множество простыхъ посредственныхъ домовъ, которые въ свою очередь увеличиваются и украшаются.

Но главное изъ средствъ могущихъ уравнить просвѣщеніе и счастье народовъ есть безъ сомнѣнія комерція или взаимное народовъ сношеніе, если только не основано оно на одномъ прибыткѣ; ибо въ такомъ случаѣ непросвѣщенные ничего не получаютъ отъ просвѣщенныхъ кромѣ новыхъ пороковъ, новаго порабощенія. И въ самомъ дѣлѣ, что сообщили Финикіане дикарямъ Британіи и Поруссіи, отъ которыхъ они доставали олово и янтарь? Въ наши времена Гишпанцы, Португальцы и другіе съ тѣмъ же духомъ прибытка путешествовавшіе, какую пользу принесли народамъ, ими открытымъ? Напротивъ того всегда искали они ихъ обманывать, грабить, смерти предавать сильныхъ, а слабыхъ чинить рабами и не токмо не просвѣтили ихъ, но погасили и тѣ немногіе искры свѣта, кои начинали было являться въ простодушныхъ питомцахъ природы. Изъ сего явствуетъ, что комерція бесполезна и даже вредна просвѣщенію рода человѣческаго; когда не управляетъ ея духъ человѣколюбія (людиность, людскость, Humanité).

А этотъ духъ человѣколюбія, вопреки всѣмъ порицателямъ нашего вѣку, водворяется болѣе и болѣе между нынѣшними Европейцами: онъ есть плодъ общаго ихъ просвѣщенія. Такимъ образомъ Езуиты въ Калифорніи и въ Парагваѣ, а Квакеры въ Пенсильваніи, покоривъ себѣ сердца туземцовъ, приобрѣли существеннѣйшее и прочнейшее (sic) имущество, нежели каковое Гишпанцы въ продолженіи столѣтій могли завоевать огнемъ и мечемъ.

Коснувшись до поселеній Европейскихъ въ другихъ частяхъ свѣта, нельзя мнѣ не примолвить коего чего касательно дѣланнаго мною сравненія между Греками и Европейцами. Первые послали только въ Малую Азію, въ Тавриду, въ Сицилію, въ Италію и въ Галлію поселенцовъ; послѣдніе же, какъ мы видимъ, селятся и въ Азію и въ Африкѣ и въ Америкѣ и въ пятой части свѣта (Новой Голландіи); они въ переселеніяхъ своихъ укореняются; основываютъ города подобно Грекамъ, и составляютъ наконецъ особыя владѣнія.

Такъ напримѣръ Американскіе Штаты отдѣлились отъ Великобританіи, такъ вскорѣ могутъ отдѣлиться отъ нея и остъиндскіе ея владѣнія, а Перу и Мексика отъ скипетра лѣнливой и недостойной ихъ Гишпаніи. Сибирь можетъ современемъ отдѣлиться отъ Россіи, когда она достаточно пополнится смелочными, которые, укоренясь тамъ, понемногу принять могутъ особый духъ и особые свойственные климату интересы.

Слѣдствіе всего этого будетъ такое, что всѣ четыре или пять частей свѣта равно просвѣтятся и всѣ они будутъ тоже представлять, что теперь видимъ въ одной Европѣ, и что прежде видѣли въ одной Греціи—желательное золотое время для космополита, для всякаго друга человѣчества.

Александръ Востоковъ.

IV. ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Въ 1804 г. вышла первая часть изданія Общества: Периодическое изданіе Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Ч. I. С.-Пб. 1804.—Цензоры и члены Д. Языковъ и Н. Радищевъ представили 22-го октября 1804 г. въ Общество свое мнѣніе, въ которомъ высказали, что въ изданіи допущено много всякаго рода промаховъ: „Исторія общества составлена совершенно непристойнымъ образомъ. Чистосердечіе не всегда бываетъ добродѣтелью, а здѣсь оно простерто до излишества и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преступаетъ границы, предписываемыя благоразуміемъ“ (имѣются въ виду слишкомъ мелочныя подробности, извлеченныя изъ протоколовъ засѣданій Общества и не интересныя для публики). „Всякая книга, выходящая отъ Общества, должна имѣть какъ можно менѣ типографическихъ ошибокъ; ибо въ Обществѣ есть довольно членовъ, кои могутъ заняться корректурою; и притомъ дѣло состоитъ не въ скорѣйшемъ изданіи, а въ исправнѣйшемъ, слѣдственно можно бы было и три раза просматривать корректуру. Безъ препинаній, въ иныхъ мѣстахъ Общественнаго изданія совершенно затмѣвается смыслъ; правописаніе не соблюдено Нѣкоторыя мѣста какъ въ исторіи Общества, такъ и въ сочиненіяхъ, для насъ совершенно не понятны“ (стилистическіе промахи). „Г. Попугаевымъ предложенъ въ корреспонденты Общества профессоръ Дорпатскій г. Глянка. Городъ Дерптъ не можетъ имѣть профессоровъ, а имѣетъ ихъ тамошній университетъ. На стр. 170

названъ онъ просто г. Григорій Глинка,—это неучтиво. Такимъ образомъ называются люди неизвѣстные, а г. Глинка очень извѣстенъ Обществу, потому что онъ его корреспондентъ“.... Члену Попугаеву, завѣдывавшему изданіемъ въ качествѣ редактора, предоставлено было на эти замѣчанія дать свои оправданія, которыя онъ дѣйствительно и представилъ.

По поводу этой неудачи съ Периодическимъ изданіемъ Общества высказалъ свое мнѣніе и Востокъ въ комитетѣ (цензуры Общества) октября 1804 г. Вотъ оно:

Въ настоящемъ положеніи остается намъ не трата времени и не жалгія вживенія, исправить допущенныя нами въ изданіи нашемъ погрѣшности: конечно, лучше бы было не доходить до нихъ, прочитывая въ Обществѣ все, что готовится къ печати и веда корректуру общими силами, но съ одной стороны сопряжено это съ неудобствами; съ другой, хотя и можно того изъ почтенныхъ членовъ, на чьихъ рукахъ была корректура и кто писалъ исторію, винить въ недосмотрѣніи и опрометчивости, однакоже мы еще виновниѣ—вѣдая сіи за нимъ погрѣшности, столь предосудительныя всѣмъ прочимъ украшающимъ его добрымъ качествамъ, усердію и благонамѣренію, вѣдая сіе, зачѣмъ были мы столь мало заботливы о дѣлахъ Общества? Зачѣмъ оставляли ему одному исправлять то, отъ чего зависитъ честь и доброе имя всего Общества?—Да позволить мнѣ привести одно мѣсто изъ рѣчи произнесенной мною 15-го іюля 1804 года: „Если мы всѣ не оживимся равною дѣятельностію и не употребимъ совокупныя усилія наши къ свисканію себѣ отъ публики общаго уваженія, то легко допустимъ, что собратство наше со всею его благонамѣренностію и цѣлію сдѣлается ребяческою игрушкою и посмѣшищемъ въ глазахъ стороннихъ людей“, а теперь едва ли не сбудется это, ежели мы не предускоримъ дѣятельными мѣрами. Ежели есть способъ выручить три экземпляра, выпущенные нами ⁴⁾, и уничтоживши весь заводъ напечатанной исторіи и двухъ рѣчей, перепечатать исторію съ надлежащими перемѣнами, какъ предложено было почтенными членами въ прошлую субботу, то осмѣлюсь пред-

⁴⁾ Попугаевъ въ засѣданіи 22-го октября заявилъ, что два экземпляра *Периодическаго изданія* представлены имъ Михайлу Никитичу Муравьеву—одинъ для него, другой—для Государя Императора, и одинъ министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому:

ставить приготовленную мною исторію, совершенно по прежнему начертанію, но сокращенную и съ нужными выпущеніями.

Членъ и цензоръ Востоковъ¹⁾ и членъ цензурнаго комитета Востокъ²⁾ въ своемъ письмѣ къ члену цензурнаго комитета Востокъ³⁾ извѣщаютъ, что въ присутствіи членовъ цензурнаго комитета 11-го ноября 1805 г. предложено уничтожить въ 1-ю часть *Періодическаго изданія*, совсѣмъ уничтожить ее, оставивъ въ библиотекѣ Общества одинъ только экземпляръ, съ тѣмъ чтобы выбрать изъ него нѣкоторыя піесы для помѣщенія въ послѣдующія изданія Общества. 18-го ноября это предложеніе было принято и положено привести его въ исполненіе. Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, чтобы сказать, на сколько исполнено было это намѣреніе Общества уничтожить уже напечатанныя и отчасти выпущенныя въ свѣтъ экземпляры I-й части *Періодическаго изданія*; можемъ только отмѣтить здѣсь, что въ Императорской Публичной Библиотекѣ мы пользовались совершенно полнымъ экземпляромъ этой книги, не исключая и упомянутой неудачной „Исторіи“ Общества, которая приложена была въ самомъ началѣ ея, и въ которой цензоры Общества нашли столько неприятныхъ и неудобныхъ для послѣдняго мѣстъ.

Милостивый Государь мой Василій Васильевичъ!³⁾

Именемъ Общества имѣю честь отвѣтствовать на письмо Ваше къ оному отъ 28 Іюля, читанное въ ординарномъ засѣданіи Октября 22 въ субботу; присутствовали же, слѣдующіе члены: Г-нъ Пре-

¹⁾ Дѣйствительно при бумагѣ приложена „Краткая исторія Общества Любителей Словесности, наукъ и художествъ“, писанная писцомъ, но по нѣстамъ исправленная рукою Востокова. Она была читана въ засѣданіи 12-го ноября 1804 г. Положено было довести до IV-го года существованія Общества, то-есть, до 15-го іюля 1804 г., для чего „Исторія“ и была отдана Востокову. Въ засѣданіи 11-го ноября 1805 г. цензурный комитетъ Общества предложилъ, въ виду множества всякаго рода погрѣшностей, вкрапившихся въ 1-ю часть *Періодическаго изданія*, совсѣмъ уничтожить ее, оставивъ въ библиотекѣ Общества одинъ только экземпляръ, съ тѣмъ чтобы выбрать изъ него нѣкоторыя піесы для помѣщенія въ послѣдующія изданія Общества. 18-го ноября это предложеніе было принято и положено привести его въ исполненіе. Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, чтобы сказать, на сколько исполнено было это намѣреніе Общества уничтожить уже напечатанныя и отчасти выпущенныя въ свѣтъ экземпляры I-й части *Періодическаго изданія*; можемъ только отмѣтить здѣсь, что въ Императорской Публичной Библиотекѣ мы пользовались совершенно полнымъ экземпляромъ этой книги, не исключая и упомянутой неудачной „Исторіи“ Общества, которая приложена была въ самомъ началѣ ея, и въ которой цензоры Общества нашли столько неприятныхъ и неудобныхъ для послѣдняго мѣстъ.

²⁾ Письмо это, написанное Востоковымъ въ бытность его секретаремъ Общества, вызвано слѣдующимъ письмомъ члена В. В. Дмитріева:

Почтенному обществу Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

Дружество, сердечныя склонности соединили насъ; и монархъ, гонимый тѣмъ невѣжествомъ изъ Россіи ободреніемъ всего способствующаго просвѣщенію, признавъ дружественный Союзъ нашъ своимъ утвержденіемъ. Почтенные друзья мои! Чувствуя важность сей монаршей благотворительности, почитаю долгомъ моимъ предложить вамъ, что такая милость требуетъ отъ Общества по вѣрнѣ правамъ благодарности и жертвы, ея достойной. Принесемъ, принесемъ, друзья мои, ко трону оную! Способности всѣхъ насъ будутъ достаточны.

Сколько сокровищъ еще отъ русскихъ ссырывается въ иностранной словесности. Сколько драгоценностей протекшаго вѣка въ твореніяхъ великихъ умовъ считаются бесполезными для большей части тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые съ желаніемъ, достойнымъ Патриота, напитаи бы оными душу

зидентъ Общества Борнъ, Г-да Понугаевъ, Языковъ, Судаковъ, Радищевъ, Репнинъ, Измайловъ, Остолоповъ, Мерзляковъ, Терехневъ и Секретарь Востоковъ — всѣ соплескали душевно изображенными въ письмѣ Вашемъ чувствованіямъ, находя ихъ до-

свою и обогати природныя дарованія вѣщими свѣденіями, посвятили бы ихъ въ дѣйствіяхъ своихъ пользѣ общей! Почему жъ, имѣя толь превосходный случай, не доказать и намъ своего къ общему благу усердія. Почему не пересадить въ отечество такое растеніе, съ котораго полезныя и пріятныя плоды естли и не мы, то по крайней мѣрѣ потомки наши собрать могутъ.

Почтенные друзья мои! Соображаю, что вы угадываете мысль мою — и прежде нежели назову сіе полезное для отечества нашего растеніе — вы проназосите имя, бессмертное имя Рейналя.

Такъ мало кто представлялъ въ толь безпристрастномъ видѣ картину народовъ, мало кто управлялъ толь искусно священнымъ перомъ англосоеин, какъ оны въ *Философической Исторіи своей обниахъ Индій*. Не укоснимъ, милые друзья мои, сей бессмертный памятникъ ума знаній и сердца человѣческаго переложить на отечественный языкъ нашъ, — и какъ сіе сочиненіе наполнено предметами, относящимися къ пользѣ, благосостоянію и покоійствію всѣхъ народовъ: то посвятимъ его такому Государю, который царствуетъ для счастья подданныхъ. Вотъ трудъ, могущій быть жертвою нашей благодарности.

Я думаю, что число членовъ будетъ достаточно для равнаго раздѣленія и успѣха въ трудѣ семъ. При чемъ имѣю честь предложить еще слѣдующее: что если Общество найдетъ мысль сію согласною съ его мыслию, то *третьей* и *десятой* томъ сего сочиненія беру я на себя: во первыхъ, потому, что авторъ въ *третьемъ* томѣ касается до торговли нашей съ китайцами; а въ *десятомъ* вообще до состоянія нашего отечества — безъ особливыхъ ремарокъ обойтись будетъ не можно и я прошу уступить ихъ мнѣ; а во вторыхъ потому, что многія мѣста мною уже переведены. — Впрочемъ, я уважаю большинство голосовъ Общества.

Въ заключеніе всего долженъ я дать отчетъ почтеннымъ Сочленамъ въ моихъ упражненіяхъ. Прервавшееся сношеніе мое съ Обществомъ имѣетъ свои причины (*смизу*: въ теченіе двухъ лѣтъ я не получилъ ни строчки извѣстія). Теперь же, когда извѣстно мнѣ его состояніе, сердце мое предъ нимъ открывается. — Касательно до корреспондентовъ скажу, что я много почитаю Общество и не хочу видѣть въ немъ мало достойныхъ, и все, что относится къ состоянію нравственности и просвѣщенія въ Сибири, друзья мои увидятъ въ наблюденіяхъ моихъ подъ названіемъ: *Красоты дикихъ мѣстъ отечества моего*. Еще отвѣтствую на вопросъ о упражненіяхъ моихъ, что я намѣренъ перевести *Гельмъ: О человекѣ* и *Винкельманову Исторію древнихъ художествъ*. Оба сочиненія начаты и переводятся сколько можно успѣшно. Не буду анализировать ихъ. Красота, сила и польза не безызвѣстны почтеннымъ друзьямъ и Сочленамъ моимъ.

Василій Дмитріевъ.

— 40 — Июля 28. — 1804.

— 29 июля — Тобольскъ.

стойными Сочлена нашего. Общество весьма готово было приступить къ предложенному Вами переводу Рейналевоу Исторіи обѣихъ Индій; но кромѣ того что Г-нъ Языковъ противъ сего представилъ неудобства, съ каковыми обыкновенно сопряжено бываетъ раздѣленіе одного уврача на многихъ переводчиковъ, [чему примѣръ видить въ переведенномъ академіею наукъ Вюффонѣ, имѣющемъ слогъ пестрый и неровный ¹⁾] ²⁾ — кромѣ того Г-нъ Мерзляковъ ³⁾, пріѣзжій изъ Москвы новой членъ, отвратилъ Общество отъ предпріятія сего, объявивъ, что сіе Рейналево твореніе въ Москвѣ знакомымъ ему человѣкомъ совсѣмъ уже переведено и готово къ печати ⁴⁾. Впрочемъ, чтобы труды Ваши не пропали, можете Вы переведенныя Вами мѣста напечатать особо въ видѣ отрывковъ, или же прислать къ намъ для помѣщенія въ Періодическое изданіе Общества, коего первая часть нынѣ вышла и содержитъ всякіе предметы въ стихахъ и въ прозѣ. Сочиненіе, которое Вы намъ обѣщаете подъ названіемъ Красоты двѣхъ мѣстъ отечества моего, ожидаемъ мы съ любопытствомъ ⁵⁾. Также переводомъ Гельвеціева Опыта о человѣкѣ и Винкельмановой Исторіи древнихъ художествъ,

¹⁾ Всеобщая и частная естественная исторія, грава *де-Вюффона*. Пер. съ фр. Степанъ Румовскій, Иванъ Лепехинъ, Петръ Инокходцевъ, Николай Озерецковскій, Василій Зуевъ, Семенъ Котельниковъ, Никита Соколовъ, Алексій Протасовъ и Александръ Севастьяновъ. 10 частей. С.-Пб. Въ тип. Акад. Н. 1789—1808.

²⁾ Поставленныя въ скобкахъ слова зачеркнуты въ подлинникѣ карандашомъ.

³⁾ Мерзляковъ былъ принятъ корреспондентомъ Общества по рекомендаціи товарища министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьева, о которой членъ Попугаевъ сообщилъ въ засѣданіе Общества 8-го октября 1804 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вчера, бывъ у Е. Прев. Михаила Никитича Муравьева, получилъ я препорученіе предложить въ Общество молодого литератора г. Мерзлякова, коего познанія и таланты Его Превосходительство рекомендуетъ, желая чтобы г. Мерзляковъ удостоенъ былъ сношенія сколь возможно скорѣе съ Обществомъ, особенно потому, что онъ въ Петербургѣ долго не останется“. Въ виду послѣдняго обстоятельства, Общество, принявъ Мерзлякова, постановило освободить его отъ обычной обязанности каждаго вступающаго представлять что-либо изъ своихъ литературныхъ произведеній.

⁴⁾ Ср. Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ. Соч. аббата *Рейналя*, пер. съ франц. *Городчанниковъ*, в часть 6-ю *В. Анастасевича*. 6 частей. С.-Пб. Въ т. Шнора. 1805—1811.

⁵⁾ Въ 1809 г. Дмитріевъ издалъ въ С.-Пб. 1-ю часть своего сборника „Ореады“ (дальнѣйшія части не выходило), наполненнаго исключительно произведе-

здѣлаете Вы истинно подарокъ россійской словесности. Оба сіи автора, конечно, требуютъ и читателей отборныхъ: надобно почти имѣть кротость, прамодушіе и просвѣщенный умъ самого Гельвеція, чтобы не почерпнуть изъ ученія его вмѣсто полезнаго сиропа, вредный опиумъ егоизма; опасенія сіи уменьшаются однако тѣмъ, что у насъ книги философическія рѣдко бывають въ рукахъ профановъ. Винкельманъ также принадлежитъ къ писателямъ отвлеченнымъ, хотя въ другомъ родѣ. Его поймутъ святители (sic) ¹⁾ изящности и поклонники эллинскихъ грацій. Написать исторію художествъ никакое перо не могло пламеннѣе, какъ Винкельманово, движимое энтузіазмомъ и вкусомъ непреложной красоты. Если у васъ имѣть нѣмецкаго подлинника, то почитаю за нужное предварить Васъ о слѣдующемъ: есть два французскіе перевода; одинъ напечатанъ въ 60 годахъ, въ 2 томахъ in 8-vo, съ этого (sic) не переводите: онъ ни къ чему не годенъ. Другой переводъ г-на Губера, въ 3-хъ томахъ, напечатанный въ осмидесятыхъ годахъ, довольно близокъ къ оригиналу. Надѣюсь, что Вы его переводите.

За сіимъ отъ всего общества [братское цѣлованіе] ²⁾, а отъ меня особенно мое почтеніе, съ которыми имѣю честь пребыть

Милостивый Государь мой Василій Васильевичъ, къ услугамъ

Вашимъ готовый Александръ Востоковъ.

Окт. , " днѣ 1804.

VI.

Изъ полученныхъ мною отъ г. Президента 32-хъ піесъ могутъ по моему мнѣнію слѣдующія девять помѣщены быть во 2-ую часть Періодическаго Изданія ³⁾:

Стихи.	{	1. Гимнъ Непостоянному	Мерзлякова.
		2. Побѣда.	Борна.

дѣнями издателя и его переводами; въ первыхъ очень много мѣстъ отдано воспоминаніямъ о Сибири, особенно о ея природныхъ красотахъ (въ статьяхъ: „Гармонія міра“, „Симеонія натура въ часъ утра“, „Сибирскій зимній кедръ“, „О путешествіяхъ вообще“, „И мое путешествіе“).

¹⁾ Сначала вмѣсто этого слова было: *восмидесятки*, которое зачеркнуто.

²⁾ Эти два слова также перечеркнуты карандашомъ.

³⁾ Этотъ отзывъ Востоковъ давалъ по обязанности цензора Общества. II-я часть *Періодическаго Изданія* совсѣмъ не была выпущена.

Стихи	}	3. Добродѣтель ¹⁾ Арцибашева.
		4. Первая любовь Борна.
		5. Собака, басыя въ Геллерта Измайлова.
		6. Графъ Глейхенъ Каменова.
Проза	}	7. Лѣва Арцибашева.
		8. Отрывки изъ путешествій Н Арцибашева.
		9. Гроза Чернявскаго.
		10. Англійск. Филантропи Языкова.
		11. Узамел. Купидонъ Остолопова.

Не выбранна мною суть:

Не выбран	}	1. Пѣснь на восстановление всеобщаго мира
		2. Кантатъ
		3. На новый вѣкъ
		4. Епиграмма
		5. Семейственная прогулка Чернявскаго.
		6. Прогулка послѣ грозы
		7. Къ Лизѣ
		8. Лирика
Не выбран	}	9. Скука
		10. Временщикъ Арцибашева.
		11. Посланіе къ Г. Р. Д.
		12. Пѣсня при утренней прокладѣ
		13. Алонзо и Имогна Каменова.
		14. Пѣсня: я въ лѣсочкѣ
		15. Цыганка Измайлова.
Не выбран	}	18. Къ Лизѣ Радицева.
		19. Къ Вертумну Остолопова!
		20. Къ Зефирамъ Судакова.
		21. Къ веснѣ Попугаева.
		22. Пробужденіе Аглаи Борна.
		23. Сасафрасъ и дикое виноградное дерево, анекдотъ Языкова.

¹⁾ Сія піеса имѣетъ некоторую относительность къ послѣднимъ филантропическимъ заведеніямъ, и потому бы желательно было ее помѣстить въ *Периодическ. Изданіи*—но послѣднюю строку можно бы выкинуть. *Примчаніе Востокова.*

Въ прошломъ засѣданіи, когда я представилъ сей списокъ, требовали, чтобъ я противъ каждой піесы означилъ, почему я выбралъ или почему не выбралъ. — Но прошу Общество меня отъ сего уволить; довольно, если каждый цензоръ по благоусмотрѣнію своему выберетъ піесы, и когда всѣ пять выборовъ въ общемъ собраніи слѣдуютъ, тогда Общество дастъ преимущество тѣмъ піесамъ, кои всѣми пятью цензорами единогласно выбраны.

Цензоръ Востоковъ.

Ноября дня
1804.

VII.

Въ С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Словесности, наукъ и художествъ.

Отъ члена и цензора Востокова.

По препорученію Общества разсматривалъ я представленный въ общественную цензуру „Опытъ о благоденствіи народныхъ обществъ въ 2-хъ частяхъ, соч. членомъ Общества В. Попугаевымъ“ и нахожу, что рукопись сія можетъ быть напечатана. — Замѣчанія же мои при семъ представляю. Во первыхъ на тѣ мѣста, которыя замѣчены ц-мъ Языковымъ ¹⁾.

¹⁾ Чтобы повѣдующія сужденія и мысли Востокова были понятны, необходимо привести здѣсь мнѣніе другаго цензора Общества, Д. И. Языкова, которому также поручено было разсмотрѣніе упомянутаго сочиненія Попугаева, и который высказалъ свое мнѣніе раньше Востокова. Вотъ оно въ необходимомъ извлеченіи:

„Сображаясь съ высочайше изданнымъ уставомъ о цензурѣ, нахожу я, что рукопись сія можетъ быть напечатана, выключая нижеслѣдующихъ мѣстъ, кои, по мнѣнію моему, противны оному.“

Часть I.

Отр. 52. „Но не смотря на все сіе, и по сіе еще время народы часто страдаютъ отъ ига деспотовъ; и по сихъ еще поръ тираны отъ времени до времени желѣзною рукою утѣшаютъ слабыхъ. Являются гении благодѣтели, льютъ изъ золотой чаши просвѣщенія миръ и спокойствіе; но пролетаютъ и бурные духи злобы и проявляютъ на бдѣствующее человѣчество всѣ ужасы Тартара.“

Отр. 53. „Всѣ доселѣ существовавшія монархическія правленія имѣли одну погрѣшность съ республиками: онѣ не имѣли твердыхъ законовъ и особенно конституцій. Власть политическая, будучи вся непосредственно въ рукахъ Го-

ЧАСТЬ ССКУПЦІИ, ОТД. 2.

Мѣста, приведенныя изъ 1-й части, стр. 52 и 53, можно по моему мнѣнію не выкидывать, ибо они существенно нужны—поумѣрить въ нихъ только выраженія.

Замѣченное на стр. 55 нельзя по моему мнѣнію позволить къ напечатанію.

сударя, дѣлаетъ этическую силу народа самымъ орудіемъ злыхъ или добрыхъ дѣланій, сообразно частной волѣ. А какъ воля сія часто бываетъ управляема страстями и не имѣетъ иного обузданія, кромѣ собственнаго разсудка, который и у Государей великихъ, столь рѣдкихъ, помирается курениями дести, то народы страдаютъ и государства мало по малу падаютъ въ невѣжество и разрушеніе. Но погрѣшности монархій не въ томъ, что Государя имѣютъ полную власть, напротивъ сіе соединяетъ выгоду народовъ и государей въ одну точку и дѣятельность въ пользу общественную одушевляетъ и такъ сказать направляетъ. Но въ томъ, что политическая сила пребываетъ токио въ немъ единомъ, народъ же на оную никакого вліянія не имѣетъ; но въ томъ, что образъ и права приближенія къ сему важному государственному лицу не заключено въ извѣстныхъ формахъ, посредствомъ коихъ приближаться къ трону могли бы токио добродѣтельными, испытанными гражданами. Власть безъ общественнаго признанія приближающихся къ трону опасна, нежели власть Государей самыхъ неблагонамѣренныхъ. Государь не можетъ дѣйствовать противъ народа не дѣйствуя противъ себя, и слѣдственно противу выгодъ оного дѣйствовать не будетъ. Но сего нельзя сказать о любимцахъ и временщикахъ, людяхъ случайныхъ, коихъ выгоды съ выгодами народными ни въ какой точкѣ не соединяются.

Стр. 55. „Въ большихъ и многолюдныхъ областяхъ избраніе первенствующаго лица не токио не вредно, но еще полезно.“

Стр. 84. „Исключительная торговля Франціи и Россіи была бы опасна для свободы Европы.“

Стр. 102—105. „Первое, что могутъ и должны сдѣлать народы для утвержденія колеблющагося своего равновѣсія и спокойствія, есть освободить земледѣльцевъ отъ бремени ихъ гнѣтущаго и доставить ему (sic) спокойствіе мирно наслаждаться плодами его трудолюбія; есть снять съ сего почтеннаго состоянія пресрѣніе, дѣлающее стыдъ нашему времени. Бѣдствія его должны исчезнуть и вывѣсть увлечь съ собою невѣжество, унылость душевную и отчаяніе сихъ бѣдствующихъ сыновъ отечества. Сіе должно быть правиломъ самымъ первымъ всей Европы, если она хочетъ видѣть счастливыми обитателей ея, если она хочетъ сдѣлать хотя одинъ шагъ къ своему благополучію. Тогда земледѣліе, существенное богатство народовъ, процвѣтаетъ (sic); тогда житель города не устыдится подобно древнимъ римлянамъ и древнимъ грекамъ, влѣчь rado и засѣвать поле; тогда благодарный селянинъ съ радостію отирать будетъ потъ, катищійся по лицу его и напряжетъ сугубо силы, видя трудолюбіе его вознагражденнымъ и уважаемымъ. Самый обитатель города почувствуетъ благодѣтельное сего вліяніе, ибо богатство земли умножится. Вся Европа, повторяю, если она хочетъ видѣть ближенство свое возростающимъ, если она хочетъ отдалить грозящія бѣдствія, должна помыслить о севъ классѣ, особенно тѣ несчаст-

Стр. 84 нахожу, что можно позволить.

Стр. 102—105. Кажется можно напечатать такъ какъ оно есть; ибо теперь само правительство, самъ Государь у насъ занимается способами облегченія участи земледѣльцовъ. Я съ моей стороны одобряю всю сію статью г-на Попугаева, и нахожу что авторъ, коснувшись сего предмета, долженъ былъ непремѣнно употребить сильные и патетическія выраженія.

Въ замѣчаніяхъ о несправности слога сего сочиненія я съ г-мъ Цензоромъ Лызинымъ совершенно согласенъ.

Сверхъ того замѣтилъ я слѣдующее:

Къ стр. 9 и 10-ой. Философы, утверждавшіе что состояніе дикое есть совершенно естественное и щастливое, понимали слово дикой иначе, нежели какъ понималъ Филанжіери: состояніе дикаго чело-

вья земли, которая поражена бѣдствіемъ золъ феодалныхъ. Она должна положить священнымъ, непремѣннымъ, твердымъ закономъ ненарушимость правъ землепашцевъ. Низкая государственная необходимость не должна нарушать спокойствія селянъ; напротивъ отдалять крестьянъ отъ земли, ими о бработываемой.

„Если ужъ такъ должно, чтобъ было состояніе, кое бѣ жило на счетъ воздѣлывающихъ землю и получало отъ онаго существенное богатство природы, то первое должно освободить второе отъ прочихъ обязанностей, должно освободить для собственной пользы. Оно должно себя предоставлять правленію, торговлю, промышленность и пр. Но за то состояніе селянина должно быть мирно. И если война необходимость государства, то она не должна лежать на земледѣльцѣхъ проиъ случавшъ чрезвычайныхъ. Довольно, если сіе состояніе будетъ питать другія; послѣднія должныствуя взять на себя прочія тягости“.

Вотъ чего, по мнѣнію моему, къ напечатанію одобрить нельзя. Въ заключеніе совѣтовалъ бы почтенному сочинителю потрудиться нѣсколько надъ чистотою слога, который во многихъ мѣстахъ теменъ и не вразумителенъ и періоды слишкомъ длинны. Для доказательства привожу слѣдующія мѣста:

Часть I.

Стр. 17. „Гражданское состояніе сложностію своихъ отношеній содѣлывая и нужды существованія человека болѣе сложными, естественно по сему было бы отягчительнѣе, нежели состояніе человека дикаго: ибо *первой* мѣсть только нужды физическія, *второй же* мѣсть физическія и гражданскія“.—Тутъ явная ошибка, происходящая навѣрное отъ писца; ибо человекъ дикій не можетъ имѣть физическихъ и гражданскихъ нуждъ.

Стр. 60. „Тѣло общества подобно тѣлу вещей *неодушевленныхъ*“.— И тутъ навѣрное писцова ошибка; мнѣ кажется, что тѣло общества подобно тѣлу вещей *одушевленныхъ*.

Стр. 61. „Не входя въ *текучую исполнимельность*“.— Текучая исполнимельность никому неизвѣстна . . . и т. д. нѣсколько другихъ подобныхъ замѣчній.

вѣка, воображаемаго Ж. Ж-мъ Руссо, есть несбыточный идеалъ. Онъ смѣшалъ три разныя идеи — американскаго дикаря, озвѣрившагося лѣсовника и пастуха щастливой Аркадіи. Первой, сколь ни грубо, искони живеть въ состояніи общественномъ, второе есть рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, феноменъ натуральной исторіи, а третій живеть въ воображеніи поэтовъ.

Къ стр. 11-ой. Филанжіери справедливо говоритъ, что общество родилось съ человѣкомъ, и что состояніе дикое (разумѣя подъ симъ состояніе человѣка одинокаго, необщественнаго) есть разрушеніе роду человѣческому. Авторъ напротивъ того думаетъ, что дикое состояніе есть первое начало общности — разумѣя состояніе народовъ, названныхъ дикарями, каковыя въ Африкѣ и въ отдаленныхъ краяхъ новаго свѣта. Но сихъ нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ дикими. Они, какъ выше сего замѣчено, искони были въ состояніи общественномъ. Необщественныхъ же на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ уродовъ, по случаю вскормленныхъ звѣрами въ лѣсахъ и озвѣрившихся подобно имъ; что самое доказываетъ справедливость Филанжіеріева утверженія, ибо коль скоро человекъ внѣ общества, то онъ престааетъ быть человѣкомъ.

Страница 14. „Слабость и сила физическая, слабость и сила моральная суть возбуждательныя нужды взаимнаго сношенія и вспомоствованія, влекуція людей къ соединенію; неравное распредѣленіе нуждъ естественныхъ, заключающихся въ произведеніяхъ природы и искусственности, есть вторая побуждательная тому причина“. Все это требуетъ очистки и опредѣленнѣйшихъ терминовъ. Можно, конечно, понять, что здѣсь авторъ говоритъ о двухъ причинахъ общественнаго соединенія, изъ коихъ первая (слабость и сила физическая, слабость и сила моральная) лежитъ въ самомъ человѣкѣ; вторая (неравенство произведеній природныхъ) въ качествахъ земли и климата: но что значить распредѣленіе нуждъ естественныхъ?.. возбуждательныя нужды? и т. под.

Стр. 30. „Забываютъ, что ихъ богатства условны, что другіе народы обладаютъ существенными“. Надлежало бы здѣсь для большей ясности опредѣлить, хотя въ ремаркѣ, значеніе сихъ терминовъ условное и существенное, прилагаемыхъ къ слову богатство. Авторъ не прежде какъ на слѣдующей страницѣ извѣщаетъ читателя, что условныя богатства суть серебро, золото и проч., а о существенныхъ ничего не говоритъ — конечно можно догадываться, но въ сочиненіяхъ такого рода каково сіе, не позволяется автору зада-

вать читателю загадки. Авторъ долженъ (такъ сказать) читателю своему все разжевать да въ ротъ положить.

Стр. 32. „Человѣколюбіе и справедливость войдетъ въ общую нравственность“. Что разумѣеть здѣсь авторъ подъ словомъ общая нравственность? Общій ли характеръ народовъ? Политика (sic) ли ихъ правителей? Основаніемъ нравственности были всегда человѣколюбіе и справедливость — мнѣ кажется опредѣлительнѣе бы здѣсь сказать: человѣколюбіе и справедливость войдутъ въ основаніе общей политики, сдѣлаются характеромъ оной, такъ какъ доселѣ характеромъ ея былъ эгоизмъ и обманъ.

Стр. 43. „Если въ какомъ бы то ни было правленіи сін двѣ силы не такъ разположены чтобъ сила физическая удерживала въ надлежащихъ предѣлахъ политическую, а политическая физическую... то правленіе можетъ надѣяться на твердость“.

Здѣсь ошибка переписчика, надобно сказать: если сін двѣ силы такъ разположены и проч.

Стр. 47. „Сія республика (Спарта) существовала бы и по сихъ поръ, естлибы Илоты, приуча гражданъ быть деспотами, не развратили ихъ нравовъ и тѣмъ не ослабили дѣйствія законовъ“. — При семъ кажется мнѣ справедливымъ замѣчаніе ц—а Языкова, что не Илоты причиною ослабленія законовъ, а допущеніе роскоши. Какъ могли Илоты развратить нравы Спартанъ, когда сін тѣхъ презирали и слѣдственно гнушались перенять что-либо съ рабовъ своихъ? Спартанцы и съ начала, когда Ликурговы законы были въ силѣ, и нравы въ чистотѣ, деспотствовали надъ Илотами безъ всякаго зазрѣнія, ибо почитали ихъ малымъ чѣмъ лучше скотовъ.

На страницѣ 48-ой нижнія строки совѣтуемъ автору нѣсколько въ слогѣ поисправить.

Стр. 66—67. „Народъ въ бѣдности не могъ и не можетъ ни быть счастливъ, ни уважаемъ; оный всегда былъ жертвою богатаго. Богатство родитъ токмо спокойствіе и обезпеченіе государства и единицъ оныя составляющихъ; спокойствіе и обезпеченіе родитъ просвѣщеніе, котораго не можетъ быть въ народѣ угнѣтенномъ (sic) бѣдностію. Удѣлъ такого народа есть невѣжество самое мрачное! Бѣдность есть неизбѣжной источникъ всѣхъ пороковъ и развращенія въ народѣ. Нужда, преслѣдующая гражданъ во всѣхъ состояніяхъ, заставляеть прибѣгать ихъ ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, обѣщающимъ хотя малое облегченіе, а сіе не будучи и не могши быть правимо-просвѣщеніемъ, ведетъ ихъ путемъ

не всегда поволеннымъ и заставляетъ прибѣгать къ средствамъ не всегда честнымъ. Народъ живущій въ бѣдности представляетъ всегда глазамъ нашимъ картину ужаснаго деспотизма и безпрестаннаго волненія. Въ немъ видимъ мы всѣ возможныя свирѣпства несчастій, родъ человѣческой угнѣтающихъ. Нетвердость состояній, первое явленіе народной бѣдности, повергаетъ гражданъ въ нѣкоторый родъ судорожнаго волненія страстей, подобно тому, въ какомъ обыкновенно бываютъ люди стоящіе на основаніи зыблющемся, или находящіеся на краю бездны, грозящей имъ паденіемъ ежеминутно⁴.

Все сіе требуетъ поясненія — бѣдность сама по себѣ не есть источникъ пороковъ невѣжества, деспотизма и проч. Въ сосѣдствѣ съ роскошью бѣдность несчастна, на примѣръ, въ большихъ городахъ. Что есть бѣдность? Неймѣние необходимаго: но можетъ ли это продолжаться? Бѣдность рождаетъ трудолюбіе и промышленность, а сіи производятъ богатство. Богатство же, вопреки автору, не есть мать спокойствія и обезпеченія, но мать роскоши.

Роскошь и бѣдность, пагубнымъ своимъ препираніемъ, рожаютъ пороки, развращеніе и плутовство, деспотизмъ и рабство. Улучшеніе сихъ золь зависитъ отъ уравниенія имуществъ и отъ распространеннаго въ людяхъ благоправія, а сіи не отъ чего иного могутъ произтечь, какъ отъ просвѣщенія: слѣдственно, просвѣщеніе рождаетъ спокойствіе и обезпеченіе.

Въ заключеніе отдадимъ всю справедливость мыслямъ автора, многообъемлющимъ его умозрѣніямъ и филантропическимъ видамъ въ семь сочиненій; но къ сожалѣнію присовокупимъ, что сіи мысли, умозрѣнія и виды, при всей добротѣ своей, останутся потерянными для публики и для рода человѣческаго, если не будутъ одѣты въ красоту и ясность слога. Почти на каждой страницѣ останавливаютъ читателя темныя и несвойственно выраженные мѣста. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Часть 2. Стр. 69. „Сіи постановленія, по окончаніи воспитанія должны служить при выпускѣ своимъ воспитанникамъ доставлять мѣста“.

Стран. 72. „Великіе люди рѣдки, но съ талантами всегда довольно“. Здѣсь бы надобно сказать: „но съ талантами людей всегда довольно“.

Стр. 72. „Слѣдовать побужденію честолюбія или исканію награды времени“.

Стр. 73. „Пусть ихъ собственной голосъ рѣшитъ достоинствомъ“

сотоварищей¹⁾. Говорится: рѣшить что-либо, судить о чемъ-либо. Творительный падежъ здѣсь не годится.

Еще повторяю слова Цензора Языкова, усердно совѣтуя почтенному автору, потрудиться надъ чистотою слога; ибо слогъ столь же тѣсно связанъ съ мыслями, сколько тѣло съ душою¹⁾.

Цензоръ Общества Востоковъ.

Февраля 24 дня 1805-го года.

VIII.

Въ собраніе Цензуры. Марта 18-го (1805 г.).

Отъ цензора Востокова.

По согласію Дмитрія Ивандовича Языкова, взять на себя должность секретаря Общества, вѣду хранившіеся (sic) четыре журнальных книги и нѣсколько общественныхъ бумагъ, которымъ списокъ здѣсь прилагаю:

I. Литературныя піесы.

1. Прелести съ женихами, сказка въ стихахъ	} Измайлова.
2. Соловей и кокушка	
3. Къ чувствительности, стихи Попугаева.	
4. Письма двухъ жителей Перу, стихи Писарева.	
5. Русская пісня и пять эпиграммъ, Остолопова.	

II. Письма къ Обществу.

1. Отъ г-на Лапена.	} изъ Сибири.
2. Писарева.	
3. Крюковского.	
4 и 5. Отъ члена Дмитріева 2 письма	
6. Спасскаго 1-но письмо	

¹⁾ Съ этими замѣчаніями Языкова и Востокова согласились А. Е. Измайловъ и Н. А. Радичевъ, которымъ также поручено было рассмотреть сочиненія Попугаева. Съ большинствомъ высказанныхъ замѣчаній авторъ согласился и представилъ частіи свое сочиненіе въ передѣланномъ видѣ въ Общество, послѣ чего и получилъ одобреніе къ напечатанію, за подписью Д. И. Языкова (26-го августа и 9-го сентября 1805 г.).

7. Доставленная членомъ Общества Измайловымъ копія съ письма, посланнаго имъ къ издателю Московскаго Патриота, Владимиру Измайлову ¹⁾.

III. Разныя бумаги, подлежащія въ цензуру Общества.

1. Реестръ книгамъ, подареннымъ Обществу членомъ и цензоромъ Языковымъ.

2. Предложеніе Президента отъ 31-го декабря 1804 года, въ 4-хъ пунктахъ.

Цензоръ Общества Востоковъ ²⁾.

Марта 18-го дня 1805 года.

IX.

Мнѣніе Ц. Востокова ³⁾.

Подаю голосъ на избраніе г-на Ленкевича въ члены нашего Общества.

¹⁾ О Влад. Вас. Измайловѣ (1773—1830 гг.), издателѣ *Московского Патриота*, см. въ Исторической Христоматіи А. Галахова, II, 139—142.

²⁾ Изъ протоколовъ Общества видно, что Языковъ былъ утвержденъ единогласно секретаремъ Общества 18-го апрѣля 1805 г.

³⁾ По поводу просьбы студента Московскаго университета Федора Ивановича Ленкевича принять его въ члены Общества; при письмѣ своемъ въ Общество отъ 8-го апрѣля 1805 г. Ленкевичъ препроводилъ и три піесы: 1) О договорѣ общественномъ или о происхожденіи гражданскаго общества. Мысли очеркнутыя изъ Шлецеровой политикѣ. 2) Стихи на новый 1805 годъ. 3) Начало четвертой піеши Энеиды. Переводъ съ латинскаго. — На первую піесу цензоръ И. М. Борнъ далъ такой отзывъ: „Сей отрывокъ предполагаетъ обширнѣйшее сочиненіе, и поэтому сужденія никакого положить не можно: ибо по нѣсколькимъ строкамъ хорошаго перевода или извлеченія прилежнаго ученика не познается еще способностей его быть писателемъ. Италъ, желательнѣе бы было видѣть отъ г-на Ленкевича, занимающагося политическими науками нѣчто совершеннѣйшее, чего безъ сомнѣнія отъ него надѣяться можно“. О стихахъ Ленкевича Борнъ отзывался довольно благопріятно и подалъ свой голосъ на избраніе автора ихъ въ члены Общества. Этотъ отзывъ Борна помѣченъ 13-мъ апрѣля 1805 г. На этой же бумагѣ подписаль свое согласіе съ мнѣніемъ Борна Языковъ; за мнѣніемъ Языкова слѣдуетъ помѣщенный здѣсь отзывъ Востокова. Произведенія Ф. И. Ленкевича помѣщались, между прочимъ, въ *Новостяхъ русской литературы* 1802 (ч. I, 17 — 29; III, 206), въ *Любимѣмъ словесности*, изд. *Остолюповымъ* въ 1806 г. (ч. II, 204; III, 137; IV, 154, 155); имъ изданы Основанія римскаго права, изъясненныя *Гейнкциемъ*. Пер. съ лат. *Федоръ Ленкевичъ*. 2 части. С.-Пб. 1809—1810.

Въ разсужденіи первой изъ представленныхъ имъ піесъ „О договорѣ общественномъ и проч.“ къ замѣчаніямъ г-на Ворна ничего присоединить не имѣю.

Во 2-ой и въ 3-ей піесѣ стихи не дурны.—Въ 3-ей есть только нѣкоторыя несправности въ разсужденіи рѣмъ: отъ 13-го до 16-го стиха сряду четыре женскія; а послѣ 21-го стиха къ рѣмѣ Эней недостаеъ другой рѣмъ.

Если сіе мѣсто изъ Энеиды есть только отрывокъ для опыту переведенный, то замѣченныя несправности не такъ важны. Но если оно составляетъ часть большого сочиненія — поэмы, какова Энеида, то переводчикъ конечно постарается ихъ исправить.

Цензоръ Востоковъ.

X.

Маія 6. 1805 рукою Д. И. Языкова.

Представленное членомъ нашего Общества Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ сочиненіе о пенсіяхъ и о жалованьѣ ¹⁾ я разсматривалъ особенно, и не нашелъ въ ономъ ничего хулы достойнаго или противнаго правиламъ цензуры, имѣю только повторить съ моей стороны единогласное одобреніе, какое заслужила сія піеса по своему духу патриотизма, а равно и по чистотѣ слога, отъ всѣхъ при чтеніи онаго присутствовавшихъ членовъ.

Ц. Востоковъ.

XI.

Въ собраніи 22-го апрѣля 1805 года членъ Брусиловъ читалъ сочиненіе К. Н. Ватюшкова „Сатира, подражаніе французскому“ и объявлялъ о желаніи автора поступить въ число членовъ Общества.

¹⁾ Въ этомъ небольшомъ разсказѣ (въ беллетристической формѣ) авторъ старается показать, какъ несправедливо иногда даются большія жалованья и пенсіи людямъ и безъ трѣбоваго богатства, и на оборотъ — сколько малымъ людямъ бѣднымъ и живущимъ лишь одною службой. Авторъ того мнѣнія, что дворянину, если онъ имѣетъ свое состояніе, приличнѣе служить на государственной службѣ совѣтъ безъ вознагражденія, предоставляя его тѣмъ, которые дѣйствительно въ немъ нуждаются. Эта піеса напечатана въ собраніи сочиненій А. Е. Измайлова, т. II (С.-Пб. 1849), стр. 423—440, подъ заглавіемъ: „Вчерашній день, или нѣкоторыя размышленія о жалованьяхъ и пенсіяхъ“.

Было опредѣлено предложить Ватюшкову обратиться въ Общество письменно, а „Сатира“ отдана на разсмотрѣніе цензору Востокову. 6-го мая 1805 года Востоковъ представилъ Обществу такой отзывъ объ этомъ произведеніи:

„Я разсматривалъ представленную г. Ватюшковымъ „Сатиру, по-дражаніе французскому“—не худое подражаніе, писанное съ довольною легкостію; но для вступленія молодому автору въ Общество надобно, по моему мнѣнію, чтобъ онъ Обществу представилъ еще что-нибудь изъ трудовъ своихъ и притомъ, если можно, своего собственнаго сочиненія“.

Подъ этимъ мнѣніемъ подписался и Борнъ ¹⁾.

ХІІ.

3-го іюня 1805 г. Измайловъ представилъ въ Общество свое мнѣніе о томъ, какія изъ представленныхъ стихотвореній выбираеть онъ для напечатанія во 2-ой части Періодическаго изданія ²⁾. Съ его мнѣніемъ согласились Янковъ и Радищевъ, а далѣе, на этомъ же листѣ, читаемъ слѣдующую приписку Востокова:

Изъ сихъ данныхъ мнѣ на разсматриваніе піесъ, въ число коихъ прибавилась басня г. Измайлова „Соловей и Кокушка“, избираю для помѣщенія во 2-ую часть Періодическаго изданія слѣдующія четыре:

1. Эпиграмма: „Летрина творенья“ и пр. ³⁾.
2. Къ Наташѣ на шнурочикъ (sic) ⁴⁾.
3. Русская Быль ⁵⁾.
4. Письма двухъ жителей Перу ⁶⁾.

Цензоръ Александръ Востоковъ.

Іюня 29 дня.

¹⁾ Обь отношеніяхъ Ватюшкова къ Обществу любителей словесности, науки и художествъ см. въ сочиненіи Л. Н. Майкова: О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Ватюшкова. С.-Пб. 1887, стр. 37, 38 и 150. Подъ „Сатирой, подражаніе французскому“, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть стихотвореніе Ватюшкова „Переводъ I-й Сатиры Буало“, помѣщенное въ изданіи его сочиненій, т. I, стр. 19—23.

²⁾ 1-я часть вышла въ 1804 г.

³⁾ Остолопова.

⁴⁾ Его же.

⁵⁾ Его же.

⁶⁾ Незвѣстнаго автора, какъ признается Измайловъ въ своемъ отзывѣ.

XIII.

22-го апрѣля 1805 г. Востоковъ представилъ въ Общество собраніе своихъ поэтическихъ сочиненій подъ названіемъ „Опыты лирическіе, ч. I“; желая надать ихъ въ свѣтъ подъ цензурою Общества, онъ просилъ дать ихъ на разсмотрѣніе одному изъ цензоровъ; Общество поручило это А. Е. Измайлову. 6-го мая Измайловъ представилъ въ Общество свой разборъ. Приведемъ его начало:

„Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я 1-ю часть Опытовъ лирическихъ г. Востокова и не нашелъ въ ней никакихъ погрѣшностей кромѣ самыхъ маловажныхъ, которыя означены мною подробно въ прилагаемой при семъ особой бумагѣ и которыя по моему мнѣнію безъ дальняго труда поправлены быть могутъ, ежели только сіе авторомъ и прочими господами цензорами за нужное признано будетъ.

„Намѣреніе Г-на Востокова выдать въ свѣтъ собраніе своихъ стихотвореній я съ моей стороны весьма одобряю. Онъ сдѣлаетъ симъ прекрасный подарокъ нашей словесности и публикѣ, подарокъ такой, за который вѣрно и та, и другая останутся ему благодарными.

„Въдле его стихи, писанные латинскими и греческими размѣрами хотя и нравятся мнѣ, однакоже не столько, какъ піесы съ римами, состоящія изъ однихъ ямбовъ. Можетъ быть происходить сіе дѣйствительно отъ того, что русскія уши, какъ сказалъ гдѣ-то самъ авторъ, не могутъ вдругъ привыкнуть къ гармоніи греческихъ и латинскихъ стиховъ, но мнѣ все кажется, что ежели бы, напримѣръ, Фантазія, Піеснь лунѣ, Зима, Тлѣнность написаны были греческими или латинскими размѣрами, то я бы не восхищался прѣ чтеніи ихъ столько, сколько сіе со мною случалось; и, чистосердечно сказать, я весьма бы желалъ, чтобы Г-нъ Востоковъ писалъ болѣе хоревъ и ямбовъ, нежели мѣромъ Горація и Сафы. Въ прочемъ это одно только мое желаніе, а отнюдь не совѣтъ, ибо я онаго подавать въ семъ случаѣ не осмѣливаюсь.

„Но чего не могу никакъ я оставить здѣсь въ молчаніи, чего никогда не прошу съ моей стороны Г-ну Востокову, то это есть его нерадѣніе, съ каковымъ онъ приступилъ къ изданію 1-й части своихъ лирическихъ опытовъ, нерадѣніе по истинѣ неизвинительно, ибо онъ, переписавши на бѣло свои стихи, вмѣсто того чтобы сшить ихъ порядочно въ тетрадку, оставилъ листочки порознь, не думая

какъ видно вовсе о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ легко могутъ быть утрачены*.

Остальная часть отзыва, которую Измайловъ называетъ „особою бумагой“ представляетъ замѣчанія на нѣкоторыя отдѣльныя мѣста въ стихотвореніяхъ Востокова, касающіяся преимущественно рифмъ и неточностей выраженія. Свое согласіе съ мнѣніемъ Измайлова выразили своими подписами цензоры Языковъ и Радищевъ и президентъ Борнъ ¹⁾.

Въ то время какъ приходило къ концу печатаніе этой первой части „Лирическихъ опытовъ“, 26-го августа 1806 г. поступило отъ Востокова въ Общество слѣдующее обращеніе:

„Такъ какъ уже печатается послѣдній листъ издаваемой мною книги, Лирическихъ опытовъ часть I, то и желалъ бы я, не теряя времени, отдать въ типографію 2-ую часть оныхъ; я приготовлялъ оную къ сегодняшнему собранію, но непредвидимыя дѣла мнѣ помѣшали; однако надѣюсь чрезъ нѣсколько дней докончить остальное.

Позволено ли мнѣ будетъ тогда, не дожидаясь до будущаго собранія дать рукопись особо на разсмотрѣніе Г-дамъ цензорамъ Общества, конхъ бы просилъ я взять на себя трудъ прочесть оную и представить свои замѣчанія, коль скоро имъ позволитъ время: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Можетъ быть, они бы кончили это къ будущему собранію ²⁾.

„Членъ Общества Востоковъ“.

¹⁾ Этотъ сборникъ стихотвореній Востокова вышелъ въ томъ же, 1806 г. въ С.-Пб., подъ заглавіемъ „Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ А. Востокова. Часть первая“ и вызвалъ, между прочимъ, весьма сочувственную рецензію Н. Остолопова въ его *Любителѣ Словесности*, ч. I (С.-Пб. 1806 г.); стр. 70—82.

²⁾ Общество изъявило на это свое согласіе, и въ засѣданіи 23-го сентября 1806 г. Борнъ представилъ слѣдующій краткій отчетъ: „Я читалъ въ рукописи Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ А. Востокова, часть вторая, съ такимъ удовольствіемъ, какое имѣлъ при чтеніи первой части, и потому съ моей стороны одобряю ихъ къ напечатанію, будучи увѣренъ, что и сія стихотворенія послужатъ къ украшенію отечественнаго Парнаса“. Подъ этимъ мнѣніемъ подписался еще Языковъ, Остолоповъ и Радищевъ. 2-я часть „Опытовъ лирическихъ“ вышла въ 1806 г. и, подобно первой, вызвала сочувственный отзывъ Н. Остолопова въ *Любителѣ Словесности*, ч. III (С.-Пб. 1806), стр. 81—90.

XIV.

17-го іюня 1805 г. членъ Арцыбышевъ представилъ переводъ въ прозѣ первой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ отъ имени губернскаго стряпчаго въ Казани, С. А. Москатильникова, который жадалъ быть избраннымъ въ корреспонденты Общества. Разсмотрѣть этотъ переводъ было поручено Востокову, который представилъ о немъ слѣдующій отзывъ, читанный въ засѣданіи Общества 1-го іюля 1805 года:

„По препорученію Общества разсматривалъ я „Первую пѣснь Освобожденнаго Іерусалима“, переводъ съ французскаго“, присланный изъ Казани г. Москотельниковымъ (sic), объявившемъ чрезъ г. Арцыбашева (sic) желаніе участвовать въ трудахъ Общества.

Кромѣ сего опыта трудовъ его, извѣстенъ намъ г. Москотельниковъ одною одою, помѣщенною между сочиненіями Г-дѣ Каменева, Арцыбашева и Чернявскаго, въ тѣхъ тетрадяхъ, кои доставлены были Обществу отъ г-на Язкова; и я по однимъ тѣмъ стихамъ далъ бы голосъ на принятіе г. Москотельникова въ корреспонденты нашего Общества.

Но въ разсужденіе представляемаго имъ нинѣ опыта, во-первыхъ пожалѣемъ, что переведенъ не съ самаго оригинала, а съ какаго то французскаго перевода. Освобожденный Іерусалимъ и прежде съ французскаго жъ переведенъ извѣстнымъ Мих. Поповымъ ¹⁾, почему и надлежало бы слѣдить переводъ г. Москотельникова съ переводомъ Попова и при томъ знать, который именно изъ разныхъ французскихъ переводовъ служилъ образцомъ тому и другому. Изъ сего бы можно было вѣрнѣе оцѣнить доброту каждаго. Но рецензентъ не имѣлъ у себя ни одного изъ французскихъ переводовъ, ни также русскаго, сдѣланнаго Поповымъ. Онъ читалъ когда то сей послѣдній и помнить, что начиненъ славянизмою. О переводѣ г. Москотельникова нельзя этого сказать, а развѣ только найдутся въ немъ галлицизмы и другія неисправности, напримѣръ:

¹⁾ Освобожденный Іерусалимъ, въ 20-ти пѣсняхъ. Соч. Тасса. Пер. съ ер. Михайла Попова. 1771. — Изд. 2-е, М. 1787. Переводъ Москатильникова былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: Освобожденный Іерусалимъ, въ 20-ти пѣсняхъ. Соч. Торквата Тасса. Пер. съ ер. О. Москотильникова. 2 части. М. Въ тип. Сенева, 1819; 2 изд. исправленное, М. 1820—1821.

Страница 1. „Пою священную войну и полководца, освободившаго гробъ Спасителя“. По русски бы лучше сказать: полководца освободившаго Спасителявъ гробъ.

Страница 2. „Такъ, се будешь ты, начальствующій ихъ легионами“ съ французскаго *Oui, se sera toi*. По русски: ты будешь, и проч.

Страница 8. „Небесныя могущества“ [то-есть, ангели (sic)]. По русски: силы небесныя.

Страница 9. „Да будетъ онъ, провозгласили они, душа нашихъ предиріятій и да начальствуетъ нами“. По русски: да будетъ онъ душою предиріятій нашихъ и да начальствуетъ надъ нами.

Страница 10. „Слава развостъ повсюду вѣсть сего знаменитаго избранія“—вѣсть о семъ знаменитомъ избраніи.

Страница 11. „И тотъ и другой изшедъ изъ сѣни олтарей, прикрыли бранными шлемами длинныя власы ихъ“—свои власы.

Страница 13. „Утолить жажду его пожирающую“

la soif qui le devore

употребительнѣе переводится: жажду снѣдающую или томащую.

Страница 18. „Между тѣмъ бдительный полководецъ не изъять опасности; но она сокрыта во глубинѣ его сердца“—не изъять опасенія, надлежало бы сказать.

Страница 19. „Возрастшій посреди сраженій“—возросшій посреди сраженій. Можетъ быть это ошибка переписчика (sic).

Страница 20. „Въ радости соверцають они ихъ избавителей и братьевъ“—своихъ избавителей и проч.

Также въ собственныхъ именахъ многое недосмотрено; въ одномъ мѣстѣ переведено Ренальдъ, въ другомъ Ренодъ; вмѣсто Генуи написано Женева; вмѣсто Кипра Критъ.

Въ заключеніе скажу: поэму, какова Освобожденный Іерусалимъ, если переводить прозою, то ужъ не иною, какъ прозою Фенелона или Хераскова.

Ц. А. В. ¹⁾.

Іюля 1-го дня.
1805 г.

¹⁾ На основаніи этого отзыва, съ которымъ согласились и другіе цензоры, Москатильниковъ былъ избранъ въ засѣданіи 15-го іюля 1805 г. въ корреспонденты Общества.

XV.

Въ Вольное Общество любителей Словесности Наукъ и Художествъ.

Отъ члена и Цензора Востокова.

По препорученію Общества разсматривалъ я представленныя въ собраніе 15 Іюля Г-дами Вельяминовымъ-Зерновымъ и Аристовымъ опыты трудовъ ихъ, по конимъ и даю голосъ мой на принятіе сихъ Г-дъ кандидатовъ: г-на Вельяминова-Зернова въ члены Общества, г-на Аристова—въ корреспонденты.

За снмъ слѣдуетъ онимъ рецензія.

I.

Путешествіе дружбы

отрывокъ

Владимира Вельяминова-Зернова.

Въ послѣднемъ № Любителя Словесности ¹⁾ возвѣщено уже публикѣ появленіе сего новаго, обогащающаго литературу нашу произведенія ²⁾, и замѣчено, что слогъ его чистъ и приятенъ. Замѣчаніе сіе справедливо наиболѣе въ разсужденіи стиховъ, въ конихъ удачно пойманн легкость и шутивый тонъ Дюмутье. Изображеніе стараго волокиты и его Дулцинен—совершенно Гогартова карриатура. Разговоръ двухъ вѣтреницъ, конимъ отрывокъ оканчивается, также очень хорошъ. Въ стихахъ могъ я замѣтить только два мѣста, кон поправки требуютъ:

1) Мученіе людей Амурь считаетъ игрою

Такъ что-жь? Амурь дитя—то какъ назвать бѣдою

Хотя и злобенъ онъ во всѣхъ своихъ играхъ.

Послѣ сонзовъ то какъ правильнѣе бы было вынословное что, нежели уступительное хотя. Можно бы перемѣнить слѣдующимъ образомъ:

То какъ назвать бѣдою,

Что злобенъ онъ въ своихъ играхъ.

И Впрочемъ сей оборотъ словъ: то какъ назвать бѣдою и пр.

¹⁾ *Любитель Словесности*, ежемѣсячное изд. Н. Остолопова, ч. IV (С.-Пб. 1806), стр. 236—237.

²⁾ Путешествіе дружбы, отрывокъ 5. *Вельяминова-Зернова*. С.-Пб. 1807.

выражаетъ не то, что авторъ хотѣлъ сказать.—Злобу нельзя назвать бѣдою; но дѣтскую злобу спускаютъ изъ баловства и терпѣливо сносятъ оную—вотъ что, кажется, хотѣлъ сказать авторъ:

2) Одинъ сѣвиль, того изгнали—

Довольны всѣ и вѣтъ печали,

Лишь только бѣ вѣсь поступкамъ данъ

Лукавство, хитрость и обманъ...

Всему конецъ: онъ все вѣнчаетъ!

Вся сія тирада темна. Въ третьемъ стихѣ недостаетъ глагола былъ: лишь только бѣ былъ вѣсь поступкамъ данъ.

Послѣдніе два стиха можно понимать двояко. Либо такъ: лукавство, хитрость и обманъ суть всему конецъ, и въ такомъ случаѣ надлежало прибавить: они все вѣнчаютъ. Либо: лукавству, хитрости и обману... всему конецъ, и онъ (конецъ) все вѣнчаетъ. Хотя послѣдній естественнѣе, однако признаюсь, что я могъ попасть скорѣе на первой смыслъ. Но автору всегда, и въ бездѣлицѣ даже, остерегаться надобно темноты и двусмысленности.

Сіе о стихахъ. Что касается до прозы, она хотя довольно чиста, однако, какъ обыкновенно бываетъ въ молодыхъ авторахъ, слабѣе стиховъ, и кое-гдѣ отзывается переводомъ съ французскаго, напр.

Стр. 10. „Вдовы одного полковника, умершаго на сраженіи, защищая свое отечество“. Причастіе сочинено съ дѣепричастіемъ: умершаго—защищая, на подобіе французскаго: *mort à la guerre, en defendant sa patrie*. Но на французскомъ причастіе не склоняемо, также какъ и дѣепричастіе, и потому удобнѣе съ симъ послѣднимъ сочиняться можетъ. На русскомъ же причастіе имѣетъ падежи: умершій, умершаго и пр., а дѣепричастіе остается не склоняемо; и ежели въ именит. пад. неловко сказать: умершій на сраженіи, защищая свое отечество: то колымъ паче въ родительномъ и въ другихъ падежахъ. Здѣсь вмѣсто причастія требуется глаголь съ возносительнымъ мѣстоименіемъ: который умеръ на сраженіи, защищая свое отечество,—либо (короче и лучше) вмѣсто дѣепричастія предлогъ за, напр. „вдовы одного полковника, на сраженіи за отечество умершаго“.

Стр. 10. „Значущимъ взоромъ.—Не лучше ли: значительнымъ?“

„Сіи многочисленные утѣшители входа въ супружескую печаль...
„входя въ печаль супруги“—мнѣ кажется лучше бы было:

II.

Три стихотворенія Изв. Аристова.

Патріотъ.—Стихотворецъ съ вывѣскою; сказка. — Ребенокъ, зеркало и рѣка, басня.

Первую піесу позволить можно какъ за мысли, такъ и за стихи, напр.

Какъ громъ не сокрушаетъ тверди
Скалы сѣкира не дробить—
Она по камню только скачетъ
И тѣсно крѣпка сталь звѣнитъ
Такъ твердо сердце Патріота—и пр.
или: Да наши души солиются
Какъ въ тихомъ морѣ капли водъ
И да составлять твердь одну—
Необоримый всѣмъ оплотъ.

Третья піеса также вниманія заслуживаетъ по своему содержанию; но въ разсужденіи слога и стиховъ требуетъ поправокъ.

Царь мудреца велѣлъ казнить
Какъ въ сочиненіи тотъ смѣлъ изобразить
Его дѣла худыя,
Но въ оправданіе свое тотъ говоритъ
Слова такіа,
Которымъ даръ внимать велитъ.

Мы бы совѣтывали автору нѣсколько сократить этотъ приступъ, который гораздо лучше будетъ умѣщенъ въ четырехъ или пяти стихахъ, и притомъ поискать рѣмъ побогаче, нежели каковы: худыя, такіа, говорить, велитъ.

„ребенокъ въ зеркало смотрѣлся
„онъ безобразенъ, глушь, золь былъ

три односложныя долгія слова глушь, золь, былъ ветеринны въ стихахъ.

Также сразу четыре мужскія рѣмъ:
рѣку
разбить
тоску
проглотить.

Мы тѣмъ строже разсматривали сочиненіе Г-на Аристова, что находимъ его не безъ талантовъ, кои на благородныя и дѣльныя предметы употреблены быть могутъ.

Іюля 27 дня
1807 года.

А. Востоковъ.

Съ мнѣніемъ Г-на Востокова
Согласились [рукой Измайлова]

Д. Языковъ.
Н. Остолоповъ.
Иванъ Борнъ.
Секретарь А. Измайловъ.

часть сслухиш, отд. 2.

7

XVI.

Въ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.
Отъ члена и цензора Востокова.

Рецензія на представленныя въ прошлое собраніе Общества Г-ми членами Языковымъ и Измайловымъ прозаическія піесн.

I.

Письма о пляскахъ и балетахъ писанныя Г-мъ Новзеромъ бывшимъ главнымъ балетмейстеромъ при Высшемъ Дворѣ и Парижской Оперѣ¹⁾.

Переводъ Г-на Язкова.

Слогъ сихъ писемъ легокъ и приятенъ. О пользѣ, какую театральныя искусства почерпнуть могутъ изъ сихъ хорошо обдуманнхъ и хорошо наложенныхъ мыслей славнаго въ этомъ дѣлѣ мастера—всякой будетъ удостовѣренъ, и пожелаетъ, чтобы трудъ Г-на переводчика и для Россійскаго театра не безъ пользы остался.

Переводу же сему отдаемъ всю справедливость въ разсужденіи чистоты и знанія языка. Въ немногихъ только словахъ нашли мы что замѣтить, требующаго, по мнѣнію нашему, поправки или перемены.

1. Васня и баснь имѣютъ два значенія, такъ какъ пѣсня и пѣснь.—Васня Езопова, Лафонтенова, Хемницерова.—Васнь о Ніобѣ, о Геркулесѣ; и вообще мнелогія, баснословіе, разумѣтся подъ словомъ Васнь (la Fable). Въ такомъ смыслѣ оно и здѣсь употреблено: „Исторія, баснь, живопись, всѣ искусства соединяются и пр.

2. „оказываются снаружи съ большею или меньшею силою и пр. Не лучше ли: обнаруживаются или оказываются наружу.

3. „убѣгающихъ смертоносныхъ волчьихъ зубовъ“—убѣгающихъ отъ смертоносныхъ зубовъ и пр., хотя не противно правлѣнъ и убѣгать чего; однако для благогласія и вразумительности надобно здѣсь вставить отъ, чтобы по одинаковому окончанію надеждой не смѣшавать предъидущаго съ послѣдующимъ.

4. „сластолюбивѣйшимъ и сластолюбивѣйшимъ дѣйствіемъ“—сластолюбивый говорится только о лицахъ. Дѣйствіе можетъ быть сладострастное или роскошное.

¹⁾ Здѣсь разумѣются „Lettres sur la danse, sur les ballets et les arts, par M. Noverre, ancien maître des ballets“ en chef de la cour de Vienne et de l'Opéra de Paris. S.-Petersbourg. 1803—1804. 4 тома.

5. „для прекраснаго разговора“—у насъ кажется вообще принято нынѣ, что въ предметахъ умственныхъ и отвлеченныхъ бези переводится вязаннымъ, а прекрасной прилагается къ чувственнымъ вещамъ, и потому приличнѣе бы сказать: „для изящнаго разговора“.

6. „Чтуть“—простые глаголы честь (значущій читать или считать) и чтить (значущій почитать), въ нѣкоторыхъ видахъ очень сходные, однако отъ разныхъ корней происходящіе (sic), различаются болѣе тѣмъ, что первой относится къ 1-му спряженію по оконч. наст. врем. 3 лиц. ед. на *е*, множ. на *у*, *ю* (чтеть, челя, чтуть), другой ко 2-му спряженію числ. ед. на *и*, множ. на *а*, *я* (чтить, чтить, чтять). Слѣдственно, по грамматической строгости надлежало: „награды, конми ихъ чтять“.

Авторъ выкидываетъ изъ письма своего *э*. Желательно, чтобъ привычку его всѣ послѣдовали; но нельзя ожидать этого (sic) скоро. Привычка вторая натура. Однако не надобно думать, чтобъ привычка была непобѣдима. Не худо вводить исподволь сію полезную новость, предоставляя времени (sic) наложить на оную печать утверженія. Спросить однако: чѣмъ замѣнить *э* въ срединѣ словъ предъ тонкими гласными, напр. подъемъ, отъѣзжаю, объявляю, изъятіе.

На это отвѣчаю: „апострофомъ (') вверху между согласною и гласною, какъ и въ церковныхъ книгахъ изстари велось. Это самой простой, меньше мѣста занимающій и притомъ довольно явственный знакъ, какъ о томъ скажетъ всякой, кто читаетъ книги церковной печати. Удивительно мнѣ, зачѣмъ при Петрѣ I во время реформы російскихъ буквъ съ церковныхъ на гражданскія, не выкинули *э*, на подобіе другихъ ненужныхъ буквъ и знаковъ. Апострофъ же могли бы съ большимъ основаніемъ вмѣсто *э* оставить“¹⁾.

II.

Такъ такъ для разговора Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антиповичемъ.

(Соч. Г-на Измайлова²⁾).

Разговоръ сей, такъ какъ и всѣ подобныя сему сатирическія произведенія того же автора, въ разныя времена читанныя въ Об-

¹⁾ Напеч. въ Сочин. А. Е. Измайлова. Изд. Омурдина, т. II (С.-Пб. 1849), стр. 550—554.

²⁾ Весьма любопытно сопоставить съ этимъ слѣдующія строки, писанныя рукою А. Е. Измайлова и сохранившіяся въ дѣлахъ Общества: „А я бы, видѣвъ

ществѣ, суть вѣрными копіи съ натуры. Почтенный нашъ сочленъ Г-нъ Изм.... мастеръ въ портретномъ искусствѣ!...

Такъ надобно осмѣивать пороки нашихъ любовныхъ современниковъ и соотечественниковъ. О! они еще не отвѣдывали Ювенала!

[Записано въ журналъ 10-го августа 1807 г.]

XVII.

Въ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

Отъ члена и цензора Востокова.

По препорученію Общества разсматривалъ я представленный Безымяннымъ ¹⁾ опытъ перевода его: 3-хъ басенъ изъ Параміной Гердера при письмѣ, въ коемъ сей Безымянный проситъ о принятіи его въ члены Общества.

Кандидатъ, конечно, затѣмъ не объявилъ своего имени, чтобъ представленный имъ опытъ судили безпристрастиѣ и строже; итакъ объявляю свое мнѣніе:

Переводъ довольно хорошъ, но не столько, чтобъ по малости переведенныхъ піесъ и по ихъ не трудной поэтической прозѣ служить могъ достаточною и единственною рекомендаціею для вступленія въ наше Общество. Иное дѣло, если бы кандидатъ представилъ

съ однимъ своимъ пріятелемъ, осудилъ на костеръ не только безобидныя буквы Э и Ъ, но Ъ, Э, Щ и И. То ли дѣло десятиричное і, особенно въ печати. Жаль, что при изгнаніи изъ Руской Азбуки кси и яси, остались вышеозначенныя буквы, совершенно по нашему мнѣнію не нужныя и затрудняющіе (sic) правописаніе, которое многіе у насъ очень плохо знаютъ". — Известно, что *Д. И. Языковъ* издавъ безъ ерота двѣ книги: 1) Влюбленный Шекспиръ. Комедію Дювала. Пер. съ французскаго. С.-Пб. 1807; 2) Сравненія, замѣчанія и мечтанія писанныя въ 1804 году во время путешествія однихъ Русскихъ. Переводъ съ иѣмецкаго. С.-Пб. 1808. Отрывокъ изъ послѣдней книжки еще ранѣе былъ напечатанъ (также безъ ерота) въ *Сѣв. Вѣстникѣ* 1806 г., VIII, 80—81, подъ заглавіемъ „Онъ долженъ быть профессоромъ (ср. *Я. Грома*, Филологическія размысканія. 3 изд. II, 243—244).

¹⁾ На имя Д. И. Языкова поступило въ Общество слѣдующее письмо:

Милостивый Государь, Дмитрій Ивановичъ! Желая участвовать въ трудахъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, я осмѣливаюсь, прилагая при семъ опытъ моего перевода, просить Васъ предложить оный на разсмотрѣніе онаго Общества. Съ истиннымъ почтеніемъ... и пр.

N.

С.-Петербургъ

Ноября 26 дня 1807.

что-нибудь собственнаго своего сочиненія въ стихахъ или въ прозѣ, а изъ переводу—большой какой-нибудь увражъ или хотя и короткой отрывокъ, но въ философической прозѣ, которая гораздо труднѣе. Однако и тогда бы усумнился я дать мой голосъ на принятіе въ Общество такого человѣка, котораго имя и личныя качества мнѣ совершенно неизвѣстны; напротивъ того, и по маловажному опыту трудовъ принялъ бы я человѣка, извѣстнаго мнѣ или другимъ моимъ Сочленамъ умомъ, сердцемъ или иными благопріятными отношеніями. Это естественно! И надобно непремѣнно, чтобъ въ разсужденіи принятія членовъ въ Обществѣ у насъ было лицепріятіе! Пусть объявятъ намъ имя желающаго участвовать въ сословіи нашемъ, и я дамъ голосъ мой на принятіе его въ члены Общества, ибо тогда могу заключить объ его достоинствахъ не только изъ сего представленнаго имъ невиднаго перевода, а положусь на хорошій объ немъ отзывъ другихъ сочленовъ; кои, можетъ быть, онъ извѣстенъ.

Цензоръ Общества А. Востоковъ.
 20-го Ноября 30-го дня
 1807.

XVIII.

Въ С.-Петербургское Вольное Общество любителей словесности наукъ и художествъ.

Отъ члена онаго Общества А. Востокова.

Занимался собраніемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя я издать намѣренъ для любителей русскаго духу, съ надлежащимъ выборомъ, съ возможною исправностію и въ новомъ систематическомъ порядкѣ, наиболѣе могущемъ удовлетворить требованіямъ публики—прошу покорно Г-дъ Сочленовъ моихъ о благосклонномъ сообщеніи мнѣ, ежели у кого есть, такихъ рукописныхъ либо печатныхъ, русскихъ пѣсенниковъ, какихъ у меня нѣтъ.

Я просмотрѣвъ оныя, возвращу съ благодарностію.

Изъ прилагаемаго при семъ списка имѣющихся у меня по сей части книгъ, усмотрать Г-да Сочлены, какихъ еще недостаетъ:

1. Собраніе пѣсенъ и пр. въ 6-ти частяхъ. Москва. Въ типогр. Новикова. 1781¹⁾.

¹⁾ Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ пѣсни: любовныя, пастушескія, шутивыя, простонародныя, хоромы, свадебныя, сви-

2. Прача. Пѣсенникъ съ нотами. 1-е изд. 1790 г. ¹⁾.
3. Собраніе пѣсенъ отборныхъ и проч. въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. въ типогр. Шнора. 1791 г. ²⁾.
4. Россійск. Эрата или выборъ росс. пѣсенъ и пр. Собранныхъ Мих. Поповымъ въ 2-хъ частяхъ и послѣ его смерти изданное на изживеніе Глазунова съ присовокупленіемъ 3-ей части. 1791 года ³⁾.
5. Карманный пѣсенникъ Дмитріева. 1796 г. ⁴⁾.
6. Веселая Эрата на русской свадьбѣ, или собраніе свадебныхъ пѣсенъ и пр. Москва. 1801 ⁵⁾.
7. Пѣсенникъ всеобщій и пр. въ 4-хъ частяхъ. С.-Пб. 1805 у Глазунова—въ разсужденіи русскихъ пѣсенъ есть ничто иное, какъ копія съ Россійской Эраты ⁶⁾.
8. Пѣсенникъ всеобщій и проч. 1808 у Занкина ⁷⁾—есть тоже неученая копія съ прежде изданныхъ, какъ и вообще замѣтить надобно, что въ огромныхъ новѣйшихъ пѣсенникахъ, нынѣ почти ежегодно наперерывъ издаваемыхъ книгопродавцами нашими, не найдетъ любитель русскихъ пѣсенъ для себя ничего новаго.

И потому то желалъ бы я застаться лучше старыми изданіями,

точныя, съ присовокупленіемъ пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ оперъ и Колядей. 6 частей. М. въ Унив. типогр. 1780—1781.

¹⁾ Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку *Иваномъ Прачемъ*. С.-Пб. 1790. Изд. 2-е, 2 части. С.-Пб. 1806.

²⁾ Новый русскій пѣсенникъ или собраніе любовныхъ, хоропроводныхъ, пастушьихъ, плясовыхъ, театровыхъ, цыганскихъ, малороссійскихъ, новадныхъ, святочныхъ, простонародныхъ и въ настоящую войну на пораненіе непріятелей и на разные другіе случаи сочиненныхъ. Три части. С.-Пб. Печатано у І. К. Шнора. 1791.—Эта книга не помѣчена ни въ Росписи Смирдина, ни у Сопикова; вземпларъ ея лежитъ въ Импер. Публ. Вибліотекѣ.

³⁾ Россійская Эрата или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ Россійскихъ пѣсенъ, разныхъ сочиненныхъ. Собралъ и сочинилъ *Михайла Попова*. 3 части. С.-Пб. 1792.

⁴⁾ Карманный пѣсенникъ или собраніе самыхъ лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ. Собранный *Ив. Дмитріевымъ*. М. 1796, in 8°.

⁵⁾ Веселая Эрата на русской свадьбѣ, или новѣйшее и полное собраніе всѣхъ донынѣ извѣстнѣйшихъ свадебныхъ ста тридцати трехъ пѣсенъ, употребленныхъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ. М. 1801.

⁶⁾ Пѣсенникъ всеобщій русскій или новое собраніе лучшихъ всякаго рода пѣсенъ. 4 части. С.-Пб. 1805, in 12°. (*Сопик.* № 9288, при чемъ замѣчено: «Это новое заглавіе книги Эраты Россійская, бывшая въ 3-хъ частяхъ къ которой прибавлена 4-я часть»).

⁷⁾ Нѣтъ ни въ Росписи Смирдина, ни у Сопикова.

которыя я призналъ гораздо удовлетворительнѣйшими и исправнѣйшими по части простонародныхъ пѣсенъ.

Я увѣренъ, что таковыхъ пѣсенъ осталось еще и по сѣ пору много ненапечатанныхъ, а хранящихся только въ изустномъ преданіи по деревнямъ; особливо же хороводныхъ и другихъ къ стариннымъ повѣрьямъ относящихся пѣсенъ. Напримѣръ: въ диссертациі доктора Гутрія *Sur les antiquités de Russie*, упомянуто о пляскѣ, называемой на полѣ драконы, которую въ началѣ весны пляшутъ деревенскія дѣвки съ припѣваніемъ особливою пѣсни, а какой? не сказано ¹⁾.

Какою пѣсней сопровождается пляска Маковицы (*danse du gâteau de ravot*), о которой также упоминаетъ Гутрій, и которая совершается около того же времени, какъ и предыдущая?

Нѣтъ ли какихъ пѣсенъ, поемыхъ по деревнямъ въ праздникъ Купалы, т. е. въ Аграфенинъ день, наканунѣ Иванова дни, при скаканіи черезъ огни?

Нѣтъ ли какихъ пѣсенъ съ припѣвомъ имени Коляды, кромѣ той, которая приведена въ Чулковой (*sic*) абевергѣ русскихъ суевѣрій, въ статьѣ Коляда?

Сим и симъ подобныя пѣсни заслуживаютъ быть сохранены, хотя бы для одного любопытства. Прочіе разряды предполагаемаго мною русскаго пѣсенника, какъ-то: разрядъ любовныхъ, свадебныхъ, застольныхъ, шуточныхъ, былевыхъ и странническихъ, разбойничьихъ и военныхъ пѣсенъ, ожидаютъ равномѣрно пополненія и обогащенія неизданными еще въ печати памятниками сего рода, которыхъ можно набрать довольноное количество по деревнямъ и по областнымъ городамъ Россіи.

¹⁾ Aussitôt que les neiges laissent à découvert le seigle naissant, semé pendant l'automne à peu près au temps des *Cerealia* des Latins, célébrées le 19 avril, une troupe de filles de village s'assemblent dans les champs portant chacune un gâteau fait de blé de sarrasin, de lait, d'oeufs et de beurre. Elles forment leur danse favorite orbiculaire avec une d'elles au milieu, couronnée de fleurs jaunes, dansent autour en chantant un air que je crois avoir été une espèce d'hymne à Cérès, dont le but est d'implorer une abondante moisson; à certain couplet chaque fille jette en l'air un morceau de son gâteau faisant vœu que son blé puisse s'élever de même; elles le laissent ensuite sur l'endroit où il est tombé probablement comme une offrande à la déesse. *Прим. Вост.*—Эта выписка сдѣлана Востоквымъ въ соч. *Dissertations sur les antiquités de Russie*, contenant l'ancienne Mythologie les Rites païens, les Fêtes sacrées... par *Mathieu Guthrie*. Saint-Petersbourg. 1795, p. 91 (статья подъ заглавіемъ „Danse de na pole dratchoni ou gâteau des champs“).

Между тѣмъ однако, ежели и не удастся мнѣ имѣть всѣ пособія къ совершенію сего предпріятія нужны, не перестану я ревностно приводить оное къ концу, сколь позволитъ мнѣ ограниченность силъ моихъ и пособій. Я надѣюсь и тѣмъ однимъ услужить любителямъ русскаго слова, что изъ всѣхъ печатныхъ пѣсенниковъ выберу настоящія русскія пѣсни въ простомъ оригинальномъ ихъ видѣ, который сколько можно возстановитъ тщательнымъ сличеніемъ текстовъ, удерживаясь отъ всякихъ своевольныхъ поправокъ, какія позволялъ себѣ покойный М. Поповъ, собиратель Росс. Эраты.

Хотя и теперь уже число отобранныхъ мною пѣсенъ достаточно для наполненія двухъ изрядныхъ томовъ ¹⁾, но я не прежде дерзну приступить къ изданію, пока не переберу всѣ источники, отколы что-нибудь почерпнуть осталось къ пополненію и поясненію (sic) сего предмета.

Въ другое засѣданіе предложу Обществу нѣкоторые вопросы касательно пословицъ русскихъ которыхъ собираніемъ я также занимаюсь, въ томъ намѣреніи, чтобъ издать оныя выстѣ съ пѣснями. Такимъ образомъ, трудъ мой будетъ содержать поэзію и философію русскихъ, и можетъ въ самомъ дѣлѣ имѣть слѣдующее заглавіе.

Цвѣтъ русской поэзіи и русской философіи или выборъ народныхъ стихотвореній, т. е. пѣсенъ, сказокъ и прибаутокъ, также нравственныхъ и характерныхъ изреченій, т. е. пословицъ и поговорокъ, съ присовокупленіемъ въ концѣ разсужденія о русскомъ стихосложеніи и пр.

Александръ Востоковъ.

Маія 14-го дня
1810.

XIX.

Въ засѣданіи 25-го февраля 1811 г. читана была слѣдующая записка Востокова:

„Для выбору сочиненій въ предполагаемое изданіе Общественное, разсматривая я, по препорученію Общества, слѣдующія читанныя въ собраніяхъ піесы:

¹⁾ Изъ 600-тъ перебранныхъ мною пѣсенъ простонародныхъ выбралъ и до 400-тъ, которыя лучше и похарактернѣе. Изъ нихъ по строжайшемъ разборѣ можно и еще *обраковать* полсотню или цѣлую сотню, чтобъ оставить самое лучшее.
Прим. Востокова.

1. О происхожденіи Славянъ — извлеченіе изъ Плицеорова Нестора, съ замѣчаніями Добровскаго.

2. О славенскомъ Евангеліи въ Реймсѣ.

3. О славянахъ въ долину Резія, съ краткимъ словоросписаніемъ.

4. Отче нашъ, по Кроатски, по Вндски и по Сербски.

и 5. Разсмотрѣніе надгробнаго слова, произнесеннаго преосвященнымъ Анастасіемъ ¹⁾ на смерть Вецкаго — написанное бывшимъ членомъ Общества Г-мъ Красовскимъ.

Изъ которыхъ по мнѣнію моему первыя двѣ преимущественно заслуживаютъ быть помѣщены въ изданіи нашемъ, по своему историческому содержанію, любопытному наипаче для Русскихъ. 3-ья же и 4-ая, содержа въ себѣ отрывки собственно грамматическіе, и притомъ касающіеся до діалектовъ весьма далекихъ отъ Русскаго, написаны не столько для публики, сколько для ученыхъ, таковыми изысканіями занимающихся; почему и полагаю я, что имъ приличнѣе мѣсто въ какой-нибудь особой книгѣ.

5-ую піесу не собираю я для напечатанія въ изданіи нашемъ по слѣдующимъ причинамъ: краткія сіи замѣчанія на надгробное слово Вецкому (за 10 лѣтъ передъ симъ вступившія въ Общество) суть, по признанію самого написавшаго ихъ, первой его опытъ въ семъ родѣ. Онъ не совсѣмъ дурень, однако еще не таковъ, чтобъ могъ удовлетворять требованіямъ публики, имѣющей право ожидать отъ толкователя тѣмъ болѣе знанія и разборчивости, чѣмъ изыщнѣе сочиненіе, которое онъ беретъ разсмотрѣть и объяснить для читателей. Красоты же разсматриваемаго здѣсь надгробнаго слова, по мнѣнію моему, столь изыщны и изобильны ²⁾, что требовали бы разбирателя гораздо искуснѣйшаго — или совсѣмъ никакого! Ибо каждый читатель со вкусомъ гораздо болѣе самъ собою увидитъ и почувствуетъ, нежели сколько ему можетъ показать неискусный толкователь — неумѣстно подробный и многословный, неумѣстно поверхностный и невнимательный.

¹⁾ Анастасій Братановскій, извѣстный проповѣдникъ († 1806 г.). Слова и рѣчи его изданы въ 4-хъ частяхъ. С.-Пб. 1796—99; 2-е изд. 1814 г., новое изд. С.-Пб. 1850.

²⁾ Филаретъ Черниговскій (Обзоръ русской духовной литературы. 3-е изд. С.-Пб. 1884, стр. 396) считаетъ это слово Анастасія однимъ изъ лучшихъ между сочиненіями этого проповѣдника: оно „равниваетъ мысль, что смерть добродѣтелямъ — доказательство безсмертія и блаженства добродѣтели въ будущей жизни“.

XX.

Доставшюся мнѣ на разсмотрѣніе нѣвъ читанныхъ въ Обществѣ піесъ восточную повѣсть подъ названіемъ Селимъ ¹⁾ перечитывалъ я не однажды съ великимъ удовольствіемъ и нахожу, что она какъ по содержанію своему, такъ и по слогу будетъ украшеніемъ Общественнаго изданія.

Мысль повѣсти самая простая: жалуящемуся на скудную свою долю и сѣтующему, что онъ не рожденъ въ богатствѣ и знатности, показывааетъ ангелъ истинное положеніе знатныхъ и богатыхъ и тѣмъ—лучше всякихъ силлогизмовъ — убѣждаетъ его въ непрочности земныхъ благъ и возвращаетъ сердцу его спокойствіе и терпѣніе. Сію простую мысль умѣлъ авторъ обогатить разнообразіемъ открывающихся Селиму картинъ человеческой жизни и сопровождающимъ оня нравоученіемъ,—картинъ, списанныхъ съ природы довольно живо, хотя вкратцѣ и главными только чертами означенныхъ, какъ этого и требовали тѣсныя границы восточной повѣсти. Въ одномъ только нѣвъ сихъ описаній примѣчаются подробнѣйшія и менѣе общія черты, заставившія даже меня подумать — можетъ быть, и ошибочно, — что авторъ здѣсь мѣтилъ на какое-то лицо, а именно гдѣ онъ описываетъ „драхлага старика, случаемъ и происками вознесеннаго на высокую степень почестей... желающаго вездѣ господствовать и быть законодателемъ вкуса въ Стамбулѣ“ и пр.; не могу, конечно, рѣшительно сказать, кто бы это былъ, не будучи коротко знакомъ съ дѣлами и съ дѣйствующими лицами большого свѣта, но, можетъ быть, другіе читатели будутъ скорее и догадливѣе меня. Какъ бы то ни было, авторъ, который лучше всѣхъ знаетъ, есть ли тутъ личность или нѣтъ, можетъ однимъ словомъ рѣшить рецензентовы сомнѣнія; и ежели признается, что тутъ есть личность, то мы ему искренно посоветуемъ переправить это мѣсто въ своемъ сочиненіи, не нѣвъ опасенія какого-либо, а нѣвъ любви къ наличности, коея чистый отпечатокъ желательнѣе бы было видѣть во всякой строкѣ этой прекрасной наставительной повѣсти.

А. Востоковъ.

Іюля 1 дня
1811 г.

¹⁾ Кто былъ авторъ этой повѣсти, нѣвъ дѣлъ Общества не видно.

XXI.

7-го декабря 1816 г. въ журналѣ Общества было записано:

1. Члены объявили общее свое желаніе возобновить свои занятія, прерванныя войною 1812 года, и для сего рассмотретьъ Уставъ Общества и написать необходимыя въ немъ поправки и перемены.

2. Читанъ проектъ новыхъ правилъ, написанный членомъ Гречемъ.

3. Члены единогласно просили А. Хр. Востокова рассмотретьъ Уставъ Общества, всѣ сдѣланные донинѣ проекты переменить онаго и представить Обществу свое о томъ мнѣніе.

Въ отвѣтъ на это послѣднее желаніе Общества Востоковымъ было представлено ему въ засѣданіи 21-го декабря 1816 г. слѣдующее „донесеніе“:

Уставъ Общества, подписанный въ засѣданіи 1803 года Апрѣля 2 дня, а въ Ноябрь того года представленный при прошеніи Общества Государю Императору, имѣлъ дѣйствіе свое до начала 1811 года. Съ того времени Общество нашло за нужное учинить въ ономъ нѣкоторыя перемены, изъ коихъ главнѣйшія состояли въ слѣдующемъ: 1, отмѣнены одновременные и ежегодные взносы денегъ, къ какимъ обязаны были члены по §-мъ 5-му, 8-му и 14-му прежняго Устава. 2) Комитетъ Цензуры Общественной названъ просто Комитетомъ Общества, а Цензоры переименованы членами Комитета, и въ ономъ вмѣсто 5-ти положено 6 членомъ, изъ коихъ первымъ четверемъ поочередно чрезъ каждые три мѣсяца исправлять должность предсѣдателя; годичное же предсѣдательство отмѣнено. 3) Принятіе новыхъ членомъ имѣло производиться только 4 раза въ годъ, при каждой смѣнѣ предсѣдателя.

Съ сими противъ прежняго Устава переменами представленъ былъ 8 Іюля 1811 года членомъ Дм. В. Дашковымъ новый проектъ Устава, который немедленно принятъ и приведенъ былъ въ исполненіе. Послѣднимъ § сего Устава предоставлено было Обществу право дополнять оный во всякое время, ежели бы какія статьи оказались недостаточными или неудобными, но совсѣмъ отмѣнять оныя не прежде, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ; развѣ только всѣ члены единогласно признаютъ перемены сіи необходимыми и нетерпящими отлагательства.

Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ происшествія грозной войны, столькими переменами обильной, разъѣзды членомъ по разнымъ мѣ-

стамъ и другія обстоятельства прервали не только дѣйствіе поманутаго Устава, но и совершенно остановили ходъ Общества, которое, оставшись въ числѣ трехъ или четырехъ только наличныхъ членовъ, нашло себя принужденнымъ прекратить засѣданія свои на долгое время.

Нынѣ, по поводу нѣкоторыхъ предложеній Сочлена нашего Николая Ивановича Греча (въ прошломъ засѣданіи слушанныхъ), кои, какъ можно надѣяться, послужатъ къ оживленію и поддержанію дѣятельности Общества, возобновило оно свои засѣданія и опредѣлило прежде всего приступить къ пересмотру своего Устава, на каковой конецъ и поручено нижеподписавшемуся члену заняться просмотрѣніемъ прежнихъ 1808-го и 1811-го года Уставовъ, и соображеніемъ оныхъ съ вошедшими вновь предложеніями. Здѣсь представляется на разсужденіе Общества проектъ Устава, сочиненнаго изъ сихъ матеріаловъ.

Членъ Комитета Александръ Востоковъ.¹⁾

XXII.

[Читано 20 ноября 1819 г.]

Въ С.-Петербургское Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

Отъ члена оного Александра Востокова.

Исполняя порученіе Общества, сообщамъ оному замѣчанія мои о двухъ стихотвореніяхъ²⁾ отданныхъ мнѣ на просмотрѣніе. Замѣчанія сія сдѣланы съ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ въ поэзіи почтенныхъ сочленовъ, коимъ принадлежатъ сіи — безъ лести сказать — прекрасныя піесы.

I. Къ другу.

„Исторгнутой и пр. . . изъ родины моей“. Мы говоримъ: на родинѣ, а не въ родинѣ, а потому нельзя сказать изъ родины; на-

¹⁾ Затѣмъ въ то же засѣданіе былъ читанъ этотъ проектъ; но отданнымъ въ немъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, онъ былъ единогласно одобренъ въ засѣданіи 28-го декабря, а 4-го января 1817 г. подписанъ членами Общества и опредѣлено было представить его на утвержденіе г. исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія. Самаго проекта Востокова при бумагахъ не находится.

²⁾ Изъ дѣлъ Общества не видно, кому принадлежали эти стихотворенія.

добно бы было: съ родины или отъ родины. Можно переимѣнить такимъ образомъ: „отторгнутый и проч... отъ родины моея“.

„И вдругъ меня посетила мракъ густой“. Мракъ носиться или двигаться не можетъ. Онъ простирается или ложится. Но здѣсь въ переносномъ смыслѣ мракъ поставленъ вмѣсто тучъ (sic) или облаковъ.

„Тамъ дѣли горы я зрю въ туманной мглѣ,
И зелени цвѣтущей покрывало
Волнуется на гордомъ ихъ челѣ“.

Если горы видны въ туманной мглѣ, то на нихъ не будетъ уже приметна зелень.

„Является-ль прелестная денница
Въ видѣ розъ надъ лономъ свѣтлыхъ водъ,
Или ея золотая колесница
Орды небесъ лазоревныхъ течеть“.

Въ первыхъ двухъ стихахъ говорится конечно объ утренней зарѣ, а въ слѣдующихъ двухъ о полуденномъ солнцѣ: но солнце не называется денницей. Можно бы третій стихъ переимѣнить такимъ образомъ: „Иль солнцева золотая колесница“ и пр.

„Тамъ никогда мнѣ грудь не окропятъ
Син ручьи прохладною водою,
И дерева, посаженные мною
Въ палицѣй зной меня не освѣтятъ!“

Син стихи хотя сами по себѣ хороши, но употреблены не у мѣста, какъ мнѣ кажется. Зачѣмъ тужить о такихъ предметахъ, которые можно найти во всякомъ мѣстѣ. Вездѣ есть прохладные ручьи и сѣнистые деревья. Наслаждаясь подъ ними прохладой, не спрашиваемъ мы, кѣмъ они сажены, и не имѣемъ времени о томъ думать. Чувствованіе красоты природы несовмѣстно съ помышленіемъ о собственности, ибо природа предлагаетъ оныя даромъ.

II. Цефалъ, Капитанъ Ж. В. Руссо.

„Еще дремавшему въ объятыхъ сна въ сей часъ“. Последнія слова дѣлаютъ стихъ нѣсколько шароховатымъ (sic).

„Узря его, она подходитъ, возмываетъ“.

Первыя два слова можно отбросить.

„Усталый ловчій здѣсь молодой“.

Я бы переимѣнилъ: усталый здѣсь, ловець молодой.

„О слабый многа безчестный и презрѣнный“.

Слишкомъ много словъ, чтобы выразить два слова: *lâche amant*.

„И лютой горести на жертву кинуть оны“.

Не лучше ли: преданъ вмѣсто кинуть?

XXIII.

Разсмотрѣніе перевода послѣдней Жильберовой элегии¹⁾, читаннаго въ прошломъ засѣданіи Общества, 20-го ноября (1819 г.).

Не имѣя предъ собою оригинала, не могу судить о близости перевода, но я увѣренъ что переводчикъ — поэтъ не проронилъ ни одной мысли подлинника. Желательно бы только было, чтобы оны употребилъ болѣе тщательности въ подборѣ выраженій.

„Пускай погибнетъ оны, и слава съ ними во гробѣ“.

Здѣсь должно подразумѣвать: его слава. Но отъ пропуску иѣстоименія стихъ неясенъ.

„Пусть въ дружествѣ самомъ вражда ихъ водворится

Въ сѣнь обольщенія сердечной простоты

Пусть съ злостію въ тебѣ твой ближній обратится,

Кому былъ дорогъ ты“.

Весь этотъ куплетъ по моему иѣннѣю требуетъ передѣлки, ибо выраженія: вражда водворится въ дружествѣ, обратиться къ кому съ злостію — несвойственны.

„Минутный міра гость, печалью приведенный“.

Печаль никого не приводитъ въ міръ; она застигаетъ въ ономъ.

А. Востоковъ.

Дек. 4-го (1819 года).

XXIV.

Въ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.

Отъ цензора Востокова.

Нѣкоторымъ представленнымъ Г-дами членами Вельяминовымъ-Зерновымъ, Ленкевичемъ, Веницкимъ и Измаиловымъ, въ прошлое и въ предпрошлыя Собранія піесамъ

¹⁾ Кому принадлежалъ этотъ переводъ, изъ дѣлъ Общества не видно.

Рецензія.

I. Ода въ лестѣ.

Сказать безъ лестѣ, очень хороша. Господствующій въ ней про-
ническій тонъ идетъ къ предмету, и поэтъ заставляетъ насъ раздѣ-
лять съ нимъ чувство негодованія на подлецовъ. Правда, что мы
нашимъ негодованіемъ ихъ не перемѣнимъ; и что сколько ни сти-
дить, сколько ни бранить ихъ—все это будетъ какъ къ стѣнѣ го-
рохъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ нравственныя и сатириче-
скія сочиненія, вопіющія противу какого либо порока, бесполезны
были: ежели не можемъ оными исправлять порочныхъ, можемъ по
крайней мѣрѣ самихъ себя воздерживать отъ порока.

Погрѣшностей никакихъ не имѣю замѣтить въ сей одѣ, кромѣ
что въ 1-ой строфѣ вмѣсто дышитъ надобно дышетъ

двигитъ двигитъ

Третье лицо глагола дышу имѣетъ у насъ два разныя окончанія,
изъ коихъ одно принадлежащее къ 1-му спряженію дышетъ во
множественномъ дышутъ, другое ко 2-му: дышитъ, множествен-
ное дышатъ. И то и другое въ употребленіи. Здѣсь требуется пер-
вое спряженіе для рimes ко глаголу: двигитъ.

II. Изъ Горация ода 84 книги 1-ой.

Щастливой выборъ стихотворнаго преложенія. Нынѣшнее время
удивляетъ насъ такими же чудными неожиданными происшествіями,
каковъ Гораций въ Юпитеръ, который по безоблачному небу гре-
митъ „*per rugam totantes egit equos etc.*“—а Фортуну, которая играетъ
вѣнцами, срывая съ одной головы и надѣвая на другую—видимъ мы
нынѣ своими глазами.

Во 2-ой строфѣ стихи еще ближе бы были къ оригиналу, ежели бы
здѣлать слѣдующую легкую перемѣну: вмѣсто „уже нисходитъ къ
намъ Зевесъ“ и пр. поэтику на Латинскомъ: *namque Diespiter etc.*

Зане къ намъ нынѣ смель Зевесъ
Не въ буряхъ, не во тмѣ, не въ молніяхъ багровыхъ;
Но съ колесницею коней своихъ грозныхъ
Внезапно устремилъ по ясности небесъ:
Земля и рѣкъ струи и горъ кремнистыхъ ребра
И Стискъ и адовъ восколебался нѣдра.

Въ 3-й строфѣ послѣдніе два стиха не лучше ли были такъ:

Фортуна съ шумомъ тамъ вѣнци съ однихъ срываеъ
И на чело другихъ съ улыбкою кладетъ.

III. Мысль при взглядѣ на рѣчу.

— „Но тажъ волна протекъ, ужъ болѣ не свѣтлѣтъ“ — протекъ вмѣсто протекши. Стихотворческая вольность! Не знаю, правильно ли, но мнѣ оно нравится; и я бы не поставилъ вмѣсто того (sic) прошедъ или промчалъ. Сиі послѣднія тяжелымъ шипящимъ звукомъ своимъ не выражаютъ той скорости и легкости, какаѣ здѣсь въ усѣченномъ дѣепричастіи протекъ; ежели оно не новое, а находится уже въ книгахъ, то тѣмъ лучше.

IV. На другой день, Восточная повѣсть.

Въ сей піесѣ показалъ намъ Г-нъ Венеційскій новый опытъ способности своей къ повѣствовательной и драматической прозѣ. Надобно съ удовольствіемъ признать въ немъ возникающее искусство слога, и приобретаемое познаніе сердца человѣческаго — два пункта — и можно сказать, неразлучные — на коихъ основано эстетическое достоинство всякаго автора. Пожелаемъ ему, неуставать въ начатомъ поприщѣ и стараться объ усовершенствованіи таланта своего болѣе и болѣе¹⁾.

Я долженъ замѣтить двѣ историческія несообразности.

1) Дервиши упоминаются здѣсь вмѣстѣ съ Браминами; а Дервиши сколько мнѣ извѣстно, находятся только у магометанъ: у Венеціанъ же отшельники называются Факиры.

2) Оромаздъ и Ариманъ были у древнихъ Персовъ, а не у Индѣйцовъ. Хотя Гавр. Ром. Державицъ въ своемъ посланіи Индѣйскаго Брамина къ Хлору смѣшиваетъ персидскую мнелогію съ Индѣйскою, заставляя Брамина упоминать объ Оромаздѣ и Ариманѣ²⁾ — но въ этомъ не указъ намъ поэты! да имъ и извинительнѣе такого рода ошибки нежели прованстамъ.

¹⁾ Повѣсть „На другой день“ была напечатана въ *Дептшикѣ* 1809 г., издавшемся А. П. Венеційскимъ и А. Е. Измайловымъ (ч. I, 6—49).

²⁾ Вотъ эти стихи Державина:

Да Оромаздъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, съдой диванъ.
Когда же подлѣн и даже подкупной,
Прищюра ирачный взоръ, гдѣ заисеть или злость
На насъ прольетъ свой ядъ, — простишь нѣтъ грѣхъ вдыхая;
Не прейдуть бѣдныя чрезъ Аримановъ ность.

(Соч. Державина, 2-е изд., изд., т. II, стр. 261, 262.)

V. Видной старикъ.

Анекдотъ очень трогательной. Авторъ по обыкновенію своему мѣтитъ не въ бровь, а въ самой глазъ. Только въ одномъ мѣстѣ, кажется мнѣ, не соблюдено правдоподобіе, а именно въ скоропостижной смерти стариковой. Сколь-бы ему ни тяжело было вдругъ увидѣть, что сынъ его предъ людьми не хочетъ признать и выталкиваетъ—но ему надлежало быть уже нѣкоторымъ образомъ къ тому приготовлену, судя по оказывавному всегда симъ недостойнымъ сыномъ небреженію къ родителямъ своимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ знать. Какъ бы то ни было, надобно читателя увѣрить не только въ возможности сего случая (все на свѣтѣ возможно) но и въ томъ, что оный дѣйствительно происходилъ. Чѣмъ же его увѣрить?—Искуснымъ естественнымъ подборомъ обстоятельствъ.

VI. Эпитафія.

Изъ нихъ хороши первая и вторая, по краткости своей и эпиграмматической соли.

XXV. Рецензія.

I. Переводъ VII сатиры Воалю.

До 20-го стиха очень вѣренъ, но потомъ слѣдуютъ перифразы, вообще не худыя, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, кои здѣсь замѣчу.

a) Des vers plus forcés que ceux de la Pucelle, переведено

Стихи ужаснѣ стиховъ Телемахиды*. Хотя худыя стихи вообще заслуживаютъ имя ужасныхъ, но здѣсь бы надобно выразить самую идею автора: forcés (тяжелые, натянутые, принужденные)

b) Enfin sans perdre temps en de si vains propos

Je sais coudre une rime au bout de quelques mots

Souvent j'habille en vers une maligne prose:

C'est par là que je vaux, si je vaux quelque chose... переведено:

„Но я признаюсь вамъ—чтобъ словъ мнѣ не терять—

Въ концѣ стиха могу я риму приискать

Злу прозу иногда подъ нею я скрываю,

И тѣмъ лишь славенъ я, когдѣ славенъ я бываю“.

Не лучше ли бы была эта тирада, переправленная слѣдующимъ образомъ:

„Но я признаюсь вамъ—чтобъ словъ мнѣ не терять—

Къ стихамъ моимъ гораздѣ я рими прибирать.

Подъ ними иногда я злую прозу врюю:

И тѣмъ лишь славенъ я, когда я славы стою“.

часть ослухи, отд. 2.

с) Слѣдующіе потомъ 10 стиховъ не хороши и не довольно опредѣлительно выражаютъ смыслъ оригинала, который въ 6-ти только стихахъ заключается. Въ оригиналѣ нѣтъ того, чтобъ отчетъ предъ Богомъ дать — да и прочее, что въ оригиналѣ сильно и кратко, ослаблено здѣсь ненужнымъ распространеніемъ.

d) Въ 81-мъ стихѣ чего-то недостаетъ, конечно опискою.

e) ...стремляся въ слѣдъ Луцилія слѣдами—не хорошо.

f) „Вѣда, коль не скажу его—и сонъ на умъ нейдетъ“—стихъ переходитъ за мѣру. Можно выкинуть слово его.

g) Je ne résiste point au torrent qui m'entraîne переведено: какъ можно укротить души моей стремленіе! лучше бы перевести такъ, какъ въ оригиналѣ: я не могу свое удерживать стремленіе.

h) Боало говорить: ma main, pour cette fois, commence à se lasser рука у меня начинаетъ уставать. А переводчикъ не слишкомъ ли уже много сказалъ: нѣтъ, силъ—усталъ; руки я не могу поднять!

Вообще окончаніе переведено не такъ тщательно, какъ начало.

II. Дафна и Сильвія.

(Отрывокъ изъ Тассова Аминта дѣйств. 1, явл. 1)

Стихи прекрасные. Что если бы Г-нъ Остолоповъ такъ перевелъ намъ всего Аминта? Онъ кажется болѣе нежели кто либо, способенъ къ этому: зная хорошо италіанскій языкъ, и будучи притомъ наиболѣе склоненъ къ этому роду поэзіи.

Въ одномъ мѣстѣ замѣтили мы излишнюю, какъ кажется, протажность:

Сильвія.

Пускай и чувствами и даже самъ собой,
 Какъ хочеть онъ располагаетъ!
 Мнѣ это все равно! Не будучи моимъ
 Пускай принадлежить, кому онъ самъ желаетъ.
 Ему и быть моимъ нельзя—затѣмъ что мнѣ
 Владѣть я не хочу; и еслибы владѣла,
 То и тогда бъ я быть его не захотѣла“.

III. Письма о пикетѣ.

Письмо 3-е.

Divertissement переведено увеселеніе.—Увеселеніе слово слишкомъ общее; можетъ значить и rejoissance. Я бы перевелъ divertissement—потѣшное игрище.

„И что такое искусство плясанія, если оно ограничивается только тѣмъ, что дѣлать нѣсколько пѣ съ холодною правильностью?“

„И что такое“ надобно читать по смыслу фразы съ восклицаніемъ: *et qu'est ce que l'art de la danse, si* и пр.—но я ошибкою прочелъ оное такъ, какъ бы тутъ было винословное что, значущее: *et qu'un tel art de la danse* и пр., а потому ожидалъ еще чего-то послѣ словъ: „съ холодною правильностью“ — не лучше ли для большей ясности замѣнить здѣсь частицу что слѣдующимъ оборотомъ словъ: и какое это искусство плясанія, если оно ограничивается только тѣмъ, что дѣлать нѣсколько пѣ съ холодною правильностью?

XXVI.

Разсмотрѣніе Елегиі въ древнемъ вкусѣ ¹⁾, читанной въ собраніи Общества отъ _____ сего года.

1. „О Альціоны, о вы священныя птицы, Фетидой
Нѣжно любимыя, ахъ! тоскуйте и плачьте: нѣтъ Мирты!“

Здѣсь восклицанія о и ахъ слишкомъ близко столкнулись; плакать птицамъ несвойственно; долгій слогъ нѣтъ употребленъ краткимъ: нѣтъ Мирты! Можно бы сіи недостатки поправить слѣдующими въ сихъ стихахъ перемѣнами:

О Альціоны! вы, священныя птицы, Фетидой
Нѣжно любимыя! стужите жаюбно: Мирты не стало!

2. „Злато, которое бы украшало лилейныя руки“.

Вы, всегда коротко произносимое, здѣсь поставлено долгимъ. Не лучше ли такъ:

И къ украшенію рукъ лилейныхъ злата зацѣпья.

3. „Мирта стоитъ на носу корабельномъ“.

Нельзя ли набѣжать здѣсь словъ: на носу, представляющихъ нѣкоторую комическую двузначательность! Можно бы: Мирта стоитъ на краю корабля.

4. „...поверглася въ водныя вѣтра“.

Поверглася значить: бросилась, т. е. своею волею утопилась; но выше сказано, что она сброшена была вѣтромъ.

5. „Тѣло прелестное внизъ подъ прозрачною волною
покатилось“.

¹⁾ Кому принадлежало это произведеніе, изъ дѣлъ Общества не видно.

Покатилось слово низкое. Можно бы сказать: покатилось." 11

6. Скрыла отъ пастей морскихъ чудовищъ Мирту младую.

Удареніе слова пастей во множ. должно быть на второмъ слогѣ: пастей, такъ какъ частей, властей, страстей. Здѣсь можно употребить и единственное число „отъ пастей морскихъ чудовищъ“.

7. „Съ тоской и уныніемъ громко взывають“.

Правильнѣе, кажется, было бы: въ тоскѣ и уныніи.

8. „Брачной одеждою ты не украсила нѣжнаго тѣла“.

Глаголь съ отрицаніемъ требуетъ родительн. падежа: не украсила нѣжнаго тѣла. Но вмѣсто не украсила я бы поставилъ: не облекла. Брачной одеждою не облекла ты нѣжнаго тѣла, не только для того чтобъ избѣжать повторенія слова не украсила, встречающагося черезъ стихъ, но и для того, что одежда прекрасному тѣлу служить не украшеніемъ, а просто одеждою, покровомъ.

9. „Злато вокругъ рукъ твоихъ лилейныхъ блестя не обвилось“.

Вокругъ рукъ жесткое стеченіе словъ. Я бы перемѣнилъ такъ „Злато блестя не обвило твои лилейныя руки“ или еще лучше: „Не обвило лилейной руки блестящее злато“.

XXVII.

Читанное въ последнемъ засѣданіи „Общества“ Подражаніе первой сатирѣ Буало ¹⁾ слушано было, если не ошибаюсь, со всеобщимъ одобреніемъ и по справедливости того заслуживаетъ. Хорошія и сильныя мѣста, конми сіе стихотвореніе изобилуетъ, замѣченны были слушателями и не ускользнуть отъ вниманія читателей. Обязанность моя теперь замѣтить только тѣ мѣста, кои, по мнѣнію моему, требуютъ поправки. Ихъ не много:

1. ... Я вольности обрѣлъ златую нить

Метонимія слишкомъ высканная! Она должна значить: я нашелъ дорогу къ вольности, нашелъ способъ сдѣлаться свободнымъ, такъ какъ Тезей нашелъ съ помощію Ариадниной нити выходъ изъ лабиринта?

2. Цвѣтъ счастье пригвоздилъ за картами своимъ“.

Надлежало бы: пригвоздить къ картамъ своимъ.

¹⁾ Кому принадлежало это подражаніе, изъ дѣлъ Общества не видно.

3. Въ стихѣ:

„Пусть Клитъ любя одни Россійскіе рубли“

не всякой догадается, что полюсь надобно упереть на послѣднемъ словѣ, т. е. Клитъ любить одни рубли Россійскіе, а не другое что-либо Россійское; думаетъ только о обогащеніи своемъ, а не о благѣ отечества. Я бы совѣтовалъ слово рубли подчеркнуть, чтобъ показать на ономъ упоръ голоса.

3. „Служить любовникамъ не вѣдаю искусства“.

Не сильнѣе ли бы было сказать такъ:

Вѣтъ сводникомъ у баръ не вѣдаю искусства.

б. „... нуждою предведомъ“.

Причастіе предведомъ неупотребительно такъ какъ и глаголь предвести, предведу.

6. Шмели у пчелъ всегда свѣдаютъ сладкій сотъ“.

Слишкомъ много сказано. Можно бы сказать только: нерѣдко свѣдаютъ.

7. „И получающихъ въ награду всѣхъ трудовъ

Насиѣшки кулении цѣною ихъ стиховъ,

На конхъ потерявъ здорovia и имѣнье,

Лишь въ смерти зрѣтъ себѣ отъ бѣдности спасенье,

Иль за долги въ тюрьмѣ протерпѣвъ на доскахъ

Безъ хлѣба въ жизни сей безсмертья ждуть въ вѣкахъ.“

Дѣеприч, потерявъ съ неопр. накл. зрѣтъ и ждуть не составляетъ полного смисла. Надлежало бы вставить еще слово: должны или принужденн зрѣтъ и пр. или переимѣнить неопред. накл. въ изъявительное зрѣтъ, ждуть.

XXVIII.

Письмо къ Д. И. Языкову.

Предложеніе Ваше, Дмитрій Ивановичъ, о препорученіи мнѣ перевода Богемской и Виндской Грамматки, принимаю я съ величайшею охотою, какъ я уже о томъ отозвался Вамъ; и буду по силамъ моимъ стараться о исправнѣйшемъ выполненіи онаго, дабы оправдать довѣренность Общества и Ваше добродотно обѣщанное мнѣ ходатайство у министра о ободреніи сего предпріятія.—Но я думаю, что въ исходатайствованіи того успѣхъ будетъ еще надежнѣе, да и самое предпріятіе гораздо полезнѣе и соответственнѣе съ потребностью русской публики, ежели дать оному большую обшир-

ность, распространивъ на всѣ главные діалекты словенскіе; а именно ежели сочинить общій грамматическій курсъ словенскихъ діалектовъ для россійскаго юношества, и притомъ начать сперва съ ближайшихъ къ Россіи, по географическому положенію и по политическимъ связямъ народовъ, коихъ языки намъ знать нужнѣе. Таковы суть, напр. Польскій и Сербскій. За оными уже по порядку можно проходить дальнѣйшіе отъ насъ діалекты, Богемскій, Кроатскій и пр. Весь этотъ курсъ составитъ томовъ 5-ть или 6-ть посредственной толщины, кои содержатъ въ себѣ будутъ столько же особнхъ грамматикъ и могутъ продаваться вмѣстѣ или въ розницу.

Въ разсужденіи источниковъ, откуда почерпать для составленія сихъ грамматикъ—на первой случай не будетъ казаться недостатку. Новѣйшія и лучшія учебныя книги для польскаго языка можно выписать прямо изъ Виленскаго Университета; для Илирійскихъ же языковъ—изъ Венгріи, Сербіи, Булгаріи и пр., особливо теперь, когда войска наши стоятъ тамъ, и когда можно комиссію сію возложить на знакомыхъ, буде только есть оныя въ арміи у кого-нибудь изъ господъ Сочленовъ нашихъ ¹⁾.

XXIX.

(На ключѣхъ бумаги): „Сопка“ не происходитъ ли отъ глагола сыплю и не значитъ ли первоначально: насыпь (круглая, человѣческими руками сдѣланная). Послѣ уже, когда въ Камчаткѣ найдены Русскими впервые огнедышущія горы, названы также сопками круглыя ихъ вершины, подобныя искусственнымъ насыпямъ?”

Е. Пѣтуховъ.

¹⁾ Письмо это не имѣетъ на себѣ поимѣны члена и года. Любопытно сопоставить съ мыслями Востокова о составленіи грамматикъ славянскихъ нарѣчій то порученіе, которое было сдѣлано ему Россійскою академіею, вскоре послѣ вступленія въ нее Востокова 26-го іюня 1820 г., именно составленіе *Сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій*; сотрудникомъ Востокова въ этомъ дѣлѣ предполагался непремѣнный секретарь академіи П. И. Соколовъ, и сохранилось письмо Востокова къ Соколову объ этомъ предметѣ, отъ 14-го февраля 1822 года. Особенно нравилась и казалась легко выполнимой эта мысль составленія словаря президенту академіи Шишкову; но предпріятіе это кончилось ничѣмъ (см. *М. И. Сухомятина*, Исторія Россійской академіи, вып. VII, 306—309). Что мысль о подобномъ сравнительномъ словарѣ еще болѣе широкихъ размѣровъ занимала Востокова за много лѣтъ до этого, свидѣтельствуетъ его юношеская работа по этому предмету, начатая до 1802 г. и въ 1809 г. поднесенная имъ въ рукописи А. Н. Оленину (Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, стр. IV—VI).

БОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИ- МИРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

IV.

Дѣла гражданскія.

Галичъ, гдѣ твои сны?..

А. С. Хомяковъ.

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплемennyй,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

Ф. И. Тютчевъ.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы рассмотрѣли борьбу между Польшей и Литвой-Русью. Первый моментъ этой борьбы—неудачная попытка Казимира въ 1340 г. — былъ освященъ авторитетомъ главы католическаго міра, какъ дѣло, справедливо поднятое въ отмщеніе преступленія и нанесенной католической вѣрѣ обиды. Последній моментъ, на которомъ мы остановились,—окончательное устройство католической іерархіи въ предѣлахъ Галичины, послѣдовавшее въ 1412 г. Оба момента связываются интересами Рима, съ которыми Польша вступаетъ въ тѣснѣйшій союзъ съ 1343 г., являясь какъ бы борцомъ за католицизмъ, давно желавшій, но не могшій утвердиться въ Галичинѣ. За 20 лѣтъ до окончанія вооруженной борьбы Римъ формулируетъ ея смыслъ, опредѣляетъ значеніе, указываетъ цѣли отдаленнаго будущаго. Въ 1367 г. Урбанъ V такъ писалъ Познанскому епископу объ утвержденіи и первыхъ дѣйствіяхъ Казимира въ русской землѣ: лѣса, пустыни и урочища, въ которыхъ свирѣпство-

¹⁾ Окончаніе. См. евразьскую книжку Журн. Мин. Нар. Пр. за текущій годъ.

вали дикіе звѣри, обращены теперь къ культурѣ, воздвигнуты города, міръ увеличился новой землей, а обитающіе здѣсь католики, то въ перемежку, то лишь гранича съ православными могли бы утверждаться въ вѣрѣ и привлекать невѣрныхъ къ единенію, еслибы имѣли мужей ученыхъ и благоразумныхъ ¹⁾. Что это, какъ не исходная точка, съ которой оцѣнивается и прославляется въ польскихъ сочиненіяхъ и по настоящее время дѣятельность Казимира и его преемниковъ въ западно-русской землѣ? Тщательно оберегается эта точка зрѣнія и теперь ²⁾, и сообразно съ нею польская исторія то изображаетъ плѣнительными чертами „побѣды польскаго плуга“ (Шайноха), то какъ бы буквально повторяя слова Урбана V, говорить о пустынности Русской земли ³⁾, то въ виду послѣдующихъ событій, смотря на Галичину, какъ на связь между Польшей и Литвой-Русью, въ „быстрыхъ (?) успѣхахъ полонизма въ Галичинѣ“ видитъ лишь доказательство хробратско-лехитскаго происхожденія русскихъ галичанъ, покрывшихся, правда, отъ времени „русской оболочкой“, которая, однако, не уничтожила тѣхъ типическихъ отличій, какія выдѣляли Галицкую Русь на широкомъ пространствѣ русскаго міра, а самый этотъ міръ представляетъ только какъ сырой хотя и богатый матеріалъ, „погруженный въ доисторическое усниленіе“, по крови родственныи, до степени отдѣльной народности, еще не достигшии, а потому легко могущии быть присвоеннымъ безъ нанесенія тѣхъ кривдъ, какія теперь соединяются въ нашемъ умѣ съ понятіемъ захвата“ ⁴⁾. Благодаря Казимиру, говоритъ Шуйскій, — „Польша на громадномъ пространствѣ содала тысячи костеловъ и монастырей; посадовъ, селъ, городовъ и усадебъ, занесла западную муниципальность въ Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ, за Днѣпръ, изъ дѣятельной (?) почвы вызвала великіи историческія имена“; все это останется ея славой и гордостью, ибо благодаря ей „Европа подвинулась къ востоку на 200 миль“ ⁵⁾.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Kiedy my w historii Litwy i Rusi południowej przyznajemy się do różnych błędów w polityce naszej w obec Rusinów, ale równocześnie podnosimy *wszyscy bez wyjątku* cywilizacyjny nasz wpływ na przetrzenie wschodu... *Bobacinski* — *Kwart. hist.* 1889, I.

³⁾ Ziemia lwowska, gdy przeszła pod polskie panowanie była *bezludnym* krajem. Zaludnili i zбогacили go dopiero krolowie polscy licznem rozdawnictwem krolowszczyzny... *A. Стадницькій*, *Ziemia lwowska*, Виба. Осоелянск., 1863, III, 53.

⁴⁾ *C. Смолька*, *Рок 1886*, стр. 46.

⁵⁾ *Opowiadania*, 22.

Такимъ образомъ варьируется въ трудахъ современныхъ польскихъ историковъ мысль Урбана V, примѣнительно къ нынѣшнимъ понятіямъ, взглядамъ и даже научнымъ требованіямъ. Культурно-религіозный характеръ борьбы съ перваго ея момента, даже по сей день не можетъ подлежать сомнѣнію; Польша является не только борцомъ за интересы Рима, но какъ бы исполнительницей предначертаній курии; въ этомъ ея задача, въ этомъ ея заслуга! Давнымъ давно миновало время господства и руководства Рима, а современные представители польской мысли все еще не расстаются съ точкой зрѣнія Урбана V. Нельзя не подивиться силѣ исторической преэмптенности, упорству и безостановочности работы все въ одномъ и томъ же направленіи! Задача русскаго исследователя эпохи давно миновавшей и, по видимому, не долженствующей затрогивать современныхъ политическихъ и національныхъ страстей, вслѣдствіе этого немощно утрудняется, главнымъ образомъ, отъ сознанія важности поднимаемаго вопроса. Съ указанными взглядами приходится, однако, считаться, обоидти ихъ нѣтъ никакой возможности, но при болѣе или менѣе серьезномъ отношеніи, грустно и обидно имѣть дѣло лишь съ доктринами, не имѣющими въ своемъ основаніи ничего другаго, кромѣ культурно-тенденціознаго заблужденія. Вотъ почему, указавъ общіе взгляды польской исторической науки на занимающую насъ эпоху, взгляды, какъ мы видѣли, представляющіе лишь повтореніе словъ папы, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи держаться исключительно голыхъ фактовъ, какъ единственно возможныхъ въ данномъ случаѣ аргументовъ, не вдаваясь вовсе въ культурно-философскіе споры.

Резюмируемъ прежде всего сказанное въ двухъ предыдущихъ главахъ:

- 1) Борьба имѣетъ характеръ культурно-религіозный; рядомъ съ польскимъ мечомъ идетъ латинскій крестъ; потому она тянется еще долго по окончаніи борьбы вооруженной. 1387 годъ составляетъ моментъ, послѣ котораго она имѣняетъ лишь форму.
- 2) Только случайность — вступленіе Ягайла на польскій престолъ — закрѣпляетъ Галичину за Польшей, и — что составляетъ иррину исторіи, — закрѣпляетъ литовскими же силами.
- 3) Только при Ягайлѣ могла быть устроена въ предѣлахъ Галичины католическая іерархія; только съ этого времени сопротивленіе стало пассивнымъ; выражаясь — скажемъ словами Длугоша — , плачемъ;

рыданіями, воплями“. До этого времени нѣсколько разъ встрѣчаемся съ грозными для католицизма реакціями.

Вотъ главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ содержанія двухъ предыдущихъ главъ.

Если мысленно сопоставить силы противниковъ, то сдѣланные нами выводы, на первый взглядъ, покажутся невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, на напирющей сторонѣ—Польша, Венгрія, орденъ, наконецъ Римъ. Польша напругаетъ всѣ силы; угры въ значительномъ числѣ являются два раза на театръ военныхъ дѣйствій, орденъ получаетъ отъ Рима сильныя и краснорѣчивыя напоминанія о долгѣ бороться противъ невѣрныхъ въ союзѣ съ „христіанами“, и, какъ будто подогрѣваемый этими напоминаніями, устремляетъ на Литву всю свою „тевтонскую ярость“, а Римъ... сколько разъ онъ шлетъ посланія на всѣ стороны, при самыхъ, по видимому, затруднительныхъ обстоятельствахъ, не отказываетъ Польшѣ въ денежной поддержкѣ, какими ликованіями и прославленіями сопровождаетъ всякіе успѣхи!... И что же? Борьба все-таки продолжается. Гдѣ же были силы, такъ долго выдерживавшія столь жестокой напоръ?

Два Гедиминовича сошли со сцены, внукъ Гедимина присталъ къ сторонѣ напирющей, а борьба все же не прекратилась. Очевидно, эти силы заключались не въ Литвѣ, не въ талантахъ Гедиминовичей, не въ условіяхъ имъ благоприятныхъ, ибо нельзя и придумать условій менѣе благоприятныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ были поставлены Гедиминовичи. Сила эта была народъ, мѣстное населеніе, роль котораго совершенно игнорируется, особенно—понятно—въ польскихъ сочиненіяхъ.

Съ самаго начала и до самаго конца борьба была въ полномъ смыслѣ слова народною, и въ этомъ именно и заключается ея глубокой смыслъ, ея громадное историческое значеніе. Происходя въ самомъ крайнемъ углу русскаго міра, по видимому, отрѣзанномъ отъ остальной части, она тѣмъ не менѣе тѣснѣйше связывалась съ ходомъ не только всей западно-русской жизни, но, какъ это мы видѣли въ церковныхъ дѣлахъ, ближайше, касалась представителя духовнаго русскаго единства — митрополита, а по естественной его связи съ Московскимъ княземъ и сего послѣдняго. Невольно возникаетъ мысль, что представляемый обменно, даже въ русскихъ сочиненіяхъ, отрѣзаннымъ, какъ бы отдѣльнымъ отъ остального русскаго міра Галичъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, во все таковымъ не былъ, что и отдаленность, и нѣкоторая своеобраз-

ность исторической жизни не нарушали и не ослабляли тѣхъ коренныхъ основъ духовнаго и племеннаго единства, какія обусловлены были самою природою. Еслибъ исторія покрыла галичанъ лишь „русскою оболочкой“, какъ думаетъ, наиримѣрь, Смолька, то было бы совершенно непостижимо, какимъ образомъ налетѣть, хотя бы даже историческій, удержался и не сошелъ въ теченіе вѣковъ, составляя и нынѣ типическое отличіе населенія по Бугу, Вепрю, Сану и до Карпатъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ отступить далеко назадъ, не для опроверженія взглядовъ, подобныхъ взглядамъ Смольки, ибо они, по своей очевидной тенденціозности, вовсе не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, а въ виду того, что исторія занимающей насъ русской окраины представляется не въ надлежащемъ, не въ исторически вѣрномъ освѣщеніи, не только въ трудахъ польскихъ, но даже и въ русскихъ. Много, очень много вопросовъ возбуждаетъ наша окраина, многого должны ждать наша наука и наше общество отъ правильнаго ихъ разрѣшенія.

Значительная часть этихъ вопросовъ можетъ быть окончательно порѣшена послѣ многостороннихъ мѣстныхъ изысканій этнографическихъ и историческихъ. Надо впрочемъ сказать, что начало въ этомъ отношеніи положено уже давно, но кажется, до сихъ поръ еще оно недостаточно отразилось на общей постановкѣ дѣла въ нашей исторической наукѣ.

Если не ошибаемся, главнѣйшіе частные вопросы, возбуждаемые исторіей Галичины, сводятся къ двумъ кореннымъ—объ отношеніяхъ Галичины 1) къ Волынн и 2) къ центру русской исторической жизни Кіеву.

Оба эти вопроса находятся въ тѣсной связи между собою; факты, разъясняющіе второй, должны содѣйствовать правильному разрѣшенію перваго, такъ какъ никакихъ переворотовъ въ составѣ населенія нашей области за извѣстное намъ историческое время не произошло. Не останавливаемся на вопросѣ: каковы были отношенія ея къ остальному русскому міру, къ періодъ времени съ 907 по 981 г. Отвергать всякія отношенія нельзя, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть показаніе лѣтописи объ участіи хорватовъ въ походѣ Олега ¹⁾; но безъ сомнѣнія, нельзя представлять себѣ эти отношенія

¹⁾ Включеніе Галичины въ составъ владѣній Олега Ломикова, Червенск. гор., 48, считаетъ „недоразумѣніемъ“. Северо-западную границу русскихъ вла-

сколько-нибудь опредѣлившимися. Ничѣмъ инымъ, какъ единственно нашимъ стремленіемъ къ точной формулировкѣ отношеній и трудностью представить себѣ начальную безформенность и неопредѣленность мы не можемъ объяснить тѣхъ сомнѣній, которыя высказаны въ наукѣ по поводу похода Владиміра въ 981 г. «на ляховъ». Наша наука обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ явную предирчивость; неудовольствія, естественно вызываемыя тягостью государственнаго порядка, допускаются у древлянъ, у вятичей, но отъ крайней окраины почему-то требуется чего-то особеннаго: «свою принадлежность къ Руси она должна была засвидѣтельствовать исключительной лояльностью¹⁾. А между тѣмъ, съ другой стороны, совершенно не обращаетъ на себя надлежащаго вниманія фактъ, что дѣятельность Владиміра, положившаго новыя начала исторической жизни нашей окраины, не вызвала до смерти Равноапостольнаго никакого противодѣйствія: „въ любви и мирѣ жилъ“, по словамъ летописца, Владиміръ съ сосѣдними князьями: съ Болеславомъ Лядскимъ, Стефаномъ Угорскимъ, Ондроникомъ Чешскимъ“²⁾.

Это ничѣмъ не нарушаемое спокойствіе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ дѣятельности Владиміра встрѣчаемся съ фактами, которые въ послѣдующей русской исторіи имѣютъ громадное, вполне опредѣленное значеніе—введенія и упроченія государственной власти: противъ стараго центра земли, Червена, Владиміръ выдвигаетъ новый—Владиміръ, и въ 988 году сажаетъ туда своего сына. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ первомъ галицко-волынскомъ князѣ нѣтъ. Мало знаемъ и о другомъ Владиміровичѣ, получившемъ въ удѣлъ западно-русскія земли, Святославѣ, но нельзя не отмѣтить, что Святославу пришлось послать за нимъ убійцу къ „горѣ угорской“, а мѣстныя преданія до сихъ поръ помнятъ мѣсто убіенія какого-то Святославчика³⁾.

Смуты послѣ смерти Владиміра даютъ поводъ къ вмѣшательству Болеслава, „заявшаго грады Червѣнскія собѣ“ и послѣ этого „при-

дѣній при Олгѣ онъ доводитъ лишь „до юго-западной части земли Ятвяжской“, близъ г. Визны, гдѣ рѣка Олгъ. (Это названіе и наводитъ г. Лонгиновъ на такое соображеніе). Но гдѣ же юго-западная граница?

¹⁾ Въ объясненіе нашего, по видимому, поверхностнаго отношенія къ важному научному вопросу скажемъ, что мы считаемъ его совершенно исчерпаннымъ въ прекрасной статьѣ *Е. М. Крыжановскаго*, *Забужная Русь*. С.-Пб. 1885.

²⁾ Ип. л., 87.

³⁾ *Андріашевъ*, *Очеркъ*, 103, пр. 2.)

шедшаго въ свою землю! ¹⁾ Но напряженныя усилія Ярослава вернуть отнятое, къ чему онъ обращается при первой возможности—съ 1022 г. ²⁾), и немедленное повтореніе попытки, опять-таки при первой возможности, наконецъ совмѣстныя дѣйствія братьевъ, быть можетъ, не особенно расположенныхъ другъ къ другу, кончившіяся полнымъ успѣхомъ, при чемъ оба брата внесли оружіе въ землю людскую, а воинственный Мстиславъ, быть можетъ, въ память этого основалъ церковь Опаса въ Черниговѣ ³⁾), все это не можетъ не указывать на какую-то особенно тѣсную связь отдаленной окраины съ центромъ. (Что вниманіе Мудраго было особенно обращено на западъ, доказываютъ его походы на Ятвяговъ и Литву, въ свою очередь свидѣтельствующіе, что на юго-западной границѣ было полное спокойствіе; что, слѣдовательно, отношенія окраины и центра, въ смыслѣ взаимнаго тяготѣнія, вполне установились. Ярославу не приходилось употреблять усилій для поддержанія здѣсь своей власти, но онъ усердно заботится объ установленіи твердыхъ отношеній съ Казиміромъ Польскимъ, которому весьма энергично помогаетъ въ его борьбѣ съ мазовшанами, и наконецъ, родится съ нимъ ⁴⁾).

Замѣчательно, что съ этого времени сознаніе лѣтописца какъ будто проясняется. Съ 1081 г. не встрѣчаемся уже съ терминомъ „Червенскіе грады“; судьба окраины тѣсно связывается съ Волынью. Таковы не многіе, но краснорѣчивые факты перваго періода нашей исторіи, пока главнѣйшими, пожалуй даже единственными, факторами жизни являются, съ одной стороны—племена съ своею старою особенностью, съ другой—князь, какъ представитель новаго начала, государственности. При столкновеніи первый факторъ сразу, безъ особеннаго противодѣйствія, уступаетъ второму.

Чѣмъ подготовлена была такая побѣда, этого вопроса намъ не вѣдѣтъ касаться. Для нашей цѣли достаточно констатировать фактъ

101 годъ, тѣмъ Мстиславъ и Ярославъ въ 1022 году въ Галицкую землю

1022 году, тѣмъ Мстиславъ и Ярославъ въ 1022 году въ Галицкую землю

¹⁾ Ип. л., 101.

²⁾ „Ярославъ приде къ Верестью“, Ип. л., 102, и только; но о цѣли похода не можетъ быть сомнѣнія. Верестье и потомъ всегда было сборнымъ пунктомъ русскихъ князей въ походахъ на Польшу; см. Забужная Русь, 53. Первая неудачная попытка была предпринята такимъ образомъ при жизни Болеслава Храбраго. Можно думать, что Велъ былъ возвращенъ Русью при немъ же: въ лѣтописи хронологія не вѣрна, но послѣдовательность фактовъ обозначена ясно, Ип. л., 105.

³⁾ Д. И. Иловайскій, Исторія, II, 58.

⁴⁾ И. Личиченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши, 48 и слл.

крѣпкой связи отдаленной окраины новаго государства съ его центромъ. Мнѣніе, что это новое и, если вѣрять летописи, столь быстро создавшееся государство „разложилось уже въ XI вѣкѣ на свои составныя элементы—городовыя волости“ (?), что „интересъ его создавшій не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его на долго“¹⁾, врядъ ли нужно опровергать. Историки задаются вопросомъ не о разложеніи государства, а о томъ, чѣмъ поддерживалось единство Русской земли въ періодѣ удѣльныхъ княжествъ.

Это единство объясняется различно, но объясненія не удовлетворяютъ историка, „Мы недовольны“, говоритъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, „ни одною изъ теорій, ввавшихся объяснять государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало“²⁾: Намъ кажется, что другой историкъ въ общемъ обзорѣни строя древней Руси вполне удовлетворительно объясняетъ этотъ фактъ. Ярославъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „раздастъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси“; гдѣ племена путемъ исторической дѣятельности не получили яснаго сознанія о своей самостоятельности, сознанія о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе прибрѣтенія особыхъ интересовъ. Въ начальный періодъ русской исторіи замѣчаемъ раздѣленіе, но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ внѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признавать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно, нѣтъ. Мы должны, на оборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при внѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ съ развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ“. Въ началѣ исторіи, говоритъ далѣе историкъ, —существуютъ отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности, а „благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является русскій народъ“³⁾.

Еслибы въ дѣйствительности племенное начало имѣло значи-

¹⁾ В. Ключевскій, Вопрская дума, 36.

²⁾ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, Исторія, I, 162.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія, XIII, 8, 9, 13.

тельную силу, еслибы дѣйствительно были существенны племенные особенности ¹⁾, еслибы онѣ не „сводились къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту“ ²⁾, то фактъ образованія обширнаго государства почти сразу и его единство, удержавшееся при наличности многихъ данныхъ, способныхъ его уничтожить, представлялъ бы безпримѣрное въ исторіи народовъ чудо. На оборотъ, быстрота образованія Русскаго государства и крѣпость его состава лучше всего доказываютъ, что оно вытекало и поддерживалось племенною однородностью, которой не въ состояніи были одолѣть другія враждебныя единству начала. Стремленія, напри- мѣръ, городскихъ общинъ и князей могли совпадать, но ни разу не приводили къ созданію чего-нибудь прочнаго, являясь началомъ, очевидно второстепеннымъ. „Повѣсть“ помнитъ названія племенъ, знаетъ ихъ бытовыя особенности, къ однимъ расположена болѣе, къ другимъ менѣе, и позже князь, ставъ на полѣ битвы, могъ сказать: вотъ дежатъ сѣверяне, вотъ варяги, но никогда „не было ни одной области, которая бы состояла изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ“ ³⁾, и это никогда не вызывало никакихъ осложнений. „Жидкое“, по мѣткому выраженію Соловьева, состояніе общества продолжается довольно долго, но стремленія отдѣльныхъ выдающихся личностей сообщить ему твердость, если и встрѣчаютъ на первыхъ порахъ помѣхи, не пропадаютъ и, подобно сѣменамъ, павшимъ на добрую землю, даютъ плодъ. Въ сѣверо-восточной Руси все это обнаруживается позже, въ юго-западной гораздо раньше, и мы врядъ ли ошибемся, если болѣе раннюю зрѣлость народнаго самоопредѣленія объяснимъ сосѣдствомъ чужихъ уже самоопредѣлившихся народностей. Почему выросшій на юго-западѣ плодъ не могъ созрѣть окончательно? Этотъ вопросъ, кажется, вполне удовлетворительно разрѣшается послѣдующимъ ходомъ событій, да и не въ немъ сила. Важно то, что однородныя явленія обнаруживаются на разныхъ концахъ русскаго міра, ярче всего подтверждая однородность его организма. Гдѣ окончательно созрѣлъ плодъ—рѣшительно все равно, лишь бы

¹⁾ Не говоримъ уже о шести (!) народностяхъ Н. И. Костомарова: южно-русской, сѣверной, вѣдкорусской, блжорусской, цѣковской, новгородской.

²⁾ Н. П. Барсовъ, Очерки, 79.

³⁾ В. Ключевскій, Волякая дума, 26.

только питался отъ него весь организмъ. Все это, кажется намъ, необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки дальнѣйшаго хода событій.

Въ 1054 г. Русская земля дѣлится. По переходѣ Игоря въ Смоленскъ, на Волни княжить Ростиславъ ¹⁾. Это подтверждается главнымъ образомъ обстоятельствами жизни его сыновей, которые живутъ во Владимірѣ, здѣсь стараются утвердиться, враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей ²⁾. Если примемъ во вниманіе, что послѣ бѣгства Ростислава, Изяславъ, по всей вѣроятности, взялъ Волни съ собою и посадилъ туда кого-нибудь изъ сыновей ³⁾, что затѣмъ то же сдѣлалъ Святославъ, посадивъ туда Олега, который и оставался во Владимірѣ до смерти отца, то эти обстоятельства прежде всего объясняютъ причину бѣгства Ростислава: смѣлый и жаждавшій дѣятельности князь не могъ чувствовать себя хорошо подъ бдительнымъ надзоромъ изъ Кіева,—затѣмъ показываютъ, что тѣсная связь нашей окраины съ центромъ нисколько не ослабѣвала; по крайней мѣрѣ, Кіевскіе князья ничего не упустили, чтобы поддержать ее. Говоримъ: нашей окраины, ибо за все это время нѣтъ никакихъ основаній предполагать отдѣльность Галичины отъ Волни ⁴⁾.

Возвращенные Владиміровичами „Червенскіе грады“ уже не выдѣлялись изъ состава Русскаго государства ⁵⁾. Затѣмъ до Любецкаго сѣзда, и даже послѣ него, до вступленія на кіевскій столъ Мономаха, идетъ борьба, не имѣющая никакого другаго смысла, кромѣ

¹⁾ *Татищевъ*, II, 117.

²⁾ *Соловьевъ*, II, пр. 32.

³⁾ Это подтверждается какъ тѣмъ, что Святославъ передалъ Волни Олегу, такъ и тѣмъ, что потомъ Всеволодъ передалъ ее Ярополку Изяславичу.

⁴⁾ *Зубрицкій*, *Исторія*, II, 11, предполагаетъ, что Ростиславъ сначала княжилъ въ Галичинѣ, а по переходѣ Игоря въ Смоленскъ, можетъ быть, и на Волни; но это лишь догадка. *Татищевъ*, II, 117, говоритъ прямо, что Ростиславъ правилъ сначала въ Ростовѣ и Суздальѣ.

⁵⁾ *И. Линиченко*, *Взвѣсныя отношенія*, 117, пр. 3. Иначе смотритъ *Барсовъ*, *Очерки*, 105, пр. 179. По его мнѣнію, „подлинность самого факта (занятія Болеславомъ Свѣтлымъ Перемышля) подтверждается ходомъ событій, какъ онъ сообщается въ нашихъ и польскихъ источникахъ“. Но тѣмъ же именемъ? Болеславъ осаждалъ Перемышля, но безуспѣшно; у Сутеска появился Владиміръ Мономахъ, которому поручено было охраненіе Волни; начались переговоры, и яки показали Изяславу путь; *Андріешевъ*, *Очеркъ*, 109. О Сутескѣ см. *Барсовъ*, *Очерки*, пр. 150. Очевидно, граница не была измѣнена.

княжеских притязаній. Но и здѣсь въ дѣятельности Святополка снова обнаруживается всегдашнее стремленіе великихъ князей прибрать Волны въ свои руки, и только мужество Ростиславичей останавливаетъ Святополка на Рожни полѣ, не позволивъ ему вополнѣ осуществить его желанія ¹⁾. Другіе мелкіе факты борьбы доказываютъ связь Волны съ территоріей старыхъ Червенскихъ городовъ. Давыдъ послѣ побѣды у Перемишля начинаетъ захватъ земли съ Сутеска и Червена, оттуда идетъ ко Владиміру ²⁾. То же видимъ позже въ попыткѣ Ярослава Святополковича ³⁾. „Довлѣетъ нама стати на межи своей“, говорятъ рыцарственные Ростиславичи послѣ побѣды надъ Святополкомъ. Гдѣ пролегалла эта межа—не извѣстно, но врядъ ли можно сомнѣваться, что это была условная граничная линія, которой теперь не возстановить никакія розысканія; и въ то время она мѣнялась, да къ тому же, подобныя условныя граничныя линіи пролегалли и на территоріи другихъ земель, въ частности Волны; тоже мѣнялись и тоже не имѣли другаго смысла, кромѣ временнаго обозначенія владѣній князя, остававшагося безъ земли, но требовавшаго своего „хлѣба“. Окончательно обособляются Волны и Галичь почти одновременно, съ появленіемъ тутъ и тамъ энергическихъ личностей, направившихъ свои усилія на то, что не вызывалось какими-нибудь мѣстными особенностями, а составляло общее стремленіе тогдашнихъ князей, на закрѣпленіе за собою волости-отчины. Въ ряду такихъ князей „многоглаволивый“ Владимірко, также точно, какъ и его волынский сосѣдъ, представляютъ лишь типъ болѣе яркій, но во все не исключеніе. Въ дѣлахъ остальной Руси Владимірко принимаетъ живѣйшее участіе, даже въ большей степени, чѣмъ другіе близкіе къ Кіеву князья, а избраніе столицей новаго города (съ 1141 г.—Галичь) едва ли не обусловлено было тѣми же причинами, какія немного спустя заставили Андрея Боголюбскаго предпочесть Владиміръ старымъ городамъ. Одновременно на двухъ концахъ русскаго міра встрѣчаемся съ явленіями однородными, которыя едва ли не по одинаковымъ причинамъ обрисовываются здѣсь гораздо вы-

¹⁾ „Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володара и на Васильки, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата“; и поиде на ны“. Ип. л., 176. Слабый Всеволодъ, по видимому, не стремился на Волны, но едва ли это не объясняется характеромъ Ярополка Изяславича, котораго легко было держать въ рукахъ, Ип. л., 145.

²⁾ Ип. л., 178.

³⁾ Ibid., 215.

пуклѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Преемникъ Владимірка, воспѣтій въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославъ Осмомыслъ, еще сильнѣе отца засвидѣтельствовалъ свою крѣпкую связь съ Русью, и не только въ первую тяжелую минуту по смерти отца ¹⁾, но и участіемъ въ общерусскихъ дѣлахъ при великихъ князьяхъ Ростиславѣ Мстиславичѣ и Святославѣ Всеволодовичѣ. Въ 1190 году вернулся въ Галичъ изгнанный оттуда Владиміръ Ярославичъ, личность, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающая вниманія. Непродолжительное княженіе и этого послѣдняго Ростиславича отмѣчено проявленіемъ связи Галича съ остальною Русью ²⁾.

Такимъ образомъ мысль, что въ Галичѣ, подобно тому какъ въ Полоцкѣ, утвердилась линия, „осиротѣвшая и какъ бы бездомная въ Русской землѣ“ ³⁾, представляетъ лишь историческую элегію, весьма далекую отъ исторической дѣйствительности. До самаго конца XII вѣка Галичъ, собственно говоря, ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ русскихъ земель. Указываютъ на боярство. Дѣйствительно, галицкаго боярства не можетъ обойти ни одинъ изслѣдователь, но замѣчательно, каждый иначе смотритъ на это явленіе. Между взглядомъ Смирнова ⁴⁾, принимающаго существованіе боярства какъ гипотезу, безъ которой не возможно понять безчисленныя галицкія крамолы, но нигдѣ въ лѣтописяхъ не усматривающаго достаточной опоры для того, чтобы считать боярство дѣйствительно руководящимъ началомъ, и мнѣніемъ Дашкевича ⁵⁾, которому галицкое боярство представляется сильнымъ, сплоченнымъ, хотя и не замкнутымъ, выросшимъ изъ мѣстныхъ условій, можно указать другія мнѣнія, то сгущающія, то ослабляющія краски ⁶⁾, то наконецъ считающія проявленіе боярскаго вліянія не

¹⁾ „Ярославъ же рече Петрови:... а мнѣ поѣди къ отцу моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего помялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто... мнѣ, отце, являю ти ся, прими мя яко сына своего Мстислава, тако же и мене ать ездитъ Мстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѡидю, всеми своими полкомъ“ Ип. л., 320.

²⁾ „Володиміръ съде на столѣ дѣда своего и отца... и посла ко Всеволоду ко уевн своему в Суждаль, молися ему: „отце господине! удержи Галичъ подолною, а язъ Вожій и твой емь со воими Галичемъ, а во твой полъ емь всегда“ . Ип. л., 448. И Всеволодъ удержалъ Галичъ подъ Владиміромъ.“

³⁾ М. О. Кояловичъ, Чтенія, 59.

⁴⁾ Судьбы Галицкой Руси, 30—32.

⁵⁾ Княженіе Дан. Гал., 19 сл.

⁶⁾ Вестуневъ-Рюминъ, Бѣляевъ, Костомаровъ, Иловайскій.

больше, какъ крамолой ¹⁾. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ самомъ явленіи есть какая-то неопредѣленность, дѣлающая невозможною точную и ясную формулировку его положенія, роли и значенія.

Другими словами: признаки явленія были, но созрѣть, опредѣлиться оно не успѣло. Отъ сожженія князей любовницы до вокняженія боярина (1173—1210 гг.) прошло 37 лѣтъ, а боярство и въ первый, и въ послѣдній моментъ все остается, собственно говоря, на одной стадіи развитія ²⁾. Но какъ оба эти факта допускаютъ разныя толкованія ³⁾, также точно не носятъ на себѣ никакого опредѣленнаго отпечатка всѣ другія проявленія дѣятельности боярства, выступающаго на сцену лишь въ моменты исключительные, оказавшагося неспособнымъ окрѣпнуть даже при такомъ князѣ, какимъ былъ Владиміръ Ярославичъ.

Бояре, говоритъ Кадлубекъ ⁴⁾, — не желали Романа, но никто не считалъ нужнымъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а впослѣдствіи Романъ могъ расправляться съ ними по своему усмотрѣнію. Для расправы съ боярами оказывались сильными даже Игоревичи, а Данилъ выносилъ боярское самовольство только въ дѣтскомъ возрастѣ, и въ 1245 году боярство было сломлено окончательно не борьбой съ нимъ, не жестокими казнями, ибо только одинъ Володиславъ, „злой мятежникъ землѣ“, былъ казненъ ⁵⁾, а лишь установленіемъ прочнаго государственнаго порядка: обстоятельствомъ, съ достаточною опредѣленностью указывающее, откуда вытекало и на чемъ опиралось боярское самовольство.

Вообще, мнѣніе о роли и значеніи галицкаго боярства мы считаемъ такимъ же научнымъ недоразумѣніемъ, какихъ не мало можно отмѣтить во взглядахъ на исторію Галича. Боярство было въ Га-

¹⁾ Ключевскій.

²⁾ Почему Дашковичъ, Княженіе Дан. Гал., 45, пр. 1, полагаетъ, что Володиславъ княжилъ два раза? Между выраженіями: „Володиславъ княжится, а ятровъ мою выгнать“, Ип. л., 487, и: „Володиславъ же воуха въ Галичъ и вокняжися и сѣде на столѣ“, ib., 488, разница весьма существенная.

³⁾ Сожженіе Настаски нельзя приписывать однимъ боярамъ: въ летописи сказано: Галичани, Ип. л., 385, а именно въ данномъ извѣстѣ терминъ соблюдается весьма строго. Относительно правленія Володислава, еще Карамзинъ, III, 100, указалъ на заискиность его отъ Андрея Угорскаго. Мысль о верховномъ господствѣ угровъ для бояръ честолюбцевъ, очевидно, не была неприятною.

⁴⁾ М., Р. Н. II, 439.

⁵⁾ а съ нимъ многіе Угры, но не русскіе, Ип. л., 534.

личѣ, какъ было оно и въ другихъ русскихъ земляхъ, а исключительная роль его обнаруживалась только при условіяхъ, какія въ другихъ земляхъ отсутствовали; но при этомъ надо замѣтить, что даже угорское сосѣдство и содѣяствіе не были въ состояніи сообщить этому явленію дѣйствительную силу и значеніе.

Соединеніе Галича и Волыни подъ властью Романа составляетъ новый моментъ въ исторіи нашей области. Длительное единство земли было восстановлено, благодаря случайности—прекращенію княжескаго рода Ростиславичей, но историкъ напрасно будетъ искать обнаруженія внутренней розни и разлада между главными составными частями новаго княжества. Даже признака чего-нибудь подобнаго не откроетъ самое тщательное изысканіе. Правда, главный источникъ—Волынская лѣтопись—не даетъ намъ о времени княженія Романа почти ничего: пробѣлъ, ничѣмъ не замѣнимый. Но по всему видно, что вниманіе Романа было обращено не на внутреннія дѣла, ибо борьба съ боярствомъ вовсе не требовала особыхъ усилій, а на внѣшнія. Кіевъ, Польша и начинающая выглядывать изъ своихъ дебрей Литва—вотъ на что направлена вся дѣятельность Романа, и не безуспѣшно: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ общезвѣстное преданіе объ отношеніи его къ Литвѣ, такъ и вполне согласная отмѣтка даты смерти Галицко-Волынскаго князя у польскихъ анналовъ ¹⁾.

По смерти Романа наступаетъ въ Галичѣ смутный періодъ, продолжавшійся цѣлыхъ 37 лѣтъ. Восемнадцать разъ въ теченіе этого времени мѣнялись правители. Лѣтопись отмѣчаетъ этотъ періодъ какъ время „многаго мятежа, великой лести, безчисленной рати“, измлада не дававшихъ Данилу покоя ²⁾. Мы видимъ въ этомъ явное обнаруженіе того вліянія, которое можетъ быть констатировано, но не подлежитъ научному объясненію. Весь этотъ періодъ представляетъ крамолу въ самомъ полномъ смыслѣ слова ³⁾.

Но когда въ 1245 году Данилу удалось наконецъ потушить ее,

¹⁾ *Андришесъ*, Очеркъ, 151, пр. 2.

²⁾ Ип. л., 501, 508.

³⁾ Борьба полна сдѣнь возмутительныхъ, напримеръ, расправа Игоревичей съ боярами и бояръ съ Игоревичами. Замѣчательно, что и послѣ этого не прекратились притязанія Черниговскихъ князей на Галичъ. Это подтверждаетъ мнѣніе *Смирнова*, Судьбы, 28, укладывающаго настоящую борьбу въ старыя рамки борьбы Мономаховичей и Олеговичей. *Данишевскій*, Блж. Д. Г. 46, пр. 1, съ нимъ не согласенъ, по его доказательству—гаданія.

все его вниманіе обращается на то же, на что была направлена дѣятельность его отца. Исслѣдователи единогласно считаютъ главною заслугой Даниила собираніе земли ¹⁾. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Даниилъ шелъ по пути, указанному Романомъ. Вотъ почему слѣдуетъ разглядѣться въ тѣхъ предѣлахъ, на которые могла быть направлена эта дѣятельность.

Въ общемъ они опредѣляются указаннымъ выше направленіемъ стремленій Романа на Польшу и Литву ²⁾.

Русская историческая наука долго не имѣла смѣлости стать на дѣйствительной межѣ русскаго племени. Не говоримъ о нашихъ ученыхъ; даже галицкіе, ближе знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, и тѣ какъ бы не рѣшались сразу стать на этой межѣ. Зубрицкій ³⁾ въ 1837 г. остановился на притокѣ Сана — Вислокѣ. Въ 1849 году онъ долженъ былъ однако ступить шагъ впередъ: не Вислокъ, а Вислоку отъ ея истоковъ до впаденія въ Вислу, а по крайней мѣрѣ до города Бржостка, вынужденъ былъ Зубрицкій, въ виду неоспоримыхъ фактовъ, признать естественною границей русской народности на западѣ ⁴⁾. Еще далѣе пришлось ступить А. И. Д(обрянскому), и опять-таки въ виду неотраимыхъ по своей убѣдительности фактовъ ⁵⁾. Можно думать, что это мнѣніе утвердится въ нашей наукѣ, по крайней мѣрѣ, Барсовъ въ своихъ прекрасныхъ „Очеркахъ“ воспользовался указаніями названныхъ мѣстныхъ ученыхъ. Западная граница „русской народности“ проходила такимъ образомъ „по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до самаго восточнаго угла юнѣшняго липтовскаго комитета“ ⁶⁾. Что граница Руси доходила почти до Кракова (*fines Rus-*

¹⁾ *Дашкевичъ*, Внѣшеніе Д. Г., 59; *Андриашевъ*, Очеркъ, 168.

²⁾ Отношеній на восточныхъ границахъ княжества намъ не зачѣмъ касаться.

³⁾ *Rus do historyi narodu ruskiego w Galicyi.*

⁴⁾ *Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemb.-berg.*

⁵⁾ О западныхъ границахъ подкарпатской Руси со времени св. Владимира. *Журн. Мин. Нар. Прогр.* 1880, III.

⁶⁾ *Н. П. Барсовъ*, Очерки, 112, пр. 198. Что Спашъ, лежащій на восточномъ склонѣ Татръ, отдѣляемый ими отъ польскихъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, но не имѣющій никакой рѣзкой естественной грани на востока, связанный Попрадомъ съ землей Перемышльскою, былъ русскою землей, об этомъ *Добрляскій*, О западныхъ границахъ, 139 сл., 151. Важны ослѣды церковно-религіознаго единенія спашаковъ и перемышлянъ; о немъ „свидѣтель-

sie usque in Cracoa) это подтверждается показаніями древнихъ польскихъ географовъ ¹⁾, слѣдами русскаго вліянія въ самомъ Краковѣ, наконецъ численностью русской Перемишльской епархіи, которая еще въ 1660 году, по доносѣнію папѣ Александру VII латинскаго епископа Станислава Сарновскаго, заключала въ себѣ 3400 приходовъ и 3 милліона душъ; между тѣмъ въ настоящее время, не смотря на увеличеніе населенія, она имѣетъ только 700 приходовъ и 800 тысячъ душъ ²⁾. Здѣсь, въ окрестностяхъ Кракова, русская народность оставилась на естественномъ рубежѣ — Вислѣ, но далѣе, отъ устья Сана, она, безъ сомнѣнія, переходила за этотъ рубежъ. Сандоміръ (Судоміръ) въ глазахъ лѣтописца былъ бесспорно городъ русскій ³⁾. Можно думать, что русскіе жили въ окрестностяхъ Опатова. Въ селѣ Шмелѣ (Радомской губерніи) дѣйствовало русское право и русскіе обычаи до 1505 года, когда они были отмѣнены королемъ Александромъ ⁴⁾, а на правомъ берегу Вислы, въ Казиміръ, существовала православная церковь еще въ XV вѣкѣ ⁵⁾. Мы шли до сихъ поръ по Вислѣ, переходя даже на лѣвый ея берегъ. Присутствіе русской народности на лѣвомъ берегу Вислы отъ устья Сана почти до устья Вепря не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя, вѣроятно, это были отдѣльныя поселенія, крайніе передовые пункты. Если они перешли Вислу, то несомнѣнно должны были опираться на правобережное населеніе. Въ свою очередь среди этого населенія отдѣльными островками должны были съ ранняго времени появляться поселенія польскія ⁶⁾.

ствуютъ древнія преданія и древніе антикисы уцѣлѣвшихъ въ Синодѣ русскихъ церквей, освещенные почти исключительно Самборско-Перемишльскими епископами или даже Кіевскими митрополитами“, *ib.* 157. Не менѣе важны языковыя отличія слишавовъ отъ словаковъ и сходство съ просодіей угорскихъ и галицкихъ русскихъ, именно западныхъ лемковъ, какъ равно сходство съ ними въ одеждѣ, постройкахъ, занятіяхъ и самомъ тѣлосложеніи; *ib.*, 155. О русскихъ въ Карпатахъ и Угорскихъ см. *Я. Головацкій*, *Карпатская Русь*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, VI, стр. 351, пр. 2, и стр. 352, пр. 1.

¹⁾ Выписки изъ нихъ у *Зубрицкаю*, *Gården*, 16 сл.

²⁾ *Ibid.*, 25.

³⁾ *Ип. л.*, 548 и особенно 564.

⁴⁾ *Лонкиновъ*, Червенскіе города, 65.

⁵⁾ Записъ Евангелія святодуховской церкви Иваномъ Шанинкомъ Леонтьевичемъ. *Востоковъ*, *Описаніе Рум.* муз. 185.

⁶⁾ Впрочемъ съ ранняго времени — лишь въ восточномъ углу Перемишльской земли. — До Люблинской земли польская колонизація не могла скоро добраться. Болотистые берега Пилицы, Радомки и лѣсистые гребни свято-врышскихъ горъ должны были въ первое время представлять непреодолимыя препят-

Если обратимъ вниманіе, что въ настоящее время этнографическая граница русскаго племени пролегаетъ по незначительнымъ водораздѣламъ между Вислой, Вепремъ и Вугомъ, то прійдемъ къ убѣжденію, что русское племя отступило нѣсколько къ востоку лишь подъ вліяніемъ нѣкаваго напора, какой представляетъ исторія. Остановка на этомъ водораздѣлѣ была бы явленіемъ совершенно непонятнымъ, ибо здѣсь нѣтъ никакого рубежа, который могъ бы задержать расселеніе. Это впрочемъ признаютъ и польскіе исследователи. „Передовые посты ляхскихъ поселеній“, говоритъ С. Смолька ¹⁾,— „рано проникли до Оава, но были вытѣснены оттуда русскими сосѣдами еще на канунѣ возникновенія исторической Польши ²⁾. Къ сѣверу отъ устья Сава только по самому берегу Вислы нрѣдка ютились малопольскія поселенія; все люблинское плоскогоріе до рѣки Вепря долгое время оставалось пустыней, разграничивающею Польшу отъ Руси“. „Только одна полоса на этомъ пространствѣ“, говоритъ прекрасно изучившій мѣстность Е. М. Крыжановскій ³⁾,— „представляла въ стѣрну удобство для поселеній, именно небольшая область Быстрицы, впадающей въ Вепрь. Положеніе этой области, географическая связь съ страной по Вепрю, оторванность и удаленность отъ Вислы, указываютъ на несомнѣнную первоначальную принадлежность ея тому же населенію, которое заняло пространство между Вугомъ и Вепремъ, а выше устья Быстрицы переходило за Вепрь. Это самое положеніе области показываетъ невозможность въ ней поселеній мазов-

ствія. С. Смолька, Мешко, 15. Въ спискахъ приходскихъ католическихъ костеловъ за 1326 г. на всю территорію нынѣшнихъ Решовскаго и Ясельскаго уѣздовъ насчитывается лишь 18 католическихъ приходовъ, которые расположены на правомъ берегу Вислы, наконецъ, въ самомъ углу между Вислой и Саномъ 9 костеловъ, причитающихся къ Сандомірскому архидіаконату: *Theiner*, M. P., I, 244; *Я. Головацкій*, Карпатская Русь, 363. Ср. также у *К. Стадницкаго*, О росздікасахъ, списокъ католическихъ храмовъ съ половины XIV в. до 1500 г.: въ нынѣшнихъ предѣлахъ Львовской и Черемышльской епархій оныхъ насчитывается всего шесть храмовъ до времени Ягайла. То же слѣдуетъ сказать о Радомскомъ (*Theiner*, ib., 261, 442) и Люблинскомъ (ib., 261, 443) архидіаконатахъ. Замѣчательно: нѣкоторые настоятели, напримѣръ, de Novosawto (не Гродекъ ли?), *Szastoborawicz* (теперь это уже Ченстоборовице), de Bicheva (Выхави) — помѣчены какъ: *inobediens, nunquam solvit*. Врядъ ли это должно объяснять чѣмъ-либо другимъ, кромѣ православнаго сосѣдства.

¹⁾ Мешко, 15.

²⁾ Къ сожалѣнію, Смолька не сообщилъ источника, откуда заимствовано это сужденіе.

³⁾ Забужная Русь, 47.

скихъ или бѣлохорватскихъ⁴. Люблинъ, однако, видимъ въ рукахъ поляковъ. Но до XIII вѣка отношенія его къ Польшѣ были весьма неопредѣленны, иногда своекорыстны и вѣроломны. Только съ этого времени онъ окончательно входитъ въ составъ Польскаго государства¹), но одновременно обнаруживаются притязанія на него и со стороны Романа²). Преждевременная смерть его не позволила осуществиться широкимъ замысламъ, но въ лицѣ Данила они возрождаются снова и, быть можетъ, на нѣкоторое время успѣшно³). Несомнѣнно, подъ властью русскихъ находился Люблинъ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка⁴). Притязанія на него возобновляются даже при Юріѣ Болеславѣ⁵), составляя такимъ образомъ для Руси необходимую, нудящую потребность, отъ которой она не могла отказаться даже тогда, когда во главѣ ея стоялъ человекъ чуждый, даже враждебный интересамъ русской народности. Притязанія были уже во всѣхъ отношеніяхъ запоздалы. Левъ Даниловичъ, заботившійся о Львовѣ, придвинулся ближе къ Кракову безъ всякой пользы, а въ

¹) Мнѣніе *Репелля*, *Исторія*, 295, пр. 16, считающаго показанія смлескихъ хроникъ, умалчивающихъ о Люблинской землѣ, какъ удѣлъ Генриха, наиболее правдоподобными, оспариваетъ *К. Гурскій*, *Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią*, *Przew. lit. i nauk* 1875 г. стр. 576, пр. 3. „Не можетъ быть“, говоритъ онъ, — „въ рѣчи о приобращеніи поляками Люблинской земли между 1138—1205 гг.“. Но въ данномъ случаѣ это косвенное доказательство не выясняетъ положенія, ибо несомнѣнно, до XIII вѣка Люблинъ былъ весьма мало связанъ съ Польшей. Мнѣніе Крыжановскаго, что до этого времени Люблинъ представлялъ своего рода Сѣчь, пріютъ бродячаго и гулячаго люда (*Забужная Русь*, 48), кажется намъ наиболее близкимъ къ истинѣ.

²) „Дайте ми Люблинъ съ землею“, говоритъ онъ посламъ Лешка. *Россійск. Библиотека*, 301.

³) Входитъ ли Люблинъ въ составъ владѣній Данила — вопросъ спорный. Главное свидѣтельство летописи св. Креста, *М. Р. Н. III*, 72: *anno domini 1244 Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succedunt, et castrum pro se edificare ceperunt, et turim muratam fecerunt*, скорее говоритъ о временномъ господствѣ русскихъ. *К. Стадницкій*, *Synowie*, II, прилож., рѣшительно отвергаетъ занятіе Люблина Даниломъ. За нимъ пошелъ *Дашкевичъ*, *Княж. Д. Г.*, 70, пр. 4. Также думаетъ и *Крыжановскій*, *Забужная Русь*, 49. *Линиченко*, *Взаимныя отношенія*, 178, пр. 4, полагаетъ, что „съ 1244 53 г. Люблинская земля оставалась въ какихъ-то вассальныхъ отношеніяхъ къ Руси“. Кажется, это наиболее вѣрно. Во всякомъ случаѣ во второй половинѣ XIII вѣка встрѣчаемъ частыя упоминанія люблинскихъ кастеляновъ въ документахъ князей Краковскихъ и Сандомирскихъ; *Ворей*, *G. P.*, 524, пр. 79.

⁴) *К. Стадницкій*, *ibid.*, 223; *Шараневичъ*, *Исторія*, 119, 122.

⁵) См. выше, 50, пр. 3.

то же время былъ выдвинутъ новый польскій сторожевой пунктъ—Луковъ и затруднены сообщенія южной части Галицко-Владимирской земли съ сѣверною — съ Берестѣемъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ. Во всякомъ случаѣ Люблинъ еще долго оставался городомъ польскимъ лишь официально. Въ немъ находилась вывезенная изъ Кіева святыня, частица древа Св. Креста, и до конца XIV столѣтія въ немъ было не болѣе четырехъ костеловъ ¹⁾.

Если вѣрно замѣчаніе Лонгинова ²⁾ объ отсутствіи указаній на русскій элементъ въ городахъ Люблинской земли, за исключеніемъ самого Люблина ³⁾, то русскія поселенія по Вислѣ (даже на лѣвомъ берегу рѣки) придется объяснять движеніемъ сюда съ юга — отъ Сана. Сухое, почти безводное пространство люблинскаго плоскогорья не могло привлекать поселенцевъ съ восточной стороны ⁴⁾; земли по водораздѣлу между Венремъ и Быстрицей составляли украину; но въ такомъ случаѣ бесспорные признаки господства русскаго элемента въ Люблинѣ, въ связи съ притязаніями на него Галицко-Владимирскихъ князей, получаютъ особенное значеніе и важность. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, при правильномъ ходѣ исторіи, Люблинъ окончательно перешелъ бы подъ власть русскихъ князей; ляхская окраина, охваченная Русью, вошла бы въ составъ земель русскихъ, ибо только по линіи Венря, отъ впаденія въ него Тысьменицы, она упиралась въ сплошныя польскія земли Мавови.

Что касается сѣвернаго Забужья, или пространства между Вислой, Бугомъ и Венремъ (по нижнему теченію его), то оно, по описанію Е. М. Крыжановскаго ⁵⁾, имѣетъ слѣдующій видъ: „Люблинское плоскогорье переходитъ за Венрь на сѣверъ, а здѣсь раздѣляется р. Ливцемъ съ впадающею въ него съ лѣвой стороны Збучинкою на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна идетъ между Ливцемъ и Вислой до самаго сѣвернаго угла ея на Наревѣ; другая, давши ис-

¹⁾ *Лонгиновъ*, Червенскіе города, 83, 88. Позже въ Люблинѣ насчитывалось 30 костеловъ и 19 монастырей, *W. Zieliński*, *Monografia Lublina*, Люблинъ. 1878, стр. 19. Эта многочисленность костеловъ и монастырей лучше всего доказываетъ порубежно-миссіонерское положеніе города; всѣ коренныя польскіе города были святынями.

²⁾ Червенск. города, 126.

³⁾ Но, напримѣръ, о Красницѣ см. *ib.*, 230; только въ 1400 году былъ построенъ здѣсь Тенчинскими латвискій костелъ и подавлены русская народность.

⁴⁾ *Крыжановскій*. Заб. Р., 47.

⁵⁾ *Ibid.*, 76.

токи Ливцу, тянется между Ливцомъ и Дрогичиномъ до Буга. — У Дрогичина плоскогорье, не доходя нѣсколькихъ верстъ къ Бугу, круто обрывается и даетъ мѣсто обширнымъ лугамъ по лѣвому берегу рѣки. Изъ этого плоскогорья берутъ свое начало рѣчки на право и на лѣво, впадающія въ Бугъ и въ Вислу. По лѣвую сторону его, отъ Вепря до Нарева къ Вислѣ, видимъ только малые ручьи, впадающіе въ Вислу и начинающіеся не вдали отъ нея. Посреди плоскогорья течетъ Ливецъ и впадаетъ въ Бугъ, не имѣя на своемъ теченіи никакихъ сообщеній ни съ Вислой, ни съ Бугомъ (кромя своего устья). Иной характеръ представляетъ мѣстность по правую сторону плоскогорья. Она во всю длину и ширину изрѣзана рѣчками и ручьями, впадающими въ Бугъ. Главную артерію этого края составляетъ р. Кросна, съ впадающею въ нее Зелявой и нѣсколькими ручьями, получающими свое начало въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими, впадающими непосредственно въ Бугъ. Эта полоса идетъ отъ р. Влодавы и колѣна Вепря, простирается вглубь края отъ Буга на 70 и болѣе верстъ и къ сѣверу постепенно суживается и тѣснѣе прижимается къ Бугу. Имѣя въ виду способъ и характеръ первоначальныхъ поселеній, можно напередъ сказать, что плоскогорья сами, неудобныя для поселеній, не допустятъ занятія цѣлаго этого края (между Бугомъ и Вислою) однимъ племенемъ и будутъ долгое время служить раздѣломъ между двумя пріютами поселенцевъ по Бугу и по Вислѣ, — что лѣвый берегъ Буга въ этихъ мѣстахъ занять будетъ тѣмъ же племенемъ, что и на правомъ берегу его, которое далеко вглубь края раскинетъ свои поселенія, а по правую сторону Вислы поселенія долгое время будутъ тѣсно жаться къ ней, къ своему роду-племени за Вислой⁴.

И западная часть сѣвернаго Забужья составляла Украйну. Однимъ изъ извѣстныхъ намъ южныхъ ея пунктовъ было „село на Въкрайницѣ именовъ Воинъ“ ¹⁾ (Раднискаго уѣзда). Отсюда она простиралась почти по прямой линіи до Нура, до котораго доходилъ округъ Дрогичина, крайняго сѣвернаго пункта Даниловыхъ владѣній ²⁾. Русскія поселенія здѣсь то двигались впередъ къ сѣверу, то нѣсколько отступали ³⁾. У Визны сходились владѣнія волынскія, мавовскія, ятвяжскія. Главнымъ городомъ страны было

¹⁾ Ип. л., 586.

²⁾ Дашкевичъ, Кляш. Д. Г., 71.

³⁾ Ип. л., 578.

Верестье, сначала принадлежавшее великимъ князьямъ Киевскимъ¹⁾; въ половинѣ XII в. оно перешло къ Волынскимъ, и хотя тѣсно къ Волынской землѣ не примкнуло, но изъ состава ея не выдѣлялось. Русскіе князья обращали бдительное вниманіе на утвержденіе здѣсь русской народности. Со времени Владимира Святого часто были предпринимаемы походы на ятвяговъ, пока наконецъ въ 1256 г. Даниилъ не нанесъ имъ окончательнаго удара²⁾.

Русская народность въ очерченныхъ нами предѣлахъ никогда вполне объединена не была³⁾. Но со времени соединенія Галицкаго и Владимірскаго княжествъ начался объединительный процессъ и полнѣе всего выразился при Даниилѣ. Въ этомъ и заключается главная его заслуга. Много было у Даниила широкихъ плановъ, большая часть ихъ развѣялась еще при его жизни, но закладка будущаго крѣпикаго государственнаго порядка не пропала, скоро перешла въ сознаніе и выразилась не только въ титулѣ послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя, но и въ гораздо болѣе полныхъ значенія, хотя менѣе громкихъ фактахъ, загадочный смыслъ которыхъ разъясняется вполне только сознательными усиліями поддержать созданное единство. „Въ юго-западной Руси и въ Подляшско-Холмскомъ краѣ несомнѣнно совершался тотъ же процессъ созданія русской на-

¹⁾ Принять и притокъ Буга—Мухавецъ составляли естественную связь Верестья съ Киевомъ.

²⁾ *Андриішевъ*, Очеркъ, 42. Ср. библиографическую замѣтку *Н. П. Барсова* на изданіе *П. Н. Батюшкова*, Холмская Русь, 1887, оттискъ изъ *Варшавскаго Дневника*, стр. 10. Въ северномъ Забужьи сходились крайнія северныя поселенія волынянъ съ крайними южными поселеніями дреговичей. На небольшомъ пространствѣ нынѣшней Сяделцкой губерніи изслѣдователи отмѣчаютъ нѣсколько племенныхъ разновидностей, *П. Житцевій*, Очеркъ звуковой исторіи Малор. нарѣч., Киевъ, 1876; Холмская Русь, 1887 г., гл. 1-я. На нашъ взглядъ, признаки этихъ разновидностей нѣсколько преувеличены.

³⁾ Разумѣемъ русскіхъ въ Угорщинѣ, Спешѣ, земляхъ Краковской и Судомирской. Что касается севернаго Забужья, то оно, какъ сказано, таяло первоначально къ Киеву, затѣмъ до окончательнаго включенія его въ составъ земель волынянскихъ, по видимоу къ Турово-Пинскому княжеству (*Андриішевъ*, Очеркъ, 46 сл.). Со времени Романа Галицко-Волыніе князья обращали въ эту сторону особенное вниманіе. О Дрогоичинскомъ округѣ знаемъ, что въ тридцатыхъ годахъ XIII вѣка онъ былъ захваченъ Мазовскимъ княземъ, благодаря, надо думать, смутамъ въ Галичѣ. Въ 1237 году Конрадъ Мазовскій поселилъ здѣсь Добрынскихъ рыцарей (*Watterich*, Gründung d. deutschen Ordenstaates, 119, пр. 239). При Даниилѣ Дрогоичинъ былъ возвращенъ: здѣсь совершилась его коронація.

родности, какъ и въ другихъ мѣстахъ расчлененной на княжескія волости Руси; слагались и крѣпли земщина и ея ядро—община-миръ, подъ охраной княжеской власти, устроительницы земскаго порядка, подъ духовнымъ руководствомъ народной церкви¹⁾.

О времени послѣднихъ Даниловичей мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній знаемъ только, что они оставались князьями Галицко-Владимірской земли, которая, по прекращеніи Данилова потомства, переходитъ къ Юрію-Болеславу почти въ полномъ объемѣ²⁾. По всему можно судить, что связь частей Галицко-Волинской земли укрѣпилась. Данилъ выдвинулъ Холмъ, Левъ—Львовъ, подъ конецъ главнымъ городомъ является старинный Владиміръ; Галицко-Волинская земля составляетъ уже цѣльный организмъ, крѣпость котораго особенно обнаружилась въ разсмотрѣнной нами борьбѣ. Въ первый моментъ ея мы видимъ, что отражаютъ Казимира Димитрій Дѣтко и Данилъ Острожскій, представители галицкаго и волинскаго боярства, напешдіе, однако, въ отраженіи польскаго набѣга общій интересъ.

Подъ 1351 г. встрѣчаемъ у Длугоша любопытный разказъ о двухъ польскихъ измѣнникахъ, старавшихся облегчить литовцамъ переправу черезъ Вислу³⁾. Разказъ заслуживаетъ вниманія, и съ полною основательностью, хотя не безъ наивности, отмѣчаетъ его Зубрицкій: „Иначе“, говоритъ онъ, — „нельзя отстоять славы польскаго народа, какъ допустивъ, что оба измѣнника были русскіе“⁴⁾. И заключительный моментъ борьбы не лишенъ характерныхъ фактовъ. Мы не рѣшаемся указывать на какую-то невѣрность Олехны Дмитровича, за котораго двукратно ручаются князья и бояре русскіе⁵⁾, потому что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о личности и винѣ Олехны не имѣемъ⁶⁾; но нельзя не указать на дѣйствія владѣльца Крупы (около Красностава), не желавшаго подчиниться польскому господству, вводимому Ягайломъ. Въ отдаленномъ по времени отголоскѣ

¹⁾ Н. П. Барсова, Замѣтки, 14.

²⁾ Не принимаемъ въ расчетъ литовскихъ пріобрѣтеній, ибо, въ виду известнаго намъ договора 1351 года, они, собственно, лишь временно нарушали установленный порядокъ. Если потомъ Верестье отошло къ Кейстуту, то это было слѣдствіемъ распредѣленія силъ Гедиминовичей, для болѣе успешной борьбы съ Польшей.

³⁾ Длугошъ, IX, 241.

⁴⁾ Повѣсть, 138.

⁵⁾ Въ 1387 году, при чемъ неустойка 1000 гривенъ, Cod. epist. med. aevi; II, № 11, и въ 1388 г. съ болѣе легкими условіями, Арх. Санг., I, № 11.

⁶⁾ Нѣтъ ихъ и у Голембювскаго, Rapowanie Wład. Jag. 1, 77.

объ этомъ событіи, оно получаетъ совершенно польскій характеръ шляхетскаго самовольства ¹⁾. Такъ ли? Слишкомъ безумнымъ было бы сопротивленіе отдѣльнаго лица, безъ всякихъ болѣе уважительныхъ и глубокихъ причинъ. И пана Крупу мы причисляемъ къ разряду лицъ, въ сознаніи которыхъ крѣпко утвердилась идея Романа и Данила. Она была до такой степени живуча, что воскресала при удобномъ случаѣ даже значительно позже. Подъ 1431 годомъ находимъ у Длугоша разказъ о сожженіи русскими города Буска и переходѣ на сторону Свидригайла державцы Олеска, Богдана Рогатынскаго: „Упомянутый Богданъ“, говоритъ Длугошъ,—„получилъ отъ короля значительныя имѣнія, тѣмъ не менѣе безъ всякой нужды перешелъ къ Свидригайлу“ ²⁾. Конечно, нужда была тою необходимостью, которой не могъ достигнуть Длугошъ. Всѣ эти факты, согласныя съ общимъ ходомъ событій, получаютъ особенно важное значеніе, полны глубокаго смысла, который совершенно пропадаетъ при всякомъ другомъ объясненіи ихъ. Въ этомъ случаѣ исторія земли, объединенной Даниломъ, представляетъ явленіе въ высшей степени достойное вниманія. До недавняго времени даже такіе факты ея исторіи, какъ личность ея послѣдняго правителя, оставались загадкой. Загадка наконецъ, разрѣшилась, но то, что составляло самую сущность внутренней жизни страны, что поддерживало и удержало въ ней жизнь, крѣпость ея состава, выработанная вѣками исторической жизни, осмысленная дѣятельностью такихъ лицъ, какъ Романъ и Данилъ и столь блистательно выразившаяся въ продолжительномъ и упорномъ противодѣйствіи польскому господству, все это пока еще не стало достояніемъ науки и совершенно чуждо нашей общественной мысли. Мы къ сожалѣнію, слишкомъ мало знакомы съ исторіей нашей окраины, а гордый взоръ иноплеменный не хочетъ, да и не въ состояніи замѣтить красоту въ ея „смирненной наготѣ“. Представить полную картину внутренней жизни страны со времени утвержденія въ ней польскаго господства—дѣло чрезвычайно трудное: приходится прокладывать дорогу по цѣлигѣ. Наша попытка является первою, и это, надѣемся, послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ.

1)

Krol Jagiełło bił Krzyżaki,
A pan Krupa chciał być taki;
Na coś porwał się nieboże,
Krupa jagłą być nie może.

Кохановскій.

²⁾ Длугошъ, XI, 449.

Едва ли можно теперь вообразить себѣ даже приблизительно картину полувѣковой борьбы. Сообщенный нами фактический ея очеркъ представляетъ лишь блѣдный перечень главнѣйшихъ ея моментовъ. Всего, что составляетъ ужасъ войны, что заставляетъ народы молиться о ея отвращеніи—кровопролитіе, пожары, опустошенія, нерѣдко полное уничтоженіе мирныхъ плодовъ вѣкового труда—всего этого мы не касались вовсе. А между тѣмъ слѣпая стремительность напора, не отступавшая ни передъ чѣмъ, всемѣрные старанія отразить его, обусловившія такую необыкновенную продолжительность борьбы, даютъ полное основаніе считать ее жестокою и безпощадною, подобно всѣмъ другимъ войнамъ національно-религіознаго характера. Польскіе анналисты сообщаютъ намъ много свѣдѣній о пожарахъ и жестокостяхъ „литовцевъ“ (то-есть, русскихъ), громы негодованія за это металъ на нихъ и Римъ; русскіе источники говорятъ, что поляки „много зло христіаномъ сотвориша“. Если при этомъ вспомнимъ свидѣтельство лѣтописи о татарскихъ набѣгахъ въ концѣ XIII вѣка („учиниша землю пусту всю“), вспомнимъ, что татарскій набѣгъ на Польшу въ 1340 г. наполнилъ ужасомъ Венгрію, то, безъ всякаго сомнѣнія, лишь съ большимъ трудомъ будемъ въ состояніи представить себѣ картину внутренняго состоянія края, и жалобы Владислава Опольскаго на малонаселенность страны ¹⁾ не покажутся намъ удивительными. Гораздо болѣе удивительно, что и теперь, точно также, какъ потомъ, во время набѣговъ крымскихъ татаръ, на мѣсто обращенныхъ въ пепель селъ являлись новыя поселенія, на мѣсто истребленнаго или уведеннаго „добытка“ являлся откуда-то новый „добытокъ“. Шарапевичъ сравниваетъ галичанъ съ муравьями, по тщательности и быстротѣ возстановленія обычнаго теченія жизни ²⁾; Кулишъ видитъ въ нихъ особенную „бытовую энергію“, развитую затрудненіями ³⁾. И дѣйствительно, нельзя не удивляться обилію жизненныхъ силъ страны, которая, по польскимъ извѣстіямъ, оказывала чарующее дѣйствіе даже на Людовика, знакомаго съ берегами Неаполитанскаго залива. Не странно ли, замѣчаетъ Зубрицкій, — ведѣ въ документахъ, рядомъ съ селами, встрѣчаемъ упоминаніе о мельницахъ? Правители подтверждаютъ запро-

¹⁾ Consideratis defectibus gentis, quae in dieta terra Russiae caremus. А. Гр. З., II, № 5; in qua defectus gentis non modiceo patimur, ib., № 4.

²⁾ Шарапевичъ, Рус., 45.

³⁾ Исторія воссодненія, III, гл. 27.

дажу селъ и мельницъ, они же владѣютъ мельницами во Львовѣ, отдають въ аренду треть мельничныхъ доходовъ. Мельницы жалуются церкви и духовенству, какъ вѣрный доходъ. То же съ банями, а гдѣ мельницы и бани составляютъ такую важную и вѣрную статью, надо думать, населеніе и его благосостояніе были не малы ¹⁾). Благословенная страна („kraj błogosławienstwa, kraj niedoli“—такъ навывають ее Шайноха) могла выдержать матеріальныя бѣдствія, по видимому, даже не пострадавъ отъ нихъ; „недоля“ ея сказалаь иначе. Какъ именно—увидимъ сейчасъ. Остановимся прежде всего на фактѣ, который невольно обращаетъ на себя вниманіе и въ то же время рисуется общія отношенія обѣихъ сторонъ — польской и русской. Можно думать, не боясь ошибиться, что за время польскаго владѣчества въ странѣ число документовъ, имѣющихъ къ ней отношеніе до 1483 г., то-есть, до времени окончательнаго ея соединенія съ Польшей, превышаетъ 1000 ²⁾). Изъ этого числа за время до 1506 г. Лисевичъ насчитываетъ всего 47 русскихъ ³⁾). Если изъ этого числа исключить документы Феодора Любартовича и Свидригайла, которые не могутъ считаться представителями польской власти, затѣмъ, изъ общаго числа откинуть документы молдавскіе, какъ равно даваемые православной церкви или выданные духовными лицами, которые, понятно, не приходилось писать иначе, какъ по русски, то число русскихъ документовъ за полтора вѣка сократится почти на половину. Вотъ какой запасъ памятниковъ русской жизни въ русской области сохранился до настоящаго времени отъ польскаго господства! Въ

¹⁾ Kronika miasta Lwowa, 51, пр. 16. О мельницахъ дѣйствительно встрѣчаются упоминанія даже за время Казимира: 1359 г. львовскіе райцы отдають въ аренду плотнику Ульриху мельницу въ Збошскахъ, пожалованную раньше княгиней Анной Львовской богородичной церкви, А. Гр. и З., III, № 7; 1360 г. Казимиръ позволилъ Гинку Солтысу изъ Любуша, „considerata probitate“ основать мельницу, ib., № 11; 1365 г. отдаетъ треть мельницы (то-есть, доходовъ) Копраду изъ Пруссіи, consideratis et inapertis magnis et utilibus servitijs seu laboribus ib., № 14 и т. д. Подвиже различались: 1) molendinae hereditariae civitatum et oppidorum, 2) molendinae hereditariae villarum; 3) molendinae manuales; 4) molendinae ventiles, и соответственно этому взымались разные подати, Шапаневичъ, Рус., 41, пр. 44.

²⁾ За время съ 1340 (?) до 1506 г. Лисевичъ, Ięzyk urzędowy na Rusi Szwabowej 1840—1506, Przew nauk. i lit. 1886 г., насчитываетъ 2000, при чемъ въ однихъ А. Гр. и З.—1200.

³⁾ Изъ нихъ даны: Казимиромъ—2; Владиславомъ Опольскимъ—2; Ягайломъ—9; Феодоромъ Любартовичемъ—9; Свидригайломъ—3.

виду такого факта Я. О. Головацкій ¹⁾ утверждаетъ, что русскіе памятники были истребляемы. Лисевичъ считаетъ такое мнѣніе не заслуживающимъ вниманія, и хотя ничѣмъ фактически его не опровергаетъ.—ибо. если Головацкому и не были извѣстны нѣкоторые изданные позже акты, то число послѣднихъ такъ ничтожно, что врядъ ли измѣнило бы его мнѣніе, то все-таки нельзя не признать, что дѣйствительно нѣтъ никакихъ основаній считать мнѣніе Головацкаго справедливымъ ²⁾. Повиднѣйшимъ польскимъ административнымъ и судебнымъ властямъ не зачѣмъ было уничтожать старыя документы: это могло вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ; проще было требовать ихъ перевода съ русскаго языка и новаго засвидѣтельствованія, что, какъ видно изъ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, и дѣлалось. Слѣдовательно, причину ничтожнаго количества извѣстныхъ намъ русскихъ документовъ, касающихся Галичины, должно усматривать въ другомъ. Она сама откроется намъ, если мы внимательнѣе къ нимъ отнесемъ, а такого отношенія безспорно заслуживаютъ немногія архивныя свидѣтельства, напоминающія о существованіи русскаго элемента въ исконно-русской землѣ. Мы остановимся лишь на тѣхъ, которыя относятся къ переходному времени до Ягайла, какъ наиболѣе характерныхъ. Два изъ нихъ даны Казиміромъ.

1) Въ первомъ (безъ даты) онъ жалуетъ слугѣ своему Ивану три дворища въ Перемишльскомъ округѣ съ землей, лугомъ, ѣзани и ловищами въ полную собственность, безъ всякой службы. Документъ данъ въ Казиміръ, но въ числѣ присутствующихъ былъ русскій бояринъ Глѣбъ Двориковичъ (Дворсковичъ) ³⁾.

2) Другой документъ 1361 г. (въ день св. Іакова въ Сандомірѣ) ⁴⁾, представляетъ подтвержденіе Ходку Выбельскому ⁵⁾ грамотъ на вла-

¹⁾ Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древней Галицко-Владимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ со второй половины XIV вѣка, Наук. Сборн. 1865 г.

²⁾ Надо, впрочемъ, сказать, что Головацкій предполагаетъ истребленіе русскихъ памятниковъ не столько въ отдаленное, сколько именно въ недавнее время. „Г. Люд. Зеленскій“, говоритъ онъ,—,работавшій много въ архивѣ древнихъ гродскихъ и земскихъ книгъ, ... говорилъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ одну книгу (старинную), которая содержала самыя грамоты и акты, по русски писаны. Буда та я книга подѣлась изъ архива, неизвестно“. Ib. III, стр. 182, пр.

³⁾ А. Ю-З. Р., II, № 62.

⁴⁾ А. Гр. и З., I, № 5.

⁵⁾ Въ Перемишльской землѣ это былъ бояринъ самый знатный.

дѣніе землями, данными еще княземъ Львомъ „и иными старыми князьями“. Изъ неофіціальныхъ лицъ въ качествѣ присутствующихъ упоминаются панъ Вербота Ставишинъ, панъ Глѣбъ Дворсковичъ, панъ Васько Кузьмичъ ¹⁾. Другихъ русскихъ памятниковъ личнаго участія Казимира въ имущественныхъ дѣлахъ его русскихъ подданныхъ, нѣтъ.

3) Въ 1359 г. Петрашъ Радцѣвскій покупаетъ у Анны Радивонковой (то-есть, жены Родіона) „дѣдинну и вотнину“ (погѣстава, мельница, корчма, дворища „и со всѣмъ што коли отца еѣ прислушало“) за 40 гривенъ ²⁾. Внуки и родственники Анны не должны вступаться во владѣніе ³⁾. Свидѣтели: панъ староста Русской земли Ота Пилецкій, воевода Цтиборъ, писарь Яшко, затѣмъ слѣдуютъ земляне съ Ходкомъ Выбельскимъ во главѣ ⁴⁾, затѣмъ упоминается Олефѣрко судья, панъ войтъ перемышльскій, гость изъ Угоръ; назначается, гдѣ пить могоричъ (за копу грошей). Писалъ грамоту старостинъ писарь „дьякъ изъ Волестрашичъ именемъ Дьячковичъ“. Въ заключеніе упоминаются, какъ присутствующіе: попъ Петръ и „корчмитъ“ Олехновичъ Семенъ ⁵⁾.

4) Въ 1366 году въ Перемышлѣ ⁶⁾ тотъ же Петръ Радцѣвскій покупаетъ у братьевъ Шюльжичей „дѣдицто Пнекольтъ (Пникутъ) ⁷⁾ съ разными угодьями ⁸⁾ за 100 гривенъ. Продажа совершалась передъ паномъ Пилецкимъ, старостою Русской земли; свидѣтели: владика Ларіонъ, крылошане, панъ Петръ Ивановичъ, панъ Ходко Выбельскій, Стецко и Ходко Лоевичи ⁹⁾, затѣмъ восемь другихъ, они то титулуются словомъ панъ, то итъ; панъ Яшко писарь Крукиницкій... Богданъ Тивунъ, войтъ Перемышльскій „ис мѣстичи“ ¹⁰⁾, судья Орефѣрко, владчинъ тивунъ Иванко Губка. Опредѣляется мо-

¹⁾ Оба послѣдніе—несомнѣнно рускіе.

²⁾ А. Гр. и З., VIII, № 3.

³⁾ Это даетъ основаніе полагать, что ивнѣе составляло ея личную собственность, вѣроятно, приданое.

⁴⁾ Только при немъ—панъ, при другихъ, исключая иносемца Гутарта, итъ.

⁵⁾ Могоричъ, однако, пьютъ не у корчмита, а на дому у Выбицкаго.

⁶⁾ А. Гр. и З., VIII, № 5.

⁷⁾ Въ 1385 г. владѣтелемъ его является уже итакъ Петръ Стрийскій, по-каловацкій его латинской перемышльской кафедрѣ. Ib., VII, № 16.

⁸⁾ Со всѣмъ уездомъ того села и смѣемъ и с колодеземъ и съ лѣсомъ и з бортьми и смепети за рѣкою и съ сѣножатъми в землю того села.

⁹⁾ Всѣ они прикладываютъ свои печати.

¹⁰⁾ Панъ Омегъ Соляничовичъ, Глѣбо и братъ его, Костыко Візна.

горичъ ¹⁾. Писалъ „поповичъ Болестрашицкій именемъ Дьячковичъ Василювъ сынъ поповъ Кость пружвищемъ Сорочичъ“.

5) Въ 1371 г. (?) во Львовѣ ²⁾ Вятславъ Дмитровскій покупаетъ двориче съ землей у Скибичей ³⁾ за 6 копъ грошей вѣснаго серебра. Получивъ деньги, они сдали имѣніе „при пану Влотишевскомъ воеводѣ Львовскомъ“. Свидѣтели: мѣстичи: панъ Кнефль и Михно войтъ Ярославскій; бояре: Петръ Мошенва, Ходко Лоевичъ; попи: Діонисій, попъ Юрко Кроншевичъ, и попъ Лой; сосѣди околнине: Онисимъ; дѣяки: Степанъ Мелеховичъ, Мелентій Буцевичъ, Семенъ Понахидичъ, Иванъ Кузьмичъ; бортники: Пашко, бортникъ изъ Емелна, Юрко Мошничъ, Михно Великопольскій, Голко Залѣскій. — „А выѣдиль ту землю Ходоръ Чюлчичъ, тожъ объѣдиль отъ пана Оты старосты“. Писалъ Грюдковичъ Иванъ въ домѣ Кнефля.

6) Въ 1377 году 26-го или 31-го декабря въ Вахорѣ ⁴⁾ Владиславъ Опольскій ⁵⁾ жалуетъ пустошь Владимиру Волошину въ полную собственность на волошскомъ правѣ, съ обязанностью, по заселеніи, платить съ крестьянина князю два широкихъ гроша. Присутствовали все, по видимому, поляки. Писалъ княжій писарь Костко Болестрашицкій.

7) Въ 1378 г. ⁶⁾ Хонка, жена Васьки Дьяковича съ дѣтьми, внучатами и „со всѣмъ племениемъ“ продаетъ монастырь Балениковъ съ церковью Успенія Перемышльскому протодіакону Ивану Губкѣ ⁷⁾, брату его Федору и ихъ дѣтямъ за 20 гривенъ вѣснаго серебра. Покупаютъ его Иванъ Губка и Федоръ, по благословенію епископа Ларіона, но „тому монастыреви не отлучаться отъ святого Ивана у вѣки; хто коли его купилъ, тому слушати къ святому Ивану“ (то-есть, Перемышльской кафедральной церкви). При этомъ были бояре-земляне: панъ Ходко Выбельскій съ двумя сыновьями—Андреемъ и

¹⁾ „За двѣ гривны вѣсны, и меду за гривну, а пива за гривну“, пить у Андрея Лысаго.

²⁾ А. Гр. и З., VII, № 8.

³⁾ Василя... Гѣнна и въ ихъ сыновца у Оленка... у всехъ трии.

⁴⁾ А. Гр. и З., VII, № 13.

⁵⁾ Называетъ онъ себя здѣсь: Bożęju Miłostiju My kniaź Wołodysław Opol-skou ziemi u Wielunskou z. u Ruskoj z. Hospodar u dtedicx wiessny ziemiain tiet Samoderzec Kniáz... Документъ изъ бумагъ Нарушевича, латинскими буквами переписанъ, надо думать, для него.

⁶⁾ А. Гр. и З., II, № 9.

⁷⁾ См. выше документъ 4-й.

Васильемъ; панъ Глѣбъ Дворсковичъ съ двумя сыновьями Ванькой и Пехномъ; панъ Ивашко Дроздъ, Васко Кузьмичъ, панъ Михаэль Потрутовичъ, панъ Гавріилъ Кодробишевичъ, съ двумя сыновьями, Сеньковича два: Михайло и Ивашко, Стецко Кдешицкій, Игнатко Черневичъ; затѣмъ упоминаются три попа, а въ заключеніи Нестюръ Ценаревичъ¹⁾. Могаричъ за полгривны въ домъ Олеша, „а писаль грамоту Костко дякъ Волестрашицкій“.

8) Въ 1881 г. во Львовѣ²⁾ Дѣтко изъ Зубри вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Альбертомъ, по совѣту „брата своего пана Бруна“, продаетъ лугъ Григорію Давидовскому „за sispaucith seth hrossy“. Присутствовали панъ Михайло Ивановичъ, панъ Яско Мазовшанинъ, панъ Хонко (Ходко) Лоевичъ, панъ Мичко Брунѣ „czhy pan Gorgy Mosszenczicz“. Хотко Грутковичъ и другіе. Продажа совершалась во Львовѣ „у kotokeho Lenola w domu. A pisał Bahran pisar Lwowski“. Подтверждаетъ продажу Андрей староста Русской земли.

9) Въ 1886 г. іюня 27-го³⁾ панъ Михаэль Ивановичъ закладываетъ на годъ имѣніе Осташку Давидовскому, сыну Григорія, за девятнадцать гривенъ съ порукою Ходка Лоевича. Свидѣтели — чиновники⁴⁾:

Наиболѣе интересны изъ перечисленныхъ документовъ — седьмой. Сдѣлка, которой онъ касается, довольно важная. Цѣнность имуществва — 20 гривенъ вѣснаго серебра. Изъ этой суммы 15 гривенъ дается чистыми деньгами, въ уплату остальныхъ 5 гривенъ Губка даетъ шубу, крытую дорогимъ сукномъ, и какъ бы въ придачу еще 12 лисиць, и не смотря на важность сдѣлки, она не носитъ рѣшительно никакого officialнаго характера, заключается сторонами въ присутствіи „добрыхъ людей“, и даже тотъ самый Костко Волестрашицкій, котораго въ другихъ документахъ мы встрѣчали какъ писаря „старостинаго“ или „княжаго“, не рѣшается употребить этотъ official-

¹⁾ Мы выписали всѣхъ присутствующихъ ибо нѣтъ сомнѣнія, что все это русскіе люди: „и сталася торгува межи добрыми людьми, межи бояры и межи крмлошавы св. Ивана“.

²⁾ *Przegl. Archeol.* 1882, стр. 72, № 1. Bozétu Miłostiu, Wielebnoho kniazia Wlakohe Władisława ze ja pan Andrias starosta ruskojej ziemli... все это при составленіи съ датой возбуждаетъ сомнѣнія.

³⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 61.

⁴⁾ Указаннымъ у Лоевича документовъ 1378 г., гдѣ Владиславъ Опольскій жалуетъ Драгоміру и Негрѣ села въ Галиціи округъ, я не имѣлъ возможности пользоваться.

ный титулъ, а называетъ себя лишь „дьякомъ“. Присутствіе „добрыхъ людей“, благословеніе владыки, какъ въ данномъ случаѣ, считаются совершенно достаточною гарантіей. Если обратить вниманіе, что вообще во всѣхъ документахъ официальная сторона какъ бы отодвигается на второй планъ ¹⁾, что даже официальныя обязанности—объѣздъ границъ продаваемой земли—производился предварительно своими, русскими людьми, и потомъ уже какъ бы провѣрялся лицомъ официальнымъ ²⁾, что—надо думать—требовалось покупателемъ полякомъ ³⁾, далѣе, что за официальными засвидѣтельствowanіями и подтвержденіями русскіе, даже значительно позже, вовсе не гонялись ⁴⁾,—придемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что они по возможности уклонялись отъ какихъ бы то ни было столкновеній съ официальнымъ, то-есть, польскимъ миромъ, стараясь рѣшать дѣла между собою, такъ сказать, семейно, примѣръ чего и представляетъ намъ документъ седьмой. „Слишкомъ велика была разниа между учрежденіями, которымъ подчинялось галицко-русское племя, и общимъ складомъ понятій, выработанныхъ въ немъ его собственной жизнью“ ⁵⁾. Съ другой стороны, мы видѣли, какъ утверждалось въ странѣ польское господство: отъ главы католическаго міра поляки постоянно слышали о „схизматкахъ, коварныхъ невѣрныхъ“; временная приостановка

¹⁾ Явственно она выступаетъ лишь въ двухъ: „а продали и уздали ему добровольно и у вѣки дѣтемъ его *передъ* паномъ Пилецкимъ, старостомъ русской земли“ (4); „яко въздали яри пану Влотшескомъ, воеводѣ Ильвовскомъ“ (5); въ третьемъ нашемъ документѣ официальныя лица—староста, воевода и писарь, помѣщены на первомъ мѣстѣ и подъ рядъ, но въ качествѣ лишь свидѣтелей: „а на то послуш“, а не лицъ санкционирующихъ; въ четвертомъ писарь Яшко помѣщенъ заурядъ съ другими, въ числѣ которыхъ, очевидно, по необходимости (такъ какъ сделки заключались между русскими и поляками), видны и инородцевъ.

²⁾ Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать: „а въздали ту землю Ходоръ Чючичъ, тожъ объвдаль отъ пана Оты старосты“ (5).

³⁾ Вацлавъ Дмитровскій, очевидно тотъ же сынъ Жеготы Голуховскаго, который въ 1364 году, по просьбѣ старосты Оты, получилъ отъ Казимира с. Дмитровичи (Львовск. окр.) А. Гр. и З., II, № 2.

⁴⁾ 1455 г. Петръ Свистяницкій въ спорѣ съ Григоріемъ, архіепископомъ Львовскимъ, „*obtulit literam quandam ruthenicalem, que continebat, quod dominus Kmyta capitaneus Russie fecisset granicies, sed non nominat villas... et dominus archiepiscopus dixit: adhuc non detrahendo tue litere, quero a te domine Petre, quare ita dñs cum ista litera *sinitis* et tui antecessores siluerunt per 30 aut 40 et plus annos*“. А. Гр. и З., IV, 163.

⁵⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія, III, 258.

войны вызывала его негодование и давала поводъ къ напоминаніямъ, а постоянныя тревоги и волненія, испытываемыя поляками отъ русскихъ,—какія все это плохія условія для совмѣстной жизни и добрыхъ мирныхъ отношеній! Польскимъ воинамъ и чиновникамъ не было, конечно, дѣла до тѣхъ взглядовъ, которые проповѣдывалъ Римъ, но, съ одной стороны, его представители могли находить удобную почву для распространенія этихъ взглядовъ даже въ массѣ бывшихъ на Руси поляковъ, а съ другой—естественно сложившійся характеръ отношеній польскаго и русскаго элементовъ, даже безъ постороннихъ подстрекательствъ, совершенно не располагалъ къ миру и согласію. Поляки и русскіе должны были смотрѣть другъ на друга какъ на враговъ, и таковы были условія, что ничто не смягчало этихъ отношеній. Вотъ почему Галицкая Русь со времени польскаго завоеванія какъ будто не обнаруживала официально никакихъ признаковъ русской жизни. Рѣдко-рѣдко въ актахъ встрѣчается упоминаніе о русскихъ людяхъ, которые въ виду крѣпкихъ городовъ съ сильными гарнизонами должны были замкнуться въ своемъ тѣсномъ кругѣ, о жизни коего молчатъ польскіе памятники. Это умолчаніе тѣмъ болѣе характерно, что рядомъ идетъ дѣятельность, поражающая своею напряженностью: разныя доходныя статьи, обширныя пространства земли, то съ угодьями, то для заселенія раздаются въ полное наследственное владѣніе, болѣею частью на нѣмецкомъ правѣ, де-Скорничамъ, Лимбирдамъ, Сланчамъ¹⁾, Конрадамъ изъ Пруссіи, Владиславамъ изъ Ленчицкой земли, Фалькамъ, Рейнгольдамъ, Ниноткамъ, Стехерамъ, Датмарамъ; съ ихъ именами мы встрѣчаемся чуть ли не на каждой страницѣ Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, за время до Ягайла. Только чужеродцы и были надежною опорой польской власти; къ нимъ она и обратилась, на нихъ излила всѣ свои милости. Еще на первыхъ порахъ опредѣлилась невозможность мирной совмѣстной жизни поляковъ съ русскими. Программа уничтоженія Руси была формулирована еще Спыткомъ Мельштынскимъ: „Больше всего“, говорилъ онъ, — „возвысило Римъ паденіе враждебнаго Карагена: такъ и мы не будемъ безопасны, пока существуютъ

...¹⁾ Очень сомнительно, чтобы Ничко Сланчъ (А. Гр. и З., II, № 6) былъ полякъ—Слонга, какъ думаютъ издатели актовъ и *A. Stadnicki*, *Ziemia lwowska*.—У Тейнера, М. Р. I, № 820 встрѣчается въ 1368 г. *Henricus et Nicolaus fratres dieti Slancz* вѣстѣ съ пятью другими—все нѣмцы, какъ *cives Vratislavienses*; въ 70-хъ годахъ тотъ же Николай Сланчъ является уже землевладѣльцемъ на Руси.

русскіе; если ихъ не уничтожимъ, сами пропадемъ¹⁾. Вотъ естественное объясненіе характера взаимныхъ отношеній поляковъ и русскихъ. Съ утвержденіемъ въ странѣ польскаго господства, русская жизнь должна была поникнуть, — нечего, слѣдовательно, и ожидать значительнаго числа русскихъ памятниковъ. Если они и были, то хранились, конечно, не въ государственномъ архивѣ. Вотъ почему, судя по массѣ оставшихся отъ того времени документовъ, можно утверждать, соблюдая, по видимому, самую строгую научность вывода, что, просматривая ихъ, кажется, перелистывая документы малопольскіе, а если прибавить къ этому естественно искаженныя въ устахъ переселенцевъ названія мѣстностей, то выводъ, къ которому пришелъ А. Стадницкій²⁾, явится совершенно логическимъ. Кажется, однако, для категорическаго заявленія подобныхъ мнѣній требуется нѣчто большее, чѣмъ наивность или близорукость³⁾. Господство поляковъ въ странѣ было желѣзнымъ, и даже Владиславъ Опольскій, „*patris sectator, indefessus ejus prosecutor*“, былъ, по польскому возврѣнію, не подходящимъ. Привлечь какъ можно больше поселенцевъ, а такими по преимуществу являлись нѣмцы, затѣмъ уже поляки (по крайней мѣрѣ, такъ было въ первое время), сосредоточить матеріальную силу въ ихъ рукахъ—вотъ задача правителей, для которыхъ русскій элементъ былъ все время элементомъ не надежнымъ; потому ко всѣмъ рѣшительно, кромѣ русскихъ, были щедры и милостивы польскіе правители. Пришельцы отлично понимали свое положеніе, и мы видѣли, какъ въ соприкосновеніи съ русскими они выступаютъ на первое мѣсто: мѣстичи Кнефль и Михно являются на первомъ планѣ даже передъ такими русскими боярами, какъ Ходко Лоевичъ⁴⁾.

Такова общая картина положенія русскихъ галичанъ и внутрен-

¹⁾ *Заморогичъ*, Hist. m. Lwowa, 50, цитуетъ по статьѣ *Ант. Добрянскаго* въ *Перемышлянину* 1853 г.

²⁾ См. выше.

³⁾ Это можно утверждать рѣшительно о его выводѣ: „*że nowi osadnicy z sąsiednich ziem polskich w wielkiej liczbie sprawdzani bywali i ziemia lwowska już na początku XIV w. jeżeli nie pierwej (?) znaczną ludność polską i katolicką miała*“, хотя не указано ни одного документа раньше 1350-хъ годовъ: за время Кавмира—два грамоты нѣзъ актовъ: 1355 и 1364 г. и одно пожалованіе 1352 г. Стехерамъ нѣзъ *Kroniki Zubрицкаго*, врядъ ли точное; ср. А. Гр. и З., III, № 25, и II, № 1.

⁴⁾ См. документъ 5-й. Конечно, эти „мѣстичи“—мѣщане, а не крупные помещики, какъ думаетъ *Зубрицкій*, Повѣсть, 136, пр.

нихъ отношеній въ странѣ, со времени утвержденія въ ней польскаго господства. Уничтожить Русь Польша оказалась не въ силахъ, но никогда это стремленіе не обнаруживалось такъ ярко, какъ именно въ первое время ея господства на Руси. Чрезвычайно ясно рисуютъ такое положеніе дѣлъ голые факты приведенныхъ нами документовъ. Намъ остается лишь дополнить общую картину разсмотрѣнемъ отдѣльныхъ частныхъ внутренней жизни страны. Начнемъ съ отношеній административныхъ.

Описавъ первый побѣдоносный походъ Казимира въ 1340 году, Длугошъ заставляетъ его поставить во главѣ страны и города начальниа оставленнаго во Львовѣ польскаго гарнизона ¹⁾. Результатомъ втораго, лѣтняго, похода въ томъ же 1340 году является у Длугоша, какъ извѣстно, голословное заявленіе объ обращеніи Руси въ польскую провинцію ²⁾. Никакихъ другихъ указаній на внутреннія распоряженія Казимира въ якобы занятой имъ Галичинѣ у Длугоша не находимъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ Длугоша пробѣлъ этотъ восполнилъ Кромеръ. „Покоривъ Русь“, говоритъ онъ, — „Казимиръ, въ собраніи русскихъ подданныхъ, обратилъ страну въ провинцію и учредилъ въ ней палатиновъ, кастеляновъ, префектовъ, судей и другихъ чиновниковъ, сообразно польскимъ порядкамъ и установилъ для русскихъ право одинаковое съ польскимъ“ ³⁾. Нечего, кажется, пояснять, что показаніе Кромера представляетъ лишь логическое распространеніе краткаго сообщенія Длугоша объ обращеніи Руси въ польскую провинцію.

На самомъ дѣлѣ съ административнымъ представителемъ польской власти встрѣчаемся во Львовѣ не раньше 1352 года. Таковымъ является нѣкто Авраамъ, „capitaneus Russie“ ⁴⁾. По всей вѣроятности, онъ оставался въ этой должности и въ 1358 году ⁵⁾; впрочемъ вполне точныхъ свѣдѣній о немъ не имѣемъ ⁶⁾. Въ 1359 году „старостомъ русскоѣ землѣ“ является уже панъ Ота Пилецкій ⁷⁾, называемый въ другихъ извѣстныхъ намъ русскихъ грамотахъ „паномъ Пилецкимъ“ ⁸⁾,

¹⁾ Длугошъ, IX, 197.

²⁾ Ibid., 198.

³⁾ Кромеръ, XII, 208.

⁴⁾ А. Гр. и З., II, 2.

⁵⁾ Ibid., пр. 1; но титуловался: capitaneus Lamburgensis.

⁶⁾ Можетъ быть, даже армянинъ, какъ думаетъ Петрушевичъ.

⁷⁾ А. Гр. и З., VIII, № 3.

⁸⁾ Ibid., № 5.

а то и просто „паномъ Отоу“¹⁾. Это—Оттонъ изъ Пильчи, по гербу Топорчикъ²⁾. Въ 1366 году онъ былъ назначенъ воеводой Сандомирскимъ, и въ послѣдній разъ встрѣчаемъ его въ этомъ году при совершеніи известной намъ запродажи имѣнія Пникутъ³⁾. Преемникомъ его былъ Янъ Кмита⁴⁾, остававшійся старостою, по всей вѣроятности, до передачи Людовикомъ Руси Владиславу Опольскому⁵⁾. Въ теченіе семи лѣтъ оставался Владиславъ правителемъ Руси, а потому личность его не можетъ быть для насъ безразличною. Краткая характеристика ея покажетъ намъ, чего могла ожидать Русь отъ Владислава. Подобно своему отцу, Владиславъ, какъ и всѣ тогдашніе силезскіе Пясты, не усматривалъ на родинѣ достаточнаго для себя поприща. Съ Польшею связывала его лишь пястовская кровь, но и та давно вслѣдствіе браковъ была разбавлена кровью иноплеменной. Близкое родство съ мадьярскими Анжуйцами указало Владиславу на ихъ дворъ, какъ самый удобный для исканія счастья, и онъ отправился туда, а благодаря своей оборотливости, скоро добился близости къ Людовику. Если посредничество Владислава въ переговорахъ касательно свадьбы сына императора съ одною изъ дочерей Людовика можетъ быть объясняемо родствомъ посредника, то приказъ, данный Владиславу Людовикомъ—сѣлшить въ Краковъ „ad curatiendum infirmitati regiae“, какъ выражается Янъ⁶⁾, доказываетъ, что Владиславъ къ этому времени пользовался уже полнымъ довѣріемъ своего патрона. Онъ оправдалъ это довѣріе: главнымъ образомъ, благодаря ему было уничтожено завѣщаніе послѣдняго Пяста. Назначая Владислава правителемъ Руси, Людовикъ тѣмъ охотнѣе платилъ за оказанную услугу, что такимъ образомъ

¹⁾ Ibid., VII, № 8, подобно тому, какъ въ латинскихъ: *Othoneque capitaneo Rusie*, ib., III, 34.

²⁾ Ib., III, 34, пр. 2. См. также *М. Дзидушицкий*, *Starostowie ruscy i lwowscy*, Przew. lit. i nauk. 1875 г. Впрочемъ адъеса перечень первыхъ старостъ небрежный.

³⁾ А. Гр. и З., VIII, № 5. Собственно въ актѣхъ онъ упоминается подъ 1359, 1364, 1365 и 1366 гг. Въ виду указанного выше перенѣшенія его въ Сандомиръ онъ не могъ имѣть никакого отношенія къ Руси въ 1370 году, а потому дата Калужняцкаго въ документѣ, ib., VII, № 8, очевидно, не вѣрна, но не можетъ быть вѣрною и дата Зубрицкаго: 1351 годъ.

⁴⁾ Ibid., VII, № 7; упоминается также, ib., IV, 163.

⁵⁾ 10-го октября 1372 г.: А. Гр. и З., III, № 20; ср. *Э. Брейтеръ*, *Владиславъ Опольскій*, Львовъ, 1889, стр. 43, пр. 3.

⁶⁾ М. Р. Н., II, 636.

удачно маскировалось включеніе Галичины въ составъ угорскихъ земель. Въ дѣятельности Владислава на Руси польскіе историки отмѣчаютъ безъ колебанія однѣ лишь положительныя черты. За то все остальное въ его личности и дѣятельности представляется имъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ ¹⁾). Дѣйствительно, Владиславъ былъ авторомъ перваго проекта о раздѣленіи Польши ²⁾). Вообще въ личности новаго правителя Руси было не мало энергіи и предприимчивости, но обнаруживалось полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. Съ одной стороны силезское происхожденіе, съ другой авшуйская атмосфера, въ которой было такъ много простора для широкихъ плановъ, жажды власти и гдѣ не было мѣста ни для какихъ другихъ высшихъ принциповъ, кромѣ династическаго—не могли выработать ничего другаго.—Вотъ какого рода личность назначилъ Людовикъ правителемъ Руси ³⁾). Мы уже говорили, что другаго болѣе подходящаго для своихъ цѣлей человека Людовику нельзя было найти, но уже одно то, что ни разу онъ не употреблялъ Владислава для дѣла чистаго и праваго, сообщаетъ этому назначенію особенный характеръ. Дѣйствительно, развѣ не странно, что человекъ чуждый всякой нравственности является орудіемъ высшихъ цѣлей—интересовъ религіи и культуры! Вѣдь именно съ этой точки зрѣнія правленіе Опольскаго на Руси вызываетъ общія похвалы польскихъ историковъ. Надо, впрочемъ, сказать, что въ этомъ случаѣ имъ плохо удается справиться даже съ

¹⁾ Э. Брейтеръ, Влад. Оп., 235.

²⁾ Каро, III, 125.

³⁾ Галицкіе историки: *Зубрицкій*, Повѣсть, 164; *Шараневичъ*, Исторія, 215 и *Rzeczy Wład. Op. na Rusi, Bibl. Ossol.*, 1864, IV, 266, совершенно неосновательно утверждаютъ, что Галицкая Русь была дана Владиславу въ полную наслѣдственную собственность, какъ бы въ вознагражденіе старшей линіи Писетовъ за потерю польской короны. Правда, папа въ письмахъ къ Владиславу, называлъ Русь: tua terra, *Theiner*, М. Р., 1, 712, а самъ Владиславъ титуловалъ себя, какъ мы видѣли, дѣдичемъ и самодержцемъ, но первое понятно, а противъ титула не зачѣмъ было возражать Людовику, хорошо знавшему сущность вещей, тѣмъ болѣе, что Владиславъ исполнѣ отъ него завистль. Документъ, представленный Владиславомъ Сигизмунду о занятѣ мѣстѣ Топольничанъ на Галицкую Русь доказываетъ только, что Сигизмундъ повѣрилъ поддѣлкѣ; *К. Стадницкій*, *Synowie*, II, 108. Во всѣхъ документахъ государемъ считается Людовикъ, а Владиславъ является лишь правителемъ. Характерно отношеніе поляковъ къ невинно-навному проявленію патриотизма галицкихъ историковъ: *Trudno czytać bez oburzenia, a przynajmniej bez śmiechu w Zubrzyckim, jak usiłuje przedstawić Opolezkyka samodzielnyim władcą Rusi, który wreszcie „zniechęcił się do tej władzy” Дендуніцкій—Przewodni*, 1875 г., 432, пр. 10.

логическими противорѣчіями ¹⁾. Общій характеръ правленія Опольскаго на Руси совершенно вѣрно опредѣлили Брейтеръ по тѣмъ задачамъ, какія преслѣдовалъ въ своей дѣятельности ея правитель: 1) уничтоженіе православія и введеніе католицизма, 2) учрежденіе администраціи, отдѣльной отъ польской, 3) привлеченіе на свою сторону—вѣрнѣе, на сторону Венгріи—населенія и подъемъ его благосостоянія покровительствомъ торговлѣ ²⁾ и 4) главнымъ образомъ, колонизація страны какими бы ни было элементами лишь бы не польскими, а слѣдовательно, по преимуществу нѣмецкими ³⁾. Считаю въ данномъ случаѣ лишнимъ приводить ссылки на документы; всѣ они—а ихъ въ актахъ множество—касаются главнѣйше пожалованія земель инородцамъ для основанія поселеній на нѣмецкомъ правѣ или жалуютъ нѣмецкое право городамъ и селамъ, или наконецъ, представляютъ пожалованія католическому духовенству. Какъ должны были отзываться всѣ эти мѣры на русской странѣ и на православномъ населеніи, нечего, кажется, пояснять... И при Владиславѣ встрѣчаемся съ „русскими старостами“—Викторомъ ⁴⁾, Яшкомъ Радломъ, ⁵⁾, Андреашкомъ ⁶⁾, но конечно, они не имѣли никакого значенія. По удаленіи Владислава ⁷⁾ правителемъ Руси являются венгерскіе намѣстники—Гумпрехтъ, затѣмъ Янушъ, наконецъ Эмерикъ Вебекъ, титулюющій себя по смерти Людовика: „totius Regni Russie capitaneus“. Такой же титулъ употреблялъ и преемникъ Эмерика Андрей.

Такимъ образомъ представителя польской власти въ Галичинѣ встрѣчаемъ не раньше 1352 г., то-есть, лишь съ того времени, когда она, по договору съ Литовскими князьями, была формально передана во временное владѣніе Казимира; до этого времени польская администрація не могла въ ней имѣть мѣста. Что касается роли первыхъ польскихъ старостъ на Руси, то можно думать, что она заключалась въ подтвержденіи или совершеніи разнаго рода гражданскихъ актовъ

¹⁾ Въ отзывахъ польскихъ историковъ о личности Опольскаго эти противорѣчія очень не трудно замѣтить, ихъ набѣжалъ лишь *К. Стадницкій*, *Synowie*, II, но за то онъ выше мѣры идеализировалъ Людовика и Владислава.

²⁾ Речь, конечно, идетъ о городскомъ инородческомъ населеніи.

³⁾ *Э. Брейтеръ*, *Влад. Оп.*, 56—57.

⁴⁾ *А. Гр. и З.*, II, 6, 8.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 11, 12.

⁶⁾ *Ibid.*, VII, 22; VIII, 19, 20

⁷⁾ 13-е января 1379 г., *ibid.*, III, № 27.

и судопроизводствѣ; но было бы совершенно напрасно требовать болѣе или менѣе точнаго опредѣленія круга и объема ихъ власти, какія пытается установить для нихъ Р. Губе, приравнивая власть русскихъ старостъ власти старостъ великопольскихъ¹⁾. Галицкая Русь до самаго 1887 г. составляла предметъ не порѣшеннаго спора и находилась на военномъ положеніи. Главнымъ распорядителемъ здѣсь былъ самъ король; устремившій на нее все свое вниманіе и силы. Она поэтому можетъ быть названа „королевщиной“, какъ и называютъ ее нѣкоторые²⁾, но лишь въ такой мѣрѣ, какъ и всякая другая область, занятая войсками и находящаяся все время ихъ пребыванія въ полномъ, по условіямъ военного времени, совершенно не ограниченномъ распоряженіи ихъ верховнаго начальника, то-есть, государя. Въ такомъ именно положеніи оставалась Галицкая Русь все время при Казимірѣ, потому что все время продолжалась борьба. Собственно говоря, положеніе не измѣнилось и при Людовикѣ, но стало какъ бы постояннымъ, обычнымъ для Галицкой Руси. Во всякомъ случаѣ съ 1372—1387 гг. она не имѣла никакого отношенія къ Польшѣ. Правленіе Владислава представляетъ замаскированное, а правленіе Маріи совершенно открытое господство угровъ. По окончательномъ присоединеніи Галицкой Руси къ Польшѣ, старостой русскимъ является Янъ Тарновскій, воевода Сандомірскій. „Можно бы отсюда заключать“, говорятъ издатели Актовъ Гродскихъ и Земскихъ, — „что при Ягайлѣ, по присоединеніи Руси Ядвигой, земля эта не составляла ни отдѣльнаго воеводства, ни отдѣльной провинціи, а была присоединена къ воеводству Сандомірскому“³⁾. Но и это предположеніе врядъ ли основательно, хотя, по видимому,

¹⁾ *R. Hubs*, Wyrok lwowski roku 1421, Варшава 1887 г., стр. 29: sąd zostający pod kierunkiem starosty, w rzeczywistości jest zupełnie co do składu swego takim samym sądem, na jaki w tych czasach natrafiamy w Koronie, a zwłaszcza w Wielkopolsce.

²⁾ *Отулицкій*, О монетахъ галицко-русскихъ, цитуюмъ по Горжацкому, Pełnienie, 102.

³⁾ А. Гр. в З., II, 28, пр. 1. „Кажется“, продолжаютъ издатели актовъ, — „это вытекаетъ и изъ документа 1388 г., ib., № 17, въ которомъ Русь называется districtus terra; nec non civitas, Lamburgensis. Съ этимъ замѣчаніемъ не согласенъ Дядушинскій, Starostowie; такъ какъ 1) нѣтъ на это прямого указанія; 2) присоединеніе большей части къ меньшей было бы явленіемъ „удивительнымъ и даже уродливимъ“. Мы тоже не согласны съ издателями актовъ, но по другимъ соображеніямъ. Что касается „уродливости“ явленія, то слѣдуетъ замѣтить, что такую представляеть не одна область, а вся Польша, по соединеніи ея съ Литвой-Русью.

оно можетъ находить подтвержденіе въ томъ, что послѣ короткаго промежутка времени, когда старостой русскимъ былъ Гѣвощъ изъ Далевницъ (1393—1395 гг.)¹⁾, видимъ опять во главѣ страны того же воеводу Сандомирскаго Япа Тарновскаго (до 1401 г.)²⁾. Но дѣло вотъ въ чемъ: если при Казимирѣ Галицкая Русь, по естественному складу вещей, зависѣла непосредственно отъ короля, то Ягайло никоимъ образомъ не могъ смотрѣть на нее иначе какъ на „королевщину“. Мы видѣли, что дѣйствія малопольскихъ пановъ въ 1387 г. вызвали неудовольствіе Ягайла, который затѣмъ распоряжается галицко-владимирскимъ наслѣдіемъ вполне произвольно, видѣлая изъ него части то для князей Мазовскихъ, то для Свидригайла, то для Ѳедора Любартовича. Вотъ почему съ 1401—1407 гг. въ Галицкой Руси даже не встрѣчаемся со старостами, и затѣмъ съ 1407 до 1434 г., когда, по включеніи Руси въ составъ земель польскихъ, староста Янъ Менжикъ сталъ первымъ русскимъ воеводой, встрѣчаемъ шесть лицъ³⁾, поочередно смѣняющихся на должности старосты русскаго, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ титулуются то *capitaneus Russie generalis*, то большею частью просто *capitaneus Russie* или *terre Russie*, то наконецъ только *capitaneus Lamburgensis*⁴⁾.

Быстрая смѣна правителей Галицкой Руси, какъ равно и то, что даже титулъ ихъ не былъ официально установленъ, показываетъ, что они были лишь временными намѣстниками короля, смѣнялись по его усмотрѣнію, или иначе, что Галицкая Русь съ 1387 до 1434 г. составляла личное достояніе польскаго государя; „королевщину“, которую онъ, какъ мы видѣли, и распоряжался совершенно произвольно. Такое отношеніе страны къ Польшѣ опредѣлялось, конечно, уже не военнымъ положеніемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что государемъ Польши былъ великій князь Литовскій. Надо впрочемъ замѣтить, что поляки не имѣли никакихъ основаній быть недовольными такимъ положеніемъ вещей. Потому ли, что Ягайло былъ ре-

¹⁾ А. Гр. и З., III, 106.

²⁾ Ibid, III, 111, 146, 147.

³⁾ Флоріана изъ Корытницы, Ивана изъ Обихова, Петра Мельштинскаго, Смытла Тарновскаго, Петра Владковича изъ Хѣрбиновичъ и наконецъ Яна Менжика изъ Домбровы.

⁴⁾ Такъ титулуется Иванъ изъ Обихова: А. Гр. и З., VII, 61, IV, 82, 92, 93; no 102: *Jvone de Obichow Capitaneo Russie*, и даже только *capitaneus lamburgensis*, ib, 80, 83. Тоже и Флоріанъ: IV, 60, 69, 71, называется *capitaneus lamburgensis*, а ib., 75—*capitaneus terre Russie*.

негатъ, или потому, что онъ былъ слабъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но несомнѣнно, никто больше его не сдѣлалъ за русской народности въ Галичинѣ. Мы видѣли, какъ поступилъ онъ въ Перемишлѣ; онъ же, какъ сказано, дотировалъ Холмское епископство; ему же обязанъ львовскій капитулъ и учрежденіемъ, и богатымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, а въ 1430 г. онъ предоставилъ Львовскому архіепископству всѣ права и вольности, какими пользовалось архіепископство Гвѣзненское¹⁾. Въ Львовской епархіи имъ построено было 24 приходскихъ костела; въ Перемишльской больше 30²⁾. Благодаря его безумной щедрости, поляки получали обширныя земельныя пожалованія, такъ что Едлинское постановленіе относительно Галицкой Руси является, безъ всякаго сомнѣнія, результатомъ ховявичанья Ягайла въ своей „королевщинѣ“.

Постараемся теперь опредѣлить хотя въ общихъ чертахъ положеніе и роль отдѣльныхъ классовъ русскаго общества въ Галичинѣ, по занятии ея поляками. Начнемъ съ высшаго. Ярославская битва 1245 г. считается обыкновенно концомъ видной роли галицкаго боярства. Несомнѣнно однако, что высшій классъ русскаго общества былъ и послѣ, и долженъ былъ быть; въ большей или меньшей мѣрѣ, классомъ руководящимъ. Время по смерти Данила слишкомъ темно, чтобы можно было сколько-нибудь опредѣленно судить о внутреннихъ отношеніяхъ страны. Съ значительною вѣроятностью можно однако полагать, что сломленное боярство не могло скоро оправиться. Известная намъ грамота Андрея и Льва 1316 г. и первая двѣ грамоты Юрія Болеслава 1325 и 1327 гг. не подписаны боярами; князья, слѣдовательно, дѣйствовали самостоятельно. Последнія двѣ грамоты того же князя, 1334 и 1335 гг., подписаны: первая — *baronibus nec non comilitaribus*, вторая — *dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque*. Но весьма можно затрудниться, кого изъ подписавшихся слѣдуетъ отнести къ тому или другому разряду, и вообще имѣли ли дѣйствительное значеніе эти разряды. Если баронами считать палатиновъ (воеводъ), то надо все-таки сказать, что мы рѣшительно не знаемъ, въ чемъ состояло ихъ положеніе и значеніе. Врядъ ли это были тѣ воеводы, о которыхъ говоритъ Зубрицкій, какъ объ „уѣзд-

¹⁾ Д. Гр. и З., IV, № 79.

²⁾ Я. Головацкий, Карпатская Русь, Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, VI.

ныхъ земскихъ судьяхъ", хотя бы и уголовныхъ ¹⁾. Въ своей „Хроникѣ Львова“ ²⁾ онъ называетъ ихъ „niższego rzędu officialści sądowi“, а таковыя ужъ никоимъ образомъ не могли быть призываемы къ княжескому двору и составлять княжю раду. Вагилевичъ ³⁾ не соглашается съ Зубрицкимъ, но на основаніи лишь тѣхъ же грамотъ Юрія Болеслава. Съ другой стороны, указанныхъ „воеводъ“ ⁴⁾ нельзя считать воеводами въ повдѣйшемъ смыслѣ этого слова. Подписи въ грамотѣ 1339 г. даютъ основаніе предполагать одно изъ двухъ: или русскій высшій классъ отшатнулся отъ Юрія, или послѣдній рѣшился идти на проломъ, не обращая ни на что вниманія. То и другое одинаково могло вести къ катастрофѣ, постигшей печальной памяти послѣдняго Галицко-Владимірскаго князя. Съ другой стороны, если въ концѣ XIV вѣка выдвигаются знатные роды на Волыни, происхожденіе которыхъ большею частью темно, если, далѣе, вкладная запись Юрія Даниловича „Холмскаго“, величавшаго себя такъ, по весьма вѣроятному предположенію Лонгюва ⁵⁾, по мѣстному происхожденію, какъ потомъ Острожскіе, Збаражскіе и другіе, можетъ давать нѣкоторое основаніе предполагать, что и это явленіе зародилось скорѣе на галицкой, чѣмъ на собственно волынской почвѣ, то во всякомъ случаѣ его нельзя приводить въ связь съ старымъ галицкимъ боярствомъ и его традиціями. Это явленіе новое, получившее не малую поддержку въ мѣстныхъ смутахъ и безурядицахъ конца XIV и начала XV вѣка ⁶⁾. Такимъ образомъ за весь темный періодъ правленія послѣднихъ Даниловичей мы ничего опредѣленнаго о положеніи и роли боярства сказать не можемъ. Но несо-

¹⁾ Повѣсть, 136, пр. 38.

²⁾ Стр. 38.

³⁾ А. Гр. и З., III, 15.

⁴⁾ Напримѣръ, воевода Цтиборъ, А. Гр. и З., VIII, № 3. „Воеводи“, упоминаемые въ грамотахъ за время польскаго господства, были, по всей вѣроятности, городовые подстаросты, бургграфы, А. Гр. и З.: V, 72: *Præsalus... woyewoda castri Leopoliensis*, и ib, 87: *Præzlae Burgrabio castri Leopoliensis*. Но иногда рядомъ съ бургграфами существуютъ воеводы; въ такомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ считать ближайшими помощниками старостъ. Вообще ихъ положеніе не ясно; ср. Р. Губе, Wyrok, и Яс. Лиске, Kilka uwag o sądownictwie szeregowej poturkiskiej, *Kwartaln.*, 1888, III.

⁵⁾ Лонгюво, Грамоты Юрія II, *Чтенія* 1887 г., II, 39.

⁶⁾ Напримѣръ, извѣстные намъ Выбельскіе, у Окольского и Насецкаго являются уже князьями, потомками римскаго рода Вибулусовъ, бывавшихъ изъ Рима при Юліи Цезарѣ, *Наук. Сборн.* 1865 г., IV, 266 сл.

иѣнно оно существовало и должно было составлять высшій классъ, наиболѣе богатый, наиболѣе вліятельный. Въ тяжелую годину галицкой жизни, во время нашествія Казимира, мы видимъ двухъ бояръ, давшихъ врагу энергичный отпоръ, обратившихся за содѣйствіемъ къ татарамъ и на нѣкоторое время значительно охладившихъ завоевательный пылъ Польскаго короля. Нѣтъ такимъ образомъ никакихъ основаній отвергать иѣннѣе Ржезавка ¹⁾, что бояре или, какъ онъ выражается, „bojarské vojevody“ при Юрія Волеславѣ начинаютъ поднимать голову. Польское завоеваніе должно было захватить галицкое боярство лишь на первой стадіи его стремленія къ образованію политически-вліятельнаго класса. Такъ или иначе, высшій классъ на Руси долженъ былъ быть; онъ могъ не составлять установившейся политической силы, но онъ долженъ былъ обладать матеріальными средствами, будучи классомъ землевладѣльческимъ, долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ нравственнымъ вѣсомъ. Землевладѣльцевъ русскихъ было, можно думать, не мало, если нѣкоторые пожалованія даже во Львовѣ еще 1378 г. приходилось дѣлать главнымъ образомъ въ ихъ присутствіи ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ—такъ сказать, въ провинціи—приходилось обходиться при ихъ посредствѣ еще значительно позже ³⁾. Мы видимъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ намъ по подписямъ на перечисленныхъ русскихъ документахъ русскихъ бояръ и землянъ при дворѣ Казимира, въ свѣтъ князя Владислава, — да и какъ могло быть иначе? Но среди сплошнаго дождя всевозможныхъ пожалованій иновземцамъ, какими ничтожными каплями должны показаться немногія пожалованія, выпавшія на долю русскихъ! ⁴⁾

¹⁾ Часов., 140.

²⁾ А. Гр. и З., VIII, № 13, гдѣ, за исключеніемъ двухъ оенціальныхъ лицъ, все русскіе: Андрей Дадковичъ, Ходко Выбельскій, Глазь Дворсковичъ, Ходко Лосвичъ, Dignasco (?) Дворсковичъ.

³⁾ Съ русскими землевладѣльцами—„дѣдичами“: Васькомъ Войтицимъ и Иваномъ Дзюдзомъ Ступницимъ еще въ 1425 (?) разграничивалъ староста Самборскій Владекъ городскія земли отъ монастырскихъ, А. Гр. и З., VI, I, № 14.

⁴⁾ Ходку Лосвичу, въ 1375 г., villam nostram Choszdzecz (колом. окр.), А. Гр. и З., V, № 8; Васку Топтуковичу, въ 1375 г., villas nostras Strzelicze (жидич.). Witzbraz (Вербраж?), et Mikaitinicze (колом.), Ibid. № 10; въ 1416 г. Ягайло увеличилъ это пожалованіе новыми землями, Ржищесскій, Cod. d. Pol., I, № 34, Глазбу Дворсковичу, въ 1375 г., villam nostram Byskowusze (перем.), А. Гр. и З., VIII; № 9. Столь часто упоминаемый въ качествѣ присутствующаго Ходко Выбельскій—важное лицо среди русскихъ; имя его обыкновенно стоитъ на первомъ мѣстѣ,

Высшіе классы обыкновенно примыкаютъ къ власти, составляютъ ея опору. Не то было въ Галичинѣ. Особеннаго старанія со стороны высшаго галицкаго класса заслужить милости новыхъ правителей не видно. Въ Актахъ Гродскихъ и Земскихъ за рассматриваемое время часто мелькаетъ имя Ходка Быбельскаго. Это былъ знатный перемышльскій бояринъ, владѣвшій весьма значительными имѣніями не только въ Перемышльскомъ, но и въ Городенскомъ и Тереховльскомъ округахъ. Очень былъ оборотливъ панъ Ходко: служилъ Казимиру и получилъ, какъ мы видѣли, отъ него подтвержденіе на владѣніе имѣніями, бывалъ часто при дворѣ князя Владислава, столь же усердно служилъ уграмъ при Эмерикѣ Бебекѣ, впоследствии, когда Бѣльская земля досталась Сомовиту Мазовскому, Ходко заглядывалъ и къ нему ¹⁾, и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ названныхъ правителей не оцѣнилъ его усердія: панъ Ходко до смерти не исправлялъ никакой должности и не былъ въсканъ милостями правителей. Другихъ знакомыхъ намъ по тѣмъ же подписямъ русскихъ бояръ встрѣчаемъ очень рѣдко ²⁾.

Послѣ сказаннаго выше, думаемъ, не надо объяснять причину этого, по видимому, страннаго явленія. Объ отношеніи Польши къ Руси мы имѣемъ одно темное извѣстіе—въ лѣтописи Выговца ³⁾, повторяемое Стрыйковскимъ ⁴⁾. Извѣстіе это говоритъ о какой-то рѣвнѣ русскихъ бояръ, учиненной поляками въ Перемышлѣ. Въ новѣйшихъ польскихъ сочиненіяхъ она объясняется или такъ, что Казимиръ хитростью овладѣлъ Перемышлемъ ⁵⁾, или даже такъ, что послѣ успѣ-

а гдѣ онъ является вмѣстѣ съ митрополитомъ Антоніемъ—непосредственно послѣ него (*ibid.*, II, 6, 7; VIII, 14; IX, 1.); но онъ не удостоился, кажется, никакихъ милостей. Только при Ягайлѣ въ 1406 г. сыновьямъ его, Андрею и Григорию, была подтверждена грамота Казимира отъ 1361 г., переведенная при этомъ на латинскій языкъ, я даны земельныя пожалованія, *ibid.*, V, № 27. Въ документѣ оба брата названы *indivisi*, а такъ какъ дѣлежи входятъ во всеобщее употребленіе лишь позже (*Шараневичъ*, Рус, 68 пр. 9 и 10), то съ большою вѣроятностью въ совѣстномъ владѣніи Быбельскихъ можно видѣть не малорать, а древній русскій обычай.

¹⁾ *Анат. Лесницкій*, *Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla*, Перемышль. 1881, стр. 122.

²⁾ Въ латинскихъ документахъ А. Гр. и Э. встрѣчаемъ пана Ходка приблизительно 13 разъ, Глѣба Дворсковича—6, Ходка Лоевича—3, Ваську Тентаковича—2, Ваську Кузьмича 1 разъ.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ II, 282.

⁵⁾ *А. Лесницкій*, *Obrazki*, 104.

ховъ 1249 г. онъ совалъ бояръ въ Перемышль, особенно наиболѣе ему враждебныхъ, и „вынудилъ у нихъ уступки въ пользу польской короны, а также, можетъ быть, и въ пользу низшихъ классовъ“ (11) ¹⁾. Последнее объясненіе особенно характерно: только что передъ этимъ, задавая себѣ вопросъ о правдивости извѣстія, Горжицкій отвѣчаетъ: „Кажется да, ибо въ противномъ случаѣ врядъ ли рѣшился бы литовскій хронистъ бросить въ глаза польскимъ панамъ подобныя укоры“. Трудно не согласиться съ справедливостью этого заключенія. Конечно, даже съ точки зрѣнія средневѣковаго искусства „управлять“ поступокъ Казимира врядъ ли могъ быть названъ „дегальнымъ и разумнымъ“ ²⁾, но нельзя не признать, что подобный поступокъ соотвѣтствовалъ тому характеру польско-русской борьбы на галицкой почвѣ, какимъ она должна была отличаться въ первое время. Казимиръ показавъ себя сразу, а русскіе бояре, какъ мы видѣли, не остались глухи къ данному имъ уроку. Они запомнили его твердо и за немногими исключеніями ³⁾ тщательно избѣгали сношеній съ представителями польской власти. Обратимъ теперь вниманіе на пожалованія польскихъ правителей полякамъ и всевозможнымъ иноземцамъ со включеніемъ даже жидовъ ⁴⁾. Вездѣ жалуемое имѣніе называется въ нихъ „villa nostra, villa ducalis, villa regalis“, вездѣ нѣтъ упоминаній о прежнихъ владѣльцахъ. Это замѣтилъ еще А. Стадницкій, полагая, что всѣ эти земли были прежде княжескими, а по завоеваніи стали королевщинами. Такое объясненіе весьма мало соотвѣтствуетъ характеру борьбы. Конечно, княжескія земли стали королевщинами, но нельзя не предполагать значительнаго числа конфискацій обычныхъ послѣ завоеванія, а тѣмъ болѣе послѣ такого завоеванія. Мы это не предполагаемъ, а прямо утверждаемъ. Говоря о набѣгѣ татаръ на Русь 1442 г., Длугошь ⁵⁾ кончаетъ такъ: „польскіе бароны, добившись у короля пожалованія городовъ и сель

¹⁾ К. Горжицкій, *Родзекіе*, 81.

²⁾ *Ibid.*, 82.

³⁾ Трудно рѣшительно обвинять пана Ходка въ искательствахъ у поляковъ: русскіе его не чуждались, и онъ пользовался у нихъ полнымъ довѣріемъ. Не исполнялъ ли Ходко тяжелой, но неизбѣжной роли посредника? То обстоятельство, что онъ, какъ извѣстно, не получалъ никакихъ милостей, косвенно подтверждаетъ нашу догадку. Въ такомъ случаѣ и пана Ходка слѣдуетъ отнести къ числу лицъ, не поранившихъ своего русскаго имени.

⁴⁾ Пожалованіе села Вербижа (Щирецкаго округа) жиду Волчку, А. Гр. и З., II, № 46 и 48.

⁵⁾ XII, 683.

на Руси (то-есть, въ Галичинѣ) и въ Подоліи, изгоняли оттуда жителей и дѣдичей (*antiquos incolas et haeredes*), и тѣ, угнетаемые бѣдностью и нуждой, доводимые до отчаянія, бѣжали къ татарамъ и приводили ихъ опустошать земли, изъ которыхъ были изгнаны¹. Можно ли проговариваться такими вещами лишь для поученія? Конечно, нѣтъ... Сто лѣтъ спустя послѣ перваго движенія Казимира на Русь, она все еще продолжала быть ареной возмутительныхъ насилій, практикуемыхъ не только надъ безправнымъ низшимъ классомъ, но и надъ классомъ владѣльческимъ! Что же было при Казимирѣ? Прямаго подобнаго Длугошевскому заявленія источники не даютъ, а прикованные къ документамъ, мы не смѣемъ дать волю воображенію. Ограничимся фактами, констатируемыми самими поляками. „Не прошло и пятидесяти лѣтъ, а не осталось и слѣда того кичливаго червонорусскаго боярства, которое еще въ 1340 г. фактически управляло страной“, говоритъ К. Горжицкій²), и это замѣчаніе можно понимать даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ А. Левицкій указываетъ только три старыхъ удѣльвшихъ до нынѣ галицкихъ дворянскихъ рода — Красицкихъ, Дрогоѣвскихъ и Шенцицкихъ³); всѣ остальные, существующіе въ Галичинѣ въ настоящее время, связались съ нею лишь послѣ ея завоеванія поляками и, какъ опора новой власти, явились сюда изъ-чужа. Что случилось съ русскими боярами, объ этомъ можно судить предположительно; предположенія, однако, получаютъ значительную долю вѣроятности, при сопоставленіи судьбы бояръ, оставшихся вѣрными народности и вѣрѣ въ другихъ мѣстахъ русскаго и литовскаго міра, гдѣ Польша не имѣла того права вполне неограниченно распоряжаться, какимъ пользовалась въ Галичинѣ. Цѣлый рядъ такихъ бояръ былъ низведенъ поляками сначала въ разрядъ путныхъ, а потомъ и холоповъ. Ихъ имена пропали для исторіи безслѣдно. Папроцкій, Велендекъ, Нѣсецкій, старательно списавшіе фамиліи всѣхъ окатоличившихся родовъ литовско-русскихъ, не обмолвились про нихъ ни единымъ словомъ³). Такъ и останутся они въ русской исторіи нѣмыми, но тѣмъ болѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ русскаго героизма и самоотверженія.

¹) *Poljszenie*, 82.

²) *Obrazki*, 124.

³) См. XIV т. Автовъ Виленской археографической комиссіи и предисловіе, XXI, пр. 2.

Такъ сказалося польское господство на высшемъ классѣ; что же говорить о вліяніи его на тѣ классы, которые ужъ рѣшительно никакъ не могли улесться въ рамки польскаго и западно-европейскаго общественнаго строя. Таковы были упоминаемые въ пятомъ документѣ бортники и дьяки. Первые въ скоромъ времени перестаютъ существовать, какъ свободный классъ. Ихъ участки стали собственностью помѣщиковъ ¹⁾. Дьяки, связанные съ церковью, быть можетъ, нѣсколько долѣе бортниковъ удержали свое положеніе, по крайней мѣрѣ, еще при Ягайлѣ встрѣчаемъ дьяковъ—Сѣико, Льонѣ ²⁾,—получающихъ пожалованія съ правами и обязанностями дѣдичей.

Постепенно и они должны были пасть жертвой новыхъ условій и порядковъ. До какой степени эти порядки были разрушительны, лучший примѣръ представляетъ судьба мелкихъ земельныхъ владѣтелей, дворничанъ ³⁾. Дѣло въ томъ, что этотъ классъ русскаго общества довольно близко подходилъ къ мелкому шляхетству, которое наполняло Великую Польшу и Мазовію, и слѣдовательно, не столь, по видимому, рѣзко отступалъ отъ строя польской общественной жизни. Мелкіе землевладѣльцы Западной Руси впослѣдствіи сослужили не малую службу полякамъ въ подготовительномъ процессѣ политическаго сліянія Польши и Литвы, но при первомъ столкновеніи своемъ съ Русью Польша обнаружила столь мало ассимиляціонной силы, до такой степени враждебно и разрушительно было ея вліяніе на Галицкую Русь, что этотъ классъ русскаго общества въ значительномъ числѣ долженъ былъ обратиться въ крестьянъ, слѣдовательно, несвободныхъ. Короли, въ своихъ пожалованіяхъ помѣщикамъ, молча или прямо включали сюда и прилегающія дворнища, предоставляя такимъ образомъ дворничанъ произволу крупнаго владѣльца. Какъ поступали послѣдніе—видно изъ посягательства Яна Чебровскаго на Петра Сороку, набѣжавшаго на этотъ разъ своей печальной участи только благодаря тому, что Мартынъ Романовскій заявилъ передъ судомъ подъ присягой, „что указанный Сорока не крѣпостной, а свободный владѣлецъ земли, дворничанинъ“ ⁴⁾.

¹⁾ *Шараневичъ*, Русь, 70, пр. 13.

²⁾ *Ibid.*, 69: дьякъ Льонѣ въ 1391 былъ пожалованъ за военные заслуги.

³⁾ Точное опредѣленіе дворнища находимъ въ пожалованіи Владислава Опольскаго Ламбарду: *unus fundus, in quo solus residet, qui in polonico dicitur dworzisko*, А. Гр. и З., II, № 5.

⁴⁾ *Шараневичъ*, Русь, 70—71, пр. 16; годъ не указанъ, но Мартына Романовскаго *de Swugsch* встрѣчаемъ въ числѣ присутствующихъ въ актѣ 1464 г. А. Гр. и З., IX, 94.

Безъ этого; можно думать, Петръ Сорока сталъ бы крѣпостнымъ пана Чебровскаго; ибо и крѣпостные порядки стали на Руси явленіемъ всеобщимъ лишь со времени польскаго господства. О положеніи крестьянъ въ Галичинѣ при русскихъ князьяхъ можно судить по двумъ документамъ. Одинъ—пожалованіе княземъ Львомъ Тутеню и Монтеьку села Добаневичи ¹⁾; другой извѣстенъ намъ лишь въ приведенномъ выше подтвержденіи Казиміромъ въ 1361 г., Ходку Выбельскому его владѣніи ²⁾. Въ обоихъ документахъ крестьяне прямо не называются, но по первому, можно думать, на нихъ лежали обозначенныя въ документѣ повинности (поборы и работы); винны и головничество указываютъ на право суда владѣльца. Въ другомъ о крестьянахъ не упоминается вовсе ³⁾, что весьма важно, такъ какъ первый документъ касается передачи села князю. Если оно и не было заселено княземъ челядью, то во всякомъ случаѣ полная власть князя (если подъ головничествомъ разумѣть власть судебную) не можетъ еще служить бесспорнымъ доказательствомъ такой же власти частныхъ владѣльцевъ, а передача этого права лицамъ, нарочито вышаннымъ самимъ княземъ, не можетъ представлять явленія зауряднаго. Если же въ подтвержденіи частнаго владѣнія, при всей подробности обозначенія владѣльческихъ статей, не встрѣчаемъ яснаго и опредѣленнаго указанія на отношенія къ крестьянамъ, то кажется, съ значительною вѣроятностью можно предполагать, что по русскимъ порядкамъ право суда надъ крестьянами, живущими на землѣ владѣльца, не соединялось съ пожалованіемъ ему земли ⁴⁾.

¹⁾ А. Ю.-З. Р., II, № 60 и А. Гр. и З., I, № 4. Документъ безъ даты и свидѣтелей. Село Добаневичи (Перемышльскаго округа) залуется: „съ землею. съ сѣножатни съ гаѣ съ дубровами. съ рѣкою. и ставомъ, испотоки. искрипични. со оусьми поборы. исвинами. съ головничествомъ (въ А. Ю.-З. Р.: головничествомъ?) и серномъ. искосою. исманомъ. со оусьми ужити. какъ еси сам. держалъ.“

²⁾ А. Гр. и З., I, № 5: то все есмо потвердили, непорушно на вѣки служъ нашому вѣрному Ходкуи Выбельскому, и дѣтен его, со всеми обеады тыхъ дедин, што тут писаны сун, со всеми границами яко изъ вѣка, вѣчно прислушало к тымъ селамъ, съ землею, съ сѣножатни, съ гаѣми, съ дубровами, съ дѣсоицъ, съ бортици, съ пчоломи, съ болоты, съ рѣками, съ мыты, съ ловищи, съ потоки, дамици и путяци, со всеми ужити што нынѣки сун, и ното могутъ быти...

³⁾ Путяци — вѣроятно, путная повинность, какъ въ Литвѣ путные бояре; дамици—быть можетъ, *damnum terrestre*?

⁴⁾ Шараневичъ, Рус., 59, пр. 90, въ примѣръ судебной власти владѣльца приводитъ Самборщику Смытка Мельштынекаго; но дѣло въ томъ, что Смытко

Вообще въ Галичѣ къ половинѣ XIV вѣка коренныя формы русской жизни остаются въ полной силѣ. Если въ чемъ Галичъ опередилъ другія западно-русскія земли, оставшіяся подъ литовскимъ владычествомъ, то развѣ въ томъ, что наследственность земель утвердилась здѣсь еще при русскихъ князьяхъ¹⁾; поэтому въ земельныхъ спорахъ нерѣдко ссылались на старыя грамоты, на опредѣленныя въ нихъ границы, на старыя люди. Но даже въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ оговорки, съ требованіемъ согласія государя на переѣмы въ имущественномъ владѣніи²⁾.

Громадный наплывъ иноземцевъ не остался безъ вліянія. Не связанные съ страной искатели наживы стремились къ возможно скорому обогащенію, отсюда частые переходы земель изъ рукъ въ руки. Они окончательно упрочили безусловное владѣніе землей, послѣ чего продажа и вообще сдѣлки по имѣніямъ совершаются не передъ старостой, а въ земскомъ судѣ; но они же свидѣлствуютъ, что система новыхъ владѣльцевъ въ рассматриваемое нами время заключалась не въ правильной, а въ хищнической эксплуатаціи. Вотъ почему, если до 1483 г. землевладѣльческія права отличались отъ польскихъ, хотя обязанности владѣльца, по естественному порядку, должны были ложиться на крестьянъ, то еще болѣе должна была усиливаться ихъ тяжесть указанная система земельной эксплуатаціи. Послѣ Единской конституціи вся тяжесть повинностей падала на крестьянъ. Кромѣ поборовъ натурой (куры, яйца, сыръ, три четверти ржи и овса), они должны были исполнять всѣ работы.

Когда вѣтвѣ дѣдичъ сталъ по отношенію къ крестьянамъ въ положеніе государя, онъ получилъ право налагать новые поборы —

владѣлъ на княжескихъ правахъ, почему, какъ указано выше, и называлъ русскихъ князей своими предшественниками. Пожалованіе Казиміромъ Рашова Палославу въ 1354 г. (*Рижическій*, Cod. dipl. Pol., I, № 119), равно какъ пожалованіе Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г. братьямъ Дмитрію и Ивану (*Грабовскій*, Zrodła, I, 141) не даютъ въ данномъ случаѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, потому что соединяются съ Магдебургскими правами; въ другихъ земельныхъ пожалованіяхъ Владислава на новыхъ владѣльцевъ налагается главнымъ образомъ обязанность военной службы, а крестьяне отдѣльно за себя вносятъ въ казну по 2 гроша широкихъ (богемскихъ) ко двю св. Мартина (А. Гр. и З., V, 9, 14; VII, 15, 18 и др.); но въ то же время въ пожалованіи Казиміромъ Жеготъъ: *Kmethones vero ipsius eorum nullo (respondebunt). nisi eorum suo domino et herede, ib., II, 4.*

¹⁾ *Шараневичъ*, Рус., 61, считаетъ это не подлежащимъ сомнѣнію.

²⁾ *Nostro tamen ad hoc consensu speciali accedente*, А. Гр. и З., II, № 6.

натурой и деньгами; является „поголовщина“, но при этомъ, хотя дьяла и серебшязна уничтожены, прежнія данн — еще отъ временъ русскихъ князей — праздничное и куница — остались ¹⁾.

Мы говорили объ отношеніи правителей Галицкой Руси къ иноземцамъ.

Иноземный элементъ долженъ былъ сосредоточиться главнымъ образомъ въ городахъ. Уже при Казимірѣ волной хлынула въ Галичину нѣмецкая колонизація: 1200 семей поселились во Львовѣ, который за время съ Казимира до XIV вѣка называется у Зиморовича нѣмецкимъ ²⁾. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ Владислава Опольскаго было, какъ извѣстно, покровительство той же нѣмецкой колонизаціи. Богатство страны и ея выгодное географическое положеніе — между западной Европой и Черноморскимъ побережьемъ — давно сосредоточили здѣсь значительный контингентъ предприимчивыхъ иноземцевъ, число которыхъ должно было особенно увеличиться при Данилѣ, а подъ конецъ XIII вѣка нѣмцы начинаютъ играть роль даже во Владимірѣ ³⁾. Не мало было въ Галичинѣ армянъ ⁴⁾ и жидовъ. Весь этотъ чужеродный элементъ, преданный одной лишь наживѣ, вносилъ въ русскіе города нравственное растлѣніе. Но при русскихъ князьяхъ онъ не могъ быть столь опасенъ просто потому, что не имѣлъ той воли и того простора, какіе открылись для него при польскомъ владычествѣ. Зло, несомнѣнно вносимое этимъ элементомъ, должно было въ значительной мѣрѣ ослабляться, какъ крѣпостью русскаго общественнаго строя, такъ и воздѣйствіемъ власти. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при Данилѣ, когда Галицкая Русь принимала дѣятельное участіе въ оживленной торговлѣ ⁵⁾, можно думать, не исключительно въ пользу поселившихся въ ней инородцевъ, но и къ выгодѣ кореннаго населенія. Польское владычество и на русскіе города оказало такое же вліяніе, какъ на другія стороны русской жизни. Документы открываютъ намъ такую же кипучую дѣятельность польскихъ правителей: городамъ дается нѣмецкое право, на нѣмецкомъ же правѣ основывается множество селъ и

¹⁾ *Шараневичъ*, Русь, 67.

²⁾ *Каро*, III, 59, пр. 1.

³⁾ *Ип. лѣтоп.*, 596.

⁴⁾ По Зиморовичу армяне выстроили себѣ каменную церковь во Львовѣ въ 1363 г., но вѣроятно, и раньше былъ здѣсь армянскій храмъ, *Зубрицкій*, *Кроника*, 39.

⁵⁾ *Дашкевичъ*, *Княж. Д. Г.*, 80 сл. и прр.

новыхъ поселеній, и все это лишь затѣмъ, чтобы дѣйствительнѣе ослабить и даже вовсе уничтожить силу кореннаго населенія. При пожалованіи нѣмецкаго права Львову въ 1356 году Казиміръ выражается такъ: „Желая всѣми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію города, даемъ ему нѣмецкое право, устраняя совершенно права и обычаи русскіе, каковы бы они ни были, такъ какъ они обыкновенно лишь мѣшаютъ и нарушаютъ право нѣмецкое“¹⁾). Правда, даже король какъ особенную милость предоставляетъ армянамъ, жидамъ, сарацинамъ, русскимъ и другимъ пользоваться своими правами; но не трудно понять, каково могло быть это пользованіе, по крайней мѣрѣ со стороны русскихъ, въ присутствіи городского адвоката и при общемъ настроеніи, принудившемъ Владислава Опольскаго въ 1372 г., при пожалованіи тому же Львову земли, сдѣлать ясную оговорку, что и русскіе имѣютъ право пасти на ней лошадей и скотъ²⁾), хотя ни жида, ни сарацина не требовали такой специальной оговорки. Русскіе еще долго потомъ исключались изъ магдебургскаго права. Такъ въ 1406 году Ягайло даетъ, съ этимъ условіемъ, магдебургское право селамъ Годовичи и Жидатичи³⁾). То же видимъ въ его пожалованіи жиду Волчку 1423 года⁴⁾). Нѣсколько лѣтъ спустя между этимъ же Волчкомъ и крестьянами пожалованнаго ему села Вербижа возникли недоразумѣнія⁵⁾), разрѣшенныя великимъ маршаломъ короннымъ, Лиомъ Олесницкимъ, не въ пользу крестьянъ. При пожалованіи грамоты городу Буску въ 1411 году прямо сказано, что ни одинъ русинъ не могъ курить вина и приготавливать солодъ⁶⁾).

Вотъ въ какое положеніе поставило русскихъ галичанъ польское владичество. Мы назвали его желѣзнымъ, но кажется, и это слово далеко еще не выражаетъ всего ужаса дѣйствительности, невольно поражающей даже при томъ поверхностномъ сопоставленіи фактовъ, какіе сведены нами въ настоящемъ очеркѣ. Представляемое поль-

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 5.

²⁾ Ibid., № 21.

³⁾ Ibid., II, № 83: volumus insuperque tantum Poloni, Theutonici et homines nostre fidei jure prescripto gaudere debeant et potiri.

⁴⁾ Ibid., № 42: eximimus insuper, absolvimus et perpetuo liberamus kmethones et omnes incolas ville predictae (Вербижъ) Catholicos dumtaxat ab omni juris dicione чиновниковъ.

⁵⁾ Ibid., № 53. Изъ крестьянъ названъ Чурило. Документъ со многими по вреденіями.

⁶⁾ Шараневичъ, Русь, 94, пр. 65.

скими исследователями въ столь идеальномъ свѣтѣ, польское владѣтельство не оставило, какъ мы видѣли, ни одной стороны русской жизни ея правильному и свободному развитію. Во всемъ произошелъ крутой, возмутительно насильственный переворотъ. Удивительно ли, что прямымъ слѣдствіемъ его были тѣ явленія, которыя впоследствии освѣтили Польшу такимъ кровавымъ блескомъ, хотя и разыгрались за предѣлами Галичины? Подъ 1469 годомъ Длугошъ упоминаетъ „о многочисленномъ войскѣ татаръ изъ бѣглыхъ грабителей и изгнанниковъ, которыхъ они, на своемъ языкѣ, называли казаками“. Откуда брались эти изгнанники, показываетъ приведенное выше свидѣтельство того же Длугоша о доведенныхъ до отчаянія галицкихъ и подольскихъ жителей и дѣдичахъ, вынужденныхъ бѣжать къ татарамъ, благодаря дѣйствіямъ поляковъ. Казалось, на древне-русскомъ займищѣ Владимира Святаго все было разрушено поляками. Но прирожденной связи и они не въ силахъ были разорвать: Галицкая Русь все время носила исключительное названіе Руси, а историкъ, старающійся проникнуть во взаимныя отношенія западно-русскихъ земель, не можетъ не указать на постоянную, живую и тѣсную связь Карпатскаго Подгорья съ Поднѣпровьемъ ¹⁾.

И. Филевичъ.

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, III, гл. 27.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Биографія Александра Ивановича Кошелева. Томъ I. Молодые годы Александра Ивановича. Книга I. Родъ Кошелевыхъ.—Очеркъ движенія образованія и преимущественно журналистики съ XVIII в.—Культурное значеніе Москвы. Книга II. Воспитаніе и первоначальная служба Александра Ивановича Кошелева. Изданіе *О. Ф. Кошелевой*. М. 1889.

Н. П. Колюпановъ, извѣстный своими статьями по земскимъ вопросамъ и своею дѣятельностью въ костромскомъ земствѣ, предпринялъ написать обширную біографію Александра Ивановича Кошелева, недавно вышедшія двѣ первыя части которой составляютъ предметъ нашей статьи. А. И. Кошелевъ былъ человѣкъ основательно образованный, какіе нерѣдко встрѣчались въ нашемъ высшемъ дворянствѣ конца XVIII и начала XIX в.; онъ принадлежалъ къ литературнымъ кружкамъ 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, былъ редакторомъ Русской Весѣды, Весѣды, газеты Земство, предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности, но болѣе извѣстенъ своею практическою дѣятельностью, въ особенности когда онъ участвовалъ въ земскихъ собраніяхъ и когда былъ министромъ финансовъ въ царствѣ Польскомъ. Понятно, что біографія такого лица можетъ быть очень интересна, особенно потому, что неизбежно должна быть соединена съ исторіей славянофильства, при зарожденіи котораго Кошелевъ участвовалъ, и о которомъ мы мало знаемъ, ибо И. С. Аксакову не удалось исполнить своей мысли — написать исторію своего кружка. Н. П. Колюпановъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дневникъ Кошелева и его обширную переписку, что придаетъ еще большее значеніе его книгѣ.

Сообщивъ своему сочиненію характеръ исторіи кружка, авторъ предпослалъ своему изложенію цѣлый томъ введенія, заключающій въ себѣ очеркъ умственнаго движенія съ XVIII вѣка—исторіи высшаго образованія, журналистики, театра, литературныхъ кружковъ и обществъ. Нѣсколько страннымъ кажется то, что такой способъ изложенія принятъ для біографіи лица, не бывшаго главнымъ дѣятелемъ въ умственномъ развитіи своей эпохи, да и вообще было бы лучше раздѣлить два сочиненія и сдѣлать исторію умственнаго развитія предметомъ отдѣльнаго обсужденія: тогда она могла бы явиться полнѣе и цѣльнѣе. Такъ, наприимѣръ, исторія поэзій почти совершенно отсутствуетъ въ книгѣ: Пушкинъ поминается только мимоходомъ, Державина совсѣмъ нѣтъ и т. д. Отсутствуетъ также очеркъ научныхъ свѣдѣній,—лишь только за движеніемъ философской мысли слѣдитъ авторъ; объ ученыхъ обществахъ встрѣчаются свѣдѣнія самыя краткія, а говорится только о кружкахъ литературныхъ (масоновъ и мистиковъ можно отнести сюда, да и о нихъ говорится болѣе по случаю журналистики). Книга имѣетъ характеръ двойственный: съ одной стороны, авторъ старается представить общую связь различныхъ направленій въ умственной жизни; съ другой — сочиненіе его имѣетъ характеръ бібліографическій. Авторъ главнымъ образомъ слѣдитъ за развитіемъ мысли и въ этомъ отношеніи представляетъ много интересныхъ замѣтокъ. Таковы, наприимѣръ, заключенія о мистицизмѣ (I, 161—195; II, 287—289), и въ особенности различіе западнаго и восточнаго мистицизма (I, 391—392), отвѣтъ г. Скабичевскому по вопросу объ отношеніи стараго къ новому (II, 96). Скажемъ, что вообще авторъ часто высказывается за объективность и старается провести ее въ своемъ изложеніи: таковъ его отзывъ о Карамзинѣ, котораго онъ считаетъ не ретроградомъ, какъ многіе, а умѣреннымъ либераломъ; доказываетъ даже, что Пнинъ, котораго такъ высоко ставятъ въ послѣднее время, шелъ не дальше Карамзина (I, 128). Конечно, роль Карамзина могла быть опредѣлена и шире, но и за то спасибо. Много интереснаго въ сужденіяхъ автора о масонахъ (I, 161 и слѣд., и въ другихъ мѣстахъ), объ оптимизмѣ (I, 103), о сентиментальности (I, 104), о 1812 годѣ и заграничныхъ походахъ (I, 378 и д.), о значеніи Москвы, къ которому авторъ не разъ обращается (I, 15—20, 577 и д.), о славянофилахъ (II, 162 и д.), о русскомъ дворянствѣ (II, 169—173). Къ этимъ послѣднимъ замѣткамъ мы еще вернемся. Во всѣхъ этихъ замѣткахъ, какъ и въ попыткѣ представить въ связи явленія умственной жизни, видѣтъ

человѣкъ мыслящій, воспитанникъ Московскаго университета того хорошаго времени, когда въ немъ надо всѣми преобладало философское настроеніе. Къ чести автора мы должны прибавить, что онъ не остался на точкѣ зрѣнія 40-хъ годовъ и во многомъ сблизился съ славянофилами, чему, вѣроятно, въ значительной степени способствовала его практическая дѣятельность.

Не довольствуясь общими очерками, авторъ придалъ своему сочиненію, какъ мы уже сказали, характеръ библиографическій. По этому поводу онъ говоритъ въ предисловіи: „Я былъ очень поверхностно знакомъ съ исторіей русской литературы и въ особенности журналистики, гдѣ Александръ Ивановичъ занимаетъ видное мѣсто... Перечитавши по возможности все, что было написано по этому предмету, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучать старую журналистику по источникамъ... Я самъ сознаю“, говоритъ онъ далѣе,—что это совершенно сырой матеріалъ, который легко можно было бы значительно сократить, представивши его въ сжатой и рельефной картинѣ, но эта дальнѣйшая переработка лежала внѣ прямой моей задачи, для нея я не имѣлъ времени“. Нельзя не пожалѣть, что авторъ поторопился со своею книгой: еслибъ онъ отдѣлилъ ее отъ биографіи, то могъ бы расположить иначе матеріалъ и многое изъ текста отослать въ приложения и примѣчанія, что онъ и теперь дѣлаетъ, но не въ достаточной мѣрѣ. Прежде, чѣмъ перейдемъ къ ознакомленію читателей съ содержаніемъ самой биографіи, укажемъ на замѣченныя погрѣшности, частью печати, а частью и описки. Авторъ сдѣлалъ и самъ много дополненій, указавъ значительное количество опечатокъ, но далеко не всѣ. Укажемъ тѣ погрѣшности, которыя могли замѣтись при отсутствіи книгъ; разумѣется, замѣтки свои не выдаемъ за непогрѣшныя. Авторъ, кажется, ошибается, приписывая Московскому университетскому пансіону такую особенность, что воспитанникъ могъ выбирать предметы ученія (I, 22); сколько мы знаемъ, учебныя заведенія XVIII вѣка дѣлились на школы, то-есть, отдѣленія по предметамъ: ученикъ по одному предмету могъ быть въ 4-мъ, а по другому во 2-мъ классѣ и выходилъ по нѣкоторымъ предметамъ съ minimumъ познаній. Вотъ почему въ „Спискѣ кадетъ Шляхетскаго корпуса до 1762 г.“ обозначено, что именно пройдено воспитанникомъ изъ каждаго предмета; указаніе на школы существуетъ, если не ошибаемся, въ известномъ сочиненіи А. С. Воронова объ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Скажемъ кстати, что въ характеристикѣ покойнаго

опущена черта, замѣченная Загаринымъ въ его превосходной книгѣ о Жуковскомъ, именно—пятнадцатъ, развившійся подъ вліяніемъ Антоновскаго. Трудно сказать, чтобы существовало общество приученія себя къ пыткамъ, о которомъ говоритъ Корбъ, но къ вѣку Екатерины оно отношенія никакого не имѣетъ (I, 9). Переводилъ ли Карамзинъ „Юлія Цезаря“ съ Латурнера—сказать нельзя (I, 96): въ „Письмахъ русскаго путешественника“ приведенъ по англійски знаменитый монологъ Лира. Кстати о Карамзинѣ: не указано вліяніе на него Руссо; не въ Руссо ли слѣдуетъ искать начало сентиментальности? Верто (I, 169) не нѣмецъ, а французъ; его историческія сочиненія очень цѣнились въ свое время, а нѣкоторыя перепечатаны и въ новое время въ „Petits chefs d'oeuvres historiques“. Чѣмъ извѣстенъ въ литературѣ Дудышкинъ, писавшій въ журналъ Невзорова: Другъ иношества? Намъ сдается, не смѣшая ли онъ съ извѣстнымъ критикомъ С. С. Дудышкинымъ, жившимъ гораздо позднѣе. К—а К—а въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. не можетъ быть К. К. Павлова, еще въ 30-хъ годахъ бывшая дѣвицею Янишъ. Поэма Хераскова называется „Бахаріана“, а не „Базаріана“ (I, 272); О. Чацкій не могъ говорить рѣчи на открытіи Кіевскаго университета (II, 293), а говорилъ ее на открытіи Кременецкаго лицея. Авторъ слишкомъ довѣряетъ Посову, составителю „Хроники русскаго театра“, хотя и предостерегаетъ противъ него (I, 350): развѣ можно допустить при Алексѣѣ Михайловичѣ существованіе пьесы: „Праздники Улада“ (I, 318), хотя бы Уладъ и былъ упомянутъ въ „Синописѣ“? Языческое содержаніе пьесы не могло быть допущено при московскомъ дворѣ того времени. Говоря о Загоскинѣ и Грибоѣдовѣ, авторъ приписалъ Загоскину: „Притворную невѣрность“ и „Кто братъ, кто сестра“ (I, 489), которыя въ другомъ мѣстѣ правильно приписаны Грибоѣдову (II, 163); „Хаджи-Вабу“ писалъ не Мирье (I, 528), а Моріеръ. „Пустыниковъ“ журнальныхъ, кажется, нельзя называть путешествіями (I, 536): это сборники правоописательныхъ статей. Указывая въ Отечественныхъ Запискахъ повѣсть: „Висаврюкъ“ авторъ не сказалъ, что ее писалъ Гоголь (I, 556); статья о Монголіи за подписью Л. едва ли принадлежитъ естествоиспытателю Іовскому (I, 578), а скорѣе архимандриту Іоакиму. Свѣтланой правильно названа (I, 567) А. А. Воейкова и неправильно М. А. Мойеръ (II, 3); „Прокаженный города Аосты“ писанъ не гр. Морисомъ (II, 261), а Ксавье де Местромъ. Поэма О. Н. Глинки называется „Карелія“, а не Карелина (II, 322), и говорится въ ней о Марѣѣ Іоанновнѣ, матери царя Ми-

хана Θεодоровича, а не о Марей посадницѣ. Эпиграфъ Отечественныхъ Записокъ Краевского: „Beatae planae aures“ не изъ Горация (II, 172), а изъ какого-то средневѣковаго писателя. „Приключенія маркиза Г.“ — сочиненіе не д'Аржаиса (II, 334), а аббата Прево, автора „Мавонъ Леско“; „Сенъ-Марсъ“ — не д'Арленкура, а Ал. де Виньи (II, 334). Романъ Лесажа „Густавъ Альфарашъ“, а не Альфертъ (II, 344); романъ г-жи Монтолье „Швейцарскіе замки“, а не земли (II, 347). „Бѣглець“ только приписанъ Вальтеру Скотту, а не его сочиненіе (II, 366); повѣсть Джонсона: „Расселесъ“, а не „Рапелесъ“ (II, 367); романъ Вальтера Скотта не Родъ-Рой (тамъ же), а „Робъ-Рой“. „Приключенія Родерика Рандома“ не Фильдинга, а Смолетта, что слѣдовало бы замѣтить, если даже переводчикъ и приписалъ романъ Фильдингу. Поденщину, а не „Поденщикъ“ издавалъ Тузовъ, а не Туховъ (II, 275). „Федонъ“ принадлежитъ Платону, а не Сократу (I, 78). Кстати о Платонѣ. Перевода Карпова вышло не два, а три тома, и появились они впервые въ 40-хъ годахъ (I, 416). Θ. Θ. Сидонскій выбранъ въ 1865 году на кафедру философіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а кафедру богословія онъ получилъ позднѣе, по выходѣ проф. Полсадова (I, 416). Говоря о сокращеніи преподаванія логики (I, 461), авторъ могъ бы прибавить что въ 1846 году оно было совсѣмъ отиѣнено. Мы могли бы привести еще кое-что, но остановимся и только укажемъ, что авторъ, отиѣтилъ въ опечаткахъ при II томѣ, что у него во многихъ мѣстахъ вмѣсто Фесслеръ напечатано Фишеръ, а въ опечаткахъ при I томѣ только разъ отиѣтилъ, что вмѣсто Попугаевъ стоятъ Португаловъ, и это смѣшеніе повторяется не разъ. Читатель, признавая большіе труды автора, поблагодаривъ его за библиографическія примѣчанія и приложения (перечень важнѣйшихъ переводовъ до 1830 г., содержание Русскаго Вѣстника, Сына Отечества 1812—1816 г., программы Велланскаго и т. д.), не можетъ однако не замѣтить, что, посвятивъ болѣе труда этому очерку и отдѣливъ его совсѣмъ отъ біографіи, авторъ оказалъ бы болѣе цѣнную услугу нашей еще не богатой исторіи умственнаго движенія¹⁾.

Переходимъ къ біографіи А. И. Кошелева. Въ біографіи Кошелева поражаетъ болѣе всего то, что и онъ, и друзья его (Кирѣевскій, Веневитиновъ, Хомяковъ) получили обширное образованіе на клас-

¹⁾ Мы дитовали в 1-й, в 2-й томы только въ отношеніи библиографическомъ, тамъ болѣе что примѣчанія и къ 1-му тому находится въ 2-мъ.

сической основѣ: многіе изъ нихъ хорошо знали по гречески, и всѣ интересовались философіей. Средствъ къ образованію было тогда меньше, чѣмъ теперь, а между тѣмъ мы видимъ, что отцы ихъ были очень образованные люди. Отчего же теперь ученыхъ, и даже очень основательныхъ, гораздо болѣе, а образованныхъ людей сравнительно (особенно если принять во вниманіе число грамотныхъ), быть можетъ, не болѣе, чѣмъ прежде, и классическое образованіе, не смотря на всѣ старанія привить его, находится въ упадкѣ? Вопросъ этотъ очень интересенъ, но рѣшеніе его заходитъ за предѣлы нашей статьи. Можемъ только припомнить, что съ конца 40-хъ годовъ сложилось убѣжденіе, будто для насъ полезнѣе образованіе реальное. Важнѣйшимъ проявленіемъ этого направленія была бифуркація гимназій въ 50-хъ годахъ. Затѣмъ началось литературное движеніе въ пользу реального образованія. Когда снова введено было образованіе классическое, оно встрѣтило уже укоренившійся предрасудокъ, неудовлетворительность учебниковъ (на что не разъ указывалъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), малое число хорошихъ учителей, а преобладаніе, данное тонкостямъ грамматическимъ надъ знакомствомъ съ литературой, не способствовало къ его искорененію¹⁾.

Успѣхи людей начала настоящаго столѣтія авторъ приписываетъ учителямъ изъ эмигрантовъ. Конечно, между ними были люди образованные, и такіе попались въ семействахъ, за судьбою которыхъ слѣдилъ авторъ; но большинство французскихъ учителей, наѣхавшихъ къ намъ въ то время, были совершенно иного рода. Стоитъ вспомнить, съ одной стороны, іезуитовъ, а съ другой—тѣхъ несчастныхъ гувернеровъ, которыхъ Пушкинъ обезсмертилъ въ „Онегинѣ“:

Monsieur l'abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шута.

Кажется, что къ этой категоріи относились учителя самого Пушкина—Монфоръ, Русно. О послѣднемъ по преданію извѣстно, что онъ былъ поклонникъ литературы XVII в. и выучивалъ только французской грамматикѣ и мѣологіи. Воспитанники такихъ учителей становились часто чистыми французами и не умѣли писать по русски;

¹⁾ Все сказанное относится къ образованію, если можно такъ выразиться, высшему, къ образованію интеллигенціи, а о пользѣ разнаго рода высшихъ, среднихъ и низшихъ техническихъ заведеній и спорить нельзя: техники всѣхъ степеней намъ необходимы, и весьма желательно, чтобы туда уходили многіе, которые теперь выполняютъ гимназій и часто не кончаютъ курса.

примѣровъ можно найти много; а іезуиты иногда даже обращали въ католицизмъ. Бывали учителя и хуже: мнѣ извѣстно, что въ началѣ XIX в. въ одномъ очень аристократическомъ домѣ учитель принесъ молодой дѣвушкѣ l'Academie des dames, одну изъ самыхъ развратныхъ книгъ XVIII в.; дѣвушка-сирота, жившая у дяди, пожаловалась ему, и учитель былъ прогнанъ. Вспомнимъ еще, что членъ конвента Роммъ былъ гувернеромъ гр. П. А. Строганова, одного изъ самыхъ близкихъ людей къ императору Александру I; вспомнимъ, что самъ Александръ, воспитанникъ Лагарпа, былъ воспитанъ въ слишкомъ общихъ идеяхъ и мало ознакомленъ съ русскою дѣйствительностью, что даже религіозность его, когда онъ сталъ религіознымъ, приняла мечтательное направленіе, была какимъ-то общехристіанствомъ. Л. И. Поливановъ, въ своемъ превосходномъ изданіи Пушкина, представилъ хорошую характеристику такого воспитанія. Стало быть, дѣло не въ учителяхъ, а въ томъ, что семьи избранниковъ, которыми по преимуществу занялся нашъ авторъ, умѣли выбрать хорошихъ учителей. Замѣтимъ еще, что въ домашнемъ воспитаніи, при хорошемъ выборѣ учителей, при бдительномъ надзорѣ полный успѣхъ возможно, чѣмъ въ воспитаніи общественномъ. Это послѣднее, конечно, имѣетъ свои преимущества, но здѣсь никогда вліяніе учителя не можетъ быть такъ сильно, какъ въ домашнемъ воспитаніи, и притомъ въ общественномъ заведеніи трудно слѣдить за успѣхами и поведеніемъ воспитанника. Все это разумѣется о семьяхъ богатыхъ и слѣдящихъ за дѣтьми. Слѣдственно, воспитаніе Кошелева и его кружка было поставлено въ исключительное положеніе и потому не можетъ служить образцомъ общаго въ то время воспитанія.

Вниманіе нашего автора останавливаетъ еще другое обстоятельство: онъ видитъ въ будущихъ славянофилахъ твердость въ вѣрѣ, сочувствіе къ народу и даже знаніе его. Это подаетъ ему поводъ представить прекрасную апологію русскаго дворянства вообще, и въ особенности въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Авторъ начинаетъ издалека: указываетъ на военныя заслуги дворянства еще въ Московскомъ государствѣ, на значеніе его въ старомъ мѣстномъ самоуправленіи, на то, что въ XVIII в. оно было важнымъ дѣятелемъ въ литературѣ (слѣдовало бы прибавить вмѣстѣ съ духовенствомъ), что оно сохранило связь съ народомъ ¹⁾. Мѣры Екатерины, по мнѣнію автора,

¹⁾ Г. Коллюпановъ приводитъ любопытный примѣръ одного Хомякова, предка знаменитаго славянофила, что онъ, умирая бездѣтнымъ, предложилъ міру избрать помѣщика изъ его родственниковъ (II, стр. 324, пр. 18).

обособили его, лишили его земскаго значенія, впрочемъ, и такъ уже потрясеннаго мѣрами Петра. Извѣстно, что какъ сословнаго самоуправленія, такъ и освобожденія отъ обязательной службы, требовало само дворянство въ своихъ наказахъ и получило то, чего требовало. Правительство посмотрѣло на это съ той точки зрѣнія, что дворянство, владѣя населенными имѣніями, поддерживало въ нихъ порядокъ, что оно было просвѣщеннѣе другихъ сословій. Прибавимъ, что для генезиса этихъ требованій важно то названіе, которое дворянство носило въ началѣ XVIII в.—шляхетство. Авторъ ставитъ ему въ заслугу, что оно небрежно относилось къ даннымъ правиламъ. Едва ли можно похвалить неудачные выборы судей, исправниковъ, предсѣдателей, неисправныя посѣщенія собраній; о томъ, какъ распоряжалось дворянство займами изъ опекунскаго совѣта и вообще своими доходами, мы уже не говоримъ. Не смотря на эти замѣчанія, мы должны признать значительную долю правды за мнѣніемъ почтеннаго автора: въ отношеніи крѣпостнаго права мы видѣли много примѣровъ благодушныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; подобно автору, мы придаемъ большое значеніе участію въ забавахъ на Святкахъ, на Пасхѣ и т. п., что такъ тонко отмѣчено Пушкинимъ въ его Татьянѣ; конечно, люди одной вѣры и одной народности не могли дойти до той вражды, которая появляется, когда господинъ разнится отъ слугъ и вѣрою, и народностью. Вспомнимъ Литву, остзейскихъ нѣмцевъ и даже нѣмцевъ — помѣщиковъ и управляющихъ въ Россіи. Земское значеніе дворянства тоже трудно не признать; стѣдуетъ вспомнить Пожарскаго; разъединяющее значеніе Учрежденія о губерніяхъ и дворянской грамоты признаемъ тоже, но разнимся съ авторомъ въ одномъ: онъ видитъ адѣсь правительственную мѣру, а мы—исполненіе желаній дворянства. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, живя въ деревнѣ, не слишкомъ расходясь съ народомъ, значительная доля дворянства была крѣпка въ вѣрѣ. Позже было много домовъ, гдѣ священникъ принимался только для требъ и обрядовъ, поддерживаемыхъ *pour les gens*. Въ этомъ французское воспитаніе оказало свое значительное дѣйствіе. Къ счастью для семей, избранныхъ авторомъ, въ нихъ не было этого тлетворнаго вліянія: онѣ остались вѣрны старинѣ, и въ нихъ выросло славянофильство, мечтавшее о такой интеллигенціи, которая привела бы къ сознанію все то, что безсознательно хранится въ народѣ. И. С. Аксаковъ прямо высказывалъ эти требованія. Скажемъ кстати, что славянофилы были чужды стремленію отклоняться отъ законныхъ обязан-

ностей: мы видимъ ихъ и въ ополченіи, и въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, и въ земскихъ собраніяхъ и, сколько мы знаемъ, прежде и въ дворянскихъ. Авторъ слѣдитъ тщательно за проявленіемъ національнаго сознанія въ XIX вѣкѣ: мѣтко характеризуетъ дѣятельность Шишкова и С. Н. Глинки, указывая въ нихъ и не подходящіе элементы; останавливается на культурномъ значеніи Москвы, въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться; указываетъ подъемъ народнаго духа въ 1812 г., но вслѣдъ затѣмъ признаетъ, что заграничные походы несли много европейскихъ идей, которыя безъ критики, по нашему мнѣнію, принесли и значительную долю вреда въ соединеніи съ неясными, неизвѣстными по бюрократическому характеру замыслами высшихъ сферъ, оставшимися по обстоятельствамъ безъ исполненія и смѣненными Аракчеевщиной. Конечно, самый замыселъ не долженъ былъ облагодѣтельствовать Русскую землю: славянофилы были увѣрены въ этомъ, но пылая молодежь, подстрекаемая всѣмъ этимъ, дошла до печальнаго конца. Любопытны разговоры Хомякова съ Рылѣевымъ и кн. Ал. И. Одоевскимъ по поводу предполагаемой революціи. Первому онъ говорилъ, что войско—„собраніе людей, которыхъ народъ вооружилъ на свой счетъ и которымъ поручилъ защищать себя: оно служитъ народу. Гдѣ же будетъ правда, если эти люди, въ противность своему назначенію, начнутъ распоряжаться народомъ по своему произволу?“ Второго Хомяковъ бѣсилъ, „увѣряя его, что онъ вовсе не либераль, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства“ (II, 157).

Свѣдѣнія о родѣ Кошелевыхъ и о родителяхъ Александра Ивановича авторъ сообщаетъ въ началѣ I-й книги. Отецъ Александра Ивановича учился въ Оксфордѣ и былъ человѣкъ очень образованный; подъ его вліяніемъ началось воспитаніе сына, который съ раннихъ лѣтъ проявлялъ большую любознательность: въ 11—12 лѣтъ сдѣлалъ онъ извлеченіе изъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи государства Россійскаго“, тогда появившихся. Въ 1818 г., когда сыну еще не было 13 лѣтъ, отецъ умеръ. Забота о воспитаніи его пала на долю матери, родомъ француженки. Этому обстоятельству авторъ приписываетъ то, что умъ Кошелева былъ практическій и не склонный къ германскимъ умозрѣніямъ. Сохранилось много писемъ Кошелева къ матери (по французски), изъ которыхъ видны ихъ сердечныя отношенія. Разказъ о молодости Кошелева авторъ относитъ къ 2-й книгѣ. Въ 1821 г. Кошелева съ сыномъ переселилась въ Москву, для продолженія его образованія. Здѣсь вмѣстѣ съ сосѣдами своими по

улицѣ, Кирѣевскими, Кошелевъ бралъ уроки у Мерзлякова. Тогда-то завязалась его связь съ этимъ замѣчательнымъ семействомъ. Авторъ останавливается долго на характеристикѣ братьевъ Кирѣевскихъ и матери ихъ Авдотьи Петровны Едагиной (по второму мужу). Авдотья Петровна, племянница Жуковского, была центромъ литературнаго кружка: образованная, добрая, отзывчивая, она пробуждала чувство уваженія и привязанности даже въ людяхъ, не принадлежавшихъ къ кружку славянофиловъ (напримѣръ, Кавелинъ). Изъ сыновей болѣе извѣстенъ Иванъ Васильевичъ своимъ критическимъ талантомъ и своими философскими статьями, которыя способствовали въ значительной степени сложенію славянофильской доктрины. Авторъ нашъ справедливо указываетъ на то, что Иванъ Васильевичъ долго оставался западникомъ, и что окончательное обращеніе его къ національному воззрѣнію—дѣло брата его, Петра Васильевича, извѣстнаго собрата пѣсенъ, который, къ сожалѣнію, не ему пришлось издавать. Въ литературѣ онъ извѣстенъ одною статьею, въ которой онъ горячо защищалъ мысль, что русская исторія начинается призваніемъ, а не завоеваніемъ, и что вліянію норманскаго элемента не слѣдуетъ придавать того значенія, какое придавалъ Погодинъ. вмѣстѣ съ Кирѣевскими Кошелевъ учился политическимъ наукамъ у Шлецера-сына, вмѣстѣ учились они и по гречески. Въ томъ же году Кошелевъ поступилъ въ Московскій университетъ, но скоро оставилъ его вслѣдствіе требованія ректора, чтобы студенты слушали по восьми предметовъ. Оставивъ университетъ, Кошелевъ продолжалъ, вмѣстѣ съ Кирѣевскими, брать уроки у профессоровъ. Тогда же начали они вмѣстѣ читать Шеллинга. Въ 1822 г. онъ держалъ экзаменъ на чинъ, установленный по мысли Сперанскаго. Характеристика Кирѣевскихъ побудила автора представить очеркъ критики въ 20-хъ годахъ, при чемъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на Кюхельбекера, которому даже приписываетъ вліяніе на Пушкина. Правда, Пушкинъ посылалъ ему свои книги; но это еще не доказательство: Пушкинъ лично любилъ Кюхельбекера, считая его человѣкомъ умнымъ, хотя и подписывался надъ его поэзіей; на сколько онъ покорялся сужденіямъ Кюхельбекера—можно судить изъ „Онѣгина“.

Но тише! слышишь? критикъ строгій
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элеги вѣнокъ убогій
 И нашей братья ремачамъ
 Кричать: „да перестаньте плакать“

И все одно и то же квакать,
 Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
 Довольно—пойте о другомъ!
 — Ты правъ, и вѣрно намъ, укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ
 И мысля мертвый капиталъ
 Отсюду воскресить прикажешь.
 Не такъ ли другъ? — „Ничуть. Куда!
 Пашите оды, господа!
 * * *
 Какъ ихъ писали въ мощныя года,
 Какъ было встарь заведено“...
 — „Однѣ торжественныя оды!
 И полно, другъ; не все ль равно?
 Припомни, что сказала сатирикъ!
 „Чужого толку“ хитрый лирикъ
 Ужалъ для тебя сносіей
 Умылькхъ нашихъ приемчей?“
 — „Но все въ элегіи ничтожно;
 Межъ тѣмъ дѣль оды высока
 И благородна“... Тутъ бы можно
 Поспорить намъ; но я молчу:
 Два вѣка спорять не хочу.

(гл. IV, XXXII—XXXIII)

Стихи эти, какъ извѣстно, составляютъ отвѣтъ на статью Кюхельбекера въ Мнемозинѣ: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, за послѣднее десятилѣтіе“.

Окончивъ экзаменъ, Кошелевъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ сдѣлался приближенцемъ московской аристократической молодежи, по свидѣтельству Вигеля, послѣ того, какъ строгости дисциплины при императорѣ Павлѣ отвратили ее отъ военной службы. Когда Кошелевъ поступилъ на службу, начальникомъ архива былъ Малиновскій; а между товарищами Кошелева оказались кн. В. О. Одоевскій, Веневитиновъ, Шевыревъ и др. Малиновскій требовалъ отъ подчиненныхъ работы, хотя и менѣе строго, чѣмъ Вантышъ-Каменскій, описанный Вигелемъ. Извѣстно, что по порученію его Калайдовичъ дѣлалъ выписки для Карамзина; „архивныхъ юношей“ (названіе, данное имъ Соболевскимъ и обезсмертенное Пушкинымъ въ „Овѣгнѣ“) онъ заставлялъ по годамъ описывать дипломатическія сношенія съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Кошелевъ обработалъ такимъ образомъ годы сношеній съ Турціей. Но вообще работали гораздо меньше: существуетъ преданіе, что нѣко-

торые изъ служащихъ переводили Коцебу подъ руководствомъ Малюновскаго, издаваемаго нѣсколько его драмъ и самого бывшего драматическимъ писателемъ. Кошелевъ и ближайшіе его друзья поступили въ литературный кружокъ Ранча, куда ввелъ ихъ, вѣроятно, князь Одоевскій. Кружокъ этотъ, не смотря на его частный характеръ, пользовался большою извѣстностью, и самъ московскій генералъ-губернаторъ посѣщалъ его. Здѣсь читались статьи и обдумывался планъ журнала. Изъ преній о журналѣ, которыя велись въ кружкѣ, вышли, съ одной стороны, Московскій Телеграфъ, а съ другой Московскій Вѣстникъ. Планъ Телеграфа обсуждался въ кружкѣ и былъ отвергнутъ, какъ мы знаемъ изъ показаній Погодина, а Московскій Вѣстникъ поддерживался именно членами кружка, хотя тогда уже распался. Можно сказать прямо, что статья Веневитинова: „Нѣсколько мыслей о планѣ журнала“ послужила какъ бы программой Московскому Вѣстнику. Нѣкоторые изъ членовъ кружка, отдѣляясь отъ него, составили „Общество любомудрія“, дѣятельно занявшееся философскими вопросами и заявившее себя изданіемъ Мнемозины. Главнымъ дѣятелемъ кружка былъ Одоевскій, критикомъ былъ Кюхельбекеръ. Мнемозина была первымъ журналомъ съ философскимъ направленіемъ. Событіе конца 1825 г. побудило общество прекратить свое существованіе. Кошелевъ въ своихъ запискахъ оставилъ любопытныя указанія на закрытіе общества: „Живо помню“ говоритъ онъ, — „какъ послѣ этого несчастнаго числа (14-го декабря) князь Одоевскій созвалъ членовъ и съ особенною торжественностію предалъ огню въ своемъ каминѣ уставъ и протоколы нашего Общества любомудрія“ (II, 75). Авторъ приводитъ краткія біографіи главныхъ лицъ, принадлежащихъ къ кружкамъ: Ранча, вн. Одоевскаго, Кюхельбекера, Д. В. Веневитинова, Рожалиса, Шевырева, Погодина, Максимовича и др. и сообщаетъ отрывки изъ ихъ писемъ къ Кошелеву. Все это хорошо характеризуетъ тогдашнее настроеніе интеллигентной молодежи. Многія изъ этихъ характеристикъ очень хороши; намъ особенно понравилось, какъ, искусно воспользовавшись словами Шевырева, что онъ колебался между сценой и кафедрой, Н. П. Колюпановъ сумѣлъ показать сценическую, дѣланную сторону въ преподаваніи Шевырева, ту сторону, которая, въ связи съ его самолюбіемъ и страстію къ большому свѣту, была причиною, почему Шевыревъ скоро потерялъ вліяніе на студентовъ. Съ 1827 г. начинается Московскій Вѣстникъ, въ которомъ участвовали болѣе или менѣе члены кружка, и гдѣ самъ Кошелевъ помѣстилъ нѣсколько статей. Въ домѣ Веневитинова Кошелевъ впер-

вие встрѣтилъ Хомякова; ближе сошлись они у постели умирающаго Веневитинова. Сообщая подробности о Хомяковѣ въ эту пору его жизни, авторъ оставляетъ характеристику его до послѣдующаго изложенія, но все-таки высказываетъ свое общее воззрѣніе на славянофильство. Въ этомъ воззрѣніи есть любопытныя стороны: авторъ, конечно, отвергаетъ въ славянофилѣ ненависть къ европейской цивилизаціи, указываетъ на независимость ихъ воззрѣній отъ философіи Шеллинга (Хомяковъ — главный теоретикъ славянофильства — никогда не былъ шеллингистомъ), признавая его только съ одной стороны: Шеллингъ высказывалъ положеніе, что каждый народъ имѣетъ свое призваніе и вноситъ свой духъ въ человечество. Корень славянофильской доктрины авторъ видитъ въ томъ, что основатели славянофильскаго ученія получили воспитаніе въ смыслѣ религиозныхъ и не прерывавшихся связей съ народомъ. Въ этомъ есть значительная доля правды. Образование послужило имъ только къ уясненію и приведенію къ принципамъ того, что уже бессознательно жило въ нихъ. Авторъ мало касается, скорѣе даже совсѣмъ не касается религиозно-метафизическихъ воззрѣній славянофиловъ; оттого у него не встрѣчается указанія на недавно и въ разговорахъ, и въ печати появившееся мнѣніе о связи ученія славянофиловъ съ нѣкоторыми ученіями западныхъ мистиковъ XIX в. Вопросъ этотъ только намѣченъ, но мы убѣждены въ томъ, что подробное рассмотрѣніе приведетъ къ заключенію о сходствѣ случайномъ и частномъ. Въ богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова, въ статьяхъ Кириѣвскаго слышится такое глубокое пониманіе православнаго ученія, какое возможно только послѣ изученія твореній отцовъ Восточной церкви. У нашего автора встрѣчаются указанія на сходство въ нѣкоторомъ отношеніи сочиненій славянофиловъ съ восточными мистиками. Наконецъ, какъ случилось, что Самаринъ, такъ близко стоявшій къ Хомякову, такъ глубоко знакомый съ богословіемъ и философскою литературой, даже не намекнулъ (сколько поминимъ) въ своемъ знаменитомъ предисловіи на возможность сближенія ученія Хомякова съ западными ученіями? Авторъ нашъ преимущественно слѣдитъ за взглядами славянофиловъ на земство и земскія отношенія; теоретическій вопросъ объ отношеніи власти къ земству, при которомъ земство выражаетъ мнѣніе, а власть дѣйствуетъ, онъ затрогиваетъ только слегка. Быть можетъ, все это найдетъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ; туда же, вѣроятно, войдетъ и указаніе на мысли славянофиловъ о славянствѣ и его будущей роли. Значеніе Кошелева въ славянофильствѣ авторъ выра-

жасть слѣдующимъ образомъ: „Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ единственнымъ ея (мысли о земствѣ) практическимъ истолкователемъ (а Самаринъ?). Когда настала пора дѣйствовать, Александръ Ивановичъ остался одинъ въ живыхъ изъ числа первыхъ славянофиловъ, одинъ онъ и остался вѣренъ своему значенію. Поэтому въ его позднѣйшей дѣятельности—литературной и общественной—славянофильское ученіе получило опредѣленную, практическую формулу, асію для всѣхъ, но во многомъ не сходную съ тѣми возрѣніями, которыя высказывали считавшіе себя санованцы непосредственными преемниками стараго славянофильства. Это и есть немаловажная заслуга, которая даетъ А. И. Кошелеву извѣстное мѣсто въ исторіи нашего образованія“ (II, 172—173). Любопытно будетъ узнать, какъ авторъ подтвердитъ такое сужденіе подробностями.

Послѣдняя глава 2-й книги занята службой Кошелева въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія по департаменту иностранныхъ исповѣданій, его свѣтскими отношеніями, гдѣ, между прочимъ, любопытны свѣдѣнія о дядѣ его извѣстномъ мистикѣ, Р. А. Кошелевѣ; здѣсь же встрѣчается эпизодъ любви его къ А. О. Россети (Смирновой); здѣсь характеризуется Московскій Вѣстникъ. Въ концѣ книги авторъ указываетъ по письмамъ къ матери двѣ, по его словамъ, существенныя черты характера Кошелева—разчетливость (приведемъ одинъ примѣръ: выигралъ онъ 3000 р. въ карты и сейчасъ же положилъ 2000 р. въ опекунскій совѣтъ для „составленія изъ нихъ фонда“ для сверхсмітныхъ расходовъ). Изъ писемъ къ матери и письма къ Кирѣевскому (отъ 30-го сентября 1832 г.) видно религиозное настроеніе Кошелева. На этомъ основаніи авторъ считаетъ Кошелева однимъ изъ первоначальниковъ славянофильскаго ученія.

Прощаясь съ любопытной книгой Н. П. Колюпанова, не можемъ не пожелать скорѣе видѣть ея продолженіе.

Ялта.

В. Востужевъ-Рюминъ.

В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и начинающихъ филологовъ. Часть II: богослужбеныя и сценическія древности. С.-Пб. 1889.

Прошло не болѣе года со времени появленія вторымъ изданіемъ первой части „Очерка греческихъ древностей“ г. Латышева, какъ вышла въ свѣтъ вторая часть этого труда, заключающая въ себѣ древ-

ности религіозна и сценическа. Нельзя не порадоваться такому скорому изданію второй части „Очерка“, такъ какъ потребность въ книгѣ, которая касалась бы религіозныхъ и сценическихъ древностей Эллады, была у насъ гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ такомъ трудѣ, въ которомъ излагались бы древности государственныя. Причина ясна. Еще до перваго изданія г. Латышевымъ очерка государственныхъ древностей появился вторымъ изданіемъ очеркъ греческихъ древностей Страшкевича. Не смотря на значительныя промахи и недосмотры, книга Страшкевича, отличающаяся хорошимъ изложеніемъ, могла сослужить свою службу при изученіи древностей государственныхъ. Но, удовлетворяя читателей, хотя и не вполне, въ этой области, очеркъ Страшкевича давалъ очень мало свѣдѣній относительно древностей религіозныхъ и сценическихъ. Послѣднія изложены тамъ на 10 страницахъ (стр. 423—432 во второмъ изданіи), а религіозныя на какихъ-нибудь 55 страницахъ (стр. 381—435). Какъ можно судить уже по самой незначительности объема тѣхъ частей книги Страшкевича, гдѣ рассматриваются древности сценическа и религіозна, онѣ изложены очень недостаточно. А у г. Латышева приведена во второй части очерка древностей Эллады такая масса свѣдѣній, что книга Страшкевича, выдерживающая отчасти сравненіе въ области древностей государственныхъ съ первой частью очерка г. Латышева, не можетъ быть сопоставляема съ нимъ въ отдѣлахъ, соответствующихъ второй его части. Въ виду этого справедливо признать книгу г. Латышева первымъ полнымъ очеркомъ религіозныхъ и сценическихъ древностей въ нашей русской литературѣ.

Содержаніе второй части „Очерка греческихъ древностей“ слѣдующее. Во введеніи авторъ представляетъ общія замѣчанія о религіи древнихъ еллиновъ, объ отношеніи государства къ культу, наконецъ, о вырожденіи и упадкѣ религіозныхъ вѣрованій въ Элладѣ. Въ первомъ отдѣлѣ говорится объ освященныхъ культомъ мѣстахъ и о тѣхъ предметахъ, которые въ нихъ хранились. Во второмъ отдѣлѣ заключаются свѣдѣнія о жрецахъ, должностныхъ лицахъ по дѣламъ культа и служителяхъ при храмахъ. Содержаніе третьяго отдѣла составляетъ описаніе религіозныхъ обрядовъ у древнихъ грековъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ трактуется о греческомъ календарѣ и о праздникахъ, какъ совершавшихся въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Эллады. Въ пятомъ отдѣлѣ излагаются особые виды культовъ и религіозныхъ учреждений (мантіка, оракулы, мистеріи, религіозныя общества и домашній культъ). Шестой отдѣлъ посвященъ сцениче-

скимъ древностямъ; въ началѣ его авторъ даетъ краткій, но богатый содержаніемъ очеркъ развитія греческой драмы, затѣмъ рассматриваетъ устройство театра, говоритъ о театральныхъ декорацияхъ и машинахъ, объ актерахъ, хорѣ, маскахъ, о мѣстахъ для зрителей и самихъ зрителяхъ. Описаніемъ устройства представленій заканчивается вторая часть очерка греческихъ древностей.

Уже одно бѣглое указаніе рассматриваемыхъ въ этой книгѣ вопросовъ ясно говоритъ о богатствѣ ея содержанія. Перейду къ частностямъ. Введеніе, общее содержаніе котораго представлено выше, написано очень хорошо; оно обнаруживаетъ, что авторъ, тщательно прослѣдивъ характерныя черты религіи древнихъ еллиновъ, изучилъ формы ея внутренняго развитія, не упустивъ изъ виду и внѣшнихъ вліяній, какими она подвергалась въ различные времена. Въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ изображена здѣсь картина состоянія греческой религіи отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до той поры, когда лишенная внутренняго содержанія, обезсиленная въ упорной борьбѣ съ христіанствомъ религія еллиновъ уступила свое мѣсто ученію распространившемуся изъ Галилеи. При всѣхъ выдающихся достоинствахъ этого отдѣла нельзя не замѣтить тутъ слѣдующихъ промаховъ. На стр. 3 г. Латышевъ пишетъ: „Если мы не можемъ указать въ греческой религіи несомнѣнныхъ признаковъ заимствованія изъ Египта, на которые указываетъ Геродотъ (II, 50), то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что культъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ греческихъ божествъ, особенно Афродиты и Посидона, вмѣстѣ въ себѣ финикійскіе или другіе азіатскіе элементы“. Но нѣтъ никакихъ основаній отрицать вліяніе Египта на религію древнихъ еллиновъ, и напрасно говоритъ г. Латышевъ, что въ ней не можемъ указать признаковъ заимствованія изъ страны пирамидъ. Указанія на факты, опровергающіе эту мысль, можно найти въ „Символикѣ“ Крейцера, въ трудѣ В. Ринка „Die Religion der Hellenen“, въ изслѣдованіяхъ Велькера, Преллера, Ленормана и др. Не отрицаетъ вліянія Египта на религію еллиновъ и входящій въ этомъ вопросѣ до крайности Е. Гергардъ, хотя онъ усматриваетъ его не во времена древнѣйшія, а только въ культурахъ Сераписа и Изиды, которые слишкомъ ясно и неопровержимо говорятъ о своемъ египетскомъ происхожденіи¹⁾. Даже О. Группе, выступившій со своею отрицательною, разрушающею критикою противъ чуть ли не всѣхъ взглядовъ на ре-

¹⁾ E. Gerhard. Griech. Mythologie. Berl. 1854—1855. I, 31.

лигію еллиновъ, проведенныхъ предшествовавшими ему учеными, и тотъ не отвергаетъ вполне вліянія на Егладу Египта. Впрочемъ, и самъ г. Латышевъ, какъ видно, не особенно настаиваетъ въ данномъ случаѣ на своемъ мнѣніи. На стр. 208 онъ, вопреки сказанному на стр. 8, говоритъ: „Значительное сходство въ обрядахъ и самой сущности елевсинскихъ мистерій съ египетскими мистеріями Изады, скорѣе заставляетъ думать, что первоначальнымъ мѣстомъ образованія такого культа былъ Египетъ“. Это противорѣчіе трудно объяснить.

Отъ вопроса относительно внѣшнихъ вліяній на религію еллиновъ перейдемъ къ одной ея внутренней чертѣ, отмѣченной г. Латышевымъ. На стр. 5 онъ указываетъ слѣдующую интересную особенность древне-греческой религіи. „Встрѣчаются даже случаи, что люди создавали себѣ новыхъ боговъ, въ которыхъ немедленно начинали вѣровать какъ сами, такъ и ихъ окружающіе“. Въ доказательство сказаннаго г. Латышевъ, привелъ разказъ Гомера о томъ, какъ пылкое воображеніе Финика создало образы *Ἄττις* и *Διτῶν*, переходить къ повѣствованію Геродота, какъ *Θεμιστοκλῆς*, явившись за деньгами къ андрійцамъ, „сказалъ имъ, что привезъ съ собою богинь *Παιδά* и *Ἀναγκή*, на что андрійцы отвѣчали, что съ ними издавна живутъ другія богини, *Παρία* и *Ἀντιπαρία*“. Гдѣ же здѣсь доказательство того, что въ боговъ, созданныхъ такъ неожиданно, начинали вѣровать и окружающія сочинителей лица? Нельзя ли, напротивъ, вывести изъ Геродотова разказа совершенно обратное заключеніе? Вѣдь андрійцы и не думаютъ вѣрить въ боговъ, измышленныхъ *Θεμιστοκλῆς*, а противопоставляютъ имъ своихъ. Не убѣдительно и приводимый далѣе разказъ о Тимолеонтѣ, который установилъ въ своемъ домѣ культъ *Ἀβροατίας*, и разказъ о корсарѣ Дикзархѣ, воздвигавшемъ алтари богинямъ *Ἀσέρεια* и *Παρανοία*, такъ какъ сообщающіе объ этихъ фактахъ авторы не даютъ никакого основанія полагать, чтобы эти божества были признаны посторонними лицами. Даже и субъективное признаніе реальнаго существованія таковыхъ божествъ со стороны самого Тимолеонта и Дикзарха, равно какъ Финика и *Θεμιστοκλῆς*, крайне сомнительно. Гдѣ основанія думать, что въ нихъ дѣйствительно вѣрили эти лица? Развѣ г. Латышевъ не могъ найдти въ греческой религіи другихъ фактовъ, подтверждающихъ его вполне вѣрное замѣчаніе?

Нельзя согласиться и съ слѣдующими словами г. Латышева: „Впрочемъ, народное вѣрованіе, не зная абсолютно добрыхъ и милостивыхъ

боговъ, не знало и прямо противоположныхъ имъ: въ еллинской религіи нѣтъ никакихъ злыхъ духовъ, дѣятельность которыхъ была бы прямо и исключительно направлена ко вреду человѣка, которые толкали бы его на путь грѣха и неправды" (стр. 7). Это не вѣрно. Вспомнимъ только Еврипида: εἰ θεοὶ τὴ δροσὴν αἰσχροῦν, οὐκ αἰσὶν θεοὶ ¹⁾. Ученіе и о злыхъ духахъ не чуждо было древнимъ еллинамъ; послѣдовательное его развитіе прекрасно очерчено у Ж. Гильда ²⁾. Тутъ я нахожу нужнымъ указать еще на тельхиновъ, которыхъ Гильдъ почему-то упустилъ изъ виду. У Nonna Панополитанскаго они прямо называются φθονεροί ³⁾; тамъ же приводится повѣрье о томъ, что они, поливая родосскія поля водою Стикса, дѣлали ихъ бесплодными ⁴⁾. Изъ тѣхъ отрывочныхъ упоминаній о тельхинахъ, какія встрѣчаются у Свины, ретора Георгія, I. Цеца, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ древнѣйшихъ авторовъ, несомнѣнно вытекаетъ, что еллины представляли тельхиновъ исключительно злыми духами ⁵⁾. Правда, мнѣніе г. Латышева объ отсутствіи въ греческой религіи злыхъ духовъ не остается одиночнымъ. Раньше оно высказано Шеманномъ ⁶⁾, которому въ данномъ мѣстѣ г. Латышевъ очень близко слѣдуетъ, но, въ виду опровергающихъ это мнѣніе фактовъ, изъ числа которыхъ я привелъ лишь незначительную долю, оно не можетъ быть принято.

Отъ введенія перейду къ первому отдѣлу очерка религіозныхъ древностей. Авторъ представляетъ тутъ подробное указаніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ могло совершаться служеніе божеству, говорить о священныхъ участкахъ, алтаряхъ и жертвенникахъ, затѣмъ переходить къ описанію греческаго храма. Описаніе это отличается большой ясностью; на основаніи его можно составить отчетливое представленіе объ еллинскихъ святилищахъ, объ ихъ отдѣльныхъ частяхъ и отличительныхъ чертахъ различныхъ ихъ видовъ. Заключивается этотъ отдѣлъ описаніемъ символовъ и изображеній, хранящихся въ святилищахъ, а также храмовыхъ имуществъ. Содержаніе этого отдѣла носятъ явный слѣдъ самостоятельной переработки авторомъ данныхъ

¹⁾ Eurip. fragm. 291. Ed. Nauck.

²⁾ I. A. Hild. Etude sur les démons. Paris, 1881. См. Chap. VIII: le daimon mauvais.

³⁾ Nonnus, Dionys. XIV, 36.

⁴⁾ Dionys. XIV, 45 sq. Сравни Strab. XIV, p. 653—654.

⁵⁾ Подробнѣе о тельхинахъ см. у А. Лобана, Aglaophant. p. 1181 sqq.

⁶⁾ G. F. Schoeman. Griech. Altth. 1863, II, 189.

вопросъ и отличается полнотой. Слѣдовало бы только въ третьей главѣ при изложеніи устройства храма дать понятіе о метопахъ и триглифакъ, — тѣмъ болѣе, что на стр. 119 упоминается о метопахъ Пареенона, а что такое метопы, нельзя узнать изъ книги г. Латышева.

Во второмъ и третьемъ отдѣлѣ авторъ говоритъ о жрецествѣ, объ условіяхъ и способахъ его замѣщенія, излагаетъ обязанности жрецовъ, указываетъ ихъ права и привилегіи, говоритъ о молитвѣ, очищеніяхъ и жертвоприношеніяхъ, — все это онъ прослѣдилъ съ такою полнотой, что едва ли остается желать чего-нибудь большаго въ общемъ пособіи по религіознымъ древностямъ, гдѣ должна быть всему своя мѣра. Тутъ приняты во вниманіе даже мелкія эпиграфическія указанія, напримѣръ, на стр. 51 относительно обряда *ἀνάθεσις*, совершавшагося при вступленіи жреца въ должность, — обряда явѣстнаго только изъ двухъ надписей. Этотъ отдѣлъ очень выигрываетъ отъ сжатости изложенія, но, быть можетъ, вслѣдствіе стремленія къ сжатости, въ одномъ мѣстѣ возникаетъ неясность. На стр. 85 говорится: „По словамъ Виргиліева комментатора Сервія, при выборѣ животныхъ для жертвы руководствовались сходствомъ или противоположностью“, — но чего и чему? Эти слова могутъ вызвать или смутное представленіе, или совершенно невѣрное пониманіе у гимназистовъ, которыхъ авторъ, по собственному указанію, главнымъ образомъ имѣлъ въ виду. Въ приводимыхъ ниже примѣрахъ того, какому божеству приносили то или другое животное, не разъясняется, какъ слѣдуетъ понимать тутъ сходство, въ какомъ смыслѣ разумѣть противоположность.

Въ началѣ слѣдующаго (IV) отдѣла, который посвященъ разсмотрѣнію временъ культа, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о греческомъ календарѣ, представляетъ сравнительную таблицу мѣсяцевъ различныхъ областей древней Еллады и говоритъ о способахъ счисленія у еллиновъ. Слѣдующія слова подадутъ здѣсь поводъ къ возраженію. На стр. 104 (глава 13-я) читаемъ: „Такъ, современникъ Перикла Метонъ въ 432 году обнародовалъ новый способъ уравниванія, состоявшій изъ 19-лѣтняго цикла (*ἀνωκαίδεκαετηρίς*) съ семью вставными мѣсяцами (по вычисленіямъ нѣмецкаго ученаго Иделера вставлявшимися въ 3, 5, 8, 11, 13, 16 и 19 годахъ)“. То обстоятельство, что авторъ приводитъ о такомъ важномъ хронологическомъ вопросѣ мнѣніе только одного Иделера, заставляетъ думать,

что онъ признаетъ его общепринятымъ ¹⁾. Но таковымъ мнѣніе Иделера считаться не можетъ. Правда, съ его системой совпадаютъ системы Додвелля, Векка, Редлиха, Увенера и Грессвелля, но иначе думалъ о порядкѣ годовъ со вставочными мѣсяцами А. Шмидтъ, иначе Унгеръ, иначе А. Моммзенъ, два раза измѣнявшій свое мнѣніе, — при чемъ системы этихъ ученыхъ не представляютъ между собою взаимнаго согласія. Если сопоставить всѣ системы интеркалированія мѣсяцевъ въ метоновскомъ циклѣ, то окажется, что только два года этого цикла, 7-й и 15-й, остаются во всѣхъ системахъ простыми, и нѣтъ ни одного года, который былъ бы во всѣхъ системахъ сложнымъ ²⁾. Уже одного этого факта было бы достаточно для того, чтобы усомниться въ вѣрности теоріи Иделера, да и другихъ ученыхъ, а открытый недавно на афинскомъ акрополѣ обломокъ одной надписи года архонта Анаксиякрата ³⁾ при сопоставленіи его съ надписью, относящеюся къ архонтству Антикла ⁴⁾, рѣшительно разрушаетъ всѣ системы интеркалированія, въ томъ числѣ, конечно, и Иделера, такъ какъ изъ сопоставленія этихъ надписей оказывается, что годы со вставочными мѣсяцами могли слѣдовать непосредственно одинъ за другимъ, чего не допускала ни одна система. Далѣе на той же страницѣ г. Латышевъ говоритъ, что метоновскій способъ счисленія былъ принятъ афинянами около 338 года, но и это нельзя считать прочно обоснованнымъ взглядомъ. Унгеръ этого не признаетъ и доказываетъ, что метоновскій циклъ въ Афинахъ никогда не вводился ⁵⁾, а мнѣніе такого знатока въ области времясчисленія у еллиновъ не можетъ быть оставлено совершенно безъ вниманія.

Въ слѣдующей (14-й) главѣ того же отдѣла говорится о греческихъ праздникахъ вообще, затѣмъ, въ главѣ 15-й, авторъ пере-

¹⁾ Такъ полагаю я на слѣдующемъ основаніи: въ своемъ отвѣтѣ на рецензію г. Щукарева г. Латышевъ пишетъ: „Едва ли г. рецензентъ будетъ спорить съ тѣмъ, что учебникъ, предназначенный для перваго ознакомленія съ предметомъ, долженъ давать только болѣе или менѣе твердо установленныя факты, общепризнанныя теоріи и прочно обоснованныя взгляды, а не личныя мнѣнія отдельныхъ ученыхъ, хотя бы и авторитетныхъ“. *Ж. М. Н. Просв.* 1889 г., мартъ, стр. 228 слѣд.

²⁾ Объ этомъ вопросѣ тщательно изложено въ диссертацин *А. Н. Щукарева*, „Исследования въ области календаря афинскихъ архонтовъ III вѣка до Р. X.“, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888 г., июль, стр. 9 сл.

³⁾ *Архαιολ. Δελτίον*. 1888. σελ. 113.

⁴⁾ *Mitth. Ath.* VIII, 210.

⁵⁾ *Philologus*. V, Suppl., 1884, 667 sq.

ходить къ главнымъ обще-олинпійскимъ — олинпійскому, пирейскому, немейскому и исемійскому. При указаніи размѣровъ алтаря Зевса въ Олимпіи (стр. 120) слѣдовало бы замѣтить, во избѣжаніе недоразумѣній, что размѣры эти даны въ футахъ древне-греческихъ, а не современныхъ, точно также при указаніи длины стадія (стр. 121) не лишнее сказать, что эти 600 футовъ—олинпійскіе.

16-я глава охватываетъ аоніискіе праздники. Въ этой части своего труда авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ въ основу капитальный трудъ А. Моммзена *Neortologie*, Leipzig, 1864, но, не ограничиваясь этимъ изслѣдованіемъ, онъ привлекъ къ дѣлу работы Шеманна и Германа, а также не мало специальныхъ монографій. Особенную цѣну этой части труда г. Латышева придаетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не ограничивается только формальной, внѣшней стороной праздниковъ, а указываетъ внутреннее ихъ значеніе, напримеръ, о праздникѣ Θεσμοφορίη (стр. 137), о значеніи таинственной церемоніи, совершавшейся женой архонта-царя и четырнадцати почетными аоніянками въ день χῶς на праздникѣ Діониса (стр. 142), относительно праздника Πλιντερίη (стр. 147) и др. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь не одни только формы аоніискіхъ праздниковъ, но и разъясненіе скрывавшагося въ нихъ внутреннего смысла, который давалъ этимъ формамъ жизненную силу и глубокое содержаніе.

Укажу на отдѣльные недостатки. На стр. 134 говорится: „Рядъ праздниковъ третьяго мѣсяца, носившаго названіе Βοηδρομιών, открывался праздникомъ поминovenія усопшихъ, совершавшимся 5-го числа подъ именемъ Γενέσια, Νερέσια или Νεχόσια“. Тутъ можно обратиться къ автору со словами Плутарха: ἐκεῖνο δὲ σὲ λέληθεν, ὅτι καὶ τὴν δευτέραν τοῦ Βοηδρομιώνος ἡμέραν ἐξαίρουμεν οὐ πρὸς τὴν σελήνην, ἀλλ' ὅτι ταύτην δοκοῦσιν ἄρισται περὶ τῆς χῶρας οἱ θεοί ¹⁾. В. Ринкъ, съ своей собственной ему проницательностью сопоставивъ приведенныя мною слова Плутарха съ однимъ свидѣтельствомъ Прокла въ его комментаріяхъ къ Платонову Тимѳею ²⁾, указалъ, что праздникъ, совершавшійся втораго Βοηδρομιόνα, носилъ названіе Νικητήρια ³⁾. Ав. Моммзень, не соглашаясь съ Ринкомъ, относитъ въ своей Эртологіи Никетеріи на третье Βοηδρομιόνα, но его доказательство вѣрности своего предполо-

¹⁾ Plat. Quaest. conv. IX, 6.

²⁾ Proel. Comm. in Tim., p. 53.

³⁾ W. Ritsch, Die Religion der Hellenen, II, 68.

ложенія въ данномъ случаѣ не особенно вѣско. Какъ бы то ни было, совершались ли Никетеріи втораго Воедроміона, что болѣе вѣроятно; на основаніи прямого свидѣтельства Плутарха, лично совершавшаго этотъ праздникъ (ἑξαφοῦρον), или третьяго числа, по предположенію отдѣленнаго отъ тѣхъ временъ цѣлымъ рядомъ вѣсковъ прозорливаго нѣмецкаго ученаго, — все-таки Никетеріями, а не Генесіями начинался рядъ праздниковъ Воедроміона.

На стр. 146 г. Латышевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ обряды аѳонскаго праздника Θαργελίη. „По окончаніи процессіи въ древнѣйшія времена фармакоὶ приносились въ жертву на опредѣленномъ мѣстѣ морскаго берега, тѣла ихъ сожигались и пепелъ бросался въ море; поидіе этотъ жестокій обычай былъ исполняемъ только для виду: фармакоὶ сбрасывались съ возвышенности въ море, но были подхватываемы внизу и удаляемы изъ страны“. Указаніе на обычай сожженія τῶν φαρμακῶν находится, если не ошибаюсь, только у I. Цеца, но изъ словъ Цеца вовсе не видно, чтобы этотъ обрядъ совершался въ Аѳинахъ; еще болѣе нѣтъ данныхъ приурочивать его на основаніи словъ Цеца къ Θαργελіямъ, такъ какъ онъ прямо говоритъ, что подобныя очистительныя обряды совершались въ случаѣ постигавшихъ городъ несчастій, язвы, голода или другаго какого-нибудь бѣдствія, а не относятъ ихъ къ опредѣленному періодическому празднику ¹⁾. Въ сохранившейся у Фотія выпискѣ изъ Гелладія (Biblioth.

ὁ φαρμακὸς τὸ κάθαρμα τοιοῦτον ἦν τὸ κάλαρον ἢ τὸ κάλαρον
 ἢ συμφορά κατέλαβε πόλιν θεωρητικῶς
 εἴτ' οὖν λιμὸς εἴτε λοιμὸς εἴτε καὶ βλάβος ἕλλοιεν
 τῶν πάντων ἀμφοτέρων ἦγον ὡς πρὸς θεοίαν...
 τέλος κυρὶ κατέκαιον ἐν βύλοις τοῖς ἀγρίοις.

с. 279, р. 534b) и у Гарпократіона, гдѣ опредѣленно указываются Θαργελίη, видно только то, что во время этого праздника происходила процессія, въ которой водили τοὺς φαρμακοὺς, но о сожженіи ихъ или бросаніи въ море не упоминается, поэтому лучше бы не принимать этого аѳонскимъ Θαργеліямъ. Правда, получается тутъ картина, полная потрясающаго драматизма: совершается аѳонянами страшная жертва челоуѣка за людей, — однако происходило ли это въ Аѳинахъ во время праздника Θαργеліη? Гдѣ основанія такъ думать?

Перехожу къ 17-й главѣ; въ ней авторъ описываетъ важнѣйшіе праздники въ различныхъ государствахъ Эллады, кромѣ Аттики,

¹⁾ Io. Tzetzes, Chilliad. V, 726 sqq. (Ed. Th. Kiessl. Lips. 1826):

говорить о праздниках Пелопоннеса, Беотии и Дельфы, затѣмъ переходитъ къ сѣверной Елладѣ и островамъ Эгейскаго моря; не пропущена и Малая Азія и западныя греческія колоніи. При незначительныхъ относительно количества матеріала размѣрахъ этой главы (150—172 стр.) изложеніе вышло очень сжатое. Если въ общемъ пособіи къ изученію греческихъ древностей нельзя требовать болѣе того, что сказано о праздникахъ Пелопоннеса и Беотии, то очень желательно было бы встрѣтить болѣе свѣдѣній относительно культовъ, господствовавшихъ на сѣверномъ берегу роднаго намъ Чернаго моря. Не буду голословнымъ, приведу нѣсколько строкъ изъ стран., напримѣръ, 163. „На берегахъ Воспора Киммерійскаго (въ Пантикапей, Фанагоріи и другихъ городахъ) особенно распространено было почитаніе Аполлона-Врача, Деметры, Артемиды, Афродиты, храмъ которой находился въ мѣстечкѣ 'Ακείτορον на азіатской сторонѣ пролива, затѣмъ Пана и другихъ боговъ, въ числѣ которыхъ упоминаются и восточныя божества Санергъ и Астара. Въ городѣ Танандѣ въ позднія времена было много религіозныхъ обществъ, почитавшихъ Высочайшаго бога (θεός ὑψίστος), подъ которымъ скорѣе всего можно разумѣть Сабазія“. Тутъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ собственныхъ именъ, отъ которыхъ не только у гимназиста, но и у начинающаго филолога останется несомнѣнно смутное представленіе, — тѣмъ болѣе смутное, что г. Латышевъ совершенно не выяснилъ, въ какомъ отношеніи важно указаніе на особенное распространеніе культа известнаго божества въ той или другой мѣстности, не отмѣтилъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, причинъ даннаго явленія. А безъ этого указаніе на особенное распространеніе на берегахъ Воспора Киммерійскаго культа, напримѣръ, Деметры, Артемиды и Афродиты, ничего особеннаго не скажетъ уму начинающаго филолога, только вызоветъ недоумѣніе, неизбежное потому, что на стр. 167 онъ узнаетъ еще объ „известномъ“ культѣ Деметры на островѣ Косѣ, на 168 — объ „известномъ“ культѣ Артемиды Строфенъ въ Ернерахъ, на стр. 169 онъ прочтетъ, что Книдъ „славился“ культомъ Афродиты и т. п. Зачѣмъ заставлять гимназиста или начинающаго филолога собственными силами, безъ положительныхъ данныхъ, открывать причины „особеннаго“ почитанія въ данной мѣстности того или другаго божества? Почему бы не дать имъ хотя руководительный намекъ въ такомъ важномъ и сложномъ вопросѣ? А если г. Латышевъ находитъ это излишнимъ, то тѣмъ болѣе излишне приводить цѣлый рядъ ничего не говорящихъ именъ.

... Перехожу къ V-му отдѣлу. 18-я и 19-я главы представляютъ одно изъ лучшихъ мѣстъ во всей книгѣ. Тутъ говорится о мантикѣ искусственной и безмысленной, объ оракулахъ экстаза, объ оракулахъ сновидѣній и вызова мертвыхъ. Здѣсь приходится отмѣтить только слѣдующее. На стр. 201 авторъ, описывая оракулъ Трофонія, говоритъ: „На возвышеніи за рощею находилось мѣсто величиною въ небольшой молотильный токъ, обнесенное бѣлою мраморною стѣною“ и т. д. Лучше бы сказать „на горѣ“ (у Павсанія IX, 39, 5: ἐκί τοῦ βροῦς); это дало бы болѣе соответствующее дѣйствительности понятіе о мѣстности. На „возвышеніе“, о которомъ тутъ говорится, вслѣдствіе крутизны нельзя теперь и входить со стороны верховьевъ Геркины, а нужно взбираться съ другой стороны. Кстати замѣчу, что природа въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ оракулъ Трофонія, насколько она теперь представляется взору наблюдателя, вполне подтверждаетъ точность описанія Павсанія, которому преимущественно и слѣдовалъ г. Латышевъ въ разказѣ о томъ, какъ гадали въ славномъ святилищѣ въ Ливадіи. Отъ трещины (χώρα ὑψος), чрезъ которую сходили къ Трофонію, нѣтъ теперь никакихъ слѣдовъ, но растущіе у верховьевъ Геркины платаны—несомнѣнные потомки описываемой Павсаніемъ рощи.

20-я глава посвящена мистеріямъ; описаны елевсинскія и самооракійскія мистеріи, мистическій культъ Зевса и Куретовъ на Критѣ, а въ концѣ авторъ переходитъ къ ученію орфиговъ. Среди промаховъ замѣчу слѣдующій. На стр. 206 читаемъ: „Итакъ мы видимъ, что мистеріи должны были получить особое развитіе съ распространеніемъ вѣрованія въ загробную жизнь, котораго еще не было въ гомеровскія времена“. Отрицаніе ученія о загробной жизни у Гомера, хотя не въ такой рѣшительной формѣ, встрѣчаемъ и на стр. 246 (въ началѣ), но съ этимъ нельзя согласиться. Въ первыхъ стихахъ Илиады приводится вполне ясное указаніе на загробную жизнь въ андѣ:

Многія души могучія славныхъ героевъ низринуть
Въ мрачный Андъ и самихъ распростеръ ихъ въ користъ плотояднымъ."
(Ил. I, ст. 8 слѣд. Глѣдичъ).

Душа, покинувшая тѣло, не представляется у Гомера небытіемъ; она продолжаетъ жить. Патроклъ является къ Ахиллу и проситъ его о погребеніи тѣла, такъ какъ безъ этого другія души не даютъ ему доступа въ андъ, — его загробное жилище (Ил. XXIII, 69 слѣд.). Можно указать и на XI-ю рапсодію Одиссеи, которая вся

посвящена описанію загробной жизни, и XXIV-ю расподію, гдѣ въ самомъ началѣ разказывается, какъ Гермесъ провожаетъ души убитыхъ Одиссеемъ жениховъ въ адъ, какъ онѣ встрѣчаютъ тамъ души Ахилла, Агамемнона и другихъ троянскихъ героевъ. Указаніе на ученіе о загробной жизни можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ Иліады и Одиссеи. Правда, это была жизнь мрачная, безъ надежды на лучшее, безъ отрады, но все-таки это была жизнь. Нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что образы (εἴδωλα) умершихъ сохраняютъ обликъ прежняго человѣка, какимъ его знали при жизни. Образъ Патрокла явился Ахиллу

Величїемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный,
Та жъ одежда и голосъ тотъ самый сердцу знакомый.

(Ил. XXIII, ст. 66 слѣд. Гнѣдичъ).

Въ виду этихъ фактовъ существованіе ученія о загробной жизни въ гомеровскія времена не можетъ подвергаться ни малѣйшему сомнѣнію.

Говоря о мистеріяхъ самоеракійскихъ, авторъ пишетъ, что посвященные въ нихъ носили названіе *μόσται εὐσεβεῖς* (стр. 224). Но это названіе не было общимъ для всѣхъ посвященныхъ, а только для принявшихъ высшую степень посвященія. Указаніе на это представляютъ надписи, найденныя на Самоеракѣ во время археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ тамъ А. Конце ¹⁾. Самоеракійскія надписи свидѣтельствуютъ, что посвященные въ мистеріи носили названіе *μόσται*, *μόσται εὐσεβεῖς* и *ἐπόκται*. Эти названія явно указываютъ на три степени посвященія, подобно тому, какъ это было въ мистеріяхъ елевсинскихъ ²⁾. Не говоря уже о терминѣ *ἐπόκταις*, явственно, что слѣдуетъ различать *μόσταις* отъ *μόσταις εὐσεβεῖς*, какъ названія двухъ различныхъ степеней посвященія. Еслибы, оба эти названія были общими для одной и той же степени, то по какимъ со-

¹⁾ *A. Conze, A. Hauser, O. Niemann. Archäol. Untersuchungen auf Samothrake. Wien. 1875—1880.*

²⁾ Известный французскій ученый Ф. Ленорманъ въ своей прекрасной статьѣ *Cabiri*, помѣщенной въ словарь *Daremberg-Saglio*, t. I, part. 2 (1887) говоритъ, что въ самоеракійскихъ мистеріяхъ было только двѣ степени посвященія: *μόσταις* и *μόσταις εὐσεβεῖς*. Это не вѣрно. Ленорманъ упустилъ изъ виду самоеракійскія своптовы (*Conze, Arch. Untersuch. auf Samothr. 1875, pl. LXXI, n° 8: ἐπόκταις Πεδέδαρος Ἀγρο [στράτ]ου*). Ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ самоеракійскихъ мистерій, не отмѣтили факта существованія тамъ трехъ степеней посвященія; на него я нахожу не лишнимъ здѣсь указать.

ображеніямъ нѣкоторые изъ посвященныхъ стали бы лишать себя предоставленнаго всѣмъ права, называя себя только *μότα*? Съ другой стороны, еслибы эпитетъ *ἄσβεβῆς* не былъ предоставленъ опредѣленной степени посвященія, какъ вполне законный терминъ, то казалось бы страннымъ самохвальствомъ называть себя *ἄσβεβῆς*, въ особенности, когда въ надписи упоминается имя одной только личности, наприимѣръ, [μό] σης *ἄσβεβῆς* Μάγωνα Ἰπποστράτου¹⁾.

Въ 21-й главѣ говорится о религіозныхъ обществахъ древней Эллады. Тамъ на стр. 232 авторъ пишетъ: „Нѣкоторыя общества, можетъ быть, имѣли публичный характеръ и составлялись для ближайшаго заведыванія государственными праздниками, подобно римскимъ *sodales* и *fratres*“. Можно указать общества, принимавшія участіе въ государственныхъ праздникахъ, но за заведываніе таковыми праздниками, притомъ „ближайшее“, едва ли поручалось въ Элладѣ какимъ-нибудь религіознымъ обществамъ. Кто объ этомъ свидѣтельствуешь?

На той же 232 стран. г. Латышевъ, перечисляя распространенія въ Элладѣ общества почитателей различныхъ иностранныхъ божествъ, даже такихъ незначительныхъ, какъ Зевса Лабрандскаго и Афродиты Сирійской (правда, тутъ одни только ихъ имена), ни слова не упоминаетъ объ Изидѣ, между тѣмъ, какъ ея культъ былъ широко распространенъ не только въ Атикѣ, гдѣ онъ проникъ даже въ Аѳины, но и въ другихъ областяхъ Эллады. Относительно Изиды мы узнаемъ изъ книги г. Латышева только то, что ея мистеріи въ Египтѣ представляли значительное сходство съ обрядами мистерій елевсинскихъ (стр. 208, но съ какими именно обрядами, не сказано), и что въ жертву Изидѣ приносились гуси (стр. 84). При неопредѣленности перваго указанія единственное точное свидѣніе относительно Изиды, какое мы можемъ почерпнуть изъ всей книги г. Латышева, это свидѣніе о гусѣ, какъ жертвенной птицѣ Изиды, но такое указаніе, понятно, не насытитъ того, кто желалъ бы узнать объ Изидѣ кое-что существеннѣе. Вообще о религіозныхъ обществахъ въ Элладѣ, какъ объ одномъ изъ важныхъ явленій еллинской жизни, желательнo было бы встрѣтить въ очеркѣ древностей г. Латышева болѣе подробностей и болѣе глубины содержанія.

Въ той же главѣ на стр. 233 читаемъ: „Доступъ въ такія общества (выше упоминалось о религіозныхъ обществахъ въ Пирѣѣ,

¹⁾ *Conse, Arch. Unters. auf Samothr. 1875, Pl. LXXI, n° 19.*

на островѣ Родосѣ, Делосѣ и въ Тивандѣ) былъ безпрепятственно открытъ лицамъ обоого пола и не только гражданамъ того государства, въ которомъ составлялись общества, но и метойкамъ, иностранцамъ и рабамъ. Последняя особенность объясняется именно тѣмъ, что общества составлялись для почитанія чужеземныхъ боговъ, и составляетъ характеристическую черту частныхъ (курсивъ у автора) культовъ, такъ какъ въ государственныхъ могли участвовать только граждане^а. Но прочитавъ, что говорится на стр. 139 о Діонисіяхъ, праздниѣ, безъ всякаго сомнѣнія, государственномъ: „Для празднованія сельскихъ Діонисій обыкновенно сходились вмѣстѣ родичи, мужчины и женщины, господа и рабы“. Тутъ одно какъ-то не мирится съ другимъ, одно опровергаетъ другое. Вѣрно, конечно, то, что читаемъ о Діонисіяхъ на стр. 139; а характеристическихъ чертъ частныхъ культовъ слѣдовало бы поискать въ чемъ-то другомъ, поглубже, а не во внѣшней формѣ, да и то не характеристической, а общей.

Въ 22-й главѣ излагается домашній культъ древнихъ грековъ: обряды брачныя, обряды совершавшіяся надъ дѣтьми, и погребальныя—все это описано точно и живо. Сомнѣваюсь только, можно ли приложить къ брачному обряду у грековъ понятіе „таинство“, какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ (стр. 236). Современное понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ, не совпадаетъ съ понятіемъ о бракѣ, хотя бы и таинственномъ символическомъ священнодѣйствіи, у древнихъ грековъ. У насъ другіе образы, другой смыслъ ¹⁾, а терминъ будетъ общій? Что этимъ достигается?

При описаніи погребальныхъ обрядовъ (стр. 240—246) г. Латышевъ не представляетъ систематическаго разказа о погребальныхъ обрядахъ въ гомеровскія времена, а это было бы важно какъ необходимое дополненіе къ картинѣ гомеровскаго быта, которую г. Латышевъ такъ хорошо начертилъ въ первой части своего очерка древностей. По видимому, и самъ авторъ сознавалъ важность описанія погребальныхъ обрядовъ во времена Гомера,—по какой же другой причинѣ онъ, на протяженіи какихъ-нибудь трехъ страницъ, дважды напоминаетъ читателю объ указываемомъ у Гомера обычаѣ сжигать людей и животныхъ вмѣстѣ съ трупомъ героя? Такъ, на стр. 242 читаемъ: „Въ гомеровскія времена убивали и животныхъ (иногда даже и людей, какъ при погребеніи Патрокла) и бросали въ огонь“,—и

¹⁾ Pauli epist. ad Ephes. V, 29 sq.

опять на стр. 245: „Еще въ гомеровскія времена при погребеніи героевъ убивали животныхъ и даже людей и сожигали ихъ на кострѣ вмѣстѣ съ прахомъ героя“. Кажется, совершенно достаточно было бы сказать объ этомъ только въ одномъ мѣстѣ.

На стр. 243 г. Латышевъ пишетъ: „Направленіе гробницъ было весьма различно; по видимому, древніе заботились при погребеніи только о томъ, чтобы покойникъ былъ обращенъ въ могилѣ ногами къ дорогѣ“. Но послушаемъ Діогена Лаэртія: ἀνακρίψας τινὰς τάφους ἔδειξε (ὁ Σόλων) τοὺς νεκροὺς πρὸς ἀνατολὰς ἐστραμμένους, ὡς ἦν ἔθος θάπτειν Ἀθηναίους¹⁾. Не мѣшало бы обратить на эти слова вниманіе.

Въ VI-мъ отдѣлѣ г. Латышевъ разсматриваетъ сценическія древности. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ упоминаетъ, что въ этой части ему оказалъ содѣйствіе извѣстный знатокъ сценическихъ древностей профессоръ П. В. Никитинъ, сообщившій „при пересмотрѣ корректурныхъ листовъ не мало цѣнныхъ указаній“. Это обстоятельство, нисколько не умаля самостоятельности шестаго отдѣла очерка древностей г. Латышева, представляетъ отрадное явленіе. Въ Германіи во введеніяхъ къ такимъ почтеннымъ трудамъ, какъ греческая исторія Бузольта, исторія греческой литературы К. Зиттля, указывается цѣлый легионъ „друзей“, которые по мѣрѣ силъ содѣйствовали автору. И въ этомъ дружномъ движеніи къ достиженію высокихъ научныхъ цѣлей кроется одна изъ причинъ блестящаго успѣха науки въ Германіи. Но возвращаюсь къ разсматриваемому мной отдѣлу. Въ началѣ его помѣщенъ очеркъ развитія греческой драмы, представляющій существенныя и необходимыя свѣдѣнія по этому вопросу; далѣе слѣдуетъ описаніе театральныхъ зданій; видно, что авторъ изучалъ ихъ не по планамъ только и снимкамъ, а по тѣмъ остаткамъ ихъ, какіе сохранились въ Елладѣ до настоящаго времени. Описаніе устройства драматическихъ составаній, хора и замѣчанія о публикѣ—все это можетъ служить цѣннымъ пособіемъ при чтеніи греческихъ трагиковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Приложенный на стр. 253 планъ театра дополняетъ описаніе и содѣйствуетъ ясному представленію того, что сказано о греческихъ театральныхъ зданіяхъ. Только не лишне было бы, упоминая на стр. 248 о поговоркѣ ὀβδαὺν πρὸς τὸν Διόνυσον, замѣтить, какъ она возникла. Разказъ объ этомъ у Свиды очень характеристиченъ; онъ рисуетъ живое

¹⁾ Diog. Laert. I, § 48 (Solon. c. 2).

отношеніе зрителей къ тому, что игралось на сценѣ (сравни стр. 292—293 очерка), и указываетъ, что первоначально сюжеты трагедій заимствовались изъ мифовъ о Діонисѣ. Смыслъ всякой поговорки болѣе всего выясняется обстоятельствами, при которыхъ она впервые сказана.

На стр. 278 читаемъ: „Хоръ вышелъ изъ употребленія только въ новой комедіи“,—авторъ упускаетъ изъ виду главную цѣль своей книги—служить пособіемъ для гимназистовъ; терминъ „новая комедія“ будетъ имъ, какъ не слушавшимъ курса исторіи греческой литературы, совершенно не ясенъ. Упущены изъ виду читатели и на стр. 280, гдѣ г. Латышевъ приводитъ терминъ *καράβασις*, объясненія котораго гимназистъ напрасно будетъ искать въ его книгѣ. Отчего бы не пояснить, хотя въ примѣчаніи, что такое *καράβασις*, если пришлось употребить это слово?

Не буду долго останавливаться на отдѣльныхъ недосмотрахъ и не вполне удачныхъ выраженіяхъ, каковы, на примѣръ, „боги отвратители“ (стр. 74), гдѣ можно бы сказать боги хранители; „природный (?) грѣхъ“ (стр. 227); „руководитель къ таинствамъ“ вмѣсто—въ таинствахъ; „предводитель хора“ (стр. 278) вм. запѣвало; „известный праздникъ 'Αλεαία“ (стр. 152), между тѣмъ какъ о немъ говорится здѣсь въ первый и послѣдній разъ. Подобные недосмотры неизбежны во всякой обширной работѣ. Не буду касаться и неправильной или неясной мотивировки соображеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, на стр. 147: „Можно было бы подумать, что описанный праздникъ обуславливался естественною необходимостью совершать время отъ времени очищеніе святилища и статуи; но противъ этого говорятъ многочисленныя свидѣтельства древнихъ о томъ, что Плиніи совершались собственно въ честь Аглавры“ и т. д. Въ чемъ тутъ сокровенная *vis argumenti*? Замѣчу то, что встрѣчается чаще: авторъ слишкомъ уже щедръ на такіа неопредѣленныя выраженія, какъ „древнѣйшій періодъ“, „древнѣйшія времена“, „новѣйшее время“, „возднія времена“ (см. стр. 10, 53, 55, 99, 143, 146, 147, 163 и т. д.). Имѣя въ виду, что у нѣкоторыхъ писателей замѣчается навыкъ употреблять неопредѣленныя выраженія въ одномъ и томъ же опредѣленномъ смыслѣ, я старался прослѣдить тѣ случаи, гдѣ г. Латышевъ употребляетъ эти выраженія въ болѣе опредѣленномъ значеніи, но не могъ придти ни къ какимъ выводамъ, такъ какъ эти термины встрѣчаются у него въ различныхъ мѣстахъ въ различномъ смыслѣ. Признаю, что подобная неопредѣленность иногда не-

необъяснима, и такихъ случаевъ никто не будетъ ставить автору въ упрекъ, но не слѣдуетъ допускать неопредѣленности тамъ, гдѣ возможна ясность и опредѣленность.

Точно также не могъ я уяснить себѣ, какихъ правилъ держится г. Латышевъ по вопросу о транскрипціи греческихъ дифтонговъ. Посмотришь одно слово,—положено въ основу произношеніе Эразмовское; посмотришь другое—нѣтъ, это уже Рейхлиновское; посмотришь третье—ни то, ни другое, а какое-то новое. Такъ дифтонгъ *oi* передается у г. Латышева и по Эразму, какъ *oi* (метойки, стр. 12), и по Рейхлину, какъ *и* (Финики, стр. 5), и по... но я не могу указать, кто учить произносить *oi* какъ *o* (Іеропон, стр. 33). То же разнообразіе замѣчается и въ простыхъ гласныхъ, даже въ одномъ и томъ же словѣ (кирики, стр. 50 и верики, стр. 210), и въ согласныхъ (Борей, стр. 9 и Воспоръ, стр. 163). Я касаюсь здѣсь этого вопроса главнымъ образомъ потому, что онъ имѣетъ общее значеніе¹⁾. Трудно указать на русскомъ языкѣ такую книгу, въ которой послѣдовательно былъ бы проведенъ опредѣленный принципъ транскрипціи греческихъ звуковъ. Какой бы принципъ ни принять, но должно провести его безъ всякаго уклоненія, безъ колебаній, а самое лучшее всѣмъ держаться однихъ и тѣхъ же основъ. Это вопросъ болѣе важный, чѣмъ какимъ онъ можетъ казаться съ перваго взгляда, и неоднократно уже возбуждаемый. Почему же такъ трудно русскимъ ученымъ достигнуть общаго согласія хотя бы въ этомъ маленькомъ уголкѣ?

Что касается до библиографическихъ указаній во второй части очерка греческихъ древностей, то желательно было бы встрѣтить здѣсь болѣе полную полноту²⁾. Г. Латышевъ не упоминаетъ, напримѣръ, очень важнаго журнала, необходимаго для всякаго, кто интересуется религиозными древностями, — издаваемого Ж. Ревиллемъ *Revue de l'histoire des religions*. На стр. 16 указано сочиненіе Гильда *Étude sur les démons*, а не отмѣчена монографія Укерта *Ueber Dämonen, Heroen und Genien*, Leipzig. 1850, которая по массѣ собраннаго въ ней матеріала превосходитъ книгу Гильда и можетъ замѣнить собою

¹⁾ О способѣ транскрипціи у г. Латышева уже сдѣлалъ замѣчанія г. Щукаревъ въ рецензіи на первую часть очерка греческихъ древностей, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, февраль.

²⁾ Изъ добавленій на стр. 326 видно, что и самъ авторъ стремился къ возможной полнотѣ своихъ библиографическихъ указателей, поэтому, надѣюсь, г. Латышевъ не укоритъ меня въ навязываніи ему того, чего онъ не ставилъ своей цѣлью въ данномъ случаѣ.

всѣ монографіи, вышедшія до настоящаго времени по этому вопросу. На той же 16 страницѣ авторъ указываетъ трудъ П. Дешарма *Mythologie de la Grèce antique* въ изданіи 1879 года, между тѣмъ какъ въ 1886 году вышло второе вновь переработанное изданіе этой книги. Книгу А. Небе *De mysteriorum Eleusiniorum tempore et administratione publica* г. Латышевъ относитъ къ 1887 году (стр. 221), а она вышла въ 1886 году. Это маленькая докторская диссертация (28 стр.), которую Небе защищалъ въ Галльскомъ университетѣ 30-го октября 1886 года, какъ значится на самой оберткѣ этой книги, гдѣ читаемъ: „in auditorio maximo die XXX M. Octobris a. MDCCCLXXXVI publice defendet auctor A. Nebe“. Пропущены нѣкоторыя важныя изслѣдованія, вышедшія въ текущемъ году, напримѣръ, Н. Romtow, *Beiträge zur Topographie von Delphi*, Berl. 1889 (къ стр. 196 очерка), но авторъ, быть можетъ, не имѣлъ возможности ихъ помѣстить, когда его книга уже печаталась. Впрочемъ, и въ настоящемъ видѣ библиографическіе указатели въ „Очеркѣ“ г. Латышева, за немногими исключеніями, могутъ удовлетворить требованіямъ читателя. Въ заключеніе нельзя не сказать, что очеркъ религиозныхъ и сценическихъ древностей Еллады, написанный г. Латышевымъ, представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для нашей литературы. Непосредственное изученіе первоисточниковъ и памятниковъ архитектуры и искусства, тщательное и обширное знакомство съ новѣйшими изслѣдованіями, точность и осторожность въ передачѣ фактовъ придаютъ этой книгѣ серьезное научное достоинство, а живое, увлекательное изложеніе—вышнюю красоту. Книга г. Латышева будетъ не только полезнымъ пособіемъ въ рукахъ гимназистовъ и студентовъ-филологовъ, но ее съ удовольствіемъ прочтаетъ всякій, кто интересуется религиозной жизнью и сценическими древностями Еллады.

И. Новосадеиій.

Картезъ Н. Польскія реформы XVIII вѣка. С.-Пб. 1890.

Новѣйшее сочиненіе проф. Карѣва, посвященное польскимъ реформамъ XVIII вѣка, имѣетъ цѣлью установить строго-историческій взглядъ на эпоху реформъ посредствомъ критическаго разбора наиболѣе важныхъ сторонъ вопроса, при чемъ авторъ ставитъ себѣ задачей рассмотреть эти стороны въ томъ освѣщеніи, какое могло бы имѣть дать сопоставленіе или сравненіе Польши съ другими государствами за тотъ же періодъ. Занимающая автора эпоха богата

разнообразнымъ матеріаломъ и литературой. Отъ этого времени дошли до насъ многочисленныя мемуары, донесенія посланниковъ, свидѣтельства иностранцевъ, громадное количество публицистическихъ произведеній, дневники сеймовъ и разнаго рода другіе источники. Кромѣ того, имѣется богатая историческая литература, трактующая или о всей этой эпохѣ, или объ отдѣльныхъ ея моментахъ. Настоящій трудъ проф. Карѣева не основанъ на изученіи источниковъ, а составленъ лишь на основаніи готовыхъ уже изслѣдованій. Подобно нѣкоторымъ предыдущимъ трудамъ того же автора, и новая его книга имѣетъ цѣлью только новое освѣщеніе вопроса, новую его постановку и не обогащаетъ науку ни новыми свѣдѣніями, ни новыми данными.

Первая глава посвящена постановкѣ вопроса. Прежде всего авторъ характеризуетъ описываемую имъ эпоху. Время преобразованій въ Польшѣ совпало съ эпохой такъ-называемаго просвѣщеннаго абсолютизма и со временемъ французской революціи. Тогда въ разныхъ государствахъ Европы появились государи и министры, находившіеся въ союзѣ съ просвѣщеніемъ этого философскаго вѣка и производившіе различнаго рода преобразованія въ силу абсолютной власти. Вездѣ въ то время реформы проводились и предпринимались сверху, самимъ правительствомъ. Польша не знала просвѣщеннаго абсолютизма, потому что въ ней абсолютизма не было. Тѣмъ не менѣе, и въ ней въ эту эпоху правительство выступаетъ на путь внутреннихъ реформъ. Польша пыталась дѣлать у себя то же, что дѣлалось въ тѣхъ государствахъ, гдѣ правители сами выступали въ роли реформаторовъ, но способы и средства были здѣсь иныя; вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ внутреннее переустройство не представляло столько затрудненій, какъ въ Польшѣ. Внутреннія затрудненія происходили отъ отсутствія власти. Если на западѣ абсолютная власть была не въ ладахъ съ дворянствомъ и духовенствомъ, то въ Польшѣ вся сила принадлежала этимъ двумъ сословіямъ, и польскіе реформаторы не могли ей противопоставить другихъ элементовъ, сыгравшихъ въ другихъ странахъ большую роль. Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились еще внѣшнія. Иностранныя правительства уже раньше привыкли вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой и изъ собственнаго интереса должны были противодѣйствовать всему тому, что могло бы превратить слабое государство въ болѣе сильный и крѣпкій организмъ. Не смотря однако на всѣ эти неблагоприятныя внутреннія и внѣшнія условія, дѣло преобразованія было начато и

въ Польшѣ, не бросалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и уже успѣло принести результаты, возбуждавшіе даже на западѣ блестящія надежды. Но все это явилось слишкомъ поздно: Польскому государству пришелъ конецъ какъ разъ въ ту эпоху, когда оно, по видимому, выходило на путь болѣе правильнаго историческаго развитія. Такимъ образомъ, профессоръ Карѣвъ ставитъ польскія реформы въ связь съ общеевропейскими и, рассматривая Польшу, какъ одно изъ государствъ, въ коихъ совершалась преобразовательная дѣятельность, смотритъ на нихъ какъ на одинъ частный случай общаго явленія.

Такая постановка вопроса, несомнѣнно, самая правильная. Но сравнительный методъ у г. Карѣва въ частностяхъ не вполне выдержалъ. Главный недостатокъ—полное отсутствіе сравненія съ Россіей, которой не возможно выдѣлять изъ общаго строя европейскихъ государствъ въ просвѣтительную эпоху Екатерины II. Многіе вопросы во внутренней жизни Польши получили бы иное освѣщеніе отъ сравненія съ положеніемъ ихъ въ Россіи.

Сдѣлавъ вышензложенную общую постановку вопроса, авторъ въ слѣдующей главѣ, остановившись на возникновеніи идеи реформы, рассматриваетъ проекты разныхъ партій этого времени. Авторъ категорически утверждаетъ слѣдующее: „Не опасаясь встрѣтить ни съ какой стороны ни одного серьезнаго возраженія, мы были бы въ правѣ утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что первыя попытки реформы не были результатомъ распространенія въ обществѣ новыхъ взглядовъ, выработанныхъ въ тиши кабинета одинокими мыслителями“. Проф. Карѣвъ думаетъ, что къ идеѣ реформы приводило зрѣлище униженія, въ какомъ находилась Польша. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что пионерами реформъ сдѣлались магнаты, смолоду ѣздившіе за границу и по долгу жившіе въ Лоннвилѣ и Нанси, при дворѣ „короля-философа“, издавшаго въ 1733 году преобразовательный проектъ. Вопросъ же о реформѣ практически выступилъ на сцену впервые въ 1744 году. Одно сопоставленіе этихъ мѣнній г. Карѣва возбуждаетъ сомнѣніе въ возможности утверждать, что первыя попытки реформъ не были результатомъ распространенія новыхъ идей. Нельзя рассматривать реформы XVIII вѣка отдѣльно отъ всего преобразовательнаго движенія въ польской литературѣ и жизни, начавшагося еще въ XV вѣкѣ. Большая рѣдкость старинныхъ изданій разныхъ польскихъ политическихъ трактатовъ свидѣтельствуетъ, что они считались, а на сеймахъ мы не разъ встрѣчаемъ тѣ

идеи, которыя ранѣе появлялись въ печати. На нашъ взглядъ, рѣшительное утвержденіе г. Карѣва нуждается еще въ провѣркѣ, то-есть, надо доказать, что большинство политическихъ трактатовъ написано безъ всякаго вліянія западно-европейскихъ теорій. Между тѣмъ самъ проф. Карѣвъ удостовѣряетъ, что теоретическая мысль шла всегда впередъ движенія самой жизни и стала выработать проекты и планы реформъ, при чемъ политическая литература была весьма обильна. Къ сожалѣнію, проф. Карѣвъ не изслѣдовалъ вопроса объ отношеніи польской политической литературы къ иностранной и указалъ только въ общихъ чертахъ на французское вліяніе. Въ VI главѣ авторъ ограничился только оборотомъ польской политической литературы, а его полезнѣе было бы замѣнить разборомъ этой послѣдней, чего однако еще не сдѣлано надлежащимъ образомъ, и что, по мнѣнію самого автора, должно стать предметомъ особаго изслѣдованія. То, что сообщаетъ г. Карѣвъ въ этой главѣ, давно уже и на разные лады было пересказываемо и, по правдѣ говоря, не особенно нуждалось въ новой передачѣ.

Въ послѣдней главѣ авторъ ставитъ себѣ задачей прослѣдить, на сколько польское законодательство осуществляло желанія передовой публицистики, и на сколько сдѣланныя реформы прививались въ жизни. Задача и очень легкая, и весьма трудная: легкая—потому, что объ этомъ вопросѣ говорилось уже очень много, а трудная—потому, что для того, чтобы сказать что-нибудь новое, надо познаться не только съ обширною публицистикою, но и съ подлинными дневниками и постановленіями сеймовъ и съ мѣрами разныхъ правительственныхъ учреждений. Профессоръ Карѣвъ ограничился готовыми уже изслѣдованіями Костомарова, Калыки, Корзона, Лимановскаго и на основаніи этихъ писателей составилъ послѣднюю главу своего очерка.

Въ этой главѣ мы замѣтили нѣкоторые недосмотры. Такъ, говоря о крестьянскомъ вопросѣ на четырехлѣтнемъ сеймѣ, г. Карѣвъ утверждаетъ, что Корзонъ, относящійся весьма благопріятно къ дѣятельности этого сейма, привелъ только два эпизода, по поводу которыхъ говорили о крестьянахъ, и не былъ въ состояніи привести сколько-нибудь значительнаго ихъ количества. При этомъ дѣлается ссылка на т. I, стр. 423—428, сочиненія Корзона. Профессоръ Карѣвъ, по видимому, не провѣрилъ его ссылокъ, изъ которыхъ явствуетъ, что подобныхъ эпизодовъ было не малое количество. Притомъ не вѣрно и то, что на сеймѣ „только поговорили“ о

крестьянахъ. Тотъ же Корзонъ нѣсколько дальше (стр. 439—443) привелъ цѣлый рядъ распоряженій высшихъ властей, свидѣтельствующихъ, что вся польская администрація считала своимъ долгомъ защищать крестьянъ и въ своемъ рвеніи шла дальше правительственныхъ распоряженій.

Основываясь на книгѣ Лимановскаго, профессоръ Карѣевъ отмѣчаетъ фактъ, что манифестъ Костюшки о крестьянахъ, изданный 7-го мая, верховный совѣтъ опубликовалъ только черезъ три недѣли, то-есть, 30-го мая. Что Лимановскій могъ написать эти слова—мы легко понимаемъ, но повторять ихъ въ Петербургѣ, гдѣ еще недавно хранились подлинныя книги верховнаго совѣта (нынѣ перевезенныя въ Москву), не совсѣмъ умѣстно. Даже изъ моей книги ¹⁾ можно видѣть, что верховный совѣтъ въ первый разъ только собрался 28-го мая; слѣдовательно, онъ торопился обнародованіемъ манифеста, а не медлилъ. Далѣе, основываясь также на Лимановскоу, профессоръ Карѣевъ говоритъ, что мѣстныя власти не особенно заботились о доведеніи его до свѣдѣнія народныхъ массъ, и что шляхта приняла его враждебно. Между тѣмъ самъ Костюшко свидѣлствуетъ, что помѣщики приняли его распоряженіе съ патріотическимъ воодушевленіемъ и безъ малѣйшаго ропота (ср. Корзонъ, I, стр. 491). Этотъ универсалъ распространялся и принимался не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Канцлеръ Везбородко возставалъ противъ этого и писалъ Рѣпинну 25-го ноября 1794 г.: „Образъ мыслей поляковъ такого рода, что зараза легко и болѣе распространиться можетъ; вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздражить нашихъ поселянъ.... Сіи разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земли (Русск. Архивъ 1873 г., стр. 478).

Вся эта глава много выиграла бы, еслибъ авторъ не слишкомъ полагался на готовныя изслѣдованія, а самъ провѣрилъ бы дѣлаемые ими заключенія. Мы провѣрили только одинъ фактъ, но въ такой провѣркѣ нуждаются всѣ выводы, дѣлаемые въ этой главѣ, а потому она нуждается въ новой полной переработкѣ.

Въ общемъ книга почтеннаго профессора по своему изложенію можетъ однако быть весьма полезна для образованной публики и для неспеціалистовъ. Но спеціалистъ найдетъ въ ней немного новаго. Какъ уже сказано, содержаніе ея представляетъ повтореніе

1) О последніе Литовской Метрики, стр. 180.

извѣстнаго по другимъ сочиненіямъ; большая часть взглядовъ и объясненій автора также найдется у равныхъ писателей, говорившихъ о томъ же вопросѣ раньше профессора Карѣева. Остается постановка вопроса и намѣреніе автора примѣнить сравнительный методъ къ изученію всѣхъ польскихъ преобразованій XVIII столѣтія. Въ такомъ объемѣ до сихъ поръ никто еще не изучалъ этого вопроса. Но намъ кажется, что намѣренія автора не вполне приведены имъ въ исполненіе. При выполненіи этой задачи слѣдовало бы прежде всего изучить публицистическую литературу сравнительно съ обще-европейскою и затѣмъ уже рассмотреть всѣ преобразованія въ Польшѣ сравнительно съ общимъ состояніемъ соотвѣствующихъ явленій во всей Европѣ. Профессоръ Карѣевъ дѣлаетъ только случайныя сопоставленія и иногда сравниваетъ даже разнородныя явленія. Въ этомъ отношеніи мы ожидали отъ разсматриваемаго труда значительно больше, чѣмъ авторъ далъ намъ.

С. Штанцицкій.

Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. *Н. Д. Чечулина*. С.-Пб. 1889.

I.

Исслѣдованіе г. Чечулина заслуживаетъ особеннаго вниманія. Г. Чечулинъ имѣлъ цѣлью „изобразить состояніе въ XVI в. городовъ Московскаго государства, опредѣлить составъ ихъ населенія, занятія представителей каждаго сословія, ихъ повинности, указать особенности городскихъ поселеній въ разныхъ областяхъ тогдашней Россіи и т. д., словомъ, хотѣлъ изучать положеніе городовъ, какъ факторовъ культурно-экономической жизни“ (Предисл. стр. III). Въ основаніе своего исслѣдованія г. Чечулинъ положилъ изученіе всѣхъ извѣстныхъ писцовыхъ книгъ городовъ XVI в., а затѣмъ пользовался многочисленнымъ матеріаломъ, заключающимся въ общихъ и специальныхъ сочиненіяхъ по исторіи до-петровской Руси.

Изученіе писцовыхъ книгъ, притомъ большею частью въ рукописяхъ, представляло само по себѣ уже не малый трудъ, такъ что ничего нельзя возразить противъ плана исслѣдованія г. Чечулина. Онъ разбилъ, для своего облегченія, изученіе городовъ по писцовымъ книгамъ на шесть группъ, отличающихся извѣстными особенностями: 1) пригороды Новгородской области, 2) города Торопецъ и

Устюжна, 3) Псковскіе пригороды, 4) Псковъ, 5) города, ближайшіе къ Москвѣ, и 6) города по южной и юго-восточной окраинѣ. При этомъ однако г. Чечулинъ далеко не въ равной степени могъ пользоваться переносными книгами относительно городовъ каждой группы: достаточно указать на то, что самая важная группа—города, ближайшіе къ Москвѣ,—представлена только Коломною, Можайскомъ, Серпуховымъ и Муромомъ, именно только тѣми городами, о коихъ извѣстны переписныя книги XVI в., что не могло не отразиться на выводахъ г. Чечулина. Конечно, въ этомъ не вина самого изслѣдователя: слѣдуетъ только жалѣть о недостаточности наличнаго матеріала писцовыхъ книгъ XVI в. о городахъ Московскаго района. Г. Чечулинъ—надо отдать ему честь—старался вознаградить этотъ недостатокъ тщательнымъ изученіемъ писцовыхъ книгъ. Нѣтъ сомнѣнія, съ этого долженъ былъ начать свою работу всякій серьезный изслѣдователь. Но въ дальнѣйшемъ ея ходѣ многое зависитъ уже отъ личныхъ взглядовъ на дѣло. Такъ, г. Чечулинъ ограничилъ себя строго намѣченнымъ предѣломъ по времени: онъ положилъ заняться исторіей городовъ исключительно только XVI в., такъ какъ, по его мнѣнію, эпоха смуть въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. представляетъ весьма удобный предѣлъ для изслѣдованія. Пожалуй, такъ, но только не для изученія внутренней жизни нашихъ городовъ. Налаженная жизнь въ послѣднихъ шла своимъ чередомъ и въ XVII в. до самыхъ реформъ Петра Великаго, не измѣняясь въ своихъ существенныхъ чертахъ. Это слѣдовало бы имѣть въ виду особенно потому, что въ переписныхъ книгахъ городовъ и посадовъ о многомъ умолчено, о другомъ не договорено. Писцы и доворщники, съ своей точки зрѣнія, были въ этомъ совершенно правы: они не считали нужнымъ говорить о томъ, что ихъ современникамъ было хорошо извѣстно, равно какъ мелькомъ упоминали о разныхъ сосѣдяхъ, дворникахъ, захребетникахъ, не додворѣвая, что со временемъ всѣ эти термины будутъ мало понятны для самихъ же русскихъ и потребуютъ разъясненій. Какъ же можно было бы помочь дѣлу, когда матеріалъ, положенный въ основу изслѣдованія, писцовыя книги, оказывался недостаточнымъ? По нашему мнѣнію, слѣдовало либо углубиться въ болѣе ранній періодъ времени, либо хоть коснуться тѣхъ же самыхъ писцовыхъ книгъ позднѣйшей эпохи, XVII в., либо, наконецъ, соединить то и другое, не упуская изъ виду и другіе акты помимо переписей городовъ и посадовъ. Г. Чечулинъ два-три раза, и то по второстепеннымъ вопро-

самъ, рѣшался отступать отъ своей программы—не переходить за заповѣдный рубежъ XVI в. при пользованіи источниками. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ выводы г. Чечулина, не говоря уже о полнотѣ картины, могли бы получить болѣе опредѣленный характеръ при болѣе широкомъ пользованіи историческимъ матеріаломъ. Сверхъ того, намъ кажется, что г. Чечулинъ слишкомъ увлекся архивнымъ матеріаломъ писцовыхъ городскихъ книгъ XVI в. и, посвятивъ на изученіе его много труда, не въ той мѣрѣ внимательно, какъ бы слѣдовало, отвесся къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ предмету его изслѣдованія. По крайней мѣрѣ я не могъ не вынести подобнаго убѣжденія, какъ авторъ „Исторіи Серпухова“¹⁾, въ приложеніяхъ къ коей я помѣстилъ между прочимъ цѣликомъ Серпуховскую сотню 1552 г. князя Фуникова—матеріалъ первостепенной важности для исторіи городовъ XVI в. Правда, сама сотня, наравнѣ съ переписными книгами другихъ городовъ, изучена г. Чечулинымъ обстоятельно; за то мое сочиненіе, которое, казалось бы, должно было интересовать г. Чечулина, просмотрѣно лишь слегка. Говорю такъ потому, что не вижу никакихъ другихъ основаній, почему бы г. Чечулинъ могъ превратно истолковать нѣкоторыя мѣста моей книги и приписать мнѣ выводы, какихъ я не дѣлалъ. Въ введеніи къ своему изслѣдованію г. Чечулинъ приводитъ взгляды русскихъ историковъ и другихъ ученыхъ на города въ древней Россіи, взгляды, дѣйствительно, во многомъ несогласные между собою, при чемъ прибавляетъ (стр. 4): „Наконецъ, въ послѣднее время Симсонъ утверждалъ, что въ XVI в. населеніе городовъ было сплошь посадское и значительно болѣе многочисленное, чѣмъ въ XVII в., и что появленіе военнаго элемента въ городахъ замѣчается только со второй половины XVI в.“ (Исторія Серпухова, VI). Далѣе (на стр. 5) г. Чечулинъ продолжаетъ: „Пользованіе источникомъ только одного какого-нибудь рода во многихъ случаяхъ наложило на выводы того или другаго ученаго ясный отпечатокъ“²⁾. Особенно замѣтно это при разсмотрѣніи того, что было высказано Хлѣбниковымъ и Симсономъ, взгляды которыхъ на положеніе городовъ въ XVI в. диаметрально противоположны: Хлѣбниковъ пришелъ къ своимъ выводамъ о преобладаніи въ городахъ военнаго элемента потому, что глав-

¹⁾ Изд. въ 1880 г. М.

²⁾ Справедливость этого замѣчанія г. Чечулинъ подтвердилъ самъ своимъ изслѣдованіемъ, какъ о томъ было сказано мною раньше.

нимъ образомъ, почти исключительно, основывался на книгахъ разрядныхъ, которыя, соотвѣтственно цѣли своего составленія, сообщаютъ свѣдѣнія почти исключительно о самыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ... Симсоу же составилъ свое опредѣленіе городовъ XVI в. на основаніи сотной на Серпуховской ¹⁾ посадъ, то-есть, документа, содержащаго въ себѣ данныя лишь о посадскомъ населеніи, а для XVII в. онъ имѣлъ полную писцовую книгу того же города, гдѣ и нашелъ ратныхъ людей, въ его сотной XVI в. вовсе не упомянутыхъ, но вообще, несомнѣнно, жившихъ по городамъ и въ XVI в. ²⁾

Разсмотримъ первое мѣсто съ ссылкой на стр. VI предисловія моей книги. У меня сказано: „2) Незадолго до построенія каменнаго города, когда на Серпуховъ было обращено вниманіе, онъ является по сотной князя Фуникова, писанной въ 1552 году, довольно бойкимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ. Городъ, то-есть, собственно посадъ, богатѣлъ именно вслѣдствіе важнаго своего положенія на берегу. 3) Вторая половина XVI в. была эпохою наибольшаго процвѣтанія города. Смутное время привело его въ разореніе, отъ котораго ему трудно было совсѣмъ поправиться, тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ завершилась его историческая роль. 4) Населеніе города-посады со второй половины XVI в. приняло въ значительной степени военный характеръ, что впрочемъ не мѣшало ему по прежнему заниматься торговлею и промыслами, и къ концу XVII ст. не смотря на включеніе въ посадъ большого и богатаго Мироносицкаго села (древняго Сельца), было не только не многочисленнѣе сравнительно съ 1552 г., но напротивъ даже меньше“.

Означенныя мѣста предисловія моей книги представляютъ: вопервыхъ, выводъ для одного только Серпухова, на основаніи тщательнаго изученія какъ его переписныхъ книгъ, такъ и вообще хода его исторіи, но никакъ не выводъ для другихъ какихъ-либо городовъ, хотя бы и подмосковныхъ, почему сдѣлать отсюда обобщенія никакъ нельзя. Вторыхъ, у меня и въ выводахъ различаются между собою городъ и посадъ, не говоря уже о многихъ мѣстахъ моего сочиненія ³⁾; да и странно было бы предполагать иное, когда у меня прослѣжена вся исторія Серпухова съ его основанія до Петра Великаго. Третьихъ, па-

¹⁾ Г. Чечулинъ вездѣ употребляетъ Серпуховскій вмѣсто Серпуховской (съ удареніемъ на последнемъ слогѣ, какъ слѣдуетъ произносить это слово, на основаніи старинныхъ актовъ и нынѣшняго мѣстнаго произношенія).

²⁾ См., напримѣръ, стр. 12, 13, 131 и др.

раграфъ 4-й слѣдуетъ непремѣнно понимать во всей его цѣлости. Если же взять первую его половину, то вотъ въ какомъ видѣ она представится: „Населеніе города-посада (повторяю—одного Серпухова) со второй половины XVI в. приняло въ значительной степени военный характеръ, что впрочемъ не мѣшало ему попрежнему заниматься торговлею и промыслами“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на стр. 138 у меня сказано: „Изъ сотной Фуникова мы видимъ, что въ 1552 году Серпуховъ, оставаясь крѣпостью, былъ въ то же время вполне торгово-промышленнымъ селеніемъ: достаточно указать на то, что при 623 дворахъ посадскихъ людей въ немъ было 250 занятыхъ лавокъ, амбаровъ и полулавокъ“.

Перехожу ко второму замѣчанію г. Чечулина (на стр. 6). Г. Чечулину дѣло представляется такъ: мнѣ попалась сотная на Серпуховской посадѣ, а я вообразилъ себѣ, что она описываетъ не одну посадъ, но и городъ, то-есть, крѣпость. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Развернемъ „Исторію Серпухова“ на стр. 133, гдѣ сдѣлано у меня введеніе къ сотной князя Фуникова 1552 года. Тамъ сказано: „Сотная возсоздаетъ передъ нами древній городъ-посадъ въ его старинномъ видѣ. Можно только пожалѣть, что въ ней, рядомъ съ описаніемъ посада, нѣтъ никакихъ подробностей относительно настоящаго города, то-есть крѣпости, которая стоитъ вся спрятанная въ свои стѣны, лишь выглядываютъ изъ за нихъ кресты двухъ ея храмовъ. Впрочемъ мы не можемъ сѣтовать на писцовъ—князя Фуникова съ товарищами: умалчиваніе о крѣпости вполне естественно. Перепись имѣла дѣло до торговаго и промышленнаго люда, съ котораго можно было ожидать государству дохода; крѣпость же заключала въ себѣ, помимо храмовъ, казенныя мѣста, управленія и осажденные дворы крупныхъ окрестныхъ помѣщиковъ и монастырей. Всѣ эти учрежденія и лица не тянули тягла вмѣстѣ съ посадскими, горожанами въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, почему писцы ограничились только однимъ упоминаніемъ о городѣ, чтобы отдѣлить его отъ посада“. Кажется, это мѣсто само говоритъ за себя и не нуждается въ комментаріяхъ, такъ что г. Чечулину можно было бы избѣгнуть необходимости ссылкой на Неволіна толковать мнѣ, что сотная содержитъ въ себѣ лишь данныя о посадскомъ населеніи и затѣмъ разъяснять, что ратные люди жили въ Серпуховѣ и въ XVI в. Кто же могъ въ этомъ сомнѣваться! Видѣ не даромъ же Серпуховъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, преграждавшихъ дорогу къ Москвѣ съ юга.

Вообще, дѣлая характеристику Серпухова, я хотѣлъ только выставить на видъ слѣдующія положенія, не только не опровергнутыя, но скорѣе подтвержденныя самимъ г. Чечулинымъ въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія. Серпуховъ (рѣчь идетъ преимущественно, если не исключительно, о посадѣ) отличался во времена кн. Фуникова торгово-промышленнымъ характеромъ. Въ скоромъ времени послѣ переписи кн. Фуникова его внутренняя крѣпость на Соборной горѣ (собственно городъ въ отличіе отъ посада) была обнесена крѣпкими каменными стѣнами съ многочисленными башнями и бастионами. Около этого же времени значительная часть посада съ его торгомъ была обращена въ деревянный острогъ, укрѣпленія коего были расширены въ XVII в. прирубкою такъ-называемаго „Новопріимочнаго острога“ ¹⁾. Всѣ эти укрѣпленія придали Серпухову довольно внушительный видъ сильной крѣпости; въ которой то и дѣло собирались сторожевые отряды на случай появленія крымцевъ,—такъ что на стр. 189 моей книги, когда дѣлалъ сравненіе Серпухова 1552 г. съ Серпуховомъ въ XVII в., я имѣлъ основаніе сказать слѣдующее: „Вообще острогъ по характеру своихъ дворовъ во многомъ теперь (въ XVII в.) разнился отъ того древняго посада, какимъ онъ былъ вѣкогда и который былъ переписанъ княземъ Фуниковымъ. Хотя въ немъ остался попрежнему торгъ, все же онъ принялъ болѣе военный характеръ съ своею массою осадныхъ дворовъ, пустыхъ въ мирное время и многолюдныхъ, когда приходилось готовиться сидѣть въ осадѣ“. Далѣе на стр. 192, гдѣ говорится о переписи Серпухова, произведенной въ 1646 г. Ульяномъ Семен. Лапуновымъ, у меня также не безъ основанія сказано: „Видно по всему, что Лапуновъ осматривалъ преимущественно военное поселеніе; да такимъ оно и казалось снаружи: предъ острогомъ торчатъ неуклюжіе надолбы, за ними ровъ, острожныя стѣны съ бойницами и башнями, за острогомъ громадный курганъ—Каменный городъ съ величественными башнями—все это признаки сильной крѣпости“. Но тутъ же у меня сказано также: „Но городъ быстро пережилъ то непродолжительное время, когда онъ былъ рѣшительно первымъ на Берегу“ и т. д. Словомъ, у меня про Серпуховъ сказано, что онъ былъ военнымъ городомъ въ смыслѣ находившейся въ немъ крѣпости, какъ

часть ослѣдств. одт. 2.

мы и теперь называемъ военными многіе укрѣпленные города, хотя они и отличаются промышленностью и торговлею.

Что касается до взгляда моего на древніе русскіе города, въ томъ числѣ и XVI столѣтія, то я ничего не нахожу нужнымъ прибавить къ тому, что мною сказано на стр. 137 моей „Исторіи Серпухова“, въ главѣ „Серпуховъ по сотной кн. Фунникова“, каковая глава преимущественно должна бы была интересовать г. Чечулина. Позволяю себѣ привести это мѣсто: „Еще въ недавнее время въ нашей исторической литературѣ былъ горячій споръ относительно характера городовъ въ древней Россіи и ихъ жителей. Одни желали видѣть въ городѣ исключительно укрѣпленіе, утверждая, что населеніе жило въ селахъ и деревняхъ, въ городахъ же укрывалось только во время опасности. Другіе приравнивали города отчасти къ нынѣшнимъ. Сотная Фунникова даетъ на этотъ счетъ любопытныя указанія. Изъ нея мы узнаемъ, что дѣйствительно городъ во времена Іоанна IV, какъ и прежде, по преимуществу означалъ крѣпость. „Въ Серпухове на посаде дворы тягле ...“, сказано въ сотной: „отъ города вверхъ по рекѣ“—прямо выдѣленъ посадъ отъ города-крѣпости. Съ другой стороны посадъ, то-есть, городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, такъ былъ тѣсно связанъ съ городомъ-крѣпостью, что вмѣсто слова посадъ то и дѣло упоминается городъ, напримѣръ, „на посадеж дворы, что были оброчные, а нынча приписаны к городу в тягло“. Очевидно, надобно было бы сказать: „къ посаду“, ибо самъ городъ тягла не тянулъ. Такое смѣшеніе волюнъ понятно и естественно. Населеніе посада, не смотря на различныя невзгоды и опасности вражескихъ нападеній, какъ было въ Серпуховѣ, постепенно увеличивалось, приходили поселенцы и изъ другихъ мѣстъ—„приходцы“, по выраженію сотной, и вотъ древній городъ со всѣхъ сторонъ окружался мирнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ. Когда вполнѣдствіи древней Серпуховской посады былъ обращенъ въ острогъ, то-есть, въ деревянную крѣпость со стѣнами и башнями, онъ не утратилъ своего прежняго характера, оставшись по преимуществу торговымъ центромъ. Такимъ образомъ, наши города, какъ и на западѣ Европы, имѣли совершенно естественный ростъ. Укрѣпленія невольно привлекали къ себѣ окрестное населеніе; подъ защитой ратныхъ людей, хотя при погромахъ она и не была надежна, торговый людъ торговалъ смѣлѣе, при чемъ отчасти удовлетворялъ потребностямъ военнаго сословія. Сосѣднія села и деревни въ торговомъ и хозяйственномъ

отношеніи привыкали къ своему посаду, а отсюда одинъ шагъ къ единомыслию относительно политическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ постепенно изъ древняго города-крѣпости возникалъ нынѣшній городъ съ крѣпкимъ тяготѣніемъ къ нему ближайшихъ окрестностей, что такъ бросается въ глаза въ древней нашей исторіи¹⁾. Къ тому же самому выводу пришелъ и г. Чечулинъ на стр. 309 своего изслѣдованія въ главѣ, представляющей общій очеркъ положенія городовъ въ XVI вѣкѣ.

Изъ всего вышесказаннаго, думаю, достаточно выяснилось, что г. Чечулинъ не съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ моей книгѣ, хотя во многихъ мѣстахъ она могла дать матеріалъ для его изслѣдованія.

II.

Не имѣя въ виду подробно разбирать все изслѣдованіе г. Чечулина, постараюсь тѣмъ не менѣе прослѣдить нѣкоторые изъ его выводовъ на основаніи имѣющагося у меня матеріала по исторіи Серпухова. Матеріалъ этотъ частію заключается въ моей книгѣ, частію въ спискахъ съ переписныхъ книгъ и другихъ актовъ XVI и XVII вв., святыхъ большою частію мною собственноручно съ подлинныхъ рукописей, хранящихся въ архивахъ министерства юстиціи и Серпуховской городской управы, равно какъ въ ризницѣ Серпуховскаго Высотскаго монастыря¹⁾.

Города, ближайшіе къ Москвѣ (подмосковные), представлены у г. Чечулина, какъ уже было замѣчено, только Можайскомъ, Коломеномъ, Серпуховомъ и Муромомъ. Нельзя сказать, чтобы эти города могли дать достаточныя данныя для выводовъ обо всѣхъ подмосковныхъ городахъ. Всѣ они были на линіи укрѣпленій, оберегавшихъ подступы къ Москвѣ, и болѣе для меѣе подвержены опасностямъ

¹⁾ Во время работъ моихъ по „Исторіи Серпухова“, изданной въ 1880 г., тогдашнее монастырское начальство Высотскаго монастыря заявило мнѣ напрямикъ, что въ ризницѣ монастыря нѣтъ никакихъ старинныхъ рукописей, между тѣмъ какъ въ 1883 г. отъ новаго настоятеля монастыря почтеннаго о. архимандрита Иннокентія я узналъ, что въ ризницѣ есть нѣкоторые старинные документы. Последние оказались весьма интересными, наприимѣръ, синодикъ, начатый въ 1577 г. съ любопытными записями о вкладахъ, епископъ съ сотной ии. Фуанкова, современныи подлиннику, хранящемуся въ архивѣ Серпуховской городской управы, или никакъ не позднѣе конца XVI в., и другіе акты по земельнымъ владѣніямъ монастыря.

непріятельскаго нашествія, — конечно, рѣчь идетъ о XVI вѣкѣ. Муромъ же, отстоя на 300 верстъ отъ Москвы, не по праву причисленъ къ городамъ подмосковнымъ. Гораздо болѣе значенія для характеристики центральныхъ городовъ (такой терминъ взять г. Чечулиннымъ¹⁾) могли бы имѣть описи городовъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ Москвы, въ мѣстностяхъ болѣе покойныхъ. На основаніи переписныхъ книгъ вышеозначенныхъ городовъ г. Чечулинъ пришелъ къ выводу, что общая черта ихъ это „запустѣніе, бѣгство изъ нихъ жителей“, при чемъ прибавляетъ: „Мы можемъ замѣтить даже постепенное его усиленіе: менѣе всего пустоты находимъ въ Серпуховѣ, описаніе котораго относится къ 50-мъ годамъ, а затѣмъ, чѣмъ далѣе, чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ все болѣе и болѣе крупныя размѣры принимаетъ это явленіе“ (стр. 158). Въ главѣ VII, представляющей общій очеркъ городовъ въ XVI вѣкѣ, тотъ же самый выводъ формулированъ г. Чечулиннымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ центральныхъ городахъ до середины вѣка было еще довольно много посадскихъ людей, но затѣмъ они начали переходить въ другія мѣста, преимущественно въ окраинныя мѣстности, и къ концу вѣка въ центральныхъ городахъ черныхъ посадскихъ людей уже почти не было“ (стр. 313). Очевидно, говоря о томъ, что до середины XVI вѣка въ центральныхъ городахъ было еще довольно много посадскихъ людей, г. Чечулинъ имѣлъ въ виду сотную книгу Фуникова 1552 г., такъ какъ переписныя книги Можайска, Коломны и Мурома относятся къ періоду времени 1574—1598 гг., равно какъ говоря о запусѣніи всѣхъ вышеозначенныхъ городовъ (вообще центральныхъ), онъ могъ опираться только на переписныя книги Можайска, Коломны и Мурома, но никакъ не Серпухова—по той простой причинѣ, что таковыя отъ XVI вѣка послѣ сотной книги Фуникова не извѣстны; отъ XVII же вѣка я не знаю переписныхъ книгъ по Серпухову ранѣе 1646 г.²⁾ Такимъ образомъ г. Чечулинъ, съ одной стороны, ничѣмъ не подтвердилъ, что въ Можайскѣ, Коломнѣ и Муромѣ до середины XVI вѣка было еще довольно много посадскихъ людей, ибо опирался только на серпуховскую сотную князя Фуникова 1552 г., описывающую исключительно только Серпуховъ; съ

¹⁾ На стр. 345 г. Чечулинъ употребляетъ терминъ „подмосковные города“ какъ поясненіе слова „центральные“.

²⁾ Именно письма Ульява Семеновича Лаунова; хранятся въ Арх. Мин. Юст. (Подлинная переписная городовъ Серпухова и др. 7154, 55 г. г. № 440).

другой стороны, онъ не имѣлъ права придти къ заключенію о томъ, что въ Серпуховѣ къ концу вѣка „черныхъ посадскихъ людей уже не было“. Если же не было подъ рукою документовъ, свидѣтельствующихъ объ исчезновеніи посадскихъ людей въ Серпуховѣ, нельзя было дѣлать и общаго вывода о заустѣніи центральныхъ городовъ въ концѣ XVI вѣка. По меньшей мѣрѣ слѣдовало оставить вопросъ открытымъ¹⁾. Само собою разумѣется, я нисколько не думаю оспаривать выводъ г. Чечулина на счетъ заустѣнія въ городахъ Можайскѣ, Коломнѣ и Муромѣ, такъ какъ странно было бы спорить противъ данныхъ переписныхъ книгъ объ этихъ городахъ. За то считаю своимъ долгомъ отстаивать Серпуховъ, знакомство съ исторіей коего въ XVI и XVII вв. даетъ мнѣ возможность подтвердить мой выводъ, несогласный съ выводомъ г. Чечулина, нѣкоторыми доказательствами, хотя бы и косвенными. Оговорюсь при этомъ: я признаю вмѣстѣ съ г. Чечулинымъ и другими сходъ посадскихъ съ посадовъ для избѣжанія налоговъ, но полагаю, что это было явленіемъ болѣе продолжительной эпохи, нежели вторая половина XVI вѣка, и зависѣло, помимо общихъ, отъ многихъ частныхъ (мѣстныхъ) причинъ, обстоятельнѣе говорить о коихъ можно только на основаніи тщательнаго изученія мѣстной исторіи. Признаю также въ извѣстной степени отливъ населенія изъ подмосковныхъ городовъ на Украину и на Поволжье въ Казань и другія мѣста, хотя, по аналогіи съ фактами XVII вѣка, слѣдуетъ признать также сходъ изъ одного города въ другой, въ окрестныя селенія и особенно въ Москву²⁾.

Въ 1552 г. по сотной князя Фунникова въ Серпуховѣ было на 623 занятыхъ тяглыхъ двора пустыхъ дворовъ только 21 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 122³⁾, между тѣмъ какъ въ Муромѣ въ началѣ 70 годовъ XVI вѣка на 111 занятыхъ тяглыхъ дворовъ было пустыхъ дворовъ 157 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520, въ Можайскѣ на 116 занятыхъ тяглыхъ дворовъ было пустыхъ дворовъ 127 и 1,446 пус-

¹⁾ До обнаруженія переписныхъ книгъ другихъ подмосковныхъ городовъ второй половиною XVI вѣка.

²⁾ Согласно съ этимъ самъ г. Чечулинъ на стр. 324 говоритъ: „Въ средѣ посадской общины постепенно происходило нѣкоторое дѣшеваніе—одни вступали въ нее, другіе изъ нея уходили“.

³⁾ Безъ приписанныхъ въ 1552 г. къ посаду слободъ отношеніе занятыхъ дворовъ къ пустымъ является не менѣе благопріятнымъ, именно: на 508 жилыхъ дворовъ пустыхъ было только 10 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 89 (Ист. Серп., стр. 141).

тыхъ дворовыхъ мѣстъ, въ Коломнѣ же всего занятыхъ тяглыхъ дворовъ было только 12 да 22 оброчныхъ двора на 54 двора пустыхъ, 249 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ и 857 пустыхъ оброчныхъ дворовыхъ мѣстъ (стр. 156, 157). Изъ означенныхъ данныхъ видно, что Серпуховъ по числу занятыхъ (жилыхъ) дворовъ былъ далеко не похожъ на сравняваемые съ нимъ города Можайскъ, Коломну и Муромъ. Я склоненъ думать, что слѣдуетъ также дѣлать разницу между пустымъ дворомъ и пустымъ дворовымъ мѣстомъ—въ томъ смыслѣ, что пустой дворъ свидѣтельствуетъ о не столь отдаленномъ сходѣ бывшихъ на немъ жильцовъ, какъ пустое дворовое мѣсто; вслѣдствіе чего, напримѣръ, никакъ нельзя предполагать, чтобы въ Муромѣ въ промежутокъ времени какихъ-нибудь 20 лѣтъ XVI вѣка (1550—1574 г.) запустѣло помимо 157 дворовъ еще 520, обратившись въ одни дворовыя мѣста: мнѣ кажется, что запустѣніе послѣднихъ произошло раньше и притомъ постепенно. Конецъ XVI вѣка, начиная съ 1571 г., со времени страшнаго нашествія на Москву Крымскаго хана Девлетъ-Гирея до 1620 годовъ царствованія Михаила Феодоровича, былъ эпохою самою тревожною для Серпухова, при чемъ его посады и острогъ были два раза взяты съ бою, первый разъ въ 1610 г.—поляками, второй разъ—гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ въ 1618 г. Особенно губительно было для жителей взятіе острога и посада въ 1610 г. Млоцкій, начальствовавшій надъ поляками, мстил серпуховичамъ за недавнее избіеніе ими поляковъ, стоявшихъ въ городѣ ¹⁾. Онъ въ расплохъ напалъ на посады и острогъ, предавъ ихъ пламени, при чемъ сторицею не мало народу, другіе же были перебиты поляками. Казалось бы, послѣ подобной катастрофы и вторичнаго взятія острога и посада казаками Сагайдачнаго въ 1618 г., городъ долженъ былъ долго находиться въ запустѣніи. Но между тѣмъ, что же мы видимъ? Въ 1646 г. посланный для переписи въ Серпуховъ Ульянъ Семеновичъ Ляпуновъ нашелъ въ немъ 213 занятыхъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ, а съ конюшенными тяглецами 226, пустыхъ же всего только два двора, владѣльцы коней сошли въ Москву ²⁾; мужскаго населенія въ означенныхъ дворахъ, считая

¹⁾ Исторія Серпухова, 116.

²⁾ Собственно пустымъ былъ только одинъ дворъ, такъ какъ другой былъ занятъ серпуховитиномъ, сыномъ боярскимъ Сафрономъ Григорьевымъ смѣломъ Сярылицынымъ: указаніе не безынтересное для исторіи тяглыхъ дворовъ.

и сыновей, было 656 человекъ, а съ кондшенными тяглецами 692. Остальные дворы въ Серпуховѣ въ это время состояли изъ:

22 бобыльскихъ съ мужскимъ населеніемъ въ	54 души ¹⁾ .
42 пушкарскихъ	122 „
11 отставныхъ пушкарей.	34 „
12 городскихъ воротниковъ	36 „
17 кормовыхъ иноземцевъ	33 „
11 казенныхъ кузнецовъ	34 „
9 бѣломѣстныхъ казаковъ	34 „
8 нетяглыхъ людей.	25 „

Сверхъ того, было до 40 осадныхъ дворовъ разныхъ помѣщиковъ и другихъ лицъ. Сшедшихъ членовъ семействъ изъ посадскихъ записано было Ляпуновымъ 61 человекъ, изъ нихъ $\frac{2}{3}$ въ Москву и $\frac{1}{3}$ по ближайшимъ мѣстамъ; сшедшихъ на югъ всего 1, въ Казань и другія поволжскія мѣста ни одного. Противъ всего вышеизложеннаго, конечно, можно возразить, что все это записано въ переписныхъ книгахъ 1646 г. Совершенно вѣрно, но вѣдь все это посадское населеніе, и притомъ часто многосемейное ²⁾, не могло сразу явиться въ Серпуховѣ около 1646 г. Еслибъ оно пришло въ городъ недавно, то Ляпуновъ отмѣтилъ бы, кто откуда былъ приходецъ, какъ онъ сдѣлалъ въ весьма немногихъ случаяхъ. Гораздо естественнѣе предположить, что это было населеніе старинное, конечно, пополнявшееся разными приходцами. Не даромъ посадъ, съ устройствомъ среди него острога еще въ XVI вѣкѣ вкорѣ послѣ переписи князя Фуникова, значительно расширился противъ прежняго; не даромъ богатѣли сосѣднія слободы и Мирносицкое село, дворы коихъ сошлись съ посадскими, и многіе жильцы коихъ еще съ XVI вѣка торговали въ городскомъ ряду въ лавкахъ вмѣстѣ съ посадскими ³⁾: всѣ эти селенія, безъ сомнѣнія, скрывали въ себѣ часть посадскихъ, сходившихъ отъ налоговъ, все равно какъ они же сходили въ крестьяне, въ закладчики за патріарха, за монастыри и за другихъ владѣльцевъ. Что было въ окрестностяхъ Серпухова, то, конечно,

¹⁾ Сверхъ сего, 75 бобылей жило во дворахъ дворянъ и другихъ лицъ.

²⁾ Встрѣчается 6 случаевъ, что посадскіе люди жили въ одномъ дворѣ въ двухъ избахъ въ раздѣлѣ; сверхъ сего, встрѣчаются частые случаи прожительства внуковъ во дворахъ при дѣдахъ.

³⁾ Это видно изъ грамоты Іоанна Грознаго 1570 г. серпуховскому городовому приказчику Вулгакову (хранится въ ризницѣ Высоцкаго монастыря).

было не единичнымъ явленіемъ, такъ что московское правительство нашлось вынужденнымъ по Соборному Уложенію 1649 г. брать въ посады, для отбывенія тягла, всѣ слободы, деревни и помѣстья, которыя сошлись дворами своими съ посадскими ¹⁾. Многочисленность же подобныхъ селеній и иногда замѣчательное многолюдство ихъ населенія указываютъ на выгоды совмѣстнаго жительства съ посадскими, когда до поры до времени можно было не тянуть съ ними тягла „содно“. Такъ, въ Серпуховѣ, сойдясь своими дворами съ посадскими, долгое время не тянуло съ ними тягла богатое Мирносицкое село, пока, на основаніи Уложенія, не было взято въ посады стройщикомъ Алексѣемъ Игнатьевымъ въ 1649 и слѣдующихъ годахъ. Въ селѣ было тогда 62 двора съ мужскимъ населеніемъ въ 186 душъ; всего же было Игнатьевымъ „выведено во Серпуховъ вновь посады въ тягло... по торгомъ и по промисломъ 197 дворовъ“ (изъ Мирносицкаго села и другихъ селеній монастырскихъ, равно какъ взято разныхъ гулящихъ людей), „а людей внихъ и детей и племянниковъ и бобылей 414 человекъ“. Замѣчательно при этомъ, что весьма многіе изъ свезенныхъ въ посады тяглецовъ, особенно изъ Мирносицкаго села, занимались торговлею въ лавкахъ вмѣстѣ съ посадскими людьми въ городскомъ раду, и изъ нихъ 89 вели отпускную торговлю, преимущественно съ Москвою, куда возили хлѣбъ и рыбу, а одинъ даже торговалъ „большимъ отъѣзжнимъ торгомъ всякими товарами“ ²⁾. На основаніи всего вышеназложеннаго я никакъ не могу согласиться съ г. Чечулиннымъ, чтобы въ Серпуховѣ въ концѣ XVI вѣка почти не было посадскихъ людей. Конечно, число ихъ убавилось сравнительно съ 1552 г., но полагаю, произошло это въ началѣ XVII вѣка, вслѣдствіе двукратнаго взятія посада и острога неприятелемъ, равно какъ вслѣдствіе завершения исторической роли Серпухова, какъ главнаго опорнаго пункта на берегу. Г. Чечулинъ (стр. 4), какъ уже мною было замѣчено, не безъ изумленія ставитъ на видъ то мѣсто моего предисловія ³⁾, гдѣ я говорю, что населеніе Серпухова въ 1552 г. (и вообще въ XVI вѣкѣ) было многочисленнѣе, чѣмъ въ концѣ XVII вѣка. Но мой выводъ основанъ на статистическихъ данныхъ, приведенныхъ на стр. 212 и 213 „Исторіи Серпухова“, гдѣ сказано, что во времена князя Фуникова было въ

¹⁾ Глава XIX, ст. 8 и 9.

²⁾ Исторія Серпухова, 202.

³⁾ Стр. VI, п. 4 въ Исторіи Серпухова.

Серпуховѣ тяглыхъ посадскихъ дворовъ 623, людей въ нихъ (мужскаго вврослага населенія) 796 человекъ, въ 1678 же году тяглыхъ посадскихъ дворовъ было только 307, людей въ нихъ 511 человекъ¹⁾.

Отправляясь отъ своей точки зрѣнія на запускъ центральныя городовъ во второй половинѣ XVI вѣка, г. Чечулинъ въ главѣ, излагающей окончательные выводы его исследования, говоритъ (стр. 346): „Приведенныя нами выше цифры“ (о бѣгствѣ посадскихъ людей изъ городовъ) „достаточно ярко, думаемъ мы, иллюстрируютъ тѣ трудности, съ какими должно было совершаться даже въ XVI вѣкѣ образованіе территории Московскаго государства, затѣмъ Россійской имперіи, въ силу естественныхъ условій долженствовавшей распространяться такъ широко: присоединеніе къ русскому государству, къ русской цивилизаціи обширныхъ областей Поволжья, столь необходимо и естественно принадлежавшей великорусскому племени системы великой рѣки, стояло огромныхъ колебаній въ правильномъ теченіи народной жизни въ самомъ центрѣ государства“. Безъ сомнѣнія, присоединеніе Поволжья прибавило для московскаго правительства много лишннихъ заботъ; но не могу согласиться съ г. Чечулинимъ, чтобъ этимъ присоединеніемъ было нарушено правильное теченіе жизни въ самомъ центрѣ государства. Г. Чечулинъ, очевидно, основываетъ свой выводъ на тѣхъ приходцахъ, которыхъ онъ нашелъ по переписнымъ книгамъ XVI вѣка въ Казани, Свияжскѣ и Ланшевѣ. Но сколько же онъ нашелъ тамъ приходцевъ изъ центральныхъ городовъ? Да всего таковыхъ было въ Казани, въ самомъ многолюдномъ городѣ, только 33 человекъ, изъ коихъ москвитянъ 17 человекъ, приходцевъ изъ Серпухова 3, изъ Коломны 2, изъ Мурома 4 изъ Звенигорода 1, изъ Владимира 6 (стр. 217). Цифры эти не особенно краснорѣчивы и скорѣе могутъ быть приведены въ доказательство того, что теченіе народной жизни не было нарушено сходомъ народонаселенія на Поволжье. Въ самомъ дѣлѣ, чтъ значать 17 человекъ для Москвы, 3 для Серпухова на его многосотенное населеніе въ 1552 г.! Самъ г. Чечулинъ въ описанныхъ имъ поволжскихъ

¹⁾ Не лишнемъ значенія цифры количества малыхъ посадскихъ дворовъ въ Серпуховѣ: въ 1646 г. 226 и въ 1678 г. 307, такъ что въ 32 года прибавилось всего только 81 дворъ, и это во времена болѣе спокойной жизни города, при чемъ въ числѣ 307 дворовъ заключаются и помещичьи тяглецы послѣ озова въ посадъ въ 1649 и слѣдующихъ годахъ...

городахъ нашель приходцевъ почти со всѣхъ мѣстъ тогдашней Россіи, и отовсюду чаще всего по одному человѣку. Но приходцевъ въ такомъ числѣ, безъ сомнѣнія, можно было бы встрѣтить чуть не во всѣхъ тогдашнихъ городахъ Московскаго государства, еслибы имъ располагали ихъ писцовыми книгами ¹⁾. Если, въ болѣе раннюю эпоху, безъ особыхъ колебаній правильнаго теченія народной жизни наши предки сумѣли колонизовать сѣверъ Россіи, то Московское государство, располагавшее большими силами и большими средствами, точно также безъ особыхъ затрудненій исполнило ту же задачу и на Поволжьѣ, и въ отдаленной Сибири, благодаря отчасти и предпримчивости частныхъ лицъ, разныхъ приходцевъ, которые, выходя изъ различныхъ мѣстъ, вовсе не могли лишать ихъ населенія. Конечно, при этомъ я имѣю въ виду уже высказанное мною касательно схода съ посадковъ людей посадскихъ, укрывавшихся отъ налоговъ очень часто по близости отъ своихъ посадковъ.

Говоря о тяглыхъ дворахъ, г. Чечулинъ (стр. 185) замѣчаетъ: „Нужно предположить, что по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, приписывая къ городу въ тягло какія-нибудь слободки, увеличивали, хотя быть можетъ и въ меньшей пропорціи, число сохъ, на какое былъ росписанъ посадъ“. Кажется, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. По крайней мѣрѣ для XVII столѣтія мы имѣемъ любопытные листы сошнаго письма 1685 г. ²⁾, въ конкхъ сдѣлана разверстка, сколько слѣдуетъ въ соху класть четвертей земли, дворовъ всякихъ посадскихъ людей и т. п., при чемъ всего болѣе полагается въ сохѣ слободскихъ дворовъ, именно—320 на 40 дворовъ лучшихъ торговыхъ людей, на 80 дворовъ среднихъ людей и на 160 дворовъ молодшихъ людей ³⁾. Конечно, въ теченіе столѣтія могли происходить кое-какія измѣненія въ податяхъ, но болѣе въ смыслѣ ихъ увеличенія, — принципъ же обложенія врядъ ли подвергался измѣненію. Такимъ образомъ, естественно предположить, что при включеніи въ посадъ селеній, кон

¹⁾ Въ сошной книгѣ Фуникова упомянуто 11 приходцевъ изъ разныхъ городовъ, поселившихся въ Серпуховѣ. Въ переписныхъ книгахъ по Серпухову XVII вѣка приходцы упоминаются весьма часто; есть между ними и холмогорецъ и приходецъ даже изъ Казани. Подобные факты свидѣтельствуютъ лишь о податливости посадскихъ къ переселеніямъ.

²⁾ Приложены къ книгѣ *Вас. Крестинина*: Начертаніе исторіи города Холмогоръ. С.-Пб. 1790.

³⁾ Вобыльскихъ вѣбъ (любопытное указаніе — вѣбъ, а не дворовъ) шло на соху еще больше, чѣмъ слободскихъ дворовъ, именно—960.

сошлись своими дворами съ посадскими, увеличивали и число сохъ, хотя при этомъ слободскіе дворы могли развертываться и не въ премерціи 320 къ одной сохѣ.

На стр. 320 г. Чечулинъ говоритъ: „По нѣкоторымъ даннымъ о городахъ въ 70-хъ годахъ и о городахъ въ 90-хъ годахъ (XVI ст.) нужно думать, что повинности за это время сильно возросли“ (стр. 320). По видимому, такъ. Въ уломанутой уже мною грамотѣ Іоанна Грознаго 1570 г. серпуховскому городовому приказчику Вулгакову говорится о жалобѣ властей Высотскаго монастыря, что „серпуховскіе земскіе посадскіе старосты.... правятъ¹⁾ съ монастырскихъ слободскихъ крестьянъ „ищальныхъ денегъ с лавки¹⁾ по рублю, а сыныхъ лавокъ и по два рубля с лавки“, что составляетъ по тому времени весьма большую сумму.

На стр. 318 г. Чечулинъ говоритъ, что „не легко исполнѣ точно опредѣлить отличіе тягла отъ оброка, при чемъ прибавляетъ: „Намъ кажется, что мы всего ближе подойдемъ къ истинѣ въ слѣдующемъ опредѣленіи: тягло составляли всѣ тѣ повинности, какія несла община сообща, по числу сохъ; главнымъ образомъ это были, кажется, повинности натуральныя, но къ нимъ нужно присоединить нѣкоторыя денежныя повинности, именно, тѣ, какія возлагались прямо на всю общину; оброкомъ же назывались денежные взносы съ разныхъ статей и промысловъ, отличавшіеся отъ тягла тѣмъ, что размѣръ взноса опредѣлялся только для каждаго отдѣльнаго плательщика“. Опредѣленіе г. Чечулина совершенно вѣрно. Тягло—это общая повинность, отсюда выраженіе „тягло тянуть всякую содно“, упоминаемое въ сотной кн. Фуникова. Другое подобное выраженіе изъ болѣе поздней эпохи (XVII вѣка)—„жить быть на посаде въ тяглѣ і всякіе службы служить і тягло тянуть і подати платитъ съ посадскими людьми врьдъ“, или „вровенство“²⁾. Если писцовыя книги не перечисляютъ, изъ чего состояло тягло, хорошо извѣстное всѣмъ въ тогдашнее время, за то жалованныя грамоты, перечисляя освобожденіе такихъ-то лицъ отъ такихъ-то повинностей, тѣмъ самымъ показываютъ намъ, въ чемъ состояло „тягло тянуть всякую содно“. Такъ, напримѣръ, вотъ какія льготы далъ Іоаннъ Грозный въ 1556 г. игумену съ братією

¹⁾ Въ Серпуховѣ въ городскомъ ряду. Изъ означенной грамоты видно также, что размѣръ платы съ лавскъ былъ не одинаковъ, чѣмъ можно объяснить замѣчаніе г. Чечулина (стр. 319), что „иные молодшіе платили со своихъ лавокъ значительно больше, чѣмъ многіе добрые“.

²⁾ Исторія Серпухова, 341.

Владычня монастыря: подъ Серпуховомъ на владѣніе подгородними деревнями Палеховою, Сухотиною и Подклѣтною, въ замѣнъ обещавшей грамоты прежнихъ великихъ князей¹⁾: „Тѣмъ ихъ людямъ и крестьяномъ не надобе моя царева Великого князя дань, ни ямские деньги, ни горновщина, ни ровское, ни посoshная служба, ни городовое дѣло, ни ямчужное дѣло, ни денегъ за посoshныхъ людей и за городовое и за ямчужное дѣло не дають.. Тѣхъ деревенъ люди и крестьяне моего царева и великого князя хлѣба и лѣсу не воятъ, ни трудовъ моихъ не дѣлають, ни города не вроятъ, ни въ селѣхъ моихъ въ дворцовыхъ дворовъ моихъ, ни на ямѣхъ ямскихъ дворовъ не дѣлають, ни съ подводами на ямѣхъ не стоятъ, ни мостовъ по дорогамъ не мостятъ, ни иныхъ ни которыхъ дѣлъ не дѣлають, ни кормовъ въ мои царева великого князя походы, ни намѣстнича корму не дають, ни коня моего не кормятъ, ни овцъ не косатъ“. Замѣчательно, что деревни Владычня монастыря, освобожденныя отъ вышеозначенныхъ повинностей, лежали подъ самымъ Серпуховомъ, такъ что, напримѣръ, Подклѣтная деревня въ XVII вѣкѣ сходилась своими дворами съ посадомъ. Это обстоятельство еще болѣе указываетъ на то, что должны были тянуть серпуховичи посадскіе люди, и чего не тянули по льготной грамотѣ монастырскія деревни. Это были: дань („оброку давали великому князю городскіе люди“ — читаемъ въ сотной кн. Фунникова — „по старому з земли за дань восемьдесят пуд меду“²⁾), ямскія деньги, горновщина, ровское, посoshная служба („а оброчники“ читаемъ тамъ же: „...давали великому князю оброку за дань и за посoshной кормъ тритцат четыре пуды меду с полупудом“), городовое дѣло, особенно разившееся въ Серпуховѣ во второй половинѣ XVI вѣка ямчужное дѣло, крѣпче города, сооруженіе намѣстничья двора, ямского, содержаніе намѣстника и т. п. Здѣсь же мы находимъ также указаніе, что вмѣсто отбыванія повинностей натурою можно было платить деньгами за посoshныхъ людей, за городовое и ямчужное дѣло (въ сотной кн. Фунникова: „а конюшенная слобода давали денгами по двадцати алтынъ“ — „оброку за дань и за посoshной кормъ“), о чемъ говорить также и г. Чечулинъ.

Относительно опредѣленія оброка, сдѣланнаго г. Чечулиннымъ, могу прибавить, что многія доходныя статьи отдавались въ пользо-

¹⁾ Истор. описаніе Серпух. Владыч. монастыря. М. 1866, стр. 119.

²⁾ Исторія Серпухова, 328.

ваніе изъ оброка; такъ въ спискѣ съ земляныхъ книгъ Серпуховскаго околгороднаго стана 1620 г. ¹⁾ упоминается, что былъ лугъ государевъ оброчной. Согласно съ этимъ, въ выпискѣ изъ окладныхъ книгъ 1681 г. читаемъ: „...кромѣ лавочныхъ и мельничныхъ и иныхъ оброчныхъ статей, которыя платять изъ воли по перекупкѣ“ ²⁾.

На стр. 325 г. Чечулинъ замѣчаетъ: „по видимому, сообразно съ числомъ приписанныхъ дворовъ увеличивался и размѣръ тягла, такъ что посадъ этимъ, по видимому, облегчаемъ не былъ, а лишь большее число жителей привлекаемо было къ тяглу“. Замѣчаніе вѣрное. Такъ, въ грамотѣ Алексѣя Михайловича серпуховскому воеводѣ Григ. Фед. Меньшому Чертенскому 1653 г. ³⁾ говорится, чтобы воевода, согласно съ челобитьемъ Дементья и Доросея Раевскихъ, „в городское дѣло велѣлъ денги взять“ не съ челобитчиковъ Раевскихъ за ихъ крестьянъ слободки Рыбной, приписанной къ посаду въ тягло, а „с посацкихъ людей, потому что тѣ ихъ крестьяне приписаны по промыслу к Серпухову к посаду, и впродъ бы за тѣхъ крестьянъ на Дементье да на Доросея Раевскихъ в городское дѣло і выные платежи имать не велѣлъ“. Такимъ образомъ, посаду пришлось приплачивать за взятыхъ въ него крестьянъ. Въ Соборномъ Уложеніи на этотъ случай говорится опредѣленно ⁴⁾, что слѣдуетъ равныя вотчины и села, которыя находятся вокругъ посадовъ „взяти за себя государя и устроити ихъ съ посады въ рядъ съ своими государевыми тяглыми людьми всякими податями и службами“.

На стр. 322 г. Чечулинъ, въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, говоритъ: „намъ кажется, что землю, на которой стояли города, нужно считать государевой“. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Такъ въ Соборномъ Уложеніи читаемъ: „А которые слободы устроены въ городѣхъ на государевыхъ посадскихъ земляхъ“ ⁵⁾. Согласно съ этимъ въ вышеупомянутой грамотѣ 1653 г. сказано: „В прошлом де во 160 году по нашему указу отписана... на насъ, по близости къ Серпухову к посаду старинное... помѣстье .. слоботка Рыбная“. Очевидно, выраженіе „отписана на насъ къ посаду“ показываетъ, что посадская (городская) земля была собственно государевой землей и находилась только въ пользованіи у посада. Раз-

¹⁾ Рун. архива Серп. городск. управы; № 3-4, л. 6.

²⁾ Анти Археогр. Койд. т. IV, № 250, л. 349.

³⁾ Хранится въ Арх. Серп. Городск. Упр. № 1-8.

⁴⁾ Рус. XIX, ст. 8.

⁵⁾ Гл. XIX, ст. 7.

умѣется, на практикѣ это обстоятельство не имѣло значенія, и посадъ свободно распоряжался своею землею, отводилъ ее подъ дворы и т. п.

На стр. 314 г. Чечулинъ, придя къ совершенно вѣрному выводу, что слово „торговые люди“ равнозначаще съ словомъ „посадскіе, тяглые“, говорить: „У нѣкоторыхъ наслѣдователей мы уже видимъ какъ бы признаніе, что терминъ „люди торговые“ имѣлъ такое значеніе, хотя прямо этого, кажется, никто не высказывалъ“, причемъ далѣе г. Чечулинъ указываетъ на Вѣльева, Хлѣбникова и Ильинскаго. Между тѣмъ у меня въ „Исторіи Серпухова“ въ главѣ, посвященной сотной кн. Фуникова и не разъ уже мною упомянутой, вотъ что сказано (стр. 152): „Сотная считаетъ настоящихъ „городскихъ людей“, то-есть, посадскихъ — черныхъ, тянувшихъ тягло, людьми „торговыми и мастеровыми“ (приведено въ выноскѣ мѣсто, цитируемое въ сокращеніи и г. Чечулиннымъ): указаніе чрезвычайно важное, сразу характеризующее посадскихъ, какъ мирный классъ населенія, занимавшійся торговлею и ремеслами“. Такимъ образомъ, выводъ г. Чечулина былъ уже опредѣленно намѣченъ у меня, хотя сказано было это мимоходомъ, такъ какъ я не былъ занятъ спеціальнымъ разслѣдованіемъ вопроса о городахъ. Впрочемъ, если, по словамъ г. Чечулина, никто изъ наслѣдователей прямо не высказывалъ, что слова „торговые люди“ и „посадскіе“ суть синонимы, зато уже никакъ нельзя сказать того о Соборномъ Уложеніи, въ которомъ ¹⁾ ясно говорится, что торговые люди—посадскіе, такъ называемые по ихъ торгамъ и промысламъ, все равно какъ тамъ же говорится о торговыхъ крестьянахъ („А будетъ въ ...селѣхъ и въ деревняхъ которые крестьяня объявятся торговые“ ²⁾) въ отличіе отъ пашенныхъ, занимавшихся исключительно земледѣліемъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ данномъ случаѣ всѣ наслѣдователи, со мною и съ г. Чечулиннымъ вмѣстѣ, были предупреждены Уложеніемъ. Терминъ для посадскихъ людей „люди торговые“ (иногда съ прибавкой „и мастеровые“, какъ въ сотной кн. Фуникова) въ отличіе отъ крестьянъ, тоже черныхъ людей, весьма характеренъ и ясно показы-

¹⁾ Гл. XIX, ст. 1—16.

²⁾ Тамъ же, ст. 8. Согласно съ этимъ, въ Миропосадскомъ селѣ, лежащемъ „подъ городомъ (Серпуховымъ) на посадѣ“, ятаецъ въ сотной 1555 г. серпуховскаго городского приказчика Ситчина: „36 пашенныхъ дворовъ, немашенныхъ 19 дворовъ“. Жильцы послѣднихъ, конечно, занимались торговлею и промыслами наравнѣ съ посадскими людьми. (Выписка изъ сотной Ситчина въ ризницѣ Высотскаго монастыря).

васть взглядъ московскаго правительства на посады-города, какъ на мѣста, главное занятіе жителей которыхъ были торговля и промыслы: не даромъ, поэтому, въ XVI и XVII вѣкахъ то и дѣло брали въ посады въ тягло разныхъ людей, часто цѣлыя слободы и деревни по ихъ торгамъ и промысламъ. По взгляду правительства, крестьяне должны были быть пашенными, то-есть, заниматься земледѣліемъ, а не торговлею. По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ Уложеніе ¹⁾, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ XVI вѣкѣ правительство держалось другаго взгляда.

Отправляясь отъ вполне правильнаго взгляда на людей посадскихъ, г. Чечулинъ, естественно, долженъ былъ придти къ выводу, что, безъ сомнѣнія, „обрабатывать земли больше или меньше виолнѣ зависѣло только отъ желанія горожанъ и ни о какомъ, такъ сказать, надѣлѣ чернымъ посадскимъ людямъ не можетъ быть и рѣчи“ (стр. 316). Переписныя книги по Серпухову XVI и XVII столѣтій виолнѣ подтверждаютъ подобный выводъ не только относительно самого Серпухова, но даже отчасти относительно сосѣднихъ съ нимъ селеній, дворы коихъ сошлись съ дворами посадскими, жильцы же, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть, занимались съ большимъ успѣхомъ торговлею и промыслами. Подобный образъ жизни, разумѣется, многимъ мѣшалъ заниматься земледѣліемъ: не даромъ, напримѣръ, какъ уже было упомянуто, въ сотной 1555 года приказчика Ситчина, въ Мироносидкомѣ селѣ подъ Серпуховомъ на посадѣ на 36 пашенныхъ крестьянскихъ дворовъ приходилось 19 непашенныхъ. Надо предполагать, что принадлежавшіе непашеннымъ крестьянамъ земельные участки, если у нихъ были таковыя, отдавались ими въ аренду другимъ сельчанамъ, ихъ сосѣдамъ.

На стр. 319 г. Чечулинъ говоритъ: „Нѣкоторые изслѣдователи старались опредѣлять, сколько именно клали тогда на соху четей въ уѣздѣ или дворовъ въ городѣ; но мы рѣшаемся утверждать, что никакихъ сколько-нибудь постоянныхъ нормъ тутъ не было и даже нельзя признавать постоянного отношенія, на сколько платилъ дворъ лучшей въ сравненіи съ середнимъ и младшимъ, и середній — въ сравненіи съ младшимъ“. Подобному выводу противорѣчатъ уже разъ упомянутыя мною листы сошнаго письма 1685 года. Что было въ XVII столѣтій относительно разверстки дворовъ по сохамъ, то, безъ сомнѣнія, практиковалось и въ XVI вѣкѣ, такъ что, по моему мнѣ-

¹⁾ Гл. XIX, ст. 9.

нію, лучше было бы г. Чечулину оставить вопросъ открытымъ. За то я совершенно раздѣляю справедливость дальнѣйшаго замѣчанія г. Чечулина, что раздѣленіе на дворы лучшіе, середніе и молодшіе находилось въ зависимости „не отъ капитала того или другаго человѣка и не отъ оброча, платимаго имъ, а отъ тяглой способности той или другой семьи“.

На стр. 322 г. Чечулинъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Изученіе писцовыхъ книгъ раскрыло намъ еще одинъ фактъ внутренней жизни общины въ XVI уже вѣкѣ, фактъ, существованіе котораго, безъ данныхъ этого источника, нельзя было доказать: мы говоримъ о постоянномъ переходѣ земельныхъ участковъ и лавокъ отъ одного владѣльца къ другому безъ купли-продажи; выше мы доказали, думается намъ, что это является слѣдствіемъ передѣловъ въ средѣ общины“¹⁾. Ю возможно передѣлѣ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ городамъ, говорить не буду, такъ какъ въ крестьянскомъ быту, подобныя передѣлы до сихъ поръ составляютъ обычное явленіе, хотя не могу не замѣтить, что нынѣ посадки могли просто давать въ аренду землю своимъ посадскимъ, кому она надобилась, ибо не всѣ же въ равной мѣрѣ занимались земледѣіемъ, съ чѣмъ согласенъ и г. Чечулинъ. Могли быть и дѣйствительно были, въ торговыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Серпуховѣ, такіе посадскіе, которые занимались исключительно торговлею. Относительно же постоянного перехода лавокъ отъ одного владѣльца къ другому „безъ купли-продажи“ не могу согласиться съ г. Чечулинымъ. Г. Чечулинъ, между прочимъ, опирается на то обстоятельство, что въ переписныхъ книгахъ часто встрѣчаются выраженія: лавка такая-то (положимъ, Ивановская) таковаго-то въ родительномъ падежѣ, при чемъ г. Чечулинъ понимаетъ прилагательное относительное (Ивановская) въ смыслѣ обозначенія прежняго владѣльца, фамилію же въ родительномъ падежѣ въ смыслѣ настоящаго владѣльца лавки (стр. 243). Допуская передѣлѣ лавокъ безъ купли-продажи, г. Чечулинъ, естественно долженъ былъ придти къ выводу, что во владѣніи лавками „участвовали почти исключительно“ только люди, составлявшіе общины“ (тамъ же).

Признаться сказать, я былъ чрезвычайно заинтересованъ выводомъ г. Чечулина о переходѣ лавокъ отъ одного посадскаго къ другому безъ купли-продажи. Да и какъ было не заинтересоваться, когда многочи-

¹⁾ Подобный же выводъ у г. Чечулина и на стр. 336.

сленные матеріалы по исторіи Серпухова, находящіяся у меня подъ рукою, не носятъ никакого слѣда о какомъ-либо передѣлѣ лавокъ или о переходѣ ихъ отъ одного лица къ другому безъ купли-продажи. Такъ, начну съ сотной князя Фуникова, гдѣ перечислены всѣ лавки, бывшія въ Серпуховѣ въ 1552 г. Лавки въ ней перечислены безъ прибавочныхъ прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ, напримѣръ: „лавка Федки Головина, лавка Ермолы Иванова сына Терехова“ ¹⁾ и т. д., и только въ двухъ случаяхъ поставлено имъ прилагательное относительное въ именительн. падежѣ (по г. Чечулину обозначеніе прежняго владѣльца): „Мѣсто лавочное Русиновское Микитки Киришина... Мѣсто лавочное Русиновское Никана Даривонова“ ²⁾. Въ трехъ мѣстахъ при перечнѣ лавокъ сказано: „Мѣсто лавочное пусто, а того городцкие люди не вѣдаютъ, чье было“ (стр. 330, 334). Какъ не вѣдаютъ? Странно, если допустить общинное владѣніе лавками и ихъ передѣлъ. Не менѣе странностей бросается въ глаза и въ другихъ актахъ. Въ упомянутой же грамотѣ Іоанна Грознаго 1570 г. серпуховскому городовому приказчику Вулгакову читаемъ: „Былъ намъ челомъ Высотцкого монастыря архимандритъ Агапитъ в братю, а сказываютъ, что де і у ихъ у монастырскихъ крестьянъ (поименовано 6 человекъ)... в Серпухове в радѣхъ лавчшка ихъ купленне, и полавочное де с тѣхъ лавокъ и с товару пошлины и сторожевое платятъ“. Далѣе въ грамотѣ указывается Вулгакову, чтобъ онъ „Серпуховскимъ земскимъ старостамъ Федку Другову с товарищи“.... на крестьянехъ Высотцкого монастыря съ ихъ лавокъ имати не велѣлъ“. Означенное мѣсто грамоты указываетъ, что у шести монастырскихъ крестьянъ, жившихъ подъ Серпуховымъ (очевидно, въ Мироносицкомъ селѣ, гдѣ находилось въ 1555 году, какъ уже было сказано, 17 непашенныхъ дворовъ), были въ городскомъ ряду купленные лавки, слѣдовательно, вполне имъ принадлежавшія, что не вѣжется съ передѣломъ лавокъ. Въ введеніи къ книгѣ о новопріисныхъ тяглецахъ къ Серпухову въ 1649 — 1652 гг. ³⁾ прямо сказано, что взяты въ Серпуховъ въ посадъ въ тягло люди Мироносицкаго села и разныхъ слободъ „торговне и промышленне, которые сидятъ в своихъ и в наемныхъ лавкахъ и на полкахъ“ ⁴⁾. Посадскіе люди, равно какъ

¹⁾ Исторія Серпухова, 329.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Рук. архива Серп. городск. управы.

⁴⁾ И именно въ городскомъ ряду на тяглоі посаженной землѣ.

крестьяне — послѣдніе впрочемъ до изданія Соборнаго Уложенія, — свободно распоряжались своими лавками на правахъ полной собственности; такъ, объ одномъ изъ новоприписанныхъ тягловыхъ въ той же самой книгѣ 1649 — 1652 гг. замѣчено: „торгуетъ в своей лавке москотилнымъ товаромъ втрети, что досталось надѣлу у своей братьи отцовское благословеніе на хресте в москотилной и хлѣбной радѣ“. Въ рукописномъ синодикѣ Высотскаго монастыря читаемъ такую запись подъ 1624 г.: „Далъ вкладу старецъ Леонидъ Пирошковъ 5 рублей денегъ воскомъ да лавку в соляномъ ряду за 12 рублей, и та лавка продана, взято 8 рублей“. Наконецъ, само Соборное Уложеніе говоритъ опредѣленно о своемъ времени: „Которые крестьяна объявятся торговые, а у нихъ въ тѣхъ городѣхъ будутъ лавки и всякія промыслы“, при чемъ запрещаетъ имъ торговать въ лавкахъ, которыя слѣдуетъ „продати тяглымъ людямъ“¹⁾. Всѣ эти данныя ясно показываютъ, что лавки принадлежали не всему посаду, а посадскимъ. Первому принадлежала только земля, какъ тяглая, такъ что если кто жилъ на ней, того брали въ посадъ именно по землѣ, какъ въ Уложеніи сказано: „не строй на государевѣ землѣ слободъ и не покупай посадской земли“²⁾.

На стр. 336 г. Чечулинъ говоритъ: „Оброкъ съ лавокъ вообще нужно признавать довольно невысокимъ, и потому не невозможно, что тогда взимались нѣкоторыя пошлины и при покупкѣ товара прямо изъ лавки, какъ и при покупкѣ его на торговой площади, прямо изъ первыхъ рукъ“. Замѣчаніе вполне вѣрно. Такъ владѣльцы лавокъ въ Серпуховѣ, какъ видно изъ царской грамоты 1570 г.³⁾, платили, помимо полавочнаго и сторожеваго, еще пошлины съ товара. О взиманіи пошлинъ при покупкѣ товаровъ на торговой площади въ Серпуховѣ говорится ясно въ льготной грамотѣ „протопопу съ братією, что служатъ у святныя живоначальные Троицы внутри города“, каковая грамота была подтверждена, между прочимъ, и Іоанномъ Грознымъ⁴⁾. Изъ той же царской грамоты 1570 г. видно, что серпуховскіе земскіе посадскіе старосты правили съ лавокъ ищальныя деньги въ большомъ разиѣрѣ по тому времени, именно съ однихъ лавокъ по рублю съ каждой, съ другихъ даже по два рубля,

¹⁾ Гл. XIX, ст. 9.

²⁾ Тамъ же, ст. 7.

³⁾ Серпух. городовому приказнику Вугакову.

⁴⁾ Ист. Серп., 164, 335 и слѣд.

такъ что лавки были обложены денежными повинностями весьма высоко, по крайней мѣрѣ въ Серпуховѣ.

На стр. 272 г. Чечулинъ, говоря о дворникахъ, замѣчаетъ: „Мы постоянно встрѣчаемъ о дворникахъ замѣчанія, что они „были“ посадскими людьми, ратными людьми—слѣдовательно, сдѣлавшись дворниками, они не приняли на себя только какія-то новыя, въ нашемъ смыслѣ, служебныя обязанности, а вышли уже изъ другихъ сословій“. Въ переписныхъ книгахъ по Серпухову XVII столѣтія (что не XVI вѣка—это въ данномъ случаѣ большого значенія не имѣетъ) о посадскихъ, бывшихъ дворниками, не говорится въ прошедшемъ времени, что они были посадскими. Такъ, въ переписныхъ книгахъ 1678 г. ¹⁾ сказано: „Да посадскиеж люди, которые живутъ на дворничествѣ в каменномъ внутрѣ городе і в острогѣ“, при чемъ далѣе перечисляются поименно, напримѣръ, „Во дворѣ Высоцкого монастыря, а в немъ живетъ посацкой человекъ Вориска Еремеевъ сынъ Телепневъ“. Посады, оказывается, считалъ многихъ дворниковъ своими посадскими людьми, но привлечь тянуть тягло не могъ именно вслѣдствіе дворничества, которое избавляло дворниковъ, какъ жившихъ на бѣлыхъ дворахъ, отъ обязанностей посадскихъ. Посады безъ назначеннаго правительствомъ „сыску и свозу“ не могъ брать обратно въ тягло шедшихъ съ тяглою земли. Это подтверждается переписными книгами. Проживавшіе во дворничествѣ посадскіе, отправляя обязанности, возложенныя Соборнымъ Уложеніемъ на холоповъ, естественно, становились въ зависимое положеніе отъ владѣльцевъ осадныхъ дворовъ, хотя сами, въ свою очередь извлекали выгоды изъ своего положенія, занимаясь ремеслами и иногда даже торговлею въ лавкахъ, на что указано и г. Чечулинимъ. Охраняя осадные дворы ²⁾, дворники, наравнѣ съ другими сословіями даже при-

¹⁾ Рук. въ архивѣ Серп. гор. управы, л. 51.

²⁾ Что это было действительно такъ, видно изъ одного мѣста переписныхъ книгъ по Серпухову 1678 г. (л. 58): „Дворъ бояръ князя Ивана Андрѣевича да князя Василья Василевича Галицкихъ, а в немъ живутъ Торуского уезду села Подмоклова крестьяне изъ посуточно (Подмоклово подъ Серпуховымъ). Очевидно, если жили крестьяне посуточно, то съ цѣлію охраны двора, что и должно было быть ихъ главною обязанностию, тѣмъ болѣе, что въ осадные дворы возилось въ приходѣ военныхъ людей имущество ихъ владѣльцевъ, какъ видно изъ грамоты 1634 г. Серпуховскому Владыч. монастырю (Истор. опис. С. Ва. ном., стр. 140), гдѣ сказано: „... приходили (въ 1614 г.) въ Серпухову нагайскіе татаровя, а онъ (игуменъ Сергій съ братією) взяли монастырской обиходъ въ городъ — образы и книги и всякое монастырское строенье“.

нимали участіе въ общихъ челобитныхъ на имя государя. Такъ, въ одной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича 1637 г. читаемъ: „Вили челом изъ Серпухова.... серпуховичи и торушане дворяне и дѣти боярскіе, пушкари, и затинщики, и посадскіе люди, и дворники, и всякихъ чиновъ и уѣздные люди“¹⁾).

На стр. 278 г. Чечулинъ говоритъ: „Факты даютъ основаніе думать, что съ потерей двора для посадскаго человѣка являлась необходимость идти въ дворники“. Приводимые факты состоятъ въ томъ, что въ Тульской переписной книгѣ 1588 — 1589 гг. г. Чечулинъ встрѣтилъ случаи покупки служилыми людьми тяглыхъ посадскихъ дворовъ, при чемъ прежній ихъ владѣлецъ является дворникомъ на проданномъ дворѣ, иногда съ прибавкою про него „бывалъ посадскій черный человѣкъ“. По моему мнѣнію, подобные факты указываютъ лишь на то, что посадскимъ—конечно, захудалымъ—выгодно было, продавъ свой дворъ, остаться въ немъ дворникомъ. Необходимости же идти въ дворники уже потому не было, что можно было поставить себѣ другой дворъ на землѣ, полученной отъ посада. О дачѣ послѣдней подъ дворы встрѣчаются указанія, между прочимъ, въ переписныхъ книгахъ по Серпухову XVII вѣка²⁾). Выраженіе „бывалъ черный человѣкъ“ означаетъ только то, что такой-то, выражаясь тогдашнимъ языкомъ, шелъ съ посаду, то-есть, пересталъ тянуть тягло, хотя и оставался на самомъ дѣлѣ на своемъ насиженномъ мѣстѣ—у себя на посадѣ или въ городѣ. Да притомъ выраженіе „бывалъ черный человѣкъ“ встрѣчается не во всѣхъ вѣдъ переписныхъ книгахъ. По крайней мѣрѣ, какъ уже было сказано, въ переписныхъ книгахъ по Серпухову XVII столѣтія о многихъ дворникахъ говорится, что они посадскіе люди, напримѣръ: „дворъ столника Михаила Ѳеодорова сына Ртищева, а в немъ живетъ дворникъ посацкой человѣкъ Максимка Осиповъ сынъ Плотниковъ, уродимецъ Серпухова города“³⁾). Безъ всякаго сомнѣнія, г. Чечулинъ вполне правъ, признавая, что сходъ съ посадовъ начался гораздо раньше Смутнаго времени⁴⁾). Доказательствомъ этого служатъ приходы изъ другихъ городовъ, встрѣчаемые въ переписныхъ книгахъ

¹⁾ Акты Археогр. ком., III, № 269, л. 414.

²⁾ Ист. Серп., 208.

³⁾ Переп. книги 1678 г., л. 57. Приписки „бывалъ посацкой человѣкъ“ не встрѣчается ни разу.

⁴⁾ Стр. 278 и 279. Костомаровъ относилъ это явленіе ко времени послѣ смуты.

XVI вѣка, хоть бы въ сотной кв. Фуникова, равно какъ пустыне дворы и дворовыя мѣста, записанные въ тѣхъ же актахъ.

Точно также вѣрно предположеніе г. Чечулина на стр. 275 о вдовахъ, жившихъ на дворничествѣ, что у нихъ, вѣроятно, были взрослые сыновья, которые могли отправлять службу на дворахъ. Въ вышеупомянутыхъ переписныхъ книгахъ по Серпухову 1678 г. неоднократно означены вдовы на дворничествѣ съ взрослыми при нихъ сыновьями.

На стр. 269 г. Чечулинъ не безъ изумленія отмѣчаетъ, что осадные дворы въ Тульскомъ городѣ (то-есть, въ крѣпости) были чрезвычайно малы, приблизительно по 7 квадратныхъ сажень на человѣка. Это было дѣйствительно такъ въ старинныхъ каменныхъ городахъ—кремляхъ. Такъ, въ одномъ актѣ читаемъ: 1618 г. августа 26-го дня „Онофрѣй Федотовъ Роевской серпуховитинъ (одинъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ)... поступился... Владычня монастыря игумену Кирилу съ братією... въ Серпуховѣ внутри городѣ двороваго своего мѣста подлѣ ихъ Владычняго монастыря подворья въ длину 2 сажени, а поперекъ 4 сажени“¹⁾, при чемъ взялъ за него денегъ рубль.

На стр. 332 г. Чечулинъ замѣчаетъ: „По видимому, за полученныя въ уѣздѣ города помѣстья должны были дворяне и дѣти боярскіе нести по каждому городу службу“, какъ-то: имѣть осадные дворы, содержать на нихъ дворниковъ и т. п. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Могутъ только прибавить, что обязанности дворянъ и дѣтей боярскихъ начинались съ участія въ укрѣпленіи городовъ, какъ своего уѣзда, такъ и сосѣднихъ²⁾, при чемъ это участіе отчасти сблизало служилыхъ людей съ посадскими. То и другое видно, между прочимъ, изъ грамоты 1637 г. Михаила Феодоровича серпуховскому воеводѣ Елагину, въ коей читаемъ, что въ 1636 г. въ Серпуховѣ „серпуховичи и торушане дворяне и дѣти боярскіе, и серпуховскіе пушкарки и затинщики, и посадскіе люди, и дворники, и всякихъ чиновъ и уѣздные люди... острогъ сдѣлали рубленой и надолбы и ровъ вычистили“. Имъ всѣмъ указано было сдѣлать также въ острогу „частикъ“. На это всѣ вышеозначенныя лица отвѣтили челобитьемъ, въ которомъ просили не дѣлать частикъ, такъ какъ его прежде не бы-

¹⁾ Ист. Серп., стр. 174, выписка 9.

²⁾ Такъ серпуховичи всякихъ чиновъ люди въ 1685 г. помогали каширянамъ дѣлать „зеленой валъ со всѣми городскими крѣпостями въ Коширѣ“, а Коширскаго уѣзду всякихъ чиновъ люди, въ свою очередь, должны были помогать въ томъ же серпуховичамъ (Истор. описаніе Серпух. Влад. монастыря, 147).

вало. Царь пожаловалъ челобитчиковъ и указалъ воеводѣ: „будеть прежь сего частіку не было, а скажутъ, что и нынѣ безъ него будетъ сидѣть въ приходѣ воинскихъ людей безстрашно, и ты бѣ и нынѣ частіку дѣлать не велѣдъ“¹⁾.

На стр. 332 г. Чечулинъ говоритъ: „По видимому, владѣли служилые люди дворами (осадными) на правѣ помѣстномъ, а не на правѣ полной личной собственности“. Можетъ быть, мѣстами — гдѣ-нибудь на окраинахъ—и было такъ, но въ Серпуховѣ этого не было, какъ видно изъ приведеннаго случая продажи Владычному монастырю помѣщикомъ Роевскимъ въ 1618 г. принадлежавшаго ему двороваго мѣста внутри каменнаго города въ Серпуховѣ.

На стр. 331 г. Чечулинъ говоритъ: „Въ городахъ сѣверныхъ вѣроятно мы видимъ нищихъ подъ именемъ старцевъ богадѣльныхъ“. Замѣчаніе справедливое и по отношенію къ подмосковнымъ городамъ. Такъ, въ переписныхъ книгахъ по Серпухову 1646 г. показавъ въ немъ одинъ дворъ, занятый богадѣльными нищими²⁾.

На стр. 328 г. Чечулинъ пришелъ къ выводу, что принадлежавшіе къ духовенству люди будто „не особенно замѣтно выдѣлялись изъ остальной массы населенія“ городовъ. Да, это такъ по переписнымъ книгамъ; если же пользоваться другими актами, то можно получить нѣсколько другой выводъ. Такъ, напримѣръ, соборные протоіереи въ Серпуховѣ безспорно занимали выдающееся положеніе среди посадскихъ по тѣмъ привилегіямъ, какія они получили еще въ 1514 г. отъ великаго князя Василія Ивановича и о подтвержденіи конхъ они сумѣли получить нѣсколько царскихъ грамотъ въ томъ же XVI вѣкѣ. Въ означенныхъ грамотахъ³⁾ говорится: „За ними (то-есть, за протопомомъ съ братією) въ Серпуховѣ придана пошлина къ Живоначальной Троице помѣрное, да вѣсчее, да гостиное, да правой десятокъ с намѣстнича и с тиуня суда, да венцы женитвенные“⁴⁾. Какъ ни производился на посадѣ торгъ, протопону съ братією шелъ извѣстный процентъ. „Хто прїѣдетъ“, сказано въ грамотѣ, — „зимою на саяхъ, а лѣтомъ на телѣгахъ въ Серпуховъ, или кто в судне жито привезеть, и они емлютъ помѣрное с окова по денге“. Еслибы кто утаилъ товаръ отъ пошлины, съ того слѣдовало брать „заповѣди

¹⁾ Акты Археограф. ком. III, № 269, л. 414.

²⁾ Ист. Серп., 188.

³⁾ Напечатаны въ приложеніяхъ къ Ист. Серп., стр. 335 и слѣд.

⁴⁾ „А венцы женитвенные“, прибавлено далѣе: „емлютъ по старинѣ с серпуховичъ и со всего Серпуховскаго уѣзда да с волости Козлова вроду“.

два рубля, рубль начальнику, а другой рубль протопопу з братією⁴. Помимо руги протопопъ въ Серпуховѣ получалъ еще доходъ съ лавокъ въ городскомъ ряду, стоявшихъ на его землѣ¹⁾. Все это, вмѣстѣ взятое, доставляло протопопу весьма видное положеніе среди посадскихъ людей. А что было въ Серпуховѣ, то, безъ сомнѣнія, не было единичнымъ примѣромъ. Протопопы и другихъ городовъ могли пользоваться хотя бы частію подобныхъ привилегій.

На стр. 342 г. Чечулинъ говоритъ: „Мы видимъ во многихъ городахъ рядомъ съ воеводами городничихъ или городовыхъ приказчиковъ, наблюдавшихъ, по видимому, за внѣшнимъ порядкомъ и общественной безопасностью въ городѣ²⁾. Относительно городовыхъ приказчиковъ я имѣю подъ руками три царскія грамоты, касающіяся Серпухова, всѣ XVI вѣка³⁾. Въ первой говорится, какъ въ 1555 г. серпуховской городской приказчикъ Василъ Ситчинъ вмѣстѣ съ подъячимъ Костею Васильевымъ должны были ѣздить въ Серпуховской уѣздъ для обмѣна, въ видахъ болѣе удобнаго владѣнія, нѣкоторыхъ деревень, починовъ и пустошей, принадлежавшихъ Высотскому монастырю, на деревни и пустоши государева владѣнія, при чемъ вымѣненныя земли должны были быть розданы въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ. Во второй грамотѣ 1560 г. на имя городовыхъ приказчиковъ Михаила Потрекѣева и Пареена Гордѣева, а также въ руководство и тѣмъ городовымъ приказчикамъ, которые будутъ послѣ нихъ въ Серпуховѣ, указывается оберегать Высотскій монастырь, чтобы никто не смѣлъ рубить его рощи и дѣлать поправки на его лугахъ. Въ третьей грамотѣ 1570 г. серпуховскому городскому приказчику Сумароку Федорову Булгакову, неоднократно уже мною упомянутой, указывается не дозволать Серпуховскимъ земскимъ старостамъ притѣснять крестьянъ Высотскаго монастыря, владѣвшихъ, какъ мы уже видѣли, лавками въ городскомъ ряду. Во всѣхъ трехъ грамотахъ городские приказчики являются, по возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, заступающими скорѣе воеводъ, чѣмъ лицами, наблюдавшими за внѣшнимъ порядкомъ и общественной безопасностью въ городѣ. Можно даже съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что городские приказчики въ 1555 — 1570 годахъ просто замѣняли въ

¹⁾ Производилъ онъ торговлю и самъ изъ своей лавки (Ист. Серп., 165), по крайней мѣрѣ такъ было во времена сотной князя Функова.

²⁾ Хранятся въ ризницѣ Высотскаго монастыря, при чемъ первая въ спискѣ съ выписи съ сотной Ситчина.

Серпуховѣ воеводѣ и имѣли главный надворъ не только за городомъ, но и за его окрестностями.

На стр. 345 г. Чечулинъ говорить о подмосковныхъ городахъ, что они будто бы „съ устройствомъ многихъ городовъ по правому берегу Оки начали утрачивать свое значеніе укрѣпленныхъ“. Сказано не совсѣмъ вѣрно. Означенные города не утратили значенія укрѣпленныхъ пунктовъ — очутились только не въ первой линіи ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Серпуховъ, получили болѣе сильныя укрѣпленія именно во второй половинѣ XVI вѣка и отчасти до 70-хъ годовъ XVII столѣтія. Такъ, въ Серпуховѣ въ 1556 г. былъ сооруженъ каменный городъ съ грозными бастионами и башнями ²⁾; затѣмъ, какъ мы видѣли, древній посадъ былъ обращенъ въ деревянный острогъ, сожженный Млодземъ въ 1610 г. и вновь отстроенный къ 1618 г., когда онъ былъ взятъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ. Въ 1636 г., какъ уже было сказано, въ Серпуховѣ былъ сдѣланъ „острогъ стоячей новой... рубленой“ и надолбы, былъ вычищенъ ровъ—словомъ городъ былъ приведенъ вполне въ оборонительное положеніе на случай прихода воинскихъ людей, при чемъ правительство хотѣло еще укрѣпить острогъ „частикомъ“. Въ 1669 г. послѣ страшнаго пожара острогъ былъ еще разъ срубленъ вновь ³⁾, въ то же время былъ возобновленъ также „новопримочный острогъ“, дополнительное укрѣпленіе, расширившее линію обороны и срубленное въ первый разъ между 1652 и 1669 годами.

Этимъ закончу свои замѣчанія на изслѣдованіе г. Чечулина.

Многое обследовано авторомъ весьма обстоятельно, напримѣръ, составъ населенія городовъ, развитіе въ нихъ промышленной дѣятельности и т. п. Другое замѣчено вѣрно, но не достаточно раскрыто. Нашлись также выводы, съ которыми я не могъ согласиться. Слабѣ всего, по моему мнѣнію, разработаны подмосковные города—отчасти по недостатку матеріала писцовыхъ книгъ, отчасти же вслѣдствіе непользованія другими источниками, хоть бы даже и позднѣйшей эпохи. Не могу при этомъ не замѣтить о пробѣлѣ, который замѣтно чувствуется вслѣдствіе того, что г. Чечулинъ совершенно умалчиваетъ о Москвѣ, когда говорить о подмосковныхъ городахъ. Самъ г. Чечулинъ чувствуетъ нѣкоторую неполноту своего изслѣдованія исклю-

¹⁾ Исторія Серпухова, 123 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 96.

³⁾ Исторія Серпухова, 205.

чительно по писцовымъ книгамъ XVI вѣка. Такъ, въ предисловіи онъ признаетъ, что въ его трудѣ не мало недочетовъ, хотя при этомъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „иногда, быть можетъ, тотъ или другой его выводъ не невѣренъ, а только недостаточно ясно и убѣдительно для читателя изложенъ, что, ему кажется, легко могло произойти отъ того, что у него онъ слался подъ впечатлѣніемъ иногда, безъ преувеличенія, тысячъ однорядныхъ фактовъ и потому ему представляется совершенно яснымъ, не будучи въ то же время таковымъ для читателя, не имѣвшего такой, такъ сказать, подготовки къ выводу“ (стр. IV и V). По отношенію къ городамъ подмосковнымъ позволительно, какъ мнѣ кажется, не согласиться съ тѣмъ, что г. Чечулинъ имѣлъ подъ рукою достаточно матеріала для окончательныхъ выводовъ. Какую же пользу для себя могъ бы извлечь г. Чечулинъ изъ пользованія, помимо писцовыхъ книгъ городовъ XVI вѣка, другимъ архивнымъ и печатнымъ матеріаломъ, достаточно, полагаю, видно изъ моихъ замѣчаній на его изслѣдованіе. Безъ сомнѣнія, книга г. Чечулина не пройдетъ незамѣченной и побудитъ къ провѣркѣ многихъ изъ его выводовъ, начало чего, по мѣрѣ своихъ силъ я и постарался сдѣлать. *Faciant meliora potentes.*

И. Смирновъ.

Жизнь и труды М. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга третья. С.-Пб. 1890.

Мы не разъ уже бесѣдовали съ читателями Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія о любопытномъ сочиненіи Н. П. Барсукова, и потому, думая, что общій характеръ его уже знакомъ достаточно, обратимся теперь къ содержанію только что появившейся третьей книги, которая обнимаетъ собою годы 1830 и 1831. Основнымъ матеріаломъ для изложенія остаются по прежнему дневникъ Погодина и его переписка; этотъ основной матеріалъ авторъ дополняетъ свѣдѣніями, извлекаемыми имъ изъ печатныхъ, а отчасти и рукописныхъ источниковъ; такъ, въ этомъ томѣ являться семейныя бумаги, сохраняющіяся у М. А. Веневитинова; замѣтимъ, что прежніе труды автора надъ жизнью П. М. Строева и перепискою русскихъ палеологовъ много помогли ему въ этомъ трудѣ. Такимъ образомъ, значительная часть матеріала, употребленнаго въ дѣло, была напечатана самимъ Н. П. Барсуковымъ.

Мы встрѣчаемъ въ книгѣ, насъ занимающей, любопытныя черты, характеризующія Погодина и взглядъ на него близкихъ къ нему людей.

Погодинъ рисуется намъ, какъ и прежде, тѣмъ же соединеніемъ практическаго человѣка съ мечтателемъ. Онъ по прежнему мечтаетъ о княжвѣ Трубецкой, мечтаетъ о томъ, какія награды ждутъ его за его сочиненія: ему представляется, что его могутъ сдѣлать статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, историографомъ (эта послѣдняя мечта не покидала его всю жизнь); мечтаетъ, что дадутъ ему Анненскую звѣзду (получилъ онъ ее только въ свой пятидесятилѣтній юбилей); онъ обижается, что Жуковский не предложилъ ему мѣста учителя у цесаревича и т. д. Въ то же время онъ покупаетъ домъ на Мясницкой и деревню, сложась съ М. П. Мессингомъ, женатымъ на его сестрѣ. Изъ книги Н. П. Барсукова видимъ, что этою покупкой, которая радовала Погодина возможностью уединенія для ученыхъ занятій, онъ поставилъ себя въ затруднительное положеніе: своихъ денегъ не хватило, пришлось занимать у Аксакова, Надеждина. Въ 1831 г., на которомъ останавливается пока изложеніе нашего автора, Погодинъ не успѣлъ еще выпутаться изъ затрудненій. Эти черты характера Погодина составляютъ одну его сторону и, можетъ быть, самую слабую. Онъ, конечно, необходимъ для полнаго познанія личности; но есть и другая сторона—любовь къ наукѣ, которая побуждаетъ его поддерживать ученія предпріятія всѣми возможными для него средствами. Примѣръ тому — Венелинъ, къ которому мы еще возвратимся; также горячо отнесся Погодинъ и къ мысли княгини З. А. Волконской завести эстетическій музей при Московскомъ университетѣ; ученики его любили: таковы отношенія къ нему И. Ѳ. Золотарева, воспитывавшагося въ его пансіонѣ, черезъ котораго онъ вошелъ въ сношенія съ дерптскими профессорами, ибо Золотаревъ былъ студентомъ въ Дерптѣ; такое же отношеніе къ Погодину проглядываетъ въ письмѣ А. А. Краевского (299—302). Авторъ приводитъ неблагоприятные отзывы о немъ, какъ о профессорѣ, К. С. Аксакова и И. А. Гончарова, но самъ замѣчаетъ, что многіе относились къ Погодину иначе, въ особенности когда онъ сталъ профессоромъ русской исторіи. На юбилей 1871 г. мы слышали самые благосклонные отзывы двухъ людей, которымъ вѣрить можно,—И. Д. Вѣльева и кн. В. А. Червасскаго. Скажу отъ себя, что, не бывши ученикомъ Погодина, я встрѣтилъ у него и привѣтъ, и указанія. Если я не воспользовался его наставленіями, то виноватъ былъ самъ, давъ слишкомъ много вѣры тогдашнимъ о немъ толкамъ. Соглашаюсь, что иногда Погодинъ и подавалъ поводъ къ такимъ толкамъ, но считаю долгомъ сказать, что странности его были часто чудачествомъ, а

ниогда плодомъ смѣшенія мечтателя съ практическимъ человѣкомъ. Погодинъ былъ русскій человѣкъ вполне, но онъ не былъ пѣльнымъ человѣкомъ: его лаконизмъ, его афоризмы свидѣлствуютъ объ этомъ. Едва ли удалась бы ему когда-нибудь та теорія исторіи, которою онъ занимался въ своемъ деревенскомъ уединеніи, изъясняя, по случаю появленія „Введенія въ исторію“ Мишлэ, опасенія, чтобъ онъ не предвосхитилъ его мыслей. Благодаря этой нецѣлостности, Погодинъ, какъ остроумно замѣтилъ Е. Ф. Шмурло, не принадлежалъ ни къ одной партіи и не выикъ вполне ни въ одну изъ нихъ. Одинъ изъ критиковъ брошюры: „Петръ Великій въ русской литературѣ“ пришелъ въ недоумѣніе, какъ, не выикнувъ вполне въ характеръ партій, можно стоять выше ихъ; а дѣло просто: Погодинъ былъ человѣкъ инстинкта, и инстинктомъ онъ сталъ выше партій. Конечно, инстинктъ требуетъ оправданія разумомъ. Такого оправданія не далъ Погодинъ; быть можетъ, дастъ кто-нибудь другой. По вопросу, какъ къ Погодину относились въ то время близкіе къ нему люди, мы находимъ любопытное свидѣтельство въ занимающей насъ книгѣ. По отвѣздѣ И. В. Кирѣевского изъ Москвы, Погодинъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ пріятеля высказать свое мнѣніе о немъ самомъ. Вотъ что отвѣчалъ Кирѣевскій: „Все хорошее, что есть въ тебѣ, такъ испорчено, задавлено дурнымъ или, лучше сказать, незрѣлымъ, неразвитымъ, дикимъ началомъ твоего существа, что нельзя довольно повторять тебѣ о твоихъ недостаткахъ: несвязность, необдуманность, взбалмошность ¹⁾), соединенная съ добрымъ сердцемъ, съ умомъ очень часто одностороннимъ, вотъ—ты и какъ литераторъ, и какъ человѣкъ. Одно можетъ тебя исправить: искать и найти кругъ людей, которыхъ бы мнѣніемъ ты дорожилъ какъ святыней, ибо нельзя довольно убѣдиться въ томъ, что человѣкъ образуется только человѣкомъ. Если же ты останешься теперешнимъ человѣкомъ, то конечно, сдѣлаешь много хорошаго, можетъ быть, иное рыцарски-прекрасно; но навѣрное сдѣлаешь много и такого, что просто называется нечистымъ поступкомъ; бойся этого и не обидься грубостью моей искренности. Ты думаешь, что сдѣлалъ все, когда оправдалъ свой поступокъ чистотою намѣреній; но эта важная, смертельная ошибка. Кромѣ совѣтнаго суда, для нашихъ дѣлъ есть еще другая инстанція, гдѣ предсѣдательствуетъ мнѣніе. Имъ

¹⁾ Курсивъ въ книгѣ; не знаю чей онъ—автора ли письма или составителя книги? То же слѣдуетъ сказать и о другихъ мѣстахъ.

ты и не дорожишь, ибо слишкомъ много вѣришь въ собственное. Но это мнѣніе, не забудь, его зовутъ—честь. Можно быть правымъ въ одной инстанціи, виноватымъ въ другой. Но для истиннаго достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человѣка необходимо, чтобы каждый поступокъ удовлетворялъ и тому, и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. Вотъ одно правило, которое я всегда почиталъ истиннымъ, въ которое вѣрю еще и теперь, ибо понимаю его ясно и необходимо; вотъ оно: „если сегодня я страдаю невинно, то вѣрно вчера я былъ виноватъ въ томъ же безнаказанно и способенъ былъ сдѣлаться виновнымъ завтра, а наказание только предупредило, выгнало меня напередъ, какъ горькое кушанье, исправляя желудокъ, предупреждаетъ его близкое расстройство. Ибо Провидѣніе несправедливо быть не можетъ, а способность къ дурному или хорошему для него равнозначительна съ дѣйствительнымъ поступкомъ“ (58—59). Письмо это, представляя тонкую, хотя и одностороннюю, оцѣнку Погодина, замѣчательно также какъ характеристика Кирѣевского въ его религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ.

Въ эти годы Погодинъ, окончивъ изданіе Московскаго Вѣстника, принималъ дѣятельное участіе въ Телескопѣ; писалъ онъ много, но по исторіи одни только рецензіи, изъ которыхъ самыя важныя вызваны „Исторіей Русскаго народа“¹⁾, а также занялся полемикой: писалъ „Взглядъ на кабинеты журналовъ“; въ этой статьѣ, какъ видно изъ дневника, помогали ему отчасти Надеждинъ и Томашевскій. Мнѣ кажется, что помощь эта, о которой упомянуто только разъ, состояла въ прискикиваніи припѣровъ. Болѣе же всего онъ занятъ былъ чисто литературными трудами: собиралъ свои повѣсти, писалъ ихъ вновь, а главное—написалъ двѣ драмы: „Марѳу Посадницу“, которую такъ хвалилъ Пушкинъ, но которая, появившись послѣ продолжительныхъ затрудненій (ее и по напечатаніи долго задерживалъ гр. Бекендорфъ), не произвела впечатлѣній на публику; главная причина неуспѣха, какъ замѣтилъ Шевыревъ въ одномъ письмѣ, въ томъ, что Погодинъ стихомъ не владѣлъ, а вздумалъ писать стихами; небрежность языка въ „Марѣѣ“ замѣтилъ еще Пушкинъ. Кромѣ „Марѣи“,

¹⁾ У автора мы встрѣчаемъ неточность, будто въ „Исторіи Русскаго народа“ не кончено царствованіе Грознаго; дѣло въ томъ, что окончаніе этого царствованія осталось не изданнымъ при жизни Полеваго и напечатано уже въ 1860 г. въ Берлинѣ.

Погодинъ въ эти годы написалъ „Петра Великаго“, который былъ изданъ только въ концѣ его жизни. „Петра“ не пропускали потому, что находили невозможнымъ выводить на сцену лицо, еще недавно царствовавшее, находили невозможнымъ изображать участіе Екатерины въ гибели царевича и т. д. Желая пропуска трагедіи, Погодинъ ѣздилъ въ Петербургъ: Жуковский и Пушкинъ хвалили трагедію, Влудовъ остался безучастнымъ (онъ, кажется, не могъ забыть статей Арцыбашева); наконецъ, трагедія была представлена государю и запрещена. По русской исторіи Погодинъ издалъ тогда извѣстное сочиненіе Кирилова: „Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства“ по рукописи, хранившейся у Каразина. Книгу эту встрѣтилъ неблагоклоннымъ разборомъ Полевой, а Академія Наукъ, разсматривавшая ее для поднесенія государю, нашла ее изданіемъ неудовлетворительнымъ. Лѣтомъ въ деревнѣ Погодинъ много читалъ для своихъ лекцій всеобщей исторіи, готовясь въ слѣдующемъ году читать исторію Франціи. Важнѣйшимъ же занятіемъ Погодина было изданіе Вѣдомостей о состояніи города Москвы во время холеры. Онъ самъ предложилъ Московскому генералъ-губернатору изданіе этихъ Вѣдомостей (про себя онъ мечталъ, что они принесутъ ему доходъ, но кажется, ничего не получилъ); вообще онъ былъ бодръ въ это время, утѣшалъ другихъ, даже принималъ холерныхъ къ себѣ въ домъ. Хотя онъ и не боялся холеры, но сдѣлалъ однако распоряженія на случай своей смерти: отказывая бібліотеку Шевыреву, онъ назначилъ часть ея Константину Аксакову, тогда еще мальчику, котораго онъ очень любилъ, и съ семьей котораго, особенно съ матерью, бывшею повѣренной его сердечныхъ тайнъ, былъ чрезвычайно близокъ ¹⁾).

Многообразныя житейскія и литературныя отношенія Погодина подробно изложены въ книгѣ нашего автора, часто на основаніи рукописнаго матеріала. Кромѣ отношеній къ Пушкину, Шевыреву, А. В. Веневитинову и другимъ близкимъ людямъ, о которыхъ свѣдѣніи встрѣчались и въ прежнихъ томахъ, здѣсь находимъ подробности

¹⁾ Укажемъ здѣсь одну неточность автора: на стр. 93 онъ приводитъ письмо Порова, автора поэмы „Морь“, и приписываетъ это письмо Абраму Сергѣевичу, а между тѣмъ изъ „Віографіи А. И. Кошелева“ видно, что авторъ поэмы былъ Александръ Сергѣевичъ, братъ Абрама Сергѣевича. Имя Ключи принадлежало ему; находится оно въ Валаховскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, а адресованіе на Кирсановъ указано въ письмѣ, вѣроятно, потому, что Кирсановъ близокъ Валахова. Тогда почтацки посылали за почтой въ ближайшій уѣздный городъ, хотя бы и другой губерніи.

разрыва Погодина съ Каченовскимъ: авторъ видитъ причину разрыва въ статьѣ Каченовскаго о Венелинѣ; но самъ Погодинъ, говоря о многолѣтней войнѣ съ Каченовскимъ, указываетъ еще на старыя свои опроверженія Эверсовой теоріи; слѣдовательно, статья о Венелинѣ является лишь поводомъ къ полному разрыву. Любопытны подробности о сближеніи Погодина съ Надеждинымъ. Всего же любопытнѣе переписка Погодина съ Венелинымъ, вносящая значительный матеріалъ въ біографію этого замѣчательнаго, но все еще не оцѣненнаго человѣка. Въ Венелинѣ привыкли указывать на его парадоксальныя историческія воззрѣнія или на его заслуги по болгарскому вопросу; но еще Кавелинъ, разбирая статьи Венелина въ Читаніяхъ общества исторіи и древностей, указывалъ, какъ много блестящихъ мыслей и замѣтокъ встрѣчается въ этихъ статьяхъ; помнится, что въ некрологѣ Венелина, помѣщенномъ Н. В. Савельевымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1841 или 1842 гг.), встрѣчается указаніе на то, съ какою живостью умѣлъ Венелинъ представлять событія прошлыхъ лѣтъ. Такъ, говоритъ Савельевъ,—онъ развивалъ въ разговорѣ эпизоды осады Пожарскимъ Москвы. Конечно, художественной обработки ни одного эпизода не оставилъ по себѣ Венелинъ, но живость въ изложеніи свидѣлствуетъ въ пользу показанія Савельева. Въ письмѣ Венелина изъ Петербурга мы встрѣчаемъ живыя изображенія тамошнихъ ученыхъ, въ особенности академиковъ; въ письмахъ изъ Болгаріи и въ особенности изъ Букарешта встрѣчаются чрезвычайно любопытныя подробности. Интересно, что уже тогда, когда русская оккупация еще не кончилась, зарождалось у румынъ стремленіе къ сближенію съ западомъ, отдѣленіе отъ славянства, удаленіе изъ языка славянскихъ словъ; словомъ, начиналась современная Румынія. Еще, кажется, цѣлы бумаги Венелина, и можетъ быть надежда на полную его біографію, какой еще не имѣемъ, не смотря на почтенные труды, положенные на изученіе его П. А. Безсоновымъ. Грустный конецъ Венелина—еще въ 1831 г. мы встрѣчаемъ его въ бѣлой горячкѣ—ждетъ психологическихъ и біографическихъ объясненій.

Прощая на сей разъ съ глубоко-интересною книгой Н. П. Варсукова, надѣемся въ непродолжительномъ времени встрѣтиться съ ея продолженіемъ.

И. Вестушевъ-Рюминъ.

GLASNIK ZEMALJSKOG MUZEJA U BOSNI I HERCEGOVINI. Urednik *Kosta Hörtmann*, vladin savjetnik. Knjiga I—IV. Sarajevo. 1889 ¹⁾.

Къ числу историческихъ статей Glasnik'a можно отнести и весьма интересный этюдъ Ем. Лилека (Em. Lilek) „Riznica prgodice „Hranici“ (nadimak Kosača)“, представляющій богатый матеріалъ для исторіи домашняго быта боснійскихъ вельможъ и королей и вмѣстѣ съ тѣмъ для исторіи промышленности и экономическаго состоянія Босніи въ XIV и XV вѣкахъ. Авторъ возымѣлъ благую мысль собрать изъ грамотъ и другихъ историческихъ документовъ упоминаемыя въ нихъ всякаго рода издѣлія золотыя, серебряныя, шитыя и другія, съ указаніемъ ихъ вѣса и цѣнности на современныя деньги, а также года документа и мѣста, гдѣ тѣ или другіе предметы были подарены. Вообще, это—одна изъ самыхъ интересныхъ статей Glasnik'a.

¹⁾ Окончаніе. См. евральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ. Когда почти вся моя статья была набрана, въ Петербургъ получена была и 4-я Книга *Glasnika*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующее: I. Орско-православна прѣва святихъ Архангела у Сараеву—сващ. Симеона Чайкановича; II. Восьмой международный конгрессъ ориенталистовъ въ Отонгольмъ и Христианин—сообщ. редакторъ *Важна* Мегмедъ (Мухамедъ) Гулаевъ; III. Вѣтреница—кейфина у Завали—сообщ. игуменъ Христофоръ Михайловичъ; IV. Разбоище Яковича или сватовское кладбище на Врезовца—сообщ. Петръ Мирковичъ; V. Мали и велики град—сообщ. Петръ С. Иванчевичъ; VI. Черты жизни пресмыкающихся, водящихся въ Босніи и Герцеговинѣ (продолженіе); VII. О уродема (худомъ глазь)—Леопольда Гляна; VIII. Вуквица (Vosančica). Къ боснійской палеографіи—д-ра Кира Трухелли; IX. Напутакъ (уставъ) за свету проскоидижу у завалскомъ обштаку—сообщ. Вида-Вулетица Вукасовича; X. Новый видъ рагидарумъ (видъ паразитовъ на черепахахъ) (Ragnidarum species novae e Bosnia et Croatia)—А. Куверта; XI. Личечинство (лѣчение) по народној предаји босанској и по једномъ старомъ рукопису—сообщ. д-ра Кира Трухелли; XII. О некоторыхъ эндемичныхъ лечебныхъ травахъ въ оккупированныхъ земляхъ—сообщ. Франца Фіалы; XIII. Гдѣ у Босни и Херцеговини има дојако осажанихъ врета на рода патана (сколько-нибудь сохранившіеся виды утокъ, —anatidae) и куда се шире—Отмара Райзера; XIV. Извлеченіе изъ лѣтописи ерандисманца Николая Лашванна—сообщ. д-ромъ Кирилъ Трухеллоу; XV. Сѣбес: а) Стара хамајлија (медальонъ) изъ Лажевна—сообщ. К. Германа; б) О смерти Стефана Томашевича, послѣдняго боснійскаго короля—сообщ. Ибрагима-бега Башагича; г) О постанку „Радоболь“ и вѣсниогъ имена—сообщ. Ив. Зовко; д) О постройнѣ Карагъзовъ-беговой джамии. (Karadžoz-begova džamija) въ Мостарѣ—сообщ. Ив. Зовко; е) Дарови земальскомъ музеју. XVI. Новѣйшія книжныя изданія. XVII. Корреспонденція редакци. О некоторыхъ изъ этихъ статей будетъ упомянуто въ дальнѣйшемъ изданіи.

Если „Otomanske valije (namjesnici) u Bosni“ К. Понца или списокъ боснійскихъ санджакъ-беевъ (или султанскихъ намѣстниковъ) и валиевъ (генераль-губернаторовъ) или просто папешей не представляетъ большаго интереса, за то онъ весьма полезенъ и восполняетъ одинъ изъ чувствительныхъ пробѣловъ въ исторіи Босніи и Герцеговины. Списокъ этотъ заимствованъ изъ календаря вилайета (генераль-губернаторства) Босніи за 1295 (1878) г. геджры; онъ обнимаетъ время отъ завоеванія Турками Босніи понинѣ.

Въ Glasnik'ѣ помѣщенъ цѣлый рядъ весьма иногда интересныхъ историко-археологическихъ сообщеній, правда, нерѣдко довольно краткихъ, о равныхъ мѣстностяхъ и историческихъ личностяхъ Босніи и Герцеговины, при чемъ почти всегда сообщаются народныя преданія и пѣсни о нихъ, изображающія весьма рельефно взгляды народа на историческія явленія и лица этихъ провинцій, или иначе сказать, по этимъ преданіямъ, можно, такъ сказать, воссоздать народную исторію Босніи и Герцеговины. Разрядъ такихъ сообщеній можно считать самымъ богатымъ въ Glasnik'ѣ. Сюда слѣдуетъ отнести: Рушевине дворца Јајице војводе, Опис и постанак имена Љуточ-планине у Крајини, Народно предање о „Накиџа кули“, Олово, Ђелија у селу Ратаји, Вјетреница-пеџина у Завали, Мали и велики град, Војвода Тома и нѣсколько другихъ малкихъ. Нельзя не пожалѣть объ одномъ,—что не приводится и то, что было написано раньше о нѣкоторыхъ изъ описанныхъ въ этихъ сообщеніяхъ предметахъ. Впрочемъ, выполненіе этого требованія для многихъ корреспондентовъ Glasnik'a почти не возможно, такъ какъ они, напримѣръ, народныя учителя, живутъ при такихъ условіяхъ, что не могутъ не только имѣть, но и знать, что существуетъ въ сербско-хорватской литературѣ объ ихъ мѣстности или родинѣ. О содержаніи этихъ сообщеній можно составить себѣ довольно ясное понятіе по тому, что я выше сказалъ о „Монастир Рапагџур“ и „Село Прашчиџак и његова пеџина“¹⁾. Въ виду этого, я не буду останавливаться на содержаніи этихъ статей, кромѣ одной или двухъ. Такъ, остановлюсь на статьѣ „Мали и велики град“. Подъ такими названіями извѣстны въ западной Босніи остатки двухъ крѣпостей, находящихся именно у Кіева (или Кіево, то-есть, село) въ уѣздѣ Санскаго моста, въ Вихачкомъ округѣ, къ востоку отъ села, на двухъ довольно высокихъ холмахъ, окруженныхъ съ восточной стороны лѣсомъ, который

¹⁾ Журн. М. Н. Пр., январь текущаго года, стр. 147—148.

известенъ подъ названіемъ Киевской планины; съ западной стороны холмовъ течетъ рѣка Киево ¹⁾. Отъ великаго града сохранились до настоящаго времени остатки крѣпостныхъ стѣнъ и строеній; а у малаго града видно очень немного остатковъ, такъ какъ мусульмане увезли оттуда камень на разныя потребности. Недалеко отъ развалинъ можно ясно замѣтить мѣсто, гдѣ стояла церковь; но видѣя всего путь, который велъ къ этимъ крѣпостямъ. Приведенное въ этой замѣткѣ преданіе о приходѣ странника, который отперъ имѣвшимся у него ключемъ покрытую камнемъ дверь подземной комнаты, наполненной золотыми монетами (дукатами), представляетъ сказочный мотивъ, довольно широко распространенный у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Гораздо болѣе интереса представляетъ содержаніе статьи „Olovo“, въ которой предлагается историко-археологическое описаніе села Олова (въ Кладанскомъ уѣздѣ, въ Сараевскомъ округѣ), известнаго средне-вѣковаго города, который славился своею оловянною рудой и имѣлъ, довольно обширныя торговыя связи съ Италіей и Дубровникомъ; въ XIV и XV вѣкахъ онъ назывался: Plumbum и città de Piombo. Въ близкихъ окрестностяхъ города населеніе было не только сербское, но и сакское (изъ Трансильваніи), въ народѣ известное подъ названіемъ „пургари“ (purgari), у дубровчанъ—боргезани (borghesani), а въ памятникѣхъ — рупники (rupnici — живущіе въ норахъ), а у италіанцевъ—vaoturchi; кромѣ того, здѣсь было не мало дубровчанъ, силѣтчанъ, задранъ (то-есть, изъ города Задра—Цары) и корчуланъ (съ острова Корчулы или Курцолы). Какъ саксы, такъ и приадриатическіе выходцы, занимались обработкой руды. Около рудниковъ они открывали свои ботеги (bothegi), а недалеко отъ нихъ находилась platea publica или, вѣрнѣе, тръгъ (откуда нынѣшнее Тръговиште), куда стекались купцы изъ разныхъ мѣстъ. Совершенно аналогичное явленіе представляла и мѣстность въ Болгаріи, гдѣ нынѣ находится городокъ Пещтера, на сколько я могъ изучить ее во время своего путешествія. Въ концѣ XIV вѣка въ Оловѣ была королевская таможня; но еще въ началѣ XV вѣка владѣльцемъ этого мѣста является извѣстный въ боснійской исторіи родъ Павловичей, остатки слав-

¹⁾ Есть еще два села въ Босніи, которыя носятъ это названіе: Киевцы доли и Киевцы горни въ уѣздѣ Вербирекскомъ, въ Баньалукомскомъ округѣ (Statistika mjesta i rubanstva u Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1880, стр. 38); и въ Болгаріи имѣе извѣстно мѣсто, называющееся Киево на Котленскомъ Балканѣ, недалеко отъ города Градецъ.

ныхъ дворцовъ которыхъ сохранились до настоящаго времени. Благодаря пришлому населенію, здѣсь съ раннихъ поръ извѣстно католическое населеніе, хотя въ настоящее время, какъ оловскіе жители, такъ и окрестное населеніе, — мухамедане и отчасти православные. Что дѣйствительно здѣсь были католики, авторъ статьи, г. К. Германъ, въ томъ не сомнѣвается; онъ указываетъ на католическій монастырь, по преданію считающійся за самый старыи въ Босніи; онъ сгорѣлъ въ 1687 г. По народному преданію, сюда стекалась масса католиковъ изъ всѣхъ частей Босніи, а затѣмъ изъ Болгаріи, Сербіи и Албаніи для поклоненія у камня, стоящаго на мѣстѣ церкви; въ 1886 году здѣсь было до 5000 человекъ. Кромѣ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ монастырѣ, существуетъ и народная пѣсня въ устахъ боснійскихъ католиковъ. Затѣмъ г. Германъ приводитъ изображение ключа, будто бы отъ церковныхъ дверей монастыря, и два снимка съ книги, изданной въ Венеціи въ 1586 г.: *Pistule i evangelya po sfe godeschie, harvatskim jazikom stumacena*. Но приведеннаго слишкомъ недостаточно, чтобы доказать, что эти вещи принадлежатъ монастырю. Вообще нужно замѣтить, что сообщенныя въ статьѣ свѣдѣнія о монастырѣ весьма отрывочны, но тѣмъ не менѣе не лишены интереса. Мнѣ кажется, что ихъ слѣдовало бы подвергнуть нѣкоторому критическому анализу, какъ и самую пѣсню; тогда и выводы о монастырѣ представлялись бы болѣе положительными.

Въ замѣткѣ „*Jankovića razbojište, ili svatovsko groblje na Brezovcu*“ интересно, между прочимъ, изображение народнаго героя Босніи Стояна Янковича, который стоитъ тамъ не ниже королевича Марка. Въ представленіи народа Янковичъ является человекомъ высокаго роста, необыкновенной силы, смуглымъ, съ черными глазами и съ такими же большими усами. Народъ про его внѣшность говоритъ: „*Sjaie mu se toke kroz brkove, kano mjesec od petnaest dana, kad obasja kroz jelove grane*“. Онъ первый юнакъ; его сабля самая острая. Съ одного размаха она сѣчетъ тридцать головъ. Его султанъ самый красивый; по нему онъ всего лучше знаетъ, какой вѣтеръ дуетъ; его панцирь и латы самые большіе и красивыя; такихъ нѣтъ ни у одного сердаря. Булава его тяжела; его конь Кулашъ самый быстрый и самый большой; его превосходитъ только Шарацъ, конь королевича Марка. Онъ милостивъ къ бѣднымъ, хорошій помощникъ несчастнымъ, миритель; по временамъ онъ принимаетъ разные образы. Онъ знаетъ всѣ языки. Никакая пѣсня не можетъ достойнымъ образомъ его воспѣть, и никакая сказка не можетъ передать о немъ всего, ни

достаточно его выхвалять. Онъ вошелъ въ поговорку: Висок к'о Јанковић; Јуначан к'о Јанковић; Милостив к'о Јанковић и т. д.

„Эпиграфическіе очерки Босніи и Герцеговины“ представляютъ три надписи изъ Босніи. Первая надпись на православной церкви въ Гораждѣ 1442 г. сообщаетъ о герцогѣ Стефанѣ, отъ титула котораго получала названіе нынѣшняя Герцеговина. Это былъ Стефанъ Вукчичъ, полный титулъ котораго былъ: „господинъ Стѣпанъ, божишомъ милостѣ герцегъ ѿ святаго Саве, господарь хумски и приморски и велики воевода рѣсавско-босаньскога, кнезь дриньски и к томъ“¹⁾). Авторъ замѣтки представляетъ по поводу этой надписи весьма интересный эпизодъ изъ исторіи Босніи и боснійскихъ патареновъ. Онъ признаетъ, однако, надпись неподлинною, — сдѣланною, судя по начертанію буквъ, кирилловскою вязью въ концѣ XVI „и можетъ быть, даже въ XVIII вѣкѣ“ (I, стр. 72). Главнымъ образомъ свои доводы онъ основываетъ на томъ, что Стефанъ, по грамотамъ не называется герцогомъ раньше 1448 г. Кроме того, сама церковь посвящена не св. Георгію, какъ говорится въ надписи, а Богородицѣ; слѣдовательно, здѣсь могла быть рѣчь о придѣлѣ, посвященномъ св. Георгію, но этого, по мнѣнію автора, не можетъ быть, потому что въ православныхъ церквяхъ нѣтъ придѣловъ, какъ есть въ католическихъ. Едва ли эти доводы однако могутъ имѣть значеніе. О придѣлѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Мнѣніе автора объ отсутствіи придѣловъ въ православныхъ церквяхъ основано только на свѣдѣніяхъ о нынѣшнемъ положеніи православной церкви въ Босніи, гдѣ въ настоящее время дѣйствительно нѣтъ церквей съ придѣлами; несомнѣнно, что такихъ церквей было мало и въ прежнее время. Для объясненія возникновенія надписи гораздо болѣе важное значеніе могло имѣть слѣдующее сообщеніе автора о герцогѣ Стефанѣ въ памяти народной: „Образъ герцога Стефана, относящійся и ко времени его жизни и смерти, былъ точно такой въ представленіи герцеговинскихъ мухамеданъ, каковъ былъ образъ богатыря (јунака) Скендеръ-бега въ глазахъ албанскихъ турокъ. Его имя почиталось далеко въ Герцеговинѣ и еще до настоящаго времени сохранилось воспоминаніе о герцогѣ Стефанѣ въ магометанскомъ населеніи Герцеговины. Турки долгое время спустя послѣ смерти герцога Хумскую землю, бывшую въ одно время его мѣстомъ пребыванія, называли его именемъ Герцеговою землею, а память о Стефанѣ сохранилась и въ нынѣшнемъ ея названіи. Представленіе о

¹⁾ Miklosich, Mon. serb., № 855 (1450 г.), стр. 441 и др.

герцогу было таково, что нашелся бы рѣдкій магометанинъ, который разорилъ бы дѣло рукъ герцога. Приписывая построение церкви въ Гораждѣ герцогу Стефану, христіанскій міръ зналъ, что тогда ни одинъ магометанинъ не подниметъ своей руки на нее. Такимъ образомъ имя герцога было палладіумомъ этой церкви, который сохранилъ ее не смотря, на то, что она, стоя на Дринѣ, гдѣ магометанское население болѣе всего распространялось, осталась не тронутою въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій" (стр. 72). Однако извѣстный сербскій ученый, архимандритъ Иларіонъ Руварацъ въ своемъ учено-полемическомъ и критическомъ очеркѣ: „О надписи на церкви херцега Стафана у Горажду" ¹⁾ доказалъ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ совершенную неосновательность доводовъ и предположеній г. Трухелки и подлинность славянской подписи въ Гораждѣ, защищая православіе здѣшней церкви. О. Иларіонъ въ концѣ своего очерка между прочимъ говоритъ: „эта надпись не можетъ быть „кривою"; но совершенно и безъ всякаго сомнѣнія, криво и ложно отъ начала до конца латинское сказаніе о тогдашнемъ соборѣ въ Коньницѣ въ 1446 г., въ которомъ (сказаніи) упоминается и „Стефанъ херцегъ отъ св. Саве", и ложны еще многія другія грамоты и письма, которыя въ XVI, XVII и въ XVIII вѣкахъ боснійскіе и далматинскіе францисканцы измышляли и сработывали не зная *in cuius maiorem gloriam!*" ²⁾ Весьма справедливо говоритъ о. архимандритъ, что тогдашніе сербскіе монахи, по свидѣтельству и выраженію самихъ латинскихъ миссіонеровъ, были „прости, припрости", и даже еслибъ и хотѣли, то не могли бы скрывать такой надписи, какъ надпись на церкви въ Гораждѣ ³⁾. Да и форма буквъ надписи нисколько не мѣшаетъ заключеніямъ о. Иларіона.

Заслуживаетъ также вниманія замѣтка о двухъ надписяхъ около Рогатницы, на плоскогоріи Владжевини, на кладбищѣ богомильскомъ, гдѣ находится цѣлый рядъ надгробныхъ богомильскихъ камней, которые, кромѣ двухъ, всѣ безъ надписей. Это кладбище довольно хорошо описано Гернесомъ и затѣмъ Ашботомъ ⁴⁾. Обѣ надписи извѣстны тому

¹⁾ Этотъ очеркъ составляетъ выпускъ XVI Гласа сербско-королевской академіи (у Београду. 1889), стр. 19—30; на стр. 8—10 приведена литература объ этой интересной надписи въ Гораждѣ.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Görnes*, Dinarische Wanderungen. Wien. 1888, стр. 237 — 239; *Aschóth*, Bosnien und Herzegowina. Wien. 1888, стр. 229 — 231.

и другому и приведены у перваго въ переводѣ, а у втораго въ хорватской транскрипціи, но у обоихъ невѣрно. Авторъ приводитъ обѣ надписи. Первая изъ нихъ написана буквицей и принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ изъ извѣстныхъ донинѣ боснійскихъ надписей; она начинается справа на лѣво. Авторъ приводитъ снимокъ съ нея съ сербскою транскрипціей параллельно съ чтеніемъ Ашбота; она относится къ Владку Владжевичу, одному изъ именитыхъ мѣстныхъ жителей. Авторъ замѣтки не обошелся безъ погрѣшностей. Такъ во второй строкѣ послѣ слова: чловѣка у него въ транскрипціи стоитъ и и далѣе не прочтенное слово, между тѣмъ на снимкѣ никакого и нѣтъ, а не прочтенное я читаю: тькмо гна; въ третьей строкѣ: послѣ аманъ авторъ замѣтки опять отмѣчаетъ пропускъ, а по снимку этого пропуска не видно; въ той же строкѣ послѣ с лѣжина слѣдуетъ прямо вожишль, а въ транскрипціи прибавлено а. Гернесъ прочелъ только конецъ надписи на восточной сторонѣ камня, и потому у него вышла бессмыслица ¹⁾.

Вторая надпись сдѣлана тоже буквицей, но только слѣва на право въ три строки по всѣмъ четыремъ сторонамъ камня,—въ началѣ, на западной сторонѣ однако только одна строка. Авторъ замѣтки приводитъ ее въ славянской и сербской транскрипціяхъ и въ чтеніи Ашбота; по два мѣста у него не прочтены и не объяснено, почему онъ дѣлаеть нѣкоторыя исправленія въ скобкахъ, и опять не объясняетъ, пропущены ли на мѣстахъ исправленій буквы или испорченъ камень ²⁾.

¹⁾ *Glasnik*, стр. 74:

къ кон не молаше
а нмъ и сини и братъ
ошю и княза павла милостю
кон ѡкона влатка поменѣ бѣга.

Görnes, стр. 386:

„ 6, der keine Nachkommen hinterliess, weder Sohn noch Bruder,...., und den gnädigen Fürsten Paul, der in Grabe des vorgenannten Vlatko“.

Надпись вырѣзана по тремъ сторонамъ камня: на западной она начинается на южной продолжается, а на восточной оканчивается.

²⁾ Ср. *Glasnik*, стр. 76:

Въ име ѡца и сѣна и светога
дѣа се лежи воевода мѣгопъ своимъ(ь)
(с)иномъ стѣпкомъ своимъ
гдѣнъ влаткѣ влаѣвнѣнѣ конъ ногѣ
конъ мѣ послѣжи живѣ а ѣртва поближи божию.

Наконецъ, третья маленькая замѣтка касается надписи у Бреста въ сѣверной Босніи. Надпись, а подъ нею крестъ, вырѣзаны на большомъ камнѣ, который народъ почитаетъ до того, что построилъ около его церквичку; подъ камнемъ покоится „рабъ божи Милованъ“ (7184=1676 г.). Надпись, довольно новая, интересна для сравненія съ старыми боснійскими надписями:

Заслуживаютъ упоминанія и старобоснійскія надписи: одна, сообщенная г. Трухелкою (III, стр. 23), и другая—Вулетичемъ-Вукасовичемъ и весьма удачно исправленная редакціею (II, стр. 78—80).

Едва ли можно отнести къ богумильскимъ памятникамъ надпись Владка Владжевича, такъ какъ она имѣетъ въ началѣ крестъ. Зато, несомнѣнно, богумильскаго происхожденія надгробныя камни, числомъ 30, въ округѣ Церквини, у Крешева, которые описаны въ замѣткѣ „О матеріалѣ богумильскихъ надгробныхъ камней“ (I, стр. 59—60). Описывая вкратцѣ внѣшнюю сторону камней и ихъ родъ, авторъ сравниваетъ ихъ съ такими же камнями въ другихъ мѣстахъ Босніи ¹⁾.

Весьма большой археологическій интересъ представляетъ статья г. Трухелки о могилахъ у Гласинца въ гористой части средней Босніи, гдѣ ихъ безчисленное множество (I, стр. 23—35). Авторъ, описавъ мѣстность, представилъ довольно подробную карту тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть могилы. Затѣмъ онъ описываетъ и самыя могилы, которыя ока-

помоѣю и княза павла милостию
а и се копанте на племе томъ
и прави воевода многошь и много Ѡ мое рѣ
ке на земли би ник-
огъ не би мрътва ни криво Ѡбить.

Görnes, стр. 335—336: Im Namen des Vaters, des Sohnes und des heiligen Geistes. Hier liegt der Vojevode Mitoš mit seinem Sohne Stephan (und seinem Gefährten), die ihn, als er lebte, bedienten, und als er starb, in's Grabtuch wickelten sammt Lebensmitteln..... und den gnädigen Fürsten Paul und den Ervojevode Mitoš.... sie begruben ihn hier über dem edlen Ban Vladko Vlačević und über dem Jovo“.

¹⁾ Боснійскіе богумильскіе камни описаны у *Амбона* (Bosnien u. Herzegowina, стр. 94—118) и у *Гернеса* (Dinarische Wanderung., стр. 182—183, 186, 191—194, 237—239, 266, 265, 284, 323—349). Камни, подобные описаннымъ, я видѣлъ въ Болгаріи въ 1879 г., во время своего путешествія, у с. *Вамана*, жившаго столь злополучную участь во время болгарской рѣзни предъ послѣднею русско-турецкою войною.

зываются погребальными, способъ погребенія и отчасти содержаніе могилъ, то-есть, предметы, въ нихъ находимые, большая часть которыхъ представлены въ цѣломъ рядѣ рисунковъ; предметы относятся большею частью къ донисторической археологіи и имѣють важное значеніе въ вопросѣ объ опредѣленіи культуры балканскихъ народностей въ древности. Между этими могилами есть и богумильскія ¹⁾. Такое же значеніе имѣють и двѣ замѣтки въ смѣси 1-й книжки (стр. 98—94). Не лишены большаго интереса и замѣтки г. Фялы по донисторической археологіи Босніи и Герцеговины (III, стр. 89—92).

Изъ статей по нумизматикѣ заслуживаетъ вниманія замѣтка того же Трухелки „Объ интересной турецкой монетѣ, чекапенной въ Сараевѣ“, какъ отмѣчено на самой монетѣ, въ 1688—1689 г., по предположенію, Хусейномъ пашой во время голода въ Босніи (стр. 57—59). Во всякомъ случаѣ, это явленіе представляетъ довольно важный фактъ въ исторіи Босніи.

Изъ статей чисто описательныхъ интересны: „Манастиръ Озрен“, самый замѣчательный въ Босніи и Герцеговинѣ, и „Српско-православна црква светих Архангела у Сарајеву“; описаніе того и другой сопровождается рядомъ довольно хорошихъ рисунковъ, дающихъ понятіе о предметахъ статей. Замѣчу только, что надпись на монастырской церкви Озренъ передана нехорошо и прочитана невѣрно: въ первомъ ряду вмѣсто: попатора нужно: попато̀ра = по̀па то̀дора; а въ третьемъ в. въ лѣто ꙗꙋꙋе нужно: въ лѣто ꙗꙋꙋе или просто: ꙗꙋꙋе = въ лѣто ꙗꙋꙋе или ꙗꙋꙋе, то-есть, 7075 или 7005 = 1497 или 1468 г. Между тѣмъ авторъ статьи, озренскій игуменъ Тимоѳей Витановичъ, транскрибируетъ годъ невозможнымъ образомъ: 3φε, который, по его мнѣнію, почему-то равняется 1567 году (II, стр. 35). Тоже нехорошо передана и надпись, сдѣланная на Богородичной иконѣ, и мѣстами невѣрно прочитана; такъ, въ первой строкѣ сты (=стѣы) онъ читаетъ сјати в. светн; въ третьей строкѣ: прм кровом и с тыми швразьмѣ = пот кровом и стьма образьме в. (с) прикровомъ и стѣыма швразьмѣ (не: стѣыми образьми) = (с) прикровомъ и еветима образьми; въ четвертой: ꙗꙋꙋї = 7117 в. ꙗꙋꙋї = 7116; въ девятой: сдамаскина = Сдамаскина в. с дамаскина = съ Дамаскина, въ двѣнадцатой: и стар-

¹⁾ Объ этихъ могилахъ см. у Гермеса, *Din. Wanderung.*, стр. 232, и у Гольмстедера наслѣд., въ *Mitth. d. antropol. Gesellschaft in Wien.* 1881, № 10—12,

цы с того мѣс... = и старцы с того мѣс(та) вм.: и старцы с того мѣс...=и старцы светаго мѣста.

Довольно любопытенъ отчетъ Мехмеда Гулуви о восьмомъ международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Стокгольмѣ и Христианіи; въ немъ интересенъ взглядъ боснійскаго мусульманина на конгрессъ.

Этнографія представлена довольно слабо въ Glasnik'ѣ за прошлый годъ; но и то немногое, что даетъ намъ боснійскій журналъ, весьма интересно. Статья г. Л. Глика о татуировкѣ кожи католиками въ Босни и Герцеговинѣ заслуживаетъ полнаго вниманія; авторъ въ цѣломъ рядѣ рисунковъ и описаній представляетъ намъ не только формы или фигуры татуировки и мѣсто ихъ на тѣлѣ, но и старается объяснить причины и время происхожденія этого обычая въ Босни и Герцеговинѣ. Правда, съ его выводами не вполне можно согласиться; но важно и то, что поставленъ вопросъ. Авторъ, какъ лѣкаръ, имѣлъ возможность дѣлать цѣлый рядъ наблюденій. Всего удобнѣе, по его словамъ, видѣть и наблюдать татуировку по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ у церкви, когда собирается народъ на богослуженіе, и особенно послѣ службы Божіей. Татуировка почти исключительно замѣчается у взрослыхъ дѣвушекъ и вообще у женщинъ-католичекъ; у мужчинъ она встрѣчается сравнительно рѣдко. Что же касается православныхъ, то она замѣчается почти только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ по смежности или смѣшанно съ католиками, и то опять только у женщинъ; только въ самое послѣднее время стали татуироваться отдѣльные лица изъ православныхъ, бывшихъ въ военной службѣ. То же можно сказать и относительно мусульманъ. У мусульманокъ татуировка не употребляется; авторъ не замѣчалъ ея и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мусульманки не закрываются. Фигуры татуировки выводятся на плечахъ, нижней передней части руки и нерѣдко на пальцахъ, на груди и рѣдко на челѣ. Самая обычная и распространенная фигура—крестъ, окаймленный различными украшениями изъ кружковъ, цвѣтовъ, вѣтокъ и вѣнцовъ; впрочемъ у мужчинъ украшения гораздо бѣднѣе. У православныхъ фигуры креста, не только не преобладаютъ, но и не играютъ большой роли; у нихъ нерѣдко встрѣчаются сердце, корона, якорь, начальные буквы имени и фамилія, иногда и всѣ буквы фамиліи лица, и годъ татуировки и даже двуглавый орелъ австрійскаго герба; а у мусульманъ—исключительно турецкая сабля или полумѣсяцъ со звѣздой. Татуировка производится главнымъ образомъ старыми женщинами, известными подъ названіемъ „вѣште жене“, чернымъ соста-

вомъ, отчего и фигуры исключительнаго чернаго цвѣта. Относительно времени появленія этого обычая въ Босніи и Герцеговинѣ авторъ справедливо говоритъ, что это явленіе тамъ довольно поздняго времени, главнымъ образомъ турецкаго; онъ приписываетъ введеніе татуировки въ формѣ креста католическому духовенству, вoadвигнуему сильное гоненіе на патаренъ, для отличія католиковъ отъ еретиковъ съ одной стороны, а съ другой—для прегражденія послѣднимъ пути въ магометанству, если они считались католиками только притворно. Чтобы перейти въ мусульманство, нужно было свести крестъ, а это сопровождалось сильными болями, которыя не всякъ былъ охочъ переносить. Сильнымъ католическимъ надзоромъ авторъ объясняетъ фактъ, что татуировку всего удобнѣе наблюдать въ воскресенье и въ праздничные дни у церкви, гдѣ каждый заподозриваемый въ еретицествѣ могъ доказать внѣшнимъ признакомъ свою преданность католической церкви. Кроме того, онъ объясняетъ огромное множество адептовъ мухамеданства въ Босніи и Герцеговинѣ только сильнымъ преслѣдованіемъ патаренъ со стороны католическаго духовенства.

Не менѣе интересна статья того же автора о художествѣ, о роли, какую онъ играетъ въ судьбѣ босняка, и о различныхъ способахъ его лѣченія, преимущественно у мусульманъ, представляя нѣсколько рецептовъ и два интересные заговора изъ народнаго лѣчебника Босніи и Герцеговины. Прямую связь съ этою статьей имѣетъ весьма интересный, богатый фактическими данными очеркъ г. К. Трухелки о лѣченіи болѣзней по народному преданію босняковъ и по рукописному боснійскому лѣчебнику, представляющему не мало матеріала и для языка. Авторъ, послѣ нѣсколько фантастическаго начала, останавливается на записяхъ, которыя носятъ босняками—христіанами и мусульманами—на шеѣ въ видѣ ладонки, какъ талисманъ противъ различныхъ болѣзней. Онъ приводитъ факсимиле трехъ такихъ записей, изъ которыхъ весьма интересенъ одинъ, на тонкой оловянной пластинкѣ, найденный въ основаніи дома въ сел. Слатинцѣ или Слатинѣ (Прозорскаго уѣзда, Травникскаго округа); письмо на ней—боснійское. На одной его сторонѣ записаны стихи 3—6 изъ 1-й главы Евангелія Іоанна, оканчивающіеся: „Во имя отца и сына и светога дѣха, господи помилуй и помози“ (IV, стр. 100), а на другой — греческій, довольно испорченный текстъ въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ лѣчебникахъ ¹⁾. Г. Трухелка

¹⁾ См., напримѣръ, у меня въ „Отрывкѣ малорусскаго простонароднаго лѣ-

предлагаетъ греческую транскрипцію заговора, но довольно неудачно, какъ неудачно транскрибировалъ и текстъ славянскими буквами. То же, разумѣется, слѣдуетъ сказать и объ его сербскомъ переводѣ, основанномъ на его чтеніи. Въ видѣ дополненія къ своей студиі г. Трухелка приводитъ текстъ лѣчебника, который онъ относитъ къ 1749 году, съ приложеніемъ снимка съ него. Между рецептами противъ разныхъ болѣзней здѣсь встрѣчаются два заговора противъ чесотки (стр. 108) и чаръ (стр. 107) и заветоване о 12-ти пятницахъ (стр. 115). Заговоры книжнаго происхожденія; записываніе и, можетъ быть, составленіе ихъ—спеціальность цѣлаго разряда людей, извѣстныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ подъ названіемъ гатарей и писарей. Противъ нѣкоторыхъ болѣзней предлагается по нѣскольکو рецептовъ. Къ сожалѣнію, авторъ статьи не даетъ описанія лѣчебника. Судя по снимку, можно заключить, что листы рукописи сохранились очень плохо. Кромѣ того, текстъ напечатанъ съ пропусками. Есть основаніе думать, что и сообщенный текстъ переданъ не совсѣмъ исправно, хотя, нужно замѣтить, и сама рукопись неисправна. Такъ, напримѣръ, на снимкѣ, въ концѣ, стоитъ: „па те неће прітискивати“, а у г. Трухелки: „па те неће трети ни исискивати“ (стр. 114); иныя мѣста прочитаны невѣрно, напримѣръ, въ перечисленіи 12-ти пятницъ: „погуби Гомора и Содома и на зграда“ вм. „погуби Гомора и Содома (и) ина зграда“ (стр. 115); или: „снае Иродиаде иви ли пове вам милне (?) кон је противу з бранива“ вм.: „снае Иродиаде и Вилипове (=Филиппове) вамилне (=фимилне), кои је противу збранива“ (тамъ же); или же: „вене мь же положио ната(?) десетъ заповиедьникъ божи“ (тамъ же) вм.: „ве немь же положио на та десетъ заповиедьникъ божи“; вм.: „ступив Шасастидом“ я предлагаю: „ступивша са стидомъ“ (тамъ же). Встрѣчаются нерѣдко и неприятныя опечатки въ родѣ: „сотоествие“ вм. „сошествоие“ (тамъ же). Также почти всегда ч рукописи передается ѣ, тогда какъ послѣднее ясно видно въ рукописи. Между тѣмъ въ лѣчебникѣ есть интересный лексическій матеріалъ, который при подобныхъ опечаткахъ значительно теряетъ свое значеніе. Время написанія лѣчебника опредѣляется записью на стр. 17, воспроизведенною на снимкѣ: „седо у кучу ми..... річића—1749“, которыя слова г. Трухелка читаетъ: „седо у куѣу Милутина Јуричића 1749“ (стр. 114), но почему онъ исправляетъ ми.....

чебнаго травника и два заговора“ въ *Филологич. Записки* 1883 г., вып. 1, стр. 29—30.

...річіа въ Милутина Јуричића, не говоритъ. За то текстъ сопровождается подстроичными объяснительными примѣчаніями. Нужно отмѣтить одну лингвистическую особенность лѣчебника, а именно—замѣну бѣглыхъ глухихъ гласныхъ чрезъ *a* и *e*, которыя всегда остаются на своихъ мѣстахъ даже и тамъ, гдѣ ихъ нельзя ожидать, напримеръ, въ косвенныхъ падежахъ: от кашала, од куче смрети, от крени, крив и т. п.

Не менѣе интересна и даже важна замѣтка г. К. Германа о „кумовствѣ у магометанъ-сербовъ“ (I, стр. 36—38), являющемся у нихъ какъ остатокъ христіанскаго времени. Данныя объ этомъ обычай авторъ приводитъ изъ сербской народной поэзіи, изъ II тома своего сборника: „*Narodne pjesne muhamedov. u Bosni i Hercegovini*“:

Lika kumom bio kod djevojke (LX, ст. 1162).

Evo t' kuma, bega udbinskoga (LXVII, ст. 592).

Pa mi sinu kosu kumovaо.

Послѣдній стихъ приведенъ изъ не изданной еще пѣсни.

Эти примѣры побудили автора обратиться за объясненіями къ самимъ магометанамъ, отъ которыхъ онъ узналъ слѣдующее: Боснійскіе сербы-магометане знаютъ три вида кумовства: *kumstvo svatovsko* или *vjenčano*, *kum. šišano* или *vodeno* и *kum. kod suneta*. Первый видъ этого родства почти совсѣмъ забытъ; онъ держался до тѣхъ поръ, пока примѣры выхода замужъ христіанокъ за магометанъ были довольно часты, а дѣти отъ такихъ браковъ должны были быть мусульманами; отсюда явилась народная пословица: „Отацъ клања, мати ми се крсти, а ја каменим.“. Только кое-гдѣ кумъ извѣстенъ теперь у магометанъ въ боснійской Посавинѣ; въ остальной части Босніи его замѣнилъ деверъ (*djever*). Этотъ видъ кумовства пользовался большимъ почетомъ у мусульманъ. Второй видъ кумовства бываетъ какъ между только магометанскими, такъ и между магометанскими и христіанскими дѣтьми вскорѣ послѣ рожденія, когда ножницы еще не касались головы ребенка. Существуетъ особый обрядъ установленія этого кумовства. Отецъ дитяти созываетъ родныхъ и знакомыхъ въ свой домъ, которые должны придти рано, чтобы торжественнѣе встрѣтить будущаго кума. Дитя одѣваютъ въ лучшую одежду. Кумъ беретъ его на колѣна, а одинъ изъ родныхъ дитяти подноситъ къ самой шеѣ послѣдняго обыкновенно стеклянный сосудъ съ чистою водою. Кумъ беретъ ножницы и обрѣзываетъ волоски сперва выше праваго уха дитяти, потомъ на теменѣ, и наконецъ выше лѣваго уха. Обрѣзанные во-

лоски падаютъ въ воду. Послѣ того кумъ бросаетъ въ воду монету, а ватѣмъ и всѣ гости; собранныя деньги по окончаніи обряда раздѣляютъ между собою служащіе. Такимъ образомъ кумъ съ этого времени становится защитникомъ и покровителемъ дитяти до смерти, хотя бы ему это стоило и жизни. Мать дитяти посылаетъ куму и его семейству вязанныя и вытканныя издѣлія, а отецъ одариваетъ кума ружьемъ, саблей, чубукомъ, конемъ или какими-либо другими предметами. Послѣ совершения обряда все собраніе начинаетъ пировать. Такое кумовство оканчивалось только смертію одной изъ сторонъ. Вслѣдствіе того явились выраженія: „Кумство било кумство ее развргло“ или „Умрло кумство, прѣстало кумство“. Этотъ видъ родства, существующій еще и донинѣ, имѣлъ и имѣетъ большое вліяніе на общественныя и политическія отношенія; нерѣдко вслѣдствіе кумовства самыя ярые враги становились друзьями. Довольно близко къ этому и третій видъ кумовства, который состоитъ въ томъ, что кумъ держитъ ребенка до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ совершенъ обрядъ сунета или обрѣзанія. Вообще кумовья или кумче (дѣтя) имѣютъ большія права и обязанности по отношенію другъ къ другу. Кумъ считается чуть не членомъ семейства; и женская половина отъ него не скрывается. Но онъ долженъ заботиться всячески о кумче, и въ особенности въ томъ случаѣ, когда послѣдній сдѣлается сиротой. Всѣ эти виды кумовства извѣстны только у ербовъ-магометанъ, и турки о нихъ не имѣютъ понятія, такъ какъ ни въ Коранѣ, ни въ Шератѣ нѣтъ о нихъ ни слова. Кумовство существуетъ и у помаковъ, но имѣетъ ли оно различные виды, мнѣ не извѣстно.

Изъ статей по этнографіи можно отмѣтить еще замѣтку о пасхальныхъ писанкахъ или вообще о крашенныхъ яичахъ, цвѣта краски которыхъ, оказывается, служатъ отраженіемъ народнаго вкуса или характерныхъ народныхъ красокъ. Къ этнографіи же я отношу и три народныхъ разказа (III, стр. 97—98), изъ которыхъ болѣе выдающіеся: „Kako postaje potres“ (Какъ происходитъ землетрясеніе).

Одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ Glasnik'a представляютъ памятники письма и языка, при чемъ этотъ отдѣлъ можно назвать довольно богатымъ. Прежде всего здѣсь выдается цѣнная статья г. Трухелки „Bosanska“, богатая по заключающемуся въ ней матеріалу и до нѣкоторой степени довольно обстоятельная. Предметъ ея содержанія—кирилловскія письмена въ боснійской эпиграфикѣ и рукописяхъ, принявшія съ теченіемъ времени своеобразное начертаніе.

Авторъ представляет не только рядъ надписей и образцовъ беговскаго письма въ видѣ матеріала для своего предмета, но старается указать и тѣ приемы, которые выработались въ Босніи главнымъ образомъ относительно славянскихъ писменъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ двѣ таблицы начертанія уставныхъ буквъ въ надписяхъ XIV и начала и конца XV вв., а также и печатныхъ, и затѣмъ скорописныхъ какъ въ надписяхъ XVIII вѣка на камнѣ и одюванскихъ дощечкахъ, такъ и на письмѣ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлаетъ различіе между монастырскимъ письмомъ и письмомъ беговскимъ или сербско-мусульманской знати отдѣльно для Босніи и Герцеговины. Результаты получились весьма интересные и важные для исторіи славянскихъ писменъ. На сколько мнѣ извѣстно, этотъ предметъ до настоящаго времени никѣмъ не трактовался такъ, какъ трактуеть его г. Трухелка, который, можно сказать, положилъ довольно твердое научное начало этому вопросу.

Къ сожалѣнію, авторъ этой статьи не свободенъ отъ нѣкоторыхъ увлеченій. Уже въ самомъ началѣ ея мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ что глаголица „je postala poşve samostalno iz naroda, ...iz koga neposredno nikla“ (IV, стр. 65); между тѣмъ въ послѣднее время съ легкой руки Тайлора и благодаря трудамъ гг. Ягича, Бѣлиева и друг., вопросъ о происхожденіи глаголицы поставленъ уже на твердую научную почву. Къ неосновательнымъ мнѣніямъ можно отнести и слѣдующее: „Slovo je s latinsko, a prešlo je odatle u grĉko pismo, zamijenivši staro Σ, pa tako vrijedi i u slovjenskom i promijenjenom značenju za naše s“ (тамъ же, стр. 68); или: „nazala њ (nj), ni labiala њ“ (стр. 69); „bosanĉica, kao prstonarodno pismo“ (тамъ же). Не малѣе было бы прибавить въ 1-й таблицѣ буквъ греческій курсивъ IX—XII вв. и глаголицы болгарскаго и боснійскаго начертанія. Тогда бы авторъ, нужно думать, не допустилъ такой фразы: „Jedan od znakova za K biće iskvaren grĉki oblik, doĉim je drugi, po svoj prilici složen od dva latinska CC“ (тамъ же, стр. 70), и другія мелочи. Было бы весьма важно указать границы распространенія буквы или босанџицы. Правда, извѣстно, что это письмо употребляется и нынѣ главнымъ образомъ боснійскими бегами и сербско-мусульманскою знатію въ Босніи и Герцеговинѣ, хотя далеко не всею, какъ было еще не такъ давно, а также около 40 дѣтъ тому въ боснійскихъ францисканскихъ монастыряхъ; но также извѣстно, что оно употреблялось и, можетъ быть, употребляется и въ предѣлахъ этихъ провинцій. Слѣдовало бы ожидать, что г. Трухелка прибавить кое-

что и изъ того матеріала для своего изслѣдованія, который былъ изданъ до него. Нужно, однако, сказать, что прежній матеріалъ изданъ не совсѣмъ исправно; между тѣмъ г. Трухелка приводитъ факсимиле надписей и рукописей, что для его цѣли не только важно, но и необходимо. Впрочемъ, авторъ не имѣлъ въ виду изложить боснійскую палеографію или исторію развитія боснійскаго письма, или же доказать, что буква различна отъ кириллицы; а желалъ только обратить вниманіе на народное письмо, которое, недолго спустя, исчезнетъ (стр. 83). Цѣль его можно считать вполне достигнутою.

Поминальныя записи (IV, стр. 84—87) въ чинѣ проскомидіи рукописнаго Требника Завальскаго монастыря, а также и пять подлиннѣйшихъ приписокъ (стр. 88—92) въ этомъ Требникѣ имѣютъ значеніе съ точки зрѣнія не только языка, но и исторіи и исторіи литературы. Но онѣ изданы такъ небрежно и неисправно, что мѣстами почти ничего нельзя разобрать. Къ тому же и сама рукопись описана весьма неудовлетворительно, такъ что по тому, что о ней сказано и что изъ нея приведено, нельзя составить себѣ понятія, къ какому времени она относится. Вообще нужно замѣтить, что въ Glasnik'ѣ какъ славянскіе, такъ и старо-сербскіе тексты передаются весьма неисправно. — Безъ сомнѣнія, мадьярскій памятникъ, написанный кирилловскими буквами, весьма интересенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія; но мнѣ кажется, что онъ попалъ на страницы Glasnik'a только благодаря имени знаменитаго Ф. Миклошича. Содержаніе памятника — увѣщаніе католическаго священника передъ исповѣдью приходящему исповѣдываться.

Затѣмъ заслуживаютъ вниманія письменные памятники, имѣющіе значеніе не только со стороны языка, но и съ точки зрѣнія матеріаловъ для исторіи; — это статья о фойницкомъ гербовникѣ, который г. Трухелка считаетъ не подлиннымъ, относящимся не къ XIV, а къ XV вѣку, и потомъ двѣ грамоты: одна — секретное письмо 1688 г. къ дубровницкому князю и дубровницкой знати; а другая — письмо дубровницкаго князя и владетелей къ Ибрагиму-пашѣ 1611 г.; онѣ, между прочимъ, касаются рода знаменитаго поэта Гундулича. Обѣ грамоты снабжены объяснительными примѣчаніями.

Къ этому же разряду статей можно отнести и извлеченія изъ лѣтописи францисканца Николая Лашванна, принадлежащей францисканскому монастырю Горицѣ, недалеко отъ Лѣвна или Ливна, въ спискѣ франц. Стеф. Маргетича-Яйчанина. Редакція Glasnik'a

приводить изъ лѣтописи только такія извѣстія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе общественный интересъ; все, относящееся спеціально къ ордену, къ сожалѣнію, опускается; между тѣмъ францисканскій орденъ въ Босніи и Герцеговинѣ съ давнихъ поръ игралъ довольно видную роль, и потому обстоятельныя извѣстія о немъ не могутъ не интересоватъ слависта-историка. Извѣстія въ извлеченіяхъ начинаются съ 1461 г. Съ этого ли года начинается и лѣтопись, трудно сказать, такъ какъ редакция журнала не даетъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. По языку лѣтопись принадлежитъ итавскому или западному нарѣчію. Извлеченія будутъ продолжаться и въ слѣдующемъ году; послѣднее извѣстіе изъ напечатанныхъ относится къ 14-му сентября 1739 г. Въ этихъ извѣстіяхъ главнымъ образомъ говорится объ отношеніяхъ турокъ къ Босніи ея христіанскому населенію и въ частности къ ордену или, вѣрнѣе, къ отдѣльнымъ представителямъ послѣдняго, а также о физическихъ бѣдствіяхъ провинцій и нѣсколько свѣдѣній о турецко-австрійскихъ и русско-турецкихъ войнахъ, на сколько эти послѣднія имѣли отношеніе къ Босніи и Герцеговинѣ; есть два-три упоминанія о старовѣрцахъ (не патаренахъ?). Вообще можно замѣтить, что встрѣчаются мѣста весьма интересныя.—Наконецъ, упомяну здѣсь о сербской пѣснѣ о покореніи турками о. Крита въ 1080 (1669) г. гиджры, сохранившейся въ спискѣ, сдѣланномъ турецкими буквами, съ двѣнадцатистишнымъ началомъ на турецкомъ языкѣ. Но къ какому времени относится этотъ списокъ, Хюсейнъ-эфенди Карабеговичъ, сообщившій эту пѣсню редакціи, не говоритъ; пѣсню онъ приводитъ въ турецкой и сербской транскрипціяхъ. Судя по языку, пѣсня не стара; она, несомнѣнно, составлена сербомъ-мусульманиномъ, знавшимъ турецкій языкъ и письмо, какъ можно заключить по обилію турецкихъ словъ въ языкѣ, объясненныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Собственно это не пѣсня, а скорѣе ода, воспѣвающая недостатки и пораженія, какія потерпѣли венеціанцы, и превосходство мусульманства надъ христіанствомъ, а также и потери венеціанцевъ, явившіяся слѣдствіемъ отнятія у нихъ острова. По концепціи пѣсни видно, что авторъ былъ не изъ образованныхъ и не изъ особенно искусныхъ въ книжномъ дѣлѣ; для рѣзны онъ набираетъ и сопоставляетъ иногда такія слова, смыслъ которыхъ не всегда можетъ имѣть даже отдаленную связь.

Статьи по естествознанію или вѣрнѣе по фаунѣ, флорѣ и минералогіи Босніи и Герцеговины не менѣе интересны и иногда весьма обстоятельны, но сужденіе о нихъ я предоставляю специалистамъ.

Желательно, чтобы отдѣлъ библиографіи былъ полнѣе и обнималъ всѣ тѣ отрасли знанія, которымъ Glasnik предоставляет свои страницы. Въ первомъ году изданія боснійскаго журнала вошли только двѣ рецензіи о книгахъ, не имѣющихъ собственно прямого отношенія къ Босніи и Герцеговинѣ, а именно: К. Иречка: „Einige Bemerkungen über die Ueberreste der Petschenegen und Kumalen, so wie über die Völkerschichten der sogenannten Gagauzi und Sargudj in heutigen Bulgarien“ и Первольфа: „Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею въ лѣтнее вакаціонное время 1888 г.“.

Изъ сказаннаго можно заключить, что Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini является истиннымъ органомъ музея, который для начала, судя по Glasnik'у, обставленъ очень хорошо. Этотъ органъ открываетъ намъ совершенно новую сторону жизни провинціи. Видно, что редакція ничего не жалѣетъ для того, чтобы дѣйствительно улучшить свой журналъ; 4-я послѣдняя книжка представляетъ ясное тому доказательство: при обиліи рисунковъ и снимковъ, которыми сопровождаются почти всѣ статьи Glasnik'a, въ немъ помѣщено нѣсколько раскрашенныхъ, исполненныхъ весьма удовлетворительно. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ заключающихся въ немъ статей весьма обстоятельны, чего вообще нужно желать отъ Glasnik'a; есть вещи, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться краткою замѣткой или нѣсколькими словами. Жаль, что экономія и статистика не находятъ себѣ мѣста въ журналѣ. Одного, мнѣ кажется, необходимо требовать отъ Glasnik'a, а именно: болѣе систематичности въ расположеніи статей; по моему мнѣнію, нужно сдѣлать особый отдѣлъ для естествознанія, если большаго нельзя. Впрочемъ, за 2 гульдена Glasnik даетъ больше, чѣмъ можно было бы ожидать. На меня лично одно обстоятельство производить не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе: правильная послѣдовательность статей латинскаго и кирилловскаго письма. Едва ли эта аккуратность зависитъ отъ желанія авторовъ; несомнѣнно, что въ этомъ главную роль играетъ редакція, и навѣрное, иногда отъ этого страдаетъ авторская воля. Впрочемъ, это только одно предположеніе. Такъ или иначе, но я желаю Glasnik'у еще большаго улучшенія и полнаго успѣха.

И. Смирновъ.

Бѣлорусія и Литва. Историческія судьбы сѣверозападнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Ватушкова. Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и съ картой, С.-Пб.

Томомъ, вышедшимъ подъ этимъ заглавіемъ, заканчивается означенный именовъ П. Н. Ватушкова рядъ трудовъ, посвященныхъ живописному и литературно-историческому изображенію судебъ юго-западной и сѣверо-западной Россіи. Два предшествующіе тома, о которыхъ въ свое время было говорено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, касались — одинъ — Холмской Руси, а другой — Волыни. Еще болѣе, чѣмъ тѣ, новый томъ, излагающій исторію Бѣлоруссіи и Литвы, находится въ тѣсной связи съ извѣстными, ранѣе выходившими подъ руководствомъ того же лица „Памятниками старины въ сѣверозападныхъ губерніяхъ“, но также и отличается отъ нихъ по своему характеру и назначенію. То было изданіе — въ художественномъ отношеніи роскошное, а въ литературномъ ученое, а это и въ томъ, и въ другомъ отношеніи болѣе доступное и популярное. Тамъ выводилось на свѣтъ исторіи то, что было мало извѣстно совсѣмъ не извѣстно, а скорѣе всего забыто или забывалось намѣренно; здѣсь открытое научными изслѣдованіями и явленное свѣту художествомъ дѣлается доступнымъ для всѣхъ образованныхъ людей, и въ особенности для мѣстныхъ дѣятелей русскаго народнаго образованія. Въмѣсто атласа рисунковъ въ листъ и текста въ четверку теперь предлагается четко и изящно отпечатанный томъ обычнаго сподручнаго формата, со множествомъ прекрасно исполненныхъ, сопровождающихъ текстъ рисунковъ. Иллюстрація и текстъ здѣсь нераздѣльны и должны сразу производить одно впечатлѣніе, укрѣплять одно убѣжденіе. Впрочемъ, генетическое отношеніе между двумя изданіями объясняется въ предисловіи или, пожалуй, послѣсловіи, которымъ самъ почтенный издатель напутствуетъ завершеніе дѣла, столь близкаго его сердцу и столь много лѣтъ составлявшаго предметъ его хлопотливыхъ заботъ. Отиѣтимъ нѣкоторыя черты изъ этого ретроспективнаго взгляда на ходъ всего дѣла. Точкою исхода послужило то, что въ концѣ пятидесятихъ годовъ, на канунѣ послѣдняго польскаго восстанія, государю императору Александру II угодно было обратить вниманіе на печальное и оскорбительное для русскаго народнаго чувства и достоинства состояніе православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ; рѣшено было принять мѣры къ

часть ослхviii, отд. 2.

ихъ поддержкѣ и возобновленію. П. Н. Батюшкову было поручено предварительное обзорѣніе церковныхъ построекъ и точное опредѣленіе числа прихожанъ, принадлежащихъ къ каждому приходу. Отсюда произошелъ „Атласъ населенія десяти губерній Западнаго края по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ“, изданный въ 1863 году и не замедлившій произвести въ благопотребную минуту надлежащее глубокое впечатлѣніе, вытекавшее изъ его данныхъ, показывающихъ ничтожное численное отношеніе польскаго и католическаго населенія къ русскому и православному. Офицерами генеральнаго штаба, командированными для собиранія нужныхъ данныхъ, тогда же было обращено вниманіе на многочисленныя развалины древнихъ православныхъ храмовъ на Волыни и въ Западномъ краѣ, находившіяся безъ призора и въ самомъ жалкомъ видѣ, но представлявшія весьма краснорѣчивое свидѣтельство о русскомъ быломъ и вообще высокой исторической интересъ. Фотографіи, снятыя съ нихъ, воспроизведенныя затѣмъ въ аквареляхъ и хромолитографіяхъ, составили серію изображеній русскихъ древностей и историческихъ мѣстностей, которая и дала начало „Памятникамъ Старинны“: постепенно вышло восемь выпусковъ. Каждый выпускъ сопровождался объяснительнымъ текстомъ, состоявшимъ изъ описаній памятниковъ древнаго русскаго зодчества и старинной церковной утвари, изъ палеографическихъ и старопечатныхъ снимковъ, наконецъ — изъ цѣльныхъ историческихъ очерковъ, иногда, какъ въ „Очеркѣ исторіи города Вильны“, достигавшихъ значительнаго объема. Несомнѣнно, что „Памятники“ сослужили свою службу и много содѣйствовали ознакомленію русскаго образованнаго общества съ мало извѣстными или совсѣмъ забытыми остатками общей древнерусской жизни въ краѣ; хотя они и не имѣли большаго распространенія по самому своему внѣшнему характеру, — но они дѣйствовали чрезъ посредство русской ученой литературы, которая относилась къ нимъ весьма благосклонно. Очень естественно, что и самъ издатель „Памятниковъ“ пришелъ къ мысли о популяризаціи собранныхъ и довольно разработанныхъ данныхъ; этому и должна была послужить новая серія, которая заканчивается вышедшимъ въ этомъ году томомъ. По объясненію П. Н. Батюшкова, болѣе дешевое изданіе предназначалось преимущественно для руководства учителямъ народныхъ школъ и вообще для широкаго распространенія въ западномъ краѣ. Теперь, когда и это изданіе завершилось, почтенный издатель можетъ и имѣть право оглянуться съ чувствомъ удовле-

творения на весь пройденный путь и на свое руководящее участие в дѣлѣ, которое несомнѣнно было плодотворнымъ, не лишено было важнаго государственнаго значенія, достойно подготовляло и сопровождало его. служебную дѣятельность въ званіи попечителя Виленскаго учебнаго округа, извѣстнымъ образомъ увѣковѣчиваетъ память о ней. П. Н. Батюшковъ вспоминаетъ о времени (въ концѣ 50-хъ годовъ), когда ни въ одномъ центральномъ учрежденіи имперіи не имѣлось точныхъ свѣдѣній по статистикѣ и этнографіи западныхъ губерцій Россіи, когда русская историческая литература и периодическая печать того времени вѣрили на слово источникамъ польскаго происхожденія, апокрифическимъ, часто измышленнымъ и всегда тенденціознымъ, когда находившіяся на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ лица безсознательно поднимались вліянію польскихъ идей во вредъ государственнымъ интересамъ и т. д. Если во всемъ этомъ произошло ощутительныя и неоспоримыя перемены къ лучшему, то значительная доля заслуги принадлежитъ тутъ его просвѣщенной дѣятельности.

Что касается въ частности вновь вышедшей книги, то должно сказать, что она не только не уступаетъ своими достоинствами предыдущимъ томамъ той же серіи, но даже превосходитъ ихъ. Иллюстраціи не оставляютъ желать ничего лучшаго и даже невнимательный поверхностный взглядъ будетъ пораженъ ихъ обиліемъ столько же, какъ и прекраснымъ исполненіемъ. Нѣкоторыя вещи, какъ напримеръ, супрасльскія фрески, въ высшей степени цѣнныя, являются здѣсь, сколько мы знаемъ, впервые. Снимки съ нихъ сообщены были художникомъ В. В. Грязновымъ, имя котораго тѣсно связано со всѣми учено-художественными предпріятіями Виленскаго учебнаго округа, начиная съ 60-хъ годовъ, а въ послѣднее время приобрѣло себѣ особенный почетъ послѣ изслѣдованій и открытій въ древнѣйшемъ храмѣ Супрасля—Благовѣщенскомъ соборѣ; онъ же сообщилъ и другіе рисунки (развалины Коложской церкви въ Гроднѣ). Основной текстъ, содержащій обзоръ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы, написанъ профессоромъ Киевской духовной академіи Н. И. Петровымъ при сотрудничествѣ его товарища, И. И. Малышевскаго. Имя автора, извѣстнаго специальными изслѣдованіями, соприкасающимися съ исторіей сѣверо-западнаго края—особенно имѣемъ въ виду очеркъ исторіи бѣличанскаго ордена (въ Трудахъ Киевской духовной академіи 1872 г.)—уже ручается за то, что задача исполнена съ полнымъ

знаніемъ дѣла, по хорошему плану и съ литературнымъ искусствомъ. Само собою разумѣется, что онъ пользовался всѣми новѣйшими учебными пособиями: въ примѣчаніяхъ всего чаще встрѣчаются ссылки на исторію города Вильны г. Васильевскаго, на труды г. Антоновича, на „Витебскую старину“ г. Салунова, на частныя изслѣдованія и замѣтки въ мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ повременныхъ изданіяхъ, на сочиненія преосвященнаго Макарія, М. О. Колдовича, и въ концѣ на недавно появившуюся „Исторію Литовскаго государства“ г. Брянцева. Сжато и очень живо написанный очеркъ съ его научнымъ аппаратомъ является совсѣмъ не лишнимъ на ряду съ извѣстными „Чтеніями по исторіи западной Россіи“ М. О. Колдовича, преслѣдующими ту же цѣль популяризаціи. Въ послѣднихъ больше выставляются на видъ общія теченія въ историческихъ судьбахъ края, здѣсь сообразно съ характеромъ изданія больше сопоставляются конкретныя явленія и факты, въ которыхъ эти теченія выражались и съ которыми связано было возникновеніе многообразныхъ вещественныхъ памятниковъ, составляющихъ содержаніе художественной части. Отъ сочиненія г. Брянцева, появленіе котораго недавно пріятствовало на страницахъ этого журнала К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, трудъ Н. И. Петрова отличается тѣмъ, что онъ обращаетъ вниманіе не столько на государственное и социальное-общественное развитіе бывшаго Литовскаго княжества, сколько на судьбы православія, православной церкви и православнаго населенія. Заслуживаютъ вниманія тщательно составленные списки православныхъ храмовъ, а также и костеловъ, возникшихъ въ правленіе того или другаго великаго князя или короля; они помѣщаются въ примѣчаніяхъ. Съ другой точки зрѣнія, но тоже требуютъ къ себѣ вниманія, сужденія и взглядъ профессора Петрова на исторію борьбы въ нѣдрахъ уни между базилианскимъ орденомъ и бѣлымъ духовенствомъ, а также на исторію воссоединенія. Въ обзорѣни, такъ сказать, новѣйшей исторіи края съ нѣкоторою подробностію говорится о мѣрахъ — по народному образованію и вообще по водворенію русскаго просвѣщенія въ край, за періодъ попечительства П. Н. Ватюшкова, но, можетъ быть по недостатку готовыхъ пособій, слишкомъ бѣгло очерчена предшествовавшая столь же почтенная, соиздательная и плодотворная дѣятельность И. П. Корнилова.

И. В.

БЛИЖНЯЯ НОВОСТИ.

Русская Греко-униатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. С.-Пб. — Исторія униі въ разныя эпохи ея развитія привлекала къ себѣ не мало труженниковъ; издаю много матеріаловъ археографическими комиссіями Петербургскою и Кіевскою; появились и отдѣльные труды (гр. Д. А. Толстаго, М. О. Кояловича, Н. А. Чистовича и др.); издали подлинныя записки дѣятелей воссоединенія (митрополита Іосифа, архіепископовъ Василія Дужинскаго и Антонія Зубка). Менѣе всего изслѣдованною оставалась первая четверть текущаго столѣтія. Въ изученіе этого времени принялся П. О. Бобровскій, приготовленный къ этому труду семейными преданіями, своими занятіями по описанію Гродненской губерніи, работою надъ біографіею своего знаменитаго дѣда, усипенію заслугъ котораго онъ посвятилъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій. Принимаясь за послѣдній свой трудъ, хорошо извѣстный читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, на страницахъ котораго онъ появился въ прошломъ 1889 году, авторъ ознакомился со всею литературою, касающеюся его предмета. Показанія печатныхъ сочиненій повѣрены имъ по документамъ архива св. синода по 2-му департаменту (греко-униатскому), римско-католической духовной коллегіи, министерства народнаго просвѣщенія по Виленскому учебному округу, и по не изданнымъ письмамъ Бобровскаго и Сосновскаго, члена Брестскаго капитула. Архивомъ оберъ-прокурора св. синода и греко-униатскихъ митрополитовъ авторъ не пользовался потому, что дѣла этихъ архивовъ изчерпаны трудами другихъ ученыхъ, и потому еще, что тѣ же матеріалы хранятся въ архивѣ римско-католической коллегіи, да еще съ болѣе детальнымъ развитіемъ частныхъ вопросовъ. Въ заключеніе своего предисловія авторъ изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что архивъ Брестскаго капитула сгорѣлъ въ 1836 г. Имѣлъ въ рукахъ такъ много матеріаловъ, авторъ тѣмъ не менѣе заявляетъ желаніе, чтобы приведены были въ извѣстность еще другіе архивы (напримѣръ, Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря), а также частныя переписки, если таковыя сохранились. Основанное на такомъ обширномъ и критически изученномъ матеріалѣ, обработываемое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, сочиненіе П. О. Бобровскаго не могло не быть цѣннымъ вкладомъ въ науку. Главное достоинство его состоитъ въ томъ, что вопросъ объ униі онъ поставилъ въ широкую раму общаго состоянія умовъ въ Западно-Русскомъ крайѣ и освѣтилъ характеристикою возрѣній, господствовавшихъ въ ту пору въ петербургскихъ высшихъ сферахъ. Содержаніе книги составляетъ борьба блага униатскаго духовенства съ орденомъ базилианъ, поддерживаемыхъ въ первое время іезуитами и во все время многими вліятельными лицами въ Петербургѣ. Сломить эту силу удалось только Шишцову, поддержанному крѣпкою волею императора Николая, частью узнаваемаго дѣла съверо-западнаго края во время своего командованія тамъ войсками, а частью опиравшагося на записку Овчина, бывшаго прокурора римско-католической коллегіи, остававшуюся безъ движенія съ 1806 г. Записка будущаго митрополита Литовскаго Іосифа Сімашкина, воссоединенія униатовъ была уже завершеномъ цѣлаго ряда протестовъ и указаній. Подробный разсказъ автора останавливается на указѣ 9-го октября 1827 г. о

пріемъ въ монахи лишь только лицъ, знакомыхъ со славянскимъ языкомъ и греческимъ уставомъ. Этимъ нанесенъ былъ смертельный ударъ базилианамъ и положено начало воссоединенія. Благодаря массѣ матеріала, критическому къ нему отношенію и широкой постановкѣ вопроса, сочиненіе П. О. Бобровскаго читается съ большимъ интересомъ и знакомитъ и съ дѣломъ, и съ дѣятелями. Въ особенности важны характеристики Лисовскаго, Красовскаго, Сосновскаго, Бобровскаго, а также провинціаловъ базилианскихъ, митрополита Вулгана и др. Авторъ указываетъ на роль ректора Виленскаго университета Пеллиана въ склоненіи Новосильцева на сторону базилианъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ важномъ дѣлѣ автору пришлось довольствоваться почти только домыслами. Вѣрной исторіи Виленскаго университета у насъ, къ сожалѣнію, еще нѣтъ.

Три статьи къ русскому Палестиновѣданію, изданныя архимандритомъ Леонидомъ (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 16-й). С.-Пб. 1889.—Въ первой изъ этихъ статей неутомимый изслѣдователь о. архимандритъ Леонидъ сообщаетъ любопытныя данныя относительно болѣе правильнаго опредѣленія двухъ паломническихъ проваженій—Описанія Іерусалима архимандрита Симеона Симоновича и Хожденія въ Іерусалимъ архимандрита Гресеція. Первый памятникъ относился обыкновенно къ половинѣ XVIII вѣка, между тѣмъ какъ отецъ Леонидъ на основаніи неопровержимаго, недавно опубликованнаго извѣстія, доказываетъ, что онъ принадлежитъ къ началу XIV в. (1322 г.). Что касается хожденія Гресеція, относимаго къ XV в., то авторъ доказываетъ, что подъ этимъ загадочнымъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Агриппу, архимандрита Смоленскаго Богородичнаго Аврааміеваго монастыря, ходившаго въ Іерусалимъ въ 1375 г. Аргументація автора довольно убѣдительна, и отнынѣ эти два памятника должны занять отведенныя имъ авторомъ мѣста въ спискѣ русскихъ и славянскихъ паломническихъ сказаній. Вторая статья представляетъ выдержку изъ хроникки Георгія Амартола, въ переводѣ на славянской языкъ X в., представляющую очеркъ Обитаванной земли. Выдержка эта приводится въ двухъ редакціяхъ—болгарской и сербской, и важна по времени, къ которому относится славянской переводъ. Третья статья сообщаетъ матеріалъ для исторіи патріарховъ Іерусалимскаго и Антиохійскаго XI в., извлеченные изъ Тактикона Никона Черногорца, жившаго въ концѣ XI в.; Тактиконъ Никона былъ довольно рано переведенъ былъ на славянской языкъ и пользовался у нашихъ предковъ большимъ уваженіемъ. Вообще всѣ три статьи содержатъ въ себѣ много важнаго и любопытнаго для исторіи Палестины.

Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи. Д. Айвазовъ и Е. Ридина. Съ 14 рисунками. С.-Пб. 1889.—Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ Русское Археологическое Общество обратило вниманіе на необходимость ознакомить публику съ единственнымъ въ своемъ родѣ археологическимъ памятникомъ, который представляютъ мозаики и фрески Кіево-Софійскаго собора XI вѣка. Съ этою дѣлю, при помощи правительства, оно предприняло и исполнило капитальное ихъ изданіе, входящее въ составъ "Древностей Россійскаго Государства" и представляющее прекрасно исполненный атласъ рисунковъ. Въ то же время Археологическое Общество не оставило безъ вниманія и то обстоятельство, что безъ объяснительнаго текста атласъ этотъ не можетъ имѣть должнаго значенія и принести ту пользу отечественной археологіи, которая отъ него ожидается, и поручило составленіе этого текста нинѣ покойному

академику Срезневскому. Различныя обстоятельства помѣшали своевременному исполненію этого порученія, и со смертью Срезневскаго дѣло остановилось, а Археологическое Общество, занятое другими задачами, не имѣло возможности осуществить свое намѣреніе. Профессору Одесскаго, нынѣ С.-Петербургскаго университета Н. П. Кондакову принадлежитъ честь прійти на помощь этому дѣлу и выдать первымъ опытомъ объяснительнаго къ рисункамъ текста: будучи въ Одессѣ, онъ предложилъ въ видѣ темы на соисканіе медали, вопросъ объ этомъ текстѣ и получилъ разрѣшеніе въ трудѣ двухъ вышеназванныхъ своихъ слушателей. Трудъ этотъ, удостоенный награды, оказался до такой степени удачнымъ, что послѣ переработки могъ быть напечатанъ въ видѣ перваго опыта комментарія къ изданнымъ рисункамъ и, какъ таковой, можетъ остановиться на себѣ вниманіе археолога, интересующагося древнимъ росписаніемъ Кіево-Софійскаго собора. Прежде всего необходимо отмѣтить, что авторы ознакомились съ этимъ памятникомъ по личному его изученію и затѣмъ воспользовались всею литературою, до него относящеюся. Въ началѣ они сообщаютъ краткія свѣдѣнія объ исторіи собора и его живописи, о придѣлахъ и затѣмъ переходятъ къ подробному описанію и объясненію мозаикъ, включая въ нихъ и тѣ, которыя, будучи открыты въ 1885 г. проф. Праховымъ, не нашли себѣ мѣста въ изданіи Археологическаго Общества. Затѣмъ авторы приступаютъ къ обзорѣмъ фресковой живописи, какъ духовной, такъ и свѣтской, сохранившейся въ росписаніи дѣтеницы, и заканчиваютъ замѣчаніями о саркофагѣ, известномъ подъ названіемъ гробницы Ярослава, и о скульптурныхъ доскахъ хоръ. Въ видѣ приложения сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ апокрифическихъ Евангеліяхъ. Весь трудъ, изложенный живо и интересно, показываетъ въ авторахъ хорошую школу, знакомство съ памятниками и литературою, хотя, съ другой стороны, не можетъ претендовать на окончательное рѣшеніе многихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ изученіемъ росписа Софійскаго собора. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, важенъ первый шагъ, и шагъ этотъ, слѣдуетъ признать, сдѣланъ въ вѣрномъ направленіи, ида по волеу, можно прійти къ цѣли.

Слово Данила Заточника (по всѣмъ известнымъ спискамъ) съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. А. Шляпкина. С.-Пб. 1889. (Памятники древней письменности ТХХХІ).—Слово Данила Заточника съ тѣхъ поръ, какъ обратилъ на него вниманіе Карамзинъ и издалъ его (по списку гр. Ѳ. А. Толстаго) Калайдовичъ, не переставало занимать вниманіе русскихъ историковъ, и въ особенности историковъ русской литературы. Съ тѣхъ поръ найдены были и изданы другіе списки, опредѣлены ихъ редакціи; но списки эти были разбросаны по разнымъ изданіямъ, а потому изданіе этого памятника по всѣмъ спискамъ является существенною заслугой. Къ спискамъ, уже изданнымъ, Н. А. Шляпкинъ прибавилъ одинъ, доселѣ еще не изданный: Академическій (Вѣловерскій). Изданіе было задумано еще въ 1882 г., когда автору были известны еще два списка, послѣ того изданіе. Расположеніе по изводамъ сдѣлано издателемъ по указаніямъ статьи П. А. Бессонова. Именно онъ печатаетъ изводъ XII в. по спискамъ: гр. Ѳ. А. Толстаго (нынѣ Императорской Публичной Библіотеки), Копенгагенскому (изданному Срезневскимъ); Академическому (еще не изданному) и Морозовскому (изданному Сахаровымъ). Эти списки напечатаны другъ послѣ друга: два на одной сторонѣ и два на другой. Издатель старался печатать по рукописямъ, когда онѣ были у

него въ рукахъ, но съ Копенгагенскимъ спискомъ онъ познакомился уже по отпечатаніи книги и могъ внести его варианты лишь въ дополненіе, а Морозовскій извѣстенъ ему только по изданію Сахарова. Изводъ XIII в. падаетъ по спискамъ Ундольскаго и Чудовскому, изъ коихъ второй извѣстенъ г. Шляпкину по рукописи; эти списки также заданы рядомъ; два позднѣйшіе извода печатаются: одинъ по изданію пр. Порфирьева, провѣренному новою копіей со списка, употребленнаго этимъ ученымъ, а другой — по изданію гр. Д. Н. Толстаго (въ Отч. Запискахъ 1842 г.). Тексту предшествуетъ обширное введеніе, заключающее въ себѣ обзоръ литературы о Заточникѣ, сопровождаемое выписками изъ исследований. Изданіе заканчивается примѣчаніями, указывающими на источники слова эти указанія частью заимствованы у П. А. Бессорова, а частью принадлежатъ самому издателю. Люди занимающіеся, вѣроятно, будутъ благодарны г. Шляпкину за такое полезное изданіе.

Замокъ князя Симеона Ольельковича и затопленный Городецъ подъ Кіевомъ *В. Гошкевича*. Кіевъ. — Разсматривая документы на земельныя имущества кіевскихъ монастырей, хранящіеся въ библиотекѣ Кіевской духовной академіи, г. Гошкевичъ натолкнулся на опредѣленіе мѣстности, на которой находились городище и замокъ Кіевского князя Симеона Ольельковича († 1471 г.), и по указаніямъ документовъ отыскалъ самую мѣстность. Оказывается, что городище и замокъ Симеона Ольельковича находились на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева, возлѣ села Вигуровщины, на рѣчкѣ Гнилушѣ. Валы уцѣлѣли и до сихъ поръ, но замокъ истребленъ, вѣроятно, во время нашествія Крымскаго хана Менгли-Гирея на Кіевъ въ 1480 или 1484 г. Въ свою очередь, городище и дворъ Симеона Ольельковича устроены были на мѣстѣ болѣе древняго поселенія, истребленнаго когда-то огнемъ, какъ свидѣлствуетъ о томъ слой угля, лежащій подъ верхнею насыпью городища. Это болѣе древнее поселеніе было лѣтописный Городецъ, игравшій большую роль въ исторіи борьбы между Мономаховичами и Ольговичами изъ-за обладанія Кіевомъ и въ первый разъ упомянаемый подъ 1026 годомъ. Его нужно отличать отъ Города Остерскаго, основаннаго Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году. Въ 1135 году Городецъ подъ Кіевомъ сожженъ былъ Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, и мѣстность его получила названіе „Песочнаго городка“ — отъ песчаныхъ бугровъ стараго городища. Изъ этого „Песочнаго городка“ подосланный Батыемъ Менгу-ханъ соглядатѣль Кіевъ въ 1237 году. Къ брошюрѣ приложенъ планъ мѣстности.

Ансарія. Исслѣдованіе *К. Д. Петковича* (Православный Палестинскій Сборникъ. Выпускъ 19-й). С.-Пб. 1889. — Ансарія или Нусейріе — народъ въ Сиріи, живущій въ сѣверо-западной ея части, на пространствахъ отъ Антиохіи и Хамы до сѣверной оконечности Ливанскихъ горъ, — представляютъ по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ весьма любопытный объектъ для наблюденій, а ихъ храбрость и любовь къ независимости дѣлаютъ изъ нихъ такой элементъ сирійскаго населенія, которому, быть можетъ, суждено играть важную роль въ исторіи этой страны. Этимъ объясняется интересъ, возбуждаемый наблюденіями и описаніями г. Петковича, явленными весьма живо и знакомящими читателя съ своеобразнымъ народомъ, сохранившимъ въ своемъ быту и религіи слѣды тѣхъ многообразныхъ вліяній, которыя ложились на Сирію за длинный періодъ ея существованія. Въ частности, религія ансаріевъ представляетъ собою догматы и суевѣрій, которыя

въ разные времена господствовали въ этомъ краѣ: христіанства, магометанства и древнихъ сирійскихъ религій—сабензма и идолопоклонства. Въ основѣ ея лежатъ сабенизмъ, къ которому приняты вѣрованія и обряды другихъ религій: такъ, почитаніе ансаріями множества христіанскихъ праздниковъ (Рождества Христова, Богоявленія, Духова дня, св. Георгія и др.) по старому стилю, а также священнодѣйствіе ихъ съ виномъ, суть бессознательные и затемненные невѣжествомъ и варварствомъ слѣды бывшаго въ ихъ странѣ христіанства. Быть можетъ, они помогли бы имъ впоследствии просвѣтиться свѣтомъ вѣры Христовой. Нельзя не пожелать, чтобы г. Петковичъ, изучившій бытъ и религію ансаріевъ на мѣстѣ, подѣлился съ читателями и своими наблюденіями надъ другими, не менѣе любопытнымъ сирійскимъ народомъ—друзами.

Библиографическія замѣтки о некоторыхъ трудахъ В. К. Тредіаковскаго. Казань. — Въ этой недавно изданной небольшой книжечкѣ анонимный авторъ, давно впрочемъ извѣстный своими почетными учеными трудами, касается вопроса о введеніи у насъ тоническаго стихосложенія, при чемъ указываетъ заслуги Тредіаковскаго въ этомъ отношеніи; очень важно указаніе автора, что Тредіаковский пришелъ къ своей теоріи тоническаго стихосложенія, руководствуясь образцомъ, который ему представляли въ поэмѣ сербо-далматскаго писателя первой половины XVII в. Ивана Гундулича „*Sive vna gazmetnoga*“, то-есть, переложенной въ стихи и драматизированной евангельской притчи о блудномъ сынѣ. Указаніе на этотъ образецъ авторъ нашелъ въ статьѣ Тредіаковскаго „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи російскомъ“, и замѣчательно, что это любопытное свидѣтельство ускользало до сихъ поръ отъ вниманія изслѣдователей. Попутно авторъ касается того, какъ Тредіаковский перефразировалъ свои первоначальные опыты тоническихъ стиховъ при ихъ вторичномъ изданіи. При всемъ своемъ небольшомъ размѣрѣ эти „Замѣтки“ составляютъ очень полезный вкладъ въ исторію нашей литературы.

Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. II. С.-Пб. (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, т. XLVIII).—Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія уже было говорено о I-мъ томѣ этого изданія, предпринятаго на средства, предоставленныя Академіи Наукъ вдовою покойнаго ученаго. Во 2-й томъ собранія его сочиненій вошли статьи, напечатанныя Котляревскимъ съ 1863 по 1865 годъ. Онѣ обнаруживаютъ обширную эрудицію покойнаго профессора, представляютъ много интересныхъ соображеній и отличаются живостью изложенія; но должно сказать, что многое въ нихъ является теперь уже устарѣлымъ въ научномъ отношеніи, а многое относится только къ „злѣбъ дня“, уже забытой и потерявшей значеніе спустя четверть вѣка.

— Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ второй (1702—1708). С.-Пб. 1869. — Продолженіе монументальнаго изданія, печатаемаго подъ наблюденіемъ академика А. Ф. Бычкова. Объ этомъ томѣ появится въ Журналѣ особая статья.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 69-й. Про-

товоды, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1726—1730. Издавы под редакціей *Н. О. Дубровина*. Т. IV (июль—декабрь 1727 г.). С.-Пб. 1889.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. Т. V (1742—1743). Съ приложеніемъ трехъ портретовъ. С.-Пб. 1889.

Изъ собранія автографовъ Императорской Публичной Библиотекки. С.-Пб. (Письма императрицы Екатерины II къ В. С. Попову, Н. М. Лонгинову къ брату и В. А. Жуковского къ Н. В. Гоголю).

Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Исслѣдованіе *П. Смирку*. Т. I. Литургическіе труды патріарха Евоніи Терновскаго, выпускъ II: тексты, съ приложеніемъ двухъ снимковъ. С.-Пб.

Византийскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселль. Ч. I. Биографія Михаила Пселава. Исслѣдованіе *П. В. Велоборова*. М.

Пермскія письма въ рукописяхъ XV вѣка. *И. С. Некрасова*. Одесса.

Народные обычаи, обряды, суевѣрія и предрассудки крестьянъ Саратовской губерніи. Собранны въ 1861—1888 годахъ *А. Н. Миклозь* (Записки Имп. Рус. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т. XIX, в. II). С.-Пб.

Е. Романовъ. Опытъ белорусскаго народнаго снотолкователя (изъ этнографическаго Обзоренія, кн. III). М. 1889.

Федора Верховской. Отчетъ о командировкѣ съ научною цѣлью въ С.-Петербургъ и Москву съ 14-го апрѣля по 10-е іюня 1889. Варшава.

Предварительный отчетъ по участию Россіи во всемирной Парижской выставкѣ 1889 г. С.-Пб.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ УЧЕНИКА IV КЛАССА. Вильна.

ЗАМѢТКА О ПОТРЕБНОСТЯХЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Въ настоящее время много слышится жалобъ на школу, жалуются и школы на учащихся. Мы думаемъ, что и тѣ, и другія жалобы имѣютъ основаніе и отчасти зависятъ другъ отъ друга. Впрочемъ, недостатки преимущественно встрѣчаются въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ: жизнь народныхъ школъ, хотя бѣдна, но болѣе нормальна.

Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы видѣть недостатокъ серьезной образованности въ нашей молодежи, недостатокъ навыка къ работѣ и въ то же время недостатокъ физическаго развитія и даже переутомленіе. А между тѣмъ жизнь становится все сложнѣе и сложнѣе, все напряженнѣе становится соперничество какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ между собою; поэтому все большія и большія требованія предъявляются школѣ. Какъ же улучшить положеніе дѣлъ?

Главная сила школы въ томъ духѣ, который она сообщаетъ учащимся. Если учащіеся сильны духомъ, то сдѣлаютъ многое, и безъ переутомленія. Если большинство учащихся выходитъ изъ школы слабо подготовленнымъ, съ недостаткомъ энергій и серьезности, — навѣрное и школа, и семьи учащихся мало позаботились объ ихъ воспитаніи.

Да, какъ семьи, такъ и средняя школа, въ настоящее время гораздо больше заботятся объ обученіи собственно, то-есть, объ умственномъ развитіи, чѣмъ о воспитаніи: въ этомъ и кроется главная причина недостатковъ школы. Въ педагогическомъ же дѣлѣ, болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, неправильности его развитія за-

висать не только отъ положительныхъ ошибокъ, но и отъ отрицательныхъ, то-есть, отъ отсутствія дѣйствія.

Для развитія и даже только для поддержанія государства, въ наше время необходимо обладать высоко и серьезно образованною молодежью, привычною къ труду, энергичною и преданною своему отечеству. Школа должна давать общечеловѣческое развитіе, но также и развитіе патріотизма. Любовь къ отечеству — та сила, которая чаще всего побуждаетъ работать на пользу другихъ, научаетъ людей поддерживать другъ друга, составляетъ противовѣсъ эгоистическимъ стремленіямъ. Дѣятельную любовь ко всему чело-вѣчеству могутъ имѣть лишь рѣдкіе люди; даже апостолы пошли къ язычникамъ только по особому повелѣнію Божію. Но мы видимъ много примѣровъ высокихъ подвиговъ самоотверженія изъ любви къ отечеству, особенно въ годы его бѣдствій: это доступно обыкновенному хорошему чело-вѣку.

Наши школы обладаютъ широкими программами, а молодежь все же не отличается ни своими познаніями, ни навыкомъ къ труду, хотя и жалуется на тяжесть работы. Наблюдая за жизнью, нельзя не замѣтить, что лѣтъ двадцать, двадцать-пять тому назадъ кончающіе курсъ средней школы знали едва ли меньше, чѣмъ теперь, но больше интересовались знаніями, были бодрѣ духомъ и больше занимались. Даже по латинскому языку знали немногимъ меньше, чѣмъ знаютъ теперь, хотя времени на него употребляли меньше. Причина сравнительнаго упадка внутренняго состоянія школы въ томъ, что вмѣсто обязательной для нея руководящей роли, она сама подпала вліянію жизни. Опасеніе развитія нелѣпыхъ увлеченій въ учащихся заставило усилить подчиненность учащихся, но не научило еще давать хорошее внутреннее содержаніе увлеченіямъ молодежи, ея стремленію къ дѣятельности (хотя и временному и не выдержанному), стремленію природному, неизбежному и шумливому. Было, конечно, желаніе научить молодежь уваженію къ людямъ, уваженію къ труду, научить ее подчиненію закону; но всѣ усилія долго обращены были только на внѣшнюю сторону. Требовалось уваженіе, но далеко не всегда заботились внушить его дѣйствительно; то-есть, мало заботились нравственно заставить уважать себя; требовали отъ учащихся религіозности, но обученіе религіи заключалось въ заучиваніи учебниковъ; многое требовали отъ учащихся и очень строго требовали, но требовали больше всего фактическаго знанія и работы памяти, а не мысли, что не могло

внушитъ привязанности къ умственному труду; для физическаго же развитія почти ничего не дѣлали; требовали подчиненія закону, но мало заботились о проявленіи любви къ учащимся и заботы о нихъ, а безъ этого законъ являлся мертвымъ и легко возбуждалъ внутренніе протесты при наружномъ лишь подчиненіи; привычка уваженія къ закону развивалась туго. Для развитія патріотическаго чувства также почти ничего не дѣлали.

Въ то же время въ семейной жизни за послѣдніа двадцать, двадцать-пять лѣтъ молодежь получила не только гораздо больше свободы, чѣмъ прежде, но даже обнаружилась слишкомъ слабая забота родителей и неумѣнье ихъ заботиться о направленіи ума и дѣятельности подрастающаго поколѣнія, между тѣмъ какъ дать хорошее направленіе особенно важно при предоставленіи большей свободы. Школа и семья шли въ противоположномъ направленіи, но сходны были въ томъ, что обѣ въ значительной степени утратили нравственное вліяніе на учащихся, требуя лишь ученія.

Односторонняя дѣятельность школы подѣйствовала на силу ея вліянія на умы учащихся. Она мало привлекала къ себѣ внутреннимъ содержаніемъ и въ то же время мало заботилась привлечь къ себѣ сердца учащихся. Прежде существовали литературныя бесѣды, имѣвшія образовательное вліяніе и дававшія средство вліять на учащихся, существовали занятія музыкой, устраивались физическіе опыты внѣ учебнаго времени, дополнительныя занятія по различнымъ предметамъ для желающихъ, даже домашніе спектакли, то-есть, и учебно-воспитательныя занятія, и развлеченія. Теперь почти все это вышло изъ употребленія. Въ прошломъ году былъ изданъ циркуляръ о поощреніи занятій музыкой, но онъ, по видимому, мало оказалъ вліянія. Занятія всякими искусствами почти отсутствуютъ въ школахъ; даже рисованіе, издавна существующее въ школахъ, поставлено на задній планъ.

Формальныя требованія усилили въ учащихся склонность къ формальному исполненію дѣла, ослабивъ духъ, развили желаніе отдѣлаться какъ-нибудь отъ исполненія требованій, не очень заботясь о средствахъ избавленія. Никогда не процвѣтала у насъ въ такой степени „литература“ готовыхъ переводовъ древнихъ авторовъ и упражненій, готовыхъ рѣшеній задачъ (часто неуклюжихъ), такихъ словарей, которые можно захватить въ рукѣ и т. п., какъ процвѣтаетъ она теперь. Въ учащихся мало воспитано чувство долга, а только сознаніе обязанности, которая считается скучною, и уклониться отъ которой вовсе не считается грѣхомъ. Не развивается ли это съ юныхъ лѣтъ при-

вычки легко смотрѣтъ на обходъ закона? Не оттого ли молодежь легко впадаетъ въ крайности, что юношескіе порывы ея не сдерживаются прочными идеями, вынесенными изъ школы? Какія мѣры принимаются къ тому, чтобы воспитать патриотическія чувства, приучить думать не только о себѣ? Существуетъ въ школахъ товарищество относительно поддержки другъ друга въ случаяхъ провинности кого-либо, но оно не дѣлательно, его почти не существуетъ въ смыслѣ общаго, дружнаго стремленія къ добру и знанію. Только отдѣльныя личности помогаютъ товарищамъ.

Но только ли на учащихся повліялъ ходъ дѣлъ въ средней школѣ? Принадлежа къ сословію учащихся, мы должны однакоже сознаться, что уровень отношенія непосредственныхъ руководителей молодежи къ дѣлу за послѣдніе 20—25 лѣтъ понизился. И на нихъ самихъ отразилась односторонность требованій, благодаря которой такъ ослабло ихъ вліяніе на учащихся. И въ нихъ распространилась склонность къ исполненію обязанностей въ возможно узкомъ смыслѣ слова, при полной самоувѣренности и въ то же время равнодушія. Дѣйствія ихъ разрознены, подборъ служащихъ въ одномъ учебномъ заведеніи по большей части случаенъ; каждый ведетъ свое дѣло, смотря по способностямъ и степени личной его привязанности къ дѣлу, но не сообразуясь съ дѣйствіями другихъ. Все исправно, но сильнаго духа въ школѣ нѣтъ.

Школы предъявляютъ извѣстныя требованія къ учащимся, и то только относительно знанія и послушанія, но внутренняго міра учащихся почти не знаютъ. А слѣдовало бы побольше заботиться о развитіи чувствъ и хорошемъ ихъ направленіи. Существуетъ въ гимназіяхъ благодѣтельный по цѣли институтъ классныхъ наставниковъ, но на практикѣ весьма рѣдко находятъ наставники дѣлательные и имѣющіе вліяніе на классъ; бесѣды ихъ съ учащимися почти не бываетъ, развѣ по случаю нарушенія порядка школы.

Посмотрите на жизнь пансіонеровъ учебныхъ заведеній. Пансіонера вы отличите отъ его приходящихъ товарищей по его грубоватой вѣншности, сразу показывающей на недостатокъ воздѣйствія школы, отчасти, конечно, оправдываемый трудностью дѣла. Въ жизни пансіона въ свободное отъ занятій время царствуетъ скука; особенно въ долгіе праздничные дни, когда немногіе остаются въ стѣнахъ учебнаго заведенія, — томительно скучно. Единственнымъ, кажется, развлеченіемъ служить мячикъ. Но его мало. Можетъ ли ребенокъ нормально развиваться безъ развлеченій? Развѣ не придумаетъ онъ

самъ себѣ развлеченій, сперва тушнхъ, приучающихъ къ безтолковому проведенію времени, а потомъ, легко можетъ быть, и порочныхъ. И некому направить дѣятельность ребенка, а тѣмъ болѣе юности. При существующихъ условіяхъ возможна ли откровенность учащихся съ начальствомъ? А безъ откровенности не можетъ быть и руководства. Учащіеся откровенны бываютъ еще съ слабыми дежурными воспитателями, потому что ихъ не боятся, но откровенны по уваженію къ руководителю, по желанію получить отъ него помощь, по любви къ нему—очень и очень рѣдко.

Да и живущіе въ семьяхъ далеко не всегда находятся въ лучшихъ условіяхъ, а тѣмъ болѣе живущіе на ученическихъ квартирахъ въ провинціи. Достаточно сказать, что теперь не рѣдкость и въ Петербургѣ встрѣтить гимназистовъ, увлекающихся картами. И это въ 16—20 лѣтъ! Пуста ихъ молодость, если они не находятъ иного занятія, пусты ихъ голова и сердце.

Въ средѣ юношей и даже дѣтей вы встрѣтите постоянно разсужденія объ ихъ правахъ, но мало заботы объ ихъ обязанностяхъ, если только за неисполненіе ихъ не грозитъ сейчасъ же отвѣтственность, какъ напримѣръ, за неприготовленіе уроковъ; нравственныя же обязанности относительно учащихся и руководящихъ рѣдко сознаются. Не значитъ ли это, что нѣтъ въ дѣтяхъ любви къ учебному заведенію и его руководителямъ? Вѣдь если любятъ человѣка, то требованія о соблюденіи мелочныхъ правъ отступаютъ на второй планъ. Маленькія дѣти еще любятъ школу, да и то скорѣе не школу, а общество товарищей, которое въ ней встрѣчаютъ. Взрослые же пренебрегаютъ школой и занятіями, бравируютъ тѣмъ, что не занимаются. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ учащіеся нерѣдко старались опередить другъ друга познаніями.

Дома учащіеся слышатъ постоянное легкомысленное осужденіе школы и лицъ, ею руководящихъ, а вмѣсто приученія къ труду нанимаютъ имъ репетиторовъ. Откуда же имъ набраться уваженія къ школѣ, къ ея указаніямъ, откуда набраться привычки къ серьезному труду и нравственной силы, если дома и въ обществѣ осуждаютъ школу, дать хорошихъ качествъ не умѣютъ, а школа не привлекаетъ къ себѣ учащихся?

И вотъ, окончившіе курсъ въ средней школѣ, не приобрѣта серьезности, не приобрѣта привычки къ труду, привыкнувъ думать о своихъ правахъ, а обязанности исполнять внѣшнимъ образомъ, короче сказать, вовсе не обладая выработкой, поступаютъ въ высшее учебное

заведеніе, при чемъ большею частью уѣзжаютъ отъ семьи въ какой-нибудь большой городъ. Замѣьте, что это неизбѣжно происходитъ въ возрастѣ, когда жизнь бьетъ ключемъ, когда все интересно, все хочется испытать и на все, кажется, силъ хватить. Всякій контроль исчезаетъ, а соблазнами полонъ міръ. Возможно ли юношѣ не увлечься? Если же нѣтъ сильныхъ задатковъ, вынесенныхъ изъ жизни въ средней школѣ, то границы увлеченіямъ всякаго рода легко исчезаютъ, и горько потомъ приходится за нихъ расплачиваться. Всякій почти русскій студентъ первый годъ въ высшемъ учебномъ заведеніи провѣваетъ; спохватится онъ къ экзаменамъ или зачету полугодія: въ большинствѣ случаевъ подготовится къ нимъ—и только. Хорошій, обладающій хотя нѣкоторою выработкой студентъ начинаетъ на второй годъ работать и принужденъ прежде всего наверстывать опущенное; а кто поплоче, тотъ убѣждается въ возможности сдавать экзамены и зачитывать полугодія безъ особенной работы. Счастливы тѣ немногіе, которые сумѣютъ воспользоваться временемъ обученія: они приобрѣтаютъ прочный запасъ на всю жизнь и свободно могутъ работать въ избранномъ направленіи. А кто только сдаетъ экзамены, то и въ жизнь пойдетъ съ такимъ же легкимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, съ привычкой работать на показъ. Жизнь требуетъ своего, и рѣдко, рѣдко кто послѣ окончанія курса сумѣетъ овладѣть собою и пополнить свои знанія, если не работалъ въ школѣ.

Студенты сами собою станутъ лучше, если лучшими будутъ выходить изъ средней школы. Измѣнять порядки только высшей школы, усиливать контроль только въ ней еще не приведетъ къ цѣли. Это значило бы внести недостатки существующей средней школы въ высшую и ослабить или утратить то вліяніе высшей школы на развитіе мысли и способностей, по которому почти всегда можно отличить кончившаго курсъ высшей школы отъ получившаго среднее образованіе и потомъ пополнившего свои познанія путемъ самообученія. Главная сила въ средней школѣ...

Чтобы возвысить среднюю школу, необходимо развить ея воспитательную силу, развить внутреннюю жизнь, оживить ея духъ и сблизить съ учащимися. Тогда будетъ развиваться и забота о физическомъ воспитаніи учащихся. Но школѣ должна помочь и семья, на которую теперь падаетъ значительная доля отвѣтственности и за недостатки нашего юношества, и за физическую его слабость.

При подъемѣ духа школы учащіеся станутъ выходить привычными къ работѣ, выдержанными, болѣе энергичными и болѣе спо-

собными къ полезной общественной дѣятельности. Для этого требуется устройство многихъ новыхъ занятій, подобныхъ упомянутымъ выше, но бояться, что времени не хватитъ, и бояться переутомленія нѣтъ основаній: полезно вводить новыя необязательныя занятія, и отдыхъ долженъ заключаться не въ бездѣйствіи (сна и теперь достаточно дается учащимся въ пансіонахъ, слѣдовательно, можетъ быть дано достаточное количество всѣмъ учащимся), а въ разнообразіи занятій и въ занятіяхъ, вызывающихъ сочувствіе и удовольствіе; существующія затрудненія занятіями зависятъ больше всего отъ недостатка бодрости и энергіи и отъ крайняго нерасположенія къ этимъ занятіямъ большинства. Введеніе твердой классической системы обученія вызвано было также стремленіемъ поднять энергію учащихся, сосредоточивъ ее на извѣстныхъ предметахъ, но цѣли этой далеко не удалось достигнуть, потому что вниманіе, какъ было указано въ началѣ статьи, не только въ воспитательномъ, но и въ учебномъ отношеніи обратилось на вышнюю сторону дѣла. Потребность существуетъ не столько въ измѣненіи предметовъ и количества требуемыхъ знаній, сколько въ измѣненіи ихъ качества и въ привлеченіи къ нимъ учащихся. Напомнимъ еще разъ, что расширеніе требованій по качеству вызывается жизненными потребностями, которыя не устранимы и угрожаютъ дальше возрастать еще болѣе. Усилить производительность обученія— государственная потребность, и весьма крупная.

В. А. Латышевъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

Практическія задачи на вычисленіи площадей и объемовъ. Составилъ *Максъ Фишеръ*, помощникъ инспектора Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Москва. 1888. Стр. 36. Ц. 25 к.

Въ „Предисловіи“ авторъ говоритъ, что предназначаетъ эти „Практическія задачи“ къ употребленію преимущественно въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе геометріи должно имѣть болѣе или менѣе практическое направленіе, какъ, напримѣръ, въ училищахъ коммерческихъ, ремесленныхъ, городскихъ и т. под.; но, по его мнѣнію, рѣшеніе подобныхъ задачъ „окажется, вѣроятно, полезнымъ и для воспитанниковъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній“. При этомъ онъ, какъ бы въ подтвержденіе потребности для этихъ „другихъ“ среднихъ учебныхъ заведеній въ составленномъ имъ сборникѣ, несправедливо говоритъ: „Всякій преподаватель легко можетъ убѣдиться, что воспитанникъ, рѣшающій на доскѣ удовлетворительно отвѣченныя задачи на вычисленіе площадей и объемовъ разныхъ фигуръ и тѣлъ (?), станетъ вступикъ, если ему предложатъ вычислить площадь или объемъ какого-нибудь дѣйствительнаго предмета“ (?). Хотя остается неизвѣстнымъ, какіе „дѣйствительные предметы“ подразумѣвалъ авторъ, тѣмъ не менѣе, сказанное въ Предисловіи, а также и заглавіе книги, даютъ поводъ ожидать, что эти задачи будутъ имѣть цѣлью расширить, болѣе или менѣе, практическія свѣдѣнія учениковъ и доставить возможность вычислять многіе изъ такихъ площадей и объемовъ, изученіе кото-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

рыхъ не входитъ непосредственно въ курсъ элементарной геометріи. Между тѣмъ, почти ничего соответствующаго такой цѣли въ книгѣ не содержится; даже изъ тѣхъ, весьма немногихъ практическихъ указаній, которыя помѣщены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, не всѣ выдерживаютъ критику. Напримѣръ, на стр. 35, объ опредѣленіи объема бочки сказано: „Складываемъ удвоенную втулочную глубину (то-есть, удвоенный діаметръ наибольшаго поперечнаго разрѣза) съ діаметромъ меньшаго дна, дѣлимъ эту сумму на три и принимаемъ за діаметръ основанія цилиндра, высота котораго равняется высотѣ бочки; или объемъ бочки = суммѣ объемовъ трехъ конусовъ, высота которыхъ = высотѣ бочки, а основанія перваго и втораго конуса равны всякое наибольшему поперечному разрѣзу бочки, а основаніе третьяго конуса—ея наименьшему поперечному разрѣзу“. Но вѣдь это двѣ существенно различныя формулы, и изъ нихъ только вторая даетъ достаточно удовлетворительный результатъ, а потому только она одна и употребляется въ практикѣ для приближительнаго вычисленія объема бочки.

Типы задачъ разнообразіемъ не отличаются; не малую долю ихъ можно даже встрѣтить въ сборникахъ арифметическихъ задачъ. Редактированы многія задачи весьма неудовлетворительно; рѣшеній или отвѣтовъ вовсе не приложено. Для доказательства неудовлетворительности редакціи достаточно слѣдующихъ примѣровъ:

Задача 4. „Помѣщикъ продалъ своему сосѣду отъ своего поля 32 аршина (?). На сколько убавится ширина его поля, если оно имѣетъ 80 метровъ длины? Если даже считать „32 аршина“ типографскою ошибкою и подразумѣвать „32 квадр. аршина“, то и тогда смыслъ заданія останется не разрѣшимой загадкою.

Въ задачѣ 18 стоимость оклейки комнаты обоями предположена непомѣрно высокая: 80 коп. за кусокъ — одна работа.

Задача 47. „Стороны шестигольной башни суть равные равносторонніе треугольники. Основаніе одного изъ нихъ = 2, метра, а высота 6, метра. Сколько квадр. метровъ жести необходимо, чтобы покрыть крышу (?), предполагая, что на разрѣзываніе и складываніе краевъ теряется 5% матеріала?“

Подобныя же невозможныя равносторонніе треугольники (основаніе = 2 арш., высота = 5, арш.) въ задачѣ 54.

Въ задачѣ 813 требуется опредѣлить объемъ пустаго пушечнаго ядра, и спрашивается, сколько въ немъ желѣза? Между тѣмъ

ядромъ называется сплошной артиллерійскій снарядъ и притомъ не желѣзный, а чугунный.

Еслибы даже всѣ задачи этого сборника были удачно подобраны и тщательно редактированы, то и тогда онъ не былъ бы удобенъ для класнаго употребленія, какъ весьма неполный, содержащій въ себѣ исключительно лишь задачи на вычисленіе площадей и объемовъ.

Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу, со статьями для разказа и перевода Г. М. Цирклера. Лодзь, 1888. Въ 8-ку стр. II+76.

Составленная г. Цирлеромъ книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый (стр. 1—44) содержитъ въ себѣ букварь, второй (стр. 47—75)—статейки для чтенія, пересказа и перевода.

Букварь составленъ такимъ образомъ, что имъ могутъ пользоваться и тѣ учителя, которые предлагаютъ ознакомлять учащихся сперва только съ письменнымъ шрифтомъ, а затѣмъ уже переходить къ печатному, и тѣ, которые признаютъ болѣе рациональнымъ одновременное усвоеніе двоякаго шрифта. Четныя страницы показываютъ изображеніе письменныхъ буквъ, а нечетныя—печатныхъ; притомъ сначала употребляется болѣе крупный шрифтъ и постепенно переходитъ въ мелкій. Буквы расположены въ порядкѣ постепенно возрастающей трудности ихъ начертанія. Весь отдѣлъ заключается полнымъ алфавитомъ и раздѣленіемъ буквъ на гласныя и согласныя. Признавая этотъ первый отдѣлъ вообще цѣлесообразно составленнымъ, мы позволимъ себѣ указать на слѣдующія частности. На стр. 26 предлагается слово Dekkel (sic) вмѣсто Deckel. Неудобнымъ слѣдуетъ признать (на стр. 40) подобное раздѣленіе слоговъ *Zus ker*, *Vas ker*, *Nas ke*, потому что соединеніе буквъ *sk* точно такъ же нераздѣльно, какъ сочетаніе *ch*. Глава, къ которой относится указанное мѣсто, озаглавлена „Сокращеніе гласныхъ“, а въ ней указаны случаи удвоенія согласныхъ и, кромѣ того, способы произношенія согласныхъ *ph*, *ch*, *s* и *chs*, такъ что заглавіе не вполне соответствуетъ содержанию главы. Въ слѣдующей главѣ „Удлинненіе гласныхъ“ въ обозначеніяхъ *ei=ie*, *ah=âh* неправильно употребляется знакъ равенства, кромѣ того, *ei* не представляется удлинненіемъ гласной, и помѣщеніе этого дифтонга среди удлинненныхъ гласныхъ плохо оправдывается желаніемъ составителя обратить вниманіе учениковъ на различіе въ произношеніи между *ei* и *ie*.

Статьки, составляющія содержаніе втораго отдѣла, весьма разнообразнаго характера. Нѣкоторыя статьи, а именно 1 училище, 2 домъ, 3 домашнія животныя, 4—7 четыре времени года, 8 миролюбивый Павелъ, 10 Иванъ и прозаическія басни и разказы 12, 16, 17, 19 и 20, по содержанію и изложенію вполне доступны дѣтямъ восьми-девятилѣтняго возраста. Подъ каждою статейкой помѣщены въ видѣ замѣтокъ переводныя слова въ той формѣ, въ какой они по смыслу текста должны быть поставлены въ русскомъ переводѣ, такъ какъ книга назначена для дѣтей нерусскаго происхожденія, отъ которыхъ—какъ замѣчаетъ авторъ въ предисловіи—безъ помощи рѣдко можно ожидать свободнаго употребленія надлежащаго выраженія въ соотвѣтствующей формѣ. Этими статьями, какъ видно изъ приложеннаго къ отношенію управляющаго Варшавскимъ учебнымъ округомъ отзыва учителя-руководителя Варшавской учительской семинаріи Ф. Памеля, первоначально ограничивался предлагаемый ученикамъ матеріалъ для чтенія. По приказанію попечителя, однако второй отдѣлъ книги увеличенъ нѣсколькими статьями географическаго и историческаго содержанія, относящимися къ Россіи. Эти статьи слѣдующія: 22 Первые русскіе князья, 23 Владиміръ и Ярославъ; 25 Татарское иго (страннымъ образомъ составитель переводитъ нѣмецкое слово „Joch“ черезъ слово „неволя“), 26 Петръ Великій, 27 Петръ Великій въ судѣ (анекдотъ, въ которомъ, какъ нѣчто особенно замѣчательное, выставляется, что Петръ Великій не разгнѣвался на судей за справедливый ихъ приговоръ), 27 Отечественная война, 28 Александръ II Николаевичъ. Въ статьѣ 29 „Наше отечество“ говорится, что русскіе (по заглавію статьи подъ этимъ именемъ слѣдуетъ здѣсь разумѣть всѣхъ русскихъ подданныхъ) всѣ безъ исключенія „греческой религии“, *der griechischen Religion zugethan*; далѣе тамъ же утверждается, что „Vornehme und geringe, arme und reiche Russen sind alle Freunde der Jagd. Die Vornehmen lieben vorzugsweise die Hetzjagd auf Hasen, Fuchse, Bären (?) und Wölfe“. Статьи 11, 13, 18 и 21 представляютъ въ хорошемъ стихотворномъ переводѣ четыре басни Крылова: Пѣтухъ и жемчужное зерно, Тришкинъ кафтанъ, Зеркало и обезьяна и Свинья подъ дубомъ; онѣ не снабжены словами, а вмѣсто этого самыя оригиналы басенъ помѣщены подъ номерами 30—33. Какъ эти басни, такъ и историческія статьи, на нашъ взглядъ, превышаютъ степень развитія восьми-девятилѣтнихъ учениковъ, на которыхъ рассчитана книжка, и которые до того читали лишь простенькія статьи, помѣщенные въ началѣ втораго отдѣла книги. Въ концѣ

книги помѣщены молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія по русски съ прибавленіемъ перевода на нѣмецкій языкъ. Переводъ недостаточно точенъ: слова молитвы передъ ученіемъ „внимая преподаваемому намъ ученію“ переданы черезъ „aufmercksam beim Unterricht“, а въ молитвѣ послѣ ученія, кромѣ неточной передачи смысла, прибавляются и лишнія слова, которыя здѣсь напечатаны съ разрядкой: „Wir danken Dir, Herr, unser Schöpfer dass Du uns beim Unterricht Deine Kraft (неточно, благодать это—Segen) zur Aufnahme der heilsamen Lehren verliehen... und schenke uns Deine Kraft und Stärke, dass wir weiter kommen durch den Unterricht“ (совершенное искаженіе смысла). Вообще, помѣщеніе этихъ молитвъ, установленныхъ православною церковью, въ учебникѣ нѣмецкаго языка, назначенномъ для дѣтей нѣмецкаго происхожденія и лютеранскаго вѣроисповѣданія, можетъ только дать поводъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ.

Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній *В. Андерсона*. Съ 14-ю портретами писателей. С.-Пб., 1888. Въ 8-ху стр. IX+275+90. Цѣна 1 рубль.

Составленная г. Андерсономъ хрестоматія содержитъ въ себѣ, кромѣ отдѣльныхъ прозаическихъ статей и мелкихъ стихотвореній, нѣсколько крупныхъ отрывковъ изъ произведеній первостепенныхъ авторовъ, при чемъ эти отрывки представляютъ собою нѣчто цѣльное, законченное и могутъ дать довольно ясное и вѣрное представление о цѣломъ произведеніи, изъ котораго они заимствованы. Въ оглавленіи при каждой статьѣ находятся цифры I, II, III, показывающія, какія статьи составитель считаетъ доступными для младшаго, средняго и старшаго возраста. При выборѣ статей составитель хрестоматіи, по его заявленію, руководился „преимущественно художественно-нравственнымъ знаніемъ ихъ“. Онъ, слѣдовательно, выбиралъ такія произведенія, которыя, по его мнѣнію, могутъ благотворно дѣйствовать на нравственность читающихъ и развивать ихъ эстетическій вкусъ. Но онъ позабылъ, что читатели, для которыхъ предназначается его книга, не взрослые люди, а учащіяся, и помѣстилъ въ хрестоматію такія произведенія, которыя никоимъ образомъ не могутъ предлагаться для чтенія воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сюда слѣдуетъ отнести тенденціозный разказъ № 17 der Tottenkopf, сентиментальную картину № 26 die Wölkchen, неудобныя легендарныя параболы № 42 die Geschichte der Zitterpappel и № 67 des Teufels Hut, сочиненіе Андерсона № 71 eine Ge-

schichte, затрогивающее вопрос о вѣчности наказаній послѣ смерти и рѣшающее его несогласно съ учениемъ церкви, того же автора № 75 das betende Kind, могущее дать поводъ къ неуважительному отношенію къ молитвѣ, и мрачную картину № 79 der arme Schauspieler. Не слѣдовало также помѣщать въ хрестоматію изъ числа лирическихъ стихотвореній Гете № 99 и № 101 Nähe des Geliebten и Elegie по причинѣ ихъ любовнаго содержанія и стихотвореніе № 102 Rom по причинѣ недоступности его для пониманія учащихся. Съ помѣщеніемъ въ некоторыхъ сценъ изъ Гетева „Фауста“ можно было бы согласиться, еслибы сообщенный отрывокъ этого великаго произведенія не оканчивался тѣмъ, что Фаустъ проклинаетъ все, чѣмъ дорожать и должны дорожить люди, въ томъ числѣ и надежду, и вѣру. Такимъ образомъ въ учащихся должно сложиться то мнѣніе, что цѣль всей драмы—доказать ничтожность всего, чтó составляетъ счастье и общаетъ блаженство человѣку. Помѣщенное подъ № 140 стихотвореніе Ленау Meeresstille отражаетъ болѣзненное состояніе духа, извѣстное подъ названіемъ Weltschmerz; кромѣ того, это стихотвореніе неудобопонятно по неопредѣленности и запутанности наложенія. Отрицательный сарказмъ, свойственный Гейне, не позволяетъ, за немногими исключеніями, предлагать его стихотворенія юношамъ. Стоитъ только въ доказательство сказаннаго обратить вниманіе на № 148 Kinderspiele (строфы 5 и 7) и въ особенности на № 153 (строфа 3), гдѣ этотъ сарказмъ доходитъ до предѣловъ кощунства. Неудобно также и стихотвореніе № 156 die Botschaft. Оканчивается хрестоматія большимъ отрывкомъ изъ Шекспировой драмы „Король Лиръ“, который также едва ли можно признать удобнымъ чтеніемъ для воспитанниковъ.

Книга издана хорошо, но испещрена опечатками.

Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ Н. Ленстремъ. П. Нѣмецко-русскій словарь. Зондерсгаузенъ. Изданіе Фр. Августа Эйшеля (Оттона Кирхгоффа). Въ 8-ку стр. 958.

Употребленіе учениками старшихъ классовъ полныхъ словарей изучаемаго языка — весьма желательно и для серьезнаго изученія языка даже необходимо. Маленькіе спеціальныя словарики, приуроченныя къ извѣстному небольшому тексту, могутъ удовлетворять только потребностямъ преподаванія въ младшихъ классахъ, въ старшихъ же они скорѣе вредны, чѣмъ полезны; ученикъ съ помощью ихъ будетъ, можетъ быть, въ состояніи перевести данный

тѣхъ, но часто пойметъ его лишь поверхностно, не имѣя возможности ознакомиться съ значеніемъ встрѣчающихся въ текстѣ словъ въ полномъ объемѣ и выбрать изъ разныхъ значеній то, которое наиболее соответствуетъ смыслу даннаго мѣста. Но, конечно, для того, чтобъ облегчить этотъ выборъ и руководить имъ, лексиконъ долженъ предлагать разные значенія и употребленія слова въ известной системѣ и въ наглядной группировкѣ. Это необходимое условіе хорошо выполнено въ рассматриваемомъ словарѣ и не только относительно знаменательныхъ словъ болѣе общаго значенія, каковы, напримѣръ, глаголы *gehen, stehen, wollen, sollen, müssen, thun, machen* и т. п., но и относительно предлоговъ и союзовъ, напримѣръ, *aber, auch, auf, mit, zu, wenn, als* и т. п. При этомъ, развитіе значенія слова и разные оттѣнки его объясняются не теоретическими разсужденіями, а наглядными примѣрами изъ образцовыхъ писателей или изъ обиходно-разговорной рѣчи.

Относительно количества словъ, вошедшихъ въ словарь г. Ленстрема, лексиконъ его слѣдуетъ признать весьма полнымъ: въ немъ помѣщены не только всѣ употребительныя въ литературныхъ произведеніяхъ и въ разговорномъ языкѣ слова, но также и много техническихъ выраженій, при чемъ, однако, соблюдена разумная мѣра, и исключено все, чему мѣсто только въ специальныхъ техническихъ словаряхъ. Каждое слово представлено въ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, и примѣрные фразы цѣликомъ переведены на русскій языкъ безъ всякихъ сокращеній или ссылокъ. Переводъ болѣею частью вѣренъ и нерѣдко весьма удаченъ. Авторъ старался не столько о буквальной передачѣ нѣмецкихъ выраженій на русскій языкъ, сколько о подборѣ русскаго оборота, соответствующаго по смыслу, хотя бы онъ по формѣ и по содержанію своему далеко уклонялся отъ переводимаго имъ нѣмецкаго оборота. При этомъ г. Ленстремъ иногда черезъ мѣру увлекается образными выраженіями, переводя безъ нужды простые нѣмецкія фразы иносказательными русскими поговорками. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: подъ словомъ *gehen*: „wie geht es dir? es geht mir schlecht — какъ дѣла? какъ сажа бѣла“; *ibid.*: „es kann nicht immer so gehen, wie man will — не все по моему прошенію, по лучшему повелѣнію“; подъ словомъ *wollen*: „du magst ihm sagen was du willst, er bleibt doch immer dabei — ему хоть колъ на головѣ теши, онъ все свое твердить“; подъ словомъ *sollen*: „es war ihm genugsam eingeschärft — ему было зарублено на носу“; подъ сло-

вомъ sitzen: „eine Beleidigung auf sich sitzen lassen — не гнаться за тычкомъ“. Такія выраженія по крайней мѣрѣ должны бы быть напечатаны курсивомъ, какъ напечатаны остальные поговорки и пословицы, вошедшія въ составъ словаря.

Напечатанъ лексиконъ весьма мелкимъ, но четкимъ шрифтомъ; нѣмецкія слова напечатаны латинскими буквами. Бумага хороша, и вообще книга издана весьма тщательно. Какъ нѣмецкія, такъ и русскія слова, снабжены знаками, указывающими удареніе.

Учебникъ вѣщавшей географіи. Европа. Составилъ *Т. Будиновъ*. Москва. 1889. Стр. 76 въ 8-ву. Цѣна 30 к.

Въ 1887 году г. Будиновъ издалъ краткій учебникъ географіи для втораго класса гимназій. Настоящая книжка предназначена также для гимназій, именно для третьяго класса, и составлена въ томъ же духѣ, какъ и первая. Впрочемъ, этнографическимъ очеркамъ въ настоящей книжкѣ отведено нѣсколько больше мѣста: отмѣчаются нѣкоторыя черты нравовъ главныхъ европейскихъ народовъ. Физическая часть, какъ и въ прежнемъ учебникѣ, наиболѣе обширна, но въ ней даются только главные данныя, очерчиваемыя не многословными, но характерными штрихами, и всѣ эти данныя сообщаются въ послѣдовательномъ порядкѣ. При описаніи городовъ отмѣчаются: географическое положеніе, преобладающіе промыслы, образовательныя средства и крѣпость или военный портъ. Исключеніе составляютъ только Константинополь, Аѳины, Римъ, Мадридъ, Лиссабонъ, Вѣна, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, которые описываются подробно, но мелкимъ шрифтомъ, слѣдовательно, не обязательны для заучиванія. Ограниченіе самымъ необходимымъ матеріаломъ сдѣлано также по отношенію къ образу правленія. Вообще книжка, какъ и прежній трудъ автора, составлена толково, свободна отъ рѣзкихъ промаховъ и изложена правильнымъ языкомъ.

Мѣстами, впрочемъ, краткость и сжатость, составляющія особенности учебника, мѣшаютъ обстоятельности. Такъ на стр. 7, при обзорѣ климата Европы нѣтъ и поминна о господствующихъ вѣтрахъ на западѣ Европы. На стр. 14 румыны названы какъ бы главными жителями Добруджи, но въ дѣйствительности, ихъ тамъ немного и притомъ съ недавняго времени. На стр. 15, при описаніи хозяйства балканскихъ славянъ, опущены даже самыя важныя промыслы, преимущественно домашніе, существующіе въ Болгаріи. На стр. 46 говорится, что „англичане въ высшей степени рели-

гіозный народъ". Но такой отиѣтки скорѣе заслуживаютъ датчане и норвежцы; между тѣмъ въ книжкѣ этого нѣтъ. При г. Бреславлѣ, на стр. 59, не показана крѣпость. Евреи нигдѣ не упоминаются, кромѣ Австро-Венгрии. Количество жителей показано только въ Константинополѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, а въ другихъ столичныхъ городахъ такого указанія нѣтъ; это тѣмъ болѣе странно, что въ книжкѣ показано число жителей въ республикахъ Андорѣ и Монако и въ городахъ Кордовѣ и Рейкиавикѣ. Правда, такого рода данныя съ трудомъ усваиваются учениками, но не легче имъ усвоить и такіе факты, находящіеся рядомъ на 28 стр.: „Санъ-Лукаръ (мѣсто, откуда въ 1519 году Магелланъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе)"; „Палось (откуда въ 1492 году отплылъ Колумбъ въ Америку)". Во всякомъ случаѣ, если не въ текстѣ, то въ особой таблицѣ, какъ это дѣлается обыкновенно въ хорошихъ нѣмецкихъ учебникахъ, слѣдовало бы помѣстить списокъ населеннѣйшихъ городовъ.

Мѣстами въ учебникѣ встрѣчаются разныя сравненія или вообще риторическія прикрасы, что можетъ быть допускаемо въ устномъ изложеніи, но въ книжкѣ является неудобнымъ. Такъ, для примѣра:

Стр. 11. „Константинопольскій проливъ представляетъ потокъ версты 25 длиною; берега этого потока, европейскій и азіатскій, глядятъ другъ на друга, словно берега рѣки".

Тамъ же: полуостровъ Халкидійскій, „подобный тремъ пальцамъ руки".

Стр. 12. „Вся масса острововъ по Эгейскому морю, называемому также Архипелагомъ, представляетъ какъ бы развалины моста, который соединялъ когда-то Европу съ Азіей".

Стр. 14. „Острова, лежащіе возлѣ Балканскаго полуострова, вообще гористы; на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаетъ подземный огонь".

Географическое описаніе Европейской Россіи. Составилъ *Марковъ*. Кіевъ. 1888 г. Въ 8-ку стр. X+408. Цѣна 2 руб.

Судя по предисловію, г. Марковъ предназначаетъ свой трудъ для двухъ цѣлей: во первыхъ, служить учебникомъ, но при условіи, если преподаватели возьмутъ на себя трудъ сокращать его, и вторыхъ, быть справочною книгою при преподаваніи географіи. Но для первой цѣли трудъ г. Маркова не можетъ быть пригоденъ, такъ какъ по объему и по свойству матеріала рѣзко расходится съ установленною программой; для справокъ же, или въ качествѣ книги

для чтенія, онъ, можетъ быть, кому-нибудь и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пригодится. Говоримъ: „кому-нибудь и въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ на томъ основаніи, что не всѣ части книги одинаковаго достоинства.

Болѣе подробно и обстоятельно изложены орографія и гидрографія. При описаніи горъ авторъ останавливается, кромѣ мѣстоположенія и значенія ихъ для орошенія, на климатъ ихъ, на богатствахъ, заключающихся въ нѣдрахъ ихъ, на флорѣ и фаунѣ и на современномъ значеніи ихъ для народнаго хозяйства. Съ такихъ же сторонъ рассматриваются моря и рѣки Европейской Россіи. Изъ рѣкъ наиболѣе важныя описываются довольно подробно, менѣе важныя только перечисляются, при чемъ мѣстами упоминаются даже рѣки, судоходныя на 20 и 10 верстъ. При описаніи искусственныхъ водныхъ сообщеній, попутно передаются историческія свѣдѣнія о возникновеніи и устройствѣ каналовъ, и въ пополненіе картины нашихъ водныхъ сообщеній перечисляются съ краткимъ описаніемъ главнѣйшіе волоки. Отдѣлъ о климатѣ, занимающій не болѣе 20 страницъ, изложенъ во многихъ пунктахъ не обстоятельно. Такъ, вопросъ о преобладающихъ вѣтрахъ, имѣющій большое практическое значеніе, разрѣшается авторомъ не совсемъ вѣрно. Въ книгѣ говорится, что „юго-западные вѣтры господствуютъ на всемъ западѣ Россіи, на сѣверѣ ея и въ болѣе части восточной Россіи“ (стр. 202). Но по этому предмету г. Марковъ долженъ былъ бы справиться съ мнѣніемъ профессора Воейкова, высказаннымъ въ сочиненіи „Климаты земнаго шара въ особенности Россіи“. Изъ этого сочиненія видно, что для значительной части показаннаго г. Марковымъ пространства господствующимъ вѣтромъ долженъ считаться западный, который, смотря по временамъ года, склоняется болѣе къ юго-западу или къ западу и сѣверо-западу, и что юго-западный вѣтеръ бываетъ силенъ зимою на большомъ пространствѣ къ югу отъ Москвы; но и тамъ онъ не господствуетъ, такъ какъ часто замѣняется восточнымъ вѣтромъ. Далѣе, на той же страницѣ, г. Марковъ говоритъ: „Восточные вѣтры преобладаютъ во всей степной полосѣ Россіи“. Но, по мнѣнію профессора Воейкова, это преобладаніе падаетъ только на осень и особенно на октябрь мѣсяцъ, при чемъ онъ высказываетъ предположеніе, что еслибы имѣлись точныя данныя о силѣ вѣтровъ, то оказалось бы, что восточные вѣтры преобладаютъ по числу, но юго-западные и западные по силѣ.

Въ томъ же отдѣлѣ авторъ мѣстами занимаетъ читателя непра-
часть содлупи, отд. 3.

выльными или, по крайней мѣрѣ, односторонними выводами. Такъ, напримѣръ:

На стр. 192 говорится: „Трудолюбіе людское или безпечность; отличительныя черты характера различныхъ племенъ, нравъ народа, его привычки и обычаи, его способности,—все это имѣетъ свое начало въ неотразимомъ вліяніи климатическихъ причинъ“. Еслибы это было такъ, то зачѣмъ бы географамъ останавливаться на особенностяхъ расъ, на племенныхъ типахъ, на образованіи и т. п.?

На стр. 198 утверждается, что кустарные промыслы „дурно повліяли на развитіе городовъ и фабричной дѣятельности“. Но кустарная промышленность существовала и существуетъ на западѣ Европы, гдѣ, какъ извѣстно, городскіе промыслы процвѣтали и процвѣтаютъ болѣе, чѣмъ у насъ; кромѣ того, еще не извѣстно, выиграетъ ли въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ русскій народъ, коль скоро кустарная промышленность уступитъ мѣсто фабричной.

Отдѣлъ о народонаселеніи Европейской Россіи, занимающій 75 страницъ, кромѣ обычной характеристики всѣхъ народовъ и распредѣленія ихъ по племенамъ и вѣроисповѣданію, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія изъ области статистики. Такія свѣдѣнія распредѣляются по слѣдующимъ рубрикамъ: „Народныя ревизіи и ихъ недостатки“.—„Отъ какихъ причинъ главнымъ образомъ приросло населеніе въ Россіи“.—„Перечень губерній и областей въ порядкѣ абсолютно большаго числа жителей“.—„Невозможность равномѣрнаго расселенія людей по площади ими обитаемой“.—„Какое соотношеніе между числами горожанъ и селянъ можно считать болѣе или менѣе нормальнымъ“.—„Какъ распредѣлено городское населеніе въ предѣлахъ Европейской Россіи“.—„Постоянное возрастаніе процента горожанъ въ общемъ числѣ жителей въ Россіи и чѣмъ это объясняется“.—„Степень средней густоты населенныхъ пунктовъ по обитаемому пространству и значеніе этихъ величинъ въ Европейской Россіи“.—„Образцы губерній: а) съ крайне рѣдкими, но многочисленными населенными пунктами; б) съ особенно частыми, но въ то же время весьма мало населенными осѣдлостями; в) съ рѣдкими и вмѣстѣ съ тѣмъ мало населенными осѣдлостями“ и т. п.

Неточности разнаго рода въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются часто, но наиболѣе рѣзкія касаются историческихъ справокъ и этнографіи. Изъ большаго числа такого рода ошибокъ отмѣтимъ слѣдующія:

На стр. 245 высказывается предположеніе, что камскіе болгары

были отатарившіеся славяне, и что они во время передвиженія съ Волги на Дунай снова ославянились.

Стр. 249: „Въ Западную Европу евреи попали, предварительно пройдя по сѣверной полосѣ Африки, а потому они сперва во множествѣ поселились на Пиринейскомъ полуостровѣ. Однако же, гоненіе, введдигнутое на нихъ въ Испаніи и Португаліи, вскорѣ вынудило ихъ перевалить черезъ Пиринейскій хребетъ“. Все это не вѣрно и перепутано.

Стр. 252. Иранскіе народы выдѣляются въ особое племя, отличное отъ индо-европейскаго.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, „Общее обозрѣніе всей Европейской Россіи“, могли бы быть для учащихся особенно цѣнными главы объ обрабатывающей и добывающей промышленности въ Европейской Россіи. Но при составленіи ихъ авторъ, видимо, не пользовался новыми статистическими данными, и это сильно умалетъ ихъ значеніе. На сколько по нѣкоторымъ пунктамъ несогласны съ дѣйствительностью показанія нашего автора, можно судить по слѣдующимъ тремъ примѣрамъ:

На стр. 822 г. Маркововъ утверждаетъ, что во всей Европейской Россіи находится до 60,000 различнаго рода фабрикъ и заводовъ, но по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ „Статистическимъ Временникомъ“, въ 1883 г. таковыхъ фабрикъ было 77,366, а въ 1885 году—83,180.

Далѣе, по сообщенію г. Маркозова, кустари по приблизительному разчету вырабатываютъ ежегодно на сумму до 200 мил. рубл. (стр. 325). Но въ дѣйствительности, точнаго опредѣленія суммы кустарнаго производства дать нельзя, такъ какъ исследователи этого вида промысла во мнѣніяхъ по этому предмету сильно между собою расходятся: по однимъ сумма производства простирается до 155 милліоновъ, а по другимъ до 2-хъ милліардовъ.

На стр. 311 у. г. Маркозова читаемъ: „Свиноводство въ Россіи въ послѣднее время начинаетъ дѣлать замѣтные успѣхи, и число этихъ животныхъ видимо растетъ“. Но въ дѣйствительности, свиноводство у насъ значительно пало, особенно за послѣднія пять лѣтъ, отчасти вслѣдствіе того, что затрудненъ сбытъ живыхъ свиней за границу.

Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ нѣтъ статистическихъ данныхъ, мѣстами встрѣчаются немаловажныя опущенія и разнаго рода мелкія неточности. Такъ, напримѣръ:

Описанію каменноугольныхъ бассейновъ центральнаго, Донецкаго

и Привислянскаго края (стр. 315) посвящается болѣе страницы, но ни слова не проскользнуло на счетъ того, въ какомъ бассейнѣ производится наибольшая добыча угля.

Стр. 318: „Цинковыя руды находятся въ губерніяхъ Петроковской, Кѣлецкой, Тульской и Тамбовской“, и ни слова о томъ, въ какихъ изъ поименованныхъ губерній обрабатывается цинкъ.

Стр. 313. Упомянуты Черниговская и Полтавская губ., какъ мѣста обработки шелка, но губерніи Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская не поименованы, и ихъ слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „и другія“.

Физическое землѣдѣніе. Составилъ *Н. Раевскій*, директоръ Московскаго учительскаго института. Первый выпускъ съ 16 рисунками. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 186. Цѣна 1 р. 20 коп.

Первый выпускъ Физическаго землѣдѣнія *Н. Раевского* раздѣленъ на три отдѣла, въ которыхъ рассмотрѣны форма и плотность земли, водная ея оболочка и воздушная оболочка или атмосфера. Изъ предисловія не видно, какимъ, вообще, планомъ занялся авторъ, и что должны будутъ содержать въ себѣ послѣдующіе выпуски. Но во всякомъ случаѣ первый выпускъ можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто самостоятельное цѣлое, такъ какъ его содержаніе вполне закругленное и законченное.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ форму земли, ея размѣры, сжатіе и плотность. Во второмъ отдѣлѣ описываются отношеніе воды къ суши, распредѣленіе океановъ и морскихъ бассейновъ, уровень, глубина, соленость и температура океановъ, рельефъ и свойства дна, морской ледъ, волны, морскія теченія и явленія прилива и отлива. Наконецъ, третій отдѣлъ посвященъ вопросамъ о высотѣ и температурѣ атмосферы, о вѣтрахъ, осадкахъ и климатахъ.

Каждый отдѣльный изъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ разобранъ основательно, вездѣ выбраны и освѣщены наиболѣе важныя и интересныя стороны этихъ вопросовъ. Особенное достоинство книги заключается въ подробныхъ указаніяхъ, съ одной стороны, на исторію каждаго вопроса, начиная съ его возникновенія, съ другой стороны, на самыя послѣднія къ нему относящіяся работы. Почти каждый параграфъ начинается съ указаній на мнѣнія и взгляды, высказанные въ древніе и средніе вѣка; здѣсь авторъ собралъ множество крайне любопытныхъ фактовъ. Какъ видно, авторъ вполне знакомъ и съ новѣйшею литературою трактующихъ вопросовъ. Онъ

принять во вниманіе послѣднія работы Воейкова, Лястинга, Цеприца, Крюммеля, Слудскаго, Уэвеля, Зупана, Тилло, Реллингера и т. д. и снабдилъ книгу богатыми литературными указаніями въ подстрочныхъ замѣткахъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти достоинства книги г. Раевского въ значительной степени умяляются двумя крупными недостатками. Первый изъ нихъ заключается въ ошибкахъ, встрѣчающихся въ тѣхъ мѣстахъ, которыя посвящены теоретическимъ выводамъ и разъясненіямъ. Второй, пожалуй еще бблшій недостатокъ книги—это языкъ, которымъ она написана.

Укажемъ прежде всего на очевидныя ошибки.

На стр. 7 приведена формула, опредѣляющая время колебанія маятника

$$t = \pi \sqrt{\frac{l}{g}}$$

и рядомъ напечатано, что „ l длина секунднаго маятника“. Это не вѣрно: въ приведенной формулѣ l есть длина того маятника, время колебанія котораго t .

На стр. 18 читаетъ: „Матеріальная точка внутри извѣстной (?) сферической массы притягивается только частью, заключенною внутри шаровидной оболочки, центромъ которой служить эта точка“. Это совершенно не вѣрно. Сферическая оболочка (если ужъ употреблять этотъ неудобный здѣсь терминъ), которая здѣсь подразумѣвается, должна быть концентрична со внѣшнею поверхностью шара и проходить черезъ притягиваемую точку.

На стр. 14 авторъ утверждаетъ, что маятникъ совершитъ большее число колебаній на днѣ шахты, чѣмъ на поверхности земли, „если только предположить, что плотность земли одинакова“. Это не вѣрно: число колебаній на днѣ шахты будетъ меньше, чѣмъ у поверхности земли. Кстати замѣтить, что слова „плотность земли одинакова“ крайне неясны, и, что кромѣ того, маятникъ не совершитъ того или другаго числа колебаній, въ зависимости отъ нашихъ предположеній. Вслѣдъ затѣмъ авторъ пишетъ: „Съ приближеніемъ къ центру земли увеличивается ея плотность, а слѣдовательно, и маятникъ будетъ качаться скорѣе“. И это не вѣрно, такъ какъ въ центрѣ земли число качаній во всякомъ случаѣ нуль.

На стр. 98 читаемъ, что центробѣжная сила обратно пропорціональна кривизнѣ пути; должно быть: прямо пропорціональна.

На стр. 137 сказано: „Высшая температура въ теченіе (sic) дня

бываетъ не въ полдень, а нѣсколько позже, такъ какъ еще продолжается вліяніе ночнаго охлажденія^а. Причина совершенно другая: послѣ полудня притокъ теплоты еще въ теченіе нѣкотораго времени превышаетъ убыль отъ лученспусканія (не ночнаго, а вообще всегда существующаго).

Можно привести еще примѣры подобныхъ промаховъ, но число ихъ вообще не велико. Переходимъ къ указанію на неудовлетворительность языка книги: Приводимъ рядъ примѣровъ.

Стр. 8. „Клеро также старался отыскать отношеніе между ускореніемъ тяжести отъ экватора къ полюсамъ и сплюснутостью земли^а. Должно быть: „между измѣненіемъ тяжести, замѣчаемымъ при переходѣ отъ экватора къ полюсамъ“, или еще проще: „между измѣненіемъ тяжести въ зависимости отъ измѣненія широты“.

Стр. 69. „Теоретическое вычисленіе наступленія прилива тоже не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ“. Итакъ, теоретическое вычисленіе не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ вычисленіемъ!

Стр. 182. „Противъ разсмотрѣнныхъ нами трехъ климатическихъ поясовъ можно замѣтить^а и т. д.

Болѣе мелкія странности языка можно найти почти на каждой страницѣ изъ не содержащихъ простыхъ описаній и перечни фактическихъ данныхъ.

Стр. 1. „Съ переменною горизонта на небѣ появляются нныя созвѣздія...“

Стр. 7. „По возвращеніи же въ Парижъ пришлось напротивъ удлинить маятникъ, а то иначе онъ шелъ впередъ“.

Стр. 18. „Если повернуть глобусъ такъ, чтобы на одномъ полюсѣ (!) пришелся проливъ Па-де-Кале“ и т. д.

Стр. 21. „Когда окончательно была доказана шарообразность земли, то полагали, что будто только одинъ океанъ и расположенъ онъ между западною Европою и восточнымъ берегамъ Индіи“ и т. д.

Стр. 22. „Да и Арктической (океанъ) не представляетъ особенной самостоятельности“.

Стр. 80. „Первое положеніе вѣрно; но только что вода подъ экваторомъ будетъ имѣть“ и т. д. Слова „но только что“ авторъ употребляетъ въ смыслѣ „необходимо однако замѣтить, что“.

Примѣровъ выраженій, не соответствующихъ установившейся научной терминологіи, можно найти очень много.

Стр. 9. „Сферондъ вращающійся на осѣ“. Колесо вращается на осѣ, по шаръ или сферондъ вращается „около осѣ“.

Стр. 15. „Четвертый способ опредѣленія плотности будетъ посредствомъ взвѣшиванія“.

Стр. 17. „Въ Азіи и Америкѣ мало знакомы сѣверные берега; вообще можно сказать, что извѣстно только двѣ трети береговой линіи всѣхъ материковъ“.

Стр. 40. „Кантъ полагалъ, что во время (1) расплавленнаго состоянія земли множество минеральныхъ частицъ, входящихъ въ составъ земной коры, находилось въ газообразномъ или парообразномъ состояніи. При охлажденіи пары обратились въ воду“ и т. д. Во-первыхъ, выходитъ, что пары минеральныхъ веществъ обратились въ воду; во вторыхъ, частицы вообще не могутъ быть въ томъ или другомъ состояніи, и, втретьихъ, нельзя говорить „во время состоянія“.

Стр. 42. „Въ полярныхъ странахъ образованіе льда концентрируетъ воду“. Вода не можетъ концентрироваться; этотъ терминъ приложимъ только непосредственно къ растворамъ.

Стр. 42. „Одинъ метръ (1) прѣсной воды при $17\frac{1}{2}^{\circ}$ С. вѣситъ 1000 граммовъ“.

На стр. 50 весь первый абзацъ (отъ словъ „рѣдко поверхность моря“) можетъ служить примѣромъ страннаго языка, на которомъ написана почти вся книга. Читаемъ: „продолжаетъ дуть вѣтеръ, онъ бьетъ о приподнятую часть волны и тѣмъ самымъ приподнимаетъ ее“. Врядъ ли это и вѣрно.

Стр. 66. „Вся вина въ томъ, что Ньютонова теорія рассматриваетъ приливъ и отливъ, какъ явленіе статическое“.

Стр. 67. „Волны интерферируются“ вмѣсто „интерферируютъ“.

Стр. 77. „Океанъ..... долженъ былъ принять то же направленіе, что и весь земной шаръ“; должно быть: „ту же скорость движенія“.

Стр. 116. „Важнѣ абсолютной влажности относительная, то есть процентное отношеніе дѣйствительнаго (?) количества паровъ къ тому, которое должно быть при данной температурѣ“. Вмѣсто „которое должно быть“ слѣдовало сказать „которое насыщаетъ воздухъ“.

Авторъ пишетъ „зенитальное разстояніе“ вмѣсто принятаго „зенитное разстояніе“; „крутительные вѣсы“ вмѣсто крутильные вѣсы. Онъ употребляетъ слово „больше“ въ смыслѣ „большею частью“ (стр. 105 и др.) и говоритъ о „незначительной температурѣ“ (вмѣсто „низкой“).

Особенно странно звучитъ употребленіе слова „слишкомъ“ въ смыслѣ „весьма“, встрѣчающееся много разъ (стр. 43, 47, 57, 87

и др). Имена ученыхъ авторъ пишетъ очень странно: Cogni и Baillie авторъ пишетъ Карну и Войль, Bailly—Байлью (стр. 15), Buys Ballot—Бейсъ Баллотъ (стр. 97) и др. Встрѣчаются, хотя и въ небольшомъ числѣ, мѣста неясныя. Про шарикъ крутильныхъ вѣсовъ авторъ утверждаетъ на стр. 14, что они „изъяты отъ дѣйствія тяжести“.

На стр. 16 читаемъ: „по всей вѣроятности, плотность земнаго ядра равняется 10 и въ болѣе глубокихъ слояхъ уменьшается скорѣе, чѣмъ въ поверхностныхъ“; читатель не сразу догадается, что авторъ хотѣлъ сказать, равно какъ онъ не сразу правильно прочтетъ (тамъ же) слова „ $7\frac{1}{4}$ квадр. килогр.“ (квадриллионы).

Въ типографскомъ отношеніи книга также заставляеть желать многого. На стр. 7, 9, 51 и 60 напечатано до двадцати разъ π вмѣсто π , между тѣмъ какъ страницы 13, 60 и 99 доказываютъ, что буква π имѣлась въ типографіи. Напрасно авторъ пишетъ (стр. 4) ($\cos < \theta$) въ скобкахъ, вмѣсто обычнаго $\cos \theta$. Опечатокъ не мало: на стр. 46 „Гесслерова трубка“ вмѣсто „Гейслерова трубка“; на стр. 59 въ весьма неясномъ выводѣ величины приливной силы нѣсколько опечатокъ; на стр. 81 буквы v , v' и v_1 перепутаны.

Д. Д. Моревъ. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку VIII и 232 стр.

Сочиненію своему г. Моревъ предпослалъ списокъ главныхъ источниковъ и пособій при изученіи рассматриваемаго имъ предмета, при чемъ онъ указываетъ по преимуществу на новѣйшія изданія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по извѣстному предмету нѣтъ новѣйшихъ изслѣдованій, онъ приводитъ и болѣе старыя изданія, напримѣръ, книгу г. И. Боголюбскаго: Золото, его запасы и добыча въ русской золотоносной формаціи (С.-Пб. 1877). Въ этомъ отношеніи замѣтны нѣкоторые пропуски. Такъ, напримѣръ, г. Моревъ не называетъ: „Статистическія таблицы по горной промышленности Россіи“, составленныя горнымъ инженеромъ г. А. Кенпеномъ и изданныя въ 1879 году горнымъ департаментомъ. Указанное, между источниками, изданіе г. С. Кулибина о горнозаводской производительности Россіи относится только къ отдѣльнымъ годамъ (1884 и 1885 гг.). Въ числѣ періодическихъ изданій не поименована, напримѣръ, Земледѣльческая газета, весьма богатая хозяйственными свѣдѣніями, касающимися Россіи.

Разсматриваемое сочиненіе распадается на два главные отдѣла: I) Пути сообщенія и средства сношеній; и II) Статистическій обзоръ промышленности и торговли Россіи, сравнительно съ другими государствами. Первый отдѣлъ, съ своей стороны, заключаетъ въ себѣ слѣдующія пять главъ: 1) Торговое значеніе путей сообщенія и средствъ перевозки; 2) Внѣшніе пути сообщенія (то-есть, моря); 3) Торговое мореходство и развитіе купеческаго флота; 4) Внутренніе пути сообщенія; 5) Средства сношеній. Второй отдѣлъ состоитъ изъ четырехъ главъ, а именно: 1) Добывающая промышленность и торговля сырыми продуктами; 2) Обрабатывающая промышленность въ Россіи; 3) Внутренняя торговля въ Россіи; 4) Всемирная торговля и участіе въ ней Россіи. Въ первомъ отдѣлѣ преобладаетъ географическій, а во второмъ — статистическій элементъ.

Какъ заявляетъ авторъ, главная цѣль его книги — дать учебное руководство по коммерческой географіи ученикамъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Вообще сочиненіе г. Морева составлено согласно примѣрной программѣ коммерческой географіи для реальныхъ училищъ, съ нѣкоторыми, однако же, отступленіями, съ которыми нельзя не согласиться. Такъ, опущена вся первая глава программы, содержащая въ себѣ общія понятія о производствѣ и обмѣнѣ цѣнностей, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, мѣсто ея должно быть не въ коммерческой географіи, а въ политической экономіи. За то прибавлены нѣкоторыя важныя статьи, не значащіяся въ примѣрной программѣ, напримѣръ, о внутреннемъ судоходствѣ въ Россіи, о производствѣ и обработкѣ хлопка, о свекло-сахарной промышленности, о добываніи нефти, и проч.

Слѣдуетъ автору отдать справедливость, что онъ съ большимъ умѣніемъ и знаніемъ дѣла воспользовался указанными имъ источниками, при чемъ онъ старался, по возможности, провѣрять показанія одного источника другими. Если остались разныя пробѣлы, пополненіе которыхъ очень желательно, то виною тому является не недосмотръ автора, а то обстоятельство, что наша хозяйственная статистика еще очень несовершенна и мало разработана. Книга г. Морева, составленная весьма добросовѣстно, написана, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень хорошимъ слогомъ и способна возбудить интересъ къ разсматриваемому въ ней предмету. Слѣдуетъ обратить вниманіе лишь на немногія частности, въ которыхъ замѣчается нѣкоторая неточность.

Во введеніи (на стр. 1 — 2) желательна бѣольшая точность въ опредѣленіи нѣкоторыхъ понятій. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ сказано: „По буквальному смыслу слова, коммерческая географія есть наука, описывающая торговныя сношенія разныхъ народовъ“; между тѣмъ, какъ извѣстно, буквальный смыслъ слова „географія“ есть землеописаніе, а не описаніе сношеній разныхъ народовъ. Авторъ, впрочемъ, справедливо замѣчаетъ, что, вмѣсто слова коммерческая географія, болѣе подходящимъ является терминъ хозяйственная географія. Далѣе значитсѣ: „Направленія торговли зависятъ отъ путей сообщенія и средствъ сношеній, а предметы торговли — отъ производства и потребленія“. Но этии двумя послѣдними факторами обусловливаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только направленіе торговли, но перѣдко и самыи пути сообщенія. Примѣромъ тому можетъ служить торговля янтаремъ въ древнія времена. Въ концѣ введенія сказано, что „товаровѣдніи значимтъ, между прочимъ, съ техническими способами обработки продуктовъ“; это дѣло технологіи, а не товаровѣднія.

На стр. 9 сказано: „Ярмарки могутъ процвѣтатъ только до тѣхъ поръ, пока существуютъ причины, ихъ вызвавшія, то-есть, недостатокъ безопасности, рѣдкость населенія и плохое состояніе дорогъ“. Хотя замѣчаніе это вообще справедливо, однако же тутъ вліяютъ еще другія причины, чтѣ доказывается существованіемъ знаменитыхъ двухъ ярмарокъ въ Лейпцигѣ, еще до-нынѣ не утратившихъ своего значенія. На стр. 24 — 25 и 96 говорится о томъ, во сколько обходится въ Россіи и другихъ странахъ сооружеиіе желѣзныхъ дорогъ. Можно сожалѣть, что авторъ не сообщалъ точныхъ свѣдѣній о низкой стоимости версты на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ какъ примѣръ этихъ послѣднихъ дорогъ весьма поучителенъ. На стр. 27 говорится о протяженіи каналовъ въ разныхъ странахъ. Очень жаль, что авторъ умолчалъ о Россіи, о канализаціи которой не дается никакихъ свѣдѣній и въ главѣ о внутренниихъ путяхъ сообщенія. На стр. 59, при перечисленіи пароходныхъ линій въ Балтійскомъ морѣ пропущены нѣкоторыя линіи, напримѣръ, отъ Гельсингфорса въ Любекъ, отъ Петербурга въ Улеборгъ, и друг. На стр. 71 значитсѣ, что на Черномъ морѣ бури особенно сильны въ періодъ осенняго равноденствія; такое показаніе неточно: самыя сильныя бури, замѣченныя на Черномъ морѣ въ послѣднія 50 лѣтъ, были два раза (въ 1854 и 1861 гг.) въ ноябрѣ

и одинъ разъ (въ 1888 г.) въ февралѣ. На стр. 72 — 74, говоря о портовыхъ городахъ на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, авторъ не помѣстилъ показанія о числѣ жителей и для самыхъ важныхъ городовъ, напримѣръ, для Одессы, Ростова на Дону, Таганрога и пр.; между тѣмъ таковыя показанія имѣются для многихъ иностранныхъ городовъ. На стр. 101 сообщаются неточныя цифры о средней годовой температурѣ нѣкоторыхъ мѣстъ Россіи; такъ, напримѣръ, для Богословскаго завода показано 0°, вмѣсто — 1 $\frac{1}{2}$ ° Ц. На стр. 101 — 102 сообщается устарѣлое и неточное раздѣленіе Россіи на растительныя полосы; такъ, напримѣръ, полоса кукурузы и винограда простирается къ сѣверу, будто бы, до 48° сѣв. широты. На стр. 147 упоминается о томъ, что, за исключеніемъ Прибалтійскаго края, въ Россіи нигдѣ не ведется правильное лѣсное хозяйство. Слѣдовало бы сказать: почти нигдѣ, такъ какъ, къ счастью, имѣются нѣкоторыя исключенія, какъ, напримѣръ, въ Смѣлѣ (графа А. А. Вобринскаго), въ Карачаровѣ и другихъ имѣніяхъ графа А. С. Уварова, въ Моховомъ (І. Н. Шатилова), и друг. На стр. 148, между важнѣйшими пунктами для отпуска лѣса за границу, слѣдовало бы назвать Котку въ Финляндіи. На стр. 172 сказано, что почти вся добываемая у насъ платина вывозится въ сыромъ видѣ за границу, гдѣ приготавливаются изъ нея разныя издѣлія. Здѣсь не мѣшало бы упомянуть о томъ, что въ новѣйшее время, въ извѣстномъ Тентелевскомъ химическомъ заводѣ, по почину Вл. В. Шнейдера, изготавливаются весьма изящныя платиновые тигеля (плавильники) и другія издѣлія, которыя въ нынѣшнемъ году были посланы на Парижскую выставку.

Остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, опискахъ и опечаткахъ; послѣднихъ, впрочемъ, очень мало. На стр. 79, при разчетѣ провозоспособности флота всего свѣта въ разные годы, скобки, при исчисленіи цифръ, поставлены невѣрно, вслѣдствіе чего разчетъ теряетъ смыслъ. На стр. 125, вмѣсто 97 дес. должно быть 97,000 десятинъ. На стр. 193, къ группѣ смѣшанныхъ продуктовъ отнесены металлы — въ соединеніи съ минералами, каковой отдѣлъ, конечно, относится къ группѣ минеральныхъ продуктовъ.

Указанныя неточности, которыя могутъ быть исправлены во второмъ изданіи, оказываются вообще маловажными, въ сравненіи съ достоинствами разсматриваемаго сочиненія.

Бъсѣды овъ огородничествѣ *Э. Лукаса* (*Unterhaltungen über Gemüsebau, von Dr. E. Lucas*), съ 19 рисунками, въ текстѣ. Передѣлано со 2-го нѣмецкаго изданія *В. Веселовскимъ*. 1889. Въ 8-ку 66 стр.

Авторъ этого сочиненія, бывшій директоръ помологическаго института въ Рейтлингенѣ (въ королевствѣ Виртембергскомъ), какъ садоводъ и авторъ многочисленныхъ сочиненій по садоводству и огородничеству, пользовался столь громкою и заслуженною извѣстностью, что можно считать лишнимъ распространяться о достоинствахъ нынѣ разсматриваемаго его сочиненія.

Сдѣланный г. Веселовскимъ переводъ передѣланъ со 2-го нѣмецкаго изданія, при чемъ отмѣнена принятая авторомъ разговорная форма изложенія. Переводчикъ, въ предисловіи, счелъ нужнымъ оговориться, что разсматриваемое сочиненіе, какъ написанное въ Германіи, имѣетъ въ виду климатическія условія этой послѣдней страны, а потому содержащіяся въ немъ указанія относительно времени посѣва и пересадки нѣкоторыхъ овощей не могутъ быть приняты безусловно для всѣхъ мѣстностей Россіи. Хотя г. Веселовскій и прибавляетъ, что опытъ и практика каждой данной мѣстности даютъ достаточныя данныя для того, чтобы дѣлать въ указаніяхъ Лукаса соотвѣтствующія поправки,—однако же, нельзя не сожалѣть о томъ, что переводчикъ, при своей передѣлкѣ, коснулся одной только формальной стороны разсматриваемаго сочиненія и оставилъ безъ измѣненія его содержаніе. Дѣйствительно, климатъ Россіи (самъ по себѣ весьма различный въ разныхъ полосахъ), вслѣдствіе своей континентальности представляетъ такія рѣзкія отличія отъ климата Германіи, въ особенности, юго-западной, которую Лукасъ имѣлъ преимущественно въ виду,—что очень многія указанія, находящіяся въ его сочиненіи, имѣютъ лишь весьма условное значеніе, а болшею частью, очень мало или вовсе не примѣнимы на огромномъ пространствѣ Европейской Россіи, напримѣръ, въ окрестностяхъ Петербурга и Москвы, или въ Ярославской губерніи, славящейся своимъ огородничествомъ. Замѣчаніе это относится притомъ не только къ упомянутому самимъ переводчикомъ времени посѣва и пересадки, но и ко времени уборки и къ сроку разныхъ работъ, связанныхъ съ огородничествомъ. Оно же относится и къ сортамъ воздѣлываемыхъ овощей. У насъ, въ Россіи, благодаря нашему климату, оказываются выгодными или даже просто возможными совершенно иные сорта, чѣмъ въ Германіи. Возьмемъ, напримѣръ, наши огурцы, хотя и рекомендуемые Лукасомъ, но почти вовсе не воздѣлываемые въ Германіи. Нѣкоторыя огородныя растенія,

играющія у насъ не маловажную роль, напримѣръ, цикорій въ Ярославской губерніи, вовсе не упоминаются Лукасомъ. Слѣдуетъ также напомнить о нашемъ бахчеводствѣ, которое, хотя и составляетъ переходъ къ полевой культурѣ, но о которомъ, при разсмотрѣніи русскаго огородничества, нельзя умолчать. Впрочемъ, и въ разсматриваемомъ сочиненіи на стр. 61 упоминается о разведеніи рѣпы въ полѣ. Между тѣмъ о нашихъ баштанахъ, на которыхъ разводятся арбузы и дыни, читатель тщетно будетъ искать свѣдѣній въ сочиненіи Лукаса. Сорта, воздѣлываемые тамъ или здѣсь, обуславливаются, впрочемъ, не однимъ только климатомъ, но и существующимъ на нихъ спросомъ, а этотъ послѣдній, съ своей стороны, зависитъ главнымъ образомъ отъ установившейся привычки или отъ національнаго вкуса: то, что правится нѣмцу или англичанину, можетъ имѣть мало привлекательнаго для нашего русскаго крестьянина, и на оборотъ.

Переводъ такой популярной книги, какъ разсматриваемое сочиненіе Лукаса, предназначенное для распространенія въ народѣ, только тогда можетъ оказаться истинно полезнымъ, когда изложеніе предмета примѣнно къ условіямъ нашего хозяйства. Соглашались даже съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ г. Веселовскаго, что опытный садоводъ или смышленный огородникъ-практикъ сумѣетъ сдѣлать въ указаніяхъ Лукаса соотвѣтствующія поправки, слѣдуетъ однако напомнить, что такое замѣчаніе никакъ не примѣнно къ нашимъ сельскимъ учителямъ, а тѣмъ менѣе къ ученикамъ.

О шелководства, съ практическимъ руководствомъ разведенія шелковицы, выкорки шелковицнаго червя и размотки шелка, составлено *Н. Ф. Федоровскимъ*. 3-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное, съ рисунками. Кіевъ. 1889. Въ 8-ку XI и 99 стр. ¹⁾.

Авторъ разсматриваемаго руководства не новичекъ по излагаемому имъ предмету: настоящій трудъ его есть плодъ двадцатилѣтнихъ практическихъ занятій шелководствомъ и многолѣтнихъ усилій, направленныхъ къ развитію этой промышленности въ нашемъ отечествѣ.

Трудъ г. Федоровскаго раздѣленъ на 4 главы: 1) о значеніи

¹⁾ Первые два изданія этого руководства были напечатаны въ журналахъ, а именно: первое—въ газетѣ *Трудъ*, а второе—въ *Черниговскомъ Земскомъ Обществѣ*.

шелководства для юга Россіи, а также о выгодахъ его, съ разъясненіемъ причинъ неудачи въ прошломъ (стр. 1—22); 2) о разведеніи шелковицы (стр. 23—32); 3) о выкормѣхъ шелковичнаго червя на шелкъ и на племя (стр. 33—77), и 4) о размоткѣ шелка (стр. 78—95); наконецъ, на стр. 96—99 приложены таблицы, которыя могутъ облегчить отчетность, а именно: а) вѣдомость о количествѣ шелковицы, имѣющейся на лицо; б) отчетъ о состояніи червокормленія; в) метеорологическія наблюденія; и г) таблица, представляющая образецъ испытанія коконовъ.

Разсматриваемая брошюра отличается яснымъ изложеніемъ предмета, который имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, приобрететъ со временемъ весьма важное значеніе для всей южной трети Россіи, со включеніемъ Кавказа и Туркестана. Доводы, приводимые г. Федоровскимъ въ пользу расширенія у насъ этой отрасли хозяйства, весьма убѣдительны, и нельзя не согласиться съ нимъ, что развитіе шелководства должно отозваться не только въ высокой степени благоприятно на матеріальномъ благоденствіи населенія, но способно также повліять благотворно на его нравы и обычаи. Приведенный авторомъ любопытный примѣръ Франціи служитъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ.

Слѣдуетъ пожелать, чтобы прекрасная брошюра г. Федоровскаго получила широкое распространеніе въ нашихъ среднихъ и низшихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, учебныхъ заведеніяхъ. Можно пожелать, чтобы шелководство было введено въ кругъ обученія въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, а также въ сельскихъ училищахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ расти съ успѣхомъ шелковица. Изъ предисловія къ труду г. Федоровскаго (стр. VII) видно, что начальство Кіевскаго учебнаго округа въ 1888 г. командировало для теоретическаго и практическаго изученія шелководства, одного изъ сельскихъ учителей въ Уманское училище земледѣлія и садоводства, а другаго—въ м. Триполье, для ознакомленія съ развитымъ тамъ крестьянскимъ шелководствомъ. Очень желательно, чтобы наши школьные учителя занялись ближе этимъ полезнымъ дѣломъ, подобно тому, какъ мы видимъ это въ Германіи: „При ограниченномъ жалованьи, занятіе шелководствомъ служитъ за границей большимъ пособіемъ учителямъ; они зарабатываютъ тамъ въ канникулярное время рублей по сту и больше. Въ Пруссіи, напримѣръ, едва стало развиваться шелководство, какъ доставлено было на берлинскій рынокъ учителями 70⁰/₀... шелка“ (стр. 15). Г. Федоровскій, безъ со-

мѣнія, правъ, что сознаніе той пользы, которую можетъ доставить шелководство краю и государству, прежде всего можетъ вырости въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ народныхъ школахъ,

Дневникъ гимназиста. Тетрадь для записыванія уроковъ № 1. 1889—1890 учебный годъ. Составилъ *Вл. Краузе*. Изданіе *Вишнякова*. С. Пб. 1889. Стр. 115. Ц. 30 к.

При составленіи „Дневника“ г. Краузе задался мыслью самымъ устройствомъ этой записной тетради побудить учениковъ къ аккуратному веденію ея, а потому сверхъ разграфленныхъ листовъ для записыванія уроковъ, по предписанному министерскимъ циркуляромъ 1-го декабря 1872 года образцу, въ разныхъ мѣстахъ помѣстилъ небольшія статьи, могущія заинтересовать ученика, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему полезныя свѣдѣнія и совѣты. Выбравъ девизомъ для тетради изреченіе „а Deo principium“, составитель сначала помѣщаетъ текстъ молитвы Господней на церковно-славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Слѣдуютъ затѣмъ народный гимнъ съ нотами и свѣдѣнія о Россійскомъ Императорскомъ Домѣ. Далѣе—поменованы лица, стоящія во главѣ какъ всего министерства народнаго просвѣщенія, такъ и отдѣльныхъ учебныхъ округовъ; слѣдуетъ графа для внесенія именъ ближайшихъ начальниковъ и наставниковъ и другая—для товарищей по классу.

Послѣ краткаго предисловія, объясняющаго ученикамъ важное значеніе исправнаго веденія записной тетради, помѣщено умѣло сдѣланное извлеченіе изъ правилъ для учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. На стр. 56, въ статьѣ „Святочныя каникулы“, ученикамъ рекомендуется катанье на конькахъ; слѣдующія затѣмъ статьи: „Времясчисленіе“, „Новый годъ“, „Названія дней недѣли и мѣсяцевъ“ сообщаютъ календарныя свѣдѣнія. На стр. 69 статья „Широкая масляница“ занимается происхожденіемъ и значеніемъ этого праздника у древнихъ народовъ и у славянъ. Въ статьяхъ „Здравіе“ и „День гимназиста“ даются совѣты, какъ сохранить здоровье и какъ распределить учебный день. Отдѣлъ пасхальныхъ каникулъ, стр. 86, содержитъ въ себѣ статьи „Пасхалія, исторія пасхальнаго яйца“ и „Versus heroicus“ или объясненіе дактилическаго гекзаметра. Въ концѣ тетради, разчитанной на полный учебный годъ, помѣщены графы для вписыванія каникулярныхъ работъ, для составленія списка учебныхъ книгъ, принадлежащихъ ученику, для записыванія заглавія и краткаго содержанія прочитан-

ныхъ ученикомъ книгъ и видѣнныхъ имъ зрѣлищъ и, наконецъ, для внесенія такъ-называемыхъ „золотыхъ словъ“, то-есть, нареченій, пословицъ и тому подобнаго. Заключается тетрадь краткимъ репетиторіемъ курса математики. Составитель предполагаетъ каждый годъ при новомъ изданіи замѣнять помѣщенные статьи новыми, такъ что изъ суммы сообщаемыхъ свѣдѣній у юности къ концу восьмилѣтняго курса составитя небольшой циклъ свѣдѣній по разнымъ предметамъ. Къ преимуществамъ разсматриваемаго изданія слѣдуетъ отнести и то, что указаны въ своемъ мѣстѣ Евангелія на каждый праздникъ, чѣмъ составитель имѣлъ въ виду поощрить ученика къ чтенію Евангелія на канунѣ. Слѣдовало, однако, при этомъ обозначать не зачало, а главы и стихи, такъ какъ иначе ученики, по имѣющимся въ ихъ рукахъ экземплярамъ Священнаго Писанія, не могутъ отмскавать требуемаго мѣста.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ Г. КУЛАКОВСКОГО О ПРЕДПОЛАГАЕМОМЪ РУССКОМЪ УЧЕБНОМЪ ИЗДАНІИ КЛАССИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ...

Замѣтка, помѣщенная Г. Юліаномъ Кулаковскимъ въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія по поводу предпринятаго нами изданія иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, не заслуживала бы въ нашихъ глазахъ никакого вниманія и не вызвала бы съ нашей стороны возраженія, если бы мы не усматривали въ ней искаженія (быть можетъ, и неумышленнаго) тѣхъ мыслей, которыя были нами высказаны въ циркулярномъ письмѣ къ директорамъ и преподавателямъ древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, послужившемъ поводомъ къ докторальнымъ, но мало для насъ авторитетнымъ разсужденіямъ автора означенной статьи. Это обстоятельство вынуждаетъ насъ сказать нѣсколько отвѣтныхъ словъ.

Начнемъ съ неполнѣ для насъ понятнаго эпитафия: „Amicus Plato, sed magis amica veritas“, который для большинства читателей и совсѣмъ непонятенъ. Дѣйствительно, что можетъ онъ обозначать? Значить ли это, что авторъ, сочувствуя идеѣ изданія, не одобряетъ ея выполненія? Но пока вѣдь не появилось еще ни одного томика нашей коллекціи. Или, можетъ быть, эпитафій этотъ вызванъ тѣмъ, что авторъ замѣтки учился случайно, въ продолженіе одного года или двухъ лѣтъ, въ томъ же учебномъ заведеніи, въ которомъ былъ и одинъ изъ редакторовъ предпринятаго изданія? Но и въ такомъ случаѣ эпитафій не понятенъ, такъ какъ дальше этой случайности — скажемъ въ огражденіе себя — личные отношенія автора замѣтки и одного изъ редакторовъ не шли.

Г. Кулаковскій употребляетъ въ своей замѣткѣ выраженія: „появилось объявленіе“ и „обращеніе гг. редакторовъ къ публикѣ“. Первое неточно, второе невѣрно. Нами было разослано циркулярное письмо, а не напечатано объявленіе, и письмо это было предназначено не для публики, а для опредѣленнаго круга лицъ, къ которому, между прочимъ, не принадлежитъ и самъ г. Кулаковскій, получившій наше циркулярное посланіе не отъ насъ, а по любезности къ нему третьихъ лицъ.

Про письмо наше или—по терминологіи г. Кулаковскаго—объявленіе, авторъ замѣтки говоритъ, что оно „способно вызвать у всякаго, кто прочтетъ его со вниманіемъ, грустныя мысли о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и, главное, о преподавателяхъ этихъ предметовъ“. Недоумѣваемъ, гдѣ нашель у насъ въ письмѣ г. Кулаковскій—если только ему попался подлинный его экземпляръ—такія мѣста, которыя напали его на грустныя мысли о преподавателяхъ древнихъ языковъ. Вотъ у него дѣйствительно есть такія мѣста, которыя не только наводятъ на грустныя мысли, а прямо вызываютъ негодованіе во всякомъ, кто только имѣлъ случай наблюдать трудъ учителя и кто привыкъ относиться съ уваженіемъ къ личности честныхъ труженниковъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ мѣста замѣтки г. Кулаковскаго, въ которыхъ онъ—не безъ претензій на остроуміе—именуетъ учителя „инквизиторомъ“. Дѣйствительно, имѣлъ ли г. Кулаковскій столь широкое поле для наблюденій, чтобъ огульно обзывать такъ учителей? Сколько извѣстно, онъ лишь въ теченіе одного года былъ преподавателемъ въ гимназій, а этого еще слишкомъ мало для того, чтобъ имѣть право дѣлать нападки на цѣлую корпорацію. И подумалъ ли г. Кулаковскій, когда, въ увлеченіи своимъ словечкомъ „инквизиторъ“, онъ надѣвался надъ дѣятельностью педагоговъ, поминая не идущій къ дѣлу и очень мало интересный эпизодъ изъ автобіографіи митрополита Сѣмашко,—подумалъ ли онъ, что будь наши преподаватели дѣйствительно таковы, какими онъ ихъ изображаетъ, то вина въ этомъ падала бы далеко не на однихъ школьные порядки, а въ значительной мѣрѣ на тѣхъ самыхъ профессоровъ, къ числу которыхъ и онъ принадлежитъ? Очевидно, что объ этомъ онъ не подумалъ, когда „такъ забавно вопилъ“ (вторяемъ выраженіе г. Кулаковскаго) объ „инквизиторахъ“. Во всей „инквизиторской“ части его замѣтки обнаруживается какое-то удивительное смѣшеніе понятій и невѣроятное непониманіе задачъ преподавателя средней школы. По его словамъ (которымъ онъ придаетъ

столь необыкновенное значеніе и важность, третируя насъ (высока) выходить, какъ будто бы спрашиванія заданныхъ уроковъ и совсѣмъ не должно быть, а забота о томъ, какъ ученики будутъ готовить свои уроки дома, вѣняется намъ прямо въ преступленіе, такъ какъ высказанныя нами по этому вопросу соображенія дадутъ ему смѣлость и насъ причислить къ типу „инквизиторовъ“.

Но еще болѣе изумила насъ та часть замѣтки г. Кулаковскаго, гдѣ онъ приписываетъ намъ изобрѣтеніе какой-то „панацеи“ для болѣе правильной постановки преподаванія древнихъ языковъ и съ комическою важностью чуть ли не беретъ подъ свою защиту подстрочники. Неужели г. Кулаковскому не понятно, что въ обращеніи къ директорамъ и преподавателямъ древнихъ языковъ по поводу предположеннаго нами изданія мы ни о чемъ другомъ, какъ объ изданіи, говорить не могли? По истинѣ, было бы забавно, еслибы въ этомъ своемъ письмѣ мы вѣдумали говорить, что вотъ въ такомъ-то городѣ есть-де плохой преподаватель, или рекомендовали бы директорамъ замѣнить плохихъ учителей хорошими и т. д. Но изъ того, что мы говорили по поводу нашего изданія, отнюдь еще не слѣдуетъ, что единственное спасеніе мы видимъ въ комментаріяхъ къ древнимъ авторамъ.

Стоя близко къ дѣлу нашего гимназическаго ученія, мы очень хорошо знаемъ слабыя его стороны; но признаемся, въ словахъ г. Кулаковскаго мы не нашли ничего на столько серьезнаго, что побудило бы насъ говорить о недостаткахъ нашей средней школы.

Не менѣе комиченъ и тотъ покровительственный тонъ, съ которымъ г. Кулаковскій принимаетъ подъ свою защиту нашихъ сотрудниковъ изъ числа университетскихъ профессоровъ, „почтенныхъ его товарищей“. Не смотря на злорадный намекъ автора замѣтки, что труды людей съ прочно установившеюся ученою репутаціей, о которыхъ мы писали, могутъ не появиться, „мы, высоко цѣня участіе этихъ лицъ въ нашемъ изданіи, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ заявить, что труды нѣкоторыхъ изъ нихъ уже имѣются въ нашемъ распоряженіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣемъ надѣяться, что они не будутъ на насъ въ претензіи не только за то, что имена ихъ были упомянуты въ инкриминируемомъ циркулярѣ нашемъ, но и за то, что они будутъ упоминаться, по появленіи изданія въ свѣтъ, и въ газетныхъ объявленіяхъ.“

Не имѣя намѣренія далѣе останавливаться на замѣткѣ г. Кулаковскаго, мы недоумѣваемъ, какую цѣль преслѣдовалъ авторъ въ

своихъ нападокъ, какъ на насъ самихъ, такъ и на предпринятое нами, но еще не вышедшее въ свѣтъ изданіе.

Впрочемъ, отъ личныхъ нападокъ никто никогда и нигдѣ не гарантированъ; только отнынѣ мы будемъ знать, какую цѣну можно будетъ намъ придавать всему тому, что будетъ про насъ говорить, писать или печатать г. Ю. Куликовскій, съ которымъ во всякомъ случаѣ мы ни въ какихъ дальнѣйшихъ пререканіяхъ вступать не намѣрены, такъ какъ спорить противъ недоброжелательства, чѣмъ ни было бы оно вызвано, по меньшей мѣрѣ бесполезно. А что замѣтка, вызвавшая нашъ отвѣтъ, подсказана именно чувствомъ недоброжелательства, видно изъ того, что поводомъ къ оцѣнкѣ нашего предпріятія послужило не самое изданіе, а лишь извѣщеніе о немъ, обращенное къ лицамъ, для которыхъ оно можетъ представить особый интересъ по самому роду ихъ занятій.

Левъ Георгіевичъ.

Сергій Маминъ-Сибирскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОВИТЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

II ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

Къ 1-му января 1889 года состояло на лицо въ Варшавскомъ университетѣ слѣдующее число штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 8, доцентовъ 2, лекторовъ 3, всего 20; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 6, доцентовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 3, всего 20; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 2, доцентовъ 2, всего 12; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 1, временныхъ преподавателей 2, прозекторовъ 3, лаборантовъ 2, всего 27. Вообще къ 1-му января 1889 года состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 33, экстраординарныхъ 23, доцентовъ 8, временныхъ преподавателей 2, лекторовъ 3, прозекторовъ 3, астрономовъ 2, лаборантовъ 5,—итого 79 штатныхъ преподавателей. Въ должностяхъ сверхъ штата состояло 6 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 1 лаборантъ, 3 помощника прозектора и 1 приватъ-доцентъ. Такимъ образомъ преподавателей всѣхъ категорій по всѣмъ факультетамъ находилось 94. Вакантными были слѣдующія кафедры: по физико-математическому факультету—агрономической химіи и физической географіи, по юридическому—энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ,

часть ослухни, отд. 4.

по медицинскому—теоретической хирургіи, судебной медицины и терапевтической факультетской клиники; но дѣйствительно лекціи не читались только по агрономической химіи, по остальнымъ же вакантнымъ кафедрамъ чтеніе лекцій поручено было преподавателямъ по другимъ кафедрамъ и двумъ вольнонаемнымъ за особое вознагражденіе.

Въ 1888 году факультеты имѣли слѣдующее число засѣданій: историко-филологическій 13, физико-математическій 14, юридическій 7, медицинскій 21. Измѣненія въ распредѣленіи времени и порядкѣ преподаванія произведены были слѣдующія: по историко-филологическому факультету введено необязательное слушаніе лекцій по санскритскому языку для студентовъ всѣхъ курсовъ, съ одновременнымъ упраздненіемъ особаго, также обязательнаго, курса литовскаго языка. По юридическому факультету преподаваніе исторіи русскаго права перенесено съ II и III курсовъ на I и II курсы, преподаваніе исторіи славянскихъ законодательствъ перенесено съ III и IV курсовъ на II и III курсы, финансовое право опредѣлено излагать одинъ годъ на III курсѣ, вмѣсто преподаванія этого предмета на III и IV курсахъ совмѣстно. Всѣ эти перемѣны вызваны желаніемъ предоставить студентамъ старшихъ курсовъ болѣе свободнаго времени для занятій практическими юридическими предметами. Кромѣ того, относительно преподаванія дополнительныхъ предметовъ введено въ дѣйствіе постановленіе университетскаго совѣта о сведеніи отиѣтокъ въ сводныхъ спискахъ IV курса по русской исторіи въ одну, по всеобщей исторіи въ одну, по исторіи древней и новой философіи въ одну, и по логикѣ и психологіи въ одну; о назначеніи на преподаваніе, при годичномъ курсѣ, въ недѣлю по русской исторіи 4-хъ часовъ, по всеобщей исторіи 4-хъ часовъ, по исторіи философіи, логикѣ и психологіи по 2 часа на каждый предметъ; о предложеніи профессорамъ историко-филологическаго факультета, читающимъ лекціи юристамъ, составлять особыя программы для экзамена юристовъ и сообщать эти программы заблаговременно декану юридическаго факультета. Эти измѣненія относительно преподаванія дополнительныхъ предметовъ вызваны стремленіемъ юридическаго факультета предоставить студентамъ-юристамъ болѣе времени для занятій юридическими предметами, а также желаніемъ болѣе приспособить самое преподаваніе дополнительныхъ предметовъ къ особымъ нуждамъ юридическаго факультета. По медицинскому факультету, для удобства преподаванія, лекціи по нервнымъ болѣзнямъ перенесены съ III на IV курсъ, а лекціи по гигиенѣ съ IV на III курсъ.

Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями приняты были слѣдующія: На историко-филологическомъ факультетѣ: а) практическія занятія со студентами младшихъ двухъ курсовъ по греческому и латинскому языкамъ, состоявшія въ курсорномъ чтеніи классическихъ авторовъ, а равно въ устныхъ и письменныхъ переводахъ на древніе языки; б) практическія занятія по тѣмъ же предметамъ со студентами III и IV курсовъ классическаго отдѣленія, состоявшія въ курсорномъ чтеніи бѣлѣ трудныхъ авторовъ, переводахъ на другіе языки, занятіяхъ стилистическихъ, метрическихъ, діалектическихъ; в) практическія занятія студентовъ III и IV курсовъ по славянской филологіи, состоявшія въ чтеніи и разборѣ памятниковъ и писателей сербскихъ, чешскихъ и польскихъ; г) практическія занятія со студентами III и IV курсовъ историческаго отдѣленія, состоявшія въ чтеніи и объясненіи средневѣковыхъ легендъ, хроникъ и грамотъ, а равно источниковъ польской исторіи XVI вѣка; д) необязательныя занятія въ семинаріяхъ славяно-русскомъ, историческомъ и классическомъ состояли въ составленіи членами семинарій рефератовъ на данныя руководителями темы, разборъ ихъ официальными и частными оппонентами въ засѣданіяхъ семинаріевъ, происходившихъ въ разные назначенные факультетомъ сроки, подъ руководствомъ завѣдующихъ семинаріями профессоровъ; е) студенты всѣхъ курсовъ обязаны въ концѣ учебнаго года представить курсовыя сочиненія на данныя преподавателями, съ одобренія факультета, темы. На физико-математическомъ факультетѣ: по аналитической геометріи предлагались студентамъ задачи для рѣшенія какъ устно въ аудиторіи, такъ и письменно на дому; письменныя рѣшенія разсматривались преподавателемъ и возвращались авторамъ съ поправками и замѣчаніями; въ астрономической обсерваторіи, подъ руководствомъ преподавателя, студенты III и IV курсовъ занимались изслѣдованіями угломѣрныхъ приборовъ и вспомогательныхъ принадлежащихъ имъ частей; кромѣ того, одинъ разъ въ недѣлю, вечеромъ, студенты IV курса занимались наблюденіями переноснымъ пассажнымъ инструментомъ; одинъ изъ студентовъ производилъ спеціальныя наблюденія переноснымъ пассажнымъ инструментомъ Эртеля въ вертикальной полярной для изслѣдованія его устойчивости; въ физической лабораторіи студенты III курса упражнялись, по 3 часа въ недѣлю, тамъ же одинъ изъ магистрантовъ занимался опредѣленіемъ по новому способу угла встрѣчи ртути со стекломъ; химическая лабораторія была открыта

для занятій ежедневно отъ 9 до 4 часовъ, объяснительныя чтенія по аналитической химіи и разъясненія производились профессоромъ по 4 часа въ недѣлю; специальными изслѣдованіями занимались четыре студента: первый—изслѣдованіемъ реакціи азотноватымъ ангидридомъ и углекислыми солями щелочей и щелочныхъ земель, второй—изслѣдывалъ дѣйствіе гальваническаго тока на растворъ солиной кислоты и продукта ея электролиза, третій сдѣлалъ изслѣдованіе газовъ, выдѣляемыхъ грязными сопками и нефтяными скважинами на Кавказѣ, четвертый работалъ надъ изслѣдованіемъ растворимости хлоровато-стронціевой соли и опредѣленіемъ физическихъ постоянныхъ растворовъ, какъ, напримѣръ, удѣльнаго вѣса, коэффициента расширенія, точки замерзанія и т. п.; въ лабораторіи технической химіи, студенты III и IV курсовъ занимались работами по органической химіи; новые научные результаты получены тремя студентами: первымъ—относительно окисленія бутиленовъ изъ вторичнаго іодистаго бутила, вторымъ—относительно окисленія триметилэтена, третьимъ—относительно дѣйствія разведеннаго раствора марганцево-каліевой соли на диметилалликорбиномъ и на гексиленъ изъ миннита; кромѣ того, не окончены изслѣдованія перваго изъ этихъ студентовъ надъ строеніемъ соединеній группы ванилина, и втораго—надъ окисленіемъ коричнаго спирта; въ минералогическо-геогностическомъ кабинетѣ студенты I и II курсовъ занимались измѣреніемъ кристалловъ и опредѣленіемъ минераловъ и горныхъ породъ подъ микроскопомъ, а студенты III и IV курсовъ упражнялись въ опредѣленія ископаемыхъ животныхъ и растений; въ ботаническомъ кабинетѣ студенты IV курса занимались опредѣленіемъ сѣменныхъ и споровыхъ растений и изслѣдованіемъ ихъ морфологическихъ особенностей; въ ботанической лабораторіи студенты II курса занимались изученіемъ строенія растительныхъ тканей и знакомились съ общими приемами микроскопической техники; въ зоологической лабораторіи, въ первомъ полугодіи, велись практическія занятія въ помощь теоретическому курсу, а во второмъ полугодіи занятія и демонстраціи по Protozoa, Coelenterata и Vermes, а также продолжались практическія занятія по общей гистологіи; въ зоотомической лабораторіи велись практическія занятія студентовъ II курса по сравнительной анатоміи. На юридическомъ факультетѣ приняты были тѣ же мѣры, какія практиковались въ прошедшихъ годахъ и оказались весьма цѣлесообразными, именно каждый студентъ былъ обязанъ представить въ теченіе года письменную работу по одному изъ главныхъ предметовъ, читанныхъ на

его курсѣ; лучшія студенческія работы были награждаемы денежными преміями, съ утвержденія совѣта; кромѣ того, студенты I и II курсовъ обязательно слушаютъ совмѣстно съ студентами историко-филологическаго факультета лекціи по всеобщей исторіи, русской исторіи, философіи, логикѣ и психологіи, а студентамъ IV курса читаются профессорами медицинскаго-факультета особые курсы судебной медицины и психіатріи. На медицинскомъ факультетѣ мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ состояли главнымъ образомъ въ практическихъ занятіяхъ, въ свободное отъ лекцій время, въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Такъ, а) въ гистологической лабораторіи 61 студентъ упражнялись въ употребленіи микроскопа и 5 студентовъ занимались самостоятельными научными работами; б) въ кабинетѣ и лабораторіи описательной анатоміи практическія занятія производились ежедневно, а въ теченіе марта и апрѣля студенты I и II курсовъ занимались въ анатомическомъ музеѣ; в) въ лабораторіи медицинской химіи студенты I курса занимались практическими упражненіями въ неорганической химіи, студенты II курса — аналитическою химіей, а студенты старшихъ курсовъ — производствомъ специальныхъ изслѣдованій и главнымъ образомъ качественнымъ и количественнымъ анализомъ выдѣлений клиническихъ больныхъ; г) въ лабораторіи общей патологіи студенты III курса занимались производствомъ разныхъ опытовъ и изслѣдованій, относящихся къ общей патологіи, по одному часу въ недѣлю; кромѣ того, занимались соответственными изслѣдованіями по влагавшемуся имъ необязательному и бесплатному курсу бактериологіи, по часу въ недѣлю; специальными изслѣдованіями занимались 8 студентовъ; д) въ фармакологической лабораторіи студенты III курса занимались практическими упражненіями по фармакологіи, по часу въ недѣлю; е) въ гигиенической лабораторіи студентами IV и V курсовъ производились изслѣдованія воды, воздуха и пищевыхъ веществъ по 2 часа въ недѣлю; ж) въ фармацевтической лабораторіи занимались преимущественно фармацевты II курса, кромѣ положенныхъ по программѣ практическихъ упражненій по аналитической химіи, микроскопическими изслѣдованіями различнаго рода фармакогностическихъ объектовъ; з) въ кабинетѣ оперативной хирургіи студенты IV курса упражнялись въ операціяхъ на трупѣ по 3 часа въ недѣлю; и) въ кабинетѣ офтальмологической клиникки, независимо отъ положенныхъ занятій и участія въ приѣмѣ амбулаторныхъ больныхъ, студенты V курса, раздѣленные на группы, знакомились практически съ гистологіей нормальныхъ и патологич-

чески измѣненныхъ тканей вѣкъ и глазного яблока на заготовленныхъ для этой цѣли препаратахъ, а въ вечернее время упражнялись въ офтальмологическихъ изслѣдованіяхъ на фантомѣ и кроликахъ; і) въ терапевтическо-діагностической клиникѣ студенты III курса занимались обязательно по 10 часовъ въ недѣлю въ вечернее время разнообразными физико-клиническими методами изслѣдованія больныхъ, а также микроскопией, химіей и ларингоскопией и приготовленіемъ лѣкарствъ для всѣхъ больныхъ клиники въ заведенной въ ней аптекѣ; кроме того студенты участвовали въ амбулаторномъ приѣмѣ больныхъ, по 2 часа въ недѣлю, въ утреннее время; к) въ терапевтической факультетской клиникѣ студенты занимались изслѣдованіями въ особенности болѣзней нервной системы, въ представлявшихся случаяхъ и въ весьма рѣдкихъ и поучительныхъ формахъ, и участвовали въ анатомо-патологическихъ вскрытіяхъ, въ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованіяхъ и наконецъ въ приѣмѣ амбулаторныхъ больныхъ; л) въ терапевтической госпитальной клиникѣ студенты IV курса производили наблюденія въ клиническихъ палатахъ у постели больныхъ, и въ клинической лабораторіи, въ которой ими производимы были химическіе и микроскопическіе анализы различнаго рода отдѣленій и выдѣленій больныхъ, причемъ нередко анализы эти, особенно мочи, были производимы не только качественнымъ, но и количественнымъ способами; точно также студенты были руководимы и упражнены въ производствѣ ларингоскопическихъ, электротерапевтическихъ и электродіагностическихъ приѣмовъ и графическаго метода изслѣдованія больныхъ, регистрируя при посредствѣ Марзевскаго полиграфа кривыя движенія сердца, пульса и дыханій, что служило выраженіемъ не только хода и характера патологическихъ состояній, но и дѣйствія употребляемыхъ больными лѣкарственныхъ средствъ; въ дѣлѣ руководства студентовъ при ихъ клиническихъ занятіяхъ профессору помогали 4 ординатора его клиники, что значительно способствовало ходу и успѣху этихъ занятій; м) въ хирургической факультетской клиникѣ студенты IV курса, кроме клиническихъ занятій, занимались практическимъ изученіемъ распознаванія и изученія хирургическихъ болѣзней въ обширномъ значеніи слова, присутствовали при производствѣ операций, а нѣкоторые сами дѣлали операции; производство перевязокъ и обученіе въ способѣ накладыванія различныхъ современныхъ антисептическихъ повязокъ составляло главное и ежедневное занятіе студентовъ; н) въ хирургической госпитальной клиникѣ студенты V курса занимались приѣмомъ, разборомъ, изслѣдованіемъ больныхъ и наблю-

деніемъ за ходомъ болѣзней и послѣдовательнаго лѣченія послѣ операцій, накладывали сами менѣе сложныя повязки и дѣлали всѣ доступныя операціи; въ клиникѣ дѣлались наблюденія надъ новыми перевозочными средствами и испытывались новые способы операцій, между прочимъ, операція для радикальнаго лѣченія грыжъ; о) въ акушерской клиникѣ студенты V курса, раздѣленные на группы, по 4 человѣка каждая, дежурили въ клиникѣ и должны были наблюдать роды, происходившіе за сутки, присутствовать на визитаціяхъ врачами родильницъ, больныхъ женскаго отдѣленія, а равно и на амбулаторномъ приѣмѣ больныхъ, гдѣ они упражнялись въ методахъ гинекологическаго изслѣдованія и діагностики женскихъ болѣзней; п) въ клиникѣ венерическихъ и кожныхъ болѣзней студенты V курса занимались распознаваніемъ, теченіемъ и лѣченіемъ названныхъ болѣзней, при этомъ они особенно упражнялись въ различныхъ методахъ изслѣдованія больныхъ эндоскопомъ, эксплоративными бурами, риноскопомъ, ларингоскопомъ и упражнялись въ химическомъ и микроскопическомъ анализѣ мочи; р) въ кабинетѣ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней студенты V курса работали надъ различными вопросами, касающимися анатоміи и патологіи центральной нервной системы; с) въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ студенты V курса упражнялись въ изслѣдованіяхъ вещественныхъ доказательствъ слѣдовъ преступленій, а равно въ практическихъ занятіяхъ по токсикологіи.

За представленныя на заданія факультетами темы сочиненія удостоены: а) золотой медали — два студента физико-математическаго факультета (одинъ математикъ, другой естествоиспытатель) и два студента медицинскаго факультета; б) серебряной медали — одинъ студентъ историко-филологическаго факультета (по классическому отдѣленію); в) почетнаго отзыва — одинъ студентъ юридическаго факультета. Сочиненія, за которыя присуждены медали и почетный отзывъ — слѣдующія: „Изслѣдованіе различныхъ способовъ рѣшенія задачи Кошера“, „Инфузоріи, живущія на ракообразныхъ рода *Gammarus*, изъ окрестностей гор. Варшавы“, „Вліяніе введенныхъ подъ кожу въ большомъ количествѣ соленыхъ растворовъ на кровь и мочеотдѣленіе“, „О Буколикахъ Виргилія и ихъ отношенія къ Идилліямъ Θεокрита“, „Украинская школа въ польской поэзіи XIX столѣтія и ея представители“.

Къ изданію отъ имени университета одобрены были слѣдующія сочиненія, кромѣ напечатанныхъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: профессоръ: Грота — „Изъ исторіи Угрии и славянства“, Вѣхова —

„Объ источникахъ Г. Светонія Транквила въ біографіяхъ XII Цезарей“, Зилова—, „Краткій курсъ электричества“, Вагнера—, „Бъ реакціи окисленія непредѣльныхъ углеродистыхъ соединений“, Самоквасова—, „Исторія русскаго права“, университетскій курсъ, книга первая, Азаревича,—, „Система римскаго права“, университетскій курсъ, т. II, ч. 1-я.

Изъ преподавателей Варшавскаго университета пріобрѣлъ степень магистра экстраординарный профессоръ по кафедрѣ римской словесности Вѣховъ. Исправляли должности, не имѣя требуемыхъ уставомъ ученыхъ степеней: на историко-филологическомъ факультетѣ — 5 лицъ, на остальныхъ трехъ факультетахъ — по одному лицу на каждомъ.

Командированы были съ ученою цѣлью: а) за границу: профессора: Будиловичъ — для пополненія пробѣловъ въ собранномъ имъ матеріалѣ по разрабатываемому имъ вопросу объ образованіи общихъ литературныхъ языковъ у южныхъ, западныхъ и восточныхъ славянъ въ связи съ аналогическими явленіями другихъ европейскихъ литературъ; Первольфъ — въ Люблину, Загребъ и Бѣлградъ, для осмотра нѣкоторыхъ рукописей и книгъ тамошнихъ библиотекъ; Дьячанъ — для ознакомленія съ новѣйшими трудами по греческой диалектологіи; Павинскій — для ознакомленія съ развитіемъ иностранной исторической литературы за послѣднее время; Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ — для ознакомленія съ международными выставками садоводства, бывшими въ Гентѣ, Барселонѣ, Брюсселѣ и Копенгагенѣ; Лагорио — въ Германію, Францію и Италію, для изслѣдованія и изученія на мѣстѣ вулкановъ, какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ и вулканическихъ явленій; Окольскій — для изученія проекта предстоящей реформы университетовъ въ Австріи, въ особенности же юридическихъ факультетовъ; Лацчинскій - Тумасъ — для ознакомленія въ университетахъ Германіи и Австріи съ новѣйшими успѣхами по фармакологіи, клиникѣ внутреннихъ болѣзней, гидротерапіи и бактериологіи; Ментинъ — для осмотра фармацевтическаго отдѣла промышленной международной выставки въ Брюсселѣ; Стольниковъ — для изученія различныхъ методовъ клиническаго лѣченія; б) внутри Россіи: Барсовъ — для обработки и окончательной редакціи изслѣдованій по вопросамъ, преимущественно историко-географическимъ, княжескаго періода русской исторіи; Трейдосевичъ — въ южныя мѣстности Привислянскаго рая, для геологическихъ изслѣдованій; Самоквасовъ — въ

Кіевъ, въ качествѣ депутата отъ Варшавскаго университета на юбилейное празднованіе 900-лѣтія крещенія Россіи; Блокъ — въ С.-Петербургѣ, для занятій въ Императорской Публичной Библиотекѣ, а также въ другія мѣстности Россіи съ цѣлью пополнить собранныя имъ матеріалы для докторской диссертациі „О современныхъ направленіяхъ научно-философской мысли въ области политики“; Поповъ, Вольфрингъ, Тауберъ, Ястребовъ, Ментинъ, Стольниковъ, Бовальковскій, прозекторъ Троицкій, ординаторъ Нейгебаръ — въ С.-Петербургѣ на третій съѣздъ русскихъ врачей; доцентъ Горбъ-Ромашкевичъ — въ Харьковѣ, для занятій въ библиотекѣ тамошняго университета, а также въ другіе университетскіе города, для пополненія собранныхъ имъ матеріаловъ для магистерской диссертациі; профессоръ Вагнеръ и лаборантъ Лавровъ — въ Люблинскую, Радомскую и Кѣлецкую губерніи для осмотра фабрикъ, копей и рудъ.

На основаніи существующихъ постановленій утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: Нуссбаумъ — зоологій, Семенскій и Лагодковскій — медицины; б) въ степени магистра римской словесности: Вѣховъ; в) въ степени кандидата: историко-филологическаго факультета — 4, физико-математическаго — 9, юридическаго — 17, всего 30; г) въ званіи дѣйствительнаго студента: историко-филологическаго факультета — 13, физико-математическаго — 9, юридическаго — 61, всего 83; д) въ званіи землемѣра I класса — 2, землемѣра II класса — 2. По медицинскому факультету утверждены: въ степени лѣкаря 68, въ званіи инспектора врачебной управы 1, провизора 39, аптекарскаго помощника 112, дантиста 4, повивальной бабки 5.

Студентовъ въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1888 года состояло 1.141, въ 1888 году поступило 381, (изъ гимназій 363, изъ духовныхъ семинарій 17, изъ другихъ учебныхъ заведеній 1), въ теченіе 1888 года вышло 371 (до окончанія курса 188, по окончаніи курса 183), къ 1-му января 1889 года оставалось 1.151; вольнослушателей было: къ 1888 году 113, къ 1889 году 106. Оставшіеся къ 1889 году 1151 студентъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 69, на физико-математическомъ — 153, на юридическомъ — 396, на медицинскомъ — 533, всего на курсахъ: I — 400, II — 280, III — 184, IV — 205, V — 82; б) по исповѣданіямъ — православныхъ 229, римско-католиковъ 754, лютеранъ и реформатовъ 40, евреевъ 121, магоме-

танъ 1; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 509, духовныхъ 108, почетныхъ гражданъ и купцовъ 9, мѣщанъ и разночинцевъ 459, крестьянъ 58, иностранныхъ подданныхъ 8; г) по предварительному образованію—1.062, семинаристовъ 81, изъ другихъ учебныхъ заведеній 8; д) по учебнымъ округамъ, въ конхъ получили первоначальное образованіе—С.-Петербургскаго учебнаго округа 13, Московскаго 1, Казанскаго 4, Харьковскаго 7, Одесскаго 10, Виленскаго 27, Варшавскаго 962, Дерптскаго 14, Кавказскаго 4, Кіевскаго 28, духовныхъ семинарій 28. Въ теченіе 1888 года стипендіи были выданы 202 студентамъ на сумму 39.639 руб. 97 коп., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства 10.500 руб., изъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений 12.687 руб. 62 коп., изъ пожертвованныхъ капиталовъ 13.452 руб. 35 коп., изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 3.000 руб. Лишены были стипендій 26 студентовъ, вслѣдствіе того, что не оказали на переходныхъ испытаніяхъ требуемыхъ правилами успѣховъ для оставленія за ними на дальнѣйшее время стипендій, а именно по историко-филологическому факультету 1, по физико-математическому—3, по юридическому—6, по медицинскому—16. Размѣръ стипендій отъ 50 до 400 руб. включительно. Пособіями воспользовались 272 студента на сумму 3.749 р. 55 коп. на счетъ разныхъ источниковъ. Освобождено отъ платы 108 студентовъ на сумму 5.425 руб. изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій. На всѣ способы вспоможенія студентамъ израсходовано 54.814 руб. 52 коп. При университетѣ оставлены, для приобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней, три лица: два кандидата историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ, послѣдній по кафедрѣ минералогіи, и одинъ провизоръ; для приготовленія къ профессорскому званію, командированы за границу два лица: одно историко-филологическаго, а другое—медицинскаго факультетовъ.

Бюджетъ Варшавскаго университета заключался въ слѣдующемъ: Штатныхъ, изъ средствъ государственнаго казначейства, оставалось отъ 1887 года 8.202 руб. 44 коп., въ 1888 года ассигновано изъ казны 270.679 руб. 73 коп., израсходовано 269.652 руб. 96 коп., осталось на 1889 годъ 9.229 руб. 21 коп. Сбора за слушаніе лекцій оставалось отъ 1887 года 505 руб. 5 коп., въ приходѣ было 73.716 руб. 61 коп., въ расходѣ 61.119 руб. 30 коп., остатокъ на 1889 годъ 13.102 руб. 36 коп. Переходящихъ, именно: а) процентовъ отъ пожертвованныхъ капиталовъ на стипендіи и пособія оставалось отъ 1887 года 6.088 руб. 94 коп., въ приходѣ въ 1888 году было

9.436 руб. 82 коп.; израсходовано 9.461 руб. 9 коп., оставалось на 1889 годъ 6.063 руб. 37 коп., б) сумма, назначенныхъ на вспомо- ществованіе недостаточнымъ студентамъ, оставалось къ началу 1888 года 721 руб. 25 коп., въ приходѣ въ 1888 году было 6.592 руб. 87 коп., въ расходѣ 6.471 руб. 85 коп., къ 1889 году остатокъ былъ 841 руб. 77 коп.

Въ вѣдѣніи Варшавскаго университета состоятъ два учебныя заведенія: институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ и фельдшерская школа. Первое изъ этихъ заведеній состоитъ при акушерской клиникѣ, въ завѣдываніи профессора акушерства съ женскими и дѣтскими болѣзнями въ качествѣ директора института. Къ 1-му января 1888 года состояло въ акушерской школѣ 85 ученицъ, изъ которыхъ на 1-мъ курсѣ 27, на второмъ — 8, изъ нихъ выпущено съ званіемъ повивальной бабки 8, выбыла по домашнимъ обстоя- тельствамъ съ 1-го курса одна ученица. Переведено послѣ соответствен- наго испытанія на 2-й курсъ 26; принято вновь на 1-й курсъ 26; затѣмъ къ 1-му января 1889 состояло: на 1-мъ курсѣ 26, на 2-мъ курсѣ столько же, а всего 52 ученицы. Фельдшерская школа, для образованія гражданскихъ фельдшеровъ, состоитъ въ завѣдываніи старшаго учителя ея; кромѣ него, преподаютъ въ школѣ лекціи еще два учителя и учитель дантистики. Въ 1888 году учениковъ состо- яло 64, изъ которыхъ на 1-мъ курсѣ 31, на 2-мъ 33.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Февраль 1880 года.

Общій совѣтъ парижскихъ факультетовъ только-что отпечаталъ свой ежегодный отчетъ, представляемый имъ министру. Въ этомъ отчетѣ нѣтъ сообщеній о какихъ-либо значительныхъ перемѣнахъ. При физико-математическомъ факультетѣ, благодаря щедрости города Парижа, открытъ новый курсъ—о развитіи органическихъ существъ; кафедра санскритскаго языка и сравнительной грамматики, ставшая вакантною по случаю кончины Бергюна, раздѣлена: лекціи по сравнительной грамматикѣ поручены Анри, а по санскритскому языку—Сильвену Леви; на А. Томѣ возложенъ дополнительный курсъ о языкѣ и о литературѣ южной Франціи; кромѣ того, открыты еще четыре свободные курса при словесномъ факультетѣ. Общее число студентовъ всѣхъ 4 факультетовъ и школы фармацевтовъ мало измѣнилось: въ минувшемъ году было 10.300 студентовъ, а въ нынѣшнемъ 10.375; слѣдовательно, число ихъ увеличилось только на 75 человекъ. На нѣкоторыхъ факультетахъ оказывается много студентовъ-иностранцевъ: такъ, на юридическомъ 182, въ томъ числѣ 52—изъ Румыніи, 20—изъ Турціи, 15—изъ Россіи, 15—изъ Египта; на медицинскомъ 729 студентовъ-иностранцевъ (и изъ нихъ 107 женщинъ), въ томъ числѣ изъ Россіи—150 (преимущественно евреевъ), изъ Южной Америки—139, изъ Египта—71, изъ Румыніи—66, изъ Турціи—66 (большою частью грековъ и болгаръ); на физико-математическомъ факультетѣ 60, въ томъ числѣ 29 русскихъ и 21 румынъ; на словесномъ 66, въ томъ числѣ 9 швейцарцевъ, 6 румынъ, 6 русскихъ, 6 сѣ-

веро-американцевъ, 5 мадьяръ. Въ школахъ фармацевтовъ 23 иностранца. Общее число студентовъ-иностранцевъ на всѣхъ факультетахъ простирается до 1.000. Женщины есть не только на медицинскомъ факультетѣ, но и на другихъ; на медицинскомъ ихъ 121, но изъ нихъ только 14 французенокъ, если не считать готовящихся въ акушерки; на словесномъ факультетѣ 140 студентокъ, а всего 275 студентокъ на всѣхъ факультетахъ. Въ истекшемъ году ихъ было 271. На словесномъ факультетѣ сдано было 8.144 экзамена на бакалавра, на физико-математическомъ—5.852, на юридическомъ—5.623, на медицинскомъ—5.165. Сумма денежныхъ взносовъ за право держанія экзаменовъ при факультетахъ равнялась 2,314.262 франкамъ, а расходы равнялись 3.457.227 франковъ; слѣдовательно, правительство израсходовало на преподаваніе въ парижскихъ факультетахъ сумму въ 1,142.964 франка. Къ отчету факультетовъ приложенъ списокъ темъ, на которыя студенты писали диссертации. Въ словесный факультетъ представлено было 14 диссертаций на получение степени доктора словесности; изъ нихъ три были по иностранной литературѣ: одна (Лоотена) — о голландскомъ поэтѣ Фонделѣ, двѣ другія—о комедіяхъ Мольера въ Германіи (Эргарда) и о поэтѣ Гансѣ Саксѣ (Швейцера).

Свѣдѣнія, полученныя отъ провинціальныхъ факультетовъ, свидѣтельствуютъ объ интересномъ явленіи: лекціи, читаемыя для студентовъ, стала посѣщать публика; такъ было и прежде, но въ последнее время этотъ обычай прекратился было совсѣмъ. Но въ минувшемъ году онъ возобновился: нѣкоторые изъ профессоровъ открыли двери своихъ факультетовъ для публики. Это имѣетъ ту выгоду, что возбуждаетъ научное призваніе въ нѣкоторыхъ свободныхъ слушателяхъ факультетскихъ чтеній; простой слушатель преобразуется въ студента, а студентъ, имѣющій лѣтъ тридцать и болѣе, не всегда худшій ученикъ.

Лѣтъ десять тому назадъ въ Парижѣ учредилось общество для изученія вопросовъ по среднему образованію. Труды этого общества способствовали введенію недавнихъ и пока еще не конченныхъ преобразованій. Оно печатало результаты своихъ занятій въ выходившемъ два раза въ мѣсяцъ журналѣ *L'Université*. По случаю прекращенія этого журнала общество основало свой особый органъ подъ названіемъ *L'Enseignement secondaire*. Редакторъ этого журнала Пижонъ состоитъ профессоромъ словеснаго факультета въ Парижѣ. Въ *L'Enseignement secondaire*, имѣющемъ выходить также два

раза въ мѣсяцъ, будутъ помѣщаться, кромѣ протоколовъ ежемѣсячныхъ засѣданій различныхъ группъ и общихъ собраній общества, статьи по педагогическимъ вопросамъ, хроника преподаванія во Франціи и за границей. Подписная цѣна на журналъ 10 франковъ въ годъ; контора редакціи его помѣщается въ шеюль политическихъ наукъ (27, rue Saint-Guillaume).

Общество это состоитъ изъ депутатовъ, бывшихъ министровъ, банкировъ и людей дѣловыхъ. Предсѣдатель его, Верже, былъ главнымъ правительственнымъ комиссаромъ всемирныхъ выставокъ въ Парижѣ въ 1878 и 1889 годахъ. Программа общества очень опредѣлена. Среднее образованіе, говорится въ ней, — получаемое нынѣ юными французами въ лицейхъ и въ колоніяхъ, не соответствуетъ требованіямъ нынѣшняго времени. Попытки его преобразованія привели только къ тревожному кризису. Поэтому желательно вызвать сильное національное движеніе, которое наконецъ восторжествовало бы надъ старинною рутиной. Система классической школы, основанная на изученіи греческой и латинской древности, завѣщана намъ—говорится далѣе въ программѣ—обществомъ, уже не существующимъ. Тщетно старались примѣнить ее къ обществу современному, прибавляя къ ней всякаго рода знанія. Древніе языки могутъ быть, по мнѣнію, выраженному въ программѣ, замѣнены новыми. Предписывать всякому занятія, необходимыя меньшинству, значитъ—расточать умственное богатство страны, отвращать юношей отъ земледѣлія, промышленности и торговли. Поэтому общество предлагаетъ ввести двѣ системы средняго образованія: одну — для всѣхъ, съ изученіемъ только живыхъ языковъ, и другую, съ болѣе высокимъ курсомъ, съ преподаваніемъ древнихъ языковъ, — только для избранныхъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы эти стремленія отличались особенною новизной. Посмотримъ, однако, что выйдетъ изъ совѣщаній этого общества.

II.

Въ послѣднее время много занимались у насъ вопросомъ о физическомъ воспитаніи юношества. Двѣ книги, только-что вышедшія въ свѣтъ, свидѣтельствуютъ объ этихъ новыхъ стремленіяхъ въ той части французскаго общества, которую интересуютъ педагогическіе вопросы. Одно изъ этихъ сочиненій: „Воспитаніе нашихъ сыновей“ (L'éducation de nos fils) написано докторомъ Жюлемъ Рошаромъ и издано у

Гашетта, другое — „Гигіена тѣлесныхъ упражненій дѣтскаго и юношескаго возраста“ — принадлежитъ доктору Лагранжу (*L'hygiène de l'exercice chez les enfants et les jeunes gens. Librairie Alcan.*).

Рошаръ, бывшій главнымъ инспекторомъ медицинской части флота и членъ медицинской академіи, былъ также въ числѣ членовъ комиссіи, недавно созданной министерствомъ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія мѣръ по преобразованію средняго преподаванія. Книга Рошара излагаетъ отчасти заключенія, къ которымъ пришли гигиенисты — члены этой комиссіи; авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на четыре отдѣла: въ первомъ онъ доказываетъ необходимость школьной реформы и выставляетъ на видъ то, что должно служить ей основаніемъ; во второмъ говоритъ преимущественно о физическомъ воспитаніи, въ третьей разсматриваетъ нравственное воспитаніе съ точки зрѣнія обязательнаго обученія, характера и нравовъ; наконецъ, въ послѣднемъ изучаетъ умственное образованіе. Рошаръ горячо настаиваетъ на необходимости школьной реформы, чтобы дать болѣе широкое мѣсто физическому воспитанію, которымъ до сихъ поръ слишкомъ пренебрегали. Онъ требуетъ сокращенія классныхъ занятій и увеличенія часовъ рекреаціи; по его мнѣнію, школа должна стоять ближе къ семейной жизни, преподаваніе въ ней должно быть упрощено, и преподаваніе теоретическое по возможности замѣнено нагляднымъ. Вообще, книга написана въ умѣренномъ тонѣ, но къ системѣ обученія, нынѣ существующей въ нашихъ лицеехъ, она предъявляетъ очень большія требованія.

Года два тому назадъ я писалъ вамъ о весьма замѣчательномъ трудѣ доктора Лагранжа: „*La Physiologie des exercices du corps*“, имѣвшемъ большой успѣхъ и увѣнчанномъ нашею академіею наукъ. Это сочиненіе переведено было на итальянскій и англійскій языки. Въ нынѣ вышедшей книгѣ тотъ же авторъ старается опредѣлить, какія стороны въ дѣятельности мускульной системы подлежатъ развитію согласно требованіямъ гигиены дѣтскаго и юношескаго возраста. Подобно Рошару, Лагранжъ осуждаетъ нынѣшнее воспитаніе и сѣтуетъ на то, что оно приучаетъ ребенка къ неподвижности, вслѣдствіе чего происходитъ валость его мускульной системы. Тратятъ невѣроятныя суммы, говоритъ онъ, — на приобрѣтеніе превосходнаго оружія и ничего не дѣлаютъ для того, чтобы имѣть людей способныхъ носить его. Лагранжъ требуетъ, чтобы въ школахъ были учителя игръ, которые, по его мнѣнію, столь же необходимы, какъ и учителя различныхъ наукъ. Онъ даетъ весьма любопытныя указанія, основанныя

на данныхъ физиологій, о томъ, какъ должно вести физическія упражненія. Бѣганіе, по его мнѣнію, развиваетъ легкія значительно лучше, чѣмъ гимнастика. Гимнастическія упражненія не должны быть слишкомъ сильныя, и притомъ не должно дѣлать ихъ ни передъ ѣдой, ни послѣ нея. Лагранжъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ играхъ въ Бельгіи и о значеніи, которымъ пользуются тамъ преподаватели игръ. Эта любопытная книга заслуживаетъ вниманія педагоговъ и родителей; вслѣдъ за нею выйдетъ въ свѣтъ томъ о физическихъ упражненіяхъ взрослога человѣка.

Картальякъ, редакторъ извѣстнаго журнала *Материалы для изученія доисторическаго человѣка*, напечаталъ недавно въ „Международной научной библиотекѣ“ (у Алкана) книгу о доисторической Франціи (*La France préhistorique*), сочиненіе, по истинѣ монументальное. Оно вышло въ свѣтъ по случаю десятаго съѣзда по до-исторической антропологій и археологій, состоявшагося въ Парижѣ въ 1889 году. Авторъ трудился надъ своимъ сочиненіемъ весьма долго; при раскопкахъ своихъ онъ открылъ много дольменовъ и пещеръ; ему поручаемы были научныя изысканія въ Испаніи, Португаліи и на Балеарскихъ островахъ. Этотъ его трудъ есть результатъ долгихъ и усидчивыхъ занятій; онъ собралъ въ немъ различныя возникшія въ послѣднее время мнѣнія по вопросу о чловѣкѣ третичной эпохи и затѣмъ представилъ полный обзоръ до-историческихъ древностей Франціи. Сочиненію этому суждено, вѣроятно, имѣть много изданій.

Въ Германіи много занимались раскопками, недавно сдѣланными въ Олимпіи, и тѣми данными, которыя могутъ быть изъ нихъ извлечены для исторіи искусства и общественной жизни древней Греціи. Книжная фирма Кавтента надала книгу, которая знакомитъ французскихъ читателей съ этими вопросами. Это большой томъ въ 4-ку, вышедшій въ свѣтъ только въ 500 экземплярахъ и стоящій 100 франковъ. Написанное Лалу и Монсо, сочиненіе это носитъ слѣдующее названіе: „Возстановленіе Олимпіи, исторія, памятники, религиозныя обряды и празднества“ (*Restauration d'Olympie, l'histoire, les monuments, le culte, les fêtes*). Лалу—бывшій пансіонеръ Французской Римской школы, уже напечатавшій краткую исторію греческой архитектуры; къ настоящему труду онъ приготовилъ себя тѣмъ, что прожилъ въ Олимпіи и изучалъ ее съ 1881 по 1883 годъ. Книга обнаруживаетъ обширность его свѣдѣній, но изложеніе ея не отла-

чается строго-научнымъ характеромъ; рисунки, къ ней приложенные, очень интересны.

Я уже не разъ писалъ вамъ о сочиненіяхъ Симеона Люса по исторіи средневѣковой Франціи. Его біографія Дюгесклена, къ сожалѣнію, все еще не оконченная, его книга о Жаннѣ д'Аркѣ въ Домреми, его прекрасное изданіе Фруассара считаются трудами классическими. Вновь изданное имъ сочиненіе: „Франція во время Столѣтней войны“ (*La France pendant la Guerre de cent ans. Un vol. in 12. Paris. Hachette*) заключаетъ въ себѣ рядъ любопытныхъ частныхъ изслѣдованій, которыя относятся не столько къ политической исторіи, сколько къ описанію частной жизни и нравовъ XIV вѣка. Состоитъ на службѣ при національномъ архивѣ и будучи профессоромъ въ *École des chartes*, С. Люсъ имѣлъ возможность пользоваться множествомъ еще не изданныхъ документовъ, а въ тѣхъ, которые были уже напечатаны, сдѣлалъ весьма остроумныя исправленія чрезъ сличеніе съ подлинниками. Назову особенно интересныя этюды: *Hôtel-Dieu* въ Парижѣ въ царствованіе Карла V; народныя игры и развлеченія въ XIV вѣкѣ; евреи въ царствованіе Карла V; пища парижскихъ монастырей той же эпохи; о пользованіи собаками во время войны, какъ крѣпостною стражею. Всѣ эти монографіи написаны интересно и читаются съ удовольствіемъ. Желательно, чтобы Симеонъ Люсъ не замедлилъ выпустить въ свѣтъ второй томъ своей исторіи Дюгесклена.

Абель Люшеръ занимается также средневѣковою Франціей. Его сочиненія были уже дважды увѣнчаны Академіей надписей и изящной словесности и Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ. Особенно высоко цѣнится его „Исторія монархическихъ учрежденій Франціи времени первыхъ Капетинговъ“ и его книги о короляхъ Людовикѣ VI и Людовикѣ VII. Только что вышедшее его сочиненіе о французскихъ общинахъ во времена Капетинговъ (*Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs*) содержитъ въ себѣ курсъ, читанный имъ въ Сорбоннѣ. Вопросы, имъ затронутые, весьма сложны и мало разработаны. Онъ разсматриваетъ различныя теоріи о происхожденіи общинъ, какимъ образомъ устроились городскія и сельскія коммуны, какія давались имъ грамоты, какъ организовались ихъ управленіе, милиція, финансы, какія отношенія существовали между общинами, феодальными владѣтелями, церковью и королевскою властью.

Еще одно весьма важное сочиненіе по исторіи средневѣковой Франціи издано Полемъ Виоле: „Исторія французскихъ учреждений
часть сохуш, отд. 4.

общественныхъ и административныхъ". Поль Виоле состоитъ бібліотекаремъ школы правовѣдѣнія въ Парижѣ и членомъ института; это ученый столь же скромный, сколько и трудолюбивый. Имъ изданъ былъ въ 1886 году „Очеркъ исторіи французскаго права“, утвержденный Академіей надписей. Теперь онъ приступилъ къ разработкѣ исторіи нашего стариннаго общественнаго устройства. Это его сочиненіе (напечатанное у Лароза и Форсела) составитъ два тома и должно обнять собою четыре историческіе періода: галльскій, галло-римскій, франкскій и французскій. Первый томъ, только что появившійся въ продажѣ, заключаетъ въ себѣ періоды галльскій, галло-римскій и франкскій. Авторъ излагаетъ все, что извѣстно о галльскомъ управленіи, о римскомъ городѣ и о латинскомъ правѣ, о римскомъ управленіи; о значеніи христіанскаго и варварскаго элементовъ; приступая затѣмъ къ періоду Карловинговъ, онъ изучаетъ королевскую власть, значеніе мѣстныхъ учреждений, церкви и происхожденіе феодализма. Къ каждому тому приложенъ бібліографическій указатель.

Функъ-Брентано, профессоръ школы политическихъ наукъ, состоитъ въ то же время на службѣ при министерствѣ финансовъ; онъ предпринялъ познакомить читателей съ однимъ изъ нашихъ забытыхъ писателей-экономистовъ, Антуаномъ де-Монкретьеномъ, написавшемъ первое на французскомъ языкѣ сочиненіе по политической экономіи. Трудъ Монкретьена, появившійся впервые въ Руанѣ въ 1615 году, былъ забытъ, и имя его упоминалось только въ исторіи литературы, какъ автора нѣсколькихъ трагедій. Вслѣдствіе дуэли Монкретьенъ долженъ былъ бѣжать въ Англію въ 1615 году. Проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ пораженъ удивительнымъ развитіемъ торговли и промышленности въ этой странѣ. По возвращеніи во Францію онъ напечаталъ политико-экономическій трактатъ и посвятилъ его королю; въ сочиненіи своемъ онъ говоритъ о промышленности, торговлѣ, мореплаваніи и о „попеченіяхъ государя“. Книга написана слогомъ ораторскимъ и цвѣтистымъ, дѣлающимъ чтеніе ея нѣсколько утомительнымъ, но если преодолѣть это затрудненіе, то нельзя не поражаться глубиной наблюденій и богатствомъ знаній ея автора. Онъ изучаетъ вопросы политической экономіи не съ соображеніемъ точки зрѣнія, а съ исключительно практической. Въ своемъ учебномъ введеніи къ книгѣ Монкретьена Функъ Брентано прекрасно освѣтилъ вѣрность и оригинальность сужденій автора, выведеннаго имъ изъ забвенія. Въ этомъ введеніи онъ даетъ любопытный очеркъ

общественнаго и экономическаго устройства Франціи отъ начала ея до 1789 года. Сочиненіе Монкретьена освѣщаетъ одну изъ любопытѣйшихъ сторонъ въ исторіи XVII вѣка, исторіи, которую всѣ, по видимому, знаютъ, но многія подробности которой все еще не разработаны.

Вышелъ новый томъ собранія „Инструкцій, данныхъ Французскимъ посламъ и посланникамъ, со времени Вестфальскаго договора до французской революціи“, печатаемыхъ подъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ отношенія къ дворамъ небольшихъ нѣмецкихъ государствъ—Баваріи, Пфальца, Цвейбрикена; онъ изданъ А. Лебономъ, профессоромъ школы политическихъ наукъ и начальникомъ канцеларіи президента сената. Главный предметъ, составляющій содержаніе только что вышедшаго тома, это—отношенія Франціи къ Баваріи, съ одной стороны, и сей послѣдней къ Австрійскому дому—съ другой. Въ другомъ изданіи, также печатаемомъ подъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и носящемъ названіе „Аналитическаго инвентаря архивовъ“ этого министерства, Жанъ Колекъ напечаталъ бумаги Бартеlemi, бывшаго французскаго посланника въ Швейцаріи съ 1792 по 1797 годъ. Четвертый томъ этого сборника документовъ, только что появившійся въ свѣтъ, касается событій съ апрѣля 1794 до февраля 1785 года.

Въ „Собраніи великихъ французскихъ писателей“ Морисъ Палеологъ напечаталъ эпизодъ о Вовенаргѣ. Еще молодой писатель, Палеологъ заявилъ о себѣ нѣсколькими статьями, помѣщенными въ *Revue des Deux Mondes*. Онъ очень хорошо понялъ характеръ и талантъ Вовенарга, этого солдата-философа умершаго 32 лѣтъ отъ роду. Если Вовенаргъ не стоитъ въ ряду великихъ гениевъ нашей литературы, то занимаетъ почетное мѣсто не далеко отъ нихъ. Другъ Вольтера, онъ въ нѣкоторой степени былъ предшественникомъ Руссо. Онъ не могъ знать его, но онъ мыслилъ какъ Руссо и писалъ въ той же манерѣ, хотъ и совершенно оригинально. Подобно женевскому философу. Вовенаргъ, не былъ ученикомъ ни Поръ-Рояля, ни иезуитовъ, ни парижскихъ коллегій. Онъ развивался самобытно, въ одиночествѣ. Палеологъ прекрасно освѣтилъ это сходство. Къ сожалѣнію, Вовенаргъ умеръ слишкомъ рано, и талантъ его не достигъ зрѣлости. Но, характеръ его значительно выше, чѣмъ характеръ Руссо.

Изъ сочиненій, относящихся къ географіи, укажу прежде всего

на два тома адмирала Жюрьена де ла Гравіера: „Англичане и голландцы въ полярныхъ моряхъ и въ Индѣйскомъ океанѣ“ (Les Anglais et les Hollandais dans les mers polaires et dans la mer des Indes. 2 vol. in 8°. Librairie Plon). По истинѣ неутомимый, адмиралъ Жюрьенъ де ла Гравіеръ состоитъ членомъ Французской академіи и Академіи наукъ. Въ какія-нибудь десять лѣтъ онъ издалъ не менѣе двадцати-четырехъ томовъ. Онъ пишетъ слогомъ живымъ, нѣсколько романтическимъ, но правящимся большинству. Книгу свою онъ начинаетъ описаніемъ путешествія Фробихера, предпринятымъ въ концѣ XVI вѣка съ цѣлью открыть Китай; говоритъ между прочимъ о покореніи Сибири Ермакомъ, затѣмъ объ экспедиціяхъ португальцевъ въ Гоа, о кампаніи Кевендиша, о путешествіи голландца Баренца, погибшаго въ Ледовитомъ океанѣ, объ экспедиціяхъ голландцевъ въ Яву, Чили, Японію, Мадагаскаръ и Китай, наконецъ — объ экспедиціи Гудсона къ морю, которому онъ оставилъ свое имя. Благодаря своему высокому положенію во флотѣ, авторъ пользовался многими малоизвѣстными документами.

Адмиралъ Жюрьенъ де ла Гравіеръ считается историографомъ большихъ морскихъ экспедицій, а Викторъ Геренъ слыветъ историографомъ и географомъ Палестины. Бывшій ученикъ Французской школы въ Авиннахъ, онъ посѣтилъ востокъ въ первый разъ въ 1852 году; въ 1854 году онъ ѣздилъ на островъ Родосъ по возложенному на него ученому порученію; затѣмъ посылалъ былъ въ Египетъ, въ Нубію, въ Тунисъ. Въ 1863, 1870 и 1875 годахъ онъ ѣздилъ съ ученою цѣлью въ Палестину. Изъ этихъ путешествій онъ привезъ цѣлую серію значительныхъ трудовъ: Описаніе Патмоса и Самоса, археологическое путешествіе въ Тунисское регенство, географическое, историческое и археологическое описаніе Палестины и книгу „Святая Земля“, великолѣпно изданную въ двухъ томахъ въ 4-ку, за которую получалъ премію отъ Французской академіи. По случаю еще одного путешествія въ Іерусалимъ онъ предпринялъ написать еще новую монографію: „Святой градъ Іерусалимъ, его исторія, описаніе и духовныя учрежденія“. Историческая часть этой монографіи, весьма серьезно обработанная, занимаетъ собою почти половину книги; въ описаніи города говорится о постепенномъ видоизмѣненіи его отъ самаго отдаленнаго времени и до нашихъ дней; будучи горячимъ католикомъ, онъ описываетъ преимущественно католическія духовныя учрежденія; къ этой добросовѣстно написанной монографіи приложенъ хорошій планъ Іерусалима.

По поводу путешествія Стенли во Франціи вышло нѣсколько изданій: „Освобожденіе Эмина-Паша по англійскому сочиненію Кельти“, библиотекаря Лондонскаго географическаго общества (*La délivrance d'Émin-Pacha d'après un volume anglais de m. Keltie*) издано у Гашетта, и такая же книга издана у Кантена.

Д-ръ Гаи напечаталъ обширную записку о старинной картографіи сѣверной Европы (у Леру). Эта книга особенно любопытна для вашихъ географовъ. Въ ней воспроизведены нѣкоторыя карты средне-вѣковой эпохи.

Въ лицѣ Эрнеста Авэ мы недавно утратили одного изъ выдающихся нашихъ ученыхъ. Бывшій ученикъ нормальной школы, онъ былъ назначенъ въ Сорбонну адъюнктъ-профессоромъ латинскаго краснорѣчія. Въ 1855 году онъ сдѣлался профессоромъ по той же кафедрѣ во Французской коллегіи, а въ 1880 году былъ избранъ въ члены Академіи нравственныхъ наукъ. Въ 1852 году онъ напечаталъ первое свое сочиненіе — о „Мысляхъ“ Паскаля, выдержавшее съ тѣхъ поръ много изданій. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ написалъ „Этюды о происхожденіи христіанства“ (4 тома въ 8-ку), гдѣ онъ старается объяснить христіанскія доктрины вліяніемъ эллинизма. Онъ оставилъ еще ученые записки о риторикѣ Аристотела и о сочиненіяхъ Вероза и Маневона. Эрнестъ Авэ былъ отцомъ Луи Авэ, теперешняго профессора латинской филологіи во Французской коллегіи.

Л. Л-ръ.

И. В. ГАВРИЛОВЪ.

(Некрологъ).

24-го января текущаго года, въ селѣ Тоснѣ, въ 50 верстахъ отъ Петербурга, скончался известный педагогъ Иванъ Васильевичъ Гавриловъ.

И. В. Гавриловъ, сынъ священника области войска Донскаго, родился въ 1837 году. По окончаніи курса въ Саратовской духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Главный педагогическій институтъ, а по закрытіи сего послѣдняго перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1861 г. со степенью кандидата. Съ небольшимъ два года И. В. Гавриловъ преподавалъ географію и исторію въ Маріинскомъ Донскомъ институтѣ, но результаты преподаванія этихъ предметовъ не удовлетворяли его, и въ 1865 г. онъ сдѣлался преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Тульской гимназіи.

Въ 1870 г. И. В. Гавриловъ былъ избранъ въ наставники-руководители въ гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, и въ этой должности оставался до начала своей тяжелой болѣзни, именно до февраля 1887 г. Практическое руководство студентами въ преподаваніи главныхъ предметовъ гимназическаго курса было у насъ дѣломъ почти новымъ, и много нужно было опыта и труда, чтобы поставить его на надлежащую высоту. Особенно же было трудно руководство по отечественному языку, ибо не только наша школьная практика, но даже и нѣмецкая, не выработали точныхъ и опредѣленныхъ приемовъ преподаванія этого предмета. Не смотря на трудности, И. В. Гавриловъ поставилъ это дѣло на желательную высоту: студенты,

вышедшіе изъ-подъ его руководства и сами сдѣлавшіеся преподавателями, съ самаго начала своей дѣятельности оказывались уже не новичками. Какъ опытный и искусный преподаватель, И. В. Гавриловъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе интересующихся дѣломъ обученія, и потому удостоился чести преподавать русскій языкъ Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Павлу Александровичу и Петру Николаевичу.

Находясь еще въ университетѣ, И. В. Гавриловъ перевелъ съ нѣмецкаго нѣсколько статей для журнала Воспитаніе, который издавался подъ редакціей г. Чуикова. Сдѣлавшись преподавателемъ русскаго языка и словесности, онъ помѣщалъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія разныя статьи по общимъ педагогическимъ вопросамъ, а равно и критическіе разборы учебниковъ. Изъ этихъ статей упомянемъ слѣдующія: 1) „По вопросу о малоуспѣшныхъ ученикахъ нашихъ гимназій“ (1868); 2) „Первые уроки церковно-славянскаго языка. По поводу Этимологіи русскаго и церковно-славянскаго языка Поливанова“ (1868); 3) „Лицей Цесаревича Николая“ (подъ литерою Z, 1871); 4) „Латинская этимологія въ соединеніи съ русскою для переводовъ низшихъ классовъ“, по поводу учебника лицея Цесаревича Николая“ (1871).

Отдѣльно изданы слѣдующіе учебно-литературные труды И. В. Гаврилова: 1) Письменные упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (три изданія; изъ нихъ послѣднее: С.-Пб. 1884); 2) Матеріалы для письменныхъ упражненій въ старшихъ классахъ гимназій. Вып. I. С.-Пб. 1886; 3) Стилистическія задачи для низшихъ и среднихъ классовъ (пять изданій; изъ нихъ послѣднее: С.-Пб. 1885); 4) Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ хрестоматіи. С.-Пб. 1875. Труды эти до сихъ поръ пользуются большою распространенностью въ учебномъ мѣрѣ.

и злое, большое и малое. 7. Итакъ, этотъ неопредѣленно коснулся остального, Пиеагорейцы же установили, и сколько противоположностей, и какія они. 8. У послѣднихъ и у него, слѣдовательно, можно найдти, что начала сущаго суть противоположности, а сколько ихъ и какія они, это нужно искать у другихъ ¹⁾. Однако какимъ образомъ къ названнымъ нами причинамъ возможно съести [эти начала], все это не разграничено у нихъ ясно и послѣдовательно ²⁾. Кажется, что стихіи они устанавливали въ видѣ матеріи. Именно, они утверждаютъ, что сущность состоитъ и образована изъ нихъ, какъ изъ присущихъ ей изначала.

9. Итакъ, изъ этого достаточно можно уразумѣть образъ мыслей древнихъ [философовъ], и притомъ признававшихъ болѣе [чѣмъ одну] стихію природы (στοιχεῖον). Но есть такіе, которые относительно вселенной высказались такъ, какъ будто бы одна была природа, но не всё одинаково хорошо и сообразно съ дѣйствительностью ³⁾. Но къ настоящему разсмотрѣнію причинныхъ основъ нѣкомъ образомъ не подходитъ рѣчь объ нихъ. Ибо они не какъ нѣкоторые изъ физиковъ, которые, полагая сущее единымъ, однако все производятъ изъ него, какъ изъ матеріи, но иначе учатъ. Именно тѣ придаютъ [сущему] движеніе, заставляя все происходить, а эти утверждаютъ, что оно неподвижно. 10. Однако кое-что, по крайней мѣрѣ, умѣстно сказать [о нихъ] въ настоящемъ изслѣдованіи. Парменидъ касался понятія „единого“, кажется, съ точки зрѣнія разума, а Мелиссъ ⁴⁾ [смотрѣлъ

¹⁾ То-есть, у другой части Пиеагорейцевъ, о которыхъ говорилось въ ст. 6-мъ.

²⁾ То-есть, у Пиеагорейцевъ все это такъ не ясно, что Аристотель затрудняется прировнять ихъ элементы къ которой-либо изъ своихъ причинъ.

³⁾ Это говорится объ Элейцахъ.

⁴⁾ Мелиссъ Самосскій (жилъ въ V ст. до Р. X.) былъ въ одно и то же время философомъ и политическимъ дѣвателемъ. Въ философіи онъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Парменида и, какъ іоніецъ, направилъ два свои сочиненія: „Περὶ τοῦ ὄντος“ и „Περὶ φύσεως“ по преимуществу къ опроверженію іонійской школы философіи. Отъ этихъ сочиненій остались очень немногочисленные отрывки. Свое отрицаніе движенія онъ основывалъ на томъ, что въ природѣ нѣтъ пустоты, которая необходима для него, а возраженіе противъ измѣняемости онъ основывалъ на томъ, что при измѣненіи нѣчто должно исчезать (именно то, что было и чего болѣе нѣтъ въ измѣненномъ), и еслибы это дѣйствительно имѣло мѣсто въ природѣ, то по истеченіи нѣкотораго времени она все, по частямъ, должна была бы исчезнуть. Нѣсколько ниже, въ ст. 11 Аристотель говоритъ о Мелиссѣ, что его сужденія грубы и не нуждаются въ разборѣ. Тотъ же отзывъ о немъ онъ высказалъ въ „Физикѣ“, кн. I, гл. 2.

на него] съ матеріальной точки зрѣнія. Поэтому-то одинъ утверждаетъ, что оно ограничено, а другой, что оно безпредѣльно ¹⁾. Ксенофанъ же ²⁾ прежде нихъ (ибо Парменидъ, говорятъ, ученикъ его), объединивши (ένίστας) [природу], ничего однако не разъяснилъ и даже, по видимому, не коснулся вопроса о природѣ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, по обративши взоръ на цѣлое небо, утверждаетъ, что „единое есть Богъ“. 11. Итакъ, этихъ, какъ мы сказали, нужно оставить въ сторонѣ при настоящемъ изысканіи, а двохъ изъ нихъ и подавно, такъ какъ они нѣсколько грубо рассуждаютъ, именно Ксенофана и Меллисса.

Парменидъ же, кажется, какъ бы проникательнѣе учитъ, ибо полагая совершенно невозможныиъ, чтобы сверхъ сущаго было не сущее ³⁾, онъ думаетъ, что сущее по необходимости едино, и ничего

¹⁾ Ученіе Меллисса о безпредѣльности единаго сущаго вытекало прямо изъ матеріальнаго представленія о немъ, а взглядъ Парменида на его ограниченность вытекалъ изъ его понятія о единомъ, какъ только мыслкомъ, идеальномъ существѣ. Это противорѣчитъ обычнымъ нашимъ понятіямъ о матеріальномъ и идеальномъ, но совершенно согласуется съ древними представленіями, по которымъ, все вещественное есть неопредѣленное и безкачественное, а все идеальное ограничено и опредѣлено (числа Пифагорейцевъ, идеи Платона, начало формальное самого Аристотеля).

²⁾ Ксенофанъ (жилъ между 580 и 470 гг. до Р. Х.) былъ родомъ изъ Колофона, іонійской колоніи на берегахъ Милой Азіи. Онъ основалъ элейскую школу философіи, которой высшимъ представителемъ былъ Парменидъ. Аристотель съ неувѣренностью называетъ его ученикомъ Ксенофана. Этой неувѣренности уже нѣтъ и слѣда у позднѣйшихъ писателей.

³⁾ Отрицаніе небытія, впервые высказанное Элейцами, имѣетъ за себя такіе доводы, которые и теперь, послѣ столькихъ вѣковъ философской работы, едва ли основательно поколеблены. Оно основывается на нѣкоторомъ явномъ логическомъ прѣтворѣчии, которое тотчасъ сказывается во всякой попыткѣ высказывать дѣйствительность небытія. И въ самомъ дѣлѣ: *если несуществованіе есть, слѣдовательно, оно существуетъ, то-есть, заключаетъ въ себя существованіе, и, не заключаая ничего другого, есть существованіе, то-есть, несуществованія нѣтъ, а есть только существованіе*. Необходимость признать эту истину (она уничтожаетъ возможность измѣненія) всегда побѣждала тѣхъ, что вѣсто понятій „небытія“ подставляли другое, не настоящее понятіе „пустоты“ или еще „отрицанія“. Такимъ образомъ и Левкиппъ съ Демокритомъ, признавъ существованіе пустоты между атомами, конечно, не преодолѣли сомнѣнія Элейцевъ, но лишь скрыли его подъ новымъ понятіемъ, будто бы тождественнымъ съ понятіемъ небытія, въ дѣйствительности же совершенно отъ него отличнымъ. Болѣе, нежели каковыя другія понятія, затрудненіе признать небытіе и съ нимъ измѣненіе преодолевается понятіемъ потенціальности, какъ перехода отъ возможнаго къ дѣйствительному, отъ нѣкоторой особой формы полусуществованія къ формѣ

нѣтъ другаго, о чемъ подробнѣе мы уже сказали въ сочиненіи „О природѣ“. Но будучи принужденъ идти вслѣдъ за явленіями видимаго міра и полагая, что единое существуетъ согласно съ разумомъ, а многое согласно съ [свидѣтельствомъ] чувствъ, онъ снова устанавливаетъ двѣ причины и два начала, теплое и холодное, какъ бы разумнаго огонь и землю. А изъ этихъ двухъ началъ одно, именно теплое, ставитъ въ соотвѣтствіе съ сущимъ, а другое съ не сущимъ.

12. Итакъ, вотъ что мы нашли у названныхъ и вступившихъ на путь разумнаго изслѣдованія мудрецовъ: у древнѣйшихъ изъ нихъ мы нашли тѣлесное начало (βλη)—вѣдь вода, огонь и т. п. суть тѣла,—и притомъ у однихъ изъ нихъ одно, у другихъ больше одного тѣлесныхъ началъ, однако у тѣхъ и у другихъ всетаки въ видѣ матеріи. А нѣкоторые, принявши эту причину, прибавили къ ней и ту, откуда движеніе, при чемъ послѣднюю одни считали единичною, другіе двойственною. 13. Итакъ, до италиковъ и кромѣ нихъ прочіе слишкомъ не много высказывались о двухъ началахъ, исключая того, что, какъ мы сказали, они пользовались двумя причинами и изъ нихъ вторую, то-есть, причину движенія, принимали то за одну, то за двѣ. Что же касается Пифагорейцевъ, то они точно также признали два начала, но они прибавили—это и составляетъ ихъ отличительную особенность—что ограниченное, безпредѣльное, единое не суть каждое особую природой, какъ напримѣръ, огонь, земля или иное что подобное, но что само безпредѣльное и само единое есть сущность того, чему они приписываются, какъ атрибуты. Вслѣдствіе этого сущность всего и есть число. 14. Высказавшись такимъ образомъ по этимъ вопросамъ, они начали разсуждать и опредѣлять, что есть вещь сама по себѣ (τὸ τί ἑστί), но занимались этимъ слишкомъ безыскусно. Ибо они въ своихъ опредѣленіяхъ были поверхностны, и въ чемъ первомъ оказывалось данное опредѣленіе ¹⁾, то и считали они сущностью вещи, подобно тому, какъ еслибы кто думалъ, что двойное и два одно и то же, основываясь на томъ, что въ основѣ

многаго существованія черезъ образующій процессъ. Но и это понятіе, сводящее въ концѣ концовъ движеніе вещества къ нѣкоторой механикѣ образовъ и мыслей, далеко не разрѣшаетъ всѣхъ трудностей вопроса.

¹⁾ Объясняя это мѣсто Аристотели привѣромъ, Александръ Аеродизскій говоритъ: Пифагорейцы объясняютъ любовь равенствомъ и, принимая первое число, которое разлагается на равные множители, говорятъ, что это число есть любовь. А въ ряду чиселъ такимъ прежде всего является 4, ибо оно равно 2×2 ; откуда любовь они обозначаютъ числомъ четыре.

двухъ лежитъ прежде всего двойное. Но вѣдь быть двойнымъ и двумя бываетъ, я думаю, не одно и то же. Если же не принимать этого въ расчетъ, то одно стаетъ многимъ, какъ это и случилось у нихъ. Итакъ, вотъ что можно найти у вышесказанныхъ и остальныхъ философовъ.

VI.

1. Послѣ названныхъ философій появилось ученіе Платона, во многомъ слѣдующее Пифагорейцамъ, но имѣющее также и особенности сравнительно съ философіей италиковъ. Ибо въ молодости познакомившись сперва съ Кратиломъ ¹⁾ и съ Гераклитовыми мнѣніями ²⁾, что все чувственно постигаемое постоянно течетъ и объ немъ нѣтъ истиннаго знанія, онъ и потомъ держался такого же взгляда на это. А когда Сократъ сталъ заниматься этикой и хотя цѣлой природы вовсе не касался, но въ этикѣ всетаки искалъ всеобщаго и впервые направилъ мышленіе на опредѣленія, то онъ одобрявши его въ этомъ самомъ, пришелъ къ мысли, что опредѣленія строятся относительно другаго чего-то, а не относительно чего-нибудь изъ чувственно воспринимаемаго; ибо общее опредѣленіе чего-либо чувственно воспринимаемаго не возможно, такъ какъ послѣднее вѣдь постоянно видоизмѣняется. 2. И вотъ это-то опредѣляемое во всемъ сущемъ онъ и назвалъ идеями; а все чувственно воспринимаемое, по его мнѣнію, разумѣется рядомъ съ этимъ и сообразно съ этимъ (κατὰ ταῦτα καὶ κατὰ ταῦτα). Ибо въ соучастіи [съ идеями] находится большая часть того, что объединено видовымъ названіемъ ³⁾. [Говоря] же „соучастіе“, онъ перемѣнилъ только названіе; ибо Пифагорейцы говорятъ, что „подражаніемъ“ числамъ существуетъ все, Пла-

¹⁾ Кратилъ былъ ученикъ Гераклита. Мысль послѣдняго, что все вѣчно измѣняется и о немъ не можетъ быть истиннаго познанія, онъ проводилъ еще далѣе, говоря, что никакое человеческое слово не выражаетъ истины, потому что оно всегда стремится выразить некоторое внутреннее состояніе нашей души, которое въ моментъ произнесенія слова является уже прошедшимъ. Платонъ, который въ молодости былъ слушателемъ Кратила, впоследствии назвалъ его именемъ одинъ изъ своихъ диалоговъ, посвященный разсмотрѣнію сущности человѣческой рѣчи.

²⁾ Ниже, въ кн. XIII, гл. 4, Аристотель будетъ подробно разбирать ученіе Гераклита.

³⁾ τὰ πολλὰ τῶν οὐκ ἐπινοητῶν τοῖς εἰδεσὶ—большая часть ἐπινοητῶν, то-есть, одноименнаго по принадлежності къ одному виду.

тонъ же, перемѣнивъ имя, говорилъ, что „соучастиемъ“ (μέθεξις). Однако будетъ ли то соучастіе или подражаніе видамъ, [вопросъ], каково именно оно могло бы быть, они оставили не рѣшеннымъ ¹⁾. 3. Кромѣ чувственно воспринимаемаго и кромѣ видовъ существуютъ, говоритъ онъ, математическія представленія ²⁾ вещей, [какъ нѣчто] среднее (μετάξι), отличающъ отъ чувственно воспринимаемаго тѣмъ, что они вѣчны и неподвижны, и отъ видовъ тѣмъ, что ихъ много подобныхъ ³⁾, а каждый видъ самъ по себѣ одинъ только. А такъ какъ виды суть основныя причины для прочаго, то онъ и думалъ, что стихіи (στοιχεῖα) ихъ суть стихіи всего сущаго. 4. Итакъ, въ смыслѣ матеріи началами служатъ великое и малое ⁴⁾, а въ смыслѣ сущности единое. Ибо изъ нихъ ⁵⁾, по мѣрѣ соучастія съ единымъ, виды становятся (αἴτιας) числами. А что единое служитъ сущностью, а не другое что-либо существующее считается единымъ ⁶⁾, это онъ говорилъ сходно съ Пифагорейцами; съ ними онъ согласенъ, что и числа суть причинныя основы сущности для всего прочаго. А что вѣсто безграничнаго, какъ единаго, онъ поставилъ двойственность (δual:), а безпредѣльное [выводилъ] изъ большаго и малаго—это его особенность. Наконецъ онъ утверждаетъ, что числа стоятъ рядомъ съ чувственно воспринимаемымъ, они же—что самыя вещи суть числа, и поэтому математическія понятія они не помѣщаютъ между этими (то-есть, вещами и видами). 5. А единое и числа онъ поставилъ рядомъ съ вещами, а не какъ Пифагорейцы, и ввелъ виды вслѣдствіе разсмотрѣнія вопросовъ въ рѣчахъ (ἐν τοῖς λόγοις),—ибо предшественники его не примѣняли діалектики ⁷⁾; другому же началу, матері-

¹⁾ Это можно сказать о Пифагорейцахъ и ихъ не развитомъ, не выискиваемомъ во всей полнотѣ ученіи, но едва ли было бы справедливо сказать о Платонѣ, который въ своихъ важнѣйшихъ діалогахъ „Парменидъ“ и „Тимей“ выискиваетъ отношеніе идей къ вещамъ и между собою. Аристотель могъ считать эти выискиванія только недостаточными, но не утверждать, что ихъ нѣтъ.

²⁾ Въ текстѣ просто τὰ μαθηματικά.

³⁾ Александръ Аеродивскій въ своемъ комментаріи приводитъ примѣръ треугольниковъ и четырехугольниковъ, которые могутъ быть весьма многочисленны по различію въ своихъ сторонахъ и углахъ, между тѣмъ какъ идея треугольника или четырехугольника одна. Кромѣ того, Аристотель говоритъ, что τὰ μαθηματικά лишь подобны между собою, но не тождественны.

⁴⁾ Ниже, въ кн. III, гл. 8, Аристотель подробно говоритъ о значеніи въ философіи Платона понятій большаго и малаго.

⁵⁾ То-есть, изъ большаго и малаго.

⁶⁾ Потому, что тогда единство стало бы простымъ атрибутомъ.

⁷⁾ Въ кн. XIII, гл. 4 Мет., Аристотель обработку діалектики приписываетъ Сократу, до котораго она не имѣла никакого значенія.

альному (φύσις) онъ придаѣлъ двойственность потому, что числа, за исключеніемъ первыхъ ¹⁾, очень удобно производятся изъ нея, какъ бы изъ какого-то отпечатка. 6. Однакоже въ дѣйствительности бываетъ на оборотъ; ибо это было бы не согласно съ разумомъ. Именно числа дѣлаютъ изъ вещества многое, видъ же за одинъ разъ рождаетъ только одно. Такъ изъ одного вещества выходитъ одинъ столъ, а тотъ, кто принимаетъ еще видъ, какъ бы дѣлаетъ многіе столы, хотя [въ дѣйствительности столъ] одинъ ²⁾. Такимъ же образомъ и мужское относится къ женскому: ибо послѣднее оплодотворяется однимъ соитіемъ, а мужское оплодотворяетъ многихъ ³⁾. Однако въдѣ этотъ примѣръ служить подражаніемъ ихъ началамъ.

7. Итакъ, вотъ какія Платонъ далъ опредѣленія относительно некоего. Изъ сказаннаго очевидно, что онъ пользовался только двумя причинами: тѣмъ, что есть вещь сама по себѣ (τὸ τί ἑστίν), и причиною матеріальной. Ибо виды для всего остального суть причинныя основы того, чтò есть вещь сама по себѣ (τοῦ τί ἑστίν), а для видовъ—единое. А что касается матеріи, то это есть тотъ субстратъ, по которому называются виды въ чувственно воспринимаемомъ, а въ видахъ—единое, и такимъ образомъ онъ (субстратъ) является двойственностью, именно великимъ и малымъ ⁴⁾. 8. Наконецъ причинны

¹⁾ Александръ Аеродизонскій разумѣетъ здѣсь числа, дѣлимыя только на себя и на единицу.

²⁾ Въ текстѣ числительное „одинъ“ въ мужскомъ родѣ. При нашемъ переводѣ нужно бы имѣть женскій родъ. Еслибы былъ средній родъ, то нужно было бы перевести: „хотя видъ одинъ“. Если принимать существованіе идей или видовъ, то выйдетъ, что мастеръ, имѣя одну идею, одинъ видъ въ умѣ, всетаки дѣлаетъ многіе столы. Стоящее въ текстѣ числительное мужск. рода можно отнести только къ человѣку, принимающему виды. Если это мѣсто не принимать за неудачную вставку переписчика, то мужскій родъ можно перевести такъ: „хотя производящій одинъ“, то-есть, если онъ одинъ, то въ немъ должно быть и одно отраженіе идеи,—значитъ онъ не можетъ сдѣлать много столовъ.

³⁾ Аристотель приводит этотъ примѣръ въ пролическомъ смыслѣ, очевидно думая, что въ отношеніи къ тому, чтò производится (зародышъ) и мужское, и женское начало относится одинаково.

⁴⁾ Такимъ образомъ въ ученіи Платона, по Аристотелю, мы имѣемъ слѣдующую градацию нисходящихъ существъ, изъ которыхъ каждое вышшее (или само по себѣ, или черезъ нѣкоторое соединеніе съ чѣмъ-либо другимъ) производитъ низшее:

Единое. Оно есть причинная основа для видовъ, въ силу которой каждый изъ нихъ есть то, чтò есть (ст. 7).

того, что одно хорошо, а другое худо, онъ приписалъ двумъ отдѣльнымъ стихіямъ, какъ это находили и нѣкоторые изъ прежнихъ философовъ, на примѣръ, Эмпедокль и Анаксагоръ.

VII.

1. Итакъ, мы вкратцѣ и въ общихъ чертахъ обозрѣли, кто и какъ высказался, [выскакивая] истину, о первыхъ началахъ. Все таки, [не смотря на краткость], обзоръ нашъ недостаточенъ, чтобы по крайней мѣрѣ видѣть, что изъ говорившихъ о началѣ и о причинѣ никто не сказалъ ничего сверхъ того, что разграничено у насъ въ книгахъ „О природѣ“. Однако всѣ они, по видимому, затрогиваютъ такъ или иначе вопросы объ этомъ, хотя и смутно. 2. Именно одни первое начало разумѣютъ въ видѣ матеріи, при чемъ кладутъ въ основу то одно (то-есть, начало), то больше одного и полагаютъ его то тѣломъ, то безтѣлеснымъ, на примѣръ: Платонъ разумѣетъ великое и малое, Италийцы—безпредѣльное, Эмпедокль—огонь, землю, воду и воздухъ, Анаксагоръ же безпредѣльность однородныхъ частицъ. Всѣ они дѣйствительно коснулись подобнаго рода причины, равно и всѣ тѣ, которые приняли воздухъ или огонь или воду или [еще что] плотнѣе огня и разреженнѣе воды: были вѣдь и такіе, которые признали подобнаго рода первичную стихію. 3. Итакъ, всѣ они коснулись только одной этой причины, а нѣкоторые другіе и того, откуда начало движенія, какъ на примѣръ тѣ, которые дѣлаютъ началомъ движенія взаимное влеченіе и раздоръ, разумъ или любовь, но основанія, въ силу котораго вещь есть то, что она есть и чѣмъ была (τὸ τί ἦν εἶναι), и самой сущности ясно никто не обозначилъ, но больше другихъ говорятъ о ней тѣ, которые принимаютъ виды. Именно,

Виды. Каждый видъ самъ по себѣ одинъ только (ст. 3). Ихъ совокупность есть основа, въ силу которой все впрочемъ есть то, что оно есть (ст. 3 и 7)

Математическія представленія. Они имѣютъ множественность и подобіе между собою (ст. 3).

Числа. Они становятся видами черезъ соучастіе большаго и малаго съ единичнымъ (ст. 4): и черезъ нихъ—причиною основою для единичныхъ вещей (ст. 4).

Большое и малое—βλῆ (ст. 4).

Чувственно воспринимаемыя вещи, которыя образуются черезъ причастіе видовъ съ большимъ и малымъ.

Что же касается до „двухъ отдѣльныхъ стихій“, которыми Платонъ приписывалъ (VI, 8) происхожденіе добра и зла, то ими являются: единое—для добра и большое и малое—для зла.

они не принимаютъ виды какъ матерію для чувственно воспринимаемаго, а единое какъ матерію для видовъ, и не полагаютъ, что отсюда происходитъ начало движенія (они утверждаютъ, что здѣсь скорѣе причины неподвижности и пребыванія въ состояніи покоя), но, по ихъ мнѣнію, для всего частнаго вида, а для видовъ единое составляетъ основу, въ силу которой каждое изъ нихъ есть то, что оно есть и чѣмъ было. 4. А что касается того, ради чего происходятъ дѣйствія и перемѣны и движенія ¹⁾, то они нѣкоторымъ образомъ считаютъ это причинною основой, но не высказываются прямо въ этомъ смыслѣ и говорятъ не соответственно тому, какъ это лежитъ въ природѣ. Принимающіе разумъ или дружбу полагаютъ, правда, эти причины какъ бы въ смыслѣ блага какаго-то, однако говорятъ, что не ради этихъ причинъ существуетъ или рождается что-либо изъ всего сущаго, но что будто отъ нихъ происходитъ движеніе ²⁾. 5. Равнымъ образомъ и тѣ, которые утверждаютъ, что единое или сущее и есть подобнаго рода природа, говорятъ, что оно есть причина сущности, а не ради него [что-либо] существуетъ или рождается; такъ что выходитъ, что они какъ бы, съ одной стороны, говорятъ, а съ другой—не говорятъ, что благо есть причина. Ибо они говорятъ не прямо объ этомъ, но косвенно (κατὰ σμβεβηχός).

6. Итакъ, что у насъ правильно дано разграниченіе причинныхъ основъ, сколько ихъ и какія они, въ этомъ мы увѣряемся изъ разбора всѣхъ выше упомянутыхъ [философовъ], такъ какъ они не могли выставить другой какой-либо причины, [кромя четырехъ ука-

¹⁾ Аристотель думаетъ, что ранѣе его никто не понялъ и не выяснилъ, какъ слѣдуетъ, причину конечную. Но о ней, подъ именемъ „блага“, много говорилъ Платонъ. Можно находить только, что послѣдній не выдѣлялъ ее такъ отчетливо, какъ это сдѣлалъ Аристотель черезъ сопоставленіе ея съ причинною движущею, а также «формальною и матеріальною».

²⁾ Ранѣе говорилось о томъ, что принимающіе умъ или дружбу (взаимное влеченіе) благомъ въ то же время считаютъ ихъ причинною движущею, но не цѣлью. Въ параллель къ этому Аристотель говоритъ теперь, что и признающіе единое (или сущее) благомъ тоже не считаютъ его цѣлью, но только причинною сущности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Аристотеля, по отношенію къ конечной причинѣ мнѣніи философовъ, бывшихъ до него, можно выразить въ слѣдующей схемѣ:

умъ или дружба=благо=причина движенія и не=цѣль (Анаксагоръ и Эмпедоклъ).

единое=благо=причина сущности и не=цѣль (Платонъ).

занных]. Кроме того, ясно, что и всѣхъ причинъ должно искать или такъ именно, [какъ мы], или на манеръ ихъ¹⁾. [А что касается того], на сколько правильно каждый изъ нихъ высказался и въ какомъ положеніи [вообще] находится [вопросъ] о началахъ, то возможны затрудненія мы прослѣдимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

VIII.

1. Очевидно, что во многихъ отношеніяхъ ошибаются всѣ тѣ, которые принимаютъ вселенную за единое и одну какую-нибудь природу въ значеніи матеріи, и притомъ тѣлесной и имѣющей величину; такъ какъ они устанавливаютъ стихіи только тѣлѣ, а отнюдь не безтѣлеснаго, хотя существуетъ и безтѣлесное. 2. И дальѣ, принимаясь размышлять о причинахъ происхожденія (и разрушенія) и разсуждая о природѣ всѣхъ вещей, они устраняютъ основную причину движенія. 3. Кроме того, ни сущность, ни то, что есть вещь сама по себѣ (τὸ τί ἐστιν) не получаетъ у нихъ значенія причины чего-либо. Къ тому же они не затрудняясь считаютъ то или другое изъ простыхъ тѣлѣ за начало, кромѣ земли, не разсмотрѣвши взаимнаго происхожденія, какъ они образуются другъ изъ друга: и говорю объ огнѣ, землѣ, водѣ и воздухѣ; ибо одно является изъ взаимнаго смѣшенія, другое изъ разъединенія. 4. А вѣдь очень большая разница, что раньше стоитъ и что позже; ибо [съ этой точки зрѣнія] самое простое изъ всѣхъ тѣлѣ и будетъ, очевидно, тѣмъ первымъ, изъ котораго черезъ смѣшеніе происходятъ всѣ вещи. А таковымъ, конечно, было бы состоящее изъ самыхъ мелкихъ частей и самое тонкое изъ тѣлѣ. И тѣ, которые принимаютъ огонь началомъ [всего], вѣроятно, болѣе всего опираются на это соображеніе²⁾. 5. А что такого рода именно стихія тѣлѣ, въ этомъ со-

¹⁾ Подъ словами „такъ именно, какъ мы“ нужно разумѣть (по толкованію Александра Аеродискаго) „одновременно и въ связи всѣ четыре рода причинъ“; подъ словами: „на манеръ ихъ“ нужно понимать: „разсматривать причины въ отдаленности, подобно древнимъ философамъ“.

²⁾ Очевидно, древніе, и съ ними Аристотель, понимали процессы происхожденія лишь въ механическомъ смыслѣ, но не въ химическомъ. Отсюда мысль что первоначальная стихія есть вещество, отличающееся наибольшою тонкостью. Съ этой точки зрѣнія всѣ тѣла природы являются лишь различными степенями сгущенія этой первоначальной стихіи, и вопросъ о происхожденіи ихъ сводится къ вопросу о томъ, какое изъ трехъ естественныхъ состояній тѣлѣ: газообразное, жидкое или твердое слѣдуетъ признать первоначальнымъ.

глашается каждый даже и изъ прочихъ [мыслителей]. Никто по крайней мѣрѣ изъ послѣдующихъ [философовъ], даже признающихъ единое, не считаетъ землю стихіею, — конечно, вслѣдствіе того, что она состоитъ изъ крупныхъ частицъ; каждая же изъ трехъ остальныхъ стихій получила нѣкоторое какъ бы господствующее значеніе: одни приписываютъ его огню, другіе водѣ, третьи воздуху. Однакожь почему и о землѣ никто не говоритъ чего-либо подобнаго, какъ это дѣлаетъ большинство людей? Вѣдь говорятъ же, что все есть земля; говоритъ и Гезіодъ ¹⁾, что земля произошла первою изъ тѣлъ. Такимъ образомъ это мнѣніе оказывается исконнымъ и общераспространеннымъ. 6. Въ этомъ смыслѣ тотъ, пожалуй, ошибся бы, кто принялъ бы за начало какую-нибудь изъ этихъ [стихій], кромѣ огня, или кто предположилъ бы, что принятая имъ стихія ²⁾ плотнѣе воздуха и тоньше воды. Съ другой же стороны, если то, что по происхожденію позже, въ [порядкѣ] природы существуетъ раньше, и если, очевидно, созрѣвшее и смѣшанное позже по происхожденію ³⁾, то выйдетъ, конечно, напротивъ, а именно, что вода раньше воздуха и земля раньше воды.

7. Итакъ, о тѣхъ, которые установили одну причину въ родѣ той, о которой мы говорили, сказаннаго достаточно. То же самое [можно повторить] и о тѣхъ, кто предполагаетъ этихъ началъ больше одного, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ, который утверждаетъ,

¹⁾ См. выше, начало IV-й главы.

²⁾ Здѣсь, очевидно, разумѣется ученіе какого-нибудь изъ древнихъ философовъ, предположившаго существованіе матеріи въ нѣкоторомъ состояніи, среднимъ между газообразнымъ и жидкимъ.

³⁾ Здѣсь высказывается основная мысль Аристотеля, которую онъ подробно развиваетъ ниже, *Мет. кн. VIII, гл. 8*, о томъ, что въ процессѣ всякаго образованія совершенное, „зрѣлое“ предшествуетъ несовершенному, незрѣлому и является по отношенію къ послѣдней силѣ движущей, образующей. Такъ хотя взрослый, развѣтшійся человѣкъ является „по происхожденію позже“ ребенка, именно развивается изъ него, однако самому появленію ребенка всегда предшествуетъ зрѣлый человѣкъ, который рождаетъ его (то-есть, онъ „въ порядкѣ природы существуетъ раньше“), или человѣкъ изъ необразованнаго можетъ стать образованнымъ лишь подъ воздействием уже образованнаго. Принявъ эти понятія Аристотеля къ данному мѣсту текста (ст. 6), этотъ послѣдній слѣдуетъ понимать такъ: земля есть болѣе плотное и зрѣлое сравнительно съ другими стихіями природы, и поэтому, хотя въ каждомъ единичномъ генезисѣ она образуется позже ихъ и черезъ ихъ смѣшеніе, однако въ цѣломъ мировомъ генезисѣ она предшествовала ихъ появленію, породила ихъ (разложившись).

что матерія — это четыре тѣла. Ему можно сдѣлать частью тѣ же [возраженія], частью нѣкоторыя особенныя. Ибо мы видимъ ¹⁾, что стихіи взаимно происходятъ другъ отъ друга, вѣдь, напримѣръ, огонь и земля не всегда остаются однимъ и тѣмъ же тѣломъ, (о чемъ сказано уже въ книгахъ „О природѣ“ ²⁾). Да и о причинѣ движущагося, одна ли она или двѣ ихъ, онъ высказался, по нашему мнѣнію, не совсемъ правильно и разсудительно. 8. Вообще ³⁾ говоря, у тѣхъ, кто такъ учить, по необходимости уничтожается измѣненіе; вѣдь [съ этой точки зрѣнія] изъ теплаго не можетъ стать холодное, или изъ холоднаго теплое. Есть же вѣроятно что-то такое, что испытываетъ эти противоположныя состоянія, есть же какая-то единая природа, которая становится то огнемъ, то водой, — а о ней тотъ ничего не говоритъ. 9. Что касается Анаксагора, то если ему приписывать ученіе о двухъ стихіяхъ, можно больше всего опираться на основанія, которыхъ онъ самъ не развилъ, но которымъ по необходимости слѣдовалъ бы, еслибы ему привели ихъ ⁴⁾. Ибо нехлѣбно утверждать, что сначала все было смѣшано ⁵⁾, съ одной сто-

¹⁾ Первое возраженіе противъ Эмпедокла состоитъ въ томъ, что стихіи не отдѣлены такъ строго другъ отъ друга, но переходятъ взаимно одна въ другую. Въ основіи всей природы лежитъ одинъ элементъ, который лишь представляется намъ подъ четырьмя формами, вѣрнѣе — въ четырехъ различныхъ состояніяхъ. Это возраженіе вытекаетъ изъ того же механическаго взгляда на процессы природы, на который мы указали выше.

²⁾ Собственно объ этомъ говорится въ трактатахъ „О небѣ“, кн. III, 7, и „О происхожденіи и разрушеніи“, кн. II, 8. Эта семлика Аристотеля показываетъ, что подъ „Физикой“ онъ разумѣлъ совокупность своихъ трудовъ о природѣ.

³⁾ Весь ст. 8 не находится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и его не комментируетъ Александръ Аеродизскій. Поэтому его можно признать вставкой какого-нибудь невѣстнаго переписчика сочиненій Аристотеля, тѣмъ болѣе, что по своему смыслу онъ служитъ лишь повтореніемъ и поясненіемъ предыдущаго стиха.

⁴⁾ Возраженія противъ Анаксагора, изложенныя въ этомъ стихѣ, болѣе подробно развиты Аристотелемъ въ Физикѣ, I, 8 и „О происхожденіи и разрушеніи“, I, 10. Подъ „двумя стихіями“, о которыхъ говорится въ текстѣ, намъ кажется, слѣдуетъ разумѣть двойственность и противоположность началъ, черезъ взаимодѣйствіе которыхъ произошелъ міръ: гомемерій, какъ начала матеріальнаго и пассивнаго, и разума, какъ начала дѣятельнаго, которое приводитъ ихъ въ движеніе. Эта противоположность и двойственность ясно не проведена Анаксагоромъ и лишь слѣдуетъ изъ его ученія о гомемеріяхъ и разумѣ. Отсюда нерѣшимость, съ которою Аристотель приписываетъ ему это ученіе.

⁵⁾ У Симплиція сохранились слова Анаксагора, въ которыхъ выражено это

роны, потому, что не смѣшанное должно прежде существовать¹⁾, а съ другой стороны, неестественно, чтобы первое попавшееся смѣшанное было безразлично съ тѣмъ бы то ни было²⁾. Кроме того, проявленія и случайныя свойства (τὸ συμβεβηκός) ему пришлось бы отдѣлать отъ сущности, потому что смѣшеніе и разъединеніе присущи однимъ и тѣмъ же [тѣламъ]³⁾. Но при всемъ томъ, если кто шагъ за шагомъ разсмотрѣлъ бы въ подробностяхъ, что онъ хочетъ сказать, то его ученіе, можетъ быть, оказалось бы болѣе новымъ и оригинальнымъ. 10. Такъ очевидно, что когда ничто еще не было раздѣлено, нельзя было дать этой сущности⁴⁾ никакого истинно соот-

ученіе: „первоначально всѣ вещи были смѣшаны (ὁμοῦ πάντα ὑρῆματα ἦν), безконечно малы и безконечно многочисленны“.

¹⁾ Это, по видимому, находится въ противорѣчій съ только-что высказаннымъ взглядомъ на то, что зрѣлое, совершенное предшествуетъ не законченному. Но здѣсь подъ „не смѣшаннымъ“, вѣроятно, и слѣдуетъ разумѣть это первоначальное и совершенное, въ которомъ гармонически соединено все то, что впоследствии можетъ выдѣлиться изъ него и уже тогда *бесморально* смѣшиваться.

²⁾ Вуквально: „съ первымъ попавшимся“, то-есть, что соединиться можетъ лишь однородное, относительно, а не безразлично другъ къ другу.

³⁾ Говорится о неотдѣлимости процесса соединенія, смѣшенія отъ процесса разъединенія: когда двѣ частицы, сближаясь, движутся другъ къ другу, то въ то же самое время онѣ удаляются отъ частицъ, съ которыми раньше были близки.

⁴⁾ Здѣсь говорится объ истинной идеѣ первоначальнаго безкачественнаго субстрата, къ которой приближалось ученіе Анаксагора. Вотъ собственныя слова послѣдняго, сюда относящіяся (они сохранились также у Симплиція): „Когда всѣ вещи, еще не отдѣлившись, существовали вѣстѣ (ὁμοῦ), тогда нельзя было замѣтить въ нихъ никакого качества; ибо этому препятствовало смѣшеніе влажнаго съ сухимъ, теплаго съ холоднымъ, свѣтлаго съ темнымъ“. Подъ словомъ „сущность“ Аристотель, очевидно, разумѣетъ то, что впоследствии стали называть „субстанціей“. Ограниченіе въ ней какого-либо качества у Анаксагора основывается на томъ, что въ ней всѣ качества хотя и существовали, однако были смѣшаны каждое съ противоположнымъ, что и порождало ихъ взаимное уничтоженіе, какъ положительнаго и отрицательнаго (например, влажнаго съ сухимъ). Но это основаніе, очевидно, неудовлетворительно, потому что, напримеръ, совершенно влажное и совершенно сухое смѣшавшись порождаютъ лишь нѣкоторую относительную степень влажно-сухого, которую можно обозначить словомъ „сырое“; также свѣтъ и мракъ смѣшиваясь производятъ лишь полутемноту, которая, конечно, будетъ качествомъ, выраженнымъ лишь не со всей чистотой своей. Къ недостаточности этого основанія, вѣроятно, и относятся слова Аристотеля въ предыдущемъ стихѣ, что ученіе Анаксагора „могло бы показаться болѣе новымъ и оригинальнымъ“ лишь при дальнѣйшемъ развитіи его. Собственное основаніе, которое приводитъ Аристотель взаимія Анаксагорова, отличается гораздо болѣею глубиною: первоначальный суб-

вѣтствующаго ей имени, напримѣръ, она не была ни бѣлою, ни черною, ни сѣрою и никакого другаго цвѣта, но она была по необходимости безцвѣтною, потому что иначе она имѣла бы какой-нибудь одинъ изъ названныхъ цвѣтовъ. На томъ же самомъ основаніи она была лишена и всякаго вкуса, однимъ словомъ она не имѣла ни одного подобнаго рода [свойства]. Итакъ, она не способна была быть никакою-либо по качеству, никакою-либо по величинѣ, ни вообще чѣмъ-либо. Потому-то въ такомъ случаѣ ей было бы присуще то или другое изъ перечисленныхъ свойствъ и какой-нибудь частный видъ. А это не возможно, когда все смѣшано, потому что тогда вышло бы уже раздѣленіе. Поэтому-то Анаксагоръ утверждаетъ, что все смѣшано, кромѣ разума; только послѣдній не смѣшанъ и чистъ ¹⁾. 11. Изъ всего этого выходитъ, что у него два

страта безкачественъ, потому что онъ не можетъ имѣть *вообще* качества, но лишь какое-либо это одно, определенное („какое-нибудь изъ перечисленныхъ свойствъ и какой-нибудь частный видъ“); но это не возможно при первоначальномъ смѣшеніи, такъ какъ что-либо определенное можетъ возникнуть лишь черезъ процессъ раздѣленія („тогда вышло бы уже раздѣленіе“). Поэтому первоначальный субстратъ таковъ, что къ нему не можетъ быть приложено никакое имя и о немъ не можетъ быть ничего сказано, ибо всякое высказываніе есть приложеніе къ предмету какаго-либо определенного предиката и всякое имя есть имя чего-либо определенного. Отсюда вытекаетъ ученіе самого Аристотеля (въ другихъ мѣстахъ развитое) о первоначальной матеріи, которое въ противоположность формѣ никогда не можетъ быть познано (непознаваемость сливается здѣсь съ неказуемостью, невыразимостью субстрата). Его слова о субстратѣ, что онъ „не можетъ быть ни какииъ-либо по качеству, ни какииъ-либо по величинѣ, ни *вообще* чѣмъ-либо“, сливаются съ ученіемъ Платона о матеріи, какъ о томъ, чего нѣтъ, что въ противоположность вѣчнымъ идеямъ есть „не сущее“, *μη ὄν*.

¹⁾ Вотъ собственныя слова Анаксагора: „Прочее принимаетъ участіе во всемъ, умъ же есть безпредѣльное и самовластвующее (*ἄπειρον καὶ αὐτοκρατής*) и ни съ какою вещью не смѣшанъ, но только самъ для себя существуетъ; ибо еслибы онъ не былъ для самого себя, то былъ бы смѣшанъ съ чѣмъ-нибудь другимъ; онъ участвовалъ бы во всѣхъ вещахъ, еслибы былъ смѣшанъ съ чѣмъ-нибудь, ибо во всемъ есть участіе всего, и смѣшанное мѣшало бы ему, такъ что онъ не властвовалъ бы ни надъ какою вещью подобнымъ образомъ, какъ будучи самъ для себя. Онъ есть самая тонкая изъ всѣхъ вещей и самая чистая, имѣетъ всякое мнѣніе обо всемъ и величайшую силу. Надъ всѣмъ, что имѣетъ думу, что больше или меньше, действуетъ умъ. Умъ овладеваетъ всѣмъ окружающимъ. Умъ знаетъ все и что смѣшивается, и что отдѣляется, и что раздѣляется“... *Шоры Анаксагора et Diogenis fragments. 1829, стр. 6.*

начала: единое — это простое и не смѣшанное ¹⁾, и его другое ²⁾. [Это послѣднее — такого рода начало], которое мы назвали бы неопредѣленным ³⁾, пока оно не опредѣлится и не станетъ причастно какому-либо виду. Итакъ, [все это] высказывается имъ не [совсѣмъ] правильно и не совсѣмъ ясно, но всетаки оно не далеко отъ тѣхъ ученій, которыя явились послѣ и яснѣе изложены ⁴⁾. 12. Такимъ образомъ всѣ эти [философы] оказываются склонными къ вопросамъ о происхожденіи и уничтоженіи и о движеніи, ибо они ислѣдуютъ начала и причины почти только въ примѣненіи къ подобнаго рода сущности ⁵⁾. Тѣ же, которые распространяютъ свое ученіе на совокупность всего сущаго, а въ немъ различаютъ чувственно воспринимаемое и сверхчувственное, очевидно производятъ изысканіе относительно обонихъ этихъ родовъ [вещей]. Поэтому на нихъ можно бы дальше остановиться, [чтобы видѣть], что хорошо они говорятъ и что неудачно относительно выставленныхъ нами здѣсь [вопросовъ]. 13. Такимъ образомъ такъ называемые Пифагорейцы пользуются своими началами и стихіями еще болѣе странно, чѣмъ физики. А это потому, что они заимствовали ихъ не изъ чувственно воспринимаемаго, такъ какъ ихъ математическія начала вещей, если не считать того, что входитъ въ область астрономіи, лишены движенія. 14. Тѣмъ не менѣе они рассуждаютъ и учатъ обо всемъ въ природѣ. И дѣйствительно, они создаютъ ⁶⁾ теорію неба, они постоянно наблюдаютъ, что происходитъ въ его частяхъ, превращеніяхъ и дѣйствіяхъ (τὰ ἔργα), они тратятъ на это всѣ свои начала и причины, какъ бы соглашаясь съ прочими физиками, что сущее — это только то, что воспринимается чувствами и обнято тѣмъ, что они называютъ небомъ. Но причины и начала, принимаемыя ими, способны, какъ мы сказали, поднять насъ къ уразумѣнію и того, что выше существующаго ⁷⁾, и они скорѣе прило-

¹⁾ То-есть, разумъ.

²⁾ ἑτέρον — выраженіе Платоновское.

³⁾ ἄριστον. Здѣсь Аристотель говоритъ, какъ платоникъ.

⁴⁾ Здѣсь разумѣется ученіе Платона.

⁵⁾ Здѣсь разумѣется вся школа египетовъ, начиная отъ Талеса и кончая Анаксимандромъ; подъ „подобнаго рода сущностию“ разумѣется матеріальная субстратъ, вопросы о движеніяхъ котораго всего болѣе интересовались египтяне.

⁶⁾ Буквально „рождаютъ“. Известно, что все ученіе Пифагорейцевъ носило астральный характеръ.

⁷⁾ Это призываніе Аристотеля чрезвычайно важно въ виду той строгости, съ

жны [къ этому], чѣмъ въ вопросахъ и природѣ. 15. Однакоже Пифагорейцы ничего не говорятъ по вопросу о томъ, какимъ же образомъ возникаетъ движеніе, если подставить только принятыя ими начала: конечнаго и безпредѣльнаго, неравнаго и равнаго, или какъ возможно происхожденіе и уничтоженіе безъ движенія и перемѣны, какъ возможны явленія въ [тѣлахъ], несущихся по небу. 16. Если даже кто, уступая, согласится съ ними, что изъ этихъ началъ объясняется величина тѣлъ, или еслибы это было (у нихъ) доказано, всетаки остается вопросъ, какимъ образомъ одни изъ тѣлъ легки, другія имѣютъ тяжесть: вѣдь изъ ихъ предположеній и ученія не видно, чтобы они приписывали эти свойства математическимъ вещамъ, какъ и чувственно воспринимаемому, и даже болѣе. Поэтому

которою онъ судитъ ученіе Пифагорейцевъ, и оно въ равной степени должно быть приложено и къ ученію Платона. Всякій разъ, когда онъ говоритъ о теоріи чиселъ и теоріи идей, онъ отвергаетъ ихъ; но замѣчательно, что въ то время какъ въ отношеніи къ ученію эпикуровъ у него видно спокойствіе, переходящее въ равнодушіе, и разъ опредѣливъ ихъ смыслъ и достоинство, онъ почти уже не возвращается къ нимъ, теорія чиселъ и идей всегда какъ будто тревожитъ его и смущаетъ, и когда онъ критикуетъ ее, онъ кажется болѣе страстнымъ и желчнымъ. Съ перваго же взгляда становится ясно, что въ теоріи чиселъ столь странной, повидному, такъ далекой отъ простоты, ясности и вѣрности ученій эпикуровъ, а равнымъ образомъ и въ теоріи идей, которой неосновательность онъ показываетъ во всѣхъ пунктахъ (см. Мет., слѣдующая глава), однако есть что-то чрезвычайно глубокое, что, будучи хорошо понято, можетъ послужить ключемъ къ объясненію мірозданія. Можно сказать, что онъ всякій разъ критикуетъ Пифагорейцевъ и Платона на основаніи точнаго смысла ихъ словъ, какъ бы оставался безразличнымъ къ тому смыслу, который скрывался подъ ними и часто не укладывался въ тѣсныя рамки еще не развитаго, быть можетъ, языка. И этотъ точный смыслъ словъ, особенно у Пифагорейцевъ, действительно чрезвычайно странный и, основываясь только на немъ, самый не далекій умъ можетъ отвергнуть ихъ ученіе. Но высказавъ этотъ строгій судъ, Аристотель чувствуетъ его неполноту и потому-то именно снова и снова возвращается къ этимъ страннымъ ученіямъ, уже кажется опровергнутымъ, потому что ясно чувствуетъ въ нихъ еще иной и болѣе глубокий смыслъ. Послѣдній открывается всего болѣе въ томъ, что философія Платона въ своей существеннѣйшей части, теорія идей, близка до неразличимости къ теоріи чиселъ Пифагорейцевъ (см. выше, гл. VI, ст. 2), а глубочайшая сторона ученія самаго Аристотеля, теорія формъ, есть лишь нѣсколько извѣщенная теорія идей. Такимъ образомъ философія Аристотеля, по наружности опытная и натуралистическая, гораздо ближе опредѣляется въ своемъ внутреннемъ содержаніи повидному фантастическими теоріями Пифагорейцевъ, нежели столь здравымъ, но не глубокимъ ученіемъ всѣхъ эпикуровъ, не исключая и Анаксагора.

объ огнѣ, землѣ или другихъ подобныхъ тѣлахъ они вовсе ничего не сказали, такъ какъ на счетъ чувственно воспринимаемаго они, думаю, не имѣли никакой особой теоріи. 17. И потомъ, какъ нужно понять, что проявленія (κἀθη) числа и самое число суть причины того, что существуетъ и происходитъ въ небесахъ какъ искони, такъ и теперь, а межъ тѣмъ другаго числа ¹⁾ нѣтъ помимо того числа, изъ котораго составилъ миръ? Въ самомъ дѣлѣ, когда въ такой-то части [неба] оказывается у нихъ „миѣніе“ и „удобный случай“, а немного выше или ниже „несправедливость“, „раздѣленіе“ или „смѣшеніе“, когда они приводятъ доказательство, что въ отдѣльности каждое изъ этого есть число, то выходитъ, что на этомъ же самомъ мѣстѣ есть уже множество занимающихъ [это мѣсто] величинъ, потому что эти проявленія [чиселъ] соотвѣтствуютъ каждому мѣсту въ отдѣльности; [если же такъ], то это ли самое число, которое обнимаетъ небо, должно принять за каждую изъ этихъ вещей, или другое помимо этого? ²⁾ 18. Платонъ утверждаетъ, что другое [число]. Однако и онъ полагаетъ, что указанная [вещи] и ихъ причины суть числа ³⁾, но, по его миѣнію, истинными причинами служатъ умопостигаемыя числа ⁴⁾, эти же числа суть чувственно воспринимаемыя.

¹⁾ Это другое число, какъ его разумѣть Платонъ, есть число умопостигаемое, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя проявляются въ наблюдаемыхъ вещахъ подлежащихъ счету и мѣрѣнію.

²⁾ Здѣсь противопоставляются другъ другу единое число, объемлющее цѣлое небо и представляющее гармонію вселенной, и отдѣльныя числа (κἀθη), которыя также существуютъ на небѣ.

³⁾ Здѣсь подъ „умопостигаемыми числами“ слѣдуетъ разумѣть идеи вещей и явленій; онѣ могутъ быть названы числами, конечно, не въ ариѳметическомъ смыслѣ, въ какомъ мы исключительно понимаемъ теперь слово „число“, но въ близкомъ къ тому особому значенію, которое они имѣли у Пифагорейцевъ. Пифагорейцы понимали свои „числа“ какъ нѣчто аналогичное, почти тождественное „понятіямъ“, что уже очень близко къ „идеямъ“ Платона. Подъ числами чувственно воспринимаемыми здѣсь нужно разумѣть числа въ нашемъ обыкновенномъ смыслѣ.

⁴⁾ Къ нимъ и къ теоріи идей Аристотель возвращается еще въ XIII и въ XVI книгахъ Метафизики. Онъ посвятилъ нѣсколько специальныхъ трактатовъ разбору теоріи идей, которые не дошли до насъ, но которые цитируетъ Александръ Аеродивскій: „Объ идеяхъ“ 4 кн., „О благѣ“ и „О энтелееіи“. Можетъ быть, эти труды отчасти вошли въ Метафизику. Въ кн. XIII, гл. 4—5, настоящая 9 глава повторяется почти буквально.

IX.

1. Но оставимъ теперь въ сторонѣ рѣчь о Пифагорейцахъ⁵⁾: ихъ достаточно коснуться на столько, [на сколько мы коснулись]. Что касается тѣхъ, которые идеи принимаютъ за причины, то они, стремясь, прежде всего, получить изысканіемъ причины окружающихъ насъ вещей, ввели въ дѣло другія, равныя по числу первымъ, подобно тому, какъ еслибы кто, желая сосчитать [что-нибудь], думалъ, что онъ не можетъ сосчитать, если [вещей] будетъ немного, а сосчитываетъ, увеличивши ихъ число¹⁾. Дѣйствительно, видовъ у нихъ почти равное число, или во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ тѣхъ вещей, отъ которыхъ они, изслѣдуя ихъ причины, дошли до видовъ²⁾. Съ каждымъ предметомъ у нихъ есть что-нибудь соименное, и рядомъ съ сущностями всего прочаго у нихъ есть единое,

¹⁾ Этими возраженіемъ начинается перечисленіе затрудненій, съ которыми сопряжено принятіе теоріи идей. Объ особенномъ характерѣ отношеній Аристотеля см. примѣчаніе къ предыдущей главѣ, въ которомъ указано подобное же отношеніе его къ теоріи чиселъ. Резкость и насмѣшливый тонъ возраженій Аристотеля не допустимы въ отношеніи къ учителю, которымъ былъ для него Платонъ въ теченіе 20 лѣтъ, и всегда приводилъ въ недоумѣніе толкователей Метафизики. Но замѣчательно, что во всей этой IX-й главѣ, едва ли не важнѣйшей по отношенію къ критикѣ теоріи идей, имя Платона совсѣмъ не упоминается. Поэтому слѣдуетъ думать, что когда онъ писалъ эту главу, онъ исключительно имѣлъ въ виду современную написанію Метафизики (она была послѣднимъ его трудомъ) Платоновскую Академію (завѣдываніе которой Платонъ поручилъ, умирая, своему племяннику Спеванппу) и полемике противъ теоріи идей, конечно созданную Платономъ, но поддерживаемую его учениками, направлялъ исключительно противъ послѣднихъ. Отсюда объясняются и слова, которыми онъ начинаетъ эту главу: „что касается *тѣхъ*, которыя идеи принимаютъ за причины“ см. ожидаемыхъ „что касается *Платона*, который идеи принималъ за причины“. Повсюду въ этой главѣ подъ „причинами“ нужно разумѣть метафизическія основанія дѣйствительности вещей и ихъ понятія. Первое возраженіе Аристотеля, состоящее въ томъ, что сторонники теоріи идей только затрудняютъ дѣло, удваивая число вещей, было бы справедливо лишь въ томъ случаѣ, еслибы тѣ новыя вещи (идеи), которыя выдумываются для объясненія извѣстныхъ (дѣйствительныхъ), были совершенно тождественны съ ними. Но идеи, какъ вѣчныя и неподвижныя понятія, конечно, проще сравнительно съ дѣйствительными вещами, которыя сложны изъ своихъ логическихъ основаній и того, въ чемъ проявляются послѣдніе (вещество), и, сверхъ того, еще подлежатъ измѣненію.

²⁾ Говорится о дѣйствительныхъ вещахъ, подлежащихъ объясненію.

которое обнимает многое ($\acute{\epsilon}\kappa\iota\ \kappa\alpha\lambda\lambda\acute{\omega}\nu$), и притомъ какъ въ отноше-
 нии ($\acute{\epsilon}\kappa\iota$) вещей окружающихъ, такъ и въ отноше-
 нии ($\acute{\epsilon}\kappa\iota$) вѣчныхъ ¹⁾. 2. Кромѣ того, у нихъ не оказывается ни одного изъ тѣхъ спосо-
 бовъ, которыми мы могли бы доказать, что существуютъ виды. Ибо
 нѣкоторыя [изъ ихъ доказательствъ] не ведутъ necessarily къ за-
 ключенію, [принятому ими], изъ нѣкоторыхъ же выходитъ, что есть
 виды того, въ чемъ, мы думаемъ, нѣтъ ихъ. Такъ, на основаніи до-
 водовъ, [извлеченныхъ изъ теоріи] знанія ²⁾, виды будутъ для всего
 того, о чемъ есть знаніе; на основаніи того, что есть единое во мно-
 гомъ ³⁾, [виды будутъ] и для отрицаній; на основаніи того, что
 можно думать о чемъ-нибудь, [если это послѣднее] и уничтожено,
 [будутъ виды] и для того, что подвержено и уничтоженію, потому
 что существуетъ нѣкоторый признакъ ($\phi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\sigma\mu\alpha$) всего этого. 3. Но
 и наиболѣе точные изъ доводовъ то допускаютъ идеи относитель-
 ныхъ вещей ($\tau\acute{\omega}\nu\ \pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\iota$), о которыхъ мы не говоримъ, что онѣ со-
 ставляютъ родъ самъ по себѣ ($\kappa\alpha\tau'\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$), то даже предпола-
 гаютъ „третьяго человѣка“ ⁴⁾. Вообще говоря, доводы въ пользу ви-

¹⁾ Подъ „единнымъ въ отношеніи вещей окружающихъ“ разумется то общее, что проявляется во всей совокупности вещей наблюдаемаго міра и вмѣстѣ обнимающее этотъ міръ; подъ „единнымъ въ отношеніи вещей вѣчныхъ“ разумется высшая идея (у Платона „Благо“), содержащая въ себѣ весь міръ идей низшихъ, постепенно суживающихся въ своемъ значеніи и приближающихся къ единичнымъ реальнымъ вещамъ; напримѣръ, идея добра (въ нашемъ смыслѣ) распадется на идеи справедливаго, прекраснаго, полезнаго, которыми всѣ въ ней содержатся, какъ части въ цѣломъ, и уже ближе подходятъ къ единичнымъ вещамъ.

²⁾ То-есть, изъ того соображенія, что истинное знаніе есть то, которое соответствуетъ съ предметомъ своимъ, и что такъ какъ содержаніе научнаго знанія не можетъ измѣняться, то слѣдовательно и то, что составляетъ предметъ его, должно быть неизвѣнно существующимъ; таковыми именно являются не единичныя вещи и явленія, но понятія или идеи ихъ.

³⁾ То-есть, что если въ единичныхъ вещахъ, приближительно сходныхъ, мы отделимъ то, что есть въ нихъ различнаго, то оставшееся будетъ нѣчто одно, но лишь въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена соединенное съ различными другими признаками. Выраженіе „виды будутъ и для отрицаній“ нужно понимать такъ, что единичныя существа могутъ быть сходны не только въ томъ, что есть въ нихъ, но также и въ томъ, что въ нихъ *отсутствуетъ*, напримѣръ, всѣ минералы сходны между собою въ томъ, что въ нихъ *отсутствуетъ* жизнь. Отрицаемое здѣсь будетъ общимъ признакомъ, которое поэтому требуетъ для себя идеи.

⁴⁾ Между единичнымъ существомъ, напримѣръ, человѣкомъ, и между идеєю человѣка, неподвижною и вѣчною (по представленію Аристотеля) существуетъ

довъ уничтожаютъ то, существованіе чего сторонники видовъ желаютъ еще болѣе, чѣмъ существованія идей. Выходитъ, на примѣръ, что не двойственность ¹⁾ (діада) прежде существуетъ, а число, относительное раньше того, что само по себѣ существуетъ, не считая всего того, въ чемъ нѣкоторые, ставшіе послѣдователями ученія объ идеяхъ, стали въ противорѣчіе со своими началами. 4. Даже если допустить основаніе, въ силу котораго мы признаемъ существованіе идей, то виды будутъ не только для сущностей, но и для многого другаго. И въ самомъ дѣлѣ, единою мыслью бываетъ не только о сущностяхъ, но и о всемъ остальномъ ²⁾; знаніе есть не только о сущности, но и о другомъ, а такого другаго встрѣчается безчисленное множество ³⁾. Въ силу же необходимости и въ силу своего ученія о видахъ, если виды могутъ приходить въ соучастіе (μεδωχτά), то идеи должны быть только о сущностяхъ: вѣдь онѣ соучаствуютъ не какъ попало, но соучастіе должно быть съ каждымъ предметомъ на столько, на сколько говорится не о субстратѣ его ⁴⁾.

большое различіе. Поэтому, чтобы идея эта могла стать причиною дѣйствительнаго человѣка, необходимо, чтобы между ею и нимъ было что-либо посредствующее, связующее. Это необходимое связующее и есть то, что Аристотель называетъ „третьимъ человѣкомъ“, который соединяетъ въ себѣ, съ одной стороны, то, что есть въ идеѣ человѣка, съ другой—то, что есть въ самомъ человѣкѣ и служитъ какъ бы звеномъ, черезъ которое первая переходитъ во втораго. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь Платону приписывается то, что онъ самъ отвергаетъ въ „Парменидѣ“.

¹⁾ То-есть, большое и малое, что служитъ матеріальною причиною вещей. Но самое число *два* раньше діады, большаго и малаго, такъ какъ, еслибы не существовало его, не была бы возможна и самая діада,—и съ этой точки зрѣнія оно есть начало существующаго. Но, съ другой стороны, число два есть лишь соотношеніе этого существующаго, именно одного съ другимъ, и еслибы что-либо существовало одно и для него не было бы никакого другаго, не было бы и числа *два*.

²⁾ Подъ „остальнымъ“ здѣсь можно разумѣть и индивидуальныя качества, въ отличіе отъ родовыхъ, и самихъ индивидуумовъ въ отличіе отъ родовъ.

³⁾ Подъ „другимъ“ въ отличіе отъ сущности здѣсь нужно разумѣть случайныя, не необходимыя свойства предметовъ.

⁴⁾ Это предложеніе можно понимать двояко: вопервыхъ, въ томъ случаѣ, что идея никогда не можетъ стать атрибутомъ, но лишь сущностью; вовторыхъ, въ томъ, что всякая дѣйствительная сущность участвуетъ въ идеѣ только въ томъ смыслѣ, что она не можетъ стать сама атрибутомъ чего-нибудь другаго. Выраженіе „на сколько говорится не о субстратѣ его“ относится къ той мысли Платона, что если идея находится въ соучастіи съ предметомъ, отражается въ немъ, то это отраженіе должно проявляться не въ матеріи его, не въ субстратѣ, а въ сущности предмета, въ формѣ его.

Приведу примѣръ: положимъ что-нибудь участвовать въ [идеѣ] двойнаго въ самомъ себѣ, оно же участвовать и въ [идеѣ] вѣчнаго, но это случайное участіе, ибо двойное случайно есть вѣчное ¹⁾. 5. Итакъ, виды будутъ только [видами] сущности ²⁾; значить, и здѣсь, и тамъ ³⁾ сущность означается одинаково. А иначе чтѣ значить, если говорить, что рядомъ съ этимъ [міромъ] существуетъ что-то, а именно, что единое существуетъ при многомъ? А если идеи и то, чтѣ участвуетъ въ нихъ, суть однородныя [понятія ⁴⁾], то (между ними) будетъ нѣчто общее. Почему же если есть двоякаго рода діады: подверженныя уничтоженію и другія, которыхъ много, но которыя тѣмъ не менѣе вѣчны, то понятіе діады скорѣе можно назвать единымъ и тождественнымъ, чѣмъ при существованіи ея и какой-нибудь еще ⁵⁾? А если не однородны ⁶⁾ идеи и сущности вещей, то тутъ было бы простое обозначеніе двухъ предметовъ однимъ именемъ ⁷⁾, подобно тому, какъ еслибы кто называлъ человѣкомъ и Калліа, и кусокъ дерева, не подиѣтивъ между ними ничего общаго. 6. Больше всего было бы затрудненій рѣшить, какъ же это виды встрѣчаются ⁸⁾ съ чувственно-

¹⁾ Мысль та, что въ понятіи „двойственности“, „двойнаго“ нисколько не входитъ понятіе „вѣчности“, и поэтому послѣднее является какъ бы случайнымъ для перваго, не имѣющимъ къ нему никакого отношенія.

²⁾ То-есть, виды суть самая сущность вещей.

³⁾ То-есть, въ мірѣ идей и въ этомъ нашемъ мірѣ.

⁴⁾ Въ текстѣ: „суть одинъ и тотъ же видъ“.

⁵⁾ То-есть, чѣмъ при существованіи двухъ какихъ-либо реальныхъ діадъ. Мысль та, что если рядомъ съ действительными парами глазъ, ушей, рукъ, ногъ и т. д. признать еще Платоновскую діаду, то дѣло отъ этого не выиграетъ, будетъ всетаки только родовое понятіе діады и индивидуальныя пары, а понятіе діады не получитъ значенія какого-то высшаго, объемлющаго весь міръ, не будетъ выражать собою единства вселенной.

⁶⁾ Буквально: „не одинъ и тотъ же видъ“. Сопоставляя дословное значеніе этого мѣста съ тѣмъ, къ которому сдѣлано призываніе 4, мы увидимъ, что мысль, разбираемая Аристотелемъ, есть слѣдующая: „то, чтѣ въ здѣшнемъ мірѣ, въ мірѣ ощущаемой действительности, есть сущность, то въ мірѣ идей есть είδος“.

⁷⁾ Выраженіемъ „обозначеніе двухъ предметовъ однимъ именемъ“ мы перевели одно слово текста: „одноименность“ (ὀνομασία). Мысль та, что если виды сущности вещей по одно и то же, то къ нимъ и нельзя прилагать одного и того же имени.

⁸⁾ Нужно разумѣть „соприкасаются“; но это затрудненіе, хотя Аристотель и считаетъ его особенно большимъ, гораздо легче преодолевается, нежели то, на которое онъ указываетъ далѣе, именно, что виды не могутъ быть причиною ни движенія, ни вообще какой-либо переменны. Соприкосновеніе данной единич-

воспринимаемымъ, будетъ ли оно вѣчно или способно рождаться и уничтожаться. Виды вѣдь не могутъ быть причиною ни движенія, ни перемены какой-нибудь для чувственно-воспринимаемаго.

7. Однакоже они вовсе не помогаютъ ни знанію прочихъ вещей, потому что они не суть сущность этихъ [вещей], а иначе они были бы въ самыхъ этихъ [вещахъ], ни существованію, если они не присутствуютъ тѣмъ вещамъ, которыя соучаствуютъ въ нихъ. Могло бы, пожалуй, показаться, что они суть причины вещей въ томъ смыслѣ, какъ бѣлизна; примѣшанная къ предмету, который бѣдъ. Но это объясненіе, принятое сперва Анаксагоромъ, а потомъ Эвдоксомъ¹⁾ и нѣкоторыми другими, слишкомъ легко опровергнутъ. Ибо легко свести многое невозможное на подобнаго рода теорію.

8. Впрочемъ, какъ бы то ни было, нельзя объяснить всего прочаго изъ видовъ ни однимъ изъ обычныхъ способовъ разсужденія. Говорить, что они суть образцы и что все прочее соучаствуетъ въ нихъ, значитъ говорить пустяя слова и употреблять поэтическія метафоры). Чтò становится производительнымъ, если обратить взоры

ной вещи съ „видомъ“ происходитъ потому, что видъ или идея чего-либо имѣетъ существованіе повсюду и вѣчно, то-есть, неограниченное, не стѣненное никакимъ мѣстомъ въ пространствѣ и никакимъ моментомъ во времени. Такъ, гдѣ бы ни возникла дѣйствительная, видимая окружность, она повсюду „встрѣтитъ“ уже равнѣ ея существовавшій въ томъ же мѣстѣ „видъ“ окружности, и этотъ видъ лишь проступить, станетъ видимымъ въ дѣйствительной, возникающей окружности, и притомъ войдетъ въ нее окружностью. Возникая, реальныя вещи лишь вступаютъ въ формы предсуществующихъ имъ видовъ ихъ, и потому именно и возможно для нихъ возникновеніе, что имъ предшествуютъ эти виды. Такъ, геометрической фигурѣ, которой понятіи (вида) нѣтъ и оно не мыслимо, и возникнуть не возможно: все логически не мыслимое есть видѣтъ и не дѣйствительное для реальнаго міра. Отсюда объясняется извѣстная какъ бы логичность космоса, отсутствіе на немъ бессмысленнаго и противорѣчнаго.

¹⁾ Эвдоксъ, изъ Клада (род. ок. 480 г. до Р. Х.), ученикъ Платона и Изагорейца Архита, былъ не только философомъ, но также знаменитымъ астрономомъ, математикомъ и географомъ. Между прочимъ онъ первый доказалъ математически шарообразность земли и раздѣлил ее на полясы. Въ своихъ философскихъ взглядахъ онъ значительно отступилъ отъ Платона и сблизился съ Анаксагоромъ и Аристиппомъ. Ему принадлежитъ сочиненіе *Φαῖνόμενα καὶ Διοσφαιρίαι*. Что касается Анаксагора, то Аристотель, безъ сомнѣнія, говоритъ лишь о его теоріи всеобщаго первоначальнаго смѣшенія качествъ и предметовъ, которая или можетъ быть приложена для объясненія соединенія идей съ вещами у Платона, или вообще можетъ быть поставлена въ параллель съ теоріею этого послѣдняго.

къ идеямъ ¹⁾). Въдъ какая бы то ни было вещь можетъ и бытъ, и дѣлаться подобною другой и не уподобляясь ей, такъ что есть ли Сократъ, имѣтъ ли его, можетъ родиться совершенно такой же Сократъ. Очевидно, подобное было бы и тогда, еслибы Сократъ былъ вѣчнымъ. 9. Кромѣ того, можно будетъ имѣтъ и больше образцовъ одного и того же [предмета], такъ что и видовъ [будетъ больше]; такъ для человѣка [видами будетъ] понятіе животнаго, понятіе двуногаго и въ то же время еще понятіе человѣка самого по себѣ. 10. Далѣе, виды не только суть образцы для чувственно-воспринимаемыхъ вещей, но и для самихъ себя (идей), какъ, напримѣръ, родъ для видовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, такъ что одна и та же вещь будетъ и образцомъ, и копіей ²⁾). 11. Потомъ можетъ показаться невозможнымъ, чтобы сущность была отдѣльно отъ предмета, котораго она сущность; поэтому какъ идеи, будучи сущностями вещей, могутъ быть отдѣльно отъ нихъ ³⁾? А въ „Федонѣ“ такъ именно и говорится, что виды суть причины и существованія, и происхожденія. 12. Однако если виды и существуютъ, всетаки

¹⁾ Вѣроятно, намѣвъ на одно мѣсто „Тимея“, гдѣ Платонъ говоритъ, что Богъ творилъ вещи, устремивъ взоръ на идеи.

²⁾ Мысль эта хорошо выражена теперь въ той градаціи понятій, которая прилагается къ классификаціи органическаго міра: отдѣлъ, классъ, семейство, родъ, видъ; напримѣръ, родъ есть копія по отношенію къ семейству, потому что всѣ роды, содержащіеся въ немъ, повторяютъ въ себѣ тѣ общіе признаки, которые содержатся въ опредѣленіи семейства, и въ то же время онъ есть образецъ по отношенію къ видамъ, потому что тѣ признаки, которые содержатся въ его опредѣленіи, повторяются въ свою очередь въ опредѣленіяхъ всѣхъ видовъ, которые онъ обнимаетъ собою.

³⁾ Это возраженіе (оно повторяется въ Метаф., VII, 6 и 14, и въ Последней Аналитикѣ, I, 11) есть важнейшее и составляетъ тотъ пунктъ, гдѣ елосоеіа Аристотеля отдѣляется и расходится съ елосоеіей Платона: по Платону, сущность вещи, будучи идеей ея, отдѣлена отъ нея, по Аристотелю, сущность не отдѣлива отъ вещи. Однако една ли взглядъ Аристотеля не составляетъ лишь части взгляда Платона; онъ не протаворѣчитъ въ сущности своему учителю, но только произнесъ половину его мысли не произносить вторую половину ея. Сущность вещи заключена въ ней самой, а это одинаково по Платону (идеи суть сущности вещей, вещи причастны идеямъ) и по Аристотелю. Но сущность вещи исчерпана ли, ограничена ли въ своемъ существованіи моментомъ и мѣстомъ существованія единичной вещи, напримѣръ, сущность круга сосредоточена ли всецѣло въ этомъ нарисованномъ кругѣ? Платонъ отвѣчаетъ на это отрицательно, и Аристотель, по совершенной невозможности, едва ли сталъ бы утверждать это.

предметы, соучаствующіе съ ними, не могутъ происходить, если нѣтъ того, что будетъ двигать ихъ; притомъ же многое другое дѣлается, домъ, напримѣръ, кольцо, а тѣмъ не менѣе мы не говоримъ, чтобы были виды этихъ предметовъ. Однако ясно, что и прочее можетъ существовать и происходить въ силу подобнаго же рода причинъ, какъ и только что названныя вещи.

13. Съ другой стороны, если виды суть числа, то какъ они могутъ быть причинами? въ томъ ли смыслѣ, что каждое изъ существъ есть какое-нибудь различное число, напримѣръ, такое-то число человека, такое-то Сократъ, такое-то Каллій? Но какимъ образомъ первые служатъ причинами для послѣднихъ? Вѣдь мало имѣетъ значенія то обстоятельство, что первые вѣчны, а послѣдніе нѣтъ. Если же принять, что тутъ рѣчь о соотношеніяхъ (λόγοι) чиселъ, въ родѣ звуковаго аккорда ¹⁾, то ясно, что должно быть нѣчто единое, съ которымъ есть соотношенія. 14. Если же есть это нѣчто, то-есть, матерія, то, очевидно, сами числа будутъ нѣкоторыми соотношеніями одной вещи къ другой. Приведу примѣръ: если Каллій есть численное соотношеніе огня, земли, воды и воздуха, то при наличности нѣкоторыхъ другихъ субстратовъ будетъ существовать и идея, число ²⁾. При всемъ томъ человекъ остается самъ по себѣ, такъ что будетъ ли въ дѣйствительности какое число или не будетъ, всетаки будетъ только численное соотношеніе нѣкоторыхъ предметовъ, а не прямо число; никто черезъ это не будетъ числомъ. 15. Кромѣ того, изъ многихъ чиселъ легко происходитъ одно число ³⁾, а какъ изъ нѣсколькихъ видовъ является одинъ видъ ⁴⁾? Если [сказать, что] не изъ самихъ [видовъ] [образуется единый видъ], но такъ, какъ изъ единицъ, находящихся въ числѣ, напримѣръ, въ десяти тысячахъ, [образуется цѣлое число], — то какъ относятся другъ къ другу единицы? Здѣсь много будетъ затрудненій, будутъ ли они одновидны

1) Известно, что въ музыкальных гармоніяхъ проявляются собственно не числа, но лишь численныя соотношенія.

2) Означало бы сказать „численное соотношеніе“.

3) То-есть, черезъ простое сложеніе ихъ.

4) По Аристотелю, вопросъ, какъ изъ видовъ образуется одинъ видъ (то-есть, или изъ всѣхъ видовъ послѣдній и единый, къ которому они все содержатся), не разрѣшается сравненіемъ образованія его съ образованіемъ числа изъ единицъ, а сводится къ другому вопросу: такъ ли отдѣльные виды относятся другъ къ другу, какъ отдѣльныя единицы?

или не однородны, то-есть, ни будутъ тождественни другъ съ другомъ, ни каждая единица не похожа на всѣ другія. Дѣйствительно, если единицы лишены всякаго индивидуальнаго свойства, то чѣмъ онѣ будутъ отличны другъ отъ друга? Все это не основательно и не согласно съ здравымъ мышленіемъ. 16. Далѣе необходимо будетъ образовать какой-нибудь другой новый родъ числа, которымъ занимается собственно арифметика, и [создать] все то, что называется нѣкоторыми [философами] ¹⁾ „посредствующимъ“. А это посредствующее какъ будетъ существовать? Изъ какихъ началъ будетъ исходить? Почему нужно посредствующее между здѣшнимъ міромъ и идеями? ²⁾ 17. Еще нужно предположить, что обѣ единицы, входящія въ діаду, вышли изъ какой-то предшествующей діады ³⁾; но это было бы не возможно, и потомъ какъ составное число оказывается единымъ?

Съ другой стороны, если принять, что единицы различны, то нужно было бы учить точно такъ, какъ это дѣлаютъ тѣ, которые признають четыре или двѣ стихіи. Вѣдь каждый изъ этихъ философовъ разумѣетъ подъ стихіей не общее что-либо, напримѣръ, тѣло, но именно огонь и землю, [не обращая вниманія на то], есть ли понятіе „тѣло“ нѣчто общее [въ стихіяхъ], или нѣтъ. Но здѣсь рѣчь идетъ о единомъ, состоящемъ изъ одинаковыхъ частей, какъ огонь или вода ⁴⁾. А если такъ, то части не могутъ быть сущностями ⁵⁾, и ясно, что если есть что-нибудь единое само по себѣ, и если оно принимается за начало, то (слово) „единое“ употребляется въ нѣсколькихъ смыслахъ, — иначе не возможно [понять это единое]. 18. Желая свести сущности съ началомъ, сторонники идей понятіе длины ⁶⁾ составляютъ изъ понятій длиннаго и короткаго, то-есть, изъ нѣкотораго малаго и великаго, поверхность—изъ широкаго и узкаго, тѣло—изъ высокаго (глубокаго) и низкаго. 19. Но однако какъ

¹⁾ Самимъ Платономъ.

²⁾ Вульварно: „между здѣсь и нини“.

³⁾ У Платона діада (большое и малое) есть начало всѣхъ чиселъ. Аристотель спрашиваетъ: откуда взялась единица, входящая въ составъ этой діады. Согласно духу Платониковъ, остается только отвѣтить, что изъ предыдущей діады; „но это не возможно“, замѣчаетъ Аристотель, очевидно потому, что діада по самому условію есть первое по отношенію ко всему другому, и еще потому, что къ ней, къ этой другой діадѣ, приложимъ тотъ же самый вопросъ.

⁴⁾ Части которыхъ (то-есть, въ отдаленности огня или водъ) совершенно однородны между собою.

⁵⁾ То-есть, части вещей не подобныхъ.

⁶⁾ То-есть, линія.

это поверхность можетъ содержать въ себѣ линію, или какъ тѣло будетъ содержать въ себѣ линію, или какъ тѣло будетъ содержать въ себѣ линію и поверхность? Вѣдь, съ одной стороны, широкое и узкое, съ другой—высокое и низкое суть понятія совершенно разнородныя. Итакъ, подобно тому какъ число не присуще всему этому ¹⁾, потому что многое и немногое есть нѣчто другое сравнительно съ этимъ ²⁾, точно также и изъ указанныхъ понятій ни одно высшее, очевидно, не присуще низшему ³⁾; напротивъ, широкое, напримѣръ, вовсе не есть родъ высокаго, ибо иначе тѣло было бы какою-нибудь поверхностью. 20. Къ тому же, изъ чего производутъ точки присущія тѣламъ? Съ подобнаго рода вопросомъ Платону пришлось считаться, какъ съ чисто геометрическимъ, но онъ называлъ точку началомъ линіи, и часто не дѣлимая линія принималъ за нее ⁴⁾. Вѣдь необходимо же было, чтобы онѣ имѣли предѣлъ какой-нибудь, такъ что точка существуетъ на томъ же основаніи, на какомъ и линія.

21. Вообще говоря, хотя мудрость должна изыскивать причинную основу всего видимаго, это самое у насъ ⁵⁾ и упущено изъ виду: вѣдь мы ничего не говоримъ о причинѣ, откуда идетъ начало перемѣны. Думая объяснить сущность видимаго, мы утверждаемъ, что существуютъ еще другія сущности; а какъ послѣднія оказались сущностью видимаго, по этому вопросу мы говоримъ пустяки. Ибо понятіе „соучастія“, какъ мы выше сказали, ничего не выражаетъ. Ученіе о видахъ вовсе не касается ни того, что составляетъ, какъ мы видимъ, основаніе для знаній, изъ-за чего дѣйствуетъ и разумъ всякаго человѣка (*πᾶς ὄντος*), и всякая природа, то-есть ⁶⁾, той причины, которую мы признаемъ однимъ изъ началъ: математическія понятія ⁷⁾ стали для теперешнихъ философовъ философій, такъ

¹⁾ То-есть, длина, ширина и пр.

²⁾ То-есть, сравнительно съ линією, поверхностью и пр.

³⁾ Понятіе тала будетъ высшее сравнительно съ понятіемъ поверхности, а послѣднее будетъ высшее сравнительно съ понятіемъ линіи.

⁴⁾ Этого ученія нѣтъ въ діалогахъ Платона, и оно, вѣроятно, излагалось устно и не было совсемъ записано.

⁵⁾ Аристотель говоритъ здѣсь какъ ученикъ Платона.

⁶⁾ Въ текстѣ не „то-есть“, а „ни“: значить, основа знаній и цѣль составляютъ какъ бы два понятія.

⁷⁾ Въ „Республикѣ“ Платона говорится о необходимости математическихъ изученій, но лишь какъ о предварительной ступени, которую нужно пройти прежде,

какъ они утверждаютъ, что этимъ нужно заниматься ради [позна- ния] всего прочаго. 22. Кромѣ того, можно думать, что субстратъ, который они подставляютъ какъ матерію, еще болѣе математиченъ и скорѣе можетъ быть атрибутомъ и разницею между сущностью и матерію, чѣмъ быть самою матерію, — подобно тому какъ и ве- ликое, и малое [служить скорѣе атрибутомъ и разницею, нежели матерію]. Точно также учатъ и физики о рѣдкомъ и плотномъ, утверждая, что эти [начала] суть первичныя различія въ субстратѣ, межъ тѣмъ какъ это только нѣкотораго рода излишекъ и недоста- токъ. 23. Что касается движенія, если великое и малое будетъ движеніемъ, то очевидно, что виды также будутъ въ движеніи; если же нѣтъ, то откуда же пришло движеніе? Вѣдь [если уничтожить движеніе], потеряетъ значеніе все изученіе природы. 24. Тогда не удастся доказать — а это, кажется, легко — что все образуетъ еди- ное; ибо если кто допускаетъ все, у него въ силу процесса отвле- ченія (*ἀκρίσει*) все не станетъ единымъ, но будетъ единымъ только то, что онъ получитъ въ результатѣ отвлеченія (*αὐτό τι ἐν*). Да и такой выводъ не возможенъ, если онъ не допустить, что всеобщее есть родъ; а это [допущеніе] во многихъ случаяхъ не возможно.

25. Равнымъ образомъ никакого основанія не имѣетъ и то, что у нихъ стоитъ послѣ чиселъ, а именно понятія длины, поверхно- сти и твердаго; [они не говорятъ] ни того, какъ они существуютъ, ни того, какъ они могутъ существовать, ни того, какою они имѣ- ютъ силу. Ибо не возможно, чтобъ это были виды, потому что это не числа; [не возможно, чтобъ это были] посредствующіе элементы, потому что послѣдніе математическаго характера (*τὰ μαθηματικά*), [не возможно, чтобъ это было] подверженное уничтоженію; такимъ образомъ здѣсь оказывается еще какой-то четвертый родъ. 26. Од- нимъ словомъ если изслѣдовать стихіи всего сущаго, не разграни- чивши [значеній сущаго] (такъ какъ оно разумѣется во многихъ смыслахъ), то не возможно найдти стихій, особенно если кто наслѣ-

чѣмъ приступить къ занятиямъ философіей. Быть можетъ, поэтому, подъ 'тепе- ренными философами' Аристотель разумѣетъ Спевзиппа, преемника Платона въ Академіи, который заималъ идеи своего учителя числами, считая послѣдніе отдѣльными отъ вещей (какъ и идеи), а также и другихъ учениковъ его, Есе- нократа (тоже сблизившагося съ пифагорействомъ) и особенно Филиппа, кото- рый изученію математики и астрономіи предавался еще болѣе, нежели изуче- нію философіи.

дуетъ этимъ способомъ ¹⁾), изъ какихъ стихій состоитъ сущее ²⁾). Ибо при такомъ способѣ, безъ сомнѣнія, не возможно получить отвѣтъ на вопросъ, изъ чего явилась дѣятельность, изъ чего пассивность, изъ чего прямое и т. д.; а если [получишь отвѣтъ], то только относительно сущностей, такъ что изслѣдовать подобнымъ образомъ стихіи всего сущаго или думать, что имѣешь (то-есть, въ результатѣ изслѣдованія) эти стихіи — одинаково далеко отъ истины ³⁾. 27. Какъ же въ самомъ дѣлѣ узнать стихіи всего? Очевидно, нельзя ничего понимать предварительно, до изслѣдованія. Ибо какъ учащемуся геометріи возможно прочія знанія пріобрѣсти раньше, но онъ не знаетъ заранѣе того, о чемъ трактуетъ эта наука и чему онъ хочетъ научиться, точно также бываетъ конечно и въ отношеніи прочихъ [знаній]. 28. Слѣдовательно, если есть какое знаніе всѣхъ вещей, какъ это иные утверждаютъ, то стремящійся къ этому (всеобщему) знанію, конечно, не можетъ ничего знать предварительно. Однако всякое изученіе происходитъ при посредствѣ прежнихъ свѣдѣній, цѣликомъ ли, или только частью, и притомъ какъ то, которое пользуется доказательствомъ, такъ и то, которое пользуется опредѣленіями; вѣдь элементы, изъ которыхъ состоитъ опредѣленіе, нужно знать прежде, и они должны быть понятны ⁴⁾. Подобнымъ же образомъ бываетъ и въ знаніи, пользуемся наведеніемъ. Однако же, если самое лучшее изъ знаній оказывается врожденнымъ намъ, удивительно, какъ мы не знаемъ даже, что владѣемъ имъ. 29. Далѣе, какъ кто-нибудь пойметъ, изъ чего состоитъ [это предварительное знаніе] и какъ оно выяснится? Вѣдь и здѣсь встрѣчается затрудненіе: иной станетъ сомнѣваться, какъ это бы-

¹⁾ То-есть, методомъ сторонниковъ идей.

²⁾ Подъ „стихіями сущаго“ и подъ „разъривченіемъ значеній сущаго“ здѣсь нужно разумѣть тѣ четыре рода метафизическихъ началъ, которыя нашелъ самъ Аристотель: матерію, форму, причину движущую и цѣль. Входя образующими элементами во великій предметъ и явленіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ суть элементы и всего сущаго.

³⁾ Нужно думать: отъ полноты истины.

⁴⁾ Возраженіе противъ существованія врожденныхъ понятій, которое сохранить свою силу во все времена. Подъ элементами здѣсь слѣдуетъ разумѣть то, что въ логикѣ обозначается именами логического подлежащаго и логического связуемаго; всякое понятіе состоитъ изъ нихъ. Но именно то, что обозначается этими именами, не можетъ быть извѣстно разуму раньше чувственного впечатлѣнія, а потому не можетъ быть въ немъ и самаго понятія, въ которомъ связуются эти имена.

ваетъ и относительно нѣкоторыхъ слоговъ. Одни, напримѣръ, утверждаютъ, что ζα состоитъ изъ δ, σ и α, другіе, что это совершенно другой звукъ, ни одинъ изъ тѣхъ, которые извѣстны. 30. Еще вопросъ. То, что подлежитъ чувствамъ, какъ можетъ понять кто-нибудь, не обладающій способностью чувства? А между тѣмъ онъ долженъ былъ бы понять, если только стихіи всего суть одиѣ и тѣ же, и изъ нихъ состоитъ все, какъ сложные звуки состоятъ изъ простыхъ буквъ.

X.

1. Изъ вышесказаннаго ясно, что всё, кажется, [философы] изслѣдуютъ указанныя нами въ „Физикѣ“ причины, и кромѣ нихъ мы не умѣли бы ни одной указать. Но они говорили о нихъ неясно, и нѣкоторымъ образомъ оцѣ всё указано прежде насъ, а нѣкоторымъ образомъ вовсе не [разсмотрѣны]. Ибо первоначальная философія обо всемъ только заикается, такъ какъ она была въ началѣ и лишь при первыхъ своихъ шагахъ (τὸ κρῖτον). 2. Такимъ образомъ Эмпедоклъ, напримѣръ, говоритъ, что кость существуетъ соотношеніемъ (τῷ λόγῳ),—это у него и есть то, въ силу чего она есть то, что есть и служитъ сущностью этой вещи. Но всетаки необходимо, чтобы мясо и всякая другая подобная вещь были соотношеніемъ, или ужъ нигдѣ [нѣтъ соотношенія]. Вѣдь благодаря этому соотношенію существуетъ и мясо, и кость, и каждая подобная вещь, а не благодаря матеріи, которую тотъ считаетъ /огонь, землю, воду и воздухъ. Съ этими [возраженіями] онъ необходимо согласился бы, еслибы кто другой привелъ ихъ ему; но самъ онъ высказался неясно. 3. Итакъ, эти пункты выяснены и въ предшествующемъ изложеніи; и въ чемъ можно еще затрудняться, то мы снова повторимъ. Можетъ быть; отъ этого мы получимъ какое-нибудь облегченіе для рѣшенія дальнѣйшихъ затрудненій.

Книга II ¹⁾.

I. О трудности философских изысканий; важность и необходимость исторической преемственности в этих изысканиях; о постоянном и временном в области изучаемаго; начала постоянно сущаго, какъ причина бытія и истинности для всего остальнаго.—II. Рядъ причинъ, будемъ ли мы разсматривать ихъ съ точки зрѣнія преемственности во времени, или съ точки зрѣнія ихъ различія, не можетъ идти въ безконечность. Какъ рядъ преемствъ, причины не могутъ идти въ безконечность ни въ смыслѣ матеріи, ни въ смыслѣ начала движенія. Также и дѣли не могутъ представлять собою нигдѣ не оканчивающагося ряда. О промежуточныхъ моментахъ въ ряду причинъ. Различный смыслъ, въ которомъ можетъ быть понимаемо „происхожденіе“; о посредствующихъ моментахъ; происхожденіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ безконечность. Съ точки зрѣнія теоріи знанія также нельзя предположить безконечнаго ряда причинъ, потому что тогда не было бы твердой опоры для мышленія. О видахъ причинъ; не возможно, чтобы и они были безконечны.—III. О вліяніи привычки въ дѣлѣ воспріятія истины; всегда ли умѣстна математическая точность? О необходимости всякій разъ изслѣдовать, какъ долженъ быть доказываемъ всякій предметъ.

I.

I. Теоретическое изысканіе истины, съ одной стороны, трудно, съ другой—легко. На это указываетъ то, что, съ одной стороны, никто не можетъ совершенно постигнуть ее, съ другой—никто вполне не

¹⁾ Настоящая вторая книга носитъ у греческихъ схоластовъ названіе „первой малой“. Руководствуясь текстомъ Беккера, мы однако не придерживаемся его нумераціи книгъ и „первую малую“ книгу называемъ, согласно другимъ издателямъ и комментаторамъ, второю. Можно думать, что греческіе схоласты потому назвали настоящую книгу „первою малю“, то-есть, какъ бы дополненіемъ къ первой, что ея первая глава тѣсно примыкаетъ по своему содержанію къ первой книгѣ; но этого нельзя сказать уже ни о второй главѣ настоящей книги, ни о ея третьей главѣ. Основываясь на томъ, что всѣ три главы этой книги имѣютъ различное, ничѣмъ не связанное между собою содержаніе, мы думаемъ, что онѣ, подобно и другимъ частямъ Метафизики, но лишь въ гораздо большей степени, представляютъ собою не только не обработанное, но и не доконченное разсужденіе, въ которомъ три отдѣльно выраженныхъ мысли не были соединены никакими промежуточными, связующими мыслями. Нѣкоторые комментаторы считаютъ эти три главы позднѣйшею вставкою, не принадлежащею самому Аристотелю; по крайней мѣрѣ относительно самой важной изъ нихъ, именно второй, мы думаемъ, что это несправедливо, основываясь на всемъ строй мышленія, который проглядываетъ въ ней и такъ отличителенъ для Аристотеля.

уклоняется отъ нея ¹⁾, но каждый говоритъ кое-что въ объясненіе природы ²⁾; и, слѣдовательно, по одиночкѣ каждый или ничего не прибавляетъ къ нему ³⁾, или мало прибавляетъ, а изъ совокупныхъ усилій получается нѣчто важное ⁴⁾. Поэтому если на дѣло смотрѣть по пословицѣ: „кто въ дверь не попадетъ стрѣлой?“, то съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе было бы легко. 2. А то обстоятельство, что цѣлымъ можно овладѣть въ нѣкоторой степени, а каждую часть нельзя знать также хорошо, это указываетъ на трудность изысканія. А такъ какъ трудность эта двусторонняя, то причина ея, можетъ быть, лежитъ не въ вещахъ, но въ насъ самихъ. Ибо какъ глаза летучихъ мышей относятся къ дневному свѣту, точно также и умъ нашей души

¹⁾ То-есть, во всякомъ мнѣніи есть часть истины и часть заблужденія. Высказывая этотъ взглядъ на человѣческія способности, съ одной стороны, всегда ограниченныя, а съ другой—никогда совершенно не немощныя, Аристотель, можно подумитъ, протягиваетъ руку электикамъ. Но это только по видимому. Вѣтъ философскій взглядъ на истину, который по вѣншиности едва можно отличать отъ электизма, но который въ действительности совершенно противоположенъ ему. Электизмъ узокъ, не вытѣкаетъ за собою никакого прочнаго убѣжденія и вытекаетъ изъ простой неспособности къ философскому мышленію, страннымъ образомъ соединенной съ любовью къ философіи. Отсюда часто вѣншіе, механическіе приемы его въ дѣлѣ согласованія различныхъ философскихъ ученій; обыкновенно онъ не связываетъ ихъ корни, но только силится сблизить ихъ вершины. Этому направленію противоположенъ универсализмъ, въ которомъ философское мышленіе развиваетъ систему понятій, на столько сложныхъ и на столько глубокихъ, что въ ней глубочайшимъ образомъ примиряются самыя, по видимому, противоположныя взгляды. Таковъ былъ, въ недавнее время, универсализмъ Гегеля, чѣд можно наблюдать и въ собственномъ отношеніи его къ исторіи философіи, и въ исторіи его идей послѣ его смерти; таковъ же былъ и универсализмъ Лейбница, слова котораго о себѣ: „Я одобряю почти все, чѣд не читаю, потому что хорошо понимаю, какъ различно могутъ быть поняты вещи“ могутъ быть поставлены въ параллель съ мыслями о знаніи Аристотеля.

²⁾ Буквально „о природѣ“, но разумѣется, конечно, въ „объясненіи природы“.

³⁾ То-есть, къ объясненію природы. Здѣсь разумѣется тотъ случай, когда высказывающій какое-либо мнѣніе въ той части его, которая справедлива, лишь повторять сказанное кѣмъ-нибудь прежде.

⁴⁾ Эта мысль, которую Аристотель высказалъ только въ отношеніи къ одновременному изученію науки, повидѣе была высказана Викономъ въ отношеніи къ одновременному изученію науки. Идея Викона, который лишь полнѣе и всестороннѣе разработалъ мысль Аристотеля (см. въ особенности его трактатъ „О достоинствахъ и усовершенствованіи наукъ“), нашла свое осуществленіе въ учрежденіи академій и ученыхъ обществъ, гдѣ знаніе двигается впередъ усиліями не отдельныхъ людей, ничѣмъ между собою не связанныхъ, но организованныхъ трудомъ многихъ.

ослѣпляется тѣмъ, что есть самаго яснаго въ природѣ. 3. Но всетаки справедливо имѣть признательность не только къ тѣмъ, которые раздѣляли бы наши мнѣнія, но и къ тѣмъ, которые оказываются слишкомъ еще поверхностными въ своихъ изысканіяхъ: вѣдь и послѣдніе кое-что давали отъ себя, такъ какъ они подготовили для насъ обладаніе знаніемъ. Еслибы не родился Тимофей ¹⁾, мы не имѣли бы обилія мелической поэзіи, а еслибы не было Фриниса ²⁾, не было бы и Тимофея. То же можно сказать и о философахъ, старавшихся открыть истину: отъ однихъ мы получили истинныя взгляды, а другіе дали возможность появиться имъ.

4. Правильно и философію назвать знаніемъ истины, потому что цѣль умозрительнаго знанія—истина, а практическаго—дѣятельность. Дѣйствительно, практическіе дѣятели, даже если когда разсматриваютъ вещи, въ какомъ онѣ состояніи, они изслѣдуютъ не вѣчное, но относительное, теперешнее ³⁾; а мы не знаемъ истиннаго, не зная причины. 5. Каждая вещь имѣетъ свое значеніе въ ряду другихъ того же рода всего болѣе сообразно съ тѣмъ, на сколько она служитъ основаніемъ для синонимическаго обозначенія этихъ послѣднихъ ⁴⁾.

¹⁾ Тимофей—знаменитый милетскій поэтъ и музыкантъ (ум. около 357 г.); онъ прибавилъ четыре струны къ лирѣ и такимъ образомъ употребилъ новыя сочетанія музыкальной гармоніи.

²⁾ Фринисъ, какъ и Тимофей, былъ родомъ изъ Милета и славился какъ мелическій поэтъ и музыкантъ. Онъ жилъ лѣтъ за 50 до Тимофея, около 450 г. до Р. Хр.

³⁾ Здѣсь дается опредѣленіе различія, которое существуетъ между *содержаніемъ* знанія философскаго и научнаго—съ одной стороны, и знанія обыкновеннаго—съ другой: первое есть знаніе о вѣчномъ, второе имѣетъ своимъ предметомъ „относительное, теперешнее“. Подъ знаніемъ „вѣчнаго“ слѣдуетъ разумѣть знаніе того общаго, что заключается въ единичныхъ наблюдаемыхъ предметахъ и явленіяхъ; привыкаясь къ понятіямъ нашего времени, мы сказали бы, что сюда прежде всего относятся знаніе законовъ и силъ природы; но понятіе „закона и силы“ не было выработано древнимъ мышленіемъ: они сливались въ одномъ общемъ представленіи „причины“ или „начала“, какъ это видно и изъ страннаго на первый взглядъ окончанія ст. 4-й въ текстѣ: „а мы не знаемъ истиннаго, не зная причины“: цѣлью философскихъ исканій служитъ истина, то-есть, знаніе о вѣчномъ; но вѣчны именно метафизическія основанія вещей и явленій, ихъ „причины“; поэтому пока мы не знаемъ ихъ, мы не знаемъ истиннаго.

⁴⁾ Въ этомъ стихѣ слово „вещь“, дважды употребленное, нужно понимать въ двухъ различныхъ смыслахъ. Во второмъ случаѣ, когда говорится о „рядѣ вещей, получающихъ ния свое отъ присутствія въ нихъ чего-либо одного (напримѣръ, огня), терминъ „вещь“ употребляется въ своемъ обычномъ смыслѣ и означаетъ

какъ, напримѣръ, огонь самое теплое изъ тѣлъ, ибо онъ есть причина теплоты во всемъ остальномъ. Слѣдовательно, и самое истинное есть то, что служитъ основой истинности для всего послѣдующаго ¹⁾). Вотъ почему начала вѣчно сущаго по необходимости всегда истиннѣе всего: ибо они истинны не временно, и для нихъ ничто не служитъ причиной бытія, но они служатъ этою причиной для всего остального. Итакъ, всякая вещь на сколько имѣетъ отношенія къ бытію въ самой себѣ, на столько же имѣетъ въ себѣ и истинности.

II.

1. Однакоже ясно, что есть, конечно, какое-то высшее начало и не безконечны причины всего сущаго, ни въ значеніи послѣдователь-

ное единичное наблюдаемое; въ первомъ же случаѣ подъ „вещью, которая служитъ основаніемъ для синонимическаго обозначенія“ другихъ вещей, нужно разумѣть общее многимъ вещамъ, что объединяетъ ихъ въ одинъ порядокъ, дѣлая ихъ по присутствію этого общаго сходными между собою. Примѣняясь къ теперешнимъ понятіямъ, мы назвали бы это *общими свойствами*, которое путемъ отвлеченія мы *отдѣляли* отъ единичныхъ предметовъ и, отдѣливъ, обозначали особымъ именемъ, какъ бы какое-то существо, напримѣръ, кривизна по отношенію къ кривымъ линіямъ (параллель къ огню въ его отношеніи къ теплымъ вещамъ; примѣръ не удаченъ, потому что Аристотелю не была известна истинная природа ни огня, ни теплоты).

¹⁾ Мысль, встрѣчающаяся у Парменида, Платона и у многихъ послѣдующихъ философовъ. Ходъ мышленія здѣсь слѣдующій: истина есть знаніе вѣчное, не преходящее; ей соответствующее (то, о чемъ истина) также вѣчно; какъ никогда не перестающее быть причастнымъ истинѣ, оно есть, потому, *истинное бытіе*. Знаніе же, соответствующее не вѣчному, перестаетъ быть истиннымъ съ исчезновеніемъ своего предмета (напримѣръ, выраженіе „домъ строится“ истинно лишь пока онъ дѣйствительно строится) и послѣ этого исчезновенія оно становится ложью (когда домъ уже готовъ, выраженіе „онъ строится“ есть ложь); какъ причастный знанію, лишь временно истинному, а въ другое время ложному, и предметъ не вѣчный есть лишь *полуистиннымъ*. Отсюда: во всякой вещи на сколько есть бытія, на столько есть и истинны. Но основаніе вещи или явленія всегда вѣчнѣе ихъ, и потому они—истиннѣе. Далѣе, все вѣчно сущее есть также и вѣчно истинное; но „начала вѣчно сущаго“ истиннѣе и его: они какъ бы переполнены бытіемъ, излишекъ котораго изливаютъ на другое, что также вѣчно, но лишь въ зависимости отъ нихъ, этихъ началъ своихъ. Въ схоластическомъ философіи это понятіе Аристотеля нашло для себя хорошее выраженіе въ знаменитыхъ терминахъ „*ens realissimus*“ и „*natura naturans*“ (у Скота Эригена), которые одинаково обозначаютъ верховное и творческое начало природы.

ности, не съ точки зрѣнія ихъ вида, по группамъ ¹⁾). Такъ не возможно, чтобъ одно выходило изъ другаго, другое изъ третьяго и т. д. въ безконечность какъ изъ матеріи, напримѣръ, мясо изъ земли, земля изъ воздуха, воздухъ изъ огня, и чтобы этотъ рядъ переходовъ нигдѣ не останавливался. Не возможно это и съ точки зрѣнія вопроса, откуда начало движенія, напримѣръ, не возможно, чтобы человекъ получалъ движеніе отъ воздуха, воздухъ отъ солнца, солнце отъ раздора (между элементами), и чтобы такой послѣдовательности совсѣмъ не было предѣла. 2. Равнымъ образомъ и цѣли, ради которыхъ что существуетъ, не могутъ идти въ безконечность: прогулка ради здоровья, здоровье ради счастья, счастье ради чего-нибудь другаго, и такъ далѣе, постоянно одно ради другаго. Точно также дѣло обстоитъ и въ отношеніи къ тому, въ силу чего что-либо есть то, что оно есть и чѣмъ было (*τὸ τί ἦν εἶναι*).

3. Именно, что касается среднихъ моментовъ, въ которыхъ есть какой-нибудь послѣдній и первый моментъ, то необходимо, чтобы предшествующій былъ причиной слѣдующихъ за нимъ. Такимъ образомъ, если намъ нужно сказать, который изъ трехъ моментовъ причина двухъ другихъ, мы скажемъ конечно: первый. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, конечно, назвать послѣдній, ибо, что въ концѣ, то ни для чего не бываетъ причиной; нельзя однако назвать и средняго, ибо онъ причина только одного момента. 4. Кромѣ того, вовсе не важно, одинъ ли средній моментъ или ихъ больше одного, безпредѣльны ли они или ограничены. Для безконечнаго въ этомъ отношеніи и вообще для безконечнаго всѣ части одинаково среднія до теперешняго момента, такъ что если нѣтъ никакого перваго момента, то и вообще нѣтъ никакой причины.

5. Но, съ другой стороны, и внизъ спускаясь, не возможно идти въ безконечность, когда начинать съ верхняго (конца), напримѣръ, въ такомъ порядкѣ: изъ огня вода, изъ воды земля и т. д., такъ, чтобы постоянно появлялся какой-нибудь новый родъ вещей. Дѣйствительно, въ двухъ смыслахъ можно говорить, что одно происходитъ изъ ²⁾ другаго, не говоря о томъ случаѣ, когда одно происхо-

¹⁾ Это послѣднее значеніе причинъ выискивается въ ст. 13 настоящей главы, а первое значеніе ихъ, въ значеніи послѣдовательности, разбирается въ первыхъ двѣнадцати стихахъ.

²⁾ Въ греческомъ предлогѣ *ἐκ* заключаются значенія *изъ* и *послѣ*; по русски же является необходимымъ выразить эти различныя значенія въ различныи предлогамъ (въ текстѣ: *ἐκ—ἐκ*).

дять послѣ другаго, какъ напримѣръ, олимпійскія игры послѣ истмійскихъ ¹⁾; или въ томъ смыслѣ, какъ изъ развивающагося ²⁾ дитяти происходитъ мужъ, или въ томъ смыслѣ, какъ изъ воды воздухъ.

6. Именно, когда мы говоримъ, что изъ дитяти происходитъ мужъ, то это какъ бы значить, что все ставшее чѣмъ-нибудь происходитъ изъ того, чтò прежде становилось, или совершенное изъ того, чтò совершалось. Значить всегда есть нѣчто посредствующее; какъ между моментами бытія и небытія посредствующій моментъ есть происхождение, такъ и между сущимъ и не сущимъ стоитъ происходящее.

7. Кто учится, тотъ есть становящійся свѣдущимъ; это и значить говорить, что изъ учащагося происходитъ свѣдущій. Но когда говорятъ о такомъ происхожденіи, какъ воды изъ воздуха, то одинъ изъ двухъ предметовъ уничтожается. Такимъ образомъ два первые предмета не могутъ обратно переходить другъ въ друга: изъ мужа вовсе не происходитъ дитя, ибо происходящее здѣсь не является именно изъ акта происхожденія, но послѣ акта происхожденія. Вѣдь подобнымъ же образомъ и день происходитъ изъ ранняго утра, потому, что онъ бываетъ послѣ ранняго утра, но на оборотъ, раннее утро не происходитъ изъ дня. А два другіе, приведенные нами предмета, воздухъ и вода, взаимно переходятъ другъ въ друга.

8. Въ обоихъ, впрочемъ, случаяхъ не возможно идти въ безконечность (*εις άπειρον*). Ибо въ первомъ случаѣ, когда есть посредствующее, необходимо есть конецъ (*τέλος*); во второмъ случаѣ предметы переходятъ другъ въ друга взаимно, ибо уничтоженіе одного есть происхожденіе другаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и не возможно, чтобы первый моментъ погибнулъ, такъ какъ онъ вѣченъ. Ибо такъ какъ происхожденіе, если идти вверхъ, не безпредѣльно, то необходимо было бы, что то первое, изъ разрушенія чего происходитъ что-нибудь, не вѣчно ³⁾. 9. Далѣе то, ради чего что-нибудь бываетъ, есть

¹⁾ Олимпійскія игры проходили черезъ каждые 4 года, истмійскія черезъ 2 года; если считать, что каждая олимпиада *замыкалась* олимпійскими играми, а не начиналась, то начало ея придется къ моменту, когда предшествовавшія игры уже окончены, и слѣдовательно, истмійскія игры будутъ предшествовать олимпійскимъ.

²⁾ Вульварно: изъ развивающагося, *μεταβαλλοτος*.

³⁾ Въ этомъ 8 ст. слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее. Въ словахъ: „когда есть посредствующее есть конецъ“ говорится лишь о томъ смыслѣ, въ которомъ употребляютъ понятіе происхожденія, когда говорятъ, что мужъ про-

конецъ, а конецъ—это не то, что бываетъ ради другаго чего-нибудь; на оборотъ, все остальное бываетъ ради него ¹⁾). Следовательно, если

исходить изъ дитяти. Здѣсь процессъ происхожденія заканчивается въ мужъ, или, если и продолжается, то лишь повторяясь: рожденное мужемъ дитя вновь заканчивается въ мужъ и т. д. Здѣсь каждый циклъ процесса имѣетъ свой конецъ (τέλος); имѣетъ ли самъ процессъ, обнимающій весь свои циклы, какое-либо завершенье, это Аристотель опускаетъ изъ виду. Далѣе, выраженіе „не возможно, чтобы первый моментъ погибнулъ, такъ какъ онъ вѣченъ“, имѣетъ въ виду существованіе и исчезновеніе въ абсолютномъ смыслѣ и отвергаетъ такое, какъ невозможное, на основаніи закона сохраненія существованія: въ своемъ ли прежнему видѣ, или измѣнившись, перейдя въ другое что-нибудь, первый моментъ сохраняется, не погибаетъ. Наконецъ, послѣднее предложеніе: „ибо такъ какъ происхожденіе, если идти вверхъ, не безпредѣльно“ и прочее мы считаемъ испорченнымъ переносчиками, во первыхъ, потому, что и въ самомъ себѣ, и въ сопоставленіи съ предыдущимъ предложеніемъ оно заключаетъ противорѣчіе: во вторыхъ, потому, что доказывая не безпредѣльность всякаго происхожденія, оно не можетъ эту безпредѣльность считать уже доказанною и на нее именно опираться въ самомъ доказательствѣ. Поэтому читать это предложеніе слѣдуетъ такъ: (ибо такъ какъ) „происхожденіе, если идти вверхъ, не безпредѣльно, ибо иначе (вм. „то“) необходимо вышло бы (вм. „было бы“), что то первое, изъ разрушенія чего происходитъ что-нибудь, не вѣчно“. Аргументъ здѣсь основывается на томъ, что въ варіирующемъ процессѣ то, что породило его, не осуществлено еще, и именно отсюда—самое варіированье, какъ стремленіе возстановить свою первую причину, которая не можетъ же погибнуть совершенно: такъ, пока воздухъ переходитъ въ воду, нѣтъ еще ни воды, ни уже воздуха, и только тогда, когда переходъ законченъ и есть вода, въ ней, въ имѣть лишь видѣ, есть и воздухъ. Но если варіированіе идетъ въ безпредѣльность, то таковое возстановленіе породившей причины совсѣмъ не имѣетъ мѣста, и, слѣдовательно, „первый моментъ“ погибаетъ въ абсолютномъ смыслѣ; а такъ какъ это не мыслимо, то не возможно и варіированію идти въ безконечность, гдѣ-нибудь оно должно остановиться.

¹⁾ Здѣсь высказывается мысль о неподвижности всякой цѣли, о томъ, что позади ея уже ничего нѣтъ, къ чему могло бы направляться какое-либо развитіе или вообще движеніе, и направляясь сдвинуть, какинъ-либо образомъ измѣнить цѣль. Греческое слово τέλος, которое обозначаетъ не только цѣль, но также и конецъ, чрезвычайно хорошо выражаетъ это необходимое свойство всякой цѣли; русское слово „цѣль“ этого вовсе не выражаетъ, и идея о неподвижности всякой цѣли у насъ требуетъ своего утвержденія, доказательства; это въ особенности потому, что у насъ слишкомъ часто обозначается именемъ „цѣли“ то, что такъ характерно называлъ Аристотель „средними моментами“, откуда мы постоянно думаемъ и говоримъ, что цѣли могутъ быть измѣняемы. Вообще понятіе цѣли ни въ нашей наукѣ, ни въ нашей литературѣ никогда не было изслѣдовано и объяснено. Цѣль неподвижна потому, что отсутствуетъ то, что могло

последній моментъ будетъ тѣмъ-нибудь въ родѣ этого, то онъ не будетъ безпредѣльнымъ; а если последній моментъ вовсе не таковъ, то не будетъ того, ради чего все совершается. Но, кромѣ того, принимающіе безконечный рядъ причинъ незамѣтно для себя уничтожаютъ природу блага (идею о благѣ). Между тѣмъ никто не приядся бы ничого дѣлать, не имѣя въ виду дойти до известнаго предѣла; въ подобныхъ дѣйствіяхъ не было бы смысла; ибо, кто по крайней мѣрѣ имѣетъ смыслъ, тотъ всегда дѣлаетъ ради чего-нибудь, а это и есть предѣлъ, то-есть, конецъ и цѣль (τέλος).

10. А что касается того, что дѣлаетъ то, что есть, тѣмъ, что оно есть и тѣмъ быдо, то опредѣленіе этого понятія не возможно сводить къ другому опредѣленію, нагромождая только слова ¹⁾. Ибо

бы сообщить ей какое-либо движеніе, придать какое-нибудь измѣненіе; потому что если последнее существовало бы, то оно именно и было бы цѣлью, а для нея, какъ таковой, не было бы уже причинъ ни измѣненія, ни движенія. Поэтому такіа выраженія, какъ „эта цѣль не хороша“, „къ такимъ цѣлямъ нельзя стремиться“, „эту цѣль нужно видоизмѣнить“ — не имѣютъ никакого смысла; такъ можно говорить только о томъ, что не есть цѣль, и правильнымъ только такіа выраженія: „цѣль не есть это дурное“, „нельзя стремиться къ этому, потому что это не цѣль“, „это нужно видоизмѣнить, такъ какъ иначе оно не будетъ въ соотношеніи съ цѣлью“ и прочее. Цѣль есть то, что всегда хорошо, чего нельзя возвышать и одиживать, ибо не на что въ этомъ возвышаваньи опереться; она есть то, къ чему можно только стремиться, безъ размысленій, безъ колебаній. Греки, и между ними Платонъ и Аристотель, чрезвычайно ярко это чувствовали и потому безразлично употребляли термины „цѣль“ и „благо“, ибо для нихъ эти понятія были не отдѣльными, тождественнымъ, какъ они и есть въ дѣйствительности.

¹⁾ Опредѣленіе сущности какъ τὸ τί ἦν εἶναι или, если мы вѣрно угадали смыслъ этого буквально не переводимаго термина, какъ „то, что дѣлаетъ то, въ чемъ оно есть, тѣмъ, что оно есть“ есть чрезвычайно общее обозначеніе для сущности, и хотя оно безусловно правильно, но недостаточно, потому что содержать въ себѣ лишь намекъ на сущность, указаніе на нее, а не полное и ясное ея выраженіе; строго говоря, оно указываетъ лишь на отношеніе сущности вещи къ самой вещи, опредѣляетъ значеніе, которое имѣетъ для вещи ея сущность. Поэтому, мы думаемъ, оно нуждается, какъ опредѣленіе, въ дальнѣйшемъ развитіи или, что то же, въ превращеніи, путемъ раскрытія его смысла, въ другія и болѣе конкретныа опредѣленія. Сущность вещи есть конечно то, что дѣлаетъ вещь именно тѣмъ, что она есть и не допускаетъ ее стать ничѣмъ другимъ, что препятствуетъ смѣшиванію, такъ сказать обезличиванію вещей и явленій. Судя по второму предложенію ст. 10, можно думать, что Аристотель не далъ развитія опредѣленію τὸ τί ἦν εἶναι потому, что онъ опасался въ его дальнѣйшихъ превращеніяхъ какъ-нибудь опустить, ограничить смыслъ сущности, такъ

предшествующее всегда скорѣе служить подлиннымъ опредѣленіемъ, а послѣдующее опредѣленіе вовсе не есть опредѣленіе; и чему не отвѣчаетъ первое (опредѣленіе), тому подавно не можетъ соответствовать и вытекающее изъ него.

11. Кромѣ того, высказывающіе такое ученіе уничтожаютъ возможность знанія. Дѣйствительно, не возможно знать что-нибудь прежде, чѣмъ дойдешь до не поддающагося дальнѣйшему анализу; безъ этого и знать нельзя. Ибо какъ можно объять мысль все такимъ образомъ безграничное? Это вѣдь не то, что линія, которую можно не останавливаясь дѣлать; мыслить же не возможно, если нѣтъ точек опоры ¹⁾; поэтому никто не считаетъ дѣленій, если будетъ мысленно проходить по безконечной линіи ²⁾. 12. Да и матерію необходимо мыслить въ чемъ-нибудь движущемся и, значить, ничему ³⁾

хорошо, полно уловленный въ выраженіи „τὸ τί ἦν εἶναι“, „что дѣлаетъ вещь и явленіе тѣмъ, что они есть“. Это опасеніе, быть можетъ, основательно, и послѣдующія превращенія этого опредѣленія, кто знаетъ, быть можетъ, уже не такъ полно покрываютъ значеніе сущности. Замѣтимъ, что эти дальнѣйшія опредѣленія, которыя имѣютъ цѣлью конкретнѣе обозначить, что же именно дѣлаетъ каждую вещь и каждое явленіе тѣмъ, что они есть, или другими словами: что является сущностью, существеннымъ въ вещахъ и явленіяхъ? Эти опредѣленія показываютъ, что сущность пребывающаго есть *составъ* и *строеніе*, а сущность совершающагося есть *мѣщеніе*, какъ элементъ всякаго процесса, и *рѣшленіе* этихъ элементовъ или форма, строеніе процесса. Почти нельзя сомнѣваться, что именно недоумѣніе, незнаніе, *что именно бываетъ сущностью въ вещи*, и побудило Аристотеля ввести въ опредѣленіе сущности *вопросительную частіцу* τί? *что?* „то—что? не извѣстно—дѣлаетъ то, въ чемъ оно есть, тѣмъ, что оно есть и чѣмъ было“.

¹⁾ Μὴ εἰς αὐτὰ—не вставши на чемъ-нибудь.

²⁾ Въ этомъ 11 стихѣ подъ „не поддающимся дальнѣйшему анализу“ (въ текстѣ ἄτομος—не дѣлимое цѣлое, то-есть, не разложимое, не поддающееся анализу) слѣдуетъ разумѣть, такъ какъ говорится о знаніи, простѣйшее, элементарное въ немъ, то-есть, аксіомы. „Не дойдя до нихъ“, говоритъ Аристотель,—не возможно знать что-нибудь“ (тѣ-есть, знать *достоверно*), и даже пояснить, что это потому, что только знанія аксіомы могутъ служить въ знаніи точками опоры. Все это разсужденіе вытекаетъ изъ теоріи доказательствъ, вѣрныя имъ установленной для науки, согласно которой рядъ доказательствъ не можетъ идти въ безконечность, потому что, еслибы это было такъ, то тогда ни весь рядъ, ни каждое звено въ немъ не имѣли бы никакой доказательной силы. Въ этомъ случаѣ имъ имѣли бы не достовѣрныя (строга доказанныя) знанія, но лишь мнѣнія, то-есть, не имѣли бы самой науки, (или, по крайней мѣрѣ, не имѣли бы ея чистоты). То-есть, матеріальному, дѣйствительному,

нельзя быть беспредѣльнымъ ¹⁾, ибо въ противномъ случаѣ, быть беспредѣльнымъ ²⁾ не значило бы быть подлинно беспредѣльнымъ ³⁾.

13. Съ другой стороны, еслибы различныя виды причинъ были бесконечны по числу ⁴⁾, то и тогда также не возможно было бы зна-

¹⁾ То-есть, если что движется, то оно не беспредѣльно, вѣроятно, потому, что оно движется въ чемъ-нибудь, въ какой-нибудь средѣ, и тогда ограничивается ею, или же ограничивается тѣмъ, откуда движеніе, и тѣмъ, куда оно.

²⁾ То-есть, говоря о матеріи.

³⁾ То-есть, такъ какъ матерія всегда бываетъ въ движеніи, движеніе же не можетъ быть беспредѣльнымъ, то стало быть, называя матерію „беспредѣльною“, мы употребили бы это послѣднее слово не въ собственномъ его значеніи; а лишь въ некоторой условной, не точной смыслъ.

⁴⁾ См. 1 стихъ этой главы, гдѣ говорится, что причинъ не могутъ идти въ бесконечность ни въ смыслъ послѣдовательности, ни съ точки зрѣнія *оиде* ихъ, если ихъ разсматривать по *трусинамъ*. Въ началѣ настоящаго 13 стиха Аристотель говоритъ, что этого рода причинъ не могутъ быть бесконечны по числу, а въ концѣ его не говорится, что тогда въ определенномъ нельзя было бы объять неопредѣленное, „возникшее *сообразно се прибавленіемъ*“, буквальный значеніе, выраженія (*κατά τὴν πρόσθεσιν*) причинъ. Изъ этихъ трехъ признаковъ мы должны далеко указать на то, о чемъ именно говоритъ здѣсь Аристотель. Можно бы было подумать, что здѣсь Аристотель разуваетъ то, что мы называемъ „*множественностью причинъ*“ (например, повышение температуры даннаго тела можетъ производиться и отъ удара, и отъ тренія, и отъ внутреннихъ процессовъ и отъ солнца и пр.); въ такомъ случаѣ мысль Аристотеля будетъ состоять въ томъ, что не отъ всего же можетъ производиться данное явленіе, что во взаимной производимости вещей и явленій, какъ она ян представляется для наблюдателя unavoidably разнообразною, есть некоторый скрытый предѣлъ, есть невидимыя и не преодолимыя грани, черезъ которыя не можетъ переступить никакой процессъ природы. Это то, что мы назвали бы полуопредѣленною потенциальностью большинства явленій и существъ, которая нигдѣ въ природѣ не приближается къ полной неопредѣленности: данная вещь или явленіе соотносится не со всемъ, происходитъ не отъ всего и производитъ не все, но лишь съ некоторымъ, отъ котораго и некоторое. Это объясненіе отвѣчаетъ выраженію текста: „не бесконечны по числу“ (то-есть, производящія причинъ); трудно же сказать, отвѣчаетъ ли оно остальнымъ признакамъ. Далѣе, если принимать во вниманіе не механический, но метафизическій смыслъ, въ которомъ Аристотель обыкновенно понимаетъ слово „причина“, то мысль этого 13 стиха будетъ та, что каждое единичное бытіе являетъ собою синтезъ известнаго определенного числа категорій, напримеръ, существованія, сущности, свойствъ, величинъ, числа, положенія, и что нельзя, анализируя это бытіе, идти въ бесконечность, все наковыя категорій, подъ которыми оно можетъ быть разсматриваемо; терминъ „категорія“ можно принимать и не въ ограниченномъ, строгомъ значеніи, но просто въ смыслѣ „точки зрѣнія на предметъ“. Такое пониманіе текста вполне соответ-

ніе, ибо мы думаемъ, что знаемъ вещи только тогда, когда понимаемъ причины, а въ чемъ-либо опредѣленномъ не возможно объять неопредѣленное, образовавшееся накопленіемъ (κατὰ τὴν πρόθεσιν) причинъ.

III: *ἡ ἀνάγκη τῆς ἀποδείξεως ἐστὶν ἡ ἀνάγκη τῆς ἐπιστήμης*.
 IV: *ἡ ἀνάγκη τῆς ἀποδείξεως ἐστὶν ἡ ἀνάγκη τῆς ἐπιστήμης*.

1. Слушатели относятся сообразно съ своими привычками къ тому, что слушаютъ. Мы предпочитаемъ, чтобы намъ говорили такъ, какъ мы привыкли, и все, что не согласно съ этимъ, намъ представляется не похожимъ (на то, что нужно): вслѣдствіе непривычки, оно является менѣ понятнымъ и болѣе страннымъ, ибо обычное понятіе намъ. 2. Какую силу имѣетъ обычное, показываютъ законы, для пониманія которыхъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, имѣютъ значеніе мнѣ и дѣтскія сказки ¹⁾, именно вслѣдствіе привычки къ послѣднимъ. 3. И дѣйствительно, одни не усваиваютъ сказаннаго, если говорятъ имъ не въ математическихъ формулахъ, другіе предпочитаютъ поясненіе на примѣрахъ, третьи считаютъ нужнымъ, чтобы приводили имъ въ свидѣтельство поэтовъ. И далѣе, одни требуютъ во всемъ точности, другіе беспокоятъ точность, по неспособности ли ихъ слѣдовать за доказательствами, или потому, что точность они считаютъ за мелочность. Точность дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣчто подобное, такъ что инымъ она кажется недостойною сво-

отвѣтъ выраженію „κατὰ τὴν ἀπόθεσιν“ и особенно идетъ къ словамъ, что „тогда не возможно было бы знаніе“, то-есть, собственно не возможна была бы полнота знанія, исчерпывающая все содержаніе изучаемой дѣйствительности: всегда можно было бы ожидать, что въ будущемъ откроется еще новая точка зрѣнія, съ которой можетъ быть разсматриваемъ предметъ, но видимо, уже вполне изученный, и дастъ начало новому ряду знаній.

¹⁾ Эти слова, поражающія насъ своею странностью, естественны въ устахъ Аристотеля и не рѣзали ухо его читателей именно въ силу „привычки“, „обычности“, о значеніи которой въ сферѣ передачи знанія онъ говоритъ въ этой главѣ. У насъ законы — продуктъ кабинетной работы ученыхъ юристовъ, въ Греціи же они отличались народнымъ характеромъ, рождались на площади; они были или простою запятой исторически сложившихся обычаевъ, или предписаніями частью утилитарнаго, частью нравственнаго характера. Для истолкованія смысла первыхъ или справедливости вторыхъ мнѣ и сказка вполне пригодна. Вспомнимъ знаменитую басню Мененія Агриппы о частяхъ человѣческаго тѣла, и намъ станетъ понятенъ смыслъ Аристотелевскихъ словъ.

боднаго челоуѣка и въ рѣчахъ, подобно тому, какъ и въ сношеніяхъ съ людьми 4. Поэтому должно быть предварительно установлено, какъ каждый предметъ нужно доказывать, такъ что странно было бы одновременно изслѣдовать знаніе и методъ знанія: не легко сразу объять то и другое. Математическую точность не во всемъ нужно одобрять, но только въ томъ, что не имѣетъ матеріи ¹⁾. Поэтому методъ этотъ не свойственъ изученію природы, такъ какъ можетъ быть вся природа матеріальна. Въ виду этого прежде всего нужно рассмотреть, что такое природа; ибо въ такомъ случаѣ будетъ ясно и то, о чемъ говоритъ наука о природѣ, и то ²⁾, къ одной ли наукѣ, или ко многимъ относится изслѣдованіе причинъ и началъ.

II. Перловъ.

В. Розановъ.

¹⁾ То-есть, умозрительное изслѣдованіе, лучший образецъ котораго составляетъ математика, применимо лишь къ чуждой матеріи, другими словами — къ тому, что есть наше субъективное понятіе и отвлеченіе, напримеръ, къ числамъ, протяженіямъ и пр., но не къ самому числяемому, протяженному и пр.

²⁾ Последнюю фразу уже Александръ Аеродивскій считаетъ неумѣстной вставкою, сдѣланною какъ бы для связи этой главы съ послѣдующимиъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтлонисъ учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ прибрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVIII.

1890.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	19
--	----

Второй дополнительный каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которые могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ описки книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній (съ 1886 по 1889 годъ включительно)	1
И. И. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ	267
А. И. Кирпичниковъ. Особыи видъ творчества въ древне-русской литературѣ	306
М. И. Карпінскій. Вѣконечное Анаксимандра	314

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Томъ I. Екатерина до поцаренія (1729—1762). С.-Пб. 1890.	379
Ф. Л. Радловъ. Русскія работы по исторіи греческой философіи	384
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Сочиненія Н. В. Гоголя. Текстъ свѣренъ Николаемъ Тихомировымъ. Томы I, III, IV и V. М. 1889.	409
А. Д. Вейсманъ. Грамматическія наблюденія и критически-экзегетическія замѣтки. С. Жданова. Москва и Кіевъ. 1889	414
Ф. Д. Ватюшковъ. Зачатки французской лирики	425
К. К. Селгъ-Илеръ. Задачи русской народной школы. И. Горбова. М. 1887.	457
Н. И. Карѣевъ. Замѣчанія на рецензію г. Пташницкаго.	466
— Книжныя новости.	469
— Наша учебная литература (разборъ 16 книгъ).	37

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Историческое Общество въ 1889 г.	25
— Императорская Публичная Библіотека въ 1887 году	33
— Наши учебныя заведенія: I. Новороссійскій университетъ въ 1888 году.	54
II. Кавказскій учебный округъ въ 1887—1888 годахъ	59

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. М. Селивановъ. Самосъ и Пріина предъ судомъ царя Лионнаха и родосскаго народа	1
Н. В. Потушнль. Экзегетическія замѣтки къ Катуллу.	41

Редакторъ Л. Майновъ.

(Вышла 4-го апрѣля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ ССЛХVІІІ.

1890.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашова, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

КРАСНОУФРЕНСКОЕ

ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Екатеринбургск. ул., № 80.
2018.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Б. (30-го ноября 1889 г.). Положеніе о стипендіи имени потомственного почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова и дополнительнаго капитала въ три тысячи сто пятьдесятъ три рубля семьдесятъ пять коп., пожертвованнаго наследниками Колобова, учреждаются при С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени Василя Васильевича Колобова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% бумагахъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендіи, въ триста шестьдесятъ рублей каждая, назначаются, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студентамъ: одна юридическаго факультета, другая естественнаго разряда физико-математическаго факультета.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть студенты, безъ различія званія и состоянія, оказывающіе отличные успѣхи въ наукахъ и благойравнаго поведенія, но преимущественно бѣднѣйшіе и уроженцы города С.-Петербурга.

§ 5. Могущіе образоваться отъ стипендій остатки обращаются, по

усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (10-го декабря 1889 г.). Положеніе о стипендіи имени кяхтинскаго 2-й гильдіи купца Аванасія Антиповича Соломонова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ тридцать шесть тысячъ четыреста пятьдесятъ руб., завѣщаннаго кяхтинскимъ 2-й гильдіи купцомъ Аванасіемъ Антиповичемъ Соломоновымъ, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ шесть стипендій имени Аванасія Антиповича Соломонова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по триста рублей каждая, выдаются студентамъ Томскаго университета, преимущественно изъ уроженцевъ Сибири.

§ 4. Избраніе стипендіатовъ предоставляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендіи не налагаютъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Превышающіе стипендіальную сумму проценты съ стипендіального капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, и имѣющіе поступить на этотъ предметъ новыя капиталы, по окончательномъ прекращеніи дѣйствій опеки надъ имуществомъ покойнаго жертвователя, а также могущіе образоваться остатки отъ стипендіи, въ случаѣ временнаго незаимѣненія ихъ, должны быть причисляемы къ основному капиталу для образованія на счетъ процентовъ новыхъ стипендій того же имени.

7. (27-го декабря 1889 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Егора Францевича Каньрина въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, по номинальной стоимости въ пять ты-

сячь руб., и завѣщаннаго вдовою Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора графиней Ольгой Александровною Канкриной, учреждается въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ стипендія, именуемая стипендіей графа Егора Францевича Канкринна.

§ 2. Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность института, хранится съ прочими спеціальными средствами онаго въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ облигацій, указанныхъ въ пунктѣ первомъ, составляющіе 250 руб., а за вычетомъ изъ нихъ 5% подоходнаго налога, 237 руб. 50 коп. выдаются стипендіату ежемѣсячно равными частями.

§ 4. Свободный остатокъ, каковой можетъ образоваться отъ стипендіи, въ случаѣ, еслибы она оставалась нѣкоторое время не замѣщенной, присоединяется къ основному капиталу, доколѣ капиталъ этотъ не возрастетъ на столько, чтобы изъ процентовъ съ него возможно было выдавать стипендію въ размѣрѣ, одинаковомъ съ казенными стипендіями, учрежденными при институтѣ.

§ 5. Въ случаѣ образованія остатковъ отъ стипендіи и послѣ того, какъ проценты съ капитала достигнутъ вышеуказаннаго размѣра, эти остатки употребляются прежде всего на взносъ платы за обученіе въ институтѣ стипендіата, а остающаяся за тѣмъ свободная сумма выдается въ пособіе тому же стипендіату, по окончаніи имъ курса.

§ 6. Стипендіаты на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго вдовою Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора графиней Ольгой Александровною Канкриной, избираются учебнымъ комитетомъ института изъ числа учащихся въ немъ, безъ различія сословій, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ избираются комитетомъ учащіеся для замѣщенія казенныхъ стипендій, существующихъ при технологическомъ институтѣ.

8. (24-го февраля 1890 г.). Положеніе о стипендіи имени генерала-маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Алексѣевскомъ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе полезной для города Камышлова дѣятельности генераль-маіора Евгенія Васильевича Богдановича, на проценты съ составленнаго Камышловскимъ городскимъ обществомъ ка-

питала въ одну тысячу сто пятьдесятъ рублей, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается при Алексѣевскомъ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія, съ наименованіемъ стипендія генералъ-маіра Евгенія Васильевича Богдановича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставався навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ отдѣленіи государственнаго банка или въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Екатеринбургскаго реальнаго училища.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ 5%, сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются одному изъ бѣдныхъ учениковъ училища, заслуживающему того своими успѣхами и поведеніемъ, преимущественно изъ сыновей жителей города Камышлова.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи причисляются къ основному стипендіальному капиталу.

§ 5. Выборъ и назначеніе стипендіата принадлежитъ Камышловской думѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (2-го марта 1890 г.). Положеніе о капиталѣ „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“ при Повѣнецкомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 24-го февраля 1890 г. учреждается при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ капиталъ „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“ въ количествѣ трехсотъ р., пожертвованный названнымъ земствомъ въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 г.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ бумагахъ, оставався навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Повѣнецкаго городского училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 г., обращенію въ доходъ казны, употребляются на уплату за право ученія бѣднѣйшихъ учениковъ Повѣнецкаго городского училища, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, сиротъ или дѣтей мѣстныхъ жителей города и уѣзда безъ различія сословій.

§ 4. Выборъ учениковъ, которые могутъ пользоваться правомъ на

взносъ платы за ученіе изъ процентовъ съ сего капитала, а равно и лишеніе ихъ сего права за неудовлетворительные успѣхи или дурное поведеніе принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Въ случаѣ выхода означенныхъ въ § 2 процентныхъ бумагъ въ тиражъ, педагогическій совѣтъ училища обязанъ озаботиться приобрѣтеніемъ, взаимѣ ихъ новыхъ бумагъ того же достоинства.

§ 6. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ капитала причисляются къ неприкосновенному капиталу.

§ 7. Пользованіе упомянутымъ въ ст. 4 правомъ не налагаетъ на учениковъ никакихъ обязательствъ.

10. (2-го марта 1890 г.). Положеніе о стипендіи имени начальницы Екатеринбургской Марининской женской гимназій Александры Акимовны Черновой при означенной гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 24-го февраля 1890 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу девятьсотъ рублей, собраннаго обществомъ г. Екатеринослава въ память 25-лѣтняго служенія Александры Акимовны Черновой въ должности начальницы Екатеринбургской Марининской женской гимназій, учреждается при означенной гимназій стипендія имени Черновой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губерскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за исключеніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за право ученія одной изъ ученицъ безъ различія національности, вѣроисповѣданія и сословія.

§ 4. Право выбора стипендіатки предоставляется г-жѣ Черновой пожизненно, а затѣмъ переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, по производствѣ уплаты за право ученія стипендіатки, присоединяются къ стипендіальному капиталу для образованія въ будущемъ фонда на вторую, третью и т. д. стипендіи того же имени.

§ 6. Въ случаѣ измѣненія условій существованія Екатеринославской Маріинской женской гимназіи или закрытія оной, капиталъ подлежитъ передачѣ на тѣхъ же основаніяхъ другому женскому учебному заведенію г. Екатеринослава со всесловнымъ характеромъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

11. (2-го марта 1890 г.). Положеніе о трехъ стипендіяхъ при Тульскомъ реальномъ училищѣ, въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго Тульскою городскою думою въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества съ Августѣйшею Семьею отъ опасности во время крушенія поѣзда 17-го октября 1888 года, учреждаются при Тульскомъ реальномъ училищѣ три стипендіи, съ присвоеніемъ наименованія стипендіямъ: „Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора, Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича“.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Тульского реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе трехъ стипендіатовъ, остающіяся же затѣмъ деньги выдаются имъ на руки поровну.

§ 4. Стипендіаты избираются Тульскою городскою управою изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ Тульского реальнаго училища, притомъ уроженцевъ города Тулы.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неуспѣшности въ ученіи, если сіе обусловливается недостаткомъ прилежанія, стипендіатъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Могущіе образоваться, по случаю незамѣщенія стипендій, остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія его и обращаются, по накопленіи, въ процентныя бумаги.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

12. (5-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго сына ротмистра Александра Николаевича Шугурова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго Московскому университету вдовою ротмистра Марією Петровною Шугуровой и заключающагося въ шести облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, по 1.000 рублей каждая, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія.

§ 2. Завѣщанный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность Московскаго университета и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія, согласно волѣ завѣщательницы капитала, присвоивается наименованіе: стипендія имени умершаго сына ротмистра Александра Николаевича Шугурова.

§ 4. Размѣръ стипендіи, за исключеніемъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, составляетъ двѣсти восемьдесятъ пять рублей въ годъ.

§ 5. Стипендія назначается, согласно существующимъ на сей предметъ правиламъ, бѣдному, но прилежному студенту безъ различія факультета.

§ 6. Если по какому-либо случаю образуются свободные остатки отъ процентовъ съ капитала—таковые должны присоединяться къ капиталу для увеличенія впоследствии размѣра стипендіи.

13. (5-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени отставнаго гвардіи капитана Сергѣя Павловича Гессе при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ собраннаго по подпискѣ капитала въ шестьсотъ пятьдесятъ руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени отставнаго гвардіи капитана Сергѣя Павловича Гессе.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одному

изъ бѣдныхъ учениковъ училища изъ мѣщанъ города Иваново-Вознесенска или крестьянъ Шуйскаго уѣзда, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію, для уплаты за право ученія въ училищѣ и на учебныя принадлежности. Могущій оказаться остатокъ по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ выдается стипендіату въ одновременное пособіе при окончаніи имъ полнаго курса училища.

§ 3. Право избранія стипендіата, а также лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, пожизненно принадлежитъ Гессе, а послѣ его смерти переходитъ къ педагогическому совѣту Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища.

§ 4. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ (въ городѣ Шуѣ, Владимірской губерніи), въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (5-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени отставнаго маіора Михаила Яковлевича Чаадаева и женѣ его Ольги Захарьевнѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 31,000 р., пожертвованнаго вдовою отставнаго маіора Ольгой Захарьевной Чаадаевой, учреждаются при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ четыре стипендіи, по 368 руб. каждая, имени отставнаго маіора Михаила Яковлевича Чаадаева и жены его Ольги Захарьевнѣ.

§ 2. Капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и хранится въ С.-Петербургскомъ государственномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендіи назначаются, согласно существующимъ правиламъ, студентамъ русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, дѣтямъ потомственныхъ дворянъ и лицъ духовнаго званія.

Примѣчаніе: Одною изъ стипендій предоставляется пользоваться въ теченіе всего курса крестнику жертвовательницы, потомственному дворянину Александру Александровичу Вилкову, рожденному 1-го ноября 1872 года, сыну священника Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, села Хрипунова, Александра Алексѣевича Вилкова, когда онъ, Вилковъ, будетъ обучаться въ какомъ бы то ни было высшемъ учебномъ заве-

деніи Россійской имперіи: университетѣ, духовной академіи, лѣсномъ институтѣ и т. п.

§ 4. Могушіе образоваться отъ незаѣщенія стипендій остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендій, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

15. (15-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго ученика Александровской Серпуховской прогимназій Кирилла Виборни при названной прогимназій,

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго родителями умершаго ученика Кирилла Виборни, и заключающагося въ 4-хъпроцентныхъ облигаціяхъ внутренняго займа, учреждается при Александровской Серпуховской прогимназій одна стипендія имени умершаго ученика Виборни.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ установленнаго закономъ 20-го мая 1885 года 5% сбора въ казну, выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ прогимназій, жителю города Серпухова или его уѣзда, для уплаты за право ученія и на учебныя пособія.

§ 3. Право избранія стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту прогимназій; на первое же время и въ теченіе всего періода, пока въ прогимназій будутъ находиться бывшіе товарищи по классу умершаго Кирилла Виборни, стипендіаты избираются изъ числа сихъ послѣднихъ.

§ 4. Могушіи оказаться отъ временнаго незаѣщенія стипендіи, или по инымъ причинамъ, остатокъ хранится особой суммой и выдается въ единовременное пособіе сполна, или по частямъ, кому либо изъ оказывающихъ курсъ ученія въ прогимназій, не исключая и самого стипендіата.

§ 5. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

II. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Очеркъ литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Пособіе при изученіи словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ И. Гарусовъ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Въ двухъ книгахъ. Книга первая. Съ 25 полнотипажами. С.-Пб. 1890. Стр. VIII + 246. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.“ — одобрить въ качествѣ пособия къ преподаванію русской словесности въ VII и VIII классахъ гимназій и въ VII классѣ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. С. Шнейдера. Выпускъ II. Альцеста. Драма. Москва. 1890. Стр. 87. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и одобрить для ученическихъ (для старшаго возраста) библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги Андріевича: „1) Исторія Сибири. Ч. I. Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. С.-Пб. 1889. Стр. 220. Цѣна 1 р. 50 к. — Ч. II. Періодъ съ 1660 года до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Составлены по даннымъ, представляемымъ полнымъ собраніемъ законовъ и актамъ Петровскаго царствованія. С.-Пб. 1889. Стр. 487. Цѣна 3 р. — 2) Сибирь въ XIX столѣтіи. Ч. I. Періодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. С.-Пб. 1889. Стр. XV + 298. Цѣна 1 р. 50 к. — Ч. II. Періодъ съ 1806 по 1819 г. С.-Пб. 1889. Стр. X + 425. Цѣна 2 р. — 3) Ч. II. Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II. Время съ 1762 по 1769 г. Одесса. 1889. Стр. VIII + 224“ — одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Николая Ивановича Шишкина. Касимовъ. 1889. Стр. III + 172 + III. Цѣна 1 р. 25 к.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Рязанской губерніи и для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ гимназій.

— Книгу: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г. Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ А. В. Экземплярскаго. Томъ I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро - Московскіе, съ приложеніемъ хронологіи событій, касающихся Новгорода и Пскова, біографій великокняжескихъ сыновей, не занимавшихъ удѣловъ, и родословной таблицы. Изданіе графа И. И. Толстого. С.-Пб. 1889. Въ 6. 8-ку. X + 474. Цѣна 80 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Краткій курсъ географіи. Составилъ А. Я. Гердъ. Ч. I. Свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, съ краткимъ обзоромъ земного шара. С.-Пб. 1889. Стр. 57. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ видѣ руководства для мужскихъ и женскихъ гимназій.

— „Тетрадь для записыванія уроковъ и справокъ, Г. Подобы. Изданіе 8-е, Москва. 1889. Цѣна полугодовой тетради съ приложеніями 25 коп., безъ приложеній 15 коп.; а годовой съ приложеніями 35 коп., безъ приложеній 25 коп.“ — допустить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ будущемъ изданіи было исключено изъ нея все, что не имѣетъ отношенія къ записной тетради.

— Книгу: „Исторія русской словесности. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Галаховъ. Изданіе 6-е, безъ перемѣнъ. С.-Пб. 1890. Стр. 111 + 252 + XXXI“, — рекомендовать какъ учебное руководство при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ въ высшихъ классахъ гимназій (мужскихъ и женскихъ), именно въ VI, VII и VIII, а также реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Учебникъ по словесности. Андрея Филонова. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 6-е, дополненное. С.-Пб. 1890. Стр. IV + 335. Цѣна 1 руб.“ — одобрить какъ учебное пособіе по словесности въ гимназіяхъ.

— Книгу: „П. Смирновскій. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1889. Стр. 102. Цѣна 40 коп.“ — одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Знаки препинанія (пунктуация) въ связи съ краткимъ ученіемъ о предложеніяхъ и другіе знаки въ русскомъ письменномъ языкѣ. Теоретико-практическое руководство къ полному и основа-

тельному изученію пунктуациі. Составилъ А. Гусевъ. Москва. 1890. Стр. XI+159. Цѣна 50 коп.—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ заведеній министерства.

— Книгу: С. Julii Caesaris de bello gallico, съ объясненіями для перевода на русскій языкъ, составленными Андреемъ Адольфомъ, учителемъ Московской 3-й гимназіи. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1889. Въ I-й части стр. XIII+168, во II-й стр. XXVIII+198. Цѣна 1 руб. 60 коп. за обѣ части—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій министерства.

— Книги А. Н. Острогорскаго: 1) „По бѣлу свѣту. Изданіе 2-е, исправленное, съ рисунками. С.-Пб. 1889. Стр. 184. Цѣна 1 руб.— 2) Альпійская горная область. С.-Пб. 1889. Стр. 23. Цѣна 10 коп.— 3) Восхожденіе Соссюра на Монбланъ. С.-Пб. 1889. Стр. 16. Цѣна 10 коп.—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для средняго возраста.

— Книжку: „La bataille de Poltava et la captivité de Charles XII en Turquie (Extraits de l'Histoire de Charles XII, par Voltaire). Édition rédigée et annotée à l'usage des classes supérieures, par Louis Goerst. St.-Petersbourg. 1890, въ 12-ю д. л. стр. 80. Цѣна 30 коп.—допустить къ употребленію въ качествѣ пособия при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ (V и VI) всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Книга третья. С.-Пб. 1890. Стр. 367. Цѣна 2 руб. 50 коп.—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Еженедѣльную иллюстрированную газету „Русское садоводство“, издаваемую въ Москвѣ лекторомъ тамошняго университета А. П. Гемиліаномъ, подисная цѣна за 52 №№ съ пересылкой и доставкой 4 руб.—допустить въ ученическія библиотеки учебныхъ заведеній, среднихъ и низшихъ, министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру: „Крестьянскій садъ, сочиненіе Эдмунда Ядковскаго, съ 22-мя рисунками и съ 1-й таблицей, переводъ съ польскаго М. Р., съ третьяго исправленнаго изданія. Варшава. 1889—допустить къ употребленію въ библиотекахъ низшихъ народныхъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— При Хорольской женской прогимназіи съ начала 1890—1891 учебнаго года открывается 4-й классъ.

— По донесенію попечителей учебныхъ округовъ, послѣдовало открытіе слѣдующихъ одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ сего министерства: въ с. Толстомъ Лѣвѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 39 учащихся и въ селеніяхъ Гирчештахъ, Челаковѣ и Пеленіи, Бѣлецкаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при слѣдующемъ числѣ учащихся: въ Гирчештскомъ училищѣ — 36, Челаковскомъ — 26 и Пеленійскомъ — 96.

ВТОРОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КАТАЛОГЪ
УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОБІЙ,

КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ

ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ

ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СПИСКА КНИГЪ,

ОДОБРЕННЫХЪ

ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ И ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

(съ 1886 по 1889 годъ включительно).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова Екатерининскій кан., № 80.

1890.

Второй том

МАТЕМАТИКА

Учебник для средних учебных заведений

В. Р. ШИШКОВ

Напечатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения.

Правитель для Ученого Комитета П. Саввинцев.

ВТОРОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КАТАЛОГЪ

УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОВІЙ, КОТОРЫЯ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ ВЪДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (1886—1889 ВКЛЮЧИТЕЛЬНО).

І. Законъ Божій.

Пособія.

Крюковъ, В. О. Картины для начального курса закона Божія. Изд. картографическаго заведенія А. Ильина и Н. Фену и К°. С.-Пб. 1888. Цѣна полного собранія въ 35 картинъ въ листахъ 4 р., въ папкѣ 4 р. 50 к.; сокращеннаго изданія въ 16 картинъ 2 р. 50 к. Учебнымъ заведеніямъ уступка 10 процентовъ; за 100 экземпляровъ полного собранія 350 р., сокращеннаго 200 р.

Мазановъ, П. свящ. Руководство къ изученію православной христіанской вѣры. Изд. 4-е. Полтава. Цѣна 80 к.

Смирновъ, Петръ, протоіерей. Ученіе о надеждѣ и любви христіанскихъ. Вып. II. Москва. 1884. Цѣна 60 к. Для высшихъ классовъ при повтореніи катихизиса.

Чтенія изъ учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Москва. 1886.

Фокковъ, Н. Къ чтенію церковно-греческаго текста. Кіевъ. 1886. Выѣкласное пособіе при преподаваніи закона Божія.

Каспарі. Краткій катихизисъ доктора Мартина Лютера, объясненный въ вопросахъ и отвѣтахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1882. (Для учениковъ лютеранскаго исповѣданія).

II. Русскій и церковно-славянскій языки.

Руководства.

а) Русская и церковно-славянская грамматика.

Барсовъ, Ф. Уроки. Руководство для классныхъ и вѣклассныхъ занятій по русскому языку. Въ 4 отд. Начальный курсъ. Вильно. 1887.

Ваталинъ, Н. И. Краткій учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ гимназій и для городскихъ училищъ. Москва. 1887. Цѣна 50 к.

Вулаевъ, Ф. Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Изд. 7-е. Москва. 1889.

Карскій, Е. Ф. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Изд. 2-е. Вильна. 1889. Цѣна 60 к.

Кипріяновичъ, И. Я. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к.

Кипріяновичъ, И. Я. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 3-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 50 к.

Кузницъ, М. В. Курсъ русской грамматики. Изд. 2-е. Харьковъ. 1889. Ч. I. Этимологія. Цѣна 50 к. Ч. II. Синтаксисъ. Цѣна 25 к.

Миропольскій, В. Курсъ русской грамматики. Ч. I. Этимологія. Изд. 3-е. Воронежъ. 1887. Цѣна 30 к.

Муратовъ, И. А. Очерки грамматики старославянскаго языка. Москва. 1887. Цѣна 1 р.

Петровъ, Б. Ф. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1886. Цѣна 50 к.

Поливановъ, Левъ. Учебникъ русской грамматики. Ч. II. Русскій синтаксисъ для II, III, IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ матеріаломъ для упражненій и предметнымъ указателемъ. Москва. 1885. Цѣна 70 к.

Поливановъ, Левъ. Начальная книжка для обученія русскому языку. Изд. 2-е. Москва. 1886. Цѣна 50 к. Для пригот. класса.

Преображенскій, А. Г. Краткая русская грамматика съ приложеніемъ задачъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Ч. I. Этимологія. Изд. 2-е. Москва. 1888. Цѣна 40 к. Для I—III классовъ.

Омирновскій, П. Учебникъ русской грамматики. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Этимологія. Изд. 6-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 40 к. Ч. II. Элементарный синтаксисъ. С.-Пб. 1888. Цѣна 50 коп.

б) Теорія словесности.

Воскресенскій, Е. Теорія словесности. Москва. 1888. Цѣна 70 к.

Калмыковъ, М. Общій курсъ словесности. Для V и VI классовъ. Изд. 4-е. Новочеркасскъ. 1886. Цѣна 80 коп.

Радонежскій, А. Уроки теории словесности. С.-Пб. 1887. Изд. 1-е и 2-е. Цѣна 75 к.

в) Исторія литературы.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности. Изд. 4-е и 5-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р., съ пересылку 1 ф. (рекомендовано).

Пособія.

а) Русская и церковно-славянская грамматика.

Вогдановъ, П. И. Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Изд. 4-е. Кіевъ. 1888. Цѣна 60 к.

Гавриловъ, Иванъ. Матеріалы для письменныхъ упражненій въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Вып. 1-й. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. 40 к.

Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Вильна. 1887. Цѣна 30 к.

Зерновскій, И. Начальная русская грамматика. Москва. 1889. Цѣна 25 к. Для приготов. класса.

Зимницкій, В. Г. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. Пенза. 1885. Цѣна 1 р. 10 к., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Камковъ, А. Начертаніе этимологій церковно-славянскаго языка. Изд. 7-е. Казань. 1887. Цѣна 30 к.

Красногорскій, Н. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка. С.-Пб. 1887. Цѣна 65 к.

Крыловъ. Полная практическая славянская грамматика. Москва. 1887. Цѣна 1 р.

Поповъ, Д. Товарищъ. Бяга для чтенія и письменнаго разбора по русскому языку. Годъ 3-й. С.-Пб. 1888. Цѣна 53 к.

Омирновскій, П. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка.

являющаяся сравнительно съ русскою. Изд. 6-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 60 к. Для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Смирновскій, П. Русская хрестоматія. Ч. I. Для I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 6-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 70 коп. Ч. II. Для III и IV классовъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 85 коп.

Смирновскій, П. Курсъ систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. (Курсъ I и II классовъ). Изд. 6-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 60 к.

Соколовъ, Ав. Ф. Первые уроки церковно-славянскаго языка. С.-Пб. 1886. Цѣна 25 к. Изд. 2-е, журнала „Семья и школа“. Для приготов. класса.

Холевіусъ. Темы и планы для сочиненій. Съ 4-го нѣмецкаго издавія переводъ М. Бѣлявской. Изд. 3-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р.

Шолковичъ, О. Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. Вильна. 1886. 2 части.

б) Теорія словесности.

Вредовскій, М. Руководство къ стихосложенію. С.-Пб. 1887. Цѣна 80 к., съ пересылкою 1 р.

Зеленогорскій, Ф. А. Теорія словесности. Курсъ 1-й. Проза. Харьковъ. 1887. Цѣна 45 к.

Савицкій, А. В. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Динабургъ. 1886. Цѣна 85 коп.

Случевскій, П. Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Изд. 6-е. Ставрополь. 1888. Цѣна 1 р.

Филоновъ, Андрей. Учебникъ по словесности. I. Стихотворенія. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. Изд. 5-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р.

Яковлевъ, В. А. Учебный курсъ теоріи словесности. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р.

в) Исторія литературы.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Ч. IV. (Вып. V). Новый періодъ. Отд. III (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Изд. 3-е. Москва. 1887. Цѣна 80 к.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи русской словесности. Курсъ старшаго класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть первая. (Вып. IV). Новый періодъ. Отдѣлъ II (отъ Карамзина до Пушкина). Изд. 3-е, вновь обработанное. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 35 к.

г) Хрестоматія (собранія сочиненій, сборники и проч.).

Арсеньевъ, А. В. Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы XVIII и XIX в. (1700—1825). Цѣна съ малою (ручною) картою 2 р., съ большою (для классныхъ стѣнъ) 2 р. 50 к.

Баталинъ, Н. И. Учебная русская историко-литературная хрестоматія. Москва. 1886. Цѣна 2 р.

Вогдановъ, Викторъ. Русская хрестоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Въ трехъ частяхъ. Изд. 2-е. Ч. I и III. С.-Пб. 1886.

Вуслаевъ, Ѳ. Русская хрестоматія. Памятники русской древней литературы и народной словесности съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Изд. 4-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 75 к.

Васильевъ, П. Г. Первая классная книга для чтенія. Изд. 5-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к. Для приготовительнаго класса.

Виноградовъ, И. и Андреевъ, А. Русская хрестоматія для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи и текста изъ Евангелія. Изд. 3-е. Москва. 1887. Цѣна 50 к.

Воскресенскій, Е. Борисъ Годуновъ, А. С. Пушкина. (Опытъ разбора трагедіи). Изд. 2-е. Ярославль. 1886. Цѣна 60 к.

Галаховъ, А. Русская хрестоматія. 2 тома. Изд. 21-е. С.-Пб. 1889.

Галаховъ, А. Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности. Два тома. (Отъ Петра Великаго до нашего времени). Изд. 5-е. С.-Пб. 1887.

Ильенковъ, Д. О. Русская хрестоматія. Для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Владиміръ. 1888. Цѣна 1 р., съ переплетомъ 1 р. 20 к.

Кашменокій, Ѳ. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ съ примѣчаніями. Изданіе для учащихся. Новочеркасскъ. 1882. Цѣна 30 к.

Мартыновскій, В. А. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ: 1) Жуковскій, Крыловъ, Дмитріевъ, Аксаковъ, Кольцовъ; 2) Карамзинъ, Пушкинъ, Дельвигъ, Лермонтовъ, Гоголь. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Приложенія: 1) Произведенія народной словесности; 2) Указатель объясненіиныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. Изд. 2-е. Тифлисъ. 1888. Цѣна 90 к.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній

русской словесности. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888. Цѣна I-й части 40 к. II-й части 70 к.

Петровъ, К. П. Русская историческая хрестоматія примѣнительно къ учебнымъ главамъ 1877 года и къ Исторіи русской словесности А. Д. Галахова. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р. 60 к.

Петровъ, К. Ѡ. Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка. Изд. 4-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 40 к.

Покровский, В. Историческая хрестоматія. Посobie при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и преподавателей. Вып. I. Москва 1887. Цѣна 1 р. Вып. II. Москва. Цѣна 1 р. 50 к. Вып. III. Москва. 1888. Цѣна 2 р. Вып. IV. Москва. 1888. Цѣна 2 р.

Покровский, Н. Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста. Ч. II. Правописаніе академическое. Москва. 1886. Цѣна 75 к.

Покровский, Н. Русская хрестоматія. Ч. III. Москва. 1888. Цѣна 1 р. Для III и IV классовъ средн. учебн. заведеній.

Поливановъ, Левъ. Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, съ образцами для славянскаго чтенія. Москва. 1888. Цѣна 70 к.

Поливановъ, Левъ. Русская хрестоматія. Ч. II. Для III и IV классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 7-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 20 к.

Поливановъ, Левъ. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Т. I. Лирическія стихотворенія. Съ двумя портретами Пушкина. Т. II. Поэмы, сказки, баллады, эпическія пѣсни. Москва. 1887. Цѣна I-го тома 1 р. 50 к., II-го тома 80 к.

Пушкинъ, А. С. I. Евгенийъ Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Подъ редакціей В. Якушкина. Москва. 1887. Цѣна 25 к. II. Борисъ Годуновъ. Москва. 1887. Цѣна 10 к. III. Полтава. Поэма. Москва. 1887. Цѣна 5 к. Изд. Общества любителей Россійской словесности.

Савенко. Русская хрестоматія для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1887. Цѣна 50 к.

Соколовъ, В. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для 2-хъ низшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Москва. 1888. Цѣна 70 к.

Соколовъ, В. и Ворваковскій, П. Историко-литературная хрестоматія. Съ приложеніемъ образцовъ древне-русскаго письма. Одесса. 1886. Цѣна 1 р. 75 к.

Страховъ, А. Иллюстрированная русская хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1885. Цѣна 75 к.

д) Словари.

Долончевъ, В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ южной Россіи). Съ приложеніемъ „Замѣчанія о произношеніи въ южной Россіи“. Одесса. 1886. Цѣна 75 коп.

е) Психологія.

Пособія.

Гиляровскій, А. Пособіе къ изученію психологіи, Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 25 к.

Поповъ, В. Очеркъ психологіи. Для изучающихъ педагогику. Москва. 1886. Цѣна 80 к.

III. Классическіе языки.

а) ЛАТИНСКІИ ЯЗЫКЪ.

Руководства.

Виноградовъ, И. Грамматика латинскаго языка. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р. 50 к.

Гарре, П. Учебникъ латинскаго синтаксиса съ примѣненіемъ подбора таблицъ. Приспособилъ къ курсу русскихъ гимназій А. Головачевскій. Варшава. 1888. Цѣна 40 к.

Коммерлингъ, М. А. Первая латинская книга для 3-хъ младшихъ классовъ гимназій. С.-Пб. 1889. Цѣна 1 р. 25 к.

Кувшинскій, Николай, протоіерей. Учебникъ латинскаго языка для младшихъ классовъ. По руководству Латмана, Ч. П. Этимологія, синтаксисъ, упражненія и хрестоматія. Вятка. 1886.

Новосильцевъ, А. Латинская этимологія. Москва. 1887. Цѣна 50 коп.

Опадкій, С. Латинскій синтаксисъ. Изд. 2-е. Казань. 1886. Цѣна 1 р. 25 к.

Поспишилъ, А. О. Учебникъ латинскаго языка. Ч. I. Изд. 2-е. Кіевъ, 1887. Цѣна 50 к.

Поспишилъ, А. О. Учебникъ латинскаго языка. Ч. II. Курсъ II и III класса. Изд. 2-е. Кіевъ. 1889.

Поспишилъ, А. О. Латинская грамматика въ объемъ гимназическаго курса. Вып. II, курсъ V—VIII классовъ. Кіевъ. 1888. Цѣна 70 коп.

Райманъ, Ф. Ф. Латинскія упражненія. 1) Курсъ перваго класса. Изд. 3-е. С.-Пб. 1886. Цѣна 60 к. 2) Курсъ втораго класса. Изд. 2-е. С.-Пб. 1886. Цѣна 55 к. 3) Словарь къ латинскимъ упражненіямъ (I и II класса). Изд. 2-е С.-Пб. 1886. Цѣна 40 к.

Одоровъ, П. и Кесслеръ, Э. Краткая грамматика латинскаго языка. Изд. 3-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 25 к.

Симсонъ, П. и Югансонъ, Э. Учебникъ латинскаго языка для I и II класса гимназій. Ч. I., Изд. 2-е. Одесса. 1888. Цѣна 60 к. Ч. II. Изд. 2-е. Одесса. 1888.

Симсонъ, П. и Фаминскій, В. Общій курсъ латинской грамматики. Одесса. 1887. Цѣна 1 р.

Смирновъ, И. и Клеменчикъ, О. Учебникъ латинскаго языка. Вып. I. Изд. 4-е С.-Пб. 1887. Цѣна 60 к.

Шульцъ, Ф. Латинская грамматика. Обработана Ю. Ходобаемъ. Изд. 8-е. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 20 к.

Пособія.

а) Грамматика и упражненія въ ней.

Везенеръ. Латинскій этимологическій вокабулярій, съ указаніемъ на главнѣйшіе фразеологическіе обороты, встречаемые у Корнелія Непота и Цезаря. Для III и IV классовъ гимназій. Москва. 1886. Цѣна 25 к.

Виноградовъ, И. Ectemporalia съ русскаго языка на латинскій. С.-Пб. 1889. Цѣна 85 к.

Дрбоглавъ, I. Пособіе для первоначальнаго обученія латинскому языку. Курсъ I и II классовъ. Изд. 2-е. Тифлисъ. Цѣна 80 к.

Менге, Германъ. Матеріалы для повторенія латинской грамматики по руководству Эллента-Зейфферта, съ прибавленіемъ указаній на краткую грамматику Шульца. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій, обработанное А. Адольфомъ и Евг. Смирочковскимъ. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1886.

Нетушиль, И. В. Сокращенный синтаксисъ латинскаго языка. Изд. 2-е. Харьковъ. 1888. Цѣна 75 к.

Новосильцевъ, А. Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса, изложенный примѣнительно къ русскому синтаксису. Москва. 1886. Цѣна 1 р.

Опадкій, С. Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій. Изд. 2-е. Казань. 1887. Цѣна 1 р. 50 к.

Поспешиль, А. О. Латинская грамматика въ объемѣ гимназическаго курса. Вып. I. Курсъ III и IV классовъ. Кіевъ, 1887. Цѣна 80 коп.

Герре. Учебникъ латинской синонимикѣ. Переводъ С. Рожанковскій. Москва. 1889.

Федоровскій, П. В. Полный конспектъ латинскаго синтаксиса. Симбирскъ. 1888. Цѣна 40 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. 1) Книга упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца. Часть I. Этимологическія и синтаксическія упражненія. Изд. 8-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 20 к.

2) Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на латинскій. Ч. I. для среднихъ классовъ гимназій и семинарій. Изд. 3-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 25 к. 3) Краткій русско-латинскій словарь, содержащій слова къ переводамъ, помѣщеннымъ въ сборникъ статей ч. I и II. Изд. 2-е. Москва. 1885. Цѣна 1 р. 4) Элементарная латинская стилистика. По руководствамъ д-ра Эрнста Вергера. Изд. 2-е. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 20 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Книга упражненій къ латинской грамматикѣ Ф. Шульца. Ч. II. Синтаксическія упражненія. Изд. 6-е. Москва. 1889. Цѣна 1 р.

б) Авторы, комментарии къ нимъ и хрестоматіи.

Адриановъ. Греческіе и римскіе писатели, читаемые въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. I. Цицеронъ. Кіевъ. 1889.

Влюсъ, М. С. *Julii Caesaris Commentarii de bello gallico*. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 40 к.

Велдъ, Г. Латинскій Геродотъ. Обработалъ С. Любомудровъ. Москва. 1887. Цѣна 60 коп.

Веригаунтъ, Г. Пособіе къ чтенію и наложенію Федра, *Phaedri fabulae Aesopiae*. Москва, 1888. Цѣна 60 к.

Ланге, Г. Горацій Флаккъ, 10 посланій. Съ примѣчаніями. Москва. 1888. Цѣна 50 к.

Ланге, Георгій. Двѣнадцать стихотвореній Катутла, Тибулла и Проперція, избранныхъ и снабженныхъ примѣчаніями, Москва. 1886. Цѣна 50 коп.

Модестовъ, В. И. Избранныя рды Горація. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями. С.-Пб. 1889. Цѣна 80 коп.

Нагуевскій, Д. И. Учебное изданіе латинскихъ классиковъ

съ русскими примѣчаніями. Томъ первый. Избранныя сатиры Горация. Изд. 2-е. Рига. 1885. Цѣна 1 р. 30 к. Томъ второй. Энеида Вергилія. Ч. I. Книга I—III. Изд. 2-е. Казань. 1886. Цѣна 1 р.

Страховъ, Н. Т. *Livii ab urbe condita*. Т. I. Съ объясненіями и введеніемъ. Москва. 1889. Цѣна 65 коп.

Чеховскій, Ерм. М. *Tullii Ciceronis Cato Major de senectute*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1885. Цѣна 65 коп.

в) Словари.

Воннелъ. Реальный латинскій словарь съ приложеніемъ послловицъ и изреченій для I и II кл. гимназій. Обработалъ С. Любомудровъ. Москва. 1888. Цѣна 30 коп.

г) Древности и литература.

Зембергъ, К. Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ. Витебскъ. 1886. Цѣна 75 коп.

Зембергъ, К. Руководство по римскимъ древностямъ. Изд. 2-е. Рига. 1889.

Словарь классическихъ древностей по Любкеру. Изд. Общества классической филологіи и педагогики. С.-Пб. 1885. Цѣна 6 руб.

б) ГРЕЧЕСКІИ ЯЗЫКЪ.

Руководства.

Вуль, М. М. Греческая грамматика. Москва. 1889. Цѣна 1 руб.

Григоревскій, М. Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху. Ч. I. Этимологія. Изд. 7-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р. (для учебныхъ заведеній 75 коп.).

Зейфертъ, Морицъ, и фонъ-Вамбергъ, Альбертъ. Основанія синтаксиса греческаго языка. Для русскихъ гимназій обработали Е. Зеленецкій и М. Гринчакъ. Кіевъ. 1886. Цѣна 80 коп.

Канскій, В. А. Синтаксисъ греческаго языка. Изд. 3-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 80 коп.

Клеменцичъ, О. Греческая грамматика для гимназій. Ч. I. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. Ч. II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1889. Цѣна 80 коп.

Марешъ, I. O. Грамматика греческаго языка. Ч. I. Этимологія. С.-Пб. 1889. Цѣна 90 коп.

Нидерле, Г. Грамматика греческаго языка. Ч. II. Синтаксисъ.

Обработ. Н. Мейеръ и В. Рейнеръ, Изд. 3-е. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 20 коп.

Образцовъ, А. Первоначальный курсъ греческой этимологіи. С.-Пб. 1887.

Страховъ, Н. Краткій синтаксисъ греческаго языка, Москва. 1886. Цѣна 50 коп.

Страховъ, Н. Греческая этимологія по Кэги. Москва. 1887. Цѣна 75 коп.

Черный, Э. В. Греческая грамматика. Ч. I. Этимологія по учебнику Э. Коха и др. Изд. 6-е. Москва. 1889. Цѣна 1 р. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 4-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 30 к.

Черный, Э. Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ первыхъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Для IV и V классовъ гимназій. Изд. 3-е. Москва. 1887. Цѣна 50 коп.

Черный, Э. В. Краткое руководство къ греческому синтаксису. Изд. 2-е. Москва. 1889. Цѣна 65 коп.

Фрейбергъ, О. Н. Синтаксисъ греческаго языка. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 80 коп.

Пособія.

а) Грамматика и упражненія въ ней.

Бахофъ, Э. Сборникъ статей для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій. Курсъ III и IV кл. гимназій. Перев. съ нѣмецкаго языка Н. Счастливцевъ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р.

Вѣлицкій, К. Я. Упражненія для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій. Для III и IV классовъ гимназій. Изд. 4-е. Ч. I. Харьковъ. 1885. Цѣна 65 коп.

Вѣлицкій, К. Я. Упражненія для перевода съ русскаго языка на греческій. Вып. 2-й. Харьковъ. 1889. Цѣна 60 коп.

Приселковъ, А. А. Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Курсъ III класса. Тифлисъ. 1888. Цѣна 45 коп.

Фарникъ, О. В. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Изд. 6-е. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. 35 коп.

Черный, Э. В. и Баталинъ, Н. Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій въ V—VIII классахъ гимназій. Ч. II. Связныя статьи. Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 20 коп.

Черный, Э. Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству П. Везенера, съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Изд. 5-е. Москва. 1887. Тоже — изд. 6-е. 1888. Москва. Цѣна 1 р. 30 коп.

Шюлле, Д. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ. Обработалъ К. К. Павликовскій. Москва. 1889. Цѣна 1 р. 25 коп.

б) Авторы, комментарии къ книгъ и хрестоматіи,

Вейсманъ, А. Д. Филоклетъ. Трагедія Софокла съ русскими примѣчаніями. С.-Пб. 1888. Цѣна 80 коп.

Вейсманъ, А. Д. Антигона, трагедія Софокла. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями. С.-Пб. 1885. Цѣна 80 коп.

Вейсманъ, А. Д. Аяксъ. Трагедія Софокла. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями. С.-Пб. 1886. Цѣна 80 коп.

Губа, І. О. Геродотъ. Греко-персидскія войны. Греческій текстъ съ примѣчаніями и статьями о Геродотѣ и о новоіоническомъ діалектѣ и съ тремя картами сраженій. Москва. 1886. Цѣна 70 коп.

Григоревскій, М. *Chrestomathia graeca*. Избранныя изъ греческихъ авторовъ статьи для школьнаго чтенія. Харьковъ. 1888. Цѣна 1 р. 60 к.

Бирлиловъ, Н. Илиада Гомера. Кн. I—IV. Текстъ съ примѣчаніями. Кіевъ. 1888. Цѣна 1 руб.

Клеменчичъ, О. Греческая хрестоматія для высшихъ классовъ гимназій. С.-Пб. 1886. Ц. 60 к. Вокабулярій и словарь къ греческой хрестоматіи. С.-Пб. 1887. Цѣна вмѣстѣ съ хрестоматіею 1 руб.

Любевиль, К. Первая греческая книга для чтенія. С.-Пб. 1885. Цѣна 80 коп.

Орловскій, О. Ф. и Фаминскій, В. Н. Греческая хрестоматія. Т. I. Избранныя мѣста изъ Ксенофонта, Геродота, Гомера, Демосеена, Платона и Плутарха. Одесса. 1883.

Петрученко, О. А. Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Текстъ съ примѣчаніями. Москва. 1888. Цѣна 90 коп.

Петрученко, О. *Ξενοφῶντος ἀπομνημονεύματα*, съ словаремъ. Москва. 1887. Цѣна 75 коп.

Петрученко, О. Ксенофонта Анабазисъ. Текстъ съ словаремъ. Москва. 1887. Цѣна 1 руб.

Петрученко, О. *Σοφοκλέους Οἰδίπους τύραννος*. Текстъ съ примѣчаніями по Науку и словаремъ по Элленту. Москва. 1886. Цѣна 90 к.

Поспятиль, А. О. Избранныя сочиненія Платона. II. Лакетъ. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями. Изд. 2-е. Кіевъ. 1887. Ц. 75 к.

Радецкий, С. А. IX книга Одиссея Гомера. Текст съ объясненіями. Москва. 1889. Цѣна 50 коп.

Ракушанъ, В. И. Argia et Anabasis. Ч. I. Тифлисъ. 1887. Ц. 65 к.
в) Словари.

Ленцъ, Г. Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ. Ч. I. Грамматическій вокабулярій, Учебное пособие при первоначальномъ изученіи греческаго языка. Обработалъ В. А. Канскій. С.-Пб. 1888. Цѣна 30 коп.

Тодтъ, В. Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ. Ч. II. Реальный вокабулярій. Для русскихъ гимназій. Обработалъ В. А. Канскій. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 40 коп.

г) Древности.

Латышевъ, В. В. Очеркъ греческихъ древностей. Ч. I и II. Государственныя и военныя древности. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 руб. 50 коп.

IV. Математика.

а) АРИΘΜΕΤΙΚΑ.

Руководства:

Вертрагъ, Жозефъ. Теоретическая арифметика. Переводъ съ 7-го изданія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Н. Вилибина. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 р. 50 коп.

Будаевскій, О. Арифметика. Полный систематическій курсъ для повторенія. Изд. 4-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 70 к. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Никольцевъ, Н. Арифметика. Изд. 2-е. Москва. 1887. Цѣна 70 к.

Пособія.

Арбузовъ, А., Мининъ, А., Мининъ, В. и Назаровъ, Д. 1) Сборникъ арифметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Москва. 1886. Цѣна 50 к. 2) Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Изд. 3-е. Москва. 1886. Цѣна 50 коп.

Арбузовъ, А., Мининъ, А., Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Систематическій сборникъ арифметическихъ задачъ. Изд. 4-е. Москва. 1888. Цѣна 50 коп.

Верещагинъ, И. Сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 80 к.

Гольденбергъ, А. И. Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной арифметикѣ. Вып. I и II. Изд. 3-е. С.-Пб. 1886. Цѣна по 15 к. за выпускъ. Для приготов. класса.

Желенъ, Е. Элементарный курсъ арифметики. Перевелъ съ IV изданія Н. де-Жоржъ. Минскъ. 1889. Цѣна 1 р. 25 к. Для старшихъ классовъ.

Kalina, R. Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf und Tafelrechnen Erstes Heft. Die vier Species. С.-Пб. 1889. Цѣна 80 к. Для нѣмецкихъ школъ.

Киселевъ, А. Систематическій курсъ арифметики. Изд. 2-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 75 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Учебникъ арифметики съ приложеніемъ дополнительныхъ статей. Для средн. учебн. заведеній. Москва. 1885. Цѣна 75 коп.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Методическій сборникъ арифметическихъ задачъ для средн. учебн. заведеній. 2 ч. Москва. 1885. Цѣна 70 к.

б) АЛГЕБРА.

Руководства:

Киселевъ, А. Элементарная алгебра. Ч. I. Москва. 1888. Цѣна 70 коп. Ч. II. Москва. 1889. Цѣна 80 к.

Тихомировъ, Е. Начальная алгебра. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.

Пособія.

Вертранъ, Жозефъ. Алгебра. Для гимназій и реальныхъ училищъ, перевелъ и значительно дополнилъ, сообразуясь съ программами гимназій и реальныхъ училищъ, Н. Вилибинъ. С.-Пб. 1885. Цѣна 3 р.

Влюмбергъ, Я. Элементарная алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.

Бычковъ, Ф. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изд. 11-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 35 к.

Верещагинъ, И. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. С.-Пб. 1886. Цѣна 90 к.

Мазингъ, Е. и Хайловъ, Н. Систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Москва. 1885. Цѣна 1 р. 25 к.

Шалошиниковъ, Н. А. и Вальцовъ, Н. Е. Методически обрабо-

танный сборникъ алгебраическихъ задачъ съ текстомъ общихъ объясненій и разнообразными практическими указаниями. Ч. I для III и IV классовъ. Москва. 1887. Цѣна 80 к.

в) ГЕОМЕТРІЯ.

Руководства.

Малининъ, А. и Егоровъ, Ѳ. Руководство геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 35 к.

Wespi, J. Lehrbuch I der ebenen Geometrie, II der Stereometrie, III der ebenen Trigonometrie. Bern, Leipzig und Stuttgart. 1880 u. 1888. Для среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ математика преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

Пособія.

Александровъ. Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Тамбовъ. 1886. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Александровъ, И. И. Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе и сборникъ геометрическихъ задачъ съ полными и краткими рѣшеніями. Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Восъ, А. и Ревьеръ, М. Полный курсъ элементарной геометріи. Перев. Н. де-Жоржъ. С.-Пб. 1885—1886. Цѣна 2 р. 80 коп.

Гика, Д. и Муромцевъ, А. Геометрическія задачи. Ч. I. Задачи плоской геометріи. Изд. 2-е. Москва. 1888. Цѣна 75 коп. Ч. II. Задачи геометріи въ пространствѣ. Москва. 1880. Цѣна 75 коп.

Знаменскій, А. Ѳ. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изд. 2-е. Вологда. 1886. Цѣна 50 коп.

Знаменскій, А. Ѳ. Сборникъ геометрическихъ задачъ для повторительнаго курса. Изд. 2-е. Вологда. 1886. Цѣна 50 коп.

Мазницъ, Е. К. Геометрія и систематическій подборъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Планиметрия. Изд. 3-е. Москва. 1886. Цѣна 80 коп.

Османшко, Ф. Начальная геометрія. Изд. 8-е. С.-Пб. 1888.

г) ТРИГОНОМЕТРІЯ.

Руководство.

Османшко, Францъ. Тригонометрія. Изд. 3-е. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р.

Пособія.

Мининъ, В. П. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. Изд. 2-е. Москва. 1887. Цѣна 75 коп.

Преображенскій, П. В. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. Изд. 2-е. Москва. 1888. Цѣна 20 коп.

Шенрокъ, И. И. Руководство прямолинейной тригонометрии и собраніе 177 тригонометрическихъ задачъ. Москва. 1888. Цѣна 1 р. 35 коп.

Журналъ элементарной математики, издававшійся профессоромъ Ермаковымъ въ Кіевѣ. №№ 1—18. Томъ первый (1884—1885), №№ 1—18. Томъ второй (1885—1886). Необязательное въѣкласное пособие.

V. Физика и Космографія.

Руководства.

Ковалевскій, С. И. Учебникъ физики. С.-Пб. 1887—1888. Ч. I: Цѣна 1 р. 20 коп. Ч. II. Цѣна 1 р. 75 коп.

Мирецкій, О. Е. и Андрушкевичъ, А. Ф. Учебникъ космографіи. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р.

Преображенскій, П. В. Начальныя понятія по химіи примѣнительно къ программѣ физики для гимназій. Москва. 1887. Цѣна 30 к.

VI. Исторія русская и всеобщая.

а) РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Пособія.

Вестужевъ-Рюминъ, К. Н. Русская исторія. Томъ II, выпускъ I. С.-Пб. 1885.

Гуревичъ, Я. Г. и Павловичъ, В. Историческая хрестоматія по русской исторіи, пособие для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 2-е, исправленное и дополненное Я. Г. Гуревичемъ. С.-Пб. 1881. Т. I. Цѣна 1 р. 75 коп. Т. II. Цѣна 2 р.

Замысловскій, Е. Е. Учебный атласъ по русской исторіи. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи. С.-Пб. 1887. Цѣна атласа и объясненій 5 р. (отдѣльно не продаются).

Либенъ, П. и Шуйская, А. Краткій курсъ русской исторіи. С.-Пб. 1880. Цѣна 50 коп.

б) **ВШЕОВЩАЯ ИСТОРИЯ.**

Руководства.

Веллярминовъ, И. Руководство по средней исторіи. Изд. 4-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 70 коп.

Веллярминовъ, И. Руководство по древней исторіи Изд. 4-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 70 коп.

Grünberg, Otto. Leitfaden der Geschichte. Zweiter Kursus. Reval. 1885. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ исторія преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

Frese, N. Römische Geschichte. Hamburg und Mitau. 1888. Для среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ исторія преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

Ивашенко, М. Руководство къ средней исторіи (для учениковъ VI класса). Изд. 2-е. Аванъевъ. 1886. Цѣна 1 р.

Пособія.

Hofman, T. Lehrbuch der Geschichte. IV Heft. Neuere Geschichte von der Reformation bis zu Friedrich dem Grossen. Berlin. 1886. Для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподав. языкомъ.

Гинце, Краткій повторительный курсъ всеобщей исторіи (средній курсъ). Харьковъ. 1887. Цѣна 25 к.

Петровъ, М. Н. Лекціи по всемірной исторіи. 3 т. Харьковъ. 1888.

Пясецкій, И. Наглядная таблица всемірной исторіи. С.-Пб. 1887. Цѣна 3 р.

Поддубный, Н. Учебный атласъ древней исторіи. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р.

VII. Географія русская и всеобщая.

а) **ГЕОГРАФІЯ РОССИИ.**

Руководства.

Варановъ и Горѣловъ. Географія Россійской имперіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ дополнительными и справочными свѣдѣніями въ приложеніи и 48 картами въ текстѣ. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р.

Пособія.

Мечъ, С. Россія. Учебникъ отечественной географіи. Изд. 2-е. Москва. 1889. Цѣна 75 коп.

Образцовъ, Р. Н. Учебный курсъ географіи Вятской губерніи. Вятка. 1889. Цѣна 35 коп. Для среднихъ учебныхъ заведеній Вятской губерніи.

Поддубный, И. Учебникъ географіи Россіи. Общій курсъ среднихъ учебныхъ заведеній для младшаго возраста. С.-Пб. 1886. Цѣна 50 коп.

6) ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Руководства.

Вудиновъ, Т. Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Москва. 1889. Цѣна 30 к.

Вудиновъ, Т. Учебникъ всеобщей географіи. (Азія, Африка, Америка и Австралія). Съ приложеніемъ 7 карт. Изд. 2-е. Москва. 1889. Цѣна 40 коп.

Вороненцкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. 'Курсъ' 1-й. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской имперіи. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 коп.

Вороненцкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ 2-й. Географія Австраліи, Африки, Азии и Америки. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 50 к.

Бельнеръ. Руководство къ изученію географіи. Перевелъ А. Н. Федоровъ. Реваль. 1888. Для учебныхъ заведеній Дерптскаго округа.

Лимбергъ, А. Краткій учебникъ всеобщей географіи. Москва. 1886. Цѣна 40 коп.

Малашкинъ, Николай. Западная Европа. Курсъ гимназическій. Москва. 1886. Цѣна 30 коп.

Раевскій, Н. Краткій учебникъ географіи. Вѣввропейскія страны. Съ рис. Изд. 3-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 60 коп.

Семеновъ, Д. Уроки географіи. Ч. 1-я. Элементарный курсъ. Изд. 15-е. Съ 9-ю чертежами. Москва. 1885. Цѣна 60 коп. Ч. III. Европа. Изд. 9-е. Москва. 1885. Цѣна 60 к.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Изд. 26-е. С.-Пб. 1885. 1) Общія свѣдѣнія. Курсъ высшихъ классовъ. Цѣна 40 к. 2) Азія, Африка, Америка и Австралія. Цѣна 60 к. 3) Европа. Цѣна 60 к.

Турчаковскій, Б. Учебникъ начальной географіи. Курсъ I. Первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи: математической, физической и политической. Изд. 2-е. Кіевъ. 1886. Цѣна 40 к.

Явчинъ, Н. В. Краткій учебникъ географіи. Курсъ IV. Географія Россійской имперіи. Изд. 2-е. Москва. 1888. Цѣна 60 к. Курсъ I.

Изд. 11-е. Москва. 1888. Цѣна 60 к. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка. Изд. 11-е. Москва. 1888. Цѣна 60 к. Курсъ III. Европа. Изд. 9-е. Москва. 1888. Цѣна 60 к.

Пособія.

Воронцовій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Географія Австраліи, Африки, Ази и Америки. С.-Пб. 1888. Цѣна 50 к.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. II. Азія. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. С.-Пб. 1888. Цѣна 75 к.

Линбергъ, А. Краткій учебникъ всеобщей географіи. Европа. Москва. 1886. Цѣна 30 к.

Лыткинъ, П. О. Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ I. С.-Пб. 1888. Цѣна 40 к.

Пуликовскій, Александръ. Учебникъ всеобщей географіи. Ч. II. Обзоръ Австраліи, Америки, Африки и Ази. Изд. 4-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 70 к. Ч. III. Обзоръ Европы. С.-Пб. 1887. Цѣна 70 к.

Семеновъ, Д. Уроки географіи. Ч. II. Азія, Африка, Америка и Австралія. Изд. 14-е. Цѣна 60 к.

Турчаковский. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Страны Западной Европы. Кіевъ. 1886. Цѣна 65 к.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ АТЛАСЫ, КАРТЫ И ЧЕРТЕЖИ.

Бобровскій, С. Элементарный географическій атласъ по градуснымъ сѣткамъ. Съ приложеніемъ 17-ти листовъ сѣтой. Изд. 2-е. Москва. 1887. Цѣна атласа съ сѣтками 1 р.; сѣты отдѣльно 25 к.; каждая сѣть отдѣльно 3 к.

Голяшкннъ. Географическій конспектъ-атласъ Россіи [или краткій учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ 8 картъ. С.-Пб. 1885. Цѣна 40 к.

Завріевъ. Рельефная карта Кавказскаго края и прилегающихъ къ нему мѣстностей Турціи и Персіи.

Линбергъ, А. Учебный атласъ всеобщей географіи. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 50 к.

Михайловъ, И. Н. 1) Географическіе чертежи: Европы, Ази, Африки, Америки и Австраліи. Съ указаніемъ пріема класснаго черченія. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к. 2) Географическіе чертежи для класснаго черченія картъ земныхъ полушарій Европейской и Азіатской Россіи. Изд. 4-е. Цѣна 40 к.

Михайловъ, И. Н. Географическіе чертежи Россіи для класснаго черченія, съ указаніемъ пріема класснаго черченія на память картъ Европейской и Азіатской Россіи, Туркестанскаго и Кавказскаго края. Изд. 3-е. С.-Пб. 1888—1889 учебный годъ. Цѣна 60 к.

Поддубный, И. Общій учебный атласъ Россіи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 р.

VIII. Новые языки.

а) ФРАНЦУЗСКІИ ЯЗЫКЪ.

Руководства.

Challandes, A. Cours complet de la langue française. Première année. С.-Пб. 1885. Цѣна 35 к.

Challandes, A. Cours complet de la langue française. Deuxième année. С.-Пб. 1886. Цѣна 50 к.

Challandes, A. Cours complet de la langue française. Годъ 3-й. 1889. Цѣна 50 к. Для IV класса средн. учебн. заведеній.

Гонне, Альфонсъ. Грамматика французскаго языка. Лексикологія и синтаксисъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 60 к.

Игнатовичъ, В. С. Французская азбука по аналитической системѣ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 60 к. Для начальнаго обученія французскому языку.

Игнатовичъ, В. Концентрический учебникъ французскаго языка. Курсъ элементарный на связаномъ текстѣ (II классъ). Ч. I. Изд. 9-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к.

Игнатовичъ, В. С. Концентрический учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ элементарный на связаномъ текстѣ (III классъ). Часть II Изд. 9-е. С.-Пб. 1881. Цѣна 60 к.

Игнатовичъ, В. С. Концентрический учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3-хъ частей. Ч. III. Курсъ среднихъ классовъ на связаномъ текстѣ. Изд. 7-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Nalls, A. Précis d'histoire de la littérature française depuis les origines jusqu'à la révolution française. Одесса. 1888. Цѣна 1 р. Для тѣхъ заведеній, гдѣ преподается исторія французской литературы, а для другихъ какъ пособіе.

Rancy, Alphonse. Manuel élémentaire et pratique de la langue fran-

çaise. 3-е édition complétée et entièrement refondue sur un nouveau plan. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 р.

Rancy, Alphonse. Abécédaire français. Exercices de lecture et de prononciation. 3-ème édition refondue sur un nouveau plan. St.-Pétersbourg. 1885. Цѣна 30 к.

Varon, E. Cours élémentaire méthodique et pratique de la langue française. Ч. II. Изд. 3-е. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 р. 20 к.

Пособія.

Алексѣевъ, А. Le Misanthrope, comédie en cinq actes et en vers par Molière, со словаремъ и примѣчаниями. С.-Пб. 1887. Цѣна 60 к. Для чтенія въ старшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній.

Ansprach, A. Nouvelle chrestomatie française, extraits des meilleurs écrivains en prose et en vers des trois derniers siècles. С.-Пб. 1888. Цѣна 2 р.

Bastin, J. Morceaux de lecture et exercices de mémoire et de traduction en vers et en prose, ou étude pratique de la langue française. 4-е изд. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р.

Challandes, A. Grammaire française. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 45 к.

Fénélon. Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse. I—V гл., съ примѣчаниями Ф. Крейсберга. Тифлисъ. 1889. Цѣна 50 к.

Filat, A. I. Histoire de la première croisade de Michaud. Épisodes et faits mémorables de la guerre de Turquie (1877—1878), par un tacticien, contenant 1) un dictionnaire suffisamment développé; 2) un dictionnaire des noms historiques et géographiques; 3) un dictionnaire des phrases qui ne se traduisent pas textuellement; 4) un aperçu chronologique des événements de la première croisade. С.-Пб. 1886. Цѣна безъ пересылки 1 р. 25 к. (для V—VI кл.).

Kostomaroff, O. Chrestomathie française. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. 20 к.

Кутузовъ, В. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, par Montesquieu. Съ примѣчаниями. Изд. 2-е. С.-Пб. 1887.

Maistre, Xavier de. Prascovie ou la jeune sibérienne (Параша Сибирячка). Съ примѣчаниями А. А. Алексѣева. Вып. II. С.-Пб. 1889. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Meurer, Dr. K. Französisches Lesebuch. Erster Theil. Leipzig. 1883. Zweiter Theil. Leipzig. 1884. Для школъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

Мозеръ, П. Новый элементарный учебникъ французскаго языка. 3-я ч. Изд. 2-е. Москва. 1887. Ч. I. Цѣна 30 к., ч. II. Цѣна 50 к. Ч. III. Цѣна 60 к.

Мозеръ, П. Новый элементарный учебникъ французскаго языка. Ч. III, изд. 2-е исправленное. Москва. 1888. Цѣна 70 к.

Мозеръ, П. Практическій курсъ французскаго языка. Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р.

Мозеръ, П. Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Москва. 1887. Ц. 65 к.

Nouveau livre de lecture. Historiettes, récits, dialogues, vers, contes; tirés des meilleurs ouvrages, avec vocabulaire, Moscou. 1885.

О. А., учительница французскаго языка. Легкіе разказы и описанія для перевода съ русскаго языка на французскій.

П. Н. Избранныя произведенія французской литературы для чтенія воспитанникамъ высшихъ классовъ и для самообученія:

Вып. I. La veillée de Vincennes par le comte Alfred de Vigny. С.-Пб. 1887. Цѣна 45 к.; для учебныхъ заведеній, выписывающихъ у автора. 25 коп.

Вып. II. Bataille de la Moscova par le general comte de Ségur. С.-Пб. 1888. Цѣна 45 к.

Roquelin-Mollère, J. В. Вып. 1-й. I. L'Avare. Comédie en cinq actes. II. Le Misanthrope. Comédie en cinq actes et en vers. Вып. 2-й. I. Le Bourgeois-gentilhomme. Comédie en prose. II. Les Femmes savantes. Comédie en cinq actes et en vers. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1888. Цѣна каждого выпуска 1 р.

Cornille, P. I. Le Cid. Tragédie en cinq actes et en vers. II. Horace. Tragédie en cinq actes et en vers. Съ объясненіями В. С. Игнатовича. С.-Пб. 1889. Цѣна 1 р.

Racine, J. Esther. Tragédie en trois actes en vers. II. Athalie. Tragédie en cinq actes et en vers. Съ объясненіями В. С. Игнатовича. С.-Пб. 1889. Цѣна 1 р.

Rancy, A. Nouvelle grammaire française. Lexicologie et syntaxe. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 15 к.

Rancy, A. Abrégé de grammaire française à l'usage de la jeunesse russe. С.-Пб. 1885. Цѣна 60 к.

Фену, Н. Grammaire française comparée à la grammaire russe. Ч. II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1886. Изд. 5-е. Цѣна 45 к.

Фену, Н. *Chrestomathie française*. Для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. С.-Пб. 1885. Изд. 9-е. Цѣна 1 р. 85 к.

б) НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Руководства.

- Ашаринъ, А. А. НѢмецкая грамматика. Рига. 1887.
- Вадендикъ, А. Грамматика современнаго нѢмецкаго языка. Витебскъ. 1885. Ч. I. Этимологія. Цѣна 70 коп. Ч. II. Синтаксисъ. Цѣна 60 к.
- Вадендикъ, А. Грамматика современнаго нѢмецкаго языка. Ч. I. Исправленное изданіе. Витебскъ. 1888. Цѣна 60 к.
- Holzweissig, Dr. Fr. *Lateinische Schulgrammatik in kurzer übersichtlicher Fassung*. Dritter Abdruck. Hannover. 1885.
- Гофманъ, Августъ. Синтаксисъ нѢмецкаго языка, изложенный сравнительно съ синтаксисомъ русскаго языка. С.-Пб. 1886. Цѣна 75 коп.
- Гофманъ, А. А. Этимологія нѢмецкаго языка, сравнительно съ этимологіею русскаго языка. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Цѣна 75 к.
- Гродницъ, I. Учебникъ нѢмецкаго языка. Ч. I. Этимологія. Москва. 1888. Цѣна 45 к.
- Еще, А. Е. *Kurzgefasste deutsche Grammatik. Grundzüge der Etymologie und Syntax*. Москва. 1888. Цѣна 40 к. Для среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно женскихъ, съ нѢмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.
- Еще, А. НѢмецкій синтаксисъ. Москва. 1886. Цѣна 60 к. Рекомендованъ для мужскихъ гимназій и одобренъ для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.
- Еще, А. Е. Краткая нѢмецкая грамматика. Основы этимологіи и синтаксиса. Изд. 2-е, Москва. 1888. Цѣна 40 к.
- Крафтъ, Е. Элементарная нѢмецкая грамматика. Изд. 2-е. Кіевъ. 1886. Ч. I. Этимологія. Цѣна 50 к. Ч. II. Синтаксисъ. Цѣна 40 к.
- Крафтъ, Е. Практическій курсъ нѢмецкаго языка. Изд. 2-е. Кіевъ. 1889. Цѣна 75 к.
- Мей, Ф. Краткая грамматика нѢмецкаго языка. Ч. I. Этимологія. Изд. 2-е. Москва. 1885. Цѣна 85 к. Ч. II. Синтаксисъ. Москва. 1886. Цѣна 80 к.
- Мей, Ф. *Kurzgefasste Grammatik der deutschen Sprache für russische Schulen*. Etymologie. 3 Auflage. Moscau, 1888, Цѣна 80 к.

Сигъ, И. Учебникъ нѣмецкаго языка. Ч. I. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Цѣна 1 р. 20 к.

Цейдлеръ, Э. и Прейсъ, М. Синтаксисъ нѣмецкаго языка для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1885. Цѣна 65 коп.

Эртель, М. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. Изд. 35-е. С.-Пб. 1887.

Пособія.

Аллендорфъ, А. Учебникъ нѣмецкой грамматики. Изд. 3-е. Москва. 1885. Цѣна 1 р.

Аллендорфъ, И. А. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изд. 3-е. Москва. 1888. Цѣна 1 р.

Вадендикъ, А. Первое обученіе нѣмецкому языку. Витебскъ. 1887. Цѣна 30 к.

Визъ, Евгений. Учебникъ нѣмецкаго языка, построенный на изученіи связнаго текста. Для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Москва. 1887. Цѣна 75 к.

Buschmann, Dr. I. Deutsches Lesebuch für die unteren und mittleren klassen der höheren Lehranstalten. Erste Abtheilung. 5-te Auflage. Trier. 1886.

Гретманъ, Р. и фонъ-Виберштейнъ. Сборникъ образцовыхъ произведеній нѣмецкихъ классиковъ съ биографическимъ обзоромъ и словаремъ. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 50 к.

Fischer, M. Poesie. Das Schönste und Beste aus dem deutschen Lied, Spruch, Scherz und Dichtung. Москва. 1889. Цѣна 1 р.

Fischer, Max. Deutsche Lesehalle für die russische Jugend. № 1. Die beliebtesten Märchen der Gebrüder Grimm. Изд. 2-е. Москва. 1889. Цѣна 50 к. № 2. Campes Robinson Crusoe. Изд. 2-е. Москва. 1889. Цѣна 50 к. Для мл. классовъ средн. учебн. заведеній.

Fischer, Max. Deutsche Lesehalle für die russische Jugend. № 9. Die Jungfrau von Orleans von Fr. v. Schiller. Москва. Цѣна 50 к. Для старш. классовъ.

Крафтъ, К. Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Кіевъ. 1884. Цѣна 75 к.

Löben, A. und Nacke, C. Lesebuch für Bürgerschulen. Aus den Quellen verbessert von H. Huth. Leipzig. Ч. I. Изд. 24-е 1888. Ч. VI. Изд. 22-е. 1887.

Мей, Ф. Курсъ нѣмецкаго языка. Ч. I. Изд. 2-е и 3-е. Москва. 1883 и 1884. Ч. II. 1884. Ч. III. 1884. Цѣна каждой части 60 к.

Мей, Ф. Грамматическія таблицы нѣмецкаго языка. Этимологія. Москва. 1885. Цѣна 20 к.

Ситъ, И. Учебникъ нѣмецкаго языка. Ч. I. Курсъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 р. 20 к.

Струве, Н. В. Биографіи и характеристики изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сборникъ статей для чтенія и перевода въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1888.

Чекала, С. Die Helden Homers nebst kurzer Darstellung anderer Sagen des Alterthums. Москва. 1888. Цѣна 80 к.

Мевесъ, Д. И. Русско-нѣмецкій словарь употребительнѣйшихъ словъ и выраженій.

б) АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособія.

В., Е. Е. Stepping-stones, or englisch reading-book for the use of schools. С.-Пб. 1887.

Гудъ, В. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на англійскій. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.

г) ИТАЛІАНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Руководство.

Де-Виво, Д. Практическое руководство для изученія италіанскаго языка. Одесса. 1886. Цѣна 90 к. Для учебн. заведеній, гдѣ преподается италіанскій языкъ.

д) ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособіе.

Вержбовскій, Ф. Польская хрестоматія. Варшава. 1888. Цѣна 2 р.

IX. Чистописаніе и Рисованіе.

Руководство.

Рѣдковская, О. Руководство для преподаванія элементарнаго рисованія. С.-Пб. 1887.

Пособія.

Пудыковичъ, Ф. Ф. Русскія прописи. Изд. 2-е. С.-Пб. Цѣна 25 к.

Пожарскій, В. Руководство въ полному курсу русскаго чистописанія.

санія съ приложеніємъ 1) французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ прописей, 2) правилъ каллиграфіи и круглаго письма и 3) тетради графической сѣтки. Изд. 4-е. 1884.

Гальибекъ, И. А. Стѣнные таблицы для систематическаго класснаго преподаванія рисованія. 35 табл. С.-Пб. 1887.

Мотивы орнаментовъ, снятыя со старинныхъ русскихъ произведеній. 2 вып. по 20 номеровъ. Изданіе Строгановскаго центрального училища технического рисованія. 1888. Цѣна выпуска 6 р.

Х. Пѣніе.

Архангельскій, А. Пѣніе божественной литургіи, составленное по изданному св. синодомъ обиходу. Изд. 2-е. С.-Пб. Цѣна партитуры 1 р. 50 к. и 3 тетрадей, заключающихъ въ себѣ 4 голоса 1 р. 50 к.

Пѣніе на литургіи св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго, придворнаго пѣнъва для трехголоснаго хора однородныхъ голосовъ, въ упрощенномъ переложеніи. Собственность придворной капеллы. С.-Пб. 1888. Цѣна партитуры 1 р., голосовыхъ партій 1 р.

Пѣніе на панихидѣ, извлеченное изъ обихода нотнаго церковнаго пѣнія при Высочайшемъ дворѣ употребляемаго, для четырехголоснаго смѣшаннаго хора, въ упрощенномъ переложеніи, приспособленномъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ. С.-Пб. 1889. Изданіе придворной капеллы. Цѣна партитуры 50 к., голосовыхъ партій по 15 к.

Пѣніе на молебнахъ, извлеченное изъ обихода нотнаго церковнаго пѣнія, при Высочайшемъ дворѣ употребляемаго, для четырехголоснаго смѣшаннаго хора въ упрощенномъ переложеніи С.-Пб. 1889. Изданіе придворной капеллы. Цѣна партитуры 1 р., голосовыхъ партій по 25 к.

Соловьевъ, Д. Н. Азбука хорового пѣнія съ практическими упражненіями и краткою хрестоматією. Изд. 2-е. С.-Пб. 1886. Цѣна 60 к.

Случевскій, К. К. Гимнъ св. равноапостольному князю Владимиру. Для четырехголоснаго смѣшаннаго хора. Музыка А. Архангельскаго. Изд. М. Вернарда. С.-Пб. 1888. Цѣна партитуры 40 к., для 4 голосовъ 40 к., для 1 голоса съ аккомпанементомъ фортепіано 40 коп.

Тропарь, кондаки и величаніе св. равноапостольному кн. Владимиру для четырехголоснаго смѣшаннаго хора. Цѣна партитуры 30 к., каждой голосовой партіи 10 к. Собственность придворной пѣвческой капеллы.

Фатъевъ, А. С. Пособіе къ изученію начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія. 1889. Цѣна 65 к.

XI. Руководства по закону еврейской вѣры.

Согаль, В. Л. Краткій еврейскій катихизисъ. Изд. 12-е. Одесса. 1888. Цѣна въ переплетѣ 25 к.

Согаль, В. Л. Пространный еврейскій катихизисъ. Изданіе 3-е. Одесса. 1888. Цѣна 70 к.

Согаль, В. Л. Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда. Съ переводомъ еврейскаго текста на русскій языкъ. Изд. 6-е. Одесса. 1887.

Цигельманъ, Н. Л. Законоучитель для учениковъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Одесса. 1889. Цѣна 50 к.

Немверъ, М. О. Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до новѣйшаго времени. Часть I (отъ сотворенія міра до переселенія евреевъ въ Вавилонію). Вильна. 1888. Пособіе при преподаваніи закона еврейской вѣры въ средн. учеб. заведеніяхъ.

КНИГИ, ОДОБРЕННЫЯ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ¹⁾.

Математика.

НАЧЕРТАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРІЯ.

Руководство.

Пальшау, А. И. Начала начертательной геометріи съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Харьковъ. 1886. Цѣна 1 р. 30 к.

Пособіе.

В. С. и Н. Д. Популярное руководство къ изученію перспективы и теоріи тѣней по курсу д'Андріе. Съ 95 рисунками и чертежами. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 р. 50 к.

МЕХАНИКА.

Пособія.

Пальшау, А. Начала механики. Кинематика, статика, динамика и теорія машинъ. Харьковъ. 1885. Цѣна 4 р.

¹⁾ Сверхъ книгъ общихъ для реальныхъ училищъ съ гимназіями.

Фанг-дер-Флитъ, П. П. I. Основанія механики. С.-Пб. 1885.
Цѣна 1 р. 50 к. **II. Введеніе въ механику. 2 части. С.-Пб. 1886.**
Цѣна 4 р.

Естествовѣдѣніе.

ЗООЛОГІЯ.

Руководство.

Wassiele, P. Leitfaden der Zoologie für höhere Anstalten. Berlin, 1886. Для среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ естественная исторія преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

Пособіе.

Лейтеманъ. Зоологическій атласъ. Тексты К. Сентъ-Илера. С.-Пб. 1889. Цѣна 2 р. 50 к.

БОТАНИКА.

Руководства.

Вородинъ, И. П. Краткій учебникъ ботаники. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 75 к.

Раевскій, К. Систематическій курсъ ботаники. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888.

Williams, W. Leitfaden der Botanik. С.-Пб. 1887. Для среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ естественная исторія преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

Пособія.

Животовскій, Н. Ботаническій атласъ. С.-Пб. 1887. Цѣна 4 р.

Маевскій, П. Осенняя флора средней Россіи. Таблица для опредѣленія растеній цвѣтущихъ осенью. Москва. 1887. Цѣна 40 к.

Маевскій, П. Весенняя флора средней Россіи. Таблица для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Съ рисунками. Москва. 1886. Цѣна 30 к.

Покорный, Ф. Стѣнные карты вредныхъ и полезныхъ растеній. Изд. рижскаго книгопродавца Киммеля. Два первые выпуска, состояще изъ 6-ти картъ. Цѣна каждого выпуска изъ трехъ картъ наклеенныхъ и съ петлями 3 р. 20 к.

Цабель, Н. Е. Списокъ растеніямъ первой сотни учебнаго гербарія, издаваемого Цабелемъ.

Цабель, Н. Е. Курсъ общей ботаники. Растенія безцвѣтковые или споровыя. Ч. II. Москва. 1886. Цѣна 50 к.

МИНЕРАЛОГИЯ.

Руководства.

Александровъ, Фр. Начальныя основанія минералогіи. Изд. 5-е. Съ 127-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1880. Цѣна 1 р.

Александровъ, Фр. Начальныя основанія минералогіи. Изд. 6-е. С.-Пб. 1887.

АНАТОМІЯ и ФИЗИОЛОГІЯ.

Пособіе.

Влахопуловъ, Д. К. Анатомія и физиологія челоуѣка. 1888. Цѣна 50 к.

ХИМІЯ.

Руководства.

Вокій, И. Основаніе химіи, съ предисловіемъ Н. Н. Векетова. Изд. 3-е. Харьковъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Пособія.

Рихтеръ, В. Учебникъ неорганической химіи. Изд. 6-е. С.-Пб. 1887.

Дрентельнъ, Н. С. Начальный учебникъ химіи. Отд. I. О химическомъ составѣ, съ 53 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. 25 к.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ.

Пособіе.

Рейнботъ, Е. Учебникъ химической технологіи, съ 140 таблицами въ текстѣ. С.-Пб. 1885.

КОММЕРЧЕСКІЯ НАУКИ.

Руководство.

Моревъ, Д. Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 50 к.

Пособіе.

Рафаловичъ, Л. А. Акціонерныя коммерческіе банки, ихъ операціи и балансы. С.-Пб. 1887. Цѣна 75 к.

**КНИГИ, ОДОБРЕННЫЯ ДЛЯ ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ.**

ИСТОРИЯ.

Руководство.

Веллярминовъ, И. Руководство къ русской исторіи съ дополненіями изъ всеобщей. Курсъ женскихъ прогимназій и высшихъ классовъ женскихъ гимназій. Изд. 7-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 к.

Пособіе.

Friesendorf. Erzählungen aus der Geschichte der alten Kulturvölker. С.-Пб. 1888. Для употребленія въ реальныхъ училищахъ и женскихъ школахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

ФРАНЦУЗСКІИ ЯЗЫКЪ.

Руководство.

Bastin, J. Aperçu de la littérature française. Изд. 2-е. С.-Пб. Цѣна 80 к.

Пособія.

M. S. Premières lectures et leçons de causerie. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 р. 50 к. Для приготовительныхъ и перваго класса женскихъ учебныхъ заведеній.

Арсеньевъ, С. Французская азбука. Уроки чтенія и письма. Москва. 1886. Цѣна 50 к. (для элементарнаго курса женскихъ учебныхъ заведеній).

Premières leçons de français. Conversation, lecture et écriture. Ч. II. Книга для учащихся. Изд. 2-е, съ картинками. С.-Пб. 1886. Цѣна 80 к. Для элементарнаго курса женскихъ учебныхъ заведеній.

НѢМЕЦКІИ ЯЗЫКЪ.

Пособіе.

Трояновскій, Александръ. Нѣмецкая хрестоматія для употребленія въ среднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Съ нѣмецко-русскимъ словаремъ. С.-Пб. 1886. Цѣна. 75 к.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ РОМАНѢ.

(Посвящается памяти Ор. Э. Миллера).

Географія великорусскихъ былинь давно обратила на себя вниманіе исследователей, давая основанія для соображеній о родинѣ и времени первоначальнаго разцвѣта нашего былевого эпоса. „Дѣйствіе былинь“, говоритъ Л. Н. Майковъ, — „происходитъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ или около него, а изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичъ-Волинскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинь встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ. Напротивъ того, въ былинахъ Владимірова цикла не видно преобладанія Москвы ни какъ великаго княжества, ни тѣмъ болѣе какъ царства.... Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинь Владимірова цикла выработывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, то-есть, въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева“¹⁾. Подобнаго же мнѣнія держался Ор. Э. Миллеръ. Указавъ древнѣйшій, по его мнѣнію, слой великорусскихъ былинь, онъ говоритъ: „Къ этому слою должны относиться въ нихъ и стольный Кіевъ, и Черниговъ градъ, и матушка Днѣпръ рѣка, и старый Владиміръ Кіевскій—изъ сѣдой старяны идущее, эпическое наслѣдіе того южно-русскаго періода нашей исторіи, когда вѣчевой укладъ оставался, и при кня-

¹⁾ О былинахъ Владимірова цикла, 22—27.

жеской власти, явленіемъ господствующимъ. Нашъ былевой эпосъ былъ занесенъ съ юга на сѣверъ, „о чемъ свидѣлствуютъ юго-восточныя названія мѣстностей въ былинахъ олонецкихъ, архангельскихъ и сибирскихъ“¹⁾. Съ наибольшою рѣзкостью мнѣніе о южно-русскомъ происхожденіи богатырскихъ былинъ высказано было Погодинымъ. „Былины или пѣсни былевыя“, говоритъ онъ, — „дошли до насъ въ самомъ поврежденномъ видѣ, почти изуродованныя; но основаніе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ глубокой древности, во времени главнаго лица, около котораго всё онѣ такъ или иначе обращаются, — стольнаго князя Кіевскаго Владиміра. Кіевъ, Черниговъ, Волынь, Галичъ, Дунай, Днѣпръ—вотъ имена, которыя безпрестанно слышатся въ этихъ пѣсняхъ и показываютъ мѣсто ихъ сочиненія или проекожденія—на югѣ, въ Кіевѣ, въ кіевской сторонѣ“²⁾.

Но предполагая древнѣйшую южно-русскую основу былинъ, никто, конечно, изъ серьезныхъ изслѣдователей не думалъ отрицать возможности, даже необходимости привнесенія въ составъ, устно передававшихся былевыхъ пѣсенъ эпическихъ элементовъ позднѣйшаго времени. Въ разборѣ книги Ор. Миллера о богатырскомъ эпосѣ профессоръ Буслаевъ говоритъ: „Въ послѣдней главѣ своей книги г. Миллеръ совершенно справедливо развиваетъ ту мысль, что Русь Суздальская оказала самое замѣтное вліяніе на историческое наслоеніе русскаго эпоса. Географія нашего эпоса, сосредоточенная къ Кіеву, могла опредѣлиться раньше, но съ перенесеніемъ центровъ русской жизни изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, въ самомъ эпосѣ долженъ былъ совершиться новый процессъ въ переработкѣ старыхъ типовъ и сказаній на новый ладъ. Имена и событія Кіевской Руси могли быть перенесены на личности и событія Руси Суздальской, и на оборотъ, факты исторіи сѣверо-восточной Руси могли быть смѣшаны съ ранними фактами южной Руси“³⁾. Такимъ образомъ мысль о смѣшанномъ характерѣ нашего былеваго эпоса слѣдуетъ признать давно установленною и никѣмъ не отрицавшеюся. Задачей изученія былинъ являлось при этомъ отдѣленіе того, что слѣдуетъ признать ихъ древнѣйшею основой, отъ того, что могло быть поэтическимъ отраженіемъ позднѣйшихъ историческихъ отношеній. По вполнѣ понятной причинѣ изслѣдователи съ особеннымъ интере-

¹⁾ Илья Муромецъ и богатырство кіевское, 806, 814.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1870 г., № 12, стр. 155.

³⁾ Народная поэзія, историческіе очерки, 279.

сомъ и вниманіемъ остановились прежде всего на первой половинѣ этой задачи, то-есть, на опредѣленіи и изученіи древне-кѣвскаго слоя былинъ. Эпическіе элементы позднѣйшаго происхожденія меньше привлекали вниманіе. Казалось, эти позднѣйшія примѣсы должны были выясниться сами собою, когда будетъ опредѣлена древнѣйшая составная часть былеваго эпоса.

Но установившееся такимъ образомъ изученіе нашихъ былевыхъ пѣсенъ потребовало нѣкоторыхъ поправокъ. При болѣе подробномъ литературно-сравнительномъ изученіи русскаго эпоса такъ-называемыя „заимствованія“, или литературныя примѣсы въ былинахъ, казавшіяся малозначительными, стали выступать такъ ярко и такъ широко, что вопросъ объ этихъ слагаемыхъ нашего эпического итога получилъ неожиданно важное значеніе, измѣнивъ самый ходъ изученія былевыхъ пѣсенъ. Работы, которыя ведутся въ этомъ направленіи, дали и, безъ сомнѣнія, еще дадутъ много цѣнныхъ наблюденій, которыя помогутъ намъ уяснить постепенный ходъ измѣненій, перешитыхъ русскимъ былевымъ эпосомъ.

Возникали и другаго рода сомнѣнія при изученіи нашихъ былинъ. Не смотря на предположеніе и болѣе или менѣе удачное опредѣленіе древняго, южно-русскаго слоя былеваго эпоса, нельзя же было забыть, что тѣ былинны, которыя мы знаемъ, являются достояніемъ только сѣверной Руси и въ своемъ изложеніи (въ языкѣ, стилѣ, въ изображеніи бытовыхъ подробностей) хранятъ яркіе слѣды великорусскаго племени. Это обстоятельство наводило на мысль, что историческія пѣсни во время долгаго и медленнаго перехода отъ временъ Кѣвской Руси до нашихъ дней должны были утратить значительную, быть можетъ, даже болшую часть своего первоначальнаго состава и своихъ древнихъ особенностей. Позднѣйшія примѣсы, отраженія позднѣйшихъ историческихъ отношеній получали при этомъ значеніе господствующаго элемента, опредѣляющаго характеръ нашего эпоса въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ по былинамъ. „Былины“, писалъ Костомаровъ,—„есть произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно велико-русской вѣтви, всему малорусскому племени онѣ совершенно чужды и не знакомы... Въ нашихъ былинахъ, которыя несомнѣнно образовались въ ихъ настоящемъ видѣ только на сѣверѣ, исключительно въ великорусскомъ племени, и притомъ подъ вліяніемъ иноплеменныхъ населеній, воздѣйствовавшихъ на великорусское племя, одно только относится къ кѣвской древности— это собственныя имена Кіева и князя Владиміра и нѣкоторыхъ его

богатырей, но затѣмъ въ былинахъ собственно-кѣвскаго чрезвычайно мало¹⁾. Въ послѣднее время указанъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что вымирание богатырскаго эпоса на югѣ Россіи — явленіе довольно позднее. Еще въ XVI—XVII вѣкахъ въ южной Руси были извѣстны сказанія о такихъ эпическихъ герояхъ, съ которыми мы знакомы теперь только по великорусскимъ былинамъ²⁾. Не смотря однако на эти указанія, мнѣніе о сѣверно-русскомъ по преимуществу составѣ былевого эпоса находитъ и теперь сторонниковъ. Таковъ г. Халанскій, который хотя „не можетъ вполне согласиться съ мнѣніемъ Н. И. Костомарова“, однако утверждаетъ, что „большинство былинъ и богатырскихъ образовъ кѣвскаго круга возникли на сѣверо-востокѣ Руси, въ Великороссіи, въ старой Суздальщинѣ и Московщинѣ“. По его мнѣнію, извѣстность на югѣ нѣкоторыхъ эпическихъ образовъ, выступающихъ въ великорусскихъ былинахъ, можетъ объясняться переносомъ былевыхъ пѣсень съ сѣвера на югъ. „Изъ Московскаго царства, какъ центра, былины распространялись во всѣ стороны. Главная масса ихъ вмѣстѣ съ населеніемъ перешла на сѣверъ, гдѣ онѣ живутъ и до настоящаго времени. Молодежь, уходившая въ казаки, на Донъ, Волгу и др., туда же разносила съ собою и былины, при чемъ могла передавать ихъ ближайшимъ сосѣдямъ, запорожцамъ, откуда сказанія могли заходить и въ Малороссію. Помимо этого, великорусскія сказанія могли переходить въ Малороссію путемъ устной передачи. Въ періодъ этого, отчасти обратнаго, движенія былевого матеріала съ сѣвера на югъ зашли сюда и прикрѣпились къ Киеву многія сѣверно-русскія сказанія, напримѣръ, объ

¹⁾ *Русская Старина* 1877 г., январь, стр. 174—175. Это замѣчаніе не имѣло однако Костомарову отыскивать въ былинахъ слѣды самой отдаленной исторической старины. Разбирая лѣтописныя преданія объ Олегѣ, онъ сопоставляетъ съ ними былинну о Вольгѣ: „Нападеніе былиннаго Вольги на Турецкую землю соответствуетъ лѣтописному нападенію Олега на Византію. Въ иной былинѣ о Вольгѣ представляется сходство съ другою половиною дѣятельности лѣтописнаго Олега“ и т. д. Относительно лѣтописныхъ разказовъ о Владимірѣ Святѣмъ Костомаровъ замѣчаетъ: „Извѣстія, касающіяся Владиміра, живы, образны, и конечно, перешли въ первоначальную лѣтопись изъ преданій и воспоминаній, переходившихъ отъ современниковъ Владиміра къ ихъ потомкамъ. На нихъ-то сложился тотъ тишеческій образъ этого князя, который, воспринимая въ себя черты послѣдующихъ временъ, дошелъ наконецъ до великорусскихъ былинъ“ (*Монументы*, XIII, 84, 166).

²⁾ Ср. рефератъ *Н. П. Дашкевича* „О существованіи былинъ въ южной Руси до половины XVII вѣка“ (*Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца*, кн. 2, стр. 208).

Ильѣ Муромцѣ, о Михайликѣ и др.¹⁾ Съ особенною рѣшительностью мнѣніе о великорусскомъ составѣ и характерѣ нашихъ былинъ выражено въ недавней замѣткѣ Филологическаго Вѣстника: „Мы думаемъ, что чисто великорусскія былины объ Ильѣ, Алешѣ, Чурилѣ никогда не были извѣстны малоруссамъ“²⁾.

Incidit in Scyllam qui vult evitare Charybdin.

Мнѣніе это кажется мнѣ такимъ же одностороннимъ увлеченіемъ, какъ и предположеніе, что чуть ли не всѣ былины кievскаго цикла представляютъ лишь слегка подновленные памятники до-монгольской эпохи. Мнѣ представляется не подлежащимъ сомнѣнію, что былевья сказанія могли переноситься и дѣйствительно переносились съ сѣвера на югъ³⁾; не подлежитъ также сомнѣнію, что былевой эпосъ въ теченіе своей долгой исторической жизни испыталъ глубокія, коренныя измѣненія; но не подлежитъ также сомнѣнію, что корни нашихъ былинъ тянутся въ ту именно эпоху Кіевской Руси, которая указывается господствующимъ въ былинахъ подборомъ именъ и географическихъ названій.

Изъ ряда этихъ географическихъ названій получаютъ теперь особенную важность тѣ, которыя принадлежатъ мѣстностямъ далекимъ и малонзвѣстнымъ на сѣверѣ. Таково названіе Галичъ, встрѣчающееся въ былинахъ съ характеристическимъ, не оставляющимъ мѣста недоразумѣнію, прибавленіемъ: Волинь, указывающимъ на землю Галицко-Волинскую. Былина о Дюкѣ Степановичѣ открывается такою картиной:

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славна Волища, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатма,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача доброй молодець:
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ⁴⁾.

¹⁾ Великорусскія былины кievскаго цикла, 211, 219.

²⁾ 1889 г., № 1, стр. 139.

³⁾ Образецъ такого именно зашедшаго съ сѣвера сказанія представляетъ малорусская сказка объ Ильѣ Муромцѣ, сообщенная г. Эварницкимъ (газета *Новостямъ* 1889 г., № 108, 21-го апрѣля Ср. Сказки *Лаванасева*, изд. 2-е № 174, 175). Извѣстность на югъ Россіи сказки объ Ильѣ давно указана была г. *Трустемичемъ*, который между прочимъ упоминаетъ о чтеніи и пересказываніи малороссами лубочной сказки объ этомъ богатырѣ (*Кіевлянинъ* 1866 г., № 6).

⁴⁾ Др. росс. стихотворенія, собр. *Кириемъ Даниловымъ*, 22.

Та же картина повторяется въ былинѣ о Михайлѣ Казариницѣ¹⁾

Какъ изъ далеча было изъ Галичя,
Изъ Волыниа города изъ Галичя...
Внѣзжалъ удача лоброй молодецъ,
Молодой Михайло Казариницъ²⁾.

Въ пѣснѣ: „Сорокъ каликъ со каликою“:

Изъ Волыниа города изъ Галича.
Изъ той же Карели изъ богатя.
Во ту ли во пустыню во Данилову.
Собирался, собрушался
Сорокъ каликъ со каликою³⁾.

Простодушные сказители XVIII и XIX вв., упоминая Волынь и Галичъ, не отдавали себѣ, конечно, отчета въ истинномъ значеніи этихъ названій. Они смѣшиваютъ Галичъ съ болѣе знакомою Карелой; названія же: Галичъ, Волынь повторяются какъ что-то заученное, доставшееся отъ старины. Что же это за старина? Какое время оставило свой слѣдъ въ приведенныхъ выше традиціонныхъ запискахъ? Могли ли сѣверно-русскіе пѣвцы, поэты московской эпохи имѣть достаточный поводъ и интересъ перенести мѣсто дѣйствія передававшихся ими сказаній въ далекій, забытый ими Галичъ, если бы для этого не представлялось какихъ-либо основаній въ эпическомъ запасѣ болѣе ранняго времени, если бы самое имя Галича не было подсказано какими-нибудь „старини словесы“? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ, конечно, быть колебаній и разногласія.

Галицко-Волынская земля оставила свое имя въ былинахъ. Но ужели только имя? Нельзя ли отыскать въ былинахъ слѣдовъ не имени, а исторіи Галича? Сохранились ли какія-нибудь эпическія воспоминанія о былой жизни этой юго-западной русской украины?

Въ исторіи Галицкаго княжества былъ блестящій, но очень не продолжительный періодъ, когда оно занимало важное, вліятельное⁴⁾ положеніе среди другихъ русскихъ областей. Этотъ періодъ, когда событія, совершавшіяся въ Галичѣ, могли привлекать общее вниманіе, обнимается княженіемъ Ярослава Осмомысла, Романа Мстиславича и его сына „короля“ Данила. Сыну Данила Льву еще удавалось поддерживать славу отца и дѣда, но по смерти Льва († 1301) Галичъ быстро утрачиваетъ свое бывшее значеніе. Его исторія напол-

¹⁾ Ibid. 203.

²⁾ Пѣсни, собр. Куртескимъ, III, 81.

няется мелкими усобицами и неудачною борьбой съ сосѣдами. Въ половинѣ XIV столѣтія Галичъ теряетъ самостоятельность, дѣлается частью Польскаго государства. Галицко-русскій народъ будетъ бережно хранить черты родной старины, но его политическая жизнь пойдетъ по чужой дорогѣ, отдѣльно отъ исторіи Руси. Отрѣваннымъ ломтемъ въ ряду другихъ русскихъ земель остается Галичъ и до нашихъ дней. Поэтому если пѣсенная традиція могла сохранить какія-нибудь воспоминанія объ исторической жизни Галича, то эти воспоминанія должны, конечно, относиться къ далекой порѣ его мимолетной славы, къ эпохѣ Данила и Романа.

Послѣднее имя, имя князя Романа, не чуждо дѣйствительно и нашимъ былинамъ. Связь былинныхъ сказаній о князѣ Романѣ съ воспоминаніями о знаменитомъ Галицкомъ князѣ была уже отмѣчена г. Вессоновымъ, мнѣніе котораго повторено г. Дашкевичемъ и Ор. Миллеромъ¹⁾. Задача моей работы—представить болѣе обстоятельное обзорѣніе тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

I.

Наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Романа Мстиславича далеко не отвѣчаютъ той извѣстности, которою онъ пользовался среди современниковъ, и той славной памяти, которую оставилъ въ потомствѣ. Извѣстно, что та часть Галицко-Волынской лѣтописи, которая сохранилась въ сборникахъ типа Ипатскаго списка, открывается припоминаніями, вызванными смертью Романа; предшествующая же часть, которая должна была содержать разказъ о княженіи Романа, утрачена²⁾. Свѣдѣнія о первой половинѣ жизни Романа, до утвержденія его въ Галичѣ, ограничиваются отрывочными извѣстіями, находимыми въ южно-русскомъ и Новгородскомъ лѣтописныхъ сводахъ; для втораго галицкаго періода жизни Романа всего больше даютъ матеріала польскіе лѣтописцы³⁾.

¹⁾ Пѣсни собр. Рыбниковымъ, т. I, записка г. Вессонова, стр. IV—V. Дашкевичъ, Данилъ Галицкій 111—112, примѣч. Миллеръ въ Ист. р. слов. Галахова, т. I, изд. 2-е, стр. 120—121.

²⁾ О лѣтописи Галицко-Волынской см. Костомаровъ, Лекціи по р. ист. 47—51. Востужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей, 151—157.

³⁾ Изъ польскихъ лѣтописцевъ особенно важнѣе Кадлубекъ, современникъ

Я ограничусь лишь самыми бѣглыми припоминаніемъ данныхъ Романовой біографіи, чтобы съ болѣею вниманіемъ остановиться на извѣстіяхъ, указывающихъ на глубокой слѣдѣ, оставленной дѣятельностью Романа въ умахъ его современниковъ и въ памяти народной.

Романъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Изяславича и какой-то польской княжны, воспитывался въ Польшѣ при дворѣ своего дяди ¹⁾. Въ 1168 г. Романъ занялъ княжескій столъ въ Новгородѣ, но оставался тамъ недолго. Вскорѣ послѣ знаменитой побѣды новгородцевъ надъ суздальскими войсками ²⁾, новгородцы „показаша путь“ Роману (1170). Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и,

Романа († 1223); хроника его доведена до 1203 г. Хроника *Богухвала* или *Годи-слава Ланка* въ основныхъ своихъ частяхъ принадлежитъ также XIII вѣву, но въ составъ ея внесено позже много дополненій и измѣненій. Изъ позднѣйшихъ компиляторовъ, извѣстія которыхъ касаются и времени Романа, назовемъ *Длугоша* (XV в.), *Бальскаю* (XVI), *Стрыйковскую* (XVI). О древне-польскихъ лѣтописцахъ см. соч. г. Ливиченка: *Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.* (Кіевъ, 1884), гл. I.—Объ извѣстіяхъ Кадлубка, касающихся Руси, есть статья г. *Ярмаховича*. *Magistri Vinc. Kadlubkoni Chronica Polonorum* какъ источникъ для русской исторіи (въ *Кіевскихъ уни. извѣстіяхъ* 1878 г., декабрь). Извлечение изъ *Длугоша* извѣстій о Руси дано *К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ* въ приложеніи къ сочиненію о составѣ лѣтописей.

¹⁾ „Крайне запутанъ“, говоритъ г. Ливиченко,— „благодаря состоянію источниковъ, родственныя отношенія Романа Мстиславича и Казимира Справедливаго. Кадлубекъ, правда, выразительно называетъ Романа Мстиславича и Казимира двоюродными братьями; наша лѣтопись называетъ Мѣшко Старога, брата Казимира, уемъ Роману; но вопросъ этимъ не разрѣшается, ибо по однимъ извѣстіямъ мать Романа была сестрой Казимира, по другимъ самъ Казимиръ былъ женатъ на дочери русскаго князя“. Какая именно сестра Казимира была матерью Романа, и какая русская княжна была замужемъ за Казимиромъ, остается неяснымъ. Г. Ливиченко имъ ставляетъ гипотезу: „не былъ ли Казимиръ женатъ на сестрѣ Мстислава Изяславича? И въ такомъ случаѣ Мешекъ и Романъ были бы двоюродными братьями и Мѣшко могъ называться уемъ Романа“ (op. cit. 62 — 64). Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Мѣшко едва ли бы названъ былъ уемъ Романа, ибо приходился бы Роману родственникомъ по отцу, а не по матери. О воспитаніи Романа въ Польшѣ упоминаетъ Кадлубекъ: „Mepnit namque idem Romanus, quanta erga se Casimiri fuerint beneficia, apud quem rure a cubalibis educatus“ (L. IV, c. 23).

²⁾ Объ этой побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами есть особая повѣсть (Памят. стар. р. лит. I, 241—242). Въ повѣсти упоминается, конечно, о князѣ („Бысть же у нихъ въ то же время князь Романъ сынъ Мстислава, внукъ Изяслава“), но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ не онъ, а знаменитый архіепископъ Іоаннъ:

по совѣту дружины, поспѣшавъ на югъ, въ Владиміръ Волынской, гдѣ и занялъ столъ княжескій. Въ 1187 г., по смерти Ярослава Осмомысла, Романъ, пользуясь нерасположеніемъ галичанъ къ ихъ князю Владиміру Ярославичу, пытался овладѣть Галичемъ, но удержаться здѣсь ему на этотъ разъ не удалось. Его вытѣснили изъ Галича угры, которые впрочемъ тоже недолго владѣли этою русскою областью. Въ 1190 г. Владиміръ Ярославичъ снова занялъ галицкій столъ. Романъ же при помощи своего тестя Рюрика Ростиславича, сѣлъ опять во Владиміръ Волынскомъ. Въ 1198 г. умеръ Владиміръ Ярославичъ. Романъ снова рѣшился овладѣть Галичемъ и на этотъ разъ, при помощи польскихъ войскъ, успѣлъ утвердиться здѣсь; польскіе лѣтописцы сообщаютъ, что съ недовольными его властью Романъ раздѣлался преслѣдованіями и казнями.

Изъ событій, относящихся ко времени княженія Романа на Волыни и въ Галичѣ, извѣстны: борьба Романа съ его тестемъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, походы противъ Литвы и половцевъ и вмѣшательство въ польскія дѣла.

Романъ поссорился съ тестемъ изъ-за нѣсколькихъ городовъ въ Киевской области (Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунъ и Вогуславъ). Рюрикъ, занявшій (въ 1195 г.) кievскій столъ по смерти Святослава Всеволодовича (извѣстнаго по „золотому слову“ въ Словѣ о полку Игоревѣ), далъ упомянутые города Роману, но потомъ отнялъ ихъ по требованію великаго князя Суздальскаго Всеволода. Романъ соединился съ Ольговичами Черниговскими и послалъ войско въ Киевскую область, но въ это время на его собственныя владѣнія напали Ростиславъ Рюриковичъ и Владиміръ Галицкій. Романъ не имѣлъ силъ отбить нападенія и принужденъ былъ смириться. Позже, когда Романъ утвердился въ Галичѣ, Рюрикъ пытался отнять у него эту область, но заплатилъ за это своимъ княженіемъ. Романъ взялъ Киевъ (1202 г.), выгнавъ оттуда тестя. Въ 1204 г. Рюрикъ снова овладѣлъ Киевомъ, но не надолго. По приказанію Романа, Рюрикъ былъ схваченъ, отвезенъ въ монастырь и постриженъ. Въ то же время пострижены жена Рюрика и его дочь, жена Романа, который вступилъ потомъ въ новый бракъ.

О битвахъ Романа съ Литвой упоминаютъ польскіе лѣтописцы и Слово о полку Игоревѣ¹⁾. Въ русской лѣтописи подъ 1196 (6704) г.

¹⁾ „Тамъ трясну земля и многи страмы: Хмынова, Литъва, Ягвизи, Деремела и Половца“ (по чтенію проф. *Потебни*). Упоминаемыя здѣсь победы, от-

отмѣчено: „Тое же зима ходи Романъ Мъстиславичъ на Ятыги отомщеваться, блхуть бо всевали волость его, и тако Романъ види въ землю ихъ, они же не могучи стати противу силъ его, и бѣжаша во своя тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и отомстився возвратися во свояси“¹⁾).

Есть лѣтописныя извѣстія и о походахъ Романа противъ половцевъ. Въ 1202 (6710) г. „ходи Романъ князь на половци, и взя вежѣ половечскыи, и приведе полова много, и душъ хрестыанскыи множество отполони отъ нихъ, и бысть радость велика в земли Русскыи“. Въ 1205 (6713) г. „ходиша Рускии князи на половци, Рюрикъ Кневскыи, Ярославъ Переяславскыи великого князя Всеволожь сынъ, Романъ Галицкыи Мстиславичъ и иныи князи; бысть же тогда зима люта, и половцемъ бысть тегота велика, посланая на ны казнь отъ Бога, и авяша Рускии князи полону много, и стада ихъ авяша, и возвратишася во свояси с полономъ многымъ, и бысть радость велика всѣмъ хрестыаномъ Русской земли“²⁾). О первомъ изъ этихъ походовъ разказываютъ также византийскіе лѣтописцы. Половцы опустошали Фракію. Походъ Романа, къ которому обращался за помощію Алексѣй Комнинъ, отвлекъ ихъ силы отъ греческихъ владѣній³⁾).

носящіяся ко времени до 1187 года (когда написано Слово о полку Игоревѣ), неизвѣстны по лѣтописямъ.

¹⁾ Полное собр. р. лѣт. II, 150, 326.

²⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 397, 899. Ср. П. собрание р. лѣт., II, стр. 328.

³⁾ Успенскыи, Образование втораго Болгарскаго царства, стр. 206—209. Ср. Карамзинъ, И. Г. Р. III, стр. 66 (изд. Эймерла), пр. 108. Въ описаніи путешествія въ Цареградъ Добрыни Андрейковича упоминаются послы „отъ великаго князя Романа“, прибывшіе въ Константинополь, вѣроятно, для переговоровъ по поводу упомянутаго похода на половцевъ (Путешествіе Новгородск. архіепископа Антонія надъ съ примѣчаніями *Савваитова*, 79). Польскіе лѣтописцы, а за ними и Гусынская лѣтопись, разказываютъ еще, что по вѣстимъ Константинополя грестоносцани Алексѣй Ангелъ бѣжалъ въ Галичь къ Роману: „они же (войска римскія и немецкія) придоша къ Цариграду моремъ и обрѣтоша Алексѣя Ангела царя Греческаго не готово, ихъ же Алексѣй убояся, ксеому же яко не имѣя во Гречѣхъ никого же себя призванаго, сего ради, оставивъ царство Исавлію, осла пленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множествомъ богатства и сокровищъ побѣже въ Русскую землю ко Роману Мстиславичу въ Галичь“ (Собрание лѣт., II, 327). Вѣроятно, въ связи съ утвержденіемъ латинявъ въ Цареградѣ стоитъ и посольство къ Роману отъ папы (1204 г.). Извѣстенъ отвѣтъ Романа легату: „таковъ ли мечъ у папы?“ (*Макарій*, Исторія Русской церкви, III, стр. 284—285).

Что касается внимательства Романа въ польскія дѣла, то оно вызвано было просьбой „Казимиричей“ (Лешка и Конрада), которые боролись съ своимъ дядей Мечиславомъ. Романъ двинулся съ своими войсками въ польскіе предѣлы, но былъ раненъ въ битвѣ при Мозгавѣ и вернулся на Волюнь (1195). Побѣда осталась за Мечиславомъ ¹⁾. Позже дружественныя отношенія Романа къ Казимиричамъ смѣнились открытою враждой. Галицкій князь требовалъ отъ польскихъ князей Люблинскую область, какъ вознагражденіе за издержки, вызванныя походомъ противъ Мечислава. Неудовлетвореніе этого требованія вызвало войну. „Романъ Мстиславичъ Галицкій, ища вины на Лаховъ, посла со гордостію до Лешка Бѣлаго, князя Полскаго, да ему дасть волость во своей державѣ за труды, яже подъять помогаая ему на Мечислава Стараго, стрія его; Лешко же отвѣща ему, яко недостойнъ еси мзды, понеже бѣжалъ еси отъ брани. Романъ же разгнѣвася велии и собра велико множество вой, пойде въ державы лядскія, хотя Лаховъ и вѣру ихъ погубити, и пришедъ къ Люблицу облеже и и стоя подъ нимъ мѣсяць, но не може его взяти; и потомъ

¹⁾ „Романъ же... эха въ Ляхы помоча дѣля (въ борьбѣ съ тестемъ своимъ Рюрикомъ) ко Казимиричемъ и рекоша ему Казимиричи: „мы быхомъ тобѣ радѣ помогли, но обидитъ насъ стрый твой Мешька, ничтъ надъ нами волости, а переже оправдъ насъ, а быхомъ былъ вси Ляхове не равно, но за одинѣмъ быхомъ щитомъ былъ съ тобою и мстили быхомъ обиды твои“. Романъ же улюбивъ съвѣтъ ихъ и послушавъ ихъ, и поѣха на Мешьку со сыновци его съ Казимиричи, сдума съ мужи своими, рекъ: „ажъ примучю сихъ, а Богъ ми на ня помочеть, и тогда совокупивъ всехъ на одно мѣсто исполню съ ними честь свою и хотѣние мисля своея нагъзу“; и то помысливъ въ сердци своемъ, и поѣха противу Мешькѣ битися. Мешько же приславъ противу ему и не хоташе битися съ нимъ, но велашеть Романови, абы и уладитъ со сыновци его; Романъ же не послушавъ ихъ и ни мужій своихъ, и да ему подѣтъ. И ударшася Ляхове съ Русью, и потопташа Ляхове Русь, и побѣди Мешько Романа, и избиша въ полку его Руси много и Ляховъ своихъ; а самъ утече къ Казимиричемъ въ городъ, и оттуду вземши и дружина его, несомъ и къ Володимерю“. (II. собр. р. лѣт., II, 145—146 подъ 6703—1195 г.). „Польскіе историки пишутъ“, говоритъ Карамзинъ,—„что онъ (Романъ) повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а воевода Краковскій Николай друганъ и ерединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ нести себя къ предѣламъ Волюни. Знаменитый епископъ Краковскій Фулько ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. „Не имѣя ни силъ въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти разбѣянныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?“ сказалъ ему Мстиславичъ, а на вопросъ епископа: „чтожъ дѣлать?“ отвѣтствовалъ: защищать столицу, пока соберется съ силами. (И. Г. Р., изд. Эймерл., III, стр. 58)

услыша, яко Лешко князь съ Кондратомъ братомъ своимъ идуть на него, оставивъ Люблинъ, поиде противу ихъ превъ Вислу, и тамо подъ Завихвостомъ градомъ пораженъ и убиенъ бысть сей великій и храбрый и славный во князѣхъ Романъ Мстиславичъ; и оста по немъ два сына его, Данило, имѣя лѣтъ четыре, и Василко двою лѣтъ¹⁾. Вдова Романа отдалась подъ покровительство короля Угорскаго Андрея. Угорскія войска заняли Галичъ, но скоро вытѣснены были оттуда Черниговскими князьями. На галицкомъ столѣ сѣлъ Владиміръ Игоревичъ (упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ). Жена Романа бѣжала съ дѣтьми сначала во Владиміръ Волинскій, а оттуда въ Краковъ къ Лешку Бѣлому, съ которымъ такъ недавно воевалъ Романъ. Лешко отправилъ Данила въ Угрію; Василко приглашенъ былъ на княженіе въ Врестъ. Въ Галичѣ между тѣмъ Игоревичей смѣнилъ присланный королемъ Андреемъ воевода Бенедиктъ, заслужившій своими дѣйствіями прозвище Антикрита. Игоревичамъ удалось прогнать Бенедикта, но король Андрей снова отправилъ противъ нихъ войско, съ которымъ прибылъ и Данилъ Романовичъ. Населеніе съ радостью привѣтствовало появленіе молодого князя, надеясь на прекращеніе смутъ и усобицъ²⁾. Данилъ сѣлъ въ Галичъ; туда же прибыла и мать его. Вскорѣ однако враждебное настроеніе нѣкоторыхъ бояръ Галицкихъ, непріязненное движеніе одного изъ сосѣднихъ князей (Мстислава Ярославича Нѣмого, князя Пересопницкаго) заставили Данила снова оставить Галичъ. Онъ бѣжалъ въ Угрію, оттуда къ Лешку Бѣлому, а затѣмъ въ Каменецъ, куда еще ранѣе прибылъ Василко, принужденный оставить Врестъ³⁾. Только много лѣтъ спустя, послѣ тяжелой борьбы и цѣлаго ряда приключеній, Данилъ успѣлъ утвердиться въ Галичѣ (1235 г.).

¹⁾ П. собр. р. лѣт. II, 329 (Густ. лѣт.). Ср. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 404—405, подъ 6714—1206 г.

²⁾ П. собр. р. лѣтописей, II, стр. 155—159.

³⁾ „Княгини же Романовыя (съ) сыномъ своимъ Даниломъ и съ Вячеславомъ Толыетымъ бѣжаша во Угры, а Василко съ Мирославомъ ѣхаша въ Вѣль... Данилъ же отъиде съ матерью своею въ Лахи, отпросився отъ короля, Лестько же прии Данила съ великою честью; и оттуда же иде въ Каменецъ съ матерью си, братъ же его Василко и бояре вси срѣтоша и съ великою радостью... Потомъ же Данило и Василко Лестьковою помощію пріяста Тихоня и Перемиля отъ Олександра, и княжаста съ матерью своею въ немъ, а на Володимерь врящи: „се ли, ово ли Володимерь будетъ намъ“ (ibid. 159—160).

Характеръ князя Романа, полный неутомимой энергія и поразительной силы, его разнообразная дѣятельность, вызывавшая сношенія и столкновенія съ русскими князьями и половецкими ханами, съ польскими владѣтелями и съ послами изъ Византіи и Рима, полная превратностей судьба Романа, ставившая его въ положеніе то завоевателя, то изгнанника, его смерть на полѣ битвы, страданія и приключенія, выпавшія на долю оставленныхъ имъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ носилъ потомъ титулъ короля,—все это придавало Роману черты одного изъ тѣхъ историческихъ образовъ, которые приковываютъ къ себѣ общее вниманіе, которые дѣлаются достояніемъ народныхъ разсказовъ, пѣсенъ, преданій. „Романъ“, говоритъ Карамзинъ, — „надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима... Ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними князьями“¹⁾. Эти слова можно подтвердить рядомъ свидѣтельствъ русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Мы увидимъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что образъ Романа долго тревожилъ народное воображеніе и на Руси, и въ Польшѣ. Разказы о Романѣ даже современныхъ ему писателей носятъ несомнѣнные слѣды такого потревоженнаго воображенія. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени черты поэтического замышленія выступаютъ еще яснѣе.

1) Въ 1187 году авторъ Слова о полку Игоревѣ обращался къ князю Роману, тогда еще Волынскому князю, съ такими словами: „А ты, буй Романи и Мстиславе! Храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзными напорзи подъ шеломи латинскими, тѣми тресну земля и многы страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Шоловци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужни“. Авторъ Слова хорошо зналъ современныхъ ему князей и ихъ относительное значеніе. Пишное обращеніе, облеченное въ форму, навѣянную „старыми словесы“, даетъ понятъ, какъ отражалась дѣятельность Романа въ умахъ современниковъ.

2) Отрывокъ Галицко-Волынской лѣтописи открывається слѣдующею замѣткой о Романѣ: „По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвши всимъ поганьскимъ авькомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: устремилъ бо ся баше на поганья яко и левъ, сердить же и бысть яко и рысь,

¹⁾ И. Г. Р., III, стр. 68—69.

и губяше, яко в коркодиль, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганя Иманитяны, рекомны Половци, изгнавшию отрока во Обезы за желѣзная врата, Сърчанови же оставшию у Дону, рыбю ожившию; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шелемомъ Донъ, приѣвши землю ихъ всю и загнавшию океаннныя Агаряны. По смерти же Володимеръ оставшию у Сиръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы река: „Володимеръ умеръ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою, молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ (емшанъ). Оному же не восхотѣвшию обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшию и восплакавшию, рече: „да луче есть на своей землѣ костью лечи, не ли на чужѣ славу быти“. И приде во свою землю, отъ него родившися Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву: Роману же князю ревновавшию за то, и тщашеся погубити иноплеменины¹⁾.

3) Въ 1251 году князь Данилъ и Василько, сыновья Романа, одержали побѣду надъ Ятвягами. Лѣтопись сопровождаетъ извѣстіе объ этомъ такой замѣткой: „многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славу пояху има, Богу помогшию има, и придоста со славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страхаху“²⁾.

4) Въ 1257 году князь Данилъ Романовичъ снова воевалъ съ ятвягами и наложилъ на нихъ дань. Лѣтопись замѣчаетъ при этомъ: „по великомъ князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ княвяхъ, развѣ сына его Данила“³⁾.

5) Въ 1288 году умеръ князь Владиміръ Васильковичъ. „Плакахуся по немъ“, говоритъ лѣтописецъ, — „лѣвшіи мужи Володимерьствіа, рекуче: „добро бы ны, господине, съ тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бышеть отъ всякъ обидъ; ты же быше, господине, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего; нынѣ же, господине, уже ктому не мо-

¹⁾ П. собр. р. лѣт. II, 155.

²⁾ Ibid. 187. Въ Ермолаѣвскомъ спискѣ прибавлено: „страхаху: Романъ! Романъ! албо: Русь! Русь!“ Ср. въ Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ: „начаша жены мовитьскыя полошати дѣти свод, ркуще: Александръ ѣдетъ!“

³⁾ Ibid. 194.

жемъ тебе зрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ" ¹⁾).

Изъ приведенныхъ отрывковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ охотно вспоминали о князѣ Романѣ въ Галицко-Волинской землѣ, особенно интересны отрывки второй и третій.

Замѣтка лѣтописи, посвященная воспоминаніямъ о Романѣ и Владимірѣ Мономахѣ, много разъ разсматривалась изслѣдователями Слова о полку Игоревѣ, которые находили въ этомъ отрывкѣ нѣкоторое сходство съ литературнымъ стилемъ Слова. Еще митрополитъ Евгеній указывалъ на сходство выраженій Слова „съ Волинскою лѣтописью“. Головинъ въ изданіи Слова (1846 г.) отмѣтилъ приведенный выше отрывокъ, какъ образецъ литературнаго изложенія, напоминающаго слогъ пѣвца Игорева ²⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Вс. О. Миллеръ, идетъ далѣе. „Быть можетъ“, говоритъ онъ, — „эта повѣсть была частью извѣстною намъ „Слова“, вышла изъ-подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ“ ³⁾. Въ такомъ предположеніи едва ли есть надобность. Но замѣченное сходство слога разсказа о Романѣ и Слова о полку несомнѣнно. Изложеніе Слова о полку Игоревѣ представляетъ художественный сплавъ народно-пѣсенныхъ приемовъ съ чертами, заимствованными изъ книжно-переводной литературы. То же, дѣйствительно, находимъ и въ приведенномъ отрывкѣ лѣтописи. Относительно книжныхъ вліяній я позволю здѣсь повторить свою замѣтку, помѣщенную въ статьѣ о Словѣ о полку: „Не отрицая вліянія народно-поэтическихъ преданій на упомянутое лѣтописное воспоминаіе, замѣчу, что въ немъ видно присутствіе и другаго рода литературныхъ элементовъ, вліяніе памятниковъ переводныхъ. „По смерти же великаго князя Романа... одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ ума мудростью, ходяща по заповѣдемъ Божиимъ“... Въ „Лѣтописцѣ Еллинскомъ и Римскомъ“ въ разказѣ объ Израилѣ читаемъ: „Палицею оубивша змя, рекше одолѣвшу тремъ частемъ злымъ похотемъ ума мудростью аки палицею, ходяща въ котичѣ аки въ лѣвѣ язвенѣ въ твердѣ умѣ“ и т. д. (Поповъ, Обзоръ хронографовъ р. ред. вып. 1, стр. 14; ср. *Fragmenta hist. graec. coll. C. Müller-*

¹⁾ Ibid. 220.

²⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей (изд. *Москвитянина*) I, 243. Ср. *Смирновъ*, О Словѣ о полку Игоревѣ (Литература слова), I, 35, 89.

³⁾ Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, 138—139.

rus, t. IV, p. 543)¹⁾. Что касается народно-поэтической стихіи въ замѣткѣ о Романѣ, то она вѣрно была угадана поэтическимъ чувствомъ одного изъ нашихъ поэтовъ²⁾. Разказъ о гудцѣ Орѣ, который пѣснями и запахомъ степной травы напоминалъ изгнаннику его далекую родину, воспоминаніе о Кончакѣ, „иже снесе Сулу, пѣшь хода, котель нося на плечеву“,—все это носитъ несомнѣнный характеръ поэтическаго преданія. Воспоминанія о князѣ Романѣ и его походахъ на половцевъ слились съ этими поэтическими сказаніями старины.

Третій изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ отрывковъ, упоминающій о походѣ Данила и Василька на Ятвяговъ въ 1251 г., важенъ по прямому указанію на пѣсенное славленіе князей. Лѣтопись сопоставляетъ удачу сыновей Романа съ побѣдами ихъ отца: „придоста со славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганяя яко левъ, имъ же половци дѣти страпцаху“. Это сопоставленіе, хотя бы въ иныхъ выраженіяхъ, можетъ принадлежать пѣснѣ. Но если пѣсня славила тѣхъ, кто только шелъ по слѣдамъ Романа, ужели она молчала о немъ самомъ?

Что касается польскихъ лѣтописцевъ, то они съ особенною подробностью разказываютъ: 1) о жестокостяхъ, которыми сопровождалось второе занятіе Галича Романомъ, 2) объ его походахъ въ Литву, и 3) о послѣдней битвѣ Романа съ польскими князьями.

1) Винцентій Кадлубекъ, современникъ Романа Мстиславича, разказываетъ, что занявъ Галичъ, Романъ началъ страшную расправу съ враждебными ему боярами: закапывалъ живыхъ въ землю, сдиралъ кожу, разрывалъ на части, разстрѣливалъ. Вотъ слова Кадлубка: *Vix enim dux Lestco pedem cum suis dimoverat, quum Galiciensium satrapas et eubagionum florentissimos incautos occupat ac trucidat, quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit.. Unde solenne illi erat quasi proverbum: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso, non rerefacto examine; nec sapere species, nisi creberrime pilo con-*

¹⁾ Литература Слова о полку Игоревѣ, 52—53 (въ *Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ* 1880 г.).

²⁾ См. стихотвореніе А. Н. Майкова „Емшанъ“.

tuzas ¹⁾. На зтотъ разказъ Кадлубка оказала несомнѣнное вліяніе быстро растушая народная молва. Позднѣйшіе лѣтописцы польскіе или повторяють почти буквально разказъ Кадлубка (Богухваль, Сарницій), или распространяють его нѣкоторыми новыми подробностями (Длугошъ, Стрыйковскій). Вотъ разказъ Стрыйковскаго: Roman książę Włodimirskie... wielkim się rychło tyranem sstał: nikto-rych scinał y czwiertował, nikto-rych żywych w ziemię zagrzebywać, drugich z skory łupić, w stuki rozsekiwać, na pale wbijać, scinać, palić, topić, piłami przecierać, oczy wymować y rozmaitymi mękami prawie tyranскими mordować kazał. A panow ruskich, ktorzy przed jego tyranstwem uciekali, łagodnym ofiarowaniem przyzwawszy potym na drzewie zawieszonych każdého ustrzełał, przypominając to zwykle swote tyranские przysłowie, iż żaden miodu bezpiecznie pożywać nie może, ażby pierwey roje pszczoł wygładził. Wielkie też skarby zebrał, pobierając dobra y majetności uciekających y wywołanych panow ruskich ²⁾.

2) О походахъ противъ Литвы находимъ разказъ у Стрыйковскаго: „Litwę, też Jatwieżow, ludzi lesnych w sąsiedztwie przyległych zwojował, zholdował y do posłuszeństwa ruskiego mocą przypędził. Плѣнниковъ литовскихъ wszystkich do bydłychъ robot, со miały konie y woly robić, przymuszał ³⁾. Кромъ того Стрыйковскій даетъ другой разказъ о борьбѣ Руси съ Литвой, разказъ ошибочно сва-

¹⁾ Monumenta Poloniae historica, vud. Aug. Bielowski, t. II, 440. О приведенной Кадлубкомъ пословица Карамзинъ замѣчаетъ: „Сію пословицу, извѣстную и римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашолъ я въ Волынской лѣтописи. Галицкій сотникъ Микла говоритъ сыну Романову, Данилу: „Господине! не погнетши пчелъ, меду не яси“ (И. Г. Р. III, пр. 106. Ср. II. собр. р. лѣт. II, 171). Тотъ же Кадлубекъ передаетъ еще другую пословицу, сказанную будто бы Романомъ Краковскому епископу послѣ битвы при Мозгавѣ, когда раненый князь долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ Казимиричей противъ Мешка: caput (разумѣется столица) ergo et custodiri et defendi convenit, donec nostrorum livor vulnerum detumescat. Piscis enim quorsumvis sequitur, si illius flo brancosam teneat“. Карамзинъ замѣчаетъ: „Последняя рѣчь значитъ: „и рыба идетъ, куда хочешь, если захватитъ ону за жабры“. Романъ, назвавъ столицу главою, прибавляетъ иносказательно, что непріятель овладѣетъ и государствомъ, если возьметъ ону. Въ сравненіи съ рыбою слово жабры употреблено вмѣсто *голова*“ (И. Г. Р. III, пр. 93).

²⁾ Кв. VI, rozdz. V. По изд. 1862 г. стр. 288. Статья о Романѣ имѣетъ заглавіе: „O tyranstwie Romana Włodimirskiego y Halickiego“. На полъ: „Roman książę drugi Phalaris y Nero“.

³⁾ Ibid.

занный съ именемъ Романа Ростиславича Смоленскаго: „А gdy Litwa z Jaczwingami, ludzie lesni, zebrawszy się, s polną mocą do ruskich xięstw wtargnęli y łupy wielkie pobrali, z których byli zwykli żyć, zebrał się na nich Roman monarcha Kijowski a s korzyścią w lesne jaskinie uciekających dogonił y poraził, rozproszył y łupow częć większą odgromiwszy, wielkość Jatwiezow y Litawow poganow poimał a zagnawszy ich do Kijowa y do inszych zamkow ruskich w srogim więzieniu chował, ciężkie a bydlęce roboty nimi odprawując: drugich kazał okowawszy w plugu zaprzagać a jako wolami pola orać, starzyny karceze na nowinach albo ladach, jako po rusku zową, uprzętać, skąd ona przypowieść była wrosła, gdy jeden Litwin nauczywszy się języku ruskiego u plugu ciągnąc rzekł: Romanie, Romanie lichym się karmisz, Litwoju oresz“¹⁾). Этотъ разказъ повторяется и въ позднихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, напримѣръ, въ такъ-называемой „Подробной лѣтописи“: „По преставленіи благовѣрнаго князя Глѣба, сѣде на престолѣ Киевскомъ Романъ князь Смоленскій. Сей бѣ зѣло храбръ и Литву порази, многихъ же плѣнивъ въ жестокихъ узакъ держаше и тяжкія работы на нихъ возлагаше, и иныхъ окованныхъ въ плугъ впрягаше и ими, яко волами, поля окрестъ Києва ораше, и оттуду оная притча израсте, егда одинъ литвинъ въ плугъ тахувъ, научися языка руска, и рече: Романи, Романи, худнимъ живеши, Литвою ореши“²⁾). Эта „притча“ представляетъ примѣненіе къ обстоятельствамъ Романовой борьбы съ Литвою извѣстнаго въ нѣсколькихъ вариантахъ сказанія объ обращеніи побѣжденных въ положеніе рабочаго скота. Извѣстнѣйшій изъ такихъ вариантовъ—преданіе объ Обрахъ, занесенное въ начальную лѣтопись³⁾).

¹⁾ Ibid., str. 227.

²⁾ Ч. I, стр. 115—116.

³⁾ „Въ лѣтописи Величкѣ... разказывается, что поляны запрягали въ плуги людей и женщинъ-матерей, сестеръ и женъ, и заставляли орать по льду на рѣкѣ, а жиды подгоняли ихъ бичами. Въ ельшинной исторіи Кошкинаго разказывается, будто римско-католическое духовенство развѣжало по Малороссіи въ длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми“ (*Костомаровъ*, Моногр. XIII, 32). О молдавскомъ воеводѣ Степанѣ вел. (на дочери котораго Елена жена бѣ сына Ивана III—Иванъ молодой) преданіе говоритъ, что послѣ побѣды надъ поляками (1496) онъ приказалъ запрячь плѣнниковъ въ плуги и вспахать ими все поле битвы (*Головацкий*, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I, стр. 281, чит. 681). Имя этого, вѣроятно, Степана осталось въ малорусской пѣснѣ, сохранившейся въ грамматикѣ Яна Влахослава 1571 г. (объ этой пѣснѣ см. *Помѣтны Малор. нар. пѣсня по списку XVI вѣка въ Филолог. Зап. 1877 г. и отд.*

3) Особенно интересны и важны разказы польскихъ лѣтописцевъ о послѣдней борьбѣ Романа съ полаками и объ его смерти. У Кадлубка извѣстія объ этомъ нѣтъ. Вѣлевскій въ своемъ изданіи польскихъ историковъ замѣчаетъ, что Кадлубекъ имѣлъ однако въ виду разказать о походѣ Романа въ Польшу. Основаніемъ этой догадки служатъ слова Кадлубка: *Quod beneficii qua tandem gratiarum devotione Polonis rependere studuit, suo loco docebitur*. Общанный Кадлубкомъ разказъ Вѣлевскій находитъ въ старомъ Краковскомъ лѣтописцѣ (подъ 1205 г.). Догадка основывается на схоствѣ слога. Извѣстіе лѣтописца—краткое: *in Zavichost est in proelio interfectus; прибавлено, что битва сопровождалась страшнымъ кровопролитіемъ: insuper cedis validitudinem inauditam fuit protestata et exundans cruoris effusio in flumine Wizla* ¹⁾. Въ хроникѣ Богухвала въ разказѣ о пораженіи Романа замѣчено, что немногимъ изъ русскихъ удалось тогда спастись; остальные были убиты или погибли въ Вислѣ ²⁾. У позднѣйшихъ компиляторовъ (Длугошъ, Мѣховята, Кромержъ, Стрыйковскій, Вѣльскій), вмѣсто такихъ краткихъ извѣстій о послѣдней битвѣ Романа, находимъ подробный разказъ, интересный по нѣкоторымъ чертамъ и намекамъ народно-эпического характера. Порядокъ разказа такой: Романъ требуетъ у польскихъ князей Люблинскую область въ вознагражденіе за потери и убитки, понесенные имъ въ битвѣ при Мозгавѣ. Получивъ отказъ, Галицкій князь вторгается въ польскія владѣнія; переправившись черезъ Вислу у Завихвоста (въ 1½ миляхъ отъ Сендомира), онъ расположился лагеремъ на берегу; туда послѣдшили польскія дружины подъ начальствомъ Лешка и Конрада. Въ ночь передъ битвой (19-го іюня) Романъ видѣлъ сонъ: отъ Сендомира прилетѣли щеглы, напали на воробьевъ и побили ихъ; по утру Романъ разказалъ свой сонъ: одни объясняли его въ благо-

Объясненіе Малор. и ср. пѣсень 32 — 35). Пѣсня о Степанѣ воеводѣ представляетъ собою образецъ забытыхъ теперь пѣсень о борьбѣ съ волохами. Сарницкій сообщаетъ, что въ 1506 г. duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt, de quibus etiam nunc elegiae, quas dumas Russi vocant, canuntur. Въ настоящее время „въ народныхъ пѣсняхъ ни слова не упоминается объ этихъ разорительныхъ войнахъ волоховъ; напротивъ того, народъ сохранилъ память волоховъ прославленіемъ и величаніемъ ихъ за строеніе церквей, за то, что „Волосы церковь мурують съ трема верхами“ (*Голованскій*, оп. с. I, 665).

¹⁾ Monumenta Pol. hist. II, 440.

²⁾ Ibid. 553.

пріятномъ смыслѣ, другіе видѣли въ немъ предвѣстіе бѣды. Приблизились между тѣмъ польскія войска. Романъ, не ожидавшій такого быстрого нападенія, успѣшилъ привести свои дружины въ нѣкоторый боевой порядокъ. Началось сраженіе. Русскіе были отброшены къ рѣкѣ. Въ это время подъ Романомъ былъ убитъ конь; онъ бросился на первую попавшуюся кобылу и вилавъ переправился черезъ Вислу. Но поляки и здѣсь преслѣдовали отступавшихъ противниковъ. Романъ, замѣшавшійся въ толпѣ, не былъ узанъ и палъ подъ ударами какого-то польскаго воина. Тѣло его было погребено въ Сендомирѣ, но потомъ русскіе выкупили его и похоронили въ родной землѣ. Привожу для образца разказъ Длугоша.

Ad fluvium quoque Vislam perveniens, partim illum navibus et lembis, partim vadis in aliquot locis repertis siccitate aestatis aquis illius diminutis superat, et ad oppidum Zawichost stativa ponit; illic eum consistentem frequenter sui exploratores de Polonorum adventu avisant. Quorum cum irrideret relationes. milites, quos pro excubiis tenendis transmisserat, exploratorum sententiam confirmant, sed cum his quoque Romanus diffideret et Polonos nequaquam secum pugnatueros crederet, 19 die mensis Iunii S. Gervasti et Protassii martyric dicata, sole oriente, Leszko et Conradus Duces cum Polonorum exercitibus, quorum Christinus Palatinus Masoviae erat ductor, adveniunt et ordinatas acies decertare parati ostendunt. Romanus ex fastuoso trepidus factus, vix primas acies urgentibus et infestantibus eum Polonorum sagittariis explicare in spatio arcto permissus, copias tumultuario magis, quam legitimo more educit et signis collatis dimicat. Ingenti clamore ab utroque exercitu sublato, infestis lanceis concursus est, et aequo primum Marte praelium gerebatur... Interim fervente pugna primis Ruthenorum ordinibus per Polonos contritis et prostratis, Polonorum res meliori, Ruthenorum deteriori loco esse coepit. Abundante tamen multitudine, et Romano integros pro cadentibus aut vulneratis subducente, providentia et sollicitudine ducis Romani praelium in pluribus locis inclinatum restituitur, Poloni non Ruthenis, sed duci Romano velut proditori fidefrago et transfugae irati ad illius occisionem ardentissime conspirant, et globo facto Romanum inter primos pugnantem ex insignibus cognitum adorti invadunt. Romano duce gravissima cuncta observante oculis, manus universa militum, quae circa illum conglobata, hactenus illum egregie defenderat, a Polonis deleta, strenui ac fortissimi quique pugnatores, ante ducis sui ora caesi, mutuoque cadentes fugam et ducis Romani et caeterorum suorum Ruthenorum

norum inhibebant.. Inter haec Romanus dux ultimi periculi videns sibi imminere discrimen, jam enim et equus, cui insidebat, tellis frequentibus confossus, excutere illum satagebat, per medias acies prorumpens ad fluvium Vistulam pervenit, ubi equus corruens illum deseruit. Hinc vero majus obortum periculum, quoniam modo manus illorum esset evasurus et fluvium trajiceret, tandem effoetam, ut fertur, equam a suis sibi administratam ascendens fluvium aegre superavit... Mixtus deinde fugientium suorum turbae..... a Polonis fugientes insequentibus et gregarium militem illum existimantibus obruncatus est..... Victoria quoque ipsa tam sonora et famosa fuit, ut vicinarum nationum gentiumque crebris celebraretur sermonibus. Poloni quoque, quibus provenerat, quosque fama, divitiis et honore extulerat, variis illam et seriem ejus prosequerentur carminibus, quae etiam in hanc diem canora voce in theatris audimus promulgari. Cadaver Romani ductis, quod jam Sandomiriae Leszkonis jussu sepultum erat, exhumatum per Ruthenorum Proceres, omnibus, quos ceperat ex Polonis restituitis in libertatem captivis, et mille marcis argenti ad sepulturam a Leszkone Polonorum duce redemptum, et in Wladimiriam delatum est... Fertur, Romanus nocte praecedente cladem per quietem somniasse, quod parvus avium rubra capita (quos Sczygielki appellamus) habentium numerus ab ea parte, qua Sandomiria sita est, adventens maximum passerum numerum devoravit. Id cum amictis in diluculo retulisset, licet plerique juvenes felix auspiciam pronunciassent, senes tamen et prudentes astruxerunt, somnium triste esse et Polonis quidem felicem portendere successum, Ruthenis vero adversum et calamitosum¹⁾. М. Вѣльскій въ „Хроникѣ Польской“ повторяетъ тотъ же разказъ, но съ любопытнымъ измѣненіемъ въ концѣ: „Ciało jego w Sandomirzu pochowano, ale ie Rusacy odkupili tysiącem funtow srebra y pochowali między Bohatury swe w Kijowe“²⁾.

Сонъ Романа принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣщій словъ, которые упоминаются во множествѣ пѣсенъ, сказокъ и преданій. Символика сна напоминаетъ нѣкоторые образы Слова о Полю Игоревѣ: „О, далече зайде соколъ, птицъ бѣя, къ морю!—Почнуть наю птицы бити въ полѣ Половецкомъ.—Не было въ обидѣ порождено ни соолу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый“³⁾ Половчине!“

¹⁾ S. a. 1205. Тъ же подробности повторяются у Кромера, Маховиты, Стрыйковскаго.

²⁾ Kronika Polska (изд. 1880 г.) II, 74.

Высокій интересъ представляетъ свидѣтельство Длугоша о томъ, что въ его время (XV в.) слышались еще въ Польшѣ пѣсни о пораженіи Романа: *quae (carmina) etiam in hanc diem сапога voce in theatris audimus promulgari*. Здѣсь снова является тотъ же вопросъ, который представился намъ при обзорѣ русскихъ свидѣтельствъ о Романѣ: ужели не было русскихъ пѣсень объ этомъ князѣ, если имя его упоминалось даже въ пѣсняхъ польскихъ?.. Свидѣтельство Вѣльскаго разрѣшаетъ это недоумѣніе, давая, какъ мнѣ кажется, твердое основаніе для положительнаго отвѣта на поставленный вопросъ: „тѣло Романа Русскіе похоронили въ Кіевѣ среди своихъ богатырей“. Какой смыслъ имѣетъ это извѣстіе? Откуда оно явилось? На чемъ основано? Богатырскія могилы въ Кіевѣ упоминаются не однимъ Вѣльскимъ. Припомнимъ извѣстное свидѣтельство Сарницкаго: „*quod olim Romani de septentrionalibus et indians monstris et miraculis sparserunt, hos Russi de prodigiis et heroibus suis, quos Bohattros, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumplare autem istos solent in cavernis rupium*“. Вѣльскій и Сарницкій повторяли въ своихъ извѣстіяхъ только то, что хранилось и передавалось на Русь. Въ XVI вѣкѣ въ Кіевѣ показывали путешественникамъ могилы богатырей Ильи и Чоботка (разказъ Лассоты). Въ XVII в. Кальнофойскій въ описаніи Кіево-Печерскаго монастыря упоминаетъ о мощахъ св. Ильи, котораго *Iud rozpolarity Czobotkiem zowie*, и котораго представляли великаномъ (*obrzym*). Свидѣтельство Вѣльскаго указываетъ, что въ ряду кіевскихъ богатырей давали мѣсто и князю Роману; его могилу отыскивали среди гробницъ Ильи, Чоботка и другихъ „храбрыхъ“ стараго времени ¹⁾. Переводя эпические образы народнаго преданія на обыкновенную рѣчь, мы получимъ такой выводъ: образъ князя Романа, какъ онъ отпечатлѣлся въ народномъ воображеніи, тѣ черты, которыя входили въ составъ этого образа, то, что соединялось съ этимъ образомъ въ народныхъ воспоминаніяхъ, все это очень близко напоминало то, что соединялось обыкновенно съ представленіями о богатыряхъ; а такъ какъ пред-

¹⁾ Въ Книгѣ о російскихъ святихъ (XVII в.) есть такое извѣстіе о св. Меркуріи Смоленскомъ: „св. великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 8747 (1239) ноября въ 14 день во гробѣ въ Кіевѣ приимъ“. (*Буслаевъ*, Очерки, II, 194). Это извѣстіе представляетъ любопытную параллель къ разказу Вѣльскаго о перенесеніи въ Кіевъ Романова тѣла. Кіевъ—эпическій центръ, въ которому стягивались всѣ преданія, въ которыхъ открывались черты богатырской былинны.

ставленія о богатыряхъ неразрывно связывались съ рядомъ подвиговъ и приключеній, которыя передавались въ пѣсняхъ и преданіяхъ, то слѣдуетъ допустить, что подобныя же пѣсни и преданія соединялись и съ именемъ князя Романа. Романа причисляли къ богатырямъ, потому что о немъ разказывалось что-то похожее на быльны о богатыряхъ. Иное толкованіе свидѣтельства Вѣльскаго едва ли возможно.

Заручившись такимъ образомъ указаніями на существованіе поэтическихъ преданій о князѣ Романѣ Мстиславичѣ, мы уже съ большею смѣлостью можемъ отыскивать слѣды этихъ преданій въ памятникахъ народной словесности южно-русской и сѣверно-русской.

II.

Изъ памятниковъ южно-русской словесности для изученія преданій о князѣ Романѣ важны два: 1) преданіе и пѣсня о пораженіи и смерти хана Боняка и 2) игра и пѣсня: „Воротарь“.

1) Въ книгѣ Іоаннікія Галатовскаго: „Небо новое“ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Чуда пресвятой Богородици розныи на розныхъ мѣстцахъ“ чѣтается между прочимъ такой разказъ: „Въ Малой Россіи, въ повѣтѣ Галицкомъ, есть мѣсто Заваловъ, названное отъ валовъ давно выспанныхъ, которыхъ есть три надъ тымъ мѣстомъ на горѣ. Межи тыми трома валами знайдется монастырь при церквѣ святого архіерея Николая. Повѣдаютъ люде старшии духовнии и свѣцкии, которыи отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ чували, же Бунякъ (яко они мовять), але рачей Ватій, царь Татарскій, егда воевалъ землю Русскую, на той часъ еденъ воевода, на имя Романъ, з землѣ Руской вышолъ з войсками своими противъ ордамъ татарскимъ, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско христіанское, окопался трома валами и фрасовался и фрасуючися заснулъ, которому въ снѣ показался святой архіерей Николай и казалъ ему ити смѣле на орды бѣсурманскіи и где бы нагонилъ погановъ и звытяжилъ ихъ, казалъ ему на томъ мѣсцу церковь збудовати на честь пресвятой Богородици, за которой помочу мѣлъ махометановъ звытяжити, межи тыми засъ трома валами, казалъ збудовати церковь на честь святому архіерею Николаю. Очкнувшись отъ сна, Романъ воевода рушилъся смѣле з войсками своими на татаровъ и погналъ ихъ и утѣкающихъ гонилъ и доганялъ на тыхъ поляхъ, которыи недалеко за мѣстомъ Тысменицею знайдуться, и славное надъ ними

одержалъ звѣтство, по которомъ звѣтствѣ на тѣмъ полѣ збудовалъ церковь Успенія Пресвятой Богородици за которой предстательствомъ звѣтяжилъ орды поганьскіи. Въ той церкви есть намѣстный образъ пресвятой Богородици чудотворный. При той церкви находится монастырь, который называется Погоня для того, же тамъ Романъ воевода погналъ и догналъ и розогналъ татаровъ неприятелей своихъ и могъ мовити слова Давидовы: пожену враги мои и постигну я и не возвращуся дондеже скончаются, оскорблю ихъ и не возмогутъ стати, падутъ предъ ногама моима. По звѣтствѣ же межи трема валами збудовалъ церковь святого архіерея Николая, который ему тамъ во снѣ показался и казалъ одну церковь на честь пресвятой Богородици, другую на имя свое збудовати¹⁾.

Тотъ же разказъ отысканъ въ „Krajowej galicyjskiej Tabuli“: Романъ, князь Островскій, братъ короля Данила Галицкаго, вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ и племянникомъ Василемъ, князьями Острожскими, выступилъ, противъ sołodywego Buniaka, inaczej sołodywo albo wsłów dziłowiska, księcia i herszta Polowców, to jest Podolanów. Утромъ въ день битвы является Роману во время молитвы святи-тель и повелѣваетъ вступить въ бой съ невѣрными, обѣщая побѣду. Половцы дѣйствительно были разбиты. Русскія войска гнали ихъ до Днѣстра. Большая часть половцевъ при этомъ погибла, оставшіеся въ живыхъ бѣжали въ горы за Днѣстръ. Буняку отрубилъ голову, а тѣло его сожгли и пепелъ выбросили въ Днѣстръ²⁾.

Далѣе, то же преданіе записано въ Галиціи въ нашемъ столѣтіи на основаніи устнаго народнаго пересказа. Содержаніе этого пересказа, сходное вообще съ приведенными уже вариантами, представляетъ слѣдующее дополненіе въ концѣ: когда Бунякъ былъ убитъ, его отрубленная голова покатила въ мѣста боя³⁾; она была пе-

¹⁾ Л. 211 (по изд. 1699).

²⁾ Rokucie. Obraz etnograficzny skr. *Osk. Kolberg*, t. I, 344—346. Преданіе отыскано въ „Krajowej galicyjskiej Tabuli, e libro fond, pag. 109“.

³⁾ Эта катящаяся голова Буняка напоминаетъ ударъ, которымъ сразилъ Илья Муромецъ Идолице поганое. Вогатырь

Металъ шляпой въ Одолица поганого,

Понадалъ ему въ буйну голову,

Полетѣла голова ровно пугвица,

Вышибала въ горницѣ три налгника.

(Пѣсни, собр. *Кир.*, IV, 32—33).

Въ индійской Викрамачаритрѣ разказывается, что, „побѣдивъ войско Викрама-

рехвачена только на полѣ, что за мѣстечкомъ Тысменицей, отчего и мѣсто это получило названіе „Погона“¹⁾).

Наконецъ, на ту же тему о гибели Вуняка есть и народная пѣсня. Пѣсня эта, представляющая одинъ изъ немногихъ образцовъ южно-русской пѣсни древне-былевого содержанія, сохраняется среди обитателей Подиѣстровья. Вотъ эта пѣсня въ томъ видѣ, какъ она записана польскимъ собирателемъ:

Szczoł to za dywy!
może Buniak solodywy?
każut jeho czereda
pryszła nas wyhnaty.
Zysze dadut jemu znaty
kuda bude utikaty.

Hej na na

Buniaka!

Ej berut sia do neho
kniaż Roman, bojary,
a szczoł bude z neho,
gdy pide w prehony.
Ot wtikajet hołowa,
Za nym biżyt czereda,

дѣтъ, Саливахана отрубаетъ ему самому голову съ такой силой, что она полетѣла въ Ужжани, гдѣ найдена и сожжена тайнымъ образомъ“ (*Веселовскій, Соломонъ и Китоврасъ, 29 прим.*).

¹⁾ Pokucie, l. c. Преданіе о поражениі Боняка подъ Заваловомъ передается еще въ другомъ видѣ: Gdy szełudywy Buniak najeżdżał Ruś, żyła pańwoza bardzo sławna wróżka. Do niéj zgomadzili się piérwsi męże ruscy, prosząc ją, aby wynalazła środek, którym by można zgubić szełudywego Buniaka. J wróżka pod warunkiem, że jéj syn zostanie królem, obiecała go zgubić. Jakoż gdy jéy uroeszyście przyztekli, skarpawszy pierw syna w ziolach, z zamową wyprawilu go z czarnym wołem pierwakiem na wojnę. Zaszła bitwa pod Zawałowem, wojsko szełudywego Buniaka pobyte przez Rusinów rozpierzehło się, syn wróżki spotkał się z szełudywym Buniakem w pojedynku i głowę sciął, która spadłszy zerwała się i ptakiem zleciała. Puścili się za nią w pogoń i dopędzili ją pod Tyśmienicą. Wiés Pohonia ćwierć mili od Tyśmienicy do dziś dnia przypomina to zdarzenie. Owoż tam wielu obletnicami uprosiła głowa, że ją praczka pod chusty skryła. Wynalesiono ją i po naradzcie skazano na spalenie na stosie cierniowym. Gdy mieli już palić, głowa przemówiła: „Jeśli chcecie, aby się wam w najlepiej rodziło, wetknijcie mi w zęby. Jistotnie wetknęli jéj w zęby, ale coż: tarki i polne roże, które jeśli zarodzą, to owoc oblipnie około gałązek, tak że i liścia niedojrzec. Z płomieni wyrzanyły dwa trzonowe zęby i uciakly aż na Turezyznę“ (*Bibliot. Ossol. 1844, XI, str. 184—185*).

Holowa Buniaka,
Zdrast wam Boże,
Wże nasza ¹⁾.

Изложеніе преданія въ книгѣ І. Галатовскаго носитъ на себѣ слѣды неудачнаго мудрованія. Этимъ объясняются такія выраженія, какъ „Бу-
някъ (яко они мовать) але рачей Батій, царь Татарскій“, или „мѣлъ
махометановъ звытяжати“ и т. п. Наименованіе Романа воеводой
противорѣчатъ остальнымъ вариантамъ. Не болѣе удачное мудрова-
ніе видно и въ вариантѣ Tabuli: князь Романъ, противникъ Буняка,
князя половцевъ, to jest Podolanów (sic!), называется братомъ ко-
роля Данила. Такого брата у Данила не было, также какъ не было
въ ту эпоху и Острожскихъ князей Данила и Василя. Народные
пересказы проще и лучше. Они, безъ всякихъ уловокъ и оговорокъ,
ставятъ рядомъ имена хана Боняка и князя Романа. Анахронизмъ
очевиденъ: дѣятельность знаменитаго въ своемъ родѣ хана Боняка
относится къ XI и началу XII вѣка; первый Галицкій князь, носив-
шій имя Романа, былъ Романъ Мстиславичъ, боровшійся съ поло-
вцами въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка. Но этотъ анахронизмъ
вполнѣ понятенъ и объяснимъ съ точки зрѣнія народнаго эпоса.

Половецкіе ханы хорошо были знакомы русскимъ людямъ и какъ
враги, и какъ временные, наемные союзники нѣкоторыхъ князей.
Но дѣятельность хана Боняка представляла явленіе, выходящее изъ
ряда обычныхъ половецкихъ набѣговъ; появленіе на Руси отважнаго
хана производило на современниковъ впечатлѣніе чего-то ужаснаго
и вмѣстѣ загадочнаго. Припомнимъ разказъ начальной лѣтописи,
подъ 6604 (1096 г.), гдѣ такъ живо передается переполохъ печер-
скихъ монаховъ при нечаянномъ появленіи Боняка: „Приде второе
Бонякъ безбожный, шелудивый отай хищникъ къ Киеву внезапно и
мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града...
И придоша на монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кѣльямъ
почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поста-
виша стяга два предъ враты монастырскими, намъ же бѣжащимъ
задомъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожные же
сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю, и пондоша по кель-

¹⁾ Ibid. Г. Вацлевичъ (въ статьѣ Szełudywy Buniak. Z podań ludu) высказы-
валъ сомнѣніе въ подлинности пѣсни о Бонякѣ (сообщ. первоначально въ
журналѣ *Lwowianin* 1837, Т. II, str. 71): ona nie zdaje mi się być ludowa,
choćiaż bardzo przypomina Żelmana z obrzędu Gajówek (Biblioteka Ossolińskich,
t. XI, 1844, str. 186).

амъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху в кельи; посемь възгоша домъ святыхъ Владичицѣ нашае Богородица и придоша к церкви, и зажгоша двери, аже къ угу устроени, и вторыя же к сѣверу, и влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ" ¹⁾).

Припомнимъ далѣе разказъ лѣтописи подѣ 6605 (1097 г.) о битвѣ Боняка въ союзѣ съ Давидомъ Игоревичемъ противъ угровъ: „Идущема же има, сташа ночлегу; и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози, Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко побѣда ны есть на угры завтра". Угры дѣйствительно были разбиты: „Бонякъ же раздѣлися на три полкы, и сбиха Угры в мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ" ²⁾). Разказъ этотъ, какъ занимательная историческая „притча", преобладаетъ въ Словѣ Данила Заточника (по ред. XIII в.): „Такъ и Бонякъ судивый хитростію побѣди угры у Галича; онѣмъ нарядившимся на ступъ, а сіи, яко ловцы, разсмишася по земли. Такъ изби угры на избой и злѣ ихъ погуби" ³⁾). Припомнимъ наконецъ извѣстіе лѣтописи о смерти сына Боняка: „Ту же и Севенча Боняковича дикаго половщина убиша, иже бышетъ реклѣ: „хощю сѣчи въ золотая ворота, якоже и отецъ мой" ⁴⁾).

Преданія о Бонякѣ хранятся и до нашихъ дней въ южно-русскомъ народѣ, причемъ удерживается и характерный эпитетъ этого хана: „шелудивый" или „солудивый" ⁵⁾. Одно изъ такихъ преданій

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. сп., 224—225.

²⁾ Ibid. 261.

³⁾ *Русская Бесѣда*, 1856, № 2. *Буслаевъ*, Русская Хрестом., 138.

⁴⁾ П. собр. р. лѣт. II, 62. Бонякъ былъ убитъ во время одного изъ своихъ набѣговъ на Русь. Въ извѣстномъ лѣтописномъ разказѣ о походѣ Игоря Святославича на половцевъ и о послѣдствіяхъ этого несчастнаго похода читаемъ: „мовайшетъ бо Кончакъ: „пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великій князь нашъ Бонякъ" (П. собр. р. лѣт. II, 132). Когда и гдѣ именно палъ Бонякъ, неизвѣстно. У польскихъ историковъ находимъ, правда, извѣстіе, что Бонякъ убитъ въ 1107 г., вмѣстѣ съ своимъ братомъ и ханомъ Шаруканомъ (*Strykowski*, 202, по изд. 1882 г.), но нашими лѣтописями это извѣстіе не подтверждается. Подѣ 6615—1107 г. въ лѣтописи говорится: „Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече" (Лѣт. по Лавр. сп., 271—272). Перечень лѣтописныхъ извѣстій о Бонякѣ см. въ Указателѣ къ П. собр. р. лѣт. вып. I, стр. 59.

⁵⁾ Въ Словѣ Данила Зат. Бонякъ названъ „судивый", въ лѣтописныхъ спискахъ шелудивый, шолудивый, солудивый, солудивый, шюлудивый; въ народныхъ разка-

говорить „о крѣпостяхъ галицкихъ, изъ нихъ добувалъ солодовый (шелудивый) Бонякъ, а не мѣгши добути ни якимъ способомъ, ушилъ лести, то-есть велѣлъ собѣ дати по парѣ голубовъ изъ каждаго двора, а одступивши не далеко, казалъ привязовати зажженніи спички къ ногамъ сихъ птицъ, котори вернувшись въ свои гнѣзда, зажгли дома и городъ подался“¹⁾. Каждый, конечно, при этомъ лѣтописный разказъ о взятіи Ольгою древлянскаго города Искоростена, разказъ, имѣющій многочисленную родню²⁾.

захъ: шелудивый, солодовый. Пр. *Лотевля* отдаетъ предпочтеніе первой формѣ (судивый), сближая ее съ польск. *szedziwy*, чешск. *šedivý*, сѣдой, старый. Въ формѣ шелудивый, по его мнѣнію, *лу* есть, быть можетъ, вставка переплетчика (Слово о п. Иг. 34). Согласиться съ этимъ предположеніемъ нѣмаетъ устойчивости формъ: шелудивый и солодовый и въ письменной, и въ устной традиціи. Изъ этихъ двухъ формъ первоначально слѣдуетъ, кажется, принять форму: солодовый. Эта неясная форма подъ вліяніемъ звуковой аналогіи легко могла замѣниться распространеннымъ словомъ: шелудивый („конь шелудивый“ въ былинахъ и сказкахъ), обратное замѣненіе (изъ шелудивый — солодовый) предостаточно мало вѣроятнымъ. *Солодовый*, въ формѣ неполногласной — *сладивый*, могло быть образовано (какъ бладивый, бладивый, правдивый, завидивый) отъ *слад*, *солод*. Припомнимъ, что ц.-сл. *сласти* имѣетъ постоянное значеніе: трофѣя, *deliciæ*, наслажденіе, притомъ наслажденіе чувственное, удовольствіе стола и ложа. Слово: *сласти*, *сластици* употребляются въ значеніи сластолюбивый (*Востоковъ*, Словарь в. ч.). Не могло ли предполагаемое: *сладивый* (солодовый) имѣть подобное же значеніе? Любопытно, что лѣтописный разказъ о нападеніи Боняка на монастырь Печерскій отмѣчаетъ веселье и потѣхи половецкихъ грабителей: „Хрестыномъ бо многими скорбыи и напастыи внити въ царство небесное, а смиръ гонимымъ и ругателемъ на селѣ смиръ примилымъ веселье и пространьство, а на ономъ святѣ принять муку съ дьяволонъ и огнь вѣчный“ (6604 г.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что „шелудивый“ и „солодовый“ могли быть просто параллельными формами одного и того же слова съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ.

¹⁾ Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, упл. *Изъ Головацкій*, ч. II (У Вѣдн 1847), 165—166. Преданіе это приурочивается къ гор. Вычъ (теперь сел. Тустановичи), Галичъ, Жидачевъ и др. (*Biblioteka Ossolińskich*; t. VI, 1843, str. 163; t. XI, 1844, 182), при чемъ Бонякъ изображается страшнымъ существомъ съ паршивою головою, съ нѣккими длинными, какъ у вѣя, съ открытыми внутренностями: „*Straszny Szełudywy Buniak pół-demon z parchami (szeludami) na głowie, powiekami długimi spływającymi do ziemi, które szeladź na rozkaz podejmuje słotemi widłami, i z brzuchem otwartym*“.

²⁾ Поя. вр. лѣтъ подъ 6454 г. Въ одномъ повѣствѣ лѣтописномъ сборникѣ (XVII в.) разказъ о взятіи Ольгою Коростена и о соженіи его посредствомъ голубей и воробьевъ приуроченъ къ Царьграду* (*Бычковъ*, Опис. рук. сборн. Имп. П. Библи. 154). Указано множество вариантовъ этого сказанія. См. *Шегиревъ*, Ист. р. слов. I, 231—232, 256; *Сухомяковъ*, „О преданіяхъ въ древней р. лѣтописи“

По другому преданію, Бонякъ (шолудивый Буняка) представляется людѣдомъ и притомъ существомъ страшнаго вида: „мало того, що страшенно великій, ще, выбачайте, у его печінки й легке та булі на версі, отакъ отъ і стреміли за плечіма“. По требованію людѣда къ нему приводили хлопцевъ, которыхъ онъ и пожиралъ. Пришла очередь йти къ нему хлопцу, который былъ одинъ сынъ у матери. При прощаніи мать дала сыну пирожковъ, приготовленныхъ на ея молокъ, и приказала, чтобы онъ этими пирожками угостилъ непременно Буняку. Хлопецъ такъ сдѣлалъ. „Як же наівся Буняка тѣх періжків, зараз і почув, яка в іх заправка була. „Ну, каже, хлопча, дякуй своїй матері, що такъ мудро вхитрувалася: тепер ти еси визволений від смерті, не можу бо я тобі того лиха заподіяти через те, що ти стався міні братомъ“¹⁾. Ночью хлопецъ отрѣзалъ у спав-

въ журн. *Основа* 1861 г. июнь; *Худяковъ*, Народныя историч. сказки въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1864, мартъ отд. IV, стр. 53; *Костомаровъ*, Преданія первонач. летописи въ *Моногр.* XIII, 108—109; ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1875, е е враль (въ ст. пр. *Васильевскаго*: Варяго-русскія дружины въ Константинополѣ) *Liebrecht* — *J. Duñlop's Gesch. der Prosa-dichtungen* 208, 486, Anm. 273 a; *Otia imperialia* v. Gerv. v. Tilbury, 81, 262 Nachtr.; *Zur Volkskunde*, 109—110, 268; ср. *Blitmüller*, *Altnordischer Sagenschatz*, 18.—Утверждаютъ, что всѣ эти разказы стоятъ въ связи съ повѣртіями объ огненной птицѣ (avis incendiaria у *Планиа Hist. Natur.* X, 17), а эти повѣртія связаны въ свою очередь съ мнѣстеческимъ представленіемъ молніи и огня въ образѣ птицы, „краснаго штиуха“ (*Жуль*, *Die Herabkunft des Feuers* 28—31; *Аванасметъ*, *Поэтич. возвр.* сл. I, гл. X. Сказки т. IV, стр. 291, Ср. *Orient* и *Occident* I, 363). Любопытно однако, что эти зажигающія птицы не остались только достояніемъ поэтической саги, а находили себя бытовое примѣненіе. *Liebrecht* (*Zur Volkskunde*, 262—263) приводит такое описаніе персидскаго праздника „Сада“, справлявшася въ октябрѣ: „Nunc quidem nocte ubique festivales ignes accendant, et reges et principes, accipientes aves et alia animalia et eorum pedibus alligantes herbas aridas, eas igne accendant et ignitas reddunt, et sic flammantes dimittunt, ut volent et currant per campos et montes et hoc modo omnia accendant. (изъ *Hude, Veter. Persar. Relig. Hist.* 1760, 255 sq.).

¹⁾ Въ виду того, что „обычай молочнаго усминовенія на Кавказѣ—черта реально-бытовая и locus comm. народныхъ сказаній“, г. Халаевскій дѣлаетъ предположеніе, что „малорусское преданіе о шолудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліаніемъ кавказскихъ, и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ“ (*Великор. былинн.* 35, 37). Едва ли есть надобность въ такомъ предположеніи, ибо молочное родство извѣстно не на одномъ Кавказѣ. Въ Сербіи родство молочное приравнивается къ кровному: молочный братъ не вступаетъ въ бракъ съ молочной сестрой; въ Персіи подобныя браки запрещены закономъ (*Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker.* 2 Aufl. II, 180). Пе-

шаго людоѣда печенки. „Як відтяв, Буняка зараз і пропав“¹⁾. Варіантъ этого преданія, сообщенный Костомаровымъ, заставляеть вставшаго изъ могилы Буняка принимать участие въ гайдамацкихъ набѣгахъ эпохи Хмельницкаго: „Говорять, что такъ назывался начальникъ одного загона; онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лицо, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями, и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяць ходилъ въ баню и бралъ съ собою казака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не разказалъ, кто онъ такой... Пришла очередь идти одному казаку, котораго мать была колдунья; она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ, и тотъ догадался, когда съѣлъ его. „Ты ушелъ отъ смерти: я теперь братъ твой, потому что мы питались отъ груди одной матери, но я погибъ“. Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что слышалъ, и шлоудивный Буняка погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волнискихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто бы погребенъ Буняка. Злые духи гнѣздятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни“²⁾.

Третье преданіе о Бунякѣ связано съ урочищемъ „Настина Могила“ (около мѣстечка Мирополя Новоградволынскаго уѣзда). Жилъ тутъ въ давнюю пору „поганный Буняка“, ворожитъ, татаринъ. Взялъ себѣ этотъ Буняка „за жінку Настю, тутешню таки дівку, чи молодицю“. Настя, увидѣвъ, что у ея сожителя „печінка на версі“, и догадавшись кромѣ того, „що то він не аби з ким знається“, тайкомъ убѣжала отъ Буняка. Тотъ догналъ ее и сталъ уговаривать

ченье, приготовленное на материнскомъ молокѣ, упоминается въ одной изъ сказокъ, запис. *Пушкинымъ* (Сочин., изд. лит. фонда, III, 450).

¹⁾ *Драгомановъ*. Малор. нар. преданія, 224—225. Преданіе приурочено къ „Бунякову замчыщу“, около села Деревичи Новоградволынскаго уѣзда.

²⁾ *Костомаровъ*. Моногр. IX (Вогданъ Хмельницкій, изд. 3, I), стр. 180. Преданіе объ участіи Буняка въ казацко-польской войнѣ занесено въ *Annales revolut. regni Poloniae et regum notabilium civitatis Leoburgicae ab anno 1614 usque ad 1700*. На основаніи этого памятника преданіе пересказано *Эмелемъ* въ *Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*, 1796, 155 (см. *Bibliot. Ossol.* 1844, т. XI, стр. 190—191). Изображеніе вставшаго изъ могилы Буняка объясняетъ, можетъ быть, и странный образъ другаго варианта: человекъ съ торчащими наружу внутренностями. Ср. представленія объ уродливыхъ великанахъ. *Grimm*. D. Mythol. 4-te Ausg. I, 436—437.

вернуться. Настя отказалась и поплатилась за это жизнью. „Ота ж сама Настя сказала була, щоб на її кошть поставили у стѣну корчму. То от, де її вбито, висипали могилу, такъ вона й зветься Настина могила, а на шляху за Миропільлямъ постановили корчму, — вона й тепер стоить і теж зветься Настиною“¹⁾.

Четвертое преданіе, сохранившееся въ Галиціи, разказываетъ о разрушеніи Бунякава замка. Шелудивый Бунякъ поселился со своею дружиною въ укрѣпленномъ мѣстѣ, гдѣ собралъ много награбленнаго добра, драгоценныхъ тканей, золотыхъ и серебряныхъ вещей, денегъ. Разъ мимо этого замка проходили музыканты. Бунякъ приказалъ ихъ позвать. Началась пирушка. Когда шелудивый, его приближенные и прислуга перепились, музыканты забрали все, что могли унести, вставили въ бочки съ порокомъ зажженные свѣчи и ушли. Спустя нѣкоторое время, когда скоморохи были уже далеко, раздался страшный ударъ: замокъ Буняка влетѣлъ на воздухъ; подъ его развалинами погибли всѣ тамъ бывшіе, кромѣ самого Буняка. На золотой колесницѣ онъ отправился въ Угрію, но на границѣ коляска задѣла за дерево, опрокинулась и вросла въ землю. Говорятъ, что и самъ Бунякъ вросъ вмѣстѣ съ колесницей²⁾.

Къ этимъ преданіямъ примыкаетъ и указанная выше пѣсня о Бонякѣ и князѣ Романѣ. Помнили страшнаго Боняка; помнили и грознаго Романа, „имъ же половци дѣти стращаху“. Эти два ряда воспоминаній шли на встрѣчу одинъ другому, выказывали взаимное притяженіе. Когда приходилось говорить о набѣгѣ „поганыхъ“, повольно подвертывалось имя шелудиваго Боняка; когда нужно было

¹⁾ *Драгомановъ*, оп. с., 225—226.

²⁾ Jeden Szeludywy Buniak na złotej kolesnicy ujechał na Węgry, a i ta na granicy uderzyła o buk, zapadła i wrosła; dodoją nektorzy, że sam szeludywy Buniak wrócił razem z kolesnicą (Biblioteka Ossolińskich, t. VI, 1843, str. 164—165). Вотъ еще вѣсколько разказовъ о гибели Боняка. W Samborze opowiadają, że Buniakowi idącemu przez kładkę, baba wróżka piorąca chusty na rzecce, toporom głowę odejęła, a togdy po wstrząs nieniu kładki ześliznął, się i upadł. W Rozdole opowiadają, że Buniaka zabili dwaj bracia bliźnięta i pierwaki synowie wróżki, gdy się kąpał w łaźni. W Pomorzanach opowiadają, że gdy się Buniak oparł o morze, wystąpił przeciw niemu Aleksander wielki, człowiek z ogromnym zwierciadłem, gdzie gdy ujrzał sam siebie Buniak, w ziemię się zapadł. W Narajowie opowiadają, że Buniaka zaprosił do cѣrkwii wyłożonej zwierciadłami na nabożeństwo przemądry Salomon, tu zaś lżył go najsromotniej, poki ow w gniewie nie rozkazał sobie podjąć powiek, ale zobaczywszy sam siebie w zwierciadłach, w ziemię się zapadł. (Op cit. 1844, t. XI str. 183—184).

разказать объ отраженіи и гибели степняковъ, изъ памяти выдвигался образъ князя Романа, который „устремился баше на поганна яко и левъ... и прехожаше землю ихъ яко и орелъ“. Получался такимъ образомъ образчикъ своеобразнаго поэтическаго синтеза, въ которомъ сливались во-едино явленія разновременнаго, но по существу однороднаго.

2) Пѣсня, соединенная съ игрой „Воротарь“, принадлежитъ къ отдѣлу веснянокъ¹⁾. Ходъ игры такой: участвующіе раздѣляются на двѣ партіи: одна изображаетъ стражу, стоящую у воротъ города, другая—отрядъ, подступающій къ городу. Въ рядахъ второй партіи, которая называетъ себя „людьми князя Романа“, находится ребе-

¹⁾ Текстъ пѣсни и описаніе связанной съ нею игры см. въ сборникахъ *Головажко* (Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. II, 695; ч. III, отд. 2, 159, 165, 175), *Чубинскаго* (Труды Экспеди. въ Западно-русскій край т. III, 38—41), *Кольбера* (Rokucie, I, 173, 181, 186), *Антоновича* и *Драгоманова* (Историч. пѣсни малор. народа, I, 38—42), *Шейковского* (Быть подоліянь, I, 1, стр. 27). Объясненія пѣсни даютъ гг. Антоновичъ и Драгомановъ, Костомаровъ и Потебня. Издатели „Историческихъ пѣсней малор. народа“ замѣчаютъ: „Слова этихъ игровыхъ лѣсенъ — разговоръ двухъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника... пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ несетъ дань; дань эта теперь, сообразно обычаямъ игры, дѣти, но въ вариантахъ... упоминается обычная дань старой Руси — медь. Замѣчательно, что во всѣхъ приведенныхъ вариантахъ изъ Подлесья... князь называется Романомъ. Должно думать, что князь Романъ называется въ подлесьскихъ пѣсняхъ не случайно и что пѣсни эти относятся къ Роману Мстиславичу Галицкому. Дѣтскими пѣснями нашихъ должны быть древніе обитатели Подлесья—Ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входивъ въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть Ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платилъ ему дань“ (41—42). Указаніе на скрытое въ пѣснѣ воспоминаніе о Галицкомъ князѣ представляется мнѣ несомнѣннымъ, но съ подробностями объясненія согласиться не могу. Дѣти въ разсматриваемой пѣснѣ—существенный и основной образъ, около котораго вращается все содержаніе пѣсни во всѣхъ ея вариантахъ; такой образъ не могъ явиться случайною приставкой, послѣднейшей замѣной какихъ-то другихъ подробностей. Допустимъ однако приставку. Предполагается, что пѣсня говоритъ о приносѣ дани. Примѣсь къ такой пѣснѣ упоминанія о дѣтяти является необъяснимомъ. Дани дѣтими никто, конечно, не могъ представить себѣ ни въ жизни, ни въ пѣснѣ; образъ приносимаго ребенка не могъ представлять никакой аналогіи съ разказомъ о дани. Если же однако образъ этотъ въ пѣснѣ есть, и притомъ въ значеніи существенной подробности, то остается допустить, что основное содержаніе пѣсни — не разказъ о дани. Присматриваясь къ пѣснѣ, мы найдемъ этому подтвержденіе. Несущіе ребенка называютъ себя людьми князя Романа. Что значитъ это наименованіе? Могли ли быть названы такъ представители чужаго, враждебнаго, хотя бы и принужденнаго платить дань, пле-

нокъ: сидитъ онъ на золотомъ креслѣ, одѣтъ дорогимъ аксамитомъ, играетъ золотымъ яблокомъ. Между стражей и подступающею къ городу дружиной идутъ переговоры, оканчивающіеся тѣмъ, что стража переходитъ на сторону „Романовыхъ людей“ и открываетъ городскія ворота (изображаемая скрученнымъ платкомъ, за концы кото-

мени, такого племени, какъ ятвяги? Варіанты пѣсни выводятъ насъ изъ недоумія, выраженіе: люди „князя Романа“ чередуется съ другими: „князеві служебні“, „паньцѣгіе служебні“, „царьскіи служебні“, „пана государа“, „царя Александра“. Ясно, что несущіе ребенка — не даянники, а слуги князя, его дружина, а слѣдовательно, и пышно одатый ребенокъ („паньское дитятко“, „гетманьское дитя“), находящійся среди дружинниковъ, тоже не чужой Роману. Да и нужо ли было упоминать о необыкновенной роскоши, окружающей дитя (одежда изъ аксамита, золотое кресло и т. п.), еслибы рѣчь шла о принесеніи дани? — Костомаровъ, не находя убѣдительными приведенными выше соображенія издателей „Историческихъ пѣсенъ“, вовсе отказывается отъ примѣненія исторической аналогіи къ рассматриваемой пѣснѣ. По его мнѣнію, пѣсня о воротарѣ имѣетъ миеологическій смыслъ: ребенокъ „вѣроятно означалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года, считавшагося съ весны, образъ, замѣчательный во многихъ миеологіяхъ“. (Вѣстн. Евр. 1874, № 12, 590. Ср. *Всегда* 1872 г., IV, 65, V, 80 въ ст. „Историч. знач. ю.-р. пѣс. творчества“). Вопросъ о князѣ Романѣ и его людяхъ остается такимъ образомъ открытымъ. — Пр. Потебня не отрицаетъ присутствія въ пѣснѣ о Воротарѣ историческихъ воспоминаній, но не придаетъ имъ существеннаго значенія: „Мнѣ кажется“, говоритъ онъ, — „что въ малороссійской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка, но что для объясненія самой игры эта черта не существенна. Важнѣе именно тѣ черты малороссійской игры, которыя допускаютъ, по видимому, миеологическое объясненіе“ (Объясненіе малороссійскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, 56). Нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ, которое ни въ его сущности, ни въ его примѣненіи къ рассматриваемой пѣснѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Миеологическій анализъ символическихъ образовъ, входящихъ въ составъ народныхъ пѣсенъ, также необходимъ, какъ необходимъ этимологическій анализъ словъ и формъ нашего языка. Но на миеологическомъ только анализѣ поэтическихъ образовъ остановиться нельзя, также какъ при изученіи литературнаго текста нельзя ограничиться справками съ корнесловомъ. Беззапятная преданность миеологической этимологіи въ примѣненіи къ объясненію народнаго эпоса можетъ привести къ самымъ страннымъ натяжкамъ и несообразностямъ. Такихъ натяжекъ не чуждо и объясненіе пѣсни о Воротарѣ, предложенное г. Потебней. 1) Пѣсня о Воротарѣ говоритъ о ребенкѣ, о малюткѣ, котораго носятъ, который играетъ серебряными орѣшками и золотымъ яблокомъ. Для миеологической аналогіи такой возрастъ неудобенъ, такъ какъ „являющая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь миеологическіи черты, буде они есть, приурочены къ сватанью и браку“—нужна взрослая дѣвица. Предполагается поэтому, что въ рассматриваемой игрѣ „дита“ понималось какъ малый ребенокъ, „можетъ, быть подъ вліяніемъ какъ самаго слова, такъ и другой игры „мость“,

раго держатся двое изъ участвующихъ). „Дѣтя“, охраняемое преданною ему дружиной, вступаетъ въ городъ. Въ пѣсенную форму облечены переговоры двухъ сторонъ:

1. Володарь (=Воротарь), Володаркѣ, отчина ворота!
2. Чого хотите, чого влинете?

въ которой по рукамъ, сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка, потому ли, что если дать эту роль взрослому, то игра изъ стетяческой превратится въ гимнастическую, или, что менѣе вѣроятно, по требованію лежащаго въ основаніи моста“ (57—58). Такимъ образомъ дѣтскій возрастъ пѣсеннаго „дѣтя“ оказывается совершенною случайностью, вызванною чуть ли не гимнастическими соображеніями. 2) Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню о Воротарѣ, дѣтя—обыкновенно мальчикъ: „дѣтя дѣвушки берется за руки, на руки имъ садится мальчикъ“ (Чубинскій, оп. с. 38. Ср. Шейковский, Бытъ, подолжанъ, I, 27); въ вариантахъ пѣсни упоминается впрочемъ и „мизяльничка дочка“ или „молода дівонька“. Для миеологическаго объясненія нужна дѣвушка, образъ которой и признается первоначальнымъ. Но при этомъ возникаетъ недоуміе: зачѣмъ мальчика дѣвочкой легко объясняется литературною аналогіей, на которую указываетъ самъ г. Потебня, говоря о вліяніи на Воротаря игры „моста“, въ которой по рукамъ, сложеннымъ въ видѣ моста, дѣйствительно ходитъ маленькая дѣвочка“. (Ср. вариантъ у Голованкина, II, 694—696, гдѣ смѣшеніе пѣсенъ выступаетъ ясно). Обратное явленіе, то-есть, предполагаемое замѣщеніе дѣвочки мальчикомъ остается несмысленнымъ. 3) Дѣвочка въ пѣснѣ о Воротарѣ кажется ни въ чемъ не нужною даже и въ томъ случаѣ, если держаться только того способа объясненія, какой предлагается г. Потебней. Сказавъ, что ни Романа—черта не существуетъ, г. Потебня продолжаетъ: „Въ сходной сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стевана бана изъ Цареграда“. Эта пѣсня о банѣ Стеванѣ рассмотрѣна пр. Потебней въ § 2 той же главы о веселникахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Воротарѣ (§ 3), при чемъ сербская пѣсня состоитъ изъ такихъ русскими „играми“, какъ Сѣяніе проса, Царевъ сынъ, Король. Въ этихъ пѣсняхъ одна сторона, мужская, грозитъ взять дѣвицу силой; другая, женская, сторона принуждена „отворить ворота“ (48). Правда, въ пѣснѣ о банѣ Стеванѣ „не молодецъ, а дѣвица требуетъ: отвори врата...“, но „здѣсь, по замѣчанію г. Потебни, можно предположить такое же смѣшеніе ролей, какъ въ сѣяньи проса“ (51). Если такое соображеніе примѣнимо къ сербской пѣснѣ, отчего же нельзя примѣнять его къ сходной русской игрѣ о Воротарѣ? Отчего нужно предполагать и настаивать, что въ Воротарѣ подступающая къ городу сторона женская? Вѣроятно, упоминаніе о какой-то платѣ, о какой-то данн, которую приносятъ подступающіе къ городу: „що за даръ дасте?—Срібло та золото“. Но эта плата вполне совпадаетъ съ тѣмъ выкупомъ коней, о которомъ упоминается въ пѣснѣ: Сѣянье проса: „а мы дадимъ его рублей, сто рублей“. Самъ же г. Потебня вполне убѣдительно доказалъ, что это предложеніе платы идетъ отъ мужской, подступающей стороны, при чемъ пѣсня должна оканчиваться вступленіемъ молодцевъ въ станъ сѣятельницъ проса (ibid., 39—45). 4) Общее заключеніе г. Потебни о первоначальномъ смыслѣ игры и пѣсни о Воротарѣ такое: „Первоначаль-

1. Пускайте в город, пускайте в город.
2. А що-ж за люди, а що-ж за люди?
1. Князя Романа, нашого папа!
2. Ніт ёго в дома, ніт ёго в дома.
1. А де поїхав, а де поїхав?
2. До Львова на торг, до Львова на торг.

чальна сцена здсь не земля, а небо. Ворота суть небесныя ворота, въ которыхъ восходятъ и заходятъ солнце и другія свѣтила. Ихъ отпираетъ и запираетъ, отпираетъ ключами и замыкаетъ *заря* (а можетъ быть, и мужескій образъ того же явленія), выпуская при этомъ *росу*, отождествляемую по одному воззрѣнію съ *ключами* *заря*, по другому—съ *медомъ* (93). Что даетъ такое объясненіе? Да и гдѣ въ пѣснѣ черты, соотвѣтствующія *выпусканію* зарей росы или меда? 5) Г. Потѣбня допускаетъ, какъ мы видѣли, вліяніе историческихъ воспоминаній о ки. Романѣ на пѣсню о Воротахъ, но эта черта кажется ему не существенною (56). Нѣсколько далѣе, въ той же главѣ своего труда, онъ говоритъ между прочимъ о *блаторусской пѣснѣ*, въ которой передается причитаніе дѣвушки: „Абрусомъ маі шапковые, а ци горы вами высцілаці“? и т. д. Эти выраженія напоминаютъ известную пѣсню царицы Ксеніи (въ сборникѣ Джемса): „А свѣты брамыи убрusy, берева ли вами крутити“? и проч. „Этотъ мотивъ, какъ плачь самой невѣсты... по горячимъ слѣдамъ событій прииженъ къ положенію и вложенъ въ уста Ксеніи Борисовны Годуновой“ (78). Можно ли сказать, что это прииженіе „по горячимъ слѣдамъ событій“, это историческое приуроченіе обрядоваго дѣвичьяго причитанія въ пѣснѣ о Ксеніи—черта не существенная? Конечно, г. Потѣбня этого не скажетъ, потому что при всемъ сходствѣ обрядоваго и былаго плача только сопоставленіе пѣсни Ксеніи съ историческими о ней извѣстіями можетъ объяснить и нѣкоторыя частныя подробности произведенія (Гришка Отрѣпьевъ Разстрига... помонимъ меня хочеть *ностричи*), и художественную прелесть цѣлаго. Пѣсня составлена *послѣ* постриженія; *послѣ* встрѣчи съ самозванцемъ, *послѣ* отправленія царевны „въ дальнюю пустыню“, но пѣсня не разказываетъ *воиъ* этихъ фактовъ; неизвестный поэтъ слагавшій пѣсню, ставитъ себя нную задачу: онъ пытается представить, какъ дѣйствіе грозныхъ историческихъ событій должно было отразиться въ зеркалѣ наивнаго чувства „малой птички“, застигнутой политической бурей, онъ рисуетъ намъ настроеніе Ксеніи передъ наступленіемъ страшной грозы, при чемъ *рег anticipationem* упоминается и постриженіе, и ссылка; грядущее точно бросаетъ тѣнь на этотъ чистый и кроткій образъ, выступающій въ пѣснѣ. Пѣсня о Воротахъ, какъ и пѣсня о Ксеніи, представляетъ сліяніе элементовъ обрядовой пѣсни (весенней игры) и исторической были. Я вспоминаю при этомъ прѣвосходное замѣчаніе профессора Потѣбня по поводу того мѣста Слова о П. Иг., гдѣ рѣчь идетъ о Всеславѣ Полоцкомъ („вѣрше Всеславъ жребий о дѣвцию себѣ любу.... скочи къ граду Къйску и дотъчеси стружники злата стола Къйкьскаго“). Ве. Миллеръ замѣчаетъ, что Всеславъ напоминаетъ здсь тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ, удалымъ скачкомъ воня. Раздѣляя это мнѣніе, замѣчу....., что *Олевица* можетъ имѣть здсь символическое значеніе *города, голосты*. Все это могло быть приурочено ко Все-

1. Коли поїхав, коли поїхав?
2. Вчора з вечора, вчора з вечора.
1. Коли приїде, коли приїде?
2. Завтра к обїду, завтра к обїду.
1. Що за дар дасте, що за дар дасте?
2. Мізіне дзецко, мізіне дзецко.
1. А в чїм те дзецко, а в чїм те дзецко?
2. У срібру, в золотї, в ткацькій роботї.

(Историч. пїсни ю.-р. народа, I, 38—39).

Или:

1. Вородарь, Вородаричку,
Очини ворїтечка!
2. Хто з за ворїт кличе?
1. Царевні слуги.
2. А що ж він (?) вносить?
1. Мязине дятягко.
2. А в чїм да наряжене?
1. У сріблі у золотї.
2. А на чїм да посажене?
1. На золотїм креслі.
2. А чим забавляється?
1. Золотим яблучком.
2. А чим покрывае?
1. Золотим ножничком (ibid., 328—329).

славу подь впливїемъ величальныхъ пїсенъ уже примїсенныхъ къ этому вѣзю, или же—общихъ. Обыченъ мотивъ величанїя молодца въ колядкахъ: Н добываєть городъ и не мирится ни на какомъ выкупѣ, предлагаемомъ горожанамъ, кромѣ дѣвицы.... Любою Всеславу дѣвицей можетъ быть Новгородъ, Киевъ* (Сл. о П. Иг., 121—122; ср. *Оюновскій*, Сл. о П. Иг., 107). Это замѣчанїе приливаетъ свѣтъ и на пїсню о Вородарѣ, которая могла сложиться также, какъ предполагаемая пїсня о Всеславѣ. Существовала весенняя игра, подобная известнымъ и теперь игровымъ пїснямъ: мр. „король“ (*Чубинскій*, III, 42—46), вр. „князїи омиць“ (*Сахаровъ*, Слав., I, кн. 3, 37), пїсня, стоящая въ связи съ символическими изображенїями брака. Позже пїсня эта, говорившая о приближенїи къ городу какой-то дружины, была примѣнена *mutatis mutandis* къ определенной исторической быльи. Важнѣйшее *mutatum*—изображенїе ребенка, находящагося въ рядахъ дружины. Это черта, подсказанная, конечно, не древнею игрою, а условїями ея историческаго приуроченїя. Слїзанїе историческихъ воспоминанїй и подробностей былевого эпоса съ народными играми—явленїе, указанное въ нѣсколькихъ примѣрахъ. (*Антоновичъ* и *Драгомановъ*, I. с. Ср. *Дашкевичъ*, Выльни обь Алешѣ Поповичѣ, 56, примѣч.; *Миллеръ*, *Илья Мур.*, 328, прим. 2).

1. Молода ворѣтничка,
Отвори жь намъ ворѣточка!
2. Що же намъ за панъ ѣде?
Що жь то намъ за даръ везе?
1. Дзелене дзерняточко,
Найкраше дятяточко.

(Пѣсни Гал. Руси, III, 2, стр. 159).

Прочитаемъ теперь лѣтописный разказъ о занятіи Галицкаго стола малолѣтнимъ Даниломъ Романовичемъ послѣ бѣгства въ Угры: „Съвѣтъ же створиша Игоревичи на боаре Галичкни, да избѣють и по прилучаю избѣени быша, убьено же бысть ихъ числомъ 500, а иніи разбѣгошася, Володиславъ же кормилчичъ бѣжа во Угры, и Судиславъ, и Филипъ. Нандоша Данила во Угорьской землѣ дѣтська суца, и просиша у короля Угорьского: „дай намъ отцича Галичу Данила, атъ съ нимъ примемъ ѿ отъ Игоревичевъ“. Король же съ великою любовію посла воя въ силѣ тяжцѣ, и великого дворьского Пота, поручивъ ему воеводство надо всеми вои.... И совокуившеса вси, первое придоша на градъ Перемышль, и пришедшу Володиславу ко граду, и рече имъ: „Братье! Почто смущаетеса? Не сіа ли избѣша отци ваши и братью вашу, а ниѣи имѣніе ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отъчествіи вашими владѣша ниіи пришелци? То за тѣхъ ли хочете душу свою положити?“ Они же сжалившись о бывшихъ, предаша градъ и князя ихъ Святослава яша. Оттуду же придоша ко Звенигороду, Звенигородцемъ же лютѣ борющимся имъ съ ними и не пуцающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ, онѣмъ же стоящимъ окрестъ града“... Книжншіи въ Звенигородѣ Романъ Игоревичъ „възиде изъ града, помоша ища въ Рускнхъ князѣхъ.... атъ бысть Зернькомъ и Чюхомою и приведенъ бысть во станъ ко князю Данилови и ко всемъ княземъ и ко воеводамъ Угорьскимъ. И послаша ко гражаномъ, рекуще: „предайтеса, князь вашъ атъ бысть“, онѣмъ же не имущимъ вѣры, донелѣ же извѣстиво бысть имъ, и предашася Звенигородьци. Оттуду же поидоша къ Галичу, и Володимеръ бѣжа изъ Галича и сынъ его Изяславъ.... Тогда же... вси боаре Володимерьстїи и Галичкни и воеводы Угорьскыя посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа во церькви святыя Богородица Присподѣвица Марья“ (П. С. Р. Л., II, 158—159).

Сходство этого лѣтописнаго разказа съ приведенною выше пѣсней „Воротарь“ такъ велико, что пѣсни и игра кажутся просто повтореніемъ того, что говорится въ лѣтописи. Въ пѣснѣ и лѣтописи

тѣ же лица и тѣ же положенія: люди князя Романа (Володиславъ и др.) съ „маленькимъ дитятей“, права котораго они защищаютъ (то-есть, съ княземъ Даниломъ Романовичемъ), подступаютъ къ укрѣпленному городу (Черемышль, Звенигородъ) и вступаютъ въ переговоры съ гражданами (пришедши Володиславу ко граду и рече имъ...; и послаша ко гражданамъ рекуще...); городъ сдается (предаша градъ...; предашася Звенигородьци). Я говорю объ очевидности сходства, имѣя въ виду игорный характеръ пѣсни о Воротарѣ. Въ пѣснѣ былевой, не соединенной съ „дѣйствомъ“, чисто-литературное развитіе эпической темы можетъ существенно измѣнить составъ древней были, послужившей первоначальною основой пѣсни. Не то въ пѣсняхъ обрядовыхъ и игорныхъ. Здѣсь нужно было не распространіе, а возможно сжатое выраженіе основнаго содержанія пѣсни. Устойчивость этого содержанія находилась подъ охраной „дѣйства“. Конечно, и пѣсня, связанная съ игрой, не можетъ считаться застрахованною отъ измѣненій: въ нѣкоторыхъ пересказахъ „Воротара“ очевидна при-мѣсь изъ другихъ игръ и пѣсень (Пѣсни Гал. Руси, II, 694—696; Историч. пѣсни ю.-р. нар. I, 42, 329). Но и при этихъ измѣненіяхъ общій ходъ игры и основныя поэтическія формулы остаются одинаковыми во всѣхъ вариантахъ.

Соединеніе пѣсни о появленіи на Галичѣ Романа сына съ народною игрой и сохраненіе этой былевой игры въ рядѣ поколѣній—явленіе любопытное, объясненія котораго слѣдуетъ искать въ содержаніи пѣсни и въ судьбѣ ея героя. Величальныхъ пѣсень въ честь князей слагалось, конечно, много, но на долю этихъ пѣсень рѣдко выпадала долгая жизнь. Большею частью онѣ также легко забывались, какъ быстро складывались. Такой печальной судьбы могли избѣжать только тѣ пѣсни, которыя представляли почему-нибудь особую занимательность. А такой именно не заурядною пѣснью и была пѣсня объ юномъ Данилѣ. Ребенокъ, окруженный военнымъ отрядомъ, присутствующій при осадахъ и битвахъ, вступающій въ городъ какъ побѣдитель и князь, представлялъ такого необыкновеннаго пѣсеннаго героя, который возбуждалъ невольный интересъ. Въ пѣснѣ, разказывавшей о такомъ героѣ, было что-то сказочное, выходящее въ памяти образы дѣтей, которыя растутъ не по днямъ, а по часамъ, выказываютъ рановременную мудрость и т. п. Успѣхъ и живучесть пѣсни были такимъ образомъ обезпечены. Припомнимъ еще, что ребенокъ, о которомъ говорила пѣсня, сталъ потомъ знаменитымъ „королемъ“ Даниломъ, котораго величали въ „славныхъ

пѣсняхъ*, какъ наслѣдника подвиговъ и славы своего отца. Въ эти годы силы и величія Даниила и онъ самъ, и его современники нерѣдко, конечно, вспоминали, какъ онъ еще ребенкомъ появился въ Галичѣ во главѣ вооруженной дружины и занялъ княжескій столъ. Эта первая удача казалась предвѣстницей будущей славы, прекраснымъ прологомъ торжественной пѣсы. Сравненіе предвѣщанія съ исполненіемъ, того, что было, съ тѣмъ, что стало, придавало воспоминаніямъ о дѣтствѣ Даниила особый смыслъ и значеніе, и увеличивало сумму тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя окружали пѣсню о Романовомъ сынѣ. Эпическій ростокъ нашелъ себѣ хорошую почву, пустилъ корни, которые обезпечили ему долгую жизнь.

Отпрыски этихъ корней мы найдемъ далеко на сѣверѣ, въ былевахъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Обонежьи и въ Двинской землѣ.

Ив. Ждановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОСОВЫЙ ВИДЪ ТВОРЧЕСТВА ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я занимался источниками духовныхъ стиховъ. Дойдя до тѣхъ трехъ вариантовъ стиха о Дмитріѣ Солунскомъ, которые помѣщены въ „Каликахъ“ г. Безсонова (№№ 132—134), я обратился къ Минеямъ сперва Дмитрія Ростовскаго, потомъ Макарія. Оказалось, что этотъ стихъ составляетъ поэтический пересказъ трехъ чудесъ великомученика, встрѣчающихся въ обонхъ сводахъ и здѣсь довольно искусно слитыхъ въ одно цѣлое; чудеса же Дмитрія, какъ и житіе его, изъ котораго въ стихъ не попало ни одной черты, очевидно, переведены съ греческаго. На этомъ я счелъ себя въ правѣ успокоиться, рѣшивъ, что творчество нашихъ каликъ въ этомъ случаѣ ограничилось только формою.

Лѣтомъ 1889 г. я читалъ для иной совсѣмъ цѣли 3-й томъ Метафраста въ изданіи Минея; въ немъ три житія св. Дмитрія, вмѣстѣ съ его многочисленными чудесами, вмѣстѣ съ обширнымъ введеніемъ болландиста Бізя, занимаютъ нѣсколько сотъ страницъ. Дойдя до конца, я былъ не мало удивленъ тѣмъ, что между чудесами великомученика я не нашелъ чуда о двухъ дѣвцахъ, которое составляетъ сюжетъ третьей и самой важной части нашего духовнаго стиха. Естественно было подумать, что Минея по какимъ-либо соображеніямъ исключилъ его, и обратиться къ Acta Sanctoꝝum, въ которыхъ житіе и чудеса св. Дмитрія помѣщены не подъ 26-го октября, какъ у насъ, а подъ 8-мъ числомъ того же мѣсяца. Оказалось однако, что и тамъ этого чуда нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ греческой служебной Минееѣ, которая остается почти не измѣненною въ продолженіе многихъ столѣтій. Заинтересованный этимъ обстоятельствомъ, я снова

¹⁾ Читано на VIII-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ январѣ 1890 г.

обратился къ Минеямъ Макарія и вчитался въ это чудо уже съ предвзятою мыслью или, по крайней мѣрѣ, съ вопросомъ о томъ: не сочинилъ ли это чудо югославянскій или даже русскій книжникъ.. Ближайшее разслѣдованіе показало, вопервыхъ, что такого рода предположеніе имѣетъ за себя довольно вѣскія доказательства, которыя могутъ быть разбиты только однимъ указаніемъ на греческую редакцію чуда, и, вовторыхъ, что авторомъ чуда долженъ быть признанъ человекъ русскій, жившій не раньше конца XIV и не позже XVI вѣка. Но прежде чѣмъ, приводить эти основанія, я долженъ вкратцѣ изложить обстоятельства дѣла.

Извѣстно, что св. Димитрій Солунскій происходилъ изъ знатнаго рода города Фессалоникъ, занималъ и самъ важную должность и пострадалъ при Діоклетіанѣ отъ намѣстника его Максиміана въ 306 году; тамъ, гдѣ вѣрныя погребли его тѣло, еще въ V столѣтіи былъ воздвигнутъ небольшой храмъ, который поздѣе былъ перестроенъ и расширенъ и обратился въ главную мѣстную святыню, также, какъ и самъ великомученикъ сталъ первымъ покровителемъ и заступникомъ роднаго города, игравшаго очень видную роль въ исторіи Византійской имперіи, въ особенности во время борьбы ея съ аварами, болгарами и славянами.

Еще въ VII вѣкѣ тамъ же, въ Солуни, существовали два житія св. Димитрія, и былъ сдѣланъ сводъ чудесъ его не какимъ-нибудь безыменнымъ книжникомъ, а важнѣйшимъ церковнымъ сановникомъ — архіепископомъ Іоанномъ Фессалоникійскимъ. Такъ какъ городъ часто подвергался нападеніямъ варваровъ, то большая часть чудесъ св. Димитрія носила, если можно такъ выразиться, военный характеръ, который остался господствующимъ и во второмъ сборникѣ чудесъ, составленномъ, въ VIII или IX вѣкѣ. Вслѣдствіе того, также какъ и вслѣдствіе памяти о томъ, что св. Димитрій занималъ крупную военную должность и пострадалъ въ ранней молодости, онъ изображался прекраснымъ юношей въ полномъ вооруженіи, какъ на это не одинъ разъ указываютъ чудеса его, гдѣ онъ является или защитникомъ города противъ враговъ и оберегателемъ его во время междоусобій¹⁾, или спасителемъ во время голода или наконецъ проводникомъ странниковъ.

¹⁾ Очень любопытно не только для исторіи литературы, но и для исторіи искусства, его 10-е чудо, озаглавленное περί τῆς χυριακῆς εὐταξίας (о Возвѣмъ благоустроеніи, у *Миня* стр. 1265 и слѣд.).

Славяне, поселившіеся близъ Солуны и принявшіе христіанство, разумѣется; очень скоро узнали св. Димитрія и усвоили его почитаніе, тѣмъ болѣе, что онъ, по выраженію прѣосвященнаго Филарета ¹⁾, былъ еще до тѣхъ поръ незримъ, но сильнымъ проповѣдникомъ христіанства между славянами.

Къ намъ на Русь почитаніе Димитрія Солунскаго перешло вмѣстѣ съ христіанствомъ; память его подъ 26-мъ октября указана во всѣхъ, сколько мнѣ извѣстно, мнѣяхъ и прологахъ; рано встрѣчаются его житія, и не въ одной редакціи, часто переписываются нѣсколько чудесъ его, особенно поправившихся переводчиками; переводятся слова на его память и сочиняются свои сочиненія.

Еще въ XI—XII вѣкахъ онъ хорошо извѣстенъ и нашимъ книжникамъ; въ начальной лѣтописи подъ 907 годомъ сказано: „убояшася греци (Олега) и рѣша: нѣсть се Олегъ, но св. Дмитрей, посланъ на ны отъ Бога“. Чтобы судить, на сколько св. Димитрій популяренъ въ нашей письменности повдѣе, достаточно указать на то, что въ изданіи Макарьевыхъ Мнѣй три его житія, чудеса и слова занимаютъ около ста столбцовъ въ большую четверку. А на сколько онъ былъ извѣстенъ въ народѣ и между свѣтскими людьми, доказываетъ, во первыхъ, распространеніемъ имени Димитрія между князьями и подданными, множествомъ иконъ его и, наконецъ, духовнымъ стихомъ, который, по указанію г. Безсонова, поется въ губерніяхъ Пермской, Новгородской, Симбирской и Смоленской. Этотъ стихъ, какъ я сказалъ выше, составленъ изъ трехъ чудесъ.

Первое изъ этихъ чудесъ въ греческомъ оригиналѣ Іоанна Солунскаго павивается περί τῆς ὀκταετίας ἰλλουστρίου (заглавіе, конечно, могло быть поставлено и позже VII вѣка) и разказываетъ слѣдующее: На третій день осады Солуны аvaraми одинъ почтенный и высокопоставленный человѣкъ (τῆ τῶν χαλοῦμένων ἰλλουστρίων ἀξία τετιμημένος) видѣлъ вѣщій сонъ, будто онъ очутился во храмѣ Димитрія передъ тою внутреннею постройкой, въ которой лежали его св. мощи. Онъ видитъ, что пришли два красивые молодые человѣка, по виду какъ бы тѣлохранители царскіе; они спрашиваютъ: „Гдѣ господи́нь этого мѣста?“ „А на что вамъ онъ?“ спрашиваетъ служитель. „Насъ къ нему послалъ господи́нь, постучи и вызови его“, отвѣчаютъ они служителю. Когда св. Димитрій вышелъ къ нимъ изъ киворія, молодые люди объявили ему волю Господа: онъ долженъ выйти изъ города, который осужденъ на

¹⁾ См. *Ученія* 1848 г., № 3, стр. 1—43.

гибелъ отъ рукъ враговъ. Услыхавъ объ этомъ, святой заплакалъ, а слуга его сказалъ посланникамъ: „Еслибъ я зналъ, что вы такъ огорчите моего господина, я не доложилъ бы ему объ васъ“. „Оставь ихъ въ покоѣ“, говоритъ ему святой,— „это мои товарищи, и они исполняютъ волю нашего общаго господина“. Посланникамъ же говоритъ онъ: „Скажите Господу, что я отсюда не выйду, такъ какъ Онъ самъ же велѣлъ мнѣ жить здѣсь“. „Смотри, какъ бы Онъ не разгнѣвался на тебя за это“, говорятъ ему тѣ. „Нѣтъ, я этого не боюсь, я знаю благость Его“, отвѣчаетъ святой. Послѣ этого юноши исчезли, а святой вернулся къ себѣ. Слухъ объ этомъ снѣ распространился между защитниками города, значительно поднялъ ихъ увѣренность въ августиничество святаго и придалъ имъ мужество. Вскорѣ авары были отбиты.

Духовный стихъ, конечно, пользуется не оригиналомъ, а его проложнымъ славянскимъ пересказомъ, въ которомъ титулъ безмяннаго вельможи обратился въ собственное имя Иллюстрия и даже Люстрия, Люстра. Въ первомъ и третьемъ вариантахъ (№№ 132 и 134) этотъ Иллюстрий пропадаетъ совсѣмъ, и видѣніе обращается въ небольшую эпическую поэмку; во второмъ вариантѣ онъ превращается въ старца Онофрія, можетъ быть, подъ влияніемъ Онорія, самаго распространеннаго изъ нашихъ стиховъ—объ Алексѣѣ Вождемъ человекѣ. Стихъ измѣненъ по содержанию, сообразно законамъ эпического творчества, и безмянный врагъ — „поганые“ обратился во всѣхъ трехъ вариантахъ въ Мамаю безбожнаго.

Вторая составная часть стиха о томъ, какъ Димитрій побилъ Мамаеву силу, есть, такъ-сказать, результатъ общаго впечатлѣнія отъ нѣсколькихъ чудесъ, разказывающихъ о личномъ участіи великомученика въ побѣдѣ надъ врагами Солуня.

Обращаюсь къ самой для меня важной составной части стиха — третьей. Ея, какъ сказано выше, по гречески я, по крайней мѣрѣ, найти не могъ. По славянски она имѣется во множествѣ прологовъ и сборниковъ или въ соединеніи съ чудомъ объ Иллюстрии и другими, или даже отдѣльно—до XVIII вѣка включительно (въ одномъ сборникѣ, принадлежащемъ Кіевской духовной академіи ¹⁾). Вотъ содержание этого чуда по Макарьевской Минееѣ (ст. 1898), гдѣ оно озаглавлено: „Чудо о двою дѣвицѣ, еже отъ срацишъ въ церковь свою принесе“.

¹⁾ № 574, л. 39.

Господь за наши грѣхи на насъ христіанъ посылаетъ разныя бѣдствія, какъ отецъ, наказывающій дѣтей своихъ. Такъ, разъ на городъ Солунь напали поганые, и хотя, благодаря заступленію Дмитрія, города не взяли, но воевода ихъ полонилъ двухъ дѣвицъ, весьма искусныхъ палочному дѣлу. Приведя плѣнницъ домой, воевода говоритъ имъ: „Я слышалъ, что у васъ есть великій богъ и чудотворецъ Дмитрій; вышейте мнѣ на плащаницѣ образъ его, чтобъ я могъ поклониться ему и побѣждать враговъ, нося его передъ полками“. Дѣвицы отказываются, полагая, что воевода хочетъ надругаться надъ образомъ; но суровый господинъ грозить имъ смертью, если онѣ не исполнятъ его приказанія, и онѣ принимаютъ за работу. Образъ вышить, и утомленная слезами плѣнницы, помолвившись Дмитрію, чтобъ онъ не гнѣвался за ихъ подневольный грѣхъ, заснули надъ пальцами. Ночью св. Дмитрій вмѣстѣ съ образомъ невидимо перенесъ ихъ въ Солунь въ свою церковь и поставилъ ихъ тамъ у своего гроба съ нашитымъ образомъ, „иже и донынѣ исцѣленія подаетъ всѣмъ“.

Въ стихѣ вотъ какія крупныя отиѣны: Впервыхъ, господинъ плѣнницъ желаетъ имѣть образъ Дмитрія не на поклоненіе, а на поруганіе; вовторныхъ, вставлена цѣлая, очень живая сцена, какъ пономарь рано утромъ находитъ дѣвицъ за престоломъ и удивляется своей находкѣ, и втретьихъ, наконецъ, какъ пробужденныя дѣвицы принимаютъ священника за Мамаю и говорятъ ему съ обычною эпископскою откровенностью:

О злодѣй собака, невѣрный Мамай царь,
Не руби ты намъ буйныя головы—и т. д.

Всего важнѣе первая отиѣна, въ силу которой чудо надъ варваромъ, уже расположеннымъ къ принятію христіанства (онъ разчитываетъ, что ликъ Дмитрія, предносимый его войскамъ, даруетъ ему побѣду) обращается въ чудо надъ заклятымъ врагомъ Бога и его угодника, который желаетъ подвергнуть послѣдняго поруганію. Въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ мнѣ удалось найти одинъ прологъ XVI в. (Унд. № 227, л. 110), гдѣ нельзя не видѣть посредствующаго звена между разказомъ книжника и народнымъ стихомъ. Писецъ дѣлаетъ свою собственную чрезвычайно любопытную вставку. Какъ извѣстно, самое распространенное изображеніе св. Дмитрія ¹⁾,

¹⁾ Прекрасный образецъ его имѣлся на выставкѣ археологическаго съѣзда нынѣшняго года въ собраніи Н. М. Постникова, подъ № 133 (Новгородскія XIV вѣка).

представляет великомученика на конѣ, поражающаго копьемъ чело-
вѣка, который обозначалъ, какъ надо полагать, первоначально врага
рода человѣческаго, а потомъ одного изъ побѣжденныхъ чудотвор-
цевъ варваровъ ¹⁾. Писецъ зналъ эту икону, и вотъ какъ къ ней
приспособилъ свой разказъ: Начинается, онъ совершенно также какъ
въ Макарьевской Минееѣ. Но воевода говоритъ дѣвицамъ нѣчто
совершенно иное. Вотъ его слова: „вы хитры еста рукама. Спита ми
на плащаницѣ образъ бѣ вашего дмитреа под ногама монма и кона
моего и мене напишите на кони с копѣ и аз ѹдарилъ стго дмитреа
копѣ в горло а ѡн валаетса пѣ ногама кона моего; напишта же
тако. аще же того не створите то смртью ѹмрети. ѡни же ѡбѣ-
щашаса и рѣста. яко же велиши тѣ тако створиѣ. но затвори наю в
полатѣ присно а то дѣлаевѣ кромѣ люди а то но не видаѣ дѣла наю
никтѣ. еѣа доспѣевѣ, тоѣа принесѣ к тебѣ. воевода же повели има
быть въ полатѣ присно и дѣло дѣлати. ѡнѣ же двѣ сами себѣ рѣ-
ста не можеви бесчества створити стмѣ дмитрию но лѹче нѣ ѹмрети
стго дѣла дмитриа напишевѣ сего безаконнаго пѣ конѣ а стго дми-
триа на кони с копѣ а сего безаконнаго мѣла пѣ конѣ. и ѹдарена
копѣ. ако же рѣста тако и створисто. напишта стго дмитриа на кони
с копѣ а сего безаконнаго мѣла пѣ конѣ и ѣ ѹдарена копѣ в горло
доспѣста же дѣло и начаста плакатиса и гѣщи к себѣ: стн дмитре
нам заѹтра ѹмрети тебе дѣла и плакавши много ѡдѣвшаса плаща-
ницею тою и легше и ѹспѣста.

Я привелъ эту редакцію, какъ любопытное видоизмѣненіе обычной
первоначальной. Но возможенъ, конечно, и обратный случай, то-есть,
можетъ быть, записъ пролога Ундольскаго представляетъ первоначаль-
ный текстъ, а Минеею Макарія и другаго пролога—текстъ измѣнен-
ный, подправленный по образцу другихъ переводныхъ чудесъ. Въ виду
того, что плачь и недоувѣріе дѣвушекъ Макарьевской редакціи пред-
ставляются плохо мотивированными, такой случай, пожалуй, и вѣ-
роятнѣе. Но я принужденъ оставить этотъ вопросъ пока открытымъ
до болѣе подробнаго обследованія всего состава этого пролога Ун-
дольскаго, на чтѣ я не имѣлъ времени. Смѣлость, съ которою писецъ
позволилъ себѣ сдѣлать эту вставку (до выясненія дѣла будемъ счи-

¹⁾ Другія изображенія перечисляетъ *Росинскій*: Народы. Карт., IV, 753: 1) въ колѣниахъ передъ Христомъ; 2) св. великомученикъ сидитъ на престолѣ съ не-
чемъ, наполовину вынутымъ изъ ноженъ; 3) съ пальмовою вѣтвью (*ibid.*, III, 593);
4) на конѣ поражаетъ дьявола.

тять это вставкою), служатъ, по моему мнѣнію, косвеннымъ доказательствомъ того, что это чудо родилось на русской почвѣ: писецъ истинно чувствовалъ въ немъ что-то свое, родное, съ чѣмъ можно обращаться посвободнѣе ¹⁾. Третье доказательство (первымъ и самымъ важнымъ я считаю, конечно, отсутствіе этого чуда въ изданныхъ или описанныхъ чудесахъ Димитрія)—слозь этого чуда. Въ то время, какъ другія чудеса, какъ и слова, буквально переведены съ греческаго (до того буквально, что въ иныхъ мѣстахъ утерянъ и смыслъ и сдѣланы курьезныя ошибки) ²⁾, это чудо наложено хорошимъ книжнымъ языкомъ XV—XVI вв. не безъ поэтического одушевленія.

Disjecta membra, изъ которыхъ составленъ этотъ разказъ, думается мнѣ, указать не трудно. Самымъ важнымъ основаніемъ была, конечно, побѣда Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ; извѣстно ³⁾, что помяновеніе по убиеннымъ на Куликовомъ полѣ совершалось въ Дмитровскую субботу, между 18-мъ и 26-мъ октября, а Димитрій Донской былъ на Димитрія Солунскаго имянникомъ. Далѣе: матеріаломъ послужило сходное чудо (объ Агриковѣ сынѣ Василіѣ) св. Николая, святаго, еще болѣе популярнаго на Руси съ первыхъ временъ христіанства ⁴⁾, между чудесами котораго есть и чудо о дѣвицахъ, забавленныхъ имъ, положимъ, не отъ поганыхъ, а отъ бѣдности и разврата, и о коврѣ (его же купивъ и пакы взврати вспять) и изъ св. главы котораго, какъ и изъ мощей Димитрія истекаетъ чудотворное миро ⁵⁾.

Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ: каково же отношеніе между проложнымъ чудомъ и духовнымъ стихомъ? что отъ чего про-

¹⁾ Димитрій Ростовскій также позволялъ себѣ сдѣлать нѣсколько вставокъ въ это именно чудо, но не столь важныхъ: онъ обстоятельнѣе говоритъ объ искусствѣ дѣвицъ, которыхъ называетъ *красными*; влгаетъ въ ихъ уста восторженную рѣчь и пр.

²⁾ Напримѣръ: Кипріянь, еп. Аериканскій (τὸν Ἀφρον) обратился въ епископа *булю* Слау Мак. I. с.

³⁾ *Росинскій*, I. с. IV, 383.

⁴⁾ Преди въ Русь я вижь, яко нѣсть града, ни села, видѣше не бѣша чудеса многа умножена святаго Николая—говоритъ русскій писатель его чудесъ еще въ до-татарскую эпоху стр. 43 Пам. Др. Письм. LXXII арх. Леонда.

⁵⁾ *A carite fons olei* Leg. Aug. изд. *Graesse*, стр. 29. Св. Николай, какъ и Димитрій, посылаетъ купцовъ въ родной городъ во время голода, и подобно Димитрію, призываетъ корабельщиковъ, ἐπιπηδαὶ εὐθὺς τῇ νηὶ καὶ φανερὸς τοῖς ἐχέωνων γένομενος ὀφθαλμοῖς (Минскъ декабрь).

изошло: проложный ли разказъ отъ стиха (не въ настоящей, конечно, а въ древнѣйшей его формѣ), или же стихъ отъ измышленія книжника? Можно подобрать аналогію и для того, и для другаго; но мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ представляется такое предположеніе:

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ возникло поэтическое, но книжное сказаніе о томъ, какъ св. Дмитрій освобождаетъ двухъ дѣвицъ-полонянокъ отъ Мамая безбожнаго, сказаніе во всякомъ случаѣ, заключавшее въ себѣ не меньше творчества, нежели пресловутая Задонщина. Это сказаніе, съ одной стороны, сократилось въ проложный разказъ обычнаго типа, отъ котораго рукопись Ундольскаго представляетъ собою уклоненіе въ сторону источника, а съ другой—видоизмѣнилось въ устахъ старцевъ въ духовный стихъ, уцѣлѣвшій и до нашего времени. Если признать мое предположеніе основательнымъ, надо будетъ еще нѣсколько раздвинуть узкія рамки литературной производительности нашихъ предковъ; надо будетъ признать, что, кромѣ тѣхъ оригинальныхъ или приспособленныхъ къ русскимъ потребностямъ повѣстей, которыя уже указаны или даже изданы нашими почтенными учеными, еще много продуктовъ самостоятельнаго творчества скрывается до сихъ поръ въ прологахъ и минеяхъ,—признать, что наши предки проявляли творчество и въ чудесахъ высоко почитаемыхъ святыхъ греческихъ. Эти разложившіяся поэмы, можетъ быть, не отличаются особымъ богатствомъ содержанія и глубиною идеи, но въ нихъ должно слышаться здоровое чувство и сильная вѣра здороваго и сильнаго народа, которому суждено было перенести на своихъ плечахъ цѣлый рядъ, по видимому, всесокрушительныхъ бѣдствій и не утратить ни энергіи чувства, ни вѣры въ добро. Главное: это—наше собственное, а кому свое не дорого?

А. Кириичинковъ.

БЕЗКОНЕЧНОЕ АНАКСИМАНДРА.

Не смотря на особое вниманіе, которое въ историко-философской литературѣ новаго времени обращено было на разъясненіе философскаго міровоззрѣнія Анаксимандра, самое важнѣйшее ученіе этого выдающагося мыслителя древности, ученіе о безконечномъ и доселѣ представляетъ много спорнаго. Можно считать, правда, почти общепризнаннымъ и достаточно твердо обоснованнымъ мнѣніе, что безконечное Анаксимандра не было чисто абстрактною безконечностью, какъ у Платона и пифагорейцевъ, что оно было реально существующимъ предметомъ тѣлесной природы (*σφρα*), безконечность же имѣла значеніе свойства, характеристическаго атрибута этого предмета, какъ это было и у слѣдующихъ за Анаксимандромъ физиковъ ¹⁾. Но этимъ и ограничивается все, что можно утверждать о

¹⁾ Обстоятельное доказательство этого мнѣнія см. *Zeller, Phil. d. Griech.* 4 Aufl., I, 184 — 188. Къ свидѣтельствамъ, которыя приведены здѣсь въ подтвержденіе этого мнѣнія (важнѣйшія изъ нихъ приводились уже Шлейермахеромъ въ его сочиненіи объ Анаксимандрѣ *Werke v. Phil.* II, 176 — 177), можно прибавить слова Теофраста у Симплиція (*Simpl. in Arist. Phys. ed. Diels.* 1882, 27, 22 — 23), которыми Теофрастъ заканчиваетъ свое сравненіе Анаксагоровыхъ гомеомерій съ безконечнымъ Анаксимандра: *ἄτα φαίνεται ('Αναξάγορας) τὰ σφρατικά στοιχεῖα παρακλήσιος ποῖον 'Αναξίμανδρος*. Здѣсь терминъ *σφρατικά* στοιχεῖα, очевидно, служитъ общимъ названіемъ какъ для гомеомерій Анаксагора, такъ и для безконечнаго Анаксимандра. Могутъ имѣть свое значеніе и приводимыя *Newlands. Aeschim. Milesius.* 1883 г. 42, № 4, свидѣтельства въ пользу той же мысли; но другія мѣста Аристотеля, на которыя онъ ссылается на той же страницѣ, предполагаютъ уже одинъ изъ спорныхъ взглядовъ на безконечное Анаксимандра, а слѣдовательно, безъ всякой нужды ставить мысль, которая можетъ быть основана на твердыхъ данныхъ, въ зависимость отъ мнѣнія, раздѣленаго далеко не всеми.

началѣ (ἀρχή) Анаксимандра, не рискуя встрѣтить очень серьезныхъ возраженій. Ближайшее опредѣленіе этого сѣра съ его качественной стороны вызываетъ большое разногласіе. По мнѣнію однихъ, Анаксимандръ безконечнымъ называлъ смѣшеніе разнородныхъ составныхъ частей; по другимъ—оно было чуждо всякой качественной опредѣленности, третьи считаютъ его за τὸ μεταῖς стихій, то есть, за то среднее, промежуточное между стихіями бытіе, о которомъ Аристотель не разъ упоминаетъ, когда перечисляетъ начала древнихъ физиковъ. Не одинаково смотрятъ историки и на то вѣчное движеніе, которое, по извѣстіямъ, Анаксимандръ приписывалъ своему безконечному: по мнѣнію однихъ, подъ вѣчнымъ движеніемъ разумѣется самый процессъ рожденія и уничтоженія конечнаго, возникновенія его изъ нѣдры безконечнаго и возвращенія въ эти нѣдра; для другихъ вѣчное движеніе есть вѣчное круговращеніе неба, служащее причиной рожденія и гибели всего возникающаго. Самая безконечность толкуется не одинаково. Одни понимаютъ этотъ терминъ какъ обозначеніе неопредѣленности содержанія; что же касается безграничной пространственной протяженности, которую онъ обыкновенно означалъ въ философской литературѣ грековъ, то одни думаютъ, что самая идея о безпредѣльномъ протяженіи развилась въ философской мысли лишь позднѣе эпохи Анаксимандра. Другіе съ безконечностью Анаксимандра начала, на оборотъ, соединяютъ представленіе именно о безпредѣльномъ пространственномъ протяженіи. Это разнорѣчіе компетентныхъ ученыхъ достаточно свидѣтельствуетъ о темнотѣ и запутанности вопроса; но оно же естественно вызываетъ и на новую попытку пересмотрѣть не одинаково толкуемая и, по видимому, стоящая въ противорѣчій одно съ другимъ извѣстія древности о философскихъ взглядахъ Анаксимандра. Опытъ такого пересмотра и излагается на дальнѣйшихъ страницахъ. Порядокъ изложенія, при запутанности вопроса, естественно долженъ былъ въ извѣстной степени опредѣляться методическими удобствами.

Способъ происхожденія всего изъ безконечнаго.

Есть сторона въ ученіи Анаксимандра о безконечномъ, разъясненіе которой, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, не нуждается въ ссылакахъ на другіе его взгляды. Раздѣляя физиковъ на двѣ группы, Аристотель очень опредѣленно различаетъ взгляды ихъ на проис-

хождение всего остального бытія изъ начала: по одному изъ этихъ взглядовъ, все возникаетъ чрезъ разрѣженіе и уплотненіе начала, по другому—путемъ выдѣленія изъ него, и этотъ послѣдній взглядъ не менѣе опредѣленно имъ приписывается Анаксимандру ¹⁾. Кроме этого свидѣтельства, на которое обыкновенно ссылаются при разъясненіи взгляда Анаксимандра на способъ возникновенія остального бытія изъ безконечнаго, для той же цѣли можно воспользоваться и другимъ мѣстомъ изъ того же Аристотеля. Известно, что одно изъ приводимыхъ имъ оснований, на которыя ссылались физики, доказывая безконечность начала, доксографы относятъ къ Анаксимандру. Смыслъ этого основанія состоитъ въ томъ, что только безконечность того, откуда, какъ выражается Аристотель, „извлекается“ рождаемое, можетъ обезпечить неоскудѣваемость процесса рожденія и разрушенія ²⁾. То, что въ первомъ свидѣтельствѣ названо выдѣленіемъ, здѣсь характеризуется какъ извлеченіе изъ начала; процессъ, который въ первомъ свидѣтельствѣ лишь отличался опредѣленно отъ процессовъ разрѣженія и уплотненія, здѣсь нагляднѣе характеризуется какъ такой процессъ, который, будучи постояннымъ извлеченіемъ изъ начала все новыхъ и новыхъ порожденій, грозитъ сполна исчерпать начало, если оно не безконечно. Въ виду разнообразія толкованій термина выдѣленія, это введеніе самимъ Аристотелемъ новаго термина и именно въ связи съ ученіемъ о безконечности начала имѣетъ свое значеніе, оно рельефнѣе показываетъ намъ, что Аристотель понимаетъ выдѣленіе у Анаксимандра какъ процессъ, предполагающій въ безконечномъ содержаніи, которое расходуется или тратится на мировую жизнь.

Сравнимъ ученіе Анаксимандра о происхожденіи важнѣйшихъ предметовъ, входящихъ въ составъ міра, какъ рисуется оно намъ въ скудныхъ, дошедшихъ до насъ, извѣстіяхъ древности, съ подобнымъ же ученіемъ его непосредственнаго преемника въ іонійской школѣ Анаксимена, который, по видимому, первый пользовался теоріей разрѣженія и уплотненія для объясненія происхожденія ко-

¹⁾ Phys. I, 4, гав.: 'Ὅς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἶσιν· οἱ μὲν . . . τὰλα γεννῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιῶντες . . . οἱ δ' ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκχρίνεσθαι ὡς περ' Ἀναξίμανδρος φησι.

²⁾ Phys. III, 4, 203, b. 18—20: ἐτι τῶ οὕτως ἂν μόνως μὴ ὑπολείπειν γένεσιν καὶ φθοράν, εἰ ἀπειρον εἶη εἶθεν ἀφαιρεῖται τὸ γιγνόμενον. Doxogr. ed. Diels, 277. 8—9. Plut. Plac. l. 3. Stob. 1, 10: λέγει γ' οὖν ('Αναξίμανδρος), διότι ἀπείρατόν ἐστιν, ἵνα μὴδὲν ἄλλειπνῆ ἢ γένεσις ἢ ὕφισταμένη. То же Evs. Praep. Ev. XIV, 14, 2.

нечнаго изъ безконечнаго ¹⁾, и мы увидимъ, какъ послѣдовательно Анаксимандромъ проводился его общій взглядъ на отношеніе начала къ частнымъ предметамъ, и какъ опредѣленно отличаются вслѣдствіе того его мнѣнія о космогоническихъ процессахъ отъ мнѣній слѣдующаго за нимъ представителя другой общей теоріи рожденія. Оба эти философа придавали особое значеніе теплу и холоду въ мировыхъ процессахъ, но тогда какъ Анаксименъ считалъ ихъ простыми смѣнными состояніями первичнаго вещества, происходящими отъ его разрѣженія и уплотненія, Анаксимандръ говорилъ на оборотъ объ ихъ выдѣленіи изъ него ²⁾. По ученію обоихъ, свѣтила небесныя происходятъ изъ огня, но, по теоріи Анаксимена, возникновеніе этого огня предполагаетъ даже двукратное примѣненіе его основнаго принципа рожденія, качественно видоизмѣняющаго стихію: прежде должно было совершиться уплотненіе воздуха въ землю и затѣмъ уже должно было произойти разрѣженіе земныхъ испареній, чтобы они могли перейти въ огонь: у Анаксимандра пламя непосредственно выдѣляется изъ формирующагося цѣлаго, обвивая его какъ кора дерево ³⁾. И тогда какъ у Анаксимена самое образованіе свѣтилъ небесныхъ изъ огня предполагаетъ опять какой-то недостаточно ясный процессъ сжатія, который по крайней мѣрѣ самое ядро неподвижныхъ звѣздъ долженъ сдѣлать болѣе или менѣе плотнымъ, для Анаксимандра небесныя свѣтила суть простой результатъ разрыва образовавшейся

¹⁾ Simpl. in Arist. phys. ed. Diels. 149, 32—150. 1: ἐπὶ γὰρ τοῦτου μόνου (Ἀναξίμενος) Θεόφραστος ἐν τῇ ἱστορίᾳ τῆν μάνωσιν εἶρηκε καὶ πύκνωσιν. Вѣроятно, справедлива догадка Целлера, Phil. d. Griech., 223, № 3, что, по Теофрасту, только изъ древнѣйшихъ ионійцевъ Анаксименъ былъ единственнымъ, пользовавшимся этою теоріею.

²⁾ Doxogr. Diels. 561, 1, Hippol. (по ученію Анаксимена) τὰ κοριώτατα τῆς γενέσεως ἐναντία εἶναι θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν. Plut. Moral. ed. Didot 1867—1877, Vol. 2: De pr: frig. 1160. 12—18: ἢ, καθάπερ Ἀναξίμενης ὁ παλαιὸς φέτο, μῆτε το ψυχρὸν ἐν οὐραῖα, μῆτε τὸ θερμὸν ἀπολείπωμεν, ἀλλὰ πάθη κοινὰ τῆς ὕλης ἐπιγιγνώμενα ταῖς μεταβολαῖς τὸ γὰρ συστέλλομενον αὐτῆς καὶ πυκνούμενον, ψυχρὸν εἶναι φησί. τὸ δὲ ἀραιὸν καὶ τὸ χαλαρὸν, οὕτω πως ὀνομάσα; καὶ τῷ ῥήματι, θερμὸν. Doxogr. Diels. 579. 13—14. Plut. Strom.: φησὶ δὲ (Ἀναξίμανδρος) τὸ ἐκ τοῦ αἰθέρος γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ κατὰ τὴν γένεσιν τοῦδε τοῦ κόσμου ἀποκριθῆναι.

³⁾ Ibid. 580. 1—2: πιλομένου δὲ τοῦ ἀέρος πρώτην γεγενῆσθαι λέγει (Ἀναξίμενης) τὴν γῆν... τὸν ἥλιον καὶ τὴν σαλήνην καὶ τὰ λοιπὰ ἄστρα τὴν ἀρχὴν τῆς γενέσεως ἐκ γῆς ἔχειν. Ibid. 561. 5—7. Hippol.: γεγενῆσθαι δὲ τὰ ἄστρα (по Анаксимену) ἐκ γῆς διὰ τὸ τὴν ἰκμάδα ἐκ ταύτης ἀνίστασθαι, ἣς ἀραιουμένης τὸ πῦρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ ταῦτ' ὑπερῆξομένου τοὺς ἀστέρας συνίστασθαι. Объ Анаксимандрѣ см. цитату слѣдующую.

вышеуказаннымъ путемъ огненной сферы и заключенія разорванныхъ массъ огня въ огромныя массы воздуха ¹⁾). По Анаксимену, вѣтры рождаются, когда сдѣтненный воздухъ вновь разрѣшается; для Анаксимандра вѣтеръ есть движеніе тончайшихъ паровъ, видѣляемыхъ изъ воздуха ²⁾). Дальнѣйшее и дальнѣйшее сдѣтненіе воздуха представляютъ, по мнѣнію Анаксимена, облако, дождь и вода; система Анаксимандра, на оборотъ, знаетъ жидкое, которое имѣетъ самостоятельное происхожденіе, или какую-то первичную жидкость; часть этой жидкости испаряется, то-есть, опять-таки видѣляется черезъ испаренія, откуда, вѣроятно, и нужно объяснять существованіе паровъ въ воздухѣ, которыми объясняется дождь, тогда какъ другая часть, остатокъ отъ предшествовавшаго видѣленія, есть море ³⁾).

На этомъ сопоставленіи взглядовъ Анаксимандра съ взглядами Анаксимена довольно ясно выступаетъ, какъ послѣдовательно про-

¹⁾ См. предш. цит. объ Анаксименѣ. Больше плотную природу неподвижныхъ вѣтровъ у Анаксимена, по видимому, нужно предполагать для объясненія приращенности ихъ къ небесному своду. Ibid. 344. 4—6. Plut. Plac. 11, 14. Stob. Ecl. 1, 24: 'Αναξίμενης ἤλων δίχην καταπακηγένας (τὰ ἄστρα) τῷ κρυσταλλοειδί. Ca. Teischn. Stud. z. Gesch. d. Begr. 85—91. Dox. Diels. 579. 14—17. Plut. Strom.: καὶ τίνα ἐκ τοῦτου (то-есть, τοῦ γονίμου, οὗ κωτορομὴ уомянуто выше) φλογὸς σφαίραν περιφοσῆναι, (по ученію Анаксимандра) τῷ περὶ τὴν γῆν ἀέρι ὡς τῷ δένδρφ φλοιόν. ἤστινος ἀπορραγείσης καὶ εἰς τίνας ἀποκλεισθείσης κόχλους ὀποστῆναι τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τοὺς ἀστέρας. Ibid. 559, 25—560, 1, Hipp.: τὰ δὲ ἄστρα γίνεσθαι κόχλοις πυρός, ἀποκριθέντα τοῦ κατὰ τὸν κόσμον πυρός, περιληφθέντα δ' ὀπό ἀέρος.

²⁾ Ibid. 561, 12—15. Hippol.: (по Анаксимену) ἀνέμους δὲ γεννᾶσθαι, ὅταν ἐκκεκοκνωμένος ὁ ἀήρ ἀραιωθείς φέρηται. Въ толкованіи этого извѣстія. см. слѣдующ. Zell. 1. 225. № 1, в Дилль съ замѣчаетъ ἐκκεκοκνωμένος: vix explices densitate privatus... nec simul ἀραιωθείς ferri potest. Dox. Diels. 560, 8—9 Hippol.: ἀνέμους δὲ γίνεσθαι-σπο Анаксимандру) τῶν λεπτοτάτων ἀτμῶν τοῦ ἀέρος ἀποκρινομένων καὶ ὅταν ἀέρος λῆσσι κινουμένων. Подобно Plut. Plac. 111, 7, ibid. 374, 19—22.

³⁾ Ibid. 561, 13—15 Hippol.: (по Анаксимену) συναθρότος δὲ (ἀέρος) καὶ ἐκπλειὸν παχυθέντος νέφη γεννᾶσθαι καὶ οὕτως εἰς ὕδωρ μεταβάλλειν. Подобно же о дождѣ Plut. Plac. 111, 4, Stob. Ecl. 1, 31. Ibid. 370, 26—29. Arist. Meteor. II 1, 353, b. 5—11.—Οἱ δὲ σοφώτεροι τὴν ἀνθρωπικὴν σοφίαν ποιῶσιν αὐτῆς (τῆς θαλάττης) γένεσιν εἶναι γὰρ τὸ πρῶτον ὕγρον ἅπαντα τὸν περὶ τὴν γῆν τόπον, ὀπό δὲ τοῦ ἡλίου ξηραίνόμενον τὸ μὲν διατρίβεισιν πνεύματα καὶ τροπὰς ἡλίου καὶ σελήνης φᾶσι ποιεῖν, τὸ δὲ λειψθὲν θάλατταν εἶναι: διὸ καὶ ἐλάττω γίνεσθαι ξηρανομένην οἰσονται, κα τέλος ἔσεσθαι ποτε πᾶσαν ξηράν. Александръ въ Дородавіадѣ въ толкованіи на это мѣсто говоритъ (см. Doxogr. Diels. 494, 11—495, 1): ταύτης τῆς δόξης ἐγένοντο, ὡς ἱστορεῖ ὁ Θεόφραστος, 'Αναξίμανδρός τε καὶ Διογένης. И Plut. Plac. 111, 16. Dox. Diels. 381, 15—18, говорится: 'Αναξίμανδρος τὴν θάλατταν φησὶν εἶναι τῆς πρώτης ὕγρασίας λείψανον, ἧς τὸ μὲν πλειὸν μέρος ἀνεξήρατο τὸ πῦρ.

водилъ первый отличавшую его отъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ теорію выдѣленія. Тѣмъ удивительнѣе кажется, когда ему приписывается такое ученіе о происхожденіи вышеупомянутой первичной жидкости и о значеніи ея въ мірообразовательномъ процессѣ, которое скорѣе отвѣчало бы теоріи разрѣженія и уплотненія, чѣмъ теоріи выдѣленія. Уже Брандисъ говорилъ, что, по мнѣнію Анаксимандра, эта жидкость была субстратомъ быванія ¹⁾. Целлеръ ²⁾ называетъ ее основнымъ элементомъ и, производя ее, подобно Брандису, изъ смѣшенія тепла и холода, заставляетъ уже изъ нея выдѣляться и землю, и воздухъ, и пламя, образующее звѣзды. Такое начало космогоніи въ системѣ Анаксимандра представляло бы нѣчто достойное изумленія. Первый шагъ космогоническаго процесса, переходъ холоднаго и теплаго въ жидкое, явно былъ бы чистымъ качественнымъ превращеніемъ вещества. Если бы въ глазахъ самого Анаксимандра онъ не былъ чистымъ качественнымъ превращеніемъ, то чѣмъ его первожидкое, единственный основной элементъ, изъ котораго на дѣлѣ выдѣлялось бы тогда сполна все, что относится къ составу міра въ его собственныхъ глазахъ могло бы различаться по своему содержанію отъ того безконечнаго начала, изъ котораго выдѣлились теплое и холодное, вновь слившіяся въ единство этого первожидкаго? Но ученіе о качественномъ превращеніи вещества и именно такомъ превращеніи, которое не предполагаетъ и не можетъ предполагать соединеннаго съ нимъ и совершающагося чрезъ его посредство выдѣленія, вполнѣ противорѣчило бы духу Анаксимандровой системы. Поэтому, если Целлеръ самое понятіе выдѣленія у Анаксимандра и понимаетъ такъ, что оно оказывается тѣсно связаннымъ съ понятіемъ качественного превращенія, все же этотъ переходъ уже выдѣлившихся, уже обособившихся другъ отъ друга теплаго и холоднаго въ единство первичной жидкости, переходъ противоположностей сполна во всемъ ихъ объемѣ въ иное и единое бытіе, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть названъ выдѣленіемъ, и Целлеръ самъ долженъ былъ употребить здѣсь иной терминъ „смѣшеніе тепла и холода“, о которомъ не знаетъ ни одинъ изъ нашихъ источниковъ, какъ ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ничего также и вообще о превращеніи первичной противоположности теплаго и холоднаго въ единство жидкаго. И во всякомъ случаѣ представляется страннымъ,

¹⁾ Handb. d. Gr. röm. Phil. 1, 134.

²⁾ Phil. d. Gr. 1, 205—206.

что философъ, назвавшій выдѣленіемъ способъ порожденія разнообразнаго бытія изъ вѣдръ безконечнаго и довольно послѣдовательно, какъ мы видѣли, проводившій эту мысль въ пунктахъ менѣе значительныхъ; вводитъ иное объясненіе въ одномъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ моментовъ космогоническаго процесса. Целлерово представленіе дѣла не даетъ никакого отвѣта и на тотъ естественный вопросъ: какой смыслъ имѣло бы само первичное выдѣленіе теплаго и холоднаго; если это обособленіе качествъ тотчасъ же должно исчезнуть въ однообразіи жидкаго? Не представляется ли эта первичная жидкость въ такомъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ миеологическаго бога (миеъ о Зевсѣ и Фанесѣ), поглощающаго все, первоначально возникшее, для того, чтобы выпустить изъ себя новый міръ; съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ отъ него, что ученіе о превращеніи возникшаго разнообразія во всеединство жидкаго не имѣетъ того смысла, который былъ заключенъ въ этой космогонической баснѣ?

Есть, правда, одно свидѣтельство, которое даетъ чрезвычайное значеніе водѣ въ системѣ Анаксимандра. Въ находящейся въ сборникѣ Аристотелевыхъ сочиненій книжкѣ de Mel. Xen. et Gorg. ¹⁾ (которую впрочемъ въ новое время большинство ученыхъ считаетъ за подложное, хотя и древнее сочиненіе) Анаксимандру приписывается мнѣніе, что все есть вода. Но Целлеръ самъ совершенно справедливо не даетъ вѣры этому свидѣтельству на томъ основаніи, что оно „обозначаетъ воду не только какъ то, изъ чего міръ произошелъ, но какъ то, изъ чего онъ постоянно состоитъ“, а этому противорѣчатъ всѣ другія и очень вѣскія историческія свидѣтельства ²⁾. Да и тому, кто захотѣлъ бы опираться на это свидѣтельство, говорить о происхожденіи самого жидкаго изъ теплаго и холоднаго было бы уже нельзя ³⁾. Что же касается всѣхъ другихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о жидкомъ у Анаксимандра и на которыя ссылается Целлеръ, то ни одно изъ нихъ не даетъ основаній заключать, чтобы все остальное бытіе выдѣлялось у Анаксимандра изъ воды. Герміи

¹⁾ 975. b: 22—23.

²⁾ Zeller. Phil. d. Griech. I. 205.

³⁾ Нейгәузеръ, Анах. М. 254, не сомнѣвается однако опираться на это свидѣтельство, хотя, по его взгляду, жидкое не только само возникаетъ въ космогоническомъ процессѣ, но и есть лишь одно изъ двухъ первыхъ выдѣлявшихся веществъ у Анаксимандра, а въ текствѣ свидѣтельства говорится: ὅθεν πάντα φαινο: τὸ πᾶν. По всей вѣроятности, въ самомъ извѣстнѣмъ вѣдствіи какой-то случайности или Анаксимандра ошибочно поставлено вѣсто имени Фалеса.

говорить, что Анаксимандръ признавалъ вѣчное движеніе старше жидкаго. Но если взять во вниманіе контекстъ рѣчи Герміа, то будетъ ясно, что изъ его словъ ни о какомъ особомъ значеніи жидкаго заключать нельзя. Какъ во всемъ своемъ *διασυρισμός τῶν ἔξω φιλοσόφων* Герміа для доказательства ничтожности мудрости міра хочетъ выставить разнорѣчіе философовъ по всемъ вопросамъ ¹⁾, такъ и въ данномъ мѣстѣ его цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы показать, что взглядъ, только что высказанный Фалесомъ, тотчасъ же устраненъ Анаксимандромъ; съ этою именно цѣлью, сказавъ, что Фалесъ началомъ признавалъ воду и утверждалъ, что все изъ жидкаго состоитъ и въ жидкое возвращается, онъ съ насмѣшкой противопоставляетъ ему его согражданина Анаксимандра, который вѣчное движеніе призналъ старше жидкаго ²⁾. Очевидно, съ цѣлью Герміа было бы совершенно согласно выразиться такъ, еслибы жидкое никогда не представляло собою у Анаксимандра всего міроваго вещества, а возникало бы изъ безконечнаго на ряду съ какимъ-нибудь другимъ или другими элементами. Въ цитованномъ уже нами мѣстѣ *Arist. Meteor. II. 1.* и въ параллельномъ мѣстѣ *Plac. Plut.* говорится только о происхожденіи моря и вѣтровъ изъ испареній жидкаго; о зависимости отъ него по бытію воздуха или земли тамъ нѣтъ ни одного слова, а существованіе огня подлѣ жидкаго даже несомнѣнно уже предполагается, такъ какъ испаренія воды ставятся въ зависимость отъ теплоты солнца. *Plut. Plac.*, правда, употребляетъ названіе первичной жидкости (*ἡ πρώτη ὑγρασία*). Но жидкое, существовавшее въ первое время бытія міра и потомъ испарившееся, развѣ не могло естественно получить названіе первичной жидкости въ сравненіи съ теперь существующимъ моремъ—ничтожнымъ остаткомъ его въ большемъ углубленіи земли, хотя бы это жидкое и не претендовало на значеніе всеединаго вещества міра? Комментарь Александръ относитъ къ Анаксимандру еще другое мѣсто изъ *Метеорологіи* Аристотеля именно *II. 2. 355 a. 21—25* ³⁾.

¹⁾ *Doxogr. Diels*, 651. 5—8: *δοκῆ γάρ μοι (ἡ σοφία τοῦ κόσμου τούτου) τὴν ἀρχὴν εἰληφέναι ἀπὸ τῆς τῶν ἀγγέλων ἀποστασίας, δι' ἣν αἰτίαν οὔτε σύμφωνα οὔτε ὁμόλογα οἱ φιλόσοφοι πρὸς ἀλλήλους λεγοντες ἐκτίθενται τὰ δόγματα.*

²⁾ *Ibid.* 653. 20 — 24: *'Αλλαχόθεν δέ μοι Θαλῆς τὴν ἀληθεῖαν νεύει ὀριζόμενος ὄδωρ τοῦ παντὸς ἀρχὴν' καὶ ἐκ τοῦ ὑγροῦ τὰ πάντα συνίσταται καὶ εἰς ὑγρὸν ἀναλύεται... διὰ τί τοῖνον μὴ πεισθῆναι Θαλῆ τῷ πρεσβυτάτῳ τῶν Ἰώνων; ἀλλ' ὁ κολίτης αὐτοῦ Ἀναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ πρεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν αἰθίον κίνησιν.*

³⁾ *Τὸ δ' αὐτὸ συμβαίνει καὶ τούτοις ἀλογον καὶ τοῖς φασκουσι τὸ πρῶτον ὑγρὰς οὐσῆς καὶ τῆς γῆς, καὶ τοῦ κόσμου τοῦ περὶ τὴν γῆν ὑπὸ τοῦ ἡλίου θερμαινομένου,*

Въ этомъ мѣстѣ жидкому приписывается наибольшее значеніе въ космогоническомъ процессѣ: здѣсь говорится о землѣ, бывшей нѣкогда въ жидкомъ состояніи, о возникновеніи не только вѣтровъ, но, и самаго воздуха вслѣдствіе высыханія жидкаго и о расширеніи неба. Однако о возникновеніи огня изъ жидкости не говорится и здѣсь; на оборотъ, самое происхожденіе вѣтровъ и воздуха объясняется, подобно какъ и во II, 1, дѣйствиємъ уже существующей солнечной теплоты. Поэтому, если даже и приписать этотъ взглядъ Анаксимандру, какъ это дѣлается обыкновенно, то отсюда можно было бы оправдать никакъ не взглядъ Целлера а лишь взглядъ Нейгѣузера, отождествляющаго изъ первыхъ двухъ выдѣлявшихся противоположностей, теплаго и холоднаго, послѣднюю съ τὸ ὑγρὸν, и ватѣмъ изъ нея выдѣляющаго землю и воздухъ ¹⁾). Но положиться на свидѣтельство Александра въ данномъ случаѣ едва ли можно. На свидѣтельство Теофраста онъ уже здѣсь не ссылается, какъ ссылался при комментаріѣ *Meteor.* II, 1, и поддержки въ извѣстіяхъ доксогографовъ уже не находятъ. Въ то же время есть, мнѣ кажется, и нѣкоторыя положительныя основанія думать, что онъ въ этомъ случаѣ руководится не преданіемъ, а личнымъ соображеніемъ, вѣроятно, простымъ сходствомъ въ нѣкоторыхъ чертахъ этого взгляда со взглядомъ, о которомъ говоритъ Аристотель въ *Meteor.* II, 1. Я позволю себѣ обратить вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что то особое значеніе, какое приписывается жидкому по взгляду, наложенному въ *Meteor.* II, 2, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, несомнѣнно принималось однимъ изъ философовъ древности; только эти извѣстія приурочиваютъ это ученіе къ другому имени, а не къ имени Анаксимандра. Въ *Meteor.* II, 2, говорится о взглядѣ, по которому земля первоначально находилась въ жидкомъ состояніи и миръ вокругъ нея нагрѣвался солнцемъ, отчего, конечно, и должно было послѣдовать осушеніе земли; Гипполитъ извѣщаетъ насъ, что, по ученію Архелая, солнце осушило землю, которая первоначально представляла массу стоячей воды ²⁾). По передаваемому въ *Meteor.* II, 2, ученію, изъ жидкаго подъ вліяніемъ солнечной теплоты возникъ воздухъ; по ученію Архелая, передаваемому Гипполитомъ и Діогеномъ Лаэрт-

ἀέρα γενέσθαι καὶ τὸν θλον οὐρανὸν ἀεθῆναι, καὶ τοῦτον πνεύματά τε κατέχευθαι καὶ τὰς τροπὰς αὐτοῦ ποιῆν.

¹⁾ *Neuhaeuser.* *Anax.* M. 248—250.

²⁾ *Doxogr. Diels,* 563. 25—26 Hippol. (объ Архелая): καὶ οὕτως τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς... καὶ τὴν γῆν ἐξηρίν. λίμνην γὰρ εἶναι τὸ πρῶτον.

скимъ, воздухъ также возникаетъ изъ воды подъ вліаніемъ жара ¹⁾. Даже то расширеніе міра вслѣдствіе возникновенія воздуха, о которомъ также говорится въ Meteor. II, 2, находитъ себѣ нѣчто соответствующее въ извѣстіяхъ объ Архелая. Суда по извѣстіямъ о первоначальномъ положеніи у него впервые возникшихъ стихій, огня и воды, а также и по одному темному, правда, указанію на образованіе свѣтилъ небесныхъ, нужно полагать, что въ этотъ древнѣйшій періодъ мировой жизни огонь, по его ученію, долженъ былъ обнимать воду, непосредственно соприкасаясь съ нею. Такъ какъ теперь о возникшемъ воздухѣ замѣчается, что онъ поднимается вверхъ, то совершенно понятно, что это поднятіе вверхъ воздуха, должно было означать въ глазахъ Архелая расширеніе неба и уносить раскаленные части возникающей земли (небесныя свѣтила) въ отдаленныя отъ центра пространства ²⁾. Такое совпаденіе основныхъ чертъ упоми-

¹⁾ Ibid. 18—20: τηχόμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν, ἐν ᾧ (καὶ) κατακαίμενον ἄερα γίνεσθαι καὶ γῆν. Diog. Laërt. ed. Didot. 1878. Π. 4. p. 37. 14—16: τηχόμενον φησι ('Αρχέλαος) τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ καθὸ μὲν... καθὸ δὲ περιρρεῖ ἄερα γεννᾶν.

²⁾ Слич. у Hipp. цит. предш. τὸ ὕδωρ εἰς μέσον ρεῖν. Dox. Diels, 563, 21—23: καίτοι δ' [τὴν γῆν] ἐν τῷ μέσῳ οὐδὲν μέρος οὖσαν, ὡς εἰπεῖν, τοῦ παντός, ἐκδεδομένον ἐκ τῆς πυρώσεως; ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαίμενον τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν, ὧν μέγιστον μὲν ἥλιον, δεύτερον δὲ σελήνην, τῶν δὲ ἄλλων τὰ μὲν ἐλάττω, τὰ δὲ μείζω. Изъ этого, очевидно, неспорченного мѣста, слѣдуетъ, однако, по видимому, заключить, что свѣтила центрального происхожденія, то-есть, изъ того же вещества, изъ котораго сформировалась земля, и образовались во время ранняго накаленія этого вещества пламени (ἀφ' οὗ πρῶτον ἀποκαίμενον τὴν τῶν ἀστέρων εἶναι φύσιν). На тотъ же процессъ указываетъ извѣстіе Diog. L. 27. 14—15: τηχόμενον φησι τὸ ὕδωρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ, καθὸ μὲν εἰς τὸ πυρῶδες συνίσταται, κοίτην γῆν, καθὸ δὲ κτλ. (см. цит. предш.). Измѣненіе вѣсье πυρῶδες въ τερῶδες или въ κηλῶδες, точно также какъ и предлагаемая Дильсомъ вслѣдъ за Рёперомъ въ свѣдѣтельствѣ Гипполита передъ словомъ ἐκδεδομένον вставка, вводящая воздухъ, по моему мнѣнію, описываемаго процесса не уяснить. Чтобы уяснить его себѣ, слѣдуетъ, итъ въ виду выписанное сейчасъ извѣстіе Гипполита, предположить центральное образованіе свѣтилъ и, сверхъ того, принять во вниманіе извѣстіе Стобея Ekl. 1, 24. Dox. Diels, 342, 1—2: 'Αρχέλαος μύδροις ἐφησαν εἶναι τοὺς ἀστέρας διακίτροις δέ. Въ моменты πυρώσεως центра раскалялись и въ то же время подъ вліаніемъ сильнаго жара отвердѣвали боковыми сторонами жидкаго центрального тѣла (огонь обнималъ землю съ боковъ, какъ это ясно будетъ изъ дальнѣйшаго), подготавливая основу будущей земли; но вскорѣ затѣмъ, впрямую, ближайшіе за ними слои жидкости, преимущественно на поверхности этого тѣла, гдѣ жаръ былъ не столь силенъ, превращаясь въ воздухообразное состояніе, расширились и растекаясь во все стороны, по мѣрѣ сползевія ихъ устремляются

наемаго Аристотелемъ ученія со взглядами Архелая едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, что Аристотель долженъ былъ въ *Meteor.* II, 2, имѣть въ виду Архелая. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы подобнаго же мнѣнія не держался и Анаксимандръ. Но если Александръ при комментаріѣ къ этому мѣсту объ Архелая вовсе не упоминаетъ, а объ Анаксимандрѣ другихъ свѣдѣній, подтверждающихъ его показаніе, нѣтъ, то мы вправѣ предположить, что Александръ руководился простою догадкой. На ту же мысль наводитъ и другое обстоятельство. Въ той же *Meteorologin* II, 2, передъ самымъ изложеніемъ этого взгляда на происхожденіе изъ жидкости воздуха и пр., Аристотель подвергаетъ критическому разбору мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что солнце питается влажнымъ и для этого, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ нихъ, совершаетъ свои повороты по мѣрѣ оскуднѣнія влаги на своемъ пути; при этомъ, конечно, предполагалось ими, что солнце привлекаетъ къ себѣ влагу въ формѣ испареній¹⁾. Александръ, разъясняя ученіе о поворотахъ солнца тѣхъ философовъ, о которыхъ Аристотель упоминаетъ въ *Meteor.* II, 1, и въ которыхъ онъ

вверхъ, *ibid.* 563, 19—20 Hippol.: τὸν μὲν [ἀέρα] ἄνω φέρεσθαι, и разбрасываютъ часть боковой раскаленной массы на далекія пространства, расширяя такимъ образомъ объемъ міра (Аристотелевское τὸν δλον οὐρανὸν αὐξηθῆναι). Такъ въ центрѣ остается лишь основа земли въ собственномъ смыслѣ. (Можетъ быть, извѣстіе о центральномъ образованіи свѣтила лежитъ въ основаніи страннаго и явно ошибочнаго показанія Епиклема объ Архелая: *Dox. Diels.* 590, 2—3: Ἐκ γῆς τὰ πάντα λέγει γεγενῆσθαι· αὐτὴ γάρ ἀρχὴ τῶν δλων ἐστίν, ὡς φησι). Отдалившіяся отъ боковыхъ частей земли большія свѣтила отбрасываются *отъ стороны*, и процессъ ихъ пращанія въ началѣ совершается *параллельно земной поверхности*, такъ какъ указывается какъ на особый фактъ (*ibid.*, 563, 24—25) ἐπικλιθῆναι δὲ τὸν οὐρανὸν, καὶ οὕτως τὸν ἥλιον ἐπὶ τῆς γῆς ποιῆσαι φῶς κτλ., который, вѣроятно, совершился подъ вліяніемъ продолжающагося образованія воздуха по сторонамъ земли; болѣе отвердѣвшіе и высокіе бока центральнаго тѣла и болѣе углубленная впадина происшедшихъ испареній его жидкая поверхность даютъ ему видъ тѣхъ λίμνης (*ibid.* 25—27: λίμνην γάρ εἶναι τὸ πρῶτον, ἀτε κύκλῳ μὲν ὄσαν ὑψηλήν, μέσον δὲ κοίλην); послѣ наклона неба оно постепенно осушается падающимъ на поверхность его свѣтомъ солнца, хотя просачивающагося сквозь отвердѣвшіе слои вода даетъ все же существованіе морю. (*Diog. L.* 37, 21—22: τὴν δὲ θάλατταν ἐν τοῖς κοίλοις διὰ τῆς γῆς ἡθουμένην συνεστάναι). Такъ, по видимому, мы можемъ представить себѣ космогоническій процессъ у Архелая.

¹⁾ Arist. *Meteor.* II, 2, 354 кон.—355: διὸ καὶ γελοιοὶ πάντες, ὅσοι τῶν πρότερον ὑπέλαβον τὸν ἥλιον τρέφεσθαι τῷ ὑγρῷ, καὶ διὰ τοῦτ' ἐνίοι γέ φασι καὶ ποιέσθαι τὰς τροπὰς αὐτόν· οὐ γάρ ἐστι τοὺς αὐτοὺς δύνασθαι τόπους παρασκευάζειν αὐτῷ τὴν τροφήν τὸ δ' ὑγρὸν τῷ κυρίῳ τροφήν εἶναι μόνον, ὥσπερ ἀφικνούμενον μέχρι πρὸς τὸν ἥλιον τὸ ἀναγόμενον τοῦ ὑγροῦ κτλ.

на основаніи свидѣтельства Теофраста видитъ Анаксимандра и Діогена Аполлонійскаго, выражается такъ, что едва ли можно удержаться отъ предположенія, что онъ толкуетъ ученіе этихъ философовъ именно въ смыслѣ того мнѣнія, которое въ *Meteor.* II, 2, опровергаетъ Аристотель. Говоря, что солнце и луна совершаютъ повороты, по этому ученію, διὰ τὰς ἀτρίδας и τὰς ἀναθυμιάσεις, онъ прибавляетъ, что они вращаются около тѣхъ мѣстъ, гдѣ ἡ ταύτης (то-есть, жидкости) αὐτοῖς χορηγία γίνεται¹⁾. Но Аристотель очень ясно отличаетъ лицъ, держащихся критикуемаго имъ мнѣнія о питаніи солнца испареніями, отъ философовъ, учившихъ о происхожденіи воздуха изъ влажности и о жидкомъ состояніи земли. Переходя отъ первыхъ ко вторымъ, онъ

¹⁾ *Dux. Diele*, 494, 5—8: τὰ πρῶτα τῆς ὑγρότητος ἀπὸ τοῦ ἡλίου ἐξατμίζεσθαι καὶ γίνεσθαι [τὰ] πνεύματά τε ἐξ αὐτοῦ (Usener, ἐξ αὐτῆς) καὶ τροπὰς ἡλίου τε καὶ σελήνης, ὡς διὰ τὰς ἀτρίδας ταύτας καὶ τὰς ἀναθυμιάσεις κακείνων τὰς τροπὰς ποιούμενων, ἔνθα ἡ ταύτης αὐτοῖς χορηγία γίνεται περὶ ταῦτα τροπομένων. *Heiberguser*, *Anax.* M. 404—405, даетъ другой смыслъ этому мнѣнью, онъ переводитъ его такъ: некоторые мыслятъ: в natura humida ventos oriri hincque solis et lunae conversiones per circulum eclipticum (τὰς τροπὰς) effici, ea utentes ratione (ὡς), quod quoniam illae stellae conversiones faciunt circa ea ipsa loca, ubi maxima naturae humidae copia sit (περὶ ταῦτα τροπομένων ἔνθα . . .), propter ipsos huius naturae vapores putandae sint conversiones facere. После этого перевода словъ Анаксандра *Heiberguser* считаетъ возможнымъ даже растолковать на основаніи ихъ мнѣніе Анаксимандра въ томъ смыслѣ (407), что солнце всегда стремится в bruma ad solstitium, но когда приближается къ этой послѣдней точкѣ отклоняется постепенно назадъ (ad brumam) вѣтрами, происходящими вслѣдствіе испареній моря отъ солнечнаго зноя. Само собою понятно, что подобное толко, ваніе есть гипотеза, которая, по крайней мѣрѣ въ словахъ Анаксандра, не можетъ найдти для себя ни малѣйшей опоры. Что касается самаго *Heiberguser*ова перевода этихъ словъ, который даетъ возможность толковать ихъ не въ смыслѣ теоріи погдощенія солнцемъ испареній, то мнѣ кажется, что, еслибы *Heiberguser* при своемъ переводѣ не замѣнилъ ермы подлинника „присходить какъ вѣтры, такъ и повороты“ другою еразой „изъ вѣтровъ происходятъ повороты“, а особенно, еслибы онъ не опустилъ вовсе αὐτοῖς передъ χορηγία, вслѣдствіе чего слово copia, которымъ онъ переводитъ χορηγία, получило у него значеніе просто обилія, безъ отношенія къ пользованію со стороны другаго предмета, то ему едва ли было бы удобно лишити слова Анаксандра того смысла, который, по видимоу, достаточно ясно просвѣчиваетъ въ нихъ. Слѣдуетъ прибавити, что точнасть за ирведенными словами Анаксандръ говорить о морѣ какъ *остаткѣ жидкости* и о постепенной дальнѣйшей его убыли, и затѣмъ, сославшись на свидѣтельство Теофраста, что такого мнѣнія держались Анаксимандръ и Діогенъ, разъясняетъ, что Діогенъ считалъ причиною соленнаго вкуса моря *привлеченіе солнцемъ сладкихъ элементовъ* изъ него (ἀνάγοντος τοῦ ἡλίου τὸ γλυκὸν): нужно ли и здѣсь видѣть только вѣтры?

говорить: „но одинаково неразумно поступаютъ эти, какъ и тѣ, которые утверждаютъ, что когда земля находилась въ жидкомъ состояніи“¹⁾ и пр. Ясно, что, если Анаксимандръ и Диогенъ дѣйствительно объясняли повороты солнца такъ, какъ, по видимому, разъясняютъ ихъ ученіе Александръ²⁾, то ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкаго и пр. къ нимъ не относится. Если же они такъ не учили, то все же будетъ слѣдовать отсюда, что Александръ, приписывающій имъ это ученіе, не имѣлъ точнаго представленія о космогоническомъ процессѣ у нихъ, а слѣдовательно, не подтвержденное другими свидѣтельствами его мнѣніе по этому вопросу значенія имѣть не можетъ. Приписать Анаксимандру ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкости подѣ влияніемъ солнечной теплоты едва ли было бы удобно въ виду свидѣтельства Plut. Strom., по которому, самое выдѣленіе огненной сферы, изъ которой должны образоваться всѣ небесныя свѣтила, уже предполагало у Анаксимандра существованіе сферы воздушной, вокругъ которой огненная сфера обвивается³⁾. И сомнительно, чтобы Аристотель, если взгляды, о которомъ онъ говоритъ въ Meteor. II. 1, одинъ и тотъ же со взглядомъ, упоминаемымъ имъ въ II. 2, не указалъ въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, на ученіе о происхожденіи воздуха изъ жидкости, какъ на одну изъ характеристическихъ его чертъ, такъ какъ эта черта не только важна сама по себѣ, но и составляетъ между прочимъ предметъ его критики въ той же Meteor. II. 2⁴⁾.

Такимъ образомъ мы не имѣемъ сколько-нибудь твердыхъ оснований предполагать, чтобы, по мнѣнію Анаксимандра, земля и воздухъ выдѣлялись изъ перваго элемента чрезъ посредство жидкаго, и еще менѣе имѣемъ оснований превращать теплое въ холодное въ перво-жидкое и смотрѣть на послѣднее, какъ на всеединный элементъ, изъ котораго затѣмъ выдѣляется даже и огненная стихія. Обособившаяся для образованія нашего міра часть безконечнаго, то, что въ Plut.

¹⁾ Arist. Meteor. II. 2. 355, a. 21: Τὸ δ' αὐτὸ συμβαίνει καὶ ποῦτος ἀέρον καὶ τοῖς φάσκειν τὸ πρῶτον ἄρῃς ὀψὲς κτλ.

²⁾ Cellery, Phil. d. Gr. 1, 208, № 3; совершенно справедливо находить, что нельзя съ увѣренностію утверждать, что земля Александра на Юго-востоку проецируется и на это объясненіе, а не касается только взгляда на море какъ на остатокъ жидкости, постепенно испаряющейся.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ 355, 25—32.

Strom, названо τὸ ἀκ αἰθίου γόνιμον θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν ¹⁾, конечно, было у него единственнымъ субстратомъ, единственнымъ основнымъ элементомъ міровой жизни; какъ τὸ γόνιμον θερμὸν этотъ субстратъ выдѣлялъ огненную кору міра; какъ τὸ γόνιμον ψυχρὸν онъ долженъ былъ выдѣлить все, обнимавшееся понятіемъ холоднаго. И строго держась вышензложенныхъ извѣстій о космическомъ процессѣ у Анаксимандра, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, мы должны заключить, что выдѣленіе для него не было только абстрактнымъ терминомъ, которымъ обозначалось бы лишь въ отвлеченномъ мышленіи отношеніе вообще между безконечнымъ и конечнымъ и который стоялъ бы въ шаткой и неопредѣленной связи съ конкретнымъ описаніемъ мірообразовательнаго процесса. Идея выдѣленія, очевидно, проводилась имъ послѣдовательно и настоятельно даже въ подробностяхъ, къ сожалѣнію, лишь отрывочно извѣстной намъ его космогоніи.

Общій взглядъ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго.

Если Анаксимандръ пользовался понятіемъ выдѣленія какъ въ ученіи вообще о происхожденіи всего производнаго бытія изъ бытія первоначальнаго, такъ и въ разъясненіи частныхъ мірообразовательныхъ процессовъ, то онъ долженъ былъ предполагать, что его безконечное какимъ-то образомъ искони содержитъ, заключаетъ въ себѣ то разнообразіе качественностей, изъ котораго состоитъ міръ. Единственнымъ два свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго, въ которыхъ прямо называется Анаксимандръ по имени, если повяты ихъ правильно, содержатъ въ себѣ именно эту мысль, только дополняя ее другою мыслью, что существованіе въ безконечномъ разнообразія не препятствовало ему быть единымъ. Сказать иначе, по этимъ свидѣтельствамъ, безконечное не было чистымъ множествомъ, оно было единымъ, способнымъ только разлагаться на многое и, слѣдовательно, какимъ-то образомъ совмѣщающимъ его въ себѣ.

Поставивъ въ началѣ второй главы первой книги физики вопросъ, одно ли начало (αρχή) или ихъ нѣсколько, и если одно, то неподвижное ли, какъ говорили элеаты, или подвижное, какъ утверждали физики монисты, а если нѣсколько, то сколько ихъ именно и каковы

¹⁾ Съ разъясненіемъ этого термина мы будемъ имѣть дѣло далѣе.

они, Аристотель, опровергнувъ затѣмъ мнѣніе элеатовъ, переходитъ къ взглядамъ физиковъ и говоритъ (начало четвертой главы): «Физики разсуждаютъ двояко. Именно одни, принявъ существующее за единое тѣло въ смыслѣ субстрата, за одну какую-нибудь изъ трехъ стихій (разумѣются огонь, воздухъ и вода, такъ какъ землю за единственное начало никто не принималъ) или за нѣчто другое, что плотнѣе огня, но тоньше воздуха, остальное порождаютъ, производя (изъ единого) многое чрезъ разрѣженіе и уплотненіе, а разрѣженіе и уплотненіе суть противоположности, вообще избытокъ и недостатокъ... Другіе же (говорятъ), что изъ единого видѣляются существующія въ немъ противоположности, какъ утверждаетъ Анаксимандръ, а также (говорятъ такъ) и тѣ, которые принимаютъ бытіе единого и многого, какъ Эмпедоклъ и Анаксагоръ, такъ какъ изъ смѣшенія видѣляютъ остальное и они¹⁾».

Изъ словъ Аристотеля прежде всего ясно, что среди физиковъ онъ различаетъ двѣ группы: *οἱ μὲν... οἱ δέ*. У этихъ группъ ясно предполагаются нѣкоторыя общія черты, которыя состоятъ: 1) въ признаніи обѣими группами нѣкотораго единства первоначальнаго бытія: о философахъ, относящихся къ первой группѣ, ясно говорится, что они *ἐν ποιήσαντες τὸ ἐν σῶμα τὸ ὑποκειμένον*; о философахъ, относящихся ко второй, во всякомъ случаѣ утверждается, что они видѣляютъ остальное *ἐκ ἐνός*; 2) въ признаніи также обѣими группами нѣкоторой множественности равно первоначальной: эта множественность у однихъ состоитъ въ противоположностяхъ разрѣженія и уплотненія, у другихъ—въ противоположностяхъ, видѣляемыхъ ими изъ единого. Различіе группъ ставится собственно въ томъ, что множественность или противоположности у однихъ не составляютъ самаго содержанія единого; онѣ представляютъ собою только различныя его состоянія или формы, въ которыхъ дано одно и то же содержаніе, которое, принимая это различіе формы, само является вслѣдствіе того въ различномъ видѣ, изъ единого дѣлаясь многимъ; у другихъ, на оборотъ, противоположности составляютъ какимъ-то образомъ самое содержаніе единого, такъ что оно видѣляетъ ихъ изъ себя;

¹⁾ Ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσὶν οἱ μὲν γὰρ ἐν ποιήσαντες τὸ ἐν σῶμα τὸ ὑποκειμένον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὃ ἐστὶ πυρὸς μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, τὰλλα γενῶσι πυκνότητι καὶ μονότητι, πολλὰ ποιοῦντες, τὰρτα δ' ἐστὶν ἐναντία, καθόλου δ' ὑπεροχὴ καὶ ἔλλειψις... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὡς περ Ἀναξίμανδρος φησι καὶ ἕσοι δ' ἐν καὶ πολλὰ φασὶ εἶναι, ὡς περ Ἐμπεδокλῆς καὶ Ἀναξαγόρας: ἐκ τοῦ μίγματος γὰρ καὶ οὗτοι ἐκκρίνουσι τὰλλα.

отсюда и самое происхождение остального бытія характеризуется у однихъ какъ порожденіе, производящее множественность (*τάλλα γεννῶσι πολλὰ ποιοῦντες κοινότητι κτλ.*), у другихъ оно есть простое выдѣленіе изъ единого того, что уже существуетъ въ немъ ¹⁾. Ко второй группѣ отнесенъ Аристотелемъ Анаксимандръ. Слѣдовательно, Аристотель утверждаетъ объ Анаксимандрѣ, что онъ за начало признавалъ единое, въ которомъ, однако, предполагается искони содержащимся многое.

Но этимъ не ограничивается все, что можно извлечь изъ словъ Аристотеля. Ко второй группѣ тотчасъ же Аристотель присоединяетъ новую фракцію философовъ, признающихъ началами единое и многое (*οἱ δὲ... καὶ ἕσσι...*); и отношеніе, которое устанавливается Аристотелемъ между этою фракціей и Анаксимандромъ, если всмотрѣться въ него внимательнѣе, дѣлаетъ яснѣе взглядъ Аристотеля на самое безконечное Анаксимандра. По наиболѣе принятому толкованію этого мѣста, Эмпедоклъ и Анаксагоръ, которые разумѣются Аристотелемъ подъ *ἕσσι ἐν καὶ πολλὰ φασι εἶναι*, сближаются здѣсь съ Анаксимандромъ только въ понятіи *ἐκχρίνεσθαι*. Но съ этимъ толкованіемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться. У тѣхъ, которые опредѣляются какъ *ἕσσι κτλ.*, нѣтъ своего предиката, чрезъ *καὶ* они соединены съ *οἱ δὲ*, и къ нимъ, слѣдовательно, отнесенъ тотъ предикатъ, который приписанъ *οἱ δὲ*, а о *οἱ δὲ* сказано, что, по ихъ ученію, изъ единого выдѣляются существующія въ немъ противоположности. Далѣе, если Эмпедоклу и Анаксагору въ этихъ словахъ Аристотеля приписывается ученіе только о выдѣленіи противоположностей или о выдѣленіи ихъ изъ смѣшенія въ смыслѣ безпорядочнаго соединенія разнородныхъ частицъ, то спрашивается, почему Аристотель, говоря здѣсь о *δύο τρόποι* разсужденій физиковъ вообще, не упоминаетъ объ атомистахъ, хотя въ слѣдующей же главѣ говоритъ о признаніи ими противоположностей, а въ *De coel.* III. 7 b. нач. и въ *Phys.* II. 4. 196. a. 24 (слич. *Simpl. in Phys.* 381. 16—25) усволяетъ имъ и *τὴν κίνησιν τὴν διακρίνασαν*? Это умолчаніе объ атомистахъ можно объяснить только тѣмъ, что Ари-

¹⁾ Терминъ *γεννῶν* Аристотель часто употребляетъ для обозначенія вообще возникновенія, какимъ бы способомъ оно ни происходило, но здѣсь этотъ терминъ соединенъ съ *ποιοῦντες πολλὰ* и въ этомъ соединеніи употребленъ лишь о первой группѣ, а во второй ему ясно противопоставлено выдѣленіе *уже существующаго* въ единомъ; и если терминъ выдѣленіе непосредственно противопоставляется термину разрѣшенія и слотненія, то усиливашщая понятіе выдѣленія прибавка *ἐν ἑαυτῷ*, очевидно имѣетъ себя соотвѣтствіе въ *γεννῶσι, ποιοῦντες πολλὰ*.

стотель говоритъ не просто о выдѣленіи противоположностей, а о выдѣленіи изъ единого, чего, конечно, ни въ какомъ смыслѣ они не могъ приписать атомистамъ, такъ какъ они слишкомъ ясно и рѣшительно наставляли на томъ, что οὐτ' ἐξ ἑνός· πολλά γίνεσθαι, οὐτε ἐκ πολλῶν ἔν, ἀλλὰ τῇ τοῦτων συμπλοκῇ καὶ περιπέσει πάντα γενέσθαι ¹⁾). Наконецъ, приписаніе плюралистамъ Эмпедоклу и Анаксагору ученія объ единомъ стоитъ въ очевидномъ соотвѣствіи съ приписаніемъ въ тѣхъ же словахъ Аристотеля монистамъ, признававшимъ за начало огонь или воздухъ и пр. под., ученія о противоположностяхъ; уплотненіи и разрѣженіи, которыя тотчасъ же называются даже началами ²⁾). Въ цѣломъ, обвиняющемъ нѣсколько главъ, разсужденіи о началахъ, къ которому относятся разбираемыя нами слова Аристотеля, онъ имѣетъ въ виду доказать, что къ началамъ относятся противоположности, но, что въ то же время необходимо принять и единый субстратъ. По обычаю своему обращаясь при доказательствѣ своего взгляда къ оцѣнкѣ взглядовъ своихъ предшественниковъ, Аристотель при этой оцѣнкѣ въ рѣшительный антагонизмъ становится только съ ученіемъ элеатовъ объ единомъ и неподвижномъ бытіи, которое не представляло точекъ соприкосновенія съ его ученіемъ. Ученія же физиковъ, хотя и при самой постановкѣ вопроса о началахъ ³⁾, и въ разбираемомъ мѣстѣ ⁴⁾ Аристотель ясно различаетъ между ними монистическія и плюралистическія, очевидно намѣренно характеризуются имъ такъ, что ясно видѣны у нихъ наклонъ къ его собственному взгляду. Этимъ объясняется упоминаніе о разрѣженіи и уплотненіи при характеристикѣ монистовъ, которое даетъ Аристотелю возможность при разъясненіи своего собственного ученія о противоположностяхъ сослаться на общее согласіе въ признаніи противоположностей началами ⁵⁾). Отсюда же должно было возникать и обрат-

¹⁾ Arist. de coel. III. 4. 303. а. 6--8.

²⁾ Phys. I. 5, нач.: πάντες δὲ τάναντία ἀρχὰς ποιῶσιν, οἱ τε λέγοντες, ὅτι ἐν τῷ πάν... καὶ οἱ μανὸν καὶ πυκνόν.

³⁾ Ibid., 2, нач.: Ἀνάγκη δ' ἦτοι μίαν εἶναι τὴν ἀρχὴν ἢ κλείους, καὶ εἰ μίαν, ἦτοι ἀκίνητον, ὡς φησι Παρμενίδης καὶ Μέλισσος, ἢ κινουμένην ὡς περ οἱ φυσικοί, οἱ μὲν ἀέρα φάσκοντες εἶναι οἱ δ' ἄσπερ τὴν πρώτην ἀρχὴν· εἰ δὲ κλείους, ἢ πεπερασμέναν ἢ ἀκείρους· κτλ.

⁴⁾ Ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν ὅμα τὸ ὑποκείμενον ἢ ἐν καὶ πολλά φησι εἶναι.

⁵⁾ См. вышеприв. цит. Phys. I. 5. нач. Тотчасъ затѣмъ разъяснившъ то же на Демокритѣ, Аристотель говоритъ, что μὲν οὖν τάναντίαι πως πάντες ποιῶσι τὰ ἀρχὰς, δῆλον καὶ τοῦτο εὐλόγως· κтл.

ное стремление искать, гдѣ это возможно, и у плюралистовъ единого, изъ котораго выдѣлялись бы противоположности. Такъ дѣлается понятнымъ отнесеніе къ Анаксагору и Эмпедоклу ученія о выдѣленіи всего изъ единого. Но такъ какъ все же не у всѣхъ плюралистовъ это можно было найти, то при дальнѣйшемъ разъясненіи своего ученія объ единствѣ вещества Аристотель на общее согласіе физиковъ сослаться уже не можетъ, поэтому тамъ онъ предпочитаетъ указать лишь на тѣхъ, которые ясно и рѣшительно проводили монизмъ¹⁾; однако отсюда отнесеніе къ Эмпедоклу и Анаксагору ученія ἐκ ἑνὸς ἐνομοίας τὰς ἐναντιότητας ἐκχρίνεται не теряетъ своего значенія даже для разъясненія имъ своего ученія; это значеніе чувствуется въ томъ, что доказывая единство субстрата, онъ, въ виду указанной имъ почти общей тенденціи физиковъ къ монизму, не поднимаетъ полемики противъ чистаго плюрализма, подобно тому, какъ доказывая свое ученіе о противоположностяхъ, онъ ограничивается полемикой лишь противъ слишкомъ значительнаго увеличенія числа ихъ и не входитъ въ критическое разсмотрѣніе ученія объ единомъ ἀρχή, имъ же самимъ (въ началѣ всего изслѣдованія) приписаннаго нѣкоторымъ физикамъ. Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Аристотель переноситъ приписанное имъ Анаксимандру ученіе на Эмпедокла и на Анаксагора. Но въ этомъ же самомъ мѣстѣ не менѣе ясно онъ даетъ понятъ и различіе, которое, по его мнѣнію, существуетъ между первымъ и послѣдними. Анаксимандру онъ приписываетъ ученіе о выдѣленіи всего изъ единого прямо безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій (ἄσκησιν Ἀναξίμανδρος φησι): присоединяя же къ Анаксимандру Анаксагора и Эмпедокла, онъ считаетъ необходимымъ привести особое основаніе, которое уполномочиваетъ отнести то же ученіе и къ нимъ (ἐκ μίμντος γὰρ κτλ.). Это значитъ, что оно не дано въ ихъ системахъ такъ прямо и ясно, какъ дано въ системѣ Анаксимандра, и можетъ быть отнесено къ нимъ лишь на основаніи косвенныхъ соображеній. Съ другой стороны, присоединяя ихъ къ Анаксимандру, онъ характеризуетъ ихъ какъ ὅσοι ἐν καὶ πολλὰ φασί εἶναι. Эта характеристика, очевидно, напоминаетъ, что при самой установкѣ вопроса о числѣ началъ, они отнесены были къ философамъ, признававшимъ не одно, а многія начала; такъ какъ она стоитъ въ видимомъ противорѣчій съ усвоеннымъ теперь имъ ученіемъ о выдѣленіи изъ единого, то она какъ бы указываетъ на тотъ поводъ, который застав-

¹⁾ Ibid. I. b. 189. b. нач.

леть Аристотеля не ограничиваться простымъ перенесеніемъ этого ученія съ Анаксимандра на Эмпедокла и Анаксагора, а разъяснить основанія своей мысли. Какъ Эмпедоклъ, такъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣнимость отличныхъ другъ отъ друга по природѣ элементовъ, первый—извѣстныхъ четырехъ стихій, второй—безчисленныхъ такъ называемыхъ гомиомерій. Вещество, такимъ образомъ, было у нихъ не единымъ, а многимъ, κολλά. И Аристотель, когда преслѣдуетъ критическую цѣль—разъяснить недостатки ученій своихъ предшественниковъ и точнѣе отличить ихъ взгляды отъ своего собственнаго, всегда характеризуетъ вещество Эмпедокла и Анаксагора какъ κολλά¹⁾. То единство, которое онъ можетъ признать за этимъ разнороднымъ веществомъ есть лишь единство непрерывности, въ какой разнородные элементы или мельчайшія частицы ихъ лежатъ другъ за другомъ. О веществѣ Анаксагора самъ Аристотель достаточно ясно говоритъ намъ, что его безчисленныя начала могутъ представлять собою (единое) безконечное только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, какъ συνεχές ἀφή²⁾. Но συνεχές вообще, правда, Аристотель причисляетъ къ формамъ единства, но оно для него уже близко къ многому; и когда онъ видитъ въ τὸ συνεχές единое, онъ соединяетъ, очевидно, съ этимъ терминомъ представление о связи, соединяющей многое и преимущественно зависящей отъ

¹⁾ Въ извѣстномъ историко-критическомъ обзорѣ предшественниковъ въ первой книгѣ Метафизики, с. 3. 984. а. 8 — 13, Аристотель говоритъ: 'Εμπειδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα ... Ἀναξαγόρας δὲ ὁ Κλαζομένιος... ἀκείρους εἶναι φησι τὰς ἀρχάς; слово ἀρχή здѣсь можно замѣнить и словомъ φύσις, такъ какъ выше было сказано о всѣхъ эвникахъ, 983. b. 17—18, δεῖ γὰρ εἶναι τινα φύσιν μίαν ἢ κλειούς μίαν, ἐξ ὧν γίνεται τὰλλα σωζομένης ἐκείνης. Въ Gen. et corr. II. 1. 329. а. нач. Эмпедоклъ причисляется къ тѣмъ, которые τὴν ὑποκειμένην δὴν признаютъ πλείω τὸν ἀριθμὸν ἑνός. Безчисленныя τὰ ὁμοιομερῆ Анаксагора критически обсуждаются какъ безчисленныя стихіαι въ De coel. III. 4 и пр. и. Вообще, говоритъ ли Аристотель обще о началахъ, или частіяхъ и опредѣленіе о стихіяхъ, δλην и пр., всегда онъ рассматриваетъ вещество Анаксагора и Эмпедокла, если хочетъ передать точный смыслъ ихъ ученія, какъ многое, и въ этомъ видитъ его отличие отъ вещества древнѣйшихъ эвниковъ.

²⁾ Phys. III. 4. 203. а. 19—23: δύοι δ' ἄκείρα... ποιούσι τὰ στοιχεῖα, καθάπερ Ἀναξαγόρας καὶ Δημόκριτος, ὁ μὲν ἐκ τῶν ὁμοιομερῶν, ὁ δ' ἐκ τῆς παντοκρμίας τῶν σχημάτων, τῇ ἀφῆ συνεχές τὸ ἄκείρον εἶναι φασίν. Ibid. 5. 205. а. 20—21: εἰ δ' ἀνόμοιον τὸ πᾶν, ἀνόμοιοι καὶ οἱ τόκοι· καὶ πρῶτον μὲν οὐχ ἓν τὸ σῶμα τοῦ παντός ἀλλ' ἢ τῶ ἀκτεσθαι. И по сличенію съ предш. цит., и по упоминанію имени Анаксагора дажѣ въ порядкѣ мыслей, начинающемся этими словами, ясно, что здѣсь также разумѣется онъ (можетъ быть, также видѣтъ съ Демокритомъ).

природы, а за тѣмъ и отъ искусства, и считаетъ входящимъ въ него представленіе объ единствѣ движенія; а поэтому непрерывность исключительно по соприкосновенію онъ готовъ совсѣмъ не причислять къ единству въ субстанціальномъ смыслѣ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія Аристотель поступаетъ совершенно послѣдовательно, когда онъ тамъ, гдѣ называетъ вещество Анаксагора (вмѣстѣ съ веществомъ Демокрита) безконечнымъ только вслѣдствіе непрерывности по соприкосновенію, отдѣляетъ Анаксагора отъ признающихъ (единое) безконечное и характеризуетъ, какъ принимающаго не безконечное, а безчисленныя стихіи ²⁾. Аристотель въ системахъ Эмпедокла и Анаксагора знаетъ и единое въ собственномъ смыслѣ, но этимъ единымъ признается имъ не вещество, а мірообразовательное начало, ἡ φιλία γ

¹⁾ Phys. I. 2. 185. b. 9—11: εἰ μὲν τοίνυν συνεχές, πολλὰ τὸ ἐν εἰς ἀπειρον γὰρ διαίρετόν τὸ συνεχές. Metaph. V. 6. 1015. b. 36—1016. a. 8: τῶν δὲ καθ' ἑαυτὰ ἐν λεγομένων τὰ μὲν λέγεται τῷ συνεχῆ εἶναι, οἷον φάκελλος θεσμῶ και ξύλα κόλλη, και γραμμὴ κἄν κεκαμμένη ἤ, συνεχῆς δὲ, μία λέγεται, ὡσπερ και τῶν μερῶν ἕκαστον, οἷον σκέλος και βραχίον. αὐτῶν δὲ τούτων μᾶλλον ἐν τὰ φύσει συνεχῆ ἢ τέχνη. συνεχές δὲ λέγεται, οὐ κίνησις μία καθ' αὐτό και μὴ οἷον τε ἄλλως..., καθ' αὐτὰ δὲ συνεχῆ ὅσα μὴ ἀφ' ἑν' εἰ γὰρ θείης ἀκτόμενα ἀλλήλων ξύλα, οὐ φήσεις ταῦτα εἶναι ἐν, οὔτε ξύλον οὔτε σῶμα, οὔτ' ἄλλο συνεχές οὐθέν.

²⁾ Разъясняя мнѣніе о безконечномъ Платона и Пиеагорейцевъ, Аристотель, Phys. III. 4. 203. a. 16—23, продолжаетъ: οἱ δὲ περὶ φύσεως ἅπαντες αἰεὶ ὑποτιθέασιν ἑτέραν τινὰ φύσιν τῷ ἀκείρῳ τῶν λεγομένων στοιχείων, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, ἢ τὸ μεταξὺ τούτων. (Упаваніе на признающихъ τὸ ἀκείρον въ собственномъ смыслѣ, то-есть, единое безконечное этими словами окончено; далѣе съ частицею δὲ слѣдуетъ упоминаніе объ остальныхъ еизикахъ, которые уже не даютъ въ собственномъ смыслѣ единого безконечнаго, а говорить о стихіяхъ, которыя ограничены или неограничены по числу, и это упоминаніе соединено съ разъясненіемъ, что въ известномъ относительномъ смыслѣ мысль о τὸ ἀκείρον можетъ быть приписана и признающимъ безчисленнымъ стихіямъ). τῶν δὲ πεπερασμένα ποιούντων στοιχεῖα οὐδεὶς ἀπειρα ποιεῖ· ὅσοι δ' ἀπειρα и т. д., см. выше. Причисленіе Демокрита съ его πλυσκαρμία τῶν σχημάτωνъ къ признающимъ τὸ ἀκείρον τῇ ἀφ' ἑνὸς συνεχές, не смотря на ясное свидѣтельство самого же Аристотеля въ De coel. I. 7. 275. b. 29—30: εἰ δὲ μὴ συνεχές τὸ κἄν ἄλλ' ὡσπερ λέγει Δημόκριτος και Λεύκιππος, διαρισμένα τῷ κινῶ, μίαν κτλ., объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что Аристотель хочетъ сказать, что для признающихъ ἀπειρα στοιχεῖα возможно только безконечное въ смыслѣ непрерывности, какъ это ясно въ приведенномъ выше параллельномъ мнѣтѣ, Phys. III. 5. 205. b. 20—21. Но это же присоединеніе Демокрита къ Анаксагору доказываетъ также, что τὸ ἀκείρον въ разсужденія о безконечномъ въ Phys. приписывается Анаксагору лишь въ относительномъ смыслѣ, такъ какъ говорить о πλυσκαρμία τῶν σχημάτωνъ Демокрита какъ о безконечномъ, конечно, можно лишь въ относительномъ смыслѣ, хотя бы дѣло шло даже не о действительномъ, а о возможномъ только мнѣніи.

Эмпедокла, ὁ νοῦς у Анаксагора ¹⁾). Но ἡ φύσις и ὁ νοῦς были у нихъ обособлены отъ вещества. Поэтому, когда Аристотель въ разсуждаемомъ нами мѣстѣ говоритъ: καὶ ἄρα δ' ἐν καὶ πολλὰ φασι εἶναι, это значитъ: а также и тѣ, которые признаютъ, что особо существуетъ единое и особо многое, то-есть, которые, обособляя отъ вещества единое, дѣлаютъ его чистымъ множествомъ, а потому, казалось бы, никакимъ образомъ не могутъ учить выдѣленію изъ единого. Отсюда мы можемъ уже сдѣлать нѣкоторый выводъ о взглядѣ Аристотеля на Анаксимандрово безконечное. Если Аристотель не считаетъ нужнымъ особо мотивировать усвоеніе ему ученія о выдѣленіи изъ единого, какъ это дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ Анаксагору и Эмпедоклу; если самое ученіе о существованіи ἐν καὶ πολλὰ, которое разъясняетъ поводъ къ этому особому мотивированію, ставится имъ какъ характеристическая черта взглядовъ Анаксагора и Эмпедокла въ ихъ различіи отъ Анаксимандрова взгляда, то ясно, что у Анаксимандра онъ не видитъ ученія о вѣчномъ существованіи неизмѣнныхъ по своей природѣ разнообразныхъ элементовъ, какое видитъ у Анаксагора и Эмпедокла. Поэтому составлять понятіе о безконечномъ первомъ по аналогіи съ понятіемъ о веществѣ у послѣднихъ было бы, очевидно, явной ошибкой ²⁾). Но послѣдуемъ за Аристотелемъ далѣе. Въ чемъ же именно видитъ онъ возможность устранить то затрудненіе, которое во взглядахъ Анаксагора и Эмпедокла, по видимому, препятствуетъ перенести на нихъ Анаксимандрово ученіе о выдѣленіи всего изъ единого? Онъ видитъ ее въ понятіи смѣшенія: „ибо и они“, говоритъ онъ,—„выдѣляютъ изъ смѣшенія“. Несомнѣнно, Анаксагоръ предполагаетъ смѣшеніе вещества до начала міробразовательной дѣятельности ума ³⁾). У Эмпедокла, признававшего вѣчную періодическую смѣну то объединенія всего любовью, то разъединенія ненавистью, процессъ объединенія также называется

¹⁾ Metaph. X. 2. 1053. b. 15—16. Ibid. I. 8. 989. b. 17.

²⁾ Ritters, Gesch. d. Phil. I. 276—277, находилъ родство между Анаксимандровымъ представленіемъ о безконечномъ и представленіемъ древнихъ о хаосѣ; то же *Тейслюллеръ*, Stud. z. Gesch. d. Begr. 54 и 56; послѣдній, ibid. 53, видитъ различіе между безконечнымъ Анаксимандра и веществомъ Анаксагора лишь въ томъ, что въ первомъ ингредиентами служатъ стихіи, во второмъ гомоіомерія.

³⁾ Simpl. in Phys. 156. 4—6: πρὶν δὲ ἀποκριθῆναι, φησι (Ἀναξαγόρας), πάντων ὁμοῦ ἕοντων οὐδὲ χρῆσθ' ἐνθ' ἕλος ἦν οὐδὲ μίαν ἀπεκάλυε γὰρ ἡ σύμμιξις πάντων χρημάτων τοῦ τε διερῶ καὶ τοῦ ξηροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ καὶ τοῦ ψυχροῦ κτλ.

смѣшеніемъ ¹⁾). Но Аристотель въ Gen. et cogg. анализируетъ понятіе смѣшенія и находитъ, что только то смѣшеніе можно назвать смѣшеніемъ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ разнородныя вещества на самомъ дѣлѣ соединяются во-едино, образуя вещество всюду однородное въ частяхъ своихъ, въ противномъ же случаѣ смѣшеніе будетъ не на дѣлѣ, а для человѣческаго глаза только ²⁾). Конечно, вѣчные и неизмѣнные въ своей природѣ элементы Эмпедокла и Анаксагора не могли допускать такого внутренняго соединенія, которое давало бы въ результатѣ безусловно однородное вещество. Не удивительно поэтому, что для Аристотеля Анаксагорово ученіе о возникновеніи одного бытія изъ другаго, въ которомъ оно уже содержится, разрѣшается въ ученіе о мельчайшихъ не осязательныхъ для воспріятія частицахъ ³⁾, а ученіе о томъ же Эмпедокла онъ приравниваетъ даже прямо къ Демокриту ⁴⁾, въ которомъ, конечно, ни о какомъ выдѣленіи изъ единого не могло быть и рѣчи. Понятно, что и въ состояніи смѣшенія, какъ это состояніе, по мнѣнію Аристотеля, должны были представлять согласно съ своимъ понятіемъ о вѣчности и неизмѣнности разнороднаго Анаксагоръ и Эмпедоклъ, ихъ вещество не давало права говорить о выдѣленіи изъ единого. И если тѣмъ не менѣе Аристотель приписываетъ имъ ученіе о выдѣленіи изъ единого, ссылаясь на понятіе о смѣшеніи, то это доказываетъ, что дѣло идетъ не о томъ представленіи смѣшенія, къ ко-

¹⁾ Ibid. 161. 18—19 (слова Эмпедокла):

καὶ ἕκαστο μόντοι τὸ τὴν γένεσιν καὶ τὴν φθορὰν μηδὲν ἄλλο εἶναι,
ἀλλὰ μόνον μίξιν τε διάλλαξιν τε μιγέντων.

²⁾ Gen. et cogg. I. 10. 328. a. 10—14: φαμέν δ', εἴπερ δεῖ μεμιχθᾶν τι, τὸ μιχθὲν ὁμοιομερές εἶναι καὶ ὡσπερ τοῦ ὕδατος τὸ μέρος ὕδαρ, οὕτω καὶ τοῦ κραθέντος· ἂν δ' ἢ κατὰ μικρὰ σύνθεσις ἢ μίξις, οὐθέν συμβήσεται τούτων, ἀλλὰ μόνον μεμιγμένα πρὸς τὴν αἰσθησιν.

³⁾ Phys. I. 4. 187. a. 31—b. 1: (Анаксагоръ принималъ безчисленныя стипхи) εἶ: δ' ἐκ τοῦ γίνεσθαι ἐξ ἀλλήλων τάναντία· ἐνοπήρην ἄρα· εἰ γὰρ πᾶν μὲν τὸ γινόμενον ἀνάγκη γίνεσθαι ἢ ἐξ ὄντων ἢ ἐκ μὴ ὄντων, τούτων δὲ τὸ μὲν ἐκ μὴ ὄντων γίνεσθαι ἀδύνατον... τὸ λοιπὸν ἤδη συμβαίνειν ἐξ ἀνάγκης ἐνόμισαν ἐξ ὄντων μὲν καὶ ἐνοπαρχόντων γίνεσθαι, διὰ μικρότητα δὲ τῶν ὄγκων ἐξ ἀναισθητῶν ἡμῶν.

⁴⁾ De coel. III. 7. нач.: πάλιν οὖν ἐπισκεπτέον, τίς ὁ τρόπος τῆς ἐξ ἀλλήλων γενέσεως, πότερον ὡς Ἐμπεδокλῆς λέγει καὶ Δημόκριτος· ἢ ὡς... Οἱ μὲν οὖν περὶ Ἐμπεδокλέα καὶ Δημόκριτον λαμβάνουσιν αὐτοὶ αὐτούς... ἐνοπαρχὸν γὰρ ἕκαστον ἐκρίνεσθαι φασιν, ὡσπερ ἐξ ἀγγείου τῆς γενέσεως οὐσης, ἀλλ' οὐκ ἐκ τινος ὕλης. Въ Gen. et cogg. I. 1. 315. a. 3—8 ученіе Эмпедокла о происхожденіи единого изъ многого и многого изъ единого критикуется какъ прямое противорѣчіе его принципамъ.

тому обывало ихъ ученіе о вѣчности элементовъ. Когда Аристотель ставитъ своею цѣлью не критику мнѣній своихъ предшественниковъ, когда, на оборотъ, у него является стремленіе искать у нихъ наклона къ тому или другому изъ тѣхъ взглядовъ, которые развились лишь позднѣе, и представительницею которыхъ является его собственная система, тогда, естественно, онъ беретъ ихъ мнѣнія не въ томъ видѣ, въ какомъ они могли быть ими послѣдовательно развиты фактически, а со стороны тѣхъ неясныхъ задатковъ къ будущему развитію, которые въ нихъ заключались, хотя бы осуществленіе этихъ задатковъ враждебно сталкивалось съ ихъ же собственными болѣе общими и основными предположеніями ¹⁾. Мы уже видѣли, что разбираемое нами мѣсто представляетъ одинъ изъ случаевъ такого именно отношенія Аристотеля къ своимъ предшественникамъ. На сколько Эмпедоклъ и Анаксагоръ принимали вѣчность и неизмѣнимость разнородныхъ элементовъ, на столько смѣшеніе, о которомъ они говорили, не могло быть *év* и должно было оставаться *κόλλά*. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что въ состояніи вещества, объединеннаго любовью, Эмпедоклъ хотѣлъ видѣть внутреннее объединеніе его: бытіе въ этомъ состояніи онъ называлъ единымъ ²⁾. Несомнѣнно, что и Анаксагоръ хотѣлъ, чтобы въ его веществѣ все было во всемъ ³⁾, то-есть, всѣ безконечно различныя вещества находились въ каждой самонаименнейшей его части; а послѣдовательное проведеніе этой мысли необходимо должно было превратить представленіе объ разнородной смѣси въ представленіе объ однородномъ бытіи, въ которомъ должны слиться во-едино разнородныя качественности, такъ какъ только въ такомъ случаѣ каждая малѣйшая часть малѣйшей части могла бы сколько-нибудь понятно для человѣческой мысли назваться заключающею въ себѣ все безконечное разнообразіе качественностей. Анаксагоръ и Эмпедоклъ, такимъ образомъ, говоря о смѣшеніи, стремились, хотя и въ противорѣчіе своимъ принципамъ, къ тому единому равночастному бытію, къ понятію о которомъ Аристотель сводитъ понятіе о смѣшеніи. И если Аристотель, указывая на смѣшеніе, хочетъ этимъ объяснить возможность приписать имъ выдѣленіе изъ

¹⁾ Напримеръ, въ *Metaph.* I. 8. 989. a. 30—b. 21. *Ibid.* XII. 2. 1069. b. 20—22.

²⁾ *Simpl. in Phys.* 158. 1—2 и 15—16 (слова Эмпедокла):

διπλ' ἐρέω· τότε μὲν γὰρ ἐν ᾧ ἕστηκε μόνον εἶναι
ἐκ πλείων, τότε δ' αὖ διέφω πλέον' ἐξ ἑνός εἶναι.

³⁾ *Ibid.* 27. 9—11: λέγει γοῦν Ἀναξαγόρας, ὅτι ἐν παντί παντός μοῖρα ἐστὶ καὶ ὅτε πλείεστα ἐνι, ταῦτα ἐνδηλότατα ἐν ἕκαστόν ἐστι καὶ ἦν.

единого, то онъ долженъ былъ, очевидно, подъ смѣшеніемъ разумѣть это, какъ онъ его называетъ, равночастное, то-есть, на всемъ своемъ протяженіи сплона однородное бытіе, которое должно было бы получиться у нихъ при послѣдовательномъ проведеніи понятія смѣшенія. Отсюда разъясняется и взглядъ его на безконечное Анаксимандра. Если онъ Эмпедоклово и Анаксагорово понятія о веществѣ сводитъ къ ученію Анаксимандра, пользуясь понятіемъ о смѣшеніи, подъ которымъ разумѣть процессъ, дающій равночастное, то-есть, сплошь однородное бытіе, то ясно, что, по его взгляду, безконечное Анаксимандра есть именно такое равночастное сплошь однородное бытіе. Оно должно было отличаться отъ вещества Анаксагора и Эмпедокла тѣмъ, что его однородность была вполне ясна, такъ какъ объ Анаксимандрѣ Аристотель считаетъ возможнымъ безъ всякихъ доказательствъ прямо сказать, что онъ выдѣляетъ изъ единого, тогда какъ объ Эмпедоклѣ и Анаксагорѣ нужно было это особо доказывать. По этому признаку полной однородности или равночастности безконечное Анаксимандра должно бы быть болѣе сходно съ веществомъ другихъ древнѣйшихъ физиковъ, признававшихъ одно начало, воду, напримеръ, или воздухъ и проч. ¹⁾ Но будучи сходно съ нимъ въ этомъ признакѣ, оно тѣмъ не менѣе, въ глазахъ Аристотеля, имѣло и существенное отличіе отъ него. Единство вообще Аристотель отождествляетъ съ недѣлимостью или нераздѣльностью ²⁾; но онъ ясно видитъ, что не все, признаваемое единымъ, не дѣлимо или не раздѣльно въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ одной и той же степени;

¹⁾ Аристотель употребляетъ терминъ *ὁμοιομερής* въ двухъ значеніяхъ, болѣе узкомъ и болѣе широкомъ. Иногда при употребленіи его подразумевается, что дѣло идетъ о бытіи составномъ, и тогда онъ означаетъ такое составное бытіе, элементы котораго вполне слились въ единство одной особой природы, напримеръ, въ *Метеог.* IV. 12 нач. Но такъ какъ терминъ по своему буквальному смыслу означаетъ лишь совершенную однородность частей, не указывая на составность бытія изъ разнороднаго, и такъ какъ и не составное должно отличаться такою же однородностью частей, то Аристотель часто употребляетъ тотъ же терминъ и въ болѣе широкомъ значеніи вообще однороднаго во всѣхъ своихъ частяхъ бытія, все равно образовалось ли оно изъ слитія въ одну природу разнородныхъ элементовъ или оно не составно, напримеръ, *De coel.* III. 4. нач. *Metaph.* I. 9. 992. a. 6—7. Мы имѣемъ въ виду послѣдній смыслъ термина.

²⁾ *Metaph.* X. 1. 1052. a. 34—1052. b. 1: λέγεται μὲν οὖν τὸ ἐν τοσαυταχῶς, τὸ τε συνεχές φύσει καὶ τὸ δλον, καὶ τὸ καθ' ἑκαστον καὶ τὸ καθ' ὅλου. πάντα δὲ ταῦτα ἐν τῷ ἀδιαίρετον εἶναι τῶν μὲν τὴν κίνησιν, τῶν δὲ τὴν νόησιν ἢ τὸν λόγον. *Ibid.* 15: διὸ καὶ τὸ ἐν εἶναι τὸ ἀδιαίρετον εἶναι, ὅπερ τῶς οὐκ εἶναι καὶ ἀχωρίστη ἢ τότῃ ἢ εἶθε ἢ διανοίᾳ, ἢ καὶ τῷ ὄψι καὶ ἀδιαίρετον.

поэтому единое для него не раздѣльно лишь на столько, на сколько оно едино, и въ томъ отношеніи, въ которомъ оно едино ¹⁾. Если мы съ этой точки зрѣнія сравнимъ безконечное Анаксимандра съ началами другихъ древнѣйшихъ физиковъ, то тотчасъ же увидимъ что въ немъ предполагается такая форма дѣлимости, какой въ нихъ не предполагается. Оно способно выдѣлять изъ себя разнородныя и въ сличеніи съ его общею природою, и въ отношеніи другъ къ другу качественности, то-есть, способно разлагаться на такія качественности, тогда какъ другими древнѣйшими физиками предполагалось, что эти качественности могутъ получаться изъ начала лишь путемъ качественного измѣненія самаго начала, такъ что онъ разсматривался не какъ ингредиенты, способные быть выдѣленными изъ начала, а какъ видоизмѣненія этого начала. То бытіе, которое не способно разлагаться на отличныя по виду и отъ него самаго, и другъ отъ друга качественности, но способно дѣлиться лишь на части, имѣющія ту же самую качественность, какою отличается и оно само, Аристотель обыкновенно называетъ простыми ἀπλοῦν. Такъ, извѣстныя четыре стихія, которыя, по его ученію, отличаются именно этимъ свойствомъ, то-есть, сами, составляя содержаніе другихъ вещей, могутъ выдѣляться изъ нихъ, но изъ себя не могутъ выдѣлять отличнаго отъ нихъ бытія, а могутъ лишь, соединяясь одна съ другою, превращаться въ другое бытіе, онъ обыкновенно называетъ простыми тѣлами ²⁾; подобнымъ образомъ называетъ онъ простыми движенія, не составленныя изъ движеній отличнаго отъ нихъ рода ³⁾; въ этомъ же смыслѣ онъ ⁴⁾ различаетъ простые цвѣта отъ цвѣтовъ составныхъ; тѣмъ же самымъ понятіемъ о простомъ, очевидно, пользуется онъ и при различеніи простаго отъ составнаго въ системахъ другихъ філо-

¹⁾ Ibid. 1053. a. 20—23: διὰ τοῦτο τὸ ἐν ἀδιαίρετον, ὅτι τὸ πρῶτον ἐκείτων ἀδιαίρετον. οὐχ ὁμοίως δὲ πᾶν ἀδιαίρετον, οἷον ποῦς καὶ μονάς, ἀλλὰ τὸ μὲν πάντη, τὸ δ' εἰς ἀδιαίρετα πρὸς τὴν αἰσθησὶν ἰθέλει, ὡσπερ εἶρηται ἤδη. Ibid. конецъ той же главы: ἔσται δὲ τοιοῦτον (μέτρον τι) τὸ μὲν ἐν ἡ ἀδιαίρετον κατὰ τὸ ποσόν, τὸ δὲ ἐν κατὰ τὸ ποῖόν· διόπερ ἀδιαίρετον τὸ ἐν ἡ ἀπλῶς ἢ ἡ ἐν.

²⁾ Gen. et corr. II. 8. нач.: "Ἀπαντα δὲ τὰ μικτὰ σώματα ...εἰς ἀπάντων σύγκειται τῶν ἀπλῶν. γῆ μὲν γὰρ ἐνυπάρχει πᾶσι διὰ τὸ..., ὕδωρ δὲ διὰ τὸ... ἀήρ δὲ καὶ πῦρ ἐτι..., ὅσα' ἐν ἀπαντι τῶ συνθέτω κάκτα τὰ ἀπλᾶ ἐνίσταται. Ibid. 8. 330. b. нач.: καὶ ἠκολούθηκε (говорится о соединеніяхъ теплаго, холоднаго, сухаго и жидкаго) κατὰ λόγον τοῖς ἀπλοῖς φαινομένοις σώμασι, πορὶ καὶ ἀέρι· καὶ ὕδατι καὶ γῆ. Названіе четырехъ стихій простыми тѣлами у Аристотеля встрѣчается очень часто.

³⁾ Напримеръ: De coel. I. 2. 268. b. 17—19.

⁴⁾ De color. нов. первой и начало второй главы.

софoвъ: для Эмпедокла простыя тѣла суть огонь, воздухъ, вода, земля, для Анаксагора—его гомоіомеріи ¹⁾). Понятно, что простыми были въ его глазахъ и начала тѣхъ физикoвъ, которые объясняли происхожденіе остальнаго бытія сплoтненіемъ и разрѣженіемъ первоначальнаго единаго вещества. Поэтому онъ нисколько не затрудняется примѣнять къ началамъ этихъ философoвъ терминъ „простыя тѣла“, хотя между этими началами было и такое, котораго онъ не имѣетъ въ числѣ своихъ четырехъ стихій ²⁾). Съ этой точки зрѣнія безконечное Анаксимандра, выдѣляющее изъ себя разнoвидное, Аристотель, очевидно, назвать простымъ не могъ. И если мы термину ἀπλοῦν, какъ это обычно дѣлается у Аристотеля, противопоставимъ терминъ σύνθετον ³⁾, то общій результатъ, къ которому сводится нашъ

¹⁾ Gen. et corr. I. 1. 314. a. кон.: ἐναντίως δὲ φαίνονται λέγοντες οἱ περὶ Ἀναξαγόραν τοῖς περὶ Ἐμπειδοκλίαν ὁ μὲν γὰρ φησὶ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα καὶ γῆν στοιχεῖα τέσσαρα καὶ ἀπλά εἶναι μᾶλλον ἢ σάρκα καὶ ὀστοῦν καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ὁμοιομερῶν, οἱ δὲ ταῦτα μὲν ἀπλά καὶ στοιχεῖα, γῆν δὲ καὶ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ ἀέρα σύνθετα, πανσπερμίαν γὰρ εἶναι τούτων.

²⁾ Gen. et corr. II. 390. b. кон.: ἅπαντες γὰρ οἱ τὰ ἀπλά σώματα στοιχεῖα ποιοῦντες οἱ μὲν ἓν, οἱ δὲ δύο, οἱ δὲ τρία, οἱ δὲ τέσσαρα ποιοῦσιν. ὅσοι μὲν οὖν ἓν μόνον λέγουσιν, εἴτα πυκνώσει· καὶ μανώσει· τὰλλα γένωσι, τούτοις συμβαίνει κτλ. Последнее достаточно ясно показываетъ, о какихъ философoвъ, признающихъ ἓν τὸ ἀπλοῦν σώμα, идетъ дѣло. Metaph. I. 8. 988. b. 29—32: πρὸς τούτοις τὸ ραδίως (говорится о признающихъ одно начало) τῶν ἀπλῶν σωμάτων λέγειν ἀρχὴν ὅτιοῦν πλὴν γῆς, οὐκ ἐπισκεψόμενοι τὴν εἰ ἀλλήλων γένεσιν πῶς ποιοῦνται, λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα. И затѣмъ, указавъ на необходимость для всѣхъ ихъ, кромѣ признающихъ огонь, разъяснить часть остальнаго бытія διακρίσει, следовательно, производное превращать въ στοιχειωδέστατον (при чемъ, очевидно, имѣется въ виду теорія разрѣженія и сплoтненія, см. De coel. III. 5 и Phys. VIII. 9. 266. a. 30—32), Аристотель добавляетъ 989. a. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τούτων τὸν λόγον οὗτ' εἰ τις τούτων τι λέγει πλὴν πυρός, οὗτ' εἰ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τούτο τιθεῖν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοι и такимъ образомъ расширять понятие объ этихъ началахъ, названныхъ простыми, за предѣлы четверичнаго числа стихій.

³⁾ См. вышеприведенныя цитаты изъ Gen. et corr. I. 1. 314. b. кон. Иногда Аристотель понятію ἀπλοῦν противопоставляетъ терминъ μίχτον, но въ этихъ случаяхъ μίχτον употребляется въ неточномъ смыслѣ, такъ какъ μίξις въ собственномъ смыслѣ, какъ мы видѣли, для Аристотеля есть болѣе специальное понятіе, означающее лишь такіа соединенія, въ которыхъ соединяемые элементы слились въ единство особой природы. Впрочемъ и терминъ σύνθεσις также употребляется имъ и въ болѣе специальномъ значеніи, именно въ отличіе отъ μίξις онъ обозначаетъ такіа соединенія, гдѣ соединяемыя вещества продолжаютъ въ своихъ мельчайшихъ частицахъ существовать каждое съ своими особыми свойствами см. Gen. et corr. I. 10. 328. a. 7—9. Иногда даже терминъ σύνθεσις понимается

анализъ главнѣйшаго свидѣтельства Аристотеля о природѣ Анаксимандра безконечнаго, можно выразить такъ: по взгляду Аристотеля, это безконечное было $\delta\upsilon\ \sigma\acute{o}\nu\theta\epsilon\tau\omicron\upsilon\ \delta\upsilon\omicron\iota\omicron\mu\epsilon\tau\epsilon\acute{\rho}\acute{\alpha}\varsigma$.

Другое свидѣтельство Аристотеля о безконечномъ Анаксимандра также съ упоминаніемъ имени Анаксимандра находится въ *Metaph.* XII. 2. 1069. b. 20—22. Разъясняя свое понятіе о веществѣ какъ потенциально только ($\delta\omicron\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\tau\epsilon$) содержащемъ въ себѣ противоположности, Аристотель говорить: $\kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\tau\prime\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \tau\omicron\ \prime\text{Αναξαγόρου}\ \delta\upsilon\ (\beta\acute{\alpha}\lambda\tau\omicron\upsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \eta\ \delta\omicron\mu\omicron\delta\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha)\ \kappa\alpha\iota\ \prime\text{Εμπεδοκλέους}\ \tau\omicron\ \mu\acute{\iota}\mu\mu\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \prime\text{Αναξίμανδρου}$. Общій взглядъ на безконечное Анаксимандра здѣсь, очевидно, тотъ же, какой и въ *Phys.* I. 4. Точно такъ же, какъ въ Физикѣ, здѣсь изъ древнѣйшихъ физиковъ только Анаксимандръ сближается съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Съ другой стороны, самое сближеніе вещества всѣхъ этихъ философовъ съ $\delta\lambda\eta$ самого Аристотеля достаточно ясно говорить, что понятіе $\mu\acute{\iota}\mu\mu\alpha$ берется не въ смыслѣ чисто вѣшняго хаотическаго соединенія разнородныхъ элементовъ. Но отношеніе Анаксимандра къ Анаксагору и Эмпедоклу здѣсь обрисовывается иначе, чѣмъ въ *Phys.* I. 4. Онъ, а не Анаксагоръ, соединяется, здѣсь съ Эмпедокломъ, когда Аристотель упоминаетъ о смѣшеніи; Анаксагоръ, наоборотъ, выдвигается на первый планъ и ему прямо приписывается ученіе объ единомъ, тогда какъ эта роль въ *Phys.* I. 4. достается Анаксимандру. Это разнорѣчіе обращало на себя вниманіе, но устранить или разъяснить его не удавалось. Шлейермахеръ ¹⁾ ограничился признаніемъ этого мѣста Метафизики искаженнымъ. Лютце ²⁾ предполагалъ ошибку переписчика, который перемѣшалъ и переставилъ одно на мѣсто другаго имени Анаксимандра и Анаксагора. На первый взглядъ представляется, что подобная догадка очень правдоподобно разъясняетъ дѣло. Однако принять ее неудобно уже потому, что въ словахъ Аристотеля не только приписывается Анаксагору $\tau\omicron\ \delta\upsilon$, но и прибавляется, что этотъ терминъ лучше, чѣмъ выраженіе $\delta\omicron\mu\omicron\delta\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$,

имъ еще частіе, какъ названіе одного изъ частныхъ процессовъ, въ различіе отъ очень разнообразныхъ другихъ процессовъ, напримеръ, *Phys.* I. 7. 190. b. 5—9. Но всего чаще употребленіе $\sigma\acute{o}\nu\theta\epsilon\tau\omicron\upsilon$ въ значеніи сложнаго, составнаго вообще, и въ этомъ смыслѣ оно противопоставляется $\acute{\alpha}\pi\lambda\omicron\upsilon\upsilon$, напримеръ, *De coel.* II. 4. 286. b. 16—17, тоже при всѣхъ опроверженіяхъ существованія безконечнаго вещества *Phys.* III. 5. 204. b. 11; *Metaph.* XI. 10. 1066. b. 26—27; *De Coel.* I. 5. 271. b. 17—18, и во многихъ другихъ случаяхъ.

¹⁾ *Schleierm.* II. 191.

²⁾ *Lutze. Ueb. d. Apeir. Anax.*, 54—55.

а между тѣмъ послѣднее принадлежитъ Анаксагору, а не Анаксимандру. Такимъ образомъ предположеніе объ ошибкѣ переписчика ведетъ за собою новое предположеніе или о позднѣйшей вставкѣ выраженія βέλτιον γὰρ ἢ ὁμοῦ πάντα, или о томъ, что въ этомъ выраженіи сравнивался Анаксимандръ съ Анаксагоромъ безъ упоминанія имени послѣдняго. Кромѣ того, и на особое преимущество, которое въ этомъ мѣстѣ дается Аристотелемъ веществу Анаксагора, никакъ нельзя смотрѣть какъ на что-то такое, что само по себѣ въ состояніи возбудить подозрѣніе въ искаженіи текста: въ той же Метафизикѣ I. 8. 989. а. 30—b. 21 Аристотель въ веществѣ именно Анаксагора видитъ особенную близость къ своему собственному взгляду на вещество. Поэтому, если высказанное Аристотелемъ объ Анаксагорѣ въ Metaph. XII. 2 дѣйствительно противорѣчитъ высказанному имъ въ Phys. I. 4, то послѣднему столько же противорѣчитъ и Metaph. I. 8. Лютецъ ¹⁾ и Ноторпъ ²⁾ хотятъ сгладить послѣднее противорѣчіе; они предполагаютъ, что Аристотель, сводя въ Metaph. I. 8. вещество Анаксагора къ понятію τὸ ἀόριστον πρὶν ὀριστῆναι καὶ μετασχεῖν εἶδος τινός, имѣлъ въ мысляхъ Анаксимандрово вещество, по мнѣнію Ноторпа, отличающееся этими именно свойствами. Но это предположеніе совершенно произвольное: Аристотель ни однимъ словомъ не упоминаетъ здѣсь объ Анаксимандрѣ, на оборотъ, усвоенное Анаксагору мнѣніе онъ называетъ καινοπραξίστερον, παρακλήσιον τοῖς τε ὑστερον λέγουσιν καὶ τοῖς νῦν φαινομένοις μᾶλλον, а это рѣшительно не подходитъ къ Анаксимандру. За разъясненіемъ дѣла обратимся къ самому Аристотелю. Въ Metaph. I, 8 онъ достаточно разъясняетъ, что особенно привлекаетъ его во взглядѣ Анаксагора на вещество. Его привлекаетъ не понятіе смѣшенія; на оборотъ, онъ здѣсь указываетъ и на невозможность для смѣшенія занять мѣсто первичнаго бытія, такъ какъ не смѣшанное должно все же въ такомъ случаѣ существовать ранѣе смѣшенія, и на несостоятельность Анаксагоровскаго понятія о смѣшеніи всего со всѣмъ, такъ какъ не все допускаетъ смѣшеніе со всѣмъ ³⁾. Его привлекаетъ лишь одно изъ свойствъ Анаксагорова смѣшенія и какъ разъ то, котораго не должно бы имѣть смѣшеніе

¹⁾ Ibid. 53. № 7.

²⁾ Notorp. Ueb. d. Princ. und d. Kosmol. Anax. Philos. Monatsk. B. XX. H. VI u VII, p. 371, № 2.

³⁾ ἐτόπου γὰρ ὄντος καὶ ἄλλως τοῦ φάσκειν μεμιχθαι τὴν ἀρχὴν πάντα, καὶ δια τὸ συμβαίνειν ἄμικτα δεῖν προῦπάρχειν, καὶ διὰ τὸ μὴ πεφυκέναι τῷ τυχόντι μιγνυεσθαι τὸ τυχόν.

но его собственному понятію. По его собственному ученію, въ смѣшеніи потенциальнымъ бытіемъ дѣлаются ингредиенты, а получающееся изъ нихъ новое бытіе есть нѣчто дѣйствительное, отличное отъ нихъ, слѣдовательно—опредѣленное ¹⁾). Достоинство Анаксагорова вещества онъ видитъ, на оборотъ, въ томъ, что смѣшеніе отождествлялось здѣсь съ невидѣльностью, а поэтому смѣшеніе всего означало, что ничего не видѣлось; именно вслѣдствіе этого сущность должна была потерять безусловно всякую опредѣленность, слѣдовательно, не могла получить никакого ни качественного, ни количественнаго предиката ²⁾). Такимъ образомъ достоинство ученія Анаксагора Аристотель видитъ здѣсь въ томъ, что Анаксагоръ, стремясь, вопреки собственному предположенію о вѣчности и неизмѣнимости разнородныхъ элементовъ, къ сплошному однообразію своего смѣшенія, представляя это однообразіе смѣшенія не въ формѣ равночастнаго, то-есть, однороднаго бытія, какъ требовало понятіе смѣшенія, а въ формѣ безусловной неопредѣленности чистаго субстрата, чисто потенциальнаго бытія. Сличая, затѣмъ, *Phys.* I, 4 и *Metaph.* XII, 2, то-есть, тѣ мѣста, въ которыхъ называются всѣ три философа, Анаксимандръ, Эмпедоклъ и Анаксагоръ, мы видимъ, что въ нихъ идетъ рѣчь не о томъ же предметѣ. Хотя разсужденіе о числѣ началъ въ *Phys.* имѣетъ свою конечную цѣлью разъясненіе той же блг, о которой говорится и въ *Metaph.* II, 2, однако, когда Аристотель дѣлаетъ тамъ свое обобщеніе ученій физиковъ, онъ дѣлаетъ его не съ цѣлью сличенія ихъ взглядовъ прямо и непосредственно съ своимъ понятіемъ объ блг;

¹⁾ Gen. et corr. I, 10, 327, b. 22—25: ἐπεὶ δ' ἐστὶ τὰ μὲν δυνάμει τὰ δὲ ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων ἐνδέχεται τὰ μιχθέντα εἶναι πως καὶ μὴ εἶναι, ἐνεργείᾳ μὲν ἑτέρου ὄντος τοῦ γαιονότος ἐξ αὐτῶν, δυνάμει δὲ κτλ.

²⁾ ὅτε γὰρ οὐθέν ἦν ἀποκεκριμένον, δῆλον ὅς οὐθέν ἦν ἀληθὲς εἰπεῖν κατὰ τῆς οὐσίας ἐκείνης, λέγω δ' οἷον ὅτι οὔτε λευκόν οὔτε μέλαν (по Аристотелю, это первоначальные цвета) ἢ φαῖον ἢ ἄλλο χρῶμα (цвета какъ результатъ смѣшенія первоначальныхъ слнч. *Metaph.* X, 7, нач.), ἀλλ' ἄχρων ἦν ἐξ ἀνάγκης. εἶχε γὰρ ἂν τι τούτων τῶν χρωμάτων. ὁμοίως δὲ καὶ ἄχυμον, καὶ τῷ αὐτῷ λόγῳ τούτῳ οὐδὲ ἄλλο τι τῶν ὁμοίων οὐθέν. οὔτε γὰρ ποῖον τι οἷόν τε αὐτὸ εἶναι οὔτε κοκκόν οὔτε τί. τῶν γὰρ ἐν μέρει τι λεγομένων εἰδῶν ὑπῆρχεν ἂν αὐτῷ, τοῦτο δὲ ἀδύνατον μεμιγμένων γε πᾶσι τῶν (то-есть, когда слитными признается все, слѣдовательно, и всякая качественность, которую предположили бы какъ результатъ смѣшенія, какъ такую, отличную отъ смѣшиваемыхъ качественностей, въ которую, по Аристотелю, переходятъ послѣднія). ἤδη γὰρ ἂν ἐπεκρίκτο, φησὶ δ' εἶναι μεμιγμένα πάντα κλήν τοῦ νοῦ.

онъ ищетъ у нихъ только ясно выраженнаго ученія объ единствѣ бытія, лежащаго въ основаніи всего, съ яснымъ въ то же время признаніемъ противоположностей за начала, въ какой бы формѣ это ни выражалось, въ формѣ ли ученія объ единомъ простомъ бытіи, въ которомъ предполагаются противоположные способы дѣятельности, или въ формѣ ученія о равночастномъ составномъ бытіи, которое, представляя сплошное однообразіе въ своей природѣ, считалось бы въ то же время способнымъ разлагаться на разнородное или выдѣлять его изъ себя. Въ группѣ физиковъ, которая учила о происхожденіи всего изъ первооснованія путемъ выдѣленія, а не чрезъ качественное измѣненіе бытія и которая, если была бы послѣдовательна, могла бы представить искомый намъ взглядъ лишь во второй формѣ, онъ находитъ дѣйствительно ясно выраженнымъ этотъ взглядъ лишь у Анаксимандра, у Эмпедокла же и у Анаксагора — преобладаніе чистаго плюрализма съ наклономъ только и съ стремленіемъ къ желаемому имъ примиренію монизма съ плюрализмомъ. Отсюда Анаксимандръ является у него на первомъ планѣ, а Анаксагоръ и Эмпедоклъ лишь присоединяются къ нему съ указаніемъ на ту сторону въ ихъ ученіи, которая можетъ оправдывать это сближеніе ихъ ученія съ Анаксимандровымъ. Въ *Metaph.* XII, 2, Аристотель ищетъ у физиковъ не ученія вообще объ единомъ и противоположностяхъ, а прямо ученія о своей *ἄλῃ*; тотчасъ за указаніемъ на ученіе ихъ (и Демокрита) онъ говоритъ *ἄρα τῆς ἄλῃς ἐν εἰς ἡμίθεος*. Какъ значительно эта постановка измѣняетъ положеніе дѣла, это живо чувствуется уже въ томъ, что вся группа физиковъ, учившихъ происхожденію бытія путемъ качественного измѣненія первооснованія, отпадаетъ, и, на оборотъ, является даже упоминаніе о Демокритѣ, о которомъ Аристотель не считалъ возможнымъ упомянуть въ *Phys.* I, 4, когда вся сущность дѣла ставилась въ примиреніи монизма и плюрализма. Это и понятно. Несомнѣнно, конечно, что *ἄλῃ* также представляетъ собою соединеніе единства и противоположностей, но она есть уже извѣстное опредѣленное ихъ соединеніе, она есть чистая потенція всякой дѣйствительности, заключаетъ въ себѣ всю дѣйствительность въ формѣ возможности, не будучи сама по себѣ никакою опредѣленною дѣйствительностью. Отсюда всѣ системы, которыя не показываютъ ни малѣйшаго стремленія предполагать все бытіе уже заключающимся какимъ бы то ни было образомъ въ первооснованіи (то-есть, признававшихъ *τὸ ἐν καὶ ἀκλόῳ*), отъ сопоставленія устраняются, а на оборотъ, философъ Де-

мокрить, который рѣшительно отрицалъ единство, но который въ известномъ смыслѣ говорилъ о потенциальномъ существованіи всего возникающаго въ признаваемомъ имъ первоначальномъ бытіи ($\eta\upsilon$ $\acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\ \acute{\kappa}\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \delta\upsilon\acute{\nu}\alpha\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\gamma\acute{\iota}\varsigma\ \delta'$ $\acute{\omicron}\delta$), получаетъ право быть упомянутымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и сравнительная оцѣнка Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла съ новой точки зрѣнія оказалась не та, которая проведена была въ *Phys.* I, 4. Они или даютъ въ своемъ веществѣ $\acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\mu\epsilon\rho\acute{\epsilon}\varsigma$ (Анаксимандръ), или должны бы давать его, еслибы отказались отъ принципа вѣчности и неизмѣнимости разнородныхъ элементовъ, а провели бы послѣдовательно понятіе смѣшенія, на которомъ они все же настаиваютъ (Анаксагоръ и Эмпедоклъ). Съ этой стороны они всѣ имѣютъ право назваться предтечами ученія объ $\acute{\beta}\lambda\eta$, такъ какъ въ $\acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\mu\epsilon\rho\acute{\epsilon}\varsigma$, по толкованію Аристотеля, должно именно потенциально заключаться то, что предполагается выдѣляющимся изъ него, подобно какъ въ $\acute{\beta}\lambda\eta$ потенциально дана имѣющая развиваться изъ нея дѣйствительность. Но это $\tau\omicron\ \acute{\omicron}\mu\omicron\upsilon\mu\epsilon\rho\acute{\epsilon}\varsigma$ все же никакъ не одно и то же, что $\acute{\beta}\lambda\eta$: $\acute{\beta}\lambda\eta$ есть чистая потенциальность, все въ возможности и ничто въ дѣйствительности; составное же и равночастное бытіе само есть нѣкоторая дѣйствительность, которая заключаетъ въ себѣ возможность другой отличной отъ нея дѣйствительности; поэтому, на сколько понятіе о равночастномъ составномъ бытіи рассматривается какъ такое предѣльное понятіе, которое они даютъ или могутъ только дать, ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать, что его система представляетъ опредѣленное ученіе объ $\acute{\beta}\lambda\eta$, объ Анаксимандрѣ столько же, сколько и объ остальныхъ. Но здѣсь-то именно и выступаетъ преимущество Анаксагора, о которомъ Аристотель говоритъ въ *Метафизикѣ* I, 8. Понятіе о бытіи однородномъ и составномъ для него непредѣльное понятіе. Вопреки ученію о вѣчности и неизмѣнности элементовъ, вопреки даже ученію о смѣшеніи по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ понимаетъ его Аристотель, онъ хочетъ безусловной невыдѣленности въ первоначальномъ состояніи вещества, которое тѣмъ не менѣе должно заключать въ себѣ все; онъ стремится, слѣдовательно, къ той чистой потенциальности, которую даетъ Аристотель въ свой $\acute{\beta}\lambda\eta$. Правда, эта тенденція Анаксагора къ чистой потенциальности остается лишь тенденціей; но такъ какъ для Анаксимандра и Эмпедокла предѣльнымъ понятіемъ служитъ понятіе о бытіи равночастномъ и составномъ, далѣе чего не идутъ ихъ стремленія, а Анаксагоръ стремится къ чистой потенциальности, которую представляетъ

Аристотелева $\delta\lambda\eta$, то онъ естественно выдвигается на первый планъ, и его ученіе рассматривается какъ самое близкое къ позднѣйшимъ взглядамъ. Такъ какъ Аристотель уже изложилъ свое пониманіе Анаксагорова вещества въ *Metaph.* I, 8., то въ XII, 2, онъ ограничивается лишь самымъ краткимъ выраженіемъ этой мысли, называя вещество Анаксагора $\tau\acute{o} \epsilon\nu$ въ смыслѣ неопредѣленнаго единого и въ отличіе отъ $\tau\acute{o} \mu\acute{\iota}\mu\alpha$, которое отнесено къ остальнымъ двумъ философамъ ¹⁾. Отсюда ясно, что никакого противорѣчія между *Phys.* I, 4 и *Metaph.* XII, 2 нѣтъ. Сопоставленіе Анаксимандра, Анаксагора и Эмпедокла въ *Metaph.* XII, 2 имѣетъ, несомнѣнно, отличіе отъ сопоставленія, сдѣланнаго между ними въ *Phys.* I, 4, но это отличіе, очевидно, таково, что служитъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые мы сдѣлали выше изъ послѣдняго мѣста. Если при сближеніи вещества этихъ трехъ философовъ съ $\delta\lambda\eta$ какъ чистою потенциальностью, Анаксагоръ выдвигается на первый планъ, а Анаксимандръ занимаетъ второстепенное мѣсто подлѣ Эмпедокла; если, съ другой стороны, въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ *Metaph.* XII, 2 исключительно Анаксагору и даже въ прямое отличіе отъ Эмпедокла (объ Эмпедоклѣ Аристотель упоминалъ непосредственно передъ тѣмъ и не говорилъ ничего подобнаго) усвоится ученіе, сходное съ ученіемъ о $\delta\lambda\eta$, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что безконечное Анаксимандра, по взгляду Аристотеля, не было безусловно неопредѣленнымъ бытіемъ. Если, далѣе, Аристотель находитъ возможнымъ это безконечное виѣстѣ съ веществомъ Эмпедокла назвать $\mu\acute{\iota}\mu\alpha$, то ясно, что оно имѣло въ его глазахъ характеръ бытія составнаго ²⁾. Если же

¹⁾ При подробномъ и болѣе точномъ изложеніи своего взгляда на вещество Анаксагора въ *Metaph.* I, 8. Аристотель называетъ его $\theta\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\nu$ въ отличіе отъ $\acute{o} \nu\omicron\theta\epsilon\varsigma$, который здѣсь называется $\tau\acute{o} \epsilon\nu$ [тобто $\gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\omicron\nu \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\mu\alpha\varsigma$] въ качествѣ бытія въ собственномъ смыслѣ единого и простаго по взгляду Анаксагора.

²⁾ Разъясненный выше взглядъ Аристотеля на $\mu\acute{\iota}\mu\alpha$ достаточно объясняетъ съ его стороны возможность при краткомъ упоминаніи о безконечномъ Анаксимандра назвать его этимъ терминномъ. Но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Целлера, *Phil. d. Griech.* I. 192. № 1: „ $\tau\acute{o} \mu\acute{\iota}\mu\alpha$ ближайшимъ образомъ (въ словахъ Аристотеля) приписывается Эмпедоклу, и только на второмъ мѣстѣ чрезъ добавленіе $\kappa\alpha\iota \text{'}\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta\iota\mu\acute{\alpha}\nu\delta\rho\nu$ отнесено на послѣдняго“. Целлеръ предполагаетъ здѣсь легкое $\zeta\epsilon\delta\mu\alpha$: изъ слова, которое во всей строгости подходитъ лишь къ Эмпедоклу, одно общее понятіе (единства, содержащаго въ себѣ разнообразіе) примѣняется къ Анаксимандру. Несомнѣнно, выраженіе $\text{'}\epsilon\rho\mu\epsilon\theta\epsilon\omicron\chi\lambda\epsilon\omicron\varsigma \tau\acute{o} \mu\acute{\iota}\mu\alpha \kappa\alpha\iota \tau\acute{o}\nu \text{'}\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta\iota\mu\acute{\alpha}\nu\delta\rho\nu$ въ виду крайней сматости изложенія всего отдѣла, къ которому относится это мѣсто (на это также ссылается

изъ Phys. I. 4, несомнѣнно, выходитъ по крайней мѣрѣ то, что оно было единымъ, то остается возможнымъ одно заключеніе, что, по взгляду Аристотеля, оно было *σύνθετον ὁμοιομερές*.

Косвеннымъ подтвержденіемъ этого же вывода служить Аристотелева критика понятія безконечнаго у физиковъ въ Phys. III. 5¹⁾. Выводы, которые можно сдѣлать изъ этой критики по вопросу о природѣ Анаксимандрова безконечнаго потому имѣютъ особенное значеніе, что при предварительномъ разъясненіи ученія своихъ предшественниковъ о безконечномъ; Аристотель прямо ссылается на 'взглядъ Анаксимандра, называя послѣдняго по имени²⁾'; слѣдовательно, при своей критикѣ ученія физиковъ о безконечномъ онъ не могъ не имѣть въ виду Анаксимандрова воззрѣнія. Критика эта распадается на двѣ части. Въ одной Аристотель доказываетъ, что безконечное тѣло не можетъ быть ни *ἀκλόον* ни *σύνθετον*. Задачей второй части ставится разъясненіе затрудненій, которыя должны произойти при признаніи безконечнаго тѣла вслѣдствіе необходимости предполагать связь каждаго физическаго тѣла съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Но и при развитіи этой общей мысли Аристотель также дѣлитъ признающихъ безконечное тѣло на двѣ группы. Однако эти группы характеризуются уже иначе, именно: различается безконечное тѣло *ὁμοιομερές* отъ безконечнаго *ἀνόμοιον*. Нельзя сомнѣваться, что это послѣднее дѣленіе не совпадаетъ съ первымъ. Аристотель никакъ не относится къ такимъ

Целлеръ), можетъ внушать подобное предположеніе. Но если это предположеніе и справедливо, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы Аристотель адѣлъ отнѣчалъ смѣшеніе Эмпедокла отъ совершенно неопредѣленнаго единаго Анаксимандра; тогда нужно было бы говорить уже не о легкомъ *ζεύγμα*, и не къ τὸ μίγμα Эмпедокла, а къ τὸ ἐν Анаксагора пришлось бы отнести Аристотелю безконечное Анаксимандра. Аристотель могъ видѣть въ *μίγμα* не совсѣмъ точное названіе для Анаксимандрова безконечнаго лишь въ томъ смыслѣ, что для Анаксимандра оно не было результатомъ предварительнаго процесса смѣшенія, какъ для Эмпедокла его вещество, а было первоначальнымъ бытіемъ, способнымъ только разлагаться на разнородныя качества и, слѣдовательно, какии-то образомъ содержащимъ ихъ въ себѣ.

¹⁾ Возраженія Аристотеля противъ существованія безконечнаго тѣла почти буквально повторяются въ Metaph. XI. 10 и являются въ измѣненномъ видѣ вслѣдствіе внесенія понятія о движеніи въ De coel. I. 5 и 7.

²⁾ Phys. III. 4. 203. b. 12—15: καὶ τοῦτ' [τὸ ἀπειρον] εἶναι τὸ θεῖον ἀθάνατον γὰρ καὶ ἀνώλεθρον, ὡς φησὶν ὁ Ἀναξίμανδρος καὶ οἱ πλείστοι τῶν φυσολόγων. Между перечисляемыми Аристотелемъ тотчасъ затѣмъ основаніями, которыя приводились въ пользу ученія о безконечномъ, одно, по свидѣтельству доисограсовъ, принадлежитъ Анаксимандру.

писателямъ, которые ради изящества стили стали бы разнообразить свою терминологию, особенно еще въ прямой ущербъ точности; а подобовиднымъ (*ὁμοειδής*), равно какъ и равночастнымъ, можетъ назваться какъ тѣло простое, такъ и составное, если элементы, его составляющіе, слились въ одну особую природу. Выраженіе *ὁμοειδές* онъ самъ употребляетъ и въ другихъ случаяхъ какъ равнозначительное съ *ὁμοιομερές*, и въ параллельномъ мѣстѣ въ *De coel.* I. 7., гдѣ также опровергается ученіе о существованіи безконечнаго тѣла, вмѣсто *ὁμοειδές* и *ἀνόμοιον* прямо являются *ὁμοιομερές* и *ἀνομοιομερές*¹⁾. Самыя мысли, которыя Аристотель высказываетъ, когда возражаетъ противъ различныхъ группъ, на которыя онъ дѣлитъ признающихъ безконечное тѣло, совершенно отвѣчаютъ предположенію, что при дѣленіи на τὸ ἀπλόον и τὸ σύνθετον подѣ *σύνθετον* онъ разумѣетъ составное тѣло вообще, все равно слилось ли оно въ единство одной природы или не слилось, подѣ *ἀνόμοιον* — только послѣдній случай, подѣ *ὁμοειδές* — не простое только тѣло, но и изъ составныхъ слившееся въ одну природу²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Аристотель

¹⁾ *De coel.* I. 7. нач.: ἀνάγκη δὲ εἶναι πάντων ἤτοι ἀπειρὸν εἶναι ἢ πεπερασμένον, καὶ εἰ ἀπειρὸν ἤτοι ἀνομοιομερές ἢ ὁμοιομερές. Несколько выше с. 5. 271. b., подобно какъ въ *Phys.* III. 4, рассматривался тотъ же вопросъ, причѣмъ безконечное тѣло бралось то какъ *ἀπλόον*, то какъ *σύνθετον*. Случай употребленія *ὁμοειδής* или *ὁμοιοειδής* въ равномъ значеніи съ *ὁμοιομερές* см. въ *Ind. Arist. Bomis.* 510. а 45—50.

²⁾ Противъ признающихъ безконечное *σύνθετον* Аристотель замѣчаетъ, что, если признать одну часть изъ частей, составляющихъ безконечное, безконечною, она уничтожитъ остальные, а всѣ части безконечными быть не могутъ, такъ какъ каждое безконечное тѣло должно имѣть безконечное протяженіе во всѣ стороны *Phys.* III. 5. 204. b. 13—22. Но первая изъ этихъ мыслей, очевидно, болѣе приложима къ такому составному тѣлу, элементы котораго слились въ одну природу, чѣмъ къ такому, элементы котораго только пространственно соприкасаются другъ съ другомъ: по взгляду Аристотеля на сѣщеніе, чрезвычайное преобладаніе одного изъ сѣщаемыхъ элементовъ сопровождается не возникновеніемъ новой сущности, а поглощеніемъ элемента слабаго элементомъ преобладающимъ. Вторая мысль имѣетъ также значеніе не для составнаго только тѣла во второмъ смыслѣ, но и въ первомъ, такъ какъ Аристотель, конечно, хорошо зналъ, что объемъ каждаго изъ тѣлъ, сливающихся въ одно новое тѣло, долженъ быть менѣе объема послѣдняго, а отсюда необходимо слѣдуетъ, что каждое изъ нихъ, взятое въ отдаленности, не можетъ быть безконечно протяженнымъ во всѣ стороны. Первое возраженіе Аристотеля противъ признающихъ безконечное *ἀνόμοιον*, состоитъ въ томъ, что подобное тѣло могло бы быть единымъ только по соприкосновенію, *ibid.* 205. b. 19—21. Но это; безспорно, приложимо только къ такому составному тѣлу, части котораго остаются разнородными. Общее предположеніе всѣхъ возра-

различаетъ три взгляда на безконечное тѣло; по одному изъ нихъ оно есть тѣло простое, по другому—сложное, но имѣющее однородную природу, по третьему—также сложное, но такое, составные элементы котораго не слились въ одну природу. Второй взглядъ играетъ на столько видную роль при обсужденіи нѣхъ вопроса, что заставляетъ его, смотря по характеру возраженій, имѣннать принятое нѣхъ двухчастное дѣленіе такъ, что въ одномъ случаѣ этотъ взглядъ входитъ во второй членъ дѣленія, въ другомъ—въ первый ¹⁾. Кому же принадлежитъ этотъ взглядъ? Эмпедоклъ безконечности вещества не признавалъ; Анаксагора Аристотель, очевидно, относитъ къ признававшимъ τὸ ἀνόμοιον, такъ какъ нѣхъ только онъ дѣлаетъ упрекъ, что нѣхъ безконечное едино только τῷ ἄπασθαι, а этимъ признакомъ въ предшествующей главѣ характеризовалось безконечное Анаксагора и Демокрита; и притомъ къ возраженіямъ именно противъ безконечнаго ἀνόμοιον примыкаетъ у Аристотеля разборъ одного изъ частныхъ мнѣній Анаксагора ²⁾. Остается принять одно изъ двухъ предположеній: или ядѣсь имѣется въ виду Анаксимандръ, или Аристотель опровергаетъ не фактически существовавшій, а только теоретически возможный взглядъ. Несомнѣнно, что и это послѣднее

мнѣніе Аристотеля противъ безконечнаго ἀνόμοιον составляетъ мысль о необходимости разнородныхъ мѣсть для разнородныхъ составныхъ частей безконечнаго. Но этимъ предполагается, что разнородныя части безконечнаго сходятъ въ другъ друга, то-есть, остаются обособленными, не сливаясь въ одну природу, и Аристотель даетъ даже очень ясно понять это, когда, говоря о возможной безчисленности мѣсть этихъ частей, называетъ самыя части простыми, *ibid.* 29—30. Возражая противъ τὸ ὁμοιόεις, Аристотель разъясняетъ, что владѣствіе тождественнаго отношенія всѣхъ его частей ко всему мѣсту цѣлаго, терлется волеял возможность снѣнымъ движеніемъ и покоя, *ibid.* 13—19. Но это возраженіе, очевидно, одинаково приложимо какъ къ тѣлу простому; такъ и къ однородному составному, такъ какъ и послѣднее во всѣхъ частяхъ должно отличаться одними и тѣми же свойствами, а следовательно, для однородныхъ частей его должно везчезнуть различіе мѣсть.

¹⁾ Смпиліцій *in Phys.* 482. 28—483. 4, замѣчаетъ различіе обонкъ дѣленій Аристотеля и ототавляетъ его въ противоположность мнѣнію Александра. Но все, что онъ можетъ сказать по этому поводу, ограничивается довольно своеобразнымъ замѣчаніемъ: καὶ ἄλλως δὲ οὐκ ἦν ἄξιον τῆς Ἀριστοτελικῆς εὐρότητος τῷ αὐτῷ πάλιν διαίρεσι χρῆσασθαι.

²⁾ Послѣ своихъ возраженій противъ признававшихъ безконечное ἀνόμοιον которыя основаны на мысли о необходимости взаимнаго соотвѣтствія мѣсть и разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ безконечное, Аристотель говоритъ: Ἀναξαγόρας δ' ἀτόκως λέγει περὶ τῆς ἀλείρου μόνῃς κτλ., и это мнѣніе Анаксагора затѣмъ подробно опровергается.

предположение само по себѣ не противорѣчило бы обычаямъ Аристотеля: при опроверженіи того или другаго взгляда онъ не рѣдко обсуждаетъ не существовавшія только дѣйствительно мнѣнія, но и возможные лишь видоизмѣненія ихъ. Однако, если мы видимъ, что ранѣе въ той же *Phys. I. 4* Анаксимандру приписывалось имъ мнѣніе о выдѣленіи изъ единого существующихъ въ немъ противоположностей, а въ *Метафизикѣ*, гдѣ повторяются тѣ же возраженія противъ безконечнаго, безконечное Анаксимандра прямо называлось *μῦθος*, то выборъ между этими двумя предположеніями едва ли будетъ сомнителенъ. По словамъ самого Аристотеля, всѣ, принимавшіе безконечное, считали его за начало (*ἀρχήν*)¹⁾, слѣдовательно, и предполагаемое его критикой составное и одновидное безконечное должно разсматриваться не какъ результатъ предварительнаго процесса смѣшенія, а какъ первоначальное бытіе, способное лишь выдѣлять изъ себя разнородное, разлагаться на него. Какъ бы Аристотель ни образовалъ понятіе о такого рода безконечномъ, хотя бы путемъ чисто теоретическихъ предположеній, но, какъ скоро оно было имъ составлено, онъ не могъ не отождествить съ нимъ безконечнаго Анаксимандра, которое, по его собственнымъ словамъ, выдѣляетъ изъ себя существующія въ немъ противоположности: для различенія Анаксимандрова безконечнаго отъ этого предполагаемаго имъ составнаго и одновиднаго безконечнаго онъ не могъ бы найти ни одного признака.

Отсюда ясно, какую крупную ошибку сдѣлали комментаторы Аристотеля и дѣлаютъ многіе новые ученые (и между ними даже не раздѣляющіе взгляда комментаторовъ на природу Анаксимандрова безконечнаго), когда относятъ къ Анаксимандру мнѣніе о простомъ, особомъ отъ стихій, безконечномъ тѣлѣ, о которомъ упоминаетъ Аристотель въ этой самой критикѣ мнѣній физиковъ о безконечномъ. Очевидно, всего менѣе возможно, чтобы Аристотель среди того самаго порядка мыслей, гдѣ ясно предполагается различіе простаго тѣла отъ тѣла однороднаго, но составнаго, причислилъ безконечное Анаксимандра къ тѣламъ простымъ. Впрочемъ, и независимо отъ этого соображенія, самая Аристотелева характеристика взгляда на безконечное какъ простое, особое отъ стихій, тѣло, равно какъ и его

¹⁾ *Phys. III. 4. 203. a. нач.*: πάντες γὰρ οἱ δοκοῦντες ἀξιολόγως ἤφθαι τῆς τοιαύτης φιλοσοφίας πεκοίηται λόγον περὶ τοῦ ἀπείρου, καὶ πάντες ὡς ἀρχὴν τινα τίθεσσι τῶν ὄντων.

критика этого взгляда достаточно показываютъ, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ мнѣніемъ Анаксимандра. „Единицъ и простыхъ также не можетъ быть“, говоритъ Аристотель, — „бесконечное тѣло ни въ смыслѣ мнѣнія тѣхъ, которые принимаютъ бесконечное тѣло во-мимо стихій, производя изъ него послѣднія, ни въ обыкновенномъ смыслѣ. Есть именно нѣкоторые“, поясняетъ онъ свою мысль, — „которые признаютъ бесконечное тѣломъ такого рода, а не воздухомъ или водою, для того, чтобы вслѣдствіе бесконечности одного изъ послѣднихъ не разрушились бы остальные, такъ какъ они имѣютъ противоположность въ отношеніи другъ къ другу, напримѣръ, воздухъ холоденъ, вода сыра, огонь тепелъ, такъ что, еслибы одно изъ нихъ было бесконечнымъ, остальные уже разрушились бы“¹⁾. Уже не разъ замѣчали, что изложенная въ этихъ словахъ Аристотеля аргументація признававшихъ простое тѣло, отличное отъ стихій, предполагаетъ ученіе о стихіяхъ, какъ сложилось оно уже позднѣе времени Анаксимандра. Мнѣ кажется, что философу, который имѣлъ поведи себя только Thalеса съ его ученіемъ о происхожденіи всего изъ воды, едва ли пришло бы на мысль доказывать, что ни воздухъ, ни огонь не могутъ быть бесконечными началами бытія. Предположить же, что Аристотель передаетъ мысль этого философа не въ его, а въ своихъ собственныхъ терминахъ и при этомъ нѣсколько даже измѣняетъ и пополняетъ ее, неудобно уже потому, что вопреки мнѣнію самого Аристотеля о воздухѣ какъ стихіи теплой и сырой, воздухъ характеризуется здѣсь какъ начало холодное²⁾, и это показываетъ, что даже подробности аргументаціи, частности въ разъясненіи основной мысли заимствованы изъ первоначальнаго источника. Впрочемъ и общая мысль аргументаціи, что бесконечная стихія, которая, конечно, должна была признаваться и началомъ, въ силу своей противоположности другимъ стихіямъ должна уничтожать эти послѣднія, представляется мнѣ совсѣмъ не соответствующею эпохѣ Анаксимандра. Философъ, подобнымъ образомъ аргументиру-

¹⁾ Phys. III. 5. 204. b. 22—29: ἀλλὰ μὴν οὐδὲ ἐν καὶ ἀκλόων εἶναι ἰσχυρίζεται τὸ ἀπείρον σῶμα, οὐτα ὡς λέγουσι τινες τὸ παρὰ τὰ στοιχεῖα, εἴ ἢ οὐ ταῦτα γεννῶσιν, οὐθ' ἀκλόως εἶσι γάρ τινες οἱ τοῦτο ποιοῦσι τὸ ἀπείρον, ἀλλ' οὐκ ἀέρα ἢ ὕδωρ, ὡς μὴ τὰλλα φθείρηται ὑπὸ τοῦ ἀπείρου αὐτῶν ἔχουσι γὰρ πρὸς ἀλλήλα ἐναντιώσιν, οἷον ὁ μὲν ἀήρ ψυχρός, τὸ δὲ ὕδωρ ὑγρόν, τὸ δὲ πῦρ θερμόν, ἂν εἰ ἦν ἐν ἀπείρον, ἐφάρτε ἂν ἦδη τὰλλα.

²⁾ Это различіе характеристикъ воздуха отъ Аристотелевой подмѣчено было уже комментаторами Аристотеля. Simpl. in phys. 481. 28—84.

ющій, очевидно, смотритъ на стихіи какъ на такія вещественныя массы, дѣйствию которыхъ исключительно и съ механическою необходимостью опредѣляется ихъ чувственно постигаемыми свойствами; всякая мысль объ оживляющей вещество зиждительной силѣ, не чуждой цѣлесообразности въ своей дѣятельности, равно какъ и о сравнительномъ достоинствѣ стихій съ этой именно точки зрѣнія, здѣсь вполне исключена. Все это, мнѣ кажется, слишкомъ мало подходитъ къ вѣку гилезонизма, къ тому періоду философской мысли, когда Анаксименъ ставилъ значеніе воздуха для міра въ параллель съ значеніемъ души для человѣка, когда Гераклитъ и Пиеагорейцы не усумнились дать огню господственное положеніе въ бытіи исключительно въ силу взгляда на него какъ на стихію высшую по достоинству, когда самъ Анаксимандръ говорилъ о *δίχην καὶ τίσιον τῆς ἀδικίας*, совершающихся чрезъ самое движеніе міроваго процесса ¹⁾, когда онъ своему безконечному приписывалъ, какъ обыкновенно полагаютъ, способность давать направленіе цѣлому ²⁾. Возражая противъ ученія о простомъ, особомъ отъ стихій безконечномъ тѣлѣ, Аристотель аподиктически заявляетъ, что такого чувственно постигаемаго тѣла сверхъ стихій нѣтъ въ нашемъ мірѣ ³⁾. Такого рода прямое отрицаніе безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій совершенно понятно, если дѣло идетъ о тѣлѣ дѣйствительно простомъ, не заключающемъ въ себѣ противоположностей, чрезъ собственное уплотненіе и разрѣженіе впервые порождающемъ теплое и холодное, тяжелое и легкое. Съ точки зрѣнія Аристотеля такого тѣла нѣтъ и быть не можетъ. Но совсѣмъ другое дѣло, если рѣчь идетъ о тѣлѣ, о которомъ утверждаютъ, что оно въ себѣ самомъ заключаетъ противоположности, которыя и выдѣляетъ изъ себя. Всѣ предметы на землѣ, за исключеніемъ самыхъ стихій, были, съ точки зрѣнія Ари-

¹⁾ *Simpl. in Phys. 24. 18—20: ἐξ ὧν δι' ἣ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὐαῖ, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεῶν· διδόναι γὰρ αὐτὰ δίχην καὶ τίσιον ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν, ποιητικωτέρως οὕτως ὀνόμασιν αὐτὰ λέγων (Ἀναξίμανδρος).*

²⁾ *Arist. Phys. III. 4. 203. b. 10 — 13: διὸ καθάπερ λέγομεν οὐ ταύτης ἀρχῆς, ἀλλ' αὐτῆ τῶν ἄλλων εἶναι δοκεῖ καὶ περιέχειν ἅπαντα καὶ πάντα κυβερνᾶν, ὡς φασὶν οἱ μὴ κλειοῦσι παρὰ τὸ ἄπειρον ἄλλας αἰτίας. Такъ какъ вокурѣ затѣмъ Аристотель дѣлаетъ ссылку на Анаксимандра, то предполагаютъ, что и κυβερνᾶν мнѣ него же заимствовано.*

³⁾ *Ibid. 5. 204. b. кон.: ἀδόνατον δ' εἶναι τοιοῦτον..... ὅτι οὐκ ἐστὶ τοιοῦτον σῶμα αἰσθητὸν παρὰ τὰ στοιχεῖα καλούμενα· ἅπαντα γὰρ ἐξ οὗ ἐστὶ, καὶ διαλύεται εἰς τοῦτο, ὡστε ἦν ἂν ἐνταῦθα παρὰ ἀέρα καὶ πῦρ καὶ γῆν καὶ ὕδωρ φαίνεται δ' οὐδέν.*

стотеля, соединеніемъ стихій ¹⁾, представлявшихъ собою и по его собственному взгляду противоположности; а всѣ предметы, называемые имъ равночастными, которые, будучи непосредственными соединеніями стихій, лежатъ въ основаніи другихъ соединеній ²⁾, имѣли къ тому же и однородныя, то-есть, слившіяся въ одну природу части. Пусть природа Анаксимандрова безконечнаго отличалась отъ нихъ, все же Аристотель, самъ признававшій бытіе вещей, заключающихъ въ себѣ и изъ себя выдѣляющихъ противоположности, не могъ ограничиться голословнымъ отрицаніемъ этой природы безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій ея отличія отъ массы признаваемого имъ самимъ бытія, какъ это дѣлаетъ онъ въ Phys. III. 5. Здѣсь же далѣе противъ того же взгляда Аристотель замѣчаетъ, что все свѣяется изъ противоположнаго въ противоположное, напримѣръ, изъ теплаго въ холодное ³⁾. Опять это критическое замѣчаніе имѣетъ полную силу, если дѣло идетъ о взглядѣ, по которому холодное и теплое представляютъ чисто качественную переменъ начала, какъ это долженъ былъ признавать философъ, принимавшій простое начало и слѣдовательно объяснявшій возникновеніе всего остальнаго бытія путемъ разрѣженія и сжатія этого начала; противъ такого философа дѣйствительно съ правомъ можно было возражать, что предполагаемый имъ переходъ начала въ холодное или теплое не возможенъ, такъ какъ этотъ переходъ есть чисто качественная переменъ, а такая переменъ предполагаетъ уже въ измѣняющемся качество противоположное тому, въ которое оно переходитъ; но у Анаксимандра несомнѣнно по крайней мѣрѣ сущность процесса рожденія состояла не въ качественной переменѣ начала, а въ выдѣленіи изъ него, а поэтому возраженіе проходило бы мимо самой существенной стороны дѣла. Въ виду всего этого едва ли можно сомнѣваться, что Аристотель въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ въ виду иное, а не Анаксимандрово ученіе. Если же это такъ, то отсюда можно извлечь новое подтвержденіе той мысли, что Аристотель не смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на простое бытіе, такъ какъ онъ ясно здѣсь къ ученіямъ, принимавшимъ простое безконечное, относятъ лишь два взгляда: одинъ, о которомъ сейчасъ шла у

¹⁾ Ibid. II. 8, нач.

²⁾ Meteor. IV. 12, нач.

³⁾ Phys. III. 5. 206. a. 4—7: ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τοῦ ἐνός, οἷον ποιεῖται κατὰ τὰ στοιχεῖα οἱ φυσικοὶ πάντα γὰρ μεταβάλλει ἐξ ἐναντίου εἰς ἐναντίον, οἷον ἐξ θερμοῦ εἰς ψυχρόν.

насть рѣчь, и другой, по которому безконечное отождествлялось съ одною изъ стихій.

Наконецъ, косвеннымъ подтвержденіемъ сдѣланнаго нами вывода о взглядѣ Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго служить отсутствіе всякаго намека на ученіе Анаксимандра при разборѣ Аристотелемъ мнѣній своихъ предшественниковъ о числѣ стихій въ *De coel.* III. 4—5. Послѣ рѣшенія вопроса, считать ли число стихій неограниченнымъ или ограниченнымъ, при чемъ изъ физиковъ упоминаются Эмпедоклъ, Анаксагоръ и атомисты (гл. 4), Аристотель переходитъ къ вопросу, нужно ли признать одну только стихію или нѣсколько (гл. 5), и критически разбираетъ мнѣнія признававшихъ только одну стихію. Изъ физиковъ онъ говоритъ здѣсь исключительно о философахъ, объяснявшихъ происхожденіе остальнаго бытія изъ одной стихіи путемъ разрѣшенія и уплотненія, ни однимъ словомъ не намекая, что существовали мыслители, объяснявшіе происхожденіе остальнаго бытія изъ единой стихіи путемъ выдѣленія. Они остаются такимъ образомъ не опровергнутыми, а между тѣмъ выводъ изъ обѣихъ главъ дѣлается общій и рѣшительный: *ἐπεὶ δὲ οὐτε ἄπειρα οὐτε ἓν, πλείω ἀνάγκη εἶναι καὶ πεπερασμένα* (то-есть, τὰ στοιχεῖα). Теоріи выдѣленія изъ всѣхъ, признававшихъ единое начало, училъ, сколько мы знаемъ, одинъ только Анаксимандръ. Если безконечное Анаксимандра было въ глазахъ Аристотеля бытіемъ составнымъ и равночастнымъ, то это неупоминаніе о немъ, когда рѣчь идетъ о философахъ, принимавшихъ одну изъ стихій, совершенно понятно. Терминъ „стихія“ Аристотель въ общемъ его значеніи (а не въ отношеніи только къ тѣлесному бытію) очень точно опредѣлилъ и разъяснилъ на частныхъ примѣрахъ въ *Μεταφυσικῆ* ¹⁾. Стихіей, говорится здѣсь, называется то, что, будучи само не дѣлимо на разнovidное, входитъ въ составъ другаго въ качествѣ первичнаго ингредиента. При своемъ употребленіи этого термина Аристотель, вообще говоря, придерживается смысла, даннаго ему въ *Μεταφυσικῆ*, но при частомъ употребленіи его, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ важной роли не играетъ, какъ и естественно ожидать, не всегда вполне строго выдерживается его значеніе. Однако, когда онъ приступаетъ къ спеціальному изъ-

¹⁾ V. 3. нач.: *στοιχεῖον λέγεται, ἐξ οὗ σὺγκείται πρῶτον ἐνοπάρχοντος, ἀδιαίρετου τῶ εἶδει εἰς ἕτερον εἶδος, οἷον φωνῆς στοιχεῖα, ἐξ ὧν σὺγκείται ἡ φωνή καὶ εἰς ἃ διαίρεται ἕσυχата, ἐκείνα δὲ μὴκέτ' εἰς ἄλλας φωνάς ἑτέρας τῶ εἶδει αὐτῶν. ἀλλὰ καὶ διαίρεται, τὰ μόρια ὁμοειδῆ, οἷον ὕδατος τὸ μόριον ὕδωρ, ἀλλ' οὐ τῆς συλλαβῆς.*

слѣдованію о стихіяхъ тѣлъ въ De coel., онъ считаетъ необходимымъ прежде всего установить специальное понятіе о стихіяхъ тѣлъ, и здѣсь, совершенно согласно съ общимъ опредѣленіемъ стихій въ Метафизикѣ, опредѣляетъ стихію въ тѣлахъ какъ то, на что разлагаются другія тѣла, какъ на существующее въ нихъ потенциально или актуально, но что само не можетъ дѣлиться на различное отъ себя по виду ¹⁾. Ясно, что значеніе термина „стихія“ тѣлъ въ этомъ случаѣ точно совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое, какъ было сказано, онъ обычно усвоетъ термину простое тѣло въ отличіе отъ тѣла составнаго. (Отсюда во всемъ этомъ разсужденіи о стихіяхъ терминъ στοιχεῖα и ἀπλά σφάρα замѣняютъ другъ друга ²⁾). Если же теперь для Анаксимандра его безконечное было способно разлагаться на отличное отъ него по виду бытіе, выдѣлять изъ себя разнovidное, то совершенно понятно, что Аристотель не могъ отнести его къ физикамъ, учившимъ объ единой стихіи. Ученіе Анаксимандра было для него ученіемъ объ единомъ началѣ, объ единомъ субстратѣ, но не объ единой стихіи ³⁾. Руководясь точно установленнымъ понятіемъ о стихіи, онъ скорѣе могъ бы принять у Анаксимандра за стихіи то, что выдѣляется изъ его безконечнаго, и слѣдовательно, отнести его къ признающимъ много стихій вмѣстѣ съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ. Но по крайней мѣрѣ ясно и рѣшительно и этого онъ нигдѣ не дѣлаетъ, конечно, потому, что система Анаксимандра, очевидно, не знала ни процесса смѣшенія, предварающаго единство, подобно системѣ Эмпедокла ⁴⁾, ни субстанціальности существующаго въ единомъ, какая предполагалась какъ у гомойомерій Анаксагора, такъ и у стихій Эмпедокла ⁵⁾, такъ, что ему не на что было опе-

¹⁾ De coel. III. 3. 302. a. 14—18: τοῦτο (то-есть, разъясненіе вопросовъ о числахъ и пр. стихіяхъ) δ' ἔσται φανερόν ὑποδεικνύσας, τίς ἐστὶν ἡ τοῦ στοιχείου φύσις. ἔστω δὴ στοιχεῖον τῶν σφαιρῶν εἰς ὃ τᾶλλα σφάρα διακρίεται ἐνοκάρχον δύναται ἢ ἐναρχία... αὐτὸ δ' ἐστὶν ἀδιαιρέτων εἰς ἕτερα τῶν εἶδων.

²⁾ Ibid., см. преимущественно конецъ третьей и начало четвертой главы.

³⁾ Впослѣдствіи это тонкое различіе, имѣвшее къ тому же приложение изъ всѣхъ философскихъ древняго міра къ одному только Анаксимандру, не наблюдалось.

⁴⁾ Въ системѣ Эмпедокла на этотъ именно процессъ Аристотель указываетъ между прочимъ какъ на причину, по которой огонь, вода и проч. должны въ ней считаться στοιχεῖωδέστερα καὶ πρότερα τὴν φύσιν, чѣмъ единое: Gen. et corr. I. 1. кон.

⁵⁾ Имѣя, конечно, въ виду эту субстанціальность смѣшаннаго, Аристотель возражаетъ противъ Анаксагора, Metaph. I. 7. 989 нач.: ἀμικτα δαῖν προῖκάρχων.

реться для того, чтобы выдѣляемое изъ безконечнаго признать за болѣе первичное, чѣмъ само выдѣляющее, какъ требовало того строгое опредѣленіе стихіи въ Метафизикѣ. Однимъ словомъ, понятіе стихіи въ строгомъ и точномъ значеніи оказалось вовсе не приложимымъ къ системѣ Анаксимандра, такъ какъ здѣсь равночастное оказалось въ одно и то же время и не простымъ, ибо выдѣляло изъ себя иное, и не было результатомъ соединенія многихъ самостоятельныхъ реальностей, такъ какъ предваряющаго его процесса не предполагалось.

Первое и основное различіе въ толкованіяхъ взгляда Аристотеля на природу Анаксимандрова безконечнаго обыкновенно сводится къ дилеммѣ, смотрѣлъ ли Аристотель на него какъ на $\delta\upsilon$ или какъ на $\mu\acute{\iota}\chi\mu\alpha$. Но для Аристотеля эти два понятія не противорѣчатъ другъ другу: они могутъ быть приложены къ одному и тому же предмету. Настаивающіе на единствѣ Анаксимандрова безконечнаго въ дѣйствительности хотятъ не только единства, но и простоты, они хотятъ видѣть въ немъ такое же простое бытіе, какое признавали философы, державшіеся теоріи уплотненія и разрѣженія. И настаивающіе на смѣшеніи какъ основной чертѣ Анаксимандрова безконечнаго хотятъ неравночастнаго бытія, а чего-то подобнаго хаосу, хотятъ, чтобы со стороны множественности оно не отличалось отъ смѣшенія у Эмпедокла и Анаксагора. Противоположность одинаго и смѣшенія, на дѣлѣ въ этихъ спорахъ есть противоположность между единымъ и простымъ, съ одной стороны, и составнымъ и неравночастнымъ, съ другой. Но между этими крайними членами для Аристотеля есть средній членъ—составное и, равночастное бытіе, съ которымъ именно и отождествляется въ его мысли Анаксимандрово безконечное. Отсюда неизбежное слѣдствіе: каждая изъ спорящихъ сторонъ можетъ наносить сильные удары противнику, но не можетъ защитить себя отъ столь же сильныхъ ударовъ съ его стороны. Аристотель дѣйствительно называетъ безконечное Анаксимандра единымъ, но никогда не называетъ и не можетъ называть его простымъ, тогда какъ къ началамъ философовъ, принимавшихъ теорію сплотненія и разрѣженія, онъ примѣняетъ понятіе простаго; онъ соединяетъ Анаксимандра съ принимавшими эту теорію, но въ такомъ случаѣ и для ихъ начала онъ довольствуется терминомъ „единое“, которое тотчасъ же дополняется терминомъ „простое“, какъ скоро они берутся въ отдѣльности. Точно также Аристотель никогда не называетъ начало Анаксимандра $\mu\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}$, тогда какъ къ веществу Анаксагора и Эмпедокла онъ постоянно при-

иъняеть это понятіе; онъ соединяеть вещество Анаксимандра съ веществомъ Анаксагора и Эмпедокла—но лишь тогда, когда сводитъ послѣднее къ понятію $\mu\acute{\upsilon}\rho\alpha$ и $\beta\upsilon$; когда же этого нѣтъ, тогда вещество обонхъ послѣднихъ философовъ сопоставляется имъ не съ единымъ безконечнымъ Анаксимандра, а съ атомами Демокрита.

Точнѣйшее понятіе Аристотеля о природѣ Анаксимандрова безконечнаго.

Что же это за бытіе, природа котораго вполне однородна, но которое тѣмъ не менѣе способно выдѣлать изъ себя разнородное и, слѣдовательно, представляется содержащимъ его какииъ-то образомъ въ себѣ? Однообразіе природы этого бытія не можетъ быть однообразіемъ одной изъ тѣхъ разнообразныхъ качественностей, которыя должны изъ нея выдѣлаться, потому что въ такомъ случаѣ она оказалась бы совершенно чуждою другимъ качественностямъ, которыя однако должны предсуществовать въ ней; природа этого бытія должна быть; очевидно, одинаково близка къ каждой качественности, которая изъ нея должна выдѣлаться. Единственное представление, которое при извѣстномъ, конечно, складѣ мысли могло бы показаться отвѣчающимъ этому неизбежному требованію и въ то же время вызывать иллюзію бытія зараза и однороднаго, и составнаго, есть представление о среднемъ, промежуточномъ между выдѣляемыми качественностями бытія. Соединяя другъ съ другомъ извѣстныя противоположности, напримѣръ, холодное и теплое, мы получаемъ среднее между ними бытіе и отсюда естественно можетъ зародиться представление вообще о среднемъ, между разнородными качественностями, бытія, въ которомъ слиты въ одну природу эти качественности, и которое поэтому можетъ выдѣлать ихъ изъ себя или разлагаться на нихъ. Если Аристотель, который смотритъ на природу Анаксимандрова безконечнаго какъ на однородную и въ то же время содержащую въ себѣ разнородное, самъ убѣжденъ, что можетъ существовать однородное и составное бытіе, и что таково именно всякое бытіе среднее между противоположностями, то какъ мы удержимся отъ заключенія, что безконечное Анаксимандра было для него такого именно рода бытіемъ? И еслибы онъ захотѣлъ характеризовать природу этого безконечнаго по его отношенію къ тѣмъ изъ такъ называемыхъ стихій, которыя прежде всего изъ него выдѣлялись и которыя считались за начала другими философами, то не долженъ

ли онъ бѣдѣ бы характеризовать его, назвавъ его среднимъ между этими стихіями, бытіемъ?

Аристотель, дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій упоминаетъ о принимавшихъ среднее начало между стихіями, не называя по имени представителей этого ученія (какъ онъ впрочемъ обыкновенно поступаетъ и при упоминаніи о признававшихъ началами воду, воздухъ и проч). Комментаторы Аристотеля Александръ, Темисцій, Филопонъ, Симплицій и Асклепій относили эти мѣста къ Анаксимандру. Высказанныя соображенія побуждаютъ, очевидно, и насъ искать въ нихъ указаній на безконечное этого мыслителя. Одинъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ нами выше, даетъ еще и особенный къ этому поводъ. Мы видѣли, что простое начало, о которомъ Аристотель упоминаетъ въ *Phys.* III. 5. 204. b. 22—23, ни въ какомъ случаѣ не есть Анаксимандрово безконечное. Если теперь предположить, что и подъ упоминаемымъ нѣрѣдко Аристотелемъ тѣломъ среднимъ между стихіями никогда не подразумѣвается это безконечное, то окажется, что въ Аристотелевыхъ перечняхъ мнѣній его предшественниковъ, столь обычныхъ у него при обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, нѣтъ упоминаній о началѣ Анаксимандра, кромѣ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ въ *Phys.* I. 4. и *Metaph.* XII. 2. Но если взять во вниманіе, что Аристотель, очевидно, стремится въ этихъ перечняхъ сжато объять всѣ важнѣйшія ученія древности по тому или иному вопросу, имъ обсуждаемому, и что онъ несомнѣнно ставитъ Анаксимандра никакъ не ниже другихъ мыслителей древности, то сдѣланное предположеніе окажется совершенно невѣроятнымъ.

Однако этотъ вопросъ сложнѣе, чѣмъ это могло бы показаться на первый взглядъ. Мы сказали, что только среднее начало допускало иллюзію однородности и въ то же время составности, и примѣръ самого Аристотеля показываетъ, что эта иллюзія была даже естественна для древняго міра. Но неизбѣжно все же она, конечно, не была. И въ древнемъ мірѣ могли быть философы, которые среднее по качественностямъ тѣло могли представлять столь же простымъ, какъ и тѣла, отличающіяся противоположными качественностями. Съ другой стороны и придти къ мысли, что начало всего есть среднее между стихіями вещество, могъ тотъ или другой философъ и не потому только, что искалъ бы въ первоначальномъ бытіи вещество въ одно и то же время и однородное и составное, но и по другимъ причинамъ. Когда Аристотель извѣщаетъ насъ, что существовали

философы, принимавшіе простое, особое отъ стихій начало на томъ основаніи, что безконечная стихія вслѣдствіе своей противоположности другимъ стихіямъ не допустила бы существованія послѣднихъ, то какъ иначе можемъ мы представить себѣ это простое начало, которое должно быть чуждо противоположностей стихій, если не среднимъ или промежуточнымъ между стихіями веществомъ? И какъ Аристотель могъ бы характеризовать его по его отношенію къ стихіямъ, если опять не терминомъ промежуточнаго между ними тѣла? Отсюда естественно возникаетъ недоумѣніе: что же именно мы должны разумѣть подъ среднимъ между стихіями веществомъ, о которомъ не разъ упоминаетъ Аристотель, безконечное ли Анаксимандра или начало простое неизвѣстнаго намъ мыслителя? Руководящей нити для выхода изъ этого затрудненія при очевидной спутанности представленія дѣла у комментаторовъ, не различающихъ тѣла простаго и сложнаго, намъ, очевидно, остается искать только у самого же Аристотеля. Аристотель, дѣйствительно, даетъ эту нить, только она оказывается у него такъ разнообразно переплетенною, что расплести ее можно не безъ труда и не иначе, какъ съ помощью понятій, уже нами выше установленныхъ.

Начнемъ съ того, что Аристотель упоминаетъ о двухъ среднихъ между стихіями началахъ, о среднемъ между огнемъ и воздухомъ и среднемъ между воздухомъ и водою, называя ихъ или просто среднимъ (τὸ μέσον, τὸ μεταξὺ) между поименованными стихіями или точнее—тончайшимъ одной изъ нихъ и плотнѣйшимъ другой¹⁾. Употребленіе въ отношеніи къ обоимъ этимъ началамъ однихъ и тѣхъ же общихъ терминовъ τὸ μέσον, τὸ μεταξὺ, а равно также упоминаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ о нихъ обоихъ виѣствъ (иногда въ раздѣльной дисъюнктивной формѣ, иногда въ формѣ менѣе опредѣленной, слитной), несомнѣнно показываютъ, какъ этого, конечно, и слѣдуетъ ожидать, что Аристотель видитъ нѣкоторое сродство между взглядами философъ, признававшихъ то и другое изъ этихъ среднихъ началъ. Однако эти два взгляда, очевидно, и не считаются имъ близнецами: встрѣчаются случаи, гдѣ, упоминая объ одномъ изъ нихъ, онъ по какой-то причинѣ не считаетъ нужнымъ упомянуть о другомъ; и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предпочтеніе, которое въ этихъ случаяхъ дѣлаетъ Аристотель одному какому-нибудь изъ этихъ взглядовъ, упоминая лишь о немъ, совсѣмъ нельзя объяснить изъ той

¹⁾ Цитаты будутъ приведены ниже.

черты, какою по этому взгляду непосредственно характеризуется вещество, напримеръ, какъ среднее между огнемъ и воздухомъ, а не какъ среднее между воздухомъ и водою. Отсюда въ виду разъясненной выше возможности двойаго взгляда на среднее, или какъ на вещество простое, или какъ на вещество составное, естественно возникаетъ вопросъ: не соединялось ли фактически въ системахъ древняго міра это послѣднее болѣе глубокое различіе во взглядѣ на среднее начало съ первымъ менѣе значительнымъ различіемъ въ пониманіи средняго какъ промежуточнаго вещества то между огнемъ и воздухомъ, то между воздухомъ и водою? *)

Несомнѣнно, что Аристотель не могъ считать безконечное Ана-

*) Ноторцъ. *Philos. Monatsh.* В. 20. Н. 6 — 7. 379 — 380, думаетъ, что уже самая характеристика средняго начала, какъ тончайшаго одной и плотнѣйшаго другой стихій, исключаетъ всякую возможность предполагать иное объясненіе происхожденія изъ него остальнаго бытія, кромя объясненія при помощи теорій уплотненія и разрѣженія. Однако у Аристотеля можно замѣтить нѣкоторое различіе терминовъ, обозначающихъ способъ происхожденія бытія у эмиссоновъ, привнававшихъ простое начало, отъ терминовъ, характеризующихъ оба среднія начала: первые у него всегда *μαρότης καὶ πυρότης*, вторые всегда *λεπτότερον καὶ πυρότερον* (однажды *καυότερον*). Это различіе имъ поглядовательно проводится, не смотря на то, что въ *De coel.* III. 5. 303. b. 22 — 25, о признающихъ теорію уплотненія и разрѣженія онъ говоритъ: *ἔτι δὲ τὸ μὲν πυρότητι καὶ μαρότητι τᾶλλα γεννᾶν οὐδὲν διαφέρει ἢ λεπτότητι καὶ καυότητι: τὸ μὲν γὰρ λεπτόν μαρόν, τὸ δὲ καυὸ βούλονται εἶναι πυρόν*, и не смотря также на то, что когда онъ хочетъ прямо по этому способу происхожденія характеризовать вообще какое бы то ни было ученіе о началѣ, лишь бы соединялась съ нимъ эта теорія, онъ употребляетъ (см. напримеръ, *Phys.* I. 6. нач. и кон.) термины *μαρόν καὶ πυρόν*. Дѣло въ томъ, что разрѣженность и уплотненность (какъ понятіе противоположное разрѣженности) суть различные способы распространенія известной массы вещества въ пространствѣ, а тонкость и плотность (какъ понятіе противоположное тонкости), правда, могутъ считаться результатомъ этого способа распространенія вещества, но могутъ разсматриваться и какъ такіа первичныя качественности известнаго вещества, которыя нельзя получить путемъ разрѣженія и уплотненія одного и того же вещества и которыя поэтому должны предсуществовать уже въ первооснованіи на ряду съ другими качественностями. Различіе огня по тонкости, напримеръ, отъ воды Анаксимандръ, конечно, такъ же мало могъ отрицать, какъ различіе его отъ нея по теплотѣ, но это также мало мѣшало ему вѣрять, что тонкое и плотное (въ смыслѣ контраста тремому) нельзя получить путемъ уплотненія и разрѣженія того же вещества, какъ нельзя получить такимъ путемъ теплаго и холоднаго. Мнѣніе Ноторца, мнѣ кажется, вызвано собственно неясностью на первый взглядъ того, почему начало характеризуется какъ среднее дѣленію между тонкимъ и плотнымъ. Но это уже другой вопросъ, который разъяснится далѣе самъ собою.

ксимандра за упоминаемое имъ среднее начало между воздухомъ и водою. Ссылка на это среднее начало является у него какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говоритъ онъ о простыхъ началахъ или гдѣ учение о происхожденіи остальнаго бытія ставится въ очевидную связь съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Такъ въ De coel. при разсужденіи о стихіяхъ, которому, какъ сказано выше, предпослано точное опредѣленіе стихіи тѣла, и въ которомъ понятіе о стихіи ясно отождествляется съ понятіемъ простаго тѣла, къ признающимъ одну стихію отнесены, кромѣ признающихъ одну изъ извѣстныхъ четырехъ стихій, также представители ученія о среднемъ началѣ между воздухомъ и водою, и взгляды всѣхъ этихъ философовъ критически обсуждаются въ связи съ теоріей разрѣженія и уплотненія ¹⁾. Нѣчто, вполне соответствующее этому, встрѣчаемъ въ Metaph. I. 8. Аристотель начинаетъ эту главу возраженіями противъ философовъ, которыхъ характеризуетъ очень обще, такъ что характеристика приложена ко всѣмъ признающимъ одно начало, будетъ ли то простое или составное, но однозначное: *δοσι... ἐν τε τὸ πᾶν καὶ μίαν τινὰ φύσιν ὡς ἄλην τιθέασιν*, и хотя тотчасъ же о нихъ говорится, что они *τῶν γὰρ σωματῶν τὰ στοιχεῖα τιθέασιν μόνον*, *τῶν δ' ἀσωμάτων* об, однако характеръ самаго возраженія, одинаково приложимаго ко всѣмъ физикамъ монистамъ, не исключаетъ возможности предполагать, что терминъ *στοιχεῖα* употребленъ здѣсь въ менѣе точномъ значеніи. Но вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ упрекъ, который Аристотель развиваетъ подробно и при которомъ онъ самъ ясно говоритъ, что имѣетъ въ виду именно признающихъ простыя тѣла, и сначала даже ограничиваетъ свои возраженія философами, признававшими одну изъ четырехъ стихій ²⁾. Возраженіе, которое здѣсь дѣлается противъ нихъ, затрогиваетъ ихъ ученіе о происхожденіи бытія; хотя теорія сжатія и расширенія здѣсь прямо не называется, но указаніе на признававшихъ одну изъ стихій, характеристика взгляда на происхожденіе другихъ стихій изъ начала ³⁾, наконецъ самое возраженіе, по существу то-

¹⁾ De coel. III. 5. нач.: *ἐπεὶ δ' ἀνάγκη πεπεράσθαι τὰ στοιχεῖα, λοιπὸν σκέψασθαι πότερον πλείω ἔσται ἢ ἓν. ἔτιοι γὰρ ἐν μόνον ὑποτίθενται, καὶ τοῦτο οἱ μὲν ὕδωρ, οἱ δ' ἀέρα, οἱ δὲ πῦρ, οἱ δ' ὕδατος μὲν λεπτότερον αἶρος δὲ πυκνότερον... δοσι μὲν οὖν τὸ ἐν τούτῳ ποιοῦσιν ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ ὕδατος μὲν λεπτότερον αἶρος δὲ πυκνότερον, εἴτ' ἐκ τούτου πυκνότητι καὶ μανότητι τᾶλλα γενῶσιν, οὗτοι λαμβάνουσιν αὐτοὶ αὐτοῦς κτλ.*

²⁾ Metaph. I. 8. 988. b. 29—32: *καὶ πρὸς τούτοις τὸ ραδίως τῶν ἀπλῶν σωματῶν λέγειν ἀρχὴν ὅτιοῦν πλὴν γῆς... λέγω δὲ πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γῆν καὶ ἀέρα.*

³⁾ Ibid. 30—31: *οὐκ ἐπισχεψάμενοι τὴν ἐξ ἀλλήλων (то-естъ, простыхъ тѣлъ) γένεσιν πῶς ποιοῦνται... τὰ μὲν γὰρ συγχεῖσι, τὰ δὲ διαχεῖσι ἐξ ἀλλήλων γίνεσται.*

жественное съ тѣмъ, которое дѣлается въ De coel. III. 5 противъ этой теоріи, все это слишкомъ ясно говорить, что дѣло идетъ объ этой именно теоріи. Закончивъ разъясненіе возраженія, Аристотель прибавляетъ, что оно относится не только къ признающимъ одну изъ четырехъ стихій, но и къ тому, кто признавалъ бы начало болѣе плотное, чѣмъ воздухъ, и болѣе тонкое, чѣмъ вода ¹⁾). Такимъ образомъ и здѣсь при разсужденіи о признающихъ единое простое начало, при возраженіи, имѣющемъ въ виду теорію разрѣженія и уплотненія, упоминаются считавшіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Въ Phys. III. 5 при возраженіяхъ противъ существованія безконечнаго тѣла, какъ мы видѣли, признающіе безконечное простое тѣло дѣлились на допускающихъ безконечность одну изъ четырехъ стихій и на принимающихъ нѣкоторое безконечное тѣло сверхъ стихій, которое не должно имѣть противоположностей, отличающихъ стихіи. Въ обоихъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ сейчасъ шла рѣчь, De coel. III. 5, и Metaph. I. 8, къ говорящимъ о простомъ началѣ причисляются, кромѣ считающихъ за начало одну изъ четырехъ стихій, признающіе началомъ вещество среднее между воздухомъ и водою. Отсюда ясно, какое именно простое начало, сверхъ четырехъ стихій, чуждое ихъ противоположностей разумѣлъ Аристотель въ Phys. III. 5. Есть еще упоминаніе также о среднемъ только между воздухомъ и водою. Оно дѣлается въ той же Phys. III. 5 при критикѣ безконечнаго ἀνόμοιον, то-есть, составнаго изъ простыхъ тѣлъ не слившихся въ одну природу. Здѣсь Аристотель между прочимъ высказываетъ (какъ и противъ σύνθετον) ту мысль, что, если число частей различныхъ по виду въ такомъ безконечномъ будетъ ограниченное, то какія-либо изъ этихъ частей должны быть безконечны, чтобы цѣлое было безконечно; но въ такомъ случаѣ безконечное уничтожитъ противоположное себѣ. Для поясненія этой мысли Аристотель здѣсь говоритъ: „потому-то никто изъ физиковъ не принималъ одинаго безконечнаго за огонь или землю, а за воздухъ или воду, или среднее между ними“, такъ какъ только послѣднія могутъ одинаково находиться и сверху, и внизу ²⁾); то-есть, онъ хочетъ сказать, что тотъ,

¹⁾ Ibid., 989. а. 12—15: κατὰ μὲν οὖν τοῦτον τὸν λόγον οὐτ' εἰ τις τούτων (то-есть, изъ четырехъ стихій) τι λέγει πλὴν πυρός, οὐτ' εἰ τις ἀέρος μὲν πυκνότερον τοῦτο τίθησιν ὕδατος δὲ λεπτότερον, οὐκ ὀρθῶς ἀν λέγει.

²⁾ Phys. III. 5. 205. а. 25—29: καὶ διὰ τοῦτ' οὐθεὶς τὸ ἐν καὶ ἄπειρον πῦρ ἐποίησεν. οὐδὲ γὰρ τῶν φυσιολόγων, ἀλλ' ἢ ὕδωρ ἢ ἀέρα ἢ τὸ μέσον αὐτῶν, οἷσι τόπος ἐκείνου ὄψλος ἦν διωρισμένος, ταῦτα δ' ἐπαμφοτερίζει τῷ ἔνω καὶ κάτω.

кто захотѣлъ бы изъ нѣсколькихъ составныхъ частей разнovidнаго безконечнаго признать какую-нибудь часть безконечною, не долженъ забывать, чего не забывали физики, признававшіе одну стихію, именно — что безконечная стихія должна владѣть способностью занять всѣ мѣста, а поэтому говорить о другихъ составныхъ частяхъ того же безконечнаго будетъ уже, очевидно, не возможно. Хотя, указывая здѣсь на примѣръ физиковъ-монистовъ, Аристотель прямо и не говоритъ, что имѣетъ въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые признавали простое начало, и, слѣдовательно, это мѣсто принявъ доказательствомъ простоты начала средняго между воздухомъ и водою служить не можетъ, однако возраженіе Аристотеля направлено здѣсь противъ разнovidнаго безконечнаго, части котораго остаются простыми, и рѣчь идетъ о безконечности какой-либо изъ этихъ простыхъ частей, а поэтому не только не будетъ противорѣчить общему смыслу Аристотелевой рѣчи, но и будетъ наиболее согласно съ нимъ предположеніе, что и при примѣрѣ, взятомъ для разъясненія возраженія, имѣются въ виду также признающіе простое безконечное.

По видимому, въ важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Аристотеля объ Анаксимандрѣ, *Phys. I, 4*, содержится ясное и рѣшительное доказательство невозможности отождествлять безконечное Анаксимандра и съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Тамъ говорится: *οἱ μὲν ἐν κοινήσιντες τὸ ὄν ὁμοίανον, ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο, ὃ ἐστὶ πῦρ ἢ μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, τὰλλα γυνώσκει πυκνότητι . . . οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἐνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνασθαι, ὡς καὶ Ἀναξίμανδρος φησὶ*; то-есть, признававшіе среднее между огнемъ и воздухомъ начало, по видимому, прямо и ясно противопоставляются Анаксимандру. Однако уже комментаторы Аристотеля давали такое толкованіе этому мѣсту, при которомъ не только не отрицается, но прямо предполагается возможность отождествить безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Изъ толкованія Филопона совершенно ясно, что онъ смотритъ на слова *ἐν κοινήσιντες τὸ ὄν . . . λεπτότερον* какъ на общую характеристику обѣихъ группъ, въ которую вошли въ дисъюнктивной формѣ и частныя характеристики каждой изъ нихъ, то-есть, по его мнѣнію, это мѣсто имѣетъ такой смыслъ: изъ признающихъ существующее за единое тѣло въ смыслѣ субстрата и именно или за одну изъ трехъ стихій, или за иное болѣе плотное, чѣмъ огонь, и болѣе тонкое, чѣмъ воздухъ, одни остальное рождаютъ и т. д. ¹⁾ При комментаріѣ къ

¹⁾ Philop. in Arist. *Phys.* ed. Vitelli. 1887 — 1888. 90. 27 — 91. 2: *ὁμοίανον*

этому же мѣсту Симплицій замѣчаетъ, что одни изъ физиковъ признають единое, другіе многое, и что признающимъ единое, по словамъ Аристотеля, принадлежать два способа порожденія изъ него существующаго, именно: всѣ они принимаютъ это единое за нѣчто тѣлесное, но одни принимаютъ его за какую-нибудь одну изъ трехъ стихій, нѣкоторые же—за нѣчто отличное отъ послѣднихъ, плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха ¹⁾. Неугаузеръ ²⁾ совершенно справедливо указываетъ на эти слова Симплиція какъ на доказательство того, что Симплицій на *ἐν ποιήσαντας τὸ ἐν . . . λεπτότερον* смотритъ какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Подъ признающими многое Симплицій, несомнѣнно, разумѣетъ здѣсь тѣхъ, кого далѣе Аристотель называетъ *ἄοι ἐν καὶ πολλὰ φασιν εἶναι*, слѣдовательно, къ признающимъ *ἐν* относитъ и Анаксимандра; всѣхъ признающихъ единое онъ дѣлитъ затѣмъ на принимающихъ одну изъ трехъ стихій и принимающихъ начало среднее между огнемъ и воздухомъ, слѣдовательно, это дѣленіе относится не къ первой только группѣ, но къ обѣимъ. Но то же еще опредѣленіе и яснѣе высказываетъ Симплицій при комментаріѣ къ самому началу Аристотелева изслѣдованія о числѣ началъ; здѣсь онъ, несомнѣнно, какъ показываютъ самца его слова, имѣетъ въ виду то мѣсто Аристотеля, съ которымъ теперь мы имѣемъ дѣло; указывая на это именно мѣсто, онъ разъясняетъ, что Аристотель здѣсь физиковъ дѣлитъ на признающихъ или единое, или единое и многое, и тотчасъ же единое прямо называетъ или одною изъ трехъ стихій, или среднимъ ³⁾.

οὐκ ὑπερβαστέον τὴν λέξιν (то-есть, этого Аристотелева мѣста) ὡς δὲ οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσὶν ἐν γὰρ ποιήσαντας τὸ ἐν ὅμα τὸ ὑποκείμενον καὶ τὰ ἕξῃς, τὰ ἄλλα γεννῶσιν, οἱ μὲν πυκνότητι καὶ μανότητι, οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἐνός ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι λέγουσιν.

¹⁾ *Simpl. in Arist. Phys. 149. 3—10: καὶ γὰρ τῶν φυσικῶν οἱ μὲν ἐν, οἱ δὲ πολλὰ λέγουσιν, καὶ τῶν ἐν λεγόντων δύο τρόπους εἶναι φησι ('Αριστοτέλης) τῆς ἐκ πρώτου τῶν δυτῶν γενέσεως: πάντες μὲν γὰρ σωματικόν τι τὸ ἐν ὑποτίθενται τοῦτο, ἀλλ' οἱ μὲν ἐν τι τῶν τριῶν στοιχείων . . . τινες δὲ ἄλλο τι τῶν τριῶν ὑπέβητο ὅ ἐστι πυρὸς μὲν πυκνότερον, αἴρος δὲ λεπτότερον.*

²⁾ *Newl. Anax. M. 181—182.*

³⁾ *Simpl. in Phys. 22. 3—7: ἰστέον δὲ ὅτι προελθῶν (то-есть, Аристотель) ἐν τοῖς πρὸς αὐτοὺς λόγοις μετὰ τὸ πρὸς Μελίσσον καὶ Παρμενίδην ἀνταρκεῖν τοὺς φυσικοὺς κατονομάζοντες προχειρισάμενος (тѣмъ именно именемъ равнѣняемому теперь Аристотелева мѣста) οὕτως διεῖλεν ἢ ἐν τὸ ἐν λέγουσιν ἢ τὸ στοιχεῖον, ἢ ἐν καὶ πολλὰ, ἐν μὲν, εἰ τῶν τριῶν τι στοιχείων ἢ τὸ μεταξύ, ἐν δὲ καὶ πολλὰ, φησὶ Ἀναξίμανδρος καὶ Ἐμπεδοκλῆς. Шлегельмюллеръ, *Ueb. Anax. 180—181*, и слѣдующіе за нимъ ученые не останавливали вниманія на этихъ и вышеприведен-*

Толкованія на это мѣсто Александра мы не имѣемъ; но мы знаемъ, что Александръ смотрѣлъ на безконечное Анаксимандра какъ на τὸ μεταξὺ, и Симплицій тутъ же при своемъ толкованіи говоритъ объ этомъ взглядѣ Александра; и хотя онъ прямо о толкованіи Александромъ

ныхъ словахъ Симплиція, но имѣя въ виду кратко и очень неопредѣленно выраженное возраженіе, которое дѣлаетъ Симплицій противъ Поренріева толкованія словъ Аристотеля, очевидно, предполагали, что онъ слова ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν κτλ. относитъ исключительно къ первой группѣ. Симплицій, возражая противъ Поренріа, говоритъ, *ibid.* 149. 18—27: αὐτοφωτότερον δέ μοι δοκεῖ κατὰ τὴν λέξιν (то-есть, Аристотелевой рѣчи) μὴ ὡς ἀντιδιηρημένου τοῦ σώματος πρὸς τὰ στοιχεῖα καὶ τὸ μεταξὺ ἀκοῦειν (то-есть, какъ толковалъ Поренріа), ἀλλ' ὡς διηρημένου μᾶλλον εἰς τε τὰ τρία καὶ τὸ μεταξὺ σῶμα γὰρ τὸ ὑποκειμένον φησὶν ('Αριστοτέλης) ἢ τῶν τριῶν τι ἢ ἄλλο ὃ ἐστὶ πῦρὸς μὲν πυκνότερον αἶρος δὲ λεπτότερον, καὶ μέντοι κοινῶς περὶ τῶν προειρημένων ἐπήγαγεν, ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι μανότῃ καὶ πυκνότητι, καίτοι τοῦ 'Αναξίμανδρου, ὡς αὐτὸς φησὶ, μὴ οὕτως· γεννῶντος. ἀλλὰ κατὰ ἔκκρισιν τὴν ἀπὸ τοῦ ἀπείρου: πῶς οὖν εἰ τοῦτον ἔλεγε, εἶναι τὸν σῶμα δδιορίστω: ὑποθέμενον κοινῶς ἐπήγαγε τὴν κατὰ ἀλλοίωσιν γένεσιν; понимая подъ ὄν προειρημένοι всѣхъ въ совокупности ἐν ποιήσαντες и видя, что Симплицій къ нимъ всѣмъ относитъ предикатъ первой группы, теорію разрѣшенія и уплотненія, естественно полагали, что онъ на ἐν ποιήσαντες κтл. смотритъ какъ на характеристическое опредѣленіе этой группы въ ея отличіи отъ группы второй. Но при этомъ ученые, такъ думавшіе, вынуждены были смотрѣть на это возраженіе Симплиція противъ Поренріа какъ на логически независимое и противорѣчивое. Въ самомъ дѣлѣ изъ того, что Аристотель всѣмъ признававшимъ единое за одно изъ *опредѣленно обозначаемыхъ* тѣлъ, то-есть, за одну изъ стихій или за среднее между ними приписываетъ теорію разрѣшенія и уплотненія, а Анаксимандру усвоить не эту, а другую теорію — выдѣленія, никакъ не будетъ слѣдовать, что Анаксимандръ не могъ признавать единое за тѣла, оставленное безъ опредѣленія, какъ думалъ Поренріа. Прямо на оборотъ отсюда будетъ слѣдовать ошибочность взгляда самого Симплиція, отождествившаго безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между стихіями. Ясно, что слова Симплиція потеряютъ при такомъ пониманіи ихъ всякій логическій смыслъ. Первую часть возраженія Симплиція, по моему мнѣнію, правильно разъясняетъ Нейгәузеръ (*Анах.* М. 181—182). Симплицій и Поренріа, думаетъ онъ, одинаково смотрѣли на ἐν ποιήσαντες κтл. какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, соединенное съ двухчленною дисъюнкціей и различались лишь тѣмъ, что, по Симплицію, членами этой дисъюнкціи были τῶν τριῶν τι и ἄλλο τι πρὸς πυκνότερον κтл., а по Поренрію — оба эти понятія относились ко второму члену дисъюнкціи, представляя собою два ея вида, а первымъ членомъ ея было сῶμα τὸ ὑποκειμένον. Противъ этого взгляда Симплицій въ первой части возраженія замѣчаетъ, что текстъ Аристотелевой рѣчи не говоритъ въ пользу Поренріева толкованія, а высказываетъ мысль о раздѣленіи на τῶν τριῶν τι и ἄλλο. Что же касается второй части возраженія, то можетъ быть, ее можно истолковать слѣдующимъ образомъ. Симплицій обращаетъ здѣсь вниманіе на самую послѣдовательность, въ которой

словъ Аристотеля не упоминаетъ, но, если имѣть въ виду, что онъ обыкновенно даже въ менѣе значительныхъ случаяхъ очень охотно заявляетъ о различіяхъ своихъ толкованій отъ Александровыхъ, и что отождествленіе безконечнаго Анаксимандра съ τὸ μεταῦ можетъ быть соглашено съ словами Аристотеля только при отнесеніи ἐν ποιήσαντες κτλ. къ обѣимъ группамъ физиковъ, то необходимо придти къ заключенію, что и Александръ держался того же толкованія. Это согласіе комментаторовъ ¹⁾ имѣетъ свое значеніе: оно доказываетъ, что для греческихъ писателей подобное толкованіе текста Аристотелевой рѣчи не казалось невозможнымъ. Въ самыхъ словахъ Аристотеля можно найти даже основаніе для того, чтобы на ἐν ποιήσαντες τὸ ὄν κтл. смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ физиковъ. Нейгәузеръ ²⁾ справедливо ставитъ на видъ, что въ противномъ случаѣ οἱ δέ, то-есть, вторая группа, останется безъ всякаго опредѣленія, и для читателя будетъ совершенно неизвѣстно, въ чемъ именно состоитъ ея отличіе отъ первой. Съ другой стороны—не подлежитъ сомнѣнію и большинствомъ ученыхъ признается, что Анаксимандрово безконечное разсматривается здѣсь Аристотелемъ какъ единое тѣло, и что оно не менѣе, чѣмъ вещество другихъ древнихъ физиковъ,

высказаны Аристотелемъ члены дистрикціи. При его толкованіи словъ Аристотеля Анаксимандръ долженъ относиться къ послѣднему ея члену (ἄλλο), при толкованіи Πορφυρία—къ первому (εἴμα τὸ ὑποκείμενον). Такъ какъ онъ утверждаетъ, что послѣдовательность членовъ дистрикціи должна соответствовать послѣдовательности группъ οἱ μὲν и οἱ δέ, а Анаксимандръ отнесенъ Аристотелемъ къ послѣдней, а не къ первой, которой приписана теорія разрѣженія и уплотненія, то онъ естественно замѣчаетъ противъ Πορφυρία, что Аристотель тѣмъ изъ принимающихъ единство принципа, которыхъ онъ въ своей рѣчи поставилъ впереди (καὶ τῶν προσηρημένων, въ подобномъ же значеніи προσηρῆν употребляетъ, напримеръ, Аристотель, въ Rhet II, 21, 1394, b, 31), возмъ въ совокупности (κοινῶς, см. Simplic. 150, 1—2, гдѣ Симплиціи, при болѣе подробномъ разъясненіи первой группы, замѣчаетъ противъ Θεοφράста, относившаго теорію разрѣженія и уплотненія къ одному Анаксимандру: ἄλλοι δὲ ὡς καὶ οἱ ἄλλοι τῇ μανότητι καὶ πυκνότητι ἐχρῶντο, καὶ γὰρ Ἀριστοτέλης περὶ πάντων τούτων εἶπε κοινῶς, ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι πυκνότητα κтл.) усвоить теорію разрѣженія и уплотненія, тогда какъ Анаксимандру усвоить ἐχριστον, а поэтому безконечное Анаксимандра не можетъ подразумеваться подъ εἴμα τὸ ὑποκείμενον, оставленное безъ дальнѣйшихъ опредѣленій, то-есть, подъ предполагаемый у Πορφυρία первый членъ дистрикціи.

¹⁾ Изъ вышеприведенныхъ словъ Симплиціи видно, что, по крайней мѣрѣ какъ понималъ Симплиціи Πορφυρία, Πορφυриѣ въ этомъ отношеніи не отличался отъ другихъ комментаторовъ, а только иначе толковалъ самое раздѣленіе означенныхъ на группы.

²⁾ Nöel. Anax. M. 168.

имѣло право быть толкуемо въ смыслѣ субстрата ¹⁾. Но, отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ слова $\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\omicron\iota\eta\sigma\alpha\upsilon\tau\epsilon\varsigma\ \tau\omicron\ \delta\upsilon\ \rho\acute{\alpha}\mu\alpha\ \tau\omicron\ \delta\iota\kappa\omicron\alpha\iota\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon$ должны были пониматься Аристотелемъ какъ относящіяся одинаково къ обѣимъ группамъ. Если же это такъ, то и непосредственно слѣдующая за ними дисъюнкція $\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\iota\delta\iota\upsilon\ \tau\iota\ \eta\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\ \chi\tau\lambda.$ въ такомъ случаѣ сворѣе будетъ имѣть смыслъ общаго дѣленія, родоваго понятія, чѣмъ указанія на виды одной изъ группъ, къ нему относящихся. Руководствуясь толкованіемъ, которое выше дано было нами этому мѣсту въ цѣломъ его видѣ, мы, какъ кажется, можемъ даже понять, по какой причинѣ Аристотель допустилъ это во всякомъ случаѣ необычное соединеніе общаго опредѣленія съ первымъ изъ его видовъ, а не предпослалъ его ихъ перечисленію. Сказавъ, что есть два способа разсужденій физиковъ, и начиная тотчасъ за тѣмъ свою рѣчь словомъ $\omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu$, онъ этимъ очень ясно даетъ понять, что эти два способа совпадаютъ съ $\omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\omicron\iota\ \delta\acute{\epsilon}$, то-есть, съ двумя группами древнѣйшихъ физиковъ, и что слѣдующіе за тѣмъ $\delta\omicron\omicron\ \tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota$ разсужденій физиковъ означаютъ не взгляды всѣхъ древнихъ мыслителей, съ одной стороны, и взгляды признающихъ единое и многое—съ другой, а соотвѣтствуютъ именно дѣленію мыслителей, къ одной части которыхъ примыкаютъ и непоследовательные плюралисты. Однимъ словомъ, выразить мысль, которую хочетъ высказать Аристотель, въ такой сжатой формѣ, въ какой она высказана имъ, нельзя было иначе, какъ начать съ $\omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu$, и слѣдовательно, отнесши общее опредѣленіе обѣихъ группъ къ одной изъ нихъ. Но если на $\acute{\epsilon}\nu\ \kappa\omicron\iota\eta\sigma\alpha\upsilon\tau\epsilon\varsigma\ \chi\tau\lambda.$ смотрѣть какъ на общее опредѣленіе обѣихъ группъ, а на дисъюнкцію, съ нимъ соединенную, какъ на перечисленіе видовъ вещества, которые у представителей обѣихъ группъ имѣли значеніе субстрата, то несомнѣнно, что это свидѣтельство Аристотеля не только не будетъ противорѣчить отождествленію безконечнаго Анаксимандра съ среднимъ между огнемъ и воздухомъ веществомъ, но прямо будетъ вызывать мысль объ этомъ тождествѣ. Въ пользу этой же мысли, мнѣ кажется, рѣшительно говорятъ три слѣдующія основанія.

¹⁾ Это слѣдуетъ уже изъ отнесеннаго здѣсь къ нему: $\acute{\alpha}\lambda\lambda\ \acute{\epsilon}\nu\ \delta\iota\kappa\omicron\alpha\iota\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon$.

1) Мы уже видѣли, что въ тѣхъ двухъ случаяхъ, De coel. III. 5 и Metaph. I. 8, гдѣ ясно идетъ дѣло или о простыхъ тѣлахъ, или о стихіяхъ въ точномъ Аристотелевомъ значеніи этого слова и гдѣ или столь же ясно, или *implicite* ведется полемика противъ теорій разрѣженія и уплотненія, упоминаются признающіе среднее вещество между воздухомъ и водою. Въ обоихъ этихъ случаяхъ упоминанія о признающихъ среднее между огнемъ и воздухомъ нѣтъ. Чтобы взвѣснить все значеніе этого умолчанія, нужно обратить вниманіе на три слѣдующія обстоятельства. Вопервыхъ, Аристотелевы перечни видовъ, подлежащихъ его обсужденію, въ обоихъ этихъ случаяхъ имѣютъ видъ не случайно взятыхъ примѣровъ, а полного перечисленія видовъ. Во вторыхъ, при перечняхъ философскихъ мнѣній, имѣющихъ болѣе общій характеръ, какъ увидимъ это далѣе, на оборотъ, по преимуществу выступаетъ среднее вещество между огнемъ и воздухомъ, и слѣдовательно, никакъ нельзя думать, что послѣднее опускается въ этихъ случаяхъ потому, что Аристотель придавалъ ему менѣе значенія. Втретьихъ, нужно обратить вниманіе на то возраженіе, которое дѣлаетъ здѣсь Аристотель противъ теорій разрѣженія и уплотненія. Онъ указываетъ на непослѣдовательность всѣхъ философовъ, державшихся этой теоріи; за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые огонь признавали началомъ всѣхъ вещей; ему кажется, что при послѣдовательномъ развитіи подобной теоріи наиболѣе простымъ должно представляться самое тонкое вещество, а всѣ другія вещества должны оказаться результатомъ сплотненія или соединенія его частей; но тончайшимъ веществомъ всѣ считаютъ огонь ¹⁾. Съ точки зрѣнія этой критики, конечно, болѣе заслуживало бы упоминанія вещество среднее между огнемъ и воздухомъ, еслибы ученіе о немъ также соединялось съ теоріей сжатія и расширенія, чѣмъ вещество среднее между воздухомъ и водою, такъ какъ первое по тонкости занимаетъ ближайшее къ огню мѣсто. Особенно казалось бы естественнымъ ждать упоминанія о немъ въ Metaph. I. 8. Здѣсь Аристотель

¹⁾ De coel. III. 5. 303. b. 17—21: ἔστι γὰρ ἡ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις σύνθεσις, ὡς φασιν, ἡ δ' εἰς τὰ στοιχεῖα διάλυσις, ὡς ἀνάγκη πρότερον εἶναι τῇ φύσει τὸ λεπτομερέστερον. ἐπεὶ οὖν φασὶ πάντων τῶν σωμάτων τὸ πῦρ λεπτότατον εἶναι, πρῶτον ἂν εἴη τῇ φύσει τὸ πῦρ. Подобно въ Metaph. I. 8. 988 b. ком.: τὰ μὲν γὰρ συγχρίσει, τὰ δὲ διακρίσει ἐξ ἀλλήλων γίγνεται· τοῦτο δὲ πρὸς τὸ πρότερον εἶναι καὶ ὕστερον διαφέρει κλειστόν· τῇ μὲν γὰρ ἂν δόξαι στοιχειωδέστατον εἶναι πάντων, ἐξ οὗ γίνονται συγχρίσει πρῶτον, τοιοῦτον δὲ τῇ μικρομερέστατον καὶ λεπτότατον ἂν εἴη τῶν σωμάτων. διόπερ θεοὶ πῦρ ἀρχὴν τιθεῖσιν, μάλιστα ὁμολογουμένως ἂν τῷ λόγῳ τοῦτ' ἔλεγον.

въ началѣ своей критики перечисляетъ только четыре стихія и лишь въ заключеніи ея расширяетъ свой выводъ, придавая ему характеръ вывода общаго, и говоритъ, что на представленномъ основаніи не состоятеленъ взглядъ какъ признающихъ какую-либо изъ этихъ стихій, такъ и признающихъ среднее между воздухомъ и водою. Здѣсь кажется особенно удивительнымъ, какимъ образомъ при этомъ расширеніи вывода указано на начало, несостоятельность ученія о которомъ подразумевается сама собою, какъ скоро критика имѣла уже въ виду ученіе о воздухѣ, болѣе тонкомъ, чѣмъ это начало, а не упомянуто о началѣ ближайшемъ къ огню, чѣмъ всѣ упомянутыя ранѣе стихія, что дѣйствительно расширяло бы выводъ и указывало бы крайнюю грань, до которой онъ простирается. Всѣ эти недоумѣнія разъясняются сами собою, какъ скоро мы предположимъ, что Аристотель не относилъ ученіе о веществѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ къ ученіямъ о простыхъ началахъ и не считалъ его соединеннымъ съ теоріей разрѣженія и уплотненія. Но мы знаемъ, кромѣ этой теоріи, только теорію выдѣленія и между монистами знаемъ одного только представителя ея Анаксимандра.

2) При критическомъ обзорѣ мнѣній своихъ предшественниковъ о причинахъ и началахъ, сдѣланномъ въ *Metaph. I. 3—6*, Аристотель не упоминаетъ вообще о признававшихъ среднее вещество. Но когда въ 7-й главѣ онъ дѣлаетъ сжатое повтореніе сказаннаго, онъ дополняетъ сдѣланный пропускъ и упоминаетъ о принимавшихъ среднее между огнемъ и воздухомъ вещество. Одни, говоритъ онъ, принимаютъ начало въ смыслѣ вещества—все равно предполагаютъ ли они одно начало или многія; затѣмъ, охарактеризовавъ вещество Платона, Пифагорейцевъ, Эмпедокла и Анаксагора, продолжаетъ: эти всѣ коснулись этого рода причины и еще всѣ тѣ, которые (принимали за начало) воздухъ или огонь, или воду, или вещество плотнѣйшее огня и тончайшее воздуха, потому что нѣкоторые и такъ опредѣляли первую стихію ¹⁾. Употребленный здѣсь для обозначенія этого средняго термина «первая стихія» замѣчательнъ. Аристотель, когда говоритъ о принимаемыхъ древними стихіяхъ, понимая подъ ними и вещественныя начала, говоритъ обыкновенно о признаніи ими одной

¹⁾ *Metaph. I. 7. 988. a. 23—32: οἱ μὲν γὰρ ὡς ὕλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, ἂν τε μίαν ἂν τε πλείους ὑποθῶσι... οὗτοι τε δὲ πάντες τῆς τοιαύτης αἰτίας ἡμέτεροι εἰσὶ, καὶ ἔτι οἱ δοοὶ ἀέρα ἢ πῦρ ἢ ὕδωρ ἢ πυρὸς μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ λεπτότερον· καὶ γὰρ τοιοῦτον τινες εἰρήχασιν εἶναι τὸ πρῶτον στοιχεῖον.*

стихій или многихъ (какъ и здѣсь онъ тѣмъ же начинаетъ свою рѣчь, употребляя лишь вмѣсто понятія τὸ στοιχεῖον понятіе τὴν ἀρχὴν ὡς ἅλην), но о признающихъ первую стихію онъ не говоритъ. Понятіе первой стихіи, когда дѣло идетъ просто о томъ, чтобы указать на число признаваемыхъ стихій, есть противорѣчивое понятіе. Понятіе стихіи само уравнивается понятію вообще первоначальнаго (въ смыслѣ не разложимаго далѣе и лежащаго въ основѣ всего другаго) бытія и можетъ быть замѣнено названіемъ τὸ πρῶτον, подобно тому какъ и стихіи тѣлѣ въ другихъ случаяхъ называются у Аристотеля τὰ πρῶτα σφῆρατα и даже просто τὰ πρῶτα. Соединеніе этихъ двухъ терминовъ въ одинъ и образованіе изъ нихъ понятія τὸ πρῶτον στοιχεῖον можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда имѣется въ виду указать на особое какое-либо преимущество одной стихіи предъ другими, и слѣдовательно, лишь когда дѣло идетъ о взглядѣ, допускающемъ существованіе многихъ стихій, и цѣль состоитъ не въ опредѣленіи числа ихъ, а въ указаніи на особое значеніе какой-либо изъ нихъ предъ остальными равно первоначальными. Въ этомъ именно смыслѣ Аристотель называетъ первую стихіей свою пятую стихію—эфиръ, вслѣдствіе усвояемой ей высшей совершеннѣйшей природы сравнительно съ остальными четырьмя стихіями. Поэтому, если мы видимъ, что этотъ терминъ примѣненъ къ среднему началу между огнемъ и воздухомъ, помѣщенному среди началъ, принимавшихся за единыя начала, и примѣненъ единственно къ нему въ цѣломъ обширномъ историко-критическомъ очеркѣ, гдѣ слово στοιχεῖον употреблено очень значительное число разъ, то едва ли мы можемъ сомнѣваться, что Аристотель смотрѣлъ на это среднее между огнемъ и воздухомъ начало иначе, чѣмъ на другія единичныя начала. Не смотря на то, что оно несомнѣнно было для него ἐν οἴκῳ (Phys. I. 4), μία φύσις (Genes. et. cog. II. 1), оно должно было предполагать или, такъ какъ дѣло идетъ объ одномъ только принципѣ, заключать въ себѣ, по его взгляду, нѣкоторую множественность, которая считалась имъ въ известномъ смыслѣ столь же первоначальною, какъ и однообразная природа самого этого начала. Только такъ мы можемъ объяснить себѣ, почему понятіе единой стихіи здѣсь оказалось не приложимымъ, и явилась необходимость къ единому началу приложить терминъ первой стихіи. Если понятіе первой стихіи въ примѣненіи къ началу, которое не предполагаетъ другихъ началъ внѣ себя, въ независимости отъ себя, а слѣдовательно, не предполагаетъ и существованія въ собственномъ смыслѣ другихъ стихій, должно представляться шаткимъ и дву-

смысленнымъ, то въ этомъ сказывалась только та же самая неприменимость къ среднему веществу между огнемъ и воздухомъ понятія о стихіи въ строгомъ Аристотелевомъ смыслѣ, какая сказалась въ необходимости исключить безконечное Анаксимандра изъ изслѣдованія о стихіяхъ тѣлъ въ *De coel.* III. 5. Разница состояла лишь въ томъ, что совсѣмъ умолчать о принципѣ Анаксимандра въ историко-критическомъ обзорѣ *Μεταφυσικῆς*, гдѣ дѣло шло не о частномъ вопросѣ о стихіяхъ тѣлъ, а объ общемъ, о послѣднихъ основаніяхъ бытія, и гдѣ понятіе стихіи естественно явилось лишь вслѣдствіе того, что у всѣхъ другихъ философовъ древности, кромѣ Анаксимандра, началами были собственно стихіи,—было не удобно. Аристотель очень искусно обходитъ это затрудненіе. Въ самомъ началѣ историческаго очерка, очень опредѣленно соединивъ понятіе о началахъ въ формѣ вещества съ понятіемъ στοιχείον, какъ это вполне подходило къ тѣмъ, которыхъ онъ называетъ τῶν πρώτων φιλοσοφησάντων κλειστοί ¹⁾ (это κλειστοί заслуживаетъ вниманія: оно показываетъ, что есть кто-то изъ первыхъ философствовавшихъ, взглядъ котораго не укладывается въ указанныя рамки), онъ опускаетъ Анаксимандра, и это даетъ ему даже возможность представить остальные важнѣйшія монистическія ученія какъ бы прямою подготовкой къ Эмпедоклову ученію о четырехъ стихіяхъ ²⁾. Но при общемъ заключительномъ скачкомъ обзорѣ, который начинается болѣе неопредѣленнымъ выраженіемъ: οἱ μὲν γὰρ ὡς ἄλην τὴν ἀρχὴν λέγουσιν, является въ качествѣ дополненія къ перечисленнымъ началамъ и безконечное Анаксимандра подъ двусмысленнымъ терминомъ τὸ πρῶτον στοιχείον.

3) Предположимъ, что подъ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ разумѣется безконечное Анаксимандра, и мы тотчасъ же увидимъ, что упоминаніе объ этомъ безконечномъ оказывается въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній при обсужденіи имъ всѣхъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло идетъ о простыхъ тѣлахъ или о стихіяхъ

¹⁾ *Μεταφ.* I. 3. 983. b. 6—11: τῶν δὲ πρώτων φιλοσοφησάντων οἱ κλειστοί τὰς ἐν βλῆς εἶδει μόνας φηθήσαν ἀρχὰς εἶναι πάντων· ἐξ οὗ γὰρ ἔστιν ἅπαντα τὰ ὄντα, καὶ ἐξ οὗ γίγνεται πρῶτον καὶ εἰς ὃ φθίρεται τελευταῖον, τῆς μὲν οὐσίας ὑπομενούσης, τοῖς δὲ πάθει μεταβαλλούσης, τοῦτο στοιχείον καὶ ταύτην ἀρχὴν φασὶν εἶναι τῶν ὄντων.

²⁾ *Ibid.* 20—21: Θαλῆς μὲν ὁ τῆς τοιαύτης ἀρχῆς φιλοσοφίας ὄψωρ εἶναι φησὶν (τὴν ἀρχὴν)... (984 a. 5—8) Ἀναξίμανης δὲ ἀέρα... Ἴππασος δὲ πῦρ ὁ Μεταποντιῶς καὶ Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος, Ἐμπειδοκλῆς δὲ τὰ τέτταρα, πρὸς τοῖς εἰρημένους γῆν πρῶται· εἰς τέταρτον.

въ собственномъ смыслѣ, сказать иначе, упоминаніе о немъ является всюду, гдѣ мы его должны ожидать. Мы видимъ его въ *Metaph. I. 7* при заключеніи историко-критическаго обзора ученія о началахъ или причинахъ, въ *Gener. et corr.* и при перечнѣ. ученій о субстратѣ *II. 1* ¹⁾ и при критикѣ этихъ ученій *II. 5* ²⁾, въ *Phys.* и при перечнѣ началъ, признаваемыхъ физиками, *I. 4*, и при ссылкѣ Аристотеля на физиковъ-монистовъ для подтвержденія своего собственного ученія объ единствѣ субстрата *I. 6* ³⁾, и наконецъ въ перечнѣ ученій о безконечномъ ⁴⁾. Совершенно понятно въ такомъ случаѣ дѣлается для насъ и роль, какую играетъ въ такихъ перечняхъ среднее вещество между воздухомъ и водою. Ученіе о немъ не принадлежитъ, по взгляду Аристотеля, какому-нибудь изъ болѣе значительныхъ философовъ древности, что можно заключить уже изъ того, что этотъ философъ нигдѣ въ его сочиненіяхъ не называется по имени.

¹⁾ *Gener. et corr. II. 1. 328. b. ком.*: τούτων (τῶν αἰσθητῶν σωμάτων) δὲ τὴν ὑποκειμένην ὕλην οἱ μὲν φασὶ εἶναι μίαν, οἷον ἀέρα τιθέντες ἢ πῦρ ἢ τι μεταξὺ τούτων... οἱ δὲ πλείω κτλ.

²⁾ *Ibid. II. 5. 332. a. 18—22*: ὁ δ' αὐτὸς λόγος περὶ ἀπάντων, ὅτι οὐκ ἔστιν ἐν τούτων (στοιχίῃ) ἐξ οὗ τὰ πάντα, οὐ μὴν οὐδ' ἄλλο τί γε παρὰ ταῦτα, οἷον μέσον τι ἀέρος καὶ ὕδατος ἢ ἀέρος καὶ πυρός, ἀέρος μὲν καχύτερον καὶ πυρός, τῶν δὲ λεπτότερον.

³⁾ *Phys. I. 6. нач.*; здѣсь оно обнимается вѣстѣ съ среднимъ веществомъ между воздухомъ и водою въ общемъ терминѣ, указывающемъ на двѣ наиболѣе отдаленныя стихіи: ὕδωρ ἢ πῦρ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων.

⁴⁾ *Ibid. III. 4. 203. a. 16—18*. Здѣсь непосредственно передъ ἢ τὸ μεταξὺ τούτων стоитъ, правда, οἷον ὕδωρ ἢ ἀέρα, такъ какъ другія стихіи никакъ не признавались безконечными, а поэтому не могли быть упомянуты; но именно въ одномъ этомъ мѣстѣ изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ передъ οἷον стоитъ τῶν λεγομένων στοιχείων, такъ что ὕδωρ ἢ ἀέρα получаютъ значеніе вставочнаго примѣра, и дается право на τούτων смотрѣть какъ на указывающее на τῶν λεγομένων στοιχείων. Вопросъ о томъ, разумѣть ли подъ τὰ λεγόμενα στοιχεῖα известными четыремъ стихіямъ или элементарное тѣло вообще (*Zeller, Ph. d. Gr. I. 198. № 2*), разрѣшается тѣмъ, что подъ понятіе послѣдняго какъ тѣла простою Анаксимандровою безконечное, какъ показано, не подходитъ, а поэтому, при толкованіи τὰ λεγ. ст. въ послѣднемъ смыслѣ, Анаксимандръ изъ числа признающихъ безконечное Аристотелемъ былъ бы исключенъ. Впрочемъ это толкованіе исключается уже обычнымъ у Аристотеля употребленіемъ термина τὰ λεγ. ст. въ первомъ смыслѣ. Смысла Целлера на *Metaph. V. 3. 1014 a. 32* доказываетъ только, что Аристотель могъ бы начала, признававшіеся за неразложимыя другими, назвать отъ нихъ именъ стихіями, то-есть, обозначить какъ признаваемые отъ нихъ (или называемыя ими) стихіями, но никакъ не доказываетъ, чтобы даже такіа начала отъ могъ назвать такъ-называемыми (то-есть, за которыми установилось это названіе) стихіями, что именно у него значить терминъ τὰ λεγ. или κατ. στοιχεῖα.

И этому вполне соответствует то мѣсто, которое занимает его принципъ въ Аристотелевыхъ перечняхъ философскихъ мнѣній. Въ обворахъ наиболѣе общаго характера, гдѣ идетъ дѣло не о монастахъ только, онъ обыкновенно совсѣмъ не упоминается, на примѣръ, въ *Metaph. I. 7, Gener. et corr. II. 1, Phys. I. 4*¹⁾). Гдѣ же дѣлается перечень однихъ монистовъ, какъ въ *Phys. I. 6*, или поднимается частный вопросъ объ единомъ сверхъ стихій какъ въ *Gener. et corr. II. 5* при критикѣ учевій объ блѣ, а тѣмъ болѣе при перечнѣ взглядовъ на единое какъ простое, на примѣръ, въ *De coel. III. 5, Metaph. I. 8*, даже при упоминаніи о нихъ просто въ качествѣ разъяснительнаго примѣра, какъ при критикѣ разнovidнаго безконечнаго въ *Phys. III. 5*, онъ тотчасъ же является, смотря по характеру случая, или въ соединеніи съ среднимъ веществомъ между огнемъ и воздухомъ, или какъ единственный примѣръ средняго вещества. Одинъ разъ среднее начало между воздухомъ и водою послѣ болѣе общаго обзора въ *Gener. et corr. II. 1*, въ который оно не вошло, особо ставится на видъ (вмѣстѣ съ матеріей Платона) отдѣльно отъ всѣхъ другихъ началъ физиковъ²⁾); вопросъ здѣсь идетъ о чистой блѣ, и совершенно понятно, что Аристотель чувствуетъ потребность рѣзче отличить свое понятіе о ней отъ этого именно средняго, которое, по видимому, наиболѣе близко подходило къ его понятію чистаго субстрата, долженствующаго быть первѣе противоположностей³⁾),

¹⁾ Исключеніе составляетъ перечень учевій о безконечномъ въ *Phys. III. 4*; но здѣсь указанная выше необходимость поименовать изъ стихій *ἕδωρ* и *ἀήρ*, вынудившая прибавку передъ *οἶον* словъ *τῶν λεγομένων στοιχείων* естественно сопровождалась и тѣмъ, что образовавшееся вслѣдствіе того общее понятіе то *μεταξὺ στοιχείων* должно было необходимо охватить и среднее начало между воздухомъ и водою.

²⁾ Въ этомъ случаѣ прямо не называется среднее между водою и воздухомъ, а говорится о *μία φύσις παρὰ τὰ εἰρημένα*; но такъ какъ перечислены были выше не стихіи только, но и *τὸ μεταξὺ πορὸς καὶ αἴρος*, то употребленный терминъ вполне ясно указываетъ на среднее между водою и воздухомъ, подобно тому, какъ *παρὰ ταῦτα*, *ibid. II. 5*, послѣ разсужденія объ однихъ стихіяхъ, совершенно точно указываетъ на оба средних, которыми тутъ же и поименовываюся, или подобно тому, какъ тотъ же терминъ въ *Phys. III. 5* при разсужденіи о *πρῶτοις* тѣлахъ совершенно точно указываетъ опять на среднее начало между воздухомъ и водою.

³⁾ *Gener. et corr. II. 1. 329. a. ком.*: *ἵνα πρῶτον μὲν τὸ δυνάμι εἶμα ἀεὶ ἡττον (то-есть, ἢ βλῆ ἢ ἀχώριστος) ἀρχή, δεύτερον δ' αἱ ἐναντιώσεις... τρίτου δ' ἡδὴ πῦρ καὶ ἕδωρ καὶ τὰ τοιαῦτα*. Вполнѣ чуждымъ чувственно постигаемымъ качествностямъ все-таки, какъ далѣе увидимъ, не было и это среднее; сверхъ

такъ какъ и оно также стремилось быть чуждымъ противоположностей. Такъ получаетъ совершенно понятный смыслъ непонятное на первый взглядъ, и, по видимому, совершенно случайное и произвольное. упоминаніе Аристотелемъ при его обзорахъ философскихъ взглядовъ то средняго начала между огнемъ и воздухомъ, то средняго начала между воздухомъ и водою, то ихъ обонхъ.

Ясно, что Аристотель отождествлялъ безконечное Анаксимандра съ веществомъ среднимъ между огнемъ и воздухомъ. Комментаторы Аристотеля поступали совершенно правильно, ища указанія на это безконечное въ тѣхъ мѣстахъ Аристотелевыхъ сочиненій, гдѣ дѣло идетъ о среднемъ между стихіями началѣ. Но они сдѣлали крупную ошибку, отождествивъ оба среднія начала и оба приписавъ Анаксимандру ¹⁾. Предполагая, что для позднѣйшихъ комментаторовъ при-

того, въ немъ не предполагались преобладающими противоположности какъ въ τὸ μεταξὺ Анаксимандра и въ понятіи о веществѣ, къ которому стремится Анаксагоръ, а потому, оно и не упоминается въ *Metaph.* XII. 2. и, какъ мнѣ кажется, никакъ не разумѣется подъ τῶν ὑστερονъ въ *Metaph.* I 8, хотя представитель ученія о немъ былъ, какъ разъяснится далѣе, моложе Анаксагора.

¹⁾ Несомнѣнно, что это соединеніе двухъ взглядовъ на среднее и приписаніе ихъ одному лицу начинается уже съ Александра, который въ *Comm. in Arist. Metaph.* ed. *Vonitz*, 1847, p. 45, говоритъ: προσέβηκε δὲ (то-есть, Аристотель) ἱστορίῃ καὶ τὴν Ἀναξίμανδρου δοξασάν, ὡς ἀρχὴν εἶθετο τὴν μεταξὺ φύσιν ἀέρος τε καὶ πυρός ἢ ὕδατος τε καὶ ὑδατος· λέγεται γὰρ ἀμφοτέρως. Съ нимъ согласны и позднѣйшіе комментаторы. Филопонъ in *Arist. Phys.* 23. 14—20: *Ἀναξίμανδρος δὲ τὸ μεταξὺ ἢ ἀέρος καὶ ὑδατος ἢ πυρός καὶ ἀέρος...* τὸ μεταξὺ τοῦτο εἶλεται εἶναι τὴν ἀρχὴν, ὅπερ ἀέρος μὲν εἶναι πυκνότερον, ὑδατος δὲ μαιότερον, ἢ πυρός μὲν πυκνότερον ἀέρος δὲ μαιότερον и въ др. и. Симплицій in *Phys.* 149. 9—11: *τινὲς δὲ ἄλλο τι τῶν τριῶν ὑπέθεοντο, ὃ ἔστι πυρός μὲν πυκνότερον, ἀέρος δὲ λεπτότερον, ἢ ὡς ἐν ἄλλοις φησὶν (Аристотель), ἀέρος μὲν πυκνότερον, ὑδατος δὲ λεπτότερον* и во многихъ др. мѣстахъ. Не видно, чтобы и Порѣирій, вследъ за Николаемъ Дамаскеномъ принимавшій ученіе о τὸ μεταξὺ Діогену, отличалъ два ученія о τὸ μεταξὺ одно отъ другаго; правда, Симплицій, когда онъ in *Phys.* 25. 8—9; 149. 13—18; 151. 21—24 извѣщаетъ объ особомъ мнѣніи Порѣирія относительно Анаксимандрова безконечнаго, говоритъ собственно о τὸ μεταξὺ πυρός καὶ ἀέρος, но такъ какъ самыя эти разъясненія дѣлаются Симплиціемъ по поводу словъ Аристотеля о началѣ среднемъ между огнемъ и воздухомъ, то совершенно естественно, что, и говоря о мнѣніи Порѣирія, онъ пользуется однимъ взглядъ на именованіемъ средняго начала; между тѣмъ тотъ фактъ, что онъ ни однимъ намекомъ не даетъ понять, что Порѣирій или Дамаскенъ знали еще другаго енософа (кромя Діогена), принимавшаго также изъ некоторое τὸ μεταξὺ, знаменательнъ; въ виду отождествленія обонхъ τὰ μεταξὺ самимъ Симплиціемъ, ему было совершенно естественно упомянуть о различіи между ними, какое дѣлаетъ Порѣирій

нате такого мнѣнія значительно облегчалось традиціей¹⁾, мы все же невольно встрѣчаемся съ вопросомъ; что побуждало къ нему древнѣйшихъ изъ нихъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣльнаго и связнаго представленія о безконечномъ Анаксимандра, составленнаго на основаніи строгаго анализа и точнаго сличенія всѣхъ, относящихся сюда мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, а также и изъ другихъ источниковъ, комментаторы составить себѣ не пытались или не могли: это доказываютъ тѣ противорѣчія, оставленныя ими безъ всякой попытки разъясненія или сглаженія, въ которыхъ запутывается ихъ взглядъ на тожество обонхъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра²⁾. Однако этотъ очевидный недостатокъ строгаго научнаго

еслибы Порейріи дѣйствительно различалъ два взгляда, а также подвергнуть разбору мнѣніе его о началѣ среднѣмъ между водою и воздухомъ, какъ онъ подвергаетъ разборъ мнѣніе о его среднѣмъ началѣ между огнемъ и воздухомъ.

¹⁾ Симплиціи прямо ссылается на мнѣніе Александра по этому вопросу: 149. 11—13: καὶ ὁ μὲν Ἀλέξανδρος Ἀναξίμανδρον οἶσται τὸν ἄλλην τινὰ φύσιν σώματος παρὰ τὰ στοιχεῖα τὴν ἀρχὴν ὑποθέμενον. И смелость его возраженія противъ Порейріи, гдѣ излагается подвергнувшееся упреку въ логической несостоятельности толкованіе его Phys. I. 4, вѣроятно, тамъ и объясняется, что онъ хочетъ лишь напомнить о толкованіи хорошо извѣстномъ по традиціи.

²⁾ Никто изъ нихъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разъяснить, въ какомъ смыслѣ одно и то же вещество могло бы быть названо тончайшимъ огнемъ и плотнѣйшимъ воздухомъ и въ то же время тончайшимъ воздухомъ и плотнѣйшимъ водою, хотя естественно ожидать, что подобный вопросъ долженъ неминуемо явиться въ умѣ читателей. Не дѣлается комментаторами какой-либо попытки приписать относимыя ими къ Анаксимандру извѣстія Аристотеля о философахъ, признающихъ простымъ тѣла съ опредѣленными извѣстіемъ его о существованіи противоположностей въ Анаксимандровомъ безконечномъ и выдѣленіи ихъ изъ него, хотя Симплиціи самъ же повторяетъ это извѣстіе въ выраженіяхъ столь же опредѣленныхъ, какъ Аристотель: ἐνούσας γὰρ τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ, ἀπειρῶ ὄντι σώματι, ἐκχρίσεται φησὶν Ἀναξίμανδρος, говоритъ онъ in Phys. 150. 22—23. Еще болѣе рельезно выражаетъ ту же мысль Филоній in Arist. Phys. 93. 17—19: οἱ δὲ ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκχρίνουσιν, οἷος ἦν ὁ Ἀναξίμανδρος ἐνὺ πάρχειν γὰρ ἔλεγεν ἐν τῷ μεταξύ, ὅπερ ἦν κατ' αὐτὸν στοιχεῖον, τὰ ἐναντία ἐνεργεῖα. Ясное отнесеніе къ представителю одного изъ среднихъ началъ теоріи уплотненія и разрѣшенія также не вызываетъ въ нихъ никакого недоумѣнія и вопроса. Симплиціи даже къ этому противорѣчію прибавляетъ новое. Формулируетъ Аристотелево противоположеніе между πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιούσας и ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκχρίσεται какъ противоположность 24. 23—24 между ἀλλοιομένῳ τοῦ στοιχείου и ἀποκρινόμενων τῶν ἐναντίων или 150. 21—22 между κατὰ ἀλλοίωσιν и κατὰ ἐκχρίσιν, онъ въ то же время допускаетъ, что Анаксимандръ принялъ за начало το μεταξύ διὰ τὸ ἀλλοιωστων. Въ виду того, что въ научной литературѣ новаго времени ставилась на видъ некоторыя изъ этихъ противо-

анализа и критическаго отношенія къ явно ошибочному мнѣнію можетъ, объяснять для насъ лишь ту легкость, съ какою оно принималось, но все же должны были существовать какіе-либо положитель-

рѣчій комментаторовъ, новѣйшіе послѣдователи ихъ взглядовъ дѣлали попытки къ разъясненію возникшихъ недоразумѣній, но едва ли эти разъясненія достигаютъ цѣли. Люте значительно, по видимому, облегчилъ для себя это дѣло, приписавъ Анаксимандру ученіе лишь объ одномъ изъ среднихъ началъ и признавъ ученіе о другомъ поправкой Анаксимандрова ученія со стороны или самого Аристотеля, (?), или кого-либо изъ позднѣйшихъ эллиновъ (Ueb. d. 'Alix. Anax., 110); но такъ какъ къ этому взгляду привело его не точное различіе обѣихъ этихъ ученій со стороны ихъ внутренняго характера, а лишь то различіе, которое прямо выражалось въ самыхъ названіяхъ того и другаго средняго начала, то онъ для Анаксимандра выбираетъ то изъ этихъ ученій, которое стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ его теоріей существованія въ безконечномъ противоположностей и выдѣленія ихъ изъ него. Пріемъ же, съ помощію котораго Люте устраняетъ самыя эти противорѣчія, едва ли можно назвать удачнымъ; онъ утверждаетъ, что въ Phys. I. 4 Аристотель не устанавливаетъ и не имѣетъ въ виду установить противоположность между теоріей выдѣленія и теоріей разраженія и уплотненія, не смотря на ясный буквальный смыслъ этого мѣста; онъ готовъ предположить даже, что понятіе выдѣленія совсѣмъ не употреблялось Анаксимандромъ (59—60). Нейгәузеръ усвоитъ взглядъ комментаторовъ во всей его полнотѣ. Различіе Аристотелевыхъ названій для природы Анаксимандрова безконечнаго Нейгәузеръ, Anax. M. 258—259, объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Анаксимандрово безконечное было среднимъ между природой теплою или огненною и холодною или влажною, а такъ какъ, по Аристотелю, воздухъ былъ элементомъ вѣтры и влажнымъ, и теплымъ, то представитъ среднее начало Анаксимандра какъ среднее между стихіями Аристотелю съ точки зрѣнія его собственнаго взгляда на стихіи можно было двояко, смотря по тому, видѣть ли во второмъ членѣ Анаксимандровой противоположности преимущественно влажное или преимущественно холодное; въ первомъ случаѣ Анаксимандрово среднее начало должно было сдѣлаться среднимъ между огнемъ и воздухомъ, во второмъ— между воздухомъ и водою. Но мысль, которая лежитъ въ самомъ основаніи этого объясненія, именно тождество холоднаго и влажнаго, по Анаксимандру, основана лишь на догадкѣ къ свидѣтельству Александра, относящаго къ Анаксимандру изреченіе Arist. Meteor. II. 2 в стихіяхъ, придававшихъ особое значеніе влажному въ космогоническомъ процесѣ; но недостоверность этого свидѣтельства мы уже видѣли; кромѣ того, Нейгәузеръ своимъ объясненіемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Целлеръ въ рецензіи на его книгу, *Deut. Literatur.* 1883, Nr. 48, p. 1502, то противорѣчіе, отъ котораго хочетъ онъ освободить Анаксимандра, переноситъ только на Аристотеля; но никакъ не въ обычаѣ Аристотеля давать о своихъ предшественникахъ такія противорѣчивыя показанія, и у него нельзя найти ни одного случая, который бы представлялъ даже отдаленную аналогію съ этимъ. Нейгәузеръ, дѣлая, думаетъ, что названіе у Аристотеля Анаксимандрова начала движенія представляетъ только толкованіе Аристотелемъ средняго начала съ точки зрѣнія его, взгляда вообще на качества средняго

ные мотивы, породившіе это мнѣніе. Новѣйшіе приверженцы взгляда комментаторовъ, изыскивая основанія, какія могли бы быть приведены въ его пользу, тѣмъ самымъ отчасти разъясняютъ намъ и эти мотивы. Они указываютъ, съ одной стороны, на случайную и совершенно, по видимому, произвольную замѣну у Аристотеля одного изъ названій средняго начала другимъ, съ другой стороны—на соединеніе съ тѣмъ метафизическими терминами τὸ ἀκέρων, τὸ περίεχον, τὸ περίεχον πάντας τοὺς ὀργανούς, которые вполне подходятъ къ Анаксимандрову безконечному. И какъ ни недостаточны эти основанія для того, чтобы оправдать мысль о тождествѣ обоихъ среднихъ съ безконечнымъ Анаксимандра¹⁾,

между противоположностями (An. M. 55 — 56). Однако Нейгюзеръ признаетъ (ibid., 259—262), что Анаксимандръ былъ убежденъ, что въ его среднемъ существѣ содержатся и изъ него выделяются противоположности. Но въ такомъ случаѣ, если не понятіе μέτρα, которое все-таки возбуждаетъ представленіе о составныхъ частяхъ, *предваряющихъ* цѣлое, то понятія ὀργανῶν и ὀργανῶν εἰς составныхъ частяхъ, *предваряющихъ* цѣлое, то понятія ὀργανῶν и ὀργανῶν εἰς будутъ точными выраженіями не Аристотелева только взгляда на τὸ μεταφυσικόν, а и взгляда самого Анаксимандра, хотя подобныя терминныя самъ Анаксимандръ, несомнѣнно, не употреблялъ, какъ онъ не употреблялъ, конечно, и терминна ἀκέρων, довольствуясь названіемъ ἕν. Поэтому относить къ Анаксимандру принципъ, который Аристотель называетъ ἀκέρων, значитъ думать, что Аристотель пользуется терминномъ, который не выражаетъ ни его собственной оценки принципа, ни взгляда эмпирика, о принципѣ котораго онъ ведетъ рѣчь. Отнесеніе теоріи разрѣшенія и уплотненія къ признающимъ среднее между воздухомъ и водою въ De coel. III. 5 (о Metaph. I. 8 Нейгюзеръ подробно не говоритъ, конечно, потому, что прямо эта теорія здѣсь не названа) Нейгюзеръ толкуетъ въ смыслѣ не фактическаго, а возможнаго только пользованія ими ею (222 — 224); впрочемъ, онъ приписываетъ безконечному Анаксимандра и разрѣшенію и уплотненію при порожденіи противоположностей, но не какъ причину этого порожденія или сущность его, а какъ его результатъ или сопровождающее его обстоятельство (225, 266, 277 сл., 314 сл.). Но то и другое несостоятельно; при опроверженіи перечисленныхъ въ De coel. III, 5 ученій Аристотель говоритъ: ἔστι γὰρ ἢ μὲν ἐκ τῶν στοιχείων γένεσις οὐκ ἐστὶν, ὡς φασίν, ἢ δ' εἰς τὰ στοιχεῖα διάλυσις, и далѣе: τὸ μὲν γὰρ λεπτόν μόνον, τὸ δὲ καὶ βούλονται εἶναι πυκνόν, и тѣмъ показывая, что дѣло идетъ о фактическомъ мнѣніи и что у этихъ эмпириковъ самая понятія λεπτόν καὶ πυκνόν, которыми считаютъ возможными характеризовать ихъ начало Аристотель, толковались ими какъ μόνον и πυκνόν, а следовательно, самая сущность процесса рожденія всякаго иного бытія не могла не состоять въ μόνότητι καὶ πυκνότητι.

¹⁾ Выше было разъяснено, что никакой случайности или произвола въ учениннн Аристотелемъ то одного, то другаго средняго мнѣт. Что касаетса наименованнн τὸ ἀκέρων, τὸ περίεχον, τὸ περίεχον πάντας τοὺς ὀργανούς, то не рѣчь уже замѣчали, что понятія, соединенныя съ этими терминнами, никакъ не были исключительно принадлежностію Анаксимандра. Но бѣтается, бѣзвольо знаю, до-

но возбуждать подобную мысль у комментаторовъ они, конечно, могли. Несравненно важнѣе, однако, представляется мнѣ иное побужденіе, которое должно было у первыхъ комментаторовъ породить убѣжде-

селъ не объявленными, почему въ трехъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются (Geneg. et согг. II, 1; II, 5; De coel. III, 5) приняты они именно къ τὸ μεταῖον причѣмъ на нихъ сдѣлано, очевидно, особенное удареніе. (На это обстоятельство наиболее рельежно указываетъ Нейггаузеръ, An. M. 212—221). Между тѣмъ объявленіе этого не представляетъ трудности. Аристотель этими обозначеніями пользуется совсѣмъ не какъ характеристическими для указанія философа или философовъ, которымъ принадлежатъ эти взгляды: философамъ для тѣхъ, для кого предназначались сочиненія Аристотеля, конечно, достаточно указывались обозначеніемъ принципа какъ средняго между такою-то и такою-то стихіей, чтѣ и дѣйствительно Аристотелемъ считается достаточнымъ для этой цѣли, какъ это доказывается большинствомъ остальныхъ мѣстъ, упоминающихъ о τὸ μεταῖον. Эти добавочныя обозначенія даютъ понять читателю, что принимаемое за принципъ τὸ μεταῖον неизбѣжно считалось за χωριστόν, то-есть, за бытіе, способное къ обособленному существованію, а не за простой субстратъ для другаго бытія, чтѣ для Аристотеля имѣетъ существенную важность по близости τὸ μεταῖον къ его ὄλη и чтѣ существенно определяетъ его критическое отношеніе къ философскимъ взглядамъ на τὸ μεταῖον какъ начало. Совершенно понятно, что τὸ μεταῖον какъ безконечное (при ограниченности міра), какъ обнимающее (міръ), какъ обнимающее все небеса должно быть неизбѣжно мыслимо какъ χωριστόν, какъ способное къ обособленному отъ возникающихъ изъ него вещей существованію. Особенно ясно это на обонхъ мѣстахъ въ Geneg. et согг. гдѣ дѣло идетъ объ ὄλη. Перечисляя II, 1, принимавшіяся за субстратъ стихій и τὸ μεταῖον πῦρὸς καὶ αἴθερ, εἶμα τε ὄν καὶ χωριστόν, Аристотель обращается къ παρὰ τὰ εἰρημένα, то-есть, къ τὸ μεταῖον αἴθερος καὶ ὕδατος, особенно, по видимому, близкое къ его ὄλη, указываетъ опять для отличія отъ послѣдней на его тѣлесность и способность къ обособленности и замѣчаетъ, что чувственно постигаемое тѣло не можетъ быть безъ противоположныхъ качествъ и необходимо какія-либо изъ нихъ будетъ имѣть τὸ αἴθερον τοῦτο, то-есть, это вещество какъ безпредѣльное, а поэтому неизбѣжно имѣющее обособленность отъ остальнаго бытія. Въ II, 5 онъ критически обсуждаетъ возможность для обонхъ среднихъ считаться за ὄλη и указавъ на то, что субстратъ снѣжающихъ другъ друга противоположныхъ качествъ не можетъ не быть στήριξις, онъ заключаетъ, что никогда не можетъ ποιοῦνται ἐκείνο, ὅσπερ φασι τινες τὸ αἴθερον καὶ τὸ περιῶρον, то-есть, не можетъ обособиться это μεταῖον, чтѣ однако необходимо должно бы случиться, если предположить его безконечнымъ и все объемяющимъ. И въ De coel. III, 5, приотуная къ оцѣнкѣ принимающихъ одну только стихію и перечисляя вещества, принимаемыя за такую стихію, Аристотель при среднемъ между водою и воздухомъ прибавляетъ ὃ περιῶρα φασι πάντας τοὺς οὐρανοὺς αἴθερον ἢ опять съ тою же цѣлію, чтобы показать, что о немъ идетъ дѣло, лишь на сколько оно ставится какъ обособленно существующее по крайней мѣрѣ внѣ міра, еслибы и не предполагалось подобной обособленности его въ самомъ мірѣ, такъ какъ, не будъ этой обособленности, о немъ слѣдовало бы вести совсѣмъ другую рѣчь.

ніе въ тождествѣ обоихъ среднихъ началъ. Они не находили, кромѣ Анаксимандра, другаго лица, которому могли бы съ какою-либо вѣроятностью приписать одно изъ нихъ, а между тѣмъ они были убѣждены, что имя этого философа не могло быть не извѣстно имъ изъ источниковъ, какими они пользовались. Какъ велика была эта послѣдняя убѣренность ихъ, можно судить по тому, что не Николай только Дамаскенъ, но и ученый Порфирій, отрицающій принадлежность вообще Анаксимандру ученія о среднемъ веществѣ, считали необходимымъ указать имя философа, которому оно должно принадлежать, хотя для этого имъ пришлось остановиться на гипотезѣ, которая противорѣчила свидѣтельству не только Теофраста, но и самого Аристотеля. И на чемъ бы ни основывалось фактически это убѣжденіе комментаторовъ, самая мысль о томъ, что имена представителей обоихъ среднихъ началъ должны оказаться среди именъ, сохраненныхъ историческою традиціей, какъ увидимъ сейчасъ, имѣетъ высокую степень вѣроятности. Это обстоятельство, а вмѣстѣ и та связь, въ какой стоятъ встрѣчающіяся у Аристотеля упоминанія объ обоихъ среднихъ началахъ, и которая неразрывно соединила и въ ученой литературѣ вопросы о нихъ, заставляютъ думать, что разъясненіе взгляда Аристотеля на Анаксимандрово безконечное можетъ лишь въ томъ случаѣ достигнуть желательной полноты, устраняющей всѣ недоумѣнія, когда будетъ названо имя представителя ученія о другомъ среднемъ началѣ и съ помощію имѣющихся историческихъ свѣдѣній о немъ дано надлежащее освѣщеніе его ученію. Все это заставляетъ насъ высказать наше мнѣніе о философѣ, признавшемъ простое среднее между стихіями начало, какъ ни рискованною представляется попытка разрѣшить задачу, которая два тысячелѣтія оставалась безъ удовлетворительнаго отвѣта и для рѣшенія которой никакихъ новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ мы представить не можемъ.

М. Маршесій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. А. Вильбасовъ. Исторія Екатерины II. Томъ I. Екатерина до вѣцаренія (1729—1762). С.-Пб. 1890.

Въ послѣдніе годы, благодаря изданію новонайденныхъ матеріаловъ, чему въ особенности ревностно содѣйствовало Русское Историческое Общество, посвятившее нѣсколько томовъ своего Сборника матеріаламъ этой эпохи и продолжающее до сихъ поръ трудиться въ томъ же направленіи, возникъ интересъ къ изученію царствованія великой императрицы. Матеріаловъ накопилось много, а полной всесторонней картины этого блестящаго времени мы все еще не имѣемъ. Старыя сочиненія (Колотова, Лефорта, Сумарокова) теперь почти совершенно утратили свое значеніе (Сумароковъ еще иногда привлекаетъ вниманіе анекдотами); изъ новыхъ сочиненій, посвященныхъ Екатеринѣ, вѣрнѣе не помянуть съ благодарностью и уваженіемъ послѣднихъ томовъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, но этотъ памятникъ високаго историческаго таланта и колоссальнаго трудолюбія не доведенъ до конца царствованія; не слѣдуетъ забывать также, что это—исторія Россіи, а не исторія Екатерины; къ тому же, работая по обширному плану, привлекая массу новаго матеріала, историкъ не могъ отдавать много времени на детальную разработку и, представляя часто краснорѣчивыя страницы общихъ характеристикъ, онъ нерѣдко просто пересказываетъ архивный матеріалъ. Иначе и быть не могло. Книга профессора А. Г. Брикнера, появившаяся сначала въ изданіи Онеена, а потомъ на русскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Исторія Екатерины II“ въ роскошномъ изданіи г. Суворина, была весьма почтенною попыткой, пользуясь всѣмъ старымъ и новымъ матеріаломъ, представить обще-
часть сохлуні, отд. 2.

доступный очеркъ царствованія Екатерины; но, во первыхъ, это все-таки—очеркъ, а во вторыхъ, онъ писанъ не для русской публики. Ясное изложеніе, новость многого для большинства читателей, приложение видовъ, портретовъ, снимковъ съ картинъ старыхъ и новыхъ — возбуждали интересъ къ этому изданію. Въ настоящее время къ составленію полной исторіи Екатерины приступилъ В. А. Бильбасовъ, готовившійся къ этому труду многолѣтними занятіями и пользовавшійся не только изданными, но и не изданными источниками, хранящимися, какъ въ русскихъ, такъ и въ западно-европейскихъ архивахъ. Публикѣ уже извѣстны его монографіи: „Дидро въ Петербургѣ“, „Первыя политическія письма Екатерины“, „Jeanne-Elisabeth, mère de Catherine II“ и наконецъ, обширныя библиографическія указанія, сопровождающія переводъ книги Гельбига: „Russische Günstlinge“. Эти указанія свидѣтельствуютъ о полномъ его знакомствѣ съ существующею литературой.

Екатерина писала много: молодость свою разказала она въ извѣстныхъ „Запискахъ“, которыя, къ сожалѣнію, не доведены даже до конца царствованія Елизаветы; переворотъ 28-го іюня описанъ въ письмѣ къ Понятовскому; множество ея писемъ, собранныхъ въ изданіи Русскаго Историческаго Общества, знакомятъ насъ съ ея взглядами въ продолженіе ея царствованія ¹⁾; государственныя бумаги, ею писанныя (въ особенности „Наказъ“), объясняютъ ея правленіе. Для историка важна и ея литературная дѣятельность. Изъ различныхъ толкованій, которымъ подвергалась эта сторона ея дѣятельности едва ли не самымъ вѣрнымъ слѣдуетъ считать то, которое находимъ въ статьѣ г. Шумигорскаго: „Государыня-публицистъ“ (Русскій Архивъ 1890 г., № 1) ²⁾. Къ сожалѣнію, хорошаго изданія сочиненій Екатерины мы до сихъ поръ не имѣемъ: смирдинское не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. В. А. Бильбасовъ предположилъ положить въ основу своего повѣствованія собственныя свидѣтельства Екатерины, повѣряя ихъ другими источниками. Изложеніе его является критическимъ; но критикъ находитъ себѣ мѣсто по большей части въ примѣчаніяхъ и приложенияхъ и такимъ образомъ не пре-

¹⁾ Въ замѣчательномъ трудѣ Я. К. Грота: „Екатерина въ перепискѣ съ Гриниомъ“, расположенномъ по матеріалъ, ясно видны взгляды императрицы и ярко рисуется ея характеръ. Жаль, что такого труда не существуетъ о всей ея перепискѣ.

²⁾ Полный обзоръ литературной дѣятельности императрицы представилъ Щербальскій въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ *Заря*.

рываетъ стройности разказа. Такъ какъ авторъ изучилъ свои источники, еще не принимаясь за писаніе, то изложеніе его, выходитъ живо, стройно и занимательно.

Въ этомъ первомъ томѣ своего сочиненія авторъ имѣлъ въ виду показать развитіе великой императрицы, выходя изъ совершенно правильнаго взгляда: „Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ; они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей, всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которые образуютъ характеръ, формулируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности“ (предисл., V—VI). Исходя изъ этого взгляда, авторъ ведетъ насъ сначала въ семью, среди которой выростала Екатерина. Въ различныхъ мѣстахъ книги превосходно охарактеризованъ ограниченный, узкій піэтистъ отецъ, и эгоистическая, склонная къ интригѣ мать. Изъ воспитателей молодой принцессы, быть можетъ, только одна гувернантка ея, г-жа Кордель, хорошо знакома съ французскою литературою XVII в., имѣла на нее благотворное вліяніе. Воспитывали Екатерину, какъ она сама говоритъ, для того, чтобъ она могла быть хорошею женою какого-нибудь молодого сосѣднаго князя; но судьба судила иное. На Цербсткой принцессѣ, благодаря тому, что мать ея была сестра жениха Елизаветы Петровны, котораго она любила, и который умеръ до брака, остановился выборъ императрицы въ невѣсты своему наследнику. Авторъ основательно доказываетъ, что хотя Фридрихъ II и помогалъ этому проекту, но не онъ былъ его главною причиною. Этому вопросу онъ посвящаетъ особое приложение къ своей книгѣ. Пріѣхавъ въ Россію, молодая принцесса очутилась посреди борющихся между собою партій. Она сама, конечно, ни во что не мѣшалась: въ пятнадцать лѣтъ люди равнодушны къ политической борьбѣ; да и отецъ въ своемъ наставленіи совѣтовалъ ей не мѣшаться въ дѣла. Любопытно, что онъ не противился измѣненію исповѣданія, но только требовалъ, чтобъ оно было сознательнымъ. Конечно, онъ требовалъ, чтобы сначала попробовали, опираясь на примѣръ царевича Алексѣя сохранить лютеранство. Это, само собою разумѣется, не имѣло успѣха, и невѣста приняла православіе; законоучитель ея, Симонъ Тодорскій, учившійся въ Галле, доказалъ ей незначительность разницы православія отъ протестантизма: черта, любопытная для характеристики тѣхъ изъ нашихъ духовныхъ XVIII в., которые пользовались протестантскимъ богословскимъ ученіемъ и сильно клонили на

сторону протестантизма, какъ это было указано Самаринимъ еще въ его диссертациі: „*Феофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій*“. Если дочь не путалась въ политическія дѣла, то мать впуталась въ нихъ; соединясь съ врагами гр. Вестужева-Рюмина, она вядумала сломить его, въ союзѣ съ Шетарди, Брюмеромъ и Лестокомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что послѣ свадьбы дочери ей пришлось уѣхать изъ Россіи. До сихъ поръ нигдѣ не случалось намъ читать такой полной и вѣрной характеристики „величайшаго изъ русскихъ канцлеровъ не только XVIII вѣка, надолго подорвавшаго силу Пруссіи“ (стр. 71, прим. 4), какъ въ книгѣ, которая лежитъ передъ нами. Авторъ приводитъ его девизъ: „*semper idem*“; я избралъ бы другой, который изображенъ на оборотной сторонѣ медали, выбитой въ честь его: тамъ надъ утесомъ, о который разбиваются волны, начертано: *im-mobilis in mobili*. Таковъ былъ этотъ провинцательный государствен-ный человѣкъ, врагъ своимъ врагамъ, но и другъ своимъ друзьямъ. Онъ, говорятъ, былъ деспотъ въ своемъ семействѣ, но изъ писемъ его къ сыну, напечатанныхъ въ „Памятникахъ новой русской исторіи“ (С.-Пб., 1871 г., т. I) видно, кто былъ этотъ сынъ. Нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ снимаетъ съ этого великаго человѣка ¹⁾ обвиненіе въ подкупности, пущенное Фридрихомъ II; опровергнуть его было тѣмъ легче, что не удалось вѣдь Фридриху подкупить его. Екатерина впоследствии сблизилась съ Вестужевымъ и въ началѣ Семилѣтней войны вполнѣ раздѣляла его мнѣнія о Пруссіи и Фридрихѣ. Въ началѣ ей, конечно, не довѣрялъ Вестужевъ, видя мать ея въ ряду своихъ враговъ. Вотъ почему въ инструкціи, данной лицамъ, состоявшимъ при молодомъ дворѣ, поставлено было на видъ, чтобы великая княгиня переписывалась не иначе, какъ черезъ иностранную коллегію. Впоследствии самъ Вестужевъ пересылалъ ей тайныя письма къ матери. Всѣмъ извѣстно, какъ тяжела была замужняя жизнь Екатерины: Петръ Теодоровичъ во всю жизнь свою оставался малолѣтнимъ; онъ былъ капризенъ, легкомысленъ, что особенно почувствовалось, когда онъ получилъ въ руки свою власть и могъ дѣлать все, что ему угодно. Но еще при жизни императрицы Елизаветы онъ предпочиталъ Голштинію Россіи и явно высказывалъ свое предпочтеніе Прусскому королю: его тайныя сношенія съ нимъ—если не прямо, то черезъ

¹⁾ Надѣюсь, что мнѣ позволятъ такое выраженіе, не смотря на то, что я нѣмъ честь носить его фамилію.

англійскаго дипломата Кейта—выходять ясно въ изслѣдованіи нашего автора. Пока Петръ игралъ солдатиками, дрессировалъ собакъ, восхищался своими голштинскими солдатами, пиликалъ на скрипкѣ, Екатерина много читала и думала. Авторъ посвящаетъ двѣ любопытныя главы обзорѣнію тѣхъ книгъ, которыя читала Екатерина. Мимоходомъ замѣчаетъ онъ, что она записывала свои мысли на бумагу (стр. 417); А. Г. Врикперъ приводитъ многія изъ этихъ замѣтокъ (русск. перев. I, 60—63). Впрочемъ, можетъ быть, и В. А. Вильбасовъ возвратится еще къ нимъ въ слѣдующемъ томѣ. Не изъ книгъ только училась молодая великая княгиня: она зорко присматривалась къ окружающему ея міру и старалась понять его, да ей и нужно было присматриваться: она была совершенно одинока, и даже расположеніе камердинера было для нея важнымъ; камердинеръ ея первый сообщилъ ей объ арестѣ Лестока. В. А. Вильбасовъ мѣтко замѣчаетъ, что частыя переимѣны персонала молодого двора служили Екатеринѣ школою для распознаванія людей. Петръ, наскучивъ рѣшать голштинскія дѣла, поручилъ ей эту заботу, и такимъ образомъ, какъ указываетъ нашъ авторъ, она познакомилась, хотя и на небольшомъ примѣрѣ, со всѣми главными государственными вопросами. Тяжела была ея жизнь вообще, но въ то время многимъ ли легче была жизнь другихъ принцессъ: авторъ удивляется, какъ мало заботились о ней во время ея неудачныхъ родовъ и даже послѣ рожденія Павла Петровича. Читатели Сепъ-Симона помнятъ, какъ отнесся Людовикъ XIV къ извѣстію, что герцогиня Бургундская, поѣхавши по его прихоти въ беременность, почувствовала себя дурно: видя недоумѣніе придворныхъ на то, что онъ остался не чувствителенъ къ этой вѣсти, Людовикъ сказалъ: „Да что мнѣ въ ней? У нея есть дѣти, а у меня другіе внуки“. Какъ тѣсно жилось во французскихъ дворцахъ, можно читать у Мишлэ въ томѣ, посвященномъ Людовику XV. Конечно, наши деревянные дворцы, часто горѣвшіе, не могутъ сравняться съ каменными замками западной Европы, но *mutatis mutandis* все-таки мы были уже не такими варварами, какъ кажется. Въ своей тяжелой жизни Екатерина, конечно, была довольна обществомъ преданныхъ ей молодыхъ и интересныхъ людей, каковы были Салтыковъ, умѣвшій привязать къ себѣ и великаго князя, Понатовскій, Гр. Орловъ. Любопытныя подробности о Салтыковѣ находимъ въ донесеніи резидента Шампо, извлеченномъ авторомъ изъ парижскаго архива и напечатанномъ въ приложеніи V-мъ къ книгѣ. Опасеніе за свою будущность при воцареніи Петра побудило Екате-

рину сблизиться съ Вестужевымъ; тогда и былъ составленъ проектъ о „престолонаслѣдіи“, который былъ сожженъ, и когда врагамъ удалось подкопаться подъ Вестужева и погубить его, противъ Екатерины были только ея письма къ Апраксину, преступныя лишь потому, что ей запрещена была переписка. Отъ этого обвиненія Екатерины удалось оправдаться и въ послѣднее время царствованія Елизаветы она была въ милости. При Петрѣ положеніе ея становилось опаснымъ: императоръ публично оскорблялъ ее и готовилъ разводъ. Въ петергофской катастрофѣ авторъ основательно видитъ не заговоръ, а проявленіе общаго негодованія, и заканчиваетъ свою книгу, останавливающуюся на переворотѣ, такими словами: „Не Екатерина, не Орловъ, не Дашкова произвели переворотъ, всѣми ожидавшійся: они были только орудіями того общественнаго мѣнья, которое подняло всѣ полки, всѣ сословія, весь народъ и мирно, безъ пролитія крови, заявило о своихъ правахъ на уваженіе“.

Книгу сопровождаютъ любопытныя изслѣдованія спорныхъ вопросовъ и новонайденныя документы изъ разныхъ архивовъ, между которыми видимъ донесеніе Шампо, уже упомянутое, письма матери Екатерины, представляющія любопытныя свѣдѣнія о вступленіи Елизаветы на престоль, и документы конференціи по вопросу объ отступленіи Апраксина. Апраксинъ является вполне оправданнымъ, на что уже указывалъ Соловьевъ.

Слѣдующіе тома сочиненія В. А. Вильбасова будутъ, конечно, труднѣе и многосложнѣе; но я вполне убѣжденъ, что они оправдаютъ надежды, возбужденныя первымъ.

К. Вестужевъ-Рюминъ.

Русскія работы по исторіи греческой философіи.

Князь *С. Трубецкой*. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890.

А. А. Гилларовъ. Греческія софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общою политическою и культурною исторіей Греціи. М. 1898.

Русская философская литература не богата трудами по исторіи греческой философіи. Кромѣ изслѣдованій г. Владиславлева о Плотинѣ, г. Линникаго о теологіи Платона, да статьи г. Каринскаго объ Аполоніи Тіанскомъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр.), врядъ ли есть что либо—заслуживающее вниманія. Но за послѣднее время стали появляться работы, свидѣтельствующія, что интересъ къ греческой фи-

лософін возросъ среди нашихъ ученыхъ. Не станемъ останавливаться на статьяхъ въ различныхъ журналахъ (напримѣръ, въ журналѣ Вѣра и Разумъ), а прямо укажемъ на два большія сочиненія, показывающія самостоятельное изслѣдованіе предмета по первоисточникамъ: мы говоримъ о трудахъ князя С. Трубецкаго и А. А. Гилярова. Сначала скажемъ о первомъ трудѣ, какъ болѣе значительномъ по объему и содержанію.

Трудъ князя Трубецкаго распадается на три части; въ первой, во введеніи, авторъ защищаетъ право на существованіе метафизики, во второй части говорится о метафизикѣ въ религіи грековъ, наконецъ, въ третьей части разсматривается греческая метафизика, начинающая отъ іонійской школы и кончая Сократомъ. Вторая часть, касающаяся религіи, кажется, очень интересна и, вѣроятно, съ пользою будетъ прочтена всякимъ; но объ этой части мы говорить не будемъ. Сравнительное изученіе религіи и мифологіи стало теперь обширною областью, требующею большихъ спеціальныхъ свѣдѣній, которыми, по видимому, князь Трубецкой обладаетъ; мы, съ своей стороны, можемъ лишь сказать, что и эта часть написана также талантливо, какъ и двѣ другія, и свидѣтельствуетъ о большой эрудиціи молодого писателя. Итакъ, мы будемъ говорить лишь о введеніи и о метафизикѣ въ греческой философіи.

Князь Трубецкой доказываетъ, что метафизика возможна, что „метафизическое“ существуетъ. Какъ однако времена измѣнились! Вѣдь еще недавно слово метафизика считалось синонимомъ галиматіи; о метафизикѣ говорили только, чтобы посмѣяться надъ нею, и были твердо убѣждены, что метафизика не возможна; исторія философіи казалась длиннымъ разказомъ о челонѣческихъ заблужденіяхъ, въ большинствѣ случаевъ невольныхъ, а иногда и намѣренныхъ. Теперь настроеніе измѣнилось; этому, конечно, нужно порадоваться, ибо борьба противъ метафизики есть лишь недоразумѣніе; слѣдуетъ и слѣдовало бороться противъ ложной метафизики и искать истинной. Князь Трубецкой полагаетъ, что развитіе человѣческой мысли имѣетъ логическій, необходимый характеръ, а слѣдовательно, и исторія метафизики есть изображеніе внутренняго разумнаго процесса въ познаніи истины. Это гегелевское воззрѣніе, единственное дающее цѣнность исторіи, есть, конечно, лучшая защита метафизики; однако авторъ сверхъ того разбираетъ и разбиваетъ отвлеченныя доказательства противъ возможности метафизики. Эти доказательства онъ дѣлитъ на апріорныя и апостеріорныя и говоритъ сначала объ апріорныхъ.

Отрицая абсолютную истину, мы ставимъ на мѣсто абсолюта понятие, которое столь же метафизично; теорія относительнаго есть также метафизика, и притомъ дурная. „Сказать, что существуютъ одни явленія или, что то же, одни отношенія и дѣйствія безъ дѣйствующихъ и относящихся, безъ того, что существуетъ—значить впасть въ общую ошибку ложной метафизики... въ гипостасированіе дѣйствій и отношеній. Словомъ, если въ эмпириѣ, въ опытѣ, мнѣ даны лишь отношенія, явленія, то я, въ силу необходимости и вѣстѣ совершенно разумнаго закона моей мысли, сознаю въ основаніи этихъ отношеній извѣстныя подлежащія, которыя не суть отношенія, но которыя я познаю въ отношеніяхъ; и такъ какъ эмпирически мнѣ даны только отношенія, то я логично заключаю, что подлежащее эмпириѣ, то, что ее обосновываетъ, не эмпирично, или, какъ принято выражаться, метафизично. Если же мы отрицаемъ то, что относится, уничтожаемъ терминъ отношенія, то мы уничтожаемъ и самое отношеніе, самую возможность его“ (стр. 6). Мы совершенно согласны съ авторомъ, что эта теорія есть метафизика, но теорію эту мы не назвали бы эмпиризмомъ и не сдѣлали бы упрека, который дѣлаетъ ему авторъ. Чтò собственно авторъ разумѣетъ подъ эмпиризмомъ? Онъ говоритъ, что отрицаніе сущности вещей придаетъ отвлеченному эмпиризму материалистическую тенденцію (стр. 6), и такимъ образомъ, если не приравниваетъ эмпиризмъ къ материализму, то полагаетъ, что материализмъ есть слѣдствіе эмпиризма; далѣе онъ говоритъ: эмпиристъ или скептикъ (стр. 7), а въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) сенсуалистическую теорію познанія тоже называетъ эмпирической. Между материализмомъ, скептицизмомъ и сенсуализмомъ есть сродство, но эмпиризмъ, какъ намъ думается, принадлежитъ къ совершенно иного рода теоріямъ, къ которымъ упреки автора врядъ ли могутъ быть отнесены. Весьма желательно было бы, чтобы въ философской метафизикѣ установилась твердая терминологія. Отсутствіемъ твердо установившейся терминологіи и объясняется, конечно, множество недоразумѣній, которыми изобилуютъ философскія сочиненія. Точно также несправедливо считаемъ мы слѣдующую мысль князя Трубецкаго: „Утверждая, что все человеческое познаніе совершенно эмпирично, всецѣло обусловлено чувственнымъ опытомъ, мы невольно провозглашаемъ абсолютность опыта, вѣсто того, чтобы изслѣдовать его психологическую и логическую основу“ (стр. 12). Опять таки вовсе не эмпиризмъ признаетъ абсолютность опыта, и кто же, какъ не эмпирикъ изслѣдуетъ психологическую основу опыта? Мы вовсе однако не ставимъ въ вину князю

Трубецкому его нападки на эмпиризмъ, ибо онъ, какъ намъ кажется, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ извѣстнаго московскаго философа, автора „Науки о духѣ“, считающаго себя истиннымъ представителемъ эмпиризма. Къ нему-то, по всей вѣроятности, и относятся слѣдующія строки, которыя мы выписываемъ, такъ какъ считаемъ ихъ весьма мѣткими и характерными: „У всякой эпохи есть своя схоластика, но ни одна не заслуживаетъ съ большимъ правомъ эпитета „бездушная“, какъ современная схоластика эмпиристовъ, обездушившая самую душу человѣка, превратившая ее въ простое сцѣпленіе представленій, возникающихъ въ сознаниіи путемъ внѣшняго опыта, сливающихся по смежности и сливающихся по сходству. Какъ всякая схоластика, эта мнимая психологія не индуктивна, а дедуктивна, исходя изъ ложныхъ и предвзятыхъ посылкъ эмпиризма. Всѣ эти алхимическія попытки породить сознание безъ сознанія, пространство безъ пространства, время безъ времени, всѣ эти грубыя номиналистическія объясненія основныхъ реальнѣйшихъ процессовъ человѣческаго духа суть сложныя хитросплетенныя выводы. Это—психологія, основанная не на критическомъ наблюденіи, изслѣдованіи фактовъ живаго сознанія, а на упорной схоластической полемикѣ противъ нихъ, противъ языка и здраваго смысла. Въ устахъ эмпиристовъ „метафизика“ значитъ почти то же, что схоластика: метафизикой стали называть всякое фантастическое, неудобовразумительное ученіе, результаты котораго наиболѣе рѣзко расходятся съ обиденнымъ здравымъ сознаниемъ, опытомъ человѣчества, или прямо противорѣчатъ ему. Но въ такомъ случаѣ, какое ученіе болѣе эмпиризма заслуживаетъ эпитета метафизики? Какое ученіе всего болѣе противорѣчитъ основнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ человѣчества, какъ не субъективный антропоморфизмъ эмпиристовъ, признающій міръ за совокупность представленій нашего сознанія, отрицающій всякое бытіе, пространство и время за его предѣлами? Что болѣе всего противорѣчитъ опыту, какъ не отрицаніе условій опыта, какъ не отрицаніе причинности, превращаемой въ какую-то непостижимую ассоціацію явленій, въ простое слѣдованіе извѣстныхъ предшествующихъ за извѣстными послѣдующими, такъ что, по Миллю, самая воля моя есть не производящая причина, а только неизмѣнный доселѣ antecedentъ моихъ дѣйствій“.

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть своего рода Немизиды. Почтенный авторъ „Науки о духѣ“ вовсе не скупился кличкою схоласта; нужно было ожидать, что, благодаря столь широкому пользованію словомъ схоластъ, и его зачислятъ въ схоласты, и зачислятъ съ

гораздо болѣшимъ основаніемъ, чѣмъ это онъ дѣлалъ. Справедливыя замѣчанія кн. Трубецкаго могутъ быть отнесены и къ Миллю, но вѣдь Милль не есть представитель англійской эмпирической школы; его слѣдуетъ назвать субъективистомъ и видѣть въ немъ слабого послѣдователя того направленія философіи, которое нашло себѣ геніальныхъ выразителей въ лицѣ Беркли и Фихте. Смѣшеніе эмпиризма съ субъективизмомъ, сенсуализмомъ и скептицизмомъ мы можемъ тѣмъ же поставить въ вину князю Трубецкому, что оно освящено, какъ бы, и философскимъ словаремъ Франка, въ которомъ говорится, что *l'empirisme n'est que l'exagération ou la conséquence extrême du sensualisme*.

Постараемся въ нѣсколькихъ словахъ отличить понятіе эмпиризма отъ сродныхъ ему философскихъ терминовъ. Весьма извѣстна классификація философскихъ системъ, данная Кузеномъ въ его *Histoire générale de la philosophie*, классификація, о которой Жюлье въ своей книгѣ о Кузенѣ говоритъ, что *elle reste encore comme la plus plausible et la plus rationnelle que l'on puisse essayer*. Кузенъ дѣлитъ всѣ философскія системы на четыре группы, а именно на сенсуализмъ, идеализмъ, скептицизмъ и мистицизмъ. Врядъ ли такое дѣленіе можно назвать полнымъ и удовлетворительнымъ; поражаетъ въ немъ то, что Кузенъ, воспитанный на нѣмецкой философіи, не нашелъ мѣста для критицизма, — въ то время, какъ вполне очевидно, что критическая точка зрѣнія противоположна всякой догматической философіи, а также и то, что всѣ системы, названныя Кузеномъ, не исключая и скептицизма, суть системы догматическія. Такимъ образомъ всѣ философскія системы слѣдуетъ дѣлить на двѣ большія группы, на догматическія и критическія ¹⁾. Такимъ дѣленіемъ мы устранимъ неполноту Кузеновой классификаціи; несовершенство же ея заключается въ томъ, что противоположности выбраны не вполне правильно; если мистицизмъ есть действительно противоположность скептицизму, то нельзя считать сенсуализмъ противоположностью идеализма, потому что первое есть лишь видовое понятіе, а второе — родовое. Вѣдь сенсуализмъ обозначаетъ собою лишь извѣстное направленіе теоріи познанія, которая составляетъ одну часть философской системы, а не всю систему; фи-

¹⁾ Мы не имѣемъ возможности подробно характеризовать различіе догматизма и критицизма, да и считаемъ это излишнимъ, такъ какъ „Критика частаго разума“ должна быть считаемъ общезнакомною.

лософія же имѣетъ своею цѣлью свободное изслѣдованіе принциповъ бытія, дѣятельности и познанія, такъ что сенсуализмъ есть видовое понятіе. Хотя и идеализмъ иногда употребляется въ этомъ видовомъ значеніи, въ которомъ онъ обозначаетъ собою направленіе теоріи познанія, но правильнѣе и употребительнѣе говорить объ идеализмѣ, какъ о назнаніи для цѣлой философской системы; такъ идеалистами въ этомъ смыслѣ мы называемъ и Платона, и Декарта, Лейбница и Гегеля и т. д. Истинную противоположность идеализму составляетъ матеріализмъ. Дѣйствительно, эти двѣ догматическія философскія системы совершенно противоположны другъ другу во всемъ, за исключеніемъ того, что обѣ системы въ своемъ направленіи мысли догматичны, и обѣ суть монистическія системы, то-есть, такія, которыя предполагаютъ, что основныя философскія апоріи могутъ и должны быть разрѣшены помощью одного начала; ибо, когда философъ останавливается на различіи реального и идеального бытія, на различіи случайнаго и необходимаго знанія и на различіи нравственной и естественной дѣятельности челоука, то онъ признаетъ дуализмъ, то-есть, въ сущности отказывается отъ возможности рѣшенія основныхъ апорій или отъ возможности построенія системы. Дуализмъ, такимъ образомъ, вовсе не есть система, а призваніе невозможности повязъ существующее и рѣшить философскую проблему, и только монистическія системы могутъ быть названы, по справедливости, системами; матеріализмъ и идеализмъ и представляютъ собою двѣ такія противоположныя системы; ихъ противоположность выражается въ томъ, что каждая изъ нихъ основывается лишь на одной сторонѣ апоріи, отрицая принципиальный характеръ другой.

Матеріализмъ утверждаетъ, что только конечнымъ предметамъ—случайному (чувственному) знанію и естественной дѣятельности челоука, принадлежитъ реальность; все же идеальное, необходимое, нравственное есть лишь нѣчто производное. Главная тенденція матеріализма состоитъ въ обмененіи сложнаго простымъ, совершеннаго несовершеннымъ, конца и цѣли явленія—его началомъ и причиною. Поэтому-то въ теоріи познанія матеріализмъ по необходимости становится сенсуализмомъ, объясняющимъ апоріи знанія чувственнымъ знаніемъ (*nihil est in intellectu quod non ante fuerit in sensu*), образуемымъ на почвѣ безкачественной души (*tabula rasa*). Чувственное знаніе есть единственное ясное; такъ-называемыя аксіомы, выражающія собою необходимость мысли, суть лишь твердыя ассоціаціи представленій; граница познанія опредѣляется источниками его;

ничего сверхъчужденнаго человѣкъ знать не можетъ. Въ области физики, изслѣдующей бытіе, матеріализмъ становится атомизмомъ; разлагая сложное на части, отнимая у частей несущественныя качества, матеріализмъ приходитъ къ понятію мельчайшихъ частицъ, отличающихся между собою лишь количественно, и основное свойство которыхъ—пространственность; въ нихъ же заключенъ и принципъ всякаго становленія; онѣ суть единственныя причины, производящія видимость конечныхъ предметовъ. Наконецъ, этическую апорію матеріализмъ долженъ рѣшать въ смыслѣ гедонизма. Только единичный человѣкъ, подобно отдѣльному атому, представляетъ собою реальность, поэтому въ немъ должно быть начало и конецъ этни. Дѣятельность человѣка вытекаетъ изъ того же источника, изъ той же причинности, изъ которой вытекаютъ физическія явленія, изъ атомовъ; дѣятельность человѣка необходима, свободы нѣтъ,—поэтому и цѣль жизни можетъ заключаться лишь въ самомъ человѣкѣ, въ томъ, что ему пріятно и полезно. Итакъ, сенсуализмъ, атомизмъ и гедонизмъ (или эвдемонизмъ или утилизмъ ¹⁾) суть видовыя понятія одной и той же философской системы. Легко показать, что эти части въ сущности противорѣчатъ другъ другу, что сенсуализмъ не можетъ вести къ атомизму, а ведетъ лишь къ нему въ силу ошибочнаго пониманія процесса ощущенія и т. д., но это касается критики матеріализма, задачи, которая много разъ выполнялась различными авторами весьма успѣшно.

Если идеализмъ представляетъ собою монистическую систему, противоположную только что рассмотрѣнной, то и видовыя понятія должны являть ту же противоположность. Общая тенденція идеализма состоитъ въ томъ, что онъ различаетъ генезисъ явленія отъ его значенія и старается объяснить совершеннымъ несовершенное. Его теорія познанія есть раціонализмъ. Въ душѣ человѣка, какъ въ совершенномъ бытіи, раціонализмъ не можетъ видѣть нѣчто безкачественное, а въ ея организаціи ищетъ основы мысли, которыя называются врожденными идеями (*ideae innatae*).—Слѣдовательно, наиболѣе совершенное знаніе есть знаніе въ понятіяхъ, а чувственное знаніе доставляетъ лишь несовершенныя примѣры понятій; врожденные идеи должны eo ipso выражаться въ аксіомахъ, въ необходимости мысли, и границы познанія зависятъ не отъ случайнаго опытнаго знанія, а отъ количества и характера врожденныхъ идей; главная

¹⁾ Эти два понятія обозначаютъ собою лишь различныя ступени развитія гедонизма.

задача рационализма, следовательно, должна состоять въ опредѣленіи числа и характера врожденныхъ идей. Въ физикѣ идеализмъ принимаетъ форму динамизма, ибо пространство (и время) не можетъ идеалисту казаться качествомъ или сущностью предмета, а есть, на оборотъ, феноменъ, произведенный реальнымъ бытіемъ, которое непосредственно познается въ психическомъ мірѣ каждаго. Итакъ, представленія или монады создаютъ пространственный, видимый міръ. Идеализмъ не отрицаетъ, конечно, механической теоріи и причинной связи явленій между собою, но полагаетъ, что въ мірѣ имѣютъ мѣсто разумныя цѣли, которыя и опредѣляютъ собою явленія; осуществленіе же этихъ цѣлей не можетъ быть достигнуто иными путями, какъ механическими. Въ то время какъ атомизмъ исключаетъ, въ сущности, всякое понятіе силы и цѣли, динамизмъ можетъ объяснить феноменальный характеръ атомы и причинности; динамизмъ, такимъ образомъ, всегда бываетъ телеологическою теоріей. Этика идеализма тоже противоположна прямо матеріалистической. Въ идеи прирожденности совѣсти, или въ некоторой нравственной природы человѣка, подобная этика имѣетъ твердую точку отпращиванія; эта этика въ силу общности совѣсти у всѣхъ людей не имѣетъ индивидуальнаго характера эвдемонизма; она можетъ защищать свободу воли и понятія высшаго блага, можетъ опредѣлять не только наслажденіемъ отдѣльнаго лица или наслажденіемъ наиболѣе возможнаго количества лицъ, а напирѣзь, стремленіемъ къ богочеловѣчеству и т. д.

Итакъ, эти двѣ догматическія системы (идеализмъ и матеріализмъ) противоположны въ цѣломъ и въ своихъ частяхъ; это происходитъ отъ того основнаго различія, что одна система стоитъ на почвѣ абсолютна, а другая на почвѣ относительнаго, конечнаго¹⁾. Кромѣ двухъ указанныхъ догматическихъ системъ, мы сюда же причисляемъ еще и двѣ отрицательныя системы—скептицизмъ и мистицизмъ: Эти системы догматичны, потому что онѣ отрицаютъ возможность знанія (обыкновеннаго человѣческаго) не на основаніи критическаго изслѣдованія познанія, то-есть, его возможности, а на основаніи его результатовъ и фактическаго состава; поэтому-то различіе мнѣній въ сферѣ теоретической и практической и есть излюбленная тема скептиковъ. Мистицизмъ же есть теорія, которой предшествуетъ скептицизмъ;

¹⁾ Примирить эти двѣ противоположныя системы пытаются эволюціонизмъ и эмпирія эманации, которыя мы однако не считаемъ самостоятельными системами, лишь видоизмѣненіями матеріализма и идеализма.

мистицизмъ есть философія отчаянія въ возможности обыкновеннаго человѣческаго познанія; теорія, ищущая опоры въ индивидуальных особенностяхъ людей, напримѣръ, въ „интеллектуальномъ воспріятіи“ и въ „интуитивномъ разумѣ“.

Отъ перечисленныхъ системъ мы должны отличать критическія, къ которымъ мы относимъ два главные вида—критицизмъ (кантовскій) въ тѣсномъ смыслѣ, съ его развѣтвленіями, и эмпиризмъ. Мы не имѣемъ возможности говорить здѣсь въ подробности о критическихъ системахъ, да это и не нужно; основная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что онѣ считаютъ задачу философіи разрѣшимою лишь въ зависимости отъ рѣшенія вопроса о возможности знанія. Мы хотимъ лишь сказать здѣсь, что считаемъ эмпиризмъ критическою системою, хотя и отличною отъ кантовскаго критицизма. Знаемъ, что подъ терминомъ „эмпиризмъ“ разумѣютъ обыкновенно узкую и неглубокую теорію, отличая научную эмпирію отъ эмпиризма, и этотъ послѣдній считаютъ ложнымъ обобщеніемъ, исходящимъ изъ научной эмпиріи. Въ нашей литературѣ эмпиризму досталось, напримѣръ, отъ г. В. Соловьева въ его „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ и отъ г. Лопатина въ его „Положительныхъ задачахъ философіи“. Но въ сущности для того, что они имѣютъ въ виду, совершенно достаточно термина сенсуализма или субъективизма. Г. Лопатинъ, напримѣръ, говоритъ (стр. 78): „Эмпирическая философія есть та, которая всю доступную намъ истину ограничиваетъ сферою наблюдаемыхъ явленій и индуктивными обобщеніями изъ нихъ; но наблюдаемые явленія суть состоянія души, а индуктивныя обобщенія выражаютъ только правила ихъ послѣдовательности и сосуществованія; слѣдовательно, для этой философіи все, что не есть состояніе наблюдающаго духа, и не познаваемо, и не содержитъ никакой истины, стало быть, не имѣетъ и положительныхъ признаковъ, а между ними признака бытія“. Г. Соловьевъ разумѣетъ подъ эмпиризмомъ нѣкоторую степень познанія, вытекающую изъ сенсуализма: „Въ ощущеніяхъ дается намъ единственная доступная для насъ реальность — реальность явленія, въ силу чего ощущенія или данія такъ-называемаго вѣшняго опыта составляютъ реальную основу истиннаго знанія. Но очевидно, что эта реальная основа сама по себѣ еще не составляетъ истиннаго знанія. Въ ощущеніи явленіе существуетъ какъ простая дѣйствительность, но мы знаемъ, что дѣйствительность есть лишь первый признакъ истины и что одного этого признака для истины, какъ такой, недостаточно; мы знаемъ явленіе какъ дѣйствительное,

то-есть, существующее въ извѣстныхъ нашихъ ощущеніяхъ; но вотъ давнее ощущеніе исчезло и съ нимъ исчезла и дѣйствительность явленія, но истина исчезнуть не можетъ, слѣдовательно, познавая явленіе въ его исчезающей дѣйствительности, мы еще не знаемъ его истины, которая есть въ немъ то, что исчезнуть не можетъ, то-есть, то, что въ немъ необходимо. Итакъ, для того чтобы знать истину явленія мы не должны ограничиваться однимъ его простою дѣйствительностью, данною въ нашихъ ощущеніяхъ, а должны узнать это явленіе въ его необходимости или его законѣ то-есть, постоянность отношенія его къ другимъ явленіямъ. Но законъ явленія не дается въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, представляющемъ только его простую дѣйствительность; этотъ законъ открывается сложнымъ процессомъ изслѣдованія, который, основываясь на многихъ повторенныхъ наблюденіяхъ, видѣяетъ путемъ опытовъ и различныхъ сопоставленій всѣ случайныя отношенія между явленіями и находитъ такимъ образомъ ихъ постоянную связь и закономерность. Этотъ процессъ изслѣдованія, открывающій законъ явленій, мы называемъ вообще научнымъ опытомъ. Итакъ, реальное знаніе, основанное на ощущеніяхъ или непосредственномъ чувственномъ опытѣ, настоящее свое осуществленіе (какъ истинное значеніе) получаетъ лишь черезъ опытъ научный, и такимъ образомъ критическій (или феноменальный) реализмъ, будучи въ основѣ своей сенсуализмомъ, опредѣляется далѣе какъ эмпиризмъ („въ тѣсномъ смыслѣ“). (Критика отвлеч. началъ, стр. 286). Такимъ образомъ, и г. Соловьевъ утверждаетъ тожество по существу эмпиризма и сенсуализма и вполне согласенъ съ тѣмъ опредѣленіемъ эмпиризма, которое дано въ философскомъ словарѣ Франка. За г. Соловьевымъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи кн. Трубецкой, на которомъ, къ слову сказать, даже въ манерѣ писать, замѣтно вліяніе г. Соловьева¹⁾. Намъ кажется, что гораздо легче различить въ понятіи сенсуализмъ и эмпиризмъ, и въ понятіяхъ же показать ихъ несостоятельность, чѣмъ сдѣлать это на конкретномъ примѣрѣ. Кто когда-либо защищалъ теорію, которую г. Соловьевъ называетъ сенсуализмомъ? Хотя законъ явленій и не открывается въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, но сенсуализмъ и не останавливается

¹⁾ Авторъ, напримѣръ, пользуется терминами „всеединства“, „каеолическое бытіе“ и др. Относительно „каеолического“ замѣчу, что авторъ въ примѣчаніи на стр. 192 говоритъ, что онъ разъяснилъ смыслъ этого термина на стр. 44, но въ дѣйствительности на указанной страницѣ вовсе и не встрѣчается этого слова.

на отдѣльномъ чувственномъ опытѣ, а допускаетъ возможность обобщеній на основаніи опыта и, слѣдовательно, возможность открытія законовъ. Стоитъ раскрыть сочиненія Кондилляка, котораго всѣ считаютъ сенсуалистомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ не отвергаетъ ни обобщеній, ни законовъ; слѣдовательно, если есть разница между сенсуализмомъ и эмпиризмомъ, то не та, которая указана г. Соловьевымъ, не разница только по степени, а качественная, и именно, какъ мы думаемъ, та, что сенсуализмъ представляетъ собою догматическую систему, а эмпиризмъ — критическую. Теперь обратимся къ выпискѣ изъ книги г. Лопатина; онъ подъ эмпирической философіей разумѣетъ то, что принято называть субъективизмомъ, который, можетъ быть, есть единственно возможное правильное слѣдствіе сенсуализма. Почти со всѣмъ, сказаннымъ г. Лопатинымъ, можно согласиться и не видѣть въ этомъ ложной теоріи. Никто не станетъ спорить противъ того, что наблюдаемыя явленія суть состоянія души; никто не станетъ спорить, что въ состояніяхъ души мы имѣемъ дѣло съ единственно реальнымъ, съ действительностью; точно также вполнѣ очевидно и то, что все, что не есть состояніе наблюдающаго духа, не познаваемо и не содержитъ въ себѣ никакой истины, а есть продуктъ фантазіи (какъ на примѣръ, *Ding an sich*) и не имѣетъ бытія, (хотя странно, что г. Лопатинъ считаетъ бытіе признакомъ, послѣ разбора онтологическаго доказательства Кантомъ). Все это совершенно вѣрно, и если такова эмпирическая теорія, то это должно служить ей величайшею похвалою. Но г. Лопатинъ говоритъ еще, что обобщенія изъ душевныхъ явленій выражаютъ только правила ихъ послѣдовательности и сосуществованія. Если этимъ г. Лопатинъ хотѣлъ сказать, что правила имѣютъ лишь случайный, субъективный характеръ, что они основаны лишь на привычѣхъ и не имѣютъ обыкновеннаго значенія, то конечно, противъ такого пониманія эмпиризмъ долженъ протестовать, ибо здѣсь приписывается эмпиризму то, что есть характерная особенность субъективизма. Эмпиризмъ же утверждаетъ или можетъ утверждать, что въ послѣдовательности и сосуществованіи (душевныхъ) явленій выражается закономерность психической природы, имѣющая необходимость и объективность, ибо все, что мы представляемъ себѣ, мы должны представлять въ опредѣленномъ порядкѣ въ силу психической организаціи. Это — та же разница, что въ системахъ Милля и Фихте старшаго при общемъ обобщеніи явленій; Фихте старшій есть эмпирикъ во второмъ смыслѣ слова, и онъ такъ себя и называетъ. Но еслибы даже эмпирикъ не шелъ

такъ далеко, какъ идетъ Фихте старшій, а старался бы только объ установленіи истиннаго смысла явленій и о познаніи законоуѣрной ихъ связи, оставляя въ сторонѣ всѣ трансцендентные вопросы, то и въ такомъ случаѣ видно, что эмпиризмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ догматическими ученіями, а слѣдуетъ его относить и оцѣнивать съ точки зрѣнія критической ¹⁾). Возвратимся теперь къ введенію кн. Трубецкаго, который въ этомъ смѣшеніи субъективизма съ эмпиризмомъ слѣдуетъ за г. Лопатиннымъ.

Что разумѣть подѣ метафизикою кн. Трубецкой? Нужно сказать, что это не вполне ясно и опредѣленно, ибо нельзя же довольствоваться тѣмъ, что метафизика есть „цѣльное и сверхъестественное, свободное познаніе вселенской истины“ (стр. 34). Далѣе, мы узнаемъ, что въ природѣ сознанія заключается ключъ къ проблемѣ метафизики (стр. 15). При развитіи этой мысли оказывается, что метафизика представляется кн. Трубецкому болѣе съ ея отрицательной стороны, чѣмъ въ положительной ея формѣ. Онъ противопоставляетъ ее эмпиризму и полагаетъ, что этимъ противоположеніемъ въ достаточной мѣрѣ характеризуемо содержаніе метафизики. Эмпирикъ (то-есть, субъективистъ) полагаетъ, что сознаніе не можетъ перейти за свои собственные границы къ чему-либо внѣшнему, существу независимо отъ сознанія. Кн. Трубецкой, на оборотъ, утверждаетъ, что „субъектъ выходитъ изъ себя метафизически, всеобщимъ образомъ, въ каждомъ актѣ своего воспріятія, познанія или сознанія, въ каждомъ актѣ жизни своей, во всякомъ своемъ отношеніи. Никакая эмпірія не можетъ этому противорѣчить“ (стр. 16). Итакъ, тутъ мы, хотя нѣсколько, узнаемъ о содержаніи метафизики; ключъ къ ней, то-есть, главное ея

¹⁾ Мы припоминаемъ оцѣнку эмпиризма Фейербаха: „Die Empirie hat die Freiheit und Selbständigkeit des Gedankens vermittelt—vermittelt die Erlöbung aus den Banden des Autoritätsglaubens indem sie den Menschen auf das heilige, unveräußerliche Naturrecht der Autopsie und Selbstprüfung verwies. Daher das schöne Wort Lockes.—Plus nous connoissons la verité et la raison par nous mêmes, plus nos connoissances sont réelles et véritable.—Dans les sciences chacun ne possède qu'autant qu'il a des connoissances réelles dont il comprend lui-même les fondemens. C'est là son véritable trésor, le fond qui lui appartient en propre et dont il se peut dire le maître.—Wehe dem Philosophen, der nicht den Empirismus als ein Organ sich angeeignet hat, der das Gebiet der mittelbaren Kräfte und Ursachen überspringt, der da, wo vor allem ein rationeller Empirismus an seinem Platze ist—desipere in loco sapientia est—mit sogenannten philosophischen Deductionen kommt, Etwas gleich als göttliche Nothwendigkeit, als Vernunftwahrheit uns vordemonstrieren will etwas was vielleich auf ganz partikulären, zeitlichen, endlichen Gründen beruht!“

содержаніе, заключается въ природѣ сознанія; далѣе къ метафизикѣ же относятся и понятія пространства и времени. Кн. Трубецкой совершенно основательно защищаетъ кантовское ученіе о пространствѣ и времени, какъ условіяхъ всякаго возможнаго воспріятія, хотя мы не понимаемъ хорошенько, почему это „выхожденіе изъ себя“ кн. Трубецкой называетъ метафизическимъ, и какимъ образомъ это выходженіе можетъ обуславливать не только всякій опытъ (что вполнѣ понятно), но и всякое сознаніе (стр. 17); вѣдь это „выхожденіе“ есть результатъ дѣятельности сознанія, и, слѣдовательно, сознаніе должно предшествовать этому выходженію, если такъ, то оно не можетъ быть въ то же время условіемъ сознанія. Намъ кажется, что кн. Трубецкой слишкомъ строго относится къ англійской эмпирической школѣ, и что онъ напрасно насмѣхается надъ мускульнымъ чувствомъ (стр. 23). За англійскою эмпирическою психологіей все же останется та заслуга, что она строго разграничила ощущеніе отъ воспріятія, которое есть объективированное ощущеніе, и указала, чѣмъ отличается въ точности воспріятіе отъ ощущенія. Англійскіе психологи, дѣйствительно, смѣшиваютъ иногда два совершенно различные вопроса, когда думаютъ, что указаніемъ генезиса пространства они рѣшаютъ въ то же время вопросъ о томъ, что такое пространство само по себѣ. Всѣ ихъ указанія имѣютъ лишь цѣнность какъ средства для объясненія того, какимъ образомъ въ человѣкѣ развивается пространственная схема, но они не объясняютъ, откуда берется первичный пространственный элементъ. Кантъ, говоря, что пространство есть форма нашей чувственности, оставлялъ психологическій вопросъ о генезисѣ его совершенно открытымъ; англичане, на оборотъ, объясняютъ исключительно развитіе пространства, не заботясь о томъ, откуда же берется первоначальный элементъ его. Но врядъ ли мы выиграемъ что-либо, если станемъ на психологическій вопросъ отвѣчать: „я выхожу изъ себя метафизически“ (стр. 25).

Итакъ, кн. Трубецкой только намекаетъ на то, что онъ считаетъ метафизикою, не разъясняя это въ подробности; это и понятно, ибо цѣль введенія полемическая; оно должно показать несостоятельность эмпиризма и возможность метафизики. Метафизика постепенно развивается,— поэтому ея исторія не есть разказъ о постоянныхъ ошибкахъ людей, а имѣетъ важное значеніе для познанія истины. Законъ развитія метафизики есть общій законъ всякаго развитія, моменты котораго указаны Гегелемъ. Кн. Трубецкой даетъ во введеніи удачный общій очеркъ развитія греческой философіи.

Обратимся теперь къ самому изложенію греческой философіи. Во-первыхъ, слѣдуетъ сказать, что авторъ работалъ по источникамъ и тщательно ознакомился съ литературой предмета, такъ что его трудъ заслуживаетъ съ этой стороны величайшей похвалы. Вторыхъ, книга написана прекрасно, такъ что смѣло можетъ быть рекомендована для чтенія всякому образованному человѣку. Если поэтому мы сдѣлаемъ кое-какія замѣчанія, то вовсе не хотимъ высказать хулы автору; само собою разумѣется, что въ такой большой книгѣ всякій всегда найдетъ что-либо, что ему не нравится, что кажется ему неправильнымъ.

Намъ показалась нѣсколько рискованною самая задача изложенія метафизики древнихъ греческихъ философовъ. Вѣдь авторъ самъ говоритъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ метафизика не обособилась еще отъ физики, иначе говоря, не было еще различія между метафизикой и физикой; чтобы понять этотъ періодъ, необходимо тщательно изучить всѣ физическія ученія, а изъ общихъ соображеній о развитіи человѣческой мысли никакъ нельзя понять ни философіи Thalеса, ни его послѣдователей. Можно, конечно, показать, что мировоззрѣніе первыхъ философовъ должно было быть натурализмомъ, но никакъ нельзя объяснить изъ апіорной конструкціи, почему Thalесъ призналъ субстанціей воду, а Анаксименъ воздухъ. Объясненія этому нужно искать въ астрономическихъ и, вообще, космическихъ представленіяхъ, которыя опредѣляли собою всю философію какъ іонійскаго періода, такъ еще и пифагорейзма. Такъ, относительно Thalеса, въ частности, намъ очень понравилась мысль, высказанная г. Остроумовымъ (Вѣра и Разумъ 18:7 г.), но высказывавшаяся, кажется, и ранѣе его г. Каринскимъ въ его лекціяхъ, что ученіе перваго іонійскаго философа стоитъ въ связи съ великими географическими открытіями VII-го вѣка до Р. X., изъ которыхъ явствовало, что воды гораздо больше въ мірѣ, чѣмъ суши, и что земля какъ бы плаваетъ на водѣ. Безпредѣльность воды Thalеса соотвѣтствовала безпредѣльному океану; здѣсь мы имѣемъ прямое указаніе относительно того, какъ Thalесъ пришелъ къ своему основному ученію. Точно такимъ же способомъ слѣдуетъ искать объясненія и безпредѣльному Анаксимандра, гениальнѣйшаго изъ іонійскихъ философовъ; объясненіе заключается въ его представленіи о мірѣ какъ о сферѣ, въ отличіе отъ полусферы Thalеса. Также мало можно понять съ точки зрѣнія метафизики ученіе Анаксимена о томъ, что сущее есть воздухъ; въ ученіи Анаксимена мы имѣемъ дѣло съ уиадкомъ іонійской философіи. Анаксименъ вновь

возвращается къ представленію о мірѣ какъ полусферѣ; мы вполне убѣждены, что въ космическомъ ученіи нужно искать причины, почему Анаксименъ призналъ въ воздухѣ сущее, а никакъ не въ томъ, что воздухъ „есть наименѣе чувственная стихія, и потому въ его представленіи всего легче мирится понятіе Анаксимандра съ конкретной чувственностью интуиціи Фалеса“¹⁾). Какъ кажется, кн. Трубецкой не знаетъ сочиненій проф. Тейхмюллера по греческой философіи; хотя онъ и ссылается въ одномъ или двухъ мѣстахъ на Тейхмюллера, но не видно дѣйствительнаго знакомства съ его замѣчательными трудами. Странная судьба этихъ сочиненій; авторитетъ Целлера мѣшаетъ признанію ученыхъ заслугъ Тейхмюллера, который несомнѣнно гораздо глубже Целлера понималъ, на примѣръ, Платона и древнѣйшій періодъ греческой философіи.

Отъ древнѣйшаго періода кн. Трубецкой переходитъ къ изложенію пифагорейства. Эта система изложена авторомъ съ особою любовью; ей посвящено 80 страницъ и нужно сказать, что многія ученія пифагорейства удалось кн. Трубецкому изложить превосходно. Чрезвычайно удачно рѣшаетъ авторъ вопросъ о происхожденіи пифагорейства, обходя тѣ ложныя заключенія, въ которыя впади Гладишъ и Шредеръ. На основаніи аналогій, частью чисто внѣшняго свойства, названные писатели предположили, что Пифагоръ заимствовалъ свое ученіе у народовъ Востока (китайцевъ по Гладишу, индусовъ по Шредеру). Ихъ доказательство можетъ быть построено въ формѣ силлогизма по второй фигурѣ, въ которой они дѣлаютъ утвердительное заключеніе, въ то время, какъ логика даетъ право лишь на отрицательное. Шредеръ, на примѣръ, рассуждаетъ такъ: „Одна изъ системъ индійской философіи называется числовою; главное содержаніе пифагорейства есть ученіе о числѣ, слѣдовательно, пифагорейзмъ заимствованъ изъ индійской философіи. Заключеніе подобное тому, которое всегда приводится въ логикахъ: у гуся двѣ ноги, у человѣка тоже двѣ ноги, слѣдовательно, человѣкъ есть гусь. Кн. Трубецкой, не отрицая возможности частныхъ заимствованій Пифагора, полагаетъ, что его ученіе было глубоко національно и религіозно (стр. 225). Авторъ характеризуетъ пифагорейзмъ слѣдующими словами: „Пифагорейская

¹⁾ Князь Трубецкой самъ сознаетъ это, но не воспользовался своимъ сознаніемъ. Онъ говоритъ: „Въ известномъ смыслѣ всѣ древнѣйшія ученія греческихъ философовъ могутъ рассматриваться какъ астрономическія гипотезы“ (стр. 433). И этого нужно было держаться.

философія, въ предѣлахъ своей секты, является системою цѣльнаго знанія, символически представляя собою истину. Въ цѣломъ греческой философіи пифагорейство дало въ символической формѣ вѣрное опредѣленіе этой абсолютной истины, какъ всеединства. Опредѣленіе ея, какъ числа, страдало отвлеченнымъ формализмомъ и требовало восполненія, которое и было дано другими философскими системами Греціи. Но и независимо отъ нихъ опредѣленіе пифагорейцевъ заключало въ себѣ истину и тайный зародышъ грядущихъ, болѣе конкретныхъ идеальныхъ опредѣленій и понятій. Всей философіи вообще, помимо своихъ великихъ научныхъ открытій и гипотезъ, пифагорейство завѣщало навсегда глубокую и до сихъ поръ еще мало понятую идею числа, какъ метафизическаго начала¹⁾ (стр. 232). Изъ этого видно, какое значеніе придаетъ кн. Трубецкой пифагореизму, который онъ считаетъ наиболѣе долговѣчнымъ философскимъ направлениемъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ въ Европѣ (стр. 167), и который онъ помѣщаетъ въ центръ греческой философіи, такъ что позднѣйшая философія грековъ является лишь восполненіемъ пифагореизма. Национальность пифагореизма нашъ авторъ видитъ въ истинномъ дуализмѣ греческаго міросозерцанія, который впервые былъ выраженъ Пифагоромъ (стр. 192). Главное содержаніе пифагореизма есть ученіе о числѣ, какъ принципѣ всего сущаго. Но что разумѣлъ Пифагоръ подъ числомъ? Авторъ видитъ значеніе пифагореизма въ томъ, что онъ символически представлялъ истину (стр. 232), что число есть символъ всеединства (стр. 192); но въ то же время авторъ говоритъ: „Числа не были символами для Пифагора: онъ въ нихъ видѣлъ сущую, сверхъестественную систему вещей, божественный законъ и связь міроваго цѣлаго“ (стр. 194). По всѣмъ свидѣтельствамъ, это второе утвержденіе правильно, но какъ же тогда видѣть значеніе пифагореизма въ символическомъ выраженіи всеединства? Авторъ разли-

¹⁾ Не можемъ не привести по поводу этихъ словъ мѣста изъ *Farbenlehre Geste*: „Ein grosser Theil dessen, was man gewöhnlich Aberglauben nennt ist aus einer falschen Anwendung der Mathematik entstanden, deswegen ja auch der Name eines Mathematikers mit dem eines Wahnkünstlers und Astrologen gleichgalt. Man erinnere sich der Signatur der Dinge, der Chiromantie, der Punctirkunst, selbst des Höllenzwanges, alles dies Unwesen nimmt seinen wüsten Schein von der klarsten aller Wissenschaften, seine Verworrenheit von der exactesten. Man hat daher nichts für verderblicher zu halten, als dass man, wie in der neueren Zeit abermals geschieht, die Mathematik und die Vernunft und Verstandsregion, wo ihr Sitz ist, in die Region der Phantasie und Sinnlichkeit freventlich herüberzieht.“

часть двоякое значеніе числа — метафизическое и арифметическое; пифагорейское число обладает силой слагать само свои единицы? (стр. 196). Число не выражает собою только количественное отношеніе, оно имѣетъ вполнѣ качественный характеръ (стр. 199). „Целлеръ правъ, отставивъ первоначальность числа въ пифагорейской философіи, хотя онъ и ошибается, приписывая этому числу исключительно арифметическій характеръ, не видя его метафизическаго качества. Какъ мы уже говорили, пифагорейскія числа счисляють чувственное множество и возникаютъ одновременно, нераздѣльно съ этимъ множествомъ, которое они счисляють. Они не составляются изъ него, но сами его составляютъ; они не слагаются изъ чувственныхъ протяженныхъ единицъ, но сами образуютъ такіи единицы и слагають ихъ, будучи живыми синтетическими силами“ (стр. 218). „Числа Пифагора суть причины“ (стр. 195). Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, какъ авторъ старается проникнуть въ сущность мистическаго ученія Пифагора, и это необходимо, ибо пифагореизмъ, по мнѣнію князя Трубецкаго, есть центральное греческое ученіе. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы не согласны, ибо, соглашаясь съ нашимъ авторомъ, пришлось бы сказать, что сущность греческой философіи, ея основная черта заключается въ мистицизмѣ, и тогда пожалуй пришлось бы признать послѣдній періодъ тою эпохою, которая наиболѣе полно выражаетъ греческій духъ. Авторъ имѣетъ склонность къ мистической философіи и талантливо схватываетъ духъ мистическихъ ученій; можетъ быть, это и побудило его придать пифагореизму такое значеніе. Впрочемъ, говоря о Гераклитѣ, авторъ утверждаетъ, что онъ проникнуть эллинскимъ мистицизмомъ (стр. 241), а въ Сократѣ онъ видитъ какую-то мистическую нравственную прозорливость (стр. 437). Мы думаемъ, что можно защищать и иное воззрѣніе: относительно Пифагора мы полагаемъ, что въ его астрономическихъ воззрѣніяхъ находится ключъ къ его ученію о числахъ, самое же это ученіе, взятое само по себѣ, врядъ ли когда-либо можетъ быть познано вполнѣ удовлетворительно, за недостаткомъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній. Касательно мистицизма, мы думаемъ, что онъ чуждъ греческой философіи. Конечно, это зависитъ отъ того, что разумѣть подъ мистицизмомъ; если признавать всякое религіозное ученіе или даже всякую философію мистическою, то придется и греческую философію назвать мистическою; ежели же полагать, что мистицизмъ состоитъ лишь въ особомъ способѣ познанія основнаго религіознаго понятія, то придется сказать, что въ Греціи мистицизмъ былъ лишь случайнымъ

звѣніемъ, возникшимъ подѣ вліаніемъ чужихъ элементовъ. Кн. Трубецкой (стр. 226) упрекаетъ „протестантскихъ“ неокантіанцевъ въ томъ, что они стараются вообще (и въ пифагорейскихъ также) разграничить науку отъ религіи и мистическихъ ученій, это будто бы было не возможно въ VI и V вѣкахъ до Р. Х. Однако, отчего же это было возможнымъ въ IV вѣкѣ Платону? Отчего Платонъ, какъ только дѣло касается трансцендентнаго вопроса, тотчасъ говоритъ въ формѣ мѣры, а о мистической идеѣ Бога говоритъ въ формѣ дискурсивныхъ понятій, доступныхъ пониманію всякаго и не требующихъ особыхъ органовъ познанія. Мы полагаемъ, что греческую философію нужно назвать раціоналистическою, ежели вообще можно характеризовать однимъ понятіемъ философію народа, развивавшуюся въ теченіе тысячи лѣтъ. Центральною фигурой греческой философіи мы считаемъ Сократа, мысли котораго получили окончательную форму въ системѣ Аристотеля. Всякая эпоха имѣетъ свою задачу. „На долю греческой философіи выпала задача примиренія противоположности между матеріей и формой, рѣшеніе проблемы о томъ, какъ матерія принимаетъ форму, какъ возникаютъ предметы, какъ возникаетъ познаніе. Эта задача рѣшена въ Аристотелевой универсальной системѣ, которая понимаетъ форму, какъ развитіе матеріи, міръ — какъ рядъ энтелехій, то-есть, развитіе предметовъ, познаніе — какъ развитіе понятій. Система эта есть всецѣло система развитія“ ¹⁾ Пифагорейская же философія имѣла по стольку значенія для Греціи и была по стольку національна, по скольку выразила собою принципъ формы. „Мѣра есть настоящій принципъ пифагорейской философіи. Если она возводитъ число въ принципъ, то число здѣсь не обозначаетъ арифметическую операцію, но порядокъ вещей. Оно служитъ кратчайшею формулою для положенія: все опредѣлено известными отношеніями величины, то-есть, все есть мѣра. Число служитъ лишь выраженіемъ мѣры, мѣра есть выраженіе отношеній величины, а эти отношенія суть основная форма міроваго порядка. Дѣйствительно, понятіе міра есть первое, посредствомъ котораго мыслится порядокъ, гармонія, сочетаніе предметовъ, посредствомъ котораго вносится опредѣляющее единство въ безпредѣльную множественность, посредствомъ котораго могущество *κράτος* противопоставляется *ἀκρότης*. Поэтому-то эта категорія имѣетъ такое значеніе въ греческомъ мышленіи. Изреченія древнѣйшихъ философовъ, гномическая мудрость мыслите-

¹⁾ К. Fischer. Logik, II Aufl., стр. 194.

лей и поэтовъ одинаково пользуются этимъ понятіемъ: знай мѣру (μηδέν ἄγαν)! Ничто не кажется болѣе несправедливымъ, какъ чрезмѣрность или надменность (ὑβρις); ничто не бываетъ пагубнѣе непоимѣрности гордыни; вполне справедливою кажется Немезида, полагающая предѣлъ всякой чрезмѣрности, восстанавливающая равновѣсіе и мѣру. На этомъ понятіи мѣры основываетъ Пиеагоръ свою философію, Платонъ свое государство,... Аристотель—основное понятіе своей этики, добродѣтели...“ и т. д. ¹⁾

Мы говоримъ что центральная личность греческой философіи—Сократъ и постараемся нѣсколько ниже подтвердить это воззрѣніе. Сначала посмотримъ, какъ смотритъ кн. Трубецкой на Сократа. Онъ оцѣниваетъ его съ двухъ точекъ зрѣнія: во первыхъ, какъ реформатора философіи, котораго мѣтко характеризовалъ Цицеронъ, говоря, что Сократъ первый свелъ философію съ неба на землю. „Сократъ“, говоритъ кн. Трубецкой, — „былъ религиозный проповѣдникъ, стремившійся произвести нравственную реформу посредствомъ безусловной ислепской философіи. Въ этомъ заключается его значеніе. Для такой реформы потребовалось необычайное углубленіе сознанія, и Сократъ углубилъ сознаніе всего человечества“ (стр. 437). Этимъ опредѣляется мѣсто Сократа въ исторіи развитія всего человечества, а не грековъ въ частности, Положеніе его въ греческой философіи опредѣляется „борьбою противъ ложной мудрости и разоблаченіемъ ея во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ“, то-есть, борьбою съ софистами (стр. 439). Мы высказали уже свое мнѣніе, что именно въ Сократѣ ²⁾ слѣдуетъ видѣть центральный пунктъ греческой философіи, и именно потому Сократъ и имѣлъ такое громадное вліяніе на весь ходъ позднѣйшей греческой философіи (гораздо больше, чѣмъ пиеагореизмъ), что онъ въ полнотѣ выразилъ духъ греческаго народа, его мировоззрѣніе. Сократъ высказалъ основу греческаго мировоззрѣнія со стороны этической, Платонъ и Аристотель обобщили принципъ Сократа, придавъ ему универсальный характеръ. Въ основѣ Сократовой философіи легко видѣть убѣжденіе, что сущность человѣка есть разумъ, и это убѣжденіе исключаетъ всякій мистицизмъ; но греки смотрѣли на разумъ не какъ на индивидуальную особенность человѣка, а какъ на мировой

¹⁾К. Fischer. Logik, 298—299. 2-te Aufl.

²⁾ Въ недавно появившейся талантливой книжкѣ г. Розанова Сократъ, какъ намъ кажется, понятъ и оцѣненъ тоже не такъ, какъ его слѣдуетъ понимать и цѣнить.

принципъ; въ этомъ отношеніи одни софисты представляютъ исключеніе. Потому-то и возможно истинное познаніе, что индивидуальный разумъ есть только часть цѣлаго, отражающая въ себѣ всѣ свойства цѣлаго; самый міръ есть „космосъ“, проявленіе разума, поэтому онъ долженъ быть точно также всецѣло понятъ, какъ и человѣческая природа. Хотя Сократъ и принималъ свой принципъ только въ сферѣ нравственныхъ явленій, но такое ограниченіе вовсе не заключается въ самомъ принципѣ, и Аристотель могъ создать на этой почвѣ цѣлую систему греческой философіи. Намъ кажется, что только въ этомъ принципѣ мы можемъ найти и возможность противоположенія философіи грековъ — философіи христіанской, которая стоитъ на почвѣ примата воли передъ интеллектомъ и поэтому проиницирована мистицизмомъ. Эта противоположность выражается, напримѣръ, весьма рѣзко въ ученіи о добродѣтеляхъ: всѣ греческія добродѣтели — интеллектуальны, покоятся на знаніи; и высшая изъ нихъ есть мудрость; всѣ христіанскія добродѣтели — волевыя, почему блаженный Августинъ и сказалъ: *virtutes ethnicorum splendida vitia*. Этотъ принципъ разумности, выраженный Сократомъ, можно замѣтить и въ болѣе раннихъ системахъ, въ пифагорейскомъ „космосѣ“, въ Анаксагоровомъ *νοῦς*; и въ особенности въ системѣ Демокрита, въ его этикѣ, которая чрезвычайно интересна и *in ipse* содержитъ въ себѣ всѣ позднѣйшія нравственныя ученія грековъ. Слѣдовало бы здѣсь показать, что интеллектуализмъ есть дѣйствительно коренное начало греческой философіи, но мы это постараемся сдѣлать въ другой разъ; здѣсь же укажемъ лишь на слѣдствіе, вытекающее изъ этого принципа, а именно — что добродѣтель есть знаніе; это принималось всею греческою философіей; отсюда въ свою очередь слѣдовало, что мудрость есть высшая добродѣтель, а созерцаніе — цѣль жизни. Идеалы стоическаго мудреца и эпикурейцы списаны почти цѣликомъ съ Сократа; разница пониманія ими задачъ этическихъ скорѣе въ объемѣ, чѣмъ въ содержаніи: въ до время, какъ, по Платону и Аристотелю, этика есть универсальная наука, въ составъ которой входитъ и политика, и вообще, вся дѣятельность человѣка, и даже весь космосъ, по скольку идея блага отождествлялась съ Божествомъ, — для стоиковъ этика имѣетъ своимъ предметомъ индивидуальную жизнь человѣка. Стоики и эпикурейцы подготовили своимъ индивидуалистическимъ космополитизмомъ христіанскую точку зрѣнія, которую выразилъ удачно Тертуліанъ: *Nobis nulla res magis aliena, quam publica*.

Перешагнувъ отъ Пифагора къ Сократу, мы пропустили въ книгѣ

ка. Трубецкаго цѣлый рядъ историческихъ очерковъ, написанныхъ съ талантомъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ переступаетъ за предѣлы имъ же самимъ намѣченной въ заглавіи программы; такъ, напримѣръ, авторъ могъ бы ограничиться оцѣнкою древняго атомизма, не вдаваясь въ критику и сравненіе съ новымъ матеріализмомъ: „атомизмъ древнихъ былъ исключительно матеріалистическимъ, тогда какъ современный атомизмъ, сознательно или безсознательно, оставляетъ почву матеріализма“, говорятъ авторъ (стр. 337) и видятъ въ этомъ большую послѣдовательность древнихъ; но есть еще черта, которая должна быть поставлена въ заслугу Демокриту: говоря объ атомахъ, онъ, не воображаетъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые современные матеріалисты, что атомы даны въ опытѣ, а знаетъ, что его теорія построена на понятіяхъ, а не на ощущеніяхъ.

Воймса, что мы дали очень неполное представленіе о книгѣ кн. Трубецкаго. Мы выхватили только нѣсколько мѣстъ изъ нея, разсмотрѣли нѣсколько мыслей, оставивъ въ сторонѣ много оригинальнаго и интереснаго. Задача критики состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы дать полную оцѣнку сочиненія, указать на его хорошія и дурныя стороны; и въ этомъ отношеніи наши замѣчанія покажутся неудовлетворительными, такъ какъ они останавливаются лишь на спорныхъ пунктахъ. Надѣемся однако, что изъ сказаннаго ясно, что мы имѣемъ дѣло съ хорошимъ трудомъ, заслуживающимъ внимательнаго изученія.

Перейдемъ теперь къ сочиненію г. Гилярова о греческихъ софистахъ. Мы очень жалѣемъ, что кн. Трубецкой не облегчилъ намъ труда: говоря о софистахъ, онъ могъ вѣдь упомянуть о книгѣ г. Гилярова; но вмѣсто этого онъ ограничился лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 402): „Едва ли найдется вопросъ, о которомъ было писано столько вздорнаго, лишняго и ненужнаго на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и русскаго“. Это замѣчаніе очень несправедливо, ибо, вопервыхъ, легко можно найти вопросы, по которымъ писано гораздо болѣе вздорнаго и ненужнаго, а во вторыхъ, на русскомъ языкѣ о софистахъ писалъ одинъ только г. Гиляровъ, и трудъ его нельзя назвать вздорнымъ. Признаемся, къ чтенію книги г. Гилярова мы приступили съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, и вотъ на какомъ основаніи: въ рѣчи, озаглавленной „Значеніе философіи“, г. Гиляровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ философію и философскія системы: „Среди другихъ проявленій духовной дѣятельности философія занимаетъ своеобразное мѣсто. Она желаетъ быть вершительницей наукъ, но по своему

содержанію отличается отъ науки; она ставитъ свою цѣль приближеніе къ истинѣ, но прикрываетъ истину вымысломъ; она берется за разрѣшеніе труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ вопросовъ; но вмѣсто рѣшенія даетъ обыкновенно мало обоснованна предположенія и притомъ въ формѣ непонятной для большинства людей, а иногда темной и самому творцу философской системы. Высшая мудрость на взглядъ однихъ, она въ глазахъ другихъ не болѣе какъ наборъ звонкихъ и притязательныхъ, но ничего не значущихъ и не для чего не нужныхъ, фразъ. Это двойное отношеніе къ ней вполне оправдывается ею самою. Среди философовъ бываютъ люди гениальные, для которыхъ творчество есть настоящая потребность ихъ гени; но бываютъ и такіе, которыхъ Платонъ называетъ маленькими лисыми кузнецами,—люди, занимающіеся философіей только потому, что плѣняются блескомъ и великолѣпіемъ встрѣчающихся въ ней словъ. Впрочемъ, если безпристрастно взвѣсить и системы гениальныхъ мыслителей, то и эти системы окажутся не многимъ болѣе состоятельными, чѣмъ философскія построенія маленькихъ лисыхъ кузнецовъ. Это сужденіе нѣсколько напоминаетъ отзывъ Собакевича о своихъ сосѣдяхъ и о прокурорѣ; къ тому же намъ казалось, что при такихъ возрѣніяхъ на философію трудно быть хорошимъ ея истолкователемъ, а вопросъ о томъ, считаетъ ли г. Гиляровъ софистовъ маленькими лисыми кузнецами или же большими волосатыми, самъ по себѣ не важенъ. Къ счастью, г. Гиляровъ въ своей книгѣ вовсе не коснулся этого вопроса.

Книга г. Гилярова „составляетъ третью часть предпринятаго имъ труда о греческихъ софистахъ“, какъ заявляетъ авторъ; слова эти нужно понимать не такъ, что этой части предшествуютъ двѣ другія, а такъ, что это треть цѣлаго задуманнаго труда. Въ вышедшей трети рѣшены два вопроса: кто были греческіе софисты, и какимъ образомъ связано ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность съ общею политическою и культурною исторіей Греціи.

Предлежащій трудъ состоитъ изъ пяти главъ, въ которыхъ впрочемъ очень немного говорится о софистахъ и очень много обо всемъ другомъ. Первая и вторая главы имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ софистамъ, такъ какъ въ первой содержится общенѣвѣстная оцѣнка дѣятельности софистовъ, сдѣланная знаменитымъ историкомъ Протомъ, а во второй содержатся указанія на значеніе слова „софистъ“ въ греческой литературѣ и на различное отношеніе современниковъ къ софистамъ. Итакъ; содержаніе книги нужно искать въ

остальныхъ трехъ главахъ. Въ третьей главѣ показывается, что софисты были продуктомъ предшествовавшаго развитія греческой жизни въ ея цѣломъ, показывается, какъ субъективизмъ проникалъ постепенно во всѣ сферы человѣческаго духа; въ четвертой главѣ та же самая мысль подтверждается разсмотрѣніемъ исторіи греческой философіи отъ Талеса до Сократа, и наконецъ, въ пятой главѣ дается общая характеристика „старыхъ“ Аѳонъ и новыхъ, въ которыхъ царилъ развратъ во всѣхъ видахъ (стр. 191), при чемъ указывается, какое значеніе приобрѣла эстетика для гражданъ. Нужно сказать, что г. Гиляровъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ большое знаніе греческой литературы: помимо сочиненій чисто философскаго характера, онъ даетъ характеристики Софокла и Еврипида и пользуется Аристофаномъ, (последнимъ, какъ намъ кажется, нельзя пользоваться для тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ; намъ кажется, что Аристофанъ сильно преувеличиваетъ)¹⁾. Особенность книги г. Гилярова та, что авторъ вноситъ въ чисто историческое разсужденіе замѣчанія философскаго характера; такъ, исторія Аѳонъ приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: „Обольстительное для отвлекающаго воображенія народовластіе на дѣлѣ не что иное, какъ чередованіе гнета отбѣсняющихъ одна другую партій, послушныхъ каждый разъ произволу сильнѣйшаго вожака. И какъ бы въ посмѣяніе заносчивой самоувѣренности человѣческаго достоинства, весь пережитой историческій опытъ свидѣтельствуетъ убѣдительно, что самая жестокая тираниія возникаетъ на почвѣ разнузданной свободы, и самыя отвратительныя себялюбивыя страсти выводятся наружу нмншеннымъ братствомъ“. Въ этихъ пышныхъ словахъ содержится въ сущности лишь то, что говорилъ Аристотель въ 4-й главѣ 5-й книги своей „Политики“. Замѣчанія г. Гилярова, имѣющія теоретическій характеръ, вообще говоря, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе: для того, чтобы высказать самую обыкновенную мысль, напримѣръ, о мотивахъ человѣческой дѣятельности (или, по выраженію г. Гилярова, чтобы заглянуть въ тайники человѣческаго духа, стр. 156) онъ приводитъ въ примѣчаніи цѣлый рядъ психологическихъ сочиненій. Но къ чему, напримѣръ, подтверждать мысль, что человѣческая дѣятельность объясняется взаимодействіемъ между вѣншею средой и духомъ, длинными ссылками на Вэна, Спенсера и многихъ другихъ? Неужели

¹⁾ Врядъ ли, напримѣръ, дѣйствительно характеренъ разговоръ Демосоена съ колабасникомъ, который авторъ приводитъ in extenso въ переводѣ.

авторъ думаетъ, что пониманіе историческихъ событій хоть сколько-нибудь станетъ яснѣе, если къ нимъ приложить слѣдующее разсужденіе: „Жизнь общественная слагается такъ или иначе, между прочимъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ (какая ужасная фраза!) духовныхъ особенностей народа, а эти послѣднія въ свою очередь въ известной мѣрѣ обусловлены средою. Дѣятельность каждаго человѣка стоитъ въ зависимости отъ причинъ ему внѣшнихъ; но своей дѣятельностью человѣкъ способенъ вносить въ среду такіа измѣненія, которыя могутъ стать причинами той или другой дѣятельности какъ его самого, такъ и другихъ лицъ. Люди обыкновенно идутъ по стезѣ, проложенной другими, люди выдающіеся могутъ (по вызову причинъ внѣшнихъ) вносить въ жизнь новыя начала. Причины, обуславливающія ихъ духовную жизнь, тѣ же, что и причины, обуславливающія духовную жизнь простыхъ людей; но дѣйствуя черезъ среду своеобразной умственной организаціи, онѣ производятъ и своеобразныя явленія, которыя могутъ стать движущей силой общественной жизни, если для ихъ дѣйствія подготовлена почва“ (стр. 41). Изъ этого мѣста можно было бы заключить, что авторъ, подобно Карлейлю, видитъ въ геніяхъ истинныхъ двигателей человѣчества, но авторъ требуетъ для нихъ подготовленной почвы, и притомъ это лишь односторонняя подготовка. Геній можетъ возникнуть на не подготовленной почвѣ, но дѣйствовать на не подготовленную почву не можетъ: „Геній можетъ творить великія поэтическія произведенія, создавать глубокомысленныя философскія системы, можетъ основывать религіозныя секты, но его дѣятельность для цѣлыхъ народныхъ массъ остается мертвою силою; если для его воспріятія не подготовлена почва... Лучшимъ доказательствомъ безсилія генія создавать мировоззрѣнія на не подготовленной почвѣ служитъ Сократъ“ (стр. 98)¹⁾. Какой неудачный примѣръ! Сократъ, оставившій нѣсколько школъ и геніальнаго ученика, прошелъ, по мнѣнію г. Гилярова, для общаго нравственнаго мировоззрѣнія своего вѣка не замѣченнымъ (стр. 99). Какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Гиляровъ пользуется Аристофаномъ, забывая, что имѣетъ дѣло съ сатирикомъ, и точно

...¹⁾ Авторъ въ примѣчаніи говоритъ о томъ, что всѣ „великіе“ геніи (какъ будто есть еще и малкіе геніи) были „тронутыми“, что они „способны распространять отъ себя заразу“ и т. п. Приведемъ, съ своей стороны, примѣры противоположнаго: Пушкинъ, Гете, Шекспиръ, Платонъ и выразимъ сожалѣніе, что неслышны въ большинствѣ случаевъ, теорія Ломброзо повторены столь легкомысленно.

также придаетъ онъ значеніе другимъ свидѣтельствамъ и дѣлаетъ выводы изъ нихъ относительно софистовъ, тогда какъ свидѣтельства эти слѣдовало бы принимать *cum grano salis*; напримѣръ, онъ говоритъ, что успѣхъ могли имѣть только тѣ ораторы, которые умѣли льстить толпѣ; но вѣдь это не какая-либо особенность опредѣленнаго времени, а свойство человѣческой природы, проявляющееся всегда и всюду. Толпа всегда останется толпой, и всегда можно заранѣе опредѣлить: какъ она оцѣнитъ того или другаго оратора, недаромъ разказывается про одного знаменитаго оратора, что, услышавъ аплодисменты своей рѣчи, онъ, въ недоумѣніи спросилъ своего сосѣда: „Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость?“ Но въ сущности, высказанныя замѣчанія не имѣли бы особеннаго значенія и не умалили бы достоинствъ сочиненія, еслибы и авторомъ была доказана главная мысль книги, что субъективизмъ въ философіи и то, что авторъ называетъ субъективизмомъ въ жизни, соответствуютъ другъ другу. „Нравственному субъективизму необходимо долженъ соответствовать субъективизмъ всѣхъ духовныхъ проявленій“ (стр. 72); это положеніе авторъ доказываетъ общими психологическими соображеніями о томъ, что между всѣми сторонами духовной жизни есть связь; но признаемся, намъ кажется, что философскій субъективизмъ вовсе не всегда соответствуетъ нравственному субъективизму; связь между тѣмъ и другимъ вовсе не столь необходима. Часто сравнивали, и не безъ основанія, софистическое направленіе съ эпохой просвѣщенія, предшествовавшей французской революціи. Дѣйствительно, философія энциклопедистовъ точно также была направлена противъ существующаго, то-есть, противъ религіи, политическаго строя, метафизики; однако сами энциклопедисты вовсе не были субъективистами въ сферѣ нравственности; такъ Юмъ, который былъ другомъ энциклопедистовъ и родственъ имъ по духу, держался торійскихъ воззрѣній; еслибы кто изъ энциклопедистовъ дожилъ до революціи 1789 года, то онъ врядъ ли бы порадовался тѣмъ выводамъ, которые дѣлались изъ его принциповъ. На столько же намъ кажется требующимъ доказательства и то, что авторъ говоритъ въ 4-й главѣ. Г. Гиларовъ говоритъ, что софисты были не преобразователями, а лишь завершителями и истолкователями уже существовавшаго движенія (стр. 154). Итакъ, вся греческая жизнь клонилась къ нравственному субъективизму, а вся предшествовавшая философія — къ скепсису. Конечно, они были „завершителями“, но на столько, на сколько всякая философская система въ развитіи человѣческой мысли

содержитъ въ себѣ предшествовавшія ступени; такими завершителями были и Платонъ, и Аристотель; софисты начинали въ философіи новый рядъ мыслей, а именно теорію познанія; нельзя придавать значенія отрывочнымъ мыслямъ касательно познанія Демокрита или элеатовъ, и общій принципъ, требовавшій серьезной критики, впервые высказанъ софистами. Въ виду этого вся 4-я глава кажется намъ лишнею, такъ какъ не можетъ служить доказательствомъ основнаго положенія автора. Вѣдь есть же въ философскихъ системахъ нѣкоторая необходимая преемственность, въ силу которой принципы софистики въ V вѣкѣ до Р. Х. стояли на очереди, и нельзя же думать, что одинъ нравственный субъективизмъ (который на языкѣ г. Гилярова значитъ не что иное, какъ разложеніе общества) вызываетъ теоретическое разсмотрѣніе принциповъ познанія.

Мы воздерживаемся отъ болѣе подробнаго разбора книги г. Гилярова, такъ какъ въ сущности о софистахъ въ ней не говорится (о нихъ рѣчь будетъ ведена во второй и третьей частяхъ), и предлагаемая книга есть только введене. Слѣдуетъ указать на двѣ хорошія стороны труда г. Гилярова: во первыхъ, на большую ученость, проявленную авторомъ, и во вторыхъ, на хорошее въ большей части книги изложеніе.

Э. Радловъ.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ сверенъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Тома I, III, IV и V. М. 1889.

Странно сказать, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ достойнаго памятн Гоголя изданія его сочиненій, какъ нѣтъ достойныхъ изданій ни Ломоносова, ни Пушкина, ни Карамзина; прибавимъ, впрочемъ, что для Гоголя мы до сихъ поръ не имѣли и такого изданія, каково Анненковское изданіе Пушкина. Въ изданіи, вышедшемъ при его жизни, да печатавшемся безъ надзора автора, допущено было много опусокъ писца, опечатокъ, поправокъ редактора. Нѣкоторые изъ слѣдующихъ изданій внесли новый матеріалъ изъ рукописей автора, но не провѣрили печатныхъ изданій и не дали указаній на то, какъ постепенно возникали созданія Гоголя, а между тѣмъ, по мѣткому выраженію Н. С. Тихонравова, „черновые наброски (Гоголя) даютъ въ своей совокупности перѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне острож-

ныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора" (I, предисл. VIII). Къ сожалѣнію, настоящее изданіе, рассчитанное на шесть томовъ, изъ которыхъ послѣдній, дополнительный, будетъ продаваться отдѣльно, не даетъ никакихъ обѣщаній на новое изданіе писемъ, а между тѣмъ ихъ въ послѣднее время появилось очень много вновь найденныхъ, да и изданныя въ почтенномъ изданіи П. А. Кулиша, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, появились не вполне и часто только съ начальными буквами именъ тѣхъ лицъ, кому они были адресованы. Указатель г. Шенрока помогаетъ этому послѣднему недосмотру и можетъ послужить отличнымъ пособіемъ для перенаданія писемъ. Безъ писемъ же и безъ критическаго изданія текста, нынѣ начавшагося, не возможна біографія Гоголя, начало обработки которой такъ блистательно положено П. А. Кулишомъ въ его „Запискахъ о жизни Гоголя". Очевидно, что съ накопленіемъ новаго матеріала, появившагося частью въ изданіи писемъ, частью въ видѣ этюдовъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ жизни Гоголя („Ученическіе годы", „Отношенія къ матери", „Гоголь и Вильгорскіе" и т. д.), а также при обращеніи большаго вниманія на процессъ его творчества и на выливавшіяся иногда нечаянно личныя черты въ его произведеніяхъ, біографія его должна выйдти нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ мы знаемъ ее. Постигнуть Гоголя какъ человѣка очень нелегко: онъ самъ сознавался, что въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" онъ многое говорилъ коротко, чтобы вызвать возраженія и получить точныя сѣднія о Россіи, которыхъ онъ, по его сознанію, не имѣлъ. Внутренній процессъ, происходившій въ Гоголѣ, составляетъ все еще загадку, разрѣшить которую предстоитъ его біографамъ. Всѣ теперешнія толкованія этого процесса нельзя считать удовлетворительными. Кажется, въ основу надо положить мысль, что процессъ этотъ былъ искренній, и что корни его надо искать въ Гоголѣ еще до „Ревизора". Вотъ почему желательно собраніе какъ можно большаго числа матеріаловъ, которые психологу-художнику помогутъ бѣ изобразить намъ Гоголя, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ окружающей его средѣ. Для такого труда литературная исторія каждаго произведенія, сообщаемая Н. С. Тихонравовымъ, будетъ неоцѣненна; но у нея есть и другая польза: эстетика все еще не собрала достаточнаго количества фактовъ для опредѣленія того душевнаго процесса, который извѣстенъ подъ именемъ творчества. Безъ достаточнаго сбора фактовъ самыя тонкіе эстетика могутъ впадать въ замѣчательныя ошибки. Такъ, въ

Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. напечатанъ былъ отрывокъ IX-й главы первой части „Мертвыхъ Душъ“. М. Н. Катковъ увидѣлъ въ этомъ отрывкѣ первые наброски и указывалъ на нихъ въ примѣръ того, какъ художникъ выкидываетъ въ окончательной редакціи подробности, хотя и сильныя, но лишнія; въ изслѣдованіи же Н. С. Тихонравова оказывается, что отрывокъ принадлежитъ къ попыткѣ Гоголя пере-дѣлать первый томъ послѣ уже появленія въ свѣтъ, когда и самъ онъ замѣтилъ и другіе ему указывали, что вторая половина тома болѣе сжата и иногда нѣсколько суха. Еслибы до насъ дошла только попытка развить содержаніе „Тараса Бульбы“, и мы не имѣли бы второй его редакціи, то можно было и къ нимъ примѣнить то же замѣчаніе и также ошибаться. Вообще Гоголь чаще развивалъ, чѣмъ сжималъ свои созданія: это мы видимъ также и на „Портретѣ“. Вообще узнать, гдѣ онъ прибавлялъ, гдѣ сокращалъ, гдѣ измѣнялъ,—важно во многихъ отношеніяхъ. Если прибавимъ къ сказанному вышепри-веденныя замѣчанія Н. С. Тихонравова о личномъ элементѣ въ твор-чествѣ Гоголя и припомнимъ, что говоритъ объ этомъ самъ Гоголь въ письмахъ о „Мертвыхъ Душахъ“, то увидимъ, какъ многостороння польза новаго изданія.

Если изученіе Гоголя важно въ отношеніи психологическомъ и эстетическомъ, то не менѣе оно важно въ отношеніи общественномъ. Н. Н. Страховъ замѣтилъ въ своей статьѣ о Пушкинскомъ праздникѣ, что славянофилы первой формации едва ли не болѣе цѣнили Гоголя, чѣмъ Пушкина; если мы обратимся къ главнѣйшимъ критикамъ 40-хъ годовъ западнаго направленія, то едва ли не выведемъ того же самаго убѣжденія; не смотря на то, что Вѣлинскій временами тонко цѣнилъ Пушкина, онъ все-таки болѣе сочувствовалъ Гоголю, дополнивъ его Лермонтовымъ. Молодежь тѣхъ лѣтъ, говоря по собственному опыту, не знала мѣры въ своемъ поклоненіи Гоголю. Мы знаемъ, что критики 50-хъ годовъ находили Гоголевскій періодъ въ русской ли-тературѣ. Извѣстно, какое значеніе имѣла въ 40-хъ годахъ натураль-ная школа, предшественница современнаго реализма. Вліяніе Пуш-кина въ его Вѣлинскомъ періодѣ, если можно такъ выразиться, менѣе чувствительно, чѣмъ вліяніе Гоголя. Чѣмъ же объяснить такой фактъ? Чѣмъ объяснить, что и до сихъ поръ Гоголя знаютъ чуть не на-изусть всѣ образованные люди, а между тѣмъ, какъ тонко замѣтилъ Н. Н. Страховъ, „Вѣдныя люди“ являются поправкою Гоголевской „Шинели“; очевидно, стало быть, что въ Гоголевскомъ юморѣ нужно было кое-что поправить: онъ долго увлекался смѣшной стороною своихъ изображе-
часть сслхуиц, отд. 2.

ній, а попытка его дать мистическое толкованіе многому относится уже къ послѣднимъ годамъ его жизни. Мы знаемъ, что, начиная писать „Мертвыя Души“, онъ думалъ только о смѣшныхъ типахъ. Правда, что еще Пушкинъ назвалъ Гоголя „великимъ меланхоликомъ, ищущимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости“ (изд. Павленкова, VII, 246). Большинство тогдашняго общества, увлекаясь юморомъ Гоголя, видѣло въ его прозведеніяхъ протестъ противъ существующаго порядка вещей. Вотъ отчего такъ сильно было разочарованіе при выходѣ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки“, въ которыхъ усмотрѣли защиту этого порядка и смѣшали Гоголя съ сотрудниками Маяка. Съ этой стороны будущему біографу придется выяснять значеніе Гоголя и отношеніе къ нему разныхъ слоевъ общества, и вліяніе на него среды, и его вліяніе на среду. Предметъ глубокой важности, который нельзя считать удовлетворительно выясненнымъ. Вопросъ о томъ, какъ углублялся юморъ Гоголя, какъ онъ связался у него съ его лирическими порывами, и почему лирическіе порывы не повели къ созданію положительныхъ типовъ, а также о томъ, какъ связать эпопею Тараса Бульбы съ свойствомъ особенно ярко изображать пошлость пошлыхъ людей, какъ выразился Пушкинъ,—все это дѣло хорошей біографіи. Впрочемъ, толковать объ этомъ надо послѣ долгаго и тщательнаго изученія, а не въ бѣглыхъ словахъ; здѣсь же я вѣдѣлъ въ виду указать на задачи, подлежащія будущему, а намъ пора обратиться къ занимающему насъ изданію.

При бѣгломъ даже просмотрѣ новаго изданія чувствуется, что за него взялся мастеръ дѣла, глубокой знатокъ исторіи литературы, привыкшій въ ученыхъ работахъ, выработавшій строгіе приемы, продолжительнымъ изученіемъ изострившій свое критическое чувство. Надъ текстомъ писателя онъ, очевидно, работаетъ уже давно и ничѣмъ не пренебрегаетъ для его уясненія: еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ онъ „Ревизора“, а затѣмъ помѣщалъ въ Русской Старинѣ тексты „Тараса Бульбы“. Въ основу своего изданія Н. С. Тихонравовъ положилъ изданіе Трушковскаго, которое принимаетъ вполнѣ тамъ, гдѣ оно правлено самимъ Гоголемъ, а текстъ прежнихъ изданій относитъ въ варианты; все же остальное свѣряется съ прежними изданіями и съ рукописями. Рукописи оказались въ Императорской Публичной Библіотекѣ (въ Петербургѣ), въ Московскомъ публичномъ музеѣ, въ Нѣжинскомъ институтѣ, у наследниковъ Гоголя и у А. О. Аксаковой. Всѣ эти рукописи были добыты и изучены Н. С. Тихонравовымъ. Рукописи эти покрыты помарками

разныхъ временъ, писанными почеркомъ часто не разборчивымъ; къ тому же самое время каждой рукописи не было извѣстно; нужно было опредѣлять его или внѣшними признаками (клеймъ на бумагѣ), или указаніями писемъ и т. п. Тогда только можно было составить литературную исторію каждаго произведенія, что необходимо прежде всего для уясненія душевнаго процесса автора. Повторяемъ, что все это сдѣлано рукою мастера. Въ вышедшихъ томахъ мы имѣемъ еще неполную исторію „Мертвыхъ Душъ“ и совсѣмъ еще не имѣемъ „Ревизора“ („Ревизоръ“ войдетъ во 2-ой томъ, и частью, вмѣстѣ съ „Мертвыми Душами“, въ 6-й); „Портретъ“ пока имѣемъ только въ первой редакціи (помѣщенной въ „Арабескахъ“). Вполнѣ имѣемъ мы исторію „Тараса Вульбы“, въ которой издатель, пользуясь не только рукописью повѣсти, но и записными книгами Гоголя (онѣ тоже будутъ сообщены частью въ 6-мъ томѣ), указалъ на чтенія Гоголя между первою и второю редакціей и привелъ опыты, служащіе переходомъ между этими редакціями. Не можемъ не пожалѣть о томъ, что различныя редакціи перваго произведенія приходится разыскивать въ разныхъ томахъ: „Тарасъ Вульба“ помѣщенъ въ первомъ томѣ въ окончательной редакціи и въ пятомъ въ редакціи „Миргорода“; „Мертвыя Души“—въ третьемъ томѣ: окончательная редакція первой части и одна изъ первоначальныхъ второй; болѣе отдѣланная редакція второй—въ четвертомъ томѣ, а первоначальная редакція первой—въ шестомъ; „Ревизоръ“—во второмъ и шестомъ; „Портретъ“—во второмъ и пятомъ. Такимъ образомъ изучающему одно произведеніе приходится переходить изъ тома въ томъ. Конечно, это только внѣшнее затрудненіе, но его можно было бы избѣгнуть. Мы говоримъ о немъ только потому, что превосходная работа Н. С. Тихонравова вызываетъ эти придирчивыя требованія. Дѣйствительно, только изданіе Державина приучило насъ къ такому точному отношенію къ текстамъ, какое мы видимъ въ новомъ изданіи Гоголя: передъ читателемъ всѣ существующія данныя о томъ, какъ произведеніе зарождалось, какъ оно вырабатывалось; передъ нимъ та обстановка, въ которой зарождалось и зрѣло произведеніе: „Тарасъ Вульба“ поясняется первоначально занятіями Гоголя исторіей Малороссіи; потомъ новыя чтенія источниковъ дѣлаются уже для „Тараса“, а можетъ быть, и для задуманной драмы. Издатель находитъ эти источники и ими объясняетъ возрѣвія Гоголя на изображенный предметъ. Далѣе вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ приводится въ связь съ „Развязкою Ревизора“. Мѣстами встрѣчаются дра-

гоцѣнныя для біографіи автора указанія, хотя бы, напримѣръ, о вліяніи толковъ о „Ревизорѣ“ Гоголя; „Выбранныя мѣста изъ переписки“ сопровождаются примѣчаніями, полными любопытныхъ указаній о томъ—къ кому и когда письма писаны. Таково богатое содержаніе примѣчаній и вариантовъ, на которые мы только указали, такъ какъ оцѣнка ихъ возможна лишь для того, кто самостоятельно ознакомился бы съ бумагами Гоголя.

Изданіе расположено такъ, что первый томъ заключаетъ въ себѣ первые два тома перваго и втораго изданія; второй—третій и четвертый томы этого изданія; третій—„Мертвыя Души“ (второй томъ въ первоначальной редакціи, извлеченной еще Шевыревымъ изъ рукописи посредствомъ удаленія поправокъ, изъ которыхъ составилаь вторая редакція); въ четвертомъ „Выбранныя мѣста“, „Авторская исповѣдь“, „Размышленія о Литургіи“ и вторичная редакція втораго тома „Мертвыхъ Души“; въ пятомъ—юношескіе опыты; въ шестой, дополнительный, войдутъ выдержки изъ записной книги, нѣкоторыя еще не изданныя произведенія Гоголя („Учебная книга словесности“), первоначальная редакція „Женитьбы“, „Ревизора“, „Мертвыхъ Душъ“, программы университетскихъ лекцій. Ждемъ съ нетерпѣніемъ выхода втораго и шестаго томовъ; надѣемся также на изданіе переписки Гоголя. Хорошо бы видѣть полный обзоръ литературы о Гоголѣ съ выдержками изъ замѣчательныхъ критикъ и съ указаніемъ общей точки зрѣнія на него. Послѣ такого изданія, если только оно обойметъ и письма, станетъ возможною біографія Гоголя; но повторимъ опять, что полная біографія возможна только для человѣка, одареннаго художественнымъ чутьемъ и психологическою проницательностью; не имѣя такихъ свойствъ, нельзя и приниматься за біографію Гоголя.

И. Бестужевъ-Рюминъ.

Грамматическія наблюденія и критически-эксегетическія замѣтки. С. Жданова. Москва и Кіевъ. 1889.

Книга г. Жданова представляетъ собою рядъ сборныхъ статей, изъ которыхъ главная касается грамматическаго рода въ греческомъ языкѣ, а остальные, болѣе мелкія, заключаютъ въ себѣ замѣтки къ гомеровской просодіи и морфологіи, къ ученію о греческомъ удареніи, къ этимологіи и значенію гомеровскихъ словъ ἀπρόγυτος и φή (φς), и наконецъ, замѣтки къ тексту разныхъ авторовъ (къ фрагментамъ

Солона, къ Эсхилу, къ Софоклу, къ Еврипиду, Аристофану, Ксенофону и Демосеену).

Остановимся сначала на первой главѣ—о грамматическомъ родѣ въ греческомъ языкѣ, особенно въ языкѣ древнѣйшей поэзіи. Свою точку зрѣнія или свой взглядъ на методъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ, г. Ждановъ высказываетъ въ предисловіи къ своему труду. Основное его положеніе то, что „правильный методъ изслѣдованія о родѣ въ индоевропейскомъ праязыкѣ долженъ состоять въ изслѣдованіи сначала явленій отдѣльныхъ языковъ, которое можетъ затѣмъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на явленія праязыка, а не на оборотъ“. Обратный способъ дѣйствія, по видимому, приписывается г. Ждановымъ языкоисследователямъ, особенно новѣйшей школы (напримѣръ, Вругману). Общее положеніе автора, конечно, вѣрно. Праотецъ индоевропейскихъ языковъ, то-есть, тотъ языкъ, который создали и на которомъ говорили общіе прародители индусовъ, персовъ, грековъ, италовъ и т. д., есть величина совершенно неизвѣстная. Отъ неизвѣстнаго же заключать къ извѣстному не приходится, а на оборотъ. Но вѣдь и языкоисследователи поступаютъ не иначе; и они отъ извѣстныхъ отдѣльныхъ языковъ индоевропейской группы заключаютъ о праотцѣ этой группы, потому что вѣдь иначе и не возможно поступать. Такъ въ чемъ же разница между точкою зрѣнія г. Жданова, съ одной стороны, и языкоисследователей—съ другой? А въ томъ, что языкоисследователи (напримѣръ, Дельбрюкъ) полагаютъ, что „последніе и труднѣйшіе вопросы касательно рода относятся не къ грамматикѣ отдѣльнаго языка, но къ индоевропейской грамматикѣ, а что грамматикѣ отдѣльнаго языка подлежитъ только рѣшить вопросъ, какія произошли уклоненія отъ индоевропейскаго и какъ ихъ объяснить; г. же Ждановъ полагаетъ, что вопросы подобнаго рода, то-есть, общіе (почему, напримѣръ, извѣстныя понятія подведены подъ извѣстный родъ) могутъ относиться къ грамматикѣ отдѣльнаго языка и не только могутъ, но и должны быть рассмотрѣны сначала въ каждомъ языкѣ отдѣльно, а затѣмъ уже можно будетъ рѣшить ихъ въ болѣе окончательномъ видѣ. Выходитъ какое-то недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если принимать сродство индоевропейскихъ языковъ и происхожденіе ихъ отъ одного праотца (а не принимать этого не возможно), то конечно, рѣшеніе общихъ вопросовъ грамматическихъ, хотя бы о родѣ, можетъ принадлежать только общей грамматикѣ. Но, въ свою очередь эта общая грамматика возможна послѣ изслѣ-

дованія отдѣльныхъ языковъ. Г. Ждановъ, настаивая на послѣднемъ положеніи, какъ будто не соглашается съ первымъ, между тѣмъ какъ оба положенія тѣсно связаны между собой. Отчего же такое недоразумѣніе? Оттого, что г. Ждановъ не вѣритъ, чтобы отдѣльные языки были по всѣмъ грамматическимъ вопросамъ изслѣдованы вполне, и чтобы тотъ праотецъ, на котораго обыкновенно указываютъ языковеды, былъ намъ знакомъ на столько, что изслѣдователю отдѣльныхъ языковъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ только отмѣчать отклоненія отъ него въ этихъ языкахъ. Что въ этомъ невѣріи его заключается большая доля правды, съ этимъ нельзя не согласиться. Отдѣльные языки далеко не изслѣдованы, не только вполне, но по нѣкоторымъ грамматическимъ вопросамъ (напримѣръ, по синтаксису) почти-что вовсе не изслѣдованы. Особенно же проблематиченъ тотъ индоевропейскій праотецъ, съ которымъ орудуютъ языковеды. Въ сущности, это не есть языкъ, который когда-то существовалъ, а только фикція языковедовъ, изображающая собою отвлеченную схему корней и суффиксовъ, созданную на основаніи сличенія отдѣльныхъ языковъ, притомъ схему весьма неполную и въ частяхъ своихъ оспариваемую. Строго говоря, мы настоящаго праотца индоевропейскихъ языковъ и узнать не можемъ, а можемъ узнать только тотъ типъ, какой имѣлъ индоевропейскій языкъ передъ своимъ распаденіемъ на отдѣльные языки, притомъ въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ это памятники этихъ языковъ, относящіеся ко времени, отдѣленному отъ времени распаденія неопредѣленнымъ количествомъ вѣковъ. Строго говоря, настоящею принадлежностью этого ближайшаго къ распаденію индоевропейскаго языка мы можемъ считать только то, что сохранилось во всѣхъ отдѣльныхъ языкахъ или въ большинствѣ ихъ и что засвидѣтельствовано древнѣйшими памятниками письменности. А то, что обще только двумъ или тремъ языкамъ, но не имѣется въ остальныхъ языкахъ, логически не можетъ считаться принадлежностью общаго языка и будетъ всегда имѣть значеніе только ограниченное и условное, по скольку оно будетъ оправдываться представленіемъ о большей первобытности и чистотѣ этихъ языковъ сравнительно съ остальными.

Но, соглашаясь съ мнѣніемъ автора о неполнотѣ предварительныхъ работъ и особенно о проблематичности праотца, мы должны сказать, что онъ самъ дѣлаетъ какъ бы противоположную ошибку, полагая, что какой-нибудь грамматическій вопросъ въ отдѣльномъ языкѣ можно рѣшить

удовлетворительно по даннымъ только этого языка, особенно если при этомъ имѣется въ виду не одинъ только внѣшній разборъ матеріала, а и поясненіе его. Если, на примѣръ, кто-нибудь возьмется теперь разобрать греческое склоненіе и пояснить какъ происхожденіе, такъ и значеніе формъ его, то онъ обязательно долженъ сличать (постоянно, систематически) склоненіе греческое со склоненіемъ въ остальныхъ сродныхъ языкахъ; иначе онъ не будетъ имѣть надлежащаго регулятора и при объясненіи надѣлаетъ множество промаховъ. Такъ и при изслѣдованіи рода въ греческомъ языкѣ, особенно если имѣется въ виду рѣшить вопросъ о томъ, почему въ немъ однимъ объектамъ данъ мужескій родъ, другимъ женскій и т. д. Вопросъ самъ по себѣ трудный, но, потому-то онъ и требуетъ особенной осмотрительности и не можетъ быть рѣшенъ безъ постоянной справки и сличенія явленій разсматриваемаго отдѣльнаго языка съ соответствующими явленіями въ другихъ сродныхъ языкахъ. Затѣмъ въ языкѣ, какъ во внѣшнемъ выразителѣ мысли, внѣшняя сторона играетъ тоже свою роль. Родъ естественный (полъ) выражается, если и не всегда, въ опредѣленномъ окончаніи темъ. Во всякомъ случаѣ нельзя было обойти вопросъ объ отношеніи этихъ окончаній и вообще объ отношеніи суффиксовъ къ роду. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ представителей новѣйшей школы языкосравненія излагаетъ такъ ученіе о родѣ въ греческомъ языкѣ (Brugmann, Griech. Grammatik, въ Handbuch der klassischen Alterthums-Wissenschaft, B. II, Th. 1, pag. 105): „Всѣ основы на *o* — были первоначально мужескаго или среднего рода, всѣ на *a* — женскаго. Съ теченіемъ однако историческаго развитія языка, и вѣроятно, впервые на греческой почвѣ, многія существительныя (иначе именныя) основы на *o* сдѣлались женскаго рода (на примѣръ, ἡ ὑψος) и многія основы на *a* — мужескаго (ὁ νεανίας); послѣдній процессъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ именительномъ и родительномъ падежахъ этотъ переходъ въ мужескій родъ выразился въ внѣшнемъ образѣ. Нѣкоторое количество существительныхъ женскаго рода на *o* — суть прилагательныя, обратившіяся потомъ въ существительныя, на примѣръ, ἡ ἀλευς (подр. ὄρα). Большая же часть остальныхъ образующихъ основу суффиксовъ *ei*, *eo* — и всѣ согласныя основы (3-го склоненія) индифферентны по отношенію къ роду. Грамматическій родъ выступаетъ въ нихъ только или при образованіи падежей (именительнаго, винительнаго γέρας, γέρεα), или же въ опредѣлительныхъ словахъ, съ ними связанныхъ (на примѣръ, τῆς βίας)“.

Въ этомъ краткомъ резюмѣ ученія языковъсравнителей, притомъ новѣйшей школы, выражается тотъ взглядъ, что всѣ основы на о первоначально были мужскаго или средняго рода, всѣ на а женскаго рода, съ повдѣйшими уклоненіями на греческой почвѣ, а что остальные основы (3-го склоненія) по отношенію къ роду, были индифферентны. Вѣрно ли, или невѣрно такое категорическое заявленіе, но во всякомъ случаѣ нельзя было совсѣмъ обойти молчаніемъ вопросъ объ отношеніи суффиксовъ къ роду, тѣмъ болѣе, что существуетъ мнѣніе, будто и въ древнѣйшемъ періодѣ языка, какой доступенъ нашему изслѣдованію, не представленіе о мужественности или женственности (или, иначе, сближеніе предмета съ предметами или качествами мужскими и женскими) имѣло вліаніе на опредѣленіе рода, а просто суффиксы, которые прибавлялись безсознательно, по чисто виѣшней аналогіи. Г. Ждановъ обязательно долженъ былъ коснуться этого вопроса, такъ какъ онъ стоитъ на иной нѣскольکو точекъ зрѣнія по отношенію къ вопросамъ о языкѣ, на той точкѣ, которая, хотя и не отвергается вполне, но во всякомъ случаѣ мало принимается во вниманіе представителями новѣйшей школы языковъсравнителей, какъ не могущая привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Сами же эти представители новѣйшей школы языковѣдѣнія могли бы дать г. Жданову орудіе, которымъ онъ могъ бы воспользоваться въ защиту своего взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначально всѣ основы на о были мужскаго или средняго рода, и если на греческой почвѣ многія изъ нихъ сдѣлались женскими, какъ, на примѣръ, $\nu\eta\sigma\sigma$, то спрашивается: въ силу какихъ причинъ? Вѣдь одно голословное заявленіе, „что многія основы на о въ греческомъ языкѣ сдѣлались женскими“, безъ всякаго объясненія, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ правилъ прежней грамматики, что „слова на о—с суть мужскаго рода, но такіа-то и такіа женскаго рода“. А объяснить подобное явленіе въ греческомъ языкѣ можно, только допустивъ, что при этомъ дѣйствовалъ уже не суффиксъ или тематическое окончаніе, а нѣчто другое, и именно представленіе о самомъ предметѣ, олицетвореніе этого предмета и сближеніе его съ предметами женскаго пола или же представлявшимися таковыми. Если, на примѣръ, при $\nu\eta\sigma\sigma$ дѣйствовало представленіе, положимъ, о $\chi\omega\rho\alpha$ (плавучая страна), то и это уже будетъ доказательствомъ, что, значитъ, даже и по распаденіи языковъ дѣйствовалъ еще тотъ факторъ, который въ первобытномъ языкѣ имѣлъ такую важную роль при опредѣленіи рода, то-есть, факторъ внутренній,

духовный, какъ бы называть его—фантазіей, актомъ мышленія или ассоціаціей представленій. А если это такъ, то и каждый отдѣльный языкъ, и въ данномъ случаѣ греческій, представляетъ довольно значительную область для того, чтобы прослѣдить дѣйствіе этого фактора по отношенію къ роду. Но, чтобы идти въ этой области твердымъ шагомъ, необходимо прежде всего выдѣлить и разграничить ее, а для этого необходимо сличить рассматриваемый языкъ, въ данномъ случаѣ греческій, со всѣми остальными сродными ему языкамъ. Иначе можно рисковать за особенность греческой фантазіи принять то, что или вовсе ей не принадлежитъ, или принадлежитъ ей не исключительно.

Другой вопросъ, какія представленія играли роль при опредѣленіи рода отдѣльныхъ словъ или же цѣлой группы словъ. При рѣшеніи этого вопроса, конечно, неизбежно разногласіе, какое вообще бываетъ при рѣшеніи такъ-называемыхъ конечныхъ вопросовъ (о причинахъ). Въ этомъ случаѣ приходится довольствоваться наибольшею степенью вѣроятія. Намъ кажется, что тѣ представленія и сближенія, которыя приводятся г. Ждановымъ для объясненія рода отдѣльныхъ словъ или группы словъ, слишкомъ иногда отвлечены и до такой степени растяжимы, что ими, пожалуй, можно объяснить что угодно. Такъ имена женскаго рода подводятся подъ общее понятіе среды или нѣдра, а это опредѣляется въ свою очередь понятіями: кучи, вмѣстилища, матеріи, времени, обстоятельства, дѣйствія, состоянія. Не говоря о томъ, что первобытные люди, которымъ вѣдь прежде всего и принадлежитъ первобытный языкъ, менѣе всего способны были въ подобнымъ отвлеченіямъ, а исходили въ своихъ сближеніяхъ и олицетвореніяхъ отъ болѣе конкретныхъ представленій, отмѣтимъ только ту несообразность и расплывчивость, которая происходитъ отъ подобнаго рода абстракцій. Представленіемъ среды или нѣдра, въ которомъ находится и движется человѣкъ или что другое, поясняется женскій родъ самыхъ разнообразныхъ объектовъ и понятій, какъ-то: μάχη, δαίτη, φογή, ἀλέη, αἴγλη, εἰρητή, εὐφροσύνη, ἦβη, νηπιέη, ἡμέρη, ἔρη, γαλήνη, εἰρήνη, ἔγη и т. п. (стр. 21). Но подъ то же представленіе среды или нѣдра, если пользоваться способомъ отвлеченій г. Жданова, можно подвести πόλεμος, κόνος, μόθος, φόβος, χρόνος, θόρυβος, τρόμος, οἶκος и еще съ большимъ правомъ подобныя слова, какъ ὄμιλος, ὄμαδος, οἶκος, δόμος, ἀγρός, ἀσπός, κοιλίον, φλοῖος, πέπλος и т. д. Выходитъ, что представленіе о средѣ или нѣдрѣ и вмѣстительствѣ пригодно одинаково, какъ

для словъ женскаго рода, такъ и для словъ мужскаго и средняго рода. Г. Ждановъ поясняетъ женскій родъ слова $\psi\acute{o}\sigma$ представле- ніемъ о слабости, однимъ изъ признаковъ женственности. Но если такъ, то отчего же самая-то сила, слѣдовательно, понятіе прямо про- тивоположное слабости, выражается женскими именами: $\rho\acute{o}\mu\eta$, ζ , $\beta\acute{\alpha}$, $\iota\sigma\chi\acute{o}\varsigma$, $\acute{\alpha}\lambda\eta\eta$? Г. Ждановъ поясняетъ дѣло такъ: представле- ніе о силѣ родится съ представленіемъ о нѣкоторомъ таинственномъ нѣдрѣ, скрывающемъ въ себѣ, подобно почвѣ, сѣмена дѣйствительности (стр. 22). Раньше (стр. 21) по поводу того же слова $\acute{\alpha}\lambda\eta\eta$ женскій родъ поясняется родственностью представленія о силѣ съ представ- леніемъ о дѣйствиіи. Итакъ, разъ—влюбленное нѣдро, другой разъ— просто представле- ніе о дѣйствиіи! Но представле- ніе о дѣйствиіи оди- наково приложимо и къ мужскимъ словамъ и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ женскимъ, смотря по тому, какаго рода дѣйствіе имѣется въ виду. Такимъ образомъ подобными отвлеченностями можно орудовать какъ угодно. Г. Ждановъ вообще любитъ отвлеченности даже тамъ, гдѣ онѣ, по видимому, излишни. Такъ, слова мужскаго рода на $\iota\text{---}\varsigma$, какъ $\pi\acute{o}\sigma$, $\chi\acute{o}\sigma$, $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$, $\delta\phi\iota\varsigma$ и т. п., онъ рассматриваетъ какъ исключенія изъ существительныхъ типа $\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$. Мужскій родъ объясняетъ онъ тѣмъ, что иногда абстрактныя понятія женскаго рода употребляются для обозначенія конкретнаго лица, а поэтому могутъ принять и родъ этого лица. Такъ, $\delta\mu\eta\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\eta$ употребляется въ значеніи сверстника, $\xi\omicron\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\alpha$ родственника, $\delta\omicron\omicron\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ раба, какъ въ русскомъ языкѣ служба о солдатѣ, родня въ значеніи родствен- ника, въ выраженіи: онъ мнѣ родня (стр. 36). На этомъ основаніи г. Ждановъ предполагаетъ, что слова $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$, $\chi\acute{o}\sigma$, $\delta\phi\iota\varsigma$ и т. п. были первоначально абстрактными понятіями ($\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$ ворожба, $\chi\acute{o}\sigma$ родня, $\delta\phi\iota\varsigma$ зоркость) и, какъ таковыя, женскаго рода, а затѣмъ стали употреб- ляться въ конкретномъ значеніи и, какъ таковыя, переимѣнили свой родъ. Но, во-первыхъ, приводимые примѣры доказываютъ только, что абстрактныя слова могутъ употребляться въ значеніи конкрет- номъ, но не доказываютъ еще, что они при этомъ мѣняютъ и родъ свой. Вторыхъ, еслибы г. Ждановъ сличилъ предварительно этотъ разрядъ словъ на $\iota\varsigma$ со словами соотвѣтствующими въ другихъ срод- ныхъ языкахъ, то ему не пришлось бы искать объясненія мужскаго рода въ этихъ словахъ на греческой почвѣ. Основы на $\iota\text{---}\varsigma$ мужскаго рода встрѣчаются также въ санскритскомъ, латинскомъ, литовскомъ, а отчасти и въ готскомъ и славянскомъ языкахъ. Родъ этихъ словъ объясняется или естественнымъ родомъ, какъ, напримѣръ, въ $\pi\acute{o}\sigma$,

ῥάσις, ῥάντις (ср. ῥάσις, санскритское *raṭis* господинъ, мужъ, литовское *raṭis* или *raṭis* въ томъ же значеніи) или же представленіемъ о таковомъ родѣ, какъ въ ῥῆσις (ср. латинское *ignis*, санскритское *agnis*, литовское *ugnīs*, славянское *огнь* или *огонь*). Впрочемъ, по отношенію къ слову ῥῆσις мужеской родъ поясняется г. Ждановымъ и иначе: онъ предполагаетъ, что на родъ этого слова повліяло однозначущее слово *δράκων*, которое будто бы было дрѣвнѣе и часто употреблялось въ языкѣ. Вообще замѣтимъ, что хотя г. Ждановъ и пользуется индоевропейскою грамматикой, но все это дѣлается имъ какъ-то случайно, безъ опредѣленнаго принципа и системы, между тѣмъ какъ его точка зрѣнія должна была бы заставить его какъ можно болѣе вѣдаться съ нею, чтобъ опредѣлить, гдѣ она права и гдѣ нѣтъ, гдѣ оканчивается ея область и гдѣ начинается область отдѣльнаго языка, въ данномъ случаѣ греческаго, и въ этой послѣдней области можно ли ограничиться только тѣми способами объясненія (по преимуществу механическими), какіе господствуютъ въ новѣйшей школѣ сравнительнаго языковѣдѣнія.

Что касается до остальныхъ болѣе мелкихъ статей или замѣтокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Жданова, то онѣ весьма различнаго достоинства. Лучше всего замѣтки къ просодіи Гомера (Гомеромъ особенно занимается г. Ждановъ); менѣе удачны критическія замѣтки къ тексту авторовъ. Конечно, въ области критики текста рѣдко удается достигнуть того, что составляетъ прямую цѣль ея, а именно возстановить чтеніе оригинала. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ конъектуры не возстановляютъ оригинала, а только исправляютъ настоящія или же мнимыя ошибки дошедшихъ до насъ копій съ оригинала. Поправки эти, по всей вѣроятности, столь же далеки отъ оригинала, какъ и самыя ошибки и искаженія сохранившихся копій. Поэтому въ этой области приходится требовать только того, чтобы поправки не были хуже исправляемаго текста, или чтобы на мѣсто словъ въ текстѣ, употребленіе которыхъ въ требуемомъ смыслѣ засвидѣтельствовано и другими авторами, не ставилось слово, сочиненное самимъ исправителемъ и не встрѣчающееся во всей греческой литературѣ. Въ этомъ смыслѣ конъектуры г. Жданова грѣшатъ не часто, но все-таки грѣшатъ. Такъ, поправка къ Медеѣ Еврипида (ст. 534 — 535) даетъ не только нѣчто такое, что хуже текста, но такое, что само по себѣ непонятно и не возможно. Еслибы, положимъ, подобная фраза, какую предлагаетъ г. Ждановъ, стояла въ текстѣ, то она навѣрно

вызвала бы множество поправокъ или же подверглась остракизму. Въ текстѣ стоитъ:

μείζω γε μέντοι τῆς ἐμῆς σωτηρίας
εἴληφας ἢ δέδωκας, ὡς ἐγὼ φράσω.

Выраженіе μείζω или κλείω λαμβάνειν ἢ δίδωμι есть выраженіе почти стереотипное, такъ что если предположить въ этомъ мѣстѣ порчу, то никакъ уже не въ словахъ „μείζω εἴληφας ἢ δέδωκας“, а развѣ въ предшествующемъ стихѣ, гдѣ впрочемъ родительный τῆς ἐμῆς σωτηρίας вмѣсто ожидаемаго ἀντὶ τῆς ἐμῆς σωτηρίας не представляетъ ничего невозможнаго. При глаголахъ „мѣны или обмѣна“ нерѣдко родительный стоитъ вмѣсто ἀντὶ съ род. По аналогіи съ глаголами мѣны подобная конструкція могла перейти и на глаголы λαμβάνειν, δέχεσθαι, когда они означали не просто что-нибудь брать или получать, а брать или получать что-нибудь въ обмѣнъ. Аналогическія мѣста у авторовъ знаетъ впрочемъ и г. Ждановъ,—только напрасно онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Вмѣсто того онъ предлагаетъ такую фразу:

μείζω γε μέντοι τῆς ἐμῆς σωτηρίας
εἴληφας, εἰ δέδωκας, ὡς ἐγὼ φράσω.

„Однако ты больше моего спасенія получила, если дала“. Кто же пойметъ подобнаго рода фразу? Чтобы придать ей какой-нибудь смыслъ, пришлось бы вытягивать ее и дополнять разными подраумѣваніями и притомъ все-таки сомнѣваться, въ какомъ смыслѣ здѣсь поставлено условное εἰ. Если въ смыслѣ положительнаго допущенія или утвержденія, то вся фраза εἰ δέδωκας есть нѣчто излишнее; если же въ смыслѣ допущенія ограниченнаго или подверженнаго сомнѣнію, то требовалось сказать не просто εἰ, а εἴπερ (если только).

Къ Ипполиту Еврипида, 234—235, г. Ждановъ предлагаетъ слово употребительное замѣнить словомъ новокованнымъ, нигдѣ не встрѣчающимся у авторовъ. Въ текстѣ сказано:

νῦν δ' αὖ ψαμάθοις
ἐπ' ἀκυράντοις κόλων ἕρασαί.

Г. Ждановъ сомнѣвается, чтобы поэтъ могъ приморское ристалище назвать „песками не волнуемыми или не омываемыми волною морскою“. Это сомнѣніе ничѣмъ не оправдывается, потому что одно ψαμάθοι само по себѣ можетъ означать берегъ морской, и эпитетъ ἀκυράντοι весьма кстатн приложенъ поэтомъ, чтобы обозначить иппо-

дромъ на морскомъ берегу, такъ какъ для такого ипподрома выбирались, конечно, такія мѣста на берегу (или такіе береговые пески), до которыхъ не доходила волна. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не слѣдовало ради поправки ковать новое слово „ἐπιχωμάτιος“. Г. Ждановъ вмѣсто φάραδος ἐπ' ἀχωμάτου читаетъ φάραδος ἐπιχωματίος. Впервые, такого слова нѣтъ въ греческомъ языкѣ. Во вторыхъ, еслибъ оно было, то могло бы скорѣе означать: „на волнахъ находящійся“, ср. глаголъ въ позднѣйшемъ языкѣ ἐπιχωματίζω быть на волнахъ, носиться по волнамъ. Наконецъ, едва ли для означенія мѣстоположенія выбирается предметъ, самъ не имѣющій опредѣленнаго мѣста, а представляющій нѣчто подвижное, какъ напримѣръ, волна. Греческое ἐπιχωμάτιος φάραδος въ значеніи пески, находящіяся при волнахъ—есть выраженіе невозможное. Напрасно г. Ждановъ ссылается на слова ἐπιθαλάσσιος и παραχωμάτιος, изъ которыхъ собственно только первое идетъ къ дѣлу, а второе по значенію, какъ эпитетъ къ одеждѣ (χιτωνίσκος), совершенно не подходитъ. Слово ἐπιθαλάσσιος не даетъ еще никакого права къ образованію слова ἐπιχωμάτιος (притомъ въ томъ же значеніи), такъ какъ при образованіи слова не одна только внѣшняя правильность играетъ роль. Внѣшнимъ образомъ можно, сколько угодно, сочинить новыхъ словъ, которыя однако, при всей своей внѣшней правильности, внутренно не будутъ правильны. Вѣдь, еслибъ дѣло было такъ просто, и еслибъ все равно было сказать ἐπιχωμάτιος или ἐπιθαλάσσιος, то дѣйствительно, слѣдовало бы удивляться, какъ это греческимъ поэтамъ не пришло въ голову такое простое слово, и отчего они его не употребили, между тѣмъ какъ оно и къ метру иногда шло лучше, и по своему колориту было цвѣтистѣе.

Замѣтимъ, что г. Ждановъ, какъ въ вышеприведенныхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, старается исправить текстъ съ помощью небольшихъ и легкихъ перемѣнъ, руководствуясь палеографическими наблюденіями Васта ¹⁾ надъ описками или ошибками въ рукописяхъ, происходящими отъ смѣшенія переписчиками различныхъ буквъ или отъ перестановки буквъ и словъ или отъ диттографіи и т. п. Безъ сомнѣнія, эти указанія весьма драгоценны, и самая лучшая поправка будетъ всегда та, которая черезъ замѣну одной или двухъ буквъ или черезъ перестановку ихъ вноситъ ясность

¹⁾ Замѣтимъ, что, кромѣ Васта, существуютъ еще руководства по греческой палеографіи *Ваттенбага* и *Гардгаузена*.

и стройность въ текстъ. Но если чрезъ подобную операцію не только не вносится ясность и стройность въ текстъ, но и получается вѣчто худшее, тогда, конечно, лучше не трогать текста. Такъ, наприимѣръ, поправка г. Жданова къ Медеѣ, 106: „*δηλον γάρ τῆδ' ἐξαφόμενον νέφος οὐραγῆς ὡς ταχ' ἀνάψει μείζον θυμῷ*“—нисколько не яснѣе чтенія рукописей „*δηλον δ' ἀρχῆς ἐξαφόμενον νέφος οὐραγῆς ὡς ταχ' ἀνάψει*“ (или *ἀνάψει* въ одной рукописи и сколіяхъ) *μείζον θυμῷ*. Замѣтимъ, что сколіастовъ не столько затрудняло слово *ἀρχῆς*, сколько двойное чтеніе *ἀνάψει* и *ἀνάξει* (послѣднее, очевидно, производимое ими отъ *ἀνάγω*, между тѣмъ какъ, по предположенію Ельмслея, оно, вѣроятно, стоитъ вмѣсто *ἀνάξει* отъ *ἀνάσσω* или *ἀναίσσω*). По поправкѣ г. Жданова получается слѣдующая довольно смутная фраза: „вѣдь ясно, что облако воплей, поднимающееся изъ нея, то-есть, Меден (или же, можетъ быть, облако воплей ея поднимающееся) скоро возжжетъ съ большею яростью“. Или же г. Ждановъ понимаетъ свою поправку въ томъ смыслѣ, что Меден „возжжетъ или воспламенитъ поднимающееся облако этого вопля“? Въ такомъ случаѣ и постановка *τῆδὲ* странна и еще болѣе странно выраженіе „возжигать или воспламенять облако“. Такое же, по нашему мнѣнію, неудачное примѣненіе палеографическихъ наблюденій г. Ждановъ сдѣлалъ къ исправленію мѣста въ Аяксѣ Софокла, ст. 6 (*ἐπὶν ἰδῆς* вм. чт. рук. *δὲος ἰδῆς*). Въ замѣткѣ его къ стиху 32 Ипполита Еврипида показалось намъ страннымъ предположеніе, что чтеніе *ἐκδηλον* могло появиться вмѣсто *εἰδηλον* вслѣдствіе того, что надъ этимъ словомъ стоитъ въ предшествующемъ стихѣ *κύπριδος*. Спрашивается: гдѣ оно такъ стоитъ—въ рукописяхъ или въ печатныхъ изданіяхъ?

Приводя эти примѣры, мы однако далеки отъ того, чтобы набросить тѣнь вообще на поправки г. Жданова. Помня извѣстное изреченіе Скалигера „*magis melius novimus quam remedia*“, мы не считаемъ себя въ правѣ слишкомъ быть взыскательными къ г. Жданову за то, что ему иногда не удалось найти средствъ къ исцѣленію немощей подлинника, какъ это не удавалось и многимъ другимъ. Въ его остальныхъ конъектурахъ найдется много и такихъ, которые заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ, наприимѣръ, къ Ипполиту Еврипида, стр. 135—138 (*τρίτατον δὲ νῦν κλοῦσ' τάνδ' ἐκάς ἀμβροσίου στήματος ἀμέραν Δάματρος ἀκτῆς γέρας ἀγνὸν ἴσχειν*), къ Ифигеніи Таврической, стр. 226 (*ἀρμόζουσι ἄταν* вм. *αἰμάσσοус' ἄταν*), къ той же трагедіи, стр. 446 (*διδόναί τοῖς θεοῖς ἀναφαίνει* вм. *Ἕλλησι διδοὺς ἀναφαίνει*) и др.

Вообще въ заключеніе скажемъ, что сборникъ г. Жданова заклю-

часть въ себѣ много интересныхъ и дѣльныхъ наблюденій, а статья о грамматическомъ родѣ въ греческомъ языкѣ важна и по собранному въ ней матеріалу.

А. Вейсманъ.

Зачатки французской лирики.

A. Jeanroy. LES ORIGINES DE LA POÉSIE LYRIQUE EN FRANCE AU MOYEN-AGE (études de littérature française et comparée). Paris. 1889.

Обстоятельное изслѣдованіе г. Жанроу о зачаткахъ французской лирики затрогиваетъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ и специальныхъ вопросовъ, которые касаются не только французской литературы, но и смежныхъ съ нею—нѣмецкой, итальянской, провансальской и португальской, а въ приложеніи къ своему труду авторъ приводитъ и нѣсколько сообщенныхъ ему нами, образцовъ русской народной поэзіи, представляющихъ аналогію съ родами западно-европейской лирики. Въ другомъ приложеніи г. Жанроу помѣстилъ пересказъ статьи акад. Ал. Н. Веселовскаго, по поводу сборника Чубинскаго (Приложеніе къ XXVII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ 1880 г.), которую мы ему пересказали въ виду нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ замѣчаній въ этой рецензіи нашего уважаемаго изслѣдователя по вопросамъ народной словесности. Оба приложенія остались нѣсколько особнякомъ отъ изслѣдованія г. Жанроу, чтò, между прочимъ, указываетъ и на границы его задачи, имѣющей болѣе специально исторической, чѣмъ общей, историко-сравнительный интересъ, вопреки заглавію.

Заявляя себя въ предисловіи ученикомъ Гастона Париса, г. Жанроу отдаетъ должное своему учителю, но въ то же время онъ на столько самостоятеленъ въ своихъ изысканіяхъ, что выступаетъ съ оригинальными взглядами и не можетъ заслужить упрека въ раболѣпномъ подражаніи своему руководителю. Подробное разсмотрѣніе сложныхъ вопросовъ, затронутыхъ г. Жанроу, могло бы привлечь насъ слишкомъ далеко, и вмѣсто отчета о книгѣ мы рисковали бы вдаться въ цѣлый рядъ экскурсовъ „по поводу“. Между тѣмъ работа г. Жанроу заслуживаетъ самостоятельнаго разсмотрѣнія, и посему, откладывая до другаго раза болѣе обстоятельную провѣрку частныхъ вопросовъ по международному вліянію французской литературы (съ этой стороны книга г. Жанроу, вѣроятно, вызоветъ довольно рѣзкую критику нѣмецкихъ ученыхъ), мы теперь изложимъ въ общихъ чертахъ по-

становку вопроса и результаты, къ которымъ пришелъ авторъ. При провѣркѣ ихъ мы выскажемъ нѣсколько замѣчаній преимущественно методологическаго характера.

Вопросъ о происхожденіи старо-французской лирики тѣсно связанъ прежде всего съ вопросомъ о воздѣйствіи на нее провансальской поэзіи, болѣе древней по записи, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отвлеченной и искусственной по характеру. Между тѣмъ французская лирика на первыхъ же порахъ представляетъ образцы съ виду болѣе непосредственной, безыскусственной поэзіи и, по общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, является, съ одной стороны, отголоскомъ болѣе древней, народной литературы, а съ другой — обусловлена въ своемъ развитіи вліяніемъ поэзіи трубадуровъ. Этотъ двойственный характеръ старо-французской лирики даетъ ей преимущество передъ провансальскою въ томъ смыслѣ, что, представляя болѣе простыя формы поэзіи, позволяетъ догадываться о генезисѣ родовъ лирики, которые въ провансальской литературѣ являются вполне законченными и опредѣлившимися. Г. Жангоу вполне признаетъ вліяніе провансальской поэзіи на французскую и даже признаетъ за первою первенство въ выработкѣ тѣхъ родовъ лирики, которые приобрѣли особую популярность на сѣверѣ Франціи и многими считались самостоятельнымъ продуктомъ сѣверной культуры (таковы романсы и пастурель)¹⁾. Но французская лирика

¹⁾ Полную самостоятельность сѣверо-французской лирики отстаивалъ, сколько намъ извѣстно, лишь Обертэнъ и не особенно доказательно. Въ только-что вышедшей книжкѣ *Romania* (№ 73) помѣщена статья Поля Мейера: „Des rapports de la poésie des troubades avec celle des troubadours“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что — „notre ancienne poésie lyrique (j'entends la poésie strophique chantée) offre assez de variété pour qu'on ne lui assigne pas une origine unique; qu'elle est, en général, aussi originale au nord qu'au sud,“ — но особымъ условіемъ на югѣ содѣйствовали здѣсь болѣе раннему развитію лирики, и съ конца XII вѣка она несомнѣнно имѣла вліяніе на поэзію сѣвера. Авторъ, затрогивая ту же тему, которая разработана г. Жангоу, смысляетъ на исследование послѣдняго, какъ на имѣющее выйдти, съ оговоркой въ примѣчаніи, что книга уже появилась (и, прибавимъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до напечатанія статьи Поля Мейера). Последній общается дать подробный разборъ исследования Жангоу, и разумеется, отзывъ такого знатока лирической поэзіи древней Франціи (особенно южной) будетъ крайне интересенъ. Пока отиѣтишь, что въ настоящей статьѣ, представляющей лишь сводъ незначительныхъ фактовъ, неравномерно разработанныхъ, Поль Мейеръ высказалъ лишь свою общую точку зрѣнія на вопросъ и коснулся нѣкоторыхъ видовъ поэзіи (*canço redonda, rimas derivativas, dansa (=virelai), sirventes, estampic, ballada*), не разсмотрѣнныхъ г. Жангоу, устанавливая ихъ заимствованіе сѣверянами отъ южанъ. Что касается пастурели, „спорозъ“ (*jeu-*

съ народнымъ характеромъ, хотя и позже проникшая въ запись, служить ему матеріаломъ для опредѣленія исторіи зарожденія видовъ искусственной лирики, такъ какъ г. Жанроу держится того мнѣнія, что народная поэзія все-таки служитъ исходнымъ пунктомъ искусственной литературы. Но какая народная поэзія? „Когда говорить о какомъ-нибудь родѣ, что его источникомъ является народная поэзія“, замѣчаетъ нашъ авторъ,—„то словно подходятъ къ какому-то непреодолимому предѣлу (un terme irréductible), и остается только преклониться передъ таинственнымъ явленіемъ природы. Въ этомъ смыслѣ, конечно, было бы неправильнымъ отнести произведенія французской лирики, даже древнѣйшія изъ нихъ, къ народной поэзіи. Если же, напротивъ того, мы будемъ разумѣть подъ нею произведенія опредѣленныхъ лицъ, не чуждыхъ нѣкоторой культуры, творящихъ сознательно (pourvus d'une certaine culture, faisant oeuvre réfléchie et littéraire), но сохранившихъ довольно тѣсную связь съ народомъ, чтобы быть въ состояніи вѣрно передавать его мысли и заставлять биться его сердце, словомъ произведенія, сочиненныя не народомъ, а для народа, и для всего народа, то мы признаемъ терминъ, „народная поэзія“ достаточно точнымъ и въ такомъ смыслѣ его удерживаемъ“ (XI). Авторъ далѣе напоминаетъ, что только съ конца XI вѣка начинается культурное раздѣленіе классовъ общества, когда, съ одной стороны, опредѣлились черты куртуазнаго быта, съ другой—обособилась и простонародная среда, оставшаяся чуждою усовершен-

parti) и альбы, то Поль Мейеръ, не рассматривая ихъ, высказываетъ предположеніе, что „ces divers genres se sont développés d'une façon indépendante au Nord et au Midi“ (32). Г. Жанроу, какъ увидимъ ниже, нѣсколько категоричнѣе высказывается въ пользу провансальскаго происхожденія указанныхъ видовъ лирики. Общее заключеніе Поля Мейера, отмѣчающаго и обратное вліяніе поэзіи сѣвера на Провансъ, сводится къ тому, что при несомнѣнномъ взаимодѣйствіи обѣихъ литературъ первенство все-таки на сторонѣ провансальцевъ. Можно ли предположить, говоритъ онъ далѣе,—что любовная лирика труверовъ была съ самаго начала подражаніемъ поэзіи трубадуровъ? (41) Авторъ считаетъ гипотезу вѣроятною, но не поддающеюся точному обоснованію. Во всякомъ случаѣ, остается весьма вѣроятнымъ, что именно около половины XII вѣка слѣды вліянія Провансальской поэзіи на сѣверо-французскую были наиболѣе ощутительны; къ сожалѣнію, именно отъ этого времени всего менѣе сохранилось произведеній труверовъ. Но, говоритъ Поль Мейеръ,—если трудно выяснитъ въ частности обусловленность поэзіи сѣвера отъ южной, то все же несомнѣннымъ фактомъ остается вліяніе въ общемъ: „en excitant les esprits et en faisant naître le sentiment de l'émulation“. Въ этомъ смыслѣ находимъ себя поддержку и тезисъ г. Жанроу.

ствованій цивилизаціи и сохранившая болѣе простые и грубые вкусы и интересы. Итакъ, г. Жангоу усматриваетъ въ основѣ позднѣйшей куртуазной лирики народную поэзію въ нѣсколько условномъ смыслѣ, такъ какъ она является все-таки сочиненною опредѣленными, хотя и безвѣстными личностями—*rougeus d'une certaine culture*. Эту первичную эволюцію отъ безличнаго, собирательнаго творчества къ сознательному, хотя бы и безымянному, слѣдовало бы разъяснить. Но авторъ ограничился тѣмъ, что предположилъ ее и за сѣбя поставилъ себѣ задачей найти остатки болѣе древней поэзіи въ уцѣлѣвшихъ до насъ произведеніяхъ письменной литературы XII—XIII вѣковъ. Для этого онъ прибѣгаетъ къ довольно остроумнымъ приемамъ, пользуется не только данными памятниковъ французской литературы, но также принимая во вниманіе и произведенія иностранныхъ литературъ, находившихся подъ влияніемъ французской. Задача его довольно смѣлая и сводится къ тому, чтобы на основаніи скудныхъ остатковъ древнѣйшей поэзіи, вошедшей, какъ составная часть, въ произведенія труверовъ, и затѣмъ на основаніи отголосковъ французской литературы за-границею возстановить цѣлый періодъ литературной производительности, восполнить весьма существенный пробѣлъ въ исторіи развитія французской литературы, такъ какъ рѣчь идетъ о періодѣ зачатковъ. Нельзя не сочувствовать смѣлости предпріятія автора, нельзя не одѣнить и его остроумія при выполненіи намѣченной задачи; нѣкоторые положительные результаты имъ достигнуты; но многое остается гадательнымъ, вѣроятнымъ лишь до нѣкоторой степени, и наиболѣе слабою стороною его труда намъ представляются нѣсколько сбивчивыя и порою противорѣчивыя ссылки на народную словесность, которую авторъ то признаетъ, то спѣшитъ оговориться въ нашихъ неточныхъ представленіяхъ о ней. Конечно, такая сбивчивость извинительна, такъ какъ въ настоящее время говорить о народной поэзіи ужь очень затруднительно: чѣмъ больше изучаютъ ее, тѣмъ больше возникаетъ недоумѣній, вопросовъ, сомнѣній, и въ концѣ концовъ, пожалуй, самое благоразумное поступать, какъ дѣлаетъ г. Жангоу, то-есть, признать, что была въ глубокой древности какая-то загадочная первичная основа, о которой мы ничего не знаемъ; затѣмъ появились какіе-то поэты и стали слагать пѣсни въ весьма простой и безыскусственной формѣ; о нихъ мы тоже не имѣемъ непосредственныхъ свѣдѣній, но можемъ догадываться объ ихъ существованіи; далѣе на смѣну этимъ безымяннымъ народнымъ поэтамъ выступили новые уже извѣстные авторы, принадлежавшіе къ иному

обществу, и они-то выработали и усовершенствовали формы и роды поэзии, внося въ нихъ и свое новое содержаніе, но кое-гдѣ удерживая и старое, традиціонное. Мы не считаемъ вѣроятнымъ, чтобы въ западной Европѣ историческій ходъ развитія литературы былъ столь простъ и послѣдователенъ; но раньше, чѣмъ высказать свои сомнѣнія, изложимъ планъ работы г. Жапгоу, которую рассмотримъ по отдѣламъ.

Исслѣдованіе г. Жапгоу распадается на три части или, точнѣе говоря, на четыре: въ первой авторъ разбираетъ одинъ за другимъ главнѣйшіе роды лирики, которые поддаются сближенію съ народною поэзіей—пастурель, тенцону (*débat*), альбу, драматическую пѣсню, припѣвы, и старается выяснитъ ихъ происхожденіе, равно и первенство зарожденія на сѣверѣ или на югѣ. Во второй части онъ обращается къ изученію основныхъ темъ и родовъ французской лирики за границей, доказывая обусловленность иностранныхъ литературъ отъ французской. Это вліяніе французской литературы началось, по мнѣнію г. Жапгоу, въ весьма ранній періодъ, вслѣдствіе чего мы имѣемъ въ нѣмецкой, италіанской и португальской литературахъ отголоски болѣе архаичной французской поэзіи, чѣмъ та, которая сохранилась до насъ въ письменныхъ памятникахъ. Сближая эти иностранныя произведенія съ французскою народною поэзіей, отчасти современною, отчасти извѣстною намъ по записямъ отъ XV вѣка, когда впервые принялись за составленіе сборниковъ народныхъ пѣсень, г. Жапгоу возстановляетъ цѣлый рядъ мотивовъ утраченныхъ народныхъ пѣсень древнѣйшей поры до исхода XII вѣка и находитъ смутный отголосокъ ихъ въ припѣвахъ, которые порой вставляли куртуазные поэты въ свои стихотворенія. Вслѣдъ за симъ авторъ, пользуясь установленными имъ результатами, переходитъ къ обратному тезису и доказываетъ, что тѣ произведенія иностранныхъ литературъ (италіанской, нѣмецкой, португальской), въ которыхъ большинство изслѣдователей, какъ D'Ancona, Bartoli, Scherer, Richard M. Meyer, Braga и другіе, усматривали „непосредственный продуктъ національнаго генія, суть не болѣе какъ подражанія древнѣйшей французской поэзіи, которая до насъ не дошла“ (XVII). Наконецъ, въ послѣдней части авторъ пытается опредѣлить стихотворный размѣръ этой утраченной поэзіи. Вслѣдъ за двумя вышеуказанными приложеніями помѣщено нѣсколько не изданныхъ французскихъ текстовъ XIII вѣка; обнаруженіемъ ихъ авторъ отдалъ дань тому вопросу, который былъ окрещенъ нѣкоторыми недоброжелателями медіевистовъ „la gaze de l'inédit“. Но хотя авторъ и самъ не придаетъ большаго значенія напечатан-

нимъ имъ пьсамя, издашіе ихъ во всякомъ случаѣ не бесполезно, такъ какъ нельзя не пожелать, чтобы всѣ памятники литературы древней и даже не столь отдаленной поры были напечатаны, каково бы ни было ихъ внутреннее достоинство: мы не такъ богаты свѣдѣніями о временахъ прошедшихъ, чтобы пренебрегать какими бы то ни было данными для ихъ освѣщенія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію важнѣйшаго изъ вопросовъ, затронутыхъ трудомъ г. Jeanгоу, именно — къ вопросу о происхожденіи литературныхъ формъ лирики, поддающихся сближенію съ народною словесностью. Изъ числа многочисленныхъ родовъ рыцарской лирики — нѣкоторые большинствомъ исследователей признавались въ непосредственной связи съ народною поэзіею; таковы — пастурель, альба и романсы. Г. Jeanгоу присоединяетъ къ нимъ тенциону (дебаты) и пригвѣвы, которые впрочемъ не составляютъ самостоятельнаго рода лирики, но характеризуютъ собою известную категорію пѣсень, въ которыя они включены. Пѣсньви пѣсни (ballada, dansa) не выдѣлены авторомъ въ отдѣльный родъ лирики. Разсматривая порознь происхожденіе каждого изъ вышеупомянутыхъ родовъ лирики, авторъ прежде всего высказывается противъ мнѣнія, будто пастурель есть продуктъ чисто народной поэзіи. Въ этомъ авторъ опирается прежде всего на вышній признакъ: основною, неизмѣнною ситуаціею въ пастурели является противоположеніе двухъ сословій — рыцаря и крестьянки, при чемъ поэтъ, принадлежащій къ высшему сословію, домогается благосклонности пастушки, съ неодинаковымъ успѣхомъ; разказъ всегда ведется отъ имени автора, выступающаго и дѣйствующаго лицомъ. Этотъ родъ лирики долженъ былъ зародиться въ куртуазной средѣ и носить въ себѣ всѣ признаки искусственной поэзіи. Еще Грѣберъ, вопреки Вакернагелю, признавалъ въ немъ сравнительно болѣе позднюю форму съ аристократическимъ характеромъ, которая, по его мнѣнію, опредѣлилась лишь въ началѣ XIII вѣка, и прототипъ ей усматривалъ въ тѣхъ романахъ, которыми онъ придалъ названіе „sons d'amour“, гдѣ разказывается о любовныхъ приключеніяхъ рыцаря съ горожанкою. „Sons d'amour“ являются, по мнѣнію Грѣбера, уже вторичною стадіею развитія романсовъ, древнѣйшій типъ которыхъ представляетъ безличный разказъ, лирико-эпическаго характера, между тѣмъ какъ въ „sons d'amour“ поэтъ уже выступаетъ самъ дѣйствующимъ лицомъ. Г. Jeanгоу не согласенъ съ теоріею Грѣбера и думаетъ, что между романсами и пастурелью нѣтъ генетической связи; притомъ и

древность романсовъ не достаточно де засвидѣтельствована. Опровергая Грёбера, авторъ пускается въ длинный экскурсъ о соотношеніи между поэзіей и дѣйствительностью, при чемъ ставитъ Грёберу въ упрекъ желаніе объяснить возникновеніе различныхъ родовъ поэзіи непосредственнымъ вліяніемъ дѣйствительности ¹⁾. Признаемъ, что вопреки остроумной аргументаціи автора мы все-таки думаемъ, что культурныя условія жизни имѣли первенствующее вліяніе на обособленіе и даже на возникновеніе отдѣльныхъ видовъ поэзіи. „Оставимъ поэзію“, говоритъ г. Жапгоу, — „ту долю фантазій, которую она въ себѣ заключаетъ, и не будемъ принижать ее, нивводя къ разряду простой хроники, и къ тому же скандальной хроники“. Конечно, было бы вполне неумѣстнымъ считать всѣ пастурели разказами о достовѣрныхъ приключеніяхъ и заключать отсюда о легкомысліи крестьянскихъ дѣвушекъ и женъ, но врядъ ли Грёберъ и имѣлъ въ виду это дѣлать. Онъ указываетъ лишь на то, что когда буржуазія стала соперничать съ рыцарствомъ, въ средѣ горожанокъ типъ изящнаго, блестящаго и галантнаго рыцаря пріобрѣлъ извѣстную популярность; тяжеловѣсные и грубоватые буржуа не соответствовали романтическимъ мечтамъ ихъ женъ, и отсюда явилась возможность цѣлому ряду любовныхъ приключеній, отголоскомъ которыхъ служатъ „sons d'amour“. Но, конечно, въ послѣднихъ возможны шаржъ и преувеличенія. Съ другой стороны, рыцари искали развлеченій и въ крестьянской средѣ, искали болѣе простыхъ, реальныхъ удовольствій съ простолюдинками, и въ репертуарѣ любовныхъ пѣсенъ пастурель стала чередоваться съ „sons d'amour“. Мы думаемъ, что дѣйствительно пастурель, каково бы ни было происхожденіе этого рода литературы, могла пріобрѣсти популярность лишь потому, что въ извѣстную пору въ средѣ рыцарскаго общества возникла въ видѣ реакціи противъ крайней его обособленности мода на народное, болѣе близкое къ природѣ, къ безыскусственной простотѣ сельскаго строя жизни. Эта мода могла держаться, даже хотя бы вилланы и оставались въ полномъ презрѣніи. Весьма возможно, что рыцари не брезгали любовными похождениями съ простолюдинками, находя въ этомъ извѣстнаго рода смакъ: споры объ идеальной и реальной любви неоднократно возбуждались и въ

... 1) Ce qui nous paraît le plus defectueux dans la théorie de M. Groeber c'est qu'elle prétend expliquer la naissance des genres dont nous parlons par une influence directe et immédiate de la réalité (10).

литературѣ того времени. Но во всякомъ случаѣ, весьма часто гордый рыцарь вполне напрасно расточалъ передъ крестьянкой цвѣты своего краснорѣчія и въ отвѣтъ на свои домогательства получалъ суровый отказъ ¹⁾. Г. Жангоу иначе объясняетъ причину популярности пастурелей: указывая вполне правильно, что этотъ родъ литературы является отчасти „l'amusement d'une société élégante qui se repose d'elle même en se travestissant sous un aimable costume“ (38), и далѣе, напоминая замѣчаніе Saint-Marc Girardin, что — „ce sont les sociétés les moins simples et les moins innocentes qui jouent le plus volontiers à la bergerie“, онъ принимаетъ, что все въ пастурели — мѣсто дѣйствія и лица — является лишь travestіей происшествій въ высшемъ кругѣ. Напомнивъ о старинной эпической чертѣ похвалы (gab) героевъ, г. Жангоу думаетъ, что и въ средѣ рыцарей сохранилась склонность къ хвастовству, но уже не воинственными, а любовными приключеніями, прототипомъ которыхъ можетъ послужить извѣстный „gab“ Оливье въ пѣснѣ о паломничествѣ Карла Великаго. Не смѣя де разглашать слишкомъ явно о дѣйствительныхъ героиняхъ своихъ приключеній, поэты повѣствовали о нихъ подъ видомъ пастушекъ и переносили неизмѣнно мѣсто дѣйствія въ деревню. Такое объясненіе намъ кажется болѣе остроумнымъ, чѣмъ вѣроятнымъ; возможно, что тотъ или другой поэтъ въ единичныхъ случаяхъ воспользовался формой пастурели, какъ travestіей, для того, чтобы

¹⁾ Аналогичный приѣздъ самозарожденія пѣсней-диалоговъ между баринкомъ и простодушкой, въ тѣсной связи съ действительностью, представляютъ много-много изъ нашихъ народныхъ пѣсень. Мы сообщали г. Жангоу три таковыхъ, представляющихъ три различныя развязки: въ одной дѣло кончается свадьбой (извѣстная пѣсня „Въ вечеръ поздно изъ лѣсочка — я коровъ домой гнала“), причемъ разказъ ведется отъ лица дѣвушки; въ другой — съ эпическимъ вступленьемъ-запѣвомъ: „Есть у лузі калина — Подъ калиною дѣвица“ (Чубинскій I. с., стр. 1073, № 207), дѣвушка отклоняетъ ухаживаніе барина, советуя ему себя искать подругу изъ своего сословія — дворянку, „икъ есть самъ“; въ третьей (Шейнъ, № 36), дѣвушка даетъ себя увести и навлекаетъ на себя проклятіе матери. Въ собраніи Чубинскаго, въ отдалѣ „сословныхъ пѣсень“ (стр. 1068—1087), имеется еще нѣсколько версій на ту же тему — домогательства баринкомъ любящей крестьянки съ тѣмъ или другимъ исходомъ, но пѣсни эти, которыя въ генетическомъ отношеніи могутъ быть сближены съ пастурелью, отнюдь не представляются намъ эволюціей архаичнаго типа „контраста“ (см. ниже). По формѣ своей они скорѣе могутъ быть сопоставлены съ типомъ „романсовъ“, на которые указывалъ Грѣберъ какъ на прототипъ пастурели. Во всякомъ случаѣ отънесеніе образцы малорусскихъ пѣсень, по всей вѣроятности, происхожденія недавняго и стоять въ несомненной связи съ действительностью.

повѣдать о своемъ приключеніи съ дамой высшаго сословія, но врядъ ли оно было общимъ правиломъ. Къ тому же, принимая такое толкованіе автора, мы опять возвращаемся, вопреки вышеназложенному его мнѣнію, къ отождествленію поэзии съ скандальной хроникой, только замаскированной. Символическое значеніе въ стереотипной роли пастушки мы во всякомъ случаѣ готовы признать, такъ какъ, по скольку намъ извѣстно, въ древней Франціи пастушескій бытъ не имѣлъ такого преобладающаго значенія, чтобы выдвинуть на первый планъ именно лишь пастушекъ. Г. Жангоу между прочимъ замѣчаетъ: „Еслибы мы имѣли тѣ пѣсни, которыя распѣвали пастухи въ средніе вѣка, то несомнѣнно а priori, что въ нихъ не описывался бы пастушескій бытъ. Это было бы единственнымъ примѣромъ народной поэзии, въ которой бы намѣренно описывались народныя нравы (ce serait le seul exemple d'une poésie populaire peignant de parti-pris les mœurs populaires)* (18). Будто бы такъ? Мы не можемъ не признать это мнѣніе крайнимъ и противорѣчающимъ ряду дѣйствительныхъ фактовъ; имѣется цѣлая серія пѣсенъ, приуроченныхъ къ обиходу сельской жизни, пѣсни косарей, жнецовъ и т. д. „Народъ“, продолжаетъ г. Жангоу,—имѣетъ явное предпочтеніе къ необыкновеннымъ событіямъ и высокопоставленнымъ лицамъ (les personnages de haut rang), которыя отдаляли бы его отъ будничной жизни“ (18). Не слишкомъ ли это обобщаемо? Оно вѣрно до нѣкоторой степени по отношенію къ эпическимъ сказаніямъ, но въ лирической поэзии или, точнѣе, въ лирико-драматической, намъ кажется, трудно отвергать весьма тѣсную связь между сюжетами поэзии и дѣйствительностью. Самъ г. Жангоу въ другихъ мѣстахъ констатируетъ этотъ фактъ и даже признаетъ, что, вообще, простѣйшія темы лирики должны быть непосредственнымъ отраженіемъ реальной жизни (si la poésie populaire a un mérite c'est celui de la sincérité, замѣчаетъ онъ между прочимъ на стр. 90). Мы съ нимъ согласны только въ томъ, что въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ въ пастуреляхъ должно быть усмотрѣно искусственное творчество поэтовъ, чуждыхъ той среды, которую они описываютъ. Вообще, мы воиолѣ раздѣляемъ его мнѣніе, что этотъ видъ литературы отиудъ не представляется народнымъ ни по происхожденію, ни по характеру. Однако, г. Жангоу, признавъ его зарожденіе въ аристократическомъ обществѣ, все-таки подыскиваетъ ему основу въ народной поэзии. Его аргументація представляется какъ бы въ слѣдующемъ видѣ: „пастурель зародилась въ высшемъ рыцарскомъ обществѣ Прованса, тѣмъ не менѣе основа ея народная“. Второе поло-

женіе является въ нѣкоторомъ противоположеніи съ первыми и мы пожелаемъ бы большей точности, хотя, конечно, недостаточно было ограничиться заявленіемъ мнѣнія, что пастурель есть видъ искусственной литературы, надо было подискать образцы, по которымъ она сложилась, либо прототипы, изъ которыхъ выработалась. Последніе г. Jeanrou усматриваетъ въ италіанскихъ *contrasto*: „Существенный элементъ пастурели“, говоритъ онъ, — „составляетъ очевидно споръ и въ частности — любовный споръ, во время котораго женщина, послѣ того какъ укрывалась за тысячу предлогами, наконецъ уступаетъ домогательствамъ того, который за нею ухаживаетъ. Наиболее архаичную форму этой темы въ романскихъ литературахъ представляетъ намъ пресловутый *contrasto* „Cielo d'Alcamo“ (13). Авторъ въ другой главѣ подробно рассматриваетъ основной характеръ и происхожденіе этого „*contrasto*“, приходя къ заключенію, что онъ отнюдь не представляется изолированнымъ явленіемъ, а долженъ быть рассмотрѣнъ, какъ образчикъ весьма популярнаго вида поэзіи, предшествовавшаго пастурели, которая изъ него выработалась. Рядомъ съ этимъ онъ ссылается на современную народную пѣсню, записанную въ разныхъ частяхъ Франціи, Италіи, Румыніи и Швейцаріи, на такъ-называемую „пѣсню о превращеніяхъ“, гдѣ тоже происходитъ споръ между мужчиной и женщиной, но послѣдняя не прибѣгаетъ къ какому-либо аргументамъ, чтобы отклонить предложенія ухаживающаго за нею мужчины, а заявляетъ, что обернется птицей, рыбой, цвѣткомъ, звѣздочкой и т. д., чтобы избѣгнуть его домогательствъ. Возлюбленный отвѣчаетъ, что приметъ соответствующія формы, чтобы слѣдовать за нею: если она обернется звѣздочкой — онъ станетъ облакомъ и помчится за нею; если рыбою — онъ рыбакомъ; если цвѣткомъ — онъ станетъ садовникомъ и будетъ ухаживать за нею и т. д. „Древнѣйшія и простѣйшія редакціи того рода поэзіи, который приводитъ къ пастурели“, говоритъ г. Jeanrou, — „должны были быть очень близкими къ подобнымъ пѣснямъ и состоятъ почти исключительно изъ діалога“. Еще А. Н. Веселовскій мимоходомъ сближалъ *contrasto* „Cielo d'Alcamo“ съ пѣсней о превращеніяхъ (Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ, прилож. къ XLV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1883, стр. 76), оспаривая мнѣніе Häsdey объ ея религиозной основѣ. За симъ А. Н. Веселовскій отмѣтилъ и вариантъ „пѣсни о превращеніяхъ“, который поется на кумисскомъ „сарниѣ“ (ibid., стр. 430—32). Г. Jeanrou могъ бы воспользоваться свѣдѣніями объ этой игрѣ для подтвержденія своей послѣдующей

аргументации, въ которой онъ ограничивается рядомъ предположеній. Именно авторъ, оспаривая мнѣніе D'Ancona, что въ Сициліи пѣсни съ чередованіемъ на два голоса (*chants amebés*) были исконнымъ, туземнымъ родомъ поэзіи сицилійскихъ пастуховъ, замѣчаетъ, что эта форма была весьма распространенною и общею многимъ народамъ. „Первоначальный зародышъ ея“, говоритъ г. Jeanroy, — „несомнѣнно составляютъ поэтическіе вызовы, указаніе на которые мы встрѣчаемъ въ разныхъ эпохи у разныхъ народностей. Въ такомъ родѣ устраивали состязанія и пастухи у Теокрита и Вергилія“. Оба соперника старались выразить въ одинаковомъ числѣ стиховъ либо одну и ту же мысль, либо двѣ противоположныя мысли. Авторъ напоминаетъ обычай итальянскихъ крестьянокъ въ Феррарѣ (о которомъ разсказываетъ Ферраро): во время полевыхъ работъ устраиваются состязанія между крестьянками—которая изъ нихъ споетъ больше пѣсень (*romanella*—*stornelle*) подъ рядъ? Та изъ нихъ, которая первая замолчитъ, подвергается осмѣянію подругъ. Подобныя состязанія устраиваются и въ Португаліи; аналогію имъ представляетъ и обычай въ Лотарингіи (ср. *Puy-Maugre, Folk-lore, 363*), именуемый *dayemans*: это рядъ вопросовъ и отвѣтовъ (въ ритмованной формѣ и съ ассонансами), которыми обмѣнивались парни и дѣвушки, по окончаніи посидѣлокъ, при чемъ вопрошающій стоитъ на улицѣ, а отвѣчаютъ ему изъ хаты. Если допустить повсемѣстное распространеніе и самозарожденіе подобныхъ состязаній, то спрашивается: какъ они содѣйствовали выработкѣ *contrasto*? Сюжеты пѣсень (вопросовъ и отвѣтовъ) могла быть, по мнѣнію г. Jeanroy, первоначально всякіе; но вѣроятно де съ раннихъ поръ соперники, желая усилить трудность состязанія, старались слагать вопросы и отвѣты на одинъ и тотъ же размѣръ. „Предположимъ“, продолжаетъ нашъ авторъ, — „что сюжетомъ спора было признаніе въ любви; оно де вполне естественно, такъ какъ зачастую собесѣдниками являются юноша и молодая дѣвушка: тогда мы получимъ либо любовный дуэтъ, либо въ собственномъ смыслѣ „контрасто“, и скорѣе второе, чѣмъ первое, такъ какъ родъ „контрасто“ болѣе подходитъ къ сдержанности, приличествующей молодой дѣвушкѣ. Въ сущности и пресловутая „пѣсня о превращеніяхъ“ есть не болѣе какъ контрасто, и самый распространенный изъ нихъ, съ прибавкой нѣкотораго фантастическаго элемента, который быть можетъ упрочилъ ея успѣхъ“ (262). Упомянутый обычай на кумыкскомъ „сарынѣ“ какъ будто подтверждаетъ догадку автора. „Сущность этой игры“, замѣчаетъ А. П. Веселовскій,—

„слѣдующая: составляются двѣ группы, мужчинъ и женщинъ. Изъ первой кто-нибудь, приплясывая, выходитъ на середину савли и начинаетъ говорить нараспѣвъ, а мужчины хоромъ повторяютъ послѣднія слова куплета; изъ женской группы также выступаетъ женщина или дѣвушка и отвѣчаетъ мужчинамъ, а прочія ей подтягиваютъ, ударяя въ мѣдный тазъ. Завязывается споръ, кто кого перетанцуетъ и переговоритъ; на вопросы слѣдуютъ отвѣты. Не рѣдко обѣ стороны бывають очень свободны въ своихъ выраженіяхъ, намекахъ и жестахъ; всякая выходка сопровождается взрывомъ общаго хохота. Въ этой игрѣ одна пара смѣняется другой“ (430—431). И вотъ одною изъ пѣсенъ, употребляемыхъ въ этой игрѣ, является именно „пѣсня о превращеніяхъ“. Такимъ образомъ предположенія г. Жапгоу находятъ себѣ какъ бы подтвержденіе въ вышеназванномъ обычаѣ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы любовные „контрасто“ или, въ частности, сюжетъ „пѣсни о превращеніяхъ“, зародились именно при указанныхъ обстоятельствахъ. Мотивъ любовныхъ пререкательствъ могъ быть приуроченъ къ игрѣ въ составаніе, но по основѣ своей возводится къ инымъ обычаямъ. Мы лично думаемъ, что это первоначально свадебный мотивъ, возникшій въ связи съ обрядностями брачныхъ домогательствъ; за симъ, весьма популярный въ сказочной литературѣ востока, онъ подвергся также пѣсеннымъ обработкамъ въ западно-европейскихъ литературахъ, но мы не рѣшились признать самостоятельность его зарожденія въ европейскихъ литературахъ, пока не будетъ точнѣе выяснено его отношеніе къ аналогичнымъ сюжетамъ въ восточной литературѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что опредѣленіе источника „пѣсни о превращеніяхъ“ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

Допуская видѣть съ авторомъ, что типъ любовнаго діалога-спора между мужчиной и женщиной, какъ *contrasto* „Cielo d'Alcamo“, какъ діалогъ провансальскаго поэта Rambaut de Vaqueiras съ генуэзскою, какъ пьеса Albert'a Malaspina, представляется болѣе архаичнымъ, чѣмъ пастурель¹⁾, мы только въ генетическомъ отношеніи признаемъ ихъ связь съ обычаями поэтическихъ состязаній, но не видимъ непосредственной зависимости отъ нихъ „*contrasto*“, съ одной стороны, и дальнѣйшаго перехода въ пастурель—съ другой. Стереотипная роль пастушки остается все-таки не объясненною изъ народнаго преданія,

¹⁾ Авторъ припоминаетъ и современную французскую пѣсенку, въ которой какой-то поэтъ домогается любви монашенки.

и посему намъ кажется необходимымъ, при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи пастурели, принять во вниманіе иные источники. Мы поставимъ вопросъ: не слѣдовало ли придать больше значенія литературной традиціи, и именно выработанной уже у классиковъ формѣ „эклога“? Въ генетическомъ отношеніи она тоже представляетъ болѣе архаичный типъ діалога, безъ лирической окраски поэта-разказчика о собственномъ приключеніи, и по формѣ весьма близка съ жанромъ „*contrasto*“. Въ латинской средневѣковой литературѣ эклога издавна известна, и въ подтвержденіе ея популярности мы сошлемся на стихотвореніе X вѣка Теодула, гдѣ спору пастуха съ пастушкой придано церковно-аллегорическое толкованіе, выразившееся въ самихъ названіяхъ дѣйствующихъ лицъ — *Alithia* и *Pseutis* ¹⁾). Въ куртуазной литературѣ сюжетомъ, очевидно, должна была служить любовная тема; пастушка осталась, но пастухъ замѣненъ поэтомъ, который самъ выступаетъ собесѣдникомъ пастушки. Намъ кажется, что такая замѣна могла вполне естественно совершиться, и признавая искусственный характеръ пастурели, признавая, что этотъ родъ литературы „зародился въ куртуазномъ обществѣ“, какъ говоритъ г. Жангоу,—мы думаемъ, что всего логичнѣе подыскивать ему образцы въ традиціяхъ искусственной же литературы, то-есть, въ данномъ случаѣ, въ отголоскахъ классическаго преданія. За симъ могло произойти сближеніе и даже сліянiе съ народною поэзіей, въ которой діалогическая форма весьма распространена. Мы скорѣе готовы признать вмѣстѣ съ Греберомъ, что тотъ видъ романсовъ, которые онъ называлъ „*sons d'amour*“, дѣйствительно предшествовалъ пастурели, чѣмъ выводить ихъ непосредственно изъ особаго вида народной поэзіи, о давности котораго мы не имѣемъ свѣдѣній. Г. Жангоу возражаетъ Греберу, что въ Провансѣ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ ни романсовъ, ни „*sons*“, и отсюда заключаетъ о невозможности допустить эволюцію, предположенную Греберомъ (10). Но самъ же г. Жангоу въ другомъ мѣстѣ указываетъ, что „*en Provence la pastourelle avait perdu des les plus anciens temps toute trace de son origine populaire*“ (30), и все-таки хочетъ теоретическимъ путемъ возстановить эту забытую основу, опредѣляя ее какъ простой любовный споръ между мужчиной и женщиной ²⁾

¹⁾ Theoduli Ecloga, commentatione critica edidit J. G. S. Schwabe; Altenbergi 1773.

²⁾ Вся аргументація автора имѣетъ ближайшей цѣлью установить точку зрѣнія и на *contrasto* „*Cielo d'Alcamo*“, который, какъ извѣстно, являлся весьма обширную и развѣтвленную литературу. Между двумя крайними мнѣніями, то-есть—

Форма простыхъ любовныхъ споровъ не могла, по мнѣнію г. Жангоу, привиться въ куртуазной лирикѣ: „Она была замѣнена въ ней двумя разновидностями, которыя выводятся изъ нихъ—тенцоной и пастурелью: пастурелью, которая опредѣляетъ въ неизмѣнной формѣ сословіе собесѣдниковъ, и условія ихъ встрѣчи; тенцоной, которая замѣняетъ (?) любовный діалогъ то перебранкою (*une échange d'injures*), то схоластическимъ и педантскимъ споромъ на отвлеченную тему“ (264). Точно ли произошла тутъ указанная замѣна 'одного вида поэзіи другимъ, и точно ли любовные споры древнѣе шуточныхъ споровъ-перебранокъ между скomorоxами? Мы въ этомъ нѣсколько сомнѣваемся. Г. Жангоу напоминаетъ еще рядъ французскихъ народныхъ пѣсенокъ XV и XVI вв., гдѣ мы имѣемъ тоже діалогъ между юношей и молодою дѣвушкой, принимающею болѣе или менѣе сурово его домогательства; мѣсто дѣйствія указано иногда—у окна, гдѣ сидитъ красавица. Но эти пѣсни намъ кажутся поздняго происхожденія и не имѣющими прямого отношенія съ традиціонными „превіями“. Вообще ссылки на народную словесность позднѣйшаго времени нужно дѣлать съ большою осторожностью, которую авторъ порою соблюдаетъ, но не всегда въ одинаковой мѣрѣ. Тутъ же, однако, онъ напоминаетъ, что весьма распространенный видъ пѣсенокъ-діалоговъ между пастушкой и баривомъ (*un monsieur*) является, по видимому, прямымъ отголоскомъ древнихъ пастурелей; такимъ образомъ я завѣдомо искусственный родъ лирики могъ стать популярнымъ, привиться въ простонародной средѣ, гдѣ остался шаблономъ, по которому и понинѣ сочиняются новыя переписки на старинныя темы. Г. Жангоу самъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, что куртуазная поэзія неоднократно проникала въ темную массу народа: „Въ Италіи“, говоритъ онъ,—„никогда не было непреодолимой преграды между искусственною литературою и народною: это были два теченія, которыя

что данный *contrasto* есть вполне самобытное произведеніе, въ связи съ народною сицилійскою (буколическою), литературою, и что онъ не болѣе какъ своеобразная обработка провансальскихъ пастурелей, авторъ изобразилъ среднее, и признаетъ произведеніе *Otello d'Alcamo* основаннымъ на народнѣйшей поэзіи, предшествовавшей проникновенію въ Сицилію французскаго вліанія; но авторъ все же былъ знакомъ и съ французскою литературою: *son auteur a connu cependant des piéces françaises, de tout et de sujet analogues, et il leur a emprunté quelques traits*“. Впрочемъ де, такъ какъ этотъ видъ поэзіи навѣстемъ во Франціи лишь въ позднѣйшихъ редакціяхъ (пастурели?), то врядъ ли когда-либо удастся съ точностью разграничить составные элементы италіанскаго *contrasto*. Ср. итавіе *D'Ovidio* въ *Romania* XVII, 612.

постоянно сливались. Подобное было и въ Провансѣ въ XII и XIII вѣкахъ: народному пониманію были столь же доступны произведенія искусства какъ и въ Италіи*. И далѣе: „Не забудемъ, что Guiraut de Vorneil хотѣлъ, чтобы его стихи были поняты и распѣвались даже женщинами, которыя отправляются къ колодцу за водой“ (90—91). При такихъ скрещивающихся теченіяхъ въ большей или меньшей степени во всѣ времена, очень трудно разобраться въ томъ, что дѣйствительно народно по происхожденію, и что лишь „обнародилось“, приобрѣло характеръ и стиль народной пѣсни, но по происхожденію относится къ искусственной литературѣ. Простота и арханчность характера сами по себѣ еще недостаточны, а при разборѣ отдѣльныхъ явленій должны быть примѣнены особые критеріи, объ установленіи которыхъ г. Жангоу мало позаботился, и посему его ссылки на народную словесность мало убѣдительны.

За то авторомъ прекрасно очерчено дальнѣйшее литературное развитіе пастурели на сѣверѣ и на югѣ Франціи. Признавъ первенство зарожденія этого рода литературы въ Провансѣ, онъ указываетъ различныя направленія, по которымъ онъ разрабатывался труверами и трубадурами; и высказываетъ нѣсколько весьма мѣткихъ замѣчаній въ его характеристикѣ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи пересказать эти нѣсколько страницъ, отмѣчая наиболѣе удачныя мѣста.

„Сущность пастурели“, говоритъ авторъ, — „состоитъ въ томъ, чтобы не быть вѣрною дѣйствительности, ея обаяніе заключается въ отсутствіи правдивости или, по крайней мѣрѣ, въ смѣшеніи правды и лжи, казавшемся очень привлекательнымъ пресыщеннымъ уже умамъ. Можетъ быть еще болѣе утонченное общество предпочло бы голую правду или, по крайней мѣрѣ менѣ очевидныя натяжки (*une infidélité moins flagrante*); можетъ быть, именно поэтому Теокрытъ осмѣлился представить „декаданомъ“ Александріи настоящихъ пастуховъ (и то, дѣйствительно ли это настоящіе пастухи?), а мы сами увлекались крестьянами Жоржа Санда (если только ихъ можно признать за дѣйствительныхъ крестьянъ). Какъ бы то ни было, оригинальность этого рода литературы заключалась до сихъ поръ именно въ его лживости, и я охотно признаю, вопреки Вракельману, что въ Провансѣ, а не во Франціи, онъ остался наиболѣе вѣрнымъ своей исторіи и развитію“ (89). И дѣйствительно, въ Провансѣ пастурель сохраняетъ тѣсную связь съ утонченными теоріями любви; обстановка дѣйствія отъявляется искусственностью; пастухи и пастушки — „*sont des paysans*

d'opéra-comique". Зачастую пререканій нѣтъ, а поэтъ, покинутый своею дамой, встрѣчаетъ такую же покинутую своимъ возлюбленнымъ пастушку, и они утѣшаются отъ общаго горя. Пастушки сами разъяняютъ преимущества любви простолюдина и жалѣютъ рыцарей, которымъ приходится терять столько времени и усилій, чтобы достичь благосклоннаго вниманія своихъ дамъ. Мало по малу это противопоставленіе деревенской простоты и утонченности жизни въ высшихъ слояхъ общества даетъ поводъ пастурелямъ развиваться въ цѣлне маленькіе романы, и даже возникаютъ циклы съ одними и тѣми же дѣйствующими лицами, но въ разные моменты жизни. Такъ, Guignat Riquier (конца XIII вѣка) въ шести пастуреляхъ выводитъ послѣдовательно одну и ту же пастушку—сперва дѣвушкой, потомъ замужнею женщиной, матерью и наконецъ вдовой. Она остается добродѣтельною до конца; реплики пастушки представляютъ рядъ остроумныхъ и граціозныхъ совѣтовъ-сентенцій рыцарю Донъ-Жуану, который тонко осмѣянь наивною пастушкой.

На сѣверѣ Франціи, и именно въ Пикардіи, литературное развитіе пастурели приняло иной оборотъ. Здѣсь она стала по преимуществу жанровою литературой, при чемъ основная схема служила лишь рамкой, въ которую вкладывали бытовья сценки, порой весьма любопытнаго содержанія. „Послѣ того какъ выводили на сцену пастуховъ и пастушекъ, которые были не болѣе какъ отвлеченія“, остроумно замѣчаетъ авторъ,—„пришло на умъ, что не безинтересно было бы описаніе, болѣе точное, крестьянъ, въ томъ видѣ, какъ они ежедневно встрѣчаются. Разушѣтся, не было и рѣчи о томъ, чтобы предаться вдумчивой наблюдательности: это не могло бы понравиться легкомысленному и фривольному обществу; дѣло заключалось не въ томъ, чтобы изобразить дѣйствительность во всей ея полнотѣ, съ ея страданіями и уродливостями (avec ses misères et ses laideurs), но въ томъ, чтобы снять нѣсколько набросковъ, воспроизвести нѣсколько пріятныхъ сценокъ. Въ этомъ особенно разнятся поэты юга и сѣвера: тогда какъ первые отдавались отъ природы какъ можно далѣе, между вторыми нѣкоторые догадались, что въ реальности изображенія могутъ представиться литературный интересъ. S'il y a dans la littérature méridionale de charmants Watteaux, заключаетъ авторъ,—il y a dans l'autre des Teniers qui ne valent pas moins (41—42). Все это вѣрно и тонко подмѣчено. Дѣйствительно, въ сѣверо-французскихъ пастуреляхъ мы находимъ описаніе деревенскихъ игръ и плясокъ; типичные крестьяне и крестьянки реально охарактеризованы; опи-

свиваются сцены равенности и соперничества между самими вилланами и т. д. Благодаря этому направлению, пастурель на сѣверѣ Франціи приобрѣла характеръ народныхъ пѣсенъ, но мы думаемъ, что г. Жеангоу вполне правъ, считая всѣ эти произведенія продуктомъ искусственнаго творчества, нашедшаго себѣ лишь новое поприще въ изображеніи простонародной жизни.

Въ слѣдующей главѣ г. Жеангоу разсматриваетъ форму „споровъ“ или „преній“ (прованс. тенцоны, сѣверо-франц. дебаты). Авторъ останавливается только на одной разновидности этого рода литературы, замѣтивъ предварительно, что если разсматривать форму поэтическихъ „преній“ вообще, то совершенно излишне пытаться съ точностью установить ея происхождение. „Предположите“, говорятъ онъ, — „что собесѣдники вмѣсто устнаго разговора обмѣнялись бы письменно шутками или бранью: результатъ получится одинъ и тотъ же. Письма Фротберта и Импортюва составляютъ настоящее „преніе“, которое при томъ является древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ образцовъ этого рода литературы. Преніе возникаетъ само собою: оно не столько составляетъ литературный родъ, какъ является живымъ откликомъ дѣйствительности (48)... „Но“, продолжаетъ нашъ авторъ, — „можно и изъ спора сдѣлать забаву (un jeu), опредѣлить заранѣе границы произведенія, намѣтить рѣшны, распредѣлить роли и тогда получится тотъ видъ литературы, который въ Провансѣ именуется тенцонной“. Авторъ, ограничившись ссылкой на латинскій текстъ IX вѣка (изданный Boucherie: Cinq formules du VII-e siècle, также Paul Meyer: Recueil d'anciens textes bas-latins etc., 1 p.), въ которомъ мы имѣемъ переписку или точнѣе перебранку двухъ лицъ въ ритмованной формѣ, воздерживается отъ дальнѣйшаго объясненія этого дѣйствительно загадочнаго памятника. Мимоходомъ упоминаетъ онъ и о другихъ спорахъ-состязаніяхъ либо перебранкахъ между двумя жонглерами, о латинскихъ и французскихъ конфликтахъ, въ которыхъ спорять не дѣйствительныя лица, а отвлеченія; всѣ эти произведенія выходятъ изъ области изслѣдованія автора, который разсматриваетъ лишь лирическую форму „преній“, то-есть, тенцону. Ею онъ безъ труда пріурочиваетъ къ Провансу и указываетъ на ея позднѣйшій переходъ на сѣверъ Франціи, гдѣ, впрочемъ, большую популярность приобрѣтала не тенцона, а другая разновидность литературныхъ преній, такъ-называемыхъ „jeu-parti“, соотвѣтствующая провансальскимъ „partimen“. Этотъ видъ, какъ было уже не разъ замѣчено, есть не болѣе какъ забава въ обществѣ (jeu de société или petit jeu);

задается какой-нибудь вопросъ, на который разными лицами предлагаются тѣ или другія рѣшенія въ стихотворной формѣ. Jeu partie напоминаетъ современную игру bouts-rimés и не нуждается для объясненія ея происхожденія въ приписываніи ей прототиповъ въ народной словесности. Г. Жангоу благоразумно воздерживается отъ подобныхъ попытокъ, но относительно другой формы „преній“ замѣчаетъ: on pourrait être tenté de voir aussi dans le genre du débat un emprunt fait à la poésie populaire¹⁾ (44). Мы очень далеки отъ мысли отрицать народную форму „споровъ“ или „преній“, быть можетъ, одну изъ самыхъ архаичныхъ и первобытныхъ, самозарожденіе которой возможно себѣ представить на весьма невысокой ступени культуры, но вопросъ въ томъ: на сколько эти произведенія дѣйствительно обусловили происхожденіе тенцонн, на сколько куртуазные поэты „позаимствовали“ этотъ родъ литературы изъ народной словесности? Аргументація автора представляется намъ и на сей разъ неубѣдительною. Мы уже приводили его фразу, гдѣ по поводу италянскихъ „contrasto“ авторъ касается народныхъ обычаевъ: визона на споръ или состязаніе въ пѣснопѣніи, пляскѣ, находчивости, остроуміи и т. п.: авторъ считаетъ „любвенный контрасто“ непосредственнымъ результатомъ этихъ игръ и далѣе устанавливаетъ, что въ куртуазной лирикѣ „contrasto“ было замѣнено двумя разновидностями: тенцоной и пастурелью (264). Этой „замѣнѣ“ мы отнюдь не признаемъ, тѣмъ болѣе, что и авторъ, вопреки своему выводу, указывалъ на то, что первоначально сюжеты споровъ-состязаній могли быть всякіе. Слѣдовательно, скорѣе можно было бы признать въ тенцонѣ непосредственное развитіе народной формы „спора“, котораго любовное контрасто стало лишь разновидностью. Но вся постановка вопроса, по нашему мнѣнію, неправильна: тенцона по своему происхожденію ничѣмъ не связана съ ея возможными прототипами въ народной словесности, и г. Жангоу самъ позаботился установить этотъ фактъ, указывая, что въ Провансѣ, гдѣ, по его мнѣнію, впервые зародилась форма лирическихъ преній¹⁾, первоначальнымъ зерномъ ея является сатирическая пѣсня, направленная противъ какого-нибудь лица и вызвавшая съ его стороны отвѣтъ. Въ такомъ родѣ тенцона между Альдрихомъ и Маркабруномъ, однимъ изъ древнѣйшихъ трубадуровъ. „À cette époque“, замѣчаетъ г. Жангоу, —

¹⁾ Si on nous demande dans quel pays (les formes lyriques du débat) apparaissent d'abord, nous réponderons sans hésiter que c'est au midi.

la forme du genre est encore tres flottante, ce qui indique qu'il n'est pas éloigné de son origine" то-есть, „de la chanson, dont la tenson emprunte ordinairement le moule" (49). Позже устанавливается обычай выражать свою мысль въ цѣльной строфѣ: „dans un couplet unique, véritable épigramme à la pointe plus accérée, au vol plus rapide" (50). Наконецъ, вырабатывается типъ тенцоны, составляющей законченное цѣлое, въ которой составляющіеся поочередно излагаютъ свои мнѣнія, то цѣлою строфой, то нѣсколькими стихами. До сихъ поръ искали различныхъ объясненій причины развитія и устойчивости этого рода литературы на югѣ Франціи; указывали на аналогичный типъ въ персидской и арабской литературахъ (Ethe, Dozy), а еще Дицъ совершенно правильно замѣчалъ, что тенцона является прежде всего въ связи съ діалектическимъ духомъ эпохи (Die Tenzone ist ohne Zweifel, was ihre Entstehung betrifft, ein Product des dialectischen Geistes jener ganzen zeit". Diez, Poesie der Troubadours, 1826, S. 187). За послѣднее время появилось нѣсколько монографій о тенцонѣ (Knobloch, Selbach, Zenker), но онѣ мало даютъ новаго по вопросу о происхожденіи этого рода литературы; Зельбахъ разумно отстраняетъ вопросъ о вліаніи персидской литературы и ставитъ тенцону въ болѣе близкое соотношеніе съ латинскими конфликтами. Соотношеніе возможно, но только для одного типа, такъ-называемаго „фиктивной тенцоны", гдѣ спорять не дѣйствительныя, а вымышленныя лица. Этотъ видъ стоитъ особнякомъ отъ лирическаго „спора", и посему мы не будемъ здѣсь настаивать на его выясненіи. Нашъ авторъ совершенно не касается тѣхъ писателей, правда болѣе поздней поры, какъ, напримѣръ, монаха Монтодонскаго, у которыхъ данная форма „фиктивнаго спора" становится въ большемъ предпочтеніи и поддается, какъ намъ кажется, сближенію съ произведеніями полу-народной литературы, принимаетъ менѣе высокопарный, а скорѣе басенный характеръ. Какъ бы то ни было, признавая справедливость вышеприведенныхъ замѣчаній г. Жангоу о зачаточныхъ формахъ тенцоны въ куртуазной поэзіи, о ея первенствѣ на югѣ Франціи, мы недоумѣваемъ его заключенію. Собрать съ трудомъ кое-какіе скудные образцы „поэтическихъ споровъ" въ сѣверо-французской литературѣ, образцы, представляющіеся не вполне ясными и самому автору ¹⁾, онъ тѣмъ не менѣе заключаетъ, что „débat остался

¹⁾ Несомнѣнную заслугу г. Жангоу составляетъ указаніе и обнаруженіе этихъ произведеній (въ прилож. стр. 462—478), но дѣйствительное значеніе ихъ не вполне ясно. ЧАСТЬ ССЛХУШ, ОТД. 2.

болѣе архаичнымъ на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, потому-то онъ въ меньшей степени подвергся вліянію куртуазной литературы* (60); что онъ былъ бы болѣе культивированъ на сѣверѣ, „si une imitation plus étroite de la poésie méridionale, où il n'était pas fort en honneur, ne fut venue, vers la fin du XII-e siècle, arrêter son développement“ (59).

Мы могли бы допустить предположеніе, что на сѣверѣ Франціи форма поэтическихъ споровъ выработалась самостоятельно, принимая къ диалогической народной пѣснѣ; но такъ какъ г. Жангоу отставляетъ первенство провансальской тѣнцонны, то въ сообщенныхъ имъ образцахъ французскихъ дебатовъ мы не рѣшаемся признать продукты самостоятельнаго творчества, не имѣя вѣскихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія. Притомъ авторъ, характеризуя дальнѣйшее развитіе дебатовъ въ сѣверо-французской литературѣ, вполне правильно указываетъ на ихъ обусловленность отъ формы пастурели; также, какъ и въ послѣдней, діалогу предшествуетъ лирико-эпическое вступленіе: поэтъ подслушиваетъ разговоръ, спрятавшись гдѣ-нибудь въ кустахъ, при чемъ въ числѣ бесѣдующихъ нередко выводится пастушки. Въ этой, болѣе поздней по времени и болѣе многочисленной группѣ произведеній встрѣчаются общія ситуаціи съ народною поэзіей: бесѣда матери съ дочерью, бесѣда двухъ подругъ, несчастливая въ замужествѣ и т. п. Мы согласны признать во всемъ этомъ традиціонные элементы, заимствованные изъ народной поэзіи, съ которою замѣчается, такимъ образомъ, намѣренное сближеніе въ эпоху разцвѣта художественной литературы, но не усматриваемъ непосредственнаго зарожденія послѣдней изъ ея основъ. „Наши лири-

чно: въ одномъ стихотвореніи мы имѣемъ споръ между рыцаремъ и дамой, упрекающею своего собесѣдника въ легкомелкіи и непочтенія къ себѣ; рыцарь отрицается и отрицаетъ серьезность своего увлеченія ею; въ другомъ—иъито Jehannin выражаетъ желаніе графу de Gueldre ухаживать за его родственницей, но графъ считаетъ его недостойнымъ такой чести; въ слѣдующемъ, очень испорченномъ отрывкѣ разговоръ происходитъ между двумя Jean, изъ которыхъ одинъ вѣщается de la Tougnelle; рѣчь идетъ объ утраченномъ ковъ, подъ которымъ, по видимому, слѣдуетъ разумѣть даму сердца, какъ въ известной пьесѣ Вильгельма IX, графа Прованскаго. Наконецъ, имѣется еще пьеса въ диалогической формѣ, въ которой одинъ изъ собесѣдниковъ жалуется на жестокосердіе своей дамы, другой советуетъ ему искать утѣшенія у иной. Г. Жангоу упоминаетъ аналогичный споръ между Colin Muset и Jacques d'Amiens. Указаніе на вышеизложенныя пьесы любопытно, но мы пожелаемъ бы болѣе точнаго опредѣленія того, въ чемъ заключается ихъ „архаичность“, а связь съ куртуазнымъ просоверціемъ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

ческие дебаты¹, заканчиваетъ г. Жангоу, — „пришли къ намъ изъ Прованса, но они включили элементы, которые тутъ игнорировалъ или которыми пренебрегъ“. Это вѣрно, но дальнѣйшій выводъ, что „стало быть, была эпоха, когда сѣверъ Франціи, заимствуя съ юга содержаніе своей поэзіи, пользовался имъ свободно“ (en faisait du moins un libre et original usage)² (60), представляется намъ не убѣдительнымъ. Естественнѣе было бы ожидать обратнаго порядка, и мы думаемъ, что такъ оно и было. Кстати припомнимъ вѣрное замѣчаніе П. Мейера, что „въ болѣе раннемъ періодѣ развитія французской литературы, то-есть, около половины XII вѣка, наименѣе освѣщенномъ письменными памятниками, мы могли бы надѣяться найти наиболѣе многочисленныя слѣды провансальскаго вліянія“³). Отъ этого вліянія сѣверо-французская литература постепенно освобождалась, выступая на самостоятельный путь творчества. Лишь тогда въ художественную литературу стали проникать отзвуки народной словесности, переработанные въ свободной формѣ и подчиненные до известной степени условіямъ и требованіямъ искусственнаго творчества.

При разсмотрѣніи происхожденія альбы, то-есть, предразсвѣтной пѣсни-діалога между двумя влюбленными, которые принуждены разстаться вслѣдствіе наступленія дня и поочереди то удерживаютъ, то торопятъ другъ друга, опасаясь послѣдствій своей тайной связи, — авторъ принимаетъ, по видимому, старинное объясненіе Барча и признаетъ въ альбѣ двойственную основу. Съ одной стороны, она возникла изъ прощальнаго монолога женщины, провожающей своего возлюбленнаго, монолога, къ которому вскорѣ стали присоединять отвѣтъ мужчины, и такимъ образомъ пѣсня де получила діалогическую форму. Другимъ составнымъ элементомъ альбы является пѣсня сторожа, возвѣщавшаго о наступленіи дня. Г. Жангоу вполне правъ, считая эти сторожевыя пѣсни совершенно самостоятельнымъ и весьма древнимъ видомъ поэзіи, тѣсно связаннымъ съ бытовыми условіями жизни. Оповѣщая о наступленіи дня, сторожъ естественно долженъ былъ призывать людей къ бодрствованію, которое могло быть истолковано въ двоякомъ смыслѣ: либо какъ призывъ къ воинской бдительности⁴), либо въ

¹) C'est vraisemblablement dans cette phase presque ignorée, vers le milieu ou la seconde moitié du XII-e siècle, que nous aurions chance de rencontrer les traces les plus nombreuses de l'influence provençale. Cf. *Romania*, № 73, p. 42.

²) Г. Жангоу вспоминаетъ при этомъ известную латинскую „песню солдатъ города Модены“: O tu qui servas armis ista moenia Noli dormire, moneo, sed vigila и т. д. *Edict. du Mérid.* Poesies pop. lat. anter. au XII ec., p. 268.

духовномъ смыслѣ, и въ такомъ случаѣ пѣсня сторожа получала характеръ утренней молитвы. Нѣкоторые гимны весьма подходили къ случаю, и г. Жеангоу склоненъ истолковать въ такомъ символическомъ смыслѣ латинскую альбу, съ припѣвомъ по романски, наданную Шиндтомъ въ журналѣ Цахера ¹⁾. По теоріи Штенгеля, съ которымъ нашъ авторъ расходится, эти сторожевыя пѣсни послужили исходнымъ пунктомъ альбы, при чемъ будто бы сѣтованія влюбленныхъ играли сперва второстепенную роль и лишь со временемъ завали первенствующее мѣсто, а роль сторожа стала ступениваться. Мнѣніе Штенгеля не вполне сходится съ наличными фактами, ибо въ древнѣйшихъ извѣстныхъ альбахъ стражъ есть лишь вводное лицо; только позднѣе онъ становится третьимъ соучастникомъ разговора, а въ нѣмецкихъ „Tagelieder“ замѣняется иногда другомъ или товарищемъ влюбленнаго, который вѣлся сторожить тайное свиданіе. Г. Жеангоу отмѣчаетъ рядъ любовныхъ альбъ, гдѣ (какъ и въ извѣстной сценѣ между Ромео и Джульеттой) о стражѣ совсѣмъ не упоминается: наступленіе дня угадывается по пѣнью птицъ; такъ и въ нѣкоторыхъ припѣвахъ французскихъ пѣсень. Нашъ изслѣдователь считаетъ эту форму наиболѣе архаичною (68—69), отмѣчая въ одной пѣснѣ Дитмара фонъ-Айствъ сліяніе обѣихъ чертъ: влюбленныхъ будить и пѣніе птицъ, и крики сторожа. „Вѣроятно“, говоритъ г. Жеангоу, — „это стихотвореніе было сложено въ ту пору, когда одна черта стала сближаться другой“. Намъ кажется, что излишне придавать такое значеніе пѣснѣ Дитмара: она опредѣляетъ собою не моментъ замѣны двухъ чертъ, а именно сліянія: поэту, вѣроятно, были извѣстны двоякаго рода романскія альбы, которыя онъ слилъ въ одну картину; наконецъ, упоминаніе о птицахъ могло явиться весьма естественнымъ поэтическимъ домысломъ, быть можетъ, заимствованнымъ изъ народной поэзіи, если уже непременно нужно искать въ ней прототипъ всякаго поэтического образа.

Г. Жеангоу по отношенію къ альбамъ затрудняется отдать первенство Провансу передъ сѣверною Франціей: „Французскій и провансальскій роды“, говоритъ онъ, — „могли возникнуть независимо одинъ отъ другаго, изъ сліянія аналогичныхъ элементовъ, которые нигдѣсь въ той и другой странѣ; лишь случайно они оказали вліяніе другъ на друга“ (76). Однако, для той формы альбы, гдѣ вѣстникомъ дня является стражъ, авторъ считаетъ нужнымъ предположить условія жизни аристократической среды, сложившіяся впервые именно въ

¹⁾ Zts. für deutsch. Alterth., Bd. XII.

Провансѣ: „Личность стража насъ заставляетъ искать происхожденіе альбы въ аристократическомъ обществѣ, увлекающемся одновременно и поэзіей, и любовными приключеніями; это общество сложилось первоначально на югѣ, около XI вѣка, быть можетъ, даже нѣсколько раньше. Въ эту пору, напротивъ, сѣверное дворянство, съ болѣе грубыми нравами, не имѣло склонности ни къ поэтическимъ развлеченіямъ, ни къ тѣмъ приключеніямъ, которыя могли бы доставить содержаніе этой поэзіи“ (76). Итакъ, сѣверной Франціи, по догадкѣ автора, принадлежитъ не та типичная форма альбы, которою характеризуется опредѣленный видъ любовной лирики, а лишь прототипъ (авторъ не точно, какъ намъ кажется, говорить: „источникъ“) ея въ народной поэзіи, то-есть, прощальная пѣсня женщины (или дѣвушки?) при разлукѣ съ возлюбленнымъ, когда наступаетъ утро. Въ другой главѣ, возвращаясь къ вопросу о зарожденіи альбы, авторъ иллюстрируетъ свою догадку нѣкоторыми итальянскими и португальскими пѣснями, какъ *Giacomino Pugliese* и *Nuno Fernandez Tormeol*, гдѣ имѣется только монологъ женщины. „Тема альбы“, замѣчаетъ вслѣдъ за симъ г. Жапгоу, — „является такимъ образомъ лишь разновидностью другаго болѣе распространеннаго сюжета, пѣсни о разлукѣ, или прощанія, произносимаго женщиною“. Хотя бы оно и было такъ, средство сюжета еще ничего не доказываетъ о дѣйствительной зависимости альбы отъ народныхъ пѣсенъ на мотивъ прощанія. Авторъ приводитъ въ приложеніи, подъ заглавіемъ альба, переводъ одной малорусской пѣсенки, сообщенной ему нами изъ сборника Чубинскаго (№ 117); аналогія ситуаціи есть: дѣвушка разстается на зарѣ со своимъ козаченкомъ, съ которымъ провела ночь на „улицѣ“ или на „досвѣткѣ“. Весьма вѣроятно, что найдется нѣсколько версій подобной темы, которая представляетъ крайне несложную ситуацію въ тѣсной связи со строемъ и обычаями деревенской жизни. Но между подобными пѣснями и альбой куртуазной лирики можно устанавливать связь только генетическую, а не историческую. Предполагая, что во французской народной поэзіи были пѣсни о разставаніи парня съ дѣвушкой, пѣсни, въ которыхъ монологъ дѣвушки занималъ центральное мѣсто, мы не думаемъ, чтобы можно было видѣть въ нихъ дѣйствительную основу альбы: эротическій характеръ, чуждый народной пѣснѣ и неизмѣнно присущій альбамъ, указываетъ, по видимому, на ихъ особое происхожденіе. Г. Жапгоу самъ напоминаетъ намъ, что сюжетъ альбы не составляетъ исключительной принадлежности романскихъ литературъ, и весьма кстати приводитъ свидѣтель-

ство Атенея объ особомъ видѣ любовныхъ пѣсень, именованныхъ „лохриками“ (ai loxrixi). Въ приведенномъ у Атенея отрывкѣ подобной лохрики женщина будитъ своего возлюбленнаго, съ которымъ провела ночь и, указывая ему на наступленіе утра, побуждаетъ скорѣе удалиться, чтобы не быть застигнутымъ старымъ ревнивцемъ (ср. переводъ André Chenier—La belle Loctienne). „Могли ли подобныя пьесы (отличавшіяся не только эротическимъ, но даже порой циничнымъ характеромъ) уплывъ въ народномъ преданіи въ Италиі вплоть до эпохи среднихъ вѣковъ и повліять на новыя литературы?“—спрашиваетъ г. Жеангоу и тутъ же спѣшитъ заявить, что такое предположеніе кажется ему слишкомъ смѣльнымъ; но намъ представляется тоже смѣлою и попытка автора вывести непосредственно видъ „альби“ изъ народныхъ пѣсень на мотивъ разставанія.

При разсмотрѣніи двухъ слѣдующихъ видовъ лирики „драматической пѣсни“ (по Грѣберу—, son d'amour“) и припѣвовъ, авторъ высказывается съ большою сдержанностью, которую мы вполне одобряемъ. Обычною темою того вида романсовъ, который авторъ именуетъ „драматическою пѣснью“, являются сѣтованія женщины о худомъ житіи со старымъ, либо неуживчивымъ, грубымъ мужемъ и обѣщаніе отдаться милому сердцу. Иногда діалогъ съ послѣднимъ незамѣтно приплетается къ монологу героини, какъ естественный приростъ, не составляющій однако основной темы пѣсни, которую г. Жеангоу считаетъ первоначально чисто монологическою. Однако, по мнѣнію автора, пѣсни эти не были на самомъ дѣлѣ сочинены женщинами: „Еслибы“, говоритъ онъ, — „авторами ихъ являлись на самомъ дѣлѣ женщины, то въ нихъ несомнѣнно было бы больше нѣжности, больше умильности, особенно больше сдержанности, и хоть бы тѣнь женской стыдливости: ничего подобнаго нѣтъ“ (96). Г. Жеангоу не считаетъ „романсы“ даже народными по происхожденію, хотя у него въ рукахъ на сей разъ довольно вѣскаго аргументъ; именно, авторъ провансальскаго романа „Flamencs“, упоминающій о народныхъ майскихъ празднествахъ и весеннихъ колядахъ „kalendas mayas“, приводитъ содержаніе одной изъ пѣсень, которая при этомъ распѣвается; по содержанію своему она вполне соответствуетъ „chansons dramatiques“ въ сборникѣ Барча. Съ такимъ же простонароднымъ характеромъ является и провансальская баллада: „A l'entrada del tems clair“, гдѣ воспѣвается царица (Мая?), ищущая союза съ милымъ вопреки старому ревнивцу. „Можетъ статься“, говоритъ г. Жеангоу, что— „здѣсь отразилось вліяніе искусственной

литературы на народную, что пѣсня о худо-выданной замуж (*la mal mariée*), ставшая популярной въ южныхъ провинціяхъ, не всегда была таковой, ни тамъ, ни въ иномъ мѣстѣ" (89). И далѣе: „Оба эти текста лишь доказываютъ намъ, что куртуазная поэзія проникла въ народъ" (90). Отрицая народное происхожденіе даннаго типа романсовъ, авторъ основывается главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что, говоря его словами, „темы дѣйствительно народныя по происхожденію существуютъ по нимъ въ народной поэзіи; а данная тема не встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ ее намъ вышеупомянутые тексты". „Хотя", продолжаетъ онъ,—„и въ современной народной поэзіи есть пѣсни о неудачныхъ бракахъ, но онѣ не столь циничны, не столь пристрастно-безнравственны (*immorales et cyniques de partis pris*): мужъ въ нихъ не осмѣивается лишь потому, что онъ мужъ, какъ въ старинныхъ романахъ, которые въ этомъ обусловлены обычными взглядами куртуазной литературы". „Ne nous batons donc pas, заключаетъ авторъ,—de proclamer l'origine populaire d'un thème manifestement assez éloigné de la réalité et qui est trop bien d'accord avec les théories courtoises pour n'avoir rien à faire avec elles" (91). Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ *chansons dramatiques* сливаются, по мнѣнію автора, съ *naturales*, отъ которыхъ переняли нѣкоторыя внѣшнія черты (91—100).

При разсмотрѣніи припѣвовъ г. Jeanroy тоже настаиваетъ на томъ, что было бы ошибочно усматривать въ нихъ непосредственный отголосокъ народныхъ пѣсень: первоначально они дѣйствительно обособились отъ народныхъ плясовыхъ пѣсень, но затѣмъ большинство изъ дошедшихъ до насъ припѣвовъ сочинено трубадурами и труверами. „Nous ne nous arrêtons pas, говоритъ г. Jeanroy,—à faire remarquer combien il serait invraisemblable que des poètes de cour du XIII-e siècle eussent été recueillir de vieux refrains populaires: чело-вѣку-де, умѣющему держать перо въ рукахъ, показалось бы чудовищнымъ дѣломъ занести на пергаментъ ¹⁾ то, что онъ находилъ на устахъ крестьянина. Если до насъ дошли народные виды поэзіи, то лишь въ рѣдкихъ образцахъ (*dans des spécimens fort rares*) и больше потому, что они прошли черезъ серію обработокъ, которая дѣлаетъ

¹⁾ Кстати напоминичъ, что большинство рыцарей-поэтовъ было безграмотно, а пиеецъ врядъ ли отдавалъ себя отчетъ въ источникахъ пѣсни, которую онъ записывалъ.

ихъ происхожденіе неузнаваемымъ (авторъ ссылается, какъ на при- мѣръ, на пастурель)... Мы не думаемъ, что будетъ большою смѣ- лостью съ нашей стороны утверждать, что по крайней мѣрѣ три четверти изъ дошедшихъ до насъ припѣвовъ вышли изъ подъ пера поэтовъ" (120). Такимъ образомъ, матеріалъ для изученія архаичной простонародной литературы значительно суживается, но конечно, нельзя ставить въ упрекъ автору его осторожность: бережно выдѣ- лая тѣ немногочисленные припѣвы, въ которыхъ все-таки можно видѣть отголоски древнихъ пѣсней, онъ устанавливаетъ скудный, но весьма цѣнный матеріалъ для изученія ихъ характера и содержанія.

Остальные, вышерассмотрѣнные виды лирики оказываются съ точки зрѣнія автора мало пригодными для его задачи. Общее заключеніе о нихъ г. Жапгоу формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Всѣ выше- упомянутые роды лирики имѣютъ общаго то, во-первыхъ, что они не составляютъ исключительной принадлежности сѣверной Фран- ціи; затѣмъ, что они не въ ней зародились; наконецъ, что они не являются народными въ собственномъ смыслѣ слова (*qu'il ne sont pas enfin proprement populaires*)" (100). Тѣмъ не менѣе эти роды лирики, по мнѣнію автора, примыкаютъ къ народной поэзіи своими дальними зачатками и глубочайшими корнями (*par leurs plus lointaines origines et leurs racines les plus profondes*)... „Нельзя ли найдти гдѣ-нибудь эту народную поэзію, которая должна была предшество- вать придворной, найдти ее не въ тѣхъ отголоскахъ, которыми она украсила послѣднюю, но саму по себѣ и въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ (*non point dans les reflets dont elle a coloré celle-ci, mais en elle même et dans ses manifestations directes*)" (101)? Авторъ пытается далѣе, во второй части своего труда, установить основные мотивы народной поэзіи. Проверка ихъ потребовала бы особаго раз- смотрѣнія, въ которое мы теперь не можемъ вдаться. Мы съ боль- шей подробностью остановились на вопросѣ о происхожденіи родовъ лирической поэзіи, потому что онъ представляетъ особую важность съ методологической стороны. Намъ кажется, что авторъ, хотя и ограничилъ свою задачу, изъявивъ намѣреніе прослѣдить лишь исто- рическое зарожденіе формъ лирики во Франціи и смежныхъ съ нею странахъ, нерѣдко сбивается, затрогивая болѣе общіе вопросы и смѣшивая вопросъ о происхожденіи съ вопросами генезиса, ко- торые не должны быть отождествлены. Генетическая связь явленій устанавливается на отвлеченной почвѣ: въ ней указывается различ- ное проявленіе извѣстной формы и содержанія на разныхъ стадіяхъ

культурнаго развитія общества, и только. При исторической задачѣ, на первомъ планѣ выступаетъ вопросъ о дѣйствительной послѣдовательности явленій, о непосредственной преемственности, о фактической зависимости послѣдующаго съ предшествовавшимъ. Не станемъ возбуждать вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ та отвлеченная схема развитія, которая устанавливается на основаніи заключеній по аналогіи изъ разнообразнаго и крайне разбросаннаго матеріала, вполне надежна: эта схема остается до сихъ поръ лишь искомымъ, къ которому мы стремимся приблизиться; но и историческая послѣдовательность развитія есть тоже искомое, такъ какъ приходится возстановлять затершіяся звенья въ рядѣ фактовъ, въ цѣпи событій, которыхъ мы знаемъ лишь конечные результаты. Это задача тоже почтенная, какъ бы пренебрежительно ни относились къ ней философы. Такъ, напримѣръ, въ первой книжкѣ вновь издаваемаго московскаго журнала Вопросы философіи и психологіи мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе г. В. Соловьева: „Безплодна та теорія, которая только подмѣчаетъ и обобщаетъ въ отвлеченныхъ формулахъ фактическую связь явленій: это простая эмпірія, лишь одною степенью возвышающаяся надъ мудростью народныхъ примѣтъ“. Слѣдуетъ думать, что и такая теорія не безплодна, по скольку она служитъ къ освѣщенію дѣйствительно бывшаго, по скольку она объясняетъ намъ послѣдовательность развитія такъ, какъ она имѣла мѣсто на самомъ дѣлѣ, не въ правильной градаціи, а быть можетъ, скачками, извилистомъ, нелогичною линіей, но исторически правдивою. Фактическая связь явленій отнюдь не должна быть опускаема изъ виду и, конечно, полезна всякая теорія, служащая къ ея установленію. Дальнѣйшаго примѣненія изъ нея можно и не дѣлать, и здѣсь въ сущности должна быть поставлена грань, отдѣляющая историческую задачу отъ болѣе общей философской, опредѣляющей норму органическаго развитія вообще. Мы различаемъ эти задачи, разграничивая вопросы о происхожденіи и вопросы генезиса. Между тѣмъ г. Жангоу, передаван однимъ и тѣмъ же словомъ „origine“ и происхожденіе, и генезисъ, запутывается въ противорѣчійхъ себѣ, ибо, признавъ зарожденіе извѣстнаго рода лирики въ искусственной литературѣ, въ придворной средѣ, онъ дальше устанавливаетъ его происхожденіе изъ народной словесности. Когда, далѣе, г. Жангоу, оспаривая теорію Грѣбера о происхожденіи пастурели изъ болѣе архаичнаго типа романсовъ, опирается на томъ соображеніи, что „еслибы пастурель была послѣднимъ звеномъ эволюціи, въ которой романсъ былъ бы

первымъ звеномъ, то вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ пастурель, мы должны предположить, что ей предшествовали тѣ роды поэзій, изъ которыхъ она выработалась—*or la Provence a connu la pastourelle et nous n'y voyons aucune trace assurée de romances ni de sons*⁶ (10),—то это, очевидно, не аргументъ. Присутствіе известнаго вида поэзій въ той или другой литературѣ не всегда предполагаетъ за собою уцѣлѣвшіе прообразы, изъ которыхъ бы онъ выработался. Могутъ быть передачи и заимствованія; могутъ выработаться аналогичные типы изъ различнаго матеріала различнымъ путемъ: едва ли можетъ быть признана однообразная схема развитія, применимая одинаково ко всѣмъ случаямъ, ибо, если аналогичныя причины приводятъ къ аналогичнымъ послѣдствіямъ, то съ другой стороны, не всегда аналогичныя явленія вызваны одинаковыми причинами. Мы видѣли, что авторъ въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что всѣ разсмотрѣнные имъ виды поэзій зародились въ Провансѣ, откуда перешли въ сѣверную Францію, и именно въ послѣдней онъ находитъ имъ больше всего прототиповъ, изъ которыхъ, однако, во Франціи не развилась самостоятельно-художественная лирика. Тоже и въ другихъ странахъ, Германіи, Италіи, Португаліи, въ которыхъ авторъ признаетъ исконное (?) существованіе народной поэзій: но здѣсь она лишь слилась съ искусственною литературой, обусловила ея блестящій разцвѣтъ, но не породила, не является первымъ звеномъ въ исторіи образованія художественной лирики. Авторъ все-таки объясняетъ происхожденіе лирической поэзій въ упомянутыхъ странахъ подражаніемъ, заимствованіемъ образцовъ изъ французской литературы (сѣверной и южной). Стало бытъ, во всякомъ случаѣ нужны были особыя культурныя условія, чтобы совершилась непосредственная эволюція отъ анонимнаго, собирательнаго творчества къ личному, сознательному. Нужно было указать, почему именно въ Провансѣ простѣйшіе виды поэзій подверглись дальнѣйшей обработкѣ: иначе все построеніе автора является не доказательнымъ. Позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ терминѣ—эволюція; вопросъ въ томъ: какъ и что въ данномъ случаѣ подъ нимъ разумѣть?

Съ тѣхъ поръ, какъ пробудился интересъ къ изученію средне-вѣковой культуры, преобладающимъ возрѣніемъ на процессы ея возникновенія является теорія непосредственнаго, органическаго развитія. Въ связи съ нею указывалось и особое значеніе, которое данная эпоха представляетъ для изслѣдователя. Напомнимъ хотя бы слова

Гастона Париса въ одной изъ его вступительныхъ лекцій: „То, что особенно привлекаетъ современную науку, это оригинальныя эпохи, въ которыя національности развились непосредственно, безъ той смуты, которую зачастую вносятъ произвольное вниманіе личностей (*des volontés personnelles*) или давленіе внѣшнихъ причинъ. Подобнымъ образомъ и геологъ съ успѣшностью пользуется случаемъ изучить дѣвственную почву, чуждую иностраннаго вліянія, гдѣ спокойно проявились законы, управляющіе эволюціей явленій. Эти періоды рѣдки въ исторіи или по крайней мѣрѣ они рѣдко освѣщены памятниками, которые давали бы намъ возможность хорошо ихъ узнать: средніе вѣка наиболѣе къ нимъ близки и легко поддаются наблюденію“¹⁾. За послѣднее время отъ этихъ возрѣній значительно отошли, и слоевой составъ средневѣковой культуры оказывается гораздо сложнѣе и многообразнѣе, чѣмъ предполагалось. Соответственно должны были измѣниться и возрѣнія на схему культурнаго развитія, которая не представляется уже столь органически цѣльною и непосредственною. Мы только мимоходомъ указываемъ на это, такъ какъ вопросъ могъ бы насъ завлечь слишкомъ далеко. Но во всякомъ случаѣ весьма важно отмѣтить это колебаніе въ принципиальной постановкѣ вопроса: все болѣе и болѣе раскрываемое вліяніе византійской культуры на западно-европейскую, устойчивость классическихъ традицій, общеніе съ востокомъ и т. д. Послѣ того, какъ всѣ эти вопросы были возбуждены, неудобно настаивать на непосредственности эволюціи отъ народнаго творчества къ искусственному; наконецъ, это надлежало бы такъ или иначе объяснить. Разбирая попытку Рихарда М. Мейера, аналогичную по замыслу труду г. Жапгоу, А. Н. Веселовскій остановился именно на этомъ вопросѣ: „Древность народной лирики“, замѣчаетъ онъ,—„и, въ извѣстной мѣрѣ происхожденіе художественной изъ ея основъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Вопросъ лишь въ томъ: какимъ образомъ совершилась эволюція одной изъ другой?“²⁾ Далѣе А. Н. Веселовскій предлагаетъ ни факторный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ: народная поэзія, замѣчаетъ онъ,—не имѣетъ цѣны въ глазахъ поэтовъ куртуазіи (что признаетъ и г. Жапгоу, стр. 120), и къ тому же она начинаетъ записываться позже. „Анонимная, не признанная народная пѣсня не могла сама по себѣ вызвать сознаніе объ особой цѣнности личнаго

¹⁾ G. Paris, *La poésie du moyen-âge*. 1887, p. 7.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, ч. ССXLIV, отд. 2, стр. 186.

поэтического акта; это сознание должно было явиться со стороны. Въ классической школѣ средневѣковому человѣку впервые явилось откровеніе поэзій; лишь теперь это понятіе объектировалось для него, бессознательно жившаго въ богатѣйшей поэтической средѣ, и онъ самъ становится поэтомъ-художникомъ. По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, если изъ славянской народной пѣсни не выработалась въ свое время художественная лирика, то потому, что не доставало школы, гдѣ продолжали бы читать и почитать Виргилія, Горациа, Овидія; не было университетовъ, откуда выходили бродячіе ивѣнци-клерики, интересные не только по международной, но и по своей посредствующей роли между классическимъ и народно-поэтическимъ преданіемъ (ibid., 187). Г. Жапгоу, какъ указано, обошелъ этотъ вопросъ, и напрасно, такъ какъ именно для выясненія происхожденія видовъ поэзій весьма важно было принять во вниманіе различные элементы, изъ которыхъ они складывались, источники, изъ которыхъ развивались. Напрасно г. Жапгоу отстранилъ вопросъ и о влияніи церковно-латинской поэзій на свѣтскую, и мы думаемъ, что еслибы онъ отнесся къ нему съ большимъ вниманіемъ, онъ иначе отозвался бы о трудѣ Фердинанда Вольфа, который первый указалъ на связь рыцарской поэзій съ духовною на латинскомъ языкѣ. Хотя изслѣдованіе Вольфа (Ueber die Lais, Sequenzen und Leiche. 1841) нынѣ и оказывалось бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣвшимъ, хотя бы автору его не вполне удалось представить удовлетворительное рѣшеніе вопроса, такъ какъ онъ впервые разбирался въ сыромъ матеріалѣ и только намѣчалъ пути изслѣдованія,—врядъ ли правленъ отзывъ г. Жапгоу, что книга Вольфа представляетъ, *le livre le plus touffu et le plus confus peut-être qui ait jamais été écrit* (367). Во всякомъ случаѣ г. Жапгоу не усмотрѣлъ основной идеи книги и обошелъ вопросъ о связи художественной лирики трубадуровъ и труверовъ съ латинскою поэзіей предшествовавшей поры.

Итакъ, по нашему мнѣнію, историческій вопросъ о происхожденіи видовъ поэзій въ средневѣковой литературѣ не можетъ быть удовлетворительно рѣшеннымъ при одностороннемъ сличеніи художественной лирики съ народной, и то народной въ условномъ смыслѣ слова. Нѣтъ сомнѣнія, что для опредѣленія генезиса поэтическихъ сюжетовъ и отчасти генезиса родовъ поэзій весьма важное значеніе имѣютъ тѣ простѣйшія формы ея, съ которыми мы встрѣчаемся въ простонародной средѣ. Но г. Жапгоу, обойдя вопросъ объ эволюціи сознательнаго и личнаго творчества, обошелъ и рассмотрѣніе во-

проса: какимъ образомъ сложилась сама народная поэзія? Какіе виды ея могли непосредственно развиваться изъ бытовыхъ и обрядовыхъ условій жизни, словомъ, что признать типомъ народной пѣсни? Отсюда сбивчивость въ его опредѣленіяхъ: мы выше приводили его аргументы противъ мнѣнія о народномъ происхожденіи романсовъ и въ частности „chansons dramatiques“, которыя составляютъ лишь разновидность ихъ. Авторъ настаивалъ на томъ, что они лишь приобрѣли популярность, спустившись изъ куртуазной среды въ простонародную. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи оказывается, что романы причислены къ тѣмъ родамъ поэзіи, qui ont échappé, plus que les autres, à l'influence courtoise; своеобразное пониманіе любви—, s'étale dans les romances, les seules pièces complètes qui nous aient conservé intactes les habitudes de notre lyrique primitive“ (326). Мы снова лицомъ къ лицу съ теоріей Грѣбера, которая, такимъ образомъ, оказывается совсѣмъ не опровергнутою! Неудаченъ, по нашему мнѣнію, и аргументъ автора, что „les thèmes d'origine vraiment populaire existent encore aujourd'hui dans la poésie du peuple“. Основываясь на этомъ соображеніи, авторъ пользуется порой и данными современной народной словесности, правда, съ нѣкоторою осторожностью. Напримеръ, въ главѣ о португальской лирикѣ, устанавливая искусственный характеръ древнихъ сборниковъ пѣсень, въ которыхъ авторъ усматриваетъ plutôt l'écho d'une poésie populaire que cette poésie populaire elle même (321), онъ говоритъ, что наиболѣе вѣскіе аргументы въ пользу его мнѣнія могли бы быть выведены изъ современнаго положенія народной поэзіи въ Португаліи, поэзіи, qui ne doit pas être sensiblement différente de ce qu'elle était au moyen-âge (322). Но тутъ же авторъ оговаривается и въ нашихъ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ, вообще, о народной поэзіи ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало выставлять положеній, которыя могутъ быть сильно оспариваемы, а таковымъ представляется намъ прежде всего мнѣніе автора о „неизмѣнности“ народной поэзіи. Мы сказали, что г. Jeanroy помѣстилъ въ приложеніи къ своему труду пересказъ статьи А. Н. Веселовскаго по поводу сборника Чубинскаго: однако, онъ не воспользовался ею въ надлежащей мѣрѣ, ибо А. Н. Веселовскій, устанавливая именно на процессахъ зарожденія народной пѣсни, ея обособленія отъ

¹⁾ La lyrique populaire des différents pays de l'Europe a été trop peu étudiée, ses éléments sont trop imparfaitement analysés, nous la connaissons nous même trop, médiocrement, c'est un terrain trop vaste et trop mouvant enfin pour que nous osions souvent y chercher un point d'appui (322).

обрядовой и на ея дальнѣйшемъ развитіи, отмѣчаетъ измѣнчивый характеръ пѣсни, въ которой устойчивыми являются лишь нѣкоторыя общія мѣста, формулы; они подвергаются различнымъ модификаціямъ по законамъ ассоціаціи по смежности и по сходству, иногда чисто случайному, виѣшнему; подвергаются случайнымъ приуроченіямъ къ другимъ ситуациямъ и т. д. „Я не сомнѣваюсь“, говоритъ А. Н. Веселовскій,— „что лѣтъ десять спустя по выходѣ въ свѣтъ сборника Чубинскаго возможно будетъ составить новый сборникъ съ новыми вариантами старыхъ пѣсень и даже съ пѣснями новыми“. Намъ кажется, что отмѣчаемая А. Н. Веселовскимъ явленія разложенія народной пѣсни зависятъ не только отъ виѣшнихъ историческихъ причинъ, повліявшихъ на измѣненіе народнаго быта; но также несомнѣнно и отъ того внутренняго процесса броженія, который составляетъ отличительную черту живой народной пѣсни.

Въ общемъ попытка г. Желгоу разработать взаимоотношеніе народной и искусственной литературы для данной эпохи дала все-таки одинъ несомнѣнный результатъ: онъ не только доказалъ присутствіе двухъ литературныхъ теченій въ древнихъ памятникахъ, что являлось фактомъ болѣе или менѣе общепризнаннымъ, но что все-таки полезно было обосновать научнымъ путемъ: автору удалось въ значительной мѣрѣ уяснить существенныя черты отличія той и другой литературы, то-есть, рыцарской и полународной. Онъ поставилъ вопросъ о двухъ міросозерцаніяхъ, въ зависимости отъ которыхъ одинъ и тотъ же сюжетъ подвергался разной разработкѣ въ разныхъ слояхъ общества. Симпатіи автора склоняются болѣе на сторону народнаго міросозерцанія, болѣе здраваго, цѣльнаго, близкаго естественной простотѣ и виѣстѣ съ тѣмъ съ надежными нравственными устоями: „Вездѣ, гдѣ мы видимъ произвольно перевернутыми“, замѣчаетъ авторъ не безъ нѣкоторой идеализаціи, впрочемъ весьма симпатичной,— „самыя элементарныя понятія о нравственности, мы можемъ быть увѣренными, что мы не въ дѣйствительно народной сферѣ, а передъ какою-нибудь причудой, къ которой нельзя отнести серьезно: *ce n'est qu'un jeu de l'esprit qui nous transporte dans un monde enchanté d'où on a banni l'idée du devoir pour n'en point assombrir l'éternelle gaité*“ (155). Въ связи съ этимъ отмѣчается де въ народной поэзіи уваженіе къ браку, къ семейному началу, преобладающая роль дѣвушки, а не замужней женщины въ любовныхъ пѣсняхъ и т. д. Къ устанавливаемымъ авторомъ основнымъ мотивамъ народной поэзіи мы надѣемся вернуться въ другой разъ; пока, отмѣтимъ еще,

какъ несомнѣнное достоинство книги, что авторъ представилъ рядъ весьма талантливыхъ очерковъ дальнѣйшаго литературнаго развитія каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ родовъ лирики. Особенно удачно обрисовано литературное развитіе пастурели и *chanson dramatique* (см. выше). Г. Жапгоу весьма тщательно опредѣляетъ сущность каждаго вида поэзіи, раньше чѣмъ пускаться въ изученіе его происхожденія. Этотъ приемъ, заслуживающій полнаго одобренія съ точки зрѣнія изложенія предмета, быть можетъ, нѣсколько невыгодно отозвался на методѣ изслѣдованія о происхожденіи: если вѣрно мнѣніе, что на вопросъ о томъ: что есть извѣстный предметъ? — нельзя отвѣтить указаніемъ на то, изъ чего или откуда онъ произошелъ, то и обратно, не слѣдуетъ изъ опредѣленія сущности даннаго явленія дѣлать непосредственные выводы о его происхожденіи. Намъ кажется, что авторъ иногда впадалъ въ эту ошибку.

Не смотря на нѣкоторые вышеуказанные недосмотры и даже внутреннія противорѣчія въ работѣ г. Жапгоу, не смотря на неудачное смѣшеніе исторической задачи съ болѣе общою, отвлеченною — о генезисѣ родовъ поэзіи, смѣшеніе, отозвавшееся, по нашему мнѣнію, не вполне выгодно на выполненіи ближайшей задачи автора, мы вполне признаемъ его немаловажную заслугу для разъясненія одного изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ изученія средневѣковой литературы. Книга написана все-таки съ большимъ знаніемъ дѣла, по приемамъ филологической критики, а мѣстами съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, который значительно подкупаетъ въ пользу автора. Расходясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ, мы отдаемъ полную справедливость остроумію его замѣчаній, мѣткости сужденій и тревости заключеній, которыя надлежало бы лишь больше согласовать между собою.

Ф. Батюшковъ.

Задачи русской народной школы. *Н. Горбова*. Москва. 1887.

Брошюра г. Горбова принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ педагогическихъ сочиненій послѣдняго времени. Основательное знакомство автора съ условіями русской народной школы, большая начитанность его, какъ по русской, такъ и по иностранной педагогической литературѣ, наконецъ, искреннее стремленіе обсудить вопросъ о русской народной школѣ какъ можно безпристрастнѣе и безъ заднихъ мыслей придаютъ этой книгѣ особый интересъ и выдѣляютъ

ее изъ массы компилятивныхъ и несамостоятельныхъ педагогическихъ сочиненій, которыхъ у насъ является довольно много. Противъ отдѣльныхъ мыслей и мнѣній г. Горбова можно много спорить, но всякій безпристрастный читатель долженъ признать въ немъ истиннаго педагога, то-есть, человѣка, который специально изучилъ все, что касается русской народной школы, и горячо любитъ предметъ этихъ специальныхъ занятій. Окончательные выводы брошюры г. Горбова слѣдуетъ признать безусловно благонамѣренными: онъ говоритъ, что „русская народная школа“ должна ввести своихъ учениковъ въ церковную жизнь, слѣдовательно, въ ней законъ Божій и церковно-славянскій языкъ должны считаться главными и существенными предметами; при обученіи русскому языку и ариметикѣ слѣдуетъ обращать главное вниманіе на сообщеніе практическихъ навыковъ, то-есть, умѣнья читать, правильно писать и считать“. Сообщеніе реальныхъ знаній авторъ считаетъ въ народной школѣ не нужнымъ, дѣлая только исключеніе для нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ отечественной исторіи. Хотя съ послѣднимъ положеніемъ автора, именно о бесполезности реальныхъ знаній для учениковъ народныхъ училищъ, я лично согласиться не могу, но не позволю себѣ возражать ему, потому что могъ бы привести только теоретическія сообщенія въ пользу своего мнѣнія, между тѣмъ какъ г. Горбовъ, очевидно, знаетъ русскую народную школу на основаніи собственного опыта. Содержаніе брошюры состоитъ въ изложеніи доказательствъ правильности вышеназженныхъ мнѣній автора и въ подробной критической оцѣнкѣ взглядовъ русскихъ и нѣмецкихъ педагоговъ, которые высказывали другіе взгляды. Изъ этого видно, что по направленію своему и основнымъ положеніямъ книжка г. Горбова заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ народныхъ учителей.

Всѣ нижеслѣдующія замѣчанія на брошюру г. Горбова относятся лишь къ отдѣльнымъ мнѣніямъ и положеніямъ автора, а также и къ способу доказательствъ тѣхъ истинъ, къ которымъ онъ окончательно приходитъ.

На первой страницѣ брошюры сказано, что „и въ Европѣ, и у насъ народная школа есть предметъ партійной борьбы“, и что „въ Россіи эта борьба приняла въ настоящее время видъ спора между защитниками земской и защитниками церковно-приходской школы... а если принимать эти термины, какъ характеристики извѣстныхъ педагогическихъ направленій — научнаго, нѣмецкаго, съ одной стороны, и церковнаго, православнаго — съ другой“. Значительная

часть сочиненія г. Горбова состоитъ въ изложеніи доказательствъ того, что научная, нѣмецкая педагогика не можетъ быть примѣнена къ русской православной школѣ. На стр. 55 развивается мысль, что нѣмецкая педагогика „не есть общечеловѣческая, а именно нѣмецкая, въ томъ смыслѣ, что протестантизмъ есть особенное и истинное выраженіе германскаго національнаго духа“, а на стр. 58, что „принять цѣликомъ нѣмецкую педагогику можно не иначе, какъ измѣнивъ православію и сдѣлавшись протестантомъ“. „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня, можетъ повторить въ примѣненіи къ себѣ православная церковь“, говоритъ авторъ. Мнѣ кажется, что въ вышеизложенныхъ выпискахъ слишкомъ рѣзкія выраженія и не вполне логическія противопоставленія затемняютъ ту долю правды, которая въ словахъ автора заключается. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, серьезнымъ образомъ противопоставлять понятіе „научное направленіе“ понятію „церковное направленіе“ и сопоставлять понятія: „земская школа“ съ „нѣмецкою педагогикою“? Все это слишкомъ рѣзко, чтобы быть безусловно вѣрнымъ, а если только допустить оговорки и исключенія, то мнѣнія г. Горбова значительно теряютъ въ своей силѣ и значеніи. Точно также можно ли утверждать, что, въ противоположность русской школѣ, нѣмецкая не церковная? Последнее и исторически, и фактически не вѣрно. Что большинство нѣмецкихъ педагоговъ протестанты, и что ихъ общепедагогическіе взгляды отзываются протестантизмомъ,—совершенно вѣрно, но мнѣ кажется, что вліяніе это г. Горбовымъ преувеличено. Еслибъ онъ пришелъ къ выводу, что православные должны заимствовать педагогическіе взгляды нѣмцевъ съ осторожностью въ виду протестантизма, съ этимъ можно было бы согласиться; но полное отрицаніе нѣмецкой педагогики на томъ основаніи, что нѣмцы протестанты, не основательно, какъ мы стараемся доказать дальше. Наконецъ, послѣднее изъ вышеприведенныхъ положеній автора, что принявъ цѣликомъ нѣмецкую педагогику, дѣлаешься протестантомъ, по меньшей мѣрѣ излишне: слово „цѣликомъ“ уничтожаетъ весь смыслъ этого положенія. Кто изъ русскихъ принималъ или принимаетъ цѣликомъ нѣмецкую педагогику? Есть ли, наконецъ, не только русскій, но даже нѣмецъ, который зналъ бы цѣликомъ эту, столь опасную для русской школы, нѣмецкую педагогику? Не слѣдовало ли автору, высказывающему столь рѣшительное осужденіе цѣлой педагогической литературѣ народа, по крайней мѣрѣ указать болѣе точно, какіе авторы или какія научныя положенія ихъ противорѣчатъ православію, дабы наши педагоги могли ихъ часть ослухнѣти, отд. 2.

бѣгать? Правда, въ книгѣ г. Горбова кое-что говорится объ этомъ, но небольшія выписки изъ нѣмецкихъ авторовъ и толкованія ихъ не всѣмъ покажутся достаточно убѣдительными. Евангелійскій текстъ, приведенный въ концѣ положенія о томъ, что нѣмецкая педагогика не совмѣстна съ православіемъ („Кто не со Мною, тотъ противъ Меня“), цитированъ не точно, о чемъ слѣдуетъ сожалѣть, такъ какъ именно это мѣсто изъ Евангелія (Лука гл. 9, ст. 48, 49) могло бы послужить г. Горбову поученіемъ. Когда апостолъ Іоаннъ говоритъ Христу, что апостолы прогнали челоуѣка, изгонявшаго бѣсовъ отъ Его имени, такъ какъ онъ не ходитъ съ ними, то Спаситель отвѣчаетъ: „Не браните: иже бо нѣсть на вы, по васъ есть“. Слѣдовательно, придерживаясь точнаго смысла этихъ словъ, г. Горбовъ долженъ былъ бы сказать заблуждающимся, по его мнѣнію, педагогамъ: „Вы не противъ насъ, слѣдовательно, вы за насъ“. И конечно, это было бы справедливѣе, такъ какъ, по совѣсти сказать, кто же въ Россіи намѣренно писалъ или говорилъ когда-либо противъ православной русской школы? Возвращаясь къ мнѣнію г. Горбова о нѣмецкой педагогикѣ, позволяю себѣ замѣтить, что хотя дѣйствительно большинство наиболѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ педагоговъ—лютеране, но между ними есть все-таки и католики, которые по догматическому ученію ихъ церкви ближе подходятъ къ православнымъ. Ихъ г. Горбовъ не цитуетъ, а между тѣмъ у этихъ писателей онъ могъ бы найти мнѣнія, болѣе подходящія къ его взглядамъ ¹⁾. Вообще, цитую нѣмецкихъ писателей, г. Горбовъ выбираетъ болшею частью мѣста, противъ которыхъ онъ спорить, не обращая вни-

¹⁾ Изъ нѣмецкихъ католическихъ писателей по педагогикѣ можно назвать между прочими:

Sailer, епископъ Регенсбургскій. Ueber Erziehung für Erzieher.

Oeverberg, Bernard. Директоръ учительской семинаріи въ Мюнхенѣ. Die Schulmeisterschule.

Graser, Iohann Baptist. Divinität oder das Princip der einzigen wahren Menschenerziehung. Извѣстенъ какъ основатель метода совмѣстнаго письма-чтенія

Kellner. Ein theoretisch-practischer Wegweiser für katholische Lehrer und Lehrerinnen. 1874.

Barthels. Schul-pädagogik. Breslau. 1873.

Oehler. Lehrbuch der Erziehung und des Unterrichtes. Mainz. 1874.

Stolz, Alban. Die Kunst christlicher Kinderzucht. Freiburg. 1873.

Rolfus und *Pfister*. Real-Encyclopädie des Erziehungs- und Unterrichtswesens nach katholischen Principien. Mainz. 1871—1874.

Kehrein, Ioseph. Handbuch der Erziehung und des Unterrichtes. Paderborn. 1876.

Dursch. Pädagogik als Wissenschaft der christlichen Erziehung. Tübingen. 1851.

манія на то, характерны ли эти мѣста для цитруемыхъ писателей. Нужно знать, гдѣ что искать. Напримѣръ, на стр. 48 и 49 приведено мнѣніе Диттеса о преподаваніи закона Божія, а на стр. 55—слова Дистервега объ отношеніи протестантовъ къ принципу воспитанія. Зная этихъ писателей, можно было впередъ сказать, что особенно хорошаго по этимъ вопросамъ у нихъ и искать нечего; если же къ нимъ обращаться по другимъ педагогическимъ вопросамъ, то можно найдти много полезныхъ указаній. Вообще, изъ всѣхъ разсужденій автора о вліяніи нѣмецкой педагогики на русскихъ дѣятелей можно было бы, согласно взглядамъ г. Горбова, придти къ выводу, что русскіе педагоги брали отъ нѣмцевъ не то, что нужно; выводъ же о негодности всей нѣмецкой педагогики слишкомъ смѣлъ и недостаточно доказанъ.

Главные обвиненія автора разбираемой брошюры противъ нѣмецкой педагогики состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Научная педагогика основана на научной психологіи, а сія послѣдняя учитъ, что „душевная жизнь слагается исключительно изъ впечатлѣній, накопляющихся въ душѣ“ (стр. 9). 2) „Нѣмецкіе педагоги противопоставляютъ школѣ—жизнь“, то-есть, они преувеличиваютъ значеніе школы и уменьшаютъ значеніе семьи и церкви при воспитаніи дѣтей (стр. 13, 14). 3) Вслѣдствіе своего протестантизма нѣмецкіе педагоги видятъ въ воспитаніи „свободное развитіе человѣческихъ способностей—и только!“ (стр. 57).

Что касается перваго изъ этихъ возраженій, то г. Горбовъ отчасти правъ: онъ цитуетъ преимущественно послѣдователей Гербарта и Венеке, которые дѣйствительно стараются строить свою педагогику на одностороннихъ началахъ сенсуализма. Но позволяя себѣ замѣтить, что основатель сенсуализма, Дж. Локкъ, былъ англичанинъ, и что англичане, а въ послѣднее время французы, сильно участвовали въ развитіи эмпирической философіи; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нельзя всю вину взваливать на нѣмцевъ. Сочиненія Вена и Спенсера, переведенныя на русскій языкъ, безъ сомнѣнія, повлияли на русскихъ педагоговъ не менѣе трудовъ нѣмецкихъ писателей. Затѣмъ очень подробная и критическая оцѣнка психологіи Гербарта и Венеке уже сдѣлана въ книгѣ Ушинскаго „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, и г. Горбовъ могъ бы сослаться во многихъ случаяхъ на вышеназванное сочиненіе для доказательства своихъ мнѣній. Впрочемъ было бы ошибочно думать, что всѣ нѣмецкіе педагоги основываютъ свое ученіе на вышеприведенномъ психологическомъ положеніи: многіе сознають, что основныя понятія о

воспитаніи нельзя выводить исключительно изъ эмпирической психологіи (см. статью Ланге „Seelenlehre“ въ Энциклопедіи Шмидта); и мы увидимъ дальше, что въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учебникахъ педагогика можно найти взгляды на душевную дѣятельность очень сходные со взглядами г. Горбова.

Второе обвиненіе о преувеличеніи значенія школы при воспитаніи, по моему мнѣнію, относительно большинства нѣмецкихъ педагоговъ не вѣрно. Можно привести множество цитатъ, гдѣ нѣмцы совершенно благоразумно относятся къ вліянію школы и удѣляютъ должное мѣсто при воспитаніи дѣтей семьѣ, церкви и государству. Не стану цитовать нѣмецкихъ писателей первой четверти нынѣшняго столѣтія, которые почти всѣ считаютъ школу учрежденіемъ церковнымъ, а приведу лишь мнѣнія нѣкоторыхъ современныхъ педагоговъ по этому вопросу. Борманъ (*Schulkunde für evangelische Volksschullehrer*, 17-е изд., стр. 20) говоритъ очень ясно, что прусское законодательство видитъ въ школѣ лишь помощницу семьѣ (*eine Hilfsanstalt für die ursprünglich von der Familie zu übende Thätigkeit*). Почти буквально то же говорятъ г. Горбовъ на стр. 14 своей брошюры. Далѣе, на 14 страницахъ, Борманъ объясняетъ отношеніе школы къ семьѣ, церкви и государству. Одинъ изъ учениковъ Дистервега, Вихардъ Ланге, опредѣляетъ школу такъ: *Die Schule ist die Summe derjenigen Veranstaltungen, welche im Laufe der culturhistorischen Entwicklung für die Ergänzung der Familienerziehung nothwendig geworden sind* (школа есть сумма тѣхъ приспособленій, которыя, вслѣдствіе культурно-историческаго развитія человѣчества, стали необходимы для пополненія семейнаго воспитанія). Георгъ Шульце, католикъ, (*Grundriss der Volksschulpädagogik*, G. Schulze. 2-ter Theil. Rheidt. 1881. Стр. 56 и слѣд.) въ своемъ учебникѣ педагогика, въ статьѣ „Die grosse Erziehungsanstalten“, подробно говоритъ о значеніи семьи, государства и церкви, при чемъ перечисляетъ всѣ средства, которыя имѣетъ церковь для воспитанія дѣтей прихожанъ, именно: таинства (крещеніе и причащеніе), молитвы и знакомство со словомъ Божиимъ. О школѣ дальше говорится, какъ о помощницѣ семьи, государства и церкви. Въ одномъ изъ самыхъ новыхъ и очень дѣльныхъ учебниковъ педагогика (*Handbuch der Pädagogik von Ant. Ph. Largiader, Seminardirector in Strassburg. 1885—1887*) народная школа опредѣляется слѣдующимъ образомъ: *Es est ein Factor der Erziehung, der nur in Auftrage der Familie, unter Mitwirkung der Kirche und unter die Leitung und Aufsicht des Staates*

durch den Unterricht die Erziehung zu vollenden sucht (народная школа есть факторъ воспитанія, который по порученію семьи, при содѣйствіи церкви и подѣ руководствомъ и контролемъ государства, дополняетъ образованіе дѣтей). Миѣ кажется, что г. Горбовъ долженъ былъ бы вопліѣ удовлетвориться вышеприведенными положеніями, опредѣляющими значеніе народной школы. Слѣдовательно, и здѣсь на нѣмцевъ нельзя нападать огуломъ. Слѣдуетъ впрочемъ принять еще во вниманіе, что нѣмцы имѣютъ полное право гораздо больше надѣяться на воспитательное вліяніе своей народной школы, чѣмъ мы; дѣти у нихъ ходятъ обязательно въ школу въ теченіе восьми лѣтъ и около 250 дней въ году; слѣдовательно, по примѣрному разчету они остаются въ классѣ подѣ вліяніемъ учителя въ пять разъ больше, чѣмъ въ Россіи, при обычномъ у насъ трехлѣтнемъ срокѣ обученія.

Третьему обвиненію, то-есть, неполному понятію о воспитаніи, г. Горбовъ противопоставляетъ свой собственный взглядъ, высказанный на стр. 59 брошюры. По мнѣнію автора, понятіе о воспитаніи должно вытекать изъ церковнаго понятія о душѣ человѣка и ея свойствахъ. Церковь учитъ, что „душа вдохнута Богомъ, въ ней образъ и подобіе Божіе“. Въ крещеніи человѣкъ получаетъ „прощеніе въ прародительскомъ грѣхѣ и свободу идти по пути зла или по пути добра, а въ мѣропомазаніи—дары Св. Духа, которые и даютъ ему силу бороться съ присущимъ ему зломъ“. Такимъ образомъ мѣропомазаніе даетъ человѣку истинную мудрость, а воспитаніе и состоитъ въ достиженіи этой мудрости. Почти такое же опредѣленіе воспитанія мы находимъ во многихъ нѣмецкихъ учебникахъ по педагогикѣ, имѣя только при этомъ въ виду, что протестанты, не считающіе мѣропомазаніе таинствомъ, о немъ не говорятъ отдѣльно. Въ упомянутой уже выше Schulkunde Бормана на стр. 3 авторъ говоритъ о первоначальномъ грѣхѣ и о вліяніи таинства крещенія; на слѣдующей страницѣ указываетъ учителямъ, чтобъ они имѣли въ виду при обученіи это великое таинство, и кончаетъ свои софты словами: *In der Gemeinschaft mit Christo wird der Mensch der Gabe des heiligen Geistes theilhaftig, welcher in ihm die Wiedergeburt vollzieht, die Heiligung wirkt und in aller der Gnaden versichert, deren er für sein zeitliches Wohl und für seine ewige Seligkeit bedarf* (въ общеніи со Христомъ человѣкъ дѣлается причастнымъ дара Св. Духа, который возрождаетъ и освящаетъ его и утверждаетъ во всѣхъ дарахъ Благодати, которые ему необходимы и для временнаго блага, и для вѣчнаго

блаженства). Считаю долгомъ замѣтить, что „Schulkunde“ Бормана выдержала 18 изданій и считалась обязательнымъ руководствомъ во всѣхъ прусскихъ учительскихъ семинаріяхъ до 1873 года. Шуманъ, котораго г. Горбовъ цитуетъ, но по другому вопросу, въ своемъ *Lehrbuch der Pädagogik 2-er Theil. 3-te Auflage*, стр. 83, даетъ почти такое же опредѣленіе воспитанія. Рюеггъ въ своей психологіи для воспитанниковъ Бернской учительской семинаріи (*Rüegg. Grundriss der Seelenlehre. Bern. 1864*) на первой же страницѣ ссылается на Священное Писаніе, говоритъ о душѣ человѣка почти также, какъ г. Горбовъ, и опредѣляетъ цѣль воспитанія слѣдующимъ образомъ: *Der Mensch soll sich mit Freiheit bestimmen zu einem selbstbewussten Leben nach Göttlichen Willen* (человѣкъ долженъ себя свободно посвятить сознательной жизни, согласной съ Божьей волей). Уже выше цитированный Ларгиадеръ (*III-er Theil*, стр. 64) говоритъ, что цѣль воспитанія не можетъ быть иная, какъ та, которую человѣку указалъ Господь Богъ, и продолжаетъ: *Da die ethisch-religiöse Bestimmung des Menschen die prädominierende ist und sein muss, so muss man auch die übrigen Lebenszwecke dem sittlichen und religiösen unterordnen* (такъ какъ религіозно-нравственное назначеніе человѣка должно преобладать и дѣйствительно преобладаетъ надъ другими назначеніями, то всѣ остальные цѣли жизни слѣдуетъ подчинить религіознымъ и нравственнымъ цѣлямъ). Католикъ Керейнъ (см. стр. 3) въ своемъ учебникѣ педагогики опредѣляетъ цѣль жизни, слѣдовательно и цѣль воспитанія, такъ: *Die innige Gemeinschaft mit Gott, die das erste Menschenpaar aus freinen Willen, vom Teufel verführt, verloren hat, durch ebenso freien Willen, mit Anwendung der von Gott geschenkten Gnadenmittel wieder zu gewinnen* (искреннее общеніе съ Богомъ, свободно утраченное первою человѣческою четою, обольщенной діаволомъ, восстанавливается свободнымъ же участіемъ человѣка въ дарованныхъ Богомъ благодатныхъ средствахъ). Далѣе разъясняется, что подъ понятіемъ *Gnadenmittel* (средства благодати) слѣдуетъ разумѣть между прочимъ св. таинства, такъ что опредѣленіе это очень близко подходитъ къ опредѣленію г. Горбова. Изъ вышесказаннаго, какъ мнѣ кажется, явствуетъ, что въ богатой нѣмецкой педагогической литературѣ можно найдти не одни только либеральныя и антирелигіозныя взгляды, и что г. Горбову, въ виду серьезной цѣли его брошюры не слѣдовало, столь рѣзко и поспѣшно дѣлать заключенія о нѣмецкой педагогикѣ, такъ какъ

и онъ во многихъ существенныхъ вопросахъ согласенъ съ нѣкоторыми нѣмецкими педагогами.

Въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній на брошюру г. Горбова считаемъ долгомъ привести слѣдующее. На стр. 14 авторъ говоритъ, что „мы не можемъ себѣ представить жизнь крестьянина, ибо у насъ цѣль труда лежитъ внѣ его, въ удовольствіи, а мужикъ трудится для того, чтобы имѣть возможность—опять-таки трудиться“. Полагаю, что нельзя противопоставлять такимъ образомъ трудъ удовольствію, а напротивъ того идеаломъ счастья человѣка слѣдуетъ считать соединеніе этихъ двухъ понятій, какъ это очень хорошо доказалъ Ушинскій въ своей статьѣ: „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“. Трудъ крестьянина иной, чѣмъ у образованныхъ людей, но психически онъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого труда и точно также, какъ у всѣхъ, сопровождается пріятными и непріятными ощущеніями.

Все то, что г. Горбовъ говоритъ противъ нагляднаго обученія на стр. 29 и 30, можетъ быть принято лишь какъ критика способовъ исполненія этого приѣма обученія, а не какъ доказательство его бесполезности. Такъ, какъ понимаютъ лучшіе педагоги этотъ приѣмъ, онъ примѣнимъ и дѣйствительно примѣняется не только въ народной школѣ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, напри- мѣръ, на урокахъ географіи, физики и математики. Вообще въ немъ нѣтъ ничего вреднаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ него нельзя и обойтись. Слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, есть ли время въ народной школѣ для подобнаго рода бесѣдъ, и какой матеріалъ слѣдуетъ для нихъ выбирать?

Обращаю вниманіе автора, для слѣдующаго изданія, на то мѣсто на стр. 60, гдѣ говорится о значеніи исторіи и догматическаго ученія при преподаваніи закона Божія. Вѣроятно, тутъ какая-нибудь обмолвка, такъ какъ нельзя понять, что г. Горбовъ считаетъ основаніемъ курса закона Божія: исторію или догматическое ученіе?

К. Сентъ-Илеръ.

Замѣчанія на рецензію г. Пташицкаго.

Позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на напечатанную въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія рецензію г. Пташицкаго, въ которой дается отчетъ о моемъ очеркѣ польскихъ реформъ XVIII вѣка.

1) Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1888 г. былъ напечатанъ мною рядъ статей по исторіографіи паденія Польши, вышедшихъ потомъ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“. Подводя итоги подъ исторіей этого вопроса въ польской, французской, нѣмецкой и русской литературахъ, я указалъ на необходимость пересмотра исторіи польскихъ реформъ XVIII в. и дѣйствовавшихъ тогда политическихъ партій, при чемъ объяснилъ, что, по моему мнѣнію, дѣло теперь не въ накопленіи новаго матеріала, а въ критикѣ существующихъ взглядовъ (стр. 395 отдѣльнаго изданія). Этому я и посвятилъ свой очеркъ, который рассматриваетъ въ своей рецензіи г. Пташицкій. Въ виду такого происхожденія книжки, на нее можно было бы смотрѣть, какъ на отдѣльную главу „Паденія Польши въ исторической литературѣ“. Дѣло въ томъ, что въ литературѣ этой образовалось два основныя взгляда на значеніе реформъ, предпринимавшихся въ Рѣчи Посполитой въ эпоху ея паденія („Польскія реформы XVIII в.“, стр. 6, 22, 24—25, 182—183), и вотъ я, опираясь на тѣ данныя, которыя уже были предметомъ суда историковъ (стр. 8—9 и 22), предпринялъ провѣрку этихъ взглядовъ въ ихъ общей связи, указавъ, кромѣ того, и въ „Паденіи Польши“ (стр. 395), и въ „Польскихъ реформахъ“ (стр. 8) на необходимость и детальныя изслѣдованія по отдѣльнымъ, болѣе частнымъ вопросамъ. Одно изъ такихъ детальныя изслѣдованія (Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. С.-Пб. 1889) уже появилось въ свѣтъ, какъ сочиненіе на конкурсную тему, предложенную мною въ С.-Петербургскомъ университетѣ, и съ тою же цѣлью была предложена мною въ прошломъ году тема о вліяніи французской политической литературы на польскую. Что касается до задачи самихъ „Польскихъ реформъ“, то она заключалась въ новой, единственно, по моему мнѣнію, вѣрной постановкѣ общаго вопроса, при которой, какъ я думаю, двухъ отвѣтовъ на одинъ и тотъ же вопросъ быть не можетъ. Весьма радъ, что и рецензентъ

находитъ мою постановку „самой правильною“ (рецензія, стр. 201) и соглашается съ тѣмъ, что „въ такомъ объемѣ до сихъ поръ никто еще не изучалъ этого вопроса“ (тамъ же, стр. 204). Но въ такомъ случаѣ съ такой точки зрѣнія ему и слѣдовало бы смотрѣть на книжку, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ приписываетъ ей только значеніе новой постановки вопроса („Польскія реформы“, стр. 24, 25, 188), оговариваясь притомъ, что ни задача, которую онъ себѣ поставилъ, ни размѣры очерка не позволяли ему гнаться за фактической полнотой (стр. 24): „не рассчитывая на полноту своего пересмотра вопроса“, говорю я въ концѣ первой главы,.... „такою постановкою вопроса намъ удастся, быть можетъ, содѣйствовать лучшему разъясненію нѣкоторыхъ его сторонъ“ (стр. 25).

2) Съ этой точки зрѣнія я подвергъ разбору своему только самыя крупныя реформы, какія производились въ Польшѣ въ XVIII в., при чемъ свѣдѣнія о законодательныхъ памятникахъ, къ нимъ относящихся, заимствованы мною не изъ вторыхъ рукъ, а изъ нихъ же самихъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда историки, различнымъ образомъ судя о значеніи той или другой мѣры, вполне согласно и, не возбуждая никакихъ сомнѣній относительно вѣрности передачи, излагаютъ содержаніе закона, я не обращался къ подлиннику. Что касается до политической литературы, то главныя ея произведенія я перечиталъ. Г. Пташицкій положительно ошибается, когда говоритъ, что все сообщаемое мною въ главѣ о польской политической литературѣ „давно уже и на разные лады было пересказываемо“ (рецензія, стр. 202). Какъ разъ на оборотъ, и въ своемъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“ (Москва. 1888), и въ „Польскихъ реформахъ“ (стр. 115 и слѣд.) я обратилъ вниманіе (и слѣдовательно, подвергъ оцѣнкѣ) эту политическую литературу съ такой стороны, которую совершенно игнорируютъ современные излагатели публицистики и законодательства въ Польшѣ въ эпоху реформъ: я имѣю въ виду вопросъ объ отношеніи сейма къ сеймикамъ и въ немъ вижу всю сущность дѣла, тогда какъ и политическіе писатели XVIII в., и историки XIX в. заняты исключительно вопросомъ объ избирательности или наследственности королевской власти. Г. Пташицкій говоритъ, что все сообщаемое мною по поводу политической литературы XVIII вѣка „не нуждалось въ новой передачѣ“; но я думаю, что еслибъ онъ сравнилъ эту главу съ другими пересказами содержанія политической литературы, то увидѣлъ бы, что мой взглядъ на послѣднюю существенно

отличается отъ взглядовъ другихъ историковъ именно потому, что я выдвигаю на первый планъ нѣчто такое, о чемъ остальные историки обыкновенно молчатъ („Польск. реф.“, стр. 117). Одно возраженіе г. Пташицкаго (стр. 201) основано притомъ на недоразумѣніи. Я отрицаю вліяніе французской политической литературы на Польшу въ эпоху перваго зарожденія идеи реформы въ Рѣчи Посполитой, ибо еще въ самой Франціи въ ту пору не существовало политической литературы въ духѣ политическаго реформаторства, а г. Пташицкій выдвигаетъ противъ меня тотъ аргументъ, что первые пионеры реформъ смолodu подолгу жили въ Люневилѣ и Нанси: нужно отличать вообще вліяніе французскаго образованія отъ вліянія опредѣленныхъ политическихъ идей.

3) Дѣлая общую оцѣнку всего, что происходило въ Польшѣ въ ту эпоху, я постоянно обращаюсь, хотя бы и мысленно только, къ сравненію польскихъ политическихъ и социальныхъ условий и хода польскихъ реформъ съ тѣми же самыми въ другихъ странахъ, гдѣ провозводились преобразованія. Г. Пташицкій ставитъ мнѣ въ заслугу „сравнительный методъ“, находя однако, что въ частности онъ „не вполне выдержанъ“ (стр. 201 и 204). Словами „сравнительный методъ“ сказано слишкомъ много, и напрасно г. Пташицкій представляетъ дѣло такимъ образомъ, будто я имѣлъ намѣреніе примѣнить этотъ методъ, но примѣнилъ неудачно, такъ какъ сдѣлалъ только „случайныя сопоставленія“ (стр. 204). На самомъ дѣлѣ я лишь заявилъ, что внутренняя исторія Польши въ эпоху раздѣловъ можетъ составить интересную главу въ исторіи реформъ, предпринимавшихся вообще въ Европѣ подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка („Польскія реформы“, стр. 3), и что хорошо было бы сопоставить польскія реформы съ реформами въ другихъ странахъ (стр. 7), но что я буду разсматривать первыя только въ томъ освѣщеніи, какое могло бы имъ дать сопоставленіе или сравненіе Польши съ другими государствами (стр. 24; ср. еще одно „могло бы“ на стр. 25), такъ какъ „размѣры очерка не позволяютъ постоянно сравнивать польскія реформы съ реформами въ другихъ странахъ“, и такъ какъ „исторія государственныхъ преобразованій второй половины XVIII вѣка будетъ предметомъ особой работы“ (стр. 25). Къ сожалѣнію, г. Пташицкій не обратилъ никакого вниманія на эти и другія подобныя имъ оговорки.

4) За указаніе на то, почему произошло замедленіе съ обнародованіемъ поланецкаго универсала Костюшки, мнѣ остается только поблагодарить г. Пташицкаго, а почему я не воспользовался нѣко-

торыми указаніями г. Корзона, мой рецензентъ пойметъ, если познакомится съ моимъ общимъ взглядомъ на трудъ почтеннаго историка, высказаннымъ въ „Паденіи Польши“ (стр. 347—372, особенно 347—348).

И. Варѣшевъ.

Книжныя новости.

Место христіанства въ исторіи. В. Розанова. М. 1890.—Небольшая книжка г. Розанова заключаетъ въ себѣ рѣчь, сказанную имъ въ Елецкой гимназіи по поводу девятисотлѣтней годовщины крещенія русскаго народа. Г. Розановъ извѣстенъ своимъ большимъ трудомъ „О пониманіи“, который содержитъ въ себѣ много страницъ, ясно показывающихъ талантность и специально-философское дарованіе автора. И новое произведеніе г. Розанова свидѣтельствуетъ о такомъ же талантѣ; нужно при этомъ сказать, что, благодаря опредѣленности темы, въ брошюрѣ о христіанствѣ нѣтъ тѣхъ недостатковъ, какіе замѣтны въ большомъ трудѣ „О пониманіи“. Очень выдающееся достоинство г. Розанова заключается въ прекрасномъ, простомъ и выразительномъ языкѣ, которымъ онъ пишетъ. Если мысли, высказываемыя г. Розановымъ, не всегда новы, то не слѣдуетъ забывать, что о христіанствѣ трудно сказать теперь нѣчто совсѣмъ новое; довольно и того, что мысли правильны въ общемъ. Передадимъ въ краткихъ чертахъ содержаніе брошюры. Въ исторіи играютъ роль два великія племени, арійское и семитическое, одаренныя противоположными свойствами. Объективность—наиболѣе характерная черта аріяцевъ, „душевные силы которыхъ постоянно направлены на внѣшнее, на встрѣчу впечатлѣніямъ, идущимъ снаружѣ“; благодаря этому аріяцы создали науку, искусство и государство. Семиты напротивъ отличаются субъективностью, у нихъ никогда не было ни науки, ни искусства (кромя самыхъ субъективныхъ—музыки и лирики), ни политической жизни. Естественно, что именно такому народу дано было Откровеніе, и именно потому, „что душа его не запятнана была помыслами и заботами, въ которые такъ безраздѣльно погружилась душа аріяца“. Но семиты оказались недостойными Откровенія, ибо ревниво оберегали свое сокровище, не дѣлясь имъ ни съ кѣмъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ, общій всему Израилю, грѣхъ его передъ другими народами, которыхъ онъ не хотѣлъ приобщить къ своему избранію; грѣхъ этотъ былъ наказанъ отверженіемъ еврейскаго народа. Новое и высшее Откровеніе совершилось черезъ Израиль, но не для него. Въ этомъ новомъ откровеніи мы видимъ иной характеръ: та черта объективности, то обращеніе не внутрь себя, но къ внѣшнему, чтѣ было всегда чуждо семитамъ, вдругъ появляется на склонахъ ихъ исторіи. Это видно въ Евангеліи, гдѣ вмѣсто свойственнаго ветхому завету духа исключительности является духъ свѣтлой радости, духъ прощенія и примиренія, любви къ людямъ. Это положеніе авторъ дополняетъ разсмотрѣніемъ хода развитія греческой мысли, которая шла прямо обратнымъ путемъ: объективная греческая мысль, благодаря элеатамъ, Сократу и Платону, склонилась въ сторону субъективнаго духа семитовъ. Впоследствии „то, чего не находили греческіе философы въ великихъ за-

вѣданныхъ имъ ученіяхъ, но къ чему уже давно и страстно порывалась ихъ душа, они нашли и восприняли въ Откровеніи; то, что вымывало въ средѣ ихъ споры и недоумѣнія, то они объясняли и разрѣшали съ помощью кончатій, выработанныхъ въ греческой философіи. Но усвоеніе этого синтеза совершилось уже въ средѣ иныхъ народовъ, а не среди древнихъ семитовъ и грековъ. Какъ соединеніе и примиреніе противоположностей, какъ сліяніе арійскихъ и семитскихъ началъ, этотъ синтезъ не могъ быть воспринятъ ни однимъ изъ ранѣе жившихъ народовъ. Въ концѣ брошюры авторъ дѣлаетъ примѣненіе этихъ мыслей къ современному положенію людей: онъ не признаетъ противорѣчій между наукой и религіей, считая мысль о немъ заблужденіемъ, основанномъ на непониманіи хода исторіи; эта кажущаяся рознь примирена въ идеѣ христіанской цивилизаціи. Къ этому авторъ присоединяетъ еще и идею цѣлесообразности, которая „господствуетъ въ ходѣ историческаго развитія“: идея совершенно правильная, какъ правильны и замѣчанія, которыя по поводу ея дѣлаетъ авторъ, но получается она довольно неожиданно, и врядъ ли была необходимость выдѣлять ее изъ идеи христіанской цивилизаціи. Въ общемъ нужно сказать, что рѣчь г. Рознова построена очень правильно, написана прекрасно и наполнена многими хорошими положеніями, которыхъ мы здѣсь не могли привести.

Визійская исторія при святѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытіяхъ. Ветхій Заветъ въ двухъ томахъ. Составилъ А. П. Лопухинъ. Т. II: отъ пророка Самуила до Рождества Христова. С.-Пб. 1890.—О первомъ томѣ этой замѣчательной книги уже было говорено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Второй томъ заключаетъ въ себѣ время царей, состояніе евреевъ подъ властью Вавилона, Персія, Грековъ, Египта, Сирія, при Маккавейскъ и Иродѣ. Изложеніе автора отличается тѣми же достоинствами, какъ и въ первомъ: авторъ не только тщательно изучилъ книги Св. Писанія, но принялъ во вниманіе и историческія и археологическія сочиненія новаго времени. Такъ у него мы встрѣчаемъ указаніе на царство хититовъ, о которомъ стали говорить только нѣсколько лѣтъ тому назадъ: у него мы находимъ свидѣнія объ эллинистскомъ происхожденіи Кира и о томъ, что его главное владѣніе было эллины, что тоже принадлежитъ къ открытіямъ послѣднихъ лѣтъ. Во всемъ своемъ изложеніи авторъ обращаетъ вниманіе на топографію страны: выписками изъ путешестввенниковъ онъ очень хорошо иллюстрируетъ описаніе войнъ и походовъ. Ясное, живое изложеніе, мѣткія характеристики лицъ (напримѣръ, Саула, Давида, Соломона), очерки поэтическихъ и пророческихъ книгъ Писанія дѣлаютъ чтеніе книги не только поучительнымъ, но и интереснымъ. Политицизмъ, заимствованный, какъ и въ первомъ томѣ, большею частью изъ Каселевой Библии (Half-guinea Bible), многое объясняютъ. Жаль только, что иногда описывая памятники, авторъ не прилагаетъ рисунка. Можно сказать вообще, что книга, о которой говоримъ, необходима всѣмъ, кто желаетъ съ пользою читать книги Св. Писанія: она служитъ лучшимъ введеніемъ къ такому чтенію. Воже же всего она нужна преподавателямъ закона Божія, которые найдутъ въ ней самыя необходимыя свидѣнія о томъ, какъ поясняютъ библейскія сказанія новѣйшіе историко-археологическіе труды. Преподаватели древней исторіи, когда они касаются востока, также найдутъ много поучительнаго въ сочиненіи А. П. Лопухина, которому искренно желаемъ успѣха.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVI. С.-Пб. 1889.—Въ томъ этомъ археографическою комиссіей изданъ лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. Онъ напечатанъ подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова и К. Н. Вестужева-Рюмина. Изъ предисловія къ изданію видно, что означенный сборникъ въ большинствѣ своихъ статей очень близокъ къ Новгородскимъ лѣтописямъ. Сборникъ распадается на три отдѣла, и изъ нихъ второй, сходный съ Софійскимъ временникомъ, и третій, сходный съ принадлежащимъ комиссіи спискомъ 1-й Новгородской лѣтописи, не представляютъ интереса; за то первый отдѣлъ, состоящій изъ краткаго хронографа и лѣтописнаго свода, болѣе замѣчательнъ: между статьями хронографа есть такія, которыя встрѣчаются впервые, и определять ихъ составъ пока, безъ особаго изслѣдованія, нельзя. Лѣтописный сводъ сначала почти дословно сходенъ съ сокращенною Новгородскою лѣтописью, изданною княземъ М. А. Оболенскимъ по двумъ спискамъ подъ заглавіемъ „Супралская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи“ (М. 1836); затѣмъ издаваемый лѣтописный сводъ до 6956 г. близокъ къ IV-й Новгородской лѣтописи. Съ 6956 г. по 6977 г. (то-есть, съ 1447—1469 гг.) сборникъ представляетъ по большей части свѣдѣнія, или нигдѣ не встрѣчающіяся, или же встрѣчающіяся въ другой редакціи. Свѣдѣнія эти тѣмъ драгоцѣннѣе, что они относятся къ послѣднему времени новгородской самостоятельности. Изданіе сдѣлано съ рукописи, найденной въ Полоцкѣ и принадлежащей Виленской публичной бібліотекѣ. Названіе „Лѣтопись Авраамки“ рукопись эта получила отъ находящейся тамъ приписки: „Въ лѣто 7003 написана бысть сіа книга, глаголемыи лѣтописецъ, во градѣ Смоленскѣ, при дръжавѣ великаго князя Александра, изволеніемъ Божиимъ и повелѣніемъ господина владыки епископа Смоленскаго Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамки“. Къ изданію приложены два снимка въ рукописи и указатели именъ личныхъ и географическихъ, составленные А. П. Барсуковымъ.

Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI вѣкѣ. Переводъ съ латинскаго съ предисловіемъ *Ел. Барсова*. М. 1889.—Эта книжка, оттискъ изъ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихихъ, содержитъ въ себѣ переводъ извѣстнаго „Hodoerogicon Ruthenicum“ Якова Ульфельда, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1575 и потомъ въ 1578 г. посломъ отъ Датскаго короля Фридриха II. къ Іоанну Грозному, чтобы полюбовно рѣшить спорное дѣло объ Эстоніи. Ульфельдъ проѣхалъ въ Москву черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь. Описаніе этого пути и составляетъ любопытнѣйшую часть замѣтокъ Ульфельда: ему пришлось ѣхать по мѣстностямъ, разореннымъ въ Новгородскій походъ Грознаго; посольство испытывало величайшій недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, въ лошадяхъ: на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ ѣхали отъ Новгорода до Торжка. Русскіе люди произвели на Ульфельда, какъ на большинство иностранныхъ путешественниковъ, непріятное впечатлѣніе своею надменностью, невѣжествомъ и грубостью. По этому поводу авторъ предисловія не безъ основанія замѣчаетъ, что описаніе путешествія было со стороны Ульфельда своего рода апологіей: онъ потому такъ рѣзко нападаетъ подъ часъ на русскіе нравы и обычаи, что король Фридрихъ II остался чрезвычайно недоволенъ договоромъ, заключеннымъ Ульфельдомъ въ 1578 г. Тѣмъ не менѣе, сдѣланное Ульфельдомъ описаніе грубыхъ представленій скомороховъ, поведенія русскихъ за столомъ инте-

ресны и весьма правдоподобны. Отметимъ еще, что Ульфельдъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ что „слухъ о Московскомъ царѣ во многихъ мѣстахъ пронесшійся весьма несправедливъ, будто онъ такую строгость и жестокость къ подданнымъ своимъ пишетъ“ (стр. 25). Можно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе на русскомъ языкѣ интересныхъ замѣтокъ Ульфельда. Цѣнность обнаруженнаго нынѣ г. Барсовымъ перевода, сдѣланнаго еще въ XVIII в. съ рукописи, не вѣдомо гдѣ теперь находящейся, увеличивается тѣмъ, что въ этой рукописи заключаются биографическія свѣдѣнія объ авторѣ „Путешествія“, которыхъ нѣтъ въ печатномъ латинскомъ текстѣ.

Очерки изъ исторіи гувярнскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. Съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 года. Первый опытъ кратко изложенія исторіи Перми. Составилъ *Александръ Дмитриевъ*. Пермь. 1889.—Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія уже было говорено о трудѣ автора названной книги, изданной въ прошломъ году подъ заглавіемъ: „Пермская Старина“. Настоящій трудъ его составляетъ какъ бы продолженіе работъ его на томъ же поприщѣ. Книга состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: исторію Перми до 1245 г. авторъ излагаетъ систематически, а исторія того же города послѣ 1845 г. представляется въ видѣ хронологическаго перечня. Исторія начинается очеркомъ судьбы мѣстности, занятой нынѣ городомъ Пермью, очеркомъ доведеннымъ до основанія города. Далѣе разказъ ведется въ дѣлахъ гражданскихъ по генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, а въ дѣлахъ церковныхъ по архіереямъ. Въ этой части своего сочиненія авторъ пользуется существующими матеріалами, основываясь главнымъ образомъ на лѣтописяхъ протоіерея Саножинова (составленной въ 1788 г.) и учителя Прядильщикова (доведенной до 1844 г.). Эти свои главные источники авторъ дополняетъ свѣдѣніями, заимствованными изъ другихъ сочиненій, а частью архивнымъ матеріаломъ. Такъ какъ свѣдѣнія заимствованы авторомъ изъ изданій мало распространенныхъ и частью ставшихъ библиографическою рѣдкостью, то изложеніе его должно замѣнять самимъ источникомъ; да и вообще всякій хорошо сдѣланный сводъ служитъ прекраснымъ пособіемъ для интересующихся. Изложеніе автора, вездѣ ясное, становится иногда очень живымъ. Таковы характеристики губернатора Кашкина, Модераха и др., нѣкоторыхъ изъ архіереевъ, подробности пребыванія въ Перми Сперанскаго. Когда авторъ говоритъ объ Огаревѣ, ему осталась, кажется, неизвѣстной статья П. И. Мельникова: „Путевые очерки по пути отъ Тамбовской губерніи до Сибири“ (*Отеч. Зап.* 1839 и слѣд. годовъ), гдѣ представлена живая картина пермскаго общества того времени, и гдѣ является и самъ Огаревъ. Свѣдѣніями очевидцевъ, которыхъ еще можно найти, авторъ имѣлъ бы возможность повѣрить разказы Мельникова. Упомянувъ кое-гдѣ о людяхъ, жившихъ въ Перми, авторъ могъ бы помянуть и Мельникова, бывшаго учителемъ гимназій, и И. Н. Березина, учившагося въ ней. Лѣтопись, которою заканчивается авторъ свой почтенный трудъ, представляетъ хронологическую канву для будущаго работника. Здѣсь изложены вкраткѣ всѣ достопамятныя событія въ общественной жизни города. Вообще книга г. Дмитриева—весьма полезная книга.

П. Ф. Федоровъ. Соловки. (Записки Имп. Русск. Географ. Общества по отдѣленію этнографіи, т. XIX, вып. 1). Кронштадтъ. 1889.—О Соловецкомъ монастырѣ сказано достаточно, но все же многое до сихъ поръ остается не выясненнымъ, и сочи-

неніе г. Федорова дает не мало новых свѣдѣній. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе драгоценны, что получены путемъ личныхъ наблюденій автора, притомъ при условіяхъ весьма благопріятныхъ для ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Г. Федоровъ состоялъ врачомъ винтовой шуны, которая по нѣсколько разъ заходила въ гавань Олоовецкаго монастыря. Посѣщая монастырь, онъ входилъ въ постоянныя сношенія съ его населеніемъ, бывалъ въ келіяхъ, лѣчилъ монаховъ, бесѣдовалъ съ ними; свѣдѣнія о заболеваемости были доставлены ему монастырскими фельдшеромъ. Исслѣдованія автора по этому послѣднему вопросу показали, что Соловки представляютъ одно изъ наиболее нездоровыхъ мѣстъ: климатъ ихъ, сырой, холодный; крайне неблагопріятный для здороваго существованія человеческого организма, вызываетъ большое количество простудныхъ заболѣваній, особенно ревматическихъ. „Я положительно не встрѣчалъ ни одного монаха“, говоритъ авторъ,—„который бы при распросахъ не жаловался на тѣ или другія ревматическія боли, возникающія или усиливающіеся во время дурной погоды. Весьма часты также насморки, зубныя боли, бронхиты и острия воспаленія легкихъ. Чихотка здѣсь также распространена“. Почва острова не лучше: она состоитъ изъ крупнаго песку и валуновъ или гранитныхъ камней различной величины. И вотъ это-то негостеприимное мѣсто въ продолженіе пяти вѣковъ ежегодно привлекаетъ десятки тысячъ людей. Чтѣ ихъ влечетъ сюда—на это въ книгѣ г. Федорова мы не находимъ отвѣта. Можно было бы предполагать, что паломники идутъ въ монастырь для удовлетворенія потребности въ поученіи, въ совѣтѣ, какъ жить, какъ лучше устроить свои отношенія къ ближнимъ, но именно этихъ-то указаній, по словамъ г. Федорова, монастырь и не даетъ. „Во всей его поражающей простотѣ обстановкѣ и во высшей, показной жизни иноковъ“, говоритъ авторъ,—„богомольцы видятъ, какъ слѣдуетъ относиться къ Богу, какъ должно ему служить, и почти ничего не видятъ и ничего не слышатъ, какъ нужно относиться къ своимъ ближнимъ въ обыденной повседневной жизни. Соловецкій монастырь дѣйствительно распространяетъ и поддерживаетъ вѣру и благочестіе, но только благочестіе одностороннее, формальное, благочестіе, которое выражается въ разныхъ видахъ молитвъ, въ молебнахъ, панихидахъ, свѣчахъ, лампадахъ и въ массѣ другихъ обрядностей, составляющихъ суть народной религіи. Духовно-же нравственная сторона ученія Христа Спасителя стоитъ на заднемъ планѣ и совершенно заслоняется этою обрядностью“. Проповѣдь дѣйствительно стоитъ въ монастырѣ на послѣднемъ мѣстѣ, но при всемъ томъ, едва ли мнѣніе автора справедливо. Отчего же богомольцы не направляются, напримѣръ, въ столицы, гдѣ обстановка храмовъ и богослуженіе еще величественнѣе? Не привлекаетъ ли богомольца въ монастырь скорѣе отсутствіе борьбы изъ-за мелочныхъ интересовъ, вытекающее изъ отрицанія интересовъ эгоистическихъ, участіе въ трудѣ всѣхъ на общую пользу, равенство всѣхъ въ правахъ и обязанностяхъ, словомъ—новый, не похожій на обычный, строй жизни, основанный на евангельскомъ ученіи. И не ищетъ ли крестьянинъ въ монастырской средѣ укрѣпляющаго силы успокоенія отъ горя, нужды, обидъ и вообще жизненныхъ невзгодъ, которыми такъ богато его существованіе? Условія монастырской жизни для богомольцевъ оставляютъ желать очень многого: пища ихъ неудовлетворительна, заботъ объ ихъ удобствахъ и здоровьѣ почти нѣтъ, монастырь требуетъ отъ нихъ одного—труда и послушанія, и все же въ монастырѣ богомольцу-крестьянину „хорошо: тихо, смирно, спокойно (слова одного изъ богомольцевъ г. Федорову); и помолишься, и поработаешь, сколько твоей душѣ

угодно; работой не неволятъ; главное—ни о чемъ не думай, ни о чемъ не беспокойся: все у тебя готовое, только молись да работай; и здѣсь хорошо, и тамъ (то-есть, послѣ смерти) не будетъ худо". Цѣлью автора было впрочемъ не разъясненіе вопроса о религіозно-нравственномъ вліаніи монастыря, а описаніе быта монаховъ и богомольцевъ, и въ этомъ отношеніи книга его даетъ весьма много новаго и цѣннаго матеріала. Все населеніе монастыря онъ дѣлитъ на пять группъ: 1) монашествующихъ, 2) даровыхъ рабочихъ богомольцевъ, 3) богомольцевъ, приѣзжающихъ только на три дня, 4) наемныхъ рабочихъ и 5) военныхъ ссыльныхъ и арестантовъ. Особенно интересны свѣдѣнія о второй и третьей группахъ. Заслуживаютъ также вниманія главы о положеніи мальчишковъ, о жилищахъ и питаніи монаховъ, состояніи администраціи монастыря и о школахъ. Вообще книга г. Федорова по полнотѣ и достовѣрности свѣдѣній превосходитъ всѣ прежнія описанія монастыря.

Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Т. II, вып. 2. Саратовъ.— Саратовская архивная комиссія принадлежитъ къ числу наиболѣе дѣятельныхъ. Въ продолженіе своего короткаго существованія она привлекла много дѣятелей и успѣла собрать, а частью и обнародовать, не мало любопытнаго матеріала о разныхъ сторонахъ прежней жизни Саратовскаго края. Въ только что вышедшемъ 2-мъ выпускѣ II-го тома Трудовъ этой комиссіи обращаютъ на себя особое вниманіе матеріалы по исторіи заселенія края, собранные А. Н. Минкомъ, данными по четвертному землевладѣнію, этой еще мало изслѣдованной формѣ поземельныхъ отношеній, С. А. Харламенова и матеріалы для исторіи Пугачевского бунта С. С. Краснодубровскаго. Изъ протоколовъ комиссіи узнаемъ о загадочномъ изчезновеніи Царицынскаго комендантскаго архива, которымъ когда-то пользовался Д. Л. Мордовцевъ. Какъ ни небреженъ былъ до сихъ поръ надзоръ за архивами, но все же трудно было ожидать пропажи цѣлаго архива. Пожелаемъ, чтобы Саратовская архивная комиссія продолжала и впредь обращать побольше вниманія на бытовую исторію Саратовскаго края.

Мажель, С. А. Крестьянскій кредитъ, частная задолженность и гминныя осудо-сберегательныя кассы. Радомъ. 1889.—Брошюра г. Махѣва явилась какъ нельзя болѣе кстати. Вопросъ о народномъ кредитѣ снова начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе общества, и ознакомленіе съ устройствомъ и дѣятельностью гминныхъ кассъ въ Польшѣ во многомъ можетъ помочь его удовлетворительному разрѣшенію. Кассы этихъ теперь во всемъ край 1048. Не смотря на кратковременное, всего лишь двадцатилѣтнее существованіе, онѣ успѣли оказать не мало пользы мѣстному населенію, какъ непосредственно—выдачей ссудъ, такъ и косвенно—наложеніемъ процентовъ на займы у частныхъ лицъ. Для гминныхъ кассъ вообще идутъ удовлетворительно. Правительство дало на образованіе ихъ въ 1866 и 1870 гг. 166,560 р. Въ настоящее же время основной капиталъ кассъ, увеличенный прибылями и крестьянскими капиталами, достигаетъ 953 тысячъ рублей. Ссуды выдаются только тѣмъ разрядамъ гминнаго и посадскаго населенія, которые занимаютъ, главнымъ образомъ, земледѣіемъ: крестьянамъ, мѣщанамъ-рольникамъ и т. п. Что касается разнѣра ссудъ, то болѣе всего выдается ссудъ отъ 10 до 20 р. Срокъ ссудъ, по уставу, годовою, но допускается отсрочка на 6 мѣсяцевъ. На практикѣ большинство ссудъ берется на 9—12 мѣсяцевъ. Не смотря на то, что уставомъ дозволяется брать новую ссуду только чрезъ мѣсяцъ

по уплатѣ старой, заемщикамъ при помощи разныхъ обходовъ удается переписывать ссуды, не возвращая ихъ. По ссудамъ взымается 8%, впередъ при выдачѣ ссуды. Управление кассъ состоитъ изъ гражданского войта и двухъ лицъ, избираемыхъ на три года сходами. Кроме того, существуетъ постоянная ревизионная коммиссія изъ трехъ домохозяевъ, выбранныхъ сходомъ. Высшій надзоръ за дѣятельностью кассъ принадлежитъ комиссарамъ и крестьянскимъ присутствіямъ. Взысканія просроченныхъ ссудъ возмѣщаются отъ продажи движимаго и недвижимаго имущества. Благодаря своей правильной организаціи кассы растутъ съ замѣчательною быстротою. Недостатками ихъ авторъ считаетъ краткость сроковъ, незначительность размѣра ссудъ, взысканіе процентовъ при выдачѣ, а не при возвращеніи ссудъ и почти полную недоступность ихъ для безземельныхъ. Но во всякомъ случаѣ, и при существующей организаціи, кассы эти удовлетворяютъ многимъ потребностямъ въ кредитъ. Кроме кассъ, г. Манъевъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о кредитѣ у частныхъ лицъ, собранныя имъ путемъ опроса 543 домохозяевъ въ 21 селеніи. Эти данныя показываютъ, что задолженность у частныхъ лицъ и въ Польшѣ довольно значительна: на каждаго заемщика приходится въ исследованныхъ случаяхъ до 77 р. долгу, а на каждый моргъ земли—около 9 р. Очевидно, кассы еще слишкомъ мало въ краѣ. Процентъ по займамъ, въ среднемъ, не превышаетъ 18 годовыхъ, но въ некоторыхъ случаяхъ онъ значительно выше. Этими бѣдными замѣчаніями мы здѣсь и ограничимся, отсылая читателя къ самой брошюрѣ, въ полной увѣренности, что онъ не потеряетъ даромъ время на ея чтеніе. Желательно, чтобы авторъ не остановился на этомъ первомъ опытѣ и, вромѣ Радомской губерніи, гдѣ онъ производилъ до сихъ поръ исследованія, собралъ свѣдѣнія о задолженности и кассахъ въ другихъ губерніяхъ края. Это исполнило бы существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ о народномъ кредитѣ.

Вопросы философіи и психологіи. Книга 2-я (подъ редакціей профессора *Н. Грота*). М. 1890.—Вторая книжка журнала, заглавіе котораго мы выписали, производитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ и первая. Въ ней содержится семь самостоятельныхъ статей, хроника и критика. Пять статей посвящены теоретической философіи, а двѣ—исторіи философіи; изъ теоретическихъ статей можно отнѣстить: г. Грота—„Что такое метафизика“ и г. Лопатина—„Положеніе этической задачи въ современной философіи“. Направленіе всѣхъ статей вполне поясняетъ, почему ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія одобрилъ журналъ для пріобрѣтенія его въ гимназическія бібліотеки. Помѣщенные во 2-й выпускъ критическія замѣчанія о вновь появившихся книгахъ не столь хорошо составлены, какъ въ первой книжкѣ.

— Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Н. Карсневъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Вып. II (и послѣдній). С.-Пб.

Полкнй. Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго. *Θ. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Т. I (Федеративная Еллада и Полибія.—Всеобщая исторія, кн. I—V.—Два карты). Изданіе *А. Г. Кузнецова*. М.

Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціею *Н. Н. Веселовскаго*. Т. I. Царствование Огдора Иоанновича. С.-Пб. (Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русск. Археол. Общества, т. XX).

Общій Морской Списокъ. Части III—V. Царствование Екатерины II. С.-Пб.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). *С. А. Венгеровъ*. Вып. 22-й и 23-й. С.-Пб.

Л. Шеллешичъ. Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры. Вып. I. Хожденіе по мукамъ. Харьковъ.

М. Н. Катковъ. Наша учебная реформа, съ приложениями, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Льва Поливанова*. Изданіе *С. Н. Фишера*. М.

Теоретическая арифметика. Составилъ *Викторъ Стрелковъ*. С.-Пб.

Зрительный диктантъ. (Самодиктованіе и самоисправленіе). Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Ч. I. Составилъ *В. Зелинскій*. Изданіе 3-е. М.

ПОПРАВКИ. Въ февральской книжкѣ, во 2-мъ отдѣлѣ, на стр. 354, нужно исправить слѣдующее:

Строки:

4-я

8-я

Напечатано:

много

о прежнемъ Новгородѣ

Должно быть:

мало

о крещеніи Новгорода

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Н. А. Шапошниковъ. Учебникъ арифметики. Часть первая. Арифметика целыхъ чиселъ. Часть вторая. Арифметика дробныхъ чиселъ. С.-Пб. 1899. Цѣна 80 коп.

Чтеніе названной книги невольно наводитъ на вопросъ: преподавалъ ли авторъ арифметику въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній? Причина такого вопроса заключается въ большомъ количествѣ логическихъ промаховъ и въ отсутствіи педагогической обработки матеріала, составляющаго предметъ изученія арифметики. Постараемся доказать такое заключеніе ссылками на нѣкоторыя мѣста разсматриваемаго сочиненія.

Введеніе посвящено опредѣленіямъ такихъ понятій и представленій, которыя, въ сущности, не поддаются опредѣленіямъ, ибо представляютъ понятія первоначальныя. Авторъ, опредѣляя величину такимъ образомъ: „величиною называется все то, что можетъ измѣняться, увеличиваясь или уменьшаясь опредѣленно“ (?), не подозреваетъ, что въ этомъ опредѣленіи заключаются новыя понятія, а именно понятія объ измѣненіи, увеличеніи и уменьшеніи. Желая раздѣлить два понятія, понятіе о величинѣ (*grandeur*) и понятіе о значеніи величины (*valeur*), авторъ вводитъ новый, доселѣ почти не употребляемый, терминъ „размѣръ величины“ и говоритъ: „Размѣромъ величины называется тотъ признакъ ея, по которому мы отличаемъ одну величину отъ другой, ей однородной, но не тождественной съ нею“, а потомъ далѣе прибавляетъ: „измѣрить величину значитъ опредѣлить ея размѣръ“. Странно, какъ можно измѣрять признакъ. Черезъ нѣсколько строкъ авторъ даетъ какъ будто новое опредѣленіе измѣренію, говоря: „Всякое измѣреніе состоитъ въ томъ,

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рѣцензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

что мы сравниваемъ размѣръ измѣряемой величины съ размѣромъ другой, которую считаемъ намъ извѣстною". Это опредѣленіе требуетъ, слѣдовательно, для измѣренія величины знанія ея размѣра, а между тѣмъ первое опредѣленіе измѣренія говоритъ, что измѣрять величину значитъ опредѣлить ея размѣръ. Далѣе читаемъ: „Отношеніемъ двухъ величинъ называется то, что мы узнаемъ при измѣреніи одной величины посредствомъ другой". Вопервыхъ, что это значитъ то, а во вторыхъ, авторъ уже сказалъ, что измѣреніе величины состоитъ въ опредѣленіи ея размѣра, слѣдовательно, то и есть, какъ будто бы, размѣръ, а слѣдовательно, отношеніе есть размѣръ.

Число опредѣляется такимъ образомъ: „То, что въ умѣ нашемъ выражаетъ найденное нами отношеніе величинъ, мы называемъ числомъ", потомъ прибавляется: „Число выражаетъ отношеніе величины къ единицѣ мѣры", а на слѣдующей страницѣ говорится, что число есть результатъ счета. Представляемъ себѣ, въ какое отчаяніе пришелъ бы десятилѣтній ребенокъ, приготовляя свой первый урокъ ариметики по первымъ двумъ страницамъ разсматриваемаго учебника.

Далѣе идетъ система счисленія, которая изложена просто и понятно. Послѣ системы счисленія авторъ переходитъ къ арифметическимъ дѣйствіямъ и на одной страницѣ (стр. 10) даетъ сразу опредѣленія всѣхъ четырехъ арифметическихъ дѣйствій. Ни одинъ сколько-нибудь толковый преподаватель не рѣшится въ одинъ урокъ дать опредѣленія всѣхъ четырехъ дѣйствій, да еще въ такой формѣ, въ какой они даны авторомъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ говоритъ: 1) „Приложить къ одному числу другое значитъ присчитать", и т. п. Спрашиваемъ автора: что это значитъ — присчитать? 2) „Вычестъ изъ одного числа другое значитъ отсчитать", и т. д. Опять задаемъ автору вопросъ: что значитъ отсчитать? 3) „Умножить одно число на другое значитъ повторить первое данное число столько разъ" и т. д. Что значитъ — повторить? Этими вопросами мы хотимъ сказать автору, что вся чистая математика представляетъ собою не что иное, какъ развитіе двухъ первоначальныхъ понятій: понятія о цѣломъ и положительномъ числѣ и понятія о сложеніи. Всѣ остальные понятія должны приводиться къ этимъ двумъ понятіямъ. Можно было бы изложить всю арифметику цѣлыхъ чиселъ, не употребляя словъ вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Вотъ еще одинъ вопросъ, который мы можемъ сдѣлать автору по поводу стр. 10. Авторъ говоритъ, что въ арифметикѣ разсматриваются четыре основныя или простыя дѣйствія — сложеніе, вычи-

таніе, умноженіе и дѣленіе, и прибавляетъ, что въ каждомъ простомъ дѣйствіи даются только два числа. Изъ этихъ строкъ мы заключаемъ, что возвышеніе въ степень, извлеченіе корней, логарифмирование, трансцендентныя дѣйствія суть дѣйствія не простыя, а слѣдовательно, въ нихъ даются не два числа, а ни одного, или одно, или же болѣе двухъ. Такъ ли это?

Послѣ этого обзора дѣйствій, который опять приведетъ мальчика въ уныніе и заставитъ его просто вызубрить 10-ю страницу, авторъ переходитъ къ детальному ихъ изученію, и вотъ въ этомъ-то изученіи намъ приходится опять наталкиваться на логическіе промахи.

Авторъ снова даетъ опредѣленіе сложенія, говоря, что приложить къ одному числу другое значить присчитать, и т. д. Вмѣсто того, чтобы просто выразить аксіому: „Сумма двухъ чиселъ не измѣняется отъ перестановки слагаемыхъ“—авторъ, видимо, пытается ее доказать, и вотъ его quasi-доказательство: Если будемъ составлять сумму $7+5$, то придется присчитать по единицѣ пять разъ. Если порядокъ слагаемыхъ измѣнимъ и будемъ составлять сумму $5+7$, то придется присчитывать семь разъ. Но въ обоихъ случаяхъ получится одна и та же сумма 12. Поэтому $7+5=5+7$.

При наложеніи вычитанія авторъ даетъ три опредѣленія вычитанія: 1) вычесть значить отсчитать и т. д.; 2) вычесть значить узнать, на сколько одно число болѣе другаго; 3) вычесть значить по суммѣ и одному изъ слагаемыхъ найти другое слагаемое. Ясно, что третье опредѣленіе и есть опредѣленіе, ибо въ немъ понятіе о вычитаніи приведено къ понятію о сложеніи; первыя же два опредѣленія заключаютъ въ себѣ задачи, рѣшаемыя при помощи вычитанія.

На стр. 26 въ статьѣ „Дѣйствія съ суммой и разностью“ авторъ злоупотребляетъ словомъ нужно, хотя слово это вовсе не нужно и должно быть замѣнено словомъ достаточно. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ говоритъ: чтобы прибавить къ суммѣ чиселъ новое число, нужно прибавить это число къ одному изъ слагаемыхъ; чтобы вычесть изъ суммы чиселъ новое число, нужно вычесть это число изъ какого-нибудь слагаемаго; чтобы вычесть изъ числа разность, нужно вычесть уменьшаемое и прибавить вычитаемое, и т. д.

На стр. 30 опредѣленіе умноженія дано въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ та, въ которой оно дано на стр. 10, хотя и здѣсь нужно было бы сказать: умножить значить сложить, вмѣсто того, чтобы говорить: умножить значить повторить слагаемыя.

Общая теорема о видахъ произведенія (стр. 33 и 34) изложена въ такой запутанной формѣ, что врядь ли она будетъ понятна мальчикамъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Въ статьѣ объ умноженіи авторъ опять ставитъ слово нужно вмѣсто слова достаточно.

Въ статьѣ о дѣленіи (стр. 40) авторъ даетъ три опредѣленія дѣленія: 1) раздѣлить одно число на другое значить разбить, и т. д.; 2) раздѣлить значить узнать, во сколько разъ одно число болѣе другаго; 3) раздѣлить значить по произведенію и одному изъ производителей найти другаго. Опять замѣтимъ, что послѣднее опредѣленіе и есть опредѣленіе, ибо оно приводитъ понятіе о дѣленіи къ понятію объ умноженіи, первыя же два представляютъ задачи, рѣшаемыя при помощи дѣленія.

Въ статьѣ объ измѣненіяхъ произведенія и частнаго опять слово нужно поставлено вмѣсто слова достаточно.

На стр. 61 авторъ два раза увѣряетъ, что григоріанское лѣтосчисленіе введено папою Григоріемъ VIII, тогда какъ оно введено папою Григоріемъ XIII.

Въ статьѣ „признаки дѣлимости“ (ч. 2-я, стр. 13) авторъ даетъ только достаточныя условія дѣлимости и не даетъ необходимыхъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что ни въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія авторъ не знакомитъ учениковъ съ понятіями о необходимости и достаточности условій, между тѣмъ какъ понятія эти въ высшей степени важны, и ученики должны быть приучены къ нимъ на ариѳметическомъ матеріалѣ.

Авторъ видимо избѣгалъ теорій чиселъ и хорошо дѣлалъ, хотя нѣсколько утрировалъ, вслѣдствіе чего вычисленія для нахождения общаго наибольшаго дѣлителя разложеніемъ на сомножителей лишены сознательной поделки, такъ что ученики скоро позабудутъ то правило, которое изложено на стр. 21. Здѣсь нужно было бы ввести понятіе о показателѣ и догматически изложить теорему о возможности разложенія числа на простыхъ множителей только однимъ образомъ. Отсюда очень легко вытекало бы необходимое и достаточное условіе дѣлимости одного числа на другое, а потомъ уже вполне сознательное нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго числа.

Переходимъ теперь къ дробямъ и дѣйствіямъ надъ ними. Дѣленіе дробей самая трудная часть ариѳметики, плохо усвояемая учениками, и нашъ авторъ сдѣлалъ все необходимое для того, чтобы затруднить ученикамъ пониманіе дѣленія.

На стр. 33 авторъ говоритъ: „Дѣленіе на дробь есть новое дѣйствіе, которому дается и новое опредѣленіе. Рассмотримъ сначала дѣленіе на долю. Условились понимать дѣйствіе такъ, чтобы раздѣлить на $\frac{1}{2}$, значитъ составить двойное дѣлимое“, и т. д. Для дѣленія на дробь, напримѣръ, на $\frac{3}{5}$, даетъ новое опредѣленіе, говоря, что раздѣлить на $\frac{3}{5}$ значитъ раздѣлить на 3, а полученное частное на $\frac{1}{5}$; потомъ даетъ обобщенное опредѣленіе, говоря: „Раздѣлить одно число на другое значитъ составить изъ дѣлимаго новое частное такъ, какъ единица составляется изъ дѣлителя“, даѣе иначе опредѣляетъ дѣленіе, говоря: „Раздѣлить одно число на другое значитъ опредѣлить кратное отношеніе дѣлимаго къ дѣлителю“. Такое множество опредѣленій и разговора совершенно запутаетъ учащагося.

При обращеніи простыхъ дробей (стр. 51) авторъ не различаетъ необходимыхъ и достаточныхъ условій обращенія.

При обращеніи періодическихъ дробей въ простыя (стр. 66) авторъ вводитъ новый терминъ „реформирующая единица“, понимая подъ нимъ число 1, написанное въ формахъ $\frac{10-1}{9}$, $\frac{100-1}{99}$..., и обращаетъ періодическія дроби такимъ, напримѣръ, образомъ:

$$0,3737\dots \times \frac{100-1}{99} = \frac{37,3737\dots - 0,373737\dots}{99} = \frac{37}{99}$$

Этимъ новымъ терминомъ все-таки не устраняется вопросъ, который является у учениковъ, а именно вопросъ: почему разность $37,3737\dots - 0,373737\dots$ равна 37, когда въ уменьшаемомъ число періодовъ единицею менѣ числа періодовъ въ вычитаемомъ. Для разъясненія этого пришлось бы коснуться представленія о предѣлѣ, что не возможно въ этомъ возрастѣ, а потому лучше держаться стараго, а именно показать, что дроби $\frac{1}{99\dots9}$ производятъ вида дроби $0,(00\dots01)$, а потомъ пояснить, что всякая простая періодическая дробь разлагается на двухъ сомножителей, изъ которыхъ одинъ есть періодъ, а другой—дроби вида $0,(00\dots01)$, равныя дроби $\frac{1}{99\dots9}$.

Объясненіе (стр. 64) причины обращенія дроби $\frac{3}{7}$ въ чистую періодическую дробь совершенно непонятно.

На стр. 68, при опредѣленіи пропорціональности величинъ, авторъ долженъ былъ бы сказать, что двѣ величины называются пропорціональными, если взаимная зависимость ихъ такова, что съ измѣненіемъ произвольнаго значенія одной изъ нихъ (или размѣра, по автору, а не съ измѣненіемъ одной изъ нихъ, какъ у автора) соотвѣтствующее значеніе другой измѣняется въ томъ же кратномъ отношеніи.

Систематическій курсъ ариметики. Составилъ А. Киселевъ. Третье улучшенное изданіе. Москва. 1890. Стр. VII + 240 въ 8-ку. Цѣна 75 коп.

Третье изданіе „Систематическаго курса ариметики“ отличается отъ втораго нѣкоторыми частностями: мѣстами измѣненъ порядокъ изложенія, исправлены замѣченные неточности языка, кое-что изъ мелкаго шрифта, доступное пониманію учениковъ младшихъ классовъ, перенесено въ обыкновенный шрифтъ. Кромѣ того, сдѣланы слѣдующія добавленія сравнительно со вторымъ изданіемъ: 1) элементарное доказательство достаточности извѣстныхъ признаковъ дѣлимости на 6, 12, 15, 18; 2) обращеніе періодическихъ десятичныхъ дробей въ обыкновенныя способомъ предѣловъ; 3) о сложныхъ и производныхъ пропорціяхъ; 4) правило сроковъ; 5) другой способъ рѣшенія задачъ на смѣшеніе 2-го рода.

Большинство замѣчаній, которыя были сдѣланы автору при разсмотрѣніи стараго изданія книги, принято авторомъ во вниманіе. Авторъ остался однако, къ сожалѣнію, при прежнемъ своемъ взглядѣ на „двойное значеніе дѣленія цѣлыхъ чиселъ“ (стр. 35), полемизируя въ предисловіи съ рецензіей на второе изданіе.

Авторъ совершенно неосновательно думаетъ, что опредѣленіе дѣленія въ курсѣ цѣлыхъ чиселъ, какъ дѣйствія обратнаго умноженію, было бы и не педагогично, и не вполне научно: не педагогично потому, что ученики не могутъ вполне ясно понимать смыслъ дѣйствія, какъ обратнаго другому; не вполне научно потому, что дѣленіе въ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ допускаетъ остатокъ.

Всякій ученикъ пойметъ смыслъ дѣйствія, посредствомъ котораго ищется сомножитель по данному произведенію и по данному сомножителю, а потому обращать вниманіе ученика на подобныя задачи обязательно. Далѣе, тѣ задачи, въ которыхъ получается остатокъ, не возможны (это должно выяснитъ ученикамъ), и тогда дѣлятся не все дѣлимое, а разность между дѣлимымъ и остаткомъ.

Впрочемъ, не смотря на указываемый недостатокъ, новое изданіе книги г. Киселева нельзя не назвать улучшеннымъ по сравненію со вторымъ.

Элементарная алгебра. Составилъ А. Киселевъ. Часть I, содержащая курсы 3-го и 4-го классовъ гимназій. Москва. 1888. Стр. IV+140+III. Цѣна 70 к.

Элементарная алгебра. Составилъ А. Киселевъ. Часть II, содержащая курсы 4-хъ старшихъ классовъ гимназій. Москва. 1888. Стр. VI+208. Цѣна 80 к.

Въ предисловіи къ 1-й части авторъ указываетъ главнѣйшія особенности составленнаго имъ учебника; онъ раздѣляетъ возрѣнія

Бертрана и строго придерживается такъ-называемаго „условнаго“ взгляда на отрицательныя числа, вслѣдствіе чего не доказываетъ правилъ дѣйствій надъ ними, а только оправдываетъ ихъ, то-есть, разъясняетъ, что принятіе этихъ правилъ доставляетъ важныя удобства, какъ результатъ обобщенія алгебраическихъ дѣйствій. При изложеніи четырехъ дѣйствій авторъ дѣлаетъ одно отступленіе отъ строгой системы, а именно дѣленіе многочленовъ разсматриваетъ послѣ статьи объ алгебраическихъ дробяхъ; хотя такой порядокъ и доставляетъ возможность пользоваться, при изложеніи дѣленія многочленовъ, нѣкоторыми свойствами дробей, но едва ли онъ можетъ быть одобренъ. Къ числу особенностей этого учебника слѣдуетъ отнести замѣчаніи, дѣлаемыя авторомъ съ цѣлью предохранить учениковъ отъ различныхъ недоразумѣній и ошибокъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 46 сказано: „Обращаемъ вниманіе учащихся на ошибку, которую иногда дѣлаютъ при сокращеніи дробей: нельзя сокращать часть числителя съ частью знаменателя. Напримѣръ, было бы ошибочно сократить дробь $\frac{am+b}{cm+d}$ такъ: $\frac{a+b}{c+d}$; въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго численнаго примѣра: Слѣдуетъ помнить, что величина дроби не измѣняется при дѣленіи на одно и то же количество всего числителя и всего знаменателя“.

Общія начала рѣшенія уравненій изложены съ тою тщательностью, какой этотъ важный предметъ заслуживаетъ. Напримѣръ, на стр. 71 къ теоремѣ: Если къ обѣимъ частямъ уравненія придадимъ, или отъ нихъ вычтемъ, по одному и тому же количеству, то получимъ уравненіе однозначущее съ первымъ, — напечатано мелкимъ шрифтомъ слѣдующее примѣчаніе: „Истина, изложенная въ предыдущемъ §, не теряетъ силы и тогда, когда къ обѣимъ частямъ уравненія прибавляется одна и та же формула, содержащая неизвѣстныя уравненія. Однако заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія тотъ случай, когда какой-нибудь корень уравненія $A=B$ обращаетъ въ ∞ формулу, прибавляемую къ обѣимъ частямъ уравненія. Пусть, напримѣръ, къ частямъ уравненія $2x+1=3$ мы приложили формулу $\frac{1}{1-x}$:

$$1) \quad 2x + 1 = 3, \quad 2) \quad 2x + 1 + \frac{1}{1-x} = 3 + \frac{1}{1-x}.$$

„Уравненіе 1-е имѣетъ корень $x=1$; эта величина обращаетъ формулу $\frac{1}{1-x}$ въ $\frac{1}{0} = \infty$, и уравненіе 2-е при $x=1$ принимаетъ видъ $\infty = \infty$; поэтому возникаетъ вопросъ, можно ли въ этомъ случаѣ утверждать, что корень уравненія 1-го есть также и корень уравне-

нія 2-го? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо условиться, въ какомъ смыслѣ понимать равенство $\infty = \infty$, не имѣющее смысла само по себѣ. Въ математикѣ это равенство принимаютъ за тождество лишь въ томъ случаѣ, когда обѣ части уравненія, изъ котораго оно получилось, увеличиваясь безпредѣльно, безгранично приближаются къ равенству между собою; другими словами, когда по мѣрѣ безпредѣльнаго увеличенія обѣихъ частей уравненія, разность между ними безпредѣльно уменьшается“...

Въ предисловіи авторомъ было сказано: „Я подробно и, мнѣ кажется, научнѣе, чѣмъ принято, рассматриваю приемъ рѣшенія уравненій, содержащихъ въ знаменателяхъ неизвѣстныя. Относительно такихъ уравненій въ нѣкоторыхъ учебникахъ доказываются невѣрныя положенія, въ другихъ же особенности ихъ умалчиваются“. Авторъ исполнилъ это удачно, не нарушивъ ясности и простоты изложенія.

Вслѣдъ за алгебраическимъ дѣленіемъ помѣщена статья о разложеніи множителей и теорема объ остаткѣ отъ дѣленія на $x - a$, что также свидѣтельствуетъ о педагогической опытности автора, какъ и его замѣчательно полное, строго научное, отчетливое и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатое изложеніе рѣшенія и изслѣдованія уравненій первой степени съ одною и со многими неизвѣстными.

Вторая часть алгебры г. А. Киселева заключаетъ въ себѣ курсъ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи. Всѣ особенности этой части указаны въ предисловіи, а именно сказано: „Въ главѣ о несонзвѣримыхъ числахъ мы доказываемъ важнѣйшія теоремы о приближенныхъ вычисленіяхъ, ограничиваясь, впрочемъ, тѣми случаями, которые чаще всего представляются въ школьной практикѣ. Въ задачѣ о двухъ источникахъ свѣта, приводимой, какъ всегда, для примѣра изслѣдованія задачъ, рѣшаемыхъ посредствомъ квадратнаго уравненія, мы устанавливаемъ (мелкимъ шрифтомъ) существованіе третьяго рѣшенія задачи ($x = \infty$), опускаемого въ учебникахъ; указаніе на это рѣшеніе уясняетъ учащимся на примѣрѣ общій вопросъ о рѣшеніи уравненія, содержащаго въ знаменателѣ неизвѣстное. Мы даемъ общій способъ освобожденія уравненія отъ радикаловъ, отличный отъ принятаго; этотъ способъ имѣетъ за собой два достоинства: во-первыхъ, онъ представляетъ хорошій примѣръ пользованія методомъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ; во-вторыхъ,—и это главное—тотъ же способъ всецѣло примѣнимъ къ уничтоженію радикаловъ какой угодно степени въ знаменателѣ алгебраической дроби (ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ руководствъ не указывается общее рѣшеніе этого

вопроса ¹⁾); въ нѣкоторыхъ оно признается даже невозможнымъ). Мы болѣе подробно, чѣмъ принято, изложили статью объ уравненіяхъ высшихъ степеней, приводимыхъ къ квадратнымъ, и также сочли не бесполезнымъ помѣстить для интересующихся нѣкоторыя замѣчанія объ алгебраическихъ уравненіяхъ вообще. При изложеніи неравенства мы отступаемъ мѣстами отъ принятаго способа, имѣя въ виду сблизить эту статью съ главою объ уравненіяхъ; кромѣ того, мы разсматриваемъ нѣкоторые виды неравенствъ, обыкновенно опускаемые въ учебникахъ. Изложеніе статьи объ отрицательныхъ и дробныхъ показателяхъ мы сочли нужнымъ дополнить доказательствомъ того, что теоремы о возвышеніи въ степень произведенія и частнаго примѣнимы къ степенямъ отрицательнымъ и дробнымъ. Въ статьѣ о логарифмахъ мы устанавливаемъ нѣкоторыя свойства формулы a^x съ цѣлью выяснитъ вопросъ о существованіи логарифма, и притомъ единственнаго, для всякаго положительнаго числа. Статья о соединеніяхъ дополнена всѣми видами соединеній съ повтореніями. Показано примѣненіе общаго наибольшаго дѣлителя къ рѣшенію уравненій, содержащихъ неизвѣстное въ знаменателяхъ, а также къ разысканію общихъ корней двухъ уравненій. Въ концѣ книги мы сочли не бесполезнымъ помѣстить небольшую замѣтку о томъ, что такое алгебра. Опредѣленія этой науки, помѣщаемыя обыкновенно въ началѣ курса, непонятны начинающимъ и, въ большинствѣ случаевъ, не совсѣмъ научны²⁾.

Изъ этого предисловія видно, что алгебра г. Киселева содержитъ въ себѣ не мало таинхъ особенностей, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія. Таково, напримѣръ, опредѣленіе алгебры, помѣщенное авторомъ, вопреки обычаю, въ концѣ учебника. На стр. 207 изложено мелкимъ шрифтомъ понятіе о функціи и подраздѣленіе ихъ на алгебраическія и трансцендентныя. Объ алгебраическихъ функціяхъ сказано, что онѣ бываютъ двухъ родовъ. „Это, во первыхъ, такія функціи, которыя могутъ быть получены изъ своихъ переменныхъ независимыхъ посредствомъ конечнаго числа шести алгебраическихъ дѣйствій: сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія возвышенія въ степень и извлеченія корня. Таковы, напримѣръ, Вотъ вторыхъ, алгебраическими функціями называются и такія, которыхъ зависимость отъ переменныхъ независимыхъ выражается алгебраическимъ уравненіемъ, гдѣ неизвѣстное есть функція, а коэффициенты—пере-

¹⁾ Оно дано въ Алгебрѣ Вертрана, переводъ Н. Билибина, и въ Алгебрѣ Г. Омова.

мѣнныя независимыя. Такимъ образомъ, . . . алгеброю называется та часть математическихъ наукъ; которая занимается разсмотрѣніемъ свойствъ алгебраическихъ функций, при чемъ элементарная алгебра занимается алгебраическими функциями 1-го рода и такими, которыхъ зависимость отъ переменныхъ выражается алгебраическимъ уравненіемъ 1-й или 2-й степени; высшая алгебра имѣетъ предметомъ, главнымъ образомъ, алгебраическія функции 2-го рода. Такимъ образомъ, предметъ элементарной алгебры есть указаніе свойствъ: суммы, разности, произведенія, частнаго, степени, корня, а также рѣшенія уравненій 1-й и 2-й степени. Впрочемъ, ради педагогическихъ и практическихъ цѣлей, помѣщаютъ и нѣкоторые отдѣлы, которые по характеру своему не принадлежать алгебрѣ. Таковы: рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій въ цѣлыхъ числахъ (относятся къ теоріи чиселъ), ученіе о логарифмахъ (относится къ теоріи логарифмическихъ функций) и нѣкоторые другіе".

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что такое опредѣленіе алгебры, исчерпывающее ея предметъ, должно быть дано ученикамъ, и конечно, оно возможно только въ концѣ элементарнаго курса. Однако и въ началѣ курса сказано уже о предметѣ алгебры (стр. 2, часть 1): „Алгебра указываетъ способы, посредствомъ которыхъ можно одну формулу преобразовать въ другую, тождественную ей". Такое опредѣленіе, хотя и справедливо, но становится понятнымъ лишь тогда, когда ученикамъ уже ясно, что алгебраическія дѣйствія суть только преобразования однихъ формулъ въ другія.

Что касается до изложенія теоріи несоизмѣримыхъ величинъ, то весьма старательно объяснено истинное значеніе $\sqrt[n]{N}$, при помощи понятія о предѣлѣ (стр. 15). О значеніи же дѣйствій надъ ирраціональными числами сказано (стр. 16): „Произвести рядъ дѣйствій, указанныхъ въ формулѣ, содержащей ирраціональныя числа, значитъ найти предѣлъ, къ которому будетъ стремиться численная величина этой формулы, если на мѣсто ирраціональныхъ чиселъ будемъ подставлять ихъ приближенныя значенія, вычисленныя все съ большею и большею степенью точности. Напримѣръ“—Затѣмъ указана безъ доказательства теорема: „Всѣ тождественныя преобразования, которыя были доказаны для формулъ, содержащихъ числа рациональныя, примѣнимы и къ формуламъ, содержащимъ числа ирраціональныя". Вообще изложеніе этой статьи въ алгебрѣ г. Киселева представляетъ нѣчто среднее между научнымъ и исключительно лишь нагляднымъ; хотя такой приемъ и нельзя одобрить, но

все же эта статья изложена здѣсь болѣе сносно, чѣмъ, напримѣръ, въ алгебрѣ Давидова и въ большинствѣ другихъ весьма распространенныхъ учебниковъ.

Къ заслуживающимъ полного вниманія достоинствамъ разсматриваемой книги нельзя не причислить изложенія (на стр. 55—58) общаго способа освобожденія уравненія отъ радикаловъ и приведенія знаменателя дроби къ рациональному виду.

Въ статьѣ объ уравненіяхъ высшихъ степеней, приводимыхъ къ квадратнымъ, дано рѣшеніе возвратнаго уравненія четвертой степени (стр. 63), разсмотрѣнъ болѣе общій случай, когда коэффициенты a , b , d , e уравненія $ax^4 + bx^3 + cx^2 + dx + e = 0$ удовлетворяютъ пропорціи:

$$a : e = b^2 : d^2.$$

Весьма кратко и ясно сообщено понятіе о комплексныхъ числахъ и изложены дѣйствія надъ ними.

Въ дополненіе теоріи алгебраическихъ уравненій помѣщены (мелкимъ шрифтомъ) нѣкоторыя существенно важныя замѣчанія, указана безъ доказательства теорема Коши о существованіи вещественнаго или мнимаго корня всякаго алгебраическаго уравненія, и на основаніи этой теоремы доказано, что число корней алгебраическаго уравненія равно числу единицъ въ показателѣ его степени (подразумѣвается алгебраическое уравненіе, приведенное къ рациональному и цѣлому виду).

Статья объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ помѣщена въ концѣ алгебры, и въ ней находимъ весьма полезное указаніе о примѣненіи общаго наибольшаго дѣлителя къ отысканію корней, общихъ даннымъ уравненіемъ.

Недостатокъ алгебры г. Киселева состоитъ въ отсутствіи статьи о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, необходимой для VII класса реальныхъ училищъ и, вообще, весьма желательной въ учебникѣ алгебры.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что по совокупности своихъ достоинствъ, состоящихъ главнымъ образомъ въ ясности и простотѣ изложенія, въ искусномъ совмѣщеніи малаго объема съ полною содержаніемъ, въ приспособленности къ нашей средней школѣ и вообще къ педагогическимъ требованіямъ, „Элементарная Алгебра“ г. Киселева заслуживаетъ предпочтенія предъ большинствомъ другихъ распространенныхъ у насъ учебниковъ этого предмета.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА ДЛЯ РЕМСЛЕННЫХЪ УЧИЛИЩЪ, СОСТАВИЛЪ ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ П. С. КУРИЦЫНЪ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ВЛАДИМИРСКАГО ЗЕМСКАГО РЕМСЛЕННОГО УЧИЛИЩА Д. Т. С. МАЛЬЦЕВА, СЪ 393 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И СОБРАНІЕМЪ ЗАДАЧЪ СЪ НИХЪ РѢШЕНІЯМИ. САРАТОВЪ. 1888. ЦѢНА 1 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ, что наибѣешее отсутствіе сочиненій по механикѣ для ремесленныхъ училищъ побудило его приступить къ составленію такого курса теоретической и практической механики, который, заключаая въ себѣ всѣ свѣдѣнія необходимыя для каждаго грамотнаго ремесленника, получающаго свое образованіе въ школѣ, былъ бы выстѣ съ тѣмъ и доступенъ по цѣнѣ для каждой школы. Далѣе авторъ говоритъ, что при изложеніи онъ старался въ возможно меньшемъ объемѣ заключить больше свѣдѣній, что принудило его допустить нѣкоторыя неточности, которыя по его словамъ, не искажая основныхъ законовъ, облегчили трудность пониманія нѣкоторыхъ отдѣловъ механики. При изложеніи предлагаемаго курса авторъ руководствовался исключительно лекціями профессоровъ Московскаго техническаго училища, слушанными имъ съ 1880 по 1885 годъ; при изложеніи же прикладной кинематики авторъ принялъ классификацію профессора Кембриджскаго университета Виллиса, то-есть, за основаніе дѣленій принялъ дѣйствіе, производимое элементомъ на отношеніе скоростей и направленій, съ цѣлью нагляднѣе показать связь кинематики съ теоріею механизмовъ. Въ заключеніе предисловія авторъ сообщаетъ, что изданное имъ сочиненіе по изложенію принадлежитъ къ числу элементарныхъ, основанныхъ на начальной математикѣ. Объясненія же, сдѣланныя при помощи нѣкоторыхъ алгебраическихъ и тригонометрическихъ формулъ, относятся къ весьма немногимъ доказательствамъ, съ цѣлью дать возможность каждому, по изученіи этого курса, свободно пользоваться существующими справочными книжками.

Сочиненіе г. Курцыгина изложено на 271 страницѣ, при чемъ первая 9 страницъ имѣютъ въ виду ознакомить учащихся съ алгебраическими формулами, тригонометрическими величинами и съ построениемъ наиболѣе употребительныхъ кривыхъ линий; за тѣмъ, все сочиненіе раздѣлено на двѣ книги: въ первой книгѣ, заключающей въ себѣ 83 страницы, изложена теоретическая механика, а во второй книгѣ на 179 страницахъ помѣщенъ курсъ практической механики. Курсъ теоретической механики раздѣленъ на двѣ части: 1-я часть, — кинематика, изложена въ XIV главахъ на 34 страницахъ, а часть II-я подраздѣлена на два отдѣла: статику, изложенную въ XVI главахъ

на 38 страницахъ, и динамику, въ VII главахъ на 13 страницахъ; затѣмъ слѣдуютъ 25 задачъ, относящихся къ курсу теоретической механики, съ ихъ рѣшеніями. Книга II-я, практическая механика, заключаетъ въ себѣ также двѣ части: часть 1-я, прикладная кинематика или теорія механизмовъ, изложена въ XXVI главахъ на 45 страницахъ, а часть 2-я имѣетъ два отдѣла: теорію сопротивленія матеріаловъ, куда присоединено также и треніе, изложенную въ VI главахъ на 21 страницѣ, и теорію машинъ, изложенную въ XXXIV главахъ на 95 страницахъ, и въ заключеніе помѣщено 66 задачъ изъ области практической механики съ ихъ рѣшеніями.

Статья „Практическая кинематика“ заключаетъ въ себѣ обиліе различныхъ механизмовъ, а въ статьѣ „теорія машинъ“ изложены: простыя машины, затѣмъ болты, заклепки, валы, соединеніе валовъ, шкивы, подшипники, подвѣски, муфты, зубчатые колеса и пр. съ указаніями способовъ опредѣленія размѣровъ этихъ деталей машинъ, и наконецъ, пріемники двигателей паровыхъ, водяныхъ, вѣтренныхъ и живыхъ.

Существующіе на русскомъ языкѣ, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, учебники механики приспособлены къ потребностямъ среднихъ техническихъ училищъ и почти недоступны учащимся низшихъ техническихъ и ремесленныхъ школъ, а потому, соглашаясь вполне съ авторомъ, что въ настоящее время, при особенномъ развитіи ремесленного и низшаго технического образованія, ощущается безотлагательная потребность въ такомъ учебникѣ механики, который былъ бы вполне удобопонятенъ и приспособленъ къ получаемому учениками въ низшихъ училищахъ общему образованію и къ степени ихъ развитія, особенно слѣдуетъ упрекнуть его въ томъ, что онъ, высказавъ эту мысль въ предисловіи, во всемъ своемъ сочиненіи отступилъ отъ нея и обременяетъ учащихся довольно сложными алгебраическими формулами и тригонометрическими величинами, съ которыми учащіеся не въ состояніи будутъ справиться по ознакомленіи съ тѣми краткими свѣдѣніями изъ алгебры и тригонометріи, которыя помѣщены на стр. 1—4; чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на страницы 28—33, 60—77, 126, 127, 144—173 и т. д. Въ особенности непонятно стремленіе автора затемнить учащимся пониманіе: учебника тригонометрическими величинами, тѣмъ болѣе, что вычисленіе угловъ по этимъ величинамъ для нихъ недоступно, такъ, напримѣръ, на стр. 62, $\sin 360^\circ$ и пр.

Слѣдуетъ твердо помнить, что въ основу курса механики для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ школъ должны только входить:

арифметика и геометрія. Независимо отъ употребленія алгебраическихъ и тригонометрическихъ выраженій, многое изложенное въ книгѣ не можетъ быть понятно учащимся, такъ, напримеръ, излагая условіе равновѣсія между внутренними и внѣшними силами при сгибаніи бруска, авторъ на стр. 156 говоритъ: „Чтобы перейти теперь къ нашей цѣли, то-есть, найти условіе равновѣсія всѣхъ силъ, припомнимъ, изъ динамики, что для этого необходимо, чтобы, во-первыхъ, сумма проекцій всѣхъ силъ на вертикальную и горизонтальную плоскости $= 0$; и во-вторыхъ, сумма моментовъ паръ относительно оси перпендикулярной къ плоскости паръ $= 0$ “, между тѣмъ, авторъ, отдѣляя статику отъ динамики, въ отдѣлѣ статики, а не динамики на стр. 65, излагая условіе равновѣсія твердаго тѣла, говоритъ: „Затѣмъ ставимъ такое условіе: для равновѣсія твердаго тѣла нужно, во-первыхъ, чтобы сумма проекцій всѣхъ силъ на оси равнялась нулю, и во-вторыхъ, чтобы сумма моментовъ всѣхъ силъ относительно осей равнялась нулю“, при чемъ авторъ не доказываетъ, а заставляетъ учащихся вѣрить ему на слово, а между тѣмъ учащиеся не знаютъ еще, что такое моменты относительно осей, такъ какъ на стр. 57 сказано только слѣдующее: „Можно вмѣсто точки брать моменты относительно линій, и этотъ моментъ будетъ называться моментомъ относительно оси“. На стр. же 66, авторъ изъ точекъ приложенія силъ, опуская перпендикуляры на оси проекцій, называетъ произведеніе силъ на перпендикуляры моментами силъ относительно осей, что не вѣрно, такъ какъ моментомъ силы относительно оси называется произведеніе изъ проекціи силы на плоскость, перпендикулярную къ оси, и кратчайшее разстояніе проекціи до оси. Достаточно одного этого примѣра, чтобы составить себѣ понятіе о качествахъ сочиненія.

Излагая всѣ законы подобнымъ же образомъ, авторъ, ничего не доказывая, весьма часто употребляетъ выраженія „изъ этихъ разсужденій видно“, стр. 15, „отсюда вытекаетъ весьма интересное явленіе“, стр. 19, „какъ намъ извѣстно“, стр. 24, „и такъ“, стр. 37 и т. д., а между тѣмъ для учащихся все остается непонятнымъ и не объясненнымъ.

Авторъ вводитъ въ свой курсъ понятіе о моментахъ инерціи (стр. 79 — 80); излагая эту статью неточно и неясно, какъ напримеръ, стр. 79: „Чтобы имѣть моментъ инерціи цѣлаго тѣла, то ясно, что для этого надо взять моментъ инерціи всѣхъ материальныхъ точекъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло“ и т. д. до конца § 109, и это опредѣленіе моментовъ инерціи прилагаетъ къ теоріи сопротивленія матеріаловъ, стр. 141—165, при чемъ на стр. 165 упоминаетъ

насть также о полярномъ моментѣ инерціи въ такихъ словахъ: „Замѣтимъ, что полярный моментъ инерціи J_0 равенъ $J_x + J_y$. . .“, а на стр. 167 авторъ сдерживается только отъ слова „интеграль“. Все это совершенно недоступно для учащихся и притомъ изложено весьма неясно.

Между тѣмъ, въ отдѣлѣ динамики авторъ обходится безъ основнаго принципа „начала независимости совокупнаго дѣйствія силъ“, даже не упоминая объ немъ; о принципѣ инерціи выражается неясно въ нѣсколькихъ словахъ на стр. 74, о началѣ Ньютона „дѣйствіе равно и прямо противоположно противодѣйствію“, на стр. 78, ограничивается только слѣдующими словами: „Замѣтимъ вообще, что отъ дѣйствія всякой силы на тѣло, въ немъ развивается другая сила, совершенно равная и прямо-противоположная. Этотъ основной законъ динамики выражается такъ: „дѣйствіе равно противодѣйствію“.

Авторъ нигдѣ не говоритъ о различіи силъ постоянныхъ и переменныхъ, такъ что въ статьѣ о живыхъ силахъ на стр. 76 слова „пусть точка двигалась сначала равномерно подѣйствіемъ какой-то силы...“ остаются совершенно неясными. Статья объ ударѣ, стр. 81, изложена неточно и неясно. Въ статьѣ „о работѣ силы“, стр. 74, вовсе не упомянуто объ общемъ случаѣ, когда сила не совпадаетъ съ направлениемъ движенія. На стр. 75 бездоказательно опредѣляется работа силы при круговомъ движеніи.

На стр. 30 и 31 авторъ называетъ „относительнымъ движеніемъ“ такое, которое принято называть „абсолютнымъ“, вводитъ новый терминъ „общее движеніе“ и вообще перепутываетъ эти опредѣленія.

На стр. 33 авторъ высказываетъ, что по уравненію $x^2 = \frac{2v}{g} \cdot y$ нельзя построить точно кривую, и строитъ ее приблизительно, пользуясь геометрической теоремой, что въ прямоугольномъ треугольникѣ перпендикуляръ, опущенный изъ вершины прямого угла, есть средняя пропорціональная величина между отрѣзками гипотенузы, а потому авторъ откладываетъ внизъ отъ точки O до точки A величину y , а за нею другую большую величину $2y$ и возстановляя изъ точки A перпендикуляръ, откладываетъ на немъ величину большую y , но меньшую $2y$, и такимъ образомъ получаетъ точку B .

Какую же именно величину нужно отложить, чтобы получить точку B , а затѣмъ, если эта точка опредѣлена, то зачѣмъ же еще строить прямоугольный треугольникъ, какъ предполагаетъ авторъ? Вопросъ рѣшается точнѣе, если на линіи $y + 2y$ описать полуокружность и изъ точки A возставить перпендикуляръ.

На стр. 30 авторъ говоритъ слѣдующее: „Воспользуемся болѣе

простымъ наблюдениемъ надъ падающими тѣлами, изъ которыхъ было бы видно, что движеніе это дѣйствительно равномерно ускоренное. Заставимъ какой-нибудь металлическій шарикъ упасть на полъ два раза, — сперва съ одной высоты, а потомъ съ другой, вдвое большей. При внимательномъ наблюдении окажется, что шумъ отъ вторичнаго паденія будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ два раза, значить и скорость шарика при концѣ паденія во второмъ случаѣ не вдвое, а гораздо болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Это и есть подтвержденіе предыдущихъ разсужденій“.

Такия подтвержденія законовъ не слѣдовало бы приводить. Чтобы ознакомиться съ характеромъ наложенія сочиненія, достаточно обратиться къ самому началу, § 3 кинематики, стр. 11:

3. „Пользуясь же этими силами природы, мы дѣлаемъ надъ ними извѣстныя наблюденія и приходимъ къ цѣлому ряду различныхъ заключеній, которыя, вообще говоря, весьма разнообразны и могутъ относиться къ различнымъ явленіямъ. Остановимся на одномъ: движеніи тѣлъ“.

4. „Заключенія или истины, выведенныя изъ силъ природы и относящіяся къ изученію причинъ и законовъ движенія тѣлъ, составляютъ особую науку, называемую теоретическою механикою“.

5) „Итакъ, теоретическая механика есть наука, состоящая изъ послѣдовательнаго ряда общихъ, отвлеченныхъ заключеній или истинъ, выведенныхъ изъ силъ природы и относящихся къ изученію законовъ и причинъ движенія тѣлъ“.

6) „Изученіе же законовъ дѣйствія силъ и причинъ движенія вообще составляютъ науку, называемую просто механикою“.

7) „Итакъ, мы видимъ, что механика въ общемъ значеніи этого слова, раздѣляется на теоретическую, которая въ свою очередь сама состоитъ изъ двухъ частей“.

8) „Первая часть, въ которой излагаются законы и причины движенія тѣлъ, независимо отъ силъ, производящихъ это движеніе, называется кинематикою“.

9) „Вторая часть рассматриваетъ законы и причины движенія тѣлъ въ связи съ силами, производящими это движеніе, и называется динамикою“.

10) „Всѣ эти отвлеченныя истины, изъ которыхъ состоитъ теоретическая механика, намъ нужны для того, чтобы приѣмнить ихъ къ такимъ движущимся тѣламъ, которыя мы называемъ машинами;

наука, занимающаяся этимъ применениемъ, носить название практической механики".

11. „Итакъ, практическая механика есть наука, применяющая всѣ отвлеченныя разсужденія и истины или заключенія теоретической механики къ машинамъ“.

Вышеприведеннаго вполне достаточно, чтобы судить о качествахъ 1-й части сочиненія г. Курныгина.

Книга 2-я „Практическая механика“, заключающая въ себѣ тѣ же недостатки, на которые было указано выше, въ отдѣлѣ прикладной кинематики вмѣщаетъ обиліе всевозможныхъ механизмовъ, кратко и не всегда ясно объясненныхъ; вполне возможно было бы ограничиться значительно меньшимъ числомъ этихъ механизмовъ, изложивъ при этомъ теорію дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе обстоятельно, какъ, на примѣръ, шатуна и кривошипа, о которыхъ почти ничего не сказано на стр. 127, тогда какъ рядомъ же, на стр. 126, не извѣстно для какой цѣли, помѣщено весьма сложное вычисленіе дѣйствія гидравлическаго прессы, не говоря уже о томъ, что при описаніи этого механизма авторъ въ первый разъ упоминаетъ о треніи вообще, о коэффициентѣ тренія, о пропорціональности тренія нормальному давленію и пр., не давъ никакихъ предварительныхъ о треніи понятій. Вся же статья о треніи помѣщена ниже, на стр. 143, и присоединена къ теоріи сопротивленія матеріаловъ.

Статья о паровыхъ машинахъ изложена не лучше предыдущихъ: системы золотниковъ выбраны не совсѣмъ удачно и притомъ, равно какъ и кулисса, описаны неясно, а потому и не слѣдуетъ особенно внимательно останавливаться на этой статьѣ, хотя нельзя обойти молчаніемъ того новаго и смѣлаго взгляда, который проводитъ авторъ на стр. 247 при описаніи регулятора. Авторъ говоритъ: „Слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на это остроумное приспособленіе, особеннаго практическаго значенія регуляторъ не имѣетъ. Разъ уже потому, что влияние свое онъ окажетъ послѣ того только, когда машина перестаетъ сообщать равномерную скорость валу, а предупредить это онъ не въ силахъ; кромѣ того, маховикъ на столько добросовѣстно исполняетъ свое назначеніе, что участіе регулятора становится излишнимъ, — яснымъ доказательствомъ чего можетъ служить то, что многіе машиновладельцы сняли со своихъ машинъ регуляторы, хотя одобрить этого поступка тоже нельзя, такъ какъ регуляторъ можетъ оказать громадную услугу, заперевъ во-время паровпускной каналъ, когда слу-

чайню лопнетъ ремень или канать, сообщающій движенію отъ машины приводу".

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что не указанныхъ опечатокъ во всей книгѣ порядочное количество, а нѣкоторыя опечатки исправлены неудачно, напримѣръ, на стр. 13: „Итакъ, способность тѣлъ замѣнять свое положеніе называется движеніемъ“. По опечаткамъ это послѣднее слово должно быть замѣнено словомъ: „движимостью“.

Такимъ образомъ, единственнымъ качествомъ книги остается ея дешевизна.

Тяжесть, масса и вѣсъ тѣлъ. *К. Пузыновскаго*, кандидата по разряду математическихъ наукъ физико-математическаго факультета университета Св. Владиміра. Симферополь. 1888. Стр. 89+III. Цѣна 70 к., съ пересылкою 85 к.

Содержаніе разсматриваемой брошюры двойственное. Впервыхъ, авторъ старается доказать кажущуюся ему неудовлетворительность формулъ: $F=mg$ и $P=mg$ и предлагаетъ замѣнить ихъ такими: $F=\delta mg$ и $P=\delta mg$, гдѣ δ изображаетъ единицу силъ, а именно дину. Въ вторыхъ, въ брошюрѣ этой изложены элементарно нѣкоторыя изъ основныхъ началъ механики, какъ-то: понятія о массѣ и плотности тѣлъ, инерціи, движеніи равномерномъ и равноускоренномъ, о силѣ вообще, о Ньютоновомъ законѣ взаимнаго притяженія тѣлъ, о силѣ тяжести, о ея зависимости отъ географической широты, единицахъ работы, о живой силѣ и т. под., а между прочимъ — вычисленіе массы и плотности земнаго шара.

Всѣ попытки автора обнаружить неудовлетворительность формулъ $F=mg$ и $P=mg$ не выдерживаютъ критики. Другаго результата нельзя было и ожидать, такъ какъ эти формулы выражаютъ несомнѣнный законъ, что силы F и P , сообщающія массѣ m ускоренія g и g , сообщали бы единицѣ массъ ускоренія mq и mg . Авторъ не отрицаетъ несомнѣнной вѣрности этого закона; слѣдовательно, всѣ его нападки на упомянутыя формулы и предложеніе замѣнить ихъ другими основаны на грубомъ недоразумѣніи. Дѣйствительно, сущность его разсужденій объ этихъ формулахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Авторъ говоритъ неоднократно (стр. 34, 73 и н. др.), что изъ пропорціи

$$\frac{F}{F'} = \frac{mq}{m'q'}$$

выражающей пропорціональность силъ произведеніямъ массъ на ускоренія, нельзя заключить, что предыдущій членъ перваго отношенія

равенъ предыдущему члену втораго отношенія, то-есть, что $F=mg$. Но онъ упускаетъ изъ виду, во-первыхъ, что въ этой формулѣ, подъ буквами F , m , g , равно какъ и вообще въ формулахъ, слѣдуетъ подразумѣвать не самыя величины — не силу, массу и ускореніе, а ихъ численныя значенія, выражающія отношенія величинъ къ соответствующимъ имъ единицамъ. Во-вторыхъ, если для измѣренія силы, массы и ускореній взяты произвольныя единицы, напримѣръ, килограммъ какъ вѣсъ для силы, масса грамма для массы, метръ для ускореній, то F не будетъ $=mg$, а получится формула $F=kmq$, и въ данномъ случаѣ k будетъ $=\frac{0,001}{9,8}$; но на самомъ дѣлѣ такъ никогда не поступаютъ, а избираютъ единицы, удовлетворяющія условію, чтобы коэффициентъ пропорціональности (будетъ ли онъ обозначенъ чрезъ k или, какъ дѣлаетъ авторъ, чрезъ δ) равнялся единицѣ. Напримѣръ, руководствуясь французскою системою, то-есть, принимая граммъ за единицу вѣса и измѣривъ силы килограммами, ускореніе метрами, а время секундами, необходимо за единицу массы избрать ту, вѣсъ которой равенъ 9,8... килограммовъ; если же руководствоваться системою абсолютныхъ C. G. S. единицъ, то-есть, принять граммъ за единицу массы (а не за единицу вѣса, какъ ошибочно полагаетъ авторъ); сантиметръ за единицу длины и секунду за единицу времени, то силы, а слѣдовательно, и вѣсъ, будутъ выражаться уже не граммами, а динами; такъ что вѣсъ грамма будетъ 980 динъ (приблизительно). Хотя авторъ въ самомъ началѣ своей брошюры говоритъ объ основныхъ единицахъ системы C. G. S., но онъ, очевидно, не достаточно знакомъ съ нею, ибо даже называетъ ее системою Британской ассоціаціи, тогда какъ эта послѣдняя система есть система практическихъ электро-магнитныхъ единицъ, въ которой за единицу длины принято десять милліоновъ метровъ, а за единицу массы одна сто-тысячная доля микрограмма; въ этомъ и заключается источникъ его недоразумѣній относительно вышеупомянутыхъ формулъ. Поэтому-то онъ и говоритъ: „Какъ-то странными кажутся выраженія такого рода: вѣсъ одного кубическаго сантиметра вещества, называемаго водою, равенъ одному граммъу, а масса того же вещества равна $\frac{1 \text{ граммъ}}{g}$; иначе, масса этого вещества вѣситъ $\frac{1 \text{ граммъ}}{g}$, или вѣсъ массы этого же вещества равенъ $\frac{1}{g}$ грамма“ и т. д. (стр. 76—77).

Авторъ предлагаетъ единицу массы системы C. G. S. называть

массаю; но терминъ дототъ совершенно излишенъ, ибо эта единица въ системѣ C. G. S. имѣетъ уже вполне определенное названіе — граммъ.

Остальное содержаніе брошюры г. Пузыновскаго, — за исключеніемъ вышесказаннаго недоразумѣнія, не лишено достоинствъ; изложеніе ясно, элементарно и могло бы даже выдержать строгую научную критику, еслибы было тщательнѣе разработано; авторъ, по всей вѣроятности, слишкомъ поторопился обнародованіемъ своего труда и потому не успѣлъ освободить его отъ различныхъ промаховъ и недосмотровъ, подобныхъ, напримѣръ, слѣдующимъ:

На стр. 7—8 приведено вычисленіе вѣса земнаго шара, и полученъ результатъ въ граммахъ съ 32 цифрами, то-есть, съ кажущейся точностью до $\frac{1}{10}$ доли миллиграмма; въ основаніе этого исчисленія принятъ радіусъ шара, по объему равнаго децимому, въ 637028400 дециметровъ, а относительно π авторъ говоритъ, что онъ взялъ „для большей точности, величину этого количества съ 31-ю цифрою послѣ цѣлаго числа 3^е. Утомительныя выкладки, произведенныя авторомъ съ цѣлью достигнуть такой воображаемой точности, оказались въ результатѣ бесполезными, во-первыхъ, потому, что степень приближенія, доставляемая вычисленіемъ радіуса земнаго шара изъ совокупности совершеннѣйшихъ геодезическихъ работъ, не достигаетъ даже ста дециметровъ, а потому вмѣсто 31 десятичной цифры въ числѣ π вполне достаточно было ограничиться девятью или даже восемью цифрами; во-вторыхъ, радіусъ шара, равнообъемнаго земному, содержитъ въ себѣ не 6370 километровъ и 284 метра, какъ предполагаетъ авторъ, а почти на $\frac{1}{4}$ километра болѣе.

На стр. 11 сказано, что, еслибы тренія не существовало вовсе, то „намъ трудно было бы ходить и что-нибудь держать въ рукахъ“; слѣдовательно, авторъ предполагаетъ, что при отсутствіи тренія ходить было бы только трудно, но все-таки возможно.

На стр. 36 говорится, что свободно падающее тѣло приближается къ земной поверхности „именно по прямой, идущей отъ его центра тяжести къ центру земли и называемой вертикальной“. Между тѣмъ въ дѣйствительности, свободно падающія тѣла приближаются къ землѣ не по геоцентрическимъ линіямъ, а по нормалямъ къ земной поверхности, и такъ какъ земля не шаръ, а имѣетъ сжатіе, то нормали не проходятъ чрезъ ея центръ, а составляютъ съ геоцентрическими линіями вѣкторный весьма малый уголъ, зависящій отъ географическихъ координатъ даннаго пункта. Чтобъ остаться безъ

упречныхъ относительно научной точности, автору слѣдовало упомянуть о такомъ обстоятельстве и сказать, что вышеприведенныя слова служатъ лишь приблизительнымъ выраженіемъ закона паденія тѣлъ.

Основы построенія дѣйстви машинъ, соч. *W. Fairbairne, Uwin*. Перевели Нетиксы и Кульчицкій. Москва, 1887. Цѣна 3 р. 50 к. Стр. 307 и 21 табл.

Сочиненіе Уивина „*The Elements of Machine Design*“ уже довольно давно пользуется заслуженною извѣстностью. Оно выдержало нѣсколько изданій (6-е изданіе въ 1883 г.) и появилось также въ переводахъ на главнѣйшіе европейскіе языки. Это сочиненіе принадлежитъ къ весьма ограниченному числу руководствъ, составленныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, по той отрасли техническихъ свѣдѣній, которую проф. Reuleaux, въ своей „Теоретической кинематикѣ“, называетъ ученіемъ о построеніи машинъ.

Каждая часть, входящая въ составъ машины, должна не только прочно сопротивляться разрушающему вліянію различныхъ дѣйствующихъ на нее силъ, но и удовлетворять перѣдко весьма многочисленнымъ, чисто техническимъ требованіямъ, зависящимъ не только отъ свойствъ матеріаловъ и способовъ ихъ обработки, но также отъ назначенія машинной части, ея стоимости, условій пользованія ею и другихъ обстоятельствъ, съ которыми приходится имѣть дѣло строителю машинъ. Цѣль сочиненія Уивина въ томъ и состоитъ, чтобъ указать учащемуся главнѣйшія соображенія и правила, которыми онъ долженъ руководствоваться при выборѣ очертаній и опредѣленіи размѣровъ наиболее употребительныхъ машинныхъ частей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда указываемое авторомъ правило основано на математическихъ вычисленіяхъ, онъ перѣдко приводитъ и относящіяся сюда вычисленія, но въ возможно сжатомъ видѣ, при чемъ предполагаетъ въ читателѣ нѣкоторое знакомство съ высшею математикой, а также съ теоретическою механикой и ея приложеніями. Въ своей книгѣ авторъ весьма удачно воспользовался многочисленными изслѣдованіями, какъ англійскихъ, такъ и континентальныхъ инженеровъ, съ трудами которыхъ онъ познакомился весьма основательно. Это обстоятельство, въ соединеніи съ яснымъ и точнымъ изложеніемъ, дѣлаетъ конечно очень желательнымъ появленіе разсматриваемой книги въ русскомъ переводѣ, но только не въ такомъ, который находится передъ нами.

Переводъ гг. Нетиксы и Кульчицкаго страдаетъ крупными недостатками, чрезвычайно затрудняющими пользованіе ихъ книгою.

Начнемъ съ того, что переводъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ

французскаго перевода, то-есть, является переводомъ съ перевода, что, конечно, не могло способствовать точности передачи мыслей автора. И дѣйствительно, сравненіе перевода съ подлинникомъ обнаруживаетъ, что выраженія и мысли автора, въ большинствѣ случаевъ, переданы не совсѣмъ правильно, а нѣрѣдко искажены до полной неузнаваемости. Другимъ весьма крупнымъ недостаткомъ перевода является полное отсутствіе системы въ выборѣ единицъ мѣры — обстоятельство, крайне важное въ книгѣ, изобилующей эмпирическими формулами, съ массой различныхъ коэффициентовъ, величина которыхъ вполнѣ зависитъ отъ принятыхъ единицъ для измѣренія входящихъ въ формулы величинъ. Наконецъ, третій крупный недостатокъ перевода заключается въ языкѣ, столь неясномъ и запутанномъ, что даже сами переводчики, въ своемъ предисловіи, сознаются, что не возможно было достигнуть яснаго изложенія; но они ошибаются, приписывая этотъ недостатокъ автору и утверждая, что, въ которыхъ статьи слѣдовало бы совершенно измѣнить, чего мы не имѣли права сдѣлать, дѣлая простой переводъ.

Особенно рѣзко вышеуказанные недостатки проявляются въ первыхъ трехъ главахъ перевода; но ими же страдаютъ, хотя въ меньшей мѣрѣ, и остальные главы рассматриваемаго труда. Было бы затруднительно перечислить всѣ встрѣчающіяся въ книгѣ неточности, невѣрные выраженія и искаженія мыслей автора. Въ видѣ образчиковъ приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

На стр. 5 прочугунъ говорится: „Сѣрый чугуны, сортируемый по номерамъ 1, 2 и 3, употребляется для отливки. И затѣмъ далѣе: „Сопротивленіе его слабое; поэтому, болѣею частью отливка производится изъ смѣси въ различныхъ пропорціяхъ номеровъ 1, 2 и 3. Чѣмъ крупнѣе отливка, тѣмъ болѣею сопротивленіемъ она должна обладать и тѣмъ менѣе прибавлять № 1-го“.

Въ подлинникѣ сказано: „Сѣрый чугуны (the greyer irons) сортируемые по № 1, 2 и 3, употребляются также для отливокъ“ И затѣмъ далѣе: „Наиболѣе сѣрый чугуны (the greyest iron) отличается малою сопротивляемостью. Поэтому, большая часть отливокъ дѣлается изъ №№ 1, 2 и 3, въ различныхъ пропорціяхъ. Чѣмъ болѣею размѣровъ отливка, и тѣмъ болѣею прочностью отъ нея требуется, тѣмъ меньшая употребляется пропорція чугуна № 1-го“.

Про желѣзо сказано: „Рабочіе испытываютъ его вязкость ударомъ молота по углу“ (стр. 10).

А въ подлинникѣ: „Рабочій испытываетъ его вязкость, изгибая подъ острымъ угломъ ударами молота“.

На той же стр. 10: „Качества желѣза весьма различны; одни при мѣненіи требуютъ болѣе сопротивленія, другія—чтобы при работѣ молотомъ не производилось трещинъ, не уменьшалось сопротивленіе“.

Въ подлинникѣ: „Качества желѣза весьма различны, и для нѣкоторыхъ цѣлей сопротивляемость имѣетъ наибольшее значеніе, тогда какъ для другихъ особенно важна способность обрабатываться подь молотомъ, безъ трещинъ или потери прочности“.

Далѣе въ переводѣ, сказано, что обыкновенное желѣзо употребляется для постройки судовъ, мостовъ и для передачи силы (?)“ (стр. 10).

Въ подлинникѣ сказано „for shafting“, то-есть, для приводныхъ валовъ, или просто для приводовъ.

Про Юрширское желѣзо сказано, что „доброкачественность его однородна. (1)“ (стр. 10), а слѣдуетъ сказать, какъ въ подлинникѣ, что это желѣзо вполне однородно по качеству (uniform in quality).

Про то же желѣзо сказано, что „оно служить... для печныхъ плитъ, претерпѣвающихъ высокую температуру, и для котельныхъ листовъ, которые должны быть проштампованы и проч.“ (стр. 11).

Между тѣмъ въ подлинникѣ сказано, что это желѣзо употребляется для топочныхъ листовъ (for furnace plates), подверженныхъ сильному жару, и для котельныхъ листовъ съ отогнутыми флянцами (which require flanging).

Далѣе въ классификаціи сортовъ желѣза упоминается совершенно непонятный сортъ: „e) желѣзо мягкое (?). Оно очень тягуче; это лучший сортъ“ (стр. 11).

Въ подлинникѣ, подь тою же буквою e, значитъ: „желѣзо, приготовляемое на древесномъ углѣ“ (charcoal iron).

На стр. 11 говорится про сжатіе поперечнаго сѣченія бруска воалѣ мѣста его разрыва и указано, что „это сжатіе (въ подлинникѣ: contraction) для листового желѣза около 10%, для углового и таврового—15%, и для круглаго и квадратнаго—20%“. Между тѣмъ въ таблицѣ на стр. 12, подь рубрикой, гдѣ должно значиться то же самое сжатіе (contraction) и, конечно, по прежнему въ процентахъ, указано какое-то „сопротивленіе на 100“, — выраженіе совершенно непонятное. Притомъ слово „Tenacity“, которое здѣсь означаетъ разрывающее усиліе, переведено тоже вполне неопредѣленнымъ выраженіемъ: „нагрузка“. Слѣдовало бы хотя прибавить „при разрывѣ“, — иначе слово „нагрузка“ останется не имѣющимъ никакого опредѣленнаго значенія.

Многія техническія выраженія передаются вообще невѣрно. Укажемъ, на примѣръ, на слово отжигъ (annealing), которое въсѣду передается словомъ перекаливаніе, а иногда и словомъ закалка, на примѣръ, на стр. 14: „закалка будетъ вполнѣ хороша!“ На стр. 17—18, гдѣ въ подлинникѣ говорится про „unannealed wire“, то-есть, не отоженую проволоку, и затѣмъ про „ту же самую проволоку послѣ отжига“ (the same wire after annealing), эти выраженія переведены словами „не прокаленная“ и „прокаленная“ проволока. Точно также слово „ingot“, то-есть, болванка, переводится совершенно не подходящимъ словомъ „полоса“. Такъ, на стр. 13, сталь „можетъ быть отливаема въ „ковкія полосы“ (1) и далѣе, на той же страницѣ: „матеріалы, способные отливаться въ „ковкія полосы“. Слово разѣданіе (corrosion) переводится словомъ „ржавчина“, что далеко не одно и то же. Такъ, на стр. 18, параграфъ озаглавленъ: „Предохраненіе желѣза отъ ржавчины“, и далѣе говорится, что „желѣзо и сталь суть матеріалы, подверженныя окисленію“. Въ подлинникѣ же сказано, что названныя матеріалы подвержены разѣданію (corrosion), и параграфъ озаглавленъ такъ: „Предохраненіе желѣза отъ разѣданія“ (from corrosion). Точно также слово „working“, на примѣръ, working stress, working load, очевидно, невѣрно понято и въ переводѣ передается различными, совершенно неумѣстными, выраженіями. Такъ, на примѣръ, на стр. 43 говорится про какую-то „нагрузку, производящую работу“, тогда какъ въ подлинникѣ говорится про рабочій или безопасный грузъ (working load). Точно также на стр. 34 параграфъ 25 озаглавленъ: „Внѣшнія силы, производящія работу“, тогда какъ въ подлинникѣ заглавіе этого параграфа просто „Working stress“ (безопасное натяженіе). Точно также „въ таблицѣ на стр. 36 даются величины силъ, производящихъ работу“, тогда какъ слѣдовало бы сказать: таблица, дающая величины обыкновенно допускаемыхъ натяженій (ordinary working stress). Только въ концѣ стр. 52 сказано, что: „Рабочій грузъ можетъ быть равенъ $\frac{1}{2}$ вычисленнаго“, хотя и здѣсь правильнѣе было бы сказать „долженъ быть“, а не „можетъ быть“, и „безопасный грузъ“, а не „рабочій“.

Кромѣ того, что особенно непростительно, встрѣчается, нерѣдко путаница въ выраженіяхъ, означающихъ усилія и деформации, ими производимыя. Непростительно это именно потому, что самъ авторъ, еще въ предисловіи ко второму изданію своего труда, обратилъ вниманіе читателя на это обстоятельство. Онъ говоритъ:

„Недостаток терминов, обыкновенно употребляемых въ мастерских и въ книгахъ, имѣющихъ дѣло съ сопротивленіемъ матеріаловъ, заключается въ томъ, что одними и тѣми же терминами означаются безразлично какъ самыя силы, такъ и деформаціи, ими производимыя. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ словомъ сжатіе (compression) означаютъ обыкновенно какъ самое давление (stress), дѣйствующее на брусья, такъ и сжатіе матеріала (strain), имѣ производимое. Кромѣ того, встрѣчается другая двусмысленность, происходящая отъ употребленія однихъ и тѣхъ же словъ для выраженія не только количества, но и его относительной величины (the same words for a quantity and an intensity). Такъ, напримѣръ, удлинненіе и сжатіе (elongation and compression) употребляются то въ смыслѣ полной деформаціи, то въ смыслѣ деформаціи на единицу длины“. Во избѣжаніе всѣхъ возможныхъ недоразумѣній авторъ приводитъ даже слѣдующую краткую схему принятой имъ терминологіи:

$$\begin{aligned} \text{Stress} &= \text{Tension} \text{ or } \text{Pressure} \\ \text{Strain} &= \text{Extension} \text{ or } \text{Compression} \\ \text{or } \frac{\text{Shearing stress}}{\text{Shearing strain}} &= \text{corresponding Elasticity.} \\ \text{Also, } \text{Extension} &= \frac{\text{Elongation}}{\text{original length}} \\ \text{and Compression} &= \frac{\text{Contraction}}{\text{original length}} \end{aligned}$$

Тѣмъ не менѣе въ переводѣ является вышеупомянутая путаница. Такъ, § 19 озаглавленъ „Напряженіе и сопротивленіе“, тогда какъ его правильное названіе должно быть: „Натяженія и деформаціи“.

Далѣе, въ томъ же параграфѣ: „Для каждаго матеріала напряженіе, въ большей или меньшей степени, пропорціонально вѣншимъ усиліямъ“, — тогда какъ слѣдовало бы сказать: „Для каждаго даннаго матеріала, подверженнаго дѣйствию постепенно возрастающей силы, можетъ быть найдена болѣе или менѣе ясно обозначенная граница, до которой натяженія почти пропорціональны измѣненіямъ формы (деформаціямъ), и за которую эта пропорціональность замѣтно нарушается“ (a certain limit, more or less clearly marked, within which the stresses are sensibly proportional to the strains, and beyond which that proportionality sensibly ceases). Вообще параграфы 18, 19 и 20 совершенно искажены въ переводѣ. А между тѣмъ въ этихъ параграфахъ должны быть выяснены столь важныя понятія объ упругихъ и неупругихъ измѣненіяхъ, о предѣлахъ и коэффициентахъ упругости и т. п.

На стр. 35: „Таблица I“ озаглавлена слѣдующимъ образомъ:

„Спротивленіе разрыву, и сопротивленіе различныхъ материаловъ растяженію, являющееся вслѣдствіе упругости“ (?). Не говоря уже о совершенной неясности такого заглавія, замѣтимъ, что здѣсь терминъ „предѣлъ упругости“ (elastic strength) замѣняется явнымъ непонятнымъ выраженіемъ: „сопротивленіе, являющееся вслѣдствіе упругости“.

На стр. 37: „Длинные брусья гнутся при продолжительномъ дѣйствіи силы“ (?).

А въ подлинникѣ: „Длинные брусья гнутся подъ дѣйствіемъ направленной вдоль ихъ оси сжимающей силы“ (bend under the action of a longitudinal compressive force).

На стр. 51 читаемъ: „Когда брусъ умѣренной длины получитъ толчокъ по направленію своей оси, то въ каждомъ изъ своихъ сѣченій онъ испытываетъ усиліе, простаго давленія“ (?).

Въ подлинникѣ сказано: „When a bar, of moderate length, is subjected to a thrust, acting in the direction of its axis, the stress on each cross section is a simple pressure“ (2 edition, p. 61; 6 edit., p. 62). Очевидно, здѣсь слово thrust употреблено въ смыслѣ давленія, а не толчка, особенно если принять во вниманіе, что далѣе говорится о прогибѣ длиннаго бруса при дѣйствіи того же давленія (thrust) вдоль его оси.

На стр. 55 сказано, будто „опыты Fairbairn'a были повторены“, тогда какъ они были просто пересмотрѣны авторомъ. Три формулы, выражающія результаты этихъ опытовъ, въ переводѣ (стр. 55) признаются пригодными: 1-я — „для трубокъ“; 2-я — „для трубокъ простыхъ, съ притупленными концами“, и 3-я — „для трубокъ съ продольными и поперечными тягами“ (?), какъ въ паровыхъ котлахъ.

Въ подлинникѣ: 1-я — для трубокъ съ продольнымъ швомъ въ накладку (for tubes with a longitudinal lap joint), 2-я — для трубокъ съ продольнымъ швомъ въ стыкъ (butt joint), и 3-я — для трубокъ съ продольными и поперечными швами (with longitudinal and cross joint), какъ въ обыкновенныхъ жаровыхъ трубахъ (англійскихъ котловъ).

На стр. 102 читаемъ: „Обозначимъ чрезъ P усиліе, передаваемое отъ вала къ валу при посредствѣ клинчатого соединенія“.

А въ подлинникѣ: „Обозначимъ чрезъ P продольную силу, передаваемую отъ одного стержня (rod) къ другому, соединенному съ первымъ посредствомъ муфты съ клиньями“ (by a cotter);...

На стр. 115 и на другихъ эквивалентъ Джауля, то-есть, механической эквивалентъ теплоты принять равнымъ 106 калогр-метр., вмѣсто 424.

На стр. 116 сказано: „Шейки вагонных осей дѣлаются въ такомъ мѣстѣ, чтобы согласовать, наименьше размѣры съ надлежащею прочностью“.

А въ подлинникѣ: „Шейки вагонныхъ осей находятъ столь обширное примѣненіе (are so largely used), что, онѣ, вѣроятно достаточно приблизились къ наименьшимъ размѣрамъ, совместнымъ съ продолжительностью службы“ (with durability).

На стр. 119, § 88: „Третій случай: шипъ подверженъ силѣ, дѣйствующей наклонно къ оси крученія“.

• Въ подлинникѣ: „Шипы, подверженные дѣйствию поперечной силы и скручивающаго усиія“ (to a transverse load and a twisting force).

Интересно также отмѣтить, что переводчики всё безъ исключенія машинныя части называютъ вообще деталями машинъ. Посему, на стр. 123, мы встрѣчаемся съ такимъ опредѣленіемъ:

„Осями называются тѣ части машинъ, на которыхъ насажены детали, находящіяся въ движеніи (например: водяныя колеса (?))...“

Въ подлинникѣ, оси назначены для поддержанія вращающихся частей (rotating pieces).

На стр. 241: „Шатунъ подверженъ исключительно сжатію или растяженію. При постройкѣ машины лучше располагать ее такъ, чтобы шатунъ подвергался только растягивающимъ усилямъ“.

Въ подлинникѣ сказано: „Шатунъ можетъ быть подверженъ одному только растяженію или сжатію; и въ тѣхъ случаяхъ, когда есть свобода выбора, предпочтительнѣе располагать машину такъ, чтобы шатунъ подвергался исключительно растяженію“.

На стр. 253 заглавіе § 216: „Направляющіе механизмы“, а слѣдовало бы озаглавить: „Параллели“ (Slide bars), такъ какъ далѣе, въ томъ же параграфѣ, авторъ упоминаетъ о томъ, что въ настоящее время избѣгаютъ употребленія такъ-называемыхъ параллелограммовъ (parallel motion).

Въ заключеніе скажемъ, еще нѣсколько словъ о рѣчь упомянутой безсистемности въ выборѣ мѣръ. Придана метрическая система, мѣръ, но за единицу длины принимается то одинъ миллиметръ, то сантиметръ, то метръ и насто. безъ надлежащей оговорки, а иногда съ невѣрной оговоркой. Напримеръ, для формулы на стр. 128: $d = \sqrt[3]{\frac{CH}{N}}$ сказано, что діаметръ d долженъ быть взятъ въ метрахъ (l), вмѣсто миллиметровъ, какъ показываютъ

приведенныя на той же страницѣ численныя значенія коэффициента β и таблица на стр. 130. Та же формула приведена на стр. 101, и здѣсь тоже не указано, въ какихъ мѣрахъ должно взять d , хотя на основаніи предыдущаго, а также таблицы на стр. 130, читатель неизбежно пришелъ бы къ невѣрному предположенію, что d должно быть взято въ сантиметрахъ.

Такихъ примѣровъ можно привести не мало. Укажемъ еще на то, что многія формулы вида: $d = a \sqrt{t}$, гдѣ d и t длины, а a нѣкоторый коэффициентъ, приведены въ переводѣ съ тѣми же самыми коэффициентами a , какъ и въ подлинникѣ (при англ. мѣрахъ), что, очевидно, дѣлаетъ формулы невѣрными. Такъ, на стр. 67: $d = 1,2 \sqrt{t}$ и та же формула на стр. 78.

Такия же невѣрности встрѣчаются и въ другихъ формулахъ, въ которыхъ коэффициенты или совсѣмъ не приведены къ метрической системѣ мѣръ, или приведены невѣрно. Такъ, на стр. 132: $L = \gamma \sqrt[3]{d^3}$, гдѣ для γ сохранены тѣ же самыя значенія, какъ и въ англійскомъ.

На стр. 110: „число болтовъ $n = 2 + \frac{d}{2}$ “ и такая же формула въ подлинникѣ, при d въ англ. дюймахъ.

На стр. 208 не указано, въ какихъ мѣрахъ должно взять δ , γ и G , а въ формулахъ на стр. 209 коэффициенты 10,15; 0,547; 27,37 не вѣрны и должны быть: 0,547; 1,208; 0,66.

На стр. 219 формула $G = 729 n \delta^2 = 0,315 \Delta$ кгг. должна быть написана такъ: $G = 0,754 n \delta^2 = 0,315 \Delta^2$.

На стр. 230 коэффициенты въ формулѣ (4) тоже не вѣрны.

На стр. 281 въ формулахъ:

$$t = \frac{1}{8} \sqrt{d} + 0,5$$

$$t = \frac{1}{12} \sqrt{d} + 0,5$$

Коэффициенты $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{12}$ тѣ же, какіе указаны авторомъ, следовательно, не приведены къ метрической системѣ мѣръ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что нѣкоторые изъ обозначенныхъ нами недостатковъ, особенно невѣрная передача формулъ, встрѣчаются также и во французскомъ переводѣ *Voquet* второго англійскаго изданія, хотя этотъ переводъ и одобренъ авторомъ.

Къ достоинствамъ разсматриваемаго русскаго перевода слѣдуетъ отнести обратное по вѣрности изданіе и хорошее исполненіе чертежей.

Мотивы орнаментовъ, сдѣтны со старинныхъ русскихъ произведеній. 1 и 2 выпуски, каждый по 20 листовъ. Изданіе Строгановскаго Центрального училища технического рисованія, при сотрудничествѣ ученаго рисовальщика Н. В. Заикина. 1888. II. каждого выпуска 6 р.

Появившіеся пока въ свѣтъ первые два выпуска означеннаго изданія составляютъ прекрасное собраніе древне-русскихъ орнаментовъ. На 40 листахъ, большаго формата (7 × 9 верш.) представлено 149 мотивовъ различныхъ орнаментовъ, заимствованныхъ съ предметовъ, относящихся къ разнообразнымъ отраслямъ художественно-промышленныхъ производствъ. Представлены образцы самыхъ разнообразныхъ узоровъ, исполненныхъ различными техническими способами; такъ, представлены здѣсь узоры работъ, басманной и чеканной, и рѣзные изъ дерева украшенія древнихъ киотъ и иконостасовъ, вытѣсанныя изъ камня рельефныя украшенія стѣвъ и столбовъ и расписныя изразцы, образцы стѣнной живописи и украшенія, исполненныя финифтью; желѣзные предметы, украшенныя чеканными и гравированными узорами и образцы шитья золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями. Всѣ эти узоры представляютъ большой интересъ въ различныхъ отношеніяхъ: они то поражаютъ оригинальностью ихъ сочиненія, то любопытны какъ своеобразныя измѣненія мотивовъ орнаментовъ, часто встрѣчающихся у другихъ народовъ, то поучительны какъ наглядные примѣры видоизмѣненія общезвѣстныхъ формъ и узоровъ, вызваннаго ничѣмъ инымъ какъ особенными условіями и потребностями техники, посредствомъ которой исполнены; въ этихъ таблицахъ заключается столько оригинальности и наивной красоты, что разсматривающій ихъ не можетъ не полюбоваться этими старинными, неподдѣльно-русскими орнаментами.

Въ виду, усиливающагося съ каждымъ годомъ стремленія современнаго общества къ пониманію и воспроизведенію изящнаго, а также въ виду далеко недостаточнаго окрѣпшаго, для вполне самостоятельнаго творчества, — вкуса и развитія громаднаго большинства нашихъ дѣятелей на поприщѣ художественно-промышленныхъ производствъ, можно надѣяться, что подобное собраніе образцовыхъ старинныхъ орнаментовъ должно повліять весьма полезно какъ на распространеніе художественнаго вкуса въ народѣ вообще, такъ и на поднятіе въ эстетическомъ отношеніи нашихъ художественно-промышленныхъ произведеній въ особенности. Отъ частаго разсматриванія и перерисовыванія такихъ орнаментовъ можно смѣло ожидать указанной пользы, а потому, слѣдуетъ только пожелать наибольшаго распро-

страненія подобнаго рода собраній орнаментовъ въ различныхъ слояхъ нашего народа.

Что же касается до самаго исполненія таблицъ, то изображенныя на нихъ орнаменты нарисованы г. Занкинымъ весьма отчетливо и толково, и, на сколько можно судить по общему ихъ виду, безъ сличенія рисунка съ подлежащими оригиналами, они передаютъ весьма вѣрно въ художественномъ отношеніи характеръ подобныхъ старинныхъ орнаментовъ. Полнаго одобренія заслуживаютъ также фотографии, исполненныя весьма удовлетворительно фирмою Шереръ, Наболицъ и К°, въ Москвѣ. Остается пожалѣть только, что не всегда указано, откуда взяты изображенныя узоры, и что нигдѣ не объяснено, срисованы ли они непосредственно съ оригиналовъ, или же со слѣпковъ, или съ фотографій.

Коллекція линейнаго рисованія, составленная М. Васильевымъ; Москва. Ц. 50 к

Вѣроятно, г. Васильевъ хотѣлъ представить въ этой коллекціи изъ 15 таблицъ собраніе оригиналовъ для начальнаго рисованія въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если дѣйствительно такова была цѣль г. Васильева, то она имѣ не вполне достигнута, и эти оригиналы нѣсколько не отвѣчаютъ требованіямъ современной методики рисованія. Такое сужденіе оправдывается простымъ перечнемъ предметовъ, изображенныхъ на 15 таблицахъ разсматриваемой коллекціи: такъ, въ первой таблицѣ изображены вертикальныя и горизонтальныя линіи, на 3-й — вертикальныя и горизонтальныя линіи мелкими штрихами (пунктиромъ), на 4-й — фигуры изъ вертикальныхъ, горизонтальныхъ, наклонныхъ и пересѣкающихся линій, на 5-й — треугольники, квадраты, ромбы и другіе четырехугольники, на 6-й — опять треугольники (быть можетъ, и пирамида въ планѣ), кубъ, конусъ и цилиндръ въ перспективѣ и два круга, на 7-й — двѣ группы изъ геометрическихъ тѣлъ въ перспективѣ, сундукъ съ раскрытою крышкою въ перспективѣ, двѣ книги тоже въ перспективѣ, геометрической фасадъ перилъ съ рѣшеткою и рѣшетка съ ящичкомъ въ перспективѣ, на 8, 9, 10 и 11-й таблицахъ изображены въ перспективѣ разные предметы: столъ, стулъ, точильный камень, лѣстница, бочка, колесо и прочіе полезные въ хозяйствѣ предметы, а также нѣсколько сосудовъ, изображенныхъ не то въ перспективѣ, не то въ геометріи, а на послѣднихъ четырехъ таблицахъ изображены различные элементы орнаментовъ, заимствованныхъ вѣроятно изъ древне-русскихъ рукописей. Притомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ эти рисунки изображены то тонкими, то утолщенными, такъ-называемыми тѣневыми линіями:

и относительно перспективны страдают многочисленными погрѣшностями. Уже давно признана бесполезность срисовыванія перспективныхъ изображеній съ оригиналовъ, и представляется страннымъ, что еще до сихъ поръ выпускаются въ свѣтъ подобныя оригиналы.

12 образцовъ для упражненій въ рисованіи кистью, составлены академикомъ *Васильевымъ*. Москва. 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Ознакомленіе съ первыми приѣмами акварельной техники, каковую нужно подразумевать подъ выраженіемъ „рисовать кистью“, г. Васильевъ основываетъ совершенно вѣрно на упражненіяхъ одною только краскою, напимѣръ, тушью, сепіею и т. п., и ограничиваетъ свое собраніе оригиналовъ такъ-называемыми отмысками; предметами же для этихъ оригиналовъ служатъ листья различныхъ растений и цвѣты, которые занимаютъ 10 таблицъ собранія, а на двухъ первыхъ таблицахъ изображены оттушеванные кистью кубъ, призма, цилиндръ, конусъ, шаръ и группа, составленная изъ разныхъ геометрическихъ тѣлъ. Всѣ эти тѣла, равно какъ листья и цвѣты, оттушеваны кистью, какъ упомянуто выше, одною краскою „планами“ (полосами), отличающимися другъ отъ друга довольно рѣзко.

Но нельзя безусловно одобрить сдѣланный г. Васильевымъ выборъ предметовъ для оригиналовъ, въ особенности листьевъ и цвѣтовъ. Всѣмъ занимающимся рисованіемъ вообще, и живописью въ особенности, хорошо извѣстна трудность изображенія листьевъ и цвѣтовъ, передача ихъ граціозныхъ, многообразныхъ формъ; передача нѣжности, блеска, силы и разнообразія ихъ колорита принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ техники искусства, требующимъ опытнаго глаза и умѣлой руки рисовальщика-живописца. Такъ какъ отъ начинающаго заниматься акварельною техникою нельзя требовать ни опытнаго глаза, ни умѣлой руки, то изображеніе цвѣтовъ окажется для него, въ большинствѣ случаевъ, непосильною задачею. Правда, въ собраніи оригиналовъ г. Васильева листьямъ и цвѣтамъ предшествуютъ двѣ таблицы съ перспективными изображениями оттушеванныхъ геометрическихъ тѣлъ, но этого слишкомъ мало для того, чтобы достаточно подготовиться для рисованія цвѣтовъ. Полезнѣе было бы выбрать для упражненій въ отмыскѣ тушью и сепіею такіе одноцвѣтные предметы, которые проще и нагляднѣе по рисунку, чѣмъ цвѣты, и по своему колориту болѣе подходятъ къ тону туши или сепіи. Таковыми намъ представляются гипсовые слѣпки съ орнаментовъ болѣе или менѣе плоскихъ, а также съ полно-рельефныхъ предметовъ.

Упражнение въ какой бы то ни было техники, рисованія или живописи съ натуры, съ дѣйствительныхъ предметовъ всегда окажется болѣе полезнымъ, чѣмъ копированіе такъ-называемыхъ оригиналовъ, то-есть, болѣе или менѣе условно и манерно изображенныхъ предметовъ. Къ сожалѣнію, именно условностью и манерностью отличаются оригиналы г. Васильева. Сухими, "безцвѣтными" и безжизненными представляются намъ цвѣты на его оригиналахъ, а на изображенныхъ имъ геометрическихъ тѣлахъ особенно рѣзко бросается въ глаза условность и манерность его тушовки, которая, кромѣ того, представляетъ много погрѣшностей относительно очертанія тѣней и полутоновъ.

По всему сказанному рассматриваемые оригиналы г. Васильева нельзя назвать вполне пригодными для упражненія по нимъ въ начальныхъ приемахъ акварельной техники.

Коллекція контурныхъ орнаментовъ, составленная академикомъ *М. Васильевымъ*. Москва. 12 таблицъ. Цѣна 80 коп.

Орнаменты этой коллекціи составлены преимущественно изъ акавовыхъ листьевъ въ стилѣ возрожденія; нарисованы они недурно, такъ что эти оригиналы могли бы быть съ пользою употреблены для упражненій въ срисовываніи болѣе сложныхъ плоскихъ орнаментовъ. Къ сожалѣнію, въ этой коллекціи, въ изображеніяхъ контуровъ плоскихъ орнаментовъ, г. Васильевымъ примѣнены любимыя каллиграфами, но неумѣстныя на подобныхъ оригиналахъ рисованія, такъ-называемыя тѣневныя линіи, отъ которыхъ пора бы отвязаться нашимъ составителямъ подобныхъ оригиналовъ.

Коллекція контурныхъ цвѣтовъ, составленная академикомъ *М. Васильевымъ*.

Означенное изданіе представляетъ на 16 таблицяхъ различные листья и цвѣты въ контурахъ съ примѣненіемъ тонкихъ и утолщенныхъ, такъ-называемыхъ тѣневыхъ штриховъ. Манеру эту нельзя не признать весьма безвкусною. При разсмотрѣніи этого собранія оригиналовъ невольно возникаетъ вопросъ: какую педагогическую пользу, и кому именно, могутъ принести подобные оригиналы? Служить оригиналами для срисовыванія при первоначальномъ обученіи рисованію таблицы эти непригодны, такъ какъ условною манерою изображенные на нихъ предметы слишкомъ сложны и трудны для начинающихъ рисовать. А служить оригиналами для художественно-промышленныхъ производствъ, на примѣръ, для вышивки гладью, инкрустаціи изъ дерева и т. п. таблицы эти также не могутъ, потому что оны не могутъ быть удобно исполнены посредствомъ какой-либо подобнаго рода техники,

Руководство къ сочиненію орнаментовъ въ русскомъ стилѣ, составленное академикомъ *М. В. Васильевымъ*. Москва. 1871. Цѣна 3 руб.

Не руководство къ сочиненію орнаментовъ въ русскомъ стилѣ представляетъ намъ г. Васильевъ въ этомъ изданіи, а просто собраніе орнаментовъ, почерпнутыхъ имъ изъ древне-русскихъ рукописей.

Отъ дѣйствительнаго руководства къ сочиненію упомянутыхъ орнаментовъ можно и должно было бы потребовать яснаго и опредѣленнаго изложенія съ объясненіемъ основныхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ русскаго орнамента, характеристики ихъ, способность сочиненія ихъ и т. п. указаній, могущихъ быть полезными при сочиненіи орнаментовъ вообще и русскихъ въ особенности. Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ рассматриваемомъ „Руководствѣ“; даже не указано и не объяснено, въ чемъ заключается особенность русскаго орнамента и различіе его отъ орнаментовъ другихъ народовъ и другихъ стилей.

Изъ приложеннаго къ этому собранію краткаго объясненія видно только, что г. Васильевъ составилъ эту коллекцію орнаментовъ изъ украшеній древне-русскихъ рукописей XI—XVI вѣковъ, съ цѣлью примѣненія ихъ къ „архитектурнымъ украшеніямъ и различнымъ изысканнымъ производствамъ“.

Собраніе это состоитъ изъ 30 таблицъ, на которыхъ представлено 68 орнаментовъ. Сгруппированы орнаменты по столѣтіямъ, съ XI по XVI. Орнаменты каждаго столѣтія занимаютъ 5 таблицъ, изъ которыхъ обыкновенно первыя двѣ предназначены къ изображенію отдѣльных частей орнаментовъ, а остальныя 3 таблицы болѣе сложныхъ орнаментовъ. Такое распредѣленіе собраннаго матеріала очень наглядно, но изъ однихъ рисунковъ, безъ объяснительнаго текста, весьма трудно узнать, въ особенности начинающимъ изучать русскій орнаментъ, въ чемъ заключаются отличительныя черты орнамента одного столѣтія отъ орнамента другаго столѣтія.

Что касается до графической передачи рукописныхъ орнаментовъ въ рассматриваемомъ собраніи, то въ рассматриваемомъ сборникѣ они представляются намъ въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ орнаменты въ древнихъ рукописяхъ. Въ этихъ рукописяхъ орнаменты обыкновенно исполнены перомъ и кистью въ мелкомъ видѣ и раскрашены разными красками; въ собраніи же г. Васильева орнаменты сильно увеличены, нарисованы чернымъ карандашомъ и оттушеваны, чѣмъ придаетъ имъ какая-то условная выпуклость, какой-то валый, неопредѣленный характеръ, свойственный не орнаментамъ въ рукописи.

сяхъ, а украшеніямъ на нашихъ пряхникахъ и различныхъ печеніяхъ. Это уничтожило типичность рукописнаго орнамента и сдѣлало ихъ такими непривлекательными и невзячными, что нельзя желать, чтобъ они вошли въ употребленіе въ нашихъ „взячныхъ производствахъ“, для которыхъ, между прочимъ, они были составлены г. Васильевымъ. Это перерисовываніе въ увеличенномъ и рельефномъ видѣ мелкихъ, плоскихъ рукописныхъ орнаментовъ совершенно исказило ихъ типичность и можетъ послужить доказательствомъ, что нельзя увеличить или уменьшить любой орнаментъ одного производства и примѣнять его къ другому производству, требующему другой техники и другаго матеріала. Очевидно, что г. Васильевъ, при составленіи разсматриваемаго „Руководства“, не припомнилъ того основнаго требованія композиціи орнаментовъ, что матеріалъ и производство обуславливаютъ и видоизмѣняютъ формы и характеръ орнаментовъ. Такъ, орнаментъ, который вышивальщица исполняетъ съ легкою иглою и тонкими нитками на ткани, окажется вовсе непригоднымъ плотнику для украшенія избы; украшеніе, удобоисполнимое въ стеклянномъ производствѣ, можетъ быть неудобоисполнимо въ столярномъ и рѣзномъ изъ дерева дѣлѣ и т. д. Итакъ, мелкіе орнаменты каллиграфа-миниатюриста, которые представляются въ рукописи взячными, могутъ оказаться совершенно непригодными и некрасивыми, если декораторъ-живописецъ воспользуется ими въ увеличенномъ видѣ для украшенія стѣнъ и сводовъ зданій, и эта непригодность орнамента миниатюриста станетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отличается техника миниатюры отъ техники того производства, къ которой желали бы примѣнить его орнаментъ, какъ напримѣръ, въ архитектурно-скульптурномъ дѣлѣ, которое имѣетъ въ виду г. Васильевъ.

Всѣ неправильности и погрѣшности, которыя сдѣлала, быть можетъ—случайно, не вполне послушная рука каллиграфа-миниатюриста, скрадываются при маломѣрности миниатюрнаго орнамента или даже придаютъ ему типичный извѣстный характеръ, свойственный только этому способу исполненія; умышленное же копированіе, и притомъ въ увеличенномъ видѣ, такихъ случайностей, уничтожаетъ типичность рукописнаго орнамента и дѣлаетъ его даже некрасивымъ, уродливымъ.

Методика рисованія красками съ натуры (съ раскрашенныхъ геометрическихъ тѣлъ). 41 страницъ съ 9 полнѣтпажами и таблицей. Составилъ художникъ Д. И. Хмилевичкій. Третье изданіе. Цѣна 60 коп. Москва. 1888.

Появленіе третьимъ изданіемъ какого-либо сочиненія можетъ служить до извѣстной степени рекомендаціей его, какъ сочиненія удо-

влетворяющаго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, настоятельную потребность публики. Если же еще принять во вниманіе незначительность спроса въ средѣ нашей публики на сочиненія по части рисованія, то третье изданіе подобнаго сочиненія по неволѣ возбуждаетъ въ насъ представленіе о несомнѣнной годности его. Такое выгодное представленіе о разсматриваемомъ сочиненіи г. Хмѣльницкаго, однако вполне уничтожается по прочтеніи хотя бы первыхъ строкъ предисловія. Изъ нихъ читатель, къ своему удивленію, усматриваетъ, что „методика“ г. Хмѣльницкаго вовсе не есть 3-е изданіе одного и того же сочиненія, а только 3-я вариация автора на тему: „писать красками“ то „масляными“, то „акварельными“, то даже „рисовать“ ими съ натуры. Ни первое, ни второе изданія „Методики рисованія красками съ натуры“ г. Хмѣльницкаго никогда въ свѣтъ не выходило: существуетъ только это третье и вмѣстѣ съ тѣмъ первое изданіе „Методики“ его. Вся суть предлагаемаго г. Хмѣльницкимъ курса заключается въ изображеніи красками геометрическихъ тѣлъ, раскрашенныхъ въ различные цвѣта, при чемъ ученикъ знакомится съ нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями изъ оптики, то-есть, сперва съ цвѣтами солнечнаго спектра, а также съ чернымъ и бѣлымъ цвѣтомъ, затѣмъ съ контрастами, сочетаніями, и наконецъ, съ гармоніею цвѣтовъ. При этомъ перечисляются названія наиболѣе употребительныхъ красокъ въ живописи, а также потребныя для живописца матеріалы и принадлежности. Но всѣ эти свѣдѣнія сообщаются въ столь ничтожномъ количествѣ, что они мало могутъ помочь начинающимъ писать, при изученіи ими техники живописи, какъ акварельными, такъ и масляными красками, а для занимавшагося живописью на практикѣ они совершенно безынтересны.

Если принять во вниманіе, что не только весьма трудно, но даже не возможно передать технику живописи незнакому съ нею однимъ только словами, да притомъ еще не устною рѣчью, а печатнымъ словомъ, и что технику этой можно научить другаго только нагляднымъ образомъ, путемъ практики, а не наложеніемъ теоріи, то нельзя не признать бесполезности не только разсматриваемаго сочиненія г. Хмѣльницкаго, но и всѣхъ подобныхъ ему сочиненій вообще.

Школа рисованія карандашемъ, тушью и акварелью, на 34 таблицахъ, съ приложеніемъ объяснительнаго текста, въ которомъ кратко изложено и методъ самаго обученія. М. 1889.

Эта „Школа рисованія“ составлена преподавателемъ рисованія А. Федоровымъ и издана книгопродавцемъ А. Д. Ступнинымъ въ Москвѣ.

Кромѣ вышеприведеннаго заглавія, на оберткѣ обозначено и назначеніе этихъ оригиналовъ слѣдующими словами: „Эта школа рисованія приспособлена для любителей, желающихъ заниматься этимъ искусствомъ безъ помощи учителя, и можетъ служить какъ учебное пособіе для рисованія въ школахъ подѣ руководствомъ преподавателя“. Цѣна сему изданію назначена въ 3 руб., а за экземпляръ на картонѣ—4 руб.

Рассматривая означенныя 34 таблицы, мы видимъ на нихъ изображенными всевозможныя фигуры, по нѣскольку на каждой таблицѣ. Тутъ нарисованы различныя линіи, геометрическія фигуры и геометрическія тѣла, въ контурахъ и оттушеваныя, перспективныя построенія и орнаменты, глаза, носы, уши и проч. части человѣческаго лица; слѣдокъ и кисть руки, женскія головки, деревья, два раза одинъ и тотъ же пейзажъ, разъ въ коричневомъ, а другой разъ въ зеленомъ тонѣ и, въ заключеніе, двѣ таблицы съ цвѣтами, также въ краскахъ. Большинство этихъ таблицъ оттушеваны и раскрашены крайне безвкусно, и часто безъ всякаго пониманія рисунка и формъ изображаемаго предмета. Стоитъ указать въ этомъ отношеніи, между прочимъ, на невозможную кисть руки и слѣдокъ, а относительно цвѣтныхъ таблицъ, трудно себѣ представить что-либо болѣе грубое, болѣе безвкусное, чѣмъ эти разцвѣченные пейзажи и цвѣты г. Федорова.

Какого метода придерживался г. Федоровъ при составленіи своей „Школы рисованія“, нельзя уразумѣть изъ изданныхъ имъ оригиналовъ, равно какъ нельзя понять его метода изъ приложеннаго къ оригиналамъ, на 6 страницахъ, объяснительнаго текста. Текстъ содержитъ въ себѣ только геометрическую терминологию, описаніе нѣкоторыхъ изъ изображенныхъ фигуръ и иногда перечисленіе ихъ, но не объясняетъ достаточно ясно и подробно, какъ нужно рисовать, такъ что никакъ нельзя признать это сочиненіе такимъ, по которому можно было бы научиться рисовать безъ преподавателя, какъ предполагаетъ г. Федоровъ. Но и при обученіи рисованію съ участіемъ преподавателя, „Школа рисованія“ г. Федорова не можетъ служить полезнымъ учебнымъ пособіемъ, потому что преподаватель, умѣющій преподавать рисованіе, не будетъ нуждаться въ этихъ оригиналахъ, а служить оригиналами для срисовыванія эти таблицы не годны по вышеприведеннымъ недостаткамъ ихъ въ графическомъ отношеніи. Можно только пожалѣть, что г. Федоровъ этимъ своимъ трудомъ только увеличилъ число изданій, появившихся по части рисованія, новымъ бесполезнымъ сочиненіемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1889 ГОДУ.

12-го марта 1890 года, въ 9 часовъ вечера, происходило въ С.-Петербургѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича, годовичное собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества, А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности его за 1889 годъ, слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество,

Ваши Императорскія Высочества,

милостивые государи.

„Въ истекшемъ 1889 году продолжалось изданіе нашего Сборника.

„69-й томъ служить продолженіемъ изданія бумагъ верховнаго тайнаго совѣта, начало которыхъ вошло въ 55-й, 56-й и 63-й томы Сборника. Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта съ 3-го іюля по 30-е декабря 1727 года, всего 539 протоколовъ; кромѣ того, въ приложеніяхъ къ 69-ому тому напечатаны всеподданиѣйшія донесенія сената, военной и другой части ослухиш, отд. 4.

гихъ коллегій, канцелярій отъ строеній и разныхъ комиссій, а также всеподданнѣйшія прошенія частныхъ лицъ. Издатель этого тома, Н. Ѳ. Дубровинъ, былъ поставленъ въ необходимость придать ему особенно обширный (до 65 листовъ) объемъ вслѣдствіе обилія дѣлъ за второе полугодіе 1727 года. Верховный тайный совѣтъ за это время, силою вещей, все болѣе и болѣе захватывалъ въ свое вѣдѣніе самыя различныя и многообразныя сферы управленія, и съ этой точки зрѣнія трудъ Н. Ѳ. Дубровина представляетъ драгоцѣнную картину внутренней жизни Россіи за годы, наступившіе послѣ смерти Петра I, годы, блѣднѣвшіе по интересу вслѣдствіе исчезновенія блестящей личности великаго государя, но, не смотря на то, сохранившіе большое значеніе для исторіи русскаго народа. Позволяю себѣ думать, что изданіе подобнаго рода, серьезныхъ по содержанию, бумагъ, не привлекающихъ поверхностнаго читателя страстностью переходящихъ впечатлѣній, но дающихъ твердую почву трезвымъ научнымъ изслѣдованіямъ, и составляетъ задачу дѣятельности ученыхъ обществъ, въ противоположность изданіямъ отдѣльныхъ лицъ.

„Матеріаломъ для 70-го тома, изданнаго подъ редакціей профессора Новороссійскаго университета А. С. Травецкаго, послужили документы, извлеченные изъ Парижскаго государственнаго архива и дополненные бумагами изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, за время съ 1800 по 1803 годъ, то-есть, за послѣдніе годы царствованія императора Павла I и за первое время царствованія императора Александра I. Сюда вошли: переписка Талейрана съ графомъ Панинымъ по дѣламъ Мальтійскаго ордена, переписка императоровъ Павла I и Александра I съ Бонапартомъ, переписка Талейрана съ Колычевымъ, относящаяся къ Лионвильскому договору, и окончаніе переписки по ольденбургскому и мальтійскому вопросамъ, а также по сношеніямъ съ Германіей, Швеціей и Сардиніей. Тому этому предпослано введеніе издателя.

„71-й томъ, издаваемый подъ редакціей члена общества Г. Ѳ. Карпова, заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся до сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, печатаніе которыхъ доведено до 1570-хъ годовъ. Томъ этотъ служитъ продолженіемъ 35-го и 59-го томовъ. Матеріаломъ, какъ для первыхъ двухъ, такъ и для настоящаго тома, послужили посольскія книги и дѣла: а) изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и б) изъ литовской метрики.

„Въ 72-мъ томѣ, подъ наблюденіемъ секретаря общества Г. Ѳ. Штендмана, напечатаны донесенія графа Сольмса королю Фридриху II,

относящихся къ первому раздѣлу Польши и къ мѣропріятіямъ Россіи, Пруссіи и Австріи для окончательнаго приведенія въ исполненіе условленнаго между ними новаго раздѣла Польши на основаніи январьской тайной конвенціи 1772 года. Къ 72-ому тому прибавлены документы 1773 и 1774 годовъ. Документы, вошедшіе въ этотъ томъ, первоначально доставлены были обществу марбургскимъ профессоромъ Германомъ. Оказавшіеся въ нихъ пробѣлы были впоследствии пополнены выписками изъ Берлинскаго тайнаго государственнаго архива, благодаря любезному содѣйствію графа Герберта Бисмарка. Содѣйствіе это тѣмъ болѣе цѣнно, что при внимательномъ изученіи подробностей дипломатическихъ сношеній, относящихся къ этимъ событіямъ, дѣлается несомнѣннымъ, что мысль о раздѣлѣ Польши возникла въ головѣ Фридриха II, который сумѣлъ отвѣтственность за это мѣропріятіе сложить на своихъ союзниковъ.

Кромѣ означенныхъ четырехъ томовъ, печатаются нынѣ слѣдующіе томы Сборника: „73-й томъ, издаваемый подъ наблюденіемъ Г. О. Карпова, будетъ заключать въ себѣ памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціей, съ 1506 года, за дальнѣйшее время царствованія великаго князя Василія Ивановича; 74-й томъ, въ коемъ будутъ напечатаны документы изъ французскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ царствованію императора Петра II; 75-й томъ, въ коемъ продолжится изданіе бумагъ изъ англійскаго тайнаго архива, относящихся къ 1733 году.

„Сосредоточивая доселѣ труды свои преимущественно на XVIII столѣтіи и получивъ не только убѣжденіе, но и доказательства, что, благодаря изданнымъ нами матеріаламъ, возникаетъ возможность правдиваго и полнаго написанія русской исторіи за эту столь важную и столь мало извѣстную эпоху, Общество наше, согласно указанію Государянаго нашего Покровителя, положило въ настоящемъ году начало прикосновенія къ болѣе близкому времени нынѣшняго столѣтія, къ царствованію императора Николая. 4-го ноября 1889 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе помѣстить въ Сборникѣ нашемъ сохранившіеся въ архивѣ государственнаго совѣта журналы секретнаго комитета 6-го декабря 1826 г. Существованіе и судьбы этого комитета, за исключеніемъ краткихъ указаній, помѣщенныхъ графомъ Корфомъ въ жизнеописаніи Сперанскаго, остаются доселѣ почти неизвѣстными, а между тѣмъ несомнѣнно заслуживаютъ большаго вниманія. Комитетъ этотъ учрежденъ былъ по волѣ императора

Николая, во первыхъ, для рассмотрѣнія разныхъ проектовъ объ измѣненіи государственнаго управленія, найденныхъ въ кабинетѣ императора Александра Павловича, а во вторыхъ, для пересмотра вообще всего государственнаго устройства и управленія. Подъ предсѣдательствомъ графа Виктора Павловича Кочубея, въ составъ комитета вошли: графъ Петръ Александровичъ Толстой, князь Илларионъ Васильевичъ Васильчиковъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ и графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Дѣлопроизводителями послѣдовательно были: графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, статсъ-секретарь Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Комитетъ имѣлъ 153 засѣданія. Подлинныя, весьма подробныя журналы представлялись государю предсѣдателемъ, который и объявлялъ о состоявшихся по нимъ Высочайшихъ резолюціяхъ словесно въ ближайшемъ засѣданіи комитета. На основаніи журналовъ дѣлопроизводители изготовляли проекты, которые вновь разсматривались въ комитетѣ и, уже окончательно исправленные, подносились на предварительное одобреніе Его Императорскаго Величества. Въ занятіяхъ своихъ комитетъ затронулъ важнѣйшіе вопросы тогдашней государственной жизни Россіи. Полное осуществленіе Высочайше одобренныхъ предположеній комитета остановлено было сначала взглядами, которые высказалъ на это дѣло великій князь Константинъ Павловичъ, а вслѣдъ затѣмъ вспыхнувшими въ Европѣ революціями и войнами, неизмѣнными врагами успѣшнаго развитія жизни народовъ. Ознакомленіе русской публики съ дѣлами комитета 6-го декабря 1826 года прольетъ много свѣта на намѣренія и виды тогдашняго правительства. Тѣ два тома Сборника, въ коихъ дѣла эти будутъ напечатаны, послужатъ вѣрнымъ доказательствомъ той несомнѣнной истины, что исторія Россіи и ея правителей не боится свѣта, а напротивъ должна желать его.

Другой знакъ Высочайшаго къ Обществу нашему вниманія равнымъ образомъ относится къ изученію царствованія императора Николая Павловича. Въ маѣ 1889 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе отъ князя Друцкаго-Соколинскаго поднесенныхъ Его Императорскому Величеству фамилныхъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Государю Императору угодно было возложить рассмотрѣніе бумагъ этихъ на предсѣдателя нашего Общества. Изъ рассмотрѣнія этого оказалось, что большинство изъ нихъ относится къ службѣ графа и подлежитъ

храненію въ подлежащихъ правительственныхъ архивахъ; нѣкоторая часть содержитъ въ себѣ историческія записки и матеріалы, составлявшіе тайну во время графа Закревскаго, по съ тѣхъ поръ давно появившіеся на страницахъ историческихъ изданій; наконецъ, третья и самая интересная часть этихъ бумагъ заключаетъ въ себѣ переписку графа Закревскаго съ современниками, какъ на примѣръ, съ княземъ Волконскимъ, княземъ Меншиковымъ, Ермоловымъ, Сабанѣвымъ и другими. Эту послѣднюю категорію бумагъ, представляющую несомнѣнный историческій интересъ, Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше угодно было, 4-го ноября 1889 года, разрѣшить помѣстить въ Сборникъ нашего Общества, и Н. О. Дубровинъ обязательно принялъ на себя этотъ трудъ, полагая возможнымъ исполнить его не позже нынѣшняго лѣта.

„Одновременно съ изданіемъ новыхъ томовъ Сборника, Общество наше продолжало трудиться надъ изданіемъ біографическаго словаря. Исполнивъ первую часть этого предпріятія, то-есть, издавъ два тома „Азбучнаго указателя именъ“, должествующихъ войдти въ словарь, Общество приступило нынѣ къ болѣе сложной и обширной части предпріятія—къ составленію самаго словаря. Въ виду того, что богатый и достовѣрный матеріалъ для біографій лицъ, занимавшихъ государственныя должности, прежде всего можно найти въ архивахъ тѣхъ учреждений, гдѣ означенныя лица служили, предсѣдатель Общества обратился къ министрамъ и главноуправляющимъ съ просьбою допустить въ архивы министерствъ уполномоченныхъ отъ Общества, для разсмотрѣнія хранящихся въ этихъ архивахъ формулярныхъ списковъ, къ чему нынѣ и приступлено. Сочувствіе дѣлу изданія словаря выражено было не только начальствами правительственныхъ архивовъ, но и весьма многими частными лицами. Въ особенности цѣнны и полезны намъ были сообщенія: графа Д. А. Милютина съ многочисленными фактическими свѣдѣніями; директора Московскаго архива министерства юстиціи Н. А. Попова; непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскаго, преосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, доставившаго списокъ именъ лицъ, должествующихъ, по его мнѣнію, войдти въ словарь; ректора Московской духовной академіи, епископа Волоколамскаго Христофора; Г. К. Рѣвинскаго, В. А. Вильбасова, О. П. Кеппена, В. Г. Чубинскаго и А. А. Титова, доставившаго въ распоряженіе Общества списки русскихъ дѣятелей до Петра I и писателей духовнаго чина, не вошедшихъ въ „Обзоръ“ Филарета, архіепископа Черниговскаго. Въ настоящее

время Обществу доставлено около 200 биографическихъ статей, что составляетъ приблизительно 4-ю часть I-го тома словаря. Для руководства составителямъ статей выработаны совѣтомъ Общества правила, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ: Биографическій словарь долженъ имѣть характеръ справочной книги, и потому въ него должны войти по возможности всѣ имена, упоминаемыя въ историческихъ памятникахъ. Въ биографическихъ статьяхъ должны быть помѣщаемы главнымъ образомъ вѣрные факты и хронологическія данныя, съ устраненіемъ всякихъ личныхъ разсужденій и критическихъ заключеній. Статьи въ словарь раздѣляются на три разряда: перваго разряда (отъ 300 до 1,500 строкъ)—биографіи самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей, составленіе коихъ возлагается по возможности на лицъ, историческіе труды коихъ уже извѣстны въ ученномъ мірѣ; въ биографическихъ статьяхъ втораго разряда должны быть указываемы существенно важныя стороны дѣятельности, но не описаніе всего теченія жизни лица, о коемъ идетъ рѣчь; статьи третьяго разряда составляютъ лишь извлеченія изъ печатныхъ биографическихъ статей и изготовляются самою редакціей. При составленіи статей всѣхъ трехъ разрядовъ, необходимо обращать особенное вниманіе на хронологическую часть труда, то-есть, года и дня рожденія и смерти лицъ и даты историческихъ событій, въ которыхъ описываемыя лица принимали участіе. Подъ статьями биографическаго словаря помѣщаются библиографическія указанія. Главная редакція словаря сохраняетъ за собою безусловное право сокращать текстъ всѣхъ представляемыхъ ей статей сообразно своимъ общимъ, не подлежащимъ обсужденію составителей биографій соображеніямъ относительно размѣра, который она признаетъ нужнымъ дать, какъ совокупности настоящаго изданія, такъ и отдѣльныхъ его статей.

Сообщеніе документовъ изъ иностранныхъ архивовъ продолжалось по прежнему. Такъ, изъ Парискаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ доставлены документы, необходимыя для выполненія принятаго Обществомъ изданія историческихъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Павла I и за первое время царствованія императора Александра I. Изъ Вѣнскаго архива сообщаются, при дѣятельномъ участіи члена-корреспондента Шрауфа, бумаги, служащія дополненіемъ къ любопытнымъ документамъ изъ семейнаго архива графа Юанна Вильчева, доставленнымъ въ прежнее время Обществу.

Представивъ отчетъ объ успѣхахъ, ознаменовавшихъ дѣятель-

ность Общества нашего за истекшій годъ, переходу къ понесенной нами утратѣ. 25-го апрѣля 1889 года скончался графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Въ 1867 году, при учрежденіи нашего Общества, графъ Дмитрій Андреевичъ, бывший въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, съ особою предупредительностью поступилъ въ небольшое число членовъ-учредителей. Уже въ то время имя его, какъ писателя, было извѣстно, благодаря двумъ историческимъ его сочиненіямъ. Въ 1848 году графъ Толстой издалъ „Исторію финансовыхъ учрежденій въ Россіи до царствованія императрицы Екатерины II“, а въ 1863 году появилась въ Парижѣ его „Исторія римскаго католицизма въ Россіи“. Если первый трудъ, хотя и удостоенный Демидовской преміи, представлялся еще во многихъ отношеніяхъ юношескою попыткою, то безъ всякаго сомнѣнія, второй составлялъ весьма серьезное и полезное обогащеніе отечественной исторической литературы. Независимо отъ своихъ внутреннихъ достоинствъ, книга „Le Catholicisme Romain en Russie“ для любителей исторіи въ особенности знаменательна тѣмъ, что принадлежитъ перу бывшего директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Авторъ ея въ то время, какъ и впоследствии, ясно сознавалъ важное значеніе исторической науки для полезной государственной дѣятельности. Взгляду этому графъ Толстой остался всегда вѣренъ, съ свойственною ему твердостью; одновременно съ исполненіемъ обширныхъ, возлагавшихся на него служебныхъ обязанностей, онъ продолжалъ заниматься историческимъ прошедшимъ, и притомъ по преимуществу такимъ, которое относилось къ предмету официальныхъ его занятій. Столь отдохновляющее отъ житейскихъ волненій изученіе прошедшаго обыкновенно оставалось у него въ сферѣ порученныхъ ему дѣлъ. Написанныя имъ впоследствии статьи объ исторіи народнаго образованія и множество собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ служатъ тому доказательствомъ. Отсюда естественно то сочувствіе, какое неизмѣнно выражалъ графъ Толстой нашему Обществу, не смотря на то, что обширность его занятій лишала его возможности принимать дѣятельное участіе въ трудахъ нашихъ. Еще незадолго до смерти своей, разговаривая со мною о лучшихъ способахъ изданія біографическаго словаря, онъ выражалъ готовность воспользоваться деревенскимъ уединеніемъ, чтобы написать біографію болѣе выдающагося изъ предшественниковъ его, министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, жизнь коего онъ зналъ подробно. Доброму этому намѣренію не дано было осуществиться, но самое это намѣреніе не служить ли

еще разъ доказательствомъ того просвѣщеннаго взгляда, который отличалъ графа Толстаго, когда рѣчь шла о значеніи отечественной исторіи, о достоюдолжномъ къ ней уваженіи и любви истинныхъ сыновъ Россіи?"

По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочтены составленные ими очерки жизни и дѣятельности слѣдующихъ лицъ: **Ө. Ө. Веселаго** прочелъ объ адмиралѣ и начальникѣ черноморскаго флота **Михаилѣ Петровичѣ Лазаревѣ**, **Н. Ө. Дубровинѣ**—о дѣятельности графа **Өедора Васильевича Ростопчина**, генерала-отъ-инфантеріи и Московскаго военнаго генералъ-губернатора, а **Я. К. Гротъ**—о директорѣ Императорской Академіи Наукъ, княгинѣ **Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой**.

Въ заключеніе, на основаніи §§ 30, 31 и 45 устава, былъ переизбранъ вновь въ члены совѣта Общества **Я. К. Гротъ**.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1887 ГОДУ ¹⁾.

Въ теченіе 1887 года Императорская Публичная Библиотека продолжала служить, какъ и прежде, потребностямъ отечественнаго образованія, и въ этомъ отношеніи она является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ полезнѣйшихъ учрежденій столицы. Едва ли какой ученый трудъ, исполненный въ Петербургѣ, могъ бы быть доведенъ до конца безъ ея пособія. Но кромя того, къ ея помощи постоянно обращаются наши провинціальныя ученые, а также заграничныя, пріѣзжающіе съ этою цѣлью въ Петербургъ; нерѣдко случается Библиотекѣ высылать въ другіе города свои рукописи и рѣдкия изданія по просьбѣ начальства русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, или при посредствѣ русскихъ дипломатическихъ миссій за границей предоставлять эти рѣдкости въ пользованіе ученыхъ западной Европы.

Такое важное значеніе нашего государственнаго книгохранилища возлагаетъ на его начальство обязанность заботиться о постоянномъ его пополненіи новыми приобрѣтеніями. Но въ настоящее время уже все помѣщеніе Библиотеки оказывается занятымъ книгами, и ея необходимое дальнѣйшее обогащеніе становится затруднительнымъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ шкафы, расположенные по стѣнамъ библиотечныхъ залъ, совершенно переполнены, и для размѣщенія вновь поступающихъ книгъ оказалось необходимымъ поставить еще шкафы посреди залъ, вслѣдствіе чего заслонился свѣтъ въ залахъ и доставать книги изъ шкафовъ, особенно осенью и зимою, сдѣлалось затруднительно. Нѣсколько такихъ шкафовъ и пуделей, сооруженныхъ въ 1887 году, заняли собою почти послѣднія мѣста,

¹⁾ Извлечено изъ только что вышедшаго въ свѣтъ Отчета Императорской Публичной Библиотеки за 1887 годъ.

еще оставшіяся свободными среди залъ Библиотеки. Тѣснота ея настоящаго помѣщенія особенно ощущается въ дублетномъ отдѣленіи, переполненіе котораго крайне затрудняетъ разборъ дублетовъ; въ этомъ помѣщеніи, за недостаткомъ мѣста, приходилось складывать книги на подоконники, на полъ и на ступеньки лѣстницы. Въ виду такого неудобства, вдоль перилъ лѣстницы, находящейся въ дублетномъ отдѣленіи и ведущей съ нижняго этажа въ самый верхній, поставлены въ 1887 году 12 временныхъ шкафовъ простой плотничной работы, съ полками въ каждомъ; такимъ образомъ получилось новыхъ полокъ протяженіемъ на 100 приблизительно погонныхъ сажень, которыя всѣ уже замѣщены книгами, притомъ частію положенными, для экономіи мѣста, плашмя. Изъ этого примѣра видно, что переполненіе Библиотеки книгами достигаетъ нынѣ крайнихъ предѣловъ, и что въ ближайшемъ будущемъ въ ней уже рѣшительно не окажется никакого мѣста для постройки новыхъ шкафовъ, чтобы помѣщать новыя поступления.

Въ виду того, въ 1886 году начальство Библиотеки входило съ ходатайствомъ объ увеличеніи ея зданія новою пристройкой. Его Императорскому Величеству, по всеподаннѣйшему докладу о семъ г. министра народнаго просвѣщенія 29-го сентября 1886 года, благоугодно было разрѣшить дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Но въ виду оказавшагося при сведеніи государственной росписи на 1887 годъ значительнаго дефицита, сумма, потребная на постройку новаго зданія для Библиотеки, еще не могла быть отпущена изъ государственнаго казначейства въ томъ году.

Кромѣ тѣсноты помѣщенія, весьма важными недостатками Библиотеки являются въ настоящее время неудовлетворительность освѣщенія и нѣкоторыя неудобства существующей системы отопления. Оба эти предмета составляютъ постоянную заботу хозяйственнаго управления Библиотеки. Въ виду неудовлетворительности существующаго въ ней газоваго освѣщенія, которое представляетъ опасность въ пожарномъ отношеніи, портитъ воздухъ и чрезвычайно вознмшаетъ температуру въ читальной залѣ послѣ нѣсколькихъ часовъ горѣнія газа, хозяйственный комитетъ Библиотеки счелъ нужнымъ заняться изысканіемъ иного, болѣе совершеннаго способа освѣщенія. Изъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній оказалось, что наиболѣе удобнымъ для Библиотеки освѣщеніемъ, то-есть, вполне безопаснымъ въ пожарномъ отношеніи и не производящимъ ни повышенія температуры, ни порчи воздуха, было бы освѣщеніе посредствомъ электри-

ческихъ лампъ съ накаливаніемъ. Опытъ многихъ учрежденій, введшихъ у себя такое освѣщеніе, вполне убѣдительно доказываетъ его достоинства и выгоды. Судя по цѣнамъ, предложеннымъ Высочайше утвержденнымъ Обществомъ электрическаго освѣщенія, всѣ работы, потребныя для замѣны газа электричествомъ въ читальной залѣ и въ вестибюлѣ Библиотеки, не превышали бы единовременной затраты въ 3000 р., самое же освѣщеніе электричествомъ обходилось бы въ годъ немного болѣе 2500 р. Не смотря однако на умѣренность этихъ цифръ, настоящее состояніе бюджета Библиотеки не позволяетъ ей приступить къ указанному улучшенію.

Недостатокъ нынѣ существующей въ Библиотекѣ системы отопленія посредствомъ нагрѣтаго воздуха заключается въ томъ, что она производитъ чрезвычайную сухость воздуха и копотъ, вредныя для сохранности книгъ. Съ цѣлью устраненія этого недостатка, въ 1887 году былъ сдѣланъ въ одной изъ библиотечныхъ залъ опытъ приспособленія къ отдушникамъ, доставляющимъ въ зданіе Библиотеки нагрѣтый воздухъ, особыхъ наполненныхъ водою коробокъ, предназначенныхъ задерживать копотъ и испарять находящуюся въ нихъ воду. Опытъ этотъ далъ удовлетворительный результатъ, выяснивъ, что одна часть копоти смывается водою коробки и такимъ образомъ не распространяется въ залахъ,—другая же, меньшая, хотя и остается не смытою, но не распространяется за предѣлы коробки и можетъ быть стираема съ ея стѣнокъ. Притомъ произведенными гигрометрическими измѣреніями найдено увеличеніе влаги въ воздухѣ залы.

Не смотря однако на крайнюю стѣсненность своего помѣщенія и на ограниченность своего бюджета, Библиотека и въ 1887 году продолжала обогащаться, какъ произведеніями печати, такъ и рукописями. Изъ новыхъ приобрѣтеній въ нее поступили, въ видѣ цѣлыхъ коллекцій, слѣдующія:

I. По Высочайшему повелѣнію, Императорскимъ Эрмитажемъ передано въ Библиотеку 926 сочиненій въ 2959 томахъ, входившихъ въ составъ библиотеки, приобрѣтенной Эрмитажемъ отъ наследниковъ князя М. А. Голицына. Этотъ почтенный собиратель, составившій свою библиотеку въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ, успѣлъ обогатить свое собраніе большимъ количествомъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ сочиненій на языкахъ греческомъ и латинскомъ, а также на языкахъ романскихъ и германскихъ. Однѣ изъ книгъ, входившихъ въ составъ библиотеки князя М. А. Голицына, обращаютъ на себя вниманіе какъ произведенія начальнаго періода типографскаго иску-

ства, другія—какъ изданія, отпечатанныя или уцѣлѣвшія въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, третьи, наконецъ,—потому, что достоинство внутренняго содержанія соединяють съ высокими сомершенствомъ типографскаго исполненія; такимъ образомъ можно сказать, что поступленіе книгъ изъ собранія князя М. А. Голицына въ Императорскую Публичную Библіотеку обогатило ее цѣнными экземплярами отборныхъ старинныхъ изданій западной Европы, пріобрѣтеніе которыхъ представлялось бы въ настоящее время почти невозможнымъ. Должно притомъ замѣтить, что почти всѣ сочиненія, поступившія изъ библіотеки князя М. А. Голицына, являются въ отличномъ видѣ, отпечатанными на лучшей бумагѣ и переплетенными въ красивые и дорогіе переплеты, работы лучшихъ мастеровъ.

II. По распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ Библіотеку передано собраніе книгъ и рукописей, принадлежавшихъ закрытому въ 1886 году римско-католическому доминиканскому монастырю въ городѣ Люблинѣ. Въ составъ этого собранія входятъ 69 печатныхъ сочиненій, въ 182 томахъ, и 85 рукописей на языкахъ латинскомъ, польскомъ и другихъ. Изъ печатныхъ книгъ наибольшее число относится къ философіи, затѣмъ къ изящной словесности, къ исторіи и географіи, къ классической филологіи и т. д. Значительная доля вновь поступившихъ книгъ оказалась дублетами; но оставшая часть послужила къ пополненію Библіотеки. Рукописи, переданные изъ библіотеки Люблинскаго монастыря, писаны преимущественно на латинскомъ языкѣ, нѣкоторыя же—на польскомъ; изъ нихъ 8 рукописей относятся къ XV столѣтію, а прочія—къ XVII и XVIII вѣкамъ. Наибольшую важность представляетъ между ними сборникъ XV вѣка, въ которомъ, между прочимъ, помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Inscriptio canonica Magni Alexandri regis Macedonum“, содержащая въ себѣ латинскую переработку греческаго Псевдо-Калиссена; въ спискѣ этомъ находятся нѣкоторыя разночтенія къ печатному тексту означеннаго сказанія.

III. Продолжаемая рижскимъ книгопродавцемъ Н. Книшелемъ распродажа книгъ библіотеки А. Ф. Смирдина, перешедшей впоследствии къ II. Крашенинникову, дала Библіотекѣ возможность въ 1887 году, какъ и въ предшествовавшемъ, пополнить русское отдѣленіе Библіотеки 131 недостававшимъ въ немъ сочиненіемъ въ 137 томахъ.

IV. Пріобрѣтена покупкою часть извѣстнаго Рѣшетилловскаго архива В. С. Попова. Умъ и неутомимое усердіе въ исполненіи слу-

жебныхъ обязанностей способствовали быстрому движенію Василя Степановича Попова по государственной службѣ. Какъ извѣстно, въ 1781—1788 годахъ онъ былъ правителемъ канцеляріи московскаго главнокомандующаго князя В. М. Долгорукова-Крымскаго, а затѣмъ занималъ должность правителя канцеляріи князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, до самой смерти свѣтлѣйшаго, и пользовался полною его довѣренностію. По прибытіи въ 1792 году въ С.-Петербургъ съ бумагами Потемкина для личнаго представленія ихъ императрицѣ Екатеринѣ II, Поповъ былъ оставленъ государынею для собственныхъ ея дѣлъ, завѣдывалъ кабинетомъ императрицы и докладывалъ ей дѣла. Въ царствованіе императора Павла Петровича Поповъ былъ, въ 1797—1798 гг., президентомъ камеръ-коллегіи. При императорѣ Александрѣ I онъ управлялъ комиссаріатскимъ и провіантскимъ департаментами. Окончилъ свою службу Поповъ въ званіи члена государственнаго совѣта. Умеръ онъ въ 1822 году и похороненъ въ пожалованномъ ему императрицею Екатериною II мѣстечкѣ Рѣшетилковѣ, Полтавской губерніи. Послѣ В. С. Попова остался богатый архивъ. Въ 1864 году былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ каталогъ архива и библіотеки В. С. Попова, но весьма краткій и составленный лицомъ, очевидно, совершенно незнакомымъ съ дѣломъ и съ русскою исторіею, такъ что онъ не давалъ точнаго понятія о бумагахъ, оставшихся послѣ В. С. Попова; однако и по такому каталогу можно было до извѣстной степени догадываться о важномъ значеніи заключающихся въ Рѣшетилковскомъ архивѣ матеріаловъ для русской исторіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ половинѣ 1860-хъ годовъ Рѣшетилковскій архивъ привлекъ къ себѣ вниманіе и ученыхъ—профессора университета св. Владиміра А. И. Ставровскаго и секретаря (Одесскаго общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевича. Профессоръ Ставровскій напечаталъ нѣсколько весьма любопытныхъ бумагъ изъ Рѣшетилковскаго архива въ Русскомъ Архивѣ. Г. Мурзакевичъ, совершившій въ 1867 году, по порученію Одесскаго общества исторіи и древностей, поѣздку въ Рѣшетилковку, отобралъ тамъ особенно важныя бумаги для исторіи Новороссійскаго края изъ времени генералъ-губернаторства князя Потемкина, которыя и были изданы въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей; списанныя же имъ письма князя Везбородка къ Потемкину г. Мурзакевичъ сообщилъ Н. И. Григоровичу, который напечаталъ ихъ въ своемъ трудѣ „Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Везбородко“. Когда, въ концѣ 1887 года, правнукъ В. С. Попова, А. В.

Поповъ предложилъ Библіотекѣ купить находившіяся у него бумаги его прадѣда, то Библіотека сочла своею обязанностію сохранить для науки важныя историческія матеріалы и приобрѣла ихъ у г. Попова, не смотря на высокую цѣну, имъ за нихъ назначенную. По разборѣ и приведеніи въ порядокъ купленныхъ Библіотекою бумагъ В. С. Попова и по сличеніи составленнаго имъ инвентаря съ печатнымъ каталогомъ 1864 года, а также съ напечатанными бумагами изъ архива В. С. Попова въ Русскомъ Архивѣ, Запискахъ Одесскаго общества и упомянутомъ трудѣ г. Григоровича, оказалось, что въ Библіотеку Рѣшетилловскій архивъ поступилъ не въ полномъ своемъ составѣ, а только частью, правда, довольно значительною. Еще до покупки Библіотекою настоящаго собранія ей было извѣстно о нѣсколькихъ случаяхъ приобретенія частными лицами отдѣльных документовъ изъ Рѣшетилловскаго архива. Въ 1882 году сама Библіотека имѣла случай приобрести сборникъ бумагъ, происходившихъ изъ того же архива и оставшихся послѣ профессора Ставрова. Изъ бумагъ В. С. Попова, поступившихъ въ Библіотеку въ 1887 году, не мало интересныхъ документовъ оказалось уже напечатанными въ названныхъ выше изданіяхъ. Но въ числѣ бумагъ, приобретенныхъ Библіотекою, находится также много важныхъ и любопытныхъ, еще не появившихся въ печати. Таковы въ особенности слѣдующія:

1) Письма къ В. С. Попову, сохранившіяся въ подлинникахъ: а) 19 писемъ и записокъ императрицы Екатерины II, два письма императрицы Маріи Феодоровны, три собственноручныя письма императора Александра I и два письма великой княгини Екатерины Павловны, б) 1999 писемъ частныхъ лицъ къ В. С. Попову, адресованныхъ отъ 359 лицъ, въ томъ числѣ отъ многихъ современныхъ ему представителей высшей администраціи, писателей и т. д.; многія изъ этихъ писемъ имѣютъ историческое значеніе.

2) Девять подлинныхъ писемъ и докладовъ императрицъ Екатерины II отъ слѣдующихъ лицъ: графа Ѳ. Г. Головкина, принца Карла Нассау-Зигена, графа Северина Ржевускаго, А. И. Рибоьера, графа Н. И. Салтыкова, С. Ѳ. Стрекалова, графа А. В. Суворова-Рымническаго, графини Е. П. Шуваловой и польскаго помѣщика Доминика Борека.

3) 110 подлинныхъ писемъ и записокъ къ князю Г. А. Потемкину-Таврическому отъ разныхъ лицъ.

4) Пятнадцать подлинныхъ писемъ разныхъ лицъ, случайно попавшіяся въ бумагахъ В. С. Попова.

5) Томъ, содержащій въ себѣ черновые отпуски и копіи именныхъ указовъ кабинету, сенату, св. синоду и въ некоторымъ другимъ учрежденіямъ и высочайшихъ рескриптовъ императрицы Екатерины II разнымъ лицамъ, преимущественно за 1792 годъ, а частью за 1793 и 1794 годы. Отпуски указовъ и рескриптовъ писаны главнымъ образомъ рукою В. С. Попова или содержатъ въ себѣ его поправки.

6) Томъ, содержащій въ себѣ черновые отпуски и копіи съ писемъ В. С. Попова къ разнымъ лицамъ. Большая часть писемъ относится къ 1792 году; во многихъ изъ нихъ Поповъ объявлялъ высочайшія повелѣнія императрицы. Другая, значительно меньшая, часть писемъ относится къ 1793, 1794, 1797, 1799, 1800, 1804, 1807 и 1809 годамъ.

7) Копіи съ писемъ графа А. А. Безбородка къ князю Г. А. Потемкину-Таврическому и къ В. С. Попову.

8) Нѣсколько бумагъ изъ официальной переписки касательно путешествія въ 1780 году графа Фалкенштейна (Германскаго императора Иосифа) по Россіи.

9) Копіи съ донесеній графа Кассини В. С. Попову, на французскомъ языкѣ изъ Польши за 1792 и 1793 годы.

10) Сборникъ, заключающій въ себѣ донесенія, на французскомъ языкѣ, неизвѣстнаго лица о польскихъ дѣлахъ, послывшіяся въ 1790 году В. С. Попову (конечно, для доклада князю Потемкину), копіи съ нѣсколькихъ писемъ изъ Варшавы (на французскомъ же языкѣ) и извлеченія изъ нихъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ въ 1790—1792 годахъ.

11) Пять сборниковъ, содержащихъ въ себѣ частью официальные бумаги касательно разныхъ мѣропріятій правительства, въ которыхъ приходилось участвовать В. С. Попову, частью письма къ нему разныхъ лицъ и переписку другихъ лицъ, которую онъ имѣлъ случай пріобрѣсти.

Наконецъ, вмѣстѣ съ бумагами В. С. Попова поступила въ Библиотеку еще слѣдующая рукопись неизвѣстнаго автора: „Мысли русскаго о настоящемъ положеніи могущественной Россіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и о возможности улучшеній“, черновой автографъ, писанный въ 1846—1847 гг. и снабженный слѣдующею замѣткой: „Представлено Его Высочеству, Цесаревичу—по 1-е мая 1846-го“.

V, Дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Н. Лонгиновъ при-

несь въ даръ Библіотекѣ переписку его дяди, члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Николая Михайловича Лонгинова († 1853 г.), бывшаго долгое время секретаремъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Бумаги эти заключаютъ въ себѣ между прочимъ: а) 921 письмо Николая Михайловича Лонгинова къ брату его Никанору Михайловичу, съ 1800 по 1853 г.; между этими письмами встрѣчаются нѣкоторыя, имѣющія общій интересъ; б) 87 писемъ Никанора Михайловича Лонгинова къ брату его Николаю Михайловичу изъ Германіи, Голландіи, Франціи и царства Польскаго, писанныхъ въ 1816—1819 годахъ, между которыми особенно интересны письма изъ Мобѣжа, въ то время, когда Никаноръ Михайловичъ состоялъ дивизионнымъ оберъ-аудиторомъ при отдѣльномъ корпусѣ нашихъ войскъ, оставшихся во Франціи подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова; в) 26 писемъ супруги Николая Михайловича Лонгинова, Марьи Александровны, къ его брату Никанору Михайловичу, 1855—1857 гг.; 2) 25 писемъ Дмитрія Николаевича Лонгинова къ его дядѣ Никанору Михайловичу Лонгинову, 1854—1857 гг., и д) 48 писемъ братьямъ Лонгиновымъ, отъ князя М. С. Воронцова, графа Д. Н. Блудова, барона М. А. Корфа, графа А. А. Закревскаго, М. И. Девса, лейбъ-медика Енохина и многихъ другихъ лицъ.

VI. Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ знаменитому нашему проповѣднику, архіепископу Херсонскому Иннокентію, принесенное Библіотекѣ въ даръ статскимъ совѣтникомъ Н. Х. Палаузовымъ. О своемъ намѣреніи пожертвовать Библіотекѣ переписку преосвященнаго Иннокентія г. Палаузовъ заявилъ еще въ 1883 году, но до 1887 года она находилась у профессора С.-Петербургской духовной академіи Н. И. Барсова, которому жертвователъ разрѣшилъ пользоваться матеріалами, заключающимися въ этомъ собраніи, для извлеченія изъ нихъ данныхъ къ составляемой г. Барсовымъ біографіи преосвященнаго Иннокентія. Въ теченіе 1883—1887 годовъ г. Барсовъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до пяти сотъ писемъ изъ настоящаго собранія, имѣющихъ наибольшее значеніе, но, къ сожалѣнію, письма эти изданы со многими ошибками; затѣмъ въ 1887 году г. Барсовъ сдалъ наконецъ въ Библіотеку находившіеся въ его пользованіи матеріалы. Собраніе писемъ къ преосвященному Иннокентію состоитъ изъ девяти томовъ; письма были переплетены въ нихъ безъ всякаго порядка; иногда даже начало письма находится въ одномъ томѣ, а конецъ въ другомъ. Всѣхъ писемъ и донесеній къ преосвященному Иннокентію за-

ключается въ этихъ томахъ 2948. Кроме того, въ собраніи его бумагъ находятся: а) 24 черновыя отвѣтныя письма самого преосвященнаго Иннокентія, большею частью собственноручныя; писанныя же рукою писца имѣютъ поправки, сдѣланныя самимъ преосвященнымъ; есть еще копія съ 6 писемъ преосвященнаго Иннокентія; б) 68 писемъ разныхъ лицъ не къ преосвященному Иннокентію, и в) 14 бумагъ разнаго содержанія. Такимъ образомъ, число всѣхъ документовъ, содержащихся въ 9 томахъ переписки преосвященнаго Иннокентія, немногимъ превосходитъ три тысячи. Въ числѣ писемъ къ преосвященному Иннокентію находится не мало писемъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей и значительное число писемъ современныхъ Иннокентію іерарховъ и лицъ чернаго и бѣлаго духовенства, и болѣе половины имѣютъ историческое значеніе и представляютъ богатый матеріалъ какъ для біографіи преосвященнаго Иннокентія, такъ и вообще для исторіи церковно-религіозной жизни второй четверти текущаго столѣтія. Весьма любопытенъ также цѣлый рядъ писемъ и донесеній преосвященному Иннокентію отъ лицъ подвѣдомственнаго ему духовенства Крыма о событіяхъ крымской войны и обороны Севастополя.

VII. Собраніе писемъ къ *Θ. Л. Переверзеву*, принесенное въ даръ сотрудникомъ археографической комиссіи *В. И. Сантовымъ*. Долговременная государственная служба *Θ. Л. Переверзева*, окончившаго жизнь сенаторомъ въ 1860-хъ годахъ, ставила его въ сношенія съ весьма многими лицами разнаго общественнаго положенія; но изъ 2245 писемъ къ нему, поступившихъ въ Библиотеку, лишь сравнительно небольшое число (206) принадлежитъ лицамъ болѣе известнымъ, и лишь немногія представляютъ интересъ по своему содержанію; въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить нѣсколько писемъ и записокъ графа *А. А. Закревскаго*.

VIII. Принадлежащее къ составу историческаго отдѣленія Библиотеки специальное собраніе книгъ о Святой Землѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, было пополняемо вновь выходящими сочиненіями о Палестинѣ и тѣми изъ изданныхъ въ прежнее время, которыхъ доселѣ въ неѣ не было.

IX. Продолженіе приносимой въ даръ англійскимъ правительствомъ коллекціи патентовъ и привилегій на техническія изобрѣтенія, выдаваемыхъ въ Лондонѣ, въ количествѣ 84 томовъ.

X. Продолженіе присылаемой Германскимъ правительствомъ въ
часть ослухи, отд. 4.

даръ Библиотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ патентовъ и привилегій на разныя изобрѣтенія, въ количествѣ 4133 томовъ.

XI. Продолженіе литературно-художественной коллекціи, приносимой въ даръ Библиотекѣ почетнымъ членомъ ея И. Е. Бецкимъ подъ названіемъ „Флорентинской Елки“ и „Appendice“ къ ней.

Отдѣльныя приобрѣтенія Библиотеки относятся какъ къ произведеніямъ печати, такъ и къ рукопислямъ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія г. министромъ Императорскаго Двора препровождены въ Библиотеку два экземпляра „Описанія Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1883 году, одинъ на русскомъ, другой на французскомъ языкѣ. Оба экземпляра отпечатаны въ листъ, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и снабжены рисунками, которые исполнены лучшими нашими художниками, В. Верещагинымъ, И. Крамскимъ, К. Маковскимъ и другими.

По закону Библиотека продолжала получать книги, брошюры, временныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и пр. изъ тѣхъ же источниковъ, изъ коихъ она получала ихъ въ предшествовавшіе годы.

Изъ числа приношеній со стороны разныхъ учреждений и частныхъ лицъ значительнѣйшія были отъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго (720 тт.), С. З. Петровой (238 тт.), Н. А. Варгуняна (221 тт.), правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (280 тт.), комиссій по международному обмѣну изданій: французской (163 тт.) и италіанской (115 тт.).

Изъ принесенныхъ въ даръ произведеній печати особеннаго вниманія заслуживаютъ:

1) Разрѣшительная грамота отъ имени епископа Монеивасійскаго. Печатана церковно-славянскимъ шрифтомъ западно-русской печати начала XVII вѣка. Два отрывка этой грамоты были найдены г. Шляпкинымъ въ переплетѣ принадлежащаго ему экземпляра сочиненія Петра Могилы „Διδοϋς“. Какъ можно судить по этимъ отрывкамъ, грамота была напечатана на продолговатомъ листѣ. Того мѣста въ грамотѣ, на которомъ должно было находиться имя епископа Монеивасійскаго, въ поступившемъ въ Библиотеку экземплярѣ недостаетъ. Найденный пока единственный извѣстный экземпляръ грамоты принадлежитъ къ тому разряду, который назначенъ для дачи женщинамъ (отъ магистранта И. А. Шляпкина).

2) Корректурные листки, относящіеся къ X тому Полнаго собра-

шія сочиненія князя П. А. Вяземскаго, но не вошедшіе въ это изданіе. Содержать въ себѣ чрезвычайно интересныя мысли князя Вяземскаго преимущественно о восточномъ вопросѣ, сербской и послѣдней русско-турецкой войнѣ и нашей внѣшней политикѣ за то время (отъ статскаго совѣтника Н. П. Барсукова).

Изъ значительнаго количества изданій, прибрѣтенныхъ для Библиотеки покупкою, нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія по рѣдкости, важности содержанія или цѣнности.

По отдѣленію книгъ церковно-славянской печати Библиотека въ отчетномъ году имѣла возможность прибрѣсти 21 изданіе XVII и начала XVIII вѣка, изъ которыхъ нѣсколько весьма рѣдкихъ, и такимъ образомъ пополнить свое богатое собраніе старопечатныхъ книгъ. Изъ этихъ изданій наиболѣе замѣчательны слѣдующія два, не извѣстныя библиографамъ: а) Псалтырь со возслѣдованіемъ, напечатанная въ Москвѣ въ 1638 году, „списканіемъ и труды многогубшнаго раба Василія Федорова сына Вурцова“, и б) Клятвенное обѣщаніе (присяга подданныхъ царевичу Петру Петровичу по случаю объявленія его наследникомъ престола). Москва 1718, февруаря въ 3 день; открытый листъ.

Равнымъ образомъ, по отдѣленію русскихъ книгъ гражданской печати въ теченіе 1887 года прибрѣтено антикварнымъ путемъ 41 сочиненіе, преимущественно XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ есть также нѣсколько замѣчательныхъ по рѣдкости.

По иностраннымъ отдѣленіямъ Библиотека старалась прибрѣтать всѣ наиболѣе значительныя новыя произведенія научной литературы, а также восполнять пробѣлы своихъ собраній за прежніе годы, особливо коллекціи ученыхъ періодическихъ изданій.

Одѣльныя прибрѣтенія по части рукописей также были значительны.

Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше передать въ Библиотеку подлинный открытый листъ, за собственноручнымъ подписаніемъ императора Петра Великаго, отъ 31-го октября 1723 года, данный майору Ивану Албаневу, которому было поручено призывать на русскую службу сербовъ, изъ коихъ было предположено образовать нѣсколько конныхъ гусарскихъ полковъ въ украинскихъ городахъ.

Вслѣдствіе ходатайства французскаго правительства, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на передачу Парижской національной библиотекѣ принадлежащаго Императорской Публичной Библиотекѣ перга-

меннаго листа изъ латинской Псалтири V вѣка (Lat. Q. v. I, № 1) (которая вся, кромѣ этого листа, находилась въ Национальной Библиотекѣ) въ обихѣ на принадлежащей Национальной Библиотекѣ списокъ Воскресенской лѣтописи. Сей послѣдній принадлежитъ къ числу лучшихъ списоковъ этой лѣтописи. Парижская рукопись Воскресенской лѣтописи относится къ XVI вѣку и содержитъ въ себѣ событія съ 6862 (1354) по 7049 (1541) годъ. Первоначально эта рукопись принадлежала стольнику князю Ю. О. Щербатову, который потомъ подарилъ ее шведу Спарвенфельту. Рукопись эта была принята за основной списокъ при изданіи археографическою комиссіей второй половины лѣтописи по Воскресенскому списку.

Изъ рукописей, принесенныхъ въ даръ частными лицами, замѣчательны слѣдующія:

1) Евангеліе отъ Іоанна, писанное славянскимъ шрифтомъ княгиней Л. Н. Меншиковой, рожденною княжною Гагариною, замѣчательное по художественной орнаментациі рукописи. Каждая страница текста помѣщена въ рамкѣ, рисованной красками, при чемъ нѣтъ ни одной рамки, рисунокъ которой хоть бы разъ въ ней повторялся. Композиція рисунковъ для этихъ рамокъ по большей части принадлежитъ извѣстному нашему археологу, профессору О. Г. Солнцеву (преимущественно въ русскомъ стилѣ), который иногда рисовалъ самъ всю рамку, а иногда лишь уголъ рамки, а княгиня уже сама дорисовывала остальную часть рамки. О. Г. Солнцевымъ исполнена также большая часть миниатюръ съ изображеніями событій Евангеліи, на отдѣльныхъ листахъ или въ медальонахъ рамокъ. Одна рамка съ небольшою миниатюрой исполнена иконописцемъ М. Пошехоновымъ. Надъ нѣкоторыми рамками и рисунками работали французскіе художники. Рисунокъ, изображающій будуаръ княгини съ ея любимою ангорскою кошкою, выполненъ извѣстнымъ акварелистомъ, профессоромъ Премацци. Съ большою вѣроятностью можно полагать, что нѣсколько рисунковъ принадлежатъ рукѣ бывшаго вице-президента Императорской Академіи художествъ князя Г. Г. Гагарина. Есть, наконецъ, рамки, скопированныя самою княгиней изъ рукописей, преимущественно средневѣковыхъ французскихъ. Текстъ Евангелія писанъ весь прекрасно рукою самой княгини, посвятившей работѣ надъ этою рукописью много лѣтъ своей жизни. Въ началѣ рукописи помѣщены рисованные акварелью гербъ князей Меншиковыхъ и портретъ княгини Л. Н. Меншиковой. Рукопись эта, переплетенная въ превосходный сафьянный переплетъ французской

работы, передана въ Библиотеку по духовному завѣщанію княгини супругомъ ея, генераль-адъютантомъ княземъ В. А. Меншиковымъ.

2) Записки извѣстнаго сподвижника Петра Великаго Григорія Петровича Чернышева, впоследствии возведеннаго императрицею Елисаветою Петровною въ графское достоинство. Записки Г. П. Чернышева не иное что, какъ подробный послужной списокъ, съ приложеніемъ замѣтокъ объ его дѣтахъ, времени ихъ рожденія, службъ, женитьбъ или замужествъ; содержа точные факты изъ жизни одного изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, записки эти имѣютъ свое значеніе. Написаны онѣ были Г. П. Чернышевымъ въ 1788 году. Рукопись эта поступила отъ супруги Свѣты Его Величества генераль-маіора Е. К. Тучковой, рожденной Опочининой.

3) Черновая рукопись исторической монографіи Н. И. Костомарова „Мазепа“. Писана вся рукою самого автора (отъ вдовы Н. И. Костомарова, А. Л. Костомаровой).

4) Сборникъ стихотворныхъ сочиненій С. Н. Марипа (р. 1775, † 1813), извѣстнаго преимущественно своими сатирическими произведеніями (отъ племянника С. Н. Марина, С. Е. Марина).

5) „Мои вечера. Сказки Башкирскія“, рукопись начала XIX вѣка, содержащая въ себѣ вольный пересказъ народныхъ башкирскихъ преданій, безъ сомнѣнія, слышанныхъ авторомъ отъ самихъ инородцевъ; рукопись эта не лишена интереса, заключаая въ себѣ любопытныя данныя и свѣдѣнія по части народныхъ суевѣрій и быта башкиръ, и можетъ быть пригодна хотя бы для сличенія съ нею другихъ текстовъ или переводовъ турецкихъ народныхъ произведеній такого же сказочнаго характера. Рукопись эта была получена дарителемъ, П. Н. Распоповымъ, отъ покойнаго изслѣдователя Оренбургскаго края Р. Г. Игнатъева.

6) Автографы нѣсколькихъ трудовъ Н. Я. Данилевскаго, извѣстнаго автора „Дарвинизма“ и „Россія и Европа“ (отъ вдовы Н. Я. Данилевскаго, О. А. Данилевской).

7) „Мнѣніе какимъ образомъ можно бы изготавить Варшавскую, или такъ-называемую Залускихъ, библиотеку къ будущему 1797 году, сентября къ 22-му числу, такъ, чтобы она могла быть выставлена зрѣнію и употребленію общему въ устроенномъ и ученомъ порядкѣ такомъ, что и пріятна будетъ зрѣнію, и весьма удобна къ употребленію“. Копія съ подлинной рукописи, исполненная въ 1887 году. Документъ, имѣющій значеніе для исторіи Императорской Публичной Библиотеки (отъ Н. В. Эрдели).

8) Послание А. С. Пушкина къ Н. И. Кривцову, писанное 2-го марта 1818 года, автографъ поэта (отъ супруги дѣйствительнаго тайнаго совѣтника С. П. Ватюшковой, рожденной Кривцовой).

9) Автографы А. А. Вестужева (Марлинскаго) (отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. П. Крылова).

10) Четыре собственноручныя письма М. И. Глинки (отъ В. В. Стасова).

11) 28 писемъ живописца В. И. Штернберга (р. 1818 г., † 1845 г.) къ архитектору Н. Л. Венуа, писанныхъ изъ Италіи въ 1841—1845 годахъ. Эти письма интересны по множеству подробностей и разказовъ изъ жизни самого автора и другихъ русскихъ художниковъ въ Италіи въ сороковыхъ годахъ. Сверхъ того, во многихъ письмахъ находятся любопытныя наброски Штернберга, перомъ и акварелью, изображающіе многихъ изъ тогдашнихъ нашихъ художниковъ.

12) Собственноручное послание въ стихахъ А. С. Даргомыжскаго къ М. П. Мусоргскому, 1867 года.

13) Двадцать одно собственноручное письмо Ф. Листа.

14) Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ композитора А. П. Бородина къ графинѣ Мерси д'Аржанто.

15) Четыре весьма интересныя очерка извѣстнаго художника В. Г. Перова, писанныя имъ собственноручно, изъ жизни русскихъ художниковъ.

16) „Репертуаръ ролей В. В. Самойлова“, альбомъ въ 4 книгахъ, въ которыхъ знаменитый артистъ нашъ, приступая къ изученію новой роли, рисовалъ акварелью задуманный имъ типъ. Всего здѣсь помѣщено 406 рисунковъ, изображающихъ Самойлова въ играныхъ имъ роляхъ, начиная съ его дебюта (5-го октября 1834 г.) въ оперѣ Меггя „Юсифъ Прекрасный“. Альбомъ этотъ поступилъ въ Библиотеку по духовному завѣщанію В. В. Самойлова.

Изъ рукописей, купленныхъ самою Библиотекою, заслуживаютъ быть упомянутыми:

1) Нѣсколько сборниковъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, самаго разнообразнаго состава.

2) Типикъ (церковный уставъ). Рукопись на пергаменѣ, писанная уставомъ двухъ почерковъ половини XIV вѣка, сербскаго письма.

3) Творенія Симеона, архіепископа Солунскаго. Рукопись конца XVII вѣка (1699 года) и начала XVIII вѣка. Переводъ твореній Симеона Солунскаго, заключающійся въ настоящей рукописи, сдѣланъ съ ясскаго печатнаго изданія 1683 года и отличается отъ

переводовъ тѣхъ же твореній, исполненныхъ извѣстнымъ переводчикомъ, іеромонахомъ Евѣніемъ и митрополитомъ Сучавскимъ Досифеемъ.

4) Хронографъ, писанный скорописью и полууставомъ конца XVII вѣка, съ дополненіями, писанными въ первой четверти XVIII вѣка, особаго, весьма интереснаго состава.

5) „О развращеніи православныхъ христіанскія каеолическія вѣры, обличеніе Соловецкаго монастыря на безбожнаго отступника бывшаго, отступника і еретика Никона, оученика Арсенка жидовина чернца, і на его злохитренниковъ Никоновыхъ оучениковъ. Отъ святаго старца Азарія келаря еже о Христѣ зъ братьею челобитная къ царю; извѣстная „Соловецкая челобитная“, посланная царю Алексію Михайловичу въ октябрѣ 7176 (1667) года; въ настоящемъ спискѣ всѣ обращенія къ царю замѣнены обращеніемъ вообще къ православнымъ христіанамъ.

6) Переводъ исторіи Геродота, сдѣланный въ половинѣ XVIII в. и оставшійся не изданнымъ, ибо совершенно иной, чѣмъ тотъ, который былъ сдѣланъ А. А. Нартовымъ и напечатанъ въ 1763 году.

7) Переписка извѣстнаго археолога В. В. Кене по званію члена Высочайше учрежденной ученой комиссіи по поводу возобновленія дома бояръ Романовыхъ, что на старомъ государевомъ дворѣ, съ разными лицами.

8) Нѣсколько бумагъ, касающихся литературнаго общества „Арзамасъ“, въ томъ числѣ два протокола и письма къ Д. Н. Блудову отъ В. А. Жуковскаго, К. Н. Ватюшкова, кн. П. А. Вяземскаго, Д. В. Дашкова и П. И. Полетки.

9) Тетрадь стихотвореній В. А. Жуковскаго, относящихся къ 1802—1810 годамъ. Стихотворенія расположены не въ хронологической послѣдовательности. Переписаны они въ тетрадь весьма тщательно рукою одной изъ Протасовыхъ. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ встрѣчаются поправки руки самого поэта, многія изъ которыхъ не вошли въ печатный текстъ его стихотвореній; кромѣ того, въ тетради находятся три собственноручныя стихотворенія Жуковскаго. Всѣ стихотворенія, помѣщенные въ настоящей тетради, кромѣ лишь одного (Брутова смерть), изданы въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, или имѣются въ бумагахъ поэта, пожертвованныхъ его сыномъ П. В. Жуковскимъ Библиотекѣ въ 1884 году.

10) Переплетенная тетрадь, заключающая въ себѣ черновые автографы нѣкоторыхъ произведеній Н. В. Гоголя въ отрывкахъ, въ томъ числѣ Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ, Тараса Булабы и пр.

11) Евангеліе апракосъ, на греческомъ языкѣ. Рукопись, писан-

ная на пергаментѣ, въ листъ, въ два столбца, строчнымъ письмомъ XI—XII вѣка, съ одною заставкою и нѣсколькими росписными главными буквами.

12) Четвероевангеліе на грузинскомъ языкѣ, въ 12-ю д., рукопись XVII вѣка, на лощеной бумагѣ. Въ рукописи сохранились изображенія четырехъ евангелистовъ, рисованныя красками и золотомъ; въ началѣ каждого Евангелія имѣется заставка, рисованная также золотомъ и красками, чисто грузинскаго стиля. Каждая страница текста окружена рамкою.

13) Экберъ-намѣ, то-есть, исторія императора Экбера. Сочиненіе шейха Абу-ль-Фазли. Рукопись на персидскомъ языкѣ, писанная въ 1042 (то-есть, 1632—1633) году.

14) Сборникъ, содержащій въ себѣ копии съ привилегій, грамотъ и другихъ актовъ (на языкахъ латинскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ), относящихся до города Пернова, за 1561—1726 годы.

15) Beschreibung der Tschucktschi, von ihren Gebräuchen und Lebensart aufgesetzt von G. Merck. Рукопись конца XVIII — начала XIX вѣка, съ приложеніемъ 7 рисунковъ, изображающихъ чукчей и ихъ бытовую обстановку.

16) Aus dem Tagebuche des Feldzugs des Sächsischen Heeres im Jahre 1812 in Polen, und dessen Rückzug bis in die Landes Festung im Jahre 1812. Составлено однимъ саксонскимъ офицеромъ, находившимся въ составѣ названнаго войска.

17) Notes sur l'Inde. Par le général Magallon de la Morlière. Въ этой запискѣ французскаго генерала Магаллона-де-ла-Морльера († 1825) обсуждается планъ сухопутной экспедиціи Франціи въ Индію противъ Англіи.

18) Rapport fait à Son Excellence Monsieur le Président de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, le comte D. N. Bloudoff sur un voyage scientifique à Khiva et Boukhara, exécuté en 1857 sous les auspices de l'Académie Impériale par P. Lerch. Этотъ отчетъ извѣстнаго ориенталиста П. И. Лерха, какъ кажется, не былъ напечатанъ.

Вообще, въ теченіе 1887 года въ Библіотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльных листовъ 26,701 сочиненіе въ 32,112 томахъ; въ томъ числѣ:

по Высочайшему повелѣнію . . .	928 соч. въ	2,961 тт.
по закону цензурнымъ вѣдомствомъ		
доставлено въ двухъ экземплярахъ .	13,433 .	14,300 .

по распоряженіямъ разныхъ учре- жденій	1,643	„	2,087
частныхъ приношеній отъ 220 лицъ и учреждений въ Россіи и за границей.	6,784	„	7,912
куплено самою Библіотекою	3,913	„	4,860
б) рукописей, автографовъ и актовъ	8,915;	въ томъ числѣ:	
по Высочайшему повелѣнію			6
частныхъ приношеній отъ 34 разныхъ лицъ			6,659
куплено самою Библіотекою			2,250
в) эстамповъ и фотографій (въ томъ числѣ 39 частныхъ приношеній отъ 2 учреждений и 3 частныхъ лицъ) . . .			640
г) картъ и плановъ (въ томъ числѣ 117 частныхъ при- ношеній отъ 4 лицъ)			210
д) нотъ			1,058

Размѣщеніе и каталогизація поступившихъ въ Библіотеку въ те-
ченіе 1887 года рукописей, книгъ, эстамповъ, картъ, нотъ и пр.
производились безостановочно.

Въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки, въ теченіе 1887 года,
была вновь устроена, въ дополненіе къ прежнимъ, еще одна посто-
янная выставка, именно—средне-азиатскихъ рукописей, украшенныхъ
миниатюрами, заставками и разными орнаментальными рисунками въ
краскахъ. Эта выставка представляетъ тотъ особенный интересъ,
что главный контингентъ ея—рукописи джагатайскія, то-есть, пи-
санныя на нарѣчій восточно-тюркскомъ, а рукописи этой категоріи
не многочисленны въ библіотекахъ западной Европы. Такъ, въ Гот-
ской герцогской библіотекѣ ихъ всего—2, въ Вѣнской император-
ской библіотекѣ—7, въ Парижской національной библіотекѣ—10
(сверхъ того, одна уйгурская), въ Берлинской королевской библіо-
текѣ—15 (сверхъ того, одна уйгурская), въ Британскомъ музеѣ
въ Лондонѣ—44. Напротивъ, въ одномъ Петербургѣ—свыше
160 джагатайскихъ рукописей, а именно: въ библіотекѣ С.-Петер-
бургскаго университета—13, въ институтѣ восточныхъ языковъ
при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ—17, въ Азиатскомъ му-
зеѣ Императорской Академіи Наукъ—40, въ Императорской Публич-
ной Библіотекѣ—107. Такимъ обиліемъ джагатайскихъ рукописей
русскія библіотеки обязаны тому обстоятельству, что у насъ было,
въ настоящемъ случаѣ, болѣе источниковъ приобрѣтенія, чѣмъ у за-
падной Европы. Всѣ джагатайскія рукописи, составляющія собствен-
ность западныхъ библіотекъ, поступили туда лишь путемъ покупки

или приношенія въ даръ отъ частныхъ лицъ. Между тѣмъ, въ русскія бібліотеки джагатайскія рукописи поступили также путемъ купли или дара, а сверхъ того, и вслѣдствіе завоеванія русскимъ оружіемъ разныхъ азіатскихъ странъ и перенесенія, изъ тамошнихъ книгохранилищъ многихъ книжныхъ рукописныхъ собраній въ Петербургъ. Сказанное относится къ завоеванію Закавказья въ 1828 году и разныхъ средне-азіатскихъ странъ въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ. Кромѣ своей многочисленности, джагатайскія рукописи русскихъ коллекцій отличаются отъ такихъ же, принадлежащихъ къ составу западно-европейскихъ бібліотекъ, тѣмъ, что по времени своего написанія обнимаютъ собою гораздо большее количество столѣтій. Большинство джагатайскихъ рукописей принадлежитъ преимущественно XV, XVI и XVII вв.; лишь очень рѣдкія изъ нихъ числа принадлежатъ XVIII и XIX столѣтіямъ. Изъ числа же джагатайскихъ рукописей русскихъ коллекцій многія также принадлежатъ XV, XVI и XVII столѣтіямъ, но несравненно большее число принадлежитъ XVIII и XIX, а это въ отношеніи къ рукописямъ иллюстрированнымъ имѣетъ особенное значеніе. Средне-азіатскія рукописи трехъ первыхъ столѣтій (XV, XVI и XVII) отличаются очень большимъ изяществомъ письма, красотой и тонкостью миниатюръ и орнаментации (впрочемъ встрѣчающихся не часто). Ставь рисунковъ всегда — персидскій, и хотя въ этихъ рисункахъ можно иногда замѣтить присутствіе элементовъ турецкихъ, джагатайскихъ, но несомнѣнно, что ихъ выполняли художники персидскіе. Притомъ же, на многихъ изъ числа этихъ рукописей отмѣчено, что онѣ исполнены въ Гератѣ. Императорская Публичная Библиотека также обладаетъ нѣсколькими превосходными рукописями этой категоріи, написанными въ Гератѣ, и одною—въ Тебризѣ. Такихъ рукописей, съ рисунками и безъ рисунковъ—20. Но въ русскихъ коллекціяхъ и, всего болѣе, въ собраніи рукописей Императорской Публичной Библиотеки, находится еще другой, гораздо болѣе многочисленный рядъ джагатайскихъ рукописей, какихъ почти вовсе нѣтъ въ бібліотекахъ западной Европы. Это рукописи, писанныя, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, въ такихъ средне-азіатскихъ странахъ, которыя заняты по преимуществу племенемъ турецкимъ. Правда, тексты нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей являются иногда лишь переводами съ языковъ арабскаго, персидскаго или турецкаго, но тѣ изъ рукописей, которыя украшены орнаментацией, представляютъ въ высшей степени любопытные образцы стиля собственно-турецкаго, то-есть, элементовъ національныхъ, мѣстныхъ, иногда въ совершенно чистомъ, самостоятельномъ ихъ

видѣ, а иногда въ смѣшеніи ихъ съ элементами персидскими. Джагатайскій орнаментальный стиль не былъ до сихъ поръ не только изслѣдованъ, но даже извѣстенъ. Къ его изученію коллекція джагатайскихъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки даетъ отънынѣ возможность. Этотъ стиль довольно еще грубъ и не обработанъ, далекъ отъ тонкаго изящества и красоты стила персидскаго, но тѣмъ не менѣе характеренъ и заслуживаетъ тщательнаго анализа. Большинство рукописей этой второй категоріи поступили въ Императорскую Публичную Библиотеку, какъ и въ другія русскія коллекціи, послѣ завоеванія разныхъ средне-азиатскихъ странъ русскими войсками подъ предводительствомъ генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Въ устроенной нынѣ витринѣ помѣщено 17 джагатайскихъ рукописей, украшенныхъ миниатюрами и орнаментаціей. Къ нимъ, въ видѣ дополненій, присоединены еще 3 рукописи, писанныя не на джагатайскомъ языкѣ, а на языкахъ арабскомъ и персидскомъ, но исполненныя въ Кокандѣ, Афганистанѣ и Вухарѣ и представляющія, по орнаментистикѣ, очень характерныя примѣры тамошняго національнаго художественнаго стили.

Пользованіе Библиотекою въ 1887 году выражается слѣдующими данными:

Выдано было билетовъ для занятій въ Библиотекахъ 11,234 (въ 1886 г. 11,478), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1,574 (въ 1886 г. 1,803). Читателей было въ общей читальной залѣ 97,315 (въ 1886 г. 91,460).

Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старо-печатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 164 тома (въ 1886 г. 133 тома); на русскомъ языкѣ 37,546 томовъ (въ 1886 г. 30,621 томъ) и на иностранныхъ языкахъ 13,296 томовъ (въ 1886 г. 13,221 томъ), изъ библиотеки при читальной залѣ 125,383 тома (въ 1886 г. 112,209 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 112,094 тома (въ 1886 г. 101,828 томовъ) и на иностранныхъ языкахъ 13,289 томовъ въ 1886 году 10,381 томъ).

Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библиотекѣ при читальной залѣ, было 216,223 тома (въ 1886 г. 199,180 тт.), поврежденныхъ изданій 43,135 номеровъ (въ 1886 г. 36,338 номеровъ), а всего 259,358 томовъ и номеровъ (въ 1886 г. 236,518 томовъ и номеровъ).

Въ теченіе 1887 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 9,717

требованіямъ (въ 1886 г. по 9,610 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старо-печатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 61 требованію (въ 1886 г. по 46 требованіямъ); въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 5,347 требованіямъ (въ 1886 г. по 5,650 требованіямъ); въ иностранныхъ отдѣленіяхъ по 4,309 требованіямъ (въ 1886 г. по 3,314 требованіямъ), изъ библиотекъ при читальной залѣ по 10,134 требованіямъ (въ 1886 г. по 9,644 требованіямъ), въ томъ числѣ по 6,127 требованіямъ поврежденныхъ изданій (въ 1886 г. по 4,964 требованіямъ) и изъ нихъ по 5,326 требованіямъ русскихъ (въ 1886 г. по 4,288 требованіямъ) и по 801 требованію иностранныхъ (въ 1886 г. по 676 требованіямъ) периодическихъ изданій.

Изъ отдѣленийъ было отказано: за неимѣніемъ сочиненій въ Библиотекѣ и за неполученіемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 3,997 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,040 требованіямъ (въ 1886 г. по 3,285 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 567 требованіямъ); по случаю требованія одной и той же книги по 655 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 458 требованіямъ (въ 1886 г. по 718 требованіямъ; въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 566 требованіямъ) за выдачею требуемыхъ сочиненій въ чтеніе другимъ посѣтителемъ по 2,407 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 2,004 требованіямъ (въ 1886 г. по 2,944 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 2,552 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплетъ по 348 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 227 требованіямъ (въ 1886 г. по 396 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 278 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 482 требованіямъ (въ 1886 г. по 373 требованіямъ); за неполученіемъ сочиненій, заказанныхъ за границею, по 175 требованіямъ (въ 1886 г. по 113 требованіямъ); по разнымъ причинамъ (напримѣръ, требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въ чтеніе по уставу Библиотекы; требованія неопредѣленныхъ, не точныхъ, не разборчивыхъ, за находженіемъ въ библиотекѣ при читальной залѣ, и т. д.) по 1,653 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,334 требованіямъ (въ 1886

по 1,735 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,428 требованіямъ).

Изъ 474 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ были требованы 343, а изъ 218 повременныхъ изданій на иностранныхъ языкахъ 148.

Въ рукописномъ отдѣленіи занималось 96 лицъ, и ими было вытребовано въ чтеніе 863 рукописи (въ 1886 году 93 лицамъ было выдано на чтеніе 1,121 рукопись). Въ отдѣленіи старо-печатныхъ церковно-славянскихъ книгъ было допущено къ занятіямъ 21 лицо, вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изданій, не выдаваемыхъ въ читальную залу; имъ было выдано въ чтеніе 142 тома (въ 1886 г. 16 лицамъ выдано было 110 томовъ). Сверхъ того, нѣкоторые рукописи и старо-печатныя книги были высылаемы въ разныя учрежденія какъ Россіи, такъ и за границу.

Обозрѣвали Библиотеку въ 1887 году 3,170 лицъ (въ 1886 году 2,965 лицъ).

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

НОВОРОССІЙСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

Къ началу 1889 года въ Новороссійскомъ университетѣ состояло штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 9, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 4; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 11; экстраординарныхъ 4; на юридическомъ — ординарныхъ профессоровъ 4 и столько же экстраординарныхъ; кромѣ того, при университетѣ состоитъ профессоръ православнаго богословія. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей къ 1-му января 1889 года было: 1 профессоръ богословія, 24 ординарныхъ профессора, 8 экстраординарныхъ и 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Сверхъ того, состояло три профессора, оставленныхъ на службѣ по выслугѣ 30-лѣтняго срока, на основаніи университетскаго устава, изъ нихъ двое на физико-математическомъ факультетѣ по кафедамъ чистой математики и химіи, а третій на юридическомъ факультетѣ по кафедрѣ уголовного права. Приватъ-доцентовъ было: 8 на историко-филологическомъ факультетѣ, 11 на физико-математическомъ, 7 на юридическомъ, всего 25. Остаются не замѣщенными слѣдующія кафедры: по историко-филологическому факультету—философіи, церковной исторіи, теоріи и исторіи искусства, по физико-математическому—географіи, по юридическому — торговаго права и торговаго судопроизводства, международнаго права, полицейскаго права, финансоваго права и гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства.

Въ теченіе 1888 года всѣ три факультета имѣли по 24 собранія. Распределеніе предметовъ и порядокъ преподаванія совершались примѣнительно къ утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія

учебнымъ планамъ и согласно съ представлявшимся на утверженіе министерства обзорніемъ преподаванія, съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ недѣли. Въ видахъ обезпеченія полноты преподаванія, чтеніе по вакантнымъ кафедрамъ поручалось или привать-доцентамъ, или штатнымъ преподавателямъ другихъ предметовъ. Такъ, чтеніе лекцій на историко-филологическомъ факультетѣ по философіи поручено было привать-доценту Ланге, на юридическомъ: по международному праву — привать-доценту Ивановскому, по гражданскому праву—профессору римскаго права Табашникову, по гражданскому судоустройству и судопроизводству—привать-доценту Боровиковскому, по финансовому праву — привать-доценту Иловайскому, по полицейскому праву — привать-доценту Шеймину, по торговому праву—привать-доценту Федорову, по судебной медицинѣ привать-доценту Коршу. Затѣмъ вовсе не читались лекціи: на историко-филологическомъ факультетѣ — теоріи и исторіи искусствъ, на физико-математическомъ—географіи, на юридическомъ—исторіи славянскихъ законодательствъ.

Способами провѣрки занятій студентовъ служили репетиціи, практическія занятія, письменныя работы, рефераты. Факультеты постоянно старались расширять и улучшать свою дѣятельность въ этомъ направленіи; такъ, напримѣръ, физико-математическій факультетъ, выработалъ съ этою цѣлью подробную организацію повѣрочныхъ испытаній студентовъ отдѣленія математическихъ наукъ для допущенія къ практическимъ занятіямъ. Къ сожалѣнію, и въ 1888 году главнымъ препятствіемъ къ развитію практическихъ занятій со студентами этого факультета являлись недостаточное число приборовъ и учебныхъ пособій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ и вообще недостаточность суммы, относимой на учебно-вспомогательныя учрежденія университета. Въ этомъ отношеніи факультетъ въ 1888 году былъ поставленъ въ худшія условія, чѣмъ въ предшесующіе, такъ какъ отпускавшаяся прежде изъ министерства сумма въ 4.000 рублей на усиленіе практическихъ занятій со студентами въ 1888 году не была отпущена.

По разсмотрѣніи сочиненій, представленныхъ на заданныя темы, присуждены золотыя медали студентамъ VIII семестра словеснаго отдѣленія историко-филологическаго факультета: М. Попруженко—за сочиненіе: „Славянская Миняя 1096 года, какъ памятникъ мѣстнаго языка“ и Е. Рѣдину—за сочиненіе на тему: „Живопись Киево-Софійскаго собора“; студентъ того же семестра историческаго отдѣленія

Д. Айналовъ получилъ право на полученіе золотой медали за сочиненіе на вторую изъ названныхъ темъ.

Одобрены къ напечатанію на средства университета въ „Запискахъ“ университета слѣдующія сочиненія: профессора Качубинскаго — „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцовъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“ и профессора Алмазова — „Указатель церковно-практической литературы“; приватъ-доцентовъ: Ивановскаго — а) „Собраніе дѣйствующихъ договоровъ Россіи съ другими государствами о торговлѣ, консулахъ, наслѣдствѣ, взаимной судебной помощи и высылкѣ бродягъ, нищихъ и безпаспортныхъ“ и б) „Содѣйствіе государствъ другъ другу въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ“, Иловайскаго — „Пространный конспектъ лекцій по финансовому праву“ и Ѳедорова — „Морское торговое право“.

Не имѣютъ требуемой университетскимъ уставомъ ученой степени экстраординарные профессора: по кафедрѣ энциклопедіи права — магистръ Чижовъ, по кафедрѣ римскаго права — магистръ Табашиковъ, и по кафедрѣ церковнаго права — магистръ духовной академіи Алмазовъ.

Публичныя лекціи читали: профессоръ Качубинскій — въ Николаевѣ, по приглашенію штаба флота и портовъ Чернаго и Каспійскаго морей, на тему: „Морскаго флота отъ галеръ-поручикъ Иванъ Неплюевъ, первый русскій посолъ въ Турціи, и его дипломатическая дѣятельность въ послѣдніе годы Петра Великаго“, и приватъ-доцентъ Аванасьевъ — двѣ лекціи „О Маріи Стюартъ“.

Въ теченіе 1888 года совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ 9 засѣданій. Дѣйствующія, на основаніи университетскаго устава, правила для студентовъ никакимъ измѣненіямъ не подвергались. Въ качествѣ приватъ-доцента назначенъ, на основаніи университетскаго устава, докторъ филологіи Чешскаго университета І. Режабекъ для чтенія лекцій на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета по географіи; допущены къ чтенію лекцій въ университетѣ, также въ качествѣ приватъ-доцентовъ: магистръ Танатаръ — по химіи, докторъ медицины Коршъ — по судебной медицинѣ, магистранты: Занчевскій — по механикѣ, Зелискій — по химіи, Де-Метцъ — по физикѣ, Тимченко — по чистой математикѣ, Фр. Режабекъ — по всеобщей исторіи. Премій отъ университета за ученые труды не назначалось, а существующая при историко-филологическомъ факультетѣ премія И. Г. Вучины за лучшее драматическое сочиненіе для русскаго театра никому въ 1888 году не была присуждена.

Съ 1866 года университетъ издаеть безсрочными выпусками ученые труды подъ общимъ названіемъ „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“. Редакціей ихъ завѣдываетъ, по избранію на три года, одинъ изъ преподавателей, въ 1888 году профессоръ Кочубинскій; въ теченіе этого года вышелъ XLVI томъ.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени магистра Гоѳманъ — механики, б) въ степени кандидата: 4 по историко-филологическому факультету, 17 по физико-математическому, 5 по юридическому, всего 26 кандидатовъ, в) въ званіи дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету 12, по физико-математическому 35, по юридическому 79, всего 126 дѣйствительныхъ студентовъ, и изъ нихъ 90 предоставлено право, въ установленный срокъ, представить диссертациі на степень кандидата.

Съ цѣлію приготовленія къ профессорскому званію командираны: кандидатъ Смирновъ—въ Берлинъ, для приготовленія по римскому праву, магистрантъ Ф. Режабекъ—за границу, по всеобщей исторіи, кандидаты: І. Попруженко—по кафедрѣ славяновѣдѣнія, Рѣдинъ—по теоріи искусствъ, съ откомандированіемъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Командированы съ ученою цѣлію: за границу—экстраординарный профессоръ Репяховъ съ декабря 1888 г. по 20-е число августа 1889 г., ординарные профессеры: протоіерей Войтковскій—въ Кіевъ и Кирпичниковъ—въ Херсонесъ, въ качествѣ делегатовъ отъ Новороссійскаго университета для принятія участія въ празднованіи 900-лѣтняго юбилея христіанства въ Россіи; ординарный профессоръ Трачевскій—въ С.-Петербургъ, на весеннее время 1888 года.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1888 года было 540 студентовъ, въ теченіе года поступило 164, а въ тотъ же срокъ вышло 187 (до окончанія курса 29, по окончаніи полнаго курса 155), затѣмъ къ 1-му января 1889 года оставалось въ университетѣ 517. Постороннихъ слушателей къ началу 1888 года было 19, къ концу этого же года оставалось 25. Находящіеся къ 1-му января 1889 года 517 студентовъ распредѣлялись по различнымъ категоріямъ слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 52, въ юридическомъ 231, въ физико-математическомъ 174 (въ отдѣленіи математическихъ наукъ 101, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ 73); б) по вѣроисповѣданіямъ — православныхъ 320, армяно-григоріанъ 21, римско-католиковъ 56, лютеранъ 9, еврейская часть слыхуш, отд. 4.

евъ 108; магометанъ 3; в) по сословіямъ — сыновей дворянъ и чиновниковъ 254, духовнаго званія 44, почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ 178, крестьянъ 13, казачьяго сословія 5, иностранныхъ подданныхъ 23; в) по категоріямъ предварительныхъ учебныхъ заведеній — гимназистовъ 422, изъ другихъ учебныхъ заведеній 95 (С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, лицея цесаревича Николая, Демидовскаго лицея, военно-медицинской академіи, по одному изъ этихъ заведеній, всего 5, остальные изъ бывшихъ въ Новороссійскомъ университетѣ и во всѣхъ прочихъ университетахъ); г) по районамъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго округа 32, Московскаго 17, Казанскаго 3, Оренбургскаго 2, Харьковскаго 23, Одесскаго 292, Кіевскаго 65, Виленскаго 3, Варшавскаго 9, Дерптскаго 2, Кавказскаго 69. Въ 1888 году стипендіями пользовались 117 студентовъ, всего на сумму въ 26,638 р. 98 коп., израсходованную изъ разныхъ источниковъ, именно: изъ суммъ государственнаго казначейства, процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ, суммъ, присланныхъ разными мѣстами и лицами, суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ (славянскія стипендіи); размѣръ стипендій отъ 120 до 420 руб. включительно. Пособій въ теченіе года было выдано на сумму 5,453 руб. 5 коп. Освобождено было отъ платы за ученіе 138 студентовъ, въ томъ числѣ 65 студентовъ-стипендіатовъ.

Бюджетъ Новороссійскаго университета въ 1888 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ — отъ 1887 года оставалось 16,498 руб. 24 коп., въ 1888 году ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства 263,238 руб. 43 коп., израсходовано 259,649 руб. 34 коп., къ 1889 году оставалось 20,087 руб. 33 коп.; б) суммы сбора за слушаніе лекцій и за матрикулы — къ началу 1888 года имѣлось 2,529 руб. 33¹/₂ коп., въ теченіе года поступило 10,764 руб. 36 коп., израсходовано въ тотъ же срокъ 9,770 руб. 43¹/₂ коп., къ 1889 году оставалось 3,523 руб. 26 коп.; в) капиталовъ, пожертвованныхъ на учрежденіе стипендій и на выдачу пособій, оставалось отъ 1887 года 217,989 руб. 37 коп., въ 1888 году поступило 60,191 руб. 66 коп., въ теченіе года израсходовано 30,885 руб. 88 коп., къ концу 1888 года оставалось 247,495 руб. 15 коп. Главными расходами изъ послѣдней суммы были: стипендіи студентамъ 7,113 руб. 27 коп., покупка процентныхъ бумагъ 19,576 руб., процентными бумагами, вышедшими въ тиражъ, 3,600 руб.

II.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1887 И 1888 ГОДАХЪ.

Быстрое обнародованіе отчетовъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа изъ года въ годъ даетъ намъ возможность обзорѣть состояніе учебной части въ этомъ краѣ одновременно за 1887 и 1888 годы.

Самымъ радостнымъ и достопамятнымъ событіемъ въ означенномъ періодѣ было для учебныхъ заведеній Кавказскаго округа пребываніе въ краѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ осенью 1888 года. Особенно счастлива была учащаяся молодежь тѣмъ, что Державные Гости, при обзорѣ края, въ которомъ Имъ предстояло видѣть столько новаго, вполне достойнаго Ихъ высокаго вниманія, отдали такъ много времени на посѣщеніе учебныхъ заведеній, на милостивое принятіе восторженныхъ привѣтствій учащихся, которые всюду тысячами стекались по всему пути Ихъ слѣдованія. Благодаря такой царской милости къ дѣтямъ, въ теченіе четырехъ недѣль не только до 20,000 учащихся имѣли счастье видѣть Государя и Государыню, но многіе изъ нихъ успѣли испытать непосредственно на себѣ чарующую ласковость и привѣтливую простоту. Ихъ обращенія, которыя не могли не оставить неизгладимыхъ слѣдовъ въ воспримчивыхъ дѣтскихъ сердцахъ.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Августѣйшими Сыновьями Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, изволили осчастливить Своимъ высокимъ посѣщеніемъ слѣдующія 12 учебныхъ заведеній: въ городѣ Владикавказѣ, 20-го сентября — мужскую гимназію, Ольгинскую женскую гимназію, реальное училище и ремесленное графа Лорисъ-Меликова училище; въ городѣ Екатеринодарѣ, 22-го сентября — Кубанскую войсковую гимназію и городскую женскую гимназію; въ городѣ Тифлисѣ, 29-го и 30-го сентября — мужскую 1-ю гимназію, женское учебное заведеніе св. Нины и женскую великой княгини Ольги Θεодоровны гимназію; въ городѣ Телавѣ, 5-го октября — женское учебное заведеніе св. Нины; въ городѣ Баку, 8-го октября — Маріинскую женскую гимназію; въ городѣ Кутансѣ, 12-го октября — Ольгинскую женскую гимназію съ заведеніемъ св. Нины. Въ названныхъ заведеніяхъ Высшіе Посѣтители благоволили слушать хоровое пѣніе и игру уче-

вическихъ оркестровъ и извоили разсматривать ученическія работы по рисованію, рукодѣліямъ и мастерствамъ, изъ коихъ нѣкоторыя удостоились быть принятыми отъ учащихся на память; сверхъ того, нѣсколькимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ всемиловѣйше дозволено было провзнести написанныя ими привѣтствія. Въ каждомъ изъ заведеній, кромѣ своихъ учащихся, собраны были и учащіяся изъ другихъ училищъ того же города, всего, въ общей сложности, болѣе 9,000 воспитанниковъ и воспитанницъ изъ 45 учебныхъ заведеній. Благодаря распорядительности административныхъ властей, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ мѣстахъ остановки, имѣли счастье быть представленными Ихъ Императорскимъ Величествамъ еще 85 учебныхъ заведеній, съ 6,000 учащихся, и наконецъ, до 50 учебнымъ заведеніямъ, съ 5,000 воспитанниковъ, дава была возможность привѣтствовать Ихъ Величества на пути Ихъ слѣдованія.

Крушеніе Императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г., чудесное избавленіе Царской Семьи отъ страшной опасности и послѣдовавшій, въ 23-й день октября, Высочайшій манифестъ послужили новымъ поводомъ къ оживленію и укрѣпленію въ подроставшемъ поколѣніи тѣхъ чувствъ беззапятной преданности и горячей любви къ Монарху которыя вылились съ такою живостью и дѣтскою непосредственностью въ счастливыя минуты пребыванія въ средѣ дѣтей Государя и Государыни. Въ учебныхъ заведеніяхъ округа торжественно отслужены были благодарственныя Господу Богу молебствія, при чемъ учащіяся даны были необходимыя разъясненія и произнесены приличествующія случаю рѣчи. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательно, по теплотѣ чувства и глубинѣ мысли, поученію, сказанное по прочтеніи манифеста, въ домовоі церкви Кутаисской гимназіи, преосвященнымъ Гаврииломъ, епископомъ Имеретин, который, ссылаясь на слова манифеста, указалъ воспитанникамъ на самого Государя, какъ на высокій и достойный подражанія примѣръ благочестія и горячей вѣры въ Божественный Промыслъ.

Событіе 17-го октября 1888 г. вывало въ средѣ учащихся и служащихъ въ Округѣ не мало заявленій вѣрноподанническихъ чувствъ безпредѣльной любви и преданности, за которыя всемиловѣйше воспо- слѣдовала Высочайшая благодарность. Въ ознаменованіе чуда милости Божіей, совершившагося надъ Царскою Семьей, въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ предположено соорудить иконы на средства, составившіяся изъ добротныхъ пожертвованій служащихъ, а также

и родителей учащихся. А тѣ учебныя заведенія, которыя удостоились рѣдкаго счастья принимать въ своихъ стѣнахъ Царскую Четугу, увѣковѣчили это достопамятное событіе постановкою въ актовыхъ залахъ мраморныхъ досокъ съ соответственными надписями.

Обращаемся къ сравнительному обзору среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа за 1887 и 1888 года.

Всѣхъ мужскихъ гимназій по округу въ 1887 году было 8, а прогимназій—3; изъ числа 8 гимназій 4 существуютъ давно, а именно; Тифлисская 1-я открыта въ 1830 году, Ставропольская—въ 1837, и 18-го октября отчетнаго 1887 года праздновала свой 50-лѣтній юбилей, затѣмъ Кутанская основана въ 1850 и Кубанская — въ 1851 году. Остальныя 4 гимназіи преобразованы изъ прогимназій сравнительно недавно: Тифлисская 2-я, Елисаветпольская и Эриванская—въ 1881 году и Владикавказская—въ 1885 году. Изъ трехъ четырехклассныхъ прогимназій Цятигорская основана въ 1866 году, Кутанская—въ 1874 и Тифлисская—въ 1885 году, и съ этого года ни открытія новыхъ гимназій и прогимназій, ни преобразованія уже существующихъ не было. Имяненія въ числѣ гимназій и прогимназій не послѣдовало и въ 1888 году.

Гимназіи округа, кромѣ Владикавказской, имѣютъ полный восьми-классный составъ; во Владикавказской же до обозрѣваемыхъ годовъ было всего 6 классовъ; въ 1837 году въ ней былъ открытъ VII классъ, а въ 1888 году — VIII; такимъ образомъ и она вошла въ полный восьмиклассный составъ гимназій округа. Въ 1887 году былъ открытъ IV классъ въ Тифлисской прогимназій. Всѣхъ нормальныхъ классовъ по всѣмъ заведеніямъ имѣлось въ 1887 году — 63, въ 1888 году—64, затѣмъ приготовительныхъ классовъ въ 1887 году было 10, въ 1888 году — 9 и параллельныхъ отдѣленій въ 1887 году — 27, въ 1888 — 25, такъ что общее число классовъ равнялось 93. По числу параллельныхъ отдѣленій гимназій шли въ 1887 году въ слѣдующемъ порядкѣ: Тифлисская 1-я съ 8 параллелями, Кутанская и Кубанская имѣли по 5, Тифлисская 2-я и Ставропольская—по 3, Владикавказская—2 и Елисаветпольская—1; при одной только Эриванской гимназій не было вовсе параллелей; въ 1888 году порядокъ слѣдованія измѣнился такъ: въ Тифлисской 1-й было 7 параллелей, въ Кутанской—5, въ Тифлисской 2-й и Кубанской—по 4, въ Ставропольской—3, во Владикавказской—2, въ Елисаветпольской и Эриванской—ни одной. Въ 1888 году, кромѣ VIII класса во Владикавказской гимназій, открыты были параллели при I классѣ

Тифлисской 2-й и при II классѣ Ставропольской гимназій. Открытіе послѣдней параллели вызвано было исключительными обстоятельствами: чтобы дать возможность поступить въ I классъ классическаго отдѣленія гимназій, въ началѣ 1887—1888 учебнаго года, большому числу желающихъ быть принятыми, разрѣшено было принять часть ихъ въ реальное отдѣленіе, съ тѣмъ чтобы имъ преподавался и латинскій языкъ; такимъ образомъ, къ началу учебнаго года число учениковъ во II классѣ возросло до 57. Закрыто было въ теченіе 1888 года 5 параллелей: при VI классѣ Тифлисской 1-й гимназій (при 40 учащихся) вслѣдствіе затруднительности для гимназій содержать эту параллель на спеціальныя средства, послѣ уменьшенія въ отчетномъ году отпуска казны на содержаніе параллельныхъ отдѣленій; при IV классѣ Ставропольской гимназій (44 ученика) вслѣдствіе перенесенія этой параллели ко II классу, гдѣ она оказалась еще болѣе необходимою; при III классѣ Елисаветпольской гимназій въ виду незначительнаго числа учащихся въ классѣ (32 ч.); при I классѣ Кубанской войсковой гимназій вслѣдствіе "ходатайства" войсковаго начальства о прекращеніи приѣма въ гимназію дѣтей, не принадлежащихъ къ войсковому сословію, и о совершенномъ закрытіи всѣхъ параллелей, содержащихся въ настоящее время на средства екатеринодарскаго городского общества; наконецъ, закрыто еще младшее отдѣленіе приготовительнаго класса Кутаисской гимназій, о чемъ упомянуто выше.

Прогимназій состоятъ каждая изъ 4 основныхъ классовъ и 1 приготовительнаго. Изъ прогимназій особенно Тифлисская нуждается въ преобразованіи ея въ шестиклассную: хотя число учениковъ въ IV классѣ прогимназій, открытой въ 1887 году, незначительно, всего 15 учениковъ, но и они могутъ встрѣтить затрудненіе при переходѣ въ мѣстныя гимназій, такъ какъ число учащихся въ IV классахъ двухъ Тифлискихъ гимназій доходитъ до 150. По ходатайству инспектора прогимназій, г. попечителемъ было сдѣлано сношеніе съ городской думой объ оказаніи городомъ денежнаго вспоможенія на открытіе V и VI классовъ, но, къ сожалѣнію, это сношеніе осталось безъ надлежащаго удовлетворенія.

Въ силу Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 11-го апрѣля 1887 года, съ начала же учебнаго года прекращенъ былъ приѣмъ въ приготовительныя классы гимназій и прогимназій, за исключеніемъ Кубанской войсковой гимназій, при которой Высочайше разрѣшено было сохранить на будущее время приготовительный классъ

исключительно для дѣтей офицеровъ и чиновниковъ Кубанскаго войска. Въ Тифлисской 2-й гимназіи, которая имѣла два прогрессивныя отдѣленія приготовительнаго класса, вмѣстѣ съ прекращеніемъ пріема новыхъ учащихся, закрыто младшее отдѣленіе этого класса. Въ другихъ двухъ гимназіяхъ, имѣвшихъ также по два отдѣленія, Тифлисской 1-й и Кутаисской, младшія отдѣленія сохранены были на тотъ учебный годъ для учениковъ, которые не могли быть переведены въ старшія отдѣленія, но съ тѣмъ однако чтобъ ученики къ началу 1888—1889 учебнаго года готовы были держать экзаменъ для поступленія въ I классъ. Но предназначавшіеся къ закрытію приготовительныя классы возобновлены при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа, на основаніи Высочайше утвержденаго 30-го мая 1888 года мѣнія государственнаго совѣта. Содержаніе ихъ при 6 гимназіяхъ и 3 прогимназіяхъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, принято на счетъ государственнаго казначейства. При Ставропольской гимназіи приготовительный классъ содержится на счетъ сбора платы за ученіе, размѣръ которой увеличенъ до 40 р., а при Кубанской гимназіи существуетъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го декабря 1887 года, исключительно для дѣтей офицеровъ и чиновниковъ Кубанскаго войска. Изъ существовавшихъ прежде младшихъ отдѣленій приготовительнаго класса сохранилось только одно—при Тифлисской 1-й гимназіи.

Гимназіи и прогимназіи Сѣвернаго Кавказа вполнѣ руководствуются, относительно учебнаго своего плана, таблицей числа недѣльныхъ уроковъ, приложенной къ уставу 1871 года. Въ Закавказскихъ же заведеніяхъ примѣняется таблица, утвержденная бывшимъ намѣстникомъ Кавказскимъ 24-го марта 1874 года и отличающаяся отъ нормальной тѣмъ, что число уроковъ по греческому языку уменьшено на 1, а по русскому языку увеличено на 9.

Состояніе библиотекъ, физическихъ кабинетовъ и другихъ учебныхъ пособій за разсматриваемый періодъ было слѣдующее: по гимназіямъ къ 1-му января 1888 года, въ фундаментальныхъ библиотекахъ находилось 20.614 названій въ 44.595 томахъ, стоимостью въ 79.249 р. и вновь приобрѣтено на 4.481 р.; въ ученическихъ было 9.787 названій въ 18.175 томахъ, стоимостью въ 26.050 р. и приобрѣтеній сдѣлано на 1.260 р.; къ 1-му января 1889 года, въ фундаментальныхъ библиотекахъ имѣлось 22.323 названія въ 48.264 томахъ, стоимостью въ 85.094 р., вновь приобрѣтеній сдѣлано на 4.745 р., а въ ученическихъ числилось 10.477 названій въ 18.920 томахъ, стоимостью

въ 26.843 р., и приобретено вновь на 1.850 р. По прогимназіямъ къ 1-му января 1888 года числилось въ фундаментальныхъ бібліотекахъ 3.491 названіе въ 6.919 томахъ, цѣнностью въ 15.642 р., и пополнилось вновь на 1.099 р.; въ ученическихъ было: 1.154 названія въ 2.011 томахъ, цѣнностью въ 2.225 р., и пополнилось на 220 руб.; къ 1-му января 1889 года фундаментальныя бібліотеки имѣли 8.793 названія въ 7.616 томахъ, на сумму 17,150 руб., и приобретений сдѣлано вновь на 1.508 р.; ученическія имѣли 1.103 названія въ 1.980 томахъ, на сумму 2.154 руб., и пополненія на 42 руб. Такимъ образомъ, общая стоимость всего бібліотечнаго имущества составляла въ 1887 году 128.166 р., а въ 1888 году — 131.241 р. Самыя цѣнныя бібліотеки имѣются при гимназіяхъ Тифлисской 1-й (20.119 р., въ томъ числѣ ученическая — 7.163 руб.), Кубанской 19.726 р. (въ томъ числѣ ученическая — 3.434 руб.) и Кутаисской 18.032 р. (въ томъ числѣ ученическая — 4.494 руб.). Физическіе кабинеты 8 гимназій къ 1-му января 1888 года имѣли 2.579 приборовъ, на сумму 44,426 р., и почти не пополнялись новыми приборами; всего на этотъ предметъ израсходовано было четырьмя гимназіями 557 р., а къ 1-му января 1889 года кабинеты состояли изъ 2.811 приборовъ, стоимостью въ 47.785 р., и вновь приобретений было сдѣлано на 8.359 р., чѣмъ значительно пополнились кабинеты гимназій Ставропольской (1.284 р.), Кутаисской (545 р.), Елисаветпольской (848 р.) и Владикавказской (642 р.), преимущественно цѣнными приборами, относящимися къ отдѣлу электричества. Лучшіе кабинеты принадлежатъ гимназіямъ: обѣимъ Тифлискимъ (въ 1-й — въ 8.156 р. и во 2-й — въ 8.725 р.) и Ставропольской (въ 8.350 р.). Остальныхъ учебныхъ пособій во всѣхъ 11 заведеніяхъ имѣлось къ 1-му января 1888 г. 17.017 предметовъ, на сумму 46.659 р., а къ 1-му января 1889 г. ихъ было 18.242 предмета, цѣною 53.866 р. На пополненіе учебныхъ пособій истрачено было въ 1887 году 5.408 р., а въ 1888 г. — 6.289 р. Изъ болѣе цѣнныхъ приобретений за 1887 годъ можно считать: приобретение музыкальныхъ инструментовъ для оркестра въ Ставропольской гимназіи (на 1.340 р.) и въ Тифлисской прогимназіи (на 670 р.), пополненіе коллекцій скульптурно-рисовальнаго класса Тифлисской 1-й гимназіи (на 242 р.), выписку коллекцій 30 стѣнныхъ географическихъ картинъ въ гимназіяхъ Тифлисской 1-й и Эриванской, а въ 1888 году изъ суммы, израсходованной на пособия по другимъ предметамъ, болѣе $\frac{2}{3}$ (4.400 р.) употреблено на покупку инструментовъ для существующихъ уже и вновь устраиваемыхъ ученическихъ орке-

стровъ; такъ, Тифлисская 2-я гимназія израсходовала до 1.500 р., Тифлисская прогимназія—болѣе 1.200 р., гимназіи Ставропольская и Владикавказская—около 450 р. каждая. Общая стоимость всѣхъ пособій по пѣнію и музыкѣ составляетъ въ настоящее время болѣе 23.000 р., а въ гимназіяхъ Тифлисской 1-й, Кутанской и Ставропольской, въ отдѣльности, приближается къ 4.000 р.

На содержаніе 11 заведеній поступило въ 1887 году 687.157 р., и вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ гимназіи и прогимназіи имѣли за этотъ годъ въ своемъ распоряженіи сумму въ 901.491 р. Главные источники отпуска были: государственное казначейство, отпустившее на содержаніе учебныхъ заведеній 398.907 р. и на прибавочное жалованье за службу на Кавказѣ—40.772 р., всего—439.679 р., или 64,8% всѣхъ новыхъ поступленій этого года; затѣмъ казачьи войска отпустили 52.158 р. на содержаніе Кубанской гимназіи и 10.610 р.—на содержаніе своихъ стипендіатовъ въ пансіонѣ Ставропольской гимназіи (всего 9,1%); изъ городовъ края принимали участіе въ содержаніи гимназій только Екатеринодаръ, отпустившій 9.058 р. на 5 параллелей при Кубанской гимназіи, и Владикавказъ, уплатившій 4.735 р. за наемъ помѣщенія гимназіи и на содержаніе одного параллельнаго при ней отдѣленія (что въ общей суммѣ источниковъ содержанія составляетъ всего 20%); остальные 24,6% составились изъ специальныхъ средствъ, главнымъ образомъ изъ сбора за ученіе (86.437 р.), и изъ платы за содержаніе частныхъ воспитанниковъ въ пансіонахъ (74.491 р.) Въ 1888 году 11 заведеній получили на свое содержаніе 679.238 р., а вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ имѣли сумму въ 911.491 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства поступило 385.427 р. собственно на содержаніе заведеній и 34.258 р. на производство добавочнаго жалованья служащимъ, что составляетъ 61,7% общей суммы новыхъ поступленій; отъ казачьихъ войскъ получено 51.518 р. на Кубанскую гимназію и 6.490 р. на стипендіатовъ-пансіонеровъ Ставропольской гимназіи (всего 8,9%); отъ городскихъ обществъ Екатеринодара на содержаніе параллелей въ войсковой гимназіи—8.400 р. и отъ Владикавказа на наемъ помѣщенія и содержаніе одной параллели—4.710 р. (всего 2,0%), а остальные поступления (27,8%) составились изъ специальныхъ средствъ и другихъ случайныхъ доходовъ. Израсходовано на содержаніе гимназій и прогимназій въ 1887 году 654.822 р., а въ 1888 году 665.232 р. Въ общей суммѣ расхода самую крупную статью составляетъ содержаніе личнаго со-

става, которое, включая добавочное жалованье и содержаніе параллельныхъ отдѣленій, обошлось въ 1887 году въ 398.081 р., или 60,9% всего расхода, а въ 1888 году—въ 392.788 р. или 59,2%; расходы хозяйственные, въ томъ числѣ наемъ и ремонтъ помѣщеній составили въ 1887 году 11,4% общаго итога расходовъ, а въ 1888 году—13,6%; содержаніе воспитанниковъ пансіоновъ въ 1887 году—14,5% въ 1888 году—14,6%; расходы на пособія: въ 1887 году: учебныя—2,8%, служащимъ—1,9% и учащимся—0,8%, и въ 1888 году—учебныя—3,2%, служащимъ—2,2% и учащимся—0,8%; отчисления въ спеціальныя средства министерства и учебнаго округа—въ 1887 году—1,8%, въ 1888 году—1,9%. Въ среднемъ выводѣ содержаніе въ 1887 году обошлось: одной гимназій въ 73.482 р. (безъ расходовъ на пансіоны—по 52.542 р. и на каждый изъ 5 пансіоновъ—по 33.503 р.) и одной прогимназій—22.323 р., а въ 1888 году—содержаніе одной гимназій стало въ 74.664 р. (безъ пансіоновъ—по 53.849 р. и на одинъ пансіонъ— по 33.304 р.) и одной прогимназій— въ 22.641 р. Средняя стоимость обученія 1 ученика обошлась въ 1887 году въ 136 р., для гимназій отдѣльно—130 р., для прогимназій—182 р., въ 1888 году она равнялась 140 р., для гимназій—136 р. и для прогимназій—170 р., и содержаніе одного воспитанника въ пансіонѣ въ 1887 году стоило 248 р., въ 1888 году—240 р.

Съ начала 1887—1888 учебнаго года во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа, вмѣсто прежнихъ равнообразныхъ размѣровъ платы за право ученія, введена однообразная плата по 40 р. въ годъ. Это возвышеніе размѣра платы, впрочемъ, не распространяется на учениковъ Кубанской гимназій, принадлежащихъ къ казачьему сословію, которые продолжаютъ платить по 5 р. за приготовительный и по 10 р. въ годъ за остальные классы; за то въ этой гимназій для дѣтей, не принадлежащихъ къ войсковому сословію, установлена плата вчетверо выше. Въ 1888 году установленная въ предшествовавшемъ году плата для всѣхъ гимназій и прогимназій въ размѣрѣ 40 р. была повышена для Тифлисской 1-й гимназій до 50 р. Плата за содержаніе воспитанниковъ въ пяти гимназическихкихъ пансіонахъ оставалась, какъ въ 1887, такъ и въ 1888 году, безъ измѣненія и составляла отъ 150 до 200 р. за казеннаго и отъ 200 до 250 р. за частнаго пансіонера, за исключеніемъ пансіона въ Тифлисской 1-й гимназій, гдѣ за частнаго воспитанника была возвышена до 300 р.

Вслѣдствіе возвышенія платы за ученіе сборъ значительно увеличился, не смотря на уменьшеніе числа учащихся, и въ 1887

году поступило этого сбора 86.437 р., среднимъ числомъ по 9.533 р. на одну гимназію (въ 1886 году — 8.087 руб.) и по 3.390 руб. на одну прогимназію (въ 1886 году — 2.583 руб.), а въ 1888 году сборъ платы за ученіе возросъ до 98.358 руб. (по 10.628 руб. на гимназію и по 4.446 р. на прогимназію). Такъ какъ изъ суммы 86.437 р. за 1887 годъ израсходовано только 73.315 р., то остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ въ теченіе года увеличился на 13.122 р. и составлялъ къ 1-му января 1888 года 64.383 р. Платы за содержаніе частныхъ пансіонеровъ поступило въ 1887 году 74.491 р. (то-есть, среднимъ числомъ по 14.898 р. на каждый изъ пяти пансіоновъ), и изъ этой суммы израсходовано на равныя нужды пансіоновъ 73.537 р., а бывший остатокъ въ началѣ года въ 50.300 р. увеличенъ до 51.254 р. Разныхъ другихъ специальныхъ средствъ, главнымъ образомъ процентовъ съ капиталовъ, поступило въ теченіе 1887 года 9.814 р. Въ этой суммѣ заключаются и взносы трехъ почетныхъ попечителей гимназій: Тифлисской 1-й—720 р., Тифлисской 2-й—750 р. и Елисаветпольской—1.440 р. за два года. Въ 1888 году платы за содержаніе частныхъ пансіонеровъ внесено 70.385 р. а остальныхъ специальныхъ средствъ, поступило 15.571 р., въ томъ числѣ заключается поступившій въ Тифлискую 2-ю гимназію капиталъ въ 4.300 р., завѣщанный надв. сов. А. И. Петровымъ на учрежденіе стипендіи его имени. Другой, подобный же капиталъ подвергся въ 1888 году серьезной опасности, а именно капиталъ въ 10.100 р., завѣщанный на учрежденіе стипендіи при Ставропольской гимназій пот. поч. гражданиномъ Тушмаловымъ и вложенный вѣчнымъ вкладомъ въ Кизлярскій общественный банкъ; въ сентябрѣ 1887 года этотъ банкъ объявленъ несостоятельнымъ, такъ что уплата процентовъ прекратилась, и стипендіаты содержаться должны были временно на ее израсходованные остатки отъ процентовъ, имѣвшихся въ депозитахъ гимназій, въ количествѣ 4.772 р. Расходъ изъ специальныхъ средствъ (194.597 руб.) въ 1888 году превысилъ приходъ слишкомъ на 10.000 руб., что объясняется отношеніемъ на эти средства во вторую половину года содержанія почти всѣхъ приготовительныхъ классовъ и увеличеніемъ издержекъ на параллельныя отдѣленія.

Всѣхъ разрядовъ специальныхъ средствъ гимназій и прогимназій имѣли къ 1-му января 1888 года—230.726 р., изъ коихъ 143.783 р. въ процентныхъ бумагахъ и 86.993 наличными, при чемъ среднимъ числомъ каждая гимназія имѣла къ концу года въ запасѣ 26.508 р.,

каждая прогимназія — 6.219 р., а къ 1-му января 1889 года — 220.444 р., изъ коихъ 149.357 р. въ процентныхъ бумагахъ и 71.087 р. наличными, что среднимъ числомъ составляло на каждую гимназію по 25.000 р. и на каждую прогимназію — по 6.813 р.

Изъ числа 2.840 приходящихъ учениковъ въ 1887 году всѣхъ бесплатныхъ учениковъ было 511, что составляетъ 18,%, всего числа учащихся; изъ нихъ 146 пользовались бесплатнымъ обученіемъ, какъ дѣти училищныхъ чиновниковъ, 289 были освобождаемы отъ платы педагогическими совѣтами и 76 обучались на счетъ благотворительныхъ обществъ, процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ и другихъ случайныхъ поступленій. Въ 1888 году изъ 2.787 приходящихъ учениковъ бесплатно учившихся было 553 ученика или 19,8%, въ томъ числѣ 172 какъ дѣти училищныхъ чиновниковъ, 279 освобождены отъ платы педагогическими совѣтами и 102 обучались на счетъ процентовъ съ капиталовъ благотворительныхъ обществъ и другихъ случайныхъ поступленій. Изъ числа 589 пансіонеровъ въ 1887 году содержалось: на счетъ казны—232, на счетъ разныхъ учреждений—118, на проценты съ капиталовъ—10 и экономическихъ было—19, а въ 1888 году изъ 610 пансіонеровъ содержалось на счетъ казны—239, на счетъ разныхъ учреждений (въ томъ числѣ войсковыхъ стипендіатовъ)—118, на проценты съ капиталовъ—9 и на экономическія средства—16. Всего же было пансіонеровъ, воспитывающихся не на счетъ родителей или опекуновъ въ 1887 году—379, или 64,3%, всего числа пансіонеровъ; и въ 1888 году — 382; или 62,6%, общаго числа воспитанниковъ. Приблизительная стоимость обученія и воспитанія всѣхъ не платившихъ составляла въ 1887 году сумму въ 86.170 р. и въ 1888 году—болѣе 90 тыс. р.

Особня учреждения для пособія учащимся имѣются при всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ Владикавказской, а изъ прогимназій — только въ Пятигорской. Хотя начальники учебныхъ заведеній и сѣтуютъ на уменьшеніе числа членовъ благотворительныхъ обществъ, тѣмъ не менѣе членскихъ взносовъ поступило за 1887 годъ 2.184 р. (почти столько же ихъ было въ 1886 году — 2.029 р., въ 1885 — 2.177 р., въ 1884—2.322 р.); кромѣ того, получено тогда же отъ концертовъ, спектаклей и чтеній 4.606 р., процентовъ съ капиталовъ — 1.485 р. и равныхъ другихъ поступленій — 1.085 р., всего же поступило въ кассы благотворительныхъ учреждений 9.360 р., изъ коихъ 5.452 р. израсходованы (именно на пособіе учащимся 5.829 р. и только 123 р. на другіе расходы), а остальные 3.908 р. присоединены къ имѣв-

шимся уже въ запасѣ капиталамъ, которые къ концу года возросли до суммы 32.296 руб. Въ 1888 году въ приходѣ благотворительныхъ учреждений имѣлось 9.274 руб., изъ которыхъ 2.053 руб. составились изъ членскихъ взносов. На пособия учащимся израсходовано было 5.751 р. и на другія надобности—2.378 р. Къ концу отчетнаго года общій денежный остатокъ по всѣмъ учреждениямъ равнялся 38.441 р., изъ которыхъ 27.570 р. составляютъ неприкосновенный фондъ, обращенный въ процентныя бумаги. Богаче другихъ благотворительное общество при Тифлисской 1-й гимназій, имѣющее неприкосновеннаго капитала 12.000 р., также и при Тифлисской 2-й, уже имѣющее капиталъ въ 8.000 р.

Помѣщенія для гимназій собственныя имѣются только для 4 изъ нихъ, именно: Тифлисской 1-й, требующее ремонта, Ставропольской, коей капитальный ремонтъ зданій, потребовавшій въ теченіе двухъ лѣтъ затраты въ 48.440 руб., оконченъ въ 1887 году, Кубанской, также нуждающейся въ ремонтѣ, и Елизаветпольской, помѣщавшейся съ 1882 года въ не вполне достроенномъ по проекту зданіи, къ окончанію котораго приступлено въ 1887 году; вообще эти помѣщенія удовлетворяютъ потребностямъ учебныхъ заведеній и цѣнятся въ 845.787 руб. Остальныя 7 заведеній помѣщаются въ наемныхъ домахъ, за которые уплачено было въ 1887 году — 25.630 р. и въ 1888 — 25.830 руб.; изъ нихъ удовлетворительными можно признать зданія, занимаемыя гимназіями Тифлисскою 2-й и Эриванскою и прогимназіями Тифлисскою и Кутаисскою. Хуже всѣхъ помѣщены гимназіи: Владикавказская, которая, вслѣдствіе ежегоднаго увеличенія числа классовъ, все больше терпитъ отъ тѣсноты, но она имѣетъ въ 1889 году перейти въ домъ, строящійся для нея на средства города, и Кутаисская, для которой необходимо выстроить собственное помѣщеніе, для чего имѣется въ виду и мѣсто, отводимое городомъ, но самая постройка, по приблизительному исчисленію, потребуетъ расходовъ въ 200.000 р. Изъ прогимназій Пятигорская находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ 1888 году по помѣщенію заведеній было сдѣлано слѣдующее: окончена постройка зданія Елизаветпольской гимназій и Пятигорская прогимназія поставлена въ лучшія условія, чѣмъ была до сихъ поръ, выигравъ отъ перехода изъ общаго съ нею помѣщенія начальнаго училища, по случаю преобразования его въ городское по положенію 1872 года. Только по прежнему, остается въ весьма худомъ состояніи Кутаисская гимназія, такъ какъ проектъ о возведеніи для нея

собственного зданія и въ 1888 году не получила дальнѣйшаго хода. Такъ какъ большинство приходящихъ учениковъ проживаетъ у родителей и ближайшихъ родственниковъ, то на ученическихъ квартирахъ помѣщается незначительное число ихъ; въ 1887 году такихъ квартиръ было 215 съ 485 учениками, что составляетъ 15,3% всего числа учащихся, вносившихъ за свое содержаніе плату, иногда вмѣстѣ съ репетиціями уроковъ, отъ 10 до 40 р.; а въ исключительныхъ случаяхъ до 100 р. (какъ въ Тифлисской 1-й гимназій). Въ 1888 году число проживающихъ на ученическихъ квартирахъ, конкъ было 217, не превышало 15,4% и вполне устроенныхъ квартиръ съ значительнымъ числомъ квартирантовъ сравнительно мало: чаще всего ученики живутъ по 1—2 (въ 217 квартирахъ ихъ было 429), съ платой отъ 10 р. до 60 р. въ мѣсяцъ. Одна изъ самыхъ благоустроенныхъ квартиръ — общежитіе, съ 1886 года открытое во Владикавказѣ управленіемъ желѣзной дороги для дѣтей служащихъ на этой дорогѣ, гдѣ и помѣщается 30 учениковъ гимназій и реального училища. По распоряженію г. попечителя, общее наблюденіе поручено за общежитіемъ директору гимназій; кромѣ того, устроена при общежитіи мастерская, въ которой проживающіе занимаются въ свободное отъ уроковъ время. Тифлисская 1-я гимназія имѣетъ для своего пансіона наемное дачное помѣщеніе въ 60 верстахъ отъ города, въ Манглисѣ, куда переводятся на каникулы дѣти, не уѣхавшіе въ отпускъ, какъ сироты, или ученики, готовящіеся къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ. Было бы необходимо приобрести дачу для Дряванской гимназій; но она не имѣетъ на то средствъ.

На ремонтъ помѣщеній, какъ собственныхъ, такъ и наемныхъ, 10 заведеніями израсходовано въ 1887 году 10.565 р., а въ 1888 году—10 же заведеніями—13.982 р. (въ Кубанской гимназій ремонтъ лежитъ на обязанности войсковаго хозяйственнаго правленія).

Среднее количество воздуха на 1 воспитанника составляло къ концу 1888 года: въ классахъ—19,7 и въ спальняхъ пансіонеровъ—52,8 куб. арш.

Въ 1887 году Ставропольская гимназія праздновала пятидесятилѣтіе своего существованія; въ томъ же году, кромѣ годовичныхъ актовъ и устраиваемыхъ, время отъ времени, почти во всѣхъ 11 заведеніяхъ литературно-музыкальныхъ утръ, съ особенною торжественностью почтена была память А. С. Пушкина, по случаю исполняшагося пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Въ 1888 году 18-го сентября совершено освященіе домовою церковью во имя свв. Кирилы

и Месодія при Елисаветпольской гимназіи и въ пансіонской же церкви Кубанской войсковой гимназіи обновлены всѣ церковныя вещи, на что израсходовано до 3.000 р. изъ средствъ гимназіи.

Въ теченіе обонхъ отчетныхъ годовъ гимназіи и прогимназіи округа нерѣдко удостоивались посѣщенія г. главноначальствующаго гражданскою частью Кавказа, гг. начальниковъ губерній и областей, а также епархіальныхъ начальниковъ, какъ православныхъ, такъ и армяно-григоріанскихъ. Въ числѣ почетныхъ посѣтителей 1887 года Кубанская войсковая гимназія видѣла у себя г. военного министра и была обревизована членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскимъ, который въ засѣданіи педагогическаго совѣта 13-го ноября указалъ начальству гимназіи и всей педагогической корпораціи на недостатки, замѣченные имъ при ревизіи, а также и на мѣры, которыя могли бы служить къ поднятію учебной и воспитательной части въ заведеніи. Число посѣщеній классными наставниками и другими лицами ученическихъ квартиръ было въ отчетный 1887 годъ 1.399, а въ 1888 годъ—1.213.

Личный составъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа состоялъ изъ слѣдующаго числа служащихъ:

	Къ 1-му января 1888 г.	Къ 1-му января 1889 г.
Почетныхъ попечителей	5	4
Директоровъ	8	8
Инспекторовъ	10	9
Законоучителей	11	10
Преподавателей наукъ и языковъ . . .	150	147
Учителей рисованія и чистописанія . .	4	5
Воспитателей пансіоновъ	9	8
Помощниковъ воспитателей	18	16
Помощниковъ классныхъ наставниковъ .	25	27
Письмоводителей и бухгалтеровъ . . .	12	11
Прочихъ должностныхъ лицъ	24	24
Всего	276 лицъ	269 лицъ

Изъ нихъ вновь назначенныхъ въ 1887 году было 16 лицъ, и въ томъ числѣ: 1 директоръ (бывшій инспекторъ Кубанской гимназіи, на мѣсто директора Кубанской войсковой гимназіи, вышедшаго въ отставку, за выслугою срока), 1 инспекторъ (бывшій преподаватель Кубанской гимназіи, на должность инспектора той

же гимназій), 8 учителей: по древнимъ языкамъ — 6, по математикѣ и физикѣ — 1 и по исторіи и географіи — 1 и 5 прочихъ должностныхъ лицъ; въ 1888 году вновь назначено было всего 13 лицъ, и изъ нихъ учителей 2 — нѣмецкаго языка и приготовительнаго класса, остальные 11—на должности: 1—воспитателя, 3—помощника воспитателя, 3—помощника класснаго наставника и 4—на прочія должности. Вакантныхъ должностей къ концу 1887 года оставалось 33, а именно: 6—почетныхъ попечителей, 2—законоучительскія, 22—учительскія (изъ нихъ большею частью были вакансіи по языкамъ: древнимъ—7 и новымъ—7, затѣмъ по рисованію и чистописанію—5, по математикѣ—2 и по исторіи—1) и 3—по пансіонамъ. Къ концу 1888 года вакантными остались 29 должностей, въ томъ числѣ: 4 почетныхъ, 2 законоучительскія, 18 учительскихъ (8—по древнимъ языкамъ, 5—по новымъ, 1—по математикѣ и 4—по чистописанію). Занятія по вакантнымъ должностямъ въ оба отчетные года распределялись между штатными преподавателями или поручались лицамъ, приглашаемымъ по найму, безъ особаго ущерба для успѣха дѣла.

Директора и инспектора гимназій и прогимназій округа, всѣ безъ исключенія принимаютъ участіе въ преподаваніи и занимая свои должности, кромѣ вновь назначенныхъ въ 1887 году, уже значительное число лѣтъ (директора, среднимъ числомъ 8 — 9 лѣтъ, инспектора 5 — 6), извѣстны г. попечителю своею административною опытностью, добросовѣстностью и усердіемъ. Кромѣ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ, какъ на лицъ начальствующихъ, уставомъ гимназій,—обязанностей, точное и всегда своевременное исполненіе которыхъ значительно усложняется въ Кавказскомъ округѣ многолюдствомъ здѣшнихъ заведеній и состоящихъ при нихъ пансіоновъ,—эти лица принимаютъ участіе не только въ преподаваніи, но состоятъ классными наставниками и почти въ теченіе всего учебнаго года производятъ въ классахъ испытанія, которыми въ Кавказскомъ округѣ замѣняются переводные экзамены въ концѣ учебнаго года. Такъ, въ 1887 году среднее число уроковъ, даваемыхъ въ недѣлю однимъ директоромъ, — 10,6, инспекторомъ гимназій — 13,1 и инспекторомъ прогимназій — 11,0, а въ 1888 году уроковъ приходилось среднимъ числомъ на директора по 11,5, на инспектора гимназій—по 14,0 и на инспектора прогимназій—8,3. Большинство преподаетъ языки древніе и русскій, иногда въ соединеніи съ другими предметами (исторіей, географіей или француз-

скимъ языкомъ); а 1 директоръ и два инспектора состоятъ преподавателями математики и физики. Классныхъ наставниковъ, включая директоровъ и инспекторовъ, было къ концу 1887 года 100, давшихъ 594 урока (изъ которыхъ значительное большинство относится къ древнимъ языкамъ—361 урокъ (или 60,8%) и русскому и математики по—96 уроковъ (или 16,2%), затѣмъ слѣдуетъ исторія—30 уроковъ (или 5,0%), новыя языки—9 (или 1,5%), и законъ Божій — 2 (0,3%); къ концу 1888 года классныхъ наставниковъ состояло 97 лицъ, давшихъ 608 уроковъ (въ томъ числѣ по древнимъ языкамъ—350 (или 57,6%), русскому языку—119 (или 19,6%), математикѣ—81 (или 13,3%), по исторіи — 36 (или 5,9%), по новымъ языкамъ—20 (или 3,3%) и по закону Божию—2 (или 0,3%).

Классныхъ испытаній, замѣняющихъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ переводные экзамены и производимыхъ почти исключительно самими директорами и инспекторами въ концѣ года, было въ 1886 — 1887 учебномъ году 2,246, въ томъ числѣ 1,535, устныхъ и 711 письменныхъ, а въ 1887 — 1888 учебномъ году 2,269 въ томъ числѣ 1,482 устныхъ и 787 письменныхъ. Сверхъ испытаній своимъ ученикамъ, педагогическіе совѣты произвели испытанія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ посторонними лицамъ, на льготы по воинской повинности, право производства въ чинъ, званіе авторкарскаго ученика и на разныя учительскія званія, и таковыхъ лицъ въ 1887 году было 122, изъ коихъ удовлетворительно выдержали установленный экзаменъ 88, или 72%, а въ 1888 году—136, и изъ нихъ удостоенныхъ было искомымъ ими званій и правъ 95 лицъ, или 70%.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ составляло въ 1887 году въ гимназіяхъ — 2,84%, въ прогимназіяхъ — 3,32%; въ отдѣльныхъ заведеніяхъ процентъ пропусковъ нигдѣ не достигалъ 5%; въ 1888 же году это число составляло въ гимназіяхъ — 2,75% и въ прогимназіяхъ — 2,56%, и ни въ одномъ изъ отдѣльныхъ заведеній не достигало 4%; въ трехъ прогимназіяхъ и въ двухъ Тифлисскихъ гимназіяхъ пропуски составляли даже менѣе 2%. Главная причина пропусковъ была болѣзнь преподавателей (въ 1887 году — 76,8%, въ 1888 году — 76,5%). Болѣе $\frac{2}{3}$ изъ часовъ, оставшихся свободными за неявкою учителей, употреблены замѣною пропущенныхъ другими уроками, или производились испытанія, или учащіеся занимались письменными работами, повтореніемъ и приготовленіемъ другихъ уроковъ; и только 876 (29,3%) изъ 2,983 сво-

бодныхъ часовъ 1887 года и 844 (82,8%) изъ 2,577 свободныхъ часовъ 1888 года дѣйствительно пропали для учащихся, такъ какъ они отпущены были домой.

Педагогическіе совѣты имѣли въ 1887 году засѣданій 844 по гимназіямъ и 366 по прогимназіямъ, всего 1,210. Въ этомъ числѣ было 349 общихъ засѣданій (изъ нихъ 72 по прогимназіямъ), 342 классныхъ (изъ нихъ 146 по прогимназіямъ), 142 предметныхъ (изъ нихъ 95 по прогимназіямъ) и 377 хозяйственныхъ (изъ нихъ 63 по прогимназіямъ); въ 1888 году было 931 засѣданіе по гимназіямъ и 445 по прогимназіямъ, всего 1,376, а именно: 843 общихъ засѣданія (изъ нихъ 64 по прогимназіямъ), 347 классныхъ (изъ нихъ 116 по прогимназіямъ), 276 предметныхъ (изъ нихъ 116 по прогимназіямъ) и 410 хозяйственныхъ (изъ нихъ 71 по прогимназіямъ). Кромѣ текущихъ дѣлъ, относящихся къ вѣдѣнію совѣтовъ на основаніи гимназическаго устава, въ оба отчетные года, въ совѣтскихъ засѣданіяхъ обсуждалось не мало дидактическихъ вопросовъ, возникающихъ по поводу обсуждения представляемыхъ учителями программъ на предстоящій учебный годъ, или по поводу разсмотрѣнія результатовъ классныхъ испытаній. Особенное вниманіе въ 1887 году въ большинствѣ заведеній обращено было на образъ жизни и поведеніе учащихся внѣ стѣнъ учебнаго заведенія: принимались мѣры къ улучшенію ученическихъ квартиръ; наблюдалось за исполненіемъ учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей; контролировалось, на сколько то возможно, внѣклассное чтеніе приходящихъ учениковъ; прилагались всѣ старанія, чтобы поставить домашнія и классныя занятія учащихся въ правильное соотношеніе другъ къ другу; происходили совмѣстные обсуждения съ родителями и родственниками учащихся о принятіи различныхъ дисциплинарныхъ мѣръ; наконецъ, возможно часто производились посѣщенія учениковъ классными ихъ наставниками, или директорами и инспекторами. Въ 1888 году нѣкоторые совѣты были еще заняты разработкою отдѣльныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, возбужденныхъ начальниками заведеній или другими членами совѣта. Изъ такихъ вопросовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: въ Тифлисской 2-й гимназіи совѣтомъ выработано, послѣ тщательнаго обсуждения въ предметныхъ комиссіяхъ, примѣрное распредѣленіе учебнаго матеріала по четвертямъ учебнаго года, по всѣмъ классамъ и предметамъ; это распредѣленіе, отпечатанное отдѣльною брошюрой, значительно упроститъ въ будущемъ обязательное въ началѣ cadaго учебнаго года обсужде-

ніе этого вопроса. Совѣты Тифлисской 1-й и Ставропольской гимназій заняты были, между прочимъ, систематическимъ пополненіемъ гимназическихъ библіотекъ: въ первой на очередь поставленъ былъ историческій отдѣлъ фундаментальной библіотеки, во второй — учебная библіотека старшаго возраста; по мнѣнію совѣта, она должна быть рассчитана на удовлетвореніе потребности тѣхъ учениковъ, которые пожелали бы расширить свои познанія по разнымъ предметамъ курса. Совѣтъ Тифлисской прогимназій, въ числѣ другихъ рациональныхъ мѣръ, обсуждалъ съ особенною подробностью вопросъ объ улучшеніи классной дисциплины, при чемъ пришелъ къ заключенію, что лучшими средствами для этой цѣли служатъ: оживленность преподаванія, устраненіе собственною властью преподавателя всѣхъ мелкихъ нарушеній дисциплины безъ вмѣшательства другаго лица (напримѣръ, класснаго наставника) и установленіе правильныхъ отношеній преподавателя къ учащимся. Хозяйственные комитеты гимназій Елисаветпольской и Ставропольской употребили не мало труда и времени на надзоръ за производившимися постройками.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ заявили себя въ теченіе обонхъ отчетныхъ годовъ слѣдующими отдѣльными трудами: директоръ Тифлисской 2-й гимназій А. И. Ляловъ напечаталъ въ „Филологическихъ запискахъ“ за 1887 годъ „О мѣрахъ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ“; въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1887 годъ, „Два модныхъ яда: морфинъ и эфиръ“ и рѣчь, произнесенную на литературно-музыкальномъ утрѣ 20-го декабря 1887 года — „Судьба, по изображенію Гомера, и значеніе Одиссея“; въ 1888 году онъ продолжалъ печатаніе въ журналѣ „Филологическія записки“ своей статьи: „О мѣрахъ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ“. Учитель русскаго языка Тифлисской 2-й гимназій А. И. Словинскій напечаталъ въ Циркулярѣ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1887 годъ „Дѣтство Пушкина“, рѣчь, произнесенную на литературно-музыкальномъ утрѣ, 2-го февраля 1887 года, и другую рѣчь, произнесенную на годичномъ актѣ 4-го октября того же года, „Воспитательно-образовательное значеніе чтенія и игры въ дѣтскомъ возрастѣ“, издалъ въ 1888 году отдѣльную брошюру подъ заглавіемъ: „Дѣтское чтеніе и игры. Ихъ связь и значеніе“ и редактировалъ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, издаваемый при управленіи Кавказскаго учебнаго округа (выпускъ VII). Учитель приготовительнаго класса Тифлисской 2-й

гимназіи И. З. Тати́евъ помѣстилъ въ Циркулярѣ округа за 1887 годъ статью: „Нѣсколько словъ о вліяніи русской литературы, въ частности А. С. Пушкина, на грузинскую литературу“. Учитель математики Кутаисской гимназіи Н. В. Згурскій издалъ въ 1887 году отдѣльною брошюрой— „Элементарныя понятія о физической и психической жизни человѣка, въ связи съ ученіемъ о воспитаніи“, а въ 1888 году — книгу: „Уроки геометріи. Прогимназическій курсъ“. Исправляющій должность воспитателя пансіона при Кутаисской гимназіи А. С. Лабенскій производитъ ежедневно метеорологическія наблюденія, которыя до іюня 1887 года печатались Тифлисскою французскою обсерваторіей, и, хотя въ августѣ того же года обсерваторія перестала печатать бюллетени, вслѣдствіе чего гимназія перестала посылать телеграммы, но наблюденія производились ею по прежнему ежедневно, а въ 1888 году она вновь стала отсылать результаты наблюденій въ Тифлисскую физическую обсерваторію. Учитель русскаго языка Ставропольской гимназіи М. В. Красновъ въ 1887 году напечаталъ „Историческую записку о Ставропольской гимназіи за 50 лѣтъ ея существованія“ и произнесъ рѣчь „О Пушкинѣ, какъ народномъ поэтѣ“. Учитель исторіи Ставропольской гимназіи В. С. Воскресенскій напечаталъ въ 1887 году рѣчь, сказанную въ день 50-лѣтняго юбилея гимназіи. Учитель древнихъ языковъ Ставропольской гимназіи Н. Г. Лопатинскій въ 1887 году приготовилъ къ печати учебникъ по греческому языку для III класса. Учитель исторіи и географіи Эриванской гимназіи В. Е. Романовскій произнесъ рѣчь на годичномъ актѣ гимназіи 21-го ноября 1887 года „О Лютерѣ“ и въ 1888 году составилъ рѣчь для прочтенія на годичномъ актѣ въ ноябрѣ того же года на тему: „О значеніи христіанства въ исторіи“. Учитель математики Эриванской гимназіи Н. И. Пшаменевскій написалъ рѣчь, читанную на годичномъ актѣ гимназіи 21-го ноября 1887 года, „О землетрясеніи“. Инспекторъ Тифлисской прогимназіи В. А. Мартыновскій въ 1887 году составилъ сборникъ „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ“ и напечаталъ записку „О дѣятельности педагогическаго совѣта Тифлисской прогимназіи за 1886 годъ“, а въ 1888 году выпустилъ въ свѣтъ 2-е, измѣненное и дополненное, изданіе книги: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“ и приготовилъ II томъ той же книги къ печати. Законоучитель Тифлисской прогимназіи протоіерей Н. А. Калли-

стовъ за оба отчетные года печаталъ въ духовныхъ журналахъ: „Пастырѣ“, „Церковный Вѣстникъ“, „Церковныя Вѣдомости“, „Кормчій“ и другихъ разныя статьи церковно-общественнаго характера; кромѣ того, въ 1887 году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о воспитаніи дѣтей“, составилъ и прочиталъ на годичномъ актѣ прогимназіи того же года рѣчь о жизни и дѣятельности Генриха Песталоцци, а въ канікулярное время 1888 года совершилъ археологическую экскурсію, вмѣстѣ съ членомъ-сотрудникомъ Археологическаго института Саливановымъ, въ восточную и западную Грузію. Учитель Тифлисской прогимназіи Н. В. Горяевъ въ 1887 году перевелъ съ нѣмецкаго языка и напечаталъ книгу д-ра Бекка: „Энциклопедія теоретической философіи“, а въ 1888 году составилъ „Грамматику церковно-славянскаго языка сравнительно съ древними языками, преподаваемыми въ гимназіи. Курсъ IV класса“. Инспекторъ Тифлисской 1-й гимназіи І. Ѳ. Дрбоглавъ въ 1888 году напечаталъ 3-е изданіе своего пособія для изученія латинскаго языка въ младшихъ классахъ, по методу Циллера, и приготовилъ къ печати переводъ лекцій Вильмана о педагогіи. Учителя древнихъ языковъ Тифлисской 1-й гимназіи В. И. Ракушанъ напечаталъ въ 1888 году 2-е изданіе своего „Анабазиса Арріана“ и А. А. Приселковъ—въ томъ же году составилъ и напечаталъ пособіе для изученія греческаго языка въ III классѣ, а также методическое руководство къ этому пособію; кромѣ того, онъ напечаталъ въ журналѣ „Гимназія“ образцовые уроки (2 первыхъ) въ III классѣ по греческому языку и составилъ рѣчь, произнесенную имъ на годичномъ актѣ: „Значеніе софистовъ въ исторіи умственнаго развитія Греціи“. Учитель русской словесности Тифлисской 1-й гимназіи М. И. Черниковъ редактировалъ въ 1888 году издаваемый управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (выпускъ VII). Учитель греческаго языка Тифлисской 1-й гимназіи К. Ѳ. Ганъ приготовилъ къ напечатанію въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ продолженіе прежнихъ статей своихъ: „Извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ“. Учитель исторіи Тифлисской 1-й гимназіи Ѳ. Е. Акинфьевъ, напечатавшій 1-й выпускъ каталога книгъ фундаментальной бібліотеки гимназіи (филологія), приготовилъ къ печати 2-й выпускъ того же каталога (исторія), а помощникъ воспитателя при пансіонѣ той же гимназіи В. К. Колесниковъ составилъ каталогъ ученической бібліотеки гимназіи. Врачъ при Тифлисской 2-й гим-

назін Н. Н. Ушаковъ напечаталъ въ газетѣ „Кавказъ“ статью: „О скарлатинѣ“, которая потомъ была издана отдѣльною брошюрой на спеціальныя средства гимназій. Учитель древнихъ языковъ Тифлисской 2-й гимназій В. Г. Храпко на годичномъ актѣ, 8-го сентября 1888 года, прочиталъ свою рѣчь: „О газетахъ у древнихъ римлянъ“. Учитель той же гимназій А. П. Самойловъ редактировалъ въ 1888 году: „Распределение учебнаго матеріала по четвертямъ года въ Тифлисской 2-й гимназій“, составленное въ предметныхъ комиссіяхъ и напечатанное на спеціальныя средства гимназій. Директоръ Кутанской гимназій А. И. Стояновъ собралъ „Образцы сванетской народной поэзіи“. Инспекторъ Ставропольской гимназій Б. О. Новицкій устроилъ въ 1888 году при гимназій метеорологическую станцію и обучилъ нѣсколькихъ учениковъ производству наблюденій, результаты которыхъ уже съ октября этого года посылались въ главную физическую обсерваторію. Законоучитель Ставропольской гимназій, протоіерей А. Чаленковъ въ продолженіе 1888 года написалъ четыре поученія. Учитель греческаго языка той же гимназій П. Н. Астаповъ въ 1888 году написалъ рѣчь на тему: „О воспитаніи у грековъ и римлянъ“. Законоучитель Елисаветпольской гимназій, священникъ К. Смирновъ, 18-го сентября 1888 года, по случаю освященія вновь устроенной гимназической церкви, произнесъ рѣчь на тему: „Церковь Бога жива, столпъ и утверженіе истины“, напечатанную въ томъ же году въ № 10 Циркуляра по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. Учителя Елисаветпольской гимназій: древнихъ языковъ В. Е. Сивемскій произнесъ рѣчь на годичномъ актѣ гимназій, 30-го октября 1888 года, на тему: „Еврипидъ и характеръ его поэзіи“, а математики и физики Г. Θ. Самойленко завѣдывалъ метеорологическою станціей и руководилъ учениковъ въ производствѣ наблюденій, ежедневно отсылаемыхъ въ Тифлискую физическую обсерваторію; имъ же составленъ отчетъ объ этихъ наблюденіяхъ за періодъ времени съ ноября 1885 по декабрь 1888 года. Учителя Тифлисской прогимназій въ 1888 году приготовили къ печати: Ф. Р. Крейсбергъ — „Словарь къ пяти первымъ книгамъ Телемака Фенелона“, П. А. Кумской — „Историческую христоматию“ и учитель приготовительнаго класса П. К. Вересовъ — „Методику обученія выразительному чтенію“. Инспекторъ Пятигорской прогимназій Л. Г. Лопатинскій составилъ статью: „Адемирканъ. Кабардинское сказаніе“, напечатанную въ 1888 году въ VI выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

Число учащихся въ началѣ 1887 года было: въ гимназіяхъ — 3,360, въ прогимназіяхъ—465, а всего—3,825; въ концѣ года было: въ гимназіяхъ—3,062, въ прогимназіяхъ—367, а всего—3,429; такимъ образомъ, за годъ число учащихся уменьшилось: въ гимназіяхъ—на 298, или 8,9%, въ прогимназіяхъ—на 98, или 21,1%, всего — на 396, или 10,4%. Такое уменьшеніе въ числѣ учащихся замѣчается въ первый разъ за послѣднія 9 лѣтъ. Въ одной только Владикавказской гимназіи число учащихся увеличилось на 21, или 7,6%; въ гимназіяхъ Тифлискихъ 1-й и 2-й, Кутаисской и Ставропольской произошла убыль въ числѣ учащихся на 8—10%, въ Елисаветпольской—на 12,5%, въ Кубанской—на 13,3% и въ Эриванской—на 16,8%. Изъ прогимназій, Тифлисская потеряла только 5 учениковъ, или 3,6%; въ Кутаисской число учащихся уменьшилось на 13,2% и въ Пятигорской—на 40,7%. Въ 1888 году общее число учащихся уменьшилось съ 3,429 до 3,397 — на 32, или 0,9%, и въ частности, оно уменьшилось въ гимназіяхъ на 64 (было 3,062 и стало 2,998), а въ прогимназіяхъ увеличилось на 32 (было 367 и стало 399). Особенно значительна стала убыль учащихся въ гимназіяхъ Тифлисской 1-й (на 66, или 9,6%), Кубанской (на 51, или 14,3%) и Кутаисской (на 33, или 6,7%). Значительное увеличеніе числа учащихся произошло въ прогимназіи Тифлисской (на 30, или 22,4%) и гимназіяхъ Эриванской (на 21, или 10,1%) и Тифлисской 2-й (на 25, или 6,0%).

Распределеніе учащихся по сословіямъ, исповѣданіямъ и національностямъ изъ года въ годъ мало измѣняется; такъ по сословіямъ было:

	Къ 1-му января 1888 года:		Къ 1-му января 1889 года:	
		въ томъ числѣ пансіонеровъ:		въ томъ числѣ пансіонеровъ:
Дворянъ	2,178	503	2,422	517
Духовнаго сословія . .	175	23	134	20
Городскихъ сословія . .	814	41	1,188	39
Сельскихъ сословія . .	95	5	76	11
Нижнихъ чиновъ	125	11	138	17
Иностранцевъ	47	6	73	6

по вѣроисповѣданіямъ:

	въ томъ числѣ		въ томъ числѣ	
	пансіонеровъ:		пансіонеровъ:	
Православнаго	2,242	474	2,919	484
Армяно-Григоріанскаго	710	45	669	57
Католическаго	180	19	198	18
Лютеранскаго	64	5	114	3
Раскольниковъ	15	11	7	11
Мусульманъ	105	35	8	37
Евреевъ	113	—	116	—

по національностямъ:

	въ томъ числѣ		въ томъ числѣ	
	пансіонеровъ:		пансіонеровъ:	
Русскихъ	1,668	368	2,380	368
Грузинъ	594	115	501	120
Армянъ	749	47	717	59
Татаръ	81	16	8	17
Горцевъ	57	24	31	28
Евреевъ	113	—	117	—
Иностранцевъ	167	19	277	18

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что къ 1-му января 1889 года изъ сословій преобладали дворянское (63,5%) и городскія (24,2%), изъ вѣроисповѣданій—православное (65,0%) и армяно-григоріанское (21,0%), изъ національностей—русскіе (47,8%), армяне (22,1%) и грузины (17,3%). Въ отдѣльных же заведеніяхъ распределеіе учащихся, конечно, значительно отстываетъ отъ этихъ среднихъ цифръ: такъ, русскіе составляютъ въ 3 гимназіяхъ и 1 прогимназіи Сѣвернаго Кавказа до 82%, а въ заведеніяхъ Закавказскихъ только 31% (въ Елисаветпольской гимназіи даже менѣе 17%); армянъ въ Эриванской и Елисаветпольской гимназіяхъ около 60%; грузинъ въ Кутанскихъ гимназіи и прогимназіи также до 60%; въ Тифлискихъ двухъ гимназіяхъ и прогимназіи русскихъ—38%, армянъ—29% и грузинъ—17%.

По общему числу учащихся гимназіи и прогимназіи распределялись въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ концѣ 1887 года		въ концѣ 1888 года	
гимназіи:		гимназіи:	
1. Тифлисская 1-я	685 учен.	1. Тифлисская 1-я	619 учен.
2. Кутаисская	493 „	2. Кутаисская	460 „
3. Тифлисская 2-я	418 „	3. Тифлисская 2-я	443 „
4. Ставропольская	407 „	4. Ставропольская	423 „
5. Кубанская	357 „	5. Владикавказская	311 „
6. Владикавказская	298 „	6. Кубанская	306 „
7. Эриванская	208 „	7. Эриванская	229 „
8. Елисаветпольская	196 „	8. Елисаветпольская	207 „
прогимназіи:		прогимназіи:	
1. Кутаисская	144 „	1. Тифлисская	164 „
2. Тифлисская	134 „	2. Кутаисская	151 „
3. Пятигорская	89 „	3. Пятигорская	84 „

Слѣдовательно, учебныя заведенія за 2 года располагались почти въ томъ же порядкѣ, и разница послѣдовала лишь въ томъ, что гимназія Кубанская, стоявшая въ продолженіе 1886—1887 учебнаго года на 5-мъ мѣстѣ, а Владикавказская—на 6-мъ, поменялись мѣстами въ 1887—1888 году; равнымъ образомъ прогимназіи Кутаисская и Тифлисская: первая стала второю по мѣсту, а послѣдняя въ 1887—1888—первою. Число учащихся въ Ставропольской гимназіи приведено здѣсь безъ реального отдѣленія, съ которымъ гимназія имѣла къ 1-му января 1889 года 574 ученика и занимаетъ такимъ образомъ по 4-е, а 2-е мѣсто между гимназіями по многолюдству.

Распределение учащихся по классамъ было слѣдующее:

въ концѣ 1887 года было:		въ концѣ 1888 года было:	
Въ приготовительн. классахъ	335, или 9,8%	390, или 11,5%	
Въ I классѣ	608, или 17,7%	567, или 16,7%	
Во II	568, или 16,6%	562, или 16,7%	
Въ III	529, или 15,4%	538, или 15,8%	
Въ IV	459, или 13,4%	421, или 12,3%	
Въ V	356, или 9,8%	341, или 10,0%	
Въ VI	255, или 7,4%	227, или 6,7%	
Въ VII	208, или 6,1%	188, или 5,5%	
Въ VIII	131, или 3,8%	163, или 4,8%	

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что сравнительно съ 1887 годомъ въ 1888 году значительно увеличилось число учащихся въ

приготовительныхъ классахъ (на 55) и уменьшилось въ I (на 41), что легко объясняется прекращеніемъ приема въ подготовительные классы въ началѣ 1887—1888 учебнаго года.

Прошеній о приемѣ поступило въ 1887 году всего 782, то-есть, почти вдвое меньше, чѣмъ въ 1886 году (когда ихъ было 1.536) вслѣдствіе прекращенія приема въ подготовительные классы, предназначавшіеся къ закрытію; изъ 782 просившихъ о приемѣ принято было 335, а отказано въ приемѣ 447, въ томъ числѣ 95 по недостатку мѣстъ въ классахъ, 180 — по невыдержанію экзамена и 172 — по разнымъ причинамъ; сюда же относится 9 случаевъ отказа на основаніи распоряженія 3-го августа 1885 года объ устраненіи случаевъ перехода учениковъ изъ одного заведенія въ другое безъ уважительныхъ причинъ, и 20 отказовъ на основаніи послѣдовавшаго въ 1887 году распоряженія, имѣющаго цѣлью улучшение состава учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Изъ 335 вновь поступившихъ 114 приняты по свидѣтельствамъ другихъ гимназій и прогимназій, 65—по экзамену, изъ разныхъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ училищъ, и 156—получившихъ домашнее образованіе; всѣ приняты размѣщены были въ соответствующіе классы, а именно: въ подготовительные пошло — 76, или 22,6%, въ I-е—118, или 35,1%, въ остальные три прогимназическихъ класса — 85, или 25,5%, въ 4 старшихъ класса — 56, или 16,8%. Въ 1888 году прошеній о приемѣ поступило 1.282; по нимъ 549 не принято, а именно: 46—по недостатку мѣстъ, 410—по невыдержанію экзамена и 93—по разнымъ другимъ причинамъ, и въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько юношей, которымъ отказано было въ приемѣ на основаніи распоряженія объ устраненіи переходовъ учащихся изъ заведенія въ заведеніе безъ уважительныхъ причинъ, а другимъ мальчикамъ—за то, что не могли представить требуемыхъ отъ нихъ метрическихъ свидѣтельствъ. Изъ 683 поступившихъ были приняты: по свидѣтельствамъ — 100, изъ заведеній казенныхъ, общественныхъ и частныхъ — 142, и по домашней подготовкѣ — 441; изъ нихъ значительное большинство пошло въ подготовительные классы—362, или 53,0%, въ I-е—202, или 29,6%; остальные 119 размѣщены во всѣ старшіе классы:

Выбыло въ теченіе 1887 года изъ 11 училищъ 751 ученикъ, что составляетъ 21,0% относительно всего числа учащихся въ концѣ отчетнаго года, а именно: изъ гимназій—610, или 20,0%, и въ томъ

числѣ 118 за окончаніемъ курса, изъ прогимназій—121, или 33,0%, и въ томъ числѣ 29 окончившихъ прогимназическій курсъ, и въ теченіе 1888 года выбывшихъ было 715 учениковъ, или 21,1% общаго числа учащихся: изъ гимназій отдѣльно—617, и въ томъ числѣ 111 за окончаніемъ курса и изъ прогимназій—98, и въ томъ числѣ 27 за окончаніемъ курса. Между выбывшими было:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
уволненныхъ за неуспѣшность	85	79
за неодобрительное поведеніе	15	10
взятыхъ за болѣзнью	11	16
выбывшихъ по прошенію	461	457
исключенныхъ за смертью	12	15

Между классами выбывшіе въ 1887 году до окончанія полного гимназическаго курса распредѣляются довольно равномерно: наименьшій процентъ ихъ былъ во II и III классахъ—15,5% и 16,8%, наибольшій—въ IV—24,4%; самый высокій процентъ выбывшихъ въ 1888 году получился въ классахъ IV—28,3%, V и VII—25,5% и VI—24,2%. Изъ выбывшихъ, на сколько извѣстно по собраннымъ свѣдѣніямъ, поступили:

	въ 1887 году:	въ 1888 году
въ другія гимназій	105	108
въ реальныя училища	42	52
въ другія учебныя заведенія	177	184
въ службу военную	29	78
въ „ гражданскую	28	22
на частную дѣятельность	94	51
свѣдѣній не имѣется о	244	210

Успѣхи учащихся выразились слѣдующимъ образомъ: въ концѣ 1886—1887 учебнаго года въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ числилось 3.756 учениковъ и въ томъ числѣ 584 пансіонера, а въ концѣ 1887—1888 учебнаго года ихъ было въ 11 заведеніяхъ 3.233 и въ томъ числѣ 571 пансіонеръ. Изъ нихъ на основаніи годовыхъ занятій, производимыхъ въ теченіе года классныхъ испытаній, а также окончательныхъ испытаній въ концѣ года въ приготовительныхъ и выпускныхъ классахъ (VIII въ гимназіяхъ и IV прогимназіяхъ), переведено въ слѣдующіе классы и удостоено аттестатовъ зрѣлости и прогимназическихъ свѣдѣтельствъ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
по гимназіямъ	2.830	2.054
въ томъ числѣ пансіонеровъ	410	391
по прогимназіямъ	317	260
оставлено на 2-й годъ въ тѣхъ же классахъ или уволено за неуспѣшность	675	655
назначена переэкзаменовка послѣ лѣтнихъ каникулъ	1.035	899
изъ нихъ выдержало дополнительный экзаменъ послѣ каникулъ	601	604
такимъ образомъ всѣхъ успѣвающихъ оказалось	2.647	2.314

Отдѣльно учебныя заведенія по успѣхамъ учащихся можно располагать въ слѣдующемъ порядкѣ:

за 1887 годъ:	за 1888 годъ:
1. Тифлисская прогимназія 78,9%	1. Пятигорск. прогимназія 84,3%
2. Владикавказск. гимназія 78,2%	2. Елисаветпольск. гимназія 84,0%
3. Тифлисская 1-я " 76,0%	3. Тифлисская прогимназія 77,9%
4. Тифлисская 2-я " 71,7%	4. Тифлисская 1-я гимназія 75,5%
5. Кутанская " 69,5%	5. Тифлисская 2-я " 75,5%
6. Елисаветпольская " 68,8%	6. Владикавказская " 71,1%
7. Кутанская прогимназія 67,6%	7. Ставропольская " 68,2%
8. Ставропольская гимназія 67,3%	8. Эриванская " 66,6%
9. Эриванская " 66,9%	9. Кубанская " 66,4%
10. Кубанская " 62,6%	10. Кутанская прогимназія 64,7%
11. Пятигорск. прогимназія 62,5%	11. Кутанская гимназія . 64,4%

Такимъ образомъ, въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ за 1887 и въ пяти за 1888 годъ результатъ занятій получился вполне удовлетворительный, такъ какъ число успѣвавшихъ превышаетъ даже 75% ($\frac{3}{4}$ учащихся), и ни въ одномъ успѣшность не была ниже 62,5% (то есть, $\frac{5}{8}$ учащихся). Успѣхи отдѣльныхъ классовъ, начиная съ младшаго отдѣленія приготовительнаго класса и кончая VIII, выражаются слѣдующимъ рядомъ цифръ въ процентахъ за 1886—1887 годъ: 92, 77, 71, 69, 67, 59, 62, 71, 75 и 83%; изъ чего видно, что успѣхи понижались отъ приготовительнаго класса до IV, а затѣмъ снова возрастали до VIII. Въ 1887—1888 гг. порядокъ этихъ цифръ измѣняется вслѣдствіе самыхъ слабыхъ успѣховъ V и III и лучшихъ успѣховъ старшаго приготовительнаго отдѣленія, и успѣхи представляются въ слѣдующемъ рядѣ процентныхъ цифръ: 75, 89, 74, 69, 65, 68, 62, 73, 77, 85%.

Успѣшность по каждому изъ 4 главныхъ предметовъ гимназическаго курса въ отдѣльности должна быть, конечно, нѣсколько выше общей успѣшности по всемъ предметамъ курса въ совокупности, и притомъ успѣвающихъ въ старшихъ классахъ и по главнымъ предметамъ оказывается болѣе, чѣмъ въ младшихъ. Такъ успѣвающихъ было:

	въ 1886—87 году			въ 1887—88 году		
	отдѣльно:			отдѣльно:		
	въ млад- шихъ классахъ:	въ стар- шихъ классахъ:	въ стар- шихъ классахъ:	въ млад- шихъ классахъ:	въ стар- шихъ классахъ:	въ стар- шихъ классахъ:
по русскому языку . . .	80% (79%)	(83%)	81% (79%)	(82%)		
по математикѣ . . .	79% (79%)	(80%)	79% (78%)	(81%)		
по греческому языку . . .	77% (76%)	(78%)	78% (76%)	(81%)		
по латинскому языку . . .	76% (75%)	(78%)	77% (75%)	(83%)		

Изъ преобладающихъ между учащимися національностей высшій процентъ успѣвающихъ дали за оба отчетные года армяне—71 и 75, затѣмъ русскіе—70 и 71 и самый слабый—грузины—67 и 64, а изъ двухъ преобладающихъ сословій городское дало за оба года лучшіе результаты—73% и 74%, чѣмъ дворянское, давшее какъ въ 1887, такъ и въ 1888 году, по 70%.

Результаты испытаній зрѣлости въ отчетные года въ 7 гимназіяхъ (такъ какъ во Владикавказской гимназіи въ 1887 году открытъ былъ только еще VII классъ, а въ 1888 году послѣдовало открытіе послѣдняго VIII класса) представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	въ концѣ 1887 учеб- наго года:	въ концѣ 1888 учеб- наго года:
въ VIII-мъ классѣ учениковъ		
было	143 (въ томъ числѣ пансіонер. 36)	131 (изъ нихъ пансіонеровъ 22)
изъ нихъ допущено къ испытанію	127	119
выдержали ихъ	118	111
награждены медалями:		
золотою	4	5
серебряною	6	8
постороннихъ лицъ подвергалось испытанію съ учениками	6	3
изъ нихъ удостоились свидѣ- тельства зрѣлости	5	3

Въ числѣ 5 молодыхъ людей, державшихъ со стороны экзамены въ 1887 году, было 4 бывшихъ ученика обѣихъ Тифлискихъ гимназій выпуска 1886 года, которые, какъ главные виновники похищенія русской темы въ 1886 году, лишены были возможности подвергнуться испытанію вмѣстѣ съ товарищами, но получили право держать экзаменъ, въ качествѣ постороннихъ лицъ, черезъ годъ, и притомъ не въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ они учились. Всѣ 4 выдержали экзаменъ вполнѣ хорошо (2 въ Эриванской гимназіи, 1 — въ Кутаисской и 1 — въ Елисаветпольской), какъ, между прочимъ, видно изъ представленныхъ въ управленіе округа письменныхъ работъ ихъ.

Удостоенные аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости въ 1887 году 123 лица (118 учениковъ и между ними 33 пансіонера и 5 постороннихъ) и въ 1888 году 114 лицъ (111 учениковъ и въ томъ числѣ 19 пансіонеровъ и 3 постороннихъ) заявили желаніе поступить:

	въ 1887 году:	въ 1888 году:
въ историко-филологическій институтъ	1	1
въ факультеты университетовъ:		
филологическій	16	14
математическій	35	32
медицинскій	29	32
юридическій	31	25
восточный	4	1
въ спеціальныя высшія училища	4	6
въ военную службу	3	3

Изъ допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ VIII класса не удовлетворили требованіямъ испытанія:

	въ 1887 году		въ 1888 году	
	письменнаго:	устнаго:	письменнаго:	устнаго:
по русскому языку	6	—	4	—
„ латинскому „	12	—	8	—
„ греческому „	5	2	10	1
„ математикѣ	5	1	11	5
„ закону Божию	—	—	—	1
„ исторіи	—	—	—	3

Изъ числа 85 уволенныхъ изъ гимназій и прогимназій въ 1887 году за неуспѣшность было 77, пробывшихъ 2 года въ одномъ классѣ, и болѣе всего удалено изъ гимназій Кубанской—21 и Кутаисской—20,

ментѣ всего изъ Владикавказской — 2; изъ этого числа 77 уволенныхъ по прогимназіямъ было всего 3 ученика—въ Пятигорской 2 и Кутаисской—1; вообще число уволенныхъ составляетъ за этотъ годъ 2,5% всего числа учащихся. Изъ числа 79 уволенныхъ за 1888 годъ было за двухлѣтнее пребываніе въ классахъ 76 человекъ, и почти половина случаевъ увольненія относится къ двумъ гимназіямъ: Кубанской — 23 и Кутаисской — 14; по прогимназіямъ было всего уволенныхъ 7 учениковъ; процентъ всего числа уволенныхъ за 1888 годъ составляетъ 2,3%. Изъ отдѣльныхъ классовъ самый высокій процентъ былъ въ 1887 году: въ I—3,4%, IV—3,2% и V—3,1%, а въ 1888 году наибольшее число уволенныхъ падаетъ на классы II—21, I—14, IV—11 и V—10. Изъ предметовъ, въ которыхъ уволенные не оказали успѣховъ, были главнымъ образомъ слѣдующіе:

	въ 1887 году	въ 1888 году
латинскій языкъ	63 (72%)	60 (76%)
русскій	59 (68%)	57 (72%)
математика	50 (57%)	45 (57%)
греческій языкъ	32 (37%)	26 (33%)

Вообще же не успѣвали изъ уволенныхъ:

	въ 1887 году	въ 1888 году
по одному предмету	11	9
по двумъ предметамъ	24	24
по тремъ	17	20
и болѣе 3-хъ предметовъ	33	26

Изъ необязательныхъ предметовъ преподаются французскій и нѣмецкій языки, и такъ какъ изученіе одного изъ двухъ новыхъ языковъ обязательно, то эти языки введены во всѣ 11 заведеній, кромѣ Ставропольской гимназіи и Кутаисской прогимназіи, гдѣ изучается только одинъ французскій; изъ туземныхъ языковъ преподаются: грузинскій — въ 5 заведеніяхъ: трехъ Тифлисскихъ и двухъ Кутаисскихъ, при чемъ въ прогимназіи Кутаисской введенъ съ 1888 года; армянскій въ 1887 году преподавался въ 4 гимназіяхъ: 2 Тифлисскихъ, Елисаветпольской и Эриванской, и 1 прогимназіи, но въ 1888 году этотъ языкъ былъ упраздненъ въ Тифлисской 2-й; татарскій введенъ въ тѣ же три гимназіи. Гимнастикъ не обучаются только въ двухъ гимназіяхъ: Кутаисской и Эриванской; пѣнію обучаются во всѣхъ 11 заведеніяхъ, рисованію—лишь въ Тифлисскихъ 2-хъ гимна-

зіяхъ и прогимназій, а съ 1888 года и въ Кубанской гимназій. За оба отчетные года число изучающихъ необязательные предметы было слѣдующее:

		въ 1887 году	въ 1888 году
изучающе	оба новыя языка	413 (17%)	454 (18%)
	французскій языкъ	1.486 (59%)	1.432 (59%)
	нѣмецкій	587 (24%)	554 (23%)
	грузинскій	343 (58%)	354 (60%)
	армянскій	406 (54%)	294 (39%)
	татарскій	74 (55%)	77 (56%)
	гимнастику	2.115 (62%)	2.394 (71%)
	пѣніе	1.650 (48%)	1.594 (48%)
рисованіе	202 (6%)	263 (8%)	

Если музыка какъ вокальная, такъ инструментальная, хорошо привилась къ гимназіямъ и прогимназіямъ округа, то значительно туже прививается рисованіе, не смотря на всѣ старанія гимназическихъ начальствъ заохотить учащихся къ изученію этого предмета, чему впрочемъ причиною служитъ трудность выбрать подходящее удобное время для учащихся и, главное, недостатокъ часто опытныхъ руководителей, которые умѣли бы съ успѣхомъ заниматься съ своднымъ классомъ, составленнымъ изъ мальчиковъ разныхъ возрастовъ и дарованій.

Поведеніе учащихся въ теченіе отчетныхъ годовъ было слѣдующее: за разные проступки подвергнуто болѣе строгимъ взысканіямъ:

	въ 1887 г.	въ 1888 г.
	изъ нихъ пансіонеровъ	изъ нихъ пансіонеровъ
аресту свыше двухъ часовъ	213 184	150 108
выговору отъ педагогическаго совѣта	6 1	22 1
увольненію съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія	14 9	7 1
увольненію съ лишеніемъ этого права	1 1	3 —
Всего	234 —	182 —

Такимъ образомъ, за 1887 годъ число наказанныхъ учениковъ составляетъ 6,8%, а за 1888—5,9%. Отличнымъ поведеніемъ заявили себя остальные ученики и имѣли отмітки въ 1887 году изъ 3.429 учениковъ 5—2.880, или 84%, 4—485, или 14% и 3—только 64, или 2%, а въ 1888 году изъ 3.397 учениковъ имѣли: 5—2.751, или

81%, 4—599, или 18%, и отмѣтку 3—47, или 1%. Равно и о поведеніи пансіонеро́въ начальство гимназій отзывается съ похвалою; изъ нихъ въ 1887 году, отмѣтки 5 имѣли 474, 4—86, 3—28, и всего одинъ ученикъ имѣлъ единицу, а за 1888 годъ отмѣтки 5 получили 529, 4—79 и 3—9 воспитанниковъ.

Среднее число уроковъ, пропущенныхъ каждымъ ученикомъ, въ теченіе отчетныхъ годовъ, было: въ 1887—39,4% и въ 1888 году—37,2%. Въ общемъ же пропуски были изъ 135.114 въ 1887 году и изъ 126.523 въ 1888 году,

	въ томъ числѣ у		въ томъ числѣ у	
	пансіонеро́въ		пансіонеро́въ	
по болѣзни	120.425 (89%)	14.442 (91%)	114.127 (0,2%)	16.228 (91%)
по другимъ уважитель-				
нымъ причинамъ . . .	12.158 (9,0%)	1.193 (7%)	11.211 (8,9%)	1.258 (7%)
по неуважительнымъ				
причинамъ	2.581 (1,9%)	270 (2%)	1.185 (0,9%)	300 (2%)

Для уменьшенія случаевъ пропусковъ уроковъ безъ уважительныхъ причинъ, почти во всѣхъ заведеніяхъ съ 1888 года принято посылать на домъ къ не явившимся дядьку или сторожа, съ особою книгою, въ которой родители отмѣчаютъ причину неявки ученика; благодаря этой мѣрѣ, число означенныхъ манкировокъ понизилось до 0,9% общаго числа пропусковъ.

Заболѣваній между учениками было въ 1887 году 8.276, или по 241 на 100 учениковъ, а въ 1888 году — 9.496, или по 279 на 100 учениковъ, и помимо эпидемическихъ случаевъ заболѣваній, господствующими надъ всѣми болѣзнями были лихорадки: въ 1887 году къ нимъ относилась цѣлая треть заболѣваній—33,3%, а въ 1888 году—28,9%. Смертныхъ случаевъ было въ 1887 году 12, въ томъ числѣ между пансіонерами 2, и въ 1888 году—15, въ томъ числѣ между пансіонерами 4, при чемъ всѣ 4 воспитанника умерли въ домахъ своихъ родителей.

Введенные врачомъ Апаринимъ въ Тифлисской прогимназій медицинскіе осмотры учащихся съ цѣлью провѣрить, какъ отражается на здоровьѣ и физическомъ развитіи дѣтей вліяніе учебныхъ заведеній, дали такіе утѣшительные результаты отъ наблюденій надъ измѣненіемъ роста, вѣса, емкости груди, силы мускуловъ и зрѣнія, дѣлаемыхъ правильно всего еще въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ, что такого же рода изслѣдованія произведены были въ концѣ 1887 года во Владикавказской гимназій (въ которой, на примѣръ, изъ 97 вновь принятыхъ въ августѣ

мальчиковъ 42 оказались съ разными физическими недостатками), а на будущее время подобныя періодическіе (дважды въ годъ—въ мѣѣ и сентябрѣ) медицинскіе осмотры учащихся предполагается сдѣлать обязательными для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній округа. Большое вниманіе гимназическаго начальства, по прежнему, прилагается ко всему заботливому строю своихъ заведеній; равномернo всѣ старанія направлены къ улучшенію пансіонскаго быта и обстановки, къ поднятію успѣховъ и нравственности вѣрренныхъ гимназіямъ воспитанниковъ. Такъ, для помощи слабымъ ученикамъ въ занятіяхъ, помимо воспитателей и ихъ помощниковъ, приглашаются репетиторы, за особую плату изъ специальныхъ средствъ пансіоновъ. Пансіонеры всѣми средствами привлекаются къ занятіямъ музыкой, такъ что изъ нихъ преимущественно составляются ученическіе хоры и оркестры. Въ нѣкоторыхъ пансіонахъ устроены мастерскія—столярныя, токарныя, переплетныя; сверхъ обязательныхъ занятій гимнастикой и фронтомъ, пансіонеры обучаются танцамъ, а въ Тифлисской и Ставропольской гимназіяхъ еще и фехтованію. Подобныя занятія, хотя и требующія значительныхъ денежныхъ затратъ, вносятъ въ монотонную пансіонскую жизнь полезное разнообразіе и служатъ лучшимъ средствомъ противъ развитія вредной въ нравственномъ отношеніи праздности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САМОСЬ И ПРИННА ПРЕДЪ СУДОМЪ ЦАРЯ ЛИСИМАХА И РОДОССКАГО НАРОДА.

Давно уже въ наукѣ извѣстенъ рядъ эпиграфическихкихъ документовъ, тракующихъ объ ожесточенныхъ спорахъ, которые довольно часто возникали между Самосомъ и Приной. Въ началѣ этого ряда должно поставить надпись, относящуюся къ македонской порѣ (Лисимахово посланіе), срединное звено его представляютъ собою родосскія надписи, крайнее — римскія. Поводомъ къ появленію эпиграфическихкихъ памятниковъ указаннаго типа послужили такъ называемыя *δίκαι ἔκκλητοι*. Историческая цѣнность этихъ надписей должна быть признана довольно значительною, такъ какъ онѣ дополняютъ и объясняютъ намъ отрывочныя извѣстія древнихъ авторовъ о враждѣ Самоса и Прины. Древніе писатели ничего не говорятъ объ ея главной причинѣ, надписи же свидѣтельствуютъ, что ссоры между названными іонійскими городами возникали изъ-за установленія точныхъ границъ.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ владѣній на островѣ, самосцамъ принадлежала часть береговой полосы противоположащаго материка. До самыхъ позднихъ временъ Самосъ сохранялъ за собою эти материковыя владѣнія, доказательствомъ чего служатъ слѣдующія слова географа Стравона: *Μετὰ δὲ τὸν Σάμιον πορθμὸν τὸν πρὸς Μοχάλῃ κλέουσι εἰς Ἐφεσον ἐν δεξιᾷ ἐστὶν ἡ Ἐφεσίων παραλία· μέρος δὲ τι ἔχουσαν τούτης καὶ οἱ Σάμιοι* (XIV, I, 20).

Городъ Прина лежалъ у южнаго склона Микалы, на берегу рѣки Гесона. Можно догадываться, что самосцы владѣли частью сѣвернаго склона Микалы, который былъ ближе къ о. Самосу ¹⁾.

¹⁾ Что такъ было во времена Стравона, это ясно изъ вышеприведенныхъ словъ его.

Съ какихъ именно поръ утвердились самосцы на материкѣ, мы съ точностью не знаемъ, однако есть основанія думать, что въ весьма древнія времена они имѣли уже тамъ свои владѣнія, которыя и граничили съ землею принцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить себѣ ту глубокую вражду городовъ, о взрывахъ которой свидѣлствуютъ авторы? Последніе рисуютъ намъ такія подробности, которыя заставляютъ относить эти взрывы къ весьма отдаленной эпохѣ, — слѣдовательно, вражда была древняя, исконная. Какъ же ее объяснить? Въ болѣе позднія времена враждебныя отношенія возникали изъ-за пограничныхъ споровъ, какъ объ этомъ ясно свидѣлствуютъ надписи; естественно думать, что и въ древнѣйшую эпоху та же причина вела къ столкновѣніямъ, иногда кровавымъ. А если такъ, то самосцы уже недавно должны были утвердиться на материкѣ, ставъ такимъ образомъ сосѣдями принцевъ.

О древнѣйшей фазѣ борьбы упомянутыхъ выше іонійцевъ сохранился разказъ у Плутарха и Зиновія ¹⁾, относящійся къ одному и тому же событію. Первый въ такъ называемыхъ „Греческихъ вопросахъ“ (гл. 20) разказываетъ слѣдующее:

„Что значить „иракъ у Дрія“, о которомъ говорятъ въ Приннѣ? Самосцы и принцы, воюя другъ съ другомъ, терпѣли и наносили незначительныя пораженія, но когда произошло генеральное сраженіе, то принцы убили въ немъ тысячу изъ самосцевъ. Спустя семь лѣтъ принцы, сойдясь въ бою съ милитдами около мѣстности, носящей названіе „Дрѹс“ (Дубъ), потеряли самыхъ лучшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ. Въ это-то время и прославился своимъ посольствомъ изъ Принны въ Самосъ мудрецъ Віагъ. Приннянки, потрясенныя этимъ ужаснымъ несчастіемъ и горемъ, рѣшили заклинать и клясться въ самыхъ важныхъ случаяхъ „иракомъ у Дрія“ ²⁾, такъ какъ тамъ были убиты ихъ дѣти, отцы и мужья“.

Разказъ Зиновія болѣе кратокъ: „Ἀριστοτέλης φησὶν ἐν τῇ Σαμίῳ πολιτεῖᾳ Πρινηνάς πολλοὺς ὑπὸ Μιλησίων ἀναρραθῆναι περὶ τὴν καλομένην Δρῦν· ὅθεν καὶ τὰς Πρινηναίας γυναῖκας ὀμνῶσαι τὸ περὶ Δρῦν σκότος“ (Fragm. Hist. Graec., II, p. 160). Здѣсь останавливается

¹⁾ Зиновій называетъ своимъ источникомъ „Πολιτεῖαι“ Аристотеля; откуда Плутархъ почерпнулъ свой разказъ, не известно, но, по всей вѣроятности, также изъ сочиненія Аристотеля. Такъ думаетъ и К. Маллеръ (Fragm. Hist. Graec., II, p. 160).

²⁾ „Ὁ περὶ τῇ Δρῦϊ σκότος“ (иракъ Авда, въ который сошли души убитыхъ принцевъ).

наше вниманіе 1) имя одного изъ древнѣйшихъ семи мудрецовъ Віанта и 2) названіе мѣстности „Дрія“.

Среди греческаго общества времени Иродота существовало мнѣніе, что Віантъ — современникъ Креса, то-есть, жилъ въ половинѣ VI вѣка до Р. Х. Отсюда ясно, что уже въ VI столѣтіи несогласія между островомъ и Принной принимали весьма серьезный характеръ и оставляли среди гражданъ той и другой политіи кровавыя слѣды, долго жившіе въ мѣстныхъ преданіяхъ старины: пораженіе при Дріѣ вошло даже въ пословицу, смыслъ которой, очевидно, съ теченіемъ времени затемнился, и которую слѣдовало поэтому объяснить, что и сдѣлали упомянутые писатели. Память о роли Віанта въ ссорѣ родного города съ Самосомъ долго жила среди грековъ: образованные современники Стравона знали стихъ Иппонакта Ефесскаго, жившаго, какъ и Віантъ, въ VI столѣтіи до Р. Х.:

„καὶ δικάσασθαι Βίαντος τοῦ Πριηνύως χρέσσων“¹⁾,

гдѣ можно видѣть намекъ на удачныя дѣйствія Віанта, направленныя къ примиренію враждебныхъ сторонъ.

Въ роли мудраго примирителя является принскій мудрецъ и въ Лисимаховомъ посланіи (С. I. G. № 2254), гдѣ содержится древнѣйшее изъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ о раздорѣ Самоса и Принны. Мѣстность „Дрія“ также упоминается въ одной изъ родосскихъ надписей по дѣлу о несогласіяхъ тѣхъ же городовъ.

Лисимахово посланіе и родосскія надписи составляютъ главный предметъ настоящей статьи. Но прежде чѣмъ обратиться къ этимъ эпиграфическимъ памятникамъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ вышеназванныхъ политій въ V и IV вв. до Р. Х. Объ этомъ мы знаемъ очень мало, почти ничего.

„На шестомъ году (послѣ σκυνδαὶ τραχοντοῦτας)“, говоритъ Фукидидъ²⁾, — „случилась война у самосцевъ съ милитцами изъ-за Принны“. Милитцы терпѣли пораженія и обратились за помощью къ аеннянамъ, которые отправились въ походъ противъ Самоса, въ концѣ концовъ овладѣли имъ и сдѣлали самосцевъ своими данниками.

То же самое говоритъ и Плутархъ въ біографіи Перикла (сс. 24—29). Передавая то мнѣніе, по которому Периклъ началъ войну съ Самосомъ изъ-за Милита, по просьбѣ Аспасіи, онъ продолжаетъ: „αὶ γὰρ πόλις ἐκολέμοον τὸν κατὰ Πριήνης κόλεμον“.

¹⁾ Strab. Geogr. XIV, I, 12.

²⁾ I, 115, 2.

Оба автора вполне согласно передают это событие; время борьбы определяется ими также вполне тождественно ¹⁾. Но изъ-за чего именно возгорѣлась война между Самосомъ и Милитомъ? Авторы говорятъ—изъ-за Приины. Но это слишкомъ неопредѣленно. Чѣмъ этотъ городъ вызвалъ вражду самосцевъ и милитцевъ? Вполнѣ естественно предполагать, что они рассорились потому, что одновременно предъявляли притязанія на владѣнія, пограничныя Приинѣ или даже принадлежащія этому городу. Что и милитцы (не одни самосцы), враждовали съ Прииной (можетъ быть, также изъ-за пограничныхъ владѣній), видно изъ событій VI в. (срв. разказъ о пораженіи при „Δρύς“). Ваддингтонъ на этотъ счетъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „La guerre éclata entre Samos et Milet, à cause de Priène, et probablement à la suite de quelque prétention élevée par les Samiens sur le territoire occupé par les Priéniens“ ²⁾.

Вотъ все, чтò намъ извѣстно объ отношеніяхъ Самоса и Приины въ V вѣкѣ до Р. X. О томъ, какъ они относились другъ къ другу въ IV вѣкѣ, мы рѣшительно ничего не знаемъ ни изъ авторовъ, ни изъ надписей.

О враждѣ Самоса и Приины въ III вѣкѣ до Р. X. мы узнаемъ изъ надписей, къ числу которыхъ принадлежитъ ранѣе упомянутое Лисимахово посланіе. Оно начинается обичною формулою памятниковъ аналогичнаго типа: „Царь Лисимахъ совѣту и народу самосскому шлетъ привѣтъ“. Затѣмъ въ немъ идетъ рѣчь о посольствахъ, которыя были отправлены къ Фракійскому царю какъ изъ Самоса, такъ и изъ Приины. Дѣло касалось „мѣстности“, изъ-за которой шли споры между островомъ и Прииной, уже раньше бывшіе, по желанію сторонъ, на обсужденіи у Лисимаха. Слѣдовательно, къ суду послѣдняго враждующія стороны обращались по крайней мѣрѣ два раза ³⁾.

Рѣшивъ прежде дѣло въ пользу самосцевъ, Лисимахъ, какъ видно изъ посланія, долженъ былъ пересматривать тотъ же самый вопросъ во второй разъ, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ прин-

¹⁾ Фукидидъ даетъ наиболѣе точное опредѣленіе его: 440 г.

²⁾ *Le Bas—Waddington, Voyage arch. III. Inscriptions relatives aux contestations entre Priène et Samos etc.*, p. 73.

³⁾ C. I. G. № 2254 v. 2—4: παρῆσαν ἐφ' ἡμᾶς οἱ τε πρόβεις οἱ παρ' ὑμῶν καὶ οἱ παρὰ τῶν [Πριηνέων ἀποσταλέντες ὑπὲρ τῆς χώρας, ἧς ἐπορχίθη]τε [ἡμῶν|σβη]-τ[η]κότας πρότερον ἐφ' ἡμῶν. Въ v. 12 точнѣе опредѣляется, о какой мѣстности идетъ въ надписи рѣчь (ἢ Βα[τ]ινητικῆς χώρας) Срв. *Sauer*², № 179, v. 6.

цевъ, которые остались недовольны прежнимъ судомъ ¹⁾. Впрочемъ, такъ какъ явились посольства, необходимо было выслушать стороны ²⁾, говорить Лисимахъ и этими словами какъ бы извиняется передъ самосскимъ совѣтомъ и народомъ въ томъ, что долженъ былъ по необходимости пересмотрѣть дѣло и произнести послѣднее слово своего суда. Вслѣдъ за этимъ извиненіемъ идетъ изложеніе доводовъ, которыми принцы старались доказать свои права на спорную землю, опираясь главнымъ образомъ на давность владѣнія ³⁾. Съ этою цѣлью они приводили: 1) показанія, почерпнутыя изъ историческихъ сочиненій, 2) нѣкоторые другія свидѣтельства и правовыя основанія, 3) условія шестилѣтняго перемирія ⁴⁾. Принцы увѣряли, что до этого еще перемирія самосцы, по собственному признанію, потерпѣли значительный уронъ, оставили материковыя владѣнія и должны были удалиться на свой островъ ⁴⁾. Послѣ же борьбы принцевъ съ милитцами самосцы захватили принцскія владѣнія.

Здѣсь намъ необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на самомъ текстѣ надписи (vv. 14—16, 19—21): онъ въ указанныхъ строкахъ весьма испорченъ и въ копіи, по которой его восстанавливалъ Бекъ, имѣетъ слѣдующій видъ:

¹⁾ V. 4 sq. *Εἰ μὲν οὖν προειδαίμεν [ταύτην] τὴν χώραν ὅμᾶς ἐ[κ] τ[ο]σοούτων ἐτῶν ἔχειν καὶ να[εἰν] | καθ' ἕλον οὐκ ἂν ἐπεσπασάμεθα τὴν κρίσιν [νῦ]ν δὲ ὑπελαμβά[νομεν] | ἐξ ὀλίγο] οὐτινος χρόνου παντελῶς γεγονέναι τὴν ἐπι[κ]τησιν | οὐτω γὰρ ἡμῖν ἐποιούτο τὴν μνησίαν ἐν τοῖς πρότερον [λόγοις] οἱ | τῶν Πριηνέων πρέσβεις. Бекъ вм. *προειδαίμεν* копія предлагаетъ *προ[η]δαίμεν*, однако намъ не кажется это необходимымъ: здѣсь смѣшанный видъ условнаго періода; [νῦ]ν вм. *ἐάν* требуется предыдущимъ „*οὐκ ἂν ἐπεσπασάμεθα*“ и формой *ὑπελαμβά[νομεν]*.*

²⁾ V. 9 sq. *Οἱ μὲν οὖν Πριηνεῖς τὴν μὲν ἐξ ἀρχῆς γεγενημένην αὐ[τοῖς] | κτήσιν τῆς Βα[τ]τινήτιδος χώρας [ἐ]κεδείκν[ου]σιν ἔχ[τε] τῶν [ισ]τοριῶν [καὶ | ἐκ τῶν ἀλλ]λων μαρτυρίων καὶ δικαιωμάτων [καὶ] τῶν ἐξετῶν σπονδῶν. Бекъ читаетъ ΒΑΓΙΝΗΤΙΔΟΣ копія *Βα[τ]τινήτιδος*, не *Βαγίνητιδος*, на основаніи C. I. G. № 2905 A v. 6, гдѣ рѣчь, очевидно, идетъ о той же мѣстности (τοῦ Βατινήτου). Имен. падежъ этого слова, какъ можно думать по аналогіи съ другими словами подобнаго образованія, — *Βατινήτις*, почему удареніе Бека должно считать опанскою или опечаткою.*

³⁾ „V. 13 *scripsi καὶ] τῶν ἐξετῶν σπονδῶν: nam videtur tempus sex annorum inter pugnam Frienensium et Samiorum et bellum a Milesiis et Frienensibus gestum significari; quo tempore inducias fuisse consentaneum est*“. Догадка Бека вполнѣ удачна и съ нею трудно не согласиться: срв. вышеприведенный разказ Плутарха.

⁴⁾ Въ vv. 16—19 упоминается между прочимъ о вѣшателствѣ въ это дѣло *Λυδαία*, подъ которымъ должно разумѣть тирана лиссосскаго, а не карійскаго.

v. 14.....ΡΟΝΔΕΣΥΝΟΜΟΔΟΓΟΥΝΑΙΤ.ΜΙ...ΕΚΜΑΘΟΝΤ.

ΣΑΠΟ.....

v. 15...ΥΝΑΜΕΘΣΤΟΥΣΤΕΛΟΠΟΥΣΕΓΔΙΠΕΙΝ ΤΗΝΧΩΑΝ.....

v. 16.....ΗΣΟΝΑΠΟΧΩΡΗΣΑΙ

Возстановленіе Бѣка:

v. 14 πρότε]ρον δὲ συν[ω]μολόγουν α[ὐ]τ[οὺς Σα]μί[ου:] εἰ[μ]β[α]λ[ό]ντας ἀκο-
[βαλεῖν π.

v. 15 οὐδὲ τῆς δυνάμεως, τοὺς τε λοιποὺς ἐγλιπεῖν τὴν χω[ρ]αν [ταύτην

v. 16 καὶ εἰς τὴν ν]ῆσον ἀποχωρῆσαι.

v. 19 s. f.

ΤΟΥΤΟΝ.....

v. 20.....ΕΝΟΝΠΡΟΣΕΝΕΓΚΑΣΘΑΙΠΡΙΗΝΕ.....ΥΣ

v. 21.....ΑΣΣΑΜΙΟΥΣΠΑΡΕΛΕΣΘΑΙΤΗΓΧΩΡΑΝΑ. ΤΩΝ

v. 19 s. f.

τούτ[ω]ν [δὲ ὅτι-

v. 20 ερον διὰ τὸ κατὰ πόλ]ε[μ]ον προσενέγκασθαι Πριηνε[ῦσιν το]ῦς

v. 21 [Μιλησίους οὐσης στρατείας, Σαμίους παρελίσθαι τῇ χώραν α[ὐ]τῶν.

Въ примѣчаніи къ v. 14 Бѣкъ говоритъ: „*πρότερον restitui ad easdem inducias* (то-есть, къ шестилѣтнему перемирію): *ibidem α[ὐ]τῶς non placet: cetera restitui ita, ut haec pertinerent ad eandem pugnam**.

Онъ, какъ видно изъ сопоставленія копій съ его транскрипціей, довольно свободно обращается съ копіей (напримѣръ, вм. ἐκμαδόντ[α] копіи ставить εἰ[μ]β[α]λ[ό]ντ[α]ς и т. п.), что объясняется крайне неудовлетворительнымъ ея состояніемъ ¹⁾. Единственною точкой опоры для возстановленія указанныхъ строкъ служить разказъ, приводимый Плутархомъ, и еслибы онъ не сохранился, то не было бы никакой возможности возстановить ихъ сколько-нибудь правдоподобно. Какъ ни остроумны догадки Бѣка, однако вопросъ о томъ, что было дѣйствительно врыѣзано на камнѣ, остается открытымъ, и рѣшенію его можетъ нѣсколько помочь только новая, болѣе тщательная копія оригинала. А до этого приходится остановиться на возстановленіи Бѣка, такъ какъ зѣкъ съ имъ ощущаемъ по крайней мѣрѣ подъ собою нѣкоторую почву въ извѣстіи древняго автора. Въ это возстановленіе должно однако внести небольшое измѣненіе: вм. [πρότε]ρον συν[ω]μολόγουν α[ὐ]τ[οὺς Σα]μί[ου:] v. 14 лучше читать [πρότε]ρον συνομολογ[εῖ]ν κτλ., такъ какъ чтеніе Бѣка даетъ неудовлетворительный смыслъ.

¹⁾ Срв. слова Бѣка въ началѣ примѣчаній къ № 2254.

Вполнѣ естественно ожидать, что принцы для доказательства своихъ правъ будутъ указывать на то обстоятельство, что „сами самосцы соглашались“ съ ними, признавали свои потери на материкѣ. При чтеніи Вѣка, „соглашались“ слѣдуетъ относить къ принцамъ: странно, что послѣдніе „соглашаются“ съ тѣмъ, что сами должны были стараться выдвинуть на первый планъ. Въ vv. 14—25 мы имѣемъ дѣльный рядъ неопредѣленныхъ наклоненій, и всѣ ихъ, какъ и *συνολογ[εῖν]*, можно принимать за *infinitivi orationis obliquae* въ зависимости отъ предыдущаго „[εἰ]πεδείκν[ου]σιν“.

„Быль посланъ принцами“, читаемъ далѣе въ ихъ доводахъ, — „Віантъ для переговоровъ о перемиріи съ самосцами. Онъ примирилъ города на слѣдующемъ условіи: кто гдѣ раньше жилъ, тамъ ему и остаться“¹⁾.

Вслѣдъ за доводами принцевъ въ надписи идутъ доказательства самосцевъ, старавшихся, конечно, опровергнуть свидѣтельства враждебной стороны. Они, къ сожалѣнію, прерываются въ самомъ началѣ, такъ какъ остальная часть надписи не дошла до насъ. ΜΧΙΔΙΟΥΣ... представляетъ послѣднее изъ сохранившихся словъ, къ которому Вѣкъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „videtur ad illos mille Samios occisos referendum, de quibus supra dixi“, то-есть, приводитъ въ связь съ извѣстіемъ Плутарха. Догадка эта заслуживаетъ вниманія; замѣтимъ кстати, что въ оригиналѣ передъ *χιλίων* стояло не Μ, а вѣроятно Ν, такъ что все слово было, можетъ быть, [*ἀπέκτεινα*]Ν, [*ἀπέβαλο*]Ν и т. п.

Теперь мы займемся разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, къ какимъ именно годамъ III столѣтія слѣдуетъ относить разсмотрѣнную надпись и на чью сторону склонились всѣы Лисимахова суда.

Лисимахъ, избранный третейскимъ судьей въ распрѣ, былъ убитъ лѣтомъ 281 года, откуда ясно, что позже этого момента времени документъ явиться не могъ. Если припомнимъ вкратцѣ вѣкоторыя историческія событія 80-хъ годовъ III в., то увидимъ, что съ 287 г. Лисимахъ былъ не только Фракійскимъ, но и Македонскимъ царемъ; въ этомъ же году войска его сражаются противъ Димитрія въ Ма-

¹⁾ vv. 22—25: *πεμφθῆναι οὐκ παρὰ τῶν Πριηνέων Βίαντα περί διαλύσεων τοῦ Σα[μίους] ὑπὲρ τῆς χώρας ταύτης. τὸν δὲ διαλύσαι τε τὰς πόλεις, καὶ τοὺς οἰκοῦντας* — — — ὑπὲρ τῆς Βα[τ]τινηίδος χώρας, πρότερον μὲν ὅτις φ[ι]χρησέεινα, τοῦτους καὶ μ[ένειν] ἐν τοῖσις. Имя принискаго мудреца вполнѣ отчетливо читается въ копіи, и всѣ указанныя здѣсь дополненія должны считаться въ общихъ чертахъ безусловно вѣрными.

лой Азии; для послѣдняго сперва идутъ удачно, но уже въ 286 году ему приходится плохо, и въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ Лисимахъ, врагъ котораго, Поллоркитъ, въ 283 г. уже умеръ. Гг. 285—281 должно считать временемъ, когда вліяніе Македонскаго царя въ Малой Азии послѣ побѣды надъ грознымъ борцомъ было весьма сильно. Вполнѣ естественно предполагать, что именно въ этотъ промежутокъ времени іонійскіе города обращались къ суду Лисимаха, а не когдѣ либо другаго.

Отсюда слѣдуетъ, что болѣе основаній относить Лисимахово посланіе къ послѣднимъ годамъ его жизни. Къ этому мнѣнію склонялся и Бѣкъ въ слѣдующемъ краткомъ замѣчаніи: „*Repetitam Priensium et Samiorum litem esse, quum Lysimachus Thraciae rex¹⁾ Asiam minorem teneret, docet haec inscriptio*“.

Что спорная земля (ή Βατινήτις χώρα) была судомъ Лисимаха присуждена самосцамъ, въ этомъ, какъ думаемъ и постараемся доказать, едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

До Бѣка этотъ вопросъ рѣшался неправильно, самъ Бѣкъ измѣнялъ свои мнѣнія о немъ и въ концѣ концовъ не произнесъ рѣшительнаго сужденія въ томъ или другомъ смыслѣ, склоняясь однако на сторону вѣрнаго взгляда. Въ примѣчаніяхъ къ № 2254 онъ говоритъ: „*Lysimachum Priensibus adjudicasse dicionem (то-есть, η Βατινήτις χώρα) discimus ex actis, quae in Priensium titulis edemus*“ (то-есть, въ № 2905).

Въ эту ошибку онъ былъ введенъ, по собственному сознанию, ображеніями Чандлера и Панюфки, лишенными всякаго основанія. Послѣдніе ссылались на одну изъ надписей, содержащихъ родосскій судъ надъ Самосомъ и Приной (C. I. G. № 2905 В. vv. 7—8), но въ ней идетъ рѣчь, какъ увидимъ ниже, вовсе не о Ватинитѣ, а о Каріѣ. Отвергнувъ невѣрное мнѣніе указанныхъ изслѣдователей, которому раньше онъ самъ слѣдовалъ, Бѣкъ замѣчаетъ: „*apud Lysimachum agebatur de terra Batinetide, quam utris addiderit Lysimachus, non constat; tamen quod Lysimachi iudicium publice inscriptum apud Samios est, et ob ea, quae n. 2254 vs. 4—6. a Lysimacho dicta sunt, nunc mihi probabilius est Samiis fuisse Lysimachum*“.

Итакъ, мнѣніе, что выиграли процессъ самосцы, а не приинцы, кажется Бѣку лишь болѣе вѣроятнымъ, но здѣсь онъ обнаруживаетъ излишнюю осторожность.

¹⁾ Должно добавить, что Лисимахъ тогда былъ не только Thraciae, но и Macedoniae rex.

1) Лисимахъ приступаетъ къ новому разсмотрѣнiю спорнаго вопроса съ замѣтнымъ неудовольствiемъ, какъ бы для исполненiя лишь формальности (это видно изъ vv. 10.11); не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это лишь пересмотръ прежняго рѣшенiя и притомъ рѣшенiя въ пользу самосцевъ (иначе принцы не обратились бы къ царю съ жалобой). Едва ли бы Лисимахъ измѣнилъ своему первому рѣшенiю: боянь потерять авторитетъ судьи, непоколебимаго въ своихъ приговорахъ, должна была отклонять его отъ этого неосторожнаго шага. Если мы сравнимъ Лисимаховъ судъ съ судомъ родосскимъ по дѣлу о Карiѣ, то увидимъ аналогичное явленiе: два раза переносятся споръ на судъ родосскаго народа, и оба раза овъ произноситъ одно и то же рѣшенiе.

2) Еще болѣе убѣдительно свидѣтельствуютъ въ пользу защищаемаго положенiя vv. 4—8 надписи, понимаемые нами слѣдующимъ образомъ: „еслибы мы (то-есть, Лисимахъ) раньше знали о томъ, что вы (самосцы) столько лѣтъ владѣте этою землею и живете на ней, то мы не трогали бы своего рѣшенiя (то-есть, не пересматривали бы), а теперь мы слышали въ рѣчи принцевъ, будто владѣть этою землею вы начали съ весьма недавняго времени“. Какъ понимать здѣсь выраженiе „ἐ[πὶ τ]οσοῦτον ἐτών“, „столько лѣтъ“? Τοσοῦτος можетъ имѣть значенiя: 1) столь великiй, 2) столь малый. Въ слѣдующемъ предложении ему противопоставляется „съ весьма недавняго времени“, [„ἐξ ὀλίγο] ο ὀλίγος χρόνος“. Слѣдовательно, τοσοῦτος въ данномъ случаѣ имѣетъ значенiе „столь великiй, многiй“.

Лисимахъ, дѣлая указанную оговорку, желаетъ этимъ сказать, что, еслибы овъ раньше (то-есть, когда произносилъ первый свой судъ) убѣдился въ давности владѣнiя самосцевъ, то овъ и не сталъ бы пересматривать теперь дѣла, а прямо отказалъ бы принцамъ въ ихъ просьбѣ. Иначе понимать слова Лисимаха—трудно; понимая же такъ, необходимо допустить, что Македонскiй царь былъ на сторонѣ самосцевъ и въ пользу послѣднихъ рѣшилъ дѣло.

3) Къ тому же заключенiю должно вести, наконецъ, слѣдующее соображенiе: камень съ надписью найденъ на островѣ Самосѣ, гдѣ былъ выставленъ, по греческому обычаю, въ храмѣ наиболѣе почитаемаго божества ¹⁾, то-есть, въ такъ называемомъ "Ἡραίου (въ над-

¹⁾ Такимъ божествомъ на Самосѣ была Ира, храмъ которой ("Ἡραίου) существовалъ до позднѣйшихъ временъ. О немъ говорятъ не только древнiе авторы, но и надписи. Здѣсь выставлялись государственные акты, что ясно изъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ.

писяхъ τὸ ἱερὸν τῆς Ἴρας). Едва ли бы самосцы сохраняли такой документъ, въ которомъ содержалось неприятное для нихъ рѣшеніе. Мы увидимъ далѣе, что родосскія надписи съ рѣшеніемъ благопріятнымъ для принцевъ найдены въ Приннѣ. То же самое должно думать и о Лисимаховомъ посланіи.

Всѣ эти соображенія, которыя отчасти были уже высказаны Веккомъ, заставляютъ признать, что Лисимахъ рѣшилъ дѣло въ пользу Самоса и присудилъ Ватинитъ самосцамъ.

Перечислимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ изученіе исследованнаго эпиграфическаго документа.

Во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ III вѣка до Р. Хр. произошло столкновеніе между Самосомъ и Принпой изъ-за владѣній на материкѣ. Предметомъ спора была мѣстность, носившая названіе Βατινήτος. Въ распрѣ враждующія стороны слишкомъ ожесточились, и потребовалось вмешательство третьяго лица, чтобы успокоить взволнованныя страсти. Въ это время въ Малой Азійѣ властнымъ авторитетомъ былъ царь Лисимахъ, къ которому и обратились взоры сторонъ. Дѣло было перенесено на его судъ, и онъ изрекъ рѣшеніе, по которому Ватинитъ переходилъ во владѣніе самосцевъ. Этимъ приговоромъ остались недовольны принцы: они отправили къ царю посольство съ просьбой пересмотрѣть дѣло. Лисимахъ, хотя и неохотно, просьбу ихъ исполнилъ и стороны выслушалъ. Принцы старались увѣрить судью, что право давности владѣнія принадлежитъ имъ, самосцы присвоивали его себѣ. Какъ ни убѣждали принцы царя въ своей правотѣ, ссылаясь на разныя свидѣтельства, опираясь на авторитетъ Віанты, судебная мудрость котораго была прославлена Иппонактомъ и считалась среди грековъ общепризнанною: ничто не могло заставить Лисимаха измѣнить своему первому рѣшенію. Ватинитъ остался за самосцами, которые, получивъ „Лисимахово посланіе“, стали бережно хранить его въ своемъ храмѣ Иры, какъ прямое доказательство правъ собственности на спорную землю.

Спустя нѣсколько десятилѣтій опять между самосцами и принцами поднялась ссора, на этотъ разъ изъ-за Карія. Опять былъ избранъ судья—родосскій народъ; но новый судъ былъ счастливъ для принцевъ.

Обратимся къ надписямъ, содержащимъ въ себѣ судъ родосскаго народа, произнесенный имъ по поводу споровъ между принцами и самосцами. Фрагменты трехъ надписей найдены въ мѣстности,

гдѣ когда-то стоялъ древній городъ Принна (нынѣ Самсунъ-Калеси), среди развалинъ храма Аѳины Полиады. Онѣ далеко не часто копировались съ оригиналовъ, и лишь одну изъ нихъ мы имѣемъ въ довольно новой копіи, болѣе исправной, чѣмъ старья ¹⁾).

Наиболѣе полный сводъ этихъ надписей даетъ сборникъ Ле Ба—Ваддингтона ²⁾); ранѣе того онѣ были изданы Бѣкомъ въ *Corpus I. Gr., v. II, № 2905 A. B. C. D. E.*, но сюда не вошелъ № 205 сборника Ле Ба. Кромѣ одной, выше указанной, всѣ остальные, на сколько намъ извѣстно, послѣ Ле Ба не подвергались провѣркѣ по оригиналамъ, такъ что его чтенія представляютъ послѣднее слово по этому вопросу. Съ извѣстныхъ ранѣе копій онѣ, за исключеніемъ № 205 Ле Ба (эта надпись представляетъ фрагментъ, содержащій одни собственные имена) перепечатаны во 2-мъ изданіи диалектологическаго сборника Кауера ³⁾ подъ №№ 178—179.

Такъ какъ намъ придется довольно часто останавливаться на толкованіи самаго текста надписей, то считаемъ наиболѣе удобнымъ дать его сполна съ возможно точнымъ переводомъ.

I.

C. I. G. № 2905 E. 5. — *Le Bas, Voyage arch., III, № 189.* — *Papadopoulos Kerameus, Mittheil. d. D. arch., Inst., V (1880), p. 339 A¹ 4).* — *Cauer², № 178.*

..... ληται Κάριον καὶ τ]ὰμ [περὶ
αὐτὸ χῶ]ραν ἐπέμειν Πριανέων. Τὰν δὲ ἀπόφα[σιν
δόντ]ας ὑπὲρ τούτων καὶ ποιήσαντες ἀντίγραφα [δ-
ύ]ο, δεδώκαμεν τὸ μὲν ἐν τοῖς πρυτάνεσι τοῖς Σαμίω[v]

Б. Протоμάχφ Τρίτωνος, Σιμαλίωσι Εὐ[φ]ράνορος, Θεο-

¹⁾ *Papadopoulos Kerameus, Mittheil. d. D. arch. Inst. V (1880) p. 339=Le Bas, Voyage arch., III, № 189.*

²⁾ *Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure..... par Ph. Le Bas et W. Waddington. 1863. III, №№ 189—194 и № 205.* Изъ нихъ №№ 190—194 относятся къ одной надписи, остальные фрагменты принадлежать различнымъ надписямъ.

³⁾ *P. Cauer, Delectus inscriptionum graecarum propter dialectum memorabilium. Изд. 2-е. 1883.*

⁴⁾ В¹—фрагментъ въ 5 строкъ, которыхъ возстановить почти не возможно, такъ какъ въ нихъ сохранилось весьма мало буквъ. Вероятно, здѣсь говорилось о какихъ-то судахъ или судьяхъ. Этотъ фрагментъ, по словамъ Пападопуло-Керамеса, позднѣйшаго происхожденія.

μνήστφ Ἰσοκράτους, Ἡγεπόλει Ἀντιπάκπου, Λοσιμά-
 χφ Διονυσίου καὶ τῶ γραμματεῖ τὰς βουλᾶς Μενίπ-
 [π]φ Κλέωνος, ὡς μὲν Ῥόδιοι ἄγοντι ἐπὶ ἱερέως Πρατο-
 [φ]άνευς, ὡς δὲ Σάμιοι, ἐπὶ δαμοουργοῦ]

10. [τὸ δὲ ἄλλο δαδῶκαμεν τοῖς προτάνεσι τῶν Πριανέων]
 [ὡς μὲν Ῥόδιοι ἄγοντι ἐπὶ ἱερέως Πρατοφάνευς, ὡς]
 [δὲ Πριανεῖς, ἐπὶ στεφαναφόρου]

Варианты копій и примѣчанія въ тексту.

V. 1 совсѣмъ отсутствуетъ въ копіяхъ, которыми пользовался Бѣкъ; впервые далъ его Le Bas въ своей копіи ¹⁾. V. 2. — — — *αὐ* *ἐπεῖμειν* [Πριανέων Boeckh, *χωφραν* Le Bas, *χωφραν* Paradourulos. [Πριανέων Le Bas, Πριανέων Paradourulos.—V. 3. *συγγραφαντες* Boeckh. *δόντες* Le Bas. *ΕΣ* Paradourulos.—V. 4. *εἰδῶκαμεν* Le Bas. *ΕΔΩΚΑΜΕΝ* Paradourulos.—V. 6. очевидно, совсѣмъ былъ пропущенъ въ копіяхъ, которыми пользовался Бѣкъ. — *Ἰσοκράτους* Le Bas, *Ἰσοκράτους* Paradourulos.—V. 8. *ἐπὶ ἱερέως* Boeckh ²⁾, Le Bas. *ΕΠΙΕΡΕΩΣ* Paradourulos. Мы не рѣшились ввести чтеніе послѣдняго, такъ какъ въ болѣе тщательныхъ копіяхъ родосскихъ надписей обыкновенно читаемъ *ἐπὶ ἱερέως* ³⁾. Можетъ быть, колебаніе между тою и другою формою было въ самыхъ оригиналахъ (срв. *ἐπ' ἱερέως* довольно часто, одинъ разъ *ἐφ' ἱερέως* въ C. I. G. II, Praefatio, pp. IX, XII). Чтеніе *ΕΠΙΕΡΕΩΣ* нельзя передавать въ транскрипціи *ἐπ' ἱερέως*, какъ это нинѣ дѣлаютъ, но, конечно, *ἐπ' ἱερέως* ⁴⁾. — V. 9. *Πρατοφάνευς*? Le Bas, *Parad.* *Πρατοφάνευς*—наша догадка на основаніи родосскихъ надписей, гдѣ встрѣчается не разъ имя жреца *Πρατοφάνης* ⁵⁾, тогда какъ *Πρατοφάνης* намъ ни разу не попадалось въ нихъ, ни какъ названіе жреца, ни какъ имя какого-либо родосца. — *ὡς δὲ Σάμιοι ἐπὶ...*

¹⁾ Панадопуло Керамевсъ не даетъ транскрипціи и дополненій, а одну лишь копію, въ которой v. 1, такъ же, какъ въ копіяхъ Бѣка, отсутствуетъ; въ примѣчаніи къ надписи онъ не касается совсѣмъ первой строки, по копіи Le Bas.

²⁾ Въ копіяхъ Бѣка, какъ и у Панадопуло-Керамевса, *ΕΠΙΕΡΕΩΣ*; въ транскрипціи *ἐπὶ ἱερέως*.

³⁾ Срв. *The journal of hellenic studies*, vol. II (1881), p. 354 (On an unedited Rhodian inscription) v. 29 *ΕΠΙΕΡΕΩΣ*.

⁴⁾ Срв. *Sammlung d. griechischen Dialekt-Inschriften v. Collits*, III B., IV Heft, I Hälfte, *Telos* № 3486: *ἐπ' ἱερ[ε]ως Ἀγλ[ω]κρίτου*.

⁵⁾ C. I. G. II, 2 Praef. p. XII (*Tabula I Rhodiorum*), 387, 388, 389. *Ἐπὶ Πρατοφάνους Σμινθίου. Ἐπὶ Πρατοφάνους. Ἐπὶ [Π]ρατοφάνους*.

Βοεσκῆ. ὡ; δὲ Σάριοι ἐπὶ δαμιουργοῦ Waddington вполне правильно, такъ какъ „δημιουργός“ въ Самосѣ имѣлъ такое же значеніе, какъ „ἱεραὺς τοῦ Ἄλλιου“ въ Родосѣ, то-есть, былъ эпонимомъ ¹⁾. — V. 10. ἀπεδώκαμεν τοῖς . . . τῶν Πριανέων Βοεσκῆ. ἔδωκαμεν ταῖς πρυτάνεσι? τῶν Πριανέων Waddington.—V. 12. Въ Принѣ эпонимомъ былъ „στέφανηφόρος“ ²⁾; но изъ надписей не видно, жрецъ какого именно божества имѣлъ такое значеніе. Съ наибольшею вѣроятностью можно думать, что эпонимомъ здѣсь былъ „στέφανηφόρος Ἀπόλλωνος“ ³⁾ (срв. надписи Іаса, гдѣ эпонимъ носитъ названіе „στέφανηφόρος Ἀπόλλωνος“). Кромѣ Принны и Іаса, стефанифоры были эпонимами въ Олимпѣ, Миласахъ, Афродисіадѣ, Стратоникіи. Vv. 9—12 дополнены какъ Бѣкомъ, такъ и Ваддингтономъ на основаніи аналогичныхъ формулъ въ другихъ надписяхъ подобнаго типа.

Переводъ. „ Карій. и его окрестности (букв. страна вокругъ него) должны принадлежать прианцамъ. Давъ свое рѣшеніе 'объ этомъ и приготовивъ двѣ копіи, мы (то-есть, родосцы) одну изъ нихъ вручили пританамъ самосцевъ—Протомаху сыну Тритона, Сималіону с. Евфранора, Θεομνίστου с. Исократа, Игеполіу с. Антипаппа, Лисимаху с. Діонисія и секретарю совѣта Мениппу с. Клеона, по родосскому счету (времени) въ жречество Пратофана, а по самосскому въ дамиургію . . . , другую копію дали прианцамъ, по родосскому счету въ жречество Пратофана, а по прианскому въ стефанофорию“.

Отъ этой надписи сохранилась, очевидно, одна лишь конечная ея часть, содержащая въ себѣ приговоръ родосцевъ по дѣлу самосцевъ и принцевъ („Κάριον—Πριανέων“), которые выиграли процессъ: спорная земля была присуждена имъ. Составъ надписей, аналогичныхъ съ разбираемою, ведетъ къ заключенію, что сохранившейся части документа предшествовало изложеніе доводовъ спорящихъ сторонъ; затѣмъ родосцы отъ своего лица говорили: на основаніи такихъ-то и такихъ-то причинъ мы присуждаемъ и т. д.

¹⁾ См. примѣчаніе Ваддингтона къ № 189, кромѣ того, G. Gilbert, Handbuch d. griechischen Staatsaltertümer, II, p. 152. Объ эпонимѣ жреца Солнца въ Родосѣ ср. Dittenberger, De sacris Rhodiorum, p. II (1887), pag. XII.

²⁾ См. *Le Bas—Waddington*, III, №№ 200, 201, 202 (прианскія надписи) и № 191 (родосская надпись).

³⁾ О культѣ Аполлона въ Принѣ свидѣтельствуетъ извѣстная надпись у *cochl.-я* I. G. ant. № 385, въ которой Аполлонъ названъ Принскимъ (Τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Πριανῶντι).

Въ старинныхъ сочиненіяхъ, касающихся надписей о спорахъ Самоса и Приины, можно встрѣтить отрицаніе принадлежности этихъ документовъ Родосу ¹⁾, но со времени Бёка это отрицаніе было оставлено, какъ грубое заблужденіе, и теперь родосское происхожденіе надписей считается общепризнаннымъ фактомъ. Главными основаніями современнаго взгляда должно признать: 1) формулу обозначенія времени въ разобранномъ документѣ и 2) его диалектологическія особенности.

Въ надписяхъ, поводомъ къ появленію которыхъ послужили „*δίκαι ἑκκλητος*“, при обозначенія времени „судьи“ на первомъ мѣстѣ обыкновенно ставятъ принятое въ нихъ политинъ. Къ такому выводу пришелъ уже Бёкъ, примѣчаніе котораго къ С. I. G. № 2265 ²⁾ должно быть признано безусловно вѣрнымъ: „*Solebant autem*“, говоритъ онъ здѣсь, „*ἑκκλητου δίκης iudicis notae temporum subscribi quae in tribus illis obtinerent civitatibus et iis, quarum causa ageretur, et iudicante; primo vero loco suam temporum notationem subscribebant iudices*“. Обращаясь къ разсматриваемой надписи, видимъ, что и), первомъ мѣстѣ стоитъ обозначеніе времени по родосскому счету (v. 8), откуда слѣдуетъ, что судьями были родосцы. Очевидно, документъ — родосскаго происхожденія. Диалектъ его также отличается особенностями, свойственными родосскому говору. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе главнымъ образомъ двѣ формы: *ἀκείμεν* и *Ἰσοκράτεος*. Infinitivi съ окончаніемъ „*μεν*“ составляютъ, на сколько намъ извѣстно, исключительную особенность диалекта родосскаго и колоній Родоса ³⁾. Что касается второй формы, то почти въ каждой родосской надписи можно встрѣтить подобное видоизмѣненіе окончанія „*ος*“ собственныхъ именъ въ „*εος*“. Не дорическія формы *Προτομαχος*, *Ἠγέπολις*, *Θεόμνητος* объясняются здѣсь тѣмъ общезвѣстнымъ обычаемъ, въ силу котораго nomina propria сохраняли большую частью форму диалекта того города, которому принадлежала явѣстная личность (пританы — самосцы).

¹⁾ Изъ ученыхъ до Бёка, старавшихся доказать принадлежность памятниковъ Приины, можно указать, напримеръ, на Чандлера.

²⁾ Въ этой надписи ерлерійцы выступаютъ въ роли „*κόλις ἑκκλητος*“, родосцы и наксосцы — враждующія стороны.

³⁾ Cf. *G. Meyer, Griechische Grammatik*, 2-te Aufl. § 596.

II.

C. I. G. № 2905, 2 (A).—Le Bas, Voyage arch. III, № 190—191.—Cauer² 179a.—C. I. G. № 2905, 3 (B), 4 (C), 1 (D).—Le Bas, Voy. arch. III, № 192—194.—Cauer² 179b.

1. Σάμον ἀ[π]ε[λθόντ]α τόνδε καὶ καθ' ὄν καιρὸν.
2. ἐπιστολὰς ὑπὸ Ἀγησάρχου, ἐν αἷς ὑπὲρ μὲν ἰδιω[τικῶν ἀμφισβασιῶν ἐλέγετο, ὑπὲρ δὲ τοῦ Καρίου]
3. καὶ τὰς περὶ τὸ Κάριον χώρας οὐθεὶς ἀμφεσβάται· [νῦν δὲ τοὺς Σαμίους ἀντιλέγειν πρὸς τὸν ἀφορισμὸν]
4. τὸν Ῥοδίῳ, ἐγκαλοῦντας ὅτι χώρας τε πληθῶς ἀφωρίζαντο Πριανεῦσι παρά τὸ δίκαιον καὶ μάλιστα τὸ]
5. Κάριον, ὑπὲρ οὗ νῦν διακρίνεσθαι. Οἱ δὲ Σάμιοι τὰ τε [τῶν ἰστ]ο[ρι]ο[γράφων μαρτύρια ὑφαγ]ήσαντο
6. καθ' ἃ καὶ ἐπὶ τὰς κρίσεις τὰς ὑπὲρ τοῦ Βατινήτου, ἀπὸ [τούτων π]ειρ[οῦμενοι] δεικνύειν διότι
7. τὸ Κάριον καὶ ἃ περὶ τοῦτο χώρα αὐτοῖς ἐπικλα[ρωθεῖη καὶ καθ' ὄν καιρ]ὸν διαιροῦντο τὰν τῶν Μελιέων
8. χώραν, λαχεῖν αὐτοῖς Κάριον καὶ Δροῦσ[σ]αν κ[ατὰ τὰ ἐν ταῖς ἐπι]γραφομέναις Μαιανδρίου τοῦ Μι-
9. λησιῦ ἱστορίας καταχωρισμένα, „διότι λάχο[μεν Κάριον καὶ Δρ]υ-οῦσαν.“ μετὰ τε τὰν παράταξιν
10. τὰν γενομένων αὐτοῖς ποτὶ Πριανεῖς ἐπὶ Δροῖ καὶ [πᾶσαν] ταύταν τὰν χώραν ἐν ταῖς συνθήκαις
11. αὐτῶν γενέσθαι· ὀρίξασθαι γάρ ποτ' αὐτοῦς· ὡς ὑ[φ]εξείλ]οντο ἱστοριογράφους τοὺς μαρτυ-
12. ροῦντας [αὐτοῖς], ὅτι μὲν τὸ Κάριον ἔλαχον μετὰ τὸν Μαιάνδριον, δ[ε] διωρίζαντο ποτὶ τοὺς
13. Πριανε[ῖς, τ]ῶν Ῥοδί[ων] Ἐδάγωνά τε καὶ Ὀλύμπιχον [καὶ] .. λοιπὸν [τὸ] δὲ Κάριον ἔφασα[ν εἶμε]ν αὐτῶν, κατὰ.
-
14. ἐκπασεῖν μὲν Καρ[ί]ου, τὰ δὲ δαμ[ύ]σια καὶ [καὶ ταῦτα ἐγένετο ἐπὶ στεφανασφ]-
15. ρου Δύκου, ὅς ἐστι ἀπὸ Μακαρέως τέταρτος· ποτὶ δὲ τὸν Λυσίμαχον ἀγ[α]γόντων τὰν ἀμφισβασίαν ἐπὶ στε]-
16. φαναφόρου τοῦ Θεοῦ τοῦ μετὰ Νίκανδρον, ὅς ἐστι ἀπὸ Δύκου πεντε[κ]αιδέκατος, τὰν περὶ τοῦ Βατινήτου, καὶ]

17. ἐχόντων αὐτῶν καὶ τὸ φρούριον καὶ τὰς χώρας τὰς περὶ τὸ φρούριον
[τὸ πλήθος ἔτη]
18. καὶ δύο, οὐκ ἀγανακτῆσαι τοὺς Σαμίους, οὐδ' ἀποστεῖλαι ποτ' αὐτοὺς
περὶ τούτων, ἐμμένοντας τοῖς δια-
19. κημένοις, ἀλλὰ ἀμφισβασίας μὲν ποτ' αὐτοὺς ἰδιωτικὰς γεγόνειν, [περὶ
δὲ τοῦ φρουρίου οὐκ ἀμφισ-]
20. βατήκειν τοὺς Σαμίους, ἀλλὰ τοῦναντίον ἐν τῷ ποτὶ Δουσίμαχον ἀκουσ-
ματι συγχεχωρήκειν ὅτι]
21. Πριανεῖς ἔχοντι τὰν αὐτῶν χώραν· μετὰ δὲ τὰν ἀναφερομένην [ἐπὶ
Δουσίμαχον δίκαν οὕτως δια]-
22. γενομένων ἐτῶν πλειόνων, βασιλεύοντος Ἀντιόχου τοῦ Ἀντιόχου
[τοῦ ποταγορευθέντος Θεοῦ, περὶ τού-
23. των] πέμψαι ποτ' αὐτοὺς Σαμίους [πρέσβεις λέγοντας ὅτι] ἐν παρ-
ορίᾳ
24. θα περὶ
25. τ
26. Ἀντιόχον τὸν βασιλῆν ὑπὲρ τὰς κρίσεις
27. Σάμον ἔ[χ]οντας καὶ πάλιν ἐπ' Ἀντιόχου τοῦ βασιλέως
28. [πέμψαντας πρέσβεις τοὺς καταγοροῦντας Πριανέων περὶ τοῦ παρορί-
ζεσθαι τὰς χώραν, ὑπὲρ τοῦ φρουρίου τοῦ-
29. [τοῦ οὐκ ἀμφισβαστήκειν χρόνον δὲ ὕστερον καὶ ποτ' Ἀντιόχον τὸν
ὑπὸ βασιλέως Πτολεμαίου τεταγμένον .
30. [ἐπὶ τῶν πόλεων τοὺς Σαμίους περὶ τούτου τοῦ φρουρίου οὐθέν εἰρη-
κότας· καὶ διὰ τὰς ἄλλας αἰτίας τὰς κατα-
31. [χεχωρισμένας ὑπὸ Πριανέων, συγχωροῦντες αὐτοὺς ἀ]φ' οὗ τὰμ πόλιν
οἰκοῦντι παραδεικνύοντας, ὅτι τὸ φρούριον .
32. [καὶ τὰς περὶ τὸ φρούριον χώραν ἔχοντι, γινώσκομεν πάντα δίκαια τὰ
εἰρημμένα ὑπὸ Πριανέων καὶ καταχεχωρισμέ-
33. να, καὶ κρίνομεν τὸ φρούριον τὸ ἀμφισβαστούμενον καὶ τὰν περὶ] τὸ
φρούριον χώραν εἶμειν Πριανέων.
34. Ὅρους δὲ ἀπεδείξαμεν τὰς τε Σαμίας καὶ Πριανίδος χώρας ἀρχό-
μενοι, ὡς μὲν Σάμιοι ποταγορεύονται, ἀπὸ τῶν
35. κατὰ Σανιδεῖαν τόπων, ὡς δὲ Πριανεῖς, ἀπὸ Θινίχου πάγου, τὸν πρῶ-
τον λόφον τὸν πετρώδη, τὸν ὑπερκαί-
36. μενον ὑπὲρ τὰ ἐργάσιμα, ἐφ' οὗ καὶ ὄρον ἐπεκολάψαμεν· ἐφ' ὃν ἀνα-
τείνει ἡ ἐκ τοῦ παρακειμένου ποταμοῦ
37. φάραγξ ἡ ἀναφέρουσα παρὰ τὰ ἐργάσιμα, ἧς μεταξὺ καὶ τοῦ προγε-
γραμμένου λόφου ἄλλον ὄρον ἐπὶ πέτρας

- 38.. ἐπεκολάψαμεν· ὥστε τὰ μὲν ὑπὸ τὸν λόφον καὶ τὰμ φάραγμα καὶ
 τὸυς ἐπικολαφθέντας ὄρους εἶμειν Σαμίῳν,
 39. τὰ δὲ ὑπὲρ τὸν λόφον καὶ τὰν φάραγμα καὶ τὸυς ἐπικολαφθέντας
 ὄρους εἶμειν Πριανέων. Ἀπὸ δὲ λόφου τοῦ
 40. πρᾶτου ἀποδειχθέντος, ὅς ἐστι ὑψηλότατος, ἄλλον ὄρον ἐπεκολάψαμεν
 ἐν τῷ καταλήγοντι τοῦ λόφου· ἀπὸ δὲ τούτου
 41. ἐπ' εὐθείας ἄλλον ἐθήκαμεν ὄρον· ἀπὸ δὲ τούτου ἐπ' εὐθείας πάλιν
 ἐθήκαμεν ὄρον· ἀπὸ δὲ τούτων ἐπ' εὐθείας ἄ φάραγι
 42. ὀρίζει ἔστε τὸν ὄρον, ὃν ἐθήκαμεν παρὰ τὰν φάραγμα· ἀπὸ δὲ τούτου
 ἀναβαίνουσι ποτὶ τὸν πετρῶνα ἄλλον ὄρον
 43. ἐπεκολάψαμεν εἰς τὸν πετρῶνα· ἀπὸ δὲ τούτου ἐν τῷ πετρῶνι ἄλλον
 ὄρον ἐπεκολάψαμεν· ἀπὸ δὲ τούτου, ὡς
 44. παραφέρει παρὰ τὸν βουνόν, εἰς τὸ ἀπολήγον αὐτοῦ ὄρους ἐπεκο-
 λάψαμεν· ἀπὸ δὲ τῶν ἐγκολάπτων ὄρων εἰς τὸν ἀπέ-
 45. ναντι βουνόν· τὸν λεπρόν ἐθήκαμεν ὄρον, καὶ ἀπὸ τούτου παρὰ τὸν
 βουνόν ἔστε καὶ τὰν φάραγα ἐθήκαμεν ἄλλον ὄρον· ἀπὸ
 46. δὲ τούτου [παρὰ τὰν ἀχ]τῶν κατέναντι τοῦ ὄρου διαβάντων τὸν πο-
 τᾶμόν, ἄλλον ἐθήκαμεν ὄρον· ἀπὸ δὲ τούτου ἐπιστρέψαν-
 47. [τες]

Варианты и примѣчанія къ тексту.

Въ основу текста нами положена копія Ле Ва, наиболѣе совершенная изъ существующихъ и изданная въ третьемъ томѣ выше-названнаго сборника „Voyage archéologique“ Вашингтономъ, которому принадлежатъ примѣчанія къ надписи и восстановленія нѣкоторыхъ частей.

У. I. ἀρεδ...α Voeskli, Le Bas. ἀ[π]ε[λθόντ]α паша конъектура. Въ этой надписи, какъ и въ предыдущей, кѣ имѣеть форму Γ, близкую къ Ρ; что вмѣсто Λ Ле Ва и его предшественники могли прочесть Δ, объ этомъ и говорить нечего. Такимъ образомъ, вмѣсто АΓΕΔ, неясно читавшагося на камнѣ, въ копіяхъ получилось ΑΡΕΔ. Всѣ копіи между „δ“ и „α“ оставляють мѣсто для четырехъ буквъ; эти буквы, какъ думаемъ, были θουτ. Можно съ увѣренностью утверждать, что въ оригиналѣ не могло стоять „ἀρεδ...α“ (α если стояло, то по ошибкѣ рѣшника), такъ какъ не существуетъ, на сколько намъ известно, ни одного греческаго слова, которое начиналось бы съ такого сочетанія звуковъ. Невозможность формы заставила насъ предложить вышеуказанную догадку, вполне вѣроятную въ палеографи-

ческомъ отношеніи. Далѣе: α· τὸν δὲ καὶ καθ' ἑ[ν] καὶρὸν Boesckh; α τὸν δὲ καὶ καθ' ὄν καὶρὸν Le Bas; τὸνδε мн. Про всю эту строку Бёкк говоритъ: *Primus partis A versus restitui nullo modo potest.*

V. 2. ἰδω[τικῶν ἀμφισβασίων ἐλέγεται, ὑπὲρ δὲ τᾶς περὶ Δρουόσσαν] Boesckh. ἰδω[τικῶν ἀμφισβασίων ἐλέγεται, ὑπὲρ δὲ Δρουόσσας] Le Bas. ἰδω[τικῶν ἀμφισβασίων ἐλέγεται, ὑπὲρ δὲ τοῦ Καρίου] наша догадка.

Рѣчь здѣсь идетъ о посланіяхъ, доставленныхъ (вѣроятно, въ Родосѣ) Агиссархомъ. Послѣдній, какъ можно согласиться съ Бёкомъ и Ваддингтономъ, былъ однимъ изъ самосскихъ чиновниковъ. Содержаніе этихъ посланій можно точно опредѣлить, такъ какъ дополненія, предлагаемыя въ данномъ мѣстѣ, въ общемъ не подлежатъ никакому сомнѣнію (ἰδω[τικῶν ἀμφισβασίων] на основаніи v. 19). Вмѣсто дополненія „Δρουόσσας“ мы предложили „Καρίου“ на томъ основаніи, что въ этой надписи, какъ и въ предыдущей, рѣчь идетъ не о Друссѣ и странѣ около Карія, а постоянно на первомъ мѣстѣ видимъ Карій и окрестную страну. Быть можетъ, подъ „ἄ περὶ τὸ Κάριον χώρα“ разумѣется не что иное, какъ Δρουόσσα. Нѣкоторымъ основаніемъ для такого предположенія служатъ vv. 7 sq. „Самосцы“, говорится здѣсь, — „старались доказать, будто Карій и окрестная страна досталась имъ по жребію“; далѣе читаемъ: „и когда дѣлили землю меліицевъ, то они получили Карій и Друссу“. Послѣднее обозначеніе является какъ бы тождественнымъ первому, то есть, „Κάριον καὶ ἄ περὶ τοῦτο χώρα“. Во всемъ предложеніи (οἱ δὲ Σάμιοι — διότι λάχονεν Κάριον καὶ Δρουόσσαν) рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же дѣлѣжѣ, а не о двухъ раздѣлахъ, происходившихъ въ разное время, и мысль, сперва выраженная въ общихъ чертахъ, далѣе поясняется точнѣе подробностями.

V. 4. πλήθος ἔχονεν Πριανεῖς Σαμίων ὃν καὶ ἐν τούτῳ τὸ] Boesckh. Читаемое въ сборникѣ Ле Ба-Ваддингтона πλήθος ἀφορίζαντο Πριανεῖσι παρὰ τὸ δίχα[ιον] καὶ μάλιστα τὸ должно считать простой опечаткой, такъ какъ въ копіяхъ Бёка совсѣмъ нѣтъ буквъ Σ Α Φ Ω Ρ Ι Ε Α Ν Τ Ο и т. д. Не можетъ быть, чтобы одни совершенно не видѣли того, что вполне отчетливо разбирали другіе. Изъ способа разстановки скобокъ у Кауера видно, что и онъ думаетъ такъ же.

V. 6. ἀποφρανθῆναι αὐτοῖς παραδείκνουν ὅτι] Boesckh. ἀπό [τούτων π]αφ[ώμενοι] δεικνύουσιν διότι Waddington. [π]αφού[μενοι] Cauer, Bruell. Послѣдній предложилъ эту догадку на основаніи такихъ формъ, какъ τιμῶντες (въ родосской надписи C. I. G., № 2525b, v. 10), τιμῆιν (въ акрагантской C. I. G., № 5491 v. 16).

V. 11. ὡς ὑ[φαγ]έοντο ἱστοριογράφους Boesckh. ὡς δ' [ἐκπερ]όντο Wad-

dington. ω ; $\acute{\upsilon}$ [$\varphi\epsilon\zeta\epsilon\iota\lambda$]ovto наша конъектура. Въ копияхъ, которыми пользовался Бёкъ, стоитъ: $\Omega\Sigma\Delta\dots\text{EONTO}$ ¹⁾. Уже Бёкъ считалъ возможнымъ принимать Δ копiи за Φ , съ тѣмъ мы вполне согласны. Наша догадка основывается на слѣдующихъ соображенiяхъ: въ разбираемой надписи отъ глаголовъ на — $\acute{\epsilon}\omega$ мы встрѣчаемъ только сокращенныя формы, почему окончанiе „ovto“ въ $\acute{\upsilon}\delta\dots\text{ovto}$, по копиямъ, которыми пользовался Бёкъ, должно считать ошибкой копировавшихъ надписи ²⁾; отсюда слѣдуетъ, что глаголъ, здѣсь стоявшiй, долженъ былъ оканчиваться на ovto и что е прочитано вмѣсто другого знака надписи. Невозможность δ послѣ $\acute{\upsilon}$ и е передъ о вызвала указанную конъектуру Ваддингтона, но съ нею мы не могли согласиться: 1) нѣтъ основанiй игнорировать совершенно Υ копiи, какъ это дѣлаетъ упомянутый ученый; 2) смыслъ всего этого мѣста требуетъ предполагать здѣсь глаголъ не съ такимъ значенiемъ, какъ глаголы $\acute{\epsilon}\kappa\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon\alpha$ или $\acute{\upsilon}\varphi\acute{\alpha}\zeta\iota\sigma\tau\omega\alpha$, раньше предлагавшiеся. Vv. 11 — 13 представляютъ одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ документа. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать то или другое дополненiе, необходимо себѣ уяснить, какое слово требуется тамъ, гдѣ стоитъ $\acute{\upsilon}\delta\dots\text{ovto}$, соображенiями логическаго характера. Съ v. 5 надписи ходъ мыслей таковъ: самосцы стараются доказать свою правоту 1) показанiями историковъ (Меандрiй), 2) свидѣтельствами государственныхъ актовъ ($\sigma\upsilon\nu\theta\eta\kappa\alpha$), гдѣ говорилось о раздѣлѣ земель ($\acute{\omicron}\rho\iota\zeta\alpha\sigma\theta\iota\lambda$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\chi\tau\lambda$).

Переводъ этого мѣста слѣдующiй: „Такимъ образомъ они ³⁾. . . историковъ, свидѣтельствовавшихъ имъ, что они получили Карiй „послѣ Меандрiя“, что они раздѣлились съ принцами. . . А Карiй, утверждали они, принадлежать имъ по. . .“ Если вставимъ между „они“ и „историковъ“ предлагаемые Бёкомъ или Ваддингтономъ глаголы, имѣющiе одинаковый смыслъ, то получимъ нѣчто, довольно странное: родосцы говорятъ про самосцевъ, что послѣднiе „такимъ образомъ“ (указанiе на предыдущiя слова) основывались на показанiяхъ ис-

¹⁾ Сколько буквъ могло бы помѣститься между Δ и E , изъ копiи не видно; судя по дополненiю, которое считаетъ возможнымъ дѣлать Ваддингтонъ, здѣсь могло помѣститься не менѣе четырехъ.

²⁾ Срв. Ваддингтонъ l. 11: „Boeckh avait restitué $\acute{\upsilon}\varphi\acute{\alpha}\zeta\iota\sigma\tau\omega\dots$, mais il faudrait $\acute{\upsilon}\varphi\acute{\alpha}\zeta\iota\sigma\tau\omega$, comme $\delta\iota\alpha\kappa\rho\upsilon\sigma\tau\omega$ (l. 7): le mot $\acute{\epsilon}\kappa\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon\alpha$ me semble préférable“.

³⁾ Зъ лицо мн. ч. видно изъ окончанiя; читать ω ; едва ли возможно, — тогда во всемъ этомъ сложномъ предложенiи не будетъ главнаго, все—придаточнаго; слѣдуетъ поэтому понимать $\Omega\Sigma$ въ смыслѣ ω ; $\sigma\acute{\omicron}\theta\omega$.

ториковъ, утверждавшихъ, что они получили спорную землю послѣ Меандрія. Между тѣмъ нѣсколькими строками выше говорилось нѣчто иное: они опирались на свидѣтельство самого Меандрія и на условия договора съ принцами. Намъ кажется, сюда болѣе подходит глаголь, обозначающій не „опираться на показанія“, а „устранять, замалчивать показанія“. Тогда смыслъ этого темнаго мѣста будетъ слѣдующій: такимъ-то образомъ (то-есть, ссылаясь на Меандрія) самосцы устранили (замалчиваніемъ) показанія историковъ¹⁾, говорившихъ, что они получили Карій уже послѣ Меандрія; на то, что здѣсь заключалось понятіе объ „устраненіи“, указываетъ, по видимому, слѣдующее „τὸ δὲ Κάριον“ ктл. Если мы припомнимъ „Лисимахово посланіе“, если примемъ во вниманіе, почему Лисимахъ рѣшилъ вновь пересмотрѣть дѣло, то увидимъ, что весьма важное значеніе въ его глазахъ имѣлъ вопросъ о „давности владѣнія“. Тотъ же принципъ выдвигаютъ на первый планъ самосцы передъ лицомъ родосскаго народа. Не извѣстно, когда жилъ Меандрій, но есть несомнѣнные данныя, что онъ писалъ о временахъ весьма отдаленныхъ. Слѣдовательно, свидѣтельство такого историка должно было имѣть въ данномъ случаѣ первенствующее значеніе, которое дѣйствительно придаютъ ему самосцы въ своихъ доводахъ²⁾. Съ другой стороны, тѣмъ же самосцамъ было не менѣе важно „устранить“ свидѣтельство иного характера и иныхъ историковъ, опровергавшихъ Меандрія и говорившихъ, что Карій отошелъ къ Самосу уже послѣ Меандрія. Таковъ, какъ намъ кажется, смыслъ vv. 11—13. На такомъ пониманіи этой части надписи и основывается наша догадка ὅς ἐ[φεταί]οντο. Ἐφεταίοντα (чаще встрѣчающаяся форма—ἐφεταίονται) значитъ устранять (e medio tollere), ἐφεταίοντος—устраненіе посредствомъ замалчиванія (καὶ ἐφεταίοντος=tacite aliquid excipiendo). Глаголь этотъ въ указанной формѣ (съ аспираціей) встрѣчается не часто, но въ существованіи его нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться. У Исихія п. сл. читаемъ: ἐφεταίον ἐκάρων. Въ надписяхъ не-

¹⁾ Вероятно, свидѣтельства этихъ именно историковъ приводили принцы во время перваго суда о Каріи; свидѣтельство Меандрія, которымъ воспользовались самосцы во время втораго суда, должно было, конечно, опровергать ранѣе приводимыя принцами показанія историковъ: если Меандрій писалъ объ этомъ, то Карій отошелъ къ самосцамъ или раньше него, или при его жизни, никакъ не послѣ.

²⁾ Приводятъ даже выдержку изъ его сочиненія.

рѣдко встрѣчаются примѣры страннаго на первый взглядъ употребленія густого дыханія ¹⁾).

V. 12 δτι διαρίξαντο Le Bas; δτ[ε] διαρίξαντο наша догадка. Нѣсколько неудобное повтореніе (сряду два раза) союза „δτι“ привело насъ къ мысли, что ΟΤΙ копія есть, вѣроятно, не что иное, какъ ΟΤΕ оригинала, невѣрно прочитанное. При нашемъ чтеніи выигрываютъ смыслъ и стиль.

V. 13. Πριανε[ις], . . . ων[α?] 'Ρόδι[ον]· ἀγῶνα τε καὶ 'Ολυμπικόν. . Δοκριν — — — ὡλε Κάριον ἐς. . . . ν αὐτῶν κατὰ (коп. ΡΟΛΙΕΓΑ-ΓΩΝΑΤΕΚΑΙΟΛΥΜΠΙΚΟΝ . . ΛΟΚΡΙΝ) Boeckh. *Πριανε[ις] [Ζήν]ων[α] 'Ιόδιον Car. Mueller (Fragm. histor. Graec. v. II, Маеandrius Milesius pp. 336, 337: „Qui deinceps notatur Rhodius historicus, haud dubie est Zeno Rhodius, de altero Pario non liquet“). Πριανε- [ις. . . .] Εὐάγωνα τε καὶ 'Ολύμπιον [. τὸ] δὲ Κάριον ἔφρασα[ν εἴμαι]ν αὐτῶν κατὰ . . . Le Bas. Πριανε[ις, τ]ῶν 'Ροδῆ[ων] Εὐ[ί]γωνά τε καὶ 'Ολύμπιον [καὶ] . . λοκριν· [τὸ] δὲ Κάριον ἔφρασα[ν εἴμαι]ν αὐτῶν κατὰ . . . Saueg. Чтенія послѣдняго, какъ видимъ, представляютъ компромиссъ между копіями Вѣка и Ле Ва. Ваддингтонъ въ примѣчаніи къ v. 11 между прочимъ говоритъ: „les copies de la dernière ligne du texte n'étant pas satisfaisantes“. Вѣроятно, здѣсь точнѣе обозначались имена историковъ, свидѣтельства которыхъ самосцы хотѣли устранить; можно думать, что это были родосцы: Εὐ-άγων, 'Ολύμπιος... λοκρίς. Если это имена родосскихъ историковъ, то вполне естественно ожидать, что они упоминаются въ какихъ-либо произведеніяхъ греческой литературы. Однако мы ничего не знаемъ о нихъ изъ литературныхъ памятниковъ; вышеуказанныя имена, какъ имена родосскихъ гражданъ, и въ надписяхъ почти не встрѣчаются.

К. Мюллеръ былъ убѣжденъ, что здѣсь упоминался Зиновъ, извѣстный родосскій историкъ. Но при крайнемъ несовершенствѣ копій v. 13 мы воздерживаемся отъ какихъ-либо догадокъ въ такомъ вопросѣ, какъ собственныя имена. На сколько неудачными оказались догадки Вѣка относительно этихъ строкъ послѣ появленія новой болѣе совершенной копій, можно видѣть, на примѣръ, изъ того, что тамъ, гдѣ Вѣкъ читалъ „Μετα[γέ]ν[ε]α? Πάριον“, на самомъ дѣлѣ было „μετὰ τὸν Μαάνδριον“.

V. 14. ἐκπεσεῖν μὲν Καρτί. δσια καὶ — — — [τεφρ-

¹⁾ Cf. Griech. Gramm. G. Meyer³ § 243 sq. Онъ называетъ подобнаго рода spiritus asper „ein falsches h“, „ein unorganisches h“.

ναφο] — Boeckh. ἐκπεσεῖν μὲν Καρί [τὰ δὲ δαρ]όσια? καὶ [.....] καὶ ταῦτα ἐγένετο ἐπὶ στεφανῶναφο] — Waddington. ἐκπεσεῖν μὲν Καρ[ίου] — наша конъектура (на' камнѣ, вѣроятно, какая-нибудь порча, почему въ копіи вмѣсто ΚΑΡΙΟ—Υ получилось ΚΑΡΣΙ).

Наша догадка основывается на невозможности здѣсь формы дательнаго падежа. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего онъ могъ бы зависѣть? Отъ какого-нибудь глагола, который стоялъ раньше ἐκπεσεῖν и не сохранился въ надписи? Но всякую возможность подобнаго страннаго предположенія исключаетъ частица „μὲν“ послѣ „ἐκπεσεῖν“. Отъ какого-нибудь глагола послѣ „Καρί“? Но въ небольшой лакунѣ, здѣсь находящейся, не можетъ быть мѣста глагольной формѣ, какъ ясно показываетъ сохранившееся οσια καὶ. Между тѣмъ, при нашей конъектурѣ смыслъ получается вполне удовлетворительный: Καρίου зависѣть отъ ἐκπεσεῖν, въ предыдущемъ же слѣдуетъ подразумевать „Σαμίους“.

V. 17. τὸ φρούριον [τὸ πλείστον? ἔτη] — — Boeckh. τὸ φρούριον [τὸ πλείστον ἔτη μάλιστα διακόσια?] Waddington. τὸ φρούριον [τὸ πλήθος] — наша догадка на основаніи v. 4, гдѣ читаемъ вполне ясно „χώρας τε πλήθος]. Между „καὶ τὸ φρούριον“ и „καὶ δύο“ стояло, безъ сомнѣнія, обозначеніе времени, въ теченіе котораго принцы владѣли спорнымъ пунктомъ. Но какое слѣдуетъ здѣсь сдѣлать дополненіе, сказать не возможно. Дополненіе Ваддингтона произвольно.

V. 22. βασιλεύοντος Ἀντιόχου τοῦ Ἀντιόχου. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть третьяго Селевкида, сына Антиόха Сотира, почему дополненіе „τοῦ κροσσογερουθέντος¹⁾ Θεοῦ“ является единственно возможнымъ. Въ несомнѣнной вѣрности этого заключенія убѣждаетъ слѣдующее соображеніе: родосскій судъ состоялся во всякомъ случаѣ ранѣе 188 г. до Р. X., такъ какъ въ этомъ году Т. Манлій Торкватъ измѣнилъ уже рѣшеніе родосцевъ²⁾. Рѣшеніе Антиόха состоялось еще раньше родосскаго. Отсюда повятно, что единственный, подходящий сюда по имени, Антиόхъ сынъ Антиόха, — Евпаторъ не можетъ разумѣться въ надписи, такъ какъ онъ царствовалъ отъ 164 до 162 г.³⁾ Πάλιν ἐπ' Ἀντιόχου — показываетъ,

¹⁾ Вѣрнѣе „κροσσογερουθέντος“: мы предпочитаемъ форму предлога πρός (Вѣкъ, Ваддингтонъ) форму πρότι, которая постоянно встрѣчается въ разбираемой надписи (cf. vv. 34, 15).

²⁾ См. Voyage arch., III, №№ 195—198.

³⁾ Кроме того, см. Voy. arch., III, 192—194 примѣчаніе Ваддингтона къ l. 9: „Il ne peut être question ici que d'Antiochus II, surnommé Théos qui succéda en 260 à son père Antiochus Soter et régna jusqu' en 247; car Antiochus III, le

что у самосцевъ и принцевъ въ царствованіе Антиоха споры возгорались не менѣе двухъ разъ, при чемъ, по словамъ послѣднихъ, рѣчь шла не о „φρούριον“, а о другихъ мѣстностяхъ.

Vv. 24 и 25 совсѣмъ отсутствуютъ у Вѣка. Θαπερι въ v. 24 копін Ле Ба, можетъ быть, остатокъ κα]θ'ἀκερ, κα]θ'ᾶ περι.

V. 26. τὰς κρίσιος [τὰς περι τούτων πέμψαι ἔς τε Πριάναν καὶ ἔς] Воескh.

V. Σάμον αὐθάτας Воескh. Σάμον ἔ[χ]οντας Wadding. Ср. примѣчаніе Ваддингтона къ № 192 — 194, l. 14: „Il y a sur l'estampage ΣΑΜΟΝΕ.ΟΝΤΑΣ et non ΕΥΘΕΓΑΣ“. Замѣтимъ кстати что въ копіяхъ, которыми пользовался Вѣкъ, Σ совсѣмъ нѣтъ въ этомъ мѣстѣ, откуда слѣдуетъ, что букву, стоявшую передъ ΑΜΟΝ, разобрать было трудно. Можетъ быть, это была не Σ, а другая какая-либо буква. О чемъ шла рѣчь въ строкахъ 23 — 28, вполне ясно: самосцы, говорятъ принцы, отправляли пословъ къ Антиоху, жалуясь на пограничныя захваты, но претензій относительно „φρούριον“ никакихъ не заявляли. Принявъ это въ соображеніе, нельзя ли предполагать, что на камнѣ послѣ „ὕπερ τὰς κρίσιος“ предыдущей строки стояло нѣчто въ родѣ слѣдующаго: [τὰς περι τούτου τοῦ φρουρίου οὐδὲν ἐχλήμα ποτὶ τὸν τῶν Πριανέων δ]άμον ἔ[χ]οντας?

V. 28. [προσαγορευθέντος] Θεοῦ Воескh. Но Ваддингтонъ говорить къ № 192—194 l. 14: „au lieu de Θεοῦ, on ne voit que ΟΥ, précédé d'une lettre qui n'était pas un E, mais plutôt un T“.

Vv. 36, 38, 39. Встрѣчающееся здѣсь выраженіе „ἐπεκολάφμεν δρον“, „τοὺς ἐπικολαφθέντας δρους“ Вѣкъ вполне вѣрно объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „aliquoties habetur ἐθήκαμεν δρον, non ἐπεκολάφμεν: discrimen hoc est, quod „δρος ἐγκόλαπτος“ in saxo vivo inciditur, θετός autem est lapis collocatus cum inscriptione“. 'Επικολάπτειν соответствуетъ лат. insculpere. Искіій Александрійскій гл. φφ. κολάπτει, κηκολαμμένη, ἐγκολάφας объясняетъ черевъ γλόφαи, γεγλυμμένη, ἐγχαράξας (въ сложеніи съ предлогомъ ἐπί этотъ глаголъ у него не встрѣчается). Родосцы частью ставили камни съ вырѣзаннымъ на нихъ „δρος“, частью вырѣзывали то же слово на живыхъ скалахъ, обозначая такимъ образомъ границы.

V. 46. [παρ'αὐ]τάν Воескh. [παρὰ τὰν αὐ]τάν Waddington. [παρὰ τὰν ἀχ]τάν мн. Наше дополненіе вызвано тѣмъ, что далѣе говорится про гору, лежащую по ту сторону рѣки: вполне естественно, что

seul 'autre prince de ce nom qui ait possédé quelque portion de l' Ionie, était fils de Séleucus“.

говорилось о берегѣ, до котораго дошли родосцы при установленіи границъ. Мѣсто береговой полосы точно опредѣляется: противъ горы, что по ту сторону рѣки.

П е р е в о д ъ .

. . . Мы (то-есть, родосцы) получали отъ самосцевъ черезъ Агисарха посланія, въ которыхъ рѣчь шла о частныхъ спорахъ, о Карій же и объ его окрестностяхъ никто не спорилъ. Теперь же самосцы заявляютъ претензіи на раздѣлъ родосцевъ, упрекая ихъ въ томъ, что они отдѣляли прианцамъ много земли, вопреки требованіямъ справедливости, и въ особенности Карій, изъ-за котораго теперь идетъ судъ. Самосцы привели свидѣтельства историковъ, какъ это они дѣлали и во время суда о Ватинитѣ, стараясь такимъ образомъ доказать, будто Карій и прилежащая къ нему область была (по жребію) присуждена имъ и что въ то время, какъ дѣлили (съ прианцами) землю меліанъ, именно они получили (по жребію) Карій и Дриуссу, сообразно съ тѣмъ, что помѣщено въ историческомъ сочиненіи Меандрія Милитскаго, „будто они получили Карій и Дриуссу“. Послѣ битвы, происшедшей у нихъ (самосцевъ) съ прианцами у Дрия, и вся страна эта (то-есть, меліанъ) стала, по договору, ихъ собственностью, ибо у нихъ было размежеваніе земель съ прианцами.

Такимъ образомъ они умалчивали объ историкахъ, свидѣтельствовавшихъ, что Карій они получили по жребію послѣ Меандрія, когда разграничили земли съ прианцами, изъ родосскихъ историковъ (умалчивали) объ Евагонѣ, Олимпихѣ, Карій же, утверждали они, имъ принадлежать по самосцы изгнаны изъ Карія при стефанафорѣ Ликѣ, четвертомъ, считая отъ Макарея. А когда споръ перенесли на судъ Лисимаха при стефанафорѣ бога, бывшемъ послѣ Никандра, пятнадцатаго, считая отъ Лика, и прианцы владѣли крѣпостью съ прилежащей страной около двухъ лѣтъ, то не возмущались самосцы и не отправляли къ нимъ (прианцамъ) посольствъ объ этомъ вопросѣ, твердо придерживаясь установленнаго положенія, но были лишь частные споры, о крѣпости же споровъ съ самосцами не было, но на оборотъ въ донесеніи Лисимаху самосцы соглашались, что прианцы владѣютъ своею страной. А послѣ того какъ дѣло было на судѣ у Лисимаха, когда прошло довольно много лѣтъ, въ царствованіе Антиоха с. Антиохова, по прозванію Бога, къ нимъ

(прианцамъ) по этому вопросу прислали самосцы пословъ съ порученіемъ сказать, что въ пограничной землѣ производятся захваты... И снова въ царствованіе Антіоха, отправивъ пословъ съ обвиненіями прианцевъ въ пограничныхъ захватахъ, они (то-есть, самосцы) не спорили о крѣпости. А спустя нѣсколько времени и предъ лицомъ Антіоха, назначеннаго царемъ Птолемеемъ надъ іонійскими городами, самосцы ничего не говорили о крѣпости.

И вслѣдствіе всѣхъ другихъ причинъ, приведенныхъ прианцами, мы (то-есть, родосцы), соглашаясь съ ихъ доказательствами, что они съ тѣхъ поръ, какъ живутъ въ своемъ городѣ, владѣютъ и крѣпостью и окрестной страной, приходимъ къ убѣжденію, что все, сказанное прианцами, справедливо, и рѣшаемъ: „спорной крѣпостью съ окрестностями владѣть прианцамъ“.

Границы мы установили между Самосской и Прианской страной, начиная, какъ самосцы называютъ, съ мѣстности у Санидін, а какъ прианцы—съ Оиниховой возвышенности, именно первый скалистый холмъ, расположенный повыше мѣсть, обрабатываемыхъ для посѣвовъ, на которомъ и обозначали границу. До нея доходить обрывъ, тянущійся отъ прилегающей рѣчки и доходящій до засѣваемыхъ полей. Между этимъ обрывомъ и раньше указаннымъ холмомъ мы обозначили границу на скалѣ, такъ чтобы мѣстность подъ холмомъ, обрывомъ и обозначенными границами принадлежала самосцамъ, а выше холма, обрыва и обозначенныхъ границъ — прианцамъ. Отъ перваго холма, самаго высокаго, мы на оконечности холма обозначили границу, далѣе по прямому направленію снова поставили другой пограничный столбъ; а отъ этихъ мѣстностей служить границей обрывъ до пограничнаго столба, который мы поставили у обрыва. Отсюда, идя вверхъ къ скалистому мѣсту, обозначили около него границу. Далѣе, на скалистомъ мѣстѣ сдѣлали другой межевой знакъ; затѣмъ, идя по окружности холма, на оконечности его вырѣзали межевые знаки. Затѣмъ, отъ вырѣзанныхъ межевыхъ знаковъ около супротивъ лежащаго скалистаго холма поставили пограничный столбъ и отсюда по направленію къ обрыву, около холма, поставили другой пограничный столбъ, а затѣмъ у берега противъ горы, лежащей по ту сторону рѣчки, мы утвердили другой пограничный столбъ; затѣмъ повернувъ . . .

Эта надпись, какъ и предыдущая, содержитъ судъ родосскаго народа по дѣлу о спорной мѣстности Каріѣ съ окрестностями. Здѣсь

тотъ же судья и тѣ же враждующія стороны. Она, несомнѣнно, относится ко времени, болѣе позднему, чѣмъ предшествующая (см. vv. 4 и 5). Какъ царь Лисимахъ долженъ былъ не только рѣшать споръ самосцевъ и принцевъ изъ-за Ватниита, но и пересматривать дѣло во второй разъ, такъ и родосцы принуждены были, по желанію самосцевъ, подвергнуть спорный вопросъ вторичному наслѣдованію. Но какъ Лисимахъ, такъ и родосцы не измѣнили своему первому рѣшенію: Карій всетаки остался за Принной.

Разбираемая надпись есть не что иное, какъ пересмотръ дѣла о Каріѣ. Начало ея не сохранилось. Въ сохранившейся части сперва идетъ рѣчь отъ лица родосцевъ (срв. Лисимахово посланіе), затѣмъ излагаются доводы самосцевъ (vv. 5—18) и принцевъ (vv. 14—30), наконецъ, приговоръ родосскаго народа и установленіе границъ родосцами (vv. 30—48).

Однако общепринятый взглядъ на составъ надписи далеко не таковъ: 1) полагаютъ, что въ vv. 1—18 говорится объ одной мѣстности (Κάριον), въ 14—48 о другой (φροόριον); 2) что въ началѣ надписи излагаются сперва доводы принцевъ, затѣмъ самосцевъ; родосцы же отъ своего лица здѣсь ничего не говорятъ.

Первое положеніе мы разберемъ ниже, теперь коснемся второго. Бѣкъ говоритъ: „*eam ordiri ab argumentis Prieniensium liquet: opponuntur enim deinceps Samii*“¹⁾; Ваддингтонъ держится того же взгляда²⁾.

При тѣхъ копіяхъ, какія имѣлъ въ своемъ распоряженіи Бѣкъ, онъ могъ и долженъ былъ сказать то, что онъ сказалъ. Читатель уже знаетъ, что въ нихъ отсутствовала совершенно та строка надписи, которая соответствуетъ строкѣ первой № 189 у Ле Ба, а потому и значеніе этой надписи въ ряду другихъ было иначе опредѣлено, чѣмъ впоследствии, когда стала извѣстна копія Ле Ба. Бѣкъ не зналъ, что въ ней идетъ рѣчь о „Κάριον“, который по родосскому суду отходить къ Приннѣ; онъ и помѣстилъ ее послѣ той части надписи № 2905, въ которой рѣчь идетъ объ установленіи границъ („*Ἐροος δὲ ἀκαδεῖ(ξ)αμεν κτλ.*“). Ваддингтонъ вполне вѣрно опредѣлялъ, на основаніи новаго чтенія, мѣсто фрагмента № 189 въ ряду другихъ, но не сообразилъ, что при этомъ должны поколебаться выводы

¹⁾ C. I. G. № 2905. Ad monumentum I (p. 575).

²⁾ Voyage arch., III, p. 75. „Ce fragment n'est pas le commencement de l'inscription; il contient la fin de l'exposé des arguments invoqués par les Priéniens (l. 1—5) et le commencement de ceux présentés par les Samiens (l. 5—13)“.

Бѣка относительно документа А, и спокойно внесъ ихъ въ свои примѣчанія.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ раньше разобранной нами надписи мы знаемъ, что дѣло о Каріѣ было рѣшено въ пользу принцевъ, чѣмъ, конечно, должны были быть недовольны самосцы; въ разбираемомъ же документѣ весьма ясно читается, что „кто-то“ обвиняетъ родосцевъ въ неправильномъ раздѣлѣ земель. Этотъ „кто-то“ долженъ быть или самосцы, или принцы. Но послѣдніе не имѣли никакихъ причинъ обвинять родосцевъ. Слѣдовательно, это были самосцы, они жаловались родосцамъ и просили пересмотрѣть раньше ими рѣшенное дѣло о Каріѣ. Но кого же судья раньше выслушиваетъ? Того ли, кто жалуется, или того, на кого жалуются? Въ Лисимаховомъ посланіи роль недовольныхъ принадлежитъ принцамъ—ихъ доводы и приводятся первыми послѣ рѣчи отъ лица судьи-царя. Въ разбираемомъ документѣ видимъ то же самое: сначала говорятъ родосцы отъ своего лица; затѣмъ слѣдуетъ наложеніе притязаній недовольной стороны. Если въ γ. 5 читаемъ „οἱ δὲ Σάμιοι κτλ.“, то отсюда нельзя сдѣлать заключенія, что до γ. 5 непременно говорилось о принцахъ: самосцы въ данномъ мѣстѣ противопоставляются родосцамъ ¹⁾).

Переходимъ къ разсмотрѣнію мнѣнія, по которому „Κάριον и φρούριον“—мѣстности различныя. Впервые высказалъ его, какъ и предыдущее, Бѣкъ. Въ примѣчаніи къ vs. 13 онъ, между прочимъ, говоритъ: „Nec deficit titulus; nec postea Caril vel Dryusae mentio redit. Igitur nisi φρούριον, quod doluceps memoratur, idem fuerit quod Κάριον, qua de re dubito ex causa ad 13 proferenda, finitum in lacuna sit iudicium de Cario et Dryusa, quæ cui addicta sint nescimus“ ²⁾). Очевидно, самому Бѣку мысль о тождествѣ Κάριον и φρούριον представлялась сперва весьма вѣроятною, но потомъ онъ ее отвергъ на основаніи слѣдующаго соображенія ³⁾): „additur insuper ne apud Lysimachum quidem negasse Samios Πριανεῖς ἔχειν τὰν αὐτῶν χώραν: unde contio hanc terram, hoc est τὸ φρούριον καὶ τὴν περὶ τὸ φρούριον χώραν diversam esse a Cario et Dryusa, de quibus non idem concessisse Samii videntur, certe si statuamus causam in parte A memoratam, de Batinete [Batinete?], esse ipsam, quæ apud Lysimachum acta erat“. Бѣкъ, безъ сомнѣнія, сопоставляетъ здѣсь vv. 14—19 съ vv. 5—7.

¹⁾ См. выше приведенное замѣчаніе Бѣка.

²⁾ Ср. въ другомъ мѣстѣ (раньше): „nisi forte Carium et Castellum idem est“.

³⁾ См. примѣчанія къ В. (2905).

Обратившись къ послѣднимъ, придемъ къ заключенію, что 1) копія Вѣка менѣе полна, чѣмъ копія Ле Ба, и 2) Вѣкъ построилъ свой выводъ на своихъ же дополненіяхъ (см. выше разночтенія). Эти строки (по болѣе совершенной копіи) не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ, что самосцы въ своихъ притязаніяхъ опирались на рѣшеніе Лисимаха о Ватинитѣ. „Самосцы привели свидѣтельства историковъ, какъ это они дѣлали и во время суда относительно Ватинита, пытаясь на основаніи этихъ свидѣтельствъ, а не на основаніи суда о Ватинитѣ, доказать и т. д.“,—единственно возможное толкованіе даннаго мѣста. Здѣсь—простое сравненіе способа доказательствъ ¹⁾, которыми воспользовались самосцы. И, дѣйствительно, на судѣ у Лисимаха, какъ мы уже знаемъ, обѣ стороны приводили историческія показанія для доказательства своихъ правъ.

Такимъ образомъ, мнѣніе Вѣка, что „Κάριον“ является въ надписи съ иными чертами, чѣмъ „φρούριον“ ²⁾, не имѣетъ достаточныхъ основаній. Слѣдовательно, единственный аргументъ противъ тождественности „Κάριον“ и „φρούριον“ падаетъ.

Однако мнѣнію Вѣка слѣдуетъ и Ваддингтонъ ³⁾, пользовавшійся копіей Ле Ба. Диттенбергеръ мелькомъ касается этого вопроса ⁴⁾, но его замѣчаніе показывается лишь, что онъ недостаточно знакомъ съ надписями о спорахъ Самосцевъ и Принцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимать его слова: „Quod arbitrium [то-есть о Καρίῳ] quum rursus in dubium vocatum esset a Samiis, iterum a Rhodiis Κάριον et simul Δροούσσα et castellum aliquod Priensibus esse decretum est?“ ⁵⁾ Если „Κάριον“ есть нѣчто иное, чѣмъ „castellum“, то мы совершенно не знаемъ, кому былъ присужденъ Καρίῳ. Вѣкъ и Ваддингтонъ, отрицающіе тождественность „Καρία“ и „κρήνη“, вполне слѣдовательно, замѣчая, что опредѣлить, кому былъ присужденъ Καρίῳ,

¹⁾ Историческія свидѣтельства (ихъ содержаніе могло быть различно, въ данномъ случаѣ не оно имѣется въ виду).

²⁾ На судѣ у Лисимаха „Κάριον“—спорная мѣстность, „φρούριον“, по признанію самихъ самосцевъ,—ялладніе принцевъ.

³⁾ Voyage, Arch., III, №№ 192—194, примѣч. „Le territoire en litige n'est plus le Κάριον...., mais un fort (φρούριον)“.

⁴⁾ Sylloge inscript. graec., № 241 п. 3.

⁵⁾ Еслибы Диттенбергеръ высказалъ свое мнѣніе о вторичномъ присужденіи Καρίῳ принцамъ, какъ предположеніе, мы не имѣли бы права обвинять его въ противорѣчій, но теперь въ его словахъ—смѣшеніе гипотетическаго съ несомнѣннымъ.

нельзя¹⁾. „La décision des juges à ce sujet n'a pas été retrouvée“— говоритъ Ваддингтонъ. Слѣдовательно, Диттенбергеру слѣдовало признать тождественность „Κάριον“ и castellum, чтобы утверждать, что первая мѣстность была и во второй разъ присуждена принципамъ²⁾. Онъ этого не сдѣлалъ—и получилось противорѣчiе. Отъ рѣшенiя этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ взглядъ на составъ надписи. Отрицающiе тождественность указанныхъ мѣстностей различаютъ въ надписи двѣ главныхъ части: въ первой, по ихъ мнѣнiю, разбирается дѣло о Каріѣ, во второй—о „φρούριον“. Первая, какъ они стараются доказать, начинается съ доводовъ принципевъ, за ними слѣдуютъ доказательства и опроверженiя самосцевъ, приговоръ же родосцевъ о Каріѣ не сохранился. Эта часть прерывается на стр. 13-ой (= Voyage arch. №№ 190 — 191). Вторая (стр. 14 — 48 = Voyage arch. №№ 192 — 194) должна была начинаться съ доводовъ самосцевъ, но они не сохранились точно такъ же, какъ часть доказательствъ, приводимыхъ принципами. Послѣ этихъ доказательствъ родосцы провозносятъ свой приговоръ.

Но мнѣнiе Вѣка, на которомъ основывается этотъ взглядъ, не имѣетъ, какъ мы пытались доказать, достаточныхъ оснований. Подъ „φρούριον“ скорѣе всего должно разумѣть не что иное, какъ „Κάριον“. Въ пользу этого предположенiя говорятъ слѣдующiя соображенiя:

1) Какъ та часть, въ которой разбирается дѣло о „Κάριѣ“, такъ и та, гдѣ рѣчь идетъ о „κρήπости“, принадлежать одной и той же надписи (въ этомъ не сомнѣваются ни Вѣкъ, ни Ваддингтонъ).

Зачѣмъ же было родосцамъ рѣшать спорный вопросъ о Каріѣ отдѣльно отъ вопроса о κρήπости? Зачѣмъ потребовалось бы два приговора въ одномъ и томъ же³⁾, хотя бы и сложномъ процессѣ?

1) Однако Вѣкъ считаетъ возможнымъ предложить гипотезу, что судъ былъ въ пользу самосцевъ (она, какъ видимъ, совершенно противоположна мнѣнiю Диттенбергера): „memorable tamen, quod Samiorum argumenta hic secundo loco posita sunt, et in altera parte, ubi victores Prienenses, Priensium argumenta secundum obtinent locum: crediderim igitur priorem hanc sententiam secundum Samios dictam esse“ (№ 2905 А, р. 575). Надпись найдена среди развалинъ приискаго храма Аполлона Полады. Давно ли мы слышали отъ Вѣка: „quod Lysimachi iudicium publice inscriptum apud Samios....., probabilius est Samiis fuisse Lysimachum“?

2) Рѣшенiе о „φρούριον“—наизвѣстно; при тождественности такое же рѣшенiе должно быть и относительно „Κάριον“.

3) Ср. Вѣкъ: „Secundo loco, sed in eadem haud dubie hie agitur de castello et adiacente terra“.

Еслибы эти приговоры были различны (такъ и думалъ Бекъ), то тогда было бы понятно такое разграниченіе, но едва ли можно допустить, чтобы Карій былъ присужденъ при пересмотрѣ дѣла самосцамъ; приговоръ относительно этой мѣстности былъ выставленъ въ прінскомъ храмѣ.

2) Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что спорная мѣстность называется то полнымъ собственнымъ именемъ, то нарицательнымъ съ подразумеваемымъ собственнымъ. Аналогичный этому примѣръ видимъ въ Лисимаховомъ посланіи, гдѣ Ватинитъ называется „ἡ χώρα, ὅπου ἡς ἐπιτοῦχάνατε ἡμφιβητήχους“, и лишь далѣе точнѣе объясняется, какая мѣстность здѣсь разумѣется. Дѣло въ томъ, что споръ о Каріѣ разбирался родосцами не въ первый разъ: не зачѣмъ было постоянно повторять собственное имя,—всѣ и безъ того хорошо знали, о какой крѣпости идетъ здѣсь рѣчь.

3) При нашей гипотезѣ составъ надписи является весьма простымъ, нѣтъ необходимости предполагать въ ней какія-то грандіозныя лакуны. Наконецъ, 4) если признать нашу конъектуру Καρίου мѣсто Καροί въ v. 14 вполне умѣстной, то тождественность „Карія“ и „крѣпости“ выступить въ яркой очевидности.

Въ послѣдней части статьи мы 1) коснемся нѣкоторыхъ мѣстностей и личностей, упоминаемыхъ въ надписи, и 2) постараемся точнѣе, чѣмъ это дѣлалось до насъ, опредѣлить, къ какому времени можно съ наибольшою вѣроятностью относить какъ нѣкоторые факты, указанные разсмотрѣннымъ памятникомъ, такъ и самый памятникъ.

Vv. 7—9. Ἄ τῶν Μελίῶν χώρα. Стефанъ Византійскій въ числѣ карійскихъ городовъ упоминаетъ между прочимъ и Мелію (Μελία, πόλις Καρίας). Безъ всякаго сомнѣнія, онъ говоритъ про ту же мѣстность, которая упоминается въ надписи. Кроме того, упоминаемая Стравономъ мѣстность Μελιῶς есть не что иное, какъ Μελία Стефана Византійскаго: различіе окончаній далеко не рѣдко встрѣчается въ еллинской номенклатурѣ однихъ и тѣхъ же мѣстностей¹⁾.

Читатель, который пожелалъ бы провѣрить эти слова, не найдетъ однако въ текстахъ изданій Стравоновой „Географіи“ названія „Μελιῶς“, такъ какъ издатели, не смотря на согласное чтеніе ру-

¹⁾ Срв. нашу замѣтку „Къ вопросу о древне-карійскихъ городахъ“, въ *Запискахъ Импер. Р. Арх. Общ.*, т. III, стр. 459.

кописей, исключаютъ изъ текста это имя, вставляя вмѣсто него *Mίρας* ¹⁾ (гора на Ернорійскомъ полуостровѣ). Ваддингтонъ вполне разумно не соглашается съ этимъ исправленіемъ и совѣтуетъ сохранять рукописное чтеніе, отождествляя *Μελιούς* съ *Μελίη*.

Ματάνδριος Μιλήσιος. Ваддингтонъ произноситъ о немъ нѣсколько смѣлое сужденіе, называя Меандрія „ancien chroniqueur“. Намъ не извѣстны ни біографія, ни время жизни этой личности, и вопросъ о томъ, былъ ли это древній историкъ, остается открытымъ за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. Скудные отрывки его сочиненій собраны въ извѣстномъ трудѣ „*Fragmenta historicorum graecorum*“ К. Мюллера (т. II, р. 334 sq.), который заключаетъ свое разсужденіе о времени жизни Меандрія слѣдующими словами: „*Ceterum haec inserta sunt*“. Замѣчаніе Ваддингтона къ т. 9 ²⁾ заслуживаетъ полнаго вниманія.

V. 10. *Ἐπὶ Δρόι*. Здѣсь самосцы указываютъ, по видимому, на ту самую битву, про которую говорятъ и Плутархъ (см. выше). Это побоище, имѣвшее по словамъ автора, столь печальный исходъ для принцевъ, является съ характеромъ аналогичнымъ и въ надписи: самосцы указываютъ на условія, заключенныя послѣ него, какъ на благоприятныя для себя и, слѣдовательно, неприятыя для принцевъ.

Ваддингтонъ въ примѣчаніи къ этой строкѣ, сопоставляя свидѣтельство Плутарха съ словами надписи ³⁾, отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ, но, кажется, можно примирить оба извѣстія, припавъ во вниманіе, что оба они, взятые отдѣльно, не полны. Самосцы (въ надписи) могли пройти молчаніемъ фактъ, не имѣвшій для нихъ цѣлей важности, — именно участіе въ битвѣ милитцевъ.

Въ сраженіи при *Δρόι* участвовали самосцы, союзниками ихъ были милитцы, силами которыхъ, быть можетъ, главнымъ образомъ сокрушенъ былъ цвѣтъ принискаго воинства. Самосцамъ, по видимому, принадлежалъ починъ борьбы, откуда понятно, почему *Βιάντς*, по разказу Плутарха, послѣ битвы былъ отправленъ не къ милитцамъ, а къ самосцамъ, игравшимъ во всей борьбѣ болѣе важную роль, чѣмъ перыне. Такимъ образомъ, намъ кажется, возможно свести оба из-

¹⁾ Cf. Strabonis geographica C. Mueller et F. Duesner, Index variae lectionis, p. 1028: „*Μίραντα*] *Μελιούντα* codd.; em. Cor.“ то-есть, Corayus.

²⁾ „Les mots *διότι λάχονεν Κάριον καὶ Δροῦσαν* sont peut-être une citation textuelle de la chronique de Maeandrius.

³⁾ По Плутарху, битва при *Δρόι* произошла между принцами и милитцами, по словамъ надписи — между принцами и самосцами.

вѣстія, не противорѣчивыя другъ другу, но не вполне подробныя. Δρῦς, вѣроятно, былъ небольшой городокъ во владѣніяхъ принцевъ. Города съ такимъ названіемъ встрѣчаются въ довольно многихъ странахъ еллинскаго міра¹⁾. Карій и Ватинитъ у древнихъ авторовъ, на сколько намъ извѣстно, не упоминаются.

V. 15 sq. 'Ἐπί στεφαναφορίου Ἰούλου (дополненіе несомнѣнно вѣрное на основаніи v. 16). Если въ Приинѣ не было какихъ-либо уклоненій отъ общераспространенныхъ обычаевъ, то нужно полагать, что стефанафоры-эпонимы набирались на одинъ годъ. Допустивъ это, мы можемъ приблизительно опредѣлить, къ какому времени относится то событіе, которое произошло при стефанафорѣ Ликѣ (то-есть, изгнаніе изъ Каріи). На судъ Лисимаха²⁾ дѣло было перенесено при стефанафорѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за Никандромъ, пятнадцатымъ, послѣ Лика³⁾. Слѣдовательно, стефанафорія Лика приходится 16-ю годами раньше Лисимахова суда. Время послѣдняго намъ приблизительно извѣстно: 285—281 гг. Слѣдовательно, Ликъ былъ стефанафоромъ приблизительно въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ IV в. до Р. X. Въ это-то время самосцы и потеряли (по словамъ принцевъ) Карій.

V. 29. Спустя нѣкоторое время послѣ суда Антиоха царя опять произошли пограничныя ссоры; на этотъ разъ дѣло разбиралось у Антиоха, ставленника Египетскаго царя Птолемея. Судъ этого Антиоха, какъ можно полагать на основаніи словъ надписи, непосредственно предшествовалъ суду родосскому. Очевидно, какую имѣетъ важность для опредѣленія времени этого послѣдняго рѣшеніе вопросовъ: 1) какой именно изъ Птолемеевъ разумѣется въ данномъ мѣстѣ? 2) кто былъ этотъ „Ἀντίοχος ὁ ὑπὸ βασιλέως Πτολεμαίου τεταγμένος“? Изъ всей династии Лагидовъ сюда подходятъ только два: Птолемей III Еввергетъ (246—222) и Птолемей IV Филопаторъ (222—205), при томъ первый гораздо болѣе, чѣмъ послѣдній, такъ какъ вліяніе Еввергета въ Малой Азіи было наиболѣе мощно и власть его надъ нею наиболѣе

¹⁾ Срв. Steph. Byz. Δρῦς, πόλις Θράκης . . . Ἐστὶ καὶ πόλις τῶν Οἰωνῶρων. Ὁ πόλιτις Δρουός . . . Ἐστὶ καὶ χώρα Λυκίας . . . Παρροεὶ Δρῦς ἰ . . . πόλις ἐν Ἠλείῳ. Былъ городокъ, носившій названіе Δρῦς, и на о. Родосѣ (въ области Лиды), какъ свидѣтельствуютъ надписи *Revue archéologique* 1868, p. 152, № 6 (ἀ πᾶτρα ἃ Δρουίτῶν), *Ross, Hellenica*, №№ 24, 25 (Ποσειδώνιος Δρουίτας. Ἀναξάρτα Δρουίτις).

²⁾ Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній сомнѣваться, что здѣсь разумѣется тотъ же самый судъ, надписи о которомъ мы выше разобрали.

³⁾ πέντε[καίδεκάτος], кажется, единственно возможное здѣсь дополненіе.

сильна. Такого взгляда держался уже Векъ ¹⁾). Ваддингтонъ по этому поводу говоритъ между прочимъ слѣдующее ²⁾): „C'est probablement sous le règne du dernier [то-есть, Филопатора] que la sentence a été rendue, puisqu'il n'y est fait mention ni d' Antiochus III, ni des Romains, qui ne devaient pas tarder à paraître sur la scène“. — „La sentence“ здѣсь слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „la sentence des juges Rhodiens“. Этими словами онъ желаетъ лишь обозначить предѣлъ времени, позже котораго едва ли состоялся родосскій судъ; вопросъ же о томъ, который изъ двухъ Лагидовъ вѣроятнѣе всего разумѣется въ надписи, онъ проходитъ молчаніемъ.

О томъ, кого должно разумѣть подъ Ἀντίοχος ὁ ὑπὸ βασιλέως Πτολεμαίου τεταγμένος, въ наукѣ не существуетъ рѣшительно никакой гипотезы, и всѣ исследователи обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ ³⁾). Въ виду этого мы осмѣлимся высказать свое предположеніе и съ этою цѣлью остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ событіяхъ египетской и сирійской исторіи конца 40-хъ и начала 30-хъ годовъ III в. до Р. Хр.

Третья Сирійская война—въ полномъ разгарѣ. Птолемей Еввергетъ торжествуетъ побѣды надъ Селевкомъ Каллиникомъ. Онъ—господинъ въ Киликіи, Памфиліи, Іоніи, на еракійскомъ и еллиспонтскомъ побережьяхъ; вездѣ самостоятельныхъ властителей этихъ странъ онъ дѣлаетъ своими подданными. Мало того, даже страны по ту сторону Евфрата признаютъ его власть ⁴⁾). Среди этихъ триумфовъ Птолемей узнаетъ о возстаніи въ Киринѣ. Онъ долженъ спѣшить домой... Къ этому именно времени относятся слѣдующія слова Іеронима: „et Syriam quidem ipsè obtinuit, Ciliciam autem amico suo Antiocho gubernandam tradidit et Xanthippo alteri duci provincias trans Euphratem“ ⁵⁾).

¹⁾ C. I. G., № 2905, p. 576: „Antiocho Deo successit Seleucus Calliniens: quo regnante Ptolemaeus Evergetes Asiam occupavit. Huius dux vel praefectus fuerit Antiochus“ etc..

²⁾ V. arch., III, №№ 192—194, примѣчаніе къ l. 16.

³⁾ Ср. Boeckh, C. I. G., № 2905, p. 576; Waddington, l. 16: „Antiochus est le lieutenant ou satrape nommé par Ptolémée au gouvernement des possessions égyptiennes dans cette portion de l'Asie Mineure“.

⁴⁾ См. Адултанскую надпись, Юстуса, Полиона, Іеронима, Поливія.

⁵⁾ Ad Daniel. c. XI. Ср. Коерп, Ueber die syrischen Kriege der ersten Ptolemaier und den Bruderkrieg des Seleukos Kallinikos u. Antiochos Hierax въ *Rheinisches Museum*, XXXIX (1884), p. 221.

Это произошло приблизительно въ 248 г. Немного спустя Селевкъ заводитъ переговоры съ своимъ братомъ Антиохомъ (по прозванію Іеракомъ—Соколомъ) ¹⁾. Услышавъ объ этомъ, Птолемей выразилъ желаніе заключить миръ, который и былъ заключенъ на 10 лѣтъ. Однако, когда опасность со стороны мощнаго Лагиды миновала, Селевку стало жаль потерь въ Малой Азіи. Сторону малоазіатскихъ городовъ держалъ Антиохъ—и братская распря, почти не прекращаясь, возгорѣлась снова и сильнѣе. По этому поводу Кэппъ (I. I., p. 224) говоритъ слѣдующее: „Антиохъ сталъ за одно съ малоазіатскими городами противъ Селевка. Онъ сдѣлался союзникомъ Птолемея. Многіе изъ городовъ были на его сторонѣ, особенно важны сдѣлались для него Сарды, гдѣ былъ начальникомъ его дядя Александръ. Пока Птолемей былъ въ Малой Азіи, Антиохъ, понятно, одерживалъ верхъ, но когда Лагидъ отправился на востокъ и затѣмъ воротился въ Египетъ, счастье измѣнило Антиоху: онъ потерпѣлъ пораженіе въ Лидіи. Селевкъ, конечно, не могъ взять Сарды и равнымъ образомъ Ефесъ, находившійся во власти Птолемея; но одинъ городъ за другимъ добровольно переходилъ къ нему. Скоро Селевкъ, не смотря на бурю, погубившую его флотъ, приобрѣлъ вновь значительную силу и могъ думать о возвратѣ владѣній по ту сторону Тавра. Такъ кончилась первая братская война; послѣ заключенія мира съ Египтомъ возгорѣлась вторая“. Произошла кровопролитная битва при Анкирѣ ²⁾, гдѣ, какъ извѣстно, Антиохъ разбилъ на голову своего брата. Однако, очень скоро (приблизительно въ 239 году) онъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе отъ Аттала, который завладѣлъ почти всею Азіей. Затѣмъ вѣсти объ Антиохѣ замолкаютъ. Авторы вслѣдъ за побѣдой Аттала сообщаютъ о пребываніи Антиоха въ Месопотаміи; это было приблизительно въ 238, 237 годахъ, когда снова запылала братская распря.

Кэппъ не сомнѣвается, что Антиохъ принималъ участіе въ заговорѣ Стратоники, головой заплатившей за свои революціонные замыслы. Побѣжденный Селевкомъ въ Месопотаміи, онъ бѣжалъ въ Каппадокію, но у Ариамона не могъ считать себя въ безопасности и отсюда убѣжалъ къ галатамъ, своимъ бывшимъ боевымъ товари-

¹⁾ Отсюда слѣдуетъ, что уже раньше Антиохъ былъ врагомъ Селевка.

²⁾ Определеніе времени ее спорно; кажется, вѣрнѣе всего помѣщать ее въ концѣ 241 или въ началѣ 240 г.

щамъ. Селевкъ предоставилъ Атталу расправиться съ мятежнымъ братомъ. Звѣзда Антиоха стала окончательно меркнуть. Пораженіе въ Лидіи, затѣмъ въ Каріи принудило его бѣжать во Фракію подъ защиту Птолемея. Но обстоятельства теперь измѣнились. Птоломей, вопреки ожиданіямъ, принялъ Антиоха далеко не дружественно. Еще разъ искалъ онъ спасенія въ бѣгствѣ, но пѣсня его была уже спѣта. Онъ былъ убитъ разбойниками и, какъ говоритъ Кёппъ, „beschloss so als Abenteurer sein abenteuerliches Leben“.

Исслѣдователей, изучавшихъ исторію этого времени, давно интересовалъ вопросъ о томъ, кто такой былъ Антиохъ, другъ Птолемея, получившій въ управленіе отъ послѣдняго Киликію. Уже Нибуръ дѣлалъ весьма удачную догадку, что „Antiochus amicus Ptolemaei“ одно и то же лицо съ Антиохомъ Іеракомъ, братомъ Сирийскаго царя. Къ тому же мнѣнію склоняется и Кёппъ, который говоритъ ¹⁾: „Dass Seleukos seinen Bruder um Hilfe bat, beweist allerdings, dass dieser Land und Leute besass, und macht Niebuhr's Vermuthung, dass der „Freund Antiochus“, welchem Ptolemaios Kilikien gab, eben der Bruder des Seleukos gewesen sei, sehr wahrscheinlich. Wenn aber Ptolemaios dem Antiochos Hierax Kilikien gab, so beweist das doch, dass dieser schon damals mit seinem Bruder im Kriege lag“.

Дѣйствительно, роли „друга Птолемея“ и Антиоха Іерака слишкомъ сходны между собою. Антиохъ почти всю свою жизнь, полную горя и разбитыхъ надеждъ, опирался, очевидно, на помощь Птолемея, которому удобно было пользоваться враждою братьевъ.

Кто же такой Антиохъ, ставленникъ Птолемея, упоминаемый въ родосской надписи? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что вышеприведенныя слова Іеронима и слова эпиграфическаго документа: „'Αντιόχου τὸν ὑπὸ βασιλέως Πτολεμαίου τεταγμένον“ относятся къ одному и тому же лицу, именно къ Антиоху Іераку.

Антиохъ въ разказѣ Іеронима является вмѣстѣ и другомъ, и полководцемъ Птолемея. Какъ это совпадаетъ съ тѣми отношеніями, какія должны были установиться между Лагидомъ и Іеракомъ! Въ жилахъ послѣдняго текла царская кровь, это былъ человѣкъ, на котораго дальновидный Птоломей смотрѣлъ какъ на удобное орудіе для своихъ политическихъ цѣлей. Онъ приближаетъ Антиоха къ себѣ, дѣлаетъ его официально правителемъ малоазіатской области; Антиохъ становится „dux“, „ὁ τε-

¹⁾ Ук. с. стр. 222 пр. I

ταυρένος* Птолемея. Съ подобнымъ титуломъ онъ и является въ нашей надписи. Если принять предположеніе о тождествѣ Антиоха надписи съ Антиохомъ Іеракомъ, то можно намѣтить рѣшеніе вопроса: надъ какою областью могъ быть поставленъ Птолемеемъ Антиохъ въ то время, когда самосцы и принцы перенесли на его разсмотрѣніе свой споръ и когда именно могъ происходить судъ Антиоха, упоминаемый въ надписи?

Время послѣ 229 года исключается отсюда, такъ какъ въ этомъ году погибъ Іераклъ; исключается также послѣдняя часть его жизни (приблизительно послѣ 235 года), такъ какъ счастье стало тогда измѣнять Іераку, и жизнь его болѣе и болѣе принимала скитальчeskій характеръ. Вѣроятнѣе всего, слова надписи относятся ко времени между 243 и 235 годами. Въ началѣ этого періода мы видимъ Антиоха во главѣ Киликіи. Разумѣется ли въ надписи это управленіе его Киликіей? Быть можетъ; но намъ кажется болѣе правдоподобнымъ другое предположеніе. Послѣ битвы при Анкирѣ (241 г.) значеніе Антиоха, конечно, сильно поднялось: тогда онъ могъ быть поставленъ Птолемеемъ и надъ іонійскими городами, къ которымъ принадлежали Самось и Приина, почему послѣдніе и обращались къ Антиоху за разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній. Слѣдовательно, въ лакунѣ эпиграфическаго памятника лучше всего дополнить *ἐκὶ τῆς Ἰωνίας, ἐκὶ τῶν πόλεων**, при чемъ подразумѣвать главнымъ образомъ іонійскіе города. Какъ бы то ни было, позже 235 года едва ли Антиохъ могъ быть правителемъ какой-либо области; его дѣла тогда принимали все болѣе и болѣе критическое положеніе; дружба съ Птолемеемъ колебалась, и въ 232—231 годахъ послѣдній становится даже врагомъ неугомоннаго скитальца.

Гипотеза о тождествѣ Антиоха надписи съ Антиохомъ Іеракомъ ведетъ къ заключенію, что упоминаемый здѣсь Птолемей—Евергетъ, а не Филопаторъ.

V. 30 sq. Вслѣдъ за упоминаніемъ о судѣ самосцевъ и принцевъ предъ Антиохомъ, ставленникомъ Птолемея, родосцы излагаютъ свое рѣшеніе. Отсюда естественно слѣдуетъ, что враждебныя государства перенесли свое дѣло на родосскій судъ уже послѣ того, какъ оно было на разсмотрѣніи у Антиоха. Такимъ образомъ, устанавливается время, ранѣе котораго не могла появиться родосская надпись. Судъ Антиоха происходилъ, по нашимъ соображеніямъ, приблизительно между 241 и 235 годами. Слѣдовательно, ранѣе этого времени не

могъ происходить тотъ судъ родосцевъ, о которомъ говорится въ надписи.

При опредѣленіи *termini ad quem* наше вниманіе останавливаетъ слѣдующее соображеніе: вѣковая, исконная вражда между Самосомъ и Приной изъ-за пограничныхъ владѣній въ теченіи III вѣка весьма часто вспыхивала серьезнымъ пожаромъ, весьма часто дѣло переносилось на третейскій судъ, при чемъ промежутки между однимъ судомъ и другимъ были не особенно продолжительны. Весьма вѣроятно поэтому, что судъ родосцевъ происходилъ не долго спустя послѣ суда Антиохова, приблизительно между 235 и 225 годами, то-есть, до землетрясенія, обрушившагося всею своею губительною силою на богатый и цвѣтущій островъ Родосъ. Относитъ надпись къ самому концу III вѣка едва ли возможно уже потому, что Антиохъ Великій и римляне, начавшіе играть тогда главную роль въ мало-азиатскихъ дѣлахъ, совсѣмъ не упоминаются въ разбираемомъ епиграфическомъ памятникѣ (срв. вышеприведенное замѣчаніе Ваддингтона).

Vv. 34 sqq. Послѣ произнесенія своего приговора родосцы говорятъ о томъ, какимъ образомъ они установили спорныя границы враждующихъ сторонъ. Этотъ въ высшей степени интересный актъ установленія границъ родосскими уполномоченными заслуживаетъ бѣльшаго вниманія сравнительно съ тѣмъ, какое обыкновенно ему удѣляется.

Послѣ родосскаго суда споры между Самосомъ и Приной не прекратились и продолжались еще въ то время, когда римляне приобрѣли въ Малой Азіи руководящую роль. Стороны обращались тогда естественно къ суду римскому, и римляне, какъ это мы ясно видимъ изъ епиграфическихъ памятниковъ ¹⁾, за исходную точку установленія границъ принимали предшествовавшее родосское разграниченіе. Конецъ этой части надписи не дошелъ, но сохранившійся фрагментъ представляетъ весьма незначительныя лакуны. Всѣ болѣе или менѣе

¹⁾ Voyage arch. III, №№ 195—199, 203—204, 206—207. Римляне искали (при своемъ установленіи границъ) нежевыхъ знаковъ, сдѣланныхъ родосцами, стараясь, очевидно, возстановить ихъ въ полной точности. Срв. „τὸν μὲν ὅκω Ῥοδίωσιν ἐπικολαφθέντα ὕρον οὐχ εἰροδοῦν“... (№ 207, v. 4)—выраженіе, весьма часто повторяющееся въ этихъ римскихъ документахъ; αὐτῶ τῶ βουνῶ βρεφ εἰρησάμεθα, καθέτοι καὶ Ῥόδιοι (ibid., v. 6).

затруднительныя для пониманія выраженія, здѣсь употребленныя, вполне удачно объяснены уже Бёкомъ.

Исходною точкою установленія границъ былъ „Θίνυχος πάρος“ (иначе „οἱ κατὰ Σανιδαίαν τόπον“).

Θукидидъ въ разказѣ о смерти Лисикла упоминаетъ объ „ὁ Σάνδιος λόφος“¹⁾. Форбигеръ полагаетъ, что этотъ холмъ лежалъ на равнинѣ Меандра²⁾. Ваддингтонъ держится такого же взгляда: „Σανιδαία“, говоритъ онъ, — „garrelle le Σάνδιος λόφος, situé sur le Méandre, non loin de son embouchure“. Оба они при опредѣленіи этой мѣстности основываются на словахъ Θукидида, но изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ, что холмъ Сандіи находился на самой равнинѣ рѣки Меандра, недалеко отъ ея устья. Лисиклъ, говоритъ Θукидидъ, вышелъ изъ Міунта, по равнинѣ Меандра пошелъ вверхъ и, дойдя до холма Сандія, подвергся нападенію каровъ и аневитовъ. Намъ, кажется, что эти слова должно понимать слѣдующимъ образомъ: Лисиклъ прошелъ равнину Меандра, затѣмъ поднялся на Микальскую возвышенность и дошелъ до одного изъ холмовъ этой гористой мѣстности (Сандія), который лежалъ недалеко отъ г. Анеи, жители котораго, узнавъ о приближеніи Лисикла, выступили противъ него и одержали полную побѣду.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что „οἱ κατὰ Σανιδαίαν τόπον“ надписи и „ὁ Σάνδιος λόφος“ Θукидида—одна и та же мѣстность³⁾.

Если такъ, то мы можемъ приблизительно опредѣлить положеніе той мѣстности, которую родосцы приняли за исходный пунктъ при своемъ установленіи границъ. Холмъ Сандія находился, вѣроятно, ближе къ сѣверному ея склону: здѣсь-то и проходила граница между самосскою и привною землей. Мы уже въ началѣ статьи замѣтили, что во времена Стравона самосцы владѣли береговою полосой по сѣверному склону Микалы. Весьма вѣроятно, что и въ III и II вѣ-

¹⁾ I. III с. 19: „καὶ τῆς Καρίας ἐκ Μοῦντος ἀναβάς διὰ τοῦ Μαϊάνδρου πεδίου μέχρι τοῦ Σανδίου λόφου, ἐπιθεμένων τῶν Καρῶν καὶ Ἀνευιτῶν, αὐτὸς τε διαφθειρεται καὶ τῆς στρατίας πολλοί“.

²⁾ A. Forbiger, Handbuch d. alten Geographie. II, p. 206, Anm. 94: „Eines Hügels Σάνδιος λόφος im Gefilde des Mäander gedenkt Thuc. 3, 19“.

³⁾ Срв. въ надписи нв. 34, 35: „ὡς μὲν Σάριοι ποταγοῦσονται, ἀπὸ τῶν κατὰ Σανιδαίαν τόπων, ὡς δὲ Πριανεῖς, ἀπὸ Θίνυχου πάρου“. Слѣд. Сандія такъ же, какъ и Сандіи, холмъ.

какъ граница шла по тому же склону, а не по южному, на которомъ стояла Принна.

Какая рѣка разумѣется въ ч. 36 надписи? Думаемъ, что ни Меандръ, ни Гесонъ, на берегахъ котораго лежала Принна, сюда не подходятъ; это была, какъ можно предполагать, одна изъ тѣхъ незначительныхъ береговыхъ рѣчекъ, которыя текутъ по сѣверному склону Микальскаго хребта.

Для того, чтобы съ большою увѣренностью построить гипотезу о томъ, какъ шли границы, необходимо было бы ознакомиться съ тѣми мѣстностями, по которымъ онѣ могли проходить.

Подведемъ итогъ заключеніямъ, къ которымъ приводитъ изученіе родосскихъ надписей о спорахъ самосцевъ и принцевъ, отгннвъ въ нихъ несомнѣнное отъ приблизительно лишь вѣрнаго и гипотетичнаго. Приблизительно черезъ 30 лѣтъ послѣ разбирательства дѣла о Ватинитѣ (въ царствованіе Антіоха II) между самосцами и принцами зашли споры о пограничныхъ захватахъ и въ царствованіе того же Сирійскаго царя повторились еще разъ. Послѣ его смерти опять возникли недоразумѣнія, и дѣло было перенесено на судъ Антіоха (вѣроятно, Іерака), ставленника Птолемея III. Это было приблизительно въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 30-хъ гг. III вѣка до Р. X. Нѣсколько времени спустя послѣ суда предъ лицомъ Лагидова ставленника, приблизительно въ 20-хъ гг. III в., споръ между самосцами и принцами зашелъ уже не о тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ они спорили раньше, а о Каріѣ съ окрестною страной и о какой-то неизвѣстной и въ надписи не назчанной крѣпости, которая есть, по всей вѣроятности, не что иное, какъ Карій. Дѣло о послѣднемъ родосцы разбирали не менѣе двухъ разъ. Въ первый разъ навѣрное, во второй вѣроятно ¹⁾ они присудили его принцамъ; крѣпость была присуждена также принцамъ. Родосцы, не ограничившись однимъ лишь приговоромъ, приняли самое дѣятельное участіе въ размежеваніи спорныхъ земель.

Выборъ тѣхъ или другихъ судей самосцами и принцами для прекращенія пограничныхъ споровъ не былъ случайнымъ: дѣло обыкновенно переносилось на судъ того, авторитетъ власти котораго былъ

¹⁾ „Вѣроятно“, если отрицать тождественность Карія и крѣпости, „навѣрно“, если ее признавать.

наиболѣе значителенъ въ извѣстное время. Усиливается вліяніе Лисимаха въ Малой Азіи—самосцы и принцы къ нему, а не къ кому-либо другому обращаются съ просьбой разсудить ихъ; наибольшимъ авторитетомъ пользуется Лагидъ,—къ его ставленнику и переносится на рѣшеніе спорное дѣло; не миновало послѣднее и суда родосцевъ, когда въ 20-хъ годахъ III вѣка родосская морская полетія достигла разцвѣта своихъ силъ и приобрѣла властный голосъ въ общегреческихъ дѣлахъ. Поливій, разказывая про Византійскую войну, влагасть въ уста всѣхъ греческихъ морскихъ государствъ мысль, что родосцы „главенствуютъ надъ моремъ“. Отсюда понятно, почему враждующія стороны въ это время обратились къ нимъ за рѣшеніемъ своихъ недоразумѣній.

С. Селлвановъ.

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ КАТУЛЛУ ¹⁾.

III.

Ad c. 5, 4.

Множ. число *soles* въ стихѣ: *soles occidere et redire possunt* комментаторы признають употребленнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ въ с. 8, 3: *fulgere quondam candidi tibi soles*, то-есть, въ смыслѣ „дни“. Метонимическое употребленіе слова *sol* въ значеніи „день“ встрѣчается у поэтовъ не рѣдко, какъ въ ед. ч., напримѣръ, Ног. *sal.* 1, 9, 72: *huncine solem tam nigrum surrexe mihi*; *id.* с. 4, 2, 46: *o sol pulcher*, такъ и во множ. числѣ, напримѣръ, Verg. *ocl.* 9, 52: *saere ego longos cantando puerum memini me condere soles*; Lucr. 6, 1216: *nes tamen omnino temere illis solibus ulla comparebat avis, nes noctibus saecula ferasum exhibant silvis*. Тѣмъ не менѣе въ 5-мъ стихотвореніи Катутла такое толкованіе положительно неудовлетворительно, такъ какъ также и по возрѣніямъ древнихъ „закатившійся“ (*occidere*) день никогда больше не возвращался (*redire*), а, напротивъ, на смѣну ему являлся совершенно новый день; ср. хотя бы, напримѣръ, Гораціево: *garit hoga diem*. Слѣдовательно, въ указанномъ мѣстѣ у Катутла рѣчь можетъ идти не о днѣ, а только о солнцѣ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оно дѣйствительно и заходитъ, и опять появляется вновь. Убѣжденіе же въ тождественности ежедневно восходящаго солнца и его единственности было у древнихъ столь прочно, что Цицеронъ (*n. d.* 3, 16, 54) производитъ даже самое слово *sol* отъ *solus*: *solem, quia solus esset, appellatum*, хотя

¹⁾ См. декабрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1889 г.

въ мѣологическомъ отношеніи приходится ему говорить тамъ же о *multi soles*.

Принимая такимъ образомъ *soles* въ с. 5 въ собственномъ смыслѣ и не имѣя основанія для реального объясненія этого множ. числа въ виду признанной въ древности единственности этого свѣтила, мы должны ограничиться исключительно грамматическими средствами. Съ этой точки зрѣнія можно бы принимать *soles* за *pluralis iterativus* о все повторяющихся появленіяхъ солнца, какъ, напримѣръ, Ног. с. 4, 7, 13: *damna tamen celeres reparant caelestia lunae* (явленіе это повторяется каждый мѣсяць); Verg. g. 1, 65: *glebasque iacentis pulverulenta coquat maturis solibus aestas* (о жарахъ, повторяющихся каждый день въ лѣтнюю пору). Однако въ такомъ случаѣ ожидалось бы у Катуллы просто: *soles occidunt et redeunt*, а не: *occidere et redire possunt*. Глаголь *possunt* получаетъ надлежащій смыслъ только въ томъ случаѣ, если принимать *soles* за обобщающее мн. число (*plur. generis*), встрѣчающееся какъ въ греческомъ и латинскомъ, такъ и санскритскомъ и славянскихъ языкахъ (вѣроятно, и въ другихъ индоевропейскихъ).

Употребленіе множ. числа для выраженія обобщенія — явленіе, безъ сомнѣнія, древнее, прямо вытекающее изъ предполагаемаго основнаго значенія множ. числа ¹⁾. Къ сожалѣнію, оно почти совсѣмъ не обследовано съ точки зрѣнія сравнительнаго синтаксиса, и даже историческая грамматика отдѣльныхъ языковъ до сихъ поръ мало обращала вниманіе на этотъ случай употребленія множ. числа, сѣшивая его съ другими. Только для русскаго языка (а отчасти и другихъ славянскихъ) можемъ указать на монографію проф. Потебни: „Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“ (отдѣльные оттиски изъ „Филолог. Зап.“, Воронежъ, 1888), который обособляетъ этотъ случай подъ названіемъ „гиперболическаго множ. числа“ (для нашего вопроса ср. особенно стр. 8 сл.). По латинскому языку,

¹⁾ *Joh. Schmidt* (Die pluralbildungen der indogerm. neutra, 1889) доказываетъ, что форма имен. (и вин.) множ. ч. среднего рода могла быть сперва еорномъ ед. ч. женскаго рода со значеніемъ собирательнымъ (ср. братья изъ братья = *fratres*). По его мнѣнію, касается это не только еормы на — а, но и всѣхъ остальныхъ способовъ образованія множ. числа среднего рода, такъ какъ тѣ же элементы встрѣчаются также и въ образованіи ед. ч. женскаго рода (ср., напримѣръ, лат. *quae* и *haec*). Впрочемъ также и сущескнъ множ. ч. мужскаго и женскаго рода — *es* можетъ находиться въ генетической связи съ сущескнъ ед. ч. среднего рода — *os* (на что указывалъ еще *Fr. Müller*, Grundriss, I, 177).

сколько мнѣ извѣстно, можно сослаться развѣ на диссертацию Шпитты (Spitta, *Quaestiones Vergilianae*. 1867), трактующую о множ. числѣ для обозначенія одного предмета у Виргилія, и Шмальца, который въ своей стилистикѣ (въ *Handbuch* — Ивана Мюллера), указывая еще на свою статью, посвященную этому вопросу, въ *Z. f. G. W.* 1881, стр. 121 и на программную работу Отта (1869), находитъ, однако, этотъ случай употребленія множ. числа страннымъ („auffällig“). А между тѣмъ онъ далеко не рѣдокъ даже и въ латинскомъ языкѣ, и притомъ какъ въ поэзи, такъ и въ прозѣ, и не только при названіяхъ лицъ (которые имѣетъ въ виду Шмальцъ), но и вещей. Яснѣе, однако, обнаруживается это значеніе по отношенію къ лицамъ. Такъ, напримѣръ, у Циц. (*Tusc.* 1, 2, 3) читаемъ: *honorem huic generi* (то-есть, *poetarum*) *non fuisse declarat oratio Catonis, in qua obiecit, ut probrum, M. Nobiliori, quod is in provinciam poetas duxisset;* къ этому затѣмъ Цицеронъ отъ себя прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: *duxerat autem consul ille in Aetoliam, ut scimus, Ennium.* Употребляя множ. число, Катонъ даетъ понять, что въ данномъ случаѣ онъ не имѣетъ въ виду личности самого Эннія, а только вообще его званіе, какъ поэта, при чемъ для него безразлично, какой это поэтъ, Энній ли или другой кто-нибудь. Другими словами, онъ не имѣлъ намѣренія упрекать Нобилиора въ томъ, что онъ взялъ съ собою какого-либо опредѣленнаго поэта, а только какого бы то ни было поэта вообще, при чемъ опять безразлично, будетъ ли это одно только лицо, или нѣсколько. Для Катона Энній оказывается лишь случайнымъ представителемъ цѣлаго разряда людей (ср. *huic generi*), и поэтому, обобщая свою мысль, онъ говоритъ, что Нобилиору вообще не слѣдовало брать съ собою никакихъ поэтовъ.

Въ прозѣ въ этомъ обобщающемъ смыслѣ встрѣчается особенно часто слово *liberi*, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовало отсутствіе соответствующаго ед. числа. Геллій въ главѣ (2, 3), озаглавленной „*liberos in multitudinis numero etiam unum filium fillamve veteres dixisse*“, приводитъ примѣръ изъ анналовъ Семпронія Азелліона, замѣтивъ, что это же самое онъ встрѣчалъ неоднократно *in complurium veterum liberis*. Оно читается нерѣдко даже у представителей классической прозы, напримѣръ, у Циц. *Cat.* 1, 2, 4: *occisus est cum liberis M. Fulvius* (объ одномъ сынѣ); *id. Man.* 12, 33: *ex Miseno eius liberos a praedonibus esse sublato* (объ одной дочери); у Лив., напримѣръ, 1, 53, 10: *Gabini vetant (Sex. Tarquinium) mirari, si qualis (rex) in cives, qualis in socios, talis ad ultimum in liberos*

esset (подразумѣвается одинъ только Секстъ). Подобнымъ образомъ Sall. Jug. 10, 8: *enitimi, ne ego meliores liberos sumpsisse* (подразумѣвается Югурта) *videar, quam genuisse*. Для Тацита ср. A. 1, 42; 2, 71. Такое употребленіе слова *liberi* встрѣчается еще въ древней латини, напримѣръ, Ter. Heaut. 151: *ingenio te esse in liberos leni puto* (говорить Хреметъ по отношенію къ одному сыну Менедема, характеризирова этимъ вообще отцовскіе распоряженія послѣдняго); *id. Andr. 890: domus, uxor, liberi inventi invito patre* (по отношенію къ одному только ребенку).

Изъ другихъ выраженій этого рода указываемъ для примѣра Pl. Amph. 353: *at nunc abi sane, advenisse familiares dicito* (говорить Созиъ про себя самого; ср. русское „доложи, что пришли гости“); Ter. Heaut. 299: *quom eius tam negleguntur internuntii* (объ одной служанкѣ—*una ancillula* въ ст. 293). Особенно часто встрѣчается это у поэтовъ Августова вѣка, не только у Вергилія (ср., напримѣръ, A. 10, 79; 7, 98; 12, 658; 8, 379), но и у Овидія, напримѣръ, Met. 15, 61: *Pythagoras fugerat una et Samon et dominos* (касается одного Поликрата); 13, 320: *Philocteten vates delenda ad Pergama poscunt* (объ одномъ Еленѣ) и др. Съ первымъ мѣстомъ изъ Овидія ср. Nер. 16, 5, 2: *persuasit Thebanis, ut tyranos expellerent* (касается собственно только одного Александра).

Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ употребленія множ. числа устраняется индивидуальность лица и выставляется на видъ одна только принадлежность его къ тому разряду людей, который обозначается словами: *poetae, liberi, internuntii, domini* и пр. Конечно, вездѣ можно было бы употребить и ед. число; однако множ. число, обобщая мысль, оказывается нерѣдко оборотомъ болѣе сильнымъ и выразительнымъ. Обобщающій смыслъ множ. числа, безъ особенной выразительности, съ однимъ только отглагольнымъ неопредѣленности, обнаруживается въ вопросахъ, при чемъ множ. число можетъ даже прямо противоположаться ед. числу, какъ выраженію индивидуальной опредѣленности. Такъ, напримѣръ, у Плавта (Men. 320) на вопросъ, *Satin hoc tribus vobis opsonatumst, tibi et parasito et multeri?* удивленный Менехмъ II, не понимая, въ чемъ дѣло, возражаетъ: *quas mulieres, quos tu parasitos loquere?* Такое же множ. число въ вопросѣ читается Truc. 546: *quos tu mihi luscos libertos, quos Summanos somnias?* (возраженія на слова: *Lusco liberto tuo: is Summanum se vocari dixit: et reddidi*).

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко убѣдиться, что употребленіе

этого рода множ. числа никоимъ образомъ не можетъ быть названо страннымъ. Смыслъ его вездѣ ясенъ и примѣненіе его вполне понятно.

Менѣе ясно во многихъ случаяхъ употребленіе обобщающаго множ. числа при названіяхъ вещей. Въ этомъ отношеніи поучительны прежде всего такіе примѣры, въ которыхъ названія лицъ группируются съ названіями вещей; на примѣръ, *Ter. Ad. 907*: Демеа спрашиваетъ: *quorū domum uxorem accersis?* На это отвѣчаетъ Эскинъ: *supra, verum hoc mihi morae est, tibicina et hymenaeum qui cantent.* Демеа, однако, возражаетъ: *missa haec facis, hymenaeum, turbas, lampadas, tibicinas,* и подаетъ ему затѣмъ совѣтъ, какъ избавиться отъ свадебной процессіи. Въ этомъ контекстѣ *turbas=turbam*, и обозначаетъ шумную толпу вѣважъ, которые вообще любятъ собираться при подобныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ множ. числомъ обобщается это понятіе совершенно такъ, какъ при *tibicinas* въ сравненіи съ *tibicina* въ отвѣтѣ Эскина. Такое же сочетаніе обобщающаго множ. числа при названіяхъ лицъ и вещей имѣемъ у Циц. *Mil. 77, 17*: *aut eo mors atrocior erit P. Clodii, quod is in monumentis maiorum suorum sit interfectus,* при чемъ подъ *monumenta* подразумѣвается *via Appia*, а подъ *maiores*—строитель этой дороги, *Appius Claudius Caecus*. Оба эти примѣра принадлежатъ къ разряду обобщающаго множ. числа; тѣмъ не менѣе есть между ними и нѣкоторое различіе. Между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ индивидуальное обозначеніе (*via Appia, Appius Claudius Caecus*) замѣнено болѣе общимъ выраженіемъ (*monumenta, maiores*) ради выразительности, въ первомъ, напротивъ, единственное число нарицательнаго имени, могущее имѣть какъ родовое, такъ и индивидуальное значеніе, замѣнено множественнымъ, ради устраненія представленія объ индивидуальности и достиженія обобщающей неопредѣленности. Послѣдній оттѣнокъ значенія особенно рельефно выступаетъ въ гом. описаніи типическаго изображенія на щитѣ Ахилла свадебнаго пиршества (18, 491 сл.), которое и приводимъ для сравненія: *ἐν τῇ μὲν ῥὰ γάμοι τῆσαν εἰλακίνας τε, νόμφας δ' ἐκ θαλάμων δαΐδων ἐπο λαμπρανάων ἠγίνας ἀνὰ ἄστο.* Изображена была, безъ сомнѣнія, одна свадьба съ одною невѣстой; однако это была не какая-либо опредѣленная свадьба, а лишь типъ свадьбы, какъ она происходила вообще, то-есть, въ этомъ изображеніи отражалась всякая свадьба или, иначе говоря, всѣ свадьбы, вѣзтыя вмѣстѣ (=γάμοι), равно какъ и всякая невѣста и, слѣдовательно, всѣ вообще невѣсты (=νόμφας) и пр. Обобщающее множ. число при названіяхъ вещей заключаетъ въ себѣ то тоть, то другой оттѣнокъ. Будучи же употреблено по отношенію къ

индивидуальному случаю, оно указываетъ, что въ данный моментъ для говорящаго эта индивидуальность есть нѣчто второстепенное, то-есть, что онъ, говоря, напримѣръ, о гротѣ Полифема, не имѣетъ надобности отчеканивать то обстоятельство, что это именно гротъ Полифема, а не какой-либо другой гротъ, а напротивъ только то, что это гротъ, а не что-либо другое (напримѣръ, корабль). Также точно въ выраженіи: *in monumentis talogum suorum* дѣло не въ томъ, что это именно *via Arria*, а что это вообще нѣчто такое, что сохраняетъ память о предкѣ Клавдія, равно какъ и по отношенію къ послѣднему важно не то, что это былъ именно *Arrius Claudius Caecus*, а лишь то, что это былъ одинъ изъ предковъ Клодія.

Употребленіе этого множ. числа принимаетъ еще у Гомера во многихъ случаяхъ чисто шаблонный характеръ. Тѣмъ не менѣе мы вправѣ искать въ основаніи употребленія многихъ изъ этихъ типическихъ выраженій тотъ или другой отгѣнокъ обобщенія ¹⁾). Шаблонное употребленіе множ. числа приняло значительные размѣры особенно у Виргилія (и по его примѣру у другихъ поэтовъ Августова вѣка), по видимому, подъ вліяніемъ подобныхъ случаевъ у Гомера. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, употребленіе множ. числа въ приложеніи къ существительному ед. числа, напримѣръ, II. 20, 268: *χρῶσθ' ἄρ' ἐρύχακ'ε, δῶρα θεοῖο*. Множ. число *δῶρα* имѣетъ въ этомъ приложеніи такое же обобщающее значеніе; какъ и нѣсколько раньше (*ib.* 265): *νήπιος, οὐδ' ἐνόησε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν, ὡς οὐ ῥήϊδι' ἐστὶ θεῶν ἐρύχιδ'εα δῶρα ἀνδράσι γ'ε θυητοῖσι δαμῆμενα*. Дѣло не спеціально въ этомъ подаркѣ, а лишь вообще въ томъ, что это не простой подарокъ, а подарокъ божества. Для лат. языка ср. Verg. Aen. 8,729: *clipeum, dona parentis*; Ov. Met. 15,163; Stat. Th. 8,729; Tac. A. 3,72: *basilicam Paulli, Aemilia monumenta, ornavit* и др.

¹⁾ Замѣтная склонность къ шаблонному употребленію множ. числа вѣсто единственнаго какъ разъ при сущ. среднего рода (ср. *λίχτρα, μέγαρα, κάρηνα, μέτωπα, πρόσωπα, στήρνα, μετάρρηνα, νῶτα, στόματα, στήθη* и др.; *colla, corda, ora, resora, tempora, terga, tecta, limina, litora* и др.) можетъ основываться на такой же традиціи въ языкѣ, какъ и употребленіе глагольного сказуемаго въ ед. числѣ въ связи съ существительнымъ множ. числа среднего рода (между тѣмъ какъ прилагательное, конечно, „согласуется“). Не лишнее упомянуть, что лат. *litora* употребляется такимъ образомъ также и въ прозѣ, напримѣръ, Caes. b. c. 2, 26, 4: *quod se per litora celeriter in oppidum recessit*. Объясненіе посредствомъ указыванія на множественность составныхъ частей въ большинствѣ этихъ случаевъ не обходится безъ сильной натяжки.

Примѣры явнаго (не шаблоннаго) обобщенія посредствомъ множ. числа встрѣчаются также у Катутла. Сюда принадлежитъ с. 44, 9, гдѣ поэтъ жалуется на то, что онъ схватилъ простудный насморкъ кашель какъ разъ въ то время, когда собирался принять участіе въ роскошномъ пиршествѣ: *dum sumptuosas arreto cenas*. Какое то было пиршество, изъясняется въ слѣдующемъ стихѣ: *Sestianus um volo esse conviva*. Дѣло, такимъ образомъ, касается только одного опредѣленнаго обѣда у Сестія; тѣмъ не менѣе поэтъ, желая тѣмѣтить лишь вообще качество обѣда, обобщаетъ свою мысль какимъ же образомъ, какъ и Катонъ (1. с.), употребившій множ. число *praeae* объ одномъ Энійѣ. Такого же рода множ. число въ с. 5, 9: *parva mei mihi sint cordi monumenta sodalis* (ср. выше *Cic. fil. 7, 17* и *Tac. A. 3, 72*): рѣчь идетъ объ одномъ эпилліѣ друга Катутла, Гельвія Цинны, подъ заглавіемъ *Zmugna*. Также точно въ с. 88, 2: *abiectis pervigilat tunicis* нѣтъ нужды думать непременно о нѣсколькихъ туникахъ, надѣваемыхъ одна на другую. Въ обобщающемъ смыслѣ употреблено нѣсколько разъ у Катутла слово *carmina*; такъ въ с. 64, 383 о пѣснѣ Паркъ; с. 65, 16: *mitto haec expressa ibi carmina Battiaadae*—касается слѣдующаго вслѣдъ за этимъ перелода Косы Вереники; с. 116, 2: *tibi carmina uti possem mittere Battiaadae*—можно понимать въ обобщающемъ смыслѣ о „какомъ-либо вообще стихотвореніи“ Каллимаха; сомнительно с. 61, 18: *purtialia carmina*. Далѣе можетъ относиться сюда с. 68, 10: *шинегаque et Musarum et Veneris*, такъ какъ нѣтъ необходимости думать (и даже мало вѣроятно), что онъ требовалъ отъ Катутла сразу цѣлой коллекціи, а скорѣе вообще только какую-либо эротическую пѣснь¹⁾; ср. *шинега* объ одномъ предметѣ у *Verg. Aen. 4, 263*. Такое же множ. число видимъ и въ с. 9, 5: *o mihi punitii beati* (см. ниже). Сомнительно, однако, можно ли сюда же причислять с. 97, 6 *gingivas* въ сравненіи съ с. 39, 19, гдѣ читается это слово въ ед. числѣ.

Своеобразный оттѣнокъ получаетъ это обобщающее значеніе множ. числа въ томъ случаѣ, если оно образовано отъ личнаго поимено-

¹⁾ Безспорно, самое простое и самое вѣроятное толкованіе словъ *Катутла* го, по которому слова *шинега et Musarum et Veneris* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ почтительнаго произведенія (*шинега Musarum*), написаннаго по поводу новыхъ побѣдъ, дарованныхъ поэту Венерой (*шинега Veneris*). Однако при данныхъ обстоятельствахъ онъ, не имѣя новаго матеріала для такихъ веселыхъ стиховъ, и не взявши съ собою прежнихъ сочиненій, посылаетъ своему другу эротическій с. 68, в.

ванія, которое въ требуемомъ смыслѣ указываетъ собственно только на одно какое-либо лицо, и притомъ достаточно извѣстное, преимущественно въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи. Напримѣръ, когда Цезарь у Циц. de or., разбирая вопросъ о веселомъ элементѣ вѣрѣчи, приводитъ для примѣра анекдотическія шутки разныхъ извѣстныхъ лицъ, то Антоній, отвѣчая ему, говоритъ (II, 71, 290): *non vereor, ne quis me in isto genere leviores iam putet, quoniam quidem tu Fabricios mihi auctores et Africanos, Maximos, Catones, Lepidos protulisti;* а между тѣмъ говорилъ онъ объ одномъ Фабриціи (§ 268), объ одномъ Лепидѣ (§ 287) и пр. Обобщая свою мысль, авторъ говоритъ: „такихъ людей, какъ Фабриціи“, „какъ Лепиды“ и пр. Или Verr. 5, 6, 14: *imperatorum cum Paullis, Scipionibus Mariis confegendum* и мн. др. Фабриціи, Маріи и пр. являются здѣсь представителями цѣлаго разряда лицъ, однако не тѣхъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ звали Фабриціями, Маріями и пр., а вообще всѣхъ такихъ, которые обладали тѣмъ же характеристическимъ признакомъ, какъ опредѣленный какой-либо Фабриціи, Маріи и пр. Признакъ этотъ можетъ быть самый разнообразный; такъ, въ первомъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ признакомъ этимъ служитъ представленіе „объ авторитетномъ, серьезномъ человѣкѣ“, во второмъ о „знаменитомъ полководцѣ“. Особенность этого случая обобщающаго множ. числа заключается, слѣдовательно, въ томъ, что вмѣсто нарицательнаго названія признака употребляется поименованіе лица, обладавшаго этимъ признакомъ, то-есть, на метафорѣ. Ибо если скажемъ: „это—настоящій Цицеронъ“, то имѣемъ передъ собою метафору, состоящую изъ сокращеннаго сравненія, если смыслъ этой фразы долженъ быть слѣдующій: „это такой превосходный ораторъ, какимъ былъ настоящій Цицеронъ“. Взявши затѣмъ имя Цицерона въ этомъ метафорическомъ значеніи и употребивши его во множ. числѣ для обозначенія всего класса превосходныхъ ораторовъ, мы получимъ рассматриваемое подраздѣленіе обобщающаго множ. числа, заключающее въ себѣ два разные момента 1) обобщеніе и 2) сравненіе. Въ объяснительномъ переводѣ такое множ. число можетъ быть передано посредствомъ оборота: „такіе люди, какъ—“. Для Катутла ср. с. 13, 18: *Caesios Aquinos, Suffenum, omnia colligam venena* (стихоплетовъ, въ родѣ Цезія и Аквина). Сюда же причисляемъ выраженіе Катутла: *Veneres Cupidinesque* въ с. 3, 1 (см. ниже).

Употребленіе этого метафорическаго обобщающаго множ. числа возможно также и при собственныхъ именахъ вещей. Такого рода

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (14-го декабря 1889 года). По проекту положенія о Турьинскомъ горномъ училищѣ. 8
2. (16-го декабря 1889 года). Объ учрежденіи при Волоколамскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ трехъ стипендій 6
3. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса нособій на содержание учебныхъ заведеній —

Министерскія распоряженія.

1. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи при Пензенской 2-й гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17-го октября 1888 г. 8
2. (26-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи Иркутскаго цеховаго Андрея Пономарева при Иркутской мужской гимназій. 9
3. (31-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ имени императрицы Екатерины II при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II. 11
4. (18-го февраля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени печерскаго мѣщанина Якова Герасимова Кузнецова при Псковскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ —

5. (30-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	19
6. (10-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени кахтинскаго 2-й гильдіи купца Левансія Антиповича Соломонова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	20
7. (27-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени графа Егора Францевича Канкринна въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ	—
8. (24-го февраля 1890 года). Положеніе о стипендіи имени генерала-маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Алексѣевскомъ Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ	21
9. (2-го марта 1890 года). Положеніе о капиталѣ „Повѣнецкаго уѣзднаго земства“ при Повѣнецкомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ	22
10. (2-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени начальницы Екатеринбургской Маріинской женской гимназіи Александры Акимовны Черновой при означенной гимназіи	23
11. (2-го марта 1890 года). Положеніе о трехъ стипендіяхъ при Тульскомъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года	24
12. (5-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго сына ротмистра Александра Николаевича Шугурова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	25
13. (5-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени отставнаго гвардіи капитана Сергія Павловича Гессе при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ	—
14. (5-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени отставнаго маіора Михаила Яковлевича Чадаева и жены его Ольги Захарьевны при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	26
15. (15-го марта 1890 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго ученика Александровской Серпуховской прогимназіи Кирилла Виборни при названной прогимназіи	27

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книжкѣ: „Курсъ русской грамматики. Часть I. Этимологія. Составилъ Всеволодъ Миропольскій. Изданіе 4-е.	12
О брошюрѣ: „Интересъ изученія древней литературы. Лекція Е. А. Богословскаго“.	—
О книгѣ: „Романы Валтера-Скотта. Томъ XI. Аббатъ. Изданіе книжнаго магазина П. В. Лукошкова“.	13
О книгѣ: „В. В. Чуйко. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Изданіе А. С. Суворина“.	—

О книгѣ: „За Вѣру, Царя и Отечество. Составилъ <i>И. Котомъ</i> “	13
Объ изданіи: „Scriptores latini cura <i>Volodimeri Graue</i> editi. P. Vergilii Maronis Aeneis, Libri VII—XII“	—
Объ изданіи: „Воевное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I. Составилъ <i>Отеланъ Цибульскій</i> “	—
О книжкѣ: „Краткій учебникъ географіи <i>Н. Равескаго</i> . I и II. Изданіе 8-е“	—
О книгѣ: „Exercices pratiques de grammaire. Lexicologie et Syntaxe, par <i>A. Horré et J. Dalloz</i> “	—
О книжкѣ: „Hilfsbüchlein für den Unterricht im Deutschen in der ersten russischen Vorbereitungsclassse der Petri-Paulischule“	14
О книгѣ: „Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ. Составилъ <i>Л. Миллеръ</i> . Часть III“	—
О книгѣ: „Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для перевода съ нѣмецкаго языка на русскій. Составилъ <i>Я. Штейнауеръ</i> “	—
О книгѣ: „Краткій учебникъ ботаники. <i>И. П. Бородина</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Учебникъ ботаники. Составилъ <i>М. Варавва</i> . Части I—II“	—
О книгѣ: „ <i>Н. А. Вармаховскій</i> . Определитель рыбъ бассейна рѣки Волги“	—
О книгѣ: „Русская народная музыка. Исслѣдованіе <i>И. П. Соколовскаго</i> “	15
О книгѣ: „Новыя врачебныя средства для врачей и аптекарей. Составилъ <i>М. Боголюбовъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи. Подъ редакціей профессора <i>Н. Я. Грота</i> . Годъ первый“	—
О книгѣ: „Очеркъ литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Кн. I. Составилъ <i>И. Гарусовъ</i> . Изданіе 2-е“	28
О книгѣ: „Произведенія <i>Деррида</i> . Переводъ <i>Е. С. Шнейдера</i> . Выпускъ II: Альцеста“	—
О книгахъ <i>Андріевича</i> : 1) „Исторія Сибири. Чч. I и II“, 2) „Сибирь въ XIX столѣтіи. Чч. I и II“, 3) „Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II. Ч. II“	—
О книгѣ: „Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе <i>Николая Ивановича Шишкина</i> “	—
О книгѣ: „Великіе и удѣльные князья Олверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238, по 1606 года. <i>А. В. Экземлярскаго</i> . Т. I. Изданіе графа <i>И. И. Толтаго</i> “	29
О книжкѣ: „Краткій курсъ географіи. Ч. I. Составилъ <i>А. Я. Гердь</i> “	—
О Тетради для записыванія уроковъ и справокъ. <i>Г. Подобы</i> . Изданіе 8-е	—
О книгѣ: „Исторія русской словесности. Составилъ <i>А. Галазовъ</i> . Изданіе 6-е“	29
О книгѣ: „Учебникъ по словесности. <i>Андрея Филонова</i> . Изданіе 6-е“	—
О книгѣ: „ <i>И. Омирновскій</i> . Учебникъ русской грамматики. Часть I. Этимологія. Изданіе 7-е“	—

О книгѣ: „Знаки препинанія (пунктуация) въ связи съ краткимъ ученіемъ о предложеніяхъ и другіе знаки въ русскомъ письменномъ языкѣ. Составилъ <i>А. Гусевъ</i> “	29
О книгѣ: „ <i>C. Julii Caesaris de bello gallico</i> . Составлена <i>Андреасъ Адольфомъ</i> “	30
О книгахъ <i>А. Н. Острогорскаго</i> : 1) „По бѣлу свѣду. Изданіе 2-е“, 2) „Альпійская горная область“, 3) „Восхожденіе Соссура на Монбланъ“	—
О книгѣ: „ <i>La bataille de Poltava et la captivité de Charles XII en Turquie (Extraits de l' Histoire de Charles XII, par Voltaire)</i> . Édition révisée et annotée à l'usage des classes supérieures, par <i>Louis Goerst</i> “	—
О книгѣ: „Жизнь и труды <i>М. П. Погодина</i> . <i>Николая Барукова</i> . Книга третья“	—
О еженедѣльной иллюстрированной газетѣ „Русское садоводство“ издаваемая <i>А. П. Гемиліаномъ</i>	—
О брошюрѣ: „Крестыианскій садъ. Сочиненіе <i>Эдмунда Янгокала</i> “	—

ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Составилъ <i>Д. Поповъ</i> . Третій годъ. Изданіе второе“	15
О книгѣ: „Бесѣды о вѣрѣхъ. <i>А. Н. Бекетова</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Прохожія. Святочный разказъ. Сочиненіе <i>Д. В. Григоревича</i> . Изданіе 4-е“	15
О книгѣ: „Младенчество Мити. Изъ журнала „Русскій Начальный Учитель“ за 1889 г.“	16
Объ иллюстрированномъ журналѣ: „Коричій“ за 1888 годъ	—
О книгѣ: „Изъ тьмы къ свѣту. Исторія мальчика-молокана. Повѣсть <i>В. П. Желиховской</i> “	—
О книгѣ: „Розанчикъ. Сказка <i>В. П. Желиховской</i> “	—
О книгѣ: „Среди цвѣтовъ. Разказы стараго садовника. По сочиненію <i>Эмиля Дебо</i> : „ <i>Le jardin de m-lle Jeanne</i> “ передѣлала <i>Анна Хобльсонъ</i> “	—
О книгѣ: „Задачи русской народной школы. <i>Н. Горбова</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>Ае: Ѡ. Соколовымъ</i> : 1) „Методическая грамматика“, 2) „Сборникъ диктантовъ“	—
Открытие училищъ	16 и 31

Второй дополнительный каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ домства министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній (съ 1886 по 1889 годъ включительно). 1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	СТРАН.
А. П. Веселовскій. Малкія замѣтки къ былинамъ	1
Е. В. Пѣтуховъ. Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и ли- тературной дѣятельности А. X. Востокова	56
И. П. Фидевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Вла- димірское наслѣдіе (окончаніе)	119
И. Н. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ	267
А. И. Кирьячниковъ. Особый видъ творчества въ древне-рус- ской литературѣ	306
М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра	314

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Биографія Александра Ивановича Кошелева. Изданіе О. Ф. Кошелевой. Т. I. М. 1889.	169
Н. И. Новосадскій. В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древ- ностей. С.-Пб. 1889	182
С. Д. Пташицкій. Н. Карнееъ. Польскія реформы XVIII вѣка. С.-Пб. 1890.	199
П. Ф. Симсонъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Н. Д. Чечулина. С.-Пб. 1889	204
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсукова. С.-Пб. 1890	233
П. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Urednik K. Нѣртманъ. Сарајево. 1889 (окончаніе)	239
П. А. В. Бѣлоруссія и Литва. П. Н. Вятюшкова. С.-Пб.	257
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. В. А. Вильбасовъ. Исторія Екате- рини П. Т. I. Екатерина до вѣнчанія (1729—1762). С.-Пб. 1890.	379
Э. Л. Радловъ. Русскія работы по исторіи греческой философіи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Сочиненія Н. В. Гоголя. Текстъ свѣренъ Николаемъ Тихонравовымъ. Томы I, III, IV и V. М. 1889	384
А. Д. Вейсманъ. Грамматическія наблюденія и критически- экзегетическія замѣтки С. Жданова. Москва и Кіевъ. 1889.	414
Ф. Д. Батюшковъ. Зачатки французской лирики	425
К. К. Сентъ-Илеръ. Задачи русской народной школы. Н. Гур- бова. М. 1887	457
Н. И. Карѣевъ. Замѣчанія на рецензію г. Пташицкаго	466
Книжныя новости	261 и 469

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи **Журналъ Министерства** за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

6021
6

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

1994

